

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2019. 54(4)
РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Редакционная коллегия:

А. А. Черкасов (г. Волгоград, Россия)
гл. редактор – д-р ист. наук

Е. Ф. Кринко (г. Ростов-на-Дону, Россия)
зам. гл. редактора – д-р ист. наук

С. И. Дегтярев (г. Сумы, Украина)
д-р ист. наук

В. Г. Иванцов (г. Сочи, Россия)
канд. ист. наук

Т. А. Магсумов (г. Набережные Челны,
Россия)
канд. ист. наук

Журнал включен в базу
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index.

Редакционный совет:

Д. Даровец (г. Венеция, Италия)

П. Джозефсон (г. Вотервилль, США)

Р. Марвик (г. Ньюкасл, Австралия)

Р. В. Метревели (г. Тбилиси, Грузия)

Б. Н. Миронов (г. Санкт-Петербург, Россия)

Дж. Санборн (Пенсильвания, США)

В. Сандерлэнд (г. Цинциннати, США)

С. Г. Суляк (г. Тирасполь, Молдавия)

С. Ф. Фоминых (г. Томск, Россия)

Г. Чжан (г. Чанчунь, Китай)

Ф. Б. Шенк (г. Базель, Швейцария)

М. Шмигель (г. Банска Быстрица, Словакия)

Учредитель – International Network Center for Fundamental and Applied Research, США
Издатель – Academic Publishing House Researcher s.r.o., Словакия

Адрес для писем:

831 04, Словакия, г. Братислава – Нове Место,
ул. Стара Вайнорска, 1367/4

Подписано в печать 01.12.2019 г.
Формат 21 × 29,7/4.

Заказ № 59.

Тел.: +421 940 136139 (Словакия)
Тел.: +7 918 2019719 (Россия)
E-mail: bylyegody.incfar@gmail.com
Сайт журнала: <http://ejournal52.com>

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

Редактор, корректор,
редактор-переводчик В.С. Молчанова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

На обложке слева направо:
Князь Владимир Мономах, в центре Император Николай I, княгиня Ольга
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и фотография из серии «Виды Российской империи»

BYLYE GODY. 2019. 54(4)
RUSSIAN HISTORICAL JOURNAL

Editorial Staff:

A. A. CHERKASOV (VOLGOGRAD, RUSSIA)
Editor in Chief – Dr. (History)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)
Deputy Editor in Chief – Dr. (History)

S. I. DEGTYAREV (SUMY, UKRAINE)
Dr. (History)

V. G. IVANTSOV (SOCHI, RUSSIA)
PhD (History)

T. A. MAGSUMOV (NABEREZHNYE CHELNY,
RUSSIA)
PhD (History)

This journal is listed in
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index.

Editorial Board:

D. DAROVEC (VENICE, ITALY)

S. F. FOMINYKH (TOMSK, RUSSIA)

P. JOSEPHSON (WATERTVILLE, USA)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

R. V. METREVELI (TBILISI, GEORGIA)

B. MIRONOV (ST. PETERSBURG, RUSSIA)

J. SANBORN (PENNSYLVANIA, USA)

F. B. SCHENK (BASEL, SWITZERLAND)

M. SMIGEL (BANSKA BYSTRICA, SLOVAKIA)

S.G. SULYAK (TIRASPOL, MOLDOVA)

W. SUNDERLAND (CINCINNATI, USA)

G. ZHANG (CHANGCHUN, CHINA)

Publisher – International Network Center for Fundamental and Applied Research, USA
Co-publisher – Academic Publishing House Researcher s.r.o., Slovak Republic

Postal Address:

1367/4, Stara Vajnorska str., Bratislava –
Nove Mesto, 831 04

Approved for printing 1.12.2019

Order № 59.

Тел.: +421 940 136139 (Slovak Republic)
Tel.: +7 918 2019719 (Russia)
E-mail: bylyegody.incfar@gmail.com
Website: <http://ejournal52.com>

Editor, Proofreader
editor-translator
V. S. MOLCHANOVA

Issued from 2006
Publication frequency – once in 3 months

Technical Editor, Electronic support by
N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:

Prince Vladimir Monomakh, the Emperor Nicholas I is in the centre, the Princess Olga
At the bottom of the cover page: Chernomorskaya Gubernia (Black Sea Province) emblem
and photo from the series «The views of the Russian Empire»

C O N T E N T S

ARTICLES

Traces of Islam-Arab and Turkic Cultures in the History of the Perm Orthodox Diocese in the XVII century O.N. Naumenko, E.A. Naumenko	1407
Porcelain and Faience in the Cultural Layer of the Town of Tara S.F. Tataurov, F.S. Tataurov	1418
Social Thought in Russia of Its Czarist-Era about the Place of Siberia in the State Structure of the Country L.F. Malyutina, D.N. Gergilev, A.G. Gryaznukhin, L.B. Zhabaeva	1429
Kazakh Steppe as a Historical Geographic Phenomenon in the Works of Russian Scientists of the XVIII century N.U. Shayakhmetov, G.T. Mominova, J.M. Omirbekova, A.A. Maibalaeva	1439
Buddhist Communities of Transbaikalia and the Lower Volga in the Confessional Policy of the Russian Empire M.S. Ulanov, V.N. Badmaev, A.A. Andreeva	1451
Kalmyks, Kazakhs and Kuban Nogais in the Campaign of 1738: One of the Little-Known Pages of the Russian-Turkish War of 1735–1739 V.T. Tepkeev	1459
Old Believers' Re-Emigration in 1750-ies in the South of Russia: the Struggle of Approaches in Legal Policy A.S. Ryazhev	1470
Middle Zhuz in the Period of the XVIII – beginning of the XIX century: Political Aspect of the Problem K.Zh. Nurbay, G.Zh. Zhuman	1479
The Officialdom of the Russian Empire: A Modern Historiography of the Issue. Part I A.E. Lebid, N.A. Shevchenko, O.E. Chuikov, V.A. Svechnikov	1490
Customs, Border and Quarantine Control Bodies of the Crimean Peninsula in the Late 18th – first half of the 19th century: Regulatory Framework and Personnel Structure N.D. Borshchik, E.V. Latysheva, D.A. Prohorov	1506
Components of the Intra-Noble Status (Analysis of the «Eight-Class» Nobility of the Kharkiv Governorship of 1786–1799) S.I. Degtyarev, M.A. Mikhaylichenko, L.G. Polyakova, J. Gut	1514
The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 2 V.S. Molchanova, L.L. Balanyuk, E.V. Vidishcheva, I.I. Potapova	1524
Elderly People in Siberia in the XIX – early XX centuries: Problems of Social Status and Main Directions of Public Charity in the "Open" Society A.S. Kovalev, N.R. Novosel'tsev, O.I. Savin, E.V. Savina	1537
The First Russian Mineralogist – Nikolai Ivanovich Koksharov (1818–1892) S.N. Rudnik, I.V. Voloshinova, A.B. Mokeev, A.I. Leyberov	1546
The Main Trends of Anglo-American Historiography on the Decembrist Movement M.S. Belousov, T.V. Lebenkova, D.B. Pushkina	1554

Development of the XIX century Anglican–Orthodox Dialogue in the Foreign Historiography Evaluation N.N. Poliakov, O.K. Mikhelson	1565
The Influence of the Natural Factor on the State Resettlement Policy in the Kalmyk Lands (1840s – 1870s) S.S. Belousov	1576
All-Russian Exhibition Horses in the Russian Empire (the second half of XIX – early XX centuries) D.A. Mel'nikova	1584
The French Colony and the Russian National Periphery in 1845 year: to the Issue of the Difference between the Principles of Imperial Governance D.V. Ovsjannikov	1594
Crockery of Faience and Porcelain of the Siberian Bukharans of the second half of the XIX – early XX centuries M.N. Tikhomirova, K.N. Tikhomirov	1603
Gasprinskii's Nation-Building Project through its Reflection in "The Perevodchik-Terjiman" Newspaper V.V. Tsibenko, N.Ye. Tikhonova	1613
The Evolution of Public Health during the Crimean War E.K. Sklyarova, Y.A. Sidorenko, A.V. Safronenko, E.N. Butova	1623
"Public Diplomacy" and the Construction of Foreign Stereotypes in the Russian and British Press in the second half of the XIX century E.A. Antyukhova, V.F. Blokhin, S.I. Kosarev	1632
The Church of England in the Russian Periodical Press (in the second half of the 19th – early 20th century) T.V. Chumakova, M.S. Stetkevich, E.S. Stetkevich	1639
Orenburg-Tashkent Railway and the Kazakh Society at the turn of the XIX–XX centuries (on the example of the Turgai region) G.B. Izbassarova	1647
The Last Frontier of the Empire: the Eastern Pamirs in Russian Border Culture V.A. Shorokhov, A.A. Andreev, D.G. Yanchenko	1656
Practices of Economic Modernization of Large Landowners in the Tambov Province in the late XIX – early XX century R.M. Zhitin, A. G. Topilsky	1670
Zemstvo and Court of Peace in Russia: Public Authority at Local Level L.E. Lapteva, M.V. Nemytina, T.Ts. Mikheeva	1679
Forgotten Researcher of the Don Economy: Economic and Political Motives in the Late Books of N.I. Krasnov A.Y. Peretyatko	1692
Features of the Organization and Functioning of the Court in the Russian Province in the late XIX – early XX centuries: on the Materials of the Arkhangelsk Province M.Yu. Kuprikov, N.M. Kuprikov, O.V. Minchuk	1704
Interpreter-Kalmyks in Public Service of the Russian Empire: Social Status and Limits of Career Development I.V. Lidzhieva, E.N. Badmaeva	1716
Leisure of Rostov-on-Don Citizens in the late XIX – early XX century M.V. Bratolyubova, I.G. Brizgalova, M.A. Ponomareva	1726

Historical Experience in Dealing with Epidemics in the Yenisei Province in the late XIX – early XX centuries L.E. Marinenko, T.A. Kattsina, I.S. Karabulatova, L.E. Mezit	1737
The Question of the Reliability of the Muslim Educational Institutions of the Turkestan Region in the Reports of the Official of Special Assignments of the Ministry of Internal Affairs L. Naumov Yu. A. Lysenko	1745
The Akhal-Teke Expeditions of 1879–1881 years: Historical and Statistical Study. Part 2 T.A. Magsumov, M.S. Nizamova, M.A. Ponomareva, R.M. Allalyev	1754
The Cossack Region of Russia in the Characteristics of Russian Travelers of the Modern Era N.A. Mininkov, L.V. Mininkova	1761
Development of Public Life of the West Siberian Region at the end of XIX – the beginning of the XX centuries (According to Confidential Reports of Police Officers) A.B. Khramtsov	1772
Deviant Behavior among the Peasants of the Russian Empire in the Post-reform Period Z.A. Medvedeva, O.E. Vaskina, E.A. Panasenko	1780
Formation of Theatrical Infrastructure in the Cities of the Eastern Black Sea Region in the late XIX – early XX century S.N. Ktitorov, O.V. Ktitorova, O.G. Karapkova	1789
Pilgrimage Icon of the Russian Northern Monastery as a Historical and Cultural Source N. Shamardina	1799
Traditions of Art of Old Believers of the Volga and Vyatka Region at the turn of the 19 th – 20 th centuries in the Historical and Cultural Context of Modernization E.V. Bykova, K.N. Tarasov	1811
Some Aspects of Russian-Chinese Relations in the second half of the XIX century. Part 2 V.B. Karataev, L.V. Shkvarya, M.A. Seliverstova, M.V. Melan'ina	1820
Annual Reviews of the Kutaisi Province as a Historical Source for the Study of the Pre-revolutionary Judicial System of the early XX century I.V. Zozulya, L.P. Ermolenko, M.E. Kolesnikova	1832
"Light Cavalry" of the Russian-Japanese War: on the Balance of Forces and Characteristics of Light (Armored) Cruisers of the Russian and Japanese Fleets. Russian Light Cruisers A.M. Mamadaliev, A.V. Venkov, I.A. Ermachkov, A. Médico	1842
Peasantry in Vies of the Liberal Community of the Russian Province in the early XXth century (Based on Materials of the Central Black Earth Provinces) O.V. Bakulina, M.Y. Semenov, I.V. Kuznetsova	1862
"Our Shah is the Russian Emperor": the Little-Known Pages of the Persian Revolution of 1905–1911. Part 2 T. Gao, A.A. Cherkasov, S.N. Bratanovskii, N. Ter-Oganov	1870
The 1911 Crisis at Provincial Universities E.A. Rostovtsev, D.A. Barinov, I.V. Sidorchuk	1877
Socio-Political Situation in the Russian Empire at the beginning of the 20th century in Anonymous Reports of Citizens in the Moscow Security Department (1912–1913 years) A.V. Fedyakina, A.S. Semchenkov, S.V. Medvedev, P.Ja. Feldman	1887
Steamers of the Izhevsk Plants during WW1 N.W. Mitiukov, S.L. Bautina, A.N. Loshkarev, Y.N. Makarov	1896

The Russian-Romanian Diplomatic Negotiations between 1914 and 1916
for Romania's Entry into the First World War

S. Arhire	1907
Socio-Cultural Space of the South Russian City during the beginning of the Great War (based on materials from Tsaritsyn's Newspapers)	
E.Y. Leontyeva, I.N. Bogdanova, A.V. Bedrik	1918
Russian Historical Journal "Bylye Gody" publications for 2019	1927

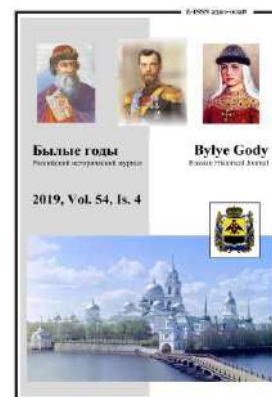
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1408-1417. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1408
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

ARTICLES

Traces of Islam-Arab and Turkic Cultures in the History of the Perm Orthodox Diocese in the XVII century

Olga N. Naumenko ^{a, *}, Evgeny A. Naumenko ^a

^aYugra State University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes several Orthodox sources of the XVII century, created in the Urals in the Perm Orthodox diocese: the text of the sermons "Statyr", elements of the priest's clothing, more than 100 icons and samples of Orthodox sculpture from the Perm state art gallery and the current Church of Praise of the Virgin, that has an iconostasis of the XVII century. The authors pay attention to the text of the sermons, which clearly indicates the images of Islam: it is a negative image of a pig; the names of God, corresponding to the names of Allah; some subjects close to the Koran, etc. This phenomenon corresponds to the order (sleeve) of an Orthodox priest, the images on which include elements of the Arabic language and an ornament of Turkic tulips; the crosses and other Christian elements on it are absent. The authors refer this exhibit to a group of similar controversial subjects: the Monomakh's Hat, the Helmet of Ivan the Terrible, Russian weapons with Arabic symbols, etc. Among the analyzed icons are two images of Archdeacon Philip in Tatar clothes, as well as icons with green faces of Jesus Christ and the Virgin. The search for analogues led the authors to the art of Byzantium and the work of Andrei Rublev, which showed that such icons were created in similar political conditions, when the Orthodox state had the opportunity to strengthen missionary activity on the Genghisids and Ottomans. The authors come to the conclusion that the Ural exhibits could not appear exclusively for missionary work among Muslims. They reflect the religious situation in Perm the Great in the XVII century, when the population of different ethnic groups were familiar with Islam.

Keywords: Perm diocese, Orthodoxy, Christianity, sermon, "Statyr", Arabic graphics, Islam, Turkic culture, icon, mandate, Ural, Romanovs, XVII century.

1. Введение

Духовное наследие Русской православной церкви включает историю межконфессионального взаимодействия, отдельные страницы которого являются предметом научного спора. Одна из таких проблем – степень влияния ислама на православное государство: использование арабского языка в христианских текстах, восточные узоры в русском православном искусстве и др. Влияние на христианскую традицию России элементов арабо-тюркско-мусульманской культуры обнаружено лишь в европейской части страны; поиск аналогов на территории Сибири пока к успеху не привел, а в сохранившихся образцах с Урала «арабская» тенденция выражена исключительно в XVII в.: ни предыдущие, ни последующие периоды ее не отразили. Такая закономерность вызвала ряд вопросов о религиозной политике первых Романовых, о восприятии Русской православной церковью тюркско-арабской культуры и в итоге – об особенностях Российского государства XVII в.

* Corresponding author

E-mail addresses: oolgann@mail.ru (O.N. Naumenko), hea2004@mail.ru (E.A. Naumenko)

Цель статьи: определить причины и проанализировать степень использования образов и цветовой гаммы ислама Русской православной церковью на Урале в XVII столетии на примере Пермской епархии.

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования включает две группы.

1) Письменные источники: а) «Статир» – уникальный документ XVII в. авторства священника Потапа Прокофьева, содержащий текст проповедей и описание повседневной и духовной жизни населения Пермской епархии; хранится в Российской государственной библиотеке, частично опубликован пермскими краеведами (*Рукопись..., 2011*); б) Строгановский иконописный подлинник, который описывал каноны изображений и использовался религиозными живописцами на Урале в XVII в.; оригинал документа утерян, и в качестве источника в статье используется сохранившаяся в Санкт-Петербурге копия (*Строгановский, 1869*).

2) Изображения на предметах православного культа, созданные в Пермской епархии в XVII в. и содержащие элементы арабо-мусульманской и тюркской культур. Это часть одеяния священника («поруч» – нарукавник) с тюркско-арабскими орнаментами (*Рис. 1*) и иконы с нестандартной для христианства цветовой гаммой (*Рис. 3* и др.) из фондов Пермской государственной художественной галереи. Часть таких икон сохранилась в действующей церкви Похвалы Богородицы в г. Орел Пермского края (*Рис. 2*), куда в XVIII в. был перенесен иконостас разрушившейся церкви XVII в., в которой читал проповеди автор «Статира».

В качестве методологической основы статьи использована теория культурного фронта (*Turner, 1962*). Подвижность фронта как неустойчивой границы между традиционной и воздействующей на нее культурой зависела от множества факторов: позиции государственной власти, этно-конфессионального состава предполагаемой паствы, ее численности и степени приверженности своей религии и др. Население Перми Великой находилось под влиянием, с одной стороны, мусульманской Волжской Булгарии, с другой – православного Российского государства, что сформировало прочную систему межкультурной коммуникации: в частности, на территории Рождественского археологического комплекса выявлены следы язычества, христианства и ислама в рамках одного многовекового поселения, причем без признаков межконфессиональной вражды (*Лаптева и др., 2016*). Такая практика содействовала культурным заимствованиям (*Tkachev et al., 2018*) и создавала условия для использования образов ислама в православном миссионерском искусстве.

Среди методов исследования использованы: 1) сравнительно-исторический: сопоставление символики на исследуемых объектах, а также сравнительно-хронологический анализ письменных и иконографических источников, что позволило определить особенности XVII столетия в истории православной церкви Урала; 2) количественный анализ: выявление количества предметов культа, выполненных с нестандартным подходом к православным канонам, что позволило создать сводную таблицу по разным векам, иллюстрирующую масштаб использования образов ислама в политике Пермской епархии.

3. Обсуждение

Проблема образов и цветовой гаммы ислама в деятельности Русской православной церкви на Урале пока не стала предметом интереса ученых: научных публикаций нет. Изданные к настоящему моменту работы, наиболее близко относящиеся к теме данной статьи, можно разделить на две группы. Первая – объединяет научные исследования коллекций с арабской символикой, хранящихся в музеях Московского Кремля (*Зайцев и др., 2010; Орленко, 2018; Vernadsky, 1953* и др.). Наибольшие споры вызывает шапка Мономаха и шлем Ивана Грозного, арабские символы на котором переводятся как «Аллах Мухаммед» (*Богатырев, 2011; Валеева-Сулейманова, 2008; Горелик, 2014; Жилина, 2001; Игина, 2014* и др.). Научные мнения отражают три направления: 1) воздействие Золотой Орды; 2) влияние Византии, в культуре которой также присутствовали восточные элементы; 3) заимствование арабизмов, сформировавшихся в ранних формах христианства в условиях мусульманского завоевания (*Христиане..., 2019*).

Вторая группа исследований касается истории миссионерской деятельности Пермской епархии (*Котылев, 2013; Мацук, 2012; Чагин, 2011* и др.). В связи с гибелью архивных документов по XVII в. этот период практически не изучен, а опубликованные работы характеризуют другие исторические эпохи. Предыдущие публикации авторов статьи затрагивали вопросы исламских заимствований в христианской культуре Западной Сибири (*Bortnikova et al., 2016; Naumenko et al., 2016*), но речь шла о религиозном синкретизме, а не о сознательном использовании образов ислама для выполнения определенной цели. В целом задачи, отраженные в исследовании, в современной историографии пока не ставились.

4. Результаты

Для московских князей и Российского государства Пермь Великая исторически была стратегической территорией: там добывалась руда и соль, через Урал в казну поступала пушнина; из Перми Великой, управляемой Строгановыми, свой поход в Сибирь начал Ермак и т.д. Свобода миссионерской деятельности Пермской епархии и ее главного звена – Иоанно-Богословского монастыря в Чердыни – была закреплена в 1580 г. Жалованной грамотой Ивана IV, который разрешил при исполнении православного культа частично использовать местные обычаи. Эта грамота подписывалась всеми великими князьями, вступавшими на российский престол, в том числе первым Романовым. Михаил Федорович был единственным из российских царей, который подписал Жалованную грамоту дважды – в 1615 и 1624 гг. (Чагин, 2011: 13). Однако царь Алексей Михайлович этот документ отклонил, а церковная реформа Никона прервала процесс слияния с христианством языческих и мусульманских норм, наблюдавшийся в регионе. Тем не менее, XVII в. оставил редчайшие образцы религиозной культуры православного Российского государства.

Прежде всего обратимся к тексту «Статира». Он был создан автором в 1683–1684 гг., когда реформа Никона завершилась. Идея создания сборника проповедей родилась в условиях, когда готовые (единые) тексты С. Полоцкого, Златоуста и других святых не привлекали прихожан: «Люди меня не слушали, – пишет автор "Статира". – Ибо весьма препросты жители страны сей, в которой Бог привел жить мне» (Рукопись..., 2011: 377-378). Кроме этого, в «Статире» содержится прямое обращение протоппа Потапа к прихожанам: «Буду... обличать ваши непристойные и душепагубные обычаи» (Рукопись..., 2011: 437) – некоторые из них были ранее разрешены Жалованной грамотой. Хотя «Статир» создавался в новых политических условиях, но даже в нем автору не удалось полностью преодолеть магометанские представления, существовавшие в сознании и культуре его прихожан.

В частности, достаточно интересно протопп Потап соотносит пьяного со свиньей – «грязным животным», пытаясь у слушателей вызвать максимально негативные эмоции, при этом интерпретация образов сделана в соответствии с исламом: «Из человека свинью делает пьянство, и даже хуже свиньи. Это животное не так любит ходить по лугу и питаться разными плодами, как валяться в тине и обжираться нечистотами. Так и пьяница никак не хочет обращаться с хорошими людьми, разделять с ними трапезу по обычаю христианскому, он любит проводить время в корчемницах, в обществе с гнуснейшими тварями; здесь он ест и пьет и в тине греховной валяется; не мила ему и законная добрая жена его; он променяет ее на бесстыдных и грязных женщин. Разве такой не хуже свиньи?.. Свинья по природе любит всякую грязь, и пьяница добровольно предается такому безобразию и неистовству. Все члены, и глаза, и уши, и ноздри свои – все он сделал вместилищем смрада и мокрот зловонных...» и т.д. В конце проповеди протопп Потап заключает, что ему стыдно в Храме Господнем говорить об этом «сраме», включая свиней, но он вынужден это делать (Рукопись..., 2011: 459).

Автор «Статира» своеобразно использует в тексте имена Бога. Их количество в проповедях разнообразно, и протопп редко повторяется: «Премудрый», «Милосердный», «Чудный», «Вечный», «Совершенный», «Пречистый», «Безгрешный», «Преблагий» и т.д. (Рукопись..., 2011: 388, 389, 391, 394, 453, 463). Такое разнообразие имен и акцент на них не является характерной чертой христианских текстов, хотя многие из этих эпитетов используются в Ветхозаветном писании (Саблуков, 1880). Однако обратим внимание на то, что в «Статире» содержатся преимущественно те имена Бога, которые совпадают с 99 именами Аллаха, а некоторые из них используются только в Исламе. В частности, Бог назван «Раздаятелем даров» (Рукопись..., 2011: 463). Ни в Библии, ни в Евангелиях такого имени Бога нет, зато в исламе есть имя Аллаха *Аль-Ваххаб* – «Даритель» (Саблуков, 1880). В христианстве нет и другого имени Бога – «Премудрый художник» (Рукопись..., 2011: 445), однако в исламе считается, что главный художник – это Аллах, поэтому создавать реалистичные изображения означает уподобляться ему, и это запрещено. Относительно своей паствы автор «Статира» употребляет термин «правoverные» (Рукопись..., 2011: 383), а не «православные», что используется в средневековом христианстве, однако только этим термином себя называют и мусульмане. В «Статире» интересно упоминание о сосуде с «залитыми» туда и запечатанными грехами (Рукопись..., 2011: 429): оно напоминает рассказ о джиннах в исламе и т.д. Таким образом, автор «Статира» в православных проповедях по возможности использовал (или частично сохранил?) образы магометанства, что неудивительно в этнической среде татар. Однако эти проповеди были рассчитаны на всех, а не только на крещеных татар; цель проповедника заключалась в том, чтобы просто и понятно донести свои идеи до каждого прихожанина. Очевидно, что его паства, независимо от этнической принадлежности, была хорошо знакома с исламом, как и он сам.

Образы арабской и тюркско-мусульманской культуры XVII в. отразились и в православном искусстве региона. Наиболее интересный экспонат – поруч (нарукавник) православного священника, на котором изображены не только тюркские тюльпаны, но и элементы арабской вязи, напоминающие начальную часть слова «Аллах» (Рис. 1).

Рис. 1. Поруч (нарукавник) православного священника. XVII в. Пермская государственная художественная галерея. Фото автора

Обратим внимание на то, что на поруче нет ни одного креста, что является необходимым атрибутом любой части православного одеяния: экспонат состоит исключительно из элементов, относящихся к тюркско-мусульманскому искусству.

В церкви, где проповедовал автор «Статира», на иконостасе XVII в. сохранилась икона православного святого в татарском одеянии – это архидиакон Филипп, один из 12 апостолов, проповедовавший в мусульманских регионах мира, включая Ближний Восток. Второе изображение этого святого сохранилось в фондах Пермской государственной художественной галереи. В региональном варианте хитон архидиакона Филиппа приобрел татарский вид с доминированием зеленого цвета ислама и символа тюркской культуры – тюльпана (Рис. 2, 3).

Изображение лица Святого Филиппа на рисунке 2 (находящегося в действующей церкви) выполнено в зеленоватых тонах, что отличает его от других икон. На вопрос о причинах такого цветового решения служащие церкви однозначного ответа не дали. Версия о дефекте краски не подтвердилась, т.к. в основе красителя лежал камень – малахит, не меняющий цвет. Предположение о стремлении иконописца с помощью зеленого цвета в условиях света лампад придать лицу бледный (или иной болезненный оттенок) не подтвердилось экспериментально: зеленый цвет не исчезал.

Кроме этого, в ходе исследования были обнаружены и другие иконы с зелеными лицами и телами; все они имеют местное происхождение и относятся исключительно к XVII в. (Рис. 4, 5). Аналогов этим иконам в азиатской части России нет.

В отличие от пермских образцов, эти иконы имеют характерную особенность: зеленые лики Богородицы и Иисуса Христа окрашены розовым румянцем и алыми губами; этот прием показывает влияние византийской иконописной традиции на Рублева, однако важна другая деталь: иконы выполнены в схожих политических условиях. «Иисус Благословляющий» из Ватикана написан, когда наблюдался подъем Византии и, соответственно, появилась возможность усиления миссионерского влияния на османов и татаро-монгол: не случайно лицо Иисуса на иконе имеет соответствующий антропологический облик. «Богородица Владимирская» Андрея Рублева появилась во времена усиления Москвы, русских земель и православной церкви, что логично активизировало христианское миссионерство среди татаро-монгол. Пермская епархия в XVII столетии находилась в подобных политических условиях, когда усиление миссионерства обуславливалось, во-первых, присоединением к России граничивших с Уралом двух оплотов ислама – Сибирского и Казанского ханств, в результате чего первое исчезло, а второе ослабло; во-вторых, воцарением Романовых, патриаршеством Филарета и их активной поддержкой не только Пермской епархии, но непосредственно Церкви Похвалы Богородицы, где проповедовал автор «Статира». Причины этой поддержки заключались в том, что в этом месте отбывали ссылку Романовы, репрессированные Б. Годуновым.

Рис. 2. Архидиакон Филипп. XVII в.
Иконостас церкви Похвалы Богородицы (г.
Орел Пермского края). Фото авторов

Рис. 3. Архидиакон Филипп. XVII в.
Пермская государственная
художественная галерея. Фото авторов

Рис. 4. Богоматерь с младенцем. XVII в. Пермская государственная художественная галерея. Фото авторов

Рис. 5. Богоматерь. XVII в. Пермская государственная художественная галерея. Фото авторов

Поиск похожих образцов вывел на музеи Ватикана и работы Андрея Рублева, относящиеся к более раннему периоду (Рис. 6, 7).

Рис. 6. «Иисус Благословляющий». Худ. С. Мартини. I пол. XIV вв. Пинакотекка Ватикана. Зал 2, Инв. № 40160. Фото авторов

Рис. 7. Фрагмент иконы А. Рублева «Богоматерь Владимирская». Конец XIV – начало XV вв. (Владими́ро-Сузда́льский историко-художественный и архитектурный музей-заповедник. Инв. № В-2971

В условиях миссионерства визуальные образы были сильнейшим воздействующим средством, поэтому использование на иконах зеленого цвета ислама сближало церковь и мусульман. Сопутствующим фактором был православный канон: зеленый в качестве «цвета жизни» применялся и в христианской иконописи, поэтому увеличение его доли на иконах не противоречило правилам, но в то же время усиливало визуальное воздействие на татар. На Урале в XVII в. действовал Строгановский иконописный подлинник (канон) с прорисьями, но цветовую гамму он

регламентировал мало, оставляя ее на усмотрение живописцев, иногда подчеркивая – «цвет любой» (Строгановский, 1869). В результате именно в XVII в. доминирование зеленого цвета на православной скульптуре и иконописи, созданной в Пермской епархии, стало отличительной чертой регионального христианского искусства. Авторами был проведен количественный анализ соответствующих музейных экспонатов, относящихся к разным историческим эпохам, в том числе до и после XVII в.; из общей массы икон и скульптуры отбирались имеющие изображения зеленого цвета на значимых для верующих деталях: хитонах, гробах, лицах и проч.; изображения растительности во внимание не принимались. Полученные количественные данные, иллюстрирующие особенность XVII в., оформлены в [Таблицу 1](#).

Таблица 1. Образцы православного искусства с доминированием зеленого цвета из фондов Пермской государственной художественной галереи

Век	XV-XVI	XVII	VIII	XIX
Общее количество исследованных православных скульптур и икон (шт.)	6	23	68	27
Количество православных скульптур и икон с доминированием зеленого цвета (шт.)	0	22	12	4
Доля изображений с доминированием зеленого цвета от общего количества православных скульптур и икон (%)	0	95, 6	17, 6	14, 8

5. Заключение

Миссионерская практика любого христианского государства предполагает использование образов местной этнической среды в качестве переходного этапа к новой вере. Поэтому включение в предметы христианского культа элементов арабо-мусульманской и тюркской культур представляется логичным шагом для Пермской епархии, тем более при наличии татарского населения и в условиях возросшей миссионерской активности при первых Романовых. Однако такое одностороннее объяснение приведенных фактов и иллюстративных материалов оставляет ряд вопросов.

Во-первых, основная часть татар оставалась в мусульманской вере и не посещала православные церкви, поэтому столь активное использование образов ислама в текстах проповедей и на предметах культа, предназначенных для христиан, представляется излишним. Масштабность использования представлений ислама для православной паствы может объясняться знанием норм магометанства разными этническими группами населения Перми Великой: от русских до финно-угров. Рождественский археологический комплекс показал возможность такого феномена в более ранний период (Лаптева и др., 2016), но состояние принадлежности к определенной вере было неустойчивым при миссионерской активности как христиан, так и мусульман. В этих условиях побеждал тот, кто расширял границы религиозных представлений, показывая единство Бога и общие корни всех религий. Текст «Статира» и рассмотренные произведения религиозного искусства вполне отражали эту идею.

Во-вторых, поруч православного священника ([Рис. 1](#)) не может быть объяснен только с позиций его использования для миссионерства: он полностью тюркско-арабо-мусульманский; христианская символика на нем отсутствует, что противоречит церковным правилам. Единственный элемент на поруче, определяющий грань между тюркско-арабской и христианской культурой, – это слабая проекция арабской графики, стилизованная под вьющийся стебель растения. Таким образом, это уже не арабская вязь, но еще и не христианский узор, поэтому изображения на нем могут иметь более глубокие, общие с исламом культурные корни. Этот поруч – еще один дискуссионный предмет в одной группе с шапкой Мономаха, шлемом Ивана Грозного и другими подобными артефактами XVI–XVII вв.: в частности, на казанской шапке Ивана Грозного, выполненной в турецко-арабской традиции, также не было православной символики.

В-третьих, обращает на себя внимание легкость, с которой первый Романов (вспомним также об отце Михаила Федоровича – главе Русской православной церкви) позволил Пермской епархии использовать образы ислама; отказ же от них был постепенным и занял столетие. Это отражает религиозно-политическую ситуацию в крае, связанную с глубиной проникновения ислама в жизнь местного населения, и Романовы это хорошо знали. Вступление их на престол в начале XVII в., а также покровительство церквям Перми Великой активизировало деятельность епархии, вызвало открытие новых приходов, рост численности священников, икон и других предметов культа, этот процесс сделал более отчетливой практику использования образов ислама и отвел XVII столетию отдельное место в качестве уникального периода православной истории Урала.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Ямало-Ненецкого автономного округа в рамках научного проекта № 19-49-890002 р_а.

Литература

Богатырев, 2011 – *Богатырев С.Н.* Шапка Мономаха и шлем наследника: репрезентация власти и династическая политика при Василии III и Иване Грозном // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2011. № 1 (9). С. 171-200.

Валева-Сулейманова, 2008 – *Валева-Сулейманова Г.Ф.* Шапка Мономаха – имперский символ татарского происхождения // *Золотоордынская цивилизация*. 2008. № 1. С. 22-28.

Горелик, 2014 – *Горелик М.В.* Мусульманский папа на московском троне ("Шапка Казанская" Ивана IV Грозного из Оружейной палаты) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2014. № 2 (16). С. 141-147.

Жилина, 2001 – *Жилина Н.В.* Шапка Мономаха. Историко-культурное и технологическое исследование. М.: «Наука», 2001. 247 с.

Зайцев и др., 2010 – *Зайцев И.В., Комаров И.А.* Европейская пушка с турецкой надписью из фондов Оружейной палаты Московского Кремля // *Османский мир и османистика*. Сборник статей: к 100-летию со дня рождения А.С. Тверитиновой (1910–1973). Москва: Институт востоковедения РАН, 2010. С. 145-148.

Игина, 2014 – *Игина Ю.Ф.* Казус шлема Ивана Грозного: к постановке проблемы // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2014. № 2 (16). С. 67-91.

Котылев, 2013 – *Котылев А.Ю.* Роль икон Пермской епархии XIV–XV веков в запечатлении и распространении идей христианского просветителя Стефана Пермского // *Человек. Культура. Образование: Научно-образовательный и методический рецензируемый журнал*. 2013. №. 4 (10). С. 6-13.

Лаптева и др., 2016 – *Лаптева Е.Г., Крыласова Н.Б., Саранулов А.Н.* Результаты палинологического изучения отложений археологического памятника Рождественское городище (2015 год) // *Вестник Пермского научного центра УрО РАН*. 2016. № 3. С. 15-22.

Мацук, 2012 – *Мацук М.А.* Создание Пермской (Усть-Вымской) епархии Русской православной церкви: причины и последствия // *Вопросы истории и культуры северных стран и территорий*. 2012. № 2 (18). С. 6-14.

Орленко, 2018 – *Орленко С.П.* Иранские мастера и Оружейная палата в 60-е годы XVII столетия // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2018. № 1 (71). С. 62-73.

Рукопись..., 2011 – Рукопись XVII в. «Статирь» и ее автор. Пермь: ООО «Раритет-Пермь», 2011. 552 с.

Саблуков, 1880 – *Саблуков Г.С.* Сличение исламского вероучения о именах Божиих с христианским [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Gordij_Sablukov/slichenie-islamского-uchenija-o-imenah-bozhiih-s-hristianskim/ (дата обращения: 04.10.2019).

Строгановский, 1869 – Строгановский иконописный лицевой подлинник. М.: Издание литографии при торгово-промышленном музее, 1869. 133 с.

Христиане..., 2019 – Христиане в мусульманских странах. Христианский католический портал [Электронный ресурс]. URL: <https://www.katolik.ru/tserkov-i-obshchestvo/item/1566-hristiane-v-islamskih-str.html> (дата обращения: 04.10.2019).

Чагин, 2011 – *Чагин Г.Н.* Пермь Великая и первые века ее христианизации // *Вестник ПСТГУ*. 2011. Вып. 5 (42). С. 7-13.

Bortnikova et al., 2016 – *Bortnikova, Y.A., Naumenko, O.N., Naumenko, E.E.* Russia and Islam: State policy on formation of tolerance of Muslims in Western Siberia (1773-1917) // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 39. Is. 1. pp. 14-21.

Naumenko et al., 2016 – *Naumenko O.N., Naumenko E.A.* Multiculturalism of Tatar-Christians in Western Siberia as a result of confessional policy in the Russian empire // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 41–1. Is. 3. pp. 594-599.

Tkachev et al., 2018 – *Tkachev B., Fedulov I., Moldanova T., Tkacheva T.* Everyday Ethnocultural Adaptation of Newly Arrived and Indigenous Populations in Yugra // *SHS Web of Conferences*. 2018. 50. 01184. [Электронный ресурс]. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2018/11/shsconf_cildiah2018_01184.pdf (дата обращения: 10.11.2018).

Turner, 1962 – *Turner F.* The Frontier in American History. New York, 1962.

Vernadsky, 1953 – *Vernadsky G.* The Mongols and Russia. New Haven, 1953. 462 p.

References

Bogatyrev, 2011 – *Bogatyrev S. N.* (2011). Shapka Monomaha i shlem naslednika: reprezentaciya vlasti i dinasticheskaya politika pri Vasilii III i Ivane Groznom [Monomakh's Cap and heir's helmet: representation of power and dynastic politics under Vasily III and Ivan the terrible]. *Studia Slavica et Balcanica petrovitana*. No. 1 (9). Pp. 171-200. [in Russian]

Bortnikova et al., 2016 – *Bortnikova, Y.A., Naumenko, O.N., Naumenko, E.E.* Russia and Islam: State policy on formation of tolerance of Muslims in Western Siberia (1773-1917). *Bylye Gody*. 2016. Vol. 39. Is. 1. pp. 14-21.

Chagin, 2011 – *Chagin G.N.* (2011). Perm Velikaya i pervy`e veka ee xristianizacii. [Perm the Great and the first centuries of its Christianization]. *Vestnik PSTGU*. Vol. 5 (42). Pp. 7-13.

Khristiane..., 2019 – Khristiane v musul'manskikh stranakh. Khristianskii katolicheskii portal [Christians in Muslim countries. Christian Catholic portal] [Electronic resource]. URL: <https://www.katolik.ru/tserkov-i-obshchestvo/item/1566-hristiane-v-islamskih-str.html> (date of access: 04.10.2019).

Gorelik, 2014 – *Gorelik M.V.* (2014). Musul'manskij papa na moskovskom trone ("Shapka Kazanskaya" Ivana IV Groznogo iz Oruzhejnoj palaty`) [Muslim Pope on the throne of Moscow ("Kazan Hat" of Ivan IV the terrible from the Armory)]. *Studia Slavica et Balcanica petrovitana*. No. 2 (16). Pp. 141-147. [in Russian]

Igina, 2014 – *Igina Yu.F.* (2014). Kazus shlema Ivana Groznogo: k postanovke problemy` [Casus of Ivan the terrible's helmet: to the problem statement]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. No. 2 (16). Pp. 67-91. [in Russian]

Kotylev, 2013 – *Kotylev A.Yu.* (2013). Rol' ikon Permskoj eparhii XIV–XV vekov v zapechatlenii i rasprostranении idej khristianskogo prosvetitelja Stefana Permskogo [The Role of icons of the Perm diocese of XIV-XV centuries in imprinting and spreading the ideas of Christian educator Stephen of Perm]. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie: Nauchno-obrazovatel'nyj i metodicheskij retsenziruemyj zhurnal*. No. 4 (10). Pp. 6-13. [in Russian]

Lapteva et al., 2016 – *Lapteva E.G., Krylasova N.B., Sarapulov A.N.* (2016). Rezul'taty palinologicheskogo izucheniya otlozhenij arkeologicheskogo pamyatnika Rozhdestvenskoe gorodishche (2015 god) [Results of palynological study of deposits of the archaeological monument Rozhdestvenskoe Gorodishche (2015)]. *Vestnik Permskogo nauchnogo centra UrO RAN*. No 3. Pp. 15-22. [in Russian]

Maczuk, 2012 – *Maczuk M.A.* (2012). Sozdanie Permskoj (Ust`-Vy`mskoj) eparxii Russkoj pravoslavnoj cerkvi: prichiny` i posledstviya [Creation of the Perm (Ust-Vym) diocese of the Russian Orthodox Church: causes and consequences]. *Voprosy istorii i kul'tury severnykh stran i territorii*. No 2 (18). Pp. 6-14. [in Russian]

Naumenko et al., 2016 – *Naumenko O.N., Naumenko E.A.* (2016). Multiculturalism of Tatar-Christians in Western Siberia as a result of confessional policy in the Russian empire. *Bylye Gody*. Vol. 41(1). Is. 3. pp. 594-599.

Orlenko, 2018 – *Orlenko S.P.* (2018). Iranskie мастера i Oruzhejnaya palata v 60-e gody` XVII stoletiya. [Iranian masters and the Armory in the 60s of the XVII century]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. No 1 (71). Pp. 62-73. [in Russian]

Rukopis'..., 2011 – Rukopis' XVII v. «Statir» i ee avtor (2011). [The Manuscript of the XVII century "the Statir" and its author]. Perm: OOO "Raritet-Perm. 552 p. [in Russian]

Sablukov, 1880 – *Sablukov G.S.* (1880). Slichenie islamskogo veroucheniya o imenax Bozhiih s xristianskim [Comparison of the Islamic doctrine of the names of God with the Christian] [Electronic resource]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Gordij_Sablukov/slichenie-islamskogo-uchenija-o-imenah-bozhiih-s-hristianskim/ (date of access: 04.10.2019). [in Russian]

Stroganovskij, 1869 – Stroganovskij ikonopisny`j licevoj podlinnik(1869) [Stroganov iconographic facial original.]. M.: Izdanie litografii pri torгово-promy`shlennom muzee, 133 p. [in Russian]

Tkachev et al., 2018 – *Tkachev B., Fedulov I., Moldanova T., Tkacheva T.* Everyday Ethnocultural Adaptation of Newly Arrived and Indigenous Populations in Yugra // SHS Web of Conferences. 2018. 50. 01184. [Electronic resource]. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2018/11/shsconf_cildiah2018_01184.pdf (date of access: 10.11.2018).

Turner, 1962 – *Turner F.* The Frontier in American History. New York, 1962.

Valeeva-Suleymanova, 2008 – *Valeeva-Suleymanova G.F.* (2008). Shapka Monomaxa – imperskij simvol tatarskogo proisxozhdeniya. [Monomakh's Cap – an Imperial symbol of Tatar origin]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya*. No. 1. Pp. 22-28. [in Russian]

Vernadsky, 1953 – *Vernadsky G.* The Mongols and Russia. New Haven, 462 p.

Zaitsev et al., 2010 – *Zaitsev I. V., Komarov I. A.* (2010). Evropejskaya pushka s tureczkoj nadpis`yu iz fondov Oruzhejnoj palaty` Moskovskogo kremlya [European cannon with Turkish inscription from the funds of the Armory of the Moscow Kremlin]. *Osmanskij mir i osmanistika. Sbornik statej: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya A.S. Tveritinovoi (1910–1973)*. Moskva: Institut vostokovedeniya RAN. Pp. 145-148. [in Russian]

Zhilina, 2001 – *Zhilina N. V.* (2001). Shapka Monomaxa. Istoriko-kul`turnoe i texnologicheskoe issledovanie [Cap of Monomakh. Historical, cultural and technological research]. M.: «Nauka», 247 p. [in Russian]

Следы исламо-арабской и тюркской культур в истории Пермской православной епархии XVII века

Ольга Николаевна Науменко ^{а,*}, Евгений Александрович Науменко ^а

^а Югорский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье дается анализ нескольких православных источников XVII в., созданных на Урале в Пермской православной епархии: это текст проповедей «Статир», элементы одежды священника, более 100 икон и образцов православной скульптуры из Пермской государственной художественной галереи и действующей церкви Похвалы Богородицы, имеющей иконостас XVII в. Авторы обращают внимание на текст проповедей, который недвусмысленно указывает на образы ислама: это негативный образ свиньи; имена Бога, соответствующие именам Аллаха; некоторые сюжеты, близкие Корану, и т.д. Этому явлению соответствует поруч (нарукавник) православного священника, изображения на котором включают элементы арабского языка и орнамент из тюркских тюльпанов; кресты и другие христианские символы на нем отсутствуют. Авторы относят этот экспонат к группе подобных дискуссионных предметов: шапке Мономаха, шлему Ивана Грозного, русскому оружию с арабской символикой и др. Среди анализируемых икон – два образа архидиакона Филиппа в татарской одежде, а также иконы с зеленым ликом Иисуса Христа и Богородицы. Поиск аналогов вывел авторов на искусство Византии и работы Андрея Рублева, что показало: подобные иконы создавались в схожих политических условиях, когда у православного государства появлялась возможность усиления миссионерской деятельности на чингизидов и османов. Авторы приходят к выводу, что уральские экспонаты не могли появиться исключительно для миссионерской работы среди мусульман. Они отражают религиозную ситуацию в Перми Великой в XVII в., когда население разных этнических групп было хорошо знакомо с исламом.

Ключевые слова: Пермская епархия, православие, христианство, проповедь, «Статир», арабская графика, ислам, тюркская культура, икона, поруч, Урал, Романовы, XVII в.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: oolgann@mail.ru (О.Н. Науменко), hea2004@mail.ru (Е.А. Науменко)

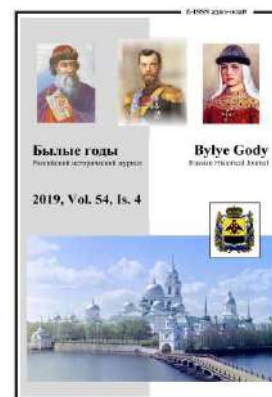
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1418-1428. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1418
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Porcelain and Faience in the Cultural Layer of the Town of Tara

Sergey F. Tataurov ^{a, b, *}, Fillip S. Tataurov ^{a, c}

^a National Research Tomsk State University, Russian Federation

^b Omsk Laboratory of the Institute of Archeology, Ethnography and Museology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^c Omsk State Historical and Cultural Museum-Reserve "Siberian Olden Days", Russian Federation

Abstract

The material culture of the Siberian town inhabitants of the XVII – XIX centuries remains the subject of close scrutiny of historians, ethnographers and archaeologists, since the written sources that have reached us are scattered and do not fully reflect the features of the everyday life of the Siberian townspeople. The emergence of new sources, primarily archaeological, allows you to quite thoroughly reconstruct some episodes of the XVII–XIX centuries' urban life. One of such episodes is the spread of the tea drinking culture and the appearance of porcelain and glazed earthenware, to which this study is devoted, mainly on the collection of porcelain and faience from the excavations of the town of Tara.

The study aims to identify the main stages of the spread in Tara of porcelain and faience ware of Chinese and Russian production and associated tea drinking culture.

Appeal to different types of sources – archaeological, written, ethnographic – determines the interdisciplinary nature of the work. Comparative-historical, typological methods were used to compare the Tara collection with materials from other regions and detect the chronological groups of crockery.

The study results. The distribution pattern of porcelain and faience tableware in Siberia is determined, which is reflected in the history of Tara. Chinese products beginning to arrive on the Siberian markets in the end of the first third of the XVII century as elite, high-status goods, which practical significance is mediated. At the end of the XVII–XVIII centuries in connection with the spread of the tea drinking culture, Chinese crockery penetrates the middle strata of Siberian towns (mainly service people). In the XIX century Chinese porcelain is disappearing from the market; Russian porcelain and faience are widely used.

The chronological stages of the spreading of porcelain and faience ware in Tara are distinguished. Chinese porcelain was imported here from the first third of the 17th century until the beginning of the XIX century. Discovered archaeological material allows us to divide this period into three stages. The first is associated with porcelain of the "transition period" (1620–1680), the second refers to the reign of the Chinese emperor Kangxi (1662–1722) (the "green family"), the third – to the rule of emperors Yongzheng (1723–1736) and Qianlong (1736–1796) (the "pink family"). In the 1810s Chinese porcelain is being replaced by Russian products from numerous private enterprises, appeared on the basis of Gzhel folk crafts. In the 1830-1840s porcelain and faience production is flourishing in Russia, mainly due to the activities of the Kuznetsov industrial family. In the 1860s a new stage begins in the distribution of Russian porcelain and faience related to the emergence of local regional enterprises in Yekaterinburg and Irkutsk. The stage of the widespread production and distribution of Russian porcelain and faience ends with the October Revolution.

Thus, crockery, on the one hand, is one of the markers of social relations in a Russian Siberian city of the 17th – 19th centuries, on the other hand, it allows dating studied archaeological sites on which porcelain and faience were discovered (a significant role in this is played by the brands of manufacturers on some

* Corresponding author

E-mail addresses: tatsf2008@rambler.ru (S.F. Tataurov), fil_opossum@mail.ru (F.S. Tataurov)

fragments), and analyzing the involvement of Tara-town in the trade and economic relations of the Russian Empire.

Keywords: Western Siberia, XVII – XIX centuries, archeology of Russians, Chinese porcelain, tea trade, Russian porcelain and faience.

1. Введение

Первое знакомство жителей Тары с фарфоровой посудой и чаем случилось практически сразу после основания города, с приходом весной 1595 г. первого бухарского торгового каравана. Основание в подгорной части города Бухарской слободы означало появление группы населения с культурой чаепития. Такие же слободы появляются в начале XVII в. в Тобольске, Томске и других городах Западной Сибири. Для обеспечения потребностей их жителей чай в небольших количествах завозился в Западную Сибирь бухарскими купцами (*Этнография, 1981: 186*). С культурой чаепития неразрывно связана фарфоровая посуда, которую, судя по данным таможенных книг, начали поставлять на тарскую ярмарку в первой трети XVII в.; она фиксируется как предмет казенной торговли уже в 1630 г., цена доходила до двух рублей за предмет (*Вилков, 1990: 46-48*). Очевидно, что подобные вещи, прежде всего, выполняли престижную роль, выступали социально-маркирующим признаком.

Ситуация начинает постепенно изменяться с середины XVII в., когда по государственным указам стала развиваться казенная торговля с Китаем. Тарский боярский сын Иван Перфильев, в 1659 г. возглавивший одно из первых русских посольств в Китае, должен был не только передать грамоту царя Алексея Михайловича богдыхану, но и установить, какие именно товары найдут в Китае спрос. Прикупив на 750 руб. товаров и распродав их в Пекине, он реализовал в Москве китайских товаров на 1057 руб., принеся царскому двору 300 руб. чистой прибыли. Именно тогда были привезены на Русь первые десять пудов чая. Китай с середины XVII в. рассматривали как выгодный рынок сбыта сибирской пушнины и как поставщика шелка и чая (*Жиров, 2008: 167-168*). В состав этого посольства входили служилые люди Тары – охранники, переводчики, обслуживающий персонал, и, вероятно, они привезли с собой памятные подарки, в том числе и фарфоровые изделия. Но это были декоративные предметы, их общее количество в культурных слоях XVII в. в Таре сравнительно невелико. Несмотря на то, что происходило постоянное увеличение завоза чая в Россию, археологические материалы свидетельствуют об очень медленном распространении культуры чаепития. В подавляющем числе русское население, узнав этот напиток, не отдало ему предпочтения, продолжая пить традиционные для себя квасы, морсы, сбитни и др.

2. Материалы и методы

Археологические исследования в историческом центре одного из первых русских городов в Сибири – Таре, проводящиеся уже более десяти лет совместной экспедицией Омской лаборатории и ТГУ, дали представительные материалы по многим сторонам жизни тарчан за 420-летнюю историю города. Мощный культурный слой (2–4 м) позволяет проследить многие новации, которые происходили в жизни горожан, изменения в архитектуре, хозяйственных занятиях и бытовых условиях. Наше исследование посвящено находкам фарфоровой и фаянсовой посуды в культурных горизонтах города, развитию чайной торговли и распространению культуры чаепития в Таре, поскольку считаем, что данные процессы были взаимосвязаны. Культура чаепития требует специальной посуды для заваривания и питья чая. Если его еще можно заварить в горшочках или сливочниках, то для употребления напитка необходимы кружки, а их у тарчан не было: посуду для питья представляли исключительно деревянные ковши различных видов – детские, женские, мужские. Поэтому вместе с листьями чая в Тару, как и в другие города России, из Китая и Средней Азии пришли кружки и пиалы для питья.

Обращение к разным видам источников – археологическим, письменным, этнографическим – определяет междисциплинарный характер работы. Сравнительно-исторический, типологический методы использованы для сопоставления тарской коллекции с материалами других регионов и выделения хронологических групп посуды.

3. Результаты

В коллекции фрагментов фарфоровой посуды, полученной в ходе раскопок Тары, к самым ранним следует отнести предметы, найденные в стратиграфическом слое, который начал складываться на памятнике после мощного пожара 1669 г., в котором сгорел практически весь город. Обнаруженные фрагменты (*Рис. 1: 1–8*) можно отнести к китайскому фарфору так называемого «переходного периода» (1620–1680), связанного со сменой правящей династии Мин на Цин. Он характеризуется практикой заполнения всего сосуда узором, который усложнился и мог одновременно включать в себя разнообразные мотивы – геометрические, растительные, зооморфные (*Кравцова, 1999: 373*).

Рис. 1. Посуда XVII–XVIII вв. 1–8 – фрагменты китайского фарфора «переходного периода» (1620–1680); 9–19 – фрагменты китайского фарфора периода Канси (1662–1722); 20 – фрагмент китайского фарфора периода Юнчжэн (1723–1736); 21–24 – фрагменты китайского фарфора периода Цяньлун (1736–1796); 25–26 – фрагменты русской глиняной чайной посуды конца XVIII – начала XIX века

Больше всего находок китайского фарфора, сделанных при раскопках Тары, можно отнести к периоду правления императора Канси (1662–1722) (Рис. 1: 9–19). Цветовая гамма эмалей этого периода, кроме распространенных ранее синих и голубых цветов, начинает включать в себя зеленые тона разной насыщенности и оттенка, полученные на основе химических соединений меди (фарфор «зеленого семейства»). Для следующего периода Юнчжэн (1723–1736) (Рис. 1: 20) становится характерным появление розовых оттенков в цветовой гамме (Жущиховская, 2001: 40). В китайском фарфоре конца XVII – первой половины XVIII вв., обнаруженном в Таре, прослеживается общая для периодов Канси и Юнчжэн «живописная» линия росписи как в сюжетной основе, так и в технике; происходит дальнейшее усложнение комбинаторики орнамента (Кузьменко, 2009: 124).

Идентифицируется эта посуда по клеймам (Рис. 1: 9, 10, 13) и характерному узору (Рис. 1: 11, 12, 14–19). Высокое качество работы китайских мастеров проявляется в тонкости линий рисунка, обилии мелких деталей.

Несколько фрагментов фарфоровой посуды, отличных от описанных ранее по цветовой гамме и по особенностям оформления, было обнаружено в культурном слое второй половины XVIII в. (Рис. 1: 21–24). Вероятно, относятся они к периоду правления императора Цяньлун (1736–1796), когда получил расцвет фарфор «розового семейства», названный так за употребление в украшении сосудов глазури розового оттенка. В этот же период продолжается усложнение техники росписи (Кузьменко, 2009: 124).

Морфологический анализ коллекции китайского фарфора выявляет преобладание в обиходе у горожан пиал крупного размера, о чем говорит профилировка фрагментов и толстая придонная часть (Рис. 1: 1, 3, 9, 10, 11, 20). Найдена была лишь одна пиала небольшого размера, отличающаяся также ярким охристым цветом покрывающей ее глазури (Рис. 1: 24).

Во второй половине XVIII в. происходит изменение социальной структуры западносибирского русского общества, связанное с ликвидацией военной напряженности и изменением социального положения служилого населения, которое массово переводится в крестьянство (Крих, 2012: 136–144), и, соответственно, теряет прежний достаток и статус, уже не имея возможности приобретать дорогой китайский фарфор. Этот процесс совпал с началом периода упадка в фарфоровом производстве Китая, вызванном нестабильной экономической и политической обстановкой в государстве, ослабленном колониальными войнами с европейцами (Жушчиковская, 2001: 41).

Тем не менее говорить о полном прекращении поступлений фарфора из Китая нельзя. У жителей города и окрестных деревень после упразднения казенной караванной торговли в 1762 г. появляется новый заработок, связанный с Китаем – извоз. Тарское купечество (Немчиновы, Пятковы, Щербаковы) по «Чайному пути» активно везло на восток пушнину и юфть, которая была необходима для упаковки чая, а обратно, помимо чая, – хлопчатобумажные ткани, шелк, сахар, табак, ремень. Товарным извозом занимались сотни тысяч людей, чаем загружали десятки тысяч подвод. Тарские извозчики купеческой кледи уходили после Нового года до Иркутска на санях, в пути их продавали, покупали телеги и уже с китайскими товарами «возвращались домой только к покосу» (Жиров, 2008: 175).

Несмотря на тяжелейшую многомесячную дорогу, попасть в обоз крестьянину или мещанину было большой удачей. При успешном возвращении извозчик на деньги с провоза мог заняться самостоятельной купеческой деятельностью. Жалованье обозных приказчиков было 300 руб., но общий доход только с одного обоза мог достигать до 20000 руб. Почти все тарские купцы прошли с обозами от Тары до Кяхты и обратно по несколько раз. Извозчик, если у него было несколько лошадей (2–4), зарабатывал за одну поездку несколько десятков, а то и сотен рублей (Жиров, 2008: 179–180).

Большой достаток с извоза отразился на уровне жизни притрактовых сибирских деревень, в культурном слое которых китайского фарфора найдено не меньше, чем в городах (Татауров, 2017: 835–840).

С середины XVIII в. российское общество, в том числе и сибирское, переходит на чай. Об этом свидетельствуют объемы ввозимого в Россию товара на многие миллионы рублей и появление чайных в российских городах. В Таре раскопан питейный дом в острожной части города, который отмечен на картах города 1768 г. (Татауров и др., 2018: 334–336). Показательно, что в слое XVIII в. преобладают штофы, а в слое XIX в. количество посуды под алкоголь уменьшается и заметно увеличивается количество чайной посуды.

К ней мы относим небольшие по размерам чернолощенные или покрытые зеленой поливой мисочки и керамические чайники (Рис. 1: 25–26). Основанием для этого служит то, что находки подобной посуды в других раскопах на территории города единичны, а здесь она представлена довольно многочисленным комплексом и стратиграфически располагается выше китайского фарфора и ниже российского фарфора и фаянса второй половины XIX в. Спрос на чай был высок, в условиях, когда поступления китайского фарфора сходят на нет, а аналогичная российская продукция в начале XIX в. немногочисленна, керамическая посуда была единственной альтернативой.

Показательно, что в материалах раскопок найдены две товарные пломбы московского торгового дома Перловых. Эта купеческая семья в 1787 г. открыла в Москве розничные чайные лавки, получившие прозвище «чайники». В XIX в. Перловы становятся крупнейшими чаоторговцами в России, их оптовые чайные склады располагались по всему пути из Кяхты до Москвы, в том числе и в Таре (Татауров, 2017: 107). Вполне допускаем, что Перловы могли инициировать открытие чайной в Таре своими компаньонами, но это направление будущих исследований.

В ходе раскопок рядом с территорией, где располагался питейный дом, зафиксированы нижние венцы большого сооружения площадью около 70 м с несколькими пристройками, которые, возможно, относятся к богадельне, известной в данном месте по планам города первой половины XIX в. и просуществовавшей до середины 60-х гг. XIX в. Обнаружено значительное количество кухонной и столовой посуды при практически полном отсутствии производственного инвентаря и

бытовых предметов. Следует отметить, что тарская богадельня содержалась за счет муниципалитета города и пожертвований горожан, прежде всего тарских купцов Немчиновых, Носковых, Щербаковых, Айтикиных, т.е. тех, кто специализировался на чайной торговле. По всей вероятности, именно они снабжали это учреждение всем необходимым, в том числе фарфоровой и фаянсовой посудой. Рассмотрим более подробно найденную в ходе раскопок коллекцию.

В начале XIX в. на рынки стал выходить фарфор русских промышленников. Их фабрики были немногочисленны. Стоит отметить завод Франца Гарднера, продукция которого в небольших количествах и в основном для высших слоев общества попадала в Западную Сибирь. Эта продукция зафиксирована в ходе раскопок Кузнецкого острога (Кауфман, 2008: 273-280). Лишь к 1830–1840-м гг. широкое распространение получают недорогие фарфор и фаянс, производимые на предприятиях, появившихся на базе народных промыслов Гжели (Салтыков, 1952: 71-72).

Самыми известными производителями фарфора и фаянса из числа гжельских промышленников стали Кузнецовы. В 1810–1820-х гг. кузнец Яков Кузнецов в деревне Новохаритоново Бронницкого уезда открывает фарфорово-фаянсовое производство. В своем начинании он опирался на местных мастеров, которые смогли быстро наладить производство типично гжельской продукции: чашек с блюдцами, тарелок «с бусом» по краю, полусферических полоскательниц, мелкой жанровой пластики. Предприятие было ориентировано на массовое производство недорогой продукции. Первый завод был небольшим: в 1845 г. на нем работало всего 45 рабочих (Салтыков, 1952: 80). Расширение Кузнецовского производства приходится на 1850-е гг., что было связано с увеличением рабочих и горнов на Новохаритоновском заводе, с открытием в 1832 г. завода в Дулеве, в 1843 г. – в Риге (Цуренко и др., 2010: 301).

Подлинного расцвета производство достигает при М.С. Кузнецове. При нем происходит улучшение качества продукции, активно заимствуется европейский опыт и технологии (Салтыков, 1952: 122). Происходит и дальнейшее увеличение количества предприятий. В 1851–1853 гг. приобретает завод Сафронова в деревне Короткая, в 1870 г. – Ауэрбаха в Тверской губернии, в 1871 г. начинает работу завод в Будах Харьковской губернии. В 1887 г. на базе этих предприятий сформировалось Товарищество, засвидетельствовавшее факт сложения у Кузнецовых крупного промышленного производства. Но и после этого Кузнецовское объединение продолжало расти. В 1891 г. в число Кузнецовских входит завод Гарднера, в 1892 г. – завод Славянский в Харьковской губернии, в 1911 г. – Товарищество Мальцевских заводов в деревне Песочная Жиздринского уезда Калужской губернии (Цуренко и др., 2010: 306-343). По объему задействованных ресурсов Кузнецовским заводам не было равных. Так, в 1884 г. на Дулевском заводе работало 1100 рабочих, на Тверском – 800 (Салтыков, 1952: 112-121), на Рижском – 1103 (Цуренко и др., 2010: 303).

Двоюродный брат М.С. Кузнецова, И.Е. Кузнецов, открывает в 1878–1898 гг. в Новгородской губернии три фабрики: в с. Бронницы, в с. Грузино и близ ст. Волхов – и тоже налаживает массовое производство фарфоровых изделий (Мусина, 1995: 40-41).

Тематика художественного оформления кузнецовской посуды была различной. На основе традиционной народной росписи были выработаны различные виды живописного декора, отразившие в своей стилистике убыстренный темп работы мастериц. В росписях присутствуют цветы, листья, растительный и геометрический орнамент (Рис. 2: 3, 4, 6–8), сценки из жизни (Агаркова и др., 1993: 32-37). Также активно использовались в украшении посуды европейские и восточные мотивы (Салтыков, 1952: 122). В частности, практика изготовления посуды в «английском стиле» фиксируется по находкам в культурном слое г. Тары (Рис. 2: 20–21). Именно английский фаянс еще с конца XVIII в. был признан эталоном «изделий повседневности», сочетающим в себе качество, практичность и изысканность, он дал толчок к развитию технологии производства русского фаянса в 1830–1840-х гг. (Тарлыгина, 2016: 123-127).

Рис. 2. Фрагменты российской фарфоровой и фаянсовой посуды Кузнецовских фабрик XIX – начала XX века

Заводы Кузнецовых были основным поставщиком фарфоровой посуды в Западную Сибирь в середине XIX – начале XX вв. Проследить характер распространения продукции можно не только по клеймам, но и по особенностям декоративного украшения посуды – этому способствовала стандартизация производства и его большой размах. Сопоставляя рисунки на фрагментах с клеймами, можно также определить время бытования того или иного орнамента.

В Тару в середине XIX – начале XX вв. поступала продукция практически со всех Кузнецовских мануфактур, функционирующих в этот период. Самое раннее клеймо завода С.Т. Кузнецова в Дулеве (1854–1864 гг.) было обнаружено на двух фрагментах (Рис. 2: 1). Клеймо завода М.С. Кузнецова в Дулеве обнаружено на 7 фрагментах, пять из которых относились к 1864–1872 гг. (Рис. 2: 2–3), два фрагмента – к периоду с 1872 г. по 1889 г. (Рис. 2: 11). По одному фрагменту с клеймом с заводов: Тверского (период 1870–1889 гг.) (Рис. 2: 9), Рижского (1890–1910 гг.) (Рис. 2: 15), Рыбинского (1894–1917 гг.) (Рис. 2: 10). Пятнадцать фрагментов с клеймами относятся к периоду функционирования «Товарищества М.С. Кузнецова», из которых десять фрагментов без указания места производства (период 1889–1917 гг.) (Рис. 2: 5, 19), а три фрагмента содержат клейма Дмитровского завода (1891–

1917 гг.) (Рис. 2: 12). Обнаружено также 16 фрагментов фарфор и фаянса И.Е. Кузнецова, из них с клеймом Волховского завода (1900–1917 гг.) – 9 шт. (Рис. 2: 14, 16), Бронницкого завода – 4 шт. (1893–1917 гг. (Рис. 2: 17), Грузинского завода – 3 шт. (1900–1917 гг.) (Рис. 2: 13). Интересным представляется вдавленное клеймо М.С. Кузнецова на одном из фрагментов (Рис. 2: 18) – подобными маркировали предметы мелкой фаянсовой пластики.

Кроме кузнецовского фарфора и фаянса, в Таре обнаружена продукция других фабрик, в частности завода братьев Чекановых. Он был основан в 1846 г. в Екатеринбурге на р. Исеть, первоначально производил гончарную продукцию, затем также фаянс. В 1864 г. на нем работало всего 2 мастера и 8 рабочих, однако они выпускали до 67500 шт. посуды на сумму 1325 руб., что означает высокий спрос на данную продукцию на Урале и в Сибири. В начале XX в. на заводе произошла механизация, вырабатывалась посуда на 12000 руб. в год (Серебренников, 1926: 18). В культурном слое Тары встречено большое количество фрагментов фаянсовой посуды, производимой на Чекановской фабрике, они хорошо идентифицируются по характерному узору и особенностям художественного оформления, найден также один фрагмент с клеймом (Рис. 3: 10–13).

Рис. 3. Фрагменты российской фарфоровой и фаянсовой посуды. 1–13 – частных фарфоровых и фаянсовых предприятий Российской империи конца XIX – начала XX вв.; 14–22 – государственных фарфоровых заводов СССР XX в.

В коллекции тарского фаянса представлена продукция еще одной уральской фабрики – А.Ф. Шурова. Она основана в 1838 г. (по другим данным, в 1845 г.) при Уктусском заводе на р. Исеть московским купцом С.П. Афониним. От него фабрика перешла к наследнице – купчихе М.С. Шуровой и ее мужу, екатеринбургскому второй гильдии купцу А.Ф. Шурову (Павловский, 1975: 118). В 1894–1895 гг. на фабрике было занято 50 чел., в 1903 г. – 31 чел. (выработано изделий на сумму 13600 руб.), в 1909 г. – 40 чел. (Езиоранский, 1909: 554). В культурном слое Тары найден один фрагмент с клеймом и большое количество осколков тарелок с характерным декором (Рис. 3: 8–9). Следует отметить схожесть художественного оформления продукции уральских фабрик Чекановых и Шурова, что, возможно, объяснялось близкими личными отношениями, родственными и религиозными связями владельцев (Соколов, 2012: 147–149).

Кроме этого, встречено 4 фрагмента посуды с клеймами фабрики Куриновых. Она была основана в 1858 г. в деревне Речицы Бронницкого уезда, в кусте гжельских предприятий (Подмосковье), и оставалась в собственности семьи Куриновых до 1918 г. Работало на ней от 88 рабочих в 1871 г. до 185 в 1903 г. (Салтыков, 1952: 97). Обнаруженные клейма относятся к периоду 1900–1918 гг. (Рис. 3: 6, 7).

Два клейма на фрагментах принадлежат заводу Барминых. Основан в д. Фрязино Богородского уезда (также в кусте гжельских предприятий) в 1820 г., существовал до 1918 г. В 1856 г. на нем работало 34 рабочих, в 1876 г. – 504 (Салтыков, 1952: 87–88). Обнаруженные фрагменты с клеймами относятся к периоду 1878–1895 гг. (Рис. 3: 3).

Одним фрагментом с клеймом представлены:

– завод А.Л. Кисилева. Основан в деревне Речицы Бронницкого уезда в начале 1850-х гг. и закрылся примерно в 1860 г. Производил фарфор высокого качества (Салтыков, 1952: 84). Клеймо стояло на донце небольшой кружки, от которой также сохранились фрагменты стенки и венчика (Рис. 3: 1). В этом культурном горизонте также обнаружен венчик еще одной фарфоровой кружки сходной стилистики (Рис. 3: 2);

– заводы Марковых. Основаны в д. Коняшино Бронницкого уезда, первый – в 1830 г., второй – в 1840 г. Оба закрылись в 1890-е гг. Количество рабочих на заводах было примерно одинаковым: от 50–100 в 1871 г. до 350–400 в 1884 г. (Салтыков, 1952: 91). Найденный фрагмент относится к периоду 1859–1897 гг. (Рис. 3: 4);

– завод Щелкунова и Метелева. По сведениям А.Б. Салтыкова, фарфоровый завод был основан в 1869 г. близ станции Половина Сибирской ж.д. (Салтыков, 1952: 131). Однако станцией деревня Половинная стала только в 1902 г., кроме того, в 1869 г. Е.И. Метелеву было всего 4 года, и до вступления в 1900 г. в компанию с крупнейшим в Иркутской губернии фарфоровым заводчиком И.Д. Переваловым «Торговый дом Щелкунова и Метелева» занимался торговлей лесом, углем, мукой и мануфактурными товарами (Грызлова, 2018: 40). Вероятнее всего, обнаруженный фрагмент с клеймом относится к периоду 1911–1917 гг., когда В.И. Перевалов через четыре года после гибели отца (Грызлова, 2018: 40) передал фарфоровые заводы под непосредственное управление торговому дому Щелкунова и Метелева (Рис. 3: 5).

После революции 1917 г. все фарфоровые и фаянсовые предприятия были национализированы. Многие из них продолжили поставлять продукцию на сибирские рынки. Так, в культурном слое Тары найдены фрагменты фарфоровой посуды с клеймами Тверской госфабрики в Кузнецове (бывший Тверской завод М.С. Кузнецова) (период 1924–1927 гг.) (Рис. 3: 20); Завода им. Калинина в Конаково (также бывший Тверской завод М.С. Кузнецова) (одно клеймо периода 1934–1940 гг. (Рис. 3: 18), два – периода 1946–1954 гг. (Рис. 3: 21); еще одно – 1955 г. (Рис. 3: 17); Дмитровской фарфоровой фабрики в Вербилках (бывший Дмитровский завод М.С. Кузнецова) (период 1928–1936 гг.) (Рис. 3: 15); завода «Красный фарфорист» в Чудово (бывший Грузинский завод И.Е. Кузнецова) (1959 г.) (Рис. 3: 19); завода «Пролетарий» в Бронницах (бывший Бронницкий завод И.Е. Кузнецова) (период 1939–1945 гг.) (Рис. 3: 22); Дулевского фарфорового завода (бывший Дулевский завод Кузнецовых) (период 1952–1964 гг.) (Рис. 3: 16); Хайтинского фарфорового завода в Иркутске (бывший завод И.Д. Перевалова) (период 1954–1957 гг.) (Рис. 3: 14).

По морфологическому составу коллекции российского фарфора и фаянса второй половины XIX – начала XX вв. отличаются разнообразием форм (встречены, например, фрагменты фарфоровых статуэток). Фрагменты тарелок и блюдец составляют около 60 % коллекции, кружек – около 35 %, прочих изделий – около 5 %.

4. Заключение

Оценивая в целом коллекцию фарфора и фаянса из раскопок в Таре, можно отметить несколько значимых моментов.

Данная посуда иллюстрирует широту торговых отношений города от Китая до Бухары и до Балтийского моря, показывает определенную динамику приоритетности торговли от южного среднеазиатского направления в XVII в. к восточному китайскому в XVIII в. и к западному российскому в XIX в., что свидетельствует о постоянном укреплении внутриэкономических связей Российского государства.

Анализ данной категории находок позволяет воссоздать процесс распространения культуры чаепития в русском сибирском городе, его временные рамки и способствующие факторы. Это достаточно значимый момент в структуре питания населения, так как это привело к существенным изменениям как в температурном режиме принятия пищи, так и в ее рецептуре.

Большое число центров изготовления фарфоровой и фаянсовой посуды, зафиксированных в ходе обработки коллекции, позволяет говорить о мелкотоварном характере торговли в Таре, особенно в XIX в. Город, оказавшийся в стороне от транспортных путей, быстро потерял значение перевалочного пункта в чайной торговле и превратился в небольшой заштатный провинциальный городок. Но сохранившиеся торговые связи позволяли тарским купцам привозить в город товары из достаточно удаленных центров производства фарфора и фаянса.

5. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

Литература

- Агаркова и др., 1993 – Агаркова Г.Д., Астраханцева Т.Л., Петрова Н.С. Русский фарфор: Фотоальбом. М., 1993. 240 с.
- Вилков, 1990 – Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII вв. Новосибирск, 1990. 308 с.
- Грызлова, 2018 – Грызлова А.А. Фарфорово-фаянсовое производство Иркутской губернии на примере коллекции фарфора XIX века из собрания Иркутского областного художественного музея им. В.П. Сукачева // *Культура и цивилизация*. 2018. Т. 8. № 1А. С. 34-42.
- Езиоранский, 1909 – Езиоранский Л.К. Фабрично-заводские предприятия Российской империи. СПб., 1909. 1451 с.
- Жиров, 2008 – Жиров А.А. Если бы стены могли говорить...: очерки и статьи. Омск, 2008. 284 с.
- Жущиховская, 2001 – Жущиховская И.С. История керамики Восточной Азии. Владивосток, 2001. 108 с.
- Кауфман, 2008 – Кауфман Ю.Б. Коллекция керамики из обер-офицерского дома в Кузнецкой крепости // *Культура русских в археологических исследованиях*. Омск, 2008. С. 273-280.
- Кравцова, 1999 – Кравцова М.Е. История культуры Китая. СПб., 1999. 416 с.
- Крих, 2012 – Крих А.А. Этническая история русского населения Среднего Прииртышья (XVII–XX вв.). Омск, 2012. 295 с.
- Кузьменко, 2009 – Кузьменко Л.И. Китайский фарфор XVII–XVIII веков. М., 2009. 197 с.
- Мусина, 1995 – Мусина Р.Р. Марки российского фарфора (1744–1917). М., 1995. 80 с.
- Павловский, 1975 – Павловский Б.В. Декоративно-прикладное искусство промышленного Урала. М., 1975. 132 с.
- Салтыков, 1952 – Салтыков А.Б. Русская керамика XVIII–XIX веков. М., 1952. 272 с.
- Серебренников, 1926 – Серебренников Н.Н. Уральский фарфор и фаянс XIX в. Пермь, 1926. 27 с.
- Соколов, 2012 – Соколов В.А. Старообрядцы деревни Костино: потребность в перемене мест // *Мецера-край: Альманах по истории и культуре Мецерского края*. М., 2012. Вып. 2. С. 139-205.
- Тарлыгина, 2016 – Тарлыгина Д. Английский фаянс в России в XVIII–XIX веках // *Третьяковская галерея*. 2016. № 2 (51). С. 122-145.
- Татауров, 2017 – Татауров С.Ф. Археологические свидетельства торговых отношений в г. Таре в XVII–XIX вв. // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2017. № 46. С. 103-109.
- Татауров и др., 2018 – Татауров С.Ф., Тихонов С.С., Черная М.П. Исследования в историческом центре города Тары в 2017 году // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Новосибирск, 2018. Т. XIX. С. 334-336.
- Татауров, 2017 – Татауров Ф.С. Китайский фарфор с русских памятников Среднего Прииртышья XVII – первой половины XVIII вв. // *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв.* Т. 2. Казань; Кишинев, 2017. С. 835-841.
- Цуренко и др., 2010 – Цуренко И.Г., Насонова И.С., Насонов С.М. Русский фаянс и фарфор. Империя Кузнецовых и Конаково. Из частного собрания. М., 2010. 510 с.
- Этнография, 1981 – Этнография русского крестьянства Сибири. XVII – середина XIX вв. / Отв. ред. В.А. Александров. М., 1981. 270 с.

References

- Agarkova et al., 1993 – Agarkova G.D., Astrakhantseva T.L., Petrova N.S. (1993). Russkii farfor: Fotoal'bom [Russian porcelain: photo album]. M., 240 p.
- Etnografiya, 1981 – Etnografiya russkogo krest'yanstva Sibiri. XVII – seredina XIX vv. [Ethnography of the Russian peasantry of Siberia. XVII – mid XIX centuries]. Otv. red. V.A. Aleksandrov. M., 1981. 270 p.
- Ezioranskii, 1909 – Ezioranskii L.K. (1909). Fabrichno-zavodskie predpriyatiya Rossiiskoi imperii [Factory enterprises of the Russian Empire]. SPb, 1451 p.

Gryzlova, 2018 – Gryzlova A.A. (2018). Farforovo-fayansovoe proizvodstvo irkutskoi gubernii na primere kolleksii farfora XIX veka iz sobraniya Irkutskogo oblastnogo khudozhestvennogo muzeya im. V.P. Sukacheva [Porcelain and faience production of the Irkutsk province on the example of the collection of porcelain of the XIX century from the collection of the Irkutsk Regional Art Museum named after V.P. Sukachev]. *Kul'tura i tsivilizatsiya*. Vol. 8. № 1A. pp. 34-42.

Kaufman, 2008 – Kaufman Yu.B. (2008). Kolleksiya keramiki iz ober-ofiterskogo doma v Kuznetskoi kreposti [A collection of ceramics from the chief officer's house in the Kuznetsk fortress]. *Kul'tura Russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh*. Omsk, pp. 273-280.

Kravtsova, 1999 – Kravtsova M.E. (1999). Istoriya kul'tury Kitaya [The history of Chinese culture]. SPb, 416 p.

Krikh, 2012 – Krikh A.A. (2012). Etnicheskaya istoriya russkogo naseleniya Srednego Priirtysh'ya (XVII–XX vv.) [The ethnic history of the Russian population of the Middle Irtysh region (17–20 centuries)]. Omsk, 295 p.

Kuz'menko, 2009 – Kuz'menko L.I. (2009). Kitaiskii farfor XVII–XVIII vekov [Chinese porcelain of the 17th – 18th centuries]. M., 197 p.

Musina, 1995 – Musina R.R. (1995). Marki rossiiskogo farfora (1744–1917) [Stamps of Russian porcelain (1744–1917)]. M., 80 p.

Pavlovskii, 1975 – Pavlovskii B.V. (1975). Dekorativno-prikladnoe iskusstvo promyshlennogo Urala [Decorative and applied art of the industrial Urals]. M., 132 p.

Saltykov, 1952 – Saltykov A.B. (1952). Russkaya keramika XVIII–XIX veka [Russian ceramics of the 18th – 19th centuries]. M., 272 p.

Serebrennikov, 1926 – Serebrennikov N.N. (1926). Ural'skii farfor i fayans XIX v. [Ural porcelain and faience of the XIX century]. Perm', 27 p.

Sokolov, 2012 – Sokolov V.A. (2012). Staroobryadtsy derevni Kostino: potrebnost' v peremene mest [Old Believers of the village of Kostino: the need for a change of place]. *Meshchera-krai: Al'manakh po istorii i kul'ture Meshcherskogo kraya*. M., Is. 2. pp. 139-205.

Tarlygina, 2016 – Tarlygina D. (2016). Angliiskii fayans v Rossii v XVIII-XIX vekakh [English faience in Russia in the XVIII-XIX centuries]. *Tret'yakovskaya galereya*. № 2 (51). pp. 122-145.

Tataurov, 2017 – Tataurov F.S. (2017). Kitaiskii farfor s russkikh pamyatnikov Srednego Priirtysh'ya XVII – pervoi poloviny XVIII v. [Chinese Porcelain from Russian Sites of the Middle Irtysh in 17th – First Half of the 18th Centuries]. *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X–XVIII v*. Vol. 2. Kazan'; Kishinev, pp. 835-841.

Tataurov i dr., 2018 – Tataurov S.F., Tikhonov S.S., Chernaya M.P. (2018). Issledovaniya v istoricheskom tsentre goroda Tary v 2017 godu [Research in the historical center of Tara city in 2017]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. Novosibirsk, Vol. XIX. pp. 334-336.

Tataurov, 2017 – Tataurov S.F. (2017). Arkheologicheskie svidetel'stva torgovykh otnoshenii v g. Tare v XVII–XIX vv. [Archaeological evidence of trade relations of the Tara city in the XVII – XIX centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. № 46. pp. 103-109.

Tsurenko i dr., 2010 – Tsurenko I.G., Nasonova I.S., Nasonov S.M. (2010). Russkii fayans i farfor. Imperiya Kuznetsovykh i Konakovo. Iz chastnogo sobraniya [Russian faience and porcelain. Empire Kuznetsov and Konakovo. From a private collection]. M., 510 p.

Vilkov, 1990 – Vilkov O.N. (1990). Ocherki sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri kontsa XVI – nachala XVIII vv. [Essays on social-economic development of Siberia in the late XVI – early XVIII centuries]. Novosibirsk, 308 p.

Zhirov, 2008 – Zhirov A.A. (2008). Esli by steny mogli govorit'...: ocherki i stat'i [If the walls could speak ...: essays and articles]. Omsk, 284 p.

Zhushchikhovskaya, 2001 – Zhushchikhovskaya I.S. (2001). Istoriya keramiki Vostochnoi Azii [History of East Asian Ceramics]. Vladivostok, 108 p.

Фарфор и фаянс в культурном слое города Тары

Сергей Филиппович Татауров^{a, b, *}, Филипп Сергеевич Татауров^{a, c}

^a Лаборатория археологических и этнографических исследований Западной Сибири Томского государственного университета, Российская Федерация

^b Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН, Российская Федерация

^c Омский государственный историко-культурный музей-заповедник «Старина Сибирская», Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tatsf2008@rambler.ru (С.Ф. Татауров), fil_opossum@mail.ru (Ф.С. Татауров)

Аннотация. Археологические исследования первых русских городов в Сибири, получившие свое развитие в XXI веке, с каждым годом предоставляют материалы, позволяющие восстановить многие моменты жизни их населения в XVII–XVIII веках. Одному из таких интереснейших эпизодов, а именно распространению культуры чаепития и появлению у населения фарфоровой и фаянсовой посуды, посвящено данное исследование. В нем рассматривается коллекция фарфора и фаянса, полученная в ходе раскопок исторического центра города Тары в 2007–2018 годах. Анализ данных изделий дает возможность восстановить основные этапы появления в городе сначала китайского, позднее и русского фарфора. Наличие клейм на посуде позволяет определить основных производителей и объемы поступающей в Западную Сибирь посуды. Проведенное исследование позволяет примерно определить время перехода населения на употребление чая – это XVIII век, тогда же в российских городах появляются чайные. В этот период производство фарфора и фаянса в России было направлено в основном на удовлетворение нужд императорской семьи и представителей высших слоев дворянства. Широкие слои населения использовали в обиходе глиняную посуду, но в XIX в. в государстве возникает острая необходимость в производстве массового фарфора и фаянса. Эту задачу начинают реализовывать частные предприятия, появившиеся на основе народных промыслов Гжели. В 1830–1840 гг. происходит расцвет фарфорово-фаянсового производства. В дальнейшем в некоторых регионах (Екатеринбург, Иркутск) появляются собственные центры изготовления подобных изделий, в Европейской части России крупнейшими производителями фарфора и фаянса становятся предприятия семьи Кузнецовых. Все эти процессы фиксируются по результатам археологических исследований, идентифицировать многообразие производителей помогают сохранившиеся на посуде клейма. Это позволяет как датировать изученные археологические объекты, на которых был обнаружен фарфор и фаянс, так и проанализировать вовлеченность г. Тары в торгово-экономические отношения Российской империи.

Ключевые слова: Западная Сибирь, XVII–XIX вв., археология русских, китайский фарфор, чайная торговля, российский фарфор и фаянс.

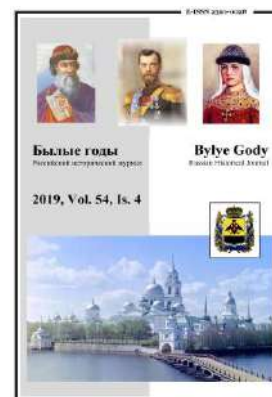
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1429-1438. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1429
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Social Thought in Russia of Its Czarist-Era about the Place of Siberia in the State Structure of the Country

Larisa F. Malyutina ^a, Denis N. Gergilev ^a, Alexander G. Gryaznukhin ^{a,*}, Larisa B. Zhabaeva ^b

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b East Siberia State University of Technology and Management, Russian Federation

Abstract

This article is dedicated to the analysis of the views of the Czarist-era scientists and public figures on the role and place of Siberia in the structure of the government system. Theoretical substantiations and practical suggestions of public figures of the XVIII – early XX centuries on the issue of finding the best options for the rule by the imperial center of the eastern margins found response in the country's social and political discourse. The authors concluded that the settlement of the region led to a change in the management system of Siberia, which evolved from a priority source of furs to the integral part of Russia. The social thought of the empire cultivated the idea of the unity of the Siberian and All-Russian destiny justifying this with geopolitical, trade, communication and socio-cultural reasons. M.M. Speransky played a major role in the comprehensive modernization of the management system of Siberia, taking into account both unification and local ethnic and geographical features. In the Czarist-era, Russia developed and discussed alternatives for the structure and management of the state, but none of them reached the pilot stage, since the absolutist paradigm did not assume a real consideration of interests other than imperial ones. The brief multi-party pre-revolutionary period due to revolutionary and pre-revolutionary events also left numerous ideas of administrative and territorial reforms at the project stage. The complex of historical challenges necessitates the study of the experience of the mutual influence and interdependence of Russia and Siberia, and the development of an effective state management policy.

Keywords: administrative and territorial system, mutual influence, geopolitical position, government, regionalism, Russia, Siberia.

1. Введение

Государственное устройство России в территориальном отношении формировалось в течение многих веков. В результате она стала специфической евразийской цивилизацией с территориями, которые значительно отличаются по природно-климатическим, социально-экономическим, национальным и поликонфессиональным условиям.

Особое место в истории государственного устройства России занимала Сибирь. С момента присоединения к Российскому государству ее административное устройство неоднократно менялось, усложнялось, что определяло и формировало отношения между Центром и регионом. Общественная мысль России XVIII – начала XX вв. настойчиво изучала, обсуждала, теоретически обосновывала и предлагала властям наилучший, с ее точки зрения, вариант управления регионом как для империи в целом, так и для населения Сибири. Она связывала решение данной проблемы с взаимовлиянием центра и региона. Кроме того, история показала, что теоретическое обсуждение территориального положения Сибири вторично по отношению к реформам власти. Вместе с тем необходимо глубинное

* Corresponding author

E-mail addresses: malyutina_48@mail.ru (L.F. Malyutina), turilak@yandex (D.N. Gergilev), agagag@mail.ru (A.G. Gryaznukhin), vsgtuhistory@mail.ru (L.B. Zhabaeva)

исследование исторической взаимосвязи Азиатской и Европейской России в связи с многолетними дискуссиями о территориальной принадлежности и социально-экономической самодостаточности Сибири.

Проблема административно-территориального положения Сибири в составе государства находилась на повестке дня в течение всего имперского периода. Общественная мысль, партии и движения России в своих программах предлагали многообразные варианты решения этой задачи, опираясь на исторический опыт взаимовлияний Центра и Сибири. В статье проанализированы предложения по укреплению взаимосвязи России и ее азиатской части и геополитическому положению Сибири, выдвигавшиеся общественными силами страны в дореволюционный период. Решение этой проблемы поможет выявить наиболее эффективный вариант государственного устройства России, определения места региона в административно-территориальной системе страны.

2. Материалы и методы

Авторы проанализировали документальные источники Государственного архива Красноярского края, работы общественных деятелей и историков России, Сибири XVII–XIX вв., тексты партийных программ России XIX – начала XX вв. Основными источниками стали работы ряда общественных деятелей дореволюционной России: Ю. Крижанича, П.А. Словцова, А.Н. Радищева, Н.В. Басаргина и др. Методологическая база опирается на общенаучные методы синтеза, логического анализа, которые способствовали критически-аналитическому осмыслению теоретических и программных положений, первоисточников. Сравнительный и сопоставительный методы позволили выносить суждения в результате анализа совокупности фактов в контексте исторической обстановки. Кроме того, проблема рассматривалась с точки зрения первостепенной роли государства в освоении Сибири, значимости промышленной и крестьянской колонизации, т.е. на основе цивилизационного и миграционного подходов. Представители общественной мысли дореволюционной России отмечали в государственной политике стремление увеличить число ясадного населения, а не территориального приращения, видели в народной колонизации поиск свободной жизни. Анализ работ на основе евразийской концепции обусловил понимание точки зрения Словцова, Ядринцева и других авторов о взаимовлиянии и взаимозависимости Европейской и Азиатской России. Проследить эволюцию взглядов интеллектуальной элиты и элементы их преемственности по вопросу административного и социально-культурного устройства сибирских народов позволил историко-генетический метод.

3. Обсуждение

В ходе изучения архивных источников, работ историков ([Крижанич, 1822](#); [Крижанич, 1997](#); [Словцов, 2012](#); [Уманец, 1884](#)) и общественных деятелей дореволюционной России ([Радищев, 1952](#); [Радищев, 1988](#); [Басаргин, 1985](#) и др.), авторы согласились с точкой зрения, что Русь стала Великой Россией тогда, когда к ней была присоединена Сибирь. Значимость данных работ в понимании взаимоотношений и места Центральной и Сибирской России была признана дореволюционными историками. Так, Н.Н. Бакай дал подробную характеристику личности и исторического труда П.А. Словцова, подчеркивая его титанический труд по сбору материала, называя автора первым сибирским патриотом ([Бакай, 1918: 13-14](#)). Значимость дел и трудов «верного сына Сибири» Н.М. Ядринцева, его влияния на сибирскую жизнь подчеркивал М.К. Лемке ([Лемке, 1904: 191](#)).

Можно отметить недостаточную исследованность проблемы взаимосвязи России и Сибири при значительном количестве исследовательских работ. Наиболее изучены вопросы, связанные с историей проведения административных реформ в России ([Тархов, 2005](#); [Акишин, 2003](#); [Гергилев, 2016](#) и др.). Можно согласиться с точкой зрения А. В. Ремнева о том, что в ходе исторического становления на территории Российской империи сложились большие общности (регионы), отличающиеся друг от друга своей индивидуальностью, региональной самоидентификацией ([Ремнев, 1997: 10](#); [Ремнев, 2007](#)). Но проблема взаимосвязи России и Сибири в дореволюционной общественной мысли не была поставлена как предмет изучения. В постсоветской историографии весомую лепту в изучение эволюции государственного устройства в Сибири внесли исследователи А.В. Ремнев, Л.М. Дамешек, И.Л. Дамешек, Н.П. Матханова. Различные аспекты административно-территориального устройства и взаимоотношений центральной власти и Сибири исследованы в статьях сибирских авторов ([Karchaeva et al., 2017](#); [Gryaznukhina et al., 2017](#); [Cherepanov et al., 2018](#); [Karchaeva et al., 2019](#); [Gergilev et al., 2019](#)). Вопросам анализа влияния сибирского областничества на процессы государственного строительства уделяли внимание как российские ([Шиловский, 2008](#)), так и зарубежные ученые ([Pereira, 1993](#)). Российскую бюрократию через призму социальных характеристик исследовал У. Пинтнер ([Pintner, 1970](#)). Проблемы экономического освоения восточных земель и интеграции Сибири в Российское государство освещены в работе Ф. Хилла и Г. Клиффорда ([Hill, Clifford, 2003](#)).

4. Результаты

Для управления страной, особенно столь значительной в территориальном аспекте, как Россия, требуется определенный политический курс с правильно выбранной моделью государственного

устройства. Принцип устройства является одной из главных основ ее государственности и единства страны (Тархов, 2005: 65).

Устройство административно-территориальной системы Сибири формировалось по мере присоединения ее территорий к российскому государству. Заселение, освоение казаками, крестьянами, купцами, ведение хозяйственной деятельности в регионе обусловили эволюцию системы управления Сибирью, которая стала рассматриваться и осознаваться как особая часть России, а не просто источник пушнины. Такое взаимодействие определило формирование в общественном мировоззрении идеи «единства судеб» европейской части России и российской Азии, что отмечает ряд авторов как характерную черту общественного мировоззрения русского населения Сибири (Александров, Покровский, 1991: 327). Необходимо обратить внимание на то, что по реформам Петра I Сибирская губерния была образована в числе первых восьми губерний в России 18 декабря 1708 г. с центром в г. Тобольск. Данный факт говорит о понимании властью значимости Сибири для России.

Осознанию Сибири как определенной территории страны содействовали представители общественной мысли России и Сибири, которые непосредственно здесь проживали как ссыльные или служилые. Например, в Тобольск был сослан хорватский историк и богослов Ю. Крижанич. Он находился с 1661 по 1676 г. в городе, который управлял в XVII в. всей Сибирью. Крижанич писал в «Политике», что присоединение Сибири к России произошло в результате «справедливой войны». Он не отделял Сибирь от России, полагая, что присоединенные земли выгодны и необходимы царству. Он видел значимость Сибири для России в ее геополитическом расположении, которое способствовало активному участию России в развитии международной торговли как транзита из Европы в Китай, Индию, Монголию. Ссылный мыслитель по существу теоретически дал международно-правовое обоснование присоединения Сибири к России (Акишин, 2015: 45). Очень четко эта мысль проявилась у Ю. Крижанича при рассмотрении им направления торговых путей России и их значения для ее международной торговли и внешней политики. В своей «Политике» он уделял этому вопросу огромное внимание, подчеркивая значимость сибирских рек: «...Вся сила сибирской земли в ее реках, и (тот) кто хозяин рек, тот хозяин и этой земли», – писал Ю. Крижанич (Крижанич, 1997: 43, 48). Он углубил данную тему в работе «Повествование о Сибири», где обратил внимание правительства на необходимость развития водных путей в Сибири для осуществления стратегических, торговых целей, переселенческой политики: «...Мы могли бы вести торговлю на многие тысячи тысяч и через наши руки шли бы товары от народа к народам, и от этого бы неслезанно разбогатела государственная казна и весь народ... Все товары могут идти через Сибирь к бухарцам и индийцам..., а товары тех народов – к нам и через наши руки – к немцам, к полякам и литовцам» (Крижанич, 1822: 34, 37). Следовательно, для Ю. Крижанича крепезом Центра и региона являлись водные пути и торговля.

Ссылный в сибирский Илимский острог А.Н. Радищев не остался равнодушным к ее природным красотам и к положению самой Сибири. В своих письмах к сенатору А.Р. Воронцову, другу и покровителю, он восхищался местностью, «где и политическое положение, и нравственность жителей следуют неминуемо положению просторами региона», отмечая, что Сибирь составляет три четверти территории России (Радищев, 1988: 561). А.Н. Радищев, размышляя о будущем Азиатской России, восхищался природными дарами Сибири и был убежден, что после заселения этого мощного края ему будет уготована великая роль. Он подчеркивал, что главной силой развития Сибири как особой части России является поиск и открытие северного пути по Ледовитому океану, власти «тем самым поставят Сибирь в непосредственное общение с Европой», что подстегнет сельское хозяйство этой территории, выведя его из состояния спячки (Радищев, 1988: 572). «Путешественник поневоле» пытался обратить внимание своего покровителя на то, что необходимо для развития региона осуществить «утверждение сообщения России с Сибирью», сделать это «наивысшим и безопаснейшим» (Радищев, 1952: 161). Хорошие дороги, с точки зрения Радищева, будут содействовать «утверждению в Зауральской стране владычества России», развитию торговли, хлебопашества, росту населения, его «благодетельной активности», оседанию коренного населения. Интересна его мысль о том, что предназначение Сибири – быть полигоном в «испытании и приобретении опыта государственного управления». Чтобы Сибири не «быть пустыней», нужно менять образ управления территорией (Радищев, 1952: 163). И историю административных реформ Сибири «можно рассматривать в качестве примера формирования оптимальных государственных механизмов управления» (Гергилев, 2016а: 60).

Во многом с А.Н. Радищевым был согласен и сибирский историк П.А. Словцов. В «Историческом обозрении Сибири», изданном в 1838–1844 гг., он исследовал и показал значимость и взаимосвязь Европейской и Азиатской России. На значительном материале, собранном в ходе службы, путешествий по Сибирскому краю, он показал историю освоения, жизни русского и инородческого населения на протяжении 250 лет после похода дружины Ермака: «История Сибири для нас выходит из пеленок самозабвения не ранее, как по падении чалмы с головы Кучумовой» (Словцов, 2012: 53).

Словцов, коренной житель Сибири, с присущей духовному лицу дотошностью раскрыл значимость Азиатской России в жизни русского государства, подчеркнул эволюцию вхождения Сибири в состав государства через промышленное освоение пушных богатств Сибири (Словцов, 2012: 52). В силу своего происхождения, воспитания и образования Словцов связующим звеном видел проникновение православия за Камень (Словцов, 2012: 78-79).

П.А. Словцов подчеркивал значимость во взаимозависимости Центра и окраины укоренения русских среди местных племен. Он призывал бережно относиться к коренному населению, приведя пример Енисейского воеводства, которое завело на Ангаре острог Братский, «...дабы вдруг соседством крепостцы не испугать туземных бурят. А у них учиться плавить чугун из руд» (Словцов, 2012: 86).

Как Ю. Крижанич, А.Н. Радищев, так и П.А. Словцов видели значимость Азиатской России в развитии торговли, промышленности, крестьянского хозяйства, охоты и рыболовства. Довольно горделиво патриот Сибири подчеркивал и ту значимость, что через богатство Сибири нужно продемонстрировать соседним азиатским странам богатство и могущество России (Словцов, 2012: 99). Таким образом, обосновывая взаимосвязь Европейской и Азиатской России, Словцов видел приниженность Сибири, неравноправные отношения, противоречивое положение родной ему Сибири в составе русского государства: «Сибирь как страна заключает в себе золотое дно, но как часть государства представляет ничтожную и безгласную область» (Словцов, 2012: 280).

Вышеперечисленные общественные деятели видели Сибирь частью России. Они понимали, что освоение региона носит колониальный характер, она все больше становится местом каторги и ссылки, т.к. Соборное Уложение 1649 г. заложило законодательную базу признания Сибири местом ссылки. Но мыслители этого времени, XVII – начала XIX вв., периода присоединения и хозяйственного освоения Азиатской России, привлекали внимание российского общества к проблемам Сибири.

Уже несколько другая позиция была у общественных деятелей XIX в., которые стремились более активно влиять на государственных людей в целях улучшения положения Сибири. Прежде всего, необходимо отметить дружбу, поддержку друг друга П.А. Словцова и М.М. Сперанского, которые вместе числились в столичной духовной семинарии и которому сибиряк внушал мысль об установлении законности в управлении родным краем, открытии университета в г. Тобольске, прекращении уголовной ссылки. М.М. Сперанский в 1819–1821 гг. трудился на посту сибирского генерал-губернаторства и предпринял значительные реформы административно-территориального устройства Сибири.

Одним из наиболее эффективных помощников М.М. Сперанского был Г.С. Батеньков, сибиряк, будущий декабрист, ставший инженером путей сообщения в родных краях. Он был в команде Сперанского по созданию «Сибирского уложения», предполагавшего глубинное преобразование аппарата управления Сибирью как особой части Российской империи, считая, что специфические местные особенности важно учитывать в таком глобальном пространстве, как Россия (Юшковский, 2012: 75). Сперанский принял ряд мер, направленных на то, чтобы приблизить организацию управления в Сибири к требованиям жизни, к уровню европейской России и претворить в жизнь новый взгляд правительства на Сибирь как естественную часть единого государства. Благодаря Сперанскому, Сибирь в представлении правительства уже являлась не промысловой колонией, а органической частью России, управляемой с учетом естественно-географических и этнических особенностей.

В самой же Азиатской России, благодаря реформам 20-х гг. XIX в., стало формироваться общественное сознание среди местной малочисленной интеллигенции, которая все чаще задумывалась о месте региона в составе Российской империи, об особенностях его положения. В одном из писем Г.И. Спасскому Михаил Михайлович отмечал и необходимость пропаганды знакомства с таким «отдаленным краем. Природа назначила его к обширному населению и образованию» (ГАКК. Ф. 805. Оп.1. Д. 382. Л. 11).

Г.С. Батеньков, как и другие декабристы, видел административный произвол и ничем не ограниченный грабеж царских чиновников, посланных царем для выколачивания сибирских богатств. Это, естественно, не способствовало укреплению авторитета Центра, царя в присоединяемой территории среди населения. Значение же реформы было в том, что впервые в истории России была попытка комплексного подхода к решению задач управления таким огромным богатым регионом, который потом переносился на другие части империи. Таким образом, государство, проводя реформы региональной политики, пыталось обеспечить единство и эффективность управляемости империи. В «оптимальном административно-территориальном устройстве Сибири – залог прогрессивного развития не только региона, но всей России» (Гергилев, 2016б: 61). Одной из скреп Европейской и Азиатской России Батеньков видел в «прокладке железнодорожного пути между Петербургом и Тобольском, Тобольском и Архангельском», а также предложил соединить каналом Обь и Енисей, что, по его мнению, связало бы все территории Сибири между собой и с Центром и обусловило бы геополитическую устойчивость державы. «Проложение через Сибирь железнодорожного пути, – писал он в 1859 г., – значило бы присоединение огромной пустынной страны к образованному миру и довершение кругосветного пути» (Пасецкий, 1989: 76). Другой декабрист Н.В. Басаргин предлагал проложить дорогу между Тюменью и Пермью. И.И. Пущин в письме Н.Д. Фонвизиной от 16 апреля

1856 г. писал, что было бы неплохо соединить Амур с Невой как залог развития Азиатской России (Пущин, 1989: 329).

Г.С. Батенькову мы обязаны появлением Енисейской губернии (декабрь 1822 г.) и выдвижением на пост губернатора нового региона А.П. Степанова – человека прогрессивных взглядов. Первый губернатор новой губернии развернул кипучую деятельность (Щербицкий, 2005: 46). В своей книге «Енисейская губерния» Степанов подчеркивал важность развития во вверенной ему губернии фабрик, мануфактур как источников сбыта хлеба. С его точки зрения, поддержание гармонии управления «в частях великого целого» является главной заслугой самодержавия. Чтобы эта гармония укреплялась и далее, необходимо правительству всю «выгоду склонять в пользу жителей, а не казны, которая должна употреблять половину на расходы», т.к. две трети доходов уходило в Центр (Степанов, 1997: 109, 115, 193).

Анализ нормативных актов Сперанского–Батенькова по управлению сибирскими окраинными территориями позволяет утверждать, что они не нарушали государственное устройство России, а дополняли и корректировали в соответствии со сложными внутри- и внешнеполитическими задачами, стоящими перед многонациональным государством (Дамешек, Дамешек, 2016: 27). Реализацию правительственной «концепции Сибири» наблюдали в своей ссылке декабристы, анализируя и предлагая свои пути решения многочисленных проблем Сибири для того, чтобы «отчизна дон-кихотов», по образному выражению Сперанского, стала органической частью России. Так, Н.В. Басаргин и ряд его товарищей по «казематскому периоду» отмечали сходство сибиряков и американцев. «Как страна ссылки, Сибирь снисходительно принимала всех без разбора». Декабристы видели Сибирь в составе России на федеральных началах, отмечая наличие тождественных черт в положении США и Сибири (Басаргин, 1985: 187).

Г.С. Батеньков, В.К. Кюхельбекер, Н.В. Басаргин, И.И. Пущин, С.П. Трубецкой и другие были убеждены в необходимости эквивалентного обмена между метрополией и колонией, расширения связи сибирского хозяйства с российским рынком. Декабристы считали важным использование капитала в самой Сибири, а не вне ее: «Большие сибирские капиталисты – некоторые из них золотопромышленники и откупщики – живут большею частью в России и употребляют все то, что доставляет им Сибирь, не в самом крае, а вне его». Они видели в улучшении нравственного состояния чиновников, подготовке кадров для служебной деятельности в Сибири возможность укрепления взаимоотношений населения между Европейской Россией и сибирским регионом. Большую пользу для развития территории, по мнению декабристов, могло бы принести открытие вуза в одном из крупных сибирских городов (Басаргин, 1985: 175, 190).

Таким образом, декабристы видели Сибирь частью России, предлагали пути укрепления взаимосвязи Европейской и Азиатской частей России, призывая прежде всего покончить с колониальным положением последней, делая упор на повышение образовательного уровня населения окраины, его общественного, экономического, культурного потенциала. Их общественная, просветительская и хозяйственная деятельность содействовала повышению уровня провинциальной жизни, формировала из сибиряков активных патриотов своего богатейшего края, пониманию Сибири как земли Русской. И в то же время для повышения геополитической значимости Азиатской России декабристы выступали за предоставление ей ряда автономных преференций.

В этом контексте декабристы предвосхитили идеи сибирских областников. Это движение, возникшее среди студентов-сибиряков вузов Европейской России, более пятидесяти лет оказывало влияние на самые разные стороны жизни Сибири. По своим взглядам оно не было однородным: одни считали Сибирь особой частью России, другие – хотели создать суверенную Сибирскую республику. Их взгляды базировались на представлении о Сибири как экономической и политической колонии, месте ссылки.

Областники А.П. Шапов, Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин ставили вопрос о месте Сибири в пространстве государства: дочка она или падчерица, колония или окраина. С нашей точки зрения, областники связующим звеном Европейской и Азиатской России считали формирование «русско-сибирской народности», что обусловит включение Сибири в общероссийское пространство. С другой стороны, они поставили вопрос, актуальный и сегодня: что дали друг другу Европейская и Азиатская Россия. Примером для подражания областники считали Соединенные Штаты Америки. Ядринцев упрекал правительство в том, что оно неумело пользуется Сибирью. Сложным было отношение областников к намечаемой прокладке Сибирского железнодорожного пути, который грозил окончательным закреплением региона в качестве рынка сырья для метрополии. Но они видели, что дорога может ускорить развитие края, будет стимулировать импорт знаний, изобретений и капитала. Ядринцев указывал три фактора, уменьшавших возможности Сибири: 1) ссылка как инструмент развития территории; 2) экономический диктат Центра и 3) «утечка мозгов» сибирской интеллигенции. Однако Ядринцев верил в потенциал Сибири, который сам может создать учебные, научные и культурные учреждения. Но произойдет это тогда, когда сибиряки снимут «загрязненную лапу купеческой Москвы...» (Ядринцев, 1882: 183). Кроме того, ученый отмечал формирование в Сибири особого этнического типа русско-сибирского населения, для которого характерна «историческая беспамятность и индифферентизм, отсутствие исторических традиций», и слабую

включенность сибиряков в общую судьбу государства: «государственная жизнь не пробуждает здесь особого патриотизма». Поэтому метрополии необходимо развивать образование, интеллектуальные интересы (Ядринцев, 1882: 58, 61-62). Вот почему областники радовались открытию в Томске в 1888 г. первого в Сибири университета.

По мере развития областнических идей оно все больше склонялось к автономии. Необходимо отметить малочисленную поддержку населением их идей, ярким показателем чего стали выборы в Учредительное собрание по Сибири в ноябре–декабре 1917 г. Отдельным списком областники выступили лишь в одной Енисейской губернии и собрали 0,7 % голосов, по другим территориям областники объединялись с народными социалистами, эсерами, кадетами и получали до 0,86 % (Городские новости, 2012, 13 июля). Летом 1918 г. в ходе гражданской войны Временное Сибирское правительство в Омске приняло «Декларацию о государственной самостоятельности Сибири». Такая республика просуществовала с июля по ноябрь 1918 г., где государственность зиждилась на лозунге «Через автономную Сибирь к возрождению свободной России» (Православное краеведение. 2015, 17 июля). Но поддержки этот шаг не получил (ГАКК. Ф.1800. Оп.2. Д. 34. Л. 5, 11). К тому же они ввели бело-зеленый флаг автономной Сибири, отражавший ее снега и леса, свою валюту – сибирские рубли, стали формировать армию в количестве 185 тыс. человек под командованием подполковника императорской армии Гришина-Алмазова. После краха Сибирской республики бело-зеленый цвет нашивок на военной амуниции Колчак сохранил, хотя содействовал разгрому областничества и Сибирской республики. Идеи и действия областников – идеи и действия региональной патриотически настроенной интеллигенции, которую не устраивало и унижало колониальное положение Сибири. Они требовали от правительства особого внимания к собственным нуждам Сибири и ее населения.

Интересна позиция Ф.М. Уманца, историка, публициста, общественного деятеля второй половины XIX – начала XX вв. В своем исследовании он пришел к выводу, что меч и плуг – главные средства освоения русскими свободной земли, в том числе Сибири. Обосновывая прогрессивность свободного многочисленного переселения крестьян, автор поднимает проблему политической значимости этого процесса. С его точки зрения, устройство русской колонии в Сибири позволит Европейской России усилить свое международное положение, решить дипломатические проблемы с Китаем, Германией, Англией и другими государствами (Уманец, 1884: 33, 34). Как и декабристы, Уманец видел в развитии водяных и сухопутных путей сообщения Сибири средство укрепления связей региона с центром, заселения, укрепления обороноспособности, преодоления замкнутости региона. Она подчеркивал, что «завоевать край» – еще мало, надо еще поддерживать завоевание». В этих целях государству необходимо заботиться о русском переселенце, чтобы он «сохранял свою национальность, не окиргизился» (Уманец, 1884: 228). Таким образом, с точки зрения исследователя, русский народ должен оставаться стержнем и крепезом всей территории Великой России.

В конце XIX в. в России начался процесс формирования политических партий. Ссылка, переезд, назначения членов партии на работу и службу в Сибирь обусловили появление региональных отделений партий и в Азиатской России. Местные партийные организации выражали интересы региона на фоне общероссийских проблем.

Идеи областников поддерживала партия «Народная свобода». В Программе ее Иркутского отдела говорилось: «Предоставляются всем населяющим русское государство народностям право свободного культурного самоопределения... Сибирь устраивается на началах широкой автономии в лице областных дум». Следовательно, для кадетов Сибирь была особой территорией, которой давались права не только культурного самоопределения, но и политической автономии. Эту мысль они более четко разъясняли в агитационных листовках в ходе выборов состава Учредительного собрания. В одной из них они подчеркивали, что они, кадеты, стоят за то, чтобы Сибирь управлялась своими избранными, имела свою Сибирскую Думу, свои законы и составляла часть нераздельной России (ГАКК. Ф.173. Оп. 2. Д. 11. Л. 1-3). Красноярское отделение партии кадетов солидаризировалось с иркутянами и призывало к тому, чтобы «Сибирь управлялась сибирскими людьми, чтобы Сибирь входила в нашу общую Русскую родину-мать» (ГАКК. Ф. 173. Оп. 2. Д. 11. Л. 9). Следовательно, они видели неразрывность судеб двух частей одной страны.

В начале XX в. в Сибири начинают формироваться организации партии социалистов-революционеров (эсеров). В 1904 г. появилась Красноярская эсеровская организация, которая станет самой крупной по численности в Сибири. Эсеровские партийные организации играли значительную роль на территории Сибири, число которых к 1917 г. достигло 250 с общей численностью 11–12 тысяч членов. 38 сибирских представителей ПСР становятся депутатами Учредительного собрания. Временное правительство автономной Сибири оказалось фактически эсеровским (из 15 его членов 11 входило в партию социалистов-революционеров). Они выступали за создание в России республики на принципах территориально-национальной автономии, а восточнее Енисея предлагали создать буферное государство, чтобы сохранить возможность для дальнейшего соединения с Россией. На IV съезде партии было отмечено, что «Сибирь может быть совершенно автономна. Во всех отношениях она может обходиться своими средствами. Имеются выходы в море, свои порты и прочее. В свободном товарообмене между областями... будет положено начало Всероссийскому

интернационализму в свободной федеральной республике!» (ПСР, 2000: 201). Они готовили выступление против Колчака, считая его душителем дела Учредительного собрания (ГАКК. Ф. 1800. Оп.2. Д. 34. Л. 5, 11). Отражая интересы сибирских партийных организаций, эсеровская национальная программа нашла воплощение в постановлении «Областное устройство Сибири», принятом 16 октября 1917 г. на первом сибирском областном съезде в Томске. Постановление признавало единство Российской республики как целого организма, требовало для ее частей «автономии национальной или территориальной», обеспечения прав национальных меньшинств в местностях со смешанным населением (ПСР, 2000: 457).

Не остались в стороне от проблемы взаимосвязи двух частей России иностранные путешественники. В своих воспоминаниях о путешествии от первопрестольной столицы до Красноярска (1897 г.) французский археолог барон Ж.-А. де Бай подчеркнул, что Сибирь – это продолжение России (Орехова, 2004: 64). Барону вторил норвежский полярный исследователь, общественный деятель, ученый Фритшоф Нансен. В 1913–1914 гг. он посетил Сибирь. В книге «В страну будущего» известный путешественник, восхищаясь природой Сибири, писал, что «русский народ выполняет великую задачу, заселяя и культивируя эти огромные земельные пространства на пользу человечества». Он подчеркивал, что Сибирь «представляет, в сущности, естественное продолжение России, и ее надо рассматривать не как колонию, а как часть той же родины, которая может дать в своих необозримых степях приют многим миллионам славян» (Нансен, 1982: 222-223).

5. Заключение

Таким образом, общественно-политическая мысль дореволюционной России эволюционировала от понимания зависимости Сибири от Центра к пониманию о суверенных возможностях региона. Она разрабатывала альтернативные варианты государственного устройства страны. Какой из них отвечал интересам, сказать однозначно нельзя. Ни один из них не был апробирован как до, так и после революций 1917 г. Огромность богатств Сибири, попытки оспаривания их принадлежности обуславливают необходимость дальнейшего изучения исторических корней взаимовлияния и взаимозависимости Европейской и Азиатской России и выработки эффективной политики государства в решении насущных проблем. Патриоты Сибири видели регион как пример взаимодействия новопоселенцев с местными жителями, их взаимопонимания и взаимовлияния. Государственные институты вынуждены были принимать эти процессы как должное и как пример политики в отношении других территорий России.

Литература

- Акишин, 2003 – Акишин М.О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата. Новосибирск, 2003. 406 с.
- Акишин, 2015 – Акишин М.О. Международно-правовые воззрения Ю. Крижанича // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2015. № 2 (6). С. 39-46.
- Александров, Покровский, 1991 – Александров В.А, Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1991. 401с.
- Бакай, 1918 – Бакай Н.Н. Памяти П.А. Словцова как историка Сибири. Красноярск, 1918. 15 с.
- Басаргин, 1985 – Басаргин Н.В. Записки. Красноярск, 1985. 304 с.
- ГАКК – Государственный архив Красноярского края.
- Гергилев, 2016а – Гергилев Д.Н. Сибирь как пример поисков оптимального административно-территориального устройства России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 1. С. 56-61.
- Гергилев, 2016б – Гергилев Д.Н. Административное управление Сибирью в XVIII – первой трети XIX веков. Красноярск: Изд-во СФУ, 2016. 172 с.
- Дамешек, Дамешек, 2016 – Дамешек И.Л., Дамешек Л.М. М.М. Сперанский в Иркутске 1819–1822. Иркутск, 2016. 48 с.
- Зеленский, 2001 – Зеленский В. Сибирь как колония. Неровные мысли на стыке веков // Сибирские огни, 2001, № 1.
- Зеленский, 2008 – Зеленский В. Великий радетель Сибири. Ядринцев и его время. // Сибирские огни, 2008. № 1–3.
- Крижанич, 1822 – Крижанич Ю. Повествование о Сибири. СПб., 1822. 48 с.
- Крижанич, 1997 – Крижанич Ю. Политика. М, 1997. 527 с.
- Лемке, 1904 – Лемке М.К. Николай Михайлович Ядринцев: биографический очерк. К 10-летию со дня кончины (7.VI.1894–7.VI.1904). СПб., 1904. 219 с.
- Нансен, 1982 – Нансен Ф. В страну будущего. Красноярск, 1982. 336 с.
- Орехова, 2004 – Орехова Н.А. Барон Жозеф де Бай: сибирский след // Енисейская провинция. Альманах. Вып. 1. Красноярск. 2004. С. 60-66.
- ПСР, 2000 – Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3-х тт. / Т. 3. Ч. 1. М.: 2000. 958 с.; Ч. 2. 2000. 1055 с.
- Пушкин, 1989 – Пушкин И.И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1989. 576 с.

- Радищев, 1952 – Радищев А.Н. Сокращенное повествование о приобретении Сибири. Полн. собр. соч. Т. 2. М.-Л., 1952. С.145-163.
- Радищев, 1988 – Радищев А.Н. Сочинения. М., 1988. 687 с.
- Ремнев, 1997 – Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков. Омск, 1997. 252 с.
- Ремнев, 2007 – Ремнев А.В. Сибирь в Российской империи. М., 2007. 368 с.
- Словцов, 2012 – Словцов П.А. История Сибири. От Ермака до Екатерины. М. 2012. 512 с.
- Степанов, 1997 – Степанов А.П. Енисейская губерния. Красноярск, 1997. 223 с.
- Тархов, 2005 – Тархов С.А. Изменение административно-территориального деления России в XIII–XX вв. // *Логос*, 2005. № 1. (46). С. 65-101.
- Уманец, 1884 – Уманец Ф.М. Колонизация свободных земель России. СПб., 1884. 243 с.
- Шиловский, 2008 – Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX вв. Новосибирск, 2008. 270 с.
- Юшковский, 2012 – Юшковский В.Д. М.М. Сперанский и Г.С. Батеньков: поиски основ сибирских преобразований // *Известия Иркутского университета. Серия «История»*. 2012. № 2 (3), ч. 1. С. 72-79.
- Ядринцев, 1882 – Ядринцев Н.М. Сибирь как колония: к юбилею трехсотлетия: современное положение Сибири, ее нужды и потребности, ее прошлое и будущее. СПб, 1882. 471 с.
- Cherepanov et al., 2018 – Cherepanov S.K., Gergilev D.N., Gryaznukhin A.G. Anonymous Sources of the Conflict in the East Siberian Provincial Administration in the 1870s. // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 47. Is. 1: 328-338.
- Gergilev et al., 2019 – Gergilev D.N., Khait N.L., Akhtamov E. A. Formation of Educational System in the Yenisei Siberia in XVIII century: from Latin School to Small People's School. // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 52. Is. 2: 523-532.
- Gryaznukhina et al., 2017 – Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Gaydin S.T., Reut G.A. The Siberia of the 19th century through the Russian Intelligentsia's eyes. // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 45. Is. 3: 811-820.
- Hill, Clifford, 2003 – Hill F., Clifford G. The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold. Brookings Institution Press, 2003, 240 p.
- Karchaeva et al., 2017 – Karchaeva T.G., Gergilev D.N., Severyanov M.D. Who were the Clerks in Siberia? Professional Characteristics of Russian Empire Local Governmental Officials from the 19th to the early 20ies century. // *Bylye Gody*. 2017. 43 (1). pp. 86-93.
- Karchaeva et al., 2019 – Karchaeva T.G., Gergilev D.N., Luschaeva G.M. Hereditary Bureaucracy in East Siberian Government from XIX to the early XX century: Statistical Analysis on the Materials of the Yenisei Province. // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 51. Is. 1. pp. 188-197.
- Pereira, 1993 – Pereira N.G.O. The idea of Siberian Regionalism in Late Imperial and Revolutionary Russia. // *Russian History*. 1993. Vol. 20. Is. 4. pp. 163-178.
- Pintner, 1970 – Pintner W.M. The Social Characteristics of the Early Nineteenth-Century Russian Bureaucracy. // *Slavic Review*. 1970. № 3. pp. 429-443.

References

- Akishin, 2003 – Akishin M.O. (2003). Rossijskij absolyutizm i upravlenie Sibiri XVIII veka: struktura i sostav gosudarstvennogo apparata [Russian absolutism and management of Siberia of the XVIII century: structure and composition of the state apparatus]. Novosibirsk, 406 p. [in Russian]
- Akishin, 2015 – Akishin M.O. (2015). Mezhdunarodno-pravovyye vozzreniya Yu. Krizhanicha [International legal views of Y. Krizhanich]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»*, № 2 (6), pp. 39-46. [in Russian]
- Aleksandrov, Pokrovskij, 1991 – Aleksandrov V.A, Pokrovskij N.N. (1991). Vlast' i obshchestvo. Sibir' v XVIII v. [Power and society. Siberia in the XVIII century.] Novosibirsk, 401 p. [in Russian]
- Bakaj, 1918 – Bakaj N.N. (1918). Pamyati P.A. Slovczova, kak istorika Sibiri [In memory of P.A. Slovtsov, as a historian of Siberia]. Krasnoyarsk, 15 p. [in Russian]
- Basargin, 1985 – Basargin N.V. (1985). Zapiski [Notes]. Krasnoyarsk, 304 p. [in Russian]
- Cherepanov et al., 2018 – Cherepanov S.K., Gergilev D.N., Gryaznukhin A.G. (2018). Anonymous Sources of the Conflict in the East Siberian Provincial Administration in the 1870s. *Bylye Gody*. Vol. 47. Is. 1: 328-338.
- Dameshek, Dameshek, 2016 – Dameshek I.L., Dameshek L.M. (2016). M.M. Speranskij v Irkutsk 1819–1822 [M.M. Speransky in Irkutsk 1819–1822]. Irkutsk, Izd-vo «Ottisk», 48 p. [in Russian]
- GAKK – Gosudarstvennyj arhiv Krasnoyarskogo kraja [State archive of Krasnoyarsk region].
- Gergilev et al., 2019 – Gergilev D.N., Khait N.L., Akhtamov E.A. (2019). Formation of Educational System in the Yenisei Siberia in XVIII century: from Latin School to Small People's School. *Bylye Gody*. Vol. 52. Is. 2: 523-532.
- Gergilev, 2016a – Gergilev D.N. (2016). Sibir' kak primer poiskov optimal'nogo administrativno-territorial'nogo upravleniya Rossii [Siberia as an example of search for optimal administrative-territorial management Russia]. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'*, V. 8, № 6, Part 1. P. 56-61. [in Russian]

- [Gergilev, 2016b](#) – *Gergilyov D.N.* (2016). Administrativnoe upravlenie Sibir'yu v XVIII – pervoj treti XIX veka [Administrative management of Siberia in XVIII – first third of XIX century]. Krasnoyarsk: Izd-vo SFU, 172 p. [in Russian]
- [Gryaznukhina et al., 2017](#) – *Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Gaydin S.T., Reut G.A.* (2017). The Siberia of the 19th century through the Russian Intelligentsia's eyes. *Bylye Gody*. 2017. Vol. 45. Is. 3: 811-820.
- [Hill, Clifford, 2003](#) – *Hill F., Clifford G.* (2003). The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold. Brookings Institution Press, 240 p.
- [Karchaeva et al., 2017](#) – *Karchaeva T.G., Gergilev D.N., Severyanov M.D.* (2017). Who were the Clerks in Siberia? Professional Characteristics of Russian Empire Local Governmental Officials from the 19th to the early 20ies century. *Bylye Gody*, 43 (1): 86-93.
- [Karchaeva et al., 2019](#) – *Karchaeva T.G., Gergilev D.N., Luschaeva G.M.* (2019). Hereditary Bureaucracy in East Siberian Government from XIX to the early XX century: Statistical Analysis on the Materials of the Yenisei Province. *Bylye Gody*, Vol. 51, Is. 1: 188-197.
- [Krizhanich, 1822](#) – *Krizhanich Yu.* (1822). Povestvovanie o Sibiri [The story of Siberia]. Saint-Petersburg, 48 p. [in Russian]
- [Krizhanich, 1997](#) – *Krizhanich Yu.* (1997). Politika [Policy]. Moscow, 527 p. [in Russian]
- [Lemke, 1904](#) – *Lemke M.K.* (1904). Nikolaj Mixajlovich Yadrincev: biograficheskij ocherk. K 10-letiyu so dnya konchiny` (7.VI.1894-7.VI.1904) [Nikolai Mikhailovich Yadrintsev: a biographical sketch. On the 10th anniversary of his death (7.VI.1894-7.VI.1904)]. Saint-Petersburg, 219 p. [in Russian]
- [Nansen, 1982](#) – *Nansen F.* (1982). V stranu budushchego [To the country of the future]. Krasnoyarsk, 336 p. [in Russian]
- [Orekhova, 2004](#) – *Orekhova N.A.* (2004). Baron Zhozef de Baj: sibirskij sled [Baron Joseph de Bai: the Siberian trail]. *Enisejskaya provinciia. Al'manah*. Is. 1. Krasnoyarsk. Pp. 60-66. [in Russian]
- [Pereira, 1993](#) – *Pereira N.G.O.* (1993). The idea of Siberian Regionalism in Late Imperial and Revolutionary Russia. *Russian History*, Vol. 20, Is. 4, pp. 163-178.
- [Pintner, 1970](#) – *Pintner W.M.* (1970). The Social Characteristics of the Early Nineteenth-Century Russian Bureaucracy. *Slavic Review*, № 3, pp. 429-443.
- [PSR, 2000](#) – Partiya socialistov-revolucionerov. Dokumenty i materialy. V 3-h tt. [Party of socialist revolutionaries. Documents and materials. In 3 vols.]. V. 3. Part 1. Moscow. 2000. 958 p.; Part 2. 2000. 1055 p. [in Russian]
- [Pushchin, 1989](#) – *Pushchin I.I.* (1989). Zapiski o Pushkine. Pis'ma [Notes about Pushkin. Letters]. Moscow. 576 p. [in Russian]
- [Radishchev, 1952](#) – *Radishchev A.N.* (1952). Sokrashchennoe povestvovanie o priobretenii Sibiri [An abridged account of the acquisition of Siberia]. Poln. sobr. soch. T. 2. Moscow – Leningrad, 1952. Pp. 145-163. [in Russian]
- [Radishchev, 1988](#) – *Radishchev A.N.* (1988). Sochineniya [Compositions]. Moscow. 687 p. [in Russian]
- [Remnyov, 1997](#) – *Remnyov A.V.* (1997). Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaya politika vtoroj poloviny XIX – nachala XX vekov [Autocracy and Siberia. Administrative policy of the second half of XIX – early XX centuries]. Omsk, 252 p. [in Russian]
- [Remnyov, 2007](#) – *Remnyov A.V.* (2007). Sibir' v Rossijskoj imperii [Siberia in the Russian Empire]. Moscow, 368 p. [in Russian]
- [Shilovskij, 2008](#) – *Shilovskij M.V.* (2008). Sibirskoe oblastничество v obshchestvenno-politicheskoj zhizni regiona vo vtoroj polovine XIX – pervoj chetverti XX v. [Siberian regionalism in socio-political life of the region during the second half of the XIX – first quarter XX century apparatus]. Novosibirsk, 270 p. [in Russian]
- [Slovcev, 2012](#) – *Slovcev P.A.* (2012). Istoriya Sibiri. Ot Ermaka do Ekateriny [History of Siberia. From Ermak to Catherine]. Moscow, 512 p. [in Russian]
- [Stepanov, 1997](#) – *Stepanov A.P.* (1997). Enisejskaya guberniya [Yenisei province]. Krasnoyarsk, 223 p. [in Russian]
- [Tarhov, 2005](#) – *Tarhov S.A.* (2005). Izmenenie administrativno-territorial'nogo deleniya Rossii v XIII–XX vv. [Change of administrative-territorial division of Russia in XIII–XX centuries]. *Logos*, №1(46), pp. 65-101. [in Russian]
- [Umanec, 1884](#) – *Umanec F.M.* (1884). Kolonizaciya svobodnyh zemel' Rossii [Colonization of free lands of Russia]. Saint-Petersburg, 243 p. [in Russian]
- [Yadrincev, 1882](#) – *Yadrincev N.M.* (1882). Sibir', kak koloniya : k yubileyu trekhstotletiya : sovremennoe polozhenie Sibiri, ee nuzhdy i potrebnosti, ee proshloe i budushchee [Siberia as a colony : to the anniversary of the three hundredth anniversary: the current situation of Siberia, its needs and needs, its past and future]. Saint-Petersburg, 1882. 471 p. [in Russian]
- [Yushkovskij, 2012](#) – *Yushkovskij V.D.* (2012). M.M. Speranskij i G.S. Baten'kov: poiski osnov sibirskih preobrazovanij [M.M. Speransky and G.S. Batenkov: the search for the foundations of Siberian transformations]. *Izvestiya Irkutskogo universiteta. Seriya «Istoriya»*, № 2 (3), Part 1, pp. 72-79. [in Russian]

Zelenskij, 2001 – *Zelenskij V.* (2001). Sibir' kak koloniya. Nerovnye mysli na styke vekov [Siberia as a colony. Uneven thoughts at the turn of the century]. *Sibirskie ogni*, № 1. [in Russian]

Zelenskij, 2008 – *Zelenskij V.* (2008). Velikij radetel' Sibiri. Yadrincev i ego vremena [Great guardian of Siberia. Yadrintsev and his time]. *Sibirskie ogni*, № 1-3. [in Russian]

Общественная мысль дореволюционной России о месте Сибири в государственном устройстве страны

Лариса Федоровна Малютина ^а, Денис Николаевич Гергилев ^а, Александр Григорьевич Грязнухин ^{а, *}, Лариса Будаевна Жабаева ^б

^а Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^б Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу взглядов дореволюционных российских ученых и общественных деятелей на роль и место Сибири в строении системы управления государством. Теоретические обоснования и практические предложения общественных деятелей XVIII – начала XX вв. по вопросу поиска оптимальных вариантов управления имперским центром восточной окраиной находили отклик в социально-политическом дискурсе страны. Авторы пришли к выводу, что заселение региона привело к изменению системы управления Сибирью, которая эволюционировала от приоритетного источника пушнины до неразрывной составной части России. Общественная мысль империи культивировала идею единства сибирской и общероссийской судьбы, обосновывая это геополитическими, торгово-коммуникационными и социокультурными причинами. Большую роль в комплексной модернизации системы управления Сибирью с учетом как унификации, так и местных этнических и географических особенностей, сыграл М.М. Сперанский. В России дореволюционного периода разрабатывались и обсуждались альтернативные варианты строения и управления государством, однако ни один из них не дошел до стадии апробации, поскольку абсолютистская парадигма не предполагала реального учета интересов, кроме имперских. Краткий многопартийный дореволюционный период в силу революционных и предреволюционных событий также оставил многочисленные идеи административно-территориальных реформ на стадии проектов. Комплекс исторических вызовов обуславливает необходимость изучения опыта взаимовлияния и взаимозависимости России и Сибири и выработки эффективной государственно-управленческой политики.

Ключевые слова: административно-территориальная система, взаимовлияние, геополитическое положение, государственное устройство, областничество, Россия, Сибирь.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: malyutina_48@mail.ru (Л.Ф. Малютина), turilak@yandex (Д.Н. Гергилев), agagag@mail.ru (А.Г. Грязнухин), vsgtuhistory@mail.ru (Л.Б. Жабаева)

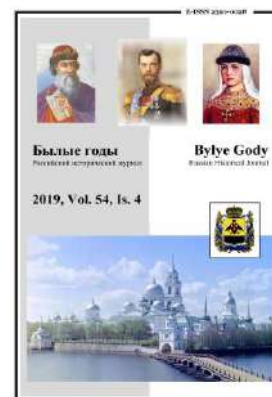
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1439-1450. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1439
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Kazakh Steppe as a Historical Geographic Phenomenon in the Works of Russian Scientists of the XVIII century

Nurbek U. Shayakhmetov ^a, Gulnar T. Mominova ^{b, *}, Janagul M. Omirbekova ^b,
Aizhan A. Maibalaeva ^b

^a Institute of State History Astana, Kazakhstan

^b Eurasian National University named after L. Gumilev, Astana, Kazakhstan

Abstract

The article examines the issues of studying by the Russian scientists the Kazakh steppe and the people inhabiting it in the 18th century. 18th century became a key and qualitatively new stage in the history of the study, accumulation and deepening of geographical and historical knowledge of the Kazakh steppe. At the beginning of the 18th century the Russian government has intensified the study of Siberia and the Kazakh steppe in the natural and historical-geographical aspects. In this context, the article reveals the role of Russian scientists in the scientific study of Kazakhstan and their contribution to the development of Russian nomad studies.

The results of the scientific study of the Kazakh steppe are a set of sources on history, geography, nature management, ethnic territory, ethnography, economy and place names. Therefore, the works of Russian scientists and materials of academic expeditions published by its participants in the eighteenth century, basically became the source base for subsequent studies of the Kazakh steppe. They accumulated a certain amount of knowledge and ideas about the steppe civilization, which helped to identify common patterns in the development of the steppe peoples. It is logical that all the information of the researchers and the materials of the expeditions had inherent conflicting judgments and conclusions, insufficient accuracy and completeness of information about the Kazakh people, because it was the first large-scale comprehensive survey of the region. Despite this, the works of Russian scientists were of great scientific importance in the ethnographic study of the Kazakh people and in considering the Kazakh steppe as a historical and geographical phenomenon.

Keywords: Kazakh steppe, Russian scientists of the 18th century, historical geography, environmental history, historiography, academic expeditions, steppe civilization, ethnoecology, nature management.

1. Введение

Для академического сообщества в целом, и для европейской науки в частности, Казахская степь и казахский народ как самобытный мир открыты в основном российскими исследователями. Академический интерес к Казахской степи был вызван как ее стратегическим положением, так и разнообразием природно-географических ресурсов. Эти факторы определили восточный вектор внешней политики Российского правительства в XVIII в. Несмотря на определенные результаты в современной историографии, полученные при изучении научного наследия российских ученых XVIII в., знания о Казахстане и казахском народе, до сих пор отсутствует целостный подход к рассмотрению Казахской степи как особого типа цивилизации. Поэтому данная проблема еще ждет своего полноценного изучения, переосмысления и освещения, поскольку историко-культурно-

* Corresponding author

E-mail addresses: MG_29@mail.ru (G.T. Mominova)

географическая целостность степного кочевого мира определяет собственно историю степной цивилизации.

Цель исследования: на основе анализа трудов показать роль российских ученых и охарактеризовать вклад академических экспедиций в изучение феномена Казахской степи в XVIII в.

2. Материалы и методы

Основными материалами и источниками при изучении Казахской степи как историко-географического феномена послужили дневники, записи, описания работников посольской службы и чиновников колониальной администрации А.И. Тевкелева, И.К. Кириллова, В.Н. Татищева, П.И. Рычкова и др.; исследовательские работы российских ученых XVIII в.; материалы академических экспедиций, известных как Путешествия по разным провинциям Российского государства, изданные ее участниками; научные труды отечественных, дореволюционных и советско-российских исследователей, занимающихся вопросами истории, географии, этнографии казахского народа. Материалы и источники позволили выявить общие закономерности развития кочевого общества в условиях степи.

Методологической основой исследования являются принципы историзма и объективности, системного и аксиологического подходов. На основе принципа историзма опыт изучения Казахстана рассмотрен в контексте взаимообусловленности геополитических и торгово-экономических факторов той исторической эпохи. Это способствовало получению объективных знаний о Казахской степи как историко-географическом феномене в процессе изучения трудов российских ученых XVIII в. Системный подход позволил рассмотреть становление и развитие исторического знания о Казахской степи и населяющем ее народе целостно и во взаимосвязи с развитием культуры и науки в России в начале XVIII в. Именно в этот период создались предпосылки для появления качественно новых исследований о Казахской степи. Аксиологический принцип органически связан с исторической наукой, поскольку одной из важных черт аксиологического мышления является восприятие концепции наследия прошлого как ценности. Данный подход позволяет рассмотреть достижения научных знаний как исключительную ценность для общества и людей. В данном контексте наследие ученых, несмотря на ряд их ошибочных и противоречивых заключений, способствовало более глубокому познанию феномена степной цивилизации. Методами историографического исследования послужили: описательный, хронологический, историко-генетический, компаративный и метод аналогии, ретроспективного и перспективного анализа. Для характеристики исторической действительности, процессов и событий того периода использовался описательный метод. На основе историко-генетического метода выявлены причинно-следственные связи и определены особенности общественного развития, обусловленные историческими факторами той эпохи. С помощью хронологического метода проанализирована история научного изучения Казахстана российскими учеными и развитие научной мысли в хронологической последовательности. Указанный метод позволил выявить особенности накопления и углубления географических и исторических знаний о Казахской степи. Методы компаративного анализа и аналогии позволили выявить общие черты и различия, самобытности научных работ ученых исследуемого периода. Познать особенности развития научной мысли от современности к последовательному проникновению в историческое прошлое помог ретроспективный метод, который позволил актуализировать полученные сведения и материалы. В процессе изучения данной проблемы метод перспективного анализа способствовал оценке значимости результатов научных исследований ученых для дальнейшего изучения Казахстана.

3. Обсуждение

Труды российских ученых XVIII в. являются значимыми источниками для изучения тех или иных вопросов жизнедеятельности казахов. Известно, что XVIII в. стал качественно новым этапом в российской науке. Первые попытки комплексного научного изучения Казахской степи, предпринятые Россией в XVIII в., связаны с именем М.В. Ломоносова (1711–1765). Он после назначения в 1758 г. руководителем Географического департамента Российской АН, инициировал ряд комплексных экспедиционных исследований территории России, в том числе Казахской степи. Российскую науку интересовали не только естественно-географические особенности изучаемых земель. Перед исследователями ставились конкретные задачи осмысления историко-культурного опыта развития тех или иных народов. Так, А.И. Левшин (1797–1879) в своих исследованиях Казахской степи широко использовал научные труды и материалы П.И. Рычкова, П.С. Палласа, И.П. Фалька, И.К. Кириллова, В.Н. Татищева, И.Г. Андреева и др. как исторический источник (Левшин, 1832).

С трудами российских ученых XVIII в. был знаком выдающийся казахский ученый Чокан Валиханов. Еще будучи воспитанником кадетского корпуса, Валиханов ознакомился с трудами П. Палласа, П. Рычкова и др. Безусловно, их научные поиски, энтузиазм и путешествия в неизвестные края вдохновили и, можно сказать, предопределили его судьбу ученого-путешественника. Ч. Валиханов в своей работе «О киргиз-кайсацких могилах (молах) и древностях вообще» пишет об описании Палласом древних памятников Казахстана (Валиханов, 1984: 195). А в работе «Заметки

по истории южносибирских племен» о сведениях И. Георги писал, что «...езде мешает благодаря соседству Большой орды кайсаков (казахов – Авт.) с киргизами» (Валиханов, 1984: 300).

В исследованиях известного географа Э.А. Эверсмманна широко использованы материалы П. Палласа и П. Рычкова (Эверсмманн, 1840).

В XIX в. М. Богдановым был сделан подробный обзор истории экспедиционного изучения российскими учеными Арало-Каспийского региона с 1720 по 1874 гг. (Богданов, 1875). Этнограф А. Харузин является первым библиографом этнографического изучения казахского народа. В своем «Библиографическом указателе...» он выделяет ряд авторов, опубликовавших свои труды по этнографии казахов в период 1734–1800 гг., среди которых указываются имена Рычкова, Палласа, Георги и др. (Харузин, 1891).

Следует особо выделить вклад видного историка-этнографа А.Е. Алекторова (1861–1919) в историографию естественнонаучного познания Казахской степи. Его фундаментальная библиографическая работа включает более трех тысяч источников научной и справочно-познавательной литературы на русском и казахском языках XVIII–XIX вв. о казахском народе. В указателе Алекторова дан краткий историографический анализ, описаны труды исследователей и участников академических экспедиций XVIII в. (Алекторов, 1900: 51-52).

Значимость Указателя А. Алекторова заключается в том, что он дает полное представление об эволюции изучения российскими учеными Казахской степи, истории, культуры и этнографии населяющего ее народа, природы, полезных ископаемых, флоры и фауны и пр.

Большое историографическое значение представляет многотомное издание под редакцией В.П. Семенова-Гян-Шанского «Россия. Полное географическое описание нашего отечества». 18-й том издания, который опубликован в 1903 году, полностью посвящен Казахскому краю. В нем кратко изложена историография его изучения (Семенов, 1903). В дореволюционной российской историографии в изучении научного наследия востоковедов особое место принадлежит В. Бартольду. В востоковедческом обзоре Бартольд описывает геополитические и торгово-экономические факторы восточной политики Российской империи, в том числе продвижение вглубь Казахских степей (Бартольд, 1977: 299-484).

В советское время сведения исследователей и материалы, опубликованные участниками академических экспедиций XVIII в., использовались учеными по разным вопросам истории, географии, этнографии Казахстана. В 1961 г. библиотекой им. М.Е. Салтыкова-Щедрина была издана историко-географическая работа под названием «Русские географические атласы. XVIII век». Составителями собраны и описаны имеющиеся картографические материалы XVIII в. и составлен сводный каталог на основе обследованных библиотечных и архивных фондов СССР. В каталоге отмечены карты, где указана Казахская степь и ее территориальные границы (Русские географические атласы, 1961).

По глубине содержания следует выделить фундаментальную работу казахстанского этнографа Э.А. Масанова (Масанов, 1966). В его очерке дана историографическая оценка научных трудов дореволюционных российских ученых как исторического источника по этнографии казахов.

История формирования и результаты академических экспедиций XVIII в. изучены географами. В работах известного исследователя А.С. Бейсеновой проанализирована роль русских ученых в обследовании природы Казахстана с древнейших времен до середины XX в. (Бейсенова, 1979a; Бейсенова 2012b).

В изучение многогранных аспектов истории развития научного представления о степных регионах, исследовательской деятельности ученых и эволюции их научной мысли, роли и значения академических экспедиций XVIII в. огромный вклад внесли и вносят известные советско-российские географы В. Греков, А. Чибилев, В. Николаев и др. (Греков, 1960; Чибилев, 1993a; Чибилев, 1998b; Николаев, 1999; Матвиевская, 2008).

На современном этапе трудно переоценить вклад в дело всестороннего изучения степей Евразии Института степи Уральского отделения РАН, который был создан в 1997 г. в Оренбурге во главе с известным ученым-географом А.А. Чибилевым. Институт, помимо научных разработок по эффективному степному природопользованию, осуществляет исследования по изучению и популяризации научного наследия естествоиспытателей XVIII–XX вв.

В источниковедческом исследовании и введении в научный оборот трудов дореволюционных ученых в качестве источников по истории Казахстана широко известны работы И. Ерофеевой (Ерофеева, 1979a; Ерофеева, 2007b), которая, как известный специалист, внесла огромный вклад в составление 10-томного издания «История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков».

Ценные иллюстративные историко-географические и этнографические материалы, касающиеся изучения Казахстана, представлены в альбоме «М.В. Ломоносов и академические экспедиции XVIII века». Всего в альбоме представлено 12 карт XVIII в., 12 схем экспедиционных маршрутов, рисунков разного содержания (Александровская и др., 2011).

В статье «Сакральная география Прииртышья в трудах российских исследователей» ее авторами рассмотрены труды русских ученых и путешественников, изучавших сакральные места и памятники Прииртышского региона Казахской степи в XVII–XIX вв. (Rakhimov и др., 2018).

Наследие академических экспедиций, труды П. Рычкова и знания об окружающей среде, особенностях природопользования российских и приграничных народов изучены британским исследователем Д. Шоу (Шоу, 1999).

Как показывает краткий историографический обзор, Казахская степь как историко-географический феномен, представленный в трудах российских ученых XVIII в., в историографии еще не выделялась объектом специального научного анализа.

4. Результаты

В XVII – начале XVIII вв. в российских правительственных и просветительских кругах имелось определенное представление о казахских степях, кочевьях и караванных путях. Об этом свидетельствует «Книга Большому Чертежу», составленная в 1627 г. Она является достаточно информативной в плане освещения этнической территории казахов, названий гор, рек и озер. В ней приведены сведения о расстояниях между географическими объектами, описаны города Казахской степи (Исин, 2005: 366-367, 378-379).

На рубеже XVII–XVIII вв. на основе собранных посольских сведений и других материалов появились определенные географические контуры, чертежи и карты территории России, в том числе приграничных степных пространств.

По поручению Российского правительства географическую карту о сопредельных землях и народах составил географ-картограф С.У. Ремезов, который служил в Тобольске. Работу над картографическими материалами он закончил в 1701 г. Однако карта С. Ремезова была издана и введена в научный оборот Археографической комиссией лишь в 1882 году в Санкт-Петербурге. Ценность картографического памятника заключается в том, что чертежи С. Ремезова, несмотря на схематичность, дали более достоверную историко-географическую характеристику Сибири и Казахской степи. Он представил «Чертежную книгу Сибири» на 23 чертежах. На «Чертеже земли сей безводной и малопроездной каменной степи» обозначена территория современного Казахстана. Карта Ремезова содержит пояснительную историко-географическую информацию и сведения об этнической территории и кочевьях казахов, дорогах, расстояниях между населенными пунктами, колодцах, зимовках и др. (Чертежная книга Сибири, 1918: 60).

1-я четверть XVIII в. ознаменовалась организацией военных экспедиций в Казахскую степь и Центральную Азию, в результате которых созданы карты И. Бухгольца (1715–1716), И. Лихарева (1717–1720), А. Бековича-Черкасского (1714–1717), В. Урусова и Ф. Соимонова (1714–1726), И. Унковского (1722–1723). Участниками военных экспедиций были обследованы географические особенности Казахской степи и построены русские крепости вдоль Иртыша: Омск (в 1716 г. экспедицией И. Бухгольца), Семипалатинск (в 1718 г. экспедицией П. Ступина), Усть-Каменогорск (в 1720 г. экспедицией И. Лихарева) и др. Экспедиция А. Бековича-Черкасского исследовала Каспийское и Аральское моря, изучала историю и этнографию казахов (Бартольд, 1977: 393-399).

В изучении Казахской степи в историко-географическом и этнографическом отношении огромное значение имело посольство М. Тевкелева в 1731 г. в Младший жуз Казахской орды. Собранные в процессе беседы и опроса людей, основанные на личных наблюдениях в течение длительного времени сведения о народе представляют большой научный интерес. Его записи в дневнике охватывают период с 3 октября 1731 по 14 января 1733 гг. Ценность материалов М. Тевкелева заключается еще и в том, что он хорошо владел казахским языком. Кроме того, он больше года прожил среди казахов в сопровождении геодезистов, топографов и др. (Абилев, 1988: 14).

В изучении Казахского края в процессе обмена посольствами в начале 30-х гг. XVIII в. России и Казахского ханства видное место принадлежит государственному деятелю и исследователю И.К. Кириллову. В 1734 г. он представил свое «Изъяснение о Киргиз-Кайсацкой и Кара-Калпакской ордах», в котором в целях защиты восточных границ империи и развития торговли с восточными странами обосновывает проект строительства крепостей на р. Яик (Урал) и Сырдарья. Тем самым Кириллов убедил правительство в необходимости направления специальной экспедиции в Южный Урал и Казахскую степь. Первоначально экспедиция называлась «Известной», позже Оренбургской (Иофа, 1949). Одна из ключевых задач экспедиции заключалась в изучении географических условий, населения и полезных ископаемых края, хозяйства и культуры, в проведении топографо-геодезических съемок (в состав экспедиции в качестве бухгалтера был включен П. Рычков, будущий исследователь-краевед Оренбургского региона). И. Кириллов руководил экспедицией около трех лет, до 1737 г. Практическим результатом Оренбургской экспедиции во главе с Кирилловым, помимо получения географических сведений о новых землях, стало строительство в 1735 г. на реке Ори города-крепости Оренбург. Оренбургская экспедиция, несмотря на военный характер, положила начало комплексному научному обследованию Южного Урала и Казахской степи. К 1734 г. в целях создания атласа Российской империи под руководством И. Кириллова был составлен ряд карт и чертежей. В картах была обозначена и Казахская орда с ее кочевьями (Атлас Всероссийской Империи, 2008). Кириллов в своих проектах Казахскую степь и населяющий ее казахский народ, в политическом отношении разделенный на три жуза и занимающийся преимущественно кочевым хозяйством, рассматривал как единое этническое целое.

Оренбургской экспедицией после смерти в 1737 г. И. Кириллова в течение двух лет руководил В.Н. Татищев (1686–1750). Татищев, как и Кириллов, сочетал государственную службу с исследовательской работой. Он одним из первых начал изучение этнической истории тюркских народов. Татищев обратил особое внимание на ошибочное мнение европейских исследователей относительно этнического названия многих тюркоязычных народов, которых называли общим именем «татары», а их земли Татарией. По данному вопросу В. Татищев писал, что «европейские писатели все, как историки, так географы, вместо турок всю восточно-западную Азию Великая Татария именуют, ...сия погрешность у всех европейских писателей...» (Татищев, 1793). Татищев много внимания уделяет вопросам терминологии. Он является автором в силу ряда обстоятельств неоконченного первого российского энциклопедического словаря «Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. Сочиненный господином тайным советником и астраханским губернатором В.Н. Татищевым. В 3 частях» (1744–1746 гг.). Незавершенный вариант трех частей «Лексикона» опубликован после смерти автора в 1793 г. (Татищев, 1793). В нем он дает некоторые историко-географические сведения о казахском народе: о политической истории, территориальных границах, внутривнутриполитическом устройстве, об отношениях с соседями. Так, в статье «Кайсаки и киргизы» автор писал: «... Они занимали всю степь от Каспийского моря по реке Яику вверх до вершин Тобола..., на восток до Аральского моря и состояли под одним ханом...» (Татищев, 1793: 126). В статье «Кибитка» он описал специфическое жилище казахов – юрту (Татищев, 1793: 195-196). В «Лексиконе...» описаны расположение ряда рек и озер Казахской степи: Зайсан, Илек, Иртыш, Ишим, Тобол и др. Также Татищев упомянул о городах южного Казахстана, таких, как «Тюркстан, Уtrar и Сауран» и изложил сведения о сакральном месте казахов: «...Есть близ Туркестана гроб великого их святого ходжи Ахмета в немалом каменном здании» (Татищев, 1793: 12-103).

Во второй четверти XVIII в. изучение собственных земель российского государства учеными приобрел системный характер. Это было обусловлено созданием в 1725 г. Российской академии наук. Закономерно, что академия в своей работе особое внимание уделяла организации масштабных экспедиций для обследования территории страны и сопредельных земель. Уже в 1733 г. была организована первая академическая экспедиция. Организация экспедиций обусловлена, прежде всего, политическими мотивами и связана с расширением российских границ вглубь на востоке и на юге. Одна из них осуществляла свою работу с 1733 по 1743 гг. Среди ее участников был ученый-востоковед Герард Фридрих Миллер (1705–1783). Он в рамках экспедиции расширил круг вопросов по изучению истории и географии народов Сибири и Казахской степи, т.к. изучение Сибири было тесно связано с исследованием приграничных с ней степей. Во время экспедиции он посетил ряд крепостей в Сибири и Казахской степи: Тобольск, Омск, Ямышевск, Железинск, Семипалатинск, Усть-Каменогорск. Много работал в архивах Петербурга, Москвы и сибирских городов. Ценнейшим результатом работы Миллера стал изданный в 1750 г. первый в историографии научный труд по истории Сибири. В работе Миллера «История Сибири» имеются сведения о правителях, хозяйстве, городах, взаимоотношениях с джунгарами Казачьей орды (Казахского ханства – Авт.), территории и гидросети, заселении и передвижении казахских родов в пределах Западной Сибири и др. Также интересны исторические известия о торговле солью из Ямышевского озера Казахской степи (Миллер, 1937: 93-111; 442-483). В XVII–XVIII вв. добыча соли из Ямышевского озера и торговля ею стали стратегически значимыми для казахов, русских и калмыков.

В Казахскую степь направлялись и «малые» экспедиции. В 1738–1739 гг. по поручению В. Татищева Казахскую степь по пути из Орска в Ташкент посетил с караваном офицер Карл Миллер. А в 1742–1743 гг. К. Миллер и геодезист А. Кушелев побывали в казахских кочевьях от Орска до Джунгарии через реку Сарысу и Семиречье. В 1740–1741 гг. Д. Гладышевым и И. Муравиным была осуществлена экспедиция от Оренбурга до Хивы через Сырдарью и Аральское море. О результатах этих экспедиций Я. Ханьков написал только лишь спустя больше века в середине XIX в. (Ханьков, 1850: 661-663).

Значимым наследием российской картографической науки является Первый атлас Российской империи 1745 г., состоящий из 19 карт. Для издания Атласа были использованы чертежные и схематические карты. Применение математических и геодезических методов повысили точность карт. Масштабной работой по созданию Атласа руководили известный французский картограф, академик Иосиф Николас Делиль (1688–1768) и швейцарский математик Леонард Эйлер (1707–1783). В Атласе представлены сведения о территориальных границах и природно-географических особенностях Казахской степи. Так, на «Генеральной карте Российской империи» территория между Иртышом и Тоболом обозначены как «Степь Казачьей Орды» и «Степь к реке Ишиму», показаны Хвальинское (Каспийское – Авт.) и Аральское моря, наиболее крупные реки – Яик, Емба, Орь, Сырдарья, Торгай, Иргиз, Тобол, Ишим, Иртыш и ряд степных соленых озер. На карте «Течение рек Иртыша, Енисеи с их вершинами и при них также и между ими лежащими местами» обозначены левая сторона Иртыша как Степь Казачьей орды, река Ишим, крепости Омск, Железинская, Ямышевская, Семипалатная, Усть-Каменогорск (Атлас Российский, 1745).

В 30-х г. XVIII в. в российской науке традиции изучения Оренбургского края, народов Сибири и Казахской степи, заложенные И. Кирилловым, В. Татищевым, Г. Миллером, продолжены в исследованиях П.И. Рычкова (1712–1777), позже ставшего первым член-корреспондентом Российской АН. По поручению В. Татищева П. Рычков занимался сбором материалов по географии и истории народов Средней Азии, в том числе Казахской степи, изучал архивные и письменные источники, участвовал в разработке проекта военной экспедиции в Аральское море. Систематическое изучение в течение многих лет Оренбургского края, Башкирии и Казахской степи позволило ему выпустить одну из первых научных работ – «Описание города Оренбурга» (1744), послужившую основой для его следующих трудов: «Краткое известие о татарах» (1750), «История Оренбургская» (1759), «Топография Оренбургская» (1762). В историографии он впервые составил общий географический очерк края.

Значимым является его труд «Топография Оренбургская». Ее первая часть содержит материалы об этнической территории, политической истории казахов, природно-географических особенностях края, этноэкологии и особенностях сезонных кочевых путей, некоторые сведения о родоплеменной структуре казахского общества и др. Еще можно извлечь огромный пласт источников по топонимике края ([Топография Оренбургская, 1762](#)). Картографические данные П. Рычкова о Казахской степи дополняют визуальное представление его описаний. Анализ трудов П. Рычкова показывает, что в некоторых его сведениях имеются противоречивые и не совсем достоверные факты. Например, об отсутствии городских поселений и земледелия у казахов, хотя они в условиях степной аридной зоны издревле занимались орошаемым земледелием, и особенно широкое распространение получило выращивание проса.

В целях углубленного обследования страны Российское правительство организовало Вторую академическую экспедицию (1768–1774), работа которой отвечала политическим интересам колониальной политики царизма. Кроме того, правительство было заинтересовано в интенсивном освоении природных ресурсов окраин. Оренбургская экспедиция работала в трех направлениях. Их возглавили молодые ученые П.С. Паллас, И.П. Фальк и И.И. Лепехин. Астраханская экспедиция состояла из двух отрядов, руководителями которых стали И. Гюльденштедт и С. Гмелин. Руководителем второго оренбургского отряда экспедиции был доктор медицины И.И. Лепехин (1740–1802) – один из учеников М. Ломоносова. Результаты его работы опубликованы в «Дневных записках» в 4-х томах, которые были изданы в 1771–1780, 1805 гг. Астраханская экспедиция С. Гмелина (1745–1774), кроме Оренбургского края, в 1769 г. изучала Рын-Пески, а в 1772–1773 гг. через восточные берега Каспия обследовала мыс Тюбкараган на Мангышлаке. К сожалению, судьба руководителя экспедиции закончилась трагически: при возвращении из экспедиции около Дербента С. Гмелин подвергся нападению со стороны местных жителей и умер в плену.

Цель экспедиции заключалась не только в изучении природы и полезных ископаемых, в создании географических карт края, но и в проведении комплексных исследований истории, этнографии, культуры, языка, быта и хозяйства народов. В ходе экспедиции собраны новые сведения о различных народах России и Казахской степи, которые были опубликованы в виде научных трудов ее участников в многотомном сборнике «Путешествия по разным провинциям Российского государства». Относительно Казахской степи экспедиция охватила только западные, северные и восточные регионы современного Казахстана.

Заметный след в истории научного изучения Казахской степи оставил П.С. Паллас (1767–1810). В его фундаментальном труде «Путешествие по разным провинциям Российской империи», изданном в 1773 г., имеются различные сведения о казахском народе. В предисловии к своей работе П. Паллас признал, что это не всесторонняя исследовательская работа, а «его беглая путешественника работа» ([Паллас, 1809](#)). Он близко ознакомился с географической средой, историей, описал особенности степного природопользования, кочевого быта, различные стороны хозяйственной деятельности, этноэкологические традиции казахов непосредственно в этнической среде. В ходе экспедиции познакомился с жизнью казахов, побывав, хоть и недолго, в аулах. Палласом определены основные типы степного природопользования и эффективное использование кочевниками пастбищ. В этой связи он писал: «Степные народы обыкновенно умеют выбирать себе место для кочевания и наилучшим образом наслаждаться выгодами, переходя с одного места на другое» ([Паллас, 1809: 566](#)). Палласом описаны основные источники жизнеобеспечения людей в условиях степи и базовые ресурсы их благосостояния. Он подчеркнул, что природопользование кочевого скотоводства и его продуктивность, состав стада обусловлены природно-климатическими факторами ([Паллас, 1809: 581](#)). Паллас охарактеризовал особенности жизнедеятельности людей в условиях степи и определил, что одной из характерных черт степных народов является высокая степень их адаптированности к условиям окружающей среды.

В разностороннем изучении степного края определенную роль сыграла экспедиция во главе с академиком И.П. Фальком (1727–1774), приглашенным ученым из Швеции в Российскую академию наук. В 1771–1772 гг. его экспедиция посетила регионы северного и восточного Казахстана, ряд городов и крепостей (Оренбург, Омск, Петропавловск, Семипалатинск) и близлежащие кочевья казахов. После трагической смерти рукописные материалы И. Фалька были опубликованы его

учеником-соратником И. Георги в 3-х томах на немецком языке в 1785–1786 гг., а в 1824 г. на русском языке в 6-м томе сборника «Полное собрание ученых путешествий по России» (Фальк, 1824а). В 1825 г. в 7-й том сборника включены его труды «Известия о Киргизской и Зюнгурской степи» и «Поездка в Киргизскую степь» Х. Барданеса.

В ходе экспедиции Фальк дал достаточно подробное историко-этнографическое описание хозяйства казахов. Он писал, что в условиях аридной степи в хозяйстве казахов сформировался предпочтительный состав стад с преобладанием овец и лошадей. Соответственно, выработались хозяйственные циклы и культура питания. Фальк в «Известиях о Киргизской и Зюнгурской степи» описал территориальные границы Казахской степи и ее географические, природно-климатические особенности, горные и речные системы. Определенный материал можно извлечь по топонимике края и по степным караванным путям. Кроме того, он особое внимание обратил на сакральные места и исторические памятники Казахской степи (Фальк, 1824а: 58–59).

В целях более достоверного изучения жизнедеятельности казахов Фальк в 1771 г. направляет своего ученика Христофора Барданеса в Казахскую степь, который в своем дневнике поездки в Киргизскую (Казахскую – Авт.) степь, и особенно в работе «Киргизская, или казацкая, хорография» детально рассматривает географические и природно-климатические условия, топонимику, флору и фауну Казахской степи, этническую территорию, историю, культуру, этнографию, религию и традиции казахов. Следует отметить, что работа Х. Барданеса отличается своей оригинальностью в познании особенностей феномена жизнедеятельности казахского народа, проживающего в условиях степи.

Во время экспедиции не менее информативный материал о Казахской степи собран натуралистом, медиком, этнографом, академиком И.Г. Георги (1729–1802). Он работал в составе экспедиционной группы сначала Фалька, затем Палласа. Кроме Оренбургского края он посетил Сибирь и Казахскую степь, ознакомился с жизнью и бытом казахов в аулах. Его труды опубликованы в иллюстрированной книге «Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей», изданной в 4-х частях на немецком и в 3-х – на русском языках в 1776–1777 гг. Работа Георги основана на изучении достаточно широкого круга историко-географических и этнографических источников. В разделе «О киргизцах» (о казахах – Авт.) автор во многом рассматривал материалы Г. Миллера, П. Рычкова, И. Фалька, П. Палласа и др. Георги сравнительно подробно охарактеризовал территорию расселения Младшего и Среднего жузов, политическую и родоплеменную систему, обычное право казахов, дал характеристику кочевого хозяйства, промыслов, торговых отношений казахов с русскими городами. Он, описывая географические особенности и территориальные границы Казахской степи, отметил на суровость природной среды (Георги, 1799: 121). Георги кочевой образ жизни и хозяйство казахов тесно связывал с природно-климатическими факторами, т.к. аридная степь диктовала определенные рамки для функционирования не только земледелия, но и кочевого скотоводства.

Георги, несмотря на свои ошибочные и противоречивые высказывания по вопросам этнической истории казахского народа, рассматривал его как самостоятельный этнос, единое целое в историко-географическом и этнографическом отношениях.

Другой участник в составе экспедиции Палласа – Н.П. Рычков (1746–1784), сын географа-краеведа П.И. Рычкова – написал книгу «Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в киргиз-кайсацкой степи 1771 году». Она вышла в свет в 1772 г. В ходе экспедиции были собраны сведения и материалы о географии, полезных ископаемых и топонимике Казахской степи, этнической истории и этнографии, военном искусстве казахов.

Достаточно богатым источником по истории казахов служит труд военного инженера-топографа, краеведа, капитана И.Г. Андреева (Андреев, 1998). Ценность его работы заключается в том, что он по долгу службы хорошо знал язык и быт казахов, т.к. с 1766 г. служил на Иртышской и Сибирской линиях, работал в архивах Семипалатинска, Омска, Томска, изучал труд Абулгази, работы В. Татищева, Г. Миллера, П. Рычкова и др. На основе архивных, географических и историко-этнографических данных он исследовал этническую и политическую историю, расселение и родоплеменную структуру, обычное право казахов, изучал генеалогию ханов Среднего жуза, особенности развития кочевого хозяйства, земледелия, промыслов и торговли, проводил сопоставительный анализ с развитием русской деревни.

В трудах российских ученых XVIII в. много внимания было уделено вопросу этнического названия казахов. Следует отметить, что этот вопрос требует отдельного исследования. Известно, что в российских официальных кругах и академической литературе с 30-х г. XVIII в. было принято искаженно называть казахов «киргизами» или «киргиз-кайсаками». Данное искажение относительно самоназвания казахов было обусловлено неправильным толкованием происхождения казахов учеными и отождествлением казахов с енисейскими киргизами. Причину искажения этнического названия казахов указал в своей работе по истории народов Сибири, изданной 1750 г., Г. Миллер. Он писал, что в Примечаниях (Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях – Авт.) к газете «Санкт-Петербургские ведомости» от 28 сентября 1734 г., которая издавалась Российской АН, енисейские киргизы «...ошибочно смешиваются с киргиз-кайсаками (казахами – Авт.), живущими на бухарской границе и к востоку от реки Яика...». Кроме

того, Миллер считал, что «... слово «орда» употребляется на русском языке только относительно больших или многолюдных народов» (Миллер, 1937: 314). Следует предположить, что «киргизами» казахов стали называть именно после данной публикации с ошибочным этническим названием казахов на страницах главной газеты российского общества. Однако, несмотря на критическое замечание авторитетного специалиста, ряд российских ученых продолжал неверно отождествлять казахов с енисейскими киргизами. Так, например, П. Рычков в своем труде, ссылаясь на критическое замечание Миллера в работе «История Сибири», высказал противоположное мнение относительно этногенеза казахов: «...наши Киргиз-Кайсаки от оных Алатай-киргизов (алатауских киргизов – Авт.) подлинно произошли, и в нынешних местах не весьма давно усилились» (Топография Оренбургская, 1762: 134). Фальк тоже ошибочно считал бурутов (киргизов – Авт.) составной частью Большой орды казахов (Фальк, 1825b: 43) Георги по поводу этногенеза казахов полагал, что предки казахов – это енисейские киргизы, тем самым казахов и киргиз считал одним народом. Он, подчеркивая разделение казахов на «три орды» (жузы – Авт.), ошибочно включает бурутов (киргизов – Авт.) в состав Большой орды казахов (Георги, 1799: 120). Кроме того, российское чиновничье сообщество стало называть казахов «киргизами» для того, чтобы отличить от войсковых казаков, а «киргиз-кайсаками» – чтобы отличить от киргизов или енисейских киргизов. В то же время почти все исследователи указывали на верное самоназвание казахского народа – «казак» или «Казачья орда». Георги писал: «Киргизские орды, которые известны так же и под именем Казачьей орды...» (Георги, 1799: 119). Барданес указал: «Они (казахи – Авт.) сами себя не называют никогда киргизами или сложным именем киргиз-кайсаки, а единственно называют себя казак...» (Барданес, 2007). И. Андреев также отметил правильное этническое самоназвание казахов: «...Собственно на вопрос каждый киргисец просто себя именуется казак...» или «...киргизы, или по тогдашнему названию, Казачья орда...» (Андреев, 1998). Несмотря на указания на историческую несправедливость использования термина «киргиз» или «киргиз-кайсак» вместо «казак» (казах), в официальном лексиконе утвердилось искаженное этническое название «киргиз». А самих киргизов стали называть тоже искаженно «кара киргиз» («черный киргиз») или «дикочаменные киргизы». Но со времени издания в Европе и России работ Палласа, Фалька, Георги и др. в 1770–1776 гг. относительно этнического названия казахов термин «киргиз» распространяется и среди европейцев. Следует отметить, что историческая справедливость восторжествовала только в 1925 г. при Советской власти, когда было восстановлено самоназвание народа «казак» (казах).

Разнообразные материалы исследователей и участников экспедиций в разные регионы современного Казахстана показали, что обследованные территории населял в этническом, языковом и культурно-хозяйственном отношении один и тот же народ – казахи. Это свидетельствует об этнической идентичности и историко-географической целостности этого народа.

5. Заключение

В трудах российских исследователей XVIII в. Казахская степь впервые предстала читателю как историко-географический феномен. Исследователями осуществлялась попытка выявления закономерности исторического развития, устройства и жизнедеятельности степных народов. Тем самым для академического сообщества постепенно становится известным самобытный мир казахского народа с особенной экосистемой и системообразующими элементами кочевого и полукочевого образа жизни.

Академические экспедиции имели теоретическое и практическое значение. Они позволяли комплексно изучать земли и культурно-хозяйственную деятельность населения в его конкретных специфических особенностях и взаимообусловленности с окружающей средой. Учеными изучены процессы материальной и духовной адаптации степных народов к окружающей среде, поскольку кочевой образ жизни степных народов обуславливал необходимость приспосабливать материальные ценности к постоянным передвижениям. Соответственно, крупные поселения или города редко возникали в бедных ресурсами степях, если возникали – были малолюдными. Духовная жизнь степных народов также имела свои особенности, возникшие под влиянием кочевого образа жизни. Она выразилась в выработке представлений, которые способствовали более гармоничному сосуществованию людей и природы.

В данном контексте описания степных регионов, которые произвели российские исследователи в XVIII в., имеют исключительное значение для реконструкции опыта природопользования и этноэкологических традиций народа. Сведения, содержащиеся в трудах и материалах, представляют ныне огромный историко-географический интерес, так как дают возможность определить динамику изменения природной среды, политической и этнической карты, топонимики региона, сравнивать флору и фауну XVIII века с современной.

Значимость трудов российских ученых заключается еще и в том, что о географии, истории, этнографии, культуре народов Российской империи, Сибири и о казахском народе больше узнали в академических кругах европейских стран, т.к. результаты научных поисков ученых издавались в Германии, Франции, Голландии и др. странах. Таким образом, исследования и труды российских

ученых XVIII в., безусловно, расширили горизонты востоковедения и, можно сказать, заложили научный фундамент российского кочевниковедения.

Литература

- Абилев, 1988** – *Абилев А.К.* Русская историография истории Казахстана XIII – начала XX веков. Караганда, 1988. 86 с.
- Александровская и др., 2011** – М.В. Ломоносов и академические экспедиции XVIII века. Альбом / Сост.: О. Александровская и др. М., 2011. 272 с.
- Алекторов, 1900** – *Алекторов А.Е.* Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах. Казань: Типо-лит. имп. ун-та, 1900. 983 с.
- Андреев, 1998** – *Андреев И.Г.* Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Алматы: Гылым, 1998. 280 с.
- Атлас Российский, 1745** – Атлас Российский, состоящий из 19 специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями. Изд-во: Тип. Императорской академии наук, СПб. 1745. 31 с.
- Атлас, 1961** – Русские географические атласы. XVIII век. Сводный каталог. Л., 1961.
- Атлас, 2008** – Атлас Всероссийской империи: Собрание карт И.К. Кириллова. СПб.: Альфарет, 2008. 10 с. факсимильно воспроизведены. С. [1]-[4].
- Барданес, 2007** – *Барданес Х.* Киргизская, или казацкая, хорография // История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Том 4. Первые историко-этнографические описания казахских земель. XVIII в. Алматы: Дайк-пресс, 2007. Т. 4. 368 с.
- Бартольд, 1977** – *Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и России // Сочинения. Работы по истории востоковедения. Том 9. М., 1977. 966 с.
- Бейсенова, 1979а** – *Бейсенова А.С.* Исследования природы Казахстана. Алма-Ата: Казахстан, 1979. 248 с.
- Бейсенова, 2012b** – *Бейсенова А.С.* Роль русских ученых в познании природы Казахстана (с древн. времен до сер. XX века). Алматы: Мектеп, 2012. 384 с.
- Богданов, 1875** – *Богданов М.* Обзор экспедиций и естественно-исторических исследований в Арало-Каспийской области с 1720 по 1874 г. СПб., 1875. Вып. 1.
- Валиханов, 1984** – *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. Алма-Ата, 1984. 432 с.
- Георги, 1799** – *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 1799. 4 т. Часть вторая о народах татарского племени. 246 с.
- Греков, 1960** – *Греков В.И.* Очерки из истории русских географических исследований в 1725–1765 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 425 с.
- Ерофеева, 1979а** – *Ерофеева И.В.* Вопросы истории Казахстана второй пол. XVIII века в трудах участников Академических экспедиций 1768–1774 гг. // Известия АН Каз ССР. Серия общественных наук. 1979. № 1. С. 29–34.
- Ерофеева, 2007b** – *Ерофеева И.В.* История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Первые историко-этнографические описания казахских земель XVIII в. / Сост. Ерофеева И.В. Алматы: Дайк-пресс, 2007. Т. 4. 368 с.
- Иофа, 1949** – *Иофа Л.Е.* Современники Ломоносова И.К. Кириллов и В.Н. Татищев: географы I пол. XVIII в. М.: Географгиз, 1949. 91 с.
- Исин, 2005** – История Казахстана в русских источниках. I том. Посольские материалы русского государства (XV–XVII вв.) / Исин А. Составление, транскрипция скорописи, специальное редактирование текстов, вступительная статья, комментарии и составление словариков указателей. Алматы: Дайк-пресс, 2005. 704 с.
- Левшин, 1832** – *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей / Соч. Алексея Левшина. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1832. Ч. 1: Известия географические, 1832. [2], XII, [2], 264 с., [1] л. ил.; Ч. 2: Исторические известия, 1832. X, 333, [1] с., [3] л. табл.; Ч. 3: Этнографические известия. 1832. [6], 304 с., [6] л. ил.
- Масанов, 1966** – *Масанов Э.А.* Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата: Наука, 1966. 321 с.
- Матвиевская, 2008** – *Матвиевская Г.П.* Жизнь и деятельность П.И. Рычкова: [в 4 томах]. Оренбург: Губерния, 2008. Т. 1. 2008. 606 с.
- Миллер, 1937** – *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1937. Т. 1. 608 с. Т. 2. 637 с.
- Николаев, 1999** – *Николаев В.А.* Ландшафты азиатских степей. М.: Изд-во МГУ, 1999. 288 с.
- Паллас, 1809** – *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. 2-е изд.: доп. СПб.: Изд-во Имп. акад. наук, 1809. 657 с. Прибавление: Краткое описание животным и растениям, изысканным в 1768–1769 году. 116 с.
- Рычков, 1762** – *Рычков П.И.* Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской академии наук корреспондентом Петром Рычковым. В 2 ч. Ч. 1 / Петр Иванович Рычков. СПб., 1762. 331 с.

Семенов-Тянь-Шанский, 1903 – *Семенов-Тянь-Шанский П.П.* Россия. Полное географическое описание нашего отечества: Настольная и дорожная книга. Т. XVIII. Киргизский край / Под ред. В.П. Семенова-Тянь-Шанского. СПб., 1903. 479 с.

Татищев, 1793 – *Татищев В.Н.* Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский, сочиненный господином тайным советником и Астраханским губернатором В.Н.Татищевым. СПб.: тип. Горного училища, 1793. Ч. 1: [А–В]. [2], 311 с.; Ч. 2: [Г–Ж]. [2], 216 с.; Ч. 3: [З–Ключник]. [2], 217 с.

Фальк, 1824a – *Фальк И.П.* Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорской академией наук по предложению ее президента: с примечаниями, изъяснениями и дополнениями. В Санкт-Петербурге: при Императорской академии наук, 1818–1825. Т. 6: Записки путешествия академика Фалька. 1824. [1], XII, 546 с.

Фальк, 1825b – *Фальк И.П.* Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорской академией наук по предложению ее президента: с примечаниями, изъяснениями и дополнениями. В Санкт-Петербурге: при Императорской академии наук, 1818–1825. Т. 7: Закрывающий в себе дополнительные статьи к Запискам путешествия академика Фалька. 1825. [1], V. II, 224 с.

Ханыков, 1850 – *Ханыков Я.В.* Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740–1741 гг. поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным // Географические известия, издание РГО. 1850. Вып. 3. С. 514–599.

Харузин, 1891 – *Харузин А.Н.* Библиографический указатель статей, касающихся этнографии киргизов и каракиргизов с 1734 по 1891 г. Москва: Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон, 1891. 70 с.

Чертежная книга Сибири, 1918 – Чертежная книга Сибири // Подробный каталог изданий Археографической комиссии, вышедших в свете с 1836 по 1918 годы. Петроград, 1918. 116 с.

Чибилев, 1993a – *Чибилев А.А.* В глубь степей: Очерки об естествоиспытателях Оренбургского края. Екатеринбург: Наука, 1993. 119 с.

Чибилев, 1998b – *Чибилев А.А.* Степи Северной Евразии (эколого-географический очерк и библиография). Екатеринбург: УрО РАН, 1998. 192 с.

Шоу, 1999 – *Шоу Д.* Географическая практика и ее значение в эпоху реформ Петра Великого (пер. с англ.) // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 3. С. 13–29.

Эверсманн, 1840 – *Эверсманн Э.А.* Естественная история Оренбургского края. Оренбург: Тип. штаба Оренб. корпуса, 1840. Ч. 1. 99 с.

Rakhimov, 2018 – *Rakhimov M., Shayakhmetov N., Battalov K.* Sacral Geography of Priirtysh Region in the Works of Russian Researchers // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 50. Is. 4: 1406–1416.

References

Abilev, 1988 – *Abilev A.K.* (1988). Russkaja istoriografija istorii Kazahstana XIII – nachala XX vekov [Russian historiography of the history of Kazakhstan of the XIII – beginning of XX centuries]. Karaganda, 86 p. [in Russian]

Alektorov, 1900 – *Alektorov A.E.* (1900). Ukazatel' knig, zhurnal'nyh i gazetnyh statej i zametok o kirgizah [Index of books, magazine and newspaper articles and notes on the Kyrgyz]. Kazan, 983 p. [in Russian]

Alexandrovskaja i dr., 2011 – *M.V. Lomonosov i akademicheskie ekspeditsii XVIII veka* [M.V. Lomonosov and academic expeditions of the XVIII century]. Albom./ Sostaviteli: O. Aleksandrovskaja, i dr. M., 272 p. [in Russian]

Andreev, 1998 – *Andreev I.* (1998). Opisanie Srednei ordy kirgiz-kaisakov [Description of the Middle horde of Kirghiz-Kaisaks]. Almaty: Gylym, 280 p. [in Russian]

Atlas, 1961 – *Russkie geograficheskie Atlasy XVIII vek* [Russian geographical Atlases XVIII century]. Svodnyi catalog. L., 1961. [in Russian]

Atlas, 2008 – *Atlas Vserossiiskoi imperii: sobranie kart I.K.Kirilova* [Atlas of the All-Russian Empire: Collection of Maps by I.K.Kirilov]. Reprintnoe izdanie 1722–1737 gg. St. Petersburg: Alfared. 10 p. faksimilno vosproizvedeny: 1 l.pront., 1 titul. L., 1 l.portr., 1 l. posvyash. 34 l. kart., 5 l. rucopisnih kart. Pp. [1]–[4]. [in Russian]

Bardanes, 2007 – *Bardanes H.* (2007). Kirgizskaja, ili kazackaja, horografija // *Istorija Kazahstana v russkih istochnikah XVI–XX vv.* [Kyrgyz, or Cossack, chorography // History of Kazakhstan in Russian sources XVI – XX vv.]. Tom 4. Pervye istoriko-etnograficheskie opisanija kazahskih zemel. XVIII vek / sost. Erofeeva I.V. Almaty: Daik-press, 368 p. [in Russian]

Bartold, 1977 – *Bartold V.V.* (1977). Istorija izucheniia Vostoka v Evrope i Rossii [History of Oriental Studies in Europe and Russia]. Bartold V.V. Sochineniia. Raboty po istorii vostokovedeniia. Tom 9. M., 966 p. [in Russian]

Beisenova, 1979a – *Beisenova A.S.* (1979). Issledovaniia prirody Kazahstana [Studies of the nature of Kazakhstan]. Alma-Ata: Kazakhstan, 248 p. [in Russian]

- Beisenova, 2012b** – *Beisenova A.S.* (2012) Rol russkikh uchenih v poznanii prirody Kazakhstana [The role of Russian scientists in the knowledge of the nature of Kazakhstan] (s drevneishih vremen do ser. XX v.). Almaty. 384 p. [in Russian]
- Bogdanov, 1875** – *Bogdanov M.* (1875). Obzor ekspeditsii i estestvenno-istoricheskikh issledovaniy v Aralo-Kaspiiskoi oblasti s 1720 po 1874 g. [Overview of expeditions and natural history research in the Aral-Caspian region from 1720 to 1874]. St. Petersburg, Part 1. [in Russian]
- Chertezhnaja kniga Sibiri, 1918** – Chertezhnaja kniga Sibiri [The drawing book of Siberia]. Podrobnyy katalog izdaniy Arheograficheskoy komissii vyshedshih v svete s 1836 po 1918 god. Petrograd, 1918. 116 p. [in Russian]
- Chibilev, 1993a** – *Chibilev A.A.* (1993). V glub stepei: Ocherki ob estestvoispytateliiakh Orenburgskogo kraia [In the depths of the steppes: Essays on naturalists of the Orenburg region]. Ekaterinburg: Nauka, 119 p. [in Russian]
- Chibilev, 1998b** – *Chibilev A.A.* (1998). Stepi stepnoi Evrazi (ekologo-geograficheski ocherk i bibliografiia) [Steppes of Northern Eurasia (ecological-geographical sketch and bibliography)]. Ekaterinburg: UrO RAN, 192 p. [in Russian]
- Erofeeva, 1979a** – *Erofeeva I.V.* (1979). Voprosy istorii Kazakhstana vtoroi poloviny XVIII veka v trudakh uchastnikov Akademicheskikh ekspeditsii 1768-1744 r [Questions of the history of Kazakhstan in the second half of the XVIII century in the works of the participants of the Academic expeditions of 1768-1774]. *Izvestia AN KazSSR. Seria obshestvennikh nauk*, № 1, pp. 29-34. [in Russian]
- Erofeeva, 2007b** – *Erofeeva I.V.* (2007). Istoriia Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vv. Pervyie istorico-etnograficheskoe opisaniya kazakhskikh zemel XVIII vek. [The history of Kazakhstan in Russian sources XVI-XX vv. The first historical and ethnographic descriptions of the Kazakh lands. XVIII century]. Sostav. Erofeeva I.V. Almaty: Daik-Press, Part 4. 368 p. [in Russian]
- Eversmann, 1840** – *Eversmann E.A.* (1840). Estestvennaia istoriya Orenburgskogo kraia [Natural history of the Orenburg region]. Orenburg: 1840. 99 p. [in Russian]
- Georgi, 1799** – *Georgi J.G.* (1799). Opisanie vseh obitaiyshchih v Rossiskom gosudarstve narodov: ih jiteiskih obriadov, obyknovenii, odejd, jili, uprajnenii, zabav, veroispovedanii i drugih dostopamiatnostei [Description of all the peoples living in the Russian state: their everyday rituals, usages, clothes, dwellings, exercises, amusements, religions and other monuments]. St. Petersburg, Part 4. Chast vtoraiia o narodah tatarskogo plemeni. 246 p. [in Russian]
- Grekov, 1960** – *Grekov V.I.* (1960). Ocherki iz istorii russkikh geograficheskikh issledovaniy v 1725–1765 gg. [Essays from the history of Russian geographical research in the years 1725-1765]. M.: Izd-vo AN SSSR, 425 p. [in Russian]
- Hanykov, 1850** – *Hanykov Y.V.* (1850). Poezdka iz Orska v Hivu i obratno, sovershjonnaia v 1740-1741 gg. poruchikom Gladyshevym i geodezistom Muravinym [A trip from Orsk to Khiva and back, made in 1740-1741. Lieutenant Gladyshev and surveyor Muravin]. *Geograficheskie izvestija, izdanie RGO*, Vyp.3, pp. 514-599 p. [in Russian]
- Haruzin, 1891** – *Haruzin A.* (1891). Bibliograficheskij ukazatel' statej, kasajushhihsja etnografii kirgizov i karakirgizov s 1734 po 1891 g. [Bibliographic index of articles relating to the ethnography of the Kirghiz and Karakirgiz from 1734 to 1891]. Moskva, 70 p. [in Russian]
- Iofa, 1949** – *Iofa L.E.* (1949). Sovremenniki Lomonosova I.K.Kirillov i V.N.Tatishhev: geografy I pol. XVIII v. [Contemporaries of Lomonosov I. Kirillov and V. Tatishchev: geographers of the 1st half of XVIII century]. M.: Geografiz, 1949. 91 p.
- Isin, 2005** – *Isin A.I.* (2005). Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh [History of Kazakhstan in Russian sources]. I tom. Posolskie materialy russkogo gosudarstva (XV-XVII vv.). Sostavlenie, transkripsia skoropisi, specialnoe redaktirovanie tekstov, vstupitel'naya statya, commentary i sostavlenie slovnikov ukazatelei. Almaty: Daik-Press, 704 p. [in Russian]
- Levshin, 1832** – *Levshin A.I.* (1832). Opisanie kirgiz-kazachih ili kirgiz-kaisatskikh ord i stepei. [Description of Kirghiz-Cossack or Kirghiz-Kaisak hordes and steppes]. St. Petersburg, Part 1. 264 p.; Part 2. 333 p.; Part 3. 304 p. [in Russian]
- Masanov, 1966** – *Masanov E.A.* (1966). Ocherk istorii etnograficheskogo izucheniia kazakhskogo naroda v SSSR. [Essay on the history of the ethnographic study of the Kazakh people in the SSSR]. Alma-Ata: Nauka, 321 p. [in Russian]
- Matvievskaya, 2008** – *Matvievskaya G.P.* (2008). Zhizn i dejatel'nost' P.I.Rychkova: (v 4 tomah) [Life and work of P.Rychkov: [in 4 vol.]]. Orenburg, 606 p. [in Russian]
- Miller, 1937** – *Miller G.F.* (1937). Istoriia Sibiri [History of Siberia]. M.-L: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR, Part 1. 608 p. Part 2. 637 p. [in Russian]
- Nikolaev, 1999** – *Nikolaev V.A.* (1999). Landshavti aziatskikh stepei [Landscapes of the Asian steppes]. M.: izdatelstvo MGU, 288 p. [in Russian]
- Pallas, 1809** – *Pallas P.S.* (1809). Putishestvie po raznim provinciam Rossiiskoi imperii [Travel to different provinces of the Russian Empire]. 2-oe izd.: St. Petersburg, 657 p. Pribavlenie: Kratkoe opisaniie životnym i rasteniiam, izyskannym v 1768–1769 godu. 116 p. [in Russian]

Phalk, 1824b – *Phalk I.P.* (1824). Polnoe sobranie uchenih putishestvi po Rossii, izdavaemoe Imperatorskoi Akademii Nauk. Po predlagheniy presidenta. The complete collection of travel scientists in Russia] St. Petersburg, 1818-1825. Vol. 6. [1], XII, 546 p. [in Russian]

Phalk, 1825a – *Phalk I.P.* (1825). Polnoe sobranie uchenih putishestvi po Rossii, izdavaemoe Imperatorskoi Akademii Nauk. Po predlagheniy presidenta [The complete collection of travel scientists in Russia]. St. Petersburg, 1818–1825. Vol. 7. [1], V, II, 224 p. [in Russian]

Rakhimov, 2018 – *Rakhimov M., Shayakhmetov N., Battalov K.* (2018). Sacral Geography of Priirtysh Region in the Works of Russian Researchers. *Bylye Gody*. Vol. 50. Is. 4: 1406-1416. [in Russian]

Rychkov, 1762 – *Rychkov P.I.* (1762). Topografiya Orenbúrgskaia. V 2-h chastiah [Topography of Orenburg. In 2 parts]. SPb., P.1. 331 p. [in Russian]

Semenov-Tien-Shansky, 1903 – *Semenov-Tyan'-Shanskii P.P.* (1903). Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva. Kirgizskii kray. [Russia. Full geographical description of our Native Land. Kirgiz region]. Vol. 18 / Pod red. V.P. Semenova-Tyan'-Shanskogo. St. Petersburg, 479 p. [in Russian]

Show, 1999 – *Show D.* (1999). Geographicheskaya praktika i eio znachenie v epokhu reform Petra Velikogo. *Voprosy istorii estestvoznania i tehniki*. 1999. № 3.13-29 p. [in Russian]

Tatishev, 1793 – *Tatishev V.N.* (1793). Leksicon rossiiskii istoricheskii, geograficheskii, politicheskii i grajdanski sochinennyi gospodinom Tainym sovetnikom i Astrahanskim gubernatorom V.Tatishevym [Russian historical, geographical, political and civil lexicon composed by Mr. Privy Counselor and Astrakhan Governor V.Tatishev]. St. Petersburg, Vol.1, 311 p.; Vol.2, 216 p.; Vol.3, 217 p. [in Russian]

Valihanov, 1984 – *Valihanov Ch.* (1961). Sobranie sochinenii v pyati tomah [Collection of works in five volumes]. Alma-Ata, 416 p. [in Russian]

Казахская степь как историко-географический феномен в трудах российских ученых XVIII в.

Нурбек Уахапович Шаяхметов ^a, Гульнар Торебаевна Моминова ^{b, *},
Жанагуль Муратовна Омирбекова ^b, Айжан Аскаровна Майбалаева ^b

^a Институт истории государства МОН РК, Казахстан

^b Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы изучения российскими учеными Казахской степи и населяющего ее народа в XVIII в., который стал ключевым и качественно новым этапом в истории изучения, накопления и углубления географических и исторических знаний о Казахской степи. В начале XVIII в. российское правительство усилило изучение Сибири и Казахской степи в естественном и историко-географическом аспектах. В данном контексте в статье раскрывается роль российских ученых в научном изучении Казахстана и их вклад в развитие российского кочевниковедения. Результаты научного изучения Казахской степи представляют собой комплекс источников по истории, географии, природопользованию, этнической территории, этнографии, хозяйству и топонимике. Поэтому труды российских ученых и материалы академических экспедиций, изданных ее участниками в XVIII в., в основном стали источниковой базой последующих работ по изучению Казахской степи. В них накоплен определенный багаж знаний и представлений о степной цивилизации, что способствовало выявлению общих закономерностей в развитии степных народов. Логично, что всем сведениям исследователей и материалам экспедиций были присущи противоречивые суждения и выводы, недостаточная точность и полнота сведений о казахском народе, т.к. это было первое масштабное комплексное обследование края. Несмотря на это, труды российских ученых имели огромное научное значение в этнографическом изучении казахского народа и в рассмотрении Казахской степи как историко-географического феномена.

Ключевые слова: Казахская степь, российские ученые XVIII в., историческая география, экологическая история, историография, академические экспедиции, степная цивилизация, этноэкология, природопользование.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: MG_29@mail.ru (Г.Т. Моминова)

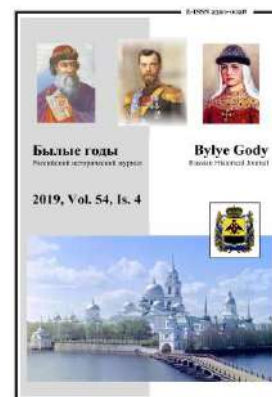
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1451-1458. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1451
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Buddhist Communities of Transbaikalia and the Lower Volga in the Confessional Policy of the Russian Empire

Mergen S. Ulanov ^{a,*}, Valeriy N. Badmaev ^a, Arya A. Andreeva ^a

^a Kalmyk State University, Russian Federation

Abstract

The article discusses the specifics of the confessional policy of the Russian Empire regarding Buddhism. After the advent of Buddhist subjects in Russian state policy, a tolerant attitude towards the Buddhist religion manifested itself, especially the Kalmyks, who until 1771 had considerable autonomy. In the subsequent period, the tsarist government made successful attempts to centralize the Buddhist communities of the Buryats and Kalmyks in order to create a strict church structure and hierarchy like the Russian Orthodox Church. However, this desire of the authorities was dictated not so much by hostility towards Buddhism as by the desire of the Russian state to control all religious denominations in the empire. After a series of administrative transformations in the second half of the XIX century a system of Buddhist spiritual institutions was formed. The study showed that tsarist politics was aimed at the Buddhist community of Russia serving the state interests of the empire. However, despite the active support of the missionary activities of the Russian Orthodox Church in Kalmykia and Transbaikalia, the tsarist government was not able to fully Christianize the Buddhist population of the empire. At the same time, the attentive attitude of the central government to the Buddhist denomination led to the fact that Russian sovereigns began to be positively perceived by the Buryat and Kalmyk people.

Keywords: Buddhism, confessional politics, the Russian Empire, the Romanov dynasty, Kalmyks, Buryats, Christianization.

1. Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена постоянно усиливающимся в современном глобальном мире интересом к буддийской культуре, чьи принципы терпимости, умеренности и экологичности становятся сегодня крайне современными (Ulanov, Badmaev, 2015).

Буддийская культура России, основанная на традиционных буддийских ценностях, – составная часть общероссийской культуры, формировавшаяся длительное время в рамках евразийской российской цивилизации. Буддизм в России представляет собой оригинальный многосложный социо- и культурно-конфессиональный комплекс, он имеет длительную историю, связанную с появлением и распространением буддизма в Поволжье, Забайкалье, а также в других регионах России.

Целью данного исследования является концептуальный историко-религиоведческий анализ политики Российской империи в отношении буддийских общин Забайкалья и Нижнего Поволжья.

2. Материалы и методы

Материалами для подготовки статьи послужили памятники историко-летописного наследия, сборники документов, отражающие

* Corresponding author

E-mail addresses: ulanov1974@mail.ru (M.S. Ulanov), badmavo7@yandex.ru (V.N. Badmaev), miss.tsebikova888@gmail.com (A.A. Andreeva)

распространение буддизма в культурно-конфессиональном пространстве России, специфику религиозной политики Российской империи, а также историко-этнографические исследования дореволюционных ученых. Кроме того, были проанализированы современные научные публикации российских и зарубежных ученых по теме исследования.

В качестве методологической основы исследования были использованы принципы историзма и научной объективности, сравнительно-сопоставительный и специально-исторические методы (проблемно-хронологический и историко-ретроспективный), позволившие на основе анализа обширного эмпирического материала изучить развитие вероисповедной политики династии Романовых в отношении буддийской церкви в Российской империи.

При оценке анализируемых процессов также применялся и цивилизационный подход. Во взаимоотношениях с буддистами российское государство в лице дома Романовых имело дело со специфическим феноменом – буддийской цивилизацией или буддийским миром. Буддийские народы России в силу своих историко-генетических, религиозно-культурных характеристик относятся к буддийскому миру, имеют культурно-конфессиональные идентификационные аттракторы за пределами российского государства.

3. Обсуждение

Следует сразу отметить, что специальных научных исследований, посвященных историко-культурологическому анализу процесса взаимоотношений династии Романовых с буддистами России, практически нет. В дореволюционный период крупных исследований, непосредственно относящихся к вопросам взаимоотношений царского правительства и буддистов, было немного. В общественно-политической мысли того времени буддийский вопрос не считался столь актуальным, как, например, еврейский или мусульманский.

Значительная группа дореволюционных работ, касающихся данной проблемы, принадлежит перу православных миссионеров. В центре их внимания находились вопросы христианизации буддистов, поэтому для них был характерен тенденциозный подход к буддизму как языческой религии. Согласно логике миссионеров, буддисты могли стать надежными подданными только после приобщения к христианству, поэтому большинство их сочинений было посвящено вопросам миссионерства, взаимоотношения православия и буддизма, распространения образования и просвещения среди буддистов (Вениамин, 1885; Гурий, 1911; Гурий, 1915).

В конце XIX века публикуются сочинения авторов, пытавшихся дать объективную и развернутую картину жизни буддийской общины в Калмыцкой степи и Забайкальском регионе, избегая при этом вопроса о политике царизма в отношении буддизма. Особо здесь следует отметить труды известного дипломата, востоковеда, князя Эспера Ухтомского, в которых он отстаивает позицию расширения внешней восточной политики России с учетом культурно-исторических связей российских буддистов с азиатским буддийским миром (Ухтомский, 1891; Ухтомский, 1904). В 1890–1891 годах Ухтомский даже сопровождал цесаревича, будущего Николая II, в его путешествии на Восток.

Среди работ советского периода следует указать книгу К.М. Герасимовой «Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье в XIX и начале XX веков» (Герасимова, 1957). Здесь рассмотрена эволюция имперской конфессиональной политики и стратегии православной миссии, анализируются законодательные и административные проекты относительно бурятских буддийских подданных в Забайкалье. Исследуя царскую политику в отношении буддийской общины Забайкалья, автор приходит к выводу, что правительство прежде всего заботилось о том, чтобы буддийское духовенство верно служило царю (Герасимова, 1957: 38-40).

Интерес представляет и коллективный труд бурятских ученых «Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX веков. Структура и социальная роль культовой системы». Авторы монографии отмечают, что отношение царского правительства к буддистам имело существенные различия в регионах и зависело от роли и значения калмыков и бурят во внутреннем и внешнем положении Российской империи (Ламаизм в Бурятии..., 1983).

Из работ постсоветского времени необходимо выделить коллективный труд «Буддизм в истории и культуре бурят» (Буддизм в истории..., 2014). Авторы монографии, указывая на противостояние буддийской общины бурят и имперских властей, отмечают, что в условиях конфликтов с местной администрацией буддисты Забайкалья нередко обращались к российским императорам, которые в их представлениях являлись гарантами религиозных прав и свобод (Буддизм в истории..., 2014: 58).

Из исследований, посвященных политике царского правительства в отношении калмыцких буддистов, можно выделить монографии Г.Ш. Дорджиевой (Дорджиева, 1995; Дорджиева, 2012). В данных работах автор тщательно и подробно анализирует пути и результаты вероисповедной политики Российского государства в Калмыкии.

Говоря о зарубежной историографии проблемы, необходимо отметить, что вопросы истории буддизма в Российской империи получили недостаточное внимание в западной науке. Здесь в первую очередь следует отметить исследования чешского религиоведа Любоша Белки (Bělka, 2001) и немецкого историка Дитмара Шорковица (Schorkowitz, 2001).

4. Результаты

Появление буддизма в культурно-конфессиональном пространстве России связано с интеграцией в состав Российского государства народов, традиционно исповедующих буддизм. Первыми из таких народов стали калмыки. Первые зафиксированные официальные контакты калмыков с русскими монархами относятся к началу XVII века. В ходе ряда переговоров калмыки выразили желание войти в состав Российского государства.

В 60–70-е годы XVII в. сложилось государственное образование – Калмыцкое ханство в составе Российской империи. К этому времени калмыки, как и другие этнические группы западных монголов (ойратов), приняли буддизм тибетской школы Гелуг. Принятие новой религии было официально закреплено на законодательном уровне (Уланов, Бадмаев, Мацакова, 2016; Ulanov, Badmaev, Holland, 2017). Известно, что Калмыцкое ханство до середины XVIII в. имело достаточно большую самостоятельность. Царское правительство практически не вмешивалось в религиозные дела калмыков. В духовных вопросах они подчинялись Тибету. Как отмечает М. Ходарковский, «в отличие от тех, кто уже жил в регионе, калмыки были, безусловно, чужаками – тибетскими буддистами, и ни христиане, ни мусульмане не ощущали родства с новоприбывшими» (Ходарковский, 2019: 267).

Гибкая политика царизма по отношению к калмыкам объяснялась тем, что последние составляли довольно значительную военную силу и многократно проявляли героизм в защите своей новой родины. Сразу после своего прихода на территорию России калмыки стали ее надежным щитом от неприятелей.

Другим народом Российской империи, исторически исповедовавшим буддизм, были буряты, жившие на территории Забайкалья. Данный регион был присоединен к России в 1689 г. согласно Нерчинскому договору. К этому моменту буддизм традиции Гелуг уже начал распространяться среди бурятских родов. В том же году между местными правителями и царским наместником Ф. Головиным был заключен договор о российском подданстве, согласно которому царская администрация брала на себя обязательство не принуждать бурят переходить в православие (Сборник..., 1960: 328).

Российская империя обладала огромным религиозным и этнокультурным разнообразием. Царская администрация считалась с существующей буддийской церковью и предпринимала первые шаги по организации ее управления, чтобы она служила интересам России. Так, русский государственный деятель и дипломат С. Рагузинский в «Инструкции пограничным дозорщикам» 1728 г. отмечал необходимость не пропускать на территорию России буддийское духовенство из соседних стран и обходиться собственными священнослужителями, чтобы пожертвования российских подданных «не чужим, но своим доставались...» (Ухтомский, 1904: 8). Для местных чиновников это положение стало на долгое время основным документом в их отношении к буддизму.

Важным событием в истории взаимоотношения российской власти и буддийской сангхи стал Указ императрицы Елизаветы Петровны, изданный в 1741 г., согласно которому был официально утвержден штат буддийского духовенства Забайкалья, который затем принял присягу на верноподданство российской императрице. Таким образом, царская власть документально признавала наличие буддийской религии и деятельность буддийской сангхи в России. Главой буддийской общины Забайкалья в звании ширетуя был утвержден тибетский лама Агван Пунцок.

Политика Екатерины Великой в отношении буддизма во многом основывалась на идеях Просвещения. Так, 17 июня 1773 года был издан указ Синода о веротерпимости, запрещавший архиереям вмешиваться в религиозные дела представителей других конфессий, включая и буддистов. Наиболее ярко конфессиональная политика Екатерины II в отношении буддистов проявилась в Забайкалье. Здесь в 1764 г. настоятель Цонгольского дацана Д.Д. Заяев был официально провозглашен главой всех местных буддистов и получил титул Бандидо Хамбо-лама. Позже он был приглашен в Санкт-Петербург в числе представителей депутатов различных религий. В столице лама получил удостоверяющую его высокое звание грамоту с белой печатью и был награжден медалью (Бурятские летописи, 1995: 112).

Личная встреча российской императрицы и первого Бандидо Хамбо-ламы Дамба-Даржа Заяева стала свидетельством взаимного интереса государства и буддийской общины. Если империя в лице Екатерины II получала возможность расширить свои геополитические интересы и позиции за счет связей бурятских буддистов с их единоверцами в Монголии и Тибете, то для буддийской сангхи это была возможность подтверждения ее легитимности на высшем государственном уровне.

Непростыми при Екатерине Великой были взаимоотношения России с калмыками. Относительно независимое существование Калмыцкого ханства не устраивало царизм. При Екатерине II началось планомерное наступление на калмыцкую автономию. Одновременно усилилась колонизация Нижнего Поволжья, активизировалась миссионерская деятельность Русской православной церкви. Все это привело к откочевке в 1771 г. большей части калмыков в Джунгарию под предводительством Убуши-хана. В октябре 1771 г. указом императрицы было упразднено Калмыцкое ханство. Следует отметить, что в нем вплоть до его упразднения не было единого религиозного центра. Каждый улус имел один или несколько хурулов во главе с настоятелем-багши. После 1771 г. ситуация стала меняться. Решающую роль в оформлении буддийской церкви Калмыкии сыграло правительство России.

При императоре Павле I калмыцкая автономия в форме наместничества была ненадолго восстановлена. В 1800 г. Павел I утвердил багши малодербетовских хурулов Сойбинга Ламой калмыцкого народа, вручив ему специальную грамоту, которая подтверждала право калмыков на свободное исполнение буддийского культа. Несмотря на то, что данный факт следует оценивать как первый шаг в централизации сангхи, направленный на усиление государственного и административного контроля в отношении буддийской общины в Калмыкии и ее духовных руководителей, важно отметить, что тем самым подтверждались права калмыков – исповедовать буддизм и калмыцкой буддийской сангхи – на существование в Российской империи (Дорджиева, 1995: 48-49).

Таким образом, царское правительство в эпоху правления Екатерины II и Павла I стремилось установить контроль над буддийскими общинами через введение штата духовенства и строгой централизации.

В период правления Александра I происходило укрепление позиций буддизма в Байкальском регионе. В начале XIX века активно строятся и открываются буддийские монастыри-дацаны. Во многом такое расширение буддийской сангхи в Байкальском регионе стало возможным благодаря либеральной политике имперской власти, налаженным контактам буддийского духовенства с местной администрацией.

При Николае I началась активная работа по организации законодательной основы для взаимодействия буддийской церкви и государства. Так, калмыцкая буддийская сангха получила централизованную структуру в результате специально принятых законоположений Российского государства. В 1834 г. царским правительством было утверждено «Положение по управлению калмыцким народом», которое строго регламентировало религиозную деятельность калмыцкого буддийского духовенства. Согласно ему, создавалось Ламайское духовное правление под председательством Ламы калмыцкого народа, которое должно было информировать российскую администрацию о положении хурулов и духовенства. Лама калмыцкого народа назначался лично императором России из числа высшего буддийского духовенства по представлению министра внутренних дел. В целом, Ламайское духовное правление состояло из уже упомянутого Ламы, а также четырех представителей высшего духовенства. Последние должны были избираться на всекалмыцком собрании буддийского духовенства сроком на 3 года, после чего их утверждал астраханский военный губернатор. Все члены Ламайского духовного правления по своему положению фактически представляли собой чиновников, состоявших на службе у государства, которые получали за свою работу значительное денежное жалование (История Калмыкии..., 2009: 234).

В целом, создание Ламайского духовного правления преследовало цель поставить под контроль деятельность буддийского духовенства, превратив его в государственных чиновников, а само духовное правление включить в механизм государственного бюрократического аппарата. Более того, его организацией преследовалась цель ускорить окончательную разработку правового статуса калмыцкого духовенства (Оконова, 2017: 92).

«Положение по управлению калмыцким народом» 1847 г. определяло полномочия Ламы калмыцкого народа по осуществлению религиозной власти в Калмыцкой степи, который являлся высшим буддийским иерархом и главой всех калмыцких хурулов. По новому Положению Лама калмыцкого народа вначале избирался на съезде настоятелей калмыцких хурулов по предложению Главного попечителя. При этом учитывалось мнение владельцев улусов. После этого Лама по представлению министра государственных имуществ утверждался указом самого императора. Таким образом, Лама калмыцкого народа продолжал де-факто оставаться должностным лицом в системе российской государственной администрации.

В этот период царское правительство стало проводить политику сокращения количества буддийских храмов и духовенства. Однако калмыцкое духовенство оказывало сопротивление ограничительной политике царизма. Во второй половине XIX в. появился институт хурульных учеников. В него входили и священнослужители, попавшие под сокращение. В результате реально существовало большее количество хурулов и лам, чем это предусматривало Положение 1847 г.

Правительство Николая I также уделяло значительное внимание вероисповедным делам бурят и формированию в отношении них четкого законодательства. Так, в 1853 г. по проекту генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева с одобрения Министерства внутренних дел и Сибирского комитета сената царем Николаем I было утверждено «Положение о ламайском духовенстве». Этот документ определял количество дацанов, их штат и круг должностей, порядок их комплектования, принципы управления ламаистской церковью.

«Положение 1853 г.» установило принципы подчинения административно-хозяйственной деятельности дацанов ведомству «инородческих начальников», т.е. главам степных дум. С другой стороны, царское правительство усиливало власть царской администрации и зависимость хамбо-ламы и дацанов от Петербурга и губернского управления, ибо все должностные лица утверждались ими, добивались верноподданнического служения ламаиства и дацанов царскому престолу.

При Александре II политика правительства по отношению к буддийской церкви в калмыцких степях и в Забайкалье не претерпела существенных изменений, а деятельность буддийского

духовенства регламентировалась вышеуказанными «Положениями». В то же время в период его правления развернулась активная миссионерская деятельность.

Конфессиональная политика Александра III сопровождалась некоторым усилением государственного контроля в отношении буддийского духовенства Забайкалья. Так, в 1890 г. появилась «Временная инструкция об управлении делами ламайского духовенства в Иркутской губернии», в соответствии с которой ламы и монастыри ряда бурятских родов вышли из-под административного контроля Бандидо Хамбо-ламы (Лепехов, 2012: 52).

Государственная конфессиональная политика Николая II способствовала дальнейшему развитию буддизма в России. Манифест от 17 октября 1905 г. способствовал заметному улучшению положения буддийских общин. Изменения вероисповедной политики в 1905 году сделали возможным строительство в столице империи буддийского храма – дацана, которое началось в 1909 году и продолжалось до 1915 года. Его возведение обошлось более чем в 150 тысяч рублей. Средства поступали как от российских буддистов, так и от Далай-ламы XIII и ламы Агвана Доржиева, который осуществлял общее духовное руководство строительством. Хотя оно завершилось лишь к 1915 году, уже в 1913 году, к 300-летию династии Романовых, состоялось его освящение. Тогда же была совершена первая служба (Андреев, 2004).

Повышение интереса царской администрации к буддийскому миру в этот период во многом было обусловлено и внешнеполитическими обстоятельствами. Одним из таких факторов было продолжение Большой игры – геополитического соперничества между Российской и Британской империями за господство в Южной и Центральной Азии в XIX – начале XX вв. Русское дипломатическое ведомство вело очень сложную и тонкую работу по воспрепятствованию английской экспансии в Тибет, скорейшему восстановлению в стране власти Далай-ламы XIII и укреплению позиций России в регионе. В этом очень помогала информация буддийских паломников из числа калмыков и бурят о сложившейся ситуации в Тибете, которая вызвала особый интерес в Министерстве иностранных дел и в Военном министерстве (Андреев, 1997).

Следует особо отметить деятельность выдающегося представителя российского буддизма Хамбо-ламы Даши Доржо Итигэлова, который в 1913 г., будучи главой бурятских буддистов, принимал участие в мероприятиях, посвященных 300-летию Дома Романовых. В честь данного события Итигэлов даже провел торжественную службу в буддийском дацане Петербурга, а затем был удостоен личной аудиенции императора (Пчелов, 2010: 9).

Особое значение для знакомства петербургского императорского двора с культурой Тибета, в частности с тибетской медициной, имела деятельность Петра Александровича Бадмаева, крестника императора Александра III, личного врача семьи императора Николая II. Бадмаев стал известен как создатель первой школы буддийской медицины в Петербурге и популяризатор тибетской медицины в России. П.А. Бадмаев, являвшийся действительным статским советником, по результатам ряда своих экспедиций в Монголию, Китай и Тибет подготовил для императора Александра III памятную записку в виде философско-исторического трактата «О задачах русской политики на азиатском Востоке», где дал свой геополитический прогноз будущих событий на Востоке и основанный на этом прогнозе перспективный план по мирному присоединению к России Монголии, Тибета и Китая (Гусев, 1995).

Внимательное отношение российских императоров к буддизму и буддийской культуре способствовало положительному восприятию русских монархов буддийской сангхой, созданию и сакрализации их положительного образа. Так, в бурятских историко-литературных памятниках неоднократно отмечается имманентная духовная общность буддизма и российской монархии (Бурятские летописи, 1995: 133, 167). Русские цари характеризовались буддийским духовенством такими положительными качествами, как справедливость, мудрость, великодушие.

5. Заключение

Таким образом, политика Дома Романовых в отношении буддийского населения империи была достаточно сложной и противоречивой. В целом, царская политика была направлена на то, чтобы буддийская община России служила государственным интересам империи. В процессе формирования буддийских церковных структур царское правительство пыталось поставить калмыцкую и бурятскую сангхи под свой контроль, превратив их в часть государственной машины. Стремление правительства к централизованному контролю над буддийской конфессией выражалось также в политике изоляции калмыцкого и бурятского буддийского духовенства от контактов с тибетской и монгольской буддийскими церквями. Кроме того, царское правительство пыталось предотвратить сближение бурятской и калмыцкой общин. Поэтому забайкальские буряты находились в ведении Министерства внутренних дел, а калмыки – Министерства государственных имуществ, позже – Министерства исповеданий.

Сложившаяся четырехуровневая система государственно-конфессиональных отношений во главе с Русской православной церковью относилась буддистов, наряду с католиками, протестантами, мусульманами и иудеями, ко второму уровню, так называемых признанных терпимых конфессий. При этом важной частью конфессиональной политики царской России была христианизация

неправославного населения, в том числе и буддистов. Принятие православия «инородцами» рассматривалось как составной элемент культурно-конфессиональной политики по их интеграции. Следует отметить, что российское государство проявляло осторожность в христианизации буддийских народов, учитывая непростую социально-политическую обстановку на окраинах империи. Принятие буддийскими народами российского подданства не означало их принудительную и автоматическую христианизацию. В отдельных случаях царское правительство даже вынуждено было поддерживать буддийскую церковь, несмотря на интересы православной миссии.

Особо следует отметить внешнеполитический фактор в конфессиональной политике Российской империи по отношению к буддийской сангхе России. Если империя получала возможность расширить свои геополитические интересы и позиции за счет связей бурятских и калмыцких буддистов с их единоверцами в Монголии и Тибете, то для российской буддийской сангхи это была возможность подтвердить свою легитимность на самом высшем государственном уровне.

Внимательное отношение царского правительства к буддийской конфессии вызывало взаимное уважение к российским государям у бурятского и калмыцкого населения. При этом буддийское духовенство, учитывая отсутствие у бурят и калмыков в XIX веке собственной государственности, даже стремилось сакрализировать царскую власть, опираясь на буддийские социально-политические концепции и проецируя их на российскую монархию.

6. Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00118 «Россия и буддийский мир в дискурсе философского востоковедения».

Литература

Андреев, 1997 – Андреев А.И. От Байкала до священной Лхасы (Новые материалы о русских экспедициях в Центральную Азию в первой половине XX века). Самара: Агни, 1997. 352 с.

Андреев, 2004 – Андреев А.И. Храм Будды в Северной столице. СПб.: Нартанг, 2004. 224 с.

Буддизм в истории..., 2014 – Буддизм в истории и культуре бурят. Улан-Удэ: Буряад-Монгол Ном, 2014. 418 с.

Бурятские летописи, 1995 – Бурятские летописи. Улан-Удэ: Бурятский институт общественных наук, РАН СО, 1995. 199 с.

Вениамин, 1885 – Вениамин (Благонравов В.А.). Жизненные вопросы православной миссии в Сибири. СПб.: Тип. (б.) А.М. Котомина, 1885. 75 с.

Герасимова, 1957 – Герасимова К.М. Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье в XIX и начале XX веков. Улан-Удэ: Бурят-Монгол. науч.-исслед. ин-т культуры, 1957. 160 с.

Гурий, 1911 – Гурий (Степанов). Православная миссия среди ламаитов-калмыков // Миссионерское обозрение. Журнал внутренней миссии. № 1–4. СПб., 1911. С. 412–421.

Гурий, 1915 – Гурий (Степанов). Очерки по истории распространения христианства среди монгольских народов. Ч. 1. Казань, 1915. 254 с.

Гусев, 1995 – Гусев Б.С. Доктор Бадмаев: тибетская медицина. Царский двор. Советская власть. М.: Русская книга, 1995. 240 с.

Дорджиева, 1995 – Дорджиева Г.Ш. Буддизм и христианство в Калмыкии. Опыт анализа религиозной политики правительства Российской империи (середина XVII – начало XX вв.). Элиста: АПП «Джангар», 1995. 126 с.

Дорджиева, 2012 – Дорджиева Г.Ш. Буддизм Калмыкии в вероисповедной политике Российского государства (середина XVII – начало XX вв.). Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2012. 203 с.

История Калмыкии..., 2009 – История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: В 3 т. Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел», 2009. Т. 3. 752 с.

Ламаизм в Бурятии..., 1983 – Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX веков: Структура и социальная роль культовой системы. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1983. 235 с.

Лепехов, 2012 – Лепехов С.Ю. Политика царского правительства по отношению к буддизму в Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 3. С. 52–60.

Оконова, 2017 – Оконова Л.В. Деятельность Ламайского духовного правления и Ламы по материалам отчетов Управления калмыцким народом // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2017. № 2. С. 83–97.

Пчелов, 2010 – Пчелов Е.В. Русские государи и российский буддизм // *Новый исторический вестник*. 2010. № 26. С. 5–11.

Сборник..., 1960 – Сборник документов по истории Бурятии. XVII век (1609–1700). Улан-Удэ, 1960. 494 с.

Ухтомский, 1891 – Ухтомский Э.Э. От Калмыцкой степи до Бухары. СПб.: Тип. князя В.П. Мещерского, 1891. 213 с.

- [Ухтомский, 1904](#) – *Ухтомский Э.Э.* Из области ламаизма. К походу англичан на Тибет. СПб., 1904. 128 с.
- [Ходарковский, 2019](#) – *Ходарковский М.* Степные рубежи России. Как создавалась колониальная империя. 1500–1800. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 352 с.
- [Bělka, 2001](#) – *Bělka L.* *Tibetský buddhismus v Burjatsku*, Brno: Masarykova univerzita, 2001. 342 p.
- [Schorkowitz, 2001](#) – *Schorkowitz D.* Staat und Nationalitaeten in Russland. Der Integrationsprozess der Burjaten und Kalmücken, 1822-1925. Franz Steiner Verlag Stuttgart. 2001. 616 p.
- [Ulanov et al., 2016](#) – *Ulanov M.S., Badmaev V.N., Matsakova N.P.* Buddhism and Legal Tradition in Mongolia // *Bylye Gody*, 2016, Vol. 42, Is. 4: 1068-1076.
- [Ulanov, Badmaev, 2015](#) – *Ulanov M.S., Badmaev V.N.* Buddhist World in Global Context // *International Journal of Economics and Financial Issues*. 2015. No.5 (Special Issue), pp. 15-17.
- [Ulanov et al., 2017](#) – *Ulanov M.S., Badmaev V.N., Holland E.C.* Buddhism and Kalmyk Secular Law in the Seventeenth to Nineteenth Centuries // *Inner Asia*. 2017. No.19, pp. 297-314.

References

- [Andreev, 1997](#) – *Andreev A.* (1997). Ot Baikala do svyashchennoi Lkhasy (Novye materialy o russkikh ekspeditsiyakh v Tsentral'nyu Aziyu v pervoi polovine XX veka) [From Baikal to sacred Lhasa (New materials on Russian expeditions to Central Asia in the first half of the 20th century)]. Samara: Agni. 352 p. [in Russian]
- [Andreev, 2004](#) – *Andreev A.I.* (2004). Khram Buddy v Severnoi stolitse [Buddha Temple in the Northern Capital]. SPb.: Nartang. 224 p. [in Russian]
- [Bělka, 2001](#) – *Bělka L.* (2001). *Tibetský buddhismus v Burjatsku*, Brno: Masarykova univerzita, 342 p. [in Czech]
- [Buddizm v istorii..., 2014](#) – *Buddizm v istorii i kul'ture buryat* [Buddhism in history and culture is drilled]. Ulan-Ude: Buryaad-Mongol Nom. 418 p. [in Russian]
- [Buryatskie letopisi, 1995](#) – *Buryatskie letopisi* [Buryat annals]. Ulan-Ude: Buryat Institute of Social Sciences. 199 p. [in Russian]
- [Dordzhieva, 1995](#) – *Dordzhieva G.Sh.* (1995). Buddizm i khristianstvo v Kalmykii. Opyt analiza religioznoi politiki pravitel'stva Rossiiskoi imperii (seredina XVII – nachalo XX vv.) [Buddhism and Christianity in Kalmykia. The experience of analyzing the religious policy of the government of the Russian Empire (mid XVII – early XX centuries)]. Elista: APP «Dzhangar». 126 p. [in Russian]
- [Dordzhieva, 2012](#) – *Dordzhieva G.Sh.* (2012). Buddizm Kalmykii v veroispovednoi politike Rossiiskogo gosudarstva (seredina XVII – nachalo XX vv.) [The Buddhism of Kalmykia in the religious policy of the Russian state (mid XVII – early XX centuries)]. Elista: Kalmyk state University. 203 p. [in Russian]
- [Gerasimova, 1957](#) – *Gerasimova K.M.* (1957). Lamaizm i natsional'no-kolonial'naya politika tsarizma v Zabaikal'e v XIX i nachale XX vekov [Lamaism and the national-colonial policy of tsarism in Transbaikalia in the 19th and early 20th centuries]. Ulan-Ude: Buryat-Mongol Institute of culture. 160 p. [in Russian]
- [Gurii, 1911](#) – *Gurii* (1911). Pravoslavnaya missiya sredi lamaitov-kalmykov [Orthodox mission among Kalmyk Lamaites. Missionerskoe obozrenie. Zhurnal vnutrennei missii. No. 1-4. SPb. Pp. 412-421. [in Russian]
- [Gurii, 1915](#) – *Gurii* (1915). Ocherki po istorii rasprostraneniya khristianstva sredi mongol'skikh narodov [Essays on the history of the spread of Christianity among the Mongolian peoples]. Vol. 1. Kazan. 254 p. [in Russian]
- [Gusev, 1995](#) – *Gusev B.S.* (1995). Doktor Badmaev: Tibetskaya meditsina. Tsarskii dvor. Sovetskaya vlast' [Dr. Badmaev: Tibetan medicine. Imperial Courtyard. Soviet authority]. M.: Russkaya kniga. 240 p. [in Russian]
- [Istoriya Kalmykii..., 2009](#) – *Istoriya Kalmykii s drevneishikh vremen do nashikh dnei: v 3 t.* [The history of Kalmykia from ancient times to the present day: in 3 vol.]. Elista: GU «Izdatel'skii dom «Gerel». Vol. 3. 752 p. [in Russian]
- [Khodarkovskii, 2019](#) – *Khodarkovskii M.* (2019). Stepnye rubezhi Rossii. Kak sozdavalas' kolonial'naya imperiya. 1500–1800 [Steppes of Russia. How the colonial empire was created. 1500–1800]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 352 p. [in Russian]
- [Lamaizm v Buryatii..., 1983](#) – *Lamaizm v Buryatii XVIII-nachala XX veka: Struktura i sotsial'naya rol' kul'tovoi sistemy* [Lamaism in Buryatia of the 18th-early 20th centuries: The structure and social role of the cult system]. Novosibirsk: Nauka: Sib. otd-nie. 235 p. [in Russian]
- [Lepekhov, 2012](#) – *Lepekhov S.Y.* (2012). Politika tsarskogo pravitel'stva po otnosheniyu k buddizmu v Sibiri v kontse XIX – nachale XX v. [The policy of the tsarist government in relation to Buddhism in Siberia in the late XIX – early XX centuries]. *Vestnik Kalmyt'skogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, No.3, pp. 52-60. [in Russian]
- [Okonova, 2017](#) – *Okonova L.V.* (2017). Deyatel'nost' Lamaiskogo dukhovnogo pravleniya i Lamy po materialam otchetov Upravleniya kalmytskim narodom [Activities of the Lamai Spiritual Government and the Lama based on reports from the Office of the Kalmyk People]. *Magna adsurgit: historia studiorum*, No. 2. pp. 83-97. [in Russian]

- Pchelov, 2010** – *Pchelov E.V.* (2010). Russkie gosudari i rossiiskii buddizm [Russian sovereigns and Russian Buddhism]. *Novyi istoricheskii vestnik*, No.26, pp. 5-11. [in Russian]
- Sbornik..., 1960** – Sbornik dokumentov po istorii Buryatii. XVII vek (1609-1700) [Collection of documents on the history of Buryatia. XVII century (1609-1700)]. Ulan-Ude. 494 p. [in Russian]
- Schorkowitz, 2001** – *Schorkowitz D.* (2001). Staat und Nationalitaeten in Russland. Der Integrationsprozess der Burjaten und Kalmücken, 1822–1925. Franz Steiner Verlag Stuttgart, 616 p. [in German]
- Ukhtomskii, 1891** – *Ukhtomskii E.E.* (1891). Ot Kalmytskoi stepi do Bukhary [From the Kalmyk steppe to Bukhara]. SPb, 213 p. [in Russian]
- Ukhtomskii, 1904** – *Ukhtomskii E.E.* (1904). Iz oblasti lamaizma. K pokhodu anglichan na Tibet [From the realm of Lamaism. To the campaign of the British in Tibet]. SPb. 128 p.
- Ulanov, Badmaev, 2015** – *Ulanov M.S., Badmaev V.N.* (2015). Buddhist World in Global Context. *International Journal of Economics and Financial Issues*, No.5 (Special Issue), pp. 15-17.
- Ulanov et al., 2017** – *Ulanov M.S., Badmaev V.N., Holland E.C.* (2017). Buddhism and Kalmyk Secular Law in the Seventeenth to Nineteenth Centuries. *Inner Asia*, No.19, pp. 297-314.
- Ulanov et al., 2016** – *Ulanov M.S., Badmaev V.N., Matsakova N.P.* (2016). Buddhism and Legal Tradition in Mongolia. *Bylye Gody*, Vol. 42, Is. 4: 1068-1076.
- Veniamin, 1885** – Veniamin (1885). Zhiznennye voprosy pravoslavnoi missii v Sibiri [Life issues of the Orthodox mission in Siberia]. SPb. 75 p. [in Russian]

Буддийские общины Забайкалья и Нижнего Поволжья в конфессиональной политике Российской империи

Мерген Санджиевич Уланов ^{а, *}, Валерий Николаевич Бадмаев ^а, Арья Александровна Андреева ^а

^а Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается специфика конфессиональной политики Российской империи в отношении буддизма. После появления подданных-буддистов в государственной политике России проявлялось терпимое отношение к буддийской религии, особенно это касалось калмыков, которые до 1771 г. имели значительную автономию. В последующий период царским правительством были осуществлены успешные попытки централизации буддийских общин бурят и калмыков с целью создания у них строгой церковной структуры и иерархии, наподобие РПЦ. Однако это стремление властей диктовалось не столько враждебностью к буддизму, сколько стремлением российского государства контролировать все религиозные конфессии на территории империи. После ряда административных преобразований во второй половине XIX в. была сформирована система буддийских духовных учреждений. Исследование показало, что царская политика была направлена на то, чтобы буддийская община России служила государственным интересам империи. Однако, несмотря на активную поддержку миссионерской деятельности РПЦ в Калмыкии и Забайкалье, царскому правительству так и не удалось полностью христианизировать буддийское население империи. В то же время внимательное отношение центральной власти к буддийской конфессии привело к тому, что российские государи стали позитивно восприниматься бурятским и калмыцким населением.

Ключевые слова: буддизм, конфессиональная политика, Российская империя, династия Романовых, калмыки, буряты, христианизация.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ulanov1974@mail.ru (М.С. Уланов), badmavo7@yandex.ru (В.Н. Бадмаев), miss.tsebikova888@gmail.com (А.А. Андреева)

Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
 Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 54. Is. 4. pp. 1459-1469. 2019
 DOI: 10.13187/bg.2019.4.1459
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Kalmyks, Kazakhs and Kuban Nogais in the Campaign of 1738: One of the Little-Known Pages of the Russian-Turkish War of 1735–1739

Vladimir T. Tepkeev ^{a,*}

^a Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article details the participation of Kalmyks, Kuban Nogais and Kazakhs in the military campaign of 1738 in the framework of the Russian-Turkish war of 1735–1739. This topic was only briefly covered in the works of most researchers, who briefly highlighted the main events of the whole war. Therefore, the aim of the work is a detailed consideration of the participation in the campaign not only of Kalmyks, but also of other nomadic peoples who took part in it directly or indirectly. The source base was the materials of the National Archive of the Republic of Kalmykia, where the documents of Khan Donduk-Ombo's correspondence with the regional administrations in southern Russia were deposited. Their analysis showed that the active and mass participation of the Kalmyks in the Russian-Turkish war created the conditions when their ulus became vulnerable to attack from the east. At the beginning of 1738, the ulus of the Kalmyk khan Donduk-Ombo underwent a massive Kazakh raid. The consequences of such actions could have a very negative effect on the combat readiness of the Kalmyk army, which would have a negative impact on its participation in the military campaign. However, the Kalmyk Khan still took an active part in it and his actions were mainly limited to the Kuban region. The invasion of the Kalmyk cavalry into the Kuban was a continuation of the previous campaign, when the Saltanul Nogais were subordinated. This time, the Kalmyks and the Kabardinians who acted with them were attacked by Kuban Nogais from the Khara-Kipchak and Navruz-Ulu tribes, who were relocated to controlled territory. More than a thousand Kalmyks were sent to the army field marshal P.P. Lassi, but it did not meet the original request of the Russian command. An attempt by Khan Donduk-Ombo to organize a return raid on the Kazakh uluses failed because of the mutiny of his son Galdan-Normo. A short-term internal strife in the Khanate was soon settled by the government, but practically removed Kalmyks from further participation in the campaign. The Don Cossacks were forced already independently, without the support of Kalmyks, to clash on the Don with the Kuban Nogais and defeat them. Thus, the Kazakh raid at the beginning of the year on the Kalmyk uluses significantly influenced the nature of the military campaign of 1738, limiting the participation of Kalmyks in it and allowing the Kuban Nogais to go on to an unsuccessful counteroffensive.

Keywords: Kalmyks, the Russian-Turkish war, the Crimean Khanate, Kabardians, Kazakhs, Kuban Nogais, Don Cossacks.

1. Введение

Русско-турецкие войны XVIII в. вовлекли в свою орбиту многие народы, проживавшие на огромной территории Восточной и Юго-Восточной Европы. Не исключением стала и русско-турецкая война 1735–1739 гг., которая явилась катализатором военных столкновений кочевых народов на южном пограничье. Очень заметно проявила себя в этой войне и калмыцкая конница, которая действовала на кубанском и крымском направлениях, оказав поддержку главным российским армиям. В кампаниях 1736, 1737 гг. перед калмыцкой конницей хана Дондук-Омбо ставилась

* Corresponding author
 E-mail addresses: tvt75@mail.ru (V.T. Tepkeev)

примерно одна и та же задача – выдвинуться на Кубань и прикрыть левый фланг русским армиям, чтобы не допустить переброски кубанских ногайцев на крымский театр военных действий. Значительную поддержку калмыкам на кубанском направлении оказывали кабардинские князья и донские казаки. Но главной ударной силой, несомненно, выступала калмыцкая конница.

Однако активное и массовое участие калмыков в этой войне делало их улусы очень уязвимыми, особенно с восточного направления. С начала XVIII в. в степях Северного Прикаспия под давлением джунгаров с востока появляются казахские улусы, представленные большей частью казахами Младшего жуза. Уход большей части калмыцкой конницы на театры военных действий на Кубани и в Крыму позволил казахам уже летом 1737 г. совершить набег на кочевавшие у Волги калмыцкие улусы двумя отрядами общей численностью 12 тыс. человек. Местные российские власти оказались совершенно не готовыми к такому развитию событий. Последствия подобных набегов могли крайне негативно отразиться на боеготовности калмыцкого войска, что отрицательно сказалось бы на всей военной кампании (Торопицын, 2009: 242).

Большинство исследователей лишь обзорно осветили тему участия калмыков в этой войне, вкратце отразив основные события. В данной же статье подробно рассматривается участие в кампании 1738 г. не только калмыков, но и других кочевых народов, принявших прямое или косвенное участие. Новые документальные материалы проливают свет на некоторые стороны казахско-кубанских отношений, которые серьезно повлияли на сам ход участия калмыков в русско-турецкой войне.

2. Материалы и методы

Основной источниковой базой настоящей статьи послужили документы Национального архива Республики Калмыкия. В первую очередь это материалы фонда И-36 «Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе», где отложились копии указов, донесений и рапорты Астраханской губернской канцелярии и Коллегии иностранных дел по «калмыцким делам», а также письма хана Дондук-Омбо и других владельцев в оригинале и переводах. В частности, в основу статьи легли материалы дела № 83 – «Письма хана Дондук- Омбо. Указы и письма к нему. О походе Дондук-Омбо к кубанским татарам. О кабардинских владельцах. 1736–1740 гг.» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 83). Особый интерес представляет и так называемый «Журнал полковника Кольцова 1738 г.» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109). Именно эти материалы значительно расширяют наши познания об участии калмыков, казахов и кубанских ногайцев в кампании 1738 г.

При работе с архивным материалом применялся историко-сравнительный метод, с помощью которого автор сопоставил хронику военной кампании 1738 г. на основе совпадающих сведений, содержащихся во всех или в большинстве источников. Это позволило избежать односторонности в рассмотрении событий того времени и приблизиться к исторической действительности. При этом сравнение осуществлялось на конкретных исторических фактах, отражающих существенные признаки явлений, а не формальное сходство.

3. Обсуждение

Несмотря на то, что историография Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. не слишком обширна, теме участия в ней калмыков посвящено несколько работ, которые в основном носят лишь обзорный и поверхностный характер (Батыров, 2006; Беликов, 1960; Беликов, 1965; Очиров, 2009; Мацакова, 2014; Петрухинцев, 1998; Цюрюмов, 2007; Цюрюмов, 2001; Цюрюмов, 2005; Цюрюмов, Батыров, 2006; Шовунов, 1991). Многие военные историки XIX – начала XX вв. высоко оценили боевые качества калмыцкой конницы в русско-турецких войнах (Баиов, 1906; Потто, 1889; Прозрителев, 1912; Чонов, 1912). В частности, генерал-майор В.А. Потто отмечал: «Не делая никаких сравнительных выводов, нельзя, однако, не сказать, что калмыцкий хан и казачьи атаманы, руководившие этими набегам, лучше наших фельдмаршалов поняли дух и тактику наших противников и потому без артиллерии и рогаток, без обоза и провианта с одной только конницею сделали больше, чем сделали в Крыму наши регулярные армии» (Потто, 1889: 53, 54). Более масштабное исследование военной кампании 1738 г. сделал видный военный историк и теоретик генерал А.К. Баиов (Баиов, 1906). Он детально изучил боевые действия главной и вспомогательной русских армий, но практически не затронул в своем исследовании действия калмыцкой конницы на Кубани. Оценивая итоги кампании 1738 г., А.К. Баиов отмечал, что в условиях безрезультатных походов двух главных армий удачный набег за Кубань Дондук-Омбо не мог привести к какому-либо значительному результату, не говоря уже о полном подчинении кубанских ногайцев (Баиов, 1906: 553). Теме калмыцко-казахских отношений в период этой кампании подробно уделили внимание И.В. Торопицын и Ж. Кундакбаева (Торопицын, 2009; Кундакбаева, 2005). Из последних публикаций стоит отметить «Журнал Крымских походов российской армии 1735–1738 гг.», где фрагментарно отражено участие небольшого отряда калмыков в боевых действиях армии генерал-фельдмаршала П.П. Ласси в Крыму (Журналы, 2017). По мнению А.А. Михайлова, эта война нуждается в самом пристальном и внимательном изучении, результаты которого явно будут способствовать более ясному пониманию

важных закономерностей истории отечественного военного искусства и международной политики XVIII в. (Михайлов, 2012: 346).

4. Результаты

Зимовку 1737/38 года калмыцкие владельцы с улусами проводили на правом берегу Волги, т.е. в непосредственной близости от театра военных действий. Например, улус хана Дондук-Омбо кочевал по р. Кума, улус Дорджи Назарова располагался в Мочагах, а тайша Четер кочевал по Манычу (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 11).

Но зимовка калмыцких улусов проходила в тревожной обстановке. В начале января хан Дондук-Омбо через своего посланника Джамбо-Джамцо ставил в известность российские власти, что «якобы казаки хотят идти чрез Волгу на Кубань». Однако, по данным оренбургского управителя В. Татищева, казахи не собирались идти в набег на калмыцкие улусы (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 61).

В январе все же стало известно, что казахское войско (по разным оценкам от 20 до 25 тыс. человек) двинулось к Волге. 17 января оно перешло по льду реку ниже Черного Яра и двинулось на Куму (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 71), где, как уже сказано, проводил зимовку улус Дондук-Омбо. Однако набег казахов оказался скоротечным, и удар пришелся только по крайним владениям улуса. По данным казахских пленников, им удалось захватить всего 1 тыс. калмыков (в основном, женщин и детей) и 10 тыс. верблюдов. Ограничившись этой «добычей», казахские предводители, приказав не трогать русские поселения, повернули свои войска обратно (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 101. Л. 28). Немногочисленные российские отряды, находившиеся на форпостах по Волге, не могли остановить казахские отряды, переходившие реку по льду в разных местах (Торопицын, 2009: 243).

По данным самого Дондук-Омбо, в результате казахского набега он потерял 2 тыс. кибиток. Но особенно его огорчил тот факт, что казахи захватили ханскую кибитку и хранившееся в нем религиозное имущество – статуэтки буддийских божеств (бурханы) и книги (Торопицын, 2009: 244). Именно возврат калмыцкому хану этих дорогих вещей и стал предметом последующих переговоров российских властей с казахскими правителями. Даже императрица Анна Иоанновна в апреле писала казахскому хану Абулхаиру, чтобы он, «охраняя свою подданническую должность, изволил собрать из киргизцев тех солтанов и старшин, кои были в том набеге, и наведаться, у кого из помянутых бурханов и книг, что есть» (Цит.: Кундакбаева, 2005: 210). Перед В.Н. Татищевым как начальником Оренбургской комиссии была поставлена задача – убедить казахов вернуть калмыкам захваченное имущество и через знатных своих людей предложить примирение, чтобы Дондук-Омбо отказался от ответных карательных действий. Тот факт, что Коллегия иностранных дел советовала В.Н. Татищеву отговорить калмыцкого хана от ответного похода не по указу, а как бы по своей инициативе, говорит об осторожном отношении к Дондук-Омбо в условиях продолжающейся русско-турецкой войны (Кундакбаева, 2005: 211).

По данным Дондук-Омбо, кубанцы и казахи планировали снова выдвинуться против калмыков, поэтому он видел выход в переправке улусов за Царицынскую оборонительную линию (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 226, 227). Отсюда возникают вопросы: имели ли казахские правители накануне вторжения какие-либо связи с кубанскими мирзами, направленные против калмыков, а последний набег казахов на калмыцкие кочевья можно ли рассматривать как военную помощь крымско-кубанским войскам в русско-турецкой войне?

Еще 30 декабря 1737 г. правительство строго указывало астраханским властям, «чтоб накрепко смотреть, дабы от турок посылаемые шпионы чрез Волгу к киргиз-кайсакам переходить не могли» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 101. Л. 14). Однако, как сообщали на допросе пленные казахи, «и ис кубанских и ис Крыму о призыве их в соединение присылки к ним никакой не было» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 101. Л. 22 об.).

Однако были и другие сведения. Яицкий казак Иван Харки, побывавший в казахских улусах, сообщил, что казахи ему лично рассказывали о своих контактах с некими кубанскими ногайцами. Например, зимний набег на калмыцкие улусы предполагался быть именно совместным с кубанцами, но последние так и не подошли. Захваченных у калмыков двух пленников кубанцев казахский султан Абулхаир по дороге отпустил, чтобы те сообщили кубанским мирзам о готовности уже следующей зимой, в декабре, совершить с ними совместный набег на калмыцкие улусы (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 101. Л. 38).

Вызывают интерес и сведения дворянина Степана Гунделея, состоявшего в команде «калмыцких дел». По его данным, во время возвращения казахов из набега на калмыцкие кочевья к ним через астраханских юртовых татар проехали кубанские посланники. Понятно, что подробности казахско-кубанских переговоров были неизвестны, но казахи якобы отправили на Кубань уже своих посланников и опять через тех же астраханских татар, а «для какого дела, потому ж не знаемо». Поскольку к марту казахские послы еще не вернулись с Кубани, в астраханской администрации получили строгое указание: «накрепко разведать и предстерегать, чтоб оных [казахских посланников] в их [астраханских татар] жилища не допустить, а всякими б удобными возможными способы их перехватить» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 395-397).

В.Н. Татищеву в Оренбурге также правительством было дано задание разведать о «пересылке» казахов с кубанцами и всеми силами удерживать их, «дабы от того не было препятствия действиям калмыков в нынешнюю турецкую войну против крымцев и кубанцев». В мае ему снова было указано: «понеже наш интерес требует того, что в нынешнюю с турками войну от киргизцев нападений на калмыцкие улусы не было» (Цит.: [Кундакбаева, 2005: 211](#)).

Несомненно, казахский набег весьма озадачил хана Дондук-Омбо, поскольку он повторился уже второй год подряд. Он, конечно, ждал объяснений с российской стороны, почему власти не смогли защитить его улус. Столь глубокий рейд казахов на правобережье Волги вызвал у калмыцкой стороны серьезное сомнение в возможности российской власти обеспечить безопасность улусов, особенно в период военных действий калмыков на Кубани. Привлечение значительных калмыцких войск к русско-турецкой войне привело к тому, что их улусы оказались почти беззащитными перед казахскими набегами. Неудивительно, что в кампании 1738 г. правительство так и не добилося от хана Дондук-Омбо отправки 10-тысячной конницы в армию генерал-фельдмаршала П.П. Ласси.

25 февраля Дондук-Омбо получил уведомление от царицынских властей, что 10-тысячное кубанское войско во главе с сераскером Аслан-Гиреем и примерно 150 казаков-некрасовцев совместно двигаются к казачьим городкам. В районе р. Ея они остановились и отправили под донские городки передовой отряд для захвата «языков». Калмыцкий хан был предупрежден о возможной опасности, и ему было указано «иметь крепкую предосторожность» ([НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 242](#)). Положение усугубило и сообщение из Войска Донского о намерении крымского войска с белгородскими ногайцами также двинуться на калмыцкие улусы и донские казачьи городки. Это стало известно казакам от калмыцкого пленника Дахи Шарадахбанова, бежавшего на Дон из ногайского плена ([НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 89](#)).

Кампания русско-турецкой войны 1738 г. началась в феврале с нападения 40-тысячной крымской конницы на укрепленную Украинскую линию. Однако по ходу движения татары повернули к Донцу на Изюм, где они, встретив вооруженное сопротивление местных гарнизонов, вынуждены были отступить, понеся значительные потери в живой силе ([Баиов, 1906: 466, 467](#)). 5 февраля вышел императорский указ под № 69 о «крепкой предосторожности от нападения крымского хана с татары и о чинении над ними воинских поисков и отпору» ([НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 250](#)).

Несомненно, Дондук-Омбо интересовала информация об указанном набеге крымских татар, слухи о котором, вероятно, дошли и до него. На письменный запрос хана об обстоятельствах этого набеге российские власти дали ему весьма подробные сведения. Действительно, крымский хан с войском был разбит российскими отрядами, и «многое число татар побито и в плен взято». Большинство крымцев после разгрома были вынуждены возвращаться домой пешими, и по дороге многие из них умерли от голода и морозов. Как отмечали очевидцы, «людей и лошадей мертвых, множество лежащих на пути, видели». Письмо заканчивалось поздравлением Дондук-Омбо с победой: «Чего ради сим полученным над неприятелем знатным поиском и учиненною победою ваше сиятельство поздравляю» ([НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 379, 380](#)).

14 марта Дондук-Омбо через свою разведку получил сведения о сборе войска ногайцев-малибашей и казаков-некрасовцев под Темрюком. Хан срочно стал собирать имеющиеся воинские силы и предупредил царицынские власти о возможном нападении неприятеля. Он предложил российским властям собрать все отряды казаков волжских городов, состоящих при «калмыцких делах», и направить к нему. Царицынские власти предложили бригадирам волжских городов прислать отряды в Царицын ([НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 338](#)).

19 марта ханский зайсанг Цойраши сообщил астраханским властям, что Дондук-Омбо отправил посланников «для собрания оброка» с малонагайского племени салтанулы, принявшего под давлением калмыков российское подданство в 1736 г. В это время кубанское войско перешло на правый берег Кубани, и его командиры отправили посланников к указанным ногайцам, чтобы те не давали оброк калмыцкому хану, и потребовали присоединиться к ним. Было неизвестно, куда именно направлялось это войско, поэтому астраханский губернатор и коменданты других нижеволжских городов получили предупреждение «для предосторожности», а также не допустить ухода на Кубань салтанульских ногайцев ([НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 83. Л. 57, 57 об.](#)).

Позже салтанульский мирза Мисоус Карамурзин прислал кизлярскому коменданту письмо, где он всячески отрицал приезд к нему кубанских посланников. Мирза заверил российские власти, что в случае приезда к нему таких людей, он обязательно их схватит и выдаст. Он выразил готовность выступить вместе с кабардинцами в новой военной кампании на российской стороне ([НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 83. Л. 57 об.](#)).

Конечно, информация о разгроме крымских татар на Украине вдохновила калмыцкого хана, и он все-таки решился выдвинуться с войском на Кубань, поскольку местные ногайцы уже не могли получить серьезную военную поддержку с Крыма. В этих условиях Дондук-Омбо отправился на Кубань только 28 марта 1738 г. По данным справки Коллегии иностранных дел, для похода в этот день калмыкам из казны было отпущено по 80 пудов свинца и пороха, 33 пуда 14 фунтов железа полосного, а еще раньше, «для опасности от прихода кубанских», выделили по 40 пудов свинца и пороха, 11 пудов 26 фунтов железа ([Кундакбаева, 2005: 211](#)).

Предложенный фельдмаршалом Х.А. Минихом план кампании на 1738 г. состоял в следующем: открыть военные действия против неприятеля на крымском и днестровском направлениях, в то же время на Кубани против ногайцев должна была действовать особая группировка калмыков и донских казаков в союзе с кабардинцами. Кубанские ногайцы, по мнению российского командования, не должны были каким-либо образом угрожать со стороны Таманского полуострова Донской армии П.П. Ласси, действовавшей на крымском направлении.

Калмыцкому хану было предложено отправить в армию генерал-фельдмаршала П.П. Ласси 10-тысячную конницу. Однако Дондук-Омбо в своем письме к императрице, которое он отправил 13 апреля с урочища на р. Егорлык, заявил, что для отправки в Крым он может выделить только 2 тыс. калмыков под командованием Тангута, сына Бату. Но под его началом было только чуть более тысячи человек, так как остальных должен был предоставить владелец Дорджи Назаров, который незадолго до этого скончался. Дети и братья покойного «чинили о нем поминование и для того оные в поход идти и замедлились». Хошутский владелец Лекбей кочевал с улусом в Мочагах и также пока не подошел в лагерь Дондук-Омбо, а «как скоро придут, то достальное войско немедленно отправлю». В этот же день калмыцкий хан во главе войска выдвинулся с Егорлыка на Кубань и отправил конницу в армию П.П. Ласси (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 83. Л. 71). По данным Л.А. Богуславского, Дондук-Омбо отправил к П.П. Ласси только 1385 калмыков (Богуславский, 1892: 23), которые соединились с ним 16 мая у р. Ганчук. Фельдмаршал был неприятно удивлен небольшим количеством присланного калмыцкого войска, поскольку все-таки рассчитывал на 10-тысячную конницу.

Согласно генеральному плану, генерал-фельдмаршал П.П. Ласси должен был овладеть Кафой, самым укрепленным пунктом в Крыму, и морской гаванью, в которой турки часто содержали свой флот. Но он повсюду нашел край в таком разорении, что армии почти нечем было пропитаться. Кроме того, шедший из Азова флот с провизией попал под бурю, и одна половина судов разбилась, а другая рассеялась. Сделав еще несколько переходов, П.П. Ласси привел армию обратно к Перекопу, где приказал подорвать все укрепления. В этом лагере он оставался до конца августа, после чего его войска в октябре вернулись на зимние квартиры на Украине (Манштейн, 1892: 153).

В нашем случае интересны события, которые развивались на Кубани, где действовала главная ударная сила калмыков. 20 мая в Царицын прибыл калмыцкий посланник Гунга, доставивший письмо Дондук-Омбо. Из его содержания становится известно, что 20 апреля в верховьях р. Орпа Дондук-Омбо перехватил два кочующих улуса кубанских ногайцев. Это были 1500 кибиток из племени навруз-улу и 500 кибиток хара-кыпчаков. Среди них находился Себелек-солтан, сын покойного Бахта-Гирея, и салтанульский мирза Муса Баев, который ранее принял российское подданство и дал аманатов. Калмыки захватили всего 7 тыс. человек и 10 тыс. голов скота. Разбежавшиеся после погрома ногайцы «в горах засели в осаду» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 83. Л. 71 об., 72).

Дондук-Омбо дождался подхода кабардинского войска во главе с князем Мамбетом Кургокиным. Но для решающего штурма засевших в осаде ногайцев они ожидали более многочисленного подкрепления из кабардинцев. Отряды калмыцких владельцев Бая, сына Дорджи Назарова, и Лекбея к этому времени еще не подошли, и именно их Дондук-Омбо намеревался отправить в армию П.П. Ласси (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 83. Л. 72).

7 мая с берегов Кубани Дондук-Омбо снова отправил в Санкт-Петербург письменное послание, в котором указывал о своем нахождении в верховьях Кубани. На урочище Уктан Аман он захватил улус в 2 тыс. кибиток вышеозначенного салтанульского мирзы Мусы Баева и перевел его на урочище Хара Модун для соединения с его же родственниками (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 83. Л. 72 об., 73).

Следующим объектом нападения Дондук-Омбо стали черкесы-абазинцы, которые жили в верховьях р. Джинчига. Эти черкесы, турецкие подданные, делились на шесть частей, и всего их насчитывалось около 1700 семей. Калмыки переселили абазинцев в местность Бургусу, лежащую недалеко от Кабарды (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 83. Л. 73). Туда же были переселены и ногайцы из племени навруз-улу. Дондук-Омбо приказал их мирзам дать ему в аманаты двух человек – сыновей Темира Ницаева и Нурадына-Батыра Мирзаева, которых затем отправил к кизлярскому полковнику (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 83. Л. 73).

Дондук-Омбо не преминул в своем письме к императрице отметить вклад в общее воинское дело и кабардинских князей – Мамбета Кургокина и Хара-мирзы Алеева, участвовавших с ним в кубанской кампании: «К службе вашей, великая государыня, поистине ревностное старание и великое вспомоществование учинили» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 83. Л. 73). В письменном сообщении в Царицын Дондук-Омбо перечислил и других кабардинских князей, участников похода (Арсланбек Мамбет Хасай, Шитахай Мамбет, Хара-мирза и др.) (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 83. Л. 74). В письме от 31 мая Дондук-Омбо ставил в известность императрицу, что с кабардинскими князьями «постановил и утвердил присягу». Касалась она салтанульских ногайцев, которые приняли российское подданство. В случае их измены и откочевки на Кубань калмыцкие и кабардинские владельцы должны были объединиться и снова совместно «их воевать» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 83. Л. 74 об.).

Что касается той части малоногойского племени хара-кипчаков, уцелевшей после разгрома, то Хазалбек-солтан и Хаза-Гирей увели ее на р. Лаба. Князь бестенеевских черкесов Темир-Болот

прислал к Мамбету Кургокину своего человека с предложением присоединиться к кабардинцам, но, как отмечал калмыцкий хан, «сие его намерение правдивое или лживое, о том еще неизвестно». Дондук-Омбо и кабардинские князья без прибытия к ним значительного подкрепления из кабардинцев еще не приняли решение по поводу наступления на указанных бестенеевских черкесов, которые засели в горах (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 83. Л. 73, 73 об.).

18 мая Дондук-Омбо с верховьев р. Зегерлик, недалеко от Кубани, снова отправил письмо к императрице. В нем он сообщает о соединении со всеми кабардинцами и окончательном захвате малонагайского племени хара-кипчак. Уйти в горы от преследователей удалось только Хаза-Гирею-солтану и Хазалбеку-солтану. Все захваченные ногайцы были переселены в урочище Хара-Модун, где уже ранее кочевали их соплеменники. Калмыцкий хан также взял в аманаты сыновей мирз Харасая и Джан-Мамбета, отправив их в Кизлярскую крепость (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 83. Л. 74).

Таким образом, в Кизляр он отправил в аманаты 4 сыновей следующих ногайских мирз: Темира Ницаева, Нурадын-Батура Мирзаева, Харасая и Джан-Мамбета. Там же на полном довольствии за счет казны содержались в аманатах и сыновья салтанульских мирз, взятых калмыками еще в 1736 г. (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 83. Л. 70). В документах обнаружен реестр всех четырех аманатов: Толмамбет Алиев, 16 лет, аула навруз-улу, сын Темира Ницаева; Сали-Гирей Нурадиев, 14 лет, аула наврус-улу; Сидак Женмамбет Иджи, 17 лет, аула хара-кипчак, сын Джан-Мамбета; Каплан Каспулатов, 6 лет, аула хара-кипчак, внук Харасая (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 83. Л. 88 об.).

При разгроме селений кубанских ногайцев калмыками были освобождены несколько русских пленников, которые затем были переправлены в Царицын. Например, одним из них оказался малороссиянин Василий Моисеев, выходец из Белгорода, проведенный в кубанском плену 40 лет. Другой бывший пленник, Ермолай Васильев, уроженец Москвы, провел в плену 43 года. Все они из Царицына затем были отправлены к местам прежнего проживания (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 550-552).

Ввиду плохого состояния конского состава Дондук-Омбо принял решение повернуть калмыцкое войско обратно домой. Другой причиной стало известие о намерении кубанского сераскера, сына Бахта-Гирея, прийти войною на калмыцкие улусы, как это удалось сделать в свое время его отцу в 1715 г. С целью не допустить этого калмыцкий хан приказал сыну Галдан-Нормо с несколькими тысячами калмыков прикрыть улусы (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 83. Л. 74 об.).

К тому же с казахского направления снова стали доходить слухи о готовящемся нападении казахов уже ближайшей зимой. Попытки российских властей примирить казахов с калмыками успеха не имели, поскольку Дондук-Омбо «на оное представление не склонился и о том весьма слышать не хотел, и как видно, что он, хан, к примирению с касакками желания своего не имеет» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 700). Хан намеревался «по откормлении лошадей» двинуться на казахов и отогнать их от своих кочевий (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 83. Л. 74 об.). В июне все российские форпосты по Волге от Царицына до Астрахани еще раз получили строгое указание наблюдать за рекой, чтобы по возможности не допустить каких-либо казахско-кубанских посольских контактов (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 670).

Возвращение Дондук-Омбо с Кубани к себе в улусы было встречено в Санкт-Петербурге с удивлением. Ему еще раз напомнили: «И того ради дружески вам напоминаю, что вы при нынешнем удобном случае о искоренении на Кубане находящихся татар для вечной безопасности всего калмыцкого народа всемерное старание имели, чего для можете туда непрестанно партии посылать, а со временем и своею персоною еще их посетить, а по искоренении оных уже способнее будет другим неприятелям отмщение учинить» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 83. Л. 78 об.).

В правительстве положительно отреагировали на то, что Дондук-Омбо оставил в заслоне для защиты калмыцких улусов своего сына Галдан-Нормо. Ему указывалось, чтобы тот вошел в тесный контакт с войсковым атаманом Данилой Ефремовым и они оба охраняли южные рубежи государства. Многие казаки были призваны в армии Х.А. Миниха и П.П. Ласси, поэтому Войско Донское также нуждалось в защите от набегов кубанцев (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 83. Л. 79).

Дондук-Омбо уже окончательно принял решение по поводу ответного наступления на казахские кочевья. Для этого он даже приказал перевести улусы на левый берег Волги, откуда планировалось выдвинуться калмыцким отрядам в восточном направлении. В одном из своих писем в Царицын он даже привел перечень захваченных ранее казаками предметов религиозного характера: 1500 статуэток бурханов, 1300 больших и 1200 малых книг. В ходе последнего зимнего набега около 5 тыс. калмыцких людей было уведено в плен, а всего с 1733 по 1738 гг., по словам калмыцкого хана, казаками было пленено около 13 тыс. человек (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 723, 724).

5 июля Дондук-Омбо письменно извещал астраханского бригадира А. Юнгерна, что собирается перейти на левый берег Волги с целью совершить ответный набег на казахские кочевья. С кубанского направления угроза нападения временно спала ввиду отступления немногочисленных кубанцев после захвата калмыцких «языков». Вырвавшиеся из кубанского плена калмыки сообщали, что знакомые ногайцы им говорили о приезде в Кубанскую орду двух хивинских послов (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 103. Л. 8). К сожалению, цель и результаты этих переговоров нам не известны, и о них можно только догадываться.

Это обстоятельство серьезно обеспокоило российские власти, поскольку с Дона снова поступила информация о скоплении крымско-кубанских сил на правом берегу Кубани и подготовке их наступления на Черкасск и другие казачьи городки. 22 июня царицынские власти еще раз безуспешно обратились с просьбой к калмыцкому хану отменить переправу улусов на левобережье, чтобы защитить донские городки от возможного нападения кубанцев (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 701, 702). Однако Дондук-Омбо все-таки оставил на правобережье Волги часть калмыцкого войска, которая должна была соединиться с донскими казаками в районе р. Маныч в случае вторжения неприятеля (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 727, 729). Действия кубанцев ограничились только легкими набегами и попытками захватить «языков» под донскими казачьими городками.

6 июля войсковой атаман Данила Ефремов сообщал в Царицын об отправке за Дон, на «кубанскую сторону», партию казаков, которым удалось за р. Кагальник захватить в плен трех кубанцев. На допросе они сообщили, что сераскер Сала-Гирей «для взятия языков» отправил отряды кубанских ногайцев под началом мирз в трех направлениях: под Азов, к донским казачьим городкам и на калмыцкие улусы. Сераскер со знатными кубанскими мирзами, в число которых входили Касай, Сати и Асрланбек, с остальным войском собрались в урочище Наврускола, откуда приказали черкесам готовить продовольственный запас и срочно двигаться к ним на соединение для последующего наступления на донские земли. На этом основании царицынские власти просили Дондук-Омбо, чтобы его сын Галдан-Нормо с войском стоял на р. Сал в полной боевой готовности и отправил разведывательные партии в разезды для захвата «языков» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 793-795).

По данным самого калмыцкого хана, на кубанском направлении он оставил караульный отряд калмыков, который 26 июня в урочище Ажай подвергся внезапному нападению 200 кубанцев. Ногайцам удалось захватить несколько калмыков в плен и вернуться обратно в лагерь сераскера. По мнению хана, кубанское войско так и не решилось двигаться в калмыцком направлении, поскольку «он, хан, осторожность имеет» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 817, 818).

По сведениям калмыцкого владельца Лабан-Дондука, который с улусом кочевал отдельно от хана, всего в кубанском войске, стоявшем на р. Ея, насчитывалось 20 тыс. человек. И кубанцы, действительно, объектом нападения рассматривали донские казачьи городки. Лабан-Дондук просил власти временно его с улусом пропустить за Царицынскую линию и обязался со своим войском стоять против кубанцев. Опасаясь того, чтобы его люди не подвергли опасности российские селения, ему было запрещено с улусом переходить линию. Лабан-Дондуку, как и ханским войскам, указывалось выдвигаться на соединение с казаками на р. Сал (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 819, 820). Но 3 июля указанный калмыцкий улус получил разрешение войти за Царицынскую линию, хотя сам владелец с войском оставался с внешней стороны линии (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 825).

В августе в Оренбурге стали известны подробности казахско-кубанских контактов. Еще 7 июня прапорщик Этигеров, который находился в Казахской орде, секретно сообщал о «злых намерениях» казахов уже ближайшей зимой «обсче с кубанцами (...) на калмык нападение учинить» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 101. Л. 37). По заданию В.Н. Татищева яицкий казак Иван Харки ездил в казахские улусы. В частной беседе с женой казахского Бекбатыря ему удалось узнать о приезде к казахам кубанцев, которые, что удивительно, поддерживали отношения друг с другом через калмыцкий улус Дондук-Омбо (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 1032). Происходило это следующим образом.

В улусе калмыцкого хана находилось большое количество кубанских пленников, которых держали на левобережье Волги, чтобы не сбежали на Кубань. Именно они, ввиду слабого контроля за ними, и уходили к казахам и, как сообщали очевидцы, «вести кубанские приносят». Затем они снова с казахскими письмами и «словесным приказом» возвращались в калмыцкий улус, мотивировав тем, что сбежали из казахского плена. Выждав удобного момента, ногайцы сбежали на Кубань и таким образом доставляли казахские послания к кубанским мирзам. Иногда эти контакты происходили через башкир (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 1032, 1033).

Например, в разговоре казака И. Харки с казахом Джанибеком стало известно, что еще в прошлом 1737 г. казахи направили к кубанцам посланника с сообщением о точном времени совместного нападения на калмыцкие улусы, который и произошел в начале 1738 г. Однако кубанские ногайцы якобы опоздали на шесть дней и не подошли с войском на встречу к казахам в назначенное время, что, вероятно, и исключило возможность полного разгрома калмыцких улусов. Теперь казахи предлагали новое совместное с кубанцами нападение на калмыков. Для этой цели они отпустили в разное время с письмами на Кубань двух кубанских ногайцев, ранее освобожденных из калмыцкого плена. Казахи предлагали уже ближайшей зимой, в январе, снова напасть на калмыцкие улусы и обещали выставить многочисленное войско (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 1033, 1034).

На основании этой полученной информации российские власти предлагали Дондук-Омбо более строго содержать пленных кубанцев и не позволять им уходить в казахские улусы. В случае поимки кубанских посланников от казахов отправлять их в царицынскую администрацию, где они могли бы на допросах дать интересные сведения (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 1034).

28 июля Галдан-Нормо по указанию отца во главе 20-тысячного войска выступил против казахского хана Абулхайра. Сбор калмыцких отрядов происходил у озера Баскунчак (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 1013). Но 8 августа Дондук-Омбо узнал о мятеже сына. Причиной этого стал вопрос о

престолонаследии, который, по всей видимости, решался не в пользу Галдан-Нормо, старшего ханского сына, рожденного от калмычки Боджак. Он получил от одного из зайсангов предупреждение о готовящемся аресте, связанном с интригами кабардинки Джан Атажукиной, младшей супруги хана, стремившейся убрать главного конкурента на ханский престол для своих сыновей, старшим из которых был Рандул (Цюрюмов, 2005: 126, 127).

20 августа калмыцкий хан узнал о движении старшего сына с 1 тыс. калмыков к казахам. Было не совсем ясно, собирался ли Галдан-Нормо через казахские степи уйти на Восток или планировал соединиться с казахами, чтобы совместно с ними ударить по отцовскому улусу. Чтобы не допустить второго возможного сценария развития события, российские власти срочно связались с казахским ханом Абулхаиром и заручились его поддержкой. Галдан-Нормо, по всей видимости, узнал о пророссийских настроениях казахской элиты и отказался от движения в их сторону. Таким образом, попытка объединения казахов с калмыцкой оппозицией в лице Галдан-Нормо была сорвана, и ханскому сыну пришлось подчиниться российским властям (Кундакбаева, 2005: 212).

По всей видимости, сведения о выступлении калмыков против казахов и начале мятежа Галдан-Нормо достигли и Кубани. В начале августа стало известно о переходе кубанского войска на правый берег Кубани и готовящемся нападении кубанцев на Царицынскую линию и донские городки. Коменданты южных городов получили предупреждение о возможной опасности ногайских набегов (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 102. Л. 49). В середине августа кубанское войско подошло к Маньчу и осадило 4 казачьих городка. Войсковой атаман Д. Ефремов выступил навстречу противнику (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 1098).

Царицынские власти постоянно сообщали Дондук-Омбо о положении дел на Дону, где ситуация приняла весьма критический характер. 25 августа стало известно, что 15-тысячное кубанское войско перешло Дон и напало на ряд казачьих городков. В частности, кубанцами штурмом была взята станица Быстринская. Вовремя подоспевший с войском атаман Д. Ефремов сумел отбить нападение и нанести поражение противнику. Кубанцы отступили, но в сражении потеряли 2 тыс. человек убитыми и 300 пленными (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 1115).

В конце августа Дондук-Омбо получил тревожное известие о движении казахского войска на калмыков. Неизвестно, насколько эта новость была действительной, но царицынские власти по просьбе хана отправили к нему для личной охраны отряд из 100 солдат во главе с капитаном и поручиком (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 1156). Но просьба калмыцкого хана о переводе его улуса за Царицынскую линию осталась без удовлетворения.

В начале ноября с Дона снова стали поступать тревожные сведения о подготовке крымско-кубанского войска выступить ближайшей зимой против казачьих городков и калмыцких улусов. Белгородские ногайцы из-за Днепра перешли на левый берег и также готовились к походу. Царицынские власти на основании этого просили Дондук-Омбо, который кочевал на правобережье Волги, на кубанском направлении выставить «крепкие караулы» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 1646, 1647). В декабре было известно, что кубанское войско стояло на р. Ея, в непосредственной близости от казачьих городков (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 1824).

Однако до конца года кубанцы так никуда и не выступили, по всей видимости, готовясь к следующей кампании. Чувствительное поражение, нанесенное кубанским ногайцам в августе донскими казаками, стало последним военным столкновением на южном направлении.

5. Заключение

Подводя итог, отметим, что казахский набег на калмыцкие улусы в начале 1738 г. стал первым крупным военным актом казахов на правобережье Волги с момента их появления в степях Северного Прикаспия. Столь глубокий рейд многочисленной казахской конницы до р. Кума говорит только о том, что он был тщательно подготовлен и согласован с кубанскими ногайцами. Документальные свидетельства того времени подтверждают предварительные казахско-кубанские переговоры. И только военная нерешительность ногайцев и плохое знание казахами новой для себя местности исключили захват и полный разгром калмыцких улусов.

Дальнейшие казахско-кубанские контакты, которые длились в течение 1738 г., российские власти всячески старались прервать путем ужесточения контроля над волжскими переправами. Однако хан Дондук-Омбо после этого набега сумел быстро восстановить военный потенциал Калмыцкого ханства. Уже весной этого года он смог организовать поход калмыцкого войска на Кубань, где ряд ногайских улусов и черкесов были приведены в российское подданство. Этому способствовал и разгром российскими отрядами крымских татар на Украине.

Попытка калмыцкого хана организовать ответный набег на казахские улусы сорвалась из-за мятежа сына Галдан-Нормо. Кратковременная внутренняя усобица в ханстве, хотя и была вскоре урегулирована правительством, но до конца кампании 1738 г. отстранила участие калмыков. Донские казаки были вынуждены уже самостоятельно, без поддержки калмыков, вступить в столкновение с кубанскими ногайцами и нанести им поражение. Таким образом, казахский фактор значительно повлиял на участие калмыков в военной кампании 1738 г. на кубанском направлении.

6. Благодарности

Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ государственной регистрации АААА-А17-117030910096-7).

Литература

Баиов, 1906 – *Баиов А.К.* Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736–1739 гг. Первые три года войны Т. 1. СПб.: Электро-тип. Н.Я. Стойковой, 1906. 828 с.

Батыров, 2006 – *Батыров В.В.* Участие калмыков в русско-турецкой войне 1735–1739 гг. // Востокovednye issledovaniya v Kalmykii. Элиста: Издательство Калмыцкого университета, 2006. С. 27-34.

Беликов, 1965 – *Беликов Т.И.* Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины (XVII – нач. XIX вв.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1965. 179 с.

Беликов, 1960 – *Беликов Т.И.* Участие калмыков в войнах России в XVII, XVIII и первой четверти XIX веков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1960. 144 с.

Богуславский, 1892 – *Богуславский Л.А.* История Апшеронского полка. Т. 1. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1892. 566 с.

Журналы, 2017 – Журналы Крымских походов российской армии 1735–1738 гг. Сборник документов / Сост. П.А. Аваков. Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2017. 484 с.

Манштейн, 1875 – *Манштейн Х.Г.* Записки Манштейна о России. 1727–1744. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1875. 399 с.

Мацакова, 2014 – *Мацакова Н.П.* Некоторые вопросы историографии участия калмыков в русско-турецких войнах // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2014. № 3 (40). С. 35-42.

Михайлов, 2012 – *Михайлов А.А.* Русско-турецкая война 1736–1739 гг.: историографический аспект / *Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Третьей международной научно-практической конференции*, 16–18 мая 2012 г. СПб., 2012. Ч. II. С. 332-348.

НА РК – Национальный архив Республики Калмыкия.

Очиров, 2009 – *Очиров У.Б.* Участие калмыков в войнах 1724–1771 гг. // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: В 3-х т. Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел», 2009. Т. 1. С. 410-420.

Петрухинцев, 1998 – *Петрухинцев Н.Н.* Война с пространством // *Родина*. 1998. № 5–6. С. 62-66.

Потто, 1889 – *Потто В.А.* Два века Терского Казачества (1577–1801). Т. 2. Владикавказ: Электропечатня Типографии Терского Областного Правления, 1912. 256 с.

Прозрителев, 1912 – *Прозрителев Г.Н.* Военное прошлое наших калмык. Ставрополь: Типография Губернского Правления, 1912. 281 с.

Торопицын, 2009 – *Торопицын И.В.* Оборона калмыцких улусов в 20–30 гг. XVIII в. / *Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее. Материалы Международной научной конференции, посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства: в 2 частях*. Ч. 1. Элиста: Джангар, 2009. С. 242-246.

Цюрюмов, 2001 – *Цюрюмов А.В.* Калмыки в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. / *Актуальные вопросы российской военной истории: Материалы Двадцать третьей Всероссийской заочной научной конференции*. СПб.: Нестор, 2001. С. 27-28.

Цюрюмов, 2007 – *Цюрюмов А.В.* Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. 464 с.

Цюрюмов, 2005 – *Цюрюмов А.В.* Калмыцкое ханство в 1724–1741 гг.: хроники династийных междоусобиц. Элиста: Джангар, 2005. 160 с.

Цюрюмов, Батыров, 2006 – *Цюрюмов А.В., Батыров В.В.* Калмыцкое ханство в российско-крымских отношениях (XVIII в.). Элиста: АОр «НПП «Джангар», 2006. 95 с.

Чонов, 1912 – *Чонов Е.Ч.* Калмыки в русской армии: XVII, XVIII вв. и 1812 г. Пятигорск: Электропеч. Г.Д. Сукиасянца, 1912. 142 с.

Шовунов, 1991 – *Шовунов К.П.* Очерки военной истории калмыков (XVII–XIX вв.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 189 с.

References

Baiov, 1906 – *Baiov A.K.* (1906). Russkaya armiya v tsarstvovanie imperatritsy Anny Ioannovny. Voina Rossii s Turtsiei v 1736–1739 gg. Kampaniya 1739 g. [The Russian army in the reign of Empress Anna Ioannovna. The war of Russia with Turkey in 1736–1739]. Vol. 1. SPb.: Elektro-Tipografiya N.Ya. Stoikovoi, 398 p. [in Russian]

Batyrov, 2006 – *Batyrov V.V.* (2006). Uchastie kalmykov v russko-turetskoi voine 1735–1739 gg. [The participation of the Kalmyks in the Russian-Turkish war of 1735–1739]. *Vostokovednye issledovaniya v Kalmykii*. Elista: Izdatel'stvo Kalmytskogo universiteta, pp. 27–34. [in Russian]

Belikov, 1965 – *Belikov T.I.* (1965). Kalmyki v bor'be za nezavisimost' nashei Rodiny (XVII – nach. XIX v.) [Kalmyks in the struggle for the independence of our Motherland]. Elista: Kalm. kn. izd-vo, 179 p. [in Russian]

Belikov, 1960 – *Belikov T.I.* (1960). Uchastie kalmykov v voynakh Rossii v XVII, XVIII i pervoi chetverti XIX vekov [The participation of Kalmyks in the wars of Russia in the XVII, XVIII and first quarter of the XIX centuries]. Elista: Kalm. kn. izd-vo, 144 p. [in Russian]

Boguslavskii, 1892 – *Boguslavskiy L.A.* (1892). Istoriya Apsheronского polka [The History of the Absheron Regiment]. Vol. 1. SPb.: Tip. Ministerstva Putei Soobshcheniya, 566 p. [in Russian]

Chonov, 1912 – *Chonov E.Ch.* (1912). Kalmyki v russkoi armii: XVII, XVIII vv. i 1812 g. [Kalmyks in the Russian army: XVII, XVIII centuries. and 1812]. Pyatigorsk: Elektropech. G.D. Sukiasyantsa, 142 p. [in Russian]

Manshtein, 1875 – *Manshtein Kh.G.* (1875). Zapiski Manshteina o Rossii. 1727–1744. [Manshtein's notes on Russia]. SPb.: Tip. V.S. Balasheva, 399 p. [in Russian]

Matsakova, 2014 – *Matsakova N.P.* (2014). Nekotorye voprosy istoriografii uchastiya kalmykov v russko-turetskikh voynakh [Some questions on the historiography of the participation of Kalmyks in the Russian-Turkish wars]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura*, № 3(40), pp. 35-42. [in Russian]

Mikhailov, 2012 – *Mikhailov A.A.* (2012). Russko-turetskaya voina 1736–1739 gg.: istoriograficheskii aspekt [The Russian-Turkish war of 1736–1739: the historiographic aspect]. *Voina i oruzhie: Novye issledovaniya i materialy. Trudy Tret'ei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, 16–18 maya 2012 g. SPb., Ch. II, pp. 332-348. [in Russian]

NA RK – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Kalmykiya [The National Archive of the Republic of Kalmykia].

Ochirov, 2009 – *Ochirov U.B.* (2009). Uchastie kalmykov v voynakh 1724–1771 gg. [Participation of the Kalmyks in the wars of 1724–1771]. *Istoriya Kalmykii s drevneishikh vremen do nashikh dnei: v 3-kh t.* Elista: GU «Izdatel'skii dom «Gerel». Vol. 1, pp. 410-420. [in Russian]

Petrukhintsev, 1998 – *Petrukhintsev N.N.* (1998). Voyna s prostranstvom [War on space]. *Rodina*, № 5–6, pp. 62–66. [in Russian]

Potto, 1889 – *Potto V.A.* (1889). Dva veka Terskago Kazachestva (1577–1801). [Two centuries of the Terek Cossacks]. vol. 2. Vladikavkaz: Elektropechatnya Tipografii Terskago Oblastnogo Pravleniya, 1912. 256 p. [in Russian]

Prozritelev, 1912 – *Prozritelev G.N.* (1912). Voennoe proshloe nashikh kalmyk [The military past of our Kalmyk]. Stavropol': Tipografiya Gubernskogo Pravleniya, 281 p. [in Russian]

Shovunov, 1991 – *Shovunov K.P.* (1991). Ocherki voennoi istorii kalmykov (XVII–XIX vv.) [Essays on the military history of the Kalmyks]. Elista: Kalm. kn. izd-vo, 189 p. [in Russian]

Toropitsyn, 2009 – *Toropitsyn I.V.* (2009). Oborona kalmytskikh ulusov v 20–30 gg. XVIII v. [The defense of the Kalmyk uluses]. *Edinaya Kalmykiya v edinoi Rossii: cherez veka v budushcheye. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoy konferentsii, posvyashchennoi 400-letiyu dobrovol'nogo vkhozheniya kalmytskogo naroda v sostav Rossiiskogo gosudarstva: v 2 chastyakh*. Ch. 1. Elista: Dzhangar, pp. 242-246. [in Russian]

Tsyuryumov, 2001 – *Tsyuryumov A.V.* (2001). Kalmyki v Russko-turetskoi voine 1735–1739 gg. [Kalmyks in the Russian-Turkish war of 1735–1739]. *Aktual'nye voprosy rossiiskoi voennoi istorii: Materialy Dvadsat' tret'ei Vseros. zaoch. nauch. konf.* SPb.: Nestor, pp. 27–28. [in Russian]

Tsyuryumov, 2007 – *Tsyuryumov A.V.* (2007). Kalmytskoe khanstvo v sostave Rossii: problemy politicheskikh vzaimootnoshenii [The Kalmyk Khanate within Russia: Problems of Political Relations]. Elista: ZAO «NPP «Dzhangar», 464 p. [in Russian]

Tsyuryumov, 2005 – *Tsyuryumov A.V.* (2005). Kalmytskoe khanstvo v 1724–1741 gg.: khroniki dinastiinykh mezhdousobits [Kalmyk Khanate in 1724–1741: Chronicles of dynastic civil strife]. Elista: Dzhangar, 160 p. [in Russian]

Tsyuryumov, Batyrov, 2006 – *Tsyuryumov A.V., Batyrov V.V.* (2006). Kalmytskoe khanstvo v rossiisko-krymskikh otnosheniyakh (XVIII v.) [The Kalmyk Khanate in Russian-Crimean Relations (XVIII century)]. Elista: AOr «NPP «Dzhangar», 95 p. [in Russian]

Zhurnaly, 2017 – Zhurnaly Krymskikh pokhodov rossiyskoi armii 1735–1739 gg. [Magazines of the Crimean campaigns of the Russian army of 1735–1739]. *Sbornik dokumentov / sost. P.A. Avakov*. Rostov n/D: Izd-vo YUNTS RAN, 2017. 484 p. [in Russian]

Калмыки, казахи и кубанские ногайцы в кампании 1738 г.: одна из малоизвестных страниц Русско-турецкой войны 1735–1739 гг.Владимир Толтаевич Тепкеев ^{a, *}^a Калмыцкий научный центр РАН, Российская Федерация

Аннотация. В статье подробно рассматривается участие калмыков, кубанских ногайцев и казахов в военной кампании 1738 г. в рамках Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. Данная тема лишь обзорно освещалась в работах большинства исследователей, которые вкратце осветили основные события всей войны. Поэтому целью работы является подробное рассмотрение участия в кампании не только калмыков, но и других кочевых народов, принявших в ней прямое или косвенное участие. В качестве источниковой базы послужили материалы Национального архива Республики Калмыкия, где отложились документы переписки хана Дондук-Омбо с региональными администрациями на юге России. Их анализ показал, что активное и массовое участие калмыков в русско-турецкой войне создало условия, когда их улусы становились уязвимыми для нападения с восточного направления. В начале 1738 г. улус калмыцкого хана Дондук-Омбо подвергся массированному набегу казахов. Последствия подобных действий могли крайне негативно отразиться на боеготовности калмыцкого войска, что отрицательно сказалось бы на участии его в военной кампании. Однако калмыцкий хан все-таки принял в ней самое активное участие и его действия в основном ограничивались кубанским регионом. Вторжение калмыцкой конницы на Кубань стал продолжением предыдущей кампании, когда были подчинены салтанульские ногайцы. На этот раз удару калмыков и действовавших с ними кабардинцев подверглись кубанские ногайцы из племен хара-кипчак и навруз-улу, которые были переселены на подконтрольную территорию. Более тысячи калмыков было отправлено в состав армии генерал-фельдмаршала П.П. Ласси, но это никак не отвечало изначальному запросу российского командования. Попытка хана Дондук-Омбо организовать ответный набег на казахские улусы сорвалась из-за мятежа сына Галдан-Нормо. Кратковременная внутренняя усобица в ханстве была вскоре урегулирована правительством, но практически отстранила калмыков от дальнейшего участия в кампании. Донские казаки были вынуждены уже самостоятельно, без поддержки калмыков, вступить в столкновение на Дону с кубанскими ногайцами и нанести им поражение. Таким образом, казахский набег в начале года на калмыцкие улусы значительно повлиял на характер военной кампании 1738 г., ограничив в ней участие калмыков и позволив кубанским ногайцам перейти в неудачное для них контрнаступление.

Ключевые слова: калмыки, русско-турецкая война, Крымское ханство, кабардинцы, казахи, кубанские ногайцы, донские казаки.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: tvt75@mail.ru (В.Т. Тепкеев)

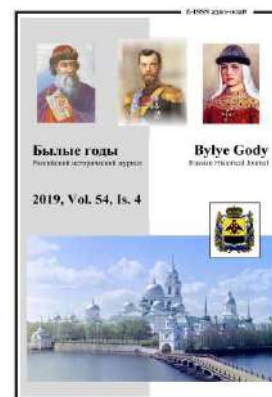
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1470-1478. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1470
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Old Believers' Re-Emigration in 1750-ies in the South of Russia: the Struggle of Approaches in Legal Policy

Andrey S. Ryazhev ^{a, *}

^a Kalmyk scientific center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article mainly concentrates on the state religious policy of the middle of the 18th century – the least studied period in the process of formation of Russian religious tolerance in the early Modern Time. An ideological, political and legal controversy that accompanied the process of re-emigration of old believers to Russia and, accordingly, the formation of relative religious freedoms in Russia during the 1750 – 1790-ies, investigated for the first time in historiography. The author characterizes the main approaches to the re-emigration of old believers at the top on the basis of unknown archival materials. Most attention is paid to the enlightenment foundations for the interpretation of re-emigration related to understanding state interests and manifested during the period of active work of the Legislative Board of Empress Elizabeth (1754–1766). As a result, the author points that the southern program of Supreme power for the return of the old believers reflected the slow evolution of the Russian political system as a European (continental) tolerant monarchy.

Keywords: the Russian Empire, early Modern Times, fugitive population, the southern program of re-emigration of the old believers, the Legislative Board (1754–1766), legal policy, social consciousness, religious tolerance.

1. Введение

С середины XVIII в. Российское государство перешло к политике веротерпимости. Если перед европейскими веротерпимыми монархиями раннего Нового времени в первую очередь вставали задачи урегулирования еврейского вопроса и взаимоотношений протестантов и католиков, то в России в данной связи верховная власть столкнулась, прежде всего, с необходимостью разрешить проблему старообрядческого протеста и борьбы с массовым бегством староверов за границу.

Попыткой положить конец подобному бегству явилась программа реэмиграции старообрядцев, организованная на юге местной военно-гражданской администрацией и получившая поддержку сверху. Юг России стал очагом смягчения государственной политики в делах старообрядцев не случайно. Именно здесь диктат геополитических условий, в которых оказывалась страна, был самым жестким, а дефицит податного и служилого населения – наибольшим. Поэтому старообрядчество, вытеснявшееся с конца XVII в. на окраины – на социальную и территориальную периферию общества – оказалось для властей важнейшим демографическим ресурсом для снятия острых военно-экономических трудностей (Рязhev, 2019).

Программа реэмиграции на протяжении 1750-х гг. переросла в особое направление деятельности государства и положила начало широкой либерализации в отношении старообрядцев, изменившей к лучшему их положение в России в целом. Наиболее благоприятно южная программа сказалась на состоянии малороссийских «государевых слобод». Опыт либеральной политики в

* Corresponding author

E-mail addresses: riazhev@yandex.ru (A.S. Ryazhev)

отношении старообрядцев, обладавших в тогдашней России легальным статусом, был учтен также в процессе кодификации законодательства, проводившемся Уложенной комиссией 1754–1766 гг.

Развитие южной программы сопровождалось столкновением мнений и, шире, идейно-политической борьбой, охватывавшей правовую политику монархии в вероисповедной сфере в целом. Целью настоящей работы является изучение различных подходов, столкновение которых оказывало принципиальное воздействие на становление веротерпимости в России.

2. Материалы и методы

Значительное место в связи с проблематикой исследования южной программы и вероисповедной либерализации 1750-х гг. в России принадлежит источникам официального происхождения. Приоритет отдан законодательным материалам и документации, прежде всего деловым бумагам государственных учреждений по вопросам старообрядческой реэмиграции и переселения старообрядцев извне на южные окраины Российского государства. В ряду неопубликованных источников законодательного характера выделяются бумаги Уложенной комиссии императрицы Елизаветы Петровны – они обобщают практику органов власти в деле перевода беглых из-за границы в Россию с крепостнических позиций и характеризуют наличие в верхах в изучаемое время разных подходов к проблеме старообрядческой реэмиграции (Российский государственный архив древних актов, г. Москва). Среди документации о деятельности государственных учреждений важная роль отводится переписке Сената с местными учреждениями, характеризующая правительственные планы перевода беглецов-староверов на свободные земли юга. Все названные документы относятся к 1750-м гг.

Опубликованные законодательные источники (в первом полном собрании законов Российской империи и «Сенатском архиве») также имеют официальное происхождение. Они охватывают основные направления правовой политики в отношении беглого населения, связанные с положением старообрядцев-реэмигрантов на юге.

Научно-методологическая база предлагаемой статьи подразумевает наличие аналитического инструментария для обработки выявленных источников и обобщения содержащегося в них фактического материала. Выявление источников было организовано так, чтобы акцентировать основное внимание на учреждениях-фондообразователях – творцах и участниках политики реэмиграции (Уложенная комиссия императрицы Елизаветы Петровны, Сенат и его учреждения). Процедуры поиска предусматривали сплошной просмотр документальных комплексов, датируемых изучаемым временем, и выявление документов в соответствии с критерием максимальной информативности. Для обобщения выявленной информации применялись проблемно-хронологический и сравнительный методы. Они дали возможность представить исчерпывающую характеристику процесса развития правовой политики. Благодаря подобным методам, удалось выявить различные трактовки старообрядческой реэмиграции, сталкивавшиеся в рамках тогдашней российской политической системы.

3. Обсуждение

Участие властей в организации старообрядческой реэмиграции представляет собой одно из принципиальных направлений российской вероисповедной политики в Новое время, изучение которой ныне является одной из актуальных тем историографии (Ряжев, 2006: 84-86). Однако современных историков в основном привлекают меры властей в отношении староверов пореформенной эпохи (Freeze, 2016: 266). Поэтому вопрос о формировании политического курса относительно старообрядцев и их возвращения на родину в ходе полемики в верхах середины XVIII в. остается в науке малоизученным.

В свое время к нему обратились церковные историки, обратив внимание на историю малороссийских старообрядческих слобод и отметив основные вехи соответствующей политики властей (Барсов, 1885; Барсов, 1890; Лилеев, 1893).

Достоинством церковной историографии начала XX в. стало внимание к осознанию государством религиозной специфики проблемы реэмиграции адептов «старой веры», соответственно, к необходимости проявлять в их отношении известную терпимость; как следствие, и в церковной литературе был воспринят отказ от негативной трактовки «бионовщины» как эпохи деградации государства и жесточайших преследований религиозных «диссидентов» (Карнович, 1873). Указывалось, что тот же Бирон имел в Курляндии репутацию покровителя евреев и латышского простонародья, отнюдь не являлся законченным обскурантом, и отсюда для старообрядцев «царствование императрицы Анны было даже благоприятным временем», а указы против них «были грозны лишь на словах» (Титлинов, 1905: 428, 429). С последними положениями ныне согласиться нельзя, но заслуживает внимания констатация в политике властей эпохи «бионовщины» элементов прагматической веротерпимости, в частности попыток наладить переселение беглых староверов на южные рубежи, в том числе на Украинскую линию.

Дореволюционный опыт светского изучения политики государства середины – второй половины XVIII в. в отношении староверов отмечен важной характеристикой вклада верховной

власти в дело возвращения беглых на родину (Соловьев, 1993: 14-17). Правоведы того времени изучали также кодификацию законов о староверах в Уложенной комиссии 1754–1766 гг. (Проект Уголовного Уложения 1754–1766 годов, 1882; Латкин, 1887; Проект Нового Уложения, 1893).

Деятельность местной военно-гражданской администрации, сохранявшей на протяжении 1750-х гг. интерес к скорейшему и массовому переселению староверов на южные земли, получила трактовку в историко-демографических исследованиях (Багалеи, 1889; Загоровский, 1913).

Новые подходы к истории религии и Церкви в России, сформировавшиеся в XX в., помогли увидеть в мерах поддержки реэмиграции староверов предельный прагматизм властей, склонных отступать в этой связи от крепостнических тенденций (Никольский, 1985). Современная литература отмечает религиозную специфику бегства из России в раннее Новое время и внимание властей к старообрядцам как экономически активной категории населения и важному демографическому ресурсу для развития южных и юго-западных окраин стран (Круглова, 1992; Мазин, 2003).

Пребывание староверов в западных и юго-западных областях Российской империи в свое время стало предметом известного интереса представителей националистической и эмигрантской украинской историографии (Шамрай, 1929; Полонська-Василенко, 1960). Привлекает оно внимание и нынешних украинских специалистов, изучающих заселение Северного Причерноморья и смежных территорий в XVIII–XIX вв. (Подов, 1998; Посуныко, 1998; Бельский, 1999; Пірко, 2004: 41-55; Волошин, 2006; Єрмакова, 2006; Макидонов, 2008). В оценках численности староверов, находивших убежище в Польше, наука по-прежнему оперирует данными польской литературы конца XIX в. и межвоенного периода (Iwaniec, 1977: 274).

4. Результаты

Первые шаги южной программы реэмиграции старообрядцев положили начало длительной борьбе мнений по поводу отношения государства к старообрядческой реэмиграции и, шире, к религиозной либерализации. Активным оппонентом южной программы был малороссийский гетман К.Г. Разумовский, выступавший за поселение зарубежных новоселов во владениях местных землевладельцев – казачьих старшин – и перевод малороссийских «государевых слобод» в гетманское ведение. Однако в борьбе с малороссийским партикуляризмом военно-гражданские администраторы Киевской губернии и Новой Сербии нашли понимание верховной власти, поддержавшей приоритетное освоение южных казенных земель (Ряжев, 2019).

Более серьезным оппонентом южной программы реэмиграции выступили противники религиозной либерализации – носители антистарообрядческих и крепостнических предрассудков при дворе и в государственном аппарате. 29 октября 1754 г. генерал-майор И.Ф. Глебов, командир Новой Сербии, доложил о выполнении сенатского распоряжения от 19 сентября о приеме переселенцев на подведомственную территорию и вновь запросил Сенат о мерах относительно прибывающих старообрядцев. Он еще и еще раз подчеркивал: пришлые обещают значительный приток своих единоверцев, если к тем за границу будут направлены представители от властей «с обнадеживанием» на предмет свободного поселения в России и отсутствия религиозных притеснений. Сведения Сенат заслушал лишь 12 декабря 1754 г., но деятельный новосербский начальник решил не дожидаться разрешения: 22 декабря он сообщил, что на свой страх и риск уже направил к «заграницам» одного из недавних «выходцов» с приглашением от имени государыни «выходить и селиться» (РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 79. Л. 88-91 об.).

В 1754–1755 гг. начала свою работу Уложенная комиссия императрицы Елизаветы Петровны. Занимаясь вопросом о старообрядцах в России, она изучила имевшиеся на тот момент законодательные предложения, поступившие от киевского вице-губернатора И.И. Костюрина и от комиссии А.А. Яковлева, созданной ранее по делу об обложении старообрядцев в г. Ржева Володимирова. Получая также известия от И.Ф. Глебова, Уложенная комиссия обратила внимание на коренные расхождения обоих проектов. Так, комиссия совершенно умалчивала и о проблеме реэмиграции, приобретавшей в свете сообщений с юга все большую важность, и о малороссийских староверах. Как следствие, Уложенная комиссия потребовала согласовать проект яковлевской комиссии с южной программой.

Однако комиссия высказала категорическое неприятие программы. Для опровержения последней она подготовила особый документ – «Записку о ветковских раскольниках, желающих выйти в Россию». В бумаге утверждалось, что материальные выгоды от реэмиграции не сопоставимы с общественным ущербом, который несет рост легального пребывания староверов в России.

«Раскольники», говорилось в «Записке...», подают челобитные о приеме их на поселение в Российскую империю и просят, чтоб им было разрешено отправлять службу по старопечатным книгам и в этом «во всем быть свободно», и «от Святейшего Правительствующего Синода... препятствия не чинить». Между тем, говорилось в документе, «состояние сего дела двоякой вид имеет: 1. Приумножение народа всеконечно [есть] государственная полза, но, против того 2. Требуется им, чтоб жить, поселение дозволить в тех местах, где они выберут, а не инде где близ находящихся в Стародубском полку раскольнических слобод, ис чего видно, что желание их в том, чтоб селитца близ полской границы...».

Придерживаясь такого желания, старообрядцы, подчеркивалось в «Записке...», стремятся сохранить нынешнее независимое от российских властей положение и бросают вызов господствующим порядкам: «чего ради часто впредь от них опасность в том..., что они не токмо в таком месте могут жить по своей воле и когда хотят жить в тех поселениях, а буде не похотят, по-прежнему в Польшу бежать и великороссийских беглых... за границу провозить, и обратно оных, яко выходцов из-за польского рубежа, у себя селить...». Что же касается разрешения на свободное дониконовское богослужение, «из того далее вред произойти может, понеже, как материя сего дела открывает... И понеже сие дело трактуется болшей частию о распространении веры, о защищении Церкви, о средствах ко умалению расколов, чего ради прибыток чаемо от тех обещанных к выходу раскольников за ничто почесть можно» (РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 79. Л. 32-35).

Наряду с «Запиской...», комиссия подготовила и вторую редакцию общих «Пунктов о раскольниках». Их направленность была аналогичной и подразумевала всемерное ужесточение преследований старообрядчества.

Однако укрепление в политике монархии элементов «просвещенного абсолютизма» оставляло преимущество за силами, поддерживавшими смягчение государственного курса в отношении старообрядчества, и предопределило судьбу трудов яковлевской комиссии. Донесения И.Ф. Глебова, поступавшие в Сенат в октябре–декабре 1754 г., то есть именно тогда, когда в Уложенной комиссии рассматривалась вторая редакция проекта комиссии А.А. Яковлева, расходились с антистарообрядческими предубеждениями, которыми эта редакция была переполнена, и выглядели более убедительными.

В итоге «Пункты о раскольниках», будучи сданными 7 февраля 1755 г. в Сенат, уже 16 февраля были оттуда возвращены. Сенатский указ гласил: «Оные пункты отдать тебе, советнику Яковлеву, обратно, которые тебе и отданы, и велеть тебе... иметь рассуждение по присланным от генерал-майора Глебова о выходе из-за рубежа раскольников в Россию доношениям и сочинить единственное положение, согласуя с вышеписанными сочиненными тобою пунктами», а по завершении переслать новый проект в Синод для консультаций.

Отклонение Уложенной комиссией проекта комиссии А.А. Яковлева не означало прекращение борьбы мнений в верхах относительно южной программы, и развитие правовой политики показывает это вполне. Важной мерой стал Манифест от 4 сентября 1755 г., подготовленный стараниями И.Ф. Глебова и его сына А.И. Глебова, обер-секретаря Сената (позже генерал-прокурора, известного деятеля эпохи царствования Петра III и Екатерины II). Здесь староверы официально пригласились на поселение близ крепости св. Елизаветы (ПСЗ. Т. 14. № 10454. С. 414, 415). Манифест принес свои плоды. С середины 1750-х гг. начинается приток беглых старообрядцев из Польши в новоучрежденный Новослободской полк. Старообрядческие общины, контакты с которыми поддерживались под эгидой И.Ф. Глебова, также считали поселение в ведомстве крепости св. Елизаветы наиболее удобным для себя.

Возможность осесть на землях Новороссии привлекала староверов не только Подолии и Бессарабии, но и Белоруссии. Вскоре в переговоры с властями вступил поверенный витебской старообрядческой общины. «Сего 756 года мая 19 числа, – говорилось в донесении Киевской губернской канцелярии в Сенат, – Малороссийского Стародубского полку... слободы Шеломов житель Михайла Михайлов, явясь в Киевскую губернскую канцелярию, подал при доношении своем приложенное к нему от живущего за границею в литовском городе Вытепске российского беглеца Гаврилы Иванова оригинальное письмо, в котором он, Иванов, обнадеживает со многими такими российскими беглецами выходить оттуда в Россию по-прежнему...».

В письме раскрывались виды староверов на переселение: «... между таковыми совет таков положен, ежели де и в находящиеся де в России... расколнические слободы переходить позволено будет, то де и тамо мест таких не имеется, то где же им жить, которые имеют себе пропитание от черной работы, ибо де в тех российских расколнических [слободах] пахотных и сеножатных, и протчих к их надобности мест за оскудением не имеется».

Соответственно, гласило письмо, новые пришельцы не сумеют устроиться в слободах, «окромя разве толко [тех из них], которые торгом пропитание себе имеют, да и то де не без утеснения...». Отсюда «загранишние» просили Михайлова хлопотать о зачислении их на казачью службу «поближе к Киевской губернии». Если власти откликнутся, полагали челобитчики, «то бы де они хотя как и донския казаки могли служить, потому что весь народ вольной и неустарелой, а по большей части которые из бурлаков, те со охотою желают быть в казачестве». Если выполнение этой просьбы окажется невозможным, то просители изъявляли готовность жить в Воронежской губернии «по Дону и малым речкам» подобно малороссийским слобожанам, то есть на положении «государевых крестьян» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1491. Л. 4 и об, 10, 13).

Проект сенатского определения по делу, датируемый 5 августа – 11 сентября 1756 г., вышел неоднозначным. В документе говорилось, что выходу староверов из-за границы следовало бы содействовать, но есть опасность, что «раскольники» будут распространять свое «лжеучение», а посему не следует их гласно обнадеживать новыми обещаниями. Более того, благосклонное отношение Сената к поступившему от витебских староверов «оригинальному письму» следует «ныне

содержать... в вышшем секрете, чтоб оные раскольники и никто о том знать не могли; и для того о вышписанном в указах никуда не писать, токмо для ведома в Святейший Правительствующий Синод сообщить». Что же касается поверенного витебских староверов Михайлова, то его следует отослать обратно, дабы объявил о свободном въезде в Россию «по силе указов» Анны Иоанновны (РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1491. Л. 28 об.). Однако данными указами предусматривалась не свобода поселения в «государевых слободах» или выбора рода занятий, а «прощение вин за побеги» и отправка «на прежние жителства» и к прежним помещикам.

Елизавете Петровне документ не подали, и в архиве он оказался «без Высочайшей конфирмации»: по всей видимости, составители осознавали вопиющие внутренние противоречия документа и его расхождение с набиравшей силу практикой южной программы. Но смысл появления такой бумаги понятен: власти были заинтересованы в людях, способных работать, платить, служить, свободное же и гласное возвращение староверов на родину вызывало опасения. Задача поддержки старообрядческой реэмиграции уже стояла в повестке дня, тем не менее, решиться на нее властям было трудно: преиятием служило и негативное отношение господствовавшей Церкви к данному процессу, и убеждение в том, что староверы по определению являются разрушителями верноподданнических чувств и обязательств простонародья.

Южная программа реэмиграции способствовала развитию военно-феодальной системы на окраинных территориях государства. В противовес этому проявлялись общие крепостнические тенденции: так, в конце 50-х гг. XVIII в. возытели место попытки ограничить приток русских новоселов в казенные и дворцовые вотчины. Сказывались и рецидивы прежнего (аннинского) курса на принудительное возвращение «загранишных» беглецов – помещичьих крестьян «к прежним жилищам». Русские выходцы из Польши и Литвы, добровольно возвращавшиеся в Россию, могли определиться на службу в иррегулярные территориальные войска на юге или на казенные работы. Между тем в конце 1750-х гг. Сенат планировал ввести жесткое ограничение этой минимальной свободы: в частности, на крепостные работы в Оренбург и Ригу предлагалось отправлять только людей, родившихся в Польше и не помнивших родства, но никак не тяглецов, бежавших от помещиков.

Однако широкая потребность в труде «загранишных» оказалась гораздо сильнее. В марте 1759 г. с южной программой фактически солидаризировался рижский губернатор князь Долгоруков, обращавшийся в Сенат по своим вопросам, но по содержанию таковых выступавший в унисон с киевским вице-губернатором И.И. Костюриным. Долгоруков сообщал Сенату, что ограничительные указы вызывают сокращение численности «выходцов» из Польской Лифляндии, коих в Риге не меньше, чем «выходцов» из остальной Речи Посполитой в Новороссии. Между тем, продолжал обеспокоенный прибалтийский администратор, именно «загранишные», среди которых много помещичьих крестьян, составляли основную рабочую силу на строительстве портовых сооружений и укреплений. Скорейшее завершение этого строительства губернатор считал первоочередной задачей. Поэтому он просил Сенат, чтобы на данном фронте работ не только не запрещать труда беглых крепостных, но и, напротив, использовать его шире. Чтобы успокоить заволновавшихся было работников, предстояло, по мнению Долгорукова, выдать беглецам гарантии от попадания в частновладельческую зависимость, например, по окончании постройки крепостей записывать добровольцев из беглых крестьян на военную службу (не помнящих родства планировалось зачислять в солдаты обязательно).

Сенат согласился с предложениями рижского губернатора, и проект манифеста после обсуждения его формуляра был представлен на подпись Елизавете Петровне (СА. Т. XI. С. 55-57, 166, 167). Манифест обнародовали 5 ноября 1759 г. (ПСЗ. Т. 15. № 11007. С. 388). Тогда же или несколько позже, около 1761 г., партии «российских выходцов» были приписаны к «Ригскому дворцовому ведомству» и к Новгородской дворцовой волости, хотя в документах не сказано о том, имели ли при этом место какие-либо «ослабления» собственно для староверов (РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1487. Л. 110 об-112 об, 114-116; Д. 1578. Л. 653). На судьбах старообрядческой эмиграции на юге данные решения впоследствии сказались благоприятно.

Разногласия по поводу отношения к староверам-реэмигрантам проявились и в проектах надворного советника А. Свечина, поступавших в Конференцию при Высочайшем дворе. В первом, недатированном проекте Свечин выступал как крепостник-ортодокс, предлагая сильнее надавить на «загранишных раскольников». По его мнению, сначала следовало организовать в Польшу военную экспедицию, задачей которой была бы агитация русского населения за возвращение и одновременная разведка мест его скопления. Далее надлежало определить жесткий срок для добровольного выхода беглых и амнистию тем, кто уложится в данный срок, и всех «выходцов»-добровольцев «разобрать» по прежним хозяевам. Снисхождения, считал Свечин, заслуживали только престарелые и не помнящие родства беглецы: их предлагалось поселить «в угодных местах с окладом против однодворцев и черносошных крестьян». Беглецов же, которые «срочный термин к выходу» пропустят и добровольно не выйдут, должно постигнуть «изыскание строгое» – новая «выгонка» наподобие той, что имела место в 1735 г. в отношении крупнейшего центра старой веры в Польше и Литве – Ветковских старообрядческих слобод.

Второй, более поздний документ Свечина, помеченный маем 1761 г., по содержанию совершенно иной. Автор в просветительском духе входил в рассуждения о государственных выгодах от возвращения «раскольников» и с жаром доказывал, что оно обернется существенным приростом окладного населения. Свечин писал, что бытность его в Польше по провиантской части в минувшую кампанию Семилетней войны он находил данные о 10 876 лицах «одного мужеска пола в совершенном возрасте», которым выдавались паспорта для въезда в Россию. Всего же «тех беглых, в Польше обретающихся, – отмечал Свечин, – превеликое множество, не менее как до миллиона простирается, из них же по большой части все люди зажиточные и в рекруты очень годные». Если правительство даст обещание не преследовать их за «раскол» и всех поселить в одном месте «без разбору» по помещикам, то беглецы, как с воодушевлением продолжал надворный советник, готовы не только платить обычный сорокаалтынный оклад, но и дать к нему прибавку, а также в счет каждого рекрута, причитающегося с них, вносить по 500 рублей (РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 427. Л. 2, 3, 6-9).

Сенат не стал рассматривать поданные проекты: к тому времени в отношении беглецов-«раскольников» действовали предложения И.Ф. Глебова, вторым же государственным полигоном реэмиграции, наряду с Новой Сербией, стал Новослободской полк, куда с середины 1750-х гг. староверы из Польши и направлялись. Южная программа подтверждала свою жизненность и важность для государства.

5. Заключение

Таким образом, верховная власть в правовой полемике относительно старообрядческой реэмиграции последовательно выдерживала либеральный подход, отвергая как партикуляризм (в данном случае малороссийский), так и централизаторские рецидивы оголтелого крепостничества и, соответственно, всемерно поощряя и способствуя притоку староверов из-за границы. В основаниях подобной политики лежал предельный прагматизм, однако они отнюдь не исчерпывались только прагматизмом. Важный шаг в движении российской веротерпимости, начало которому положила южная программа реэмиграции, был обусловлен устойчивыми просветительскими тенденциями во властной сфере и общественном сознании.

Южная программа возвращения староверов с ее настойчивыми апелляциями к «государственному интересу», «государственной пользе», соответствующий идейный дискурс, определявший обстановку обсуждения проблем религиозной политики, отражали медленную эволюцию российской политической системы по типу европейской (континентальной) веротерпимой монархии. Подобная эволюция охватывала именно вторую половину 50-х гг. XVIII в. и воплотилась затем в более широкой программе религиозной либерализации, проведенной Екатериной II.

6. Благодарности

Исследование проведено в рамках государственной субсидии по проекту «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ АААА-А19-119011490038-5).

Литература

- Багалея, 1889** – *Багалея Д.И.* Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры. Исторический этюд. Киев, 1889. 115 с.
- Барсов, 1885** – *Барсов Е.В.* Описание актов архива Маркевича, относящихся к истории стародубских скитов с картой скитов и их владений. М., 1885. 11 с.
- Барсов, 1890** – *Барсов Е.В.* Новые материалы для истории старообрядчества XVII–XVIII веков, собранные Е.В. Барсовым. М., 1890. XII, 243 с.
- Бельский, 1999** – *Бельский А.В.* Расселение старообрядцев в Левобережной и Слободской Украине в XVII–XIX вв. // *Культура народов Причерноморья.* 1999. № 9. С. 60-65.
- Волошин, 2006** – *Волошин Ю.В.* Урядова політика щодо російських старообрядців на Стародубщині у XVIII ст. // *Український історичний журнал.* 2006. № 1. С. 14-27.
- Єрмакова, 2006** – *Єрмакова І.О.* Заселення півдня України у другій половині XVIII ст. старообрядцями // *Наукові праці (історичні науки).* 2006. Т. 62. Випуск 49. С. 7-12.
- Загоровский, 1913** – *Загоровский Е.А.* Очерки по истории славянской колонизации в Новороссии в XVIII веке. Сербские военные поселения // *Военно-исторический вестник.* 1913. № 1. С. 63-85.
- Карнович, 1873** – *Карнович Е.П.* Значение бироновщины в русской истории // *Отечественные записки.* 1873. № 10. С. 542-577; № 11. С. 95-127.
- Круглова, 1992** – *Круглова Т.А.* Отношение старообрядческих общин Левобережной Украины к правительственной политике во второй половине XVIII в. // *Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки.* Новосибирск, 1992. С. 288-294.
- Латкин, 1887** – *Латкин В.Н.* Законодательные комиссии в России XVIII ст. Историко-юридическое исследование. Т. 1. СПб., 1887. XII, 595 с.

- Лилеев, 1893** – Лилеев М.И. Новые материалы для истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Киев, 1893. 2, XXIII, 3-278, V, 1 с.
- Мазин, 2003** – Мазин К.А. Религиозная эмиграция из дореволюционной России (краткий историографический очерк) // *Исторические записки*. 2003. № 6 (124). С. 241-295.
- Макидонов, 2008** – Макидонов А.В. К светской и церковной истории Новороссии (XVIII–XIX вв.). Запорожье, 2008. 140 с.
- Никольский, 1985** – Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1985. 448 с.
- Пірко, 2004** – Пірко В.О. Заселення і господарське освоєння Степової України в XVI–XVIII ст. Донецьк, 2004. 224 с.
- Подов, 1998** – Подов В.И. Славяносербия. Очерки из истории заселения Донбасса в 18 в. Документы. Луганск, 1998. 120 с.
- Полонська-Василенко, 1960** – Полонська-Василенко Н.Д. Заселення Південної України в половині XVIII ст. (1734–1775). Мюнхен, 1960. Ч. 1. 222 с.; Ч. 2. 187 с.
- Посунько, 1998** – Посунько О.М. Історія Нової Сербії та Слов'яносербії. Запорижжя, 1998. 79 с.
- ПСЗ** – Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 14 (1749–1753). 962 с.; Т. 15. (1758 – 26 июня 1762). 1050 с.
- Проект Нового Уложения, составленный...** – Проект Нового Уложения, составленный законодательной комиссией 1754–1766 гг. (Часть III, «О состоянии подданных вообще»). СПб, 1893. X, 285 с.
- Проект Уголовного Уложения...** – Проект Уголовного Уложения 1754–1766 годов. Новоуложенной книги часть вторая: О розыскных делах и какие за разные злодейства и преступления казни, наказания и штрафы положены. СПб., 1882. 20, 208 с.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- Ряжев, 2006** – Ряжев А.С. Вероисповедная политика русского «просвещенного абсолютизма»: история изучения // *История и историки*. 2005. М., 2006. С. 84-126.
- СА** – Сенатский архив. Протоколы Правительствующего Сената. Указы и повеления императрицы Екатерины II. Т. XI. СПб., 1904. [1], 483, 23 с.
- Соловьев, 1993** – Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 23 / Сочинения в 18 книгах. Кн. XII. М.: Мысль, 1993. 688 с.
- Титлинов, 1905** – Титлинов Б.В. Правительство императрицы Анны Иоанновны в его отношении к делам православной церкви. Вильна, 1905. XI, 466, II, [1] с.
- Шамрай, 1929** – Шамрай С.В. До історії залюднення Степової України в XVIII ст. (Крилівщина і Лизаветчина) // *Записки Исторично-Філологічного Відділу ВУАН*. 1929. Кн. XXIV. С. 207-302.
- Freeze, 2016** – Freeze G.L. Confessions in Imperial Russia: analytical overview of historiography // *Bylye Gody*. 2016. Т. 39. № 1. С.261–281.
- Iwaniec, 1977** – Iwaniec E. Z dziejow staroobrzędowcow na ziemiach polskich XVII–XX ww. Warszawa, 1977. 294 p.
- Ryazhev, 2019** – Ryazhev A.S. Old Believers' Re-Emigration in early 1750-ies: the Southern Program of Russian Authorities // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 53. Is. 3: 1008-1016.

References

- Bagalei, 1889** – Bagalei D.I. (1889). Kolonizatsiya Novorossiiskogo kraja i pervye shagi ego po puti kul'tury. Istoricheskii etud [Colonization of New Russia region and its first steps on the path of culture. Historical essay]. Kiev. 115 p. [in Russian]
- Barsov, 1885** – Barsov E.V. (1884). Opisanie aktov arkhiva Markevicha, otnosyashchikhsya k istorii starodubskikh skitov s kartoyu skitov i ikh vladenii [Description of papers from the personal archive of nobleman Markiewicz relating to the history of Starodub hermitages with a map of the cloisters and their possessions]. Moscow, 11 p. [in Russian]
- Barsov, 1890** – Barsov E.V. (1890). Novye materialy dlya istorii staroobryadchestva XVII-XVIII vekov, sobrannye E.V. Barsovy [New materials for the history of Old Believ during the 17th and 18th centuries, collected by E.V. Barsov]. Moscow. XII, 243 p. [in Russian]
- Bel'skii, 1999** – Bel'skii A.V. (1999). Rasselenie staroobryadcev v Levoberezhnoj i Slobodskoj Ukraine v XVII-XIX vv. [Settlement of old believers in the left-Bank and Slobodskaya Ukraine in 17-19th centuries]. Kul'tura narodov Prichernomor'ya. № 9. P. 60-65. [in Russian]
- Freeze, 2016** – Freeze G.L. (2016). Confessions in Imperial Russia: analytical overview of historiography. *Bylye Gody*, Vol. 39, Is. 1: 261-281.
- Iwaniec, 1977** – Iwaniec E. (1977). Z dziejow staroobrzędowcow na ziemiach polskich XVII–XX ww. [From the history of the old believers in the Polish lands, XVII–XX centuries.]. Warszawa. 294 p. [in Polish]
- Karnovich, 1873** – Karnovich E.P. (1873). Znachenie bironovshchiny v russkoj istorii [The essence of Biron epoch in Russian history]. *Otechestvennye zapiski*, N 10. P. 542–577; N 11. P. 95-127. [in Russian]
- Kruglova, 1992** – Kruglova T.A. (1992). Otnoshenie staroobryadcheskikh obshchin Levoberezhnoi Ukrainy k pravitel'stvennoi politike vo vtoroi polovine XVIII v. [The attitude of the old believers' communities of the Left-Bank Ukraine to the government policy in the second half of the 18th century].

- Traditsionnaya dukhovnaya i material'naya kul'tura russkikh staroobryadcheskikh poselenii v stranakh Evropy, Azii i Ameriki. Novosibirsk. P. 288-294. [in Russian]
- Latkin, 1887** – *Latkin V.N.* (1887). Zakonodatel'nye komissii v Rossii XVIII stoletiya. Istoriko-yuridicheskoe issledovanie [Legislative Commission in Russia in the 18th century. Historical and law research]. Vol. 1. Saint-Petersburg. XII, 595 p. [in Russian]
- Lileev, 1893** – *Lileev M.I.* (1893). Novye materialy dlya istorii raskola na Vetke i v Starodub'e XVII–XVIII vv. [New materials for the history of the Russian Church schism in Vetka and Starodub'e during the 17th and 18th centuries]. Kiev. 2, XXIII, 3-278, V, 1 p. [in Russian]
- Makidonov, 2008** – *Makidonov A.V.* (2008). K svetskoi i tserkovnoi istorii Novorossii (XVIII-XIX vv.) [To the secular and ecclesiastical history of New Russia (18 – 19th centuries)]. Zaporozh'e. 140 p. [in Russian]
- Mazin, 2003** – *Mazin K.A.* (2003). Religioznaya emigratsiya iz dorevolutsionnoi Rossii (kratkii istoriograficheskii ocherk) [Religious emigration from pre-revolutionary Russia (brief historiographical essay)]. *Istoricheskie zapiski*. № 6 (124). P. 241-295. [in Russian]
- Nikol'skii, 1985** – *Nikol'skii N.M.* (1985). Istoriya russkoi tserkvi [History of the Russian Church]. Moscow. 448 p. [in Russian]
- Pirko, 2004** – *Pirko V.O.* (2004). Zaselennya i gospodars'ke osvoennya Stepovoï Ukraïni v XVI–XVIII st. [The settlement and economic development of the Steppe Ukraine in the 16–18th centuries] Donec'k. 224 p. [in Ukrainian]
- Podov, 1998** – *Podov V.I.* (1998). Ocherki iz istoriï zaseleniya Donbassa v 18 v. Dokumenty [The Slavo-Serbia. Essays from the history of settlement of Donbass in the 18th century. Documents]. Lugansk. 120 p. [in Russian]
- Polons'ka-Vasilenko, 1960** – *Polons'ka-Vasilenko N.D.* (1960). Zaselennya Pivdennoï Ukraïni v polovini XVIII st. (1734–1775) [Settlement of southern Ukraine in the half of XVIII century]. Munich. Part 1. 222 p.; Part 2. 187 p. [in Ukrainian]
- Posun'ko, 1998** – *Posun'ko O.M.* (1998). Istoriya Novoi Serbii ta Slov'yanoserbii [History of the New Serbia and Slavyanoserbia]. Zaporizhzhya. 79 p. [in Ukrainian]
- Proekt Novogo Ulozheniya, sostavlennyj...** – Proekt Novogo Ulozheniya, sostavlennyj zakonodatel'noj komissiej 1754–1766 g.g. (Chast' III, «O sostoyanii poddannyh voobshche») [The bill of the New Code drawn by the Legislative Board of 1754-1766 (Part III, "About the state of subjects in general")]. Saint-Petersburg, 1893. X, 285 p. [in Russian]
- Proekt Ugolovnogo Ulozheniya...** – Proekt Ugolovnogo Ulozheniya 1754–1766 godov. Novoulozhennoj knigi chast' vtoraya: O rozymsknyh delah i kakie za raznye zlodejstva i prestupleniya kazni, nakazaniya i shtrafy polozeny [The Draft Criminal Code of 1754-1766. The second part of the Book of the New Code: About the crime investigation and kinds of execution, penalties and fines for the different villainy and crimes]. Saint-Petersburg, 1882. 20, 208 p. [in Russian]
- PSZ** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Saint-Petersburg, 1830. Vol. 13 (1749-1753). 962 p. [in Russian]
- RGADA** – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian state archive of ancient chartes].
- Ryazhev, 2006** – *Ryazhev A.S.* (2006). Veroispovednaya politika russkogo «prosveshchennogo absolyutizma»: istoriya izucheniya [Religious policy of Russian "enlightened absolutism": history of study]. Istoriya i istoriki [History and historians]. 2005. Moscow. P. 84-126. [in Russian].
- Ryazhev, 2019** – *Ryazhev A.S.* (2019). Old Believers' Re-Emigration in early 1750-ies: the Southern Program of Russian Authorities. *Bylye Gody*, Vol. 53, Is. 3: 1008-1016.
- SA** – Senatskij arhiv. Protokoly Pravitel'stvuyushchego Senata. Ukazy i poveleniya imperatricy Ekateriny II [The Senate archives. Minutes of the Ruling Senate. Decrees and Orders of Empress Catherine II]. Vol. XI. Saint-Petersburg, 1904. [1], 483, 23 p. [in Russian]
- Shamrai, 1929** – *Shamrai S.V.* (1929). Do istoriï zalyudnennya Stepovoï Ukraïni v XVIII st. (Krilivshchina i Lizavetchina) [About the history of the settlement of Steppe Ukraine in the 18th century (Crilev and St. Elisabeth fortress regions)]. *Zapiski Istorichno-Filologichnogo Viddilu VUAN*. Issue XXIV. P. 207-302. [in Ukrainian].
- Solov'yov, 1993** – *Solov'yov S.M.* (1993). Istoriya Rossii s drevnejshih vremyon. T. 23 [History of Russia since ancient times. Vol. 23]. Solov'yov S.M. Sochineniya v 18 knigah. Book 12. Moscow. 688 p. [in Russian]
- Titlinov, 1905** – *Titlinov B.V.* (1905). Pravitel'stvo imperatricy Anny Ioannovny v ego otnosheniyah k delam pravoslavnoj cerkvi [The government of Empress Anna Ioannovna in its relations to the Affairs of the Orthodox Church]. Vil'na. XI, 466, II, [1] p. [in Russian]
- Voloshin, 2006** – *Voloshin Yu.V.* (2006). Uryadova politika shchodo rosijs'kih staroobryadciv na Starodubshchini u XVIII st. [Governmental policy relatively the Russian old believers on Starodubshchina in the 18th century]. *Ukraïns'kii istorichnii zhurnal*, N 1. P. 14-27. [in Ukrainian]
- Yermakova, 2006** – *Yermakova I.A.* (2006). Zaselennya pivdnya Ukraïni u drugii polovini XVIII st. staroobryadcyami [Settlement of the old believers on southern Ukraine in the second half of the 18th century]. *Naukovi praci (istorichni nauki)*, Vol. 62. Issue 49. P. 7-12. [in Ukrainian]

Zagorovskii, 1913 – Zagorovskii E.A. (1913). Ocherki po istorii slavyanskoi kolonizatsii v Novorossii v XVIII veke. Serbskie voennye poseleniya [Essays on the history of Slavic colonization in New Russia during the 18th century. Serbian military settlements]. *Voенно-istoricheskii vestnik*, № 1, pp. 63-85. [in Russian]

Старообрядческая реэмиграция в 1750-е гг. на юге России: борьба подходов в правовой политике

Андрей Сергеевич Ряжев ^{a, *}

^a Калмыцкий научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена государственной вероисповедной политике середины XVIII в. – наименее исследованному периоду в процессе становления российской веротерпимости в раннее Новое время. Впервые в историографии изучена идейно-политическая и правовая полемика, сопровождавшая процесс реэмиграции старообрядцев в Россию, и, соответственно, становление относительных религиозных свобод в России на протяжении 1750–1790 гг. На основе малоизвестных материалов, в том числе неопубликованных, дана характеристика основных подходов к старообрядческой реэмиграции в верхах. Наибольшее внимание в статье уделено просветительским основаниям трактовки реэмиграции, связанным с пониманием государственных интересов и проявившимся в период активной работы Уложенной комиссии 1754–1766 гг. В итоге автор констатирует, что правительственная южная программа возвращения староверов отражала медленную эволюцию российской политической системы по типу европейской (континентальной) веротерпимой монархии.

Ключевые слова: Российская империя, раннее Новое время, беглое население, южная программа реэмиграции старообрядцев, Уложенная комиссия 1754–1766 гг., правовая политика, общественное сознание, веротерпимость.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: riazhev@yandex.ru (А.С. Ряжев)

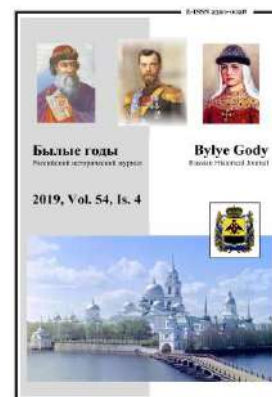
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1479-1489. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1479
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Middle Zhuz in the Period of the XVIII – beginning of the XIX century: Political Aspect of the Problem

Kairbolat Zh. Nurbay^{a,*}, Gulmira Zh. Zhuman^a

^aSaken Seifullin Kazakh Agrotechnical University, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article discusses the features of the Kazakh-Russian, Kazakh-Dzungarian and Kazakh-Qing relations on the example of medium-term settlement and their impact on the Kazakh society and regional Asia as a whole. Kazakh-Russian relations have the form at the level of khans, genghisides-tore, and at the level of the Kazakh clan nobility, which indicates changes within the Kazakh society, in the minds and psychology of individuals and social groups, in particular, heads of tribal. Their consequences were the social stratification of Kazakh society and the strengthening of Kazakh-Russian relations after the fall of the Dzungarian Khanate and the stabilization of Kazakh-Qing and Russian-Qing relations.

Based on the analysis of archival and other sources, the authors conclude that a rigorous and comprehensive study of the regional characteristics of Kazakh-Russian, Kazakh-Dzungarian and Kazakh-Qing relations in the period of the XVIIIth – early XIXth centuries, the study of historical experience of the features and consequences of these relations under constant the changing political processes in the region will allow a new look at the formation of interstate relations between Kazakhstan and Russia, Kazakhstan and China and the establishment of good neighborly partnership relations, to avoid possible future political risks.

Keywords: Middle and Junior Zhuzes, Abylay, social contradictions in Kazakh society, Kazakh-Russian relations, Kazakh-Dzungarian relations, Kazakh-Qing relations.

1. Введение

Рассматриваемый в статье период XVIII – начала XIX веков разделен нами на два совершенно разных по своему содержанию периода, водоразделом между которыми является падение Джунгарского ханства. Именно последнее событие оказало большое влияние не только на политическую обстановку в казахских жузах, в частности Среднем жузе, но и на взаимоотношения Казахского ханства с Российской и Цинской империями, на политическую ситуацию в Центральной Азии в целом.

Хан Среднего жуза Абылай активно сотрудничал с правительством России по налаживанию обоюдновыгодных торгово-экономических отношений, а между казахами Среднего жуза и пограничным русским населением, начиная с правления хана Абылая, интенсивно развивались тесные хозяйственные и культурные связи.

В целом для периода XVIII – начала XIX веков были характерны следующие тенденции:

- разделение казахской знати, в частности Среднего жуза, на два лагеря: поддерживавших и не поддерживавших Россию;
- углубление противоречий, особенно со второй половины XVIII века между чингизидами-торе и казахской родовой верхушкой – биями и старшинами;

* Corresponding author

E-mail addresses: kairbolat.nj@gmail.com (K.Zh. Nurbay)

- стремление казахов-кочевников к экономической интеграции с соседними народами – русскими, башкирами, китайцами, калмыками.

Актуальность исследования состоит в недостаточной изученности проблемы взаимоотношений казахских жузов, в частности Среднего жуза, с Российской, Цинской империями, с Джунгарским ханством не только на уровне правителей, но и на уровне отдельных социальных групп и личностей. Недостаточно изучены механизмы казахско-джунгарских политических связей в географических рамках Среднего жуза. В то же самое время актуальной проблемой является изучение внутренней политической обстановки в казахских жузах, и в том числе в Среднем жузе, психологии и настроения как казахской знати, так и рядовых кочевников.

Научная новизна представленной к публикации статьи заключается, во-первых, в недостаточной изученности взаимоотношений казахских жузов, в частности Среднего жуза, с указанными выше государствами, в обосновании нового взгляда на взаимоотношения казахских ханов и султанов, биев и старшин с вышеназванными государствами в условиях политической нестабильности и конкуренции между Российской, Цинской империями и другими государствами за рынки сбыта. Не исследованы региональные особенности казахско-джунгарских, казахско-русских и казахско-цинских отношений.

Во-вторых, она заключается в том, что на основе критического анализа источников сделан вывод о том, что в результате стремления казахской знати Среднего жуза и правительства к взаимовыгодному экономическому сотрудничеству произошло понимание того, что только общие экономические интересы позволят мирно решать проблему экономического освоения богатых казахских земель, что, только опираясь на местное казахское население во главе с родоуправителями, можно прийти к единому и верному решению, учитывая при этом интересы обеих сторон.

2. Материалы и методы

Источниковую базу статьи составили документальные материалы из архивов, в том числе впервые введенные в научный оборот, – Российского государственного архива древних актов ([Ф. Киргиз-кайсацкие дела](#); [Зюнгорские дела](#)); Ф. 248 (1-й Департамент Сената) г. Москва, Российская Федерация; Государственного архива Омской области ([Ф. 1, 2, 366](#)), г. Омск; Центрального Государственного архива Республики Казахстан ([Ф. 338](#)), г. Алматы, Казахстан.

Вместе с ними в подготовке научной статьи использованы материалы различных сборников опубликованных источников, например: «История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков», «Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках», «Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв. (1771–1867 гг.)», «Цинская империя и Казахские ханства. Вторая половина XVIII – первая треть XIX вв.», «Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции)», в которых имеются ценные сведения по истории казахско-русских, казахско-цинских и казахско-джунгарских отношений, а также касательно внутренней и внешней политики правителей казахских жузов в отношении соседних государств.

Используемые методы исследования: комплексный подход и системный анализ, сравнительно-исторический, исторической реконструкции, историко-географический метод и другие. Авторы взяли за основу концепции и научные выводы ученых, занимающихся вопросами казахско-русских, а также казахско-джунгарских и казахско-цинских отношений. В ходе подготовки работы было обращено внимание на значимость в современной исторической науке проблемы региональной специфики и исторической преемственности.

3. Обсуждение

В дореволюционный период история политического и экономического развития Среднего жуза как отдельного административно-политического и хозяйственного образования рассматривалась, прежде всего, в трудах таких исследователей, как И. Андреев, Г. Броневский, Г. Спасский, М. Красовский, Ч. Валиханов, Г. Потанин, А. Левшин и др. ([Андреев, 1998](#); [Броневский, 1830](#); [Спасский, 1820](#); [Красовский, 1868](#); [Валиханов, 1968](#); [Потанин, 1867](#); [Левшин, 1996](#)). Вопросы политического и экономического развития казахов в целом и Среднего жуза в частности, анализировали в своих трудах исследователи А. Букейханов, М. Тынышбаев и другие представители казахской интеллигенции ([Букейхан, 1995](#); [Тынышбаев, 1991](#); [Тынышбаев, 1996](#)).

В период советской власти исследования, касающиеся истории Среднего и других казахских жузов, Казахского ханства в целом пополнились множеством значимых трудов. Так, в первую очередь, это работы Н. Аполловой, Н. Алексеенко, В. Басина, В. Моисеева, Р. Сулейменова и В. Моисеева, К. Хафизовой ([Аполлова, 1948](#); [Алексеенко, 1965](#); [Алексеенко, 1967](#); [Басин, 1971](#); [Моисеев, 1991](#); [Сулейменов, Моисеев, 1988](#); [Хафизова, 1974](#)). Отдельные стороны политической и социально-экономической жизни казахов Среднего и других жузов, общественно-политическая деятельность казахских ханов и султанов, вопросы международных отношений в Центральной Азии, где затрагиваются важные проблемы указанных выше казахско-русских, казахско-джунгарских и казахско-цинских отношений, проанализированы в исследованиях Е. Бекмаханова, Н. Бекмахановой,

Б. Гуревича, Ж. Касымбаева, С. Толыбекова (Бекмаханов, 1992; Бекмаханова, 1980; Гуревич, 1979; Касымбаев, 1996; Толыбеков, 1971).

На современном этапе вопросы, касающиеся российско-казахстанских взаимоотношений, исследовали в своих трудах российские ученые Д. Васильев, А. Ремнев, Т. Султанов и др. (Васильев, 2014; Ремнев, 1995; Россия, Запад..., 1996). Так, Д. Васильев утверждает, что «... главным действующим лицом на театре российско-центральноазиатских отношений были казахские жузы», и пытается понять и увидеть, «как в историческом времени современные соседи проходили неоднозначный путь от столкновения цивилизаций через их взаимодействие к нынешнему сотрудничеству» (Васильев, 2014: 5).

Среди современных казахстанских исследователей проблемы политической истории Казахстана, отдельные аспекты истории российско-казахстанских и казахско-джунгарских отношений исследовали Б. Абдрахманова, И. Ерофеева, Г. Карасаев, К. Нурбай и другие (Абдрахманова, 1998; Ерофеева, 2001; Карасаев, 2019; Нурбай, 2018).

4. Результаты

Географические рамки данной статьи охватывают территорию Среднего и частично Младшего жузов, так как именно здесь происходили в рассматриваемый нами период важные политические события, оказавшие значительное влияние на внутривосточную обстановку в указанных жузах и Центральной Азии в целом. Это связано и с казахско-российскими, и казахско-джунгарскими, и казахско-цинскими отношениями.

Рассмотрим для начала факторы, обусловившие политический кризис казахского общества и Казахского ханства в целом в начале XVIII века. Как известно, несмотря на создание единого народного ополчения под командованием батыра Богенбая согласно решению общекзахского курултая 1710 года, джунгары совершили удачные военные походы против казахов в 1713, 1716 годах и в 1717 году, когда казахи потерпели поражение в трехдневном сражении на берегу реки Аягуз.

В это время Россия, воспользовавшись благоприятной политической обстановкой, когда казахи и джунгары воевали друг с другом, планомерно продвигалась в казахские земли по правому берегу Иртыша, строя здесь военные укрепления. Две из них, Омская и Железинская крепости, были включены в состав Тобольской провинции Сибирской губернии еще в 1725 году, то есть до принятия российского подданства Младшим и Средним жузами, а уже в 1750-х годах среди приписанных к Тобольской провинции городов и крепостей названы Ямышевская, Семипалатная и Усть-Каменогорская крепости (Громыко, 1965: 94; Историческая география..., 1981: 85-86; Роспись..., 1757: 99, 104, 107; Татищев, 1950: 193).

Необходимо отметить, что военные укрепления строились не без поддержки самих казахов, которые были заинтересованы в защите от нападения джунгар и создании военного союза с Россией против Джунгарского ханства. С этого времени территория правобережной части Иртыша от Омской до Усть-Каменогорской крепости (Иртышская, или иначе Сибирская военная линия) практически оказалась изолированной от левобережной, основной территории Среднего жуза, и стала границей между казахами и русскими.

Политический кризис казахского общества, в особенности Среднего жуза, получившего наиболее сильный удар в войне с джунгарами в 1723–1729 годах, еще более углубился и обострился, тогда казахи понесли огромные людские и материальные потери. Согласно свидетельству известного акына-импровизатора и участника военных действий Кожабержен-батыра, казахи потеряли в этой кровопролитной войне около трети своей численности (Кожабержен жырау..., 1992: 155-183).

Хотя казахи одержали победу в этой войне и нанесли ряд ударов по местам скопления джунгарских родов как на территории Среднего жуза (по кочевьям дербетов), так и в районе, например, Горного Алтая, однако угроза новой войны сохранялась. Поражения джунгар были связаны и с тем, что в 1729–1730 годы они понесли огромные потери в очередной войне с маньчжурами.

Политическая раздробленность казахского общества нарастала, и в сложных условиях внешней угрозы летом 1741 года (после поражения в войне 1739–1741 годов) в ставке хана Среднего жуза происходил совет по «джунгарскому вопросу», на котором большинство участников высказались за перемирие с джунгарами. Галдан Цэрэн, в свою очередь, в ответ на это предложение о заключении мира выдвинул ряд требований, основными условиями которых являлись отправка влиятельных казахских старшин с их семьями и скотом к джунгарам и выдача находившегося в Башкирии «возмутителя спокойствия» Карасакала. На состоявшемся осенью 1741 года очередном ханском совете по обсуждению требований джунгарского правителя большинство султанов и старшин «высказались за сохранение и упрочение отношений с Россией..., причем султан Барак заявил, что сколько до сего при российской стороне они ни находились, то от оной не только никакого озлобления не видали... и жили во всяком покое и по своей земле...» (Моисеев, 1991: 121-122, 125).

Стремление влиятельных казахских султанов и старшин к установлению с правительством России дружественных отношений объясняется, помимо внешней угрозы, и экономической заинтересованностью как знатных, так и рядовых казахов-кочевников в установлении более тесных

хозяйственных и торговых связей с русскими, что было для них особенно важно в связи с захватом джунгарами ряда сельскохозяйственно-торговых центров в Средней Азии.

Однако не все казахские султаны и старшины придерживались российской стороны. Так, «целый ряд влиятельных феодалов Среднего жуза... согласились выполнить некоторые требования Галдан Цэрэна, ... в частности, большинство участников собрания решили принять требования джунгарского хана...» (*Казахско-русские...*, 1961: 270). Кроме того, отправили своих детей и родственников в качестве заложников к джунгарскому хунтайджи хан Среднего жуза Абулмамбет, султан Абулфеиз, Даулетбай, Нияз батыр и другие.

Среди джунгарских правителей также были сторонники укрепления отношений с казахами, иначе говоря, и среди казахов, и среди джунгар имела место тенденция к объединению двух кочевых народов против экспансионистских устремлений Цинской империи. Например, один из наиболее влиятельных хошоутских правителей Хунделен тайджи придерживался проказахской ориентации, он помешал планам Батура хунтайджи нанести казахам во главе с ханом Жахангиром (Жангиром) удар с двух сторон, перехватив послы Батура к хану волжских калмыков Хо-Урлюку.

Стремление джунгар укрепить отношения с казахами было обусловлено и фактом постепенного сближения казахской знати с Россией (например, в 1738–1742 годах около 400 султанов, биев и батыров Среднего и Младшего жузов признали российское подданство) и принятием российского подданства правителями Среднего жуза в 1740 году, что не могло не насторожить джунгарского хунтайджи, прекрасно осознававшего неминуемую гибель своего государства в случае несостоятельности казахско-джунгарского союза.

Галдан Цэрэн также стремился сблизиться с казахами и воспрепятствовать укреплению казахско-российских связей в конце 1730-х годов, с этой целью были установлены брачно-родственные отношения между Галдан Цэрэном и Абулхаиром, а также производился обмен пленными. Представители джунгарской стороны в переговорах с казахами всегда подчеркивали общие корни двух народов, а Галдан Цэрэн в письме хану Абулхаиру предлагал свою дружбу и открыто намекал на необходимость объединения двух кочевых народов.

Начиная с 1744–1745 годов отношения между Джунгарским ханством и Средним и Младшим жузами постепенно укреплялись: развивалась торговля, происходили дипломатические контакты и устанавливались брачно-родственные связи между влиятельными казахскими и джунгарскими правителями, происходил обмен пленными. Тесные связи с Галдан Цэрэном поддерживали хан Абулмамбет, султаны Абылай, Барак, батыр из рода басентиин (племени Аргын) Малайсары и другие влиятельные правители. В частности, казахи обменивались с джунгарами на охотничьих собак и орлов пшено и муку, ибо у казахов не было хлеба.

Архивные источники свидетельствуют, что в этот период в казахском обществе также росли проджунгарские настроения, связанные с разделением общества на две части: поддерживавших российское подданство и объединение с джунгарами, и, по всей видимости, казахи занимали выжидательную позицию, ибо «...кто из них сильнее явится, то к тому и приклонится...» (*ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 232 об.*). Например, в честь очередного джунгарского посольства султан Барак устроил пир, во время которого джунгарские послы отговаривали казахов от сближения с Россией, вероятно, преследуя в определенной мере и свои цели, чтобы с помощью казахов оттеснить русских на север и противостоять агрессии со стороны Цинской империи (*ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 228*).

Правительство, в свою очередь, принимая в свое подданство казахов-кочевников, рассматривало возможность использования их против других кочевников, джунгар, о чем, например, писал в своем «Представлении» на имя царя начальник Оренбургской экспедиции И. Кириллов (*Казахско-русские...*, 1961: 107, 152).

Укрепление казахско-джунгарских отношений во второй половине 1740-х годов встревожило правящие круги России, опасавшейся объединения казахов и джунгар. В то же время Россия опасалась отложения казахских жузов и поэтому начала предпринимать активные дипломатические меры по защите своих подданных, и в мае 1742 года, уже после окончания очередной казахско-джунгарской войны, правительство приняло постановление, чтобы «подданных ханов и салтанов с их людьми сколько можно охранять..., и для этого умножить...» численность гарнизонов в крепостях по всей границе с Джунгарским ханством (*Казахско-русские...*, 1961: 199).

Как писал В. Моисеев, «призрак объединения Казахских ханств с Джунгарией и возможного возникновения близ границ России и Сибири могущественного кочевого государства вызывал серьезные опасения у правящих кругов Российской империи. Поэтому главная цель всех дипломатических акций, – отмечал далее исследователь, – состояла именно в том, чтобы не допустить джунгаро-казахского сближения» (*Моисеев, 1991: 161*).

Следует признать, что российская внешняя политика всегда была на высоте и Россия всегда выбирала удачное время для претворения в жизнь своих целей, связанных с приобретением новых земель и освоением их природных ресурсов. Продуманная внешняя политика правительства вместе с хорошо налаженными дипломатическими приемами в отношении своих подданных – казахов-кочевников – обусловили планомерное претворение в жизнь своих стратегических целей. Так, строительство Новоишимской военной линии происходило в то время, когда в Среднем и Младшем

жузах, после гибели в 1748 году хана Абулхайра, усилилась политическая раздробленность, происходила ожесточенная борьба за ханскую власть. В Джунгарском ханстве также начался затяжной политический кризис, связанный со смертью могущественного хунтайджи Галдан Цэрэна. Новая военная линия соединяла Уйскую (Оренбургскую) линию с Иртышской военной линией.

Падение Джунгарского ханства коренным образом изменило обстановку в регионе, теперь казахские жузы оказались перед лицом новой военной опасности – вторжения цинской армии, претендовавшей как на бывшие джунгарские кочевья, так и пытавшейся оказать давление на казахских ханов, чтобы они отказались от подданства России. В результате вторжения цинской армии на территорию Среднего жуза летом 1756 года и ряда сражений совместных казахско-джунгарских отрядов Абылая, Кожабегена и Амурсаны, а также дружины казахов Младшего жуза под предводительством брата Нуралы хана султана Ералы с маньчжуро-китайцами военные действия были прекращены и подписано мирное соглашение, согласно которому «султан Абылай... был вынужден изъявить... согласие «покориться» и стать «вассалом» Цинской империи» (Гуревич, 1979: 131). Тем не менее Абылай фактически не признавал своего подданства Цинской империи, иначе казахские послы при заключении мира не настаивали бы на передаче казахам Тарбагатая.

После заключения перемирия важной проблемой в казахско-цинских отношениях после земельной была торговля, которой придавали большое значение как казахи, так и китайцы. Последние особенно остро нуждались в казахских лошадях для своей армии, у казахов также был спрос на китайские товары. Так, император Цяньлун в своем письме султану Абылаю просил, чтобы казахи приезжали для торговли на урочище Ирен-Хабарга и меняли китайцам лошадей (Цинская империя..., 1989: 129-136).

Среди казахских правителей не было единства в вопросе о подданстве Цинской империи. Так, российский представитель М. Шихов, побывавший в кочевьях Абылая в августе 1758 года, сообщал, что «многие старшины... на него, Аблай салтана, сетуют, так как не согласны с тем, что он подписал их в китайское подданство заочно, а М. Арапов в своем донесении отмечал, что Абылай все же присяги в том не дал» (императору Цяньлуну – Авт.) (РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 867. Л. 5). «Знатные старшины, – сообщал далее М. Арапов, – его, Аблая, весьма много от того подданства отвращали, но он стоял на своем, ссылаясь на то, что Средняя Орда от здешней стороны (России – Авт.) содержится не в такой консидарации, как Нуралы хан с Меншою ордою» (РГАДА. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. Д. 4. Л. 200). Впоследствии старшина Кулсары во время встречи с представителями российских властей в крепости Кабаньей рассказывал о «разных увещеваниях, с помощью которых султан стремился склонить к этому лучших своей орды знатных 80 старшин, и о его намерении отправить в Пекин посольство, захватив в подарок белых лошадей» (РГАДА. Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/1. Д. 4. Л. 222). Однако, по свидетельству того же Кулсары, инициатива султана Абылая не встретила поддержки среди остальных правителей Среднего и Младшего жузов.

Отметим еще один важный исторический факт – это подготовка Цинской империи в конце 1750 – начале 1760 годов к войне с Россией. Не случайно китайцы настойчиво советовали казахам «очистить место и отойти от российских границ далее в степь, чтобы им никакой бы помехи не чинить» (Цинская империя..., 1989: 48). Например, правительству удалось получить известие от казахов, приезжавших в Шульбинскую крепость, о начавшемся движении 10-тысячного маньчжурского войска в направлении российских крепостей на верхнем Иртыше. Угроза войны была вполне реальной, например, император Цяньлун заявил побывавшему в начале 1761 года в Пекине российскому посольству, что «...нынешнею весною из своего китайского войска сорок санов (в каждом сани по 10 тыс. человек) на Россию пошлю войною по Иртышу-реке» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 867. Л. 6). Представитель правительства Ф. Гордеев, посетивший весной 1761 года ставку султана Абылая, сообщал о сосредоточении на сибирской линии выше Семипалатной крепости более 300-тысячного маньчжурского войска.

Несмотря на то, что у султана Абылая время от времени возникали конфликты с российскими властями, в случае обострения российско-цинских отношений Абылай и его войска готовы были выступить на стороне России, о чем отмечал его посол Мамык Додар весной 1759 года (Казахско-русские..., 1961: 577; РГАДА. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. Д. 2. Л. 50 об.).

Опасаясь вторжения цинских войск, которые «разгромили некогда могущественных ойратов...», в указанном выше 1761 году Екатерина II дала указание начальнику войск сибирской линии генерал-поручику И. Шпрингеру заложить крепость «для воспрепятствования выхода из озера Зайсан по Иртышу неприятельским судам», и вскоре при впадении Бухтармы в Иртыш было построено небольшое Бухтарминское укрепление (РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 434. Л. 25, 27). Кроме того, Россия боялась потерять Зайсанский край, богатый рудниками и полезными ископаемыми, поэтому одновременно со строительством военных укреплений продолжала увеличивать военный контингент, предназначенный для несения пограничной службы. Например, на сибирские линии были переведено и включено в состав сибирского линейного казачества значительное число донских казаков.

Маньчжуро-китайские войска продолжали угрожать России и сожгли Бухтарминское укрепление, возобновив свои вторжения в Горный Алтай. Но в последующем, несмотря на военную

угрозу и концентрацию военных сил Цинской империи на сибирских границах, к концу 1760-х годов обстановка на границах России с Цинской империей стабилизировалась. Цинская империя отказалась от своих планов, хотя продолжала некоторое время противодействовать укреплению позиций России на южном Алтае.

Итак, гибель Джунгарского ханства и ликвидация угрозы цинско-российской войны коренным образом изменили внешнеполитическую ситуацию в казахских жузах и создали предпосылки к постепенному укреплению казахско-российских отношений, особенно с казахами Среднего жуза, наиболее удаленного от Петербурга, налаживанию с ними торгово-экономических связей.

Чтобы удержать приграничные казахские земли (правобережная сторона Иртыша), административно вошедшие в состав России еще в первой половине XVIII века, правительству необходимо было и дальше проводить административные реформы. Так, во время правления хана Абылая, в 1775 году, в Сибири были образованы 3 наместничества, делившиеся на области и уезды, а южная часть Западной Сибири выделялась в отдельную Кольванскую область, в которую и вошли крепости Иртышской военной линии. В связи с дальнейшей колонизацией казахских земель на юге Западной Сибири по указу правительства от 19 января 1782 года создавались новые уезды, в том числе Семипалатинский, Барнаульский и Бийский, в составе Кольванской области, в которые вошла часть территории Среднего жуза (ГАОО. Путеводитель..., 1984: 12-18). По новому административному делению в Сибири в конце 1796 – начале 1797 г. наместничества и уезды были упразднены, а территория упраздненного Кольванского наместничества вошла в Тобольскую губернию, однако Семипалатинский и Бийский уезды сохранились.

В 1803 году вся Сибирь была объединена в пределах единого генерал-губернаторства и учреждена должность сибирского генерал-губернатора с резиденцией в Тобольске, а 6 августа 1804 года из Тобольской губернии выделена Томская губерния, в Бийский уезд которой вошла и территория упраздненного в это же время Семипалатинского уезда с иртышскими крепостями Бухтарминской, Усть-Каменогорской, Семипалатной, Ямышевской и Железинской. В Курганский, Ишимский и Омский уезды Тобольской губернии вошли земли северных казахов по Тоболу и Ишиму (ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 17. Л. 288; ГАОО. Путеводитель..., 1984: 12-18).

Непосредственно проекты по изменению административной системы управления на территории казахских жузов начались разрабатываться в конце XVIII века. При хане Абылае Россия не решалась на какие-либо конкретные шаги по устранению ханской власти, опасаясь возможных беспорядков в степи из-за высокого авторитета хана не только в казахских жузах, но и за их пределами, в частности среди правителей Цинской империи. Но после смерти хана ситуация изменилась: хан Уали, севший на престол, не смог удержать ситуацию в своих руках, противостояние между чингизидами-торе и казахской родовой знатью обострилось, и сложившейся сложной ситуацией в казахских жузах не могла не воспользоваться Россия, которая приступила к активным действиям по непосредственному включению их территорий в состав государства.

Так, в конце XVIII века был разработан ряд проектов, направленных на полное закрепление российской власти в регионе. Например, по проекту Я. Боувера, разработанному в самом конце указанного столетия, «предусматривался целый комплекс преобразований политического и экономического характера» (История Казахстана..., 2000: 273-275). Казахам, пожелавшим принять российское подданство, отводились свободные земли на правобережной стороне Иртыша.

В указанный период царская администрация делала ставку на казахских биев и старшин, которые вместе с ханами присягали «на подданство» России, некоторые влиятельные бии получали жалованье от правительства. Например, в июле 1798 года по указу царя Павла I казахам Среднего жуза, согласившимся принять российское подданство, разрешалось переселиться на правобережную сторону Иртыша, в результате чего на указанную территорию перекочевали около 15 тыс. кибиток (Коншин, 1917: 7-9). Они обязывались платить налог, называвшийся ремонтной пошлиной, в количестве 1 % со своего скота.

Некоторые казахи сами просили сибирскую администрацию принять их в подданство в обмен на наделение их территорией для кочевания. Например, часть казахов Среднего жуза во главе с Айтходжой-муллоу просила лично царя о разрешении кочевать на правобережной стороне Иртыша между крепостями Семипалатинской и Омской, где были свободные плодородные пастбища. «Спустя три года, – отмечал И. Крафт, – киргизы Средней Орды, перекочевавшие на отведенные им земли при р. Иртыш, выражали с султаном Чанчаром Султанмаматовым во главе верноподданические чувства за спокойствие во время 3-летнего пребывания в русском подданстве. В ответ на это заявление, – отмечал он далее, – Высочайшею грамотою от 6 марта 1802 года подтверждено киргизам покровительство и на будущее время...» (Сборник узаконений..., 1898: 52-54).

Массовым перекочевкам казахов на правый берег Иртыша в поисках пастбищ способствовали также земельные споры с сибирскими казаками, начавшиеся в результате отчуждения так называемой 10-верстной полосы на левом берегу Иртыша в пользу сибирского казачьего войска, начало которому «...было положено начальником пограничных линий генералом Шпрингером...» (ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 26. Л. 1-5).

В результате частых перекочевок преданных правительству султанов и старшин, кочующих вблизи пограничных линий с подвластными им родами в российские владения, число их все более

увеличивалось. Так, в начале XIX века в округах Томской губернии проживали 32,1 тысяч казахов, в Тобольской губернии – 19,8 тыс., в Омском округе – около 10 тыс., Петропавловском – 23,6 тыс., Семипалатинском – 33,5 тыс., Усть-Каменогорском – 9,8 тыс., в 8 дистанциях Сибирской линии – 11,4 тыс. человек (Бекмаханова, 1980: табл. 12).

Источники указывают на серьезные противоречия в конце XVIII века между двумя ветвями власти казахского общества – аристократической (чингизиды-торе) и авторитарной (бии и батыры), которые в конце концов обусловили ликвидацию ханской власти в Среднем жузе. Например, в 1778 году хан Абылай пытался покинуть места своего пребывания у российской границы, но был вынужден вернуться к прежнему месту близ горы Кокшетау. Это произошло потому, что старшины Байжигит, Сейтен, Бекболат, Кенжебай с подчиненными им атыгайским, караульским, керейским, каракесекским родами не пожелали последовать за Абылаем. К уже уехавшему Абылаю был послан гонец, чтобы он возвратился, а если он этого не сделает, то должен был дать по казахскому обычаю ответ, что над оставшимися приграничными казахами не будет иметь никакой власти. Абылай такой знак не дал и был вынужден вернуться, причиной возвращения явилось то, что за ним последовало очень мало казахов (ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 166. Л. 15-16).

Предпосылкой к разработке проекта по созданию политического противовеса ханской власти в казахских жузах, интенсивно разрабатывавшегося в конце XVIII века при правлении хана Уали, вероятно, было принятие в 1794 году последним китайского подданства, что вызвало недовольство правительства, а также части казахской родовой знати. Так, в январе 1795 года от двух казахских султанов и 19 старшин с подвластными им людьми на имя царя было подано прошение «о ограждении их единственным российским правлением» (Казахско-русские..., 1964: 141-142). Документ подписали старшины родов атыгай, кыпчак, керей и уак (Казахско-русские..., 1964: 94).

Целью всех вышеназванных проектов было введение в Казахской степи новой системы управления, наиболее приближенной к общероссийской, и вхождение казахских земель Среднего и Младшего жузов в состав России, а для этого надо было упразднить ханскую власть – основу казахской государственности.

Итак, часть казахской верхушки добровольно соглашалась признать российские законы и принять подданство в обмен на предоставление им плодородных пастбищ, широких полномочий и привилегий. Чтобы приблизить к себе казахскую знать, правительство пыталось, и весьма небезуспешно, материально стимулировать наиболее влиятельных ее представителей. Так, для приема казахской родовой знати с 1764 года «указом Сената повелено отпускать в распоряжение начальника военно-пограничных линий Сибири по 1000 рублей в год» (Казахско-русские..., 1961: 568, 598; Путинцев, 1891: 52).

Острая потребность в пастбищах, несомненно, была главной причиной тесного сотрудничества родовой знати с правительством, причем ее представители нередко сами проявляли инициативу в данном вопросе. Например, в письме старшин рода аргын от 1824 года Омскому областному начальнику содержалась просьба об открытии у них окружного приказа, первоначально задуманного как Аргунский, но затем замененного на Баянаульский окружной приказ (Материалы по истории..., 1960: 152-159).

Итак, создание на территории Среднего и Младшего жузов общероссийской административной системы управления и устранение ханской власти в первой четверти XIX века привело в итоге к срастанию интересов правительства и казахской родовой верхушки, созданию единого административного аппарата и формированию административно-бюрократических отношений.

5. Заключение

Казахские жузы (Средний и Младший) были практически независимыми вплоть до ликвидации ханской власти в первой четверти XIX века, лишь формально являясь подданными России, и обладали достаточной военной силой, с которой считались и Российская, и Цинская империи. Даже один султан Абылай мог выставить достаточное количество войска в случае военной угрозы со стороны, например, Цинской империи, иначе Россия не просила бы у него военной помощи в планируемой войне с ней, последняя – против джунгар, а джунгары – против Цинской империи. Освободительная война Саржана и Кенесары Касымулы против России в течение более чем 20 лет (с перерывами) убедительно доказывает нашу мысль.

Военный союз с Джунгарским ханством, на который серьезно рассчитывали как отдельные влиятельные казахские султаны, бии и батыры, так и некоторые джунгарские правители, мог кардинально изменить внешнеполитическую ситуацию и расстановку сил в Центральной Азии, поэтому Российская и Цинская империи серьезно опасались такого развития событий и всячески препятствовали фактическому созданию такого союза.

Анализ источников позволяет говорить о том, что усиление политического влияния России на казахские жузы стало возможным во многом благодаря тесному союзу казахской родовой знати и некоторых султанов с правительством России.

Отсутствие в казахском обществе в указанный период внутреннего единства и единства взглядов относительно будущего Казахского государства, колебания казахской знати то в сторону Российской, то в сторону Цинской империй, традиционные для казахов межжузовые и межродовые

распри, а также нараставшие в конце XVIII – начале XIX веков противоречия между чингизидами-торе и родоуправителями – биями и батырами создали предпосылки к ликвидации ханской власти и привели к потере национальной независимости.

Литература

- Абдрахманова, 1998** – Абдрахманова Б. История Казахстана: Власть, система управления, территориальное устройство в XIX в. Астана, 1998. 137 с.
- Алексеев, 1965** – Алексеев Н.В. Русская крестьянская колонизация Рудного Алтая в XVIII–XIX вв. // Экономика, управление и культура Сибири XVI–XIX вв. Новосибирск, 1965. Вып. 2. С. 141–153.
- Андреев, 1998** – Андреев И.Г. Описание Средней Орды киргиз-кайсаков. Алматы, 1998. 280 с.
- Аполлова, 1948** – Аполлова Н.Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века. Алма-Ата, 1948. 256 с.
- Басин, 1971** – Басин В.Я. Россия и Казахские ханства в XVI–XVIII вв. (Казахстан в системе внешней политики Российской империи). Алма-Ата, 1971. 275 с.
- Бекмаханов, 1992** – Бекмаханов Е. Казахстан в 20–40-е годы XIX века. Алматы, 1992. 399 с.
- Бекмаханова, 1980** – Бекмаханова Н. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. Москва, 1980. 280 с.
- Броневский, 1830** – Броневский Г.М. Записки о киргиз-кайсаках Средней Орды // Отечественные записки. 1830. Ч. 42. № 121. С. 75–88.
- Букейханов, 1995** – Букейхан Алихан. Исторические судьбы Киргизского края и культурные его успехи // Избранное. Алматы, 1995. 478 с.
- Валиханов, 1968** – Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений. Алма-Ата, 1968. Т. IV. 782 с.
- Васильев, 2014** – Васильев Д.В. Россия и Казахская степь. Административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX веков. Москва, 2014. 471 с.
- ГАОО** – Государственный архив Омской области.
- ГАОО. Путеводитель..., 1984** – Государственный архив Омской области и его филиал в г. Таре. Путеводитель. Омск, 1984. Ч. 1. 26 с.
- Громыко, 1965** – Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск, 1965. 267 с.
- Гуревич, 1979** – Гуревич Б.Л. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX вв. Москва, 1979. 311 с.
- Ерофеева, 2001** – Ерофеева И.В. Символы казахской государственности. Позднее Средневековье и Новое время. Алматы, 2001.
- Историческая география..., 1981** – Историческая география России XVIII в. Москва, 1981. Ч. 2. Источники и их характеристика. Перечень уездов России 1720–1770 гг. 363 с.
- История Казахстана..., 2000** – История Казахстана с древнейших времен до наших дней: В 5 томах. Алматы, 2000. Т. 3. 766 с.
- Казахско-русские..., 1961** – Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках: (Сб. документов и материалов). Алма-Ата, 1961. 545 с.
- Казахско-русские..., 1964** – Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв. (Сб. документов и материалов). Алма-Ата, 1964. 575 с.
- Карасаев, 2019** – Карасаев Г.М. Казахско-китайские, казахско-русские отношения XVIII – начала XIX вв. в исторических архивах России // Архивы Казахстана. 2019. № 1 (49). С. 34–38.
- Касымбаев, 1996** – Касымбаев Ж.К. Казахстан – Китай: караванная торговля в XIX – начале XX вв. Алматы, 1996. 206 с.
- Кожабержен жырау, 1992** – Кожабержен жырау. Елим-ай // Уш пайгамбар. Алматы, 1992. 184 с.
- Коншин, 1917** – Коншин Н.Я. Краткий исторический очерк Семипалатинского края (до 1917 г.). Отд. оттиск из № 1 (14) «Нашего хозяйства». 36 л.
- Красовский, 1868** – Красовский М. Область сибирских киргизов // Материалы для географии и статистики в трех частях. СПб., 1868. Ч. I. 428 с. Ч. II. 464 с. Ч. III. 264 с.
- Левшин, 1996** – Левшин А.И. Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы, 1996. 655 с.
- Материалы по истории..., 1960** – Материалы по истории политического строя Казахстана. Алма-Ата, 1960. Том 1. 441 с.
- Моисеев, 1991** – Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи в XVII–XVIII вв. Алма-Ата, 1991. 237 с.
- Нурбай, 2018** – Нурбай К.Ж. Ага-султан Баянаульского округа Казангап Сатыбалдыулы би и его известные потомки / Материалы международной научной конференции «Наследие Великой степи». Павлодар, 2018. С. 80–85.
- Потанин, 1867** – Потанин Г.Н. Материалы для истории Сибири. М., 1867. 324 с.

Путинцев, 1891 – *Путинцев Н.Г.* Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска со времени водворения западносибирских казаков на занимаемой ими ныне территории. Омск, 1891. 256 с.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

Ремнев, 1995 – *Ремнев А.В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995. 289 с.

Роспись..., 1757 – Роспись губерниям, провинциям, городам, крепостям и другим достопамятным местам, в Российской империи находящимся. СПб., 1757. 304 с.

Россия, Запад..., 1996 – Россия, Запад и мусульманский Восток в колониальную эпоху. СПб., 1996. 468 с.

Сборник узаконений..., 1898 – Сборник узаконений о киргизах Степных областей / Сост.: ст. советник Тургайской области И.И. Крафт. Оренбург, 1898. 531 с.

Спаский, 1820 – *Спаский Г.И.* Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой Орды // *Сибирский вестник*. СПб, 1820. № 4. С. 18-47.

Сулейменов, Моисеев, 1988 – *Сулейменов Р.Б., Моисеев В.А.* Из истории Казахстана XVIII века. Алма-Ата, 1988. 256 с.

Татищев, 1950 – *В.Н. Татищев.* Избранные труды по географии России. М., 1950. 248 с.

Толыбеков, 1971 – *Толыбеков С.Е.* Кочевое общество казахов в XVII – начале XX веков: политико-экономический анализ. Алма-Ата, 1971. 633 с.

Тынышбаев, 1991 – *Тынышбаев М.* Великие бедствия (Ақтабан-шубырынды). История казахского народа. Алма-Ата, 1991. 148 (2) с.

Тынышбаев, 1996 – *Тынышбаев М.* История казахского народа. Алматы, 1996. 198 с.

Хафизова, 1974 – *Хафизова К.Ш.* К характеристике политики цинского Китая в отношении казахов (вторая половина XVIII в.) // Пятая научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1974. С. 34-47.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

Цинская империя..., 1989 – Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII – первая треть XIX вв. (Сб. документов и материалов). Алма-Ата, 1989. Ч. 2. 465 с.

References

Abdrakhmanova, 1998 – *Abdrakhmanova B.* (1998). Istorija Kazachstana: Vlast, sistema upravlenija, territorijalnoe ustrojstvo v XIX v. [History of Kazakhstan: Power, management system, territorial structure in the XIX century]. Astana, 137 p. [in Russian]

Alekseenko, 1965 – *Alekseenko N.V.* (1965). Russkaya krestyanskaya kolonizacija Rudnogo Altaya v XVIII–XIX vv. [Russian peasant colonization of the Ore Altai in the XVIII th - XIX th centuries]. Economics, management and culture of Siberia XVI–XIX centuries. Novosibirsk, Vol 2. Pp. 141-153. [in Russian]

Andreev, 1998 – *Andreev I.G.* (1998). Opisanie Sredney ordy kirgis-kaisakov [Description of the Middle Horde of the kirghiz-kaisakov]. Almaty, 280 p. [in Russian]

Apollova, 1948 – *Apollova N.G.* (1948). Prisoedinenie Kazachstana k Rossii v 30 gg. XVIII v. [Accession of Kazakhstan to Russia in the 30 s of the XVII th century]. Almaty, 256 p. [in Russian]

Basin, 1971 – *Basin V.Y.* (1971). Rossiya i Kazachskie chanstva v XVI–XVIII vv. [Russia and the Kazakh Khanates in the XVIth – XVIIIth centuries]. (Kazakhstan in the system of foreign policy of the Russian Empire). Almaty, 275 p. [in Russian]

Bekmakhanov, 1992 – *Bekmakhanov E.* (1992). Kazachstan v 20-40 gg. XIX v. [Kazakhstan in the 20-40 years of the XIX century]. Almaty, 399 p. [in Russian]

Bekmakhanova, 1980 – *Bekmakhanova N.* (1980). Formirovanie mnogonacionalnogo naselenija Kazachstana i severnoy Kirgizii. [Formation of the multinational population of Kazakhstan and Northern Kyrgyzstan]. Moscow, 280 p. [in Russian]

Bronevsky, 1830 – *Bronevsky G.M.* (1830). Zapiski o kirgis-kaiysakah Sredney Ordy. [Notes on the Kyrgyz Kaisaks of the Middle Horde]. *Otechestvennyye zapiski*, 1830. Part 42. Nr. 121. Pp. 75-88. [in Russian]

Bukeyhanov, 1995 – *Bukeyhan Alikhan.* (1995). Istoricheskie sudby Kirgizskogo kraja i kulturnye ego uspehi. [The historical fate of the Kyrgyz region and its cultural success]. Izbrannoe. Almaty, 478 p. [in Russian]

Collection of legalizations..., 1898 – *Zbornik uzakoneniy o kirgizah Stepnyh oblastey.* [Collection of legalizations about the Kirghiz of the Steppe regions]. Comp.: Art. Advisor to the Turgay region I.I. Kraft. Orenburg, 1898. 531 p. [in Russian]

Erofeeva, 2001 – *Erofeeva I.V.* (2001). Simvoly kazachskoi gosudarstvennosti [Symbols of Kazakh statehood]. Pozdnee Srednevekov'e i novoe vremya. Almaty. [in Russian]

GAOO – Gosudarstvennyi archiv Omskoi oblasti [State archive of the Omsk region].

GAOO. Guide..., 1984 – Gosudarstvennyi archiv Omskoi oblasti i ego filial v g. Tare. Putewoditel. [State archive of the Omsk Region and its branch in the city of Tara. Guide]. Omsk, 1984. Part 1. 26 p. [in Russian]

- Gromyko, 1965** – *Gromyko M.M.* (1965). Zapadnaya Sibir v XVIII v. [Western Siberia in the XVIIIth century]. Russkoe naselenie i zemledel'cheskoe osvoenie. Novosibirsk, 267 p. [in Russian]
- Gurevich, 1979** – *Gurevich B.P.* (1979). Mezhdunarodnye otnocheniya v Zentralnoy Asii v XVII – 1 polovine XIX vv. [International relations in Central Asia in the XVII-first half of the XIX centuries]. Moscow, 311 p. [in Russian]
- Hafizova, 1974** – *Hafizova K. Sh.* (1974). K karakteristike politiki zinskogo Kitaya v otnozhenii kazahov (2 polovina XVIII v.). [On the characterization of the policy of Qing China in relation to the Kazakhs (second half of the XVIIIth century)]. Pyataya nauchnaya konferentsiya «Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae». Moscow. Pp. 34-47. [in Russian]
- Historical geography..., 1981** – Istoricheskaya geografiya Rossii XVIII v. [Historical geography of Russia of the XVIII th century]. Moscow, 1981. Part 2. Sources and their characteristics. The list of counties of Russia 1720-1770 years. 363 p. [in Russian]
- Karasayev, 2019** – *Karasayev G.M.* (2019). Kazakhsko-kitayskie, kazakhsko-rossiyskie otnozheniya XVIII – nachala XIX vv. v istoricheskikh archivah Rossii. [Kazakh-Chinese, Kazakh-Russian relations XVIII – beginning of XIX centuries in the historical archives of Russia]. *Archives of Kazakhstan*. Nr. 1 (49). Pp. 34-38. [in Russian]
- Kasymbaev, 1996** – *Kasymbaev J.K.* (1996). Kazakhstan-Kitai: karawannaya trgovlya v XIX – nachale XX vv. [Kazakhstan - China: Caravan Trade in the XIX th – Early XX th Centuries]. Almaty, 206 p. [in Russian]
- Kazakh-Russian..., 1961** – Kazakhsko-russkie otnozheniya v XVI-XVIII vv.: (Sb. dokumentov i materialov). [Kazakh-Russian relations in the XVI-XVIII centuries: (Collection of documents and materials)]. Alma-Ata, 1961. 545 p. [in Russian]
- Kazakh-Russian..., 1964** – Kazakhsko-russkie otnozheniya v XVIII-XIX vv.: (Sb. dokumentov i materialov). [Kazakh-Russian relations in the XVIII-XIX centuries. (Collection of documents and materials)]. Alma-Ata, 1964. 575 p. [in Russian]
- Konshin, 1917** – *Konshin N. Ya.* (1917). Kratkiy istoricheskiy ocherk Semipalatinskogo kraja (do 1917). [Brief historical outline of the Semipalatinsk Territory (until 1917)]. Sep. a print from. Nr. 1 (14) of «Our economy». 36 l. [in Russian].
- Krasovsky, 1868** – *Krasovsky M.* (1868). Oblast' sibirskih kirgizov. [Region of the Siberian Kyrgyz] // Materials for geography and statistics in three parts. St. Petersburg. Part I. 428 p. Part II. 464 p. Part III. 264 p. [in Russian]
- Levshin, 1996** – *Levshin A.I.* (1996). Opisanie kirgis-kazachyih ili kirgis-kaisazkih ord i stepey. [Description of the Kyrgyz-Cossack, or Kyrgyz-Kaisat hordes and steppes]. Almaty, 655 p. [in Russian]
- Materials on the history..., 1960** – Materialy po istorii politicgeskogo stroya Kazakhstana [Materials on the history of the political system of Kazakhstan]. Alma-Ata, 1960. Volume 1. 441 p. [in Russian]
- Moiseev, 1991** – *Moiseev V.A.* (1991). Dzhungarskoe hanstvo i kazahy v XVII-XVIII vv. [The Dzungarian Khanate and Kazakhs in the XVII th – XVIII th centuries]. Alma-Ata, 237 p. [in Russian]
- Nurbay, 2018** – *Nurbay K.Zh.* (2018). Aga-sultan Bayanaul'skogo okruga Kazangap Satybaldyuly bi i ego izvestnye potomki [The Aga-Sultan of the Bayanaul District, Kazangap Satybaldyuly bi and his famous descendants]. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Nasledie Velikoi stepi»*. Pavlodar, P. 80-85. [in Russian]
- Painting..., 1757** – Rospis' guberniyam, provinziyam, gorodam I drugim dostopamyatnym mestam v Rossiyskoy imperii nahodyachimsya [Painting to provinces, provinces, cities, fortresses and other memorable places in the Russian Empire located]. St.-Petersburg, 1757. 304 p. [in Russian]
- Potanin, 1867** – *Potanin G.N.* (1867). Materialy dlya istorii Sibiri [Materials for the history of Siberia]. Moscow, 324 p. [in Russian].
- Putintsev, 1891** – *Putintsev N.G.* (1891). Hronologicheskiy perechen' sobytii is istorii Sibirskogo kazachego voyska so vremeni wodworeniya zapadno-sibirskih kazakov na zanimaemoy imi nyne territorii [Chronological list of events from the history of the Siberian Cossack army since the deployment of the West Siberian Cossacks in the territory they currently occupy]. Omsk, 256 p. [in Russian]
- Qing Empire, 1989** – Zinskaya imperiya I Kazakhskie hansva. 2 polovina XVIII – 1 tret' XIX vv. [Qing Empire and Kazakh Khanates. The second half of the XVIII-the first third of the XIX centuries] (Sat documents and materials). Alma-Ata, 1989. Part 2. 465 p. [in Russian]
- Remnev, 1995** – *Remnev A.V.* (1995). Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaya politika v 1 polovine XIX v. [Autocracy and Siberia. Administrative policy in the first half of the XIX century]. Omsk, 289 p. [in Russian]
- RGADA** – Rossiyskiy gosudarstvennyi archive drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. [in Russian]
- Russia, the West..., 1996** – Rossiya, Zapad i musulmanskiy Wostok v kolonialnyu epohu [Russia, the West and the Muslim East in the colonial era]. St.-Petersburg, 1996. 468 p. [in Russian]
- Spassky, 1820** – *Spassky G.I.* (1820). Kirgis-kaysaki Bol'choy, Sredney i Maloy Ordy. [Kirghiz-kaisaki of the Big, Middle and Small Horde]. *Siberian Bulletin*. St.-Petersburg, Nr. 4. P. 18-47. [in Russian]

- Suleimenov, Moiseev, 1988** – *Suleimenov R.B., Moiseev V.A.* (1988). Iz istorii Kazakhstana XVIII v. [From the history of Kazakhstan of the XVIII century]. Alma-Ata, 256 p. [in Russian]
- Tatishchev, 1950** – *Tatishchev V.N.* (1950). Izbrannye trudy po geografii Rossii. [Selected Works on the Geography of Russia]. Comment. A.I. Andreeva. Moscow, 248 p. [in Russian]
- The history of Kazakhstan..., 2000** – Istoriya Kazakhstana s drevneyzhyh wremen do nazhyh dnei: v pyati tomah. [The history of Kazakhstan from ancient times to the present day: in 5 volumes]. Almaty, 2000. V. 3. 766 p. [in Russian]
- Tolybekov, 1971** – *Tolybekov S.E.* (1971). Kochevoe obchestvo kazahov v XVII – nachale XX veka: politico-ekonomicheskii analiz [Nomadic society of Kazakhs in the XVII century - the beginning of the XX century: political and economic analysis]. Alma-Ata, 633 p. [in Russian]
- TsGA RK** – Zentral'ny gosudarstvennyi archiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. [in Russian]
- Tynyshbaev, 1991** – *Tynyshbaev M.* (1991). Welikiye bedstviya (Aktaban shubyryndy). [The Great Disasters (Aktaban-shubyryndy)]. History of the Kazakh people. Alma-Ata, 1991. 148 (2) p. [in Russian]
- Tynyshbaev, 1996** – *Tynyshbaev M.* (1996). Istoriya kazakhskogo naroda [History of the Kazakh people]. Almaty, 198 p. [in Russian]
- Valikhanov, 1968** – *Valikhanov Ch.C.* (1968). Sobranie sochineniy [Collected works in five volumes]. Alma-Ata, T. IV. 782 p. [in Russian]
- Vasiliev, 2014** – *Vasiliev D.V.* (2014). Rossiya i kazakhskaya step. Administrativnaya politika i status okrainy. [Russia and the Kazakh steppe. Administrative policy and status of the outskirts]. XVIII – the first half of the XIX century. Moscow, 471 p. [in Russian]
- Kozhabergen zhyrau..., 1992** – Kozhabergen zhyrau. Elim-au. [Kozhabergen zhyrau. Elim-ay]. Three Paygambar. Almaty, 1992. 184 p. [in Russian]

Средний жуз в период XVIII – начала XIX веков: политический аспект проблемы

Кайырболат Ж. Нурбай^{a, *}, Гульмира Ж. Жуман^a

^a Казахский агротехнический университет им. Сакена Сейфуллина, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматриваются особенности казахско-российских, казахско-джунгарских и казахско-цинских отношений на примере Среднего жуза и их влияние на расстановку политических сил в казахском обществе и регионе Центральной Азии в целом. Казахско-русские отношения рассматриваются как на уровне чингизидов-торе, так и на уровне казахской родовой знати, что позволило показать суть коренных изменений внутри казахского общества, в сознании и психологии социальных групп. Их последствиями стали социальное расслоение казахского общества и укрепление казахско-российских отношений после падения Джунгарского ханства.

На основе анализа архивных источников авторы приходят к выводу, что скрупулезное и комплексное исследование региональных особенностей казахско-российских, казахско-джунгарских и казахско-цинских отношений в условиях постоянно меняющихся политических процессов в регионе позволит по-новому взглянуть на формирование межгосударственных отношений Казахстана и России, Казахстана и Китая и установление добрососедских партнерских отношений во избежание в будущем возможных политических рисков.

Ключевые слова: Средний и Младший жузы, Абылай, социальные противоречия в казахском обществе, казахско-российские отношения, казахско-джунгарские отношения, казахско-цинские отношения.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kairbolat.nj@gmail.com (К.Ж. Нурбай)

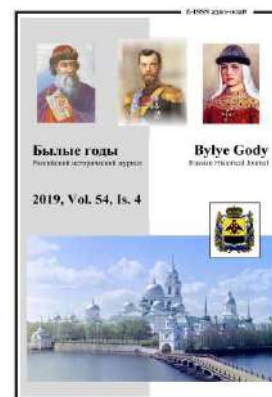
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1490-1505. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1490
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Officialdom of the Russian Empire: A Modern Historiography of the Issue. Part I

Andrii E. Lebid ^{a,*}, Natal'ya A. Shevchenko ^{b,c}, Oleg E. Chuikov ^d, Vladimir A. Svechnikov ^e

^a Sumy State University, Sumy, Ukraine

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^d Kursk State University, Russian Federation

^e Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

Abstract

The study analyzes the modern historiography of the history of the bureaucracy of the Russian Empire. The article is based on research work formed the modern scientists of Belarus, Kazakhstan, Poland, Russia, Ukraine – representatives of the States that are XVIII–XIX centuries is completely or partially included in the Russian Empire. The subject of research of these scientists was government policy in the field of the state apparatus and the organization of the service of officials. Particular attention is paid to the works devoted to the formation and various aspects of the development of the bureaucratic apparatus in the national regions of the Russian Empire.

The authors noted the unevenness in the study of the subject field of the history of bureaucracy. On the one hand, there is a sufficiently large block of scientific papers that cover general theoretical issues of the formation and functioning of the bureaucracy of the Russian Empire. At the same time, insufficient research attention was paid to the study of the regional specifics of the functioning of the bureaucracy.

Keywords: officials, officialdom, bureaucracy, administrative apparatus, Russian Empire, national regions, historiography.

1. Введение

Большое количество тематических направлений, имеющих высокую популярность среди ученых в связи со сложностью предмета изучения, высокой общественной, политической, экономической и т.п. значимостью проблематики, подчеркивает актуальность так называемых историографических исследований.

Систематизация тематических наработок чрезвычайно важна, в частности для исторической науки. Историографические исследования позволяют изучить состояние и развитие конкретных исторических проблем, одной из которых является история чиновничества Российской империи. Данная тематика многоаспектна, и различные ее составляющие не в одинаковой степени нашли освещение в научной литературе. Например, центральный аппарат власти и высшая провинциальная бюрократия (в лице губернаторов, вице-губернаторов) чаще становились центром исследовательского интереса и изучены более или менее обстоятельно. При этом значительно меньше внимания уделяется национальной специфике формирования и функционирования бюрократического аппарата в многонациональной Российской империи.

* Corresponding author

E-mail addresses: schwarzschwandenreich@gmail.com (A.E. Lebid),
incfar.shevchenko@gmail.com (N.A. Shevchenko), chuikov-ru@mail.ru (O.E. Chuikov),
Svechnikov.VA@rea.ru (V.A. Svechnikov)

2. Материалы и методы

Предлагаемая работа имеет историографический характер, поэтому в основу нашего исследования легли наработки ученых, изучавших историю чиновничества и государственного аппарата Российской империи. Сделан обзор современной научной литературы по указанной проблематике. Она представлена монографическими работами, диссертациями и их авторефератами, статьями из научных журналов и сборников. «География» исследования очерчена современными государствами и территориями, которые в свое время входили в состав Российской империи: Беларусь, Грузия, Молдова, Польша, Россия, Украина, страны Балтии и другие.

Во время работы над данным исследованием нами были использованы различные принципы и методы. Прежде всего, это принципы историзма, объективности, системности, антропологизма и др. Принцип историзма заставляет учитывать конкретно-исторические обстоятельства соответствующей эпохи, взаимосвязь событий, понимание причин, времени и места событий. Принцип объективности позволил опираться на конкретно-исторический фактологический материал, критически подойти к изучаемому историографическому материалу. Принцип системности дал возможность достичь целостности исследования. Принцип исторического антропологизма стал одним из ключевых, так как центральным ориентиром анализируемых работ является человек, объединение людей по определенным профессиональным признакам. Принцип комплексности проявился в использовании различной научной литературы, относящейся непосредственно к теме исследования, позволил использовать достижения смежных наук, что дало возможность полнее взглянуть на проблемы, поставленные в работе.

3. Обсуждение

В последнее время существенно возросло количество исследований, посвященных российской бюрократии XVIII – начала XX вв. Сам массив этих работ требует определенной систематизации и анализа. И попытки проанализировать историографию истории чиновничества уже предпринимаются современными учеными (Курочкина, 2011; Оспанова, 2015; Degtyarev, 2014). Следует отметить, что значительный массив работ посвящен правовым основам деятельности бюрократического аппарата Российской империи. А среди трудов общетеоретического характера, посвященных истории становления и развития чиновничества в Российской империи, многие научные исследования несут междисциплинарный характер и включают, в частности, историко-правовой, историко-психологический, историко-социологический и другие аспекты.

В современной историографии чиновничества Российской империи можно выделить несколько блоков, по которым возможно дифференцировать весь комплекс научных работ.

1. Правительственная политика в области государственного аппарата и организации службы чиновников.
2. Исследования, посвященные бюрократии XVIII–XIX вв. в национальных регионах империи.
3. Изучение служебной и внеслужебной повседневности чиновничества.
4. Негативные явления (злоупотребления, взяточничество и т.п.) и система мотиваций в чиновничьей среде. Проблема законодательного регулирования и правового механизма наказаний и поощрений государственных служащих.

Таким образом, можем констатировать тот факт, что комплекс работ по истории российской бюрократии XVIII–XIX вв. охватывает довольно широкий спектр вопросов, всесторонне освещающих характер эволюции и функционирования бюрократического аппарата империи, особенности служебной и внеслужебной повседневности чиновничества, уровень образования и компетентности, психологический портрет среднестатистического чиновника империи, его этический кодекс, нравы, обычаи, стереотипы и многие другие вопросы.

4. Результаты

Обратим внимание на исследования, посвященные правительственной политике в области государственного аппарата и организации службы чиновников в Российской империи в целом. В этой части работы отметим прежде всего труды А.В. Оболонского (Оболонский, 1997), Л.Е. Шепелева (Шепелев, 1999), И.Г. Мельниковой (Мельникова, 2010), С.И. Дегтярева, Л.Г. Поляковой (Дегтярев, 2016; Degtyarev, 2012; Degtyarev, 2013a; Degtyarev, 2015a; Degtyarev et al., 2018; Degtyarev, Polyakova, 2019), Л.М. Лысенко (Лысенко, 2001), В.А. Козлобаева (Козлобаев, 2005; Козлобаев, 2006) и др.

Эти ученые исследовали вопросы, связанные со становлением и развитием как бюрократической системы Российской империи в целом, так и отдельных ее составляющих – различных ведомств, института губернаторства, служащих государственных учреждений различного уровня (губернского, уездного, городского и т.д.). Изучался правовой статус чиновников в различные периоды, их социокультурный уровень.

В частности, на вопросы, связанные с изменениями в российской государственной бюрократии и адаптацией ее к новым историческим условиям, обратил внимание А.В. Оболонский. Он сделал попытку определить принципиальные черты российского чиновничества, проследить его эволюцию.

Как интегрирующий аспект истории российского чиновничества им была определена «Табель о рангах» (Оболонский, 1997).

Проблеме административно-судебной и правовой реформы Екатерины Великой посвящено исследование Т.Л. Мигуновой, в котором она анализирует законодательно-политические идеи и их последствия в реформаторской деятельности Петра I, влияние, которое оказали идеи европейского Просвещения на русское имперское общество в контексте реформирования системы государственного управления, рассмотрены причины и предпосылки губернской реформы 1775 г. Проанализированы преобразования административно-судебной системы по «Учреждениям о губерниях» 1775 г. Особое внимание в работе уделено изучению Наказов и итогов наказной кампании императрицы Екатерины II (Мигунова, 2008). Отдельно следует отметить исследование автором особенностей местного государственного управления в системе общероссийского управления: административно-полицейских функций местной власти, финансово-хозяйственных полномочий губернских органов власти, особенности реализации судопроизводства на местах.

Ю.В. Тот, рассматривая политику реорганизации системы местного управления, проводимую императорами Павлом I и Александром I, приходит к выводу о том, что проводимая ими политика в этом вопросе имела тождественный характер, а именно в вопросах целей реформы, «постепенном ограничении влияния дворянства на институты местного управления, реорганизации местного управления в контексте общей централизации управления» (Тот, 2013: 41).

Правовые основания формирования и функционирования корпуса гражданских чиновников исследовались М.В. Бармаком (Бармак, 2006). В частности, им рассмотрены аспекты, влиявшие на карьерный рост чиновников Российской империи. Детально изучены порядок предоставления чинов и назначения на должности гражданской службы, квалификационные требования, предъявляемые к чиновникам.

Изучая правовые основания формирования бюрократии времен царствования от Петра I до Николая I, Л.Ф. Писарькова выявляет не только основные направления политики правительства в этой сфере, преемственность и способы ее реализации, но и эффективность правительственных законодательных инициатив в вопросе построения бюрократического аппарата (Писарькова, 1996). Ею, в частности, отмечается, что направленная на создание дворянской бюрократии система организации гражданской службы на практике оказалась малоэффективной, а слабые ее стороны проявились при преемниках Петра I в расцветшей коррупции и профессиональной некомпетентности. Как следствие, было принято решение о расширении социальной базы комплектования гражданских служащих. На протяжении исследуемого периода сословно-социальная ориентация политики, правительства в вопросе формирования бюрократии (по крайней мере – низшего ее звена) неоднократно менялась (Писарькова, 1996).

Правовой статус государственных служащих Российской империи изучала и Т.И. Метушевская, обратившая внимание также на становление бюрократического аппарата, его развитие, изменения в наборе прав и обязанностей чиновников (Метушевская, 2007). И.В. Черепановой был проведен всесторонний анализ государственной службы Российской империи. Исследованы структура, роды и виды государственной службы, ее юридическая природа. Автором были выделены признаки публичного представительства, а также правовые аспекты регулирования государственной службы в Российской империи (Черепанова, 2001).

Ряд ученых исследовал процесс возникновения и эволюции института губернаторства, его место и роль в системе власти Российского государства (Бикташева, 2007; Бикташева, 2012; Волков, 2016; Лысенко, 2001; Ляхов, Сухоруков, 2004; Козлобаев, 2005; Козлобаев, 2006; Семенова, 2015). Например, Л.М. Лысенко значительное внимание уделяет процессу инкорпорации в состав Российской империи окраинных и новых территорий при помощи института генерал-губернаторства. Собранный автором банк данных губернаторов позволяет качественно и количественно охарактеризовать губернаторский корпус Российской империи в период с XVIII до начала XX вв. (Лысенко, 2001). В.А. Козлобаев в своих научных трудах исследует правовые основы деятельности губернаторского корпуса Российской империи 60–70 годов XIX в. В частности, он отмечает, что с созданием учреждений земского и городского самоуправления из ведения губернаторов были изъяты некоторые хозяйственные функции, но при этом расширены полномочия в области надзора. По мнению ученого, разграничение функций губернатора, органов самоуправления и судебных учреждений способствовало рационализации местного управления, позволяло губернаторам сосредоточиться на вопросах их непосредственного ведения (Козлобаев, 2005; Козлобаев, 2006).

Проблемы местного самоуправления изучала О.В. Морякова, которая на примере 15 губерний европейской части Российской империи исследовала особенности функционирования системы губернских учреждений и положение местного чиновничества, в частности ведомств МВД, Минфина и Министерства юстиции (Морякова, 1998). Автор отмечает, что политика невмешательства правительства в дела местных органов власти способствовала распространению негативных явлений на местах, в том числе и в вопросах злоупотребления властью (Морякова, 1998: 131-132). Проведенное исследование показывает, что именно на уровне местных органов власти наиболее заметны были проявления беззакония, произвола, казнокрадства, взяточничества. При этом лидерами во всех этих

нарушениях были МВД и Министерство юстиции. Как отмечается, что, хотя методы управления в центре и на местах были едиными, на уровне губерний негативные черты бюрократической системы проявились наиболее ярко.

И.Г. Мельникова исследует эволюцию органов губернского управления в контексте контрреформ Александра I и переподчинение губернских учреждений воссозданному МВД (Мельникова, 2010). Автор не только рассматривает вопросы административно-территориального деления, структуры правительственных учреждений на примере губерний Верхнего Поволжья, но и изучает состав, условия службы, бытовые и служебные взаимоотношения, материальное и семейное положение чиновников. Тенденции, выявленные И.Г. Мельниковой в процессе исследования чиновничества верхневолжских губерний, в целом типичны для местных администраций центральной части Российской империи. Проведенное автором исследование доказывает важность чиновничьего аппарата в социальной структуре общества, оказывая воздействие на развитие регионов страны.

Изучая историю государственной службы, авторский коллектив под руководством Т.Г. Архиповой исследует особенности государственной службы и специфику ее организации в гражданских ведомствах (Архипова, Румянцева, Сенин, 1999). Отмечается необходимость повышения уровня образованности чиновников: для достигших VIII и V классов «Табели о рангах» были введены экзамены. Проблеме социального происхождения государственных служащих Российской империи, а также значению чинов по «Табели о рангах» посвятил свои работы С.И. Дегтярев (Degtyarev, 2013a; Degtyarev, 2015a). Этого и ряда других вопросов касался в своих трудах Л.Е. Шепелев. В частности, он уделил внимание изучению внешнего оформления государственной службы, проследил эволюцию неотъемлемых ее атрибутов: званий, чинов, мундиров, орденов (Шепелев, 1999).

Достаточно крупный массив исследований посвящен чиновничеству отдельных государственных ведомств – народного образования, финансового, полицейского, судебного и др.

О чиновниках судебной сферы писали Н.Н. Ефремова (Ефремова, 1996), В.А. Томсинов (Томсинов, 2016), С.И. Дегтярев, Л.Г. Полякова, Л.Л. Баланюк (Degtyarev, Polyakova, 2019; Degtyarev et al., 2019), В.С. Балух (Балух, 2002) и др. Служащие этого ведомства становились предметом непосредственного научного интереса указанных ученых, а также изучались в контексте исследования особенностей судостроительства Российской империи, изменений в судебной системе в связи с проводимыми правительственными мероприятиями по реорганизации системы государственного управления в целом. Например, В.А. Томсинов затронул некоторые вопросы, связанные со службой чиновников судебных органов нижней инстанции (земских и уездных судов; судов первой степени для городских обывателей гражданского ведомства, не подлежащих юрисдикции уездных судов; сельских и волостных расправ); судебных органов средней инстанции (палат гражданского и уголовного суда; совестных судов) (Томсинов, 2016). В.С. Балух, анализируя основные этапы развития торгового судопроизводства, нормативные акты, которые легли в основу коммерческого судопроизводства Российской империи, уделил внимание и служащим коммерческих судов (Балух, 2002). В контексте изучения истории становления и развития коммерческого судопроизводства в XIX в. чиновникам этих институций уделил внимание и И.В. Архипов (Архипов, 1999).

Круг полномочий и особенности исполнения служебных обязанностей служащими сиротских судов рассматривали С.И. Дегтярев, Л.Г. Полякова, О.О. Малышев, О.Е. Думенко (Degtyarev, Polyakova, 2019; Думенко, 2010b; Малышев, 2012).

В силу огромного количества вопросов, отнесенных к компетенции органов внутренних дел, а также особенностей функций, выполняемых служащими этого ведомства, проблема организации и функционирования полицейских органов и их чиновников является одной из наиболее популярных среди ученых, изучающих те или иные аспекты истории бюрократического аппарата Российской империи. Ряд исследований освещает эволюцию развития правоохранительной системы, полицейских структур, начиная с XVIII в. В этом контексте изучался и персональный состав полиции (Ахмедов, 2008). Так, А.В. Горожанин рассмотрел историю формирования российской полиции в аспекте изучения идеи развития полицейского государства и его влияния на становление государственности России (Горожанин, 2004). Работы Ю.В. Тота посвящены вопросам развития уездной полиции, в частности правительственной политике Российской империи в отношении этого звена правоохранительных органов, проводимой в XIX в. (Тот, 2003). Б.Д. Исеев исследовал особенности деятельности полицейских чиновников касательно профилактики и раскрытия преступлений в XVIII–XIX вв. (Исеев, 2004).

В работе А.Д. Тимошевской раскрыты особенности организации и функционирования полицейских органов в ряде национальных регионов империи. Проанализированы структура и направления деятельности полиции в этих регионах, рассмотрены социально-экономические и политические факторы, обусловившие специфику государственного управления в национальных регионах империи: прибалтийских губерниях, Великом княжестве Финляндском, Царстве Польском, на Кавказе, в Туркестанском генерал-губернаторстве (Тимошевская, 1998).

Недостаточное внимание исследователями уделяется вопросам профессиональной подготовки чиновников Российской империи XVIII–XIX вв. в целом или служащих конкретных ведомств.

Фактически предприняты лишь отдельные попытки таких исследований (Дудырев, 2003; Закалужна, 2009). Безусловно, основной причиной нехватки научных работ по этой проблематике является тот факт, что образование XVIII–XIX вв. носило по большей части общий характер и не было ориентировано на формирование конкретных профессиональных умений и навыков (в данном случае мы имеем в виду подготовку кадров для службы в гражданских государственных учреждениях).

Практически столь же уникальными являются работы, посвященные служащим ведомства народного образования. Хотя и существует ряд исследований в этом направлении, они недостаточно освещают историю развития этого звена российской имперской бюрократии, правовой статус и особенности выполнения служебных функций чиновниками низших, средних и высших учебных заведений, их социальный состав и образовательный уровень (Сердюцкая, 2008; Слотин, 2010; Фирсова, 2007).

* * *

Следует выделить в отдельный блок научные исследования, посвященные различным аспектам развития бюрократического аппарата в национальных регионах Российской империи в течение XVIII–XIX вв.

Хотя львиная доля работ, касающихся истории чиновничества Российской империи в целом, принадлежит российским исследователям, именно это направление разрабатывалось по большей части учеными из тех государств и территорий, которые в свое время входили в состав Российской империи. В момент инкорпорации этих земель в состав империи там предпринимались попытки внедрения общероссийской системы управления, приспособления ее к национальным реалиям, сложившимся в этих регионах исторически. Одномоментно воплотить это в жизнь было невозможно, поэтому российское правительство было вынуждено иногда адаптировать нормативную базу, регулирующую деятельность бюрократического аппарата, к национальным особенностям инкорпорированных регионов, в том числе расширять социальную основу государственных служащих. Соответствующая нормативная база практически в полном объеме доступна для всех исследователей благодаря Полному собранию законов Российской империи. Но основными источниками для изучения всего процесса реализации планов касательно преобразований в области управленческого аппарата в национальных регионах Российской империи, безусловно, являются материалы архивных учреждений тех государств, территории которых или их части в XVIII–XIX вв. входили в состав империи (к их числу следует добавить также Российский государственный исторический архив). Возможно, этот факт и есть причиной того, что изучением обозначенной выше проблемы, за редкими исключениями, в большей степени занимаются именно ученые Украины, Беларуси, Казахстана, Грузии, Молдовы, Польши и т.д.

XVIII – начало XIX вв. в Российской империи знаменуются расширением дворянства на многонациональной основе. Увеличение количества российского дворянства за счет представителей элит других национальностей не происходило по строго определенной формуле. Частично это можно объяснить неодинаковым удельным весом привилегированных членов общества в разных национальных регионах (например, он был очень высок на левобережных украинских землях и бывших территориях Речи Посполитой). Российское правительство отказывалось предоставлять дворянские права мелкой польской шляхте (земьянам), представителям низшей украинской казацкой старшины и т.д. Но, чтобы избежать проявлений социальных неудовольствий в инкорпорированных регионах, низшим слоям региональных элит давалась возможность получить права российского дворянства через службу военную и гражданскую.

Таким образом, во многих работах, посвященных вливанию национальных элит в состав российского дворянства, авторы часто затрагивают и вопросы, связанные с преобразованием бюрократического аппарата в национальных регионах империи и местом в этом процессе указанных элит.

Целый ряд исследований в обозначенном контексте касается элит некоторых центральных и восточных территорий Российской империи, в том числе дальневосточных (Поповичева, 2003; Сигов, 2001). В частности, А.Н. Демидов посвятил свою работу мордовским князьям и мурзам (Демидов, 2016). Он указывает, что петровские реформы болезненно сказались на татарских служилых сословиях, когда те были низведены до уровня податного населения и лишены всех своих привилегий. Сначала представители татарской знати могли рассчитывать на признание их аристократического происхождения лишь при условии принятия ими христианства. Лишь в 1784 г. татарским князьям и мурзам было разрешено пользоваться всеми привилегиями российского дворянства. Татарским элитам посвятили свои работы И.Р. Габдуллин (Габдуллин, 2010), С. Еникеев (Еникеев, 1999), Р.В. Кадыров (Кадыров, 2010) и др. Так, С. Еникеев в своих работах исследовал проблемы формирования центров расселения служилых татар в Мещере, деятельность татарской знати в связи с исполнением ею служебных обязанностей (Еникеев, 1999). И.Р. Габдуллин проанализировал качественные и количественные характеристики служилых татарских элит. К особой их подгруппе были отнесены дворяне, осевшие в свое время на землях Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, оказавшиеся наиболее европеизированной частью мусульманского населения (Габдуллин, 2010: 83-289).

Не менее важным аспектом российской истории была интеграция в состав империи территорий Кавказа, Казахстана, сопровождавшаяся глубинными трансформациями привычного уклада жизни местного населения: речь идет о проведении в этих регионах административных, судебных и других реформ. Утверждение здесь бюрократической системы имперского образца также имело свою специфику (Дегтярев, 2016; Султангалиева, 2009; Султангалиева, 2015; Degtyarev, 2016; Sultangalieva, Dalayeva, Malikov, 2017). На казахских землях в контексте этих преобразований, по словам Г.С. Султангалиевой, «социальные институты хана, султанов, биев, старшин оказались в сфере интересов российской администрации» (Султангалиева, 2009: 77). Центральное правительство было заинтересовано в привлечении казахской элиты на службу, получая лояльность и каналы воздействия на местное население. Механизм реализации поставленной цели был идентичен общероссийскому: ранжирование кочевого казахского общества согласно положениям «Табели о рангах» с последующим получением чина, карьерного роста, привилегий и льгот. Как отмечает исследователь, процесс кооптации нельзя охарактеризовать как однозначный: казахское общество представляло собой довольно пеструю структуру с точки зрения и этнических, и религиозных, и социальных отличий. Именно они использовались российским правительством в интеграционном процессе, играя на противоречиях и честолюбии представителей различных групп местного влияния. В свою очередь, казахская знать подыгрывала в этом вопросе, пытаясь сохранить власть и влияние, но уже под эгидой российской администрации. Как правило, местная знать пребывала на чиновничьей службе в роли канцелярских или исполнительных служащих среднего и низшего звена (Султангалиева, 2009: 98).

Вопросы интеграции элит Бессарабии, Крыма и территорий, ныне относящихся к югу Украины, в социальную и бюрократическую систему Российской империи изучали С.И. Дегтярев (Дегтярев, 2014; Дегтярев, 2016; Degtyarev, 2015b), Л.Ф. Циганенко (Циганенко, 2009; Циганенко, 2011). В частности, на бессарабских землях местным элитам предоставлялись широкие социальные права, создавались временные органы власти и управления, которые функционировали с учетом региональной специфики. С.И. Дегтярев указал на стремительный характер процесса инкорпорации Бессарабии и унификации ее бюрократического аппарата, прошедшего в своем развитии несколько этапов: подготовительный (с момента присоединения региона), период «псевдоавтономии» (1818–1828 гг.), период полной ликвидации региональных и национальных особенностей в управленческих практиках Бессарабии (Дегтярев, 2014: 91, 96–97). Автор отмечает, что на 1815 г. численность чиновничьего аппарата Бессарабии была относительно невелика – 60 человек, представленных изначально русскими по происхождению. Ситуация кардинально изменилась после создания в 1818 г. Верховного совета Бессарабской области, что стимулировало не только рост общего числа чиновников, но и удельного веса молдаван среди них. На 1825 г. число чиновников областного уровня составляло 78 человек, а уездного – 180. При этом ключевые должности занимали все-таки российские чиновники и, что примечательно, полицейские функции также были положены на представителей не местного происхождения. Этот факт С.И. Дегтярев объясняет желанием более полного контроля над новым регионом со стороны центрального правительства (Дегтярев, 2014: 93–95).

Значительно большим количеством научных работ представлены исследования, посвященные формированию российского имперского бюрократического аппарата, его преобразованиям, особенностям функционирования на белорусских и польских землях, вошедших в состав Российской империи после разделов Речи Посполитой. Так, белорусской тематике посвящены работы А.А. Киселева (Киселев, 2007), А.П. Жытко (Жытко, 2003), С.М. Токця (Токць, 1997), С.И. Бусько (Бусько, 2010), А.Д. Кузьмина (Кузьмин, 2017), С.Л. Лугавцовой (Лугавцова, 1997) и др. Эти ученые в большей или меньшей мере касались проблемы бюрократии на белорусских землях. Например, А.А. Киселев рассматривает создание на территории земель Белоруссии, отошедших к Российской империи после трех разделов Польши, органов управления и системы контроля (Киселев, 2007). Опираясь на мемуары и формуляры белорусских чиновников, большинство из которых принадлежало к потомственным дворянам, автор проанализировал их социальный состав, имущественное положение, возрастные и гендерные характеристики. Ученый фиксирует достаточно высокую степень оппозиции пропольски настроенной белорусской аристократии, что не могло не сказаться на особенностях политики, проводимой в регионе с сохранением выборности должностей для местной элиты. Стремясь укрепить свои позиции в западной Белоруссии, позднее всех вошедшей в состав империи, центральная власть прибегает к практике принуждения местного дворянства строить карьеру чиновника в центральных областях Белоруссии, тем самым интегрируя его в общеимперскую систему. Исследование С.М. Токця посвящено изучению структуры бюрократического аппарата и кадровому составу местных управленческих структур на белорусских землях в период 1830–1860 годов (Токць, 1997).

Польскому направлению в контексте указанной проблематики также посвящено достаточно большое количество исследований. Работы З. Наворского (Naworski, 2010), А. Кулецкой (Kulecka, 2010) касаются государственных служащих Королевства Польского первой половины XIX в., в частности их правового статуса, социокультурного уровня и т.п. М. Новак изучал особенности карьеры представителей низших слоев польской элиты (мелкой шляхты) на примерах конкретных

деятели конца XVIII – первой половины XIX вв. (Nowak, 2010). Представителям высшей бюрократии на землях бывшей Речи Посполитой, интегрированных в состав Российской империи, посвятили свои исследования Л. Химяк (Chimiak, 1999), Я. Козловский (Kozłowski, 1996), А. Горак, К. Латавец (Gorak, Kozłowski, Latawiec, 2015).

Исследования различных аспектов истории чиновничества на украинских землях, безусловно, представляют наиболее крупный пласт работ, посвященных особенностям бюрократического аппарата в национальных регионах Российской империи. Украинской историографии изучения указанной проблематики нами будет посвящена отдельная, более подробная работа. Сейчас же остановимся на обзоре некоторых трудов современных украинских ученых.

Известный ученый З. Когут в контексте изучения процесса инкорпорации украинских земель (бывшей Гетманщины) особое внимание уделял также особенностям интеграции представителей украинских элит в управленческую систему Российской империи в конце XVIII – начале XIX вв. (Когут, 2004). Непосредственно влияние такой категории казацкой элиты, как бунчуковые товарищи, в состав имперской бюрократии изучали И.И. Кривошея и С.И. Дегтярев (Degtyarev, Kryvosheia, 2016). С.И. Дегтярев исследовал также проблемы инкорпорации чиновничества бывшей Гетманщины в целом (Degtyarev, 2013b). Автор отметил относительно легкий характер данного процесса, связывая это с высоким уровнем образования местной элиты, занимавшей основную массу чиновничьих должностей на местах. При этом отдельно были выделены факторы, напрямую повлиявшие на процесс «вращивания» Гетманщины в Российское государство. К таковым отнесены отношения с Османской Портой, Крымом, Речью Посполитой во второй половине XVII–XVIII вв., союз с Швецией в начале XVIII в. и другие внешние факторы, определившие как фактически неконтролируемый процесс инкорпорации (Degtyarev, 2013b: 16). Автор отмечает достаточно медленную интегрированность украинской бюрократии в российскую управленческую схему. Только с приходом к власти Екатерины II, по его мнению, этот процесс ускоряется с постепенным исчезновением характерных для украинского устройства признаков, первым из которых стала ликвидация института гетманства в 1764 г. (Degtyarev, 2013b: 17). Особую роль в процессе инкорпорации С.И. Дегтярев отводит высокому уровню образованности украинского населения, в частности представителей казацкого сословия и духовенства, тогда как значительная часть дворянства Российской империи была недостаточно грамотной. Это объясняется ученым, прежде всего, европейским опытом «построения образовательного дела на украинских землях, который формировался здесь со времен Речи Посполитой и не строился на жестких сословных принципах..., а существование Киевской академии, Черниговской и Переяславской коллегий давало украинской мелкой шляхте и представителям других сословий большие возможности получать образование, чем российским, а как следствие, большую доступность к государственным должностям» (Degtyarev, 2013b: 20). Все это имело огромное значение для Российской империи, в состав которой вошли густонаселенные территории с высоким культурным уровнем развития.

М.В. Бармак особое внимание уделил специфике внедрения российской имперской модели управления на территории Правобережной Украины (Бармак, 2007). Им был рассмотрен процесс создания и развития административных органов в регионе с учетом его особенностей. Как отмечает ученый, при создании правобережных губерний были учтены как историческое, так и социальное единство региона. Указывается также, что чиновничий аппарат формировался из представителей местной знати, проявившей лояльность к российским властям. При этом местная аристократия получила право формировать кадровый состав большинства органов власти, включая судебную. Различные аспекты бюрократии конца XVIII–XIX вв. на землях Центральной и Правобережной Украины исследует В.С. Шандра (Шандра, 2007; Шандра, 2009а; Шандра, 2009b). Она подняла вопрос об административно-территориальных изменениях, проводимых с целью максимальной централизации власти в национальных окраинах, с последующей ликвидацией национальных и региональных особенностей в управлении, судопроизводстве и т.д. (Шандра, 2009а), изучала специфику службы выборных служащих (Шандра, 2008).

В целом, украинские ученые затрагивают в своих работах чрезвычайно широкий спектр вопросов, связанных с развитием бюрократического аппарата на украинских землях периода Российской империи. Это и особенности преобразования управленческих практик по общероссийскому образцу, специфика службы чиновников, в том числе выборных, государственных учреждений разного уровня, их образовательный и культурный уровень, материальное положение. В некоторых работах внимание уделяется различным аспектам повседневной жизни государственных служащих, их общественному восприятию, мотивационным практикам со стороны высших властей (поощрениям и наказаниям) и т.п. Все это свидетельствует о необходимости систематизации наработок украинских ученых в области изучения истории функционирования бюрократического аппарата в украинских губерниях в составе Российской империи.

5. Заключение

Таким образом, исследование чиновничества Российской империи является актуальным направлением в современной исторической науке, в рамках которой сформировалось несколько

подходов к рассмотрению данного вопроса и четко определились тенденции к увеличению числа научных работ, посвященных тематике чиновничества и бюрократического аппарата. Следует отметить некоторую неравномерность в изучении предметного поля истории чиновничества: с одной стороны, достаточно объемно представлен блок научных работ, в которых освещаются общетеоретические вопросы становления и функционирования чиновничества после принятия «Табели о рангах». Как правило, этот блок работ посвящен изучению истоков формирования бюрократического аппарата, его структуры, принципов работы и организации, особенностей функционирования органов государственной власти и проч. С другой стороны, стоит отметить блок научных работ, посвященных исследованию региональной специфики функционирования чиновничьего аппарата. В этом контексте речь прежде всего идет о великороссийских губерниях, количество работ по которым значительно, в то время как история чиновничества так называемых «окраин» освещена недостаточно, что в перспективе актуализирует необходимость решения этой научной проблемы.

Литература

- Архипов, 1999** – Архипов И.В. Коммерческое судостроительство и судопроизводство России в XIX веке: (Проблемы модернизации). Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1999. 126 с.
- Архипова и др., 1999** – Архипова Т.Г., Румянцева М.Ф., Сенин А.С. История государственной службы в России XIII–XX вв. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т. 1999. 231 с.
- Ахмедов, 2008** – Ахмедов Ч.Н. Правоохранительная система Российской империи: исторический опыт формирования и структурирования. СПб.: Астерион. 2008.
- Балух, 2002** – Балух В.С. Організація і діяльність комерційних судів Російської імперії: історико-правове дослідження на прикладі Одеського комерційного суду (1808-1917): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 Одеса. 2002.
- Барина, 2018** – Барина Е.П. Губернаторы и дворянство в начале XX века: сотрудничество и конфликты // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2018. Т. 24. № 1. С. 23-31.
- Бармак, 2006** – Бармак М.В. Державна служба в Російській імперії: правові основи формування та функціонування корпусу цивільних службовців (XVIII – перша половина XIX ст.). Тернопіль: ТзОВ «Вид-во Астон», 2006. 287 с.
- Бармак, 2007** – Бармак М.В. Формування владних інституцій Російської імперії на Правобережній Україні (кінець XVIII – перша половина XIX ст.). Тернопіль: Астон, 2007. 512 с.
- Бикташева, 2007** – Бикташева А.Н. Надзор и наказания губернаторов (первая половина XIX века) // *Научные ведомости*. 2007. № 3. С. 103-109.
- Бикташева, 2012** – Бикташева А.Н. Губернатор как жертва конфронтации коронной власти, губернского дворянства и «локального» общества (первая половина XIX века) // *История и историческая память*. 2012. Вып. 5. С. 71-84.
- Бусько, 2010** – Бусько С.И. Структура и кадровый состав губернских жандармских управлений на территории Беларуси (конец XIX – начало XX вв.) // *Працы гістарычнага факультэта БДУ*. Мінск: БДУ, 2010. Вып. 5. С. 9-18.
- Волков, 2016** – Волков С.В. Высшее чиновничество Российской империи. Краткий словарь. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 800 с.
- Габдуллин, 2006** – Габдуллин И.Р. От служилых татар к татарскому дворянству. М., 2006. 320 с.
- Горожанин, 2004** – Горожанин А.В. Российская полиция на страже имперской государственности: В 2 т. Самара: Самарский юридический институт Минюста России, 2004.
- Дегтярев, 2014** – Дегтярев С.И. Унификация бюрократических систем Бессарабии и Малороссии в период их интеграции в состав Российской империи в конце XVIII – первой трети XIX вв. // *Русин*. 2014. 35 (1). С. 91-104.
- Дегтярев, 2016** – Дегтярев С.И. Чины как инструмент национально-унификационной политики Российской империи на землях Левобережной Украины, Кавказа, Бессарабии (конец XVIII – первая половина XIX вв.) // *Русин*. 2016. 43 (1). С. 177-195.
- Демидов, 2016** – Демидов А.Н. Восстановление в правах дворянского состояния мордовских князей и мурз в последней четверти XVIII – начале XIX вв. // *Финно-угорский мир*. 2016. № 4. С. 69-82.
- Дудырев, 2003** – Дудырев Ф. Подготовка судей в российских университетах XIX века // *Российская юстиция*. М., 2003. № 9. С. 77-78.
- Думенко, 2010b** – Думенко О.Е. Сиротские суды Тверской губернии в последней четверти XVIII – первой половине XIX веков: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Тверь, 2010. 192 с.
- Еникеев, 1999** – Еникеев С. Очерк истории татарского дворянства. Уфа: Гилем, 1999. 355 с.
- Ефремова, 1996** – Ефремова Н.Н. Судостроительство российской империи XVIII – начала XX веков. Москва. 1996. 99 с.
- Жытко, 2003** – Жытко А.П. Дваранства Беларусі перыяду капіталізму. 1864–1914 гг.: манаграфія. Мінск: БДПУ, 2003. 233 с.

Закалужна, 2009 – *Закалужна Н.* Професіоналізація юстиції в Російській імперії як чинник судової реформи 1864 року // *Міжкультурний діалог*. Том 1: Ідентичність. К.: Дух і Літера, 2009. С. 151-165.

Исеев, 2004 – *Исеев Б.Д.* Деятельность полиции России в XVIII – XIX веках по профилактике преступлений: (Историко-правовой анализ): Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. СПб., 2004. 18 с.

Кадыров, 2010 – *Кадыров Р.В.* Формирование этносословной группы служилых татар в Мещерском крае. М.: 2010. 222 с.

Киселев, 2007 – *Киселев А.А.* Система управления и чиновничество белорусских губерний в конце XVIII – первой половине XIX вв. Минск: УО «Военная академия Республики Беларусь». 2007. 171 с.

Когут, 2004 – *Когут З.* Українська еліта у XVIII столітті та її інтеграція в російське дворянство // Коріння ідентичності. Студії з ранньомодерної та модерної історії України. Київ: Критика, 2004. С. 46-79.

Козлобаев, 2005 – *Козлобаев В.А.* Губернатор в системе управления Российской империи в 1861–1881 гг. // *Современные проблемы юридической науки*. Сб. науч. тр. сотрудников Института права. Тамбов, 2005.

Козлобаев, 2006 – *Козлобаев В.А.* Формирование подходов к исследованию института губернаторской власти в историко-правовой науке // *Вестник Тамбовского государственного университета*. Серия «Гуманитарные науки». Вып. 3 (43). Тамбов, 2006.

Кузьмин, 2017 – *Кузьмин А.Д.* Особенности организации и функционирования административного аппарата в белорусских губерниях в 1864–1914 гг. // *Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины*. Гуманитарные науки: история, филология, философия. 2017. № 1. С. 48-53.

Курочкина, 2011 – *Курочкина Е.Н.* Российское чиновничество XIX века. Эволюция историографических подходов // *Вестник ИрГТУ*. Серия «Гуманитарные науки». 2011. № 2. С. 276-280.

Лугавцова, 1997 – *Лугавцова С.Л.* Политика российского самодержавия по отношению к дворянству Белоруссии в конце XVIII – первой половине XIX вв. Минск: БГПУ, 1997. 78 с.

Лысенко, 2001 – *Лысенко Л.М.* Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX веков). М.: Изд-во МПГУ, 2001. 358 с.

Ляхов, Сухоруков, 2004 – *Ляхов Б.А., Сухоруков В.С.* Губернаторы России (1703–1917): История страны в лицах. М.: ИИК «Российская газета», 2004. 192 с.

Малишев, 2012 – *Малишев О.О.* Миські сирітські суди в Україні: історико-правове дослідження: монографія. Київ: Принт-Сервіс, 2012. 351 с.

Мельникова, 2010 – *Мельникова И.Г.* Чиновничество верхневолжских губерний в первой четверти XIX века: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Ярославль, 2010.

Метушевская, 2007 – *Метушевская Т.И.* Правовой статус государственного служащего в России в XVIII – первой половине XIX вв.: Дисс. ... канд. юрид. наук: 12 00 01. Москва. 2007.

Мигунова, 2008 – *Мигунова Т.Л.* Административно-судебная и правовая реформа Екатерины Великой: Историко-правовой аспект: Дисс. ... д-ра юрид. наук. Владимир. 2008. 630 с.

Морякова, 1998 – *Морякова О.В.* Система местного управления России при Николае I. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1998. 272 с.

Оболонский, 1997 – *Оболонский А.В.* На государевой службе: бюрократия в старой и новой России. М.: ИГПАН, 1997. 32 с.

Оспанова, 2015 – *Оспанова А.А.* Изучение чиновничества в российской исторической науке // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2015. Т. 17. № 3. С. 499-502.

Писарькова, 1995 – *Писарькова Л.Ф.* Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX веков // *Человек*. 1995. № 3.

Писарькова, 1996 – *Писарькова Л.* От Петра I до Николая I: политика правительства в области формирования бюрократии // *Отечественная история*. № 4. 1996.

Писарькова, 2004 – *Писарькова Л.Ф.* Чиновник на службе в конце XVII – середине XIX веков // *Отечественные записки*. 2004. № 2.

Поповичева, 2003 – *Поповичева Ю.Н.* Типы карьеры и специфика службы дальневосточных чиновников во второй половине XIX в. // *Россия и АТР*. Серия «История. Исторические науки». 2003. С. 46-52.

Семенова, 2015 – *Семенова Н.Л.* Губернаторы и органы дворянского сословного самоуправления Оренбургской губернии в 20–30-е гг. XIX в. // *Вестник Самарского государственного университета*. 2015. № 7. С. 126-132.

Сердюцкая, 2008 – *Сердюцкая О.В.* Преподавательская служба в Российской империи второй половины XVIII в. // *Вопросы истории*. № 10. 2008. С. 99-113.

Сигов, 2001 – *Сигов В.И.* Корпоративная этика чиновничества Восточной Сибири в царствование Николая I: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Иркутск, 2001. 237 с.

Слотин, 2010 – *Слотин В.Е.* Провинциальное училищное чиновничество России в XIX в.: на материалах Казанского учебного округа: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Киров, 2010. 243 с.

- Султангалиева, 2009** – Султангалиева Г.С. Казахское чиновничество Оренбургского ведомства: формирование и направление деятельности (XIX) // *Acta Slavica Iaponica*. 2009. Т. 27. Рр. 77-101.
- Султангалиева, 2015** – Султангалиева Г.С. Казахские чиновники Российской империи XIX в.: особенности восприятия власти // *Cahiers du monde russe*. 2015. Vol. 56. №4. Рр. 651-679.
- Тимошевская, 1998** – Тимошевская А.Д. Особенности организации полиции в национальных регионах Российского государства, XIX в. – начало XX в.: Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Москва. 1998. 206 с.
- Токць, 1997** – Токць С.М. Дзяржаўны апарат царызму ў Беларусі ў 30–60-х гг. XIX ст. (структура, функцыі, чыноўніцкі корпус): дыс.... канд. гіст. навук: 07.00.02. Мінск, 1997. 150 л.
- Томсинов, 2016** – Томсинов В.А. Судебная система Российской империи в XVIII – первой половине XIX вв. (по материалам законодательных актов) // *Вестник Московского университета*. Серия 11 «Право». 2016. № 3. С. 3-24.
- Тот, 2003** – Тот Ю.В. Реформа уездной полиции в правительственной политике России в XIX веке: Дисс. ... д-ра ист. наук. СПб. 2003.
- Фирсова, 2007** – Фирсова Н.В. Подготовка учителей для народных училищ в последней трети XVIII – первой половине XIX веков (на материалах Северо-Запада России): Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 2007. 182 с.
- Циганенко, 2009** – Циганенко Л.Ф. До питання про етнічний склад дворянства Півдня України (кінець XVIII-XIX ст.) // *Український історичний журнал*. 2009. № 4. С. 67-83.
- Циганенко, 2011** – Циганенко Л.Ф. Інкорпорація кримськотатарської аристократії до складу російського дворянства // *Записки історичного факультету*. 2011. Вип. 22. С. 163-171.
- Черепанова, 2001** – Черепанова И.В. Государственная служба Российской империи XIX века (теоретическое исследование): Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. Омск. 2001.
- Шандра, 2007** – Шандра В.С. Формування бюрократії в Правобережній Україні // *Український історичний журнал*. 2007. № 2. С. 143-158.
- Шандра, 2008** – Шандра В.С. Вимоги верховної влади до виборної «бюрократії» в українських губерніях Російської імперії першої половини XIX ст. // *Проблеми історії України XIX – початку XX ст.* Вип. XV. К.: Ін-т історії України НАН України, 2008. С. 175-188.
- Шандра, 2009а** – Шандра В. «Губернии, на особых правах и привилегиях состоящие...», як політичний проект // *Регіональна історія України*. 2009. Вип. 3. С. 191-204.
- Шандра, 2009б** – Шандра В.С. Державна служба в українських губерніях Російської імперії // *Історія державної служби в Україні*. У 5 т. К.: Ніка-Центр, 2009. Т. 1. С. 279-318.
- Шепелев, 1999** – Шепелев Л.Е. Чиновный мир России: XVIII – начало XX вв. СПб.: Искусство-СПб., 1999. 479 с.
- Шип, 2005** – Шип Н.А. Російсько-українська бюрократія в історичному вимірі // *Україна: Пошуки оптимальної моделі бюрократії*. Матеріали засідання Дискусійного клубу. Київ, 2005.
- Degtyarev, 2012** – Dyagtyarev S.I. Civil officers' educational level in the first half of XVIII century // *Bylye Gody*. 2012. 23(1), pp.11-18.
- Degtyarev, 2013a** – Degtyarev S.I. The Problem of the Social Background of Government Officials within the Policies of the Romanovs (18th Century – First Half of the 19th Century) // *Bylye Gody*. 2013. 30(4), pp.28-35.
- Degtyarev, 2013b** – Dyagterev S.I. Incorporation of Ukrainian officialdom into bureaucratic system of the Russian empire during under the rule of Catherine II // *Bylye Gody*. 2013. 27(1), pp. 16-25.
- Degtyarev, 2014** – Degtyarev S. The History of Bureaucracy of the Russian Empire in the Russian Historiography of XIX – Early XX Century // *Bylye Gody*. 2014. Vol 34(4), pp. 554-558.
- Degtyarev, 2015a** – Degtyarev S.I. Public and State Significance The Ranks of the Table of Ranks in the Russian Empire at the End of XVIII – the First Half of the XIX Centuries // *Bylye Gody*. 2015. 38(4), pp. 865-875.
- Degtyarev, 2015b** – Degtyarev S.I. Bessarabian Functionaries in the Epistolary Legacy of Ivan Sergeyevich Aksakov // *Bylye Gody*. 2015. 36(2), pp.254-259.
- Degtyarev, 2016** – Degtyarev S.I. Government officials from the north-eastern Ukrainian lands in the North Caucasus in the early XIX century // *Bylye Gody*. 2016. 39(1), pp.45-52.
- Degtyarev et al., 2018** – Degtyarev S.I., Zavorodnia V.M., Polyakova L.G. The Contribution of Nikolai Vasilievich Varadinov to the Development of Russian Civil Law and Historical and Legal Research // *Bylye Gody*. 2018. 50(4), pp.1530-1537.
- Degtyarev et al., 2019** – Degtyarev S.I., Polyakova L.G., Balanyuk L.L., Gut J. Justice System of Northeastern Ukraine and the Influence of Russian Judicial Practice (middle XVII – XVIII centuries) // *Bylye Gody*. 2019. 52(2), pp.491-501.
- Degtyarev, Kryvosheia, 2016** – Degtyarev S.I., Kryvosheia I.I. The Incorporation of Bunchukovogo Partnership in Part of Service and Social Elite of the Russian Empire in the last third of the XVIII century // *Bylye Gody*. 2016. 42(4), pp. 1118-1126.

Degtyarev, Polyakova, 2019 – *Degtyarev S.I., Polyakova L.G.* Orphan Courts in the System of State Institutions of the Russian Empire of the end of the XVIII – 60s of the XIX centuries: Personal Composition, Competence, Rights and Duties of Guardians // *Bylye Gody*. 2019. 51(1), pp. 83-92.

Chimiak, 1999 – *Chimiak Ł.* Gubernatorzy rosyjscy w Królestwie Polskim 1863-1915. Szkic do portretu zbiorowego. Wrocław, 1999.

Gorak et al., 2015 – *Gorak A., Kozłowski J., Latawiec K.* Słownik biograficzny gubernatorów i wicegubernatorów w Królestwie Polskim (1867-1918). Lublin, 2015, 543 p.

Kozłowski, 1996 – *Kozłowski J.* Wyżsi urzędnicy gubernialni i powiatowi w Królestwie Polskim w latach 1867-1875 // *Przegląd Historyczny*. 1996. T. 87. № 4. Pp. 819-841.

Kulecka, 2010 – *Kulecka A.* Biurokraci, uczeni i literaci. Świat nauki i kultury na urzędach i o urzędach w Królestwie Polskim (1815-1867) // *Dzieje biurokracji na ziemiach polskich*. Tom III. Część 2. Lublin-Siedlce, 2010. Pp. 353-376.

Naworski, 2010 – *Naworski Z.* Status prawny urzędników Królestwa Polskiego w okresie międzypowstaniowym (1832-1863) // *Dzieje biurokracji na ziemiach polskich*. Tom III. Część 2. Lublin-Siedlce, 2010. Pp. 377-392.

Nowak, 2010 – *Nowak M.* Zygmunt Wielopolski, zarządca Księstwa Łowickiego – przykład kariery polskiego ziemianina w Imperium Rosyjskim // *Dzieje biurokracji na ziemiach polskich*. Tom III. Część 1. Lublin-Siedlce, 2010. Pp. 189-202.

Sultangaliev et al., 2017 – *Sultangaliev G.S., Dalayeva T.T., Malikov B.U.* Understanding of Kazakh volost by Russian officials of the XIX century // *Bylye Gody*. 2017. №46(4). Pp. 1322-1332.

Tot, 2013 – *Tot J.* Reorganising the Local Government at the End of the 18th and the Beginning of the 19th Centuries: Comparative Analysis of the Policies of Paul I and Alexander I // *Bylye Gody*. 2013. № 30 (4). Pp. 36-44.

References

Arkhipov, 1999 – *Arkhipov I.V.* (1999). Kommercheskoe sudoustroystvo i sudoproizvodstvo Rossii v XIX veke: (Problemy modernizatsii) [Commercial judicial system and legal proceedings of Russia in the XIX century: (Problems of modernization)]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta, 126 p. [in Russian]

Arkhipova i dr., 1999 – *Arkhipova T.G., Rumyantseva M.F., Senin A.S.* (1999). Istoriya gosudarstvennoy sluzhby v Rossii XIII-XX v. [The history of public service in Russia XIII-XX century]. M.: Ros. Gos. Gumanit. Un-t. 231 p. [in Russian]

Akhmedov, 2008 – *Akhmedov Ch.N.* (2008). Pravookhranitel'naya sistema Rossiyskoy imperii: istoricheskiy opyt formirovaniya i strukturirovaniya [The law enforcement system of the Russian Empire: historical experience of formation and structuring]. SPb.: Asterion. [in Russian]

Balukh, 2002 – *Balukh V.S.* (2002). Organizatsiya i diyal'nist' komertsyynikh sudiv Rosiys'koï imperii: istoriko-pravove doslidzhennya na prikladi Odes'kogo komertsyynogo sudu (1808-1917) [Organization and Activity of Commercial Courts of the Russian Empire: A Historical and Legal Study Using the Case of the Odessa Commercial Court (1808-1917)]: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.01 Odesa. [in Ukrainian]

Barinova, 2018 – *Barinova E.P.* (2018). Gubernatory i dvoryanstvo v nachale XX veka: sotrudnichestvo i konflikty [Governors and nobility at the beginning of the XX century: cooperation and conflicts]. *Vestnik Samarskogo universiteta*. Istoriya, pedagogika, filologiya. Tom 24. №1. Pp. 23-31. [in Russian]

Barmak, 2006 – *Barmak M.V.* (2006). Derzhavna sluzhba v Rosiiskii imperii: pravovi osnovy formuvannia ta funktsionuvannia korpusu tsyvilnykh sluzhbovtziv (XVIII – persha polovyna XIX st.) [Civil Service in the Russian Empire: Legal Basis for the Formation and Functioning of a Civil Servant Corps (XVIII – first half of XIX century)]. Ternopil: TzOV «Vyd-vo Aston», 287 p. [in Ukrainian]

Barmak, 2007 – *Barmak M.V.* (2007). Formuvannia vladnykh instytutiv Rosiiskoi imperii na Pravoberezhnii Ukraini (kinets XVIII – persha polovyna XIX st.) [Formation of power institutions of the Russian Empire in Right-Bank Ukraine (end of XVIII – first half of XIX century)]. Ternopil: Aston, 512 p. [in Ukrainian]

Biktasheva, 2007 – *Biktasheva A.N.* (2007). Nadzor i nakazaniya gubernatorov (pervaya polovina XIX veka) [Supervision and punishment of governors (first half of the XIX century)]. *Nauchnye vedomosti*. №3, pp. 103-109. [in Russian]

Biktasheva, 2012 – *Biktasheva A.N.* (2012). Gubernator kak zhertva konfrontatsii koronnoy vlasti, gubernskogo dvoryanstva i «lokal'nogo» obshchestva (pervaya polovina XIX veka) [Governor as a victim of a confrontation of crown power, provincial nobility and «local» society (first half of the XIX century)]. *Istoriya i istoricheskaya pamyat'*. Vyp. 5, pp. 71-84. [in Russian]

Bus'ko, 2010 – *Bus'ko S.I.* (2010). Struktura i kadrovyy sostav gubernskikh zhandarmskikh upravleniy na territorii Belarusi (konets XIX – nachalo XX v.) [The structure and staff of the provincial gendarme administrations in Belarus (late XIX – early XX centuries)]. *Pratsy gistarychnaga fakul'teta BDU*. Minsk: BDU. Vyp. 5, pp. 9-18. [in Russian]

Cherepanova, 2001 – *Cherepanova I.V.* (2001). Gosudarstvennaya sluzhba Rossiyskoy imperii XIX veka (teoreticheskoe issledovanie) [Civil service of the Russian Empire of the XIX century (theoretical study)]: diss. ... kand. yurid. nauk: 12.00.14. Omsk. [in Russian]

Chimiak, 1999 – *Chimiak L.* (1999). Gubernatory rosyjsy w Królestwie Polskim 1863-1915. Szkic do portretu zbiorowego [Russian governors in the Kingdom of Poland 1863-1915. Sketch for the collective portrait]. Wrocław. [in Polish]

Degtyarev, 2014 – *Degtyarev S.I.* (2014). Unifikatsiya byurokraticheskikh sistem Bessarabii i Malorossii v period ikh integratsii v sostav Rossiyskoy imperii v kontse XVIII – pervoy trety XIX vv. [Unification of bureaucratic systems of Bessarabia and Malorossiia during their integration into the Russian Empire in the late of XVIII – the first third of the XIX cent.]. *Rusin.* 35(1), pp. 91-104. [in Russian]

Degtyarev, 2016 – *Degtyarev S.I.* (2016). Chiny kak instrument natsional'no-unifikatsionnoy politiki Rossiyskoy imperii na zemlyakh Levoberezhnoy Ukrainy, Kavkaza, Bessarabii (konets XVIII – pervaya polovina XIX v.) [Ranks (chiny) as an instrument of national and unification policy of the Russian Empire in the Left-bank Ukraine, Caucasus and Bessarabia (the end of XVIII – the first half XIX centuries)]. *Rusin.* 43(1), pp. 177-195. [in Russian]

Degtyarev, 2012 – *Dyagtyarev S.I.* (2012). Civil officers' educational level in the first half of XVIII century. *Bylye Gody.* 23(1), pp.11-18. [in Russian]

Degtyarev, 2013a – *Degtyarev S.I.* (2013). The Problem of the Social Background of Government Officials within the Policies of the Romanovs (18th Century – First Half of the 19th Century). *Bylye Gody.* 30(4), pp. 28-35. [in Russian]

Degtyarev, 2013b – *Degtyarev S.I.* (2013). Incorporation of Ukrainian officialdom into bureaucratic system of the Russian empire during under the rule of Catherine II. *Bylye Gody.* 27(1), pp. 16-25. [in Russian]

Degtyarev, 2014 – *Degtyarev S.* (2014). The History of Bureaucracy of the Russian Empire in the Russian Historiography of XIX – Early XX Century. *Bylye Gody.* Vol 34(4), pp. 554-558. [in Russian]

Degtyarev, 2015a – *Degtyarev S.I.* (2015). Public and State Significance The Ranks of the Table of Ranks in the Russian Empire at the End of XVIII – the First Half of the XIX Centuries. *Bylye Gody.* 38(4), pp. 865-875. [in Russian]

Degtyarev, 2015b – *Degtyarev S.I.* (2015). Bessarabian Functionaries in the Epistolary Legacy of Ivan Sergeevich Aksakov. *Bylye Gody.* 36(2), pp.254-259. [in Russian]

Degtyarev, 2016 – *Degtyarev S.I.* (2016). Government officials from the north-eastern Ukrainian lands in the North Caucasus in the early XIX century. *Bylye Gody.* 39(1), pp.45-52. [in Russian]

Degtyarev et al., 2018 – *Degtyarev S.I., Zavorodnia V.M., Polyakova L.G.* (2018). The Contribution of Nikolai Vasilievich Varadinov to the Development of Russian Civil Law and Historical and Legal Research. *Bylye Gody.* 50(4), pp. 1530-1537. [in Russian]

Degtyarev et al., 2019 – *Degtyarev S.I., Polyakova L.G., Balanyuk L.L., Gut J.* (2019). Justice System of Northeastern Ukraine and the Influence of Russian Judicial Practice (middle XVII – XVIII centuries). *Bylye Gody.* 52(2), pp.491-501. [in Russian]

Degtyarev, Kryvosheia, 2016 – *Degtyarev S.I., Kryvosheia I.I.* (2016). The Incorporation of Bunchukovogo Partnership in Part of Service and Social Elite of the Russian Empire in the last third of the XVIII century. *Bylye Gody.* 42(4), pp.1118-1126. [in Russian]

Degtyarev, Polyakova, 2019 – *Degtyarev S.I., Polyakova L.G.* (2019). Orphan Courts in the System of State Institutions of the Russian Empire of the end of the XVIII – 60s of the XIX centuries: Personal Composition, Competence, Rights and Duties of Guardians. *Bylye Gody.* 51(1), pp. 83-92. [in Russian]

Demidov, 2016 – *Demidov A.N.* (2016). Vosstanovlenie v pravakh dvoryanskogo sostoyaniya mordovskikh knyazey i murz v posledney chetverti XVIII – nachale XIX v. [Restoration of the rights of the noble state of the Mordovian princes and murz in the last quarter of the XVIII – beginning of the XIX century]. *Finno-ugorskiy mir.* №4, pp. 69-82. [in Russian]

Dudyrev, 2003 – *Dudyrev F.* (2003). Podgotovka sudey v rossiyskikh universitetakh XIX veka [Training judges at Russian universities of the 19th century]. *Rossiyskaya yustitsiya.* M., № 9, pp. 77-78. [in Russian]

Dumenko, 2010b – *Dumenko O.E.* (2010). Sirotskie sudy Tverskoy gubernii v posledney chetverti XVIII – pervoy polovine XIX veka [Orphaned courts of the Tver province in the last quarter of the XVIII – the first half of the XIX century]: diss. ... kand. istor. nauk: 07.00.02. Tver', 192 p. [in Russian]

Enikeev, 1999 – *Enikeev S.* (1999). Ocherk istorii tatarskogo dvoryanstva [Essay on the history of the Tatar nobility]. Ufa: Gilem, 355 p. [in Russian]

Efremova, 1996 – *Efremova N.N.* (1996). Sudoustroystvo rossiyskoy imperii XVIII – nachala XX veka [Judicial system of the Russian Empire of the XVIII – early XX century]. M., 99 p. [in Russian]

Firsova, 2007 – *Firsova N.V.* (2007). Podgotovka uchiteley dlya narodnykh uchilishch v posledney trety XVIII – I polovine XIX veka (na materialakh Severo-Zapada Rossii) [Teacher training for public schools in the last third of the eighteenth and first half of the nineteenth century (based on materials from the North-West of Russia)]: diss. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. SPb., 182 p. [in Russian]

- Gabdullin, 2006** – *Gabdullin I.R.* (2006). Ot sluzhilykh tatar k tatarskomu dvoryanstvu [From serving Tatars to the Tatar nobility]. M., 320 p. [in Russian]
- Gorak et al., 2015** – *Gorak A., Kozłowski J., Latawiec K.* (2015). Słownik biograficzny gubernatorów i wicegubernatorów w Królestwie Polskim (1867-1918) [Biographical glossary of governors and vice-governors in the Polish Kingdom (1867-1918)]. Lublin, 543 p. [in Polish]
- Gorozhanin, 2004** – *Gorozhanin A.V.* (2004). Rossiyskaya politsiya na strazhe imperskoy gosudarstvennosti [Russian police guard imperial statehood]: v 2 t. Samara: Samarskiy yuridicheskiy institut Minyusta Rosii. [in Russian]
- Iseev, 2004** – *Iseev B.D.* (2004). Deyatel'nost' politzii Rossii v XVIII – XIX vekakh po profilaktike prestupleniy: (Istoriko-pravovoy analiz) [The activities of the Russian police in the XVII – XIX centuries for the prevention of crimes: (Historical and legal analysis)]: avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk: 12.00.01. SPb., 18 p. [in Russian]
- Kadyrov, 2010** – *Kadyrov R.V.* (2010). Formirovanie etnososlovnnoy gruppy sluzhilykh tatar v Meshcherskom krae [Formation of the ethnological group of serving Tatars in the Meshchersky region]. M.: 222 p. [in Russian]
- Kiselev, 2007** – *Kiselev A.A.* (2007). Sistema upravleniya i chinovnichestvo belorusskikh guberniy v kontse XVIII – pervoy polovine XIX v. [The management system and bureaucracy of the Belarusian provinces in the late XVIII – first half of the XIX century.]. Minsk: UO «Voennaya akademiya Respubliki Belarus'». 171 p. [in Russian]
- Kohut, 2004** – *Kohut Z.* (2004). Ukrainska elita u XVIII stolitti ta yii intehratsiia v rosiiske dvorianstvo [The Ukrainian elite in the XVIII century and its integration into the Russian nobility]. *Korinnia identychnosti. Studii z rannomodernoï ta modernoi istorii Ukrainy*. Kyiv: Krytyka, pp. 46-79. [in Ukrainian]
- Kozłobaev, 2005** – *Kozłobaev V.A.* (2005). Gubernator v sisteme upravleniya Rossiyskoy imperii v 1861-1881 gg. [Governor in the management system of the Russian Empire in 1861-1881]. *Sovremennye problemy yuridicheskoy nauki*. Sb. nauch. tr. sotrudnikov Instituta prava. Tambov. [in Russian]
- Kozłobaev, 2006** – *Kozłobaev V.A.* (2006). Formirovanie podkhodov k issledovaniyu instituta gubernatorskoy vlasti v istoriko-pravovoy nauke [Formation of approaches to the study of the institution of governorship in historical and legal science]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya Gumanitarnye nauki. Vyp. 3(43). Tambov. [in Russian]
- Kozłowski, 1996** – *Kozłowski J.* (1996). Wyżsi urzędnicy gubernialni i powiatowi w Królestwie Polskim w latach 1867-1875 [Senior governorate and poviat officials in the Polish Kingdom in the years 1867-1875]. *Przegląd Historyczny*. T. 87. № 4, pp. 819-841. [in Polish]
- Kulecka, 2010** – *Kulecka A.* (2010). Biurokraci, uczeni i literaci. Swiat nauki i kultury na urzedach i o urzedach w Królestwie Polskim (1815-1867) [Bureaucrats, pupils and writers. The world of science and culture at the offices and about the offices in the Polish Kingdom (1815-1867)]. *Dzieje biurokracji na ziemiach polskich*. Tom III. Czesc 2. Lublin-Siedlce, pp. 353-376. [in Polish]
- Kuz'min, 2017** – *Kuz'min A.D.* (2017). Osobennosti organizatsii i funktsionirovaniya administrativnogo apparata v belorusskikh guberniyakh v 1864-1914 gg. [Features of the organization and functioning of the administrative apparatus in the Belarusian provinces in 1864-1914]. *Izvestiya Gomel'skogo gosudarstvennogo universiteta im. F. Skoriny*. Gumanitarnye nauki: istoriya, filologiya, filosofiya. № 1, pp. 48-53. [in Russian]
- Kurochkina, 2011** – *Kurochkina E.N.* (2011). Rossiyskoe chinovnichestvo XIX veka. Evolyutsiya istoriograficheskikh podkhodov [Russian bureaucracy of the XIX century. The evolution of historiographic approaches]. *Vestnik IrGTU*. Seriya «Gumanitarnye nauki». №2, pp. 276-280. [in Russian]
- Lugavtsova, 1997** – *Lugavtsova S.L.* (1997). Politika rossiyskogo samodierzaviya po otnosheniyu k dvoryanstvu Belorussii v kontse XVIII – pervoy polovine XIX vv. [The policy of the Russian autocracy in relation to the nobility of Belarus at the end of the XVIII – first half of the XIX centuries]. Minsk: BGPU, 78 p. [in Russian]
- Lysenko, 2001** – *Lysenko L.M.* (2001). Gubernatory i general-gubernatory Rossiyskoy imperii (XVIII – nachalo XX veka) [Governors and governors-general of the Russian Empire (XVIII – beginning of XX century)]. M.: Izd-vo MPGU, 358 p. [in Russian]
- Lyakhov, Sukhorukov, 2004** – *Lyakhov B.A., Sukhorukov V.S.* (2004). Gubernatory Rossii (1703–1917): Istoriya strany v litsakh [Governors of Russia (1703-1917): History of the country in persons]. M.: IIK «Rossiyskaya gazeta», 192 p. [in Russian]
- Malyshev, 2012** – *Malyshev O.O.* (2012). Miski syritski sudy v Ukraini: istoriko-pravove doslidzhennia: monohrafiia [Urban orphan courts in Ukraine: a historical and legal study: a monograph]. Kyiv: Print-Servis, 351 p. [in Ukrainian]
- Mel'nikova, 2010** – *Mel'nikova I.G.* (2010). Chinovnichestvo verkhnevolzhskikh guberniy v pervoy chetverti XIX veka [The officialdom of the Upper Volga provinces in the first quarter of the XIX century]: diss. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Yaroslavl'. [in Russian]
- Metushevskaya, 2007** – *Metushevskaya T.I.* (2007). Pravovoy status gosudarstvennogo sluzhashchego v Rossii v XVIII – pervoy polovine XIX vv. [The legal status of a civil servant in Russia in the 18th – first half of the 19th centuries]: diss. ... kand. yurid. nauk: 12 00 01. Moskva. [in Russian]

- Migunova, 2008** – *Migunova T.L.* (2008). Administrativno-sudebnaya i pravovaya reforma Ekateriny Velikoy: Istoriko-pravovoy aspekt [Administrative, judicial and legal reform of Catherine the Great: Historical and legal aspect]: diss. ... d-ra yurid. nauk. Vladimir. 630 p. [in Russian]
- Moryakova, 1998** – *Moryakova O.V.* (1998). Sistema mestnogo upravleniya Rossii pri Nikolae I [The local government system of Russia under Nicholas I]. M.: Izd-vo Mosk. un-ta. 272 p. [in Russian]
- Naworski, 2010** – *Naworski Z.* (2010). Status prawny urzednikow Krolestwa Polskiego w okresie miedzypowstaniowym (1832-1863) [Legal status of officials of the Polish Kingdom in the inter-uprising period (1832-1863)]. *Dzieje biurokracji na ziemiach polskich*. Tom III. Czesc 2. Lublin-Siedlce, pp. 377-392. [in Polish]
- Nowak, 2010** – *Nowak M.* (2010). Zygmunt Wielopolski, zarzadca Ksiestwa Lowickiego – przyklad kariery polskiego ziemianina w Imperium Rosyjskim [Zygmunt Wielopolski, administrator of the Duchy of Lowicz – an example of a Polish landowner's career in the Russian Empire]. *Dzieje biurokracji na ziemiach polskich*. Tom III. Czesc 1. Lublin-Siedlce, pp. 189-202. [in Polish]
- Obolonskiy, 1997** – *Obolonskiy A.V.* (1997). Na gosudarevov sluzhbe: byurokratiya v staroy i novoy Rossii [In the sovereign service: bureaucracy in old and new Russia]. M.: IGPAN, 32 p. [in Russian]
- Ospanova, 2015** – *Ospanova A.A.* (2015). Izuchenie chinovnichestva v rossiyskoy istoricheskoy nauke [The study of bureaucracy in Russian historical science]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*. T. 17. №3, pp. 499-502. [in Russian]
- Pisar'kova, 1995** – *Pisar'kova L.F.* (1995). Rossiyskiy chinovnik na sluzhbe v kontse XVIII – pervoy polovine XIX veka [Russian official in the service in the late XVIII – first half of the XIX century]. *Chelovek*. №3. [in Russian]
- Pisar'kova, 1996** – *Pisar'kova L.* (1996). Ot Petra I do Nikolaya I: politika pravitel'stva v oblasti formirovaniya byurokratii [From Peter I to Nicholas I: Government Policy in the Formation of Bureaucracy]. *Otechestvennaya istoriya*. №4. [in Russian]
- Pisar'kova, 2004** – *Pisar'kova L.F.* (2004). Chinovnik na sluzhbe v kontse XVII – seredine XIX veka [The official in the service in the late XVII – mid XIX century]. *Otechestvennyye zapiski*. №2. [in Russian]
- Popovicheva, 2003** – *Popovicheva Yu.N.* (2003). Tipy kar'ery i spetsifika sluzhby dal'nevostochnykh chinovnikov vo vtoroy polovine XIX v. [Types of careers and the specifics of the service of Far Eastern officials in the second half of the 19th century]. *Rossiya i ATR*. Seriya Istoriya. Istoricheskie nauki, pp. 46-52. [in Russian]
- Semenova, 2015** – *Semenova N.L.* (2015). Gubernatory i organy dvoryanskogo soslovnogo samoupravleniya Orenburgskoy gubernii v 20-30-e gg. XIX v. [Governors and bodies of the nobility class self-government of the Orenburg province in the 20-30s XIX century]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*. №7, pp. 126-132. [in Russian]
- Serdyutskaya, 2008** – *Serdyutskaya O.V.* (2008). Prepodavatel'skaya sluzhba v Rossiyskoy imperii vtoroy poloviny XVIII v. [Teaching service in the Russian Empire in the second half of the 18th century]. *Voprosy istorii*. № 10, pp. 99-113. [in Russian]
- Shandra, 2007** – *Shandra V.S.* (2007). Formuvannia biurokratii v Pravoberezhnii Ukraini [Formation of bureaucracy in Right-Bank Ukraine]. *Ukrainskyi istorychnyi zhurnal*. № 2, pp. 143-158. [in Ukrainian]
- Shandra, 2008** – *Shandra V.S.* (2008). Vymohy verkhovnoi vlady do vybornoi «biurokratii» v ukrainskykh huberniiakh Rosiiskoi imperii pershoi polovyny XIX st. [Requirements of the supreme power for elective "bureaucracy" in the Ukrainian provinces of the Russian Empire in the first half of the nineteenth century]. *Problemy istorii Ukrainy XIX – pochatku XX st.* Vyp. XV. K.: In-t istorii Ukrainy NAN Ukrainy, pp. 175-188. [in Ukrainian]
- Shandra, 2009a** – *Shandra V.* (2009). «Hubernyy na osobykh pravakh y pryvylehyakh sostoishchye...» yak politychnyi proekt [“Provinces with special rights and privileges ...” as a political project]. *Rehionalna istoriia Ukrainy*. Vyp. 3, pp. 191-204. [in Ukrainian]
- Shandra, 2009b** – *Shandra V.S.* (2009). Derzhavna sluzhba v ukrainskykh huberniiakh Rosiiskoi imperii [Public service in the Ukrainian provinces of the Russian Empire]. *Istoriia derzhavnoi sluzhby v Ukraini*. U 5 t. K.: Nika-Tsentr, T. 1, pp. 279-318. [in Ukrainian]
- Shepelev, 1999** – *Shepelev L.E.* (1999). Chinovnyy mir Rossii: XVIII – nachalo XX v. [The official world of Russia: XVIII – beginning of XX century]. SPb.: Iskustvo-SPb», 479 p. [in Russian]
- Shyp, 2005** – *Shyp N.A.* (2005). Rosiisko-ukrainska biurokratiia v istorychnomu vymiri [The Russian-Ukrainian bureaucracy in the historical dimension]. *Ukraina: Poshuky optimalnoi modeli biurokratii*. Materialy zasidannia Diskusiinoho klubu. Kyiv. [in Ukrainian]
- Sigov, 2001** – *Sigov V.I.* (2001). Korporativnaya etika chinovnichestva Vostochnoy Sibiri v tsarstvovanie Nikolaya I [Corporate Ethics of Officials of Eastern Siberia in the Reign of Nicholas I]: diss. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Irkutsk, 237 p. [in Russian]
- Slotin, 2010** – *Slotin V.E.* (2010). Provintsial'noe uchilishchnoe chinovnichestvo Rossii v XIX v.: na materialakh Kazanskogo uchebnogo okruga [Provincial school officials of Russia in the 19th century: based on materials from the Kazan educational district]: diss. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Kirov, 243 p. [in Russian]

Sultangalieva, 2009 – *Sultangalieva G.S.* (2009). Kazakhskoe chinovnichestvo Orenburgskogo vedomstva: formirovanie i napravlenie deyatel'nosti (XIX) [Kazakh bureaucracy of the Orenburg department: formation and direction of activity (19th century)]. *Acta Slavica Iaponica*. Vol. 27, pp. 77-101. [in Russian]

Sultangalieva, 2015 – *Sultangalieva G.S.* (2015). Kazakhskie chinovniki Rossiyskoy imperii XIX v.: Osobennosti vospriyatiya vlasti [Kazakh civil servants in nineteenth-century Imperial Russia: Specific aspects of the perception of power]. *Cahiers du monde russe*. Vol. 56. №4, pp. 651-679. [in Russian]

Sultangalieva i dr., 2017 – *Sultangalieva G.S., Dalayeva T.T., Malikov B.U.* (2017). Understanding of Kazakh volost by Russian officials of the XIX century. *Bylye Gody*. №46(4), pp.1322-1332. [in Russian]

Timoshevskaya, 1998 – *Timoshevskaya A.D.* (1998). Osobennosti organizatsii politzii v natsional'nykh regionakh Rossiyskogo gosudarstva, XIX v. – nachalo XX v. [Features of the organization of the police in the national regions of the Russian state, XIX century – beginning of XX century]: diss. ... kand. yurid. nauk: 12.00.01. Moskva. 206 p. [in Russian]

Tokts', 1997 – *Tokts' S.M.* (1997). Dzyarzhaynyy apparat tsaryzmu ŷ Belarusi ŷ 30–60-kh gg. XIX st. (struktura, funktsyi, chynoy'nitski korpus) [The state apparatus of tsarism in Belarus of 30-60-ies. XIX century. (Structure, function, bureaucratic body)]: dys.... kand. gist. navuk: 07.00.02. Minsk, 150 l. [in Belarusian]

Tomsinov, 2016 – *Tomsinov V.A.* (2016). Sudebnaya sistema Rossiyskoy imperii v XVIII – pervoy polovine XIX v. (po materialam zakonodatel'nykh aktov) [The judicial system of the Russian Empire in the XVIII – first half of the XIX century. (based on legislative acts)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 11. Pravo. № 3, pp. 3-24. [in Russian]

Tsyhanenko, 2009 – *Tsyhanenko L.F.* (2009). Do pytannia pro etnichnyi sklad dvorianstva Pivdnia Ukrainy (kinets XVIII-XIX st.) [On the question of the ethnic composition of the nobility of southern Ukraine (end of XVIII-XIX centuries)]. *Ukrainskyi istorychnyi zhurnal*. №4. Pp. 67-83. [in Ukrainian]

Tsyhanenko, 2011 – *Tsyhanenko L.F.* (2011). Inkorporatsiia krymskotatarskoi arystokratii do skladu rosiiskoho dvorianstva [Incorporation of the Crimean Tatar aristocracy into the Russian nobility]. *Zapysky istorychnoho fakultetu*. Vyp. 22, pp. 163-171. [in Ukrainian]

Tot, 2003 – *Tot Yu.V.* (2003). Reforma uezdnoy politzii v pravitel'stvennoy politike Rossii v XIX veke [Reform of the county police in the government policy of Russia in the 19th century]: diss. ... d-ra ist. nauk. SPb. [in Russian]

Tot, 2013 – *Tot J.* (2013). Reorganising the Local Government at the End of the 18th and the Beginning of the 19th Centuries: Comparative Analysis of the Policies of Paul I and Alexander I. *Bylye Gody*. № 30 (4). Pp. 36-44.

Volkov, 2016 – *Volkov S.V.* (2016). Vysshee chinovnichestvo Rossiyskoy imperii. Kratkiy slovar' [The highest bureaucracy of the Russian Empire. Brief Dictionary]. M.: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 800 p. [in Russian]

Zakaluzhna, 2009 – *Zakaluzhna N.* (2009). Profesionalizatsiia yustytsii v Rosiiskii imperii yak chynnyk sudovoi reformy 1864 roku [The professionalization of justice in the Russian Empire as a factor in the judicial reform of 1864]. *Mizhkulturnyi dialog*. Tom 1: Identychnist. K.: Dukh i Litera, pp. 151-165. [in Ukrainian]

Zhytko, 2003 – *Zhytko A.P.* (2003). Dvaranstva Belarusi peryadu kapitalizmu. 1864-1914 gg.: managrafiya [The nobility of Belarus capitalism period. 1864-1914: monograph]. Minsk: BDPU, 233 p. [in Belarusian]

Чиновничество Российской империи: современная историография вопроса. Часть I

Андрей Евгеньевич Лебедь^{a, *}, Наталья Александровна Шевченко^{b, c}, Олег Евгеньевич Чуйков^d, Владимир Александрович Свечников^e

^a Сумский государственный университет, Украина

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^d Курский государственный университет, Российская Федерация

^e Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Российская Федерация

Аннотация. В исследовании анализируется современная историография истории чиновничества Российской империи. В основу статьи легли научные работы современных ученых

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: schwarzschwanenreich@gmail.com (А.Е. Лебедь), incfar.shevchenko@gmail.com (Н.А. Шевченко), chuiikov-ru@mail.ru (О.Е. Чуйков), Svechnikov.VA@rea.ru (В.А. Свечников)

Беларуси, Казахстана, Польши, России, Украины – представителей государств, которые в XVIII–XIX веках полностью или частично входили в состав Российской империи. Предметом исследования этих ученых была правительственная политика в области государственного аппарата и организации службы чиновников. Особое внимание уделено работам, посвященным формированию и различным аспектам развития бюрократического аппарата в национальных регионах Российской империи.

Авторами отмечена неравномерность в изучении предметного поля истории чиновничества. С одной стороны, достаточно велик блок научных работ, в которых освещаются общетеоретические вопросы становления и функционирования чиновничества Российской империи. С другой стороны, изучению региональной специфики функционирования чиновничьего аппарата уделено недостаточное количество исследовательского внимания.

Ключевые слова: чиновники, чиновничество, бюрократия, административный аппарат, Российская империя, национальные регионы, историография.

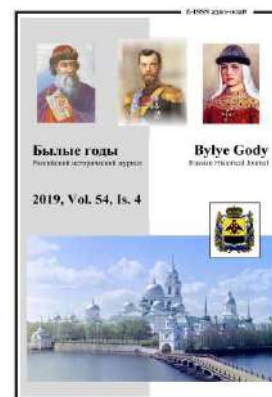
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1506-1513. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1506
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Customs, Border and Quarantine Control Bodies of the Crimean Peninsula in the Late 18th – first half of the 19th century: Regulatory Framework and Personnel Structure

Natalia D. Borshchik ^{a, *}, Elena V. Latysheva ^a, Dmitriy A. Prohorov ^a

^aV.I. Vernadsky Crimean Federal University, Russian Federation

Abstract

This article is an attempt to highlight the state of the legal framework, individual areas of activity and staffing of the Crimean customs bodies, border and quarantine control agencies at the end of the 18th – mid 19th century. The chronological boundaries are associated with the most important events in the organization of the Crimean customs service and customs regulation in general: in 1782, the Customs Tariff was adopted, often called the Black Sea Tariff; in 1784, Catherine II signed the Manifesto “On Free Trade in the Cities of Kherson, Sevastopol and Theodosia”, which became a kind of starting point for the creation of customs institutions in the region. In 1822, Alexander I approved the Customs Tariff, which played a key role in Russia's foreign policy; finally, the new Customs Tariff, which came into effect in 1850, marked the beginning of a new stage in the activities of the Russian Customs Service. At the same time, border and quarantine control bodies were created in border areas to solve the problems of stopping smuggling, taking preventive measures to avoid epidemics, etc. These special bodies had their own personnel structure, and their activities were regulated by special legislative acts. The main sources for publication were the materials of the State Archive of the Republic of Crimea (Gosudarstvenny Arkhiv Respubliki Krym – GARK, Simferopol), the Russian State Historical Archive (Rossiyskiy Gosudarstvenny Istoricheskiy Arkhiv – RGIA, St. Petersburg) and standards published in the Complete Collection of the Laws of the Russian Empire (Polnoye Sobranie Zakonov Rossiyskoy Imperii – PSZ RI).

Keywords: Russian Empire, 18th–19th centuries, the Crimean peninsula, customs authorities, customs policy.

1. Introduction

The central authorities, having included the Crimean peninsula about structure of the Russian Empire in 1783, used current situation for development of new methods of management and regulation of all spheres of activity in the acquired territories. Studying of historical experience of the previous generations indicates sources of emergence of modern problems in integration processes and probable ways of their decision: search of ways of new economic levers logically leads to restoration of functions of customs authorities as regulator of foreign economic relations, stabilization of a financial system and so forth.

Crimea, which several centuries earlier played a key role in the country's domestic and foreign trade in the Azov-Black Sea region, needs a revival of its position in the modern Russian reality. Therefore, the effective use of the experience of pre-revolutionary state-building, the study of the functioning of the pre-Soviet customs sphere and the competent management of modern economic processes with the help of customs regulations can facilitate the early transformation of the Crimean peninsula into one of the most successful and prosperous regions of Russia.

* Corresponding author

E-mail addresses: arktur4@rambler.ru (N. Borshchik)

2. Materials and methods

2.1. The informational component of the set of printed sources and archival documents was used as source materials. To determine the organizational and legal basis of the activities of the Crimean customs institutions and its analysis, the standards published in the Complete Collection of the Laws of the Russian Empire (**PSZ RI**) are important. The materials stored in the Russian State Historical Archive (**RGIA**), St. Petersburg, are widely represented. They contain key information on the creation, reform and activities of Russian customs authorities, including the Crimean region. The most informative documents are the funds “Department of Customs Charges of the Ministry of Finance” (f. 21), “Office of the Head of the St. Petersburg Customs District of the Department of Customs Charges of the Ministry of Finance” (f. 143), “The First Department of the Senate” (f. 1341), which preserved important documents on the activities of the central authorities in the creation and regulation of the activities of the Crimean customs, their rights and staffing.

These data are supplemented by materials of the State Archive of the Republic of Crimea (**GARK**). In particular, the preserved archival information of the specialized funds of the Crimean customs posts created in the 1780s has been attracted – f. 221 “Feodosia Port Customs”, f. 369 “Kozlovskaya Gyozylovskaya” / Evpatoria Port Customs of the Office of Taurida Regional State Chamber” and of power structures – f. 361 “Head of the Crimean Customs District”, f. 792 “Taurida State Chamber” and others.

2.2. The work has found the use of the integrated use of general scientific and special research methods: historicism, periodization, typology, comparison, etc., which, in unity, allow us to compare information from various sources on the problem under study and, in general, ensure the reliability of the results obtained. This technique allows us to illustrate the actions of Russian authorities aimed at the integration and development of Crimea after entering the region in the Russian Empire.

3. Discussion

There have been repeated attempts in domestic historiography to study the activities of domestic customs authorities. Back in the 19th century a study by K.N. Lodyzhensky (**Lodyzhenskij, 1886**) was published, which became the first in exploring the history of the customs policy of Russia (**Kulisher, 1903; Brandt, 1904**). In the next century, many works appeared that were mainly descriptive and fictional in nature, where some facts from the history of the domestic customs service on a national and regional scale were cited (**Druzhinina, 1959; Kislovskij, 1995; Pavlina, 2004; Solonchenko, 2007; Minaeva, 2009**). Modern studies on the functioning of customs institutions in the Azov-Black Sea region are few and mainly focus on historical and legal aspects (**Makidonov, 2011; Tret'yakova, 2011; Pospelova, 2012; Radajde, 2012; Golovko, 2014; Biryukova, 2015**). A definite contribution was made by the authors of this publication (**Borshchik, 2017; Prohorov, 2017; Latysheva, 2018; Borshchik et al., 2018**).

4. Results

The inclusion of the Crimean Khanate in the sphere of influence of Russia in the second half of the 18th century significantly changed the balance of forces in favor of the latter, which could not but contribute to the active development of foreign trade in the Black Sea region. Since joining the Russian Empire in 1783, the Crimean peninsula has always been at the center of attention of the central authorities, occupying an important place in the customs policy of the country.

September 27, 1782 was an important day for the formation of the customs authorities of the Crimean peninsula and the organization of the customs service. On this day, a decree was issued “On Issuing a Common Tariff for All Ports and Border Customs of the Russian Empire Except Astrakhan, Orenburg and Siberia”, which is called the Black Sea Region Tariff because of the special attention of the central authorities to this region (**PSZ RI. T. XXI (1781–1783). P. 678–681**). On the same day, another landmark regulation was adopted, “On the Establishment of a Special Customs Border Chain and Guards to Avert the Secret Transportation of Goods”, which regulates the creation of special bodies whose purpose was to prevent smuggling (**PSZ RI. T. XXI (1781–1783). № 15520. P. 682–685**).

Judging from the documents preserved in the State Archive of the Republic of Crimea, 1784 was the year of the opening of the first Russian customs institutions on the Crimean peninsula – the Feodosia Port Customs and the Gyozylovskaya (Kozlovskaya) Port Customs (later Evpatoria) (**GARK. F. 221. F. 369**). According to the text of the decree “On Building of New Fortifications on the Borders of the Ekaterinoslav Province” dated February 10, 1784, the city of Sevastopol was founded, “where Ahtiyar is now and where the Admiralty, the shipyard for the first rank of ships, port and military settlement should be found” (**PSZ RI. T. XXII (1784–1788). № 15929. P. 21–22**). In addition, Kagalnitckaya, Balaklava, Kerch, Yenikale (near Kerch) and Kinburin customs also operated on the territory of the Crimean peninsula. The status of Perekop and Arabat customs, operating on the peninsula before, in connection with the change of the administrative border, had already lost its original purpose, so the main customs points were those located in the coastal cities: Sevastopol, Feodosia and Evpatoria.

It was already noted that the problems of secret transportation of goods across borders (that is, smuggling) caused serious concern to the country's leadership and were the subject of wide discussion. At the highest level, the inefficiency of the frontier customs guard was recognized, aided by a number of reasons: the officials corrupt practices, complexity of the tasks assigned, and the uncertainty of the subordination in the

new structure. Therefore, the border guards were repeatedly reorganized afterwards. To ensure the normal functioning of customs, it was decided to send two customs inspectors to Novorossiysk Province, while one of them should control Dubossary, Odessa and Ochakov customs, as well as Ovidiopol, Kherson and Nikolaev customs outposts. The second inspector was charged with the management and customs inspection of all customs and customs outposts on the Taurida Peninsula and along the shores of the Sea of Azov.

The most generous report of Prince Gagarin, the President of the Commerce College, to Emperor Paul I with the appendix in the form of “The Staffing Table for Customs, Outposts and Customs Supervision” has been preserved, which clearly outlines the recommended number of staff in customs institutions. There should be 46 employees per each in the Kozlovsky (Gyozlyovskaya, or Evpatoria), Akhtiyar (Sevastopol) and Kefi (Kefinsky, or Feodosia) customs; in Kerch and Yenikale (Yenikalskaya) outposts – 8 people per each. The customs “supervision” assumed the presence of three overseers, 65 busters, one customs inspector, and with him was one scribe (clerk) (GARK. F. 369. Op. 1. D. 89. L. 20).

Customs fees for the Crimean customs were quite high, reaching amount of 23,318.52 rubles in 1787. However, the revolutionary events in France in 1789 seriously affected the turnover and financial contributions to the Russian treasury. On April 8, 1793, Catherine II signed a decree “On stopping the import of goods from other lands into Russia”, which substantiated the interruption of trade and any other connection with France, “until the order and the lawful power in the state in the King’s person is restored” (GARK. F. 799. Op. 1. D. 315. L. 57). The decree forbade importing any French goods by sea and land; French-issued items were declared smuggling.

However, in 1796, customs duties again reached the previous level and amounted up to 17,505.78 rubles (GARK. F. 792. Op. 1. D. 535. L. 1–38; GARK. F. 792. Op. 1. D. 8. L. 2–5; GARK. F. 792. Op. 1. D. 126a. L. 1–11). In 1793, Evpatoria ranked second after Taganrog in terms of the value of exported goods in the entire Northern Black Sea region (334,398 and 428,087 rubles, respectively). The goods on the amount of 54,281 rubles were exported through Feodosia, 9,660 rubles – through Kerch, 4,322 rubles – through Enikale, and 858 rubles – through the Sevastopol customs (Druzhinina, 1959: 254).

In parallel with the organizational arrangements for the formation of customs structures, the process of creating a quarantine service was underway. “The Charter of Border and Port Quarantines” was adopted on July 7, 1800. However, before it entered into force, active work was carried out on creating a network of quarantines designed to maintain and develop trade relations with the countries of the Mediterranean and Black Sea basins (Voronina, 2012: 217; Zmerzlyj, 2012). In particular, on June 6, 1793, “The Staff to Five Quarantines Supposed in Taurida Region” was approved, and the very next day, on June 7, 1793, Decree No. 17131 declared “On the Establishment of Quarantines in Yekaterinoslav Province and Taurida Region” (PSZ RI. T. XXIII (1789 – 1796). № 17131. P. 436–437). These documents regulated the creation of quarantine service in Sevastopol, Feodosia, Evpatoria, Kerch and on the Taman Peninsula. Here, for example, how the staff of the Sevastopol quarantine service was developed (RGIA. F. 1341. Op. 1. D. 161. L. 59, 59 ob.):

Table 1. The staff of the Sevastopol quarantine service at the end of 18th century

Rank and position held	Salary (rubles per year)
Quarantine police officer of the staff officers – 1	500 rubles
For the maintenance of the clerk and office expenses	350 rubles
Quarantine wardens – 2, one of them must be on the fire brigade, and the other in the quarantine house	200 and 400 rubles respectively
Physician – 1	300 rubles
Sub-physician – 1	150 rubles
These medical ranks, if needed, may require medicines from the Taurida field pharmacy, and at the same time rely on the box with surgical instruments, to pay per time:	120 rubles
Translator – 1	300 rubles
Customs officer – 1 (he is entitled, besides the salary, [to pay] from customs officials rank)	60 rubles
Quartermaster of the fleet – 2 (besides the salary, his salary from the team)	60 rubles
Rowers on two boats (besides the salary, uniform and provisions from the team) – 20	12 rubles each (overall 240 rubles)
Boats and vessels are given from the Sevastopol fleet	
Ober officers for the maintenance of the guard – 2 soldiers from standing in Taurida army regiments – 24	

In the usual quarantine inside the fence: Quarantine sergeant – 1	80 rubles
With him, quarantine soldiers (from the old service, who need the uniform and salary) – 6	40 rubles (overall 240 rubles)
Workers from criminals, who need shoes and clothes – 4	30 rubles (overall 120 rubles)
Powders, vinegar and tar for fumigation of clothing, as well as changing clothes and other unforeseen uses	500 rubles
Flour and cereals for food for lower servants who do not rely on food at their rank, and also for merchants, who will sell from quarantine stores at the suggestion of the governor of the region	
Total number of employees under quarantine – 40 people	Total 3288 rubles

For quarantines in Evpatoria and Feodosia, according to the staffing table, the same number of employees with a similar budget of 3288 rubles was assumed. (RGIA. F. 1341. Op. 1. D. 161. L. 59 ob.). The budget of quarantine established in Kerch was “half”, but with the same staff. On the Taman Peninsula, the quarantine, the staff of which was compiled “in diminution”, was headed by a police officer in the staff-officer rank (with a salary of 500 rubles per year), in subordination to which there were medical ranks (physician and sub-physician, “from the county, according to the staff of the region”), as well as a clerk (it was supposed to spend 250 rubles annually on the maintenance of a clerk and clerical expenses). For Taman quarantine, it was necessary to pay 100 rubles for “powders, vinegar and tar for fumigation” annually.

Over all quarantines of Taurida region the chief principal of quarantine service (the officer of the 6th class) was appointed. The total budget of all Taurida quarantines was 15,602 rubles. In addition, the treasury allocated money for the “repair of quarantines and for the addition of buildings” (5 thousand rubles each) (PSZ RI. T. XXIII (1789–1796). № 17131. P. 436). Four lightly-armed Black Sea Fleet vessels were supposed to patrol along the coast of Crimea from Balaklava to Yenikale, from Evpatoria to the northwestern tip of the peninsula, to be a customs and quarantine chain according to the compilers of “The Staff to Five Quarantines Supposed in Taurida Region”. Quarantine guards were to be recruited “from the troops serving in Taurida” in agreement with the local authorities and the commander of the Russian army in Taurida Region, “in accordance with the known presence of places along the Taurida coast” (RGIA. F. 1341. Op. 1. D. 161. L. 60; PSZ RI. T. XLIV (1801–1825). P. 212–215).

It should be noted that the reorganization of the customs authorities was carried out repeatedly after that and was justified by the effective execution of the priorities of the domestic and foreign policy of the Russian state. One of the first was the Manifesto signed on June 24, 1811, proclaiming the “Establishment of the Customs Directorate for European Trade”, which streamlined the composition of the customs bodies of the Russian Empire, outlined the rights and duties of the heads of customs districts and other customs officials, provided for benefits and responsibilities. In accordance with the provisions of this document, Feodosia customs district which was formed, included almost all the customs institutions of the Crimean peninsula that existed at that time: Evpatoria and Feodosia customs, “Kerch, Yenikol, Balaklava and Bugas outposts” (PSZ RI. T. XXXI (1810–1811). № 24684. P. 680–685).

The standard of 1811 “Regulations on the Structure of the Border Cossack Guard” became important in the reform of the border customs guard, by which the authorities tried to separate border control and the fight against smuggling. From that time on, 11 Don Cossack regiments were allocated for protection of every border. The state border was guarded in two lines – the Cossacks and hired customs busters. Special teams of 10 busters were created who guarded a section of the border with a length of 15 versts (16 km), subordinated to the border customs guards and their assistants. It is known that the coastal section of the Black and Azov seas was guarded by 200 busters, 8 guards and 8 assistants (Loginova, 2014). There is information that officers for the border customs guards were recruited on the basis of the model of 1782 – upon recommendation from the places of service, where the certified person had previously worked. But in the face of the growing needs of the state for new civil servants, there was a significant shortage of professional personnel recruited from retired army lower ranks. Therefore, often in the Russian Empire, including in Crimea, people serving as the border guards were recruited from local residents. This practice proved itself in the most negative way – the locals not only strongly condoned the smuggling of goods across the border, but also often smuggled themselves. Naturally, the current state of affairs could not but disturb the government. In 1822, the central authorities decided to abolish the Customs Border Guard and create the Border Customs Guard from the regimental military officials. The new decree of August 5, 1827 approved the “Regulation on the Formation of Border Customs Guard in Russia”, developed by the Minister of Finance E.F. Kankrin, who defined the goals and objectives of the new service, the principles of its organization and the mechanism for exercising authority.

The border control was established on a military basis. The direct supervision of the guards was carried out by the Foreign Trade Department of the Ministry of Finance. Special customs districts were created on the European territory, which included special forces – brigades or separate companies consisting of detachments in the form of foot and equestrian guards. The brigade commanders were appointed from among the acting officers of the Russian army and reported to the heads of customs districts. They monitored

military discipline in the units entrusted to them, their economic, food supply, etc. The main task of the newly created guard was still fighting smuggling, but its functions and powers were significantly expanded. An important aspect of its activities was border control – the supervision of people trying to illegally cross the border, the detention of fugitives, deserters and vagrants. Since 1835, the border customs guard was also charged with quarantine supervision and protection of state borders. It is from that time considered that a specialized structure was created in the system of government bodies of the Russian Empire to protect the economic, political, territorial and other interests of the country in its border areas (Latysheva, 2018).

Naturally, the exceptional importance of state duties assigned to Russian customs officers implied certain requirements for them. The government of Catherine II tried to be very attentive to the appointment of customs officers. Nevertheless, the lack of qualified personnel in the customs authorities was felt quite acutely. The authorities tried to solve the problem in a complex way: from inviting foreign specialists and increasing salaries to entrusting those state functions to local governments (Borshchik et al., 2018).

Among the documents of the funds of the customs authorities in the State Archives of the Republic of Crimea, the official lists of the service of officials of the Crimean customs are preserved. In the Russian State Historical Archive there are official lists of heads of customs districts, including those who served in the Crimea (RGIA. F. 1349. Op. 4. D. 120, 122, 137). Unfortunately, this documentary complex is still of little demand in regional historiography, there are still isolated cases of studying this kind of documents (Borshchik, 2017; Prohorov, 2017).

For the analysis of the personnel structure of the Crimean customs, the official lists of employees of customs institutions of the late 18th century and the 1850s were drawn. From the normative documents (including those adopted on September 27, 1782) it is known that the officials were divided into two groups: customs administrators and customs officers. The administrators were: a steamer, a wagmeister (or wagenstemplmeister), a warehouse (barn) inspector and ecker. The staff also consisted of a zollner, supervising the collection of customs duties. Their official powers were enshrined in the instructions issued by the Commerce College. The stampmaster was responsible for the application of the customs seal, participated in the production of inspection of goods; wagemasters were involved in weighing “weight goods”. The duties of the warehouse inspector included the reception of goods and their storage. The powers of the harbor master (the caretaker of the harbor) were to assign the place to the newly arrived ships and monitor the order in the harbor, monitor the cleanliness of the port. The controller had to monitor the state of law in customs, identify and prevent abuses, correct procedures in accordance with the norms of the charters. Cashiers kept statements of income and expenditure. The staff of the customs also consisted of clerks who independently prepared draft documents, as well as sub-clerks and copyists (those responsible for making copies of documents). The lower ranks were represented by busters (on foot and on horseback), examiners, translators and quartermasters (Balkovaya, 2012: 67, 68; Prohorov, 2017: 343). The table below shows the nominal composition of Feodosia Port Customs at the end of the 1790s, indicating the amount of salary (GARK. F. 792. Op. 1. D. 8. L. 15–17):

Table 2. Officials and employees of the Feodosia port customs at the end of 18th century

Rank and position held	Salary (rubles per year)
Director Second-Major Christophor Tumanov	500
Zollner captain Ivan Karachuk	300
Controller Ivan Christophorov	200
Warehouse inspector Fedor Chernyavsky	150
Cashier Nikolay Zalessky	150
Ober-Buster Jacob Petrov	150
Ecker Ivan Pataniotov	150
Wagenstemplmeister Savva Nechaev	120
Gavanmeister Nikolay Mihamet	100
Clerk Petr Kharchenkov	130
Sub-clerk Ivan Fedorov	100
Copyists: Peter Dubosarov, Osip Nagorny	60 each
Six examiners	50 each
Busters: 6 horsemen and 4 footmen	70 each and 50 each
Quartermaster	40

Similar information is presented on the Evpatoria customs at the end of the 1850s (GARK. F. 361. Op. 2. D. 12, 34):

Table 3. Officials and employees of the Evpatoria port customs in the middle of 19th century

Rank and position held	Salary (rubles per year)
Sharkov Viktor Vasilyevich, manager of the Evpatoria port customs	464 rubles 9 kopecks
Prendel Alexander Viktorovich, member of the Evpatoria port customs	388 rubles 40 kopecks
Panshin Afanasy Semenovich, secretary of the Evpatoria port customs	238 rubles 83 kopecks
Aytminovich Apolinary Frantsevich, an accountant and levying officer	238 rubles 83 kopecks
Pavlovsky Alexander Konstantinovich, translator	238 rubles 83 kopecks
Kalinin Sergey Pavlovich, wagtstempelmeister	238 rubles 83 kopecks
Debrovsky Mitrofan Konstantinovich, ship keeper and shipwright	194 rubles 28 kopecks
Burkatsky Ivan Ivanovich, Chernov, Alexander Silverstovich, office clerks	137 rubles 5 kopecks
Bolsunovsky Ivan Pavlovich Mayatsky Evlampy Pavlovich Malenko Vasily Stepanovich, scribes	137 rubles 5 kopecks

On the basis of these two tables, it is clearly seen that if the official composition did not undergo any significant changes for fifty years, then salaries were averaged in their amount. If the difference in salary between top management and ordinary personnel in the middle of 18th century was ten or more times (500 and 40 rubles), then in the middle of the 19th century it was not more than 3.5 times (464 rubles 9 kopecks and 137 rubles 5 kopecks).

According to the official lists, the national composition of the customs of the Taurida region was multinational: the Greeks, Russians, Little Russians and Poles; there were relatively few Armenians. According to the estates, customs officials were divided into nobles, ober-officers, officers and “doctoral” children, people from the merchant class, as well as representatives of island communities of the Greek archipelago. A significant percentage of customs officers were retired soldiers who entered the service “for free hire.” Regarding the religion of officials, we note that the archival documents mention both Orthodox and Catholics, Greek Catholics and Armenian Gregorians. Identified age indicators of employees range from 20 to 55 years.

It is important to note that almost all high-ranking officials of the Crimean customs (managing customs districts and customs, their deputies) were natives of other regions of the country who already had experience in public service. For example, at the end of the 18th century, “zollner of Feodosia port customs ensign Ivan Vasiliev son of Khristofor”, director of Evpatoria port customs “collegiate assessor Dimitri Ivanov son of Vreto”, advisor for Customs expedition “collegiate assessor Michael Manuilov son of Karatsenov” were of “Greek nation”; zollner of Sevastopol port customs “captain Semyon Romanov son of Tikhon” and non-commissioned zollner of Kerch customs Ivan Nikolaev son Zalesky” were of “Polish nation” (Prohorov, 2017). The average age of the above officials was within forty years, the average length of service in government was fifteen years. Not all employees had experience in state structures; often young people were recruited to lower positions, for which service in customs was the first workplace. In some cases, there were both patronage and family ties. For example, the manager of Evpatoria port customs since 1861, collegiate assessor Vasily Yemelyanovich Bobyrev was married to Nadezhda Danilevskaya, daughter of collegiate adviser Nikolai Osipovich Danilevsky, manager of Feodosia customs in 1860 (Borshchik, 2017). It can be noted that formal lists are more interesting source of personal composition of employees of the Crimean customs, border and quarantine institutions of the late 18th – mid 19th century. Analysis and comparison of data from official lists can be the basis for further prospective studies on the history of public service, the history of customs authorities, and the study of regional features of the functioning of public institutions.

5. Conclusion

The inclusion of the Crimean peninsula into the Russian Empire in 1783 radically changed the geopolitical situation in the region and required a revision of the existing agreements. The authors have concluded that the regulation of international trade through the ports of Crimea, the size of customs duties, their increase / decrease “in relation to local needs” and other rather complex issues and their decision were regulated by the central authorities. It should be noted that the process of creating a regulatory framework for the activities and formation of the staff of the Crimean customs was due to the legislative measures adopted by Empress Catherine II, in accordance with which personnel was recruited into the customs

registers: their thoughtful and detailed structure implied a strict distribution of duties between officials and maximum control for financial reporting. Further, there was an obvious bureaucracy of customs institutions, and that was particularly pronounced in relation to the customs of the seaports and those points (outposts) that were located on the borders of the empire. In other words, the activity of customs institutions on the Crimean peninsula after its accession to Russia was determined both by imperial decrees and internal administrative orders, and by the complex foreign policy situation in which Russia found itself at the end of the 18th century.

It is obvious that in any state customs policy and customs regulation play a leading role not only in adjusting domestic economic processes, but also in relations with other countries, determining the state foreign policy. In this regard, the effective activity of the customs authorities contributed to the dynamic development of trade operations, international economic cooperation, etc. In the Russian Empire of late 18th – mid 19th centuries, special government bodies were created – quarantine and border guards, designed to solve a complex of problems in the border areas.

6. Acknowledgements

The study was carried out as a part of the project implementation No. 18-09-00480 of the Russian Foundation for Basic Research.

References

- Balkovaya, 2012** – *Balkovaya V.G.* (2012). Upraviteli i sluzhiteli rossijskih tamozhen v pervoj chetverti XVIII veka [Superintendents and attenders of Russian customs in the first quarter of the 18th century]. *Gumanitarnye issledovaniya v Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. Nr 3, pp. 66–70. [in Russian]
- Biryukova, 2015** – *Biryukova N.N.* (2015). Deyatel'nost' Feodosijskoj tamozhni v sostave Tavricheskoj gubernii v konce XVIII – nachale XX vv. [The activity of Feodosia Customs as part of the Taurida province in the late 18th – early 20th centuries]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki*. V. 1 (67). Nr 2, pp. 9-14. [in Russian]
- Borshchik et al., 2018** – *Borshchik N.D., Latysheva E.V., Prohorov D.A.* (2018). Formation and Operation of Customs Agencies in Crimea at the Initial Stage (1783–1822). *Bylye Gody*, Vol. 48. Nr. 2. pp. 528-537.
- Borshchik, 2017** – *Borshchik N.D.* (2017). Kadrovyy sostav Evpatorijskoj portovoj tamozhni Tavricheskoj gubernii v 1860-e gg. [The staff of Evpatoria port customs of the Taurida province in the 1860s]. *Nauchnyj vestnik Kryma*, Nr 5 (10). [Electronic resource]. URL: <http://nvk-journal.ru> (accessed: 19.11.2017). [in Russian]
- Brandt, 1904** – *Brandt E.F.* (1904). Finansovaya politika i tamozhennoe pokrovitel'stvo [Financial policy and customs protection]. Publishing house of V.F. Kirshbaum, Saint Petersburg. [in Russian]
- Druzhinina, 1959** – *Druzhinina E.I.* (1959). Severnoe Prichernomor'e v 1775–1800 gg. [Northern Black Sea Coast in 1775–1800]. M. [in Russian]
- GARK** – Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym [State Archives of the Republic of Crimea].
- Golovko, 2014** – *Golovko Yu.I.* (2014). Proekty razvitiya chernomorskoj trgovli (poslednyaya chetvert' XVIII – nachalo XIX v.) [Projects for the development of the Black Sea trade (the last quarter of the 18th - the beginning of the 19th century)]. *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Nr 17, pp. 83-107. [in Russian]
- Kislovskij, 1995** – *Kislovskij Yu.G.* (1995). Istoriya tamozhni gosudarstva Rossijskogo [History of customs of the Russian state]. Author Publishing house, M. [in Russian]
- Kulisher, 1903** – *Kulisher I.M.* (1903). Ocherki po istorii tamozhennoj politiki [Essays on the history of customs policy]. Publishing house of V.F. Kirshbaum, Saint Petersburg. [in Russian]
- Latysheva, 2018** – *Latysheva E.V.* (2018). Pogranichnaya strazha v sostave tamozhennoj sluzhby Rossijskoj imperii [Border guard as part of the customs service of the Russian Empire]. *Nauchnyj vestnik Kryma*. Nr 5 (16). [Electronic resource]. URL: <http://nvk-journal.ru> (accessed: 10.02.2019). [in Russian]
- Lodyzhenskij, 1886** – *Lodyzhenskij K.N.* (1886). Istoriya russkogo tamozhennogo tarifa. [The history of the Russian customs tariff]. Publishing house of V.S. Balashov, Saint Petersburg. [in Russian]
- Loginova, 2014** – *Loginova A.S.* (2014). Bor'ba s kontrabandoj v dorevolucionnoj Rossii: prichiny, hod, rezul'taty [The fight against smuggling in pre-revolutionary Russia: reasons, process, results]. *Istoriya gosudarstva i prava*. Nr 16, pp. 43-48. [in Russian]
- Makidonov, 2011** – *Makidonov A.V.* (2011). Personal'nyj sostav administrativnogo apparata Novorossii XVIII veka [The personnel of the administrative apparatus of New Russia of the 18th century]. Prosvita Publishing house, Zaporozhye. [in Russian]
- Minaeva, 2009** – *Minaeva T.S.* (2009). Rossiya i Shveciya v XVIII veke: istoriya tamozhennoj politiki i tamozhennoj sistemy [Russia and Sweden in the 18th century: the history of customs policy and the customs system]. Publishing house of Pomorsk State University, Arhangelsk. [in Russian]
- Pavlina, 2004** – *Pavlina T.V.* (2004). «Pamyatuya prisyzhnyu dolzhnost'...» (Ocherki po istorii tamozhennoj sluzhby v Komi krae v XV – v pervoj polovine XVIII veka) [“Mindful of a jury position ...”

(Essays on the history of customs in the Komi Territory in the 15th – first half of the 18th century). Syktyvkar. [in Russian]

Pospelova, 2012 – *Pospelova Yu.A.* (2012). Azovo-Chernomorskie tamozhni v konce 18 veka: infrastruktura, shtat, effektivnost' raboty [Azov-Black Sea Customs at the end of the 18th century: infrastructure, staff, operational efficiency]. *Elektronnyj zhurnal 'Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta'*, Nr 2, pp. 14–23. [Electronic resource]. URL: <http://www.evestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/189> (accessed: 19.09.2017). [in Russian]

Prohorov, 2017 – *Prohorov D.A.* (2017). Shtaty i deyatel'nost' tamozhennykh uchrezhdenij Tavricheskoj oblasti v konce XVIII veka [States and activities of customs institutions of Taurida region at the end of the 18th century]. *Istoriya i arheologiya Kryma*, Nr 5, pp. 341–370. [in Russian]

PSZ RI – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg, 1830.

Radajde, 2012 – *Radajde D.S.* (2012). Razvitie tamozhennykh uchrezhdenij Tavricheskoj gubernii s 1819 po 1914 g. [The development of customs institutions of Taurida province from 1819 to 1914]. *Zakon i zhizn'*, Nr 2. [Electronic resource]. URL: <http://www.legeasiviata.in.ua/archive/2013/10-2/54.pdf> (accessed: 19.11.2017). [in Russian]

RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive].

Solonchenko, 2007 – *Solonchenko E.A.* (2007). Tamozhennaya politika na yugo-vostoke Rossii i ee realizaciya v Orenburgskom krae v 1752–1868 gg. [Customs policy in the southeast of Russia and its implementation in the Orenburg region in 1752–1868]. Publishing house of Orenburg State Pedagogical Institute, Orenburg. [in Russian]

Tret'yakova, 2011 – *Tret'yakova G.A.* (2011). Tamozhennye organy v gosudarstvennom mekhanizme Rossijskoj imperii XVIII v. [Customs authorities in the state mechanism of the Russian Empire of the 18th century]. *Voprosy ekonomiki i prava*. Nr 33, pp. 22–27. [in Russian]

Voronina, 2012 – *Voronina E.O.* (2012). Sozdanie i razvitie gosudarstvennoj karantinnoj sluzhby v Rossijskoj imperii v nachale XIX veka [Creation and development of the state quarantine service in the Russian Empire at the beginning of the 19th century]. *Zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya 'Yuridicheskie nauki'*. Vol 25 (64). Nr 1, pp. 216–224. [in Russian]

Zmerzlyj, 2012 – *Zmerzlyj B.V.* (2012). Stvorenyya karantinnih ustanov v Krimu v kinci XVIII – pochatku XIX st. [The quarantine establishment in Crimea at the end of the 18th century – the beginning of the 19th century]. *Chasopis Kiïvs'kogo universitetu prava*. Nr 1, pp. 18–23. [in Ukrainian]

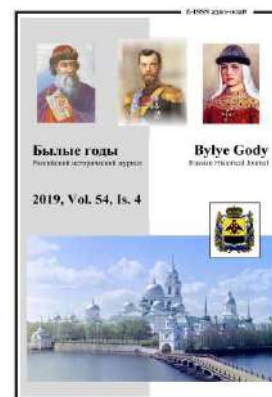
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1514-1523. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1514
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Components of the Intra-Noble Status (Analysis of the «Eight-Class» Nobility of the Kharkiv Governorship of 1786–1799)

Sergey I. Degtyarev ^{a, b, *}, Mikola A. Mikhaylichenko ^c,
Lyubov G. Polyakova ^{b, d, e}, Jasmin Gut ^f

^a Sumy State University, Sumy, Ukraine

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^c Sumy National Agrarian University, Sumy, Ukraine

^d Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^e East European History Society, Russian Federation

^f University of Geneva, Geneva, Switzerland

Abstract

The article, on the example of the «eight-class» nobility of Kharkiv governorship, explores the main components of the status of the nobleman. It is concluded that the status of a nobleman depended on a number of factors: origin and kinship; belonging to a personal or hereditary nobility; parts of the genealogy of a noble book into which the genus is entered; the performance of positions in the noble elections; rank; property status. At the same time, as the most important components of the status of a nobleman, the authors distinguish the rank and possession of serfs. On the example of the «eight-class» nobility of Kharkiv governorship, it was shown that the property status of the nobleman was not directly dependent on his rank. At the same time, the high career and property positions of nobles were often reinforced by origin, family ties, and successful marriages. The main source in the study was the third part of the genealogy book of Kharkov governorship of 1786-1799. This document is stored in the collection department of rare editions and manuscripts of the Central Scientific Library of V. Karazin Kharkiv National University.

Keywords: nobleman, noble status, bureaucracy, Kharkiv governorate, Russian Empire, noble genealogy book, rank, Table of ranks.

1. Введение

Дворянство было главенствующим сословием в Российской империи и во многом определяло политику государства. Поэтому его история привлекает внимание широкого круга исследователей. География данного исследования будет ограничена в большей степени территорией Северо-Восточной Украины, а конкретнее – землями бывшей Слобожанщины, где к числу элит относились прежде всего представители казацкой старшины. Одной из причин такого выбора является тот факт, что окончательное завершение формирования дворянства в Российской империи как сословия практически совпало по времени с поглощением им бывшей казацкой старшины. Казацкая элита в конце XVIII в. меняет общественную роль и правовой статус, что существенно повлияло на общественно-политическую жизнь на украинских землях, входивших в состав империи. В 1785 г. Екатерина II своей «Жалованной грамотой» окончательно закрепила превращение российского дворянства в консолидированное привилегированное сословие. Однако, несмотря на формальное равенство, в среде дворянства существовала собственная стратификация, внутренняя иерархия,

* Corresponding author

E-mail addresses: starsergo@bigmir.net (S.I. Degtyarev)

которая определяла статус каждого отдельного дворянина. Изучение составляющих этого внутрисословного статуса, их взаимосвязей является главной целью данного исследования. При этом мы ставили перед собой следующие задачи: 1) выделить основные составляющие внутрисословного статуса дворянина; 2) изучить корреляции этих составляющих.

2. Материалы и методы

Широкие возможности для изучения статусных позиций дворян открывают записи в родословных дворянских книгах. Они распределяют дворян по категориям, указанным в «Жалованной грамоте дворянству» и относящим их, например, к «древнему» или «восьмиклассному» дворянству. Эти книги определяют место дворян в чиновной иерархии и материальное положение (в родословных книгах указывался чин дворянина и количество ревизских душ, которыми он владел). Поскольку родословные дворянские книги вели губернские дворянские депутатские собрания, в них вносилось преимущественно местное дворянство. Анализ этого источника позволяет делать обобщения относительно положения дворянства отдельных губерний.

Нами была использована третья часть родословной книги Харьковского наместничества (хранится в отделе коллекций редких изданий и рукописей Центральной научной библиотеки Харьковского национального университета им. В. Каразина), в которую были внесены представители «восьмиклассного» дворянства (то есть верхушка служилого дворянства) – лица, имеющие чины по Табели о рангах от VIII класса и выше. Записи эти были сделаны в 1786–1799 гг., то есть от начала нобилитационной деятельности Харьковского дворянского депутатского собрания и до временного прекращения этой деятельности во время правления Павла I. Для исследования нами было выбрано «восьмиклассное» дворянство как наименее подверженное проникновению в его ряды лиц, приобретших дворянство исключительно благодаря службе предков. При этом отметим, что социальная ситуация на землях бывших слободских казачьих полков отличалась определенной спецификой. Так, закрепление права на потомственное дворянство за казацкой старшиной в ранге сотника и выше оставляло возможность для его приобретения представителями казацко-старшинских родов, принадлежащими к духовному и даже крестьянскому сословию (Михайличенко, 2014: 148). Такие лица вносились преимущественно во вторую («военное» дворянство), а иногда и шестую («древнее» дворянство) часть родословной дворянской книги Харьковского наместничества (Михайличенко, 2016).

Кроме того, в работе были использованы архивные материалы из Центрального государственного исторического архива Украины в г. Киеве (ЦГИАУК), а также материалы Полного собрания законов Российской империи (ПСЗ).

В процессе работы над данной статьей мы использовали принципы историзма, объективности, исторического антропологизма, а также методы – сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, ретроспективный. Это позволило учесть закономерности развития дворянства Российской империи, общественно-политические процессы, которые происходили в изучаемый период. Характер исследования требовал также применения критического подхода к работе с таким источником, как родословная дворянская книга. Это позволило избежать ряда субъективных оценок.

3. Обсуждение

Реализовать цели нашего исследования позволяет достаточно обширная литература по данной проблематике. Так, целый ряд исследователей указывал на имущественное положение как один из наиболее важных критериев внутрисословной дифференциации дворянства. В частности, Б.Н. Миронов отмечает, что, несмотря на то, что после 1785 г. дворянство консолидировалось в единое сословие, его отдельные представители дифференцировались по источнику получения дворянства и по имущественному положению. Он предлагает трехчленную схему стратификации дворянства, разделяя его по имущественному принципу на три страты: низшую (в которую входят и личные дворяне), среднюю и высшую (Миронов, 2000: 85–86). Эти же критерии (принадлежность к личному или потомственному дворянству, источник приобретения дворянства, материальное положение) стратификации дворянства упоминает в своей работе и Р.В. Федосеев. Исследователь выделяет следующие внутрисословные группы: 1) дворяне-землевладельцы; 2) личные дворяне; 3) лица, пользующиеся правами дворянства (Федосеев, 2016: 105–106). Собственность как важный показатель его внутрисословного статуса отмечает и Д.В. Тимофеев (Тимофеев, 2011: 89). И.А. Кочергин, анализируя внутреннюю стратификацию дворян Екатеринославской губернии, использует два основных критерия: принадлежность к личному и потомственному дворянству и степень участия в работе дворянских депутатских собраний (которое, в свою очередь, зависело от материального положения дворянина) (Кочергин, 2011: 20).

Роль чина в статусных позициях дворянина, влияние государственной службы на его авторитет подробно рассмотрены в работах ряда исследователей, в частности С.И. Дегтярева (Дегтярев, 2014; Дегтярев, 2016; Degtyarev, 2013b; Degtyarev, 2014; Degtyarev, 2015), Е.Н. Марасиновой (Марасинова, 1991), О.В. Моряковой (Морякова, 1993), Н.И. Павленко (Павленко, 1961), Л.Ф. Писарьковой (Писарькова, 1995а; Писарькова, 1995b; Писарькова, 2008), М.Ф. Румянцевой (Румянцева, 1985),

Е.Л. Шепелева (Шепелев, 2005; Шепелев, 1999). Исследователи сходятся в оценке чина как важнейшего показателя внутрисословного статуса дворянина.

Некоторые работы посвящены внутрисословным процессам, которые протекали в среде элит в различных национальных регионах Российской империи. В том числе в ряде таких работ затрагивается и вопрос одворянивания таких элит (предоставление им прав российского дворянства) на землях Северо-Восточной Украины (Маслійчук, 2004; Проневич, 2004; Склокін, 2019; Degtyarev, 2013a; Degtyarev, Kryvosheia, 2016).

Различные аспекты проблематики, в частности вопросы сословной стратификации российского имперского общества, исследованы в трудах зарубежных ученых С. Беккера, С. Диксона, М. Конфино, Г. Фриза (Беккер, 2004; Фриз, 2000; Dixon, 2015; Confino, 2008).

4. Результаты

Внутрисословный статус дворянина и его составляющие

Российское дворянское законодательство предусматривало разделение привилегированного сословия на личное и потомственное дворянство, а последнее дифференцировало по способу его получения.

К личному дворянству причислялись чиновники, имевшие чины ниже восьмого класса Табели о рангах (коллежский асессор и равные ему чины). Их не вносили в губернские родословные дворянские книги, они не могли владеть крепостными, их участие в работе дворянских корпораций было ограничено (Мионов, 2000: 86).

Что же касается потомственного дворянства, то «Жалованная грамота» закрепляла его разделение на шесть групп в соответствии с той частью родословной дворянской книги, в которую записывался тот или иной род:

- 1) «действительное», пожалованное российскими монархами;
- 2) «военное», приобретенное благодаря военным чином XIV–IX классов;
- 3) «восьмиклассное», приобретенное благодаря военным и гражданским чином, начиная от VIII класса и выше;

4) «иностранное», то есть представители иностранных дворянских родов, принявшие российское подданство;

- 5) титулованное дворянство;

6) «древнее», то есть «роды, коих доказательства дворянского достоинства за сто лет и выше восходят» (Жалованная грамота: 352–353).

Следует отметить, что при юридическом равенстве всех потомственных дворян независимо от того, в какую часть родословной книги они были записаны, принадлежность к «действительному» дворянству считалась менее почетной, чем к военному и «восьмиклассному», а все категории выслуженного дворянства – менее престижными, чем титулованное и «древнее» (Романова, 2004: 193).

Однако ни принадлежность к личному дворянству, ни запись в более или менее «престижную» часть родословной книги сами по себе еще не определяли внутрисословного статуса дворянина. Так, известны случаи, когда свою принадлежность к «древнему» дворянству доказывали лица, ведущие фактически крестьянский образ жизни (Михайличенко, Потапенко, 2011: 70). Говоря же о личном дворянстве, следует учитывать, что по своей культуре, бытовым привычкам и поведению личные дворяне принадлежали к благородному сословию и именно с ним идентифицировали себя. Лишь некоторая часть родовитого и состоятельного потомственного дворянства дистанцировала себя от личных дворян (Мионов, 2000: 86).

Итак, следует искать более универсальные факторы формирования внутрисословного статуса дворянина. Таковыми, по нашему мнению, являются чин и имущественное положение.

Важным элементом статуса дворянина был чин. Как отмечал Л.Е. Шепелев, именно классами чинов измерялось положение человека в обществе (Шепелев, 2005: 32). Более того, место дворянина в системе чинов становилось универсальной, исчерпывающей характеристикой личности и в области сословно-статусных отношений, и в сфере межличностных связей (Марасинова, 1991: 23). Эту же мысль озвучивает и Л.Е. Шепелев, цитируя одного из западных путешественников, посетивших Россию в царствование Павла I: «Здесь все зависит от чина... Не спрашивайте, что знает такой-то, что он сделал или может сделать, а какой у него чин» (Шепелев, 2005: 31–32).

В процессе инкорпорации различных национальных элит (украинской, кавказской, польской и других) в социальную и административную структуру Российской империи в конце XVIII в. представители этих элит зачастую стремились не просто получить права российского дворянства, но и подчеркнуть свою значимость внутри этого сословия, усилить ее. Таковую возможность мог предоставить чин. Известно довольно много случаев, когда, например, представители казацкой старшины (сотники, бунчуковые и войсковые товарищи и др.), получая дворянский статус, просили власти наградить их (пожаловать им) гражданским чином коллежского асессора (VIII класс по Табели о рангах) или военными чином, соответствующими тому же классу (ЦГИАУК. Ф. 193. Оп. 4. Д. 439:

1-10; ЦГИАУК. Ф. 193. Оп. 4. Д. 551: 1-11; ЦГИАУК. Ф. 193. Оп. 4. Д. 566. Л. 1-4; Degtyarev, Kryvosheia, 2016).

Обладание классным чином предполагало не только набор служебных и общественных преимуществ и льгот, но и целую систему внешних отличий, определявших морально-психологическую привлекательность карьерного роста. В конце XVIII в. принадлежность к тому или иному чину определяло форму именованя и титулованя дворянина и даже право использования дорогих экипажей и ношения одежды. Так, лиц, имеющих чины первых пяти классов Табели о рангах, было положено отмечать в «чиновной росписи» с полным отчеством (т.е. используя почетную форму именованя), чинов VI–VIII классов – так называемыми полуотчествами, а всех остальных – только по имени, без отчества. Сложилась форма титулованя согласно классу чина: I и II классы – Ваше высокопревосходительство; III–IV классы – Ваше превосходительство; V класс – Ваше высококордие; VI–VIII классы – Ваше высокоблагородие; IX–XIV классы – Ваше благородие (Шепелев, 2005: 29, 47-48). В 1775 г. был издан императорский манифест, который регулировал использование конных экипажей и дорогого шитья в одежде в зависимости от класса чинов. Так, лицам двух первых классов дозволялось ездить в городах в экипажах с шестью лошадьми с двумя всадниками и носить ливреи «выложенные по швам». Лицам же XIV–IX классов полагалось ездить по городам в каретах и в санях, запряженных парой лошадей и без всадников, а также носить ливрею без какого-либо шитья (О экипажах...: 100-102).

Вместе с тем В.В. Крючков вполне резонно указывает на то, что сам по себе чин далеко не полностью определял внутрисословный статус. При этом исследователь на примере рязанского дворянства приводит случаи, когда достаточно престижные выборные должности занимали лица с невысокими чинами (Крючков, 2002: 18-19). Подобные примеры характерны и для других регионов империи, в частности для Харьковского наместничества исследуемого периода. Так, в 1786 г. должности предводителей дворянства Богодуховского и Недригайловского уездов занимали отставные поручики Максим Иванович Павлов и Павел Романович Романов (ЦГИАУК. Ф. 1709. Оп. 2. Д. 911. Л. 125 об.-127; ЦГИАУК. Ф. 1709. Оп. 2. Д. 912. Л. 222). При этом отметим, что, несмотря на небольшие чины, предводители принадлежали к влиятельным слободским казацко-старшинским родам: бывший казачий сотник М.И. Павлов был потомком сотника П.Г. Павлова, служившего еще в 80-е годы XVII в., а П.Р. Романов был сыном сумского полковника Р.И. Романова (Родословная книга 6: 341; Потапенко, 2007: 41, 275).

Определяя статус того или иного дворянина внутри сословия, следует учитывать и его материальное положение, в первую очередь число ревизских душ, которыми он владел. Как отмечает Д.В. Тимофеев, «для российского дворянина собственность была важным показателем его внутрисословного статуса, который определялся не только происхождением, но еще и размером имущества и количеством крепостных крестьян». От наличия собственности во многом зависела и служебная карьера дворянина. Например, в соответствии с указом 1737 г. на службу в Сенат могли быть определены лишь дворяне, имевшие свыше 100 душ крестьян мужского пола, а претенденты на службу в коллегии и канцелярии – от 25 до 100 душ (Тимофеев, 2011: 89).

От материального положения дворян прямо зависели их корпоративные права и степень их участия в управлении. Право занимать любую должность в дворянском самоуправлении получали лишь те из них, кто имел годовой доход не менее 100 руб. Это значило, что дворянин должен был иметь не менее 20 душ, поскольку в 1780-е годы средний оброк составлял 5 руб. серебром с ревизской души (Миронов, 1999: 86-87).

Размер собственности был важной характеристикой платежеспособности дворянина, что юридически отражалось в зависимости между количеством принадлежащей собственности и суммой банковской ссуды, выдаваемой под залог имения. Кроме этого сам факт наличия недвижимой собственности использовался как средство самопрезентации дворянина на различных балах, званых обедах и других встречах с представителями дворянского сословия (Тимофеев, 2011: 89).

Количество ревизских душ было настолько очевидной статусной меркой, что это нашло отражение в классической литературе. Так, Н.В. Гоголь, иронизируя в своих «Мертвых душах» над чиновничеством, одновременно упоминает и о статусном значении душевладения: «у нас есть такие мудрецы, которые с помещиком, имеющим двести душ, будут говорить совсем иначе, нежели с тем, у которого их триста, а с тем, у которого их триста, будут говорить опять не так, как с тем, у которого их пятьсот, а с тем, у которого их пятьсот, опять не так, как с тем, у которого их восемьсот, – словом, хоть восходи до миллиона, всё найдутся оттенки» (Гоголь, 2012: 48).

Таким образом, можно выделить следующие составляющие внутрисословного статуса дворянина: принадлежность к личному или потомственному дворянству; внесение рода в более или менее престижную часть родословной дворянской книги; исполнение должности, занимаемой по выборам дворянства; чин; материальное положение; происхождение и родственные связи. При этом основными и сравнительно универсальными критериями мы считаем чин как символ сословно-статусного престижа дворянина и количество ревизских душ как меру его материального положения.

Корреляция составляющих внутрисословного статуса дворянина

Определившись с основными составляющими внутрисословного статуса дворянина, попытаемся выявить корреляцию между ними. При этом отметим, что, оценивая материальное положение дворян, мы используем схему, предложенную Б.Н. Мироновым. По его мнению (и как мы уже отмечали выше), дворянство с учетом имущественного положения можно разделить на три страты – нижнюю, среднюю и высшую. Нижняя состояла из беспоместных и малопоместных дворян, имевших менее 20 ревизских душ; средняя – из среднепоместных, которые владели от 21 до 100 душ; высшая – из владельцев больших поместий с количеством крепостных более 100 (Миронов, 2000: 86).

Из 118 дворян, внесенных в третью часть родословной дворянской книги Харьковского наместничества, 98 получили дворянство согласно собственным штаб-офицерским чином (остальные были лица, предоставившие доказательства службы предков в соответствующих чинах). Приведенная ниже Таблица 1 дает возможность оценить материальное положение этих дворян.

Таблица 1. Классы чинов и имущественное положение дворян, внесенных в третью часть родословной дворянской книги Харьковского наместничества в период 1786–1799 гг.

Классы чинов по Табели о рангах		Имущественное положение дворян			
		Беспоместные	Мало-поместные	Средне-поместные	Велико-поместные
V	военные	-	-	-	1
	гражданские	-	-	1	-
VI	военные	-	1	1	1
	гражданские	-	-	1	-
VII	военные	1	1	-	2
	гражданские	-	3	3	2
VIII	военные	7	20	20	10
	гражданские	5	9	7	2
Всего		13	34	33	18

Из таблицы 1 следует, что доля беспоместных и малопоместных среди «восьмиклассного» дворянства была достаточно большой (48%). При этом малопоместными дворянами иногда были лица с достаточно высоким общественным статусом и значительными заслугами. Так, кавалер орденов св. Георгия и св. Владимира премьер-майор Дмитрий Евстратович Маркович владел всего лишь 12 ревизскими душами, а, следовательно, считался малопоместным дворянином (Родословная книга 3: 201).

Также отметим, что многие дворяне попали в категорию великопоместных и среднепоместных благодаря ревизским душам, полученным в качестве приданого за их женами. Например, премьер-майор Прокопий Иванович Сандер владел 13 ревизскими душами и в совместном владении с братом майором Андреем Ивановичем Сандером еще 17 душами, а следовательно, не мог считаться крупным помещиком. Однако его жена Анна, представительница влиятельного старшинского рода Лизогубов, имела в своем владении 148 ревизских душ, что позволило ей вывести мужа в категорию великопоместных дворян (Родословная книга 3: 283).

Благодаря браку с дочерью прапорщика Григория Квитки, значительно улучшил свое имущественное положение секунд-майор Семен Павлович Бажанов. Он, согласно записям в родословной книге, имел «Киевского наместничества в городе Миргороде, жалованных по грамоте отцу его слободских крестьян, по последней ревизии мужеска двадцать шесть и женска двадцать шесть, да за женою в приданое полученных Золочевского уезда в селе Аднаробовке мужеска сто двадцать пять, женска сто тридцать, великороссийских мужеска три и женска три» (Родословная книга 3: 12). По той же причине мог считаться великопоместным дворянином и подполковник Михаил Иванович Батазатул, который имел «за женою ... в приданое в наместничествах Харьковском, Волчанского уезда в деревне Титовке крестьян великороссийских мужеска восемнадцать, женска девятнадцать, слободских мужеска одиннадцать, женска двенадцать да доставшихся после смерти сестры жены его по наследству великороссийских мужеска семнадцать женска 20, слободских мужеска одиннадцать женска девятнадцать, Курском Дмитриевского уезда в селе Петровском великороссийских мужеска девяносто, женска сто десять, да за женою его в приданое ж полученных мужеска сто десять, женска полу сто пятнадцать душ» (Родословная книга 3: 39).

Подобным образом в категорию средне- и великопоместных дворян попали белопольский помещик коллежский асессор Андрей Львович Адинцов, золочевский помещик премьер-майор Филипп Иванович Подгоричани-Петрович, премьер-майор Архип Семенович Танков, изюмский помещик подполковник Павел Андреевич Тихоцкий (Родословная книга 3: 1, 227, 283, 288).

Имея соответствующие финансовые возможности, представители «восьмиклассного» дворянства для повышения своего внутрисословного статуса могли приобрести необходимое количество крепостных людей. Так поступил статский советник, кавалер ордена св. Владимира IV степени Василий Иванович Крамаренков. Он и его несовершеннолетние дети были владельцами 98 таких «душ мужского и женского пола» (Родословная книга 3: 153).

Дворянин мог стать крупным помещиком также благодаря царским пожалованиям. Такие случаи в исследуемый нами период уже были большой редкостью. Но в Харьковском наместничестве все же известны подобные примеры. Так, бригадир Аким Фомич Бедряга владел свыше 120 приобретенными крепостными, а кроме того имел «жалованных Полоцкого наместничества Ржевского уезда в Зубковском Погосте в деревнях Рапской, Зеневичах, Дурновой, станциях Орловки, Бондарях триста двадцать пять, да покупных Изюмского уезда в деревне Лазукином Куте мужеска шестнадцать женска полу семь душ» (Родословная книга 3: 11).

Определяя зависимость между чином и имущественным положением дворянина, следует указать и на случаи, когда быстрые и успешные карьеры были подкреплены крепкими материальными позициями и влиятельностью дворянского рода. Так, Максим Михайлович Боярский, сын бывшего полковника Ахтырского казачьего полка, имел 214 ревизских душ и в свои 25 лет уже успел выйти в отставку в чине секунд-майора (Родословная книга 3: 17). Ахтырский помещик Федор Иванович Марков в 24 года уже имел чин подполковника и был кавалером ордена св. Георгия. Он со своим младшим братом отставным секунд-майором Василием совместно владел «обоего пола тысяча четыреста девяносто четыре души». Упомянутый же Василий Марков дополнительно получил в приданое за своей женой, грузинской княжной Марией, «обоего пола четыреста семьдесят шесть душ» (Родословная книга 3: 198-199).

Таким образом, из записей в родословной книге следует, что относительно высокий чин и служебные заслуги не гарантировали соответствующего материального положения. Как видно из приведенных выше примеров, представители «восьмиклассного» дворянства чаще всего приобретали статус великопоместных дворян благодаря крупному приданому. Вместе с тем принадлежность к состоятельной и влиятельной дворянской семье часто становилась гарантией успешной карьеры ее представителей.

5. Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что на положение отдельного дворянина внутри сословия влиял целый ряд факторов (принадлежность к личному или потомственному дворянству; внесение рода в ту или иную часть родословной дворянской книги; исполнение должности, занимаемой по выборам дворянства; чин; материальное положение; происхождение). При этом к наиболее важным составляющим внутрисословного статуса, безусловно, стоит отнести чин и количество ревизских душ, которыми владел дворянин. В то же время имущественное положение дворянина, мерилom которого было количество крепостных, не находилось в прямой зависимости от его чина, о чем свидетельствует пример «восьмиклассного» дворянства Харьковского наместничества. Этот же пример убеждает, что высокие карьерные и имущественные позиции дворянина часто подкреплялись происхождением, родственными связями и удачными браками.

Литература

Беккер, 2004 – Беккер С. Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 344 с.

Гоголь, 2012 – Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем. В 23 томах. Т. 7. Кн. 1. М.: Наука, 2012. 805 с.

Дегтярев, 2016 – Дегтярев С. Чины как инструмент национально-унификационной политики Российской империи на землях Левобережной Украины, Кавказа, Бессарабии (конец XVIII – первая половина XIX вв.) // Русин. 2016. 43(1). С. 177-195.

Дегтярьов, 2014 – Дегтярьов С.І. Цивільне чиновництво України у кінці XVIII – першій половині XIX ст.: монографія. Суми: ТОВ Друкарський дім «Папірус», 2014. 472 с.

Жалованная грамота – Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства // ПСЗ-І. Т. XXII. № 16187.

Иванова, Желтова, 2009 – Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX веков). М.: Новый хронограф, 2009. 752 с.

Кочергін, 2011 – Кочергін І.О. До питання про єдність дворянської верстви (на прикладі Катеринославського дворянства) // Гуманітарний журнал. 2011. № 1-2. С. 18-30.

Крючков, 2002 – Крючков В.В. Военная служба рязанского дворянства во второй половине XVIII века // Россия в XVIII веке. Вып. 1. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 3-23.

Марасинова, 1991 – Марасинова Е.Н. Русский дворянин второй половины XVIII в. (социопсихология личности) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. № 1. 1991. С. 17-28.

Маслійчук, 2004 – Маслійчук В. Прагнення «шляхетськості» козацької старшини Слобожанщини (друга половина XVII–XVIII ст.) // *Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.)*. 2004. №4. С. 265-278.

Миронов, 1999 – *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX веков): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2-х тт. Т. 1. СПб: Дмитрий Булавин, 1999. 518 с.

Михайличенко, 2014 – *Михайличенко М.А.* Екстракти доказів дворянства як джерело з історії козацької старшини // *Сіверщина в історії України*. Збірник наукових праць. 2014. Вип. 7. С. 145-148.

Михайличенко, 2016 – *Михайличенко Микола*. Родовідна дворянська книга Харківського намісництва: особливості формування та інформаційний потенціал // *Historians*. [Electronic resource]. URL: http://www.historians.in.ua/index.php/en/doslidzhennya/1858-mykola_mykhailichenko-rodovidna-dvorianska-knyha-kharkivskoho-namistnytstva-osoblyvosti-formuvannia-ta-informatsiyni-potentsial

Михайличенко, Потапенко, 2011 – *Михайличенко М., Потапенко С.* Слобідський старшинський рід Щербин (генеалогічний розпис роду у другій половині XVII – початку XIX ст.) // *Генеалогічні записки Українського генеалогічного товариства*. Київ, 2011. Вип. IX. С.69-84.

Морякова, 1993 – *Морякова О.В.* Провинциальное чиновничество в России второй четверти XIX века: социальный портрет, быт и нравы // *Вестник Московского университета*. Серия 8. История. 1993. № 6. С. 14-29.

О экипажах... – О экипажах и ливреях, какие разных классов чиновникам дозволяется иметь // *ПСЗ-І*. Т. XX. №14290.

Павленко, 1961 – *Павленко Н.И.* Одворянивание русской буржуазии в XVIII в. // *История СССР*. № 2. 1961. С. 71-87.

Писарькова, 1995a – *Писарькова Л.Ф.* Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX веков // *Человек*. 1995. № 3. С. 23-36.

Писарькова, 1995b – *Писарькова Л.Ф.* Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX веков // *Человек*. 1995. № 4. С. 147-158.

Писарькова, 2008 – *Писарькова Л.Ф.* Российская бюрократия XVIII в.: состав и численность // *Петр Андреевич Зайончковский: Сб. ст. и воспоминаний к столетию историка*. М., 2008. С. 217-230.

Потапенко, 2007 – *Потапенко С.* Еліта Слобідської України. Списки козацької старшини 60-х років XVIII століття. Харків, 2007. 496 с.

Проневич, 2004 – *Проневич Т.М.* Еволюція слобідської козацької старшини в умовах станової консолідації дворянства Російської імперії (сер. XVII – к. XVIII ст.) // *Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна*. Історія України. Українознавство: історичні та філософські науки. № 641. Вип. 7. Харків, 2004. С. 17-24.

Родословная книга 3 – Родословная дворянская книга Харьковского наместничества. Ч. 3. Центральная научная библиотека Харьковского национального университета им. В. Каразина, отдел коллекций редких изданий и рукописей. 344 с.

Родословная книга 6 – Родословная дворянская книга Харьковского наместничества. Ч. 6. Центральная научная библиотека Харьковского национального университета им. В. Каразина, отдел коллекций редких изданий и рукописей. 344 с.

Романова, 2004 – Генеалогическая информация в государственных архивах России: Справочное пособие. М., 2004. 280 с.

Румянцева, 1985 – *Румянцева М.Ф.* Источники о социальном составе служащих местных государственных учреждений последней четверти XVIII в. // *Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода*. М., 1985. С. 194-217.

Склокін, 2019 – *Склокін В.* Російська імперія і Слобідська Україна у другій половині XVIII ст.: просвічений абсолютизм, імперська інтеграція, локальне суспільство. Львів: Видавництво УКУ, 2019. 268 с.

Тимофеев, 2011 – *Тимофеев Д.В.* Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск: Энциклопедия, 2011. 456 с.

Федосеев, 2016 – *Федосеев Р.В.* Внутрисословная стратификация и источники пополнения дворянства Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX вв.: историко-правовые аспекты // *Общество: политика, экономика, право*. № 8. С. 105-108.

Фриз, 2000 – *Фриз Г.* Сословная парадигма и социальная история России // *Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период*. Самара, 2000. С. 121-162.

ЦГИАУК – Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве.

Шепелев, 2005 – *Шепелев Л.Е.* Титулы, мундиры и ордена Российской империи. М: ЗАО Центрполиграф, 2005. 423 с.

Шепелев, 1999 – *Шепелев Л.Е.* Чиновный мир России: XVIII – начало XX вв. СПб.: «Искусство-СПБ», 1999. 479 с.

Degtyarev, 2013a – *Degtyarev S.I.* Incorporation of Ukrainian Officialdom into Bureaucratic System of the Russian Empire during under the Rule of Catherine II // *Bylye Gody*. 2013. Vol. 27(1). Pp. 16-25.

Degtyarev, 2013b – *Degtyarev S.I.* The Problem of the Social Background of Government Officials within the Policies of the Romanovs (18th Century – First Half of the 19th Century) // *Bylye Gody*. 2013. Vol. 30(4). Pp. 28-35.

Degtyarev, 2014 – *Degtyarev S.* The History of Bureaucracy of the Russian Empire in the Russian Historiography of XIX – Early XX Century // *Bylye Gody*. 2014. Vol. 34(4). Pp. 554-558.

Degtyarev, 2015 – *Degtyarev Sergey I.* Public and State Significance The Ranks of the Table of Ranks in the Russian Empire at the End of XVIII – the First Half of the XIX Centuries // *Bylye Gody*. 2015. Vol. 38(4). Pp. 865-875.

Degtyarev, Kryvosheia, 2016 – *Degtyarev S.I., Kryvosheia I.I.* The incorporation of bunchukovogo partnership in part of service and social elite of the Russian Empire in the last third of the XVIII century // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 42(4). Pp. 1118-1126.

Dixon, 2015 – *Dixon Simon.* Russia's Soslovie (Estate) Paradigm Revisited // *Slavonic and East-European Review*. 2015. № 4 (93). Pp. 732-740.

Confino, 2008 – *Confino Michel.* The Soslovie (Estate) Paradigm: Reflections on Some Open Questions // *Cahiers du monde russe*. 2008/4. Vol. 49. Pp. 681-704.

References

Bekker, 2004 – *Bekker S.* (2004). Mif o russkom dvoryanstve: Dvoryanstvo i privilegii poslednego perioda imperatorskoy Rossii [The myth of the Russian nobility: The nobility and privileges of the last period of imperial Russia]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 344 p. [in Russian]

Gogol', 2012 – *Gogol' N.V.* (2012). Polnoe sobranie sochineniy i pisem [Complete Works and Letters]. V 23 tomakh. T. 7. Kn. 1. M.: Nauka, 805 p. [in Russian]

Degtyarev, 2016 – *Degtyarev S.* (2016). Chiny kak instrument natsional'no-unifikatsionnoy politiki Rossiyskoy Imperii na zemlyakh Levoberezhnoy Ukrainy, Kavkaza, Bessarabii (konets XVIII – pervaya polovina XIX v.) [Ranks (China) As an Instrument of National and Unification Policy of the Russian Empire in the Left-Bank Ukraine, Caucasus and Bessarabia (The End of XVIII – the First Half XIX Centuries)]. *Rusin*. 43(1). Pp. 177-195. [in Russian]

Degtyarev, 2014 – *Degtyarev S.I.* (2014). Tsyvilne chynovnytstvo Ukrainy u kintsy XVIII – pershii polovyni XIX st.: monohrafiia [Civil Officialdom in Ukraine at the End of the 18th – the Beginning of the 19th Centuries]. Sumy: TOV Drukarskyi dim «Papyrus», 472 p. [in Ukrainian]

Zhalovannaya gramota – Gramota na prava, vol'nosti i preimushchestva blagorodnogo rossiyskogo dvoryanstva [Diploma on the rights, liberties and advantages of the noble Russian nobility]. *PSZ-I*. T. XXII. №16187. [in Russian]

Ivanova, Zheltova, 2009 – *Ivanova N.A., Zheltova V.P.* (2009). Soslovnnoe obshchestvo Rossiyskoy imperii (XVIII – nachalo XX veka) [Estates Society of the Russian Empire (XVIII – beginning of XX century)]. M.: Novyy Khronograf, 752 p. [in Russian]

Kocherhin, 2011 – *Kocherhin I.O.* (2011). Do pytannia pro yednist dvorianskoj verstvy (na prykladi Katerynoslavskoho dvorianstva) [On the question of the unity of the nobility (on the example of Katerynoslav nobility)]. *Humanitarnyi zhurnal*. № 1-2. Pp. 18-30. [in Ukrainian]

Kryuchkov, 2002 – *Kryuchkov V.V.* (2002). Voennaya sluzhba ryazanskogo dvoryanstva vo vtoroy polovine XVIII veke [Military service of the Ryazan nobility in the second half of the 18th century]. *Rossiya v XVIII veke*. Vyp. 1. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, pp. 3-23. [in Russian]

Marasinova, 1991 – *Marasinova E.N.* (1991). Russkiy dvoryanin vtoroy poloviny XVIII v. (sotsiopsikhologiya lichnosti) [Russian nobleman of the second half of the 18th century (socio-psychology of personality)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 8. Istoriya. № 1. Pp. 17-28. [in Russian]

Masliichuk, 2004 – *Masliichuk V.* (2004). Prahennia «shliakhetskosti» kozatskoi starshyny Slobozhanshchyny (druga polovyna XVII-XVIII st.) [Aspirations of the "nobility" of the Cossack Elder of the Slobozhanshchina (second half of XVIII-XVIII centuries)]. *Ukraina v Tsentralno-Skhidnii Yevropi (z naidavnishykh chasiv do kintsia XVIII st.)*. №4. Pp. 265-278. [in Ukrainian]

Mironov, 1999 – *Mironov B.N.* (1999). Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX veka): Genezis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva [The social history of Russia during the empire (XVIII – beginning of the twentieth century): Genesis of the individual, a democratic family, civil society and the rule of law]: v 2-kh tt. T. 1. SPb: Dmitriy Bulavin, 518 p. [in Russian]

Mykhailichenko, 2014 – *Mykhailichenko M.A.* (2014). Ekstrakty dokaziv dvorianstva yak dzherelo z istorii kozatskoi starshyny [Extracts of evidence of the nobility as a source from the history of Cossack officers]. *Sivershchyna v istorii Ukrainy. Zbirnyk naukovykh prats*. Vyp. 7. Pp. 145-148. [in Ukrainian]

Mykhailichenko, 2016 – *Mykhailichenko Mykola* (2016). Rodovidna dvorianska knyha Kharkivskoho namisnytstva: osoblyvosti formuvannia ta informatsiinyi potentsial [Ancestry Book of the Kharkiv Province nobility: peculiarities of formation and information potential]. *Historians*. [Electronic resource]. URL: http://www.historians.in.ua/index.php/en/doslidzhennya/1858-mykola_mykhailichenko-rodovidna-dvorianska-knyha-kharkivskoho-namisnytstva-osoblyvosti-formuvannia-ta-informatsiinyi-potentsial [in Ukrainian]

[Mykhailichenko, Potapenko, 2011](#) – *Mykhailichenko M., Potapenko S.* (2011). Slobidskyi starshynskyi rid Shcherbyn (henealohichniy rozpyys rodu u druhii polovyni XVII – pochatku XIX st.) [Shcherbynas Slobodian cossack foreman's family (the genealogical list of the genus in the second half of the 17th – beginning of the 19th centuries)]. *Henealohichni zapysky Ukrainskoho henealohichnoho tovarystva*. Kyiv, Vyp. IX. Pp. 69-84. [in Ukrainian]

[Moryakova, 1993](#) – *Moryakova O.V.* (1993). Provintsial'noe chinovnichestvo v Rossii vtoroy chetverti XIX veka: sotsial'nyy portret, byt i nruvy [Provincial bureaucracy in Russia in the second quarter of the 19th century: social portrait, way of life and mores]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 8. Istoriya. № 6. Pp. 14-29. [in Russian]

[O ekipazhakh...](#) – O ekipazhakh i livreyakh, kakie raznykh klassov chinovnikam dozvolyaetsya imet' [About crews and liveries, which are allowed to have different classes of officials]. *PSZ-I*. T. XX. №14290. [in Russian]

[Pavlenko, 1961](#) – *Pavlenko N.I.* (1961). Odvoryanivanie russkoy burzhuzii v XVIII v. [The Nobilitation of the Russian Bourgeoisie in the 18th century]. *Istoriya SSSR*. № 2. Pp. 71-87. [in Russian]

[Pisar'kova, 1995a](#) – *Pisar'kova L.F.* (1995). Rossiyskiy chinovnik na sluzhbe v kontse XVIII – pervoy polovine XIX veka [Russian official in the service at the end of the XVIII – first half of the XIX century]. *Chelovek*. № 3. Pp. 23-36. [in Russian]

[Pisar'kova, 1995b](#) – *Pisar'kova L.F.* (1995). Rossiyskiy chinovnik na sluzhbe v kontse XVIII – pervoy polovine XIX veka [Russian official in the service at the end of the XVIII – first half of the XIX century]. *Chelovek*. № 4. Pp. 147-158. [in Russian]

[Pisar'kova, 2008](#) – *Pisar'kova L.F.* (2008). Rossiyskaya byurokratiya XVIII v.: sostav i chislennost' [Russian bureaucracy of the 18th century: composition and strength]. Petr Andreevich Zayonchkovskiy: Sb. st. i vospominaniy k stoletiyu istorika. M., pp. 217-230. [in Russian]

[Potapenko, 2007](#) – *Potapenko S.* (2007). Elita Slobidskoi Ukrainy. Spysky kozatskoi starshyny 60-kh rokiv XVIII stolittia [The elite of Slobidska Ukraine. Lists of Cossack officers of the 60s of the 18th century]. Kharkiv, 496 p. [in Ukrainian]

[Pronevych, 2004](#) – *Pronevych T.M.* (2004). Evoliutsiia slobidskoi kozatskoi starshyny v umovakh stanovoi konsolidatsii dvorianstva Rosiiskoi imperii (ser. XVII – k. XVIII st.) [Evolution of the Sloboda Cossack Elders in the Condition of the Consolidation of the Nobility of the Russian Empire (Middle of the 17th – End of the 18th Century)]. *Visnyk Kharkivskoho natsionalnoho universytetu imeni V.N. Karazina*. Istoriia Ukrainy. Ukrainoznavstvo: istorychni ta filosofski nauky. № 641. Vyp. 7. Kharkiv, pp. 17-24. [in Ukrainian]

[Rodoslovnaya kniga 3](#) – Rodoslovnaya dvoryanskaya kniga Khar'kovskogo namestnichestva [Genealogical noble book of Kharkov governorship]. Ch. 3. Tsentral'naya nauchnaya biblioteka Khar'kovskogo natsional'nogo universiteta im. V. Karazina, otdel kollektiy ridkikh izdaniy i rukopisey. 344 p. [in Russian]

[Rodoslovnaya kniga 6](#) – Rodoslovnaya dvoryanskaya kniga Khar'kovskogo namestnichestva [Genealogical noble book of Kharkov governorship]. Ch. 6. Tsentral'naya nauchnaya biblioteka Khar'kovskogo natsional'nogo universiteta im. V. Karazina, otdel kollektiy redkikh izdaniy i rukopisey. 344 p. [in Russian]

[Romanova, 2004](#) – Genealogicheskaya informatsiya v gosudarstvennykh arkhivakh Rossii: Spravochnoe posobie [Genealogical information in the state archives of Russia: Reference manual]. M., 2004. 280 p. [in Russian]

[Rumyantseva, 1985](#) – *Rumyantseva M.F.* (1985). Istochniki o sotsial'nom sostave sluzhashchikh mestnykh gosudarstvennykh uchrezhdeniy posledney chetverti XVIII v. [Sources of the social composition of employees of local government institutions of the last quarter of the XVIII century]. *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii SSSR dooktyabr'skogo perioda*. M., pp. 194-217. [in Russian]

[Sklokin, 2019](#) – *Sklokin V.* (2019). Rosiiska imperiia i Slobidska Ukraina u druhii polovyni XVIII st.: prosvichenyi absoliutyzm, imperska intehratsiia, lokalne suspilstvo [The Russian Empire and Sloboda Ukraine During the Second Half of the Eighteenth Century: Enlightened Absolutism, Imperial Integration, Local Society]. Lviv: Vydavnytstvo UKU, 268 p. [in Ukrainian]

[Timofeev, 2011](#) – *Timofeev D.V.* (2011). Evropeyskie idei v sotsial'no-politicheskom leksikone obrazovannogo rossiyskogo poddannogo pervoy chetverti XIX veka [European ideas in the socio-political vocabulary of an educated Russian citizen in the first quarter of the 19th century]. Chelyabinsk: Entsiklopediya, 456 p. [in Russian]

[Fedoseev, 2016](#) – *Fedoseev R.V.* (2016). Vnutrisoslovnaya stratifikatsiya i istochniki popolneniya dvoryanstva Srednego Povolzh'ya vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.: istoriko-pravovyye aspekty [Stratification within the class and the sources of replenishment of the Middle Volga nobility in the second half of XIX – early XX century.: the historical and legal aspects]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*. №8. Pp. 105-108. [in Russian]

[Friz, 2000](#) – *Friz G.* (2000). Soslovnaya paradigma i sotsial'naya istoriya Rossii [The class paradigm and social history of Russia]. *Amerikanskaya rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Imperatorskiy period*. Samara. Pp. 121-162. [in Russian]

TsGIAUK – Tsentral'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Ukrainy v g. Kieve [Central State Historical Archive of Ukraine in Kiev].

Shepelev, 2005 – *Shepelev L.E.* (2005). Tituly, mundiry i ordena Rossiyskoy imperii [Titles, uniforms and orders of the Russian Empire]. M: ZAO Tsentrpoligraf, 423 p. [in Russian]

Shepelev, 1999 – *Shepelev L.E.* (1999). Chinovnyy mir Rossii: XVIII – nachalo XX v. [The official world of Russia: XVIII – the beginning of the XX century.]. SPb.: «Iskusstvo-SPB», 479 p. [in Russian]

Degtyarev, 2013a – *Degtyarev S.I.* (2013). Incorporation of Ukrainian Officialdom into Bureaucratic System of the Russian Empire during under the Rule of Catherine II. *Bylye Gody*. Vol. 27(1). Pp. 16-25.

Degtyarev, 2013b – *Degtyarev S.I.* (2013). The Problem of the Social Background of Government Officials within the Policies of the Romanovs (18th Century – First Half of the 19th Century). *Bylye Gody*. Vol. 30(4). Pp. 28-35.

Degtyarev, 2014 – *Degtyarev S.* (2014). The History of Bureaucracy of the Russian Empire in the Russian Historiography of XIX – Early XX Century. *Bylye Gody*. 2014. Vol. 34(4). Pp. 554-558.

Degtyarev, 2015 – *Degtyarev S.I.* (2015). Public and State Significance The Ranks of the Table of Ranks in the Russian Empire at the End of XVIII – the First Half of the XIX Centuries. *Bylye Gody*. Vol. 38(4). Pp. 865-875.

Degtyarev, Kryvosheia, 2016 – *Degtyarev S.I., Kryvosheia I.I.* (2016). The incorporation of bunchukovogo partnership in part of service and social elite of the Russian Empire in the last third of the XVIII century. *Bylye Gody*. Vol. 42(4). Pp. 1118-1126.

Dixon, 2015 – *Dixon Simon* (2015). Russia's Soslovie (Estate) Paradigm Revisited. *Slavonic and East-European Review*. № 4 (93). Pp. 732-740.

Confino, 2008 – *Confino Michel* (2008). The Soslovie (Estate) Paradigm: Reflections on Some Open Questions // *Cahiers du monde russe*. 2008/4. Vol 49. Pp. 681-704.

Составляющие внутрисословного статуса дворянина (анализ восьмиклассного дворянства Харьковского наместничества 1786–1799 гг.)

Сергей Иванович Дегтярев ^{a, b, *}, Николай Анатольевич Михайличенко ^c,
Любовь Георгиевна Полякова ^{b, d, e}, Ясмин Гут ^f

^a Сумский государственный университет, Сумы, Украина

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^c Сумский национальный аграрный университет, Сумы, Украина

^d Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^e Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация

^f Университет г. Женева, Женева, Швейцария

Аннотация. В статье на примере «восьмиклассного» дворянства Харьковского наместничества рассмотрены основные составляющие внутрисословного статуса дворянина. Сделаны выводы о том, что статусная позиция дворянина зависела от целого ряда факторов: происхождения и родственных связей; принадлежности к личному или потомственному дворянству; части родословной дворянской книги, в которую внесен род; исполнения должности по дворянским выборам; чина; имущественного положения. При этом как наиболее важные составляющие внутрисословного статуса дворянина авторы выделяют чин и душевладение. На примере «восьмиклассного» дворянства Харьковского наместничества показано, что имущественное положение дворянина не находилось в прямой зависимости от его чина. Вместе с тем высокие карьерные и имущественные позиции дворян часто подкреплялись происхождением, родственными связями и удачными браками. Основным источником в исследовании послужила третья часть родословной книги Харьковского наместничества 1786–1799 гг., хранящаяся в отделе коллекций редких изданий и рукописей Центральной научной библиотеки Харьковского национального университета им. В. Каразина.

Ключевые слова: дворянин, дворянский статус, чиновничество, Харьковское наместничество, Российская империя, дворянская родословная книга, чин, Табель о рангах.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: starsergo@bigmir.net (С.И. Дегтярев)

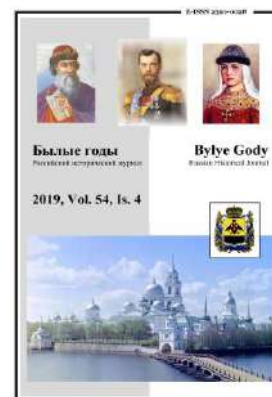
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1524-1536. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1524
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 2

Violetta S. Molchanova ^{a, b, *}, Leonid L. Balanyuk ^c, Evgeniya V. Vidishcheva ^d, Irina I. Potapova ^e

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Russian Federation

^c Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^d Sochi State University, Russian Federation

^e Astrakhan State University of Architecture and Civil Engineering, Russian Federation

Abstract

The article deals with the development of the primary education system on the territory of the Kuban Cossack army in 1803-1917 years. This part focuses on the period from the end of the XIX century to 1908 (before the introduction of all-Russian primary education).

The Russian scientific literature on the history of public education in the Caucasus, and in particular in the Kuban region (the modern territory of the Krasnodar Krai, Russian Federation) was used as materials.

The methodological basis of the study was the traditional historiography principles of historicism, scientific objectivity and consistency. In the process of work the following methods were used – problem-chronological, which allowed to study some facts of the development of the system of public education in the Kuban region in chronological order, and the problems in the order of their receipt. Thanks to this method some characteristic features of development of school business both on the territory of the Kuban region, and as in the Caucasus a whole were revealed.

In conclusion, the authors state that for 14 years, in the period from 1894 to 1908, the number of students in the Kuban region has increased more than 3 times – from 34 thousand to 140 thousand. The number of educational institutions has more than doubled. The average number of students in one school in the Kuban region increased by 50 %. All this in general allowed in the period from 1902 to 1908 to increase the number of literate population in the Kuban region by 50 % (from 212 thousand to 371 thousand people).

Keywords: national education, Kuban region, primary school, gymnasium.

1. Введение

В период 1803–1917 гг. система народного образования на территории Кубанской области прошла период интенсивного развития. В это время Кубанская область с центром в Екатеринодаре административно находилась в составе Кавказского наместничества, центром которого был город Тифлис. Что примечательно, первые кавказские школы и в Екатеринодаре, и в Тифлисе возникли практически одновременно, в Тифлисе – в 1802 г. (Shevchenko et al., 2016: 363-372), а в Екатеринодаре – в 1803 г.

* Corresponding author

E-mail addresses: v.molchanova_1991@list.ru (V.S. Molchanova)

2. Материалы и методы

В качестве материалов использована российская научная литература по истории народного образования на территории Кавказа, и в частности на территории Кубанской области (современная территория Краснодарского края, Российская Федерация).

Методологическую основу исследования составили традиционные для историографии принципы историзма, научной объективности и системности. В процессе работы использовался проблемно-хронологический метод, который позволил изучить отдельные факты развития системы народного образования на территории Кубанской области в хронологическом порядке, а возникающие проблемы – в порядке их поступления. Благодаря этому методу были выявлены некоторые характерные особенности развития школьного дела как на территории Кубанской области, так и в целом на Кавказе.

3. Обсуждение

Ввиду того что Кубанская область входила в состав Кавказа, значительная часть кубанских материалов публиковалась в общекавказских сборниках, например в статистических описаниях, изданных в 1830–1860 гг. (*Статистическое описание, 1835; Сборник статистических сведений, 1869*), а также в кубанских памятных книгах и справочниках (*Блюдов, 1875; Число учебных заведений, 1883*). В конце XIX – начале XX вв. данная тема была популярна в связи с попытками либеральной интеллигенции оценить уровень дореволюционной системы народного просвещения. Большое внимание уделялось общероссийским проблемам народного образования, но в то же время предпринимались попытки оценить народное образование на Кавказе (*Зажаев, 1909; Модзалевский, 1880*), и в частности на территории Кубанской области (*Блюдов, 1883; Фарфоровский, 1912*). В советский период дореволюционную систему народного образования на Кавказе историки рассматривали в негативном, критическом контексте. Основной акцент делался на теме классовой ограниченности, слабой развитости дореволюционной школы по сравнению с впечатляющими итогами достижений народного просвещения в период строительства социализма (*Кущенко, 1973; Народное образование, 1980*).

В современный российский период тема истории становления имперской системы народного образования начала активно разрабатываться. Появился целый ряд работ как общероссийского характера, так и исследований, посвященных непосредственно Кавказу, в том числе Кубани. В то же время началось активное изучение системы народного просвещения в различных регионах Российской империи. Так, например, разрабатывалась на данный предмет исследования Вологодская губерния (*Cherkasov et al., 2019; Cherkasov et al., 2019a*), Вятская губерния (*Magsumov et al., 2018*), Донская область (*Peretyatko, Zulfugarzade, 2017; Peretyatko, Zulfugarzade, 2017a*), Киевская губерния (*Degtyarev et al., 2018*). Среди работ общероссийского характера можно выделить работу А.А. Черкасова (*Cherkasov, 2011*), анализирующего состояние дореволюционной системы народного просвещения. В исследовании автор приходит к выводу, что в целом всеобщее начальное образование в Российской империи к 1917 году стало уже свершившимся фактом. Полностью завершить этот процесс помешала только февральская революция (*Cherkasov, 2011: 148*). Помимо этого, можно отметить труды о церковно-приходских школах Российской империи и системе обучения (*Cherkasov, Smigel, 2016; Shevchenko et al., 2018; Magsumov, 2015*). Также следует указать работы по истории народного просвещения на Кавказе (*Гатагова, 1993; Кобахидзе, 2015; Natolochnaya et al., 2018; Magsumov et al., 2018; Shevchenko et al., 2016; Mamadaliev, 2015*).

4. Результаты

В последующие годы количество учащихся на территории Кубанской области постепенно увеличивалось. Так, в 1894 г. учащихся обоего пола было 34438 человек (один учащийся приходился на 50 человек населения), в 1895 г. – это количество достигло 39992 чел. (один учащийся на 44 человека населения), в 1896 г. это показатель достиг значения – 44542 (один учащийся на 43 человека населения) (*Кубанский календарь, 1899: 105*). В 1897 г. количество учащихся составило 49306 человек или 2,6 % всего населения; один учащийся приходился на 38 человек населения. Значительное влияние на понижение общего процента учащихся оказывало население невоинского сословия, которое заметно отставало в деле образования от казаков, в частности учащиеся воинского сословия составляли 3,6 % всего воинского населения, а учащиеся других сословий – 2 % населения этих сословий.

Таблица 1. Количество учебных заведений и учащихся на территории Кубанской области (1894–1908 гг.) (Molchanova et al., 2019: 1055; Кубанский календарь, 1899: 105; Кубанский календарь, 1904: 63; Кубанский календарь, 1905: 63; Кубанский календарь, 1908: 60; Кубанский сборник, 1909: 58; Кубанский сборник, 1910: 65)

Годы	Количество учебных заведений	Количество учащихся	Один учащийся на число населения
1882	278	15240	57
1894	-	34438	50
1895	-	39992	44
1896	-	44542	43
1897	779	49306	38
1899	-	62278	31
1900	-	67778	29
1901	-	86661	23
1902	1316	91646	22,8
1903	1375	99343	22
1904	-	107524	20,9
1905	-	112394	20,5
1906	1448	119668	19,9
1907	1491	128125	19,3
1908	1644	139723	18,9

Данные [Таблицы 1](#) показывают, что за 14 лет, в период с 1894 по 1908 гг., количество учащихся на территории Кубанской области возросло более чем в 3 раза – с 34 тыс. практически до 140 тыс. Более чем в два раза возросло и количество учебных заведений.

Важно понимать, что в разных отделах Кубанской области эффективность системы народного образования имела свои особенности и поэтому отличалась, особенно в бывших закубанских территориях. На [Таблице 2](#) представлены данные о распределении количества учащихся по отделам Кубанской области.

Таблица 2. Распределение количества учащихся по отделам Кубанской области (1897–1908 гг.) (Кубанский календарь, 1899: 106; Кубанский календарь, 1904: 58; Кубанский календарь, 1908: 60; Кубанский сборник, 1909: 58; Кубанский сборник, 1910: 65)

Отделы и города	1897		1902		1906		1907		1908	
	Число всех учащихся	На сколько человек приходится один учащийся	Число всех учащихся	На сколько человек приходится один учащийся	Число всех учащихся	На сколько человек приходится один учащийся	Число всех учащихся	На сколько человек приходится один учащийся	Число всех учащихся	На сколько человек приходится один учащийся
Екатеринодарский с г. Екатеринодаром	9051	26	16597	17	21347	11	22533	15	26089	10
Темрюкский с городами Темрюком и Анапой	7909	43	14385	23	18864	19	20377	20	21340	18
Ейский с г. Ейск	7846	34	15634	17	20720	12	21737	16	23030	14
Майкопский с г. Майкоп	5581	50	11205	29	15206	21	16222	23	17663	18
Лабинский	7850	38	11778	28	15692	24	17554	22	18676	22
Кавказский	5505	41	12175	24	16029	21	17214	21	19323	19
Баталпашинский	5564	38	9872	24	11810	20	12488	20	13602	19
Итого	49306	38	91646	23	119668	18,2	128125	19,3	139723	18,9

Ниже в [Таблице 3](#) представлены данные о числе и распределении учебных заведений по типам. Важно пояснить, что школы для совместного обучения мальчиков и девочек причислены к мужским школам.

Таблица 3. Типы учебных заведений и их количество (1897–1908 гг.) ([Кубанский календарь, 1899: 106](#); [Кубанский календарь, 1904: 59](#); [Кубанский сборник, 1909: 59](#); [Кубанский сборник, 1910: 66](#))

Годы	Мужских учебных заведений			Женских учебных заведений		Всех учебных заведений	На сколько человек населения приходится одно учебное заведение
	Средние заведения	Учительская семинария духовное училище, военно-ремесленные, городские и др. школы	Приходские училища школы и приюты	Гимназии, Мариинское и епархальное училища	Приходские училища школы и приюты		
1897	3	14 ¹	670 ²	4	88 ³	779	2396
1902	4	23	1127	6	156	1316	1594
1903	5	24	1165	6	175	1375	1507
1906	7	30	1210	9	192	1448	1651
1907	8	30	1244	11	198	1491	1672
1908	9	31	1392	11	201	1644	1539

Данные [Таблицы 3](#) наглядно показывают, что на территории Кубанской области развитие системы народного просвещения происходило на всех уровнях учебной подготовки. Так, количество средних учебных заведений увеличилось в 3 раза (с 3 до 9), количество специальных учебных заведений (мужских и женских) увеличилось с 18 до 42, то есть более чем в 2 раза. В то же время количество начальных учебных заведений поднялось с 758 до 1593, то есть также более чем в 2 раза.

Важно отметить, что по мере того как на территории Кубанской области увеличивалось количество лиц со средним образованием, поднимались вопросы о создании здесь и высших учебных заведений. В 1902 г. Мариинская женская гимназия была реорганизована в Мариинский женский институт.

Ведомственная принадлежность учебных заведений также представляет интерес для описания сети учебных заведений Кубанской области. Как и в других регионах Российской империи, в это время основными игроками в деле создания учебных заведений были региональные дирекции народных училищ и местные православные епархии.

¹ В том числе: 1 учительская семинария, 1 духовное училище, 1 военно-фельдшерская школа, 2 военно-ремесленные школы, 6 городских училищ, 1 школа ремесленных учеников, 1 горская школа и 1 мореходный класс.

² В том числе: 2 низших ремесленных школы, 3 двуклассных городских, 14 одноклассных городских, 1 сельское нормальное двуклассное, 17 сельских нормальных одноклассных, 51 двуклассных сельских, 46 одноклассных сельских, 1 сельская школа при учительской семинарии, 142 станичных училища, 14 сельских, 6 колонийских, 2 сельских начальных частных, 1 двуклассное благотворительное, 3 одноклассных благотворительных, 1 приходское армяно-григорианское, 7 приходских лютеранских, 11 частных учебных заведений III разряда, 1 школа пчеловодства и 347 церковно-приходских школ и церковных школ грамоты.

³ В том числе: 2 двуклассных городских, 8 одноклассных городских, 40 станичных, 6 одноклассных благотворительных, 1 войсковой приют и 31 церковно-приходских училищ и школ грамоты.

Таблица 4. Ведомственная принадлежность учебных заведений Кубанской области (1897–1908 гг.) (Кубанский календарь, 1899: 107; Кубанский календарь, 1905: 64; Кубанский календарь, 1908: 61; Кубанский сборник, 1909: 59; Кубанский сборник, 1910: 66)

Годы	Дирекция народных училищ	Епархальное духовенство	Войскового начальства	Местного управления госимущества	Кавказского учебного округа	Ведомства учреждений императрицы Марии	Министерства промышленности и торговли
1897	386	381	3	1	6	2	-
1903	861	496	-	3	11	3	-
1906	952	474	-	1	14	3	-
1907	1002	462	4	1	18	3	1
1908	1152	461	4	2	19	3	2

Согласно [Таблице 4](#) можно видеть, что если в 1897 г. наблюдался примерный паритет численности учебных заведений дирекции народных училищ и епархального духовенства, то с начала XX века начинается резкое увеличение количества школ в дирекции народных училищ, в то время как с 1903 г. наблюдался ежегодный спад количества школ, финансируемых православной церковью.

Также представляет интерес динамика увеличения количества учащихся на одну школу.

Таблица 5. Количество учащихся в одном учебном заведении по отделам в 1897–1908 гг. (Кубанский календарь, 1899: 107; Кубанский календарь, 1904: 61; Кубанский календарь, 1904: 67; Кубанский календарь, 1908: 64; Кубанский сборник, 1909: 62; Кубанский сборник, 1910: 68)

Отделы	1897	1902	1903	1906	1907	1908
Екатеринодарский с городом Екатеринодаром	71	84	77	98	98	101
Темрюкский с городами Темрюком и Анапой	60	70	90	106	107	106
Ейский с г. Ейском	71	77	82	96	98	99
Майкопский с г. Майкопом	51	55	56	82	85	89
Лабинский	63	71	72	92	92	92
Кавказский	65	67	59	87	89	91
Баталпащинский	61	59	72	90	91	90
Итого	63	69	72	93	95	96

Согласно данным [Таблицы 5](#) видно, что в 1897–1908 гг. среднее количество учеников на одну школу увеличилось с 63 до 96, то есть ровно на 50 %. В условиях необязательности начального образования это свидетельствует о возросшем интересе родителей учеников к школам.

Несколько слов необходимо сказать о и среднем образовании. Так, в 1897 г. среднее образование на территории Кубанской области было представлено 7 учебными заведениями, из них 2 – Маринское женское и Александровское реальное училища – содержались на средства Кубанского казачьего войска и пять – одна мужская, две женские гимназии, одно реальное и одно епархальное женское училище – на средства городов и духовного ведомства.

Число казачьих детей, обучавшихся в период 1897–1908 гг. в средних учебных заведениях военного и гражданского ведомств приведено в [Таблице 6](#).

Таблица 6. Число казачьих детей, обучающихся в средних учебных заведениях в 1897–1908 гг. (Кубанский календарь, 1899: 108; Кубанский календарь, 1904: 65; Кубанский сборник, 1909: 65; Кубанский сборник, 1910: 73)

Кубанское войско	Учащиеся войскового сословия в средних учебных заведениях военных и гражданских			На 1000 человек войскового населения приходится обучавшихся в средних учебных заведениях		
	Муж. пола	Женского пола	Обоего пола	Муж. пола	Женского пола	Обоего пола
1897	305	316	621	0,8	0,8	0,8
1902	492	404	896	1,0	0,8	0,9
1903	777	578	1355	1,0	1,0	1,0
1906	838	606	1444	1,5	1,1	1,3
1907	1266	707	1973	2,3	1,3	1,8
1908	1388	776	2164	2,5	1,4	1,9

Согласно данным [Таблицы 6](#) количество лиц из числа казачьего населения, получающего среднее образование с 1897 по 1908 гг., увеличилось более чем в 3 раза, среди мальчиков этот показатель увеличился более чем в 4 раза.

Низшее образование для казачьего населения было представлено в 1897 г. учительской семинарией, духовным училищем, военно-фельдшерской, военно-ремесленными и горской школами, городскими училищами, мореходным классом, школой ремесленных учеников, станичными, хуторскими, сельскими, церковно-приходскими училищами и церковными школами грамоты. Количество обучающихся лиц из состава казачьего населения представлено в [Таблицах 7, 8, 9, 10 и 11.](#)

Таблица 7. Количество обучающихся в низших учебных заведениях (казачье население) на 1897 г. ([Кубанский календарь, 1899: 109](#))

Отделы	Обучающиеся войскового сословия в низших учебных заведениях и церковно-приходских			На 1000 человек войскового населения приходилось обучающихся в низших учебных заведениях		
	Муж. пола	Жен. пола	Обоего пола	Муж. пола	Жен. пола	Обоего пола
Екатеринодарский с городом Екатеринодаром	2810	711	3521	69	17	43
Темрюкский с городами Темрюком и Анапой	4033	1032	5065	49	13	31
Ейский с г. Ейском	3657	1169	4826	50	16	33
Майкопский с г. Майкопом	2263	624	2887	53	15	34
Лабинский	3731	1017	4748	57	15	35
Кавказский	3001	829	3839	52	14	33
Баталпащинский	2157	601	2758	58	16	37
Итого	21661	5983	27644	54	15	34

Таблица 8. Количество обучающихся в низших учебных заведениях (казачье население) на 1902 г. ([Кубанский календарь, 1904: 65](#))

Отделы	Обучающиеся войскового сословия в низших учебных заведениях и церковно-приходских			На 1000 человек войскового населения приходилось обучающихся в низших учебных заведениях		
	Муж. пола	Жен. пола	Обоего пола	Муж. пола	Жен. пола	Обоего пола
Екатеринодарский с городом Екатеринодаром	6180	1975	8155	110	35	145
Темрюкский с городами Темрюком и Анапой	8655	2416	11071	105	29	134
Ейский с г. Ейском	8387	2674	11061	108	34	142
Майкопский с г. Майкопом	5666	1836	7502	106	33	139
Лабинский	6915	1806	8721	93	24	117
Кавказский	5847	1736	7583	72	21	93
Баталпащинский	4395	1239	5634	109	30	139
Итого	46045	13682	59727	100	29	64

Таблица 9. Количество обучающихся в низших учебных заведениях (казацье население) на 1906 г. (Кубанский календарь, 1908: 67)

Отделы	Обучающиеся войскового сословия в низших учебных заведениях и церковно-приходских			На 1000 человек войскового населения приходилось обучающихся в низших учебных заведениях		
	Муж. пола	Жен. пола	Обоего пола	Муж. пола	Жен. пола	Обоего пола
Екатеринодарский с городом Екатеринодаром	8726	2280	11006	148	38	92
Темрюкский с городами Темрюком и Анапой	9895	2074	11969	103	21	62
Ейский с г. Ейском	9827	2356	12183	100	22	60
Майкопский с г. Майкопом	5127	1018	7145	85	33	59
Лабинский	6984	2489	9473	87	31	59
Кавказский	7025	2095	9120	78	23	51
Баталпащинский	4680	1163	5843	111	27	68
Итого	52264	14475	66739	101	27	64

Таблица 10. Количество обучающихся в низших учебных заведениях (казацье население) на 1907 г. (Кубанский сборник, 1909: 65)

Отделы	Обучающиеся войскового сословия в низших учебных заведениях и церковно-приходских			На 1000 человек войскового населения приходилось обучающихся в низших учебных заведениях		
	Муж. пола	Жен. пола	Обоего пола	Муж. пола	Жен. пола	Обоего пола
Екатеринодарский с городом Екатеринодаром	8262	3819	12081	135	61	99
Темрюкский с городами Темрюком и Анапой	9985	2443	12428	101	24	62
Ейский с г. Ейском	9011	3562	12573	91	32	60
Майкопский с г. Майкопом	7043	3083	10126	113	48	80
Лабинский	7220	2833	10053	87	34	60
Кавказский	8060	2068	10128	78	22	55
Баталпащинский	4955	1783	6738	110	40	75
Итого	51536	17591	74127	100	31	68

Таблица 11. Количество обучающихся в низших учебных заведениях (казацье население) на 1908 г. (Кубанский сборник, 1910: 73)

Отделы	Обучающиеся войскового сословия в низших учебных заведениях и церковно-приходских			На 1000 человек войскового населения приходилось обучающихся в низших учебных заведениях		
	Муж. пола	Жен. пола	Обоего пола	Муж. пола	Жен. пола	Обоего пола
Екатеринодарский с городом Екатеринодаром	8789	4304	13093	141	68	104

Темрюкский с городами Темрюком и Анапой	10458	2950	13408	103	28	66
Ейский с г. Ейском	9501	4051	13552	92	36	63
Майкопский с г. Майкопом	7603	3515	11118	119	53	85
Лабинский	8087	3485	11572	92	40	67
Кавказский	8137	3109	11246	85	32	58
Баталпашинский	5392	1610	7002	119	36	77
Итого	57967	23024	80991	104	40	72

Согласно данным [Таблиц 7–11](#) мы можем видеть, что численность обучающихся лиц из казачьего сословия увеличилась почти в 3 раза, с 27644 до 80991 обучающегося. Цифра вполне впечатляет, однако нельзя не учитывать и естественный прирост населения, именно поэтому мы привели данные и о количестве обучающихся в низших учебных заведениях на 1 тыс. человек казачьего населения. Так, если в 1897 г. на 1 тыс. человек казачьего населения обучалось только 34 мальчика или девочки, то в 1908 г. этот показатель увеличился более чем в 2 раза, достигнув 72 человек.

Представленные данные наглядно демонстрируют, что в середине 1890-х гг. на nive народного образования были сделаны серьезные шаги в сторону улучшения сети народных учебных заведений. Так, из числа учебных заведений, подведомственных дирекции народных училищ, 318 или 84 %, имели собственные здания, оцениваемые в 1,8 млн руб. В течение 1897 г. было построено 29 зданий учебных заведений стоимостью в 270 тыс. руб. 156 школ имели земельные участки общей площадью в 28715 десятин. Участки эти ввиду их удаленности не могли использоваться в качестве сельхозугодий и поэтому сдавались в аренду. Полученные от аренды средства поступали в запасной капитал школы и расходовались на общешкольные нужды. Стоит отметить, что в 1897 г. от этих участков было получено аренды 60394 руб., в среднем по 2 рубля с десятины.

Помимо прямых обязанностей, преподаватели школ выполняли и другую работу. Так, в 1897 г.: 1) в 48 училищах были открыты воскресные занятия со взрослыми и повторительные курсы для учащихся, в которых обучалось 1208 человек мужского и 1559 женского пола; 2) при 200 училищах велись занятия с казаками подготовительного разряда, в которых обучалось 7627 человек; 3) при 149 школах были открыты народные библиотеки, которыми пользовались 7812 человек мужского и 1825 человек женского пола (было выдано в течение года более 45 тыс. книг); 4) в 148 училищах для учащихся, их родителей и посторонних лиц устраивались внеклассные чтения ([Кубанский календарь, 1899: 110](#)).

В 1902 г. в общеобразовательных учреждениях на территории Кубанской области велись необязательные занятия, а именно: пение – в 258 училищах, французский язык – в 2 городских и в 8 лютеранских училищах, музыка – в 5 городских, гимнастика – в 347, рукоделие – в 132; и ремесла: столярное – в 10, кузнечное – в 1, переплетное – в 5, садоводство – в 207, огородничество – в 156, пчеловодство – в 71 и шелководство – в 13 училищах ([Кубанский календарь, 1904: 67](#)). Большую сеть училищных библиотек имело Епархальное ведомство на территории Кубанской области. Так, в 1903 г. число таких библиотек достигло 261, с общим числом книг до 70 тыс. томов. На каждую отдельную библиотеку приходилось примерно по 260 книг ([Кубанский календарь, 1905: 73](#)).

Необходимо проиллюстрировать и грамотность в казачьем населении в период 1902–1908 гг. (См. [Таблицы 12, 13, 14 и 15](#)).

Таблица 12. Грамотность в казачьем населении на 1902 г. (Кубанский календарь, 1904: 66)

Отделы	Грамотных					Процент грамотных		
	Всех	В том числе				Мужского пола в восковом этом пола	Женского пола в восковом этом пола	Всех к общему составу войскового населения
		Мужского пола	Процент к общему числу грамотных	Женского пола	Процент к общему числу грамотных			
Екатеринодарский	25004	19991	79,9	5013	20,1	35,6	8,9	22,2
Лабинский	31798	25796	81,1	6002	18,9	34,7	7,9	21,3
Ейский	34464	27326	79,2	7138	20,7	36,7	9,1	22,9
Баталпашинский	19544	14992	76,6	4560	23,4	37	11	24
Темрюкский	39869	31056	77,8	8813	22,2	37,7	10,6	24,1
Майкопский	29669	24849	82,4	5281	17,6	47,3	8,6	27,9
Кавказский	32228	26203	81,3	6023	18,7	32,1	7,4	19,7
Итого	212576	170213	79,7	42830	20,3	37,4	9	23,9

Таблица 13. Грамотность в казачьем населении на 1906 г. (Кубанский календарь, 1908: 68)

Отделы	Грамотных					Процент грамотных		
	Всех	В том числе				Мужского пола в восковом этом пола	Женского пола в восковом этом пола	Всех к общему составу войскового населения
		Мужского пола	Процент к общему числу грамотных	Женского пола	Процент к общему числу грамотных			
Екатеринодарский	37624	29361	78,1	8263	21,9	49,7	13,7	31,7
Лабинский	44298	34156	77,3	10142	22,7	42,4	12,6	27,8
Ейский	61364	45158	73,6	16206	26,4	45,8	15,5	30,6
Баталпашинский	25198	18922	75	6276	25	44	14,7	29,3
Темрюкский	53130	38720	73	14410	27	40,5	15,0	27,7
Майкопский	34931	28112	80	6819	20	46,6	11	28,8
Кавказский	45510	34862	76,8	10648	23,2	39,1	11,9	25,5
Итого	302055	229291	76,2	72764	23,7	44	13,4	29,1

Таблица 14. Грамотность в казачьем населении на 1907 г. (Кубанский сборник, 1909: 66)

Отделы	Грамотных					Процент грамотных		
	Всех	В том числе				Мужского пола в восковом этом пола	Женского пола в восковом этом пола	Всех к общему составу войскового населения
		Мужского пола	Процент к общему числу грамотных	Женского пола	Процент к общему числу грамотных			
Екатеринодарский	42001	31506	75,0	10495	24,9	51,5	16,9	34,1
Лабинский	50095	37776	75,4	12319	24,6	45,3	14,7	29,9
Ейский	69470	47611	68,5	21859	32,4	47,2	20,3	33,1
Баталпашинский	29943	22527	75,2	7416	24,7	50,2	16,9	33,7
Темрюкский	67803	52961	77,9	14842	22,1	53,6	16,2	32,9

Майкопский	37684	30332	75,4	7352	20,0	48,5	10,6	29,9
Кавказский	49711	36303	73,0	13408	27,0	39,3	14,5	26,9
Итого	346707	259016	74,7	87691	25,3	47,6	15,8	31,5

Таблица 15. Грамотность в казачьем населении на 1908 г. (Кубанский сборник, 1910: 74)

Отделы	Грамотных				Процент грамотных			
	Всех	В том числе			Мужского пола в восковом населении этого пола	Женского пола в восковом населении этого пола	Всех к общему составу войскового населения	
		Мужского пола	Процент к общему числу грамотных	Женского пола				Процент к общему числу грамотных
Екатеринодарский	45068	33698	74,4	11370	25,3	54,2	17,9	35,8
Лабинский	58578	44140	75,4	14438	24,6	51,4	14,4	34,0
Ейский	69751	51589	73,9	18165	26,0	50,1	16,1	32,4
Баталпашинский	26463	19007	71,8	7456	28,2	41,6	16,6	29,2
Темрюкский	77417	60870	78,6	16547	21,4	60,2	16,2	33,1
Майкопский	39492	31415	79,5	8077	20,5	48,6	12,4	30,4
Кавказский	54467	40581	74,5	13886	25,5	42,7	14,5	28,6
Итого	371239	281300	75,9	89939	24,1	50,5	15,7	32,9

Анализируя [Таблицы 12–15](#), можно обнаружить, что за 7 лет количество грамотного населения увеличилось на 50 % – с 212 тыс. до 371 тыс. человек. К сожалению, данных по более раннему периоду в нашем распоряжении не имеется.

3 мая 1908 г. российское правительство приняло закон и приступило к реализации 10-летнего проекта, который должен был привести к введению всеобщего начального образования ([Cherkasov, 2011: 142](#)).

5. Заключение

Таким образом, за 14 лет, в период с 1894 по 1908 гг., количество учащихся на территории Кубанской области возросло более чем в 3 раза – с 34 тыс. до 140 тыс. Более чем в два раза возросло и количество учебных заведений. На 50 % возросло среднее количество учеников в одной школе на территории Кубанской области. Все это в целом позволило в период с 1902 по 1908 гг. увеличить количество грамотного населения на территории Кубанской области на 50 % – с 212 тыс. до 371 тыс. человек.

Общероссийской закономерностью на территории Кубанской области был процесс сокращения школ, финансируемых русской православной церковью. Если в 1897 г. наблюдался примерный паритет численности учебных заведений дирекции народных училищ и епархального духовенства, то с начала XX века начинается резкое увеличение количества школ в дирекции народных училищ, в то время как с 1903 г. наблюдался ежегодный спад количества школ, финансируемых православной церковью.

Литература

[Блюдов, 1875](#) – *Блюдов Н.* Отчет о состоянии народных училищ Кубанской области за 1874 г. // Памятная книжка Кубанской области на 1875 г. Екатеринодар, 1875. С. I-XXXVI.

[Блюдов, 1883](#) – *Блюдов Н.Ф.* Начальное народное образование в Кубанской области // *Кубанский сборник*. 1883. № 1. С. 735-828.

[Гатагова, 1993](#) – *Гатагова Л.С.* Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. М.: Россия молодая, 1993. 143 с.

[Кобахидзе, 2015](#) – *Кобахидзе Е.И.* Законодательство 1840–1870-х гг. в области образования как фактор интеграции кавказской школы в российскую систему народного просвещения // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2015. № 10. Ч. 3. С. 87-90.

[Кубанский календарь, 1899](#) – Кубанский календарь на 1899 г. Екатеринодар, 1899.

[Кубанский календарь, 1904](#) – Кубанский календарь на 1904 г. Екатеринодар, 1904.

[Кубанский календарь, 1908](#) – Кубанский календарь на 1908 г. Екатеринодар, 1908.

[Кубанский календарь, 1915](#) – Кубанский календарь на 1915 г. Екатеринодар, 1915.

[Кубанский сборник, 1909](#) – Кубанский сборник. Т. 14. Екатеринодар, 1909.

Кубанский сборник, 1910 – Кубанский сборник. Т. 15. Екатеринодар, 1910.

О состоянии области, 1909 – О состоянии области и войска за 1907 год. Извлечение из отчета Начальника области и Наказного Атамана Кубанского казачьего войска. Под ред. Д.М. Мартыненко. Кубанский сборник. Т. 14. Екатеринодар, 1909.

Сборник статистических сведений, 1869 – Сборник статистических сведений о Кавказе / Сост. Н.И. Воронов. Ч. 1. Тифлис, 1869.

Статистическое описание, 1835 – Статистическое описание Закавказского края / Сост. О. Евецкий. В 2 ч. Ч. 1. Санкт-Петербург, 1835.

Фарфоровский, 1912 – Фарфоровский С. Народное образование в Кубанской области // ЖМНП. 1912. № 11. С. 46-69.

Число учебных заведений, 1883 – Число учебных заведений и учащихся в Кубанской области к 1 января 1882 г. // Кубанская справочная книжка. 1883. Екатеринодар, 1883. С. 77.

Cherkasov et al., 2019 – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G. Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*, 2019, 8(1): 208-214.

Cherkasov et al., 2019a – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G. Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*, 2019, 8(2): 418-424.

Cherkasov, 2011 – Cherkasov A.A. All-Russian primary education (1894-1917): Developmental Milestones // *Social Evolution and History*, 2011, 10(2): 138-149.

Cherkasov, Smigel, 2016 – Cherkasov A.A., Smigel M. Public education in the Russian empire during the last third of the XIX century: Parish schools // *European Journal of Contemporary Education*, 2016, 18(4): 418-429.

Degtyarev et al., 2018 – Degtyarev S.I., Zavorodnia V.M., Polyakova L.G. On the establishment of the Ruthenian (Ukrainian) University in Austria-Hungary and its coverage in "Kievskaya starina" journal // *European Journal of Contemporary Education*, 2018, 7(4): 911-917.

Magsumov et al., 2018 – Magsumov T.A., Artemova S.F., Balanyuk L.L. Regional problems of public schools in the Russian Empire in 1869-1878 (using an example of the Vyatka Province) // *European Journal of Contemporary Education*, 2018, 7(2): 420-427.

Magsumov et al., 2018 – Magsumov T.A., Artemova S.F., Ustinova O.V., Vidishcheva E.V. Public education system in the Caucasus region in the 1850s: Unification and regulation of educational process // *European Journal of Contemporary Education*, 2018, 7(3): 598-607.

Magsumov, 2015 – Magsumov T.A. The additional professional training in the late Russian empire // *Bylye Gody*, 2015, 36(2): 327-337.

Mamadaliyev, 2015 – Mamadaliyev A.M. The everyday activity of rural schools in the early 1920s (through the example of schools in the village of Aibga) // *Bylye Gody*, 2015, 36(2): 388-393.

Molchanova et al., 2019 – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1 // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 53. Is. 3: 1049-1058.

Natolochnaya et al., 2018 – Natolochnaya O.V., Miku N.V., Zulfugarzade T.E., Médico A. Highland schools in the Caucasus: Historical background // *European Journal of Contemporary Education*, 2018, 7(3): 608-614.

Peretyatko, Zulfugarzade, 2017 – Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E. Higher and secondary education of the don cossacks in the context of the epoch: The time of the great reforms // *European Journal of Contemporary Education*, 2017, 6(2): 367-377.

Peretyatko, Zulfugarzade, 2017a – Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E. Project of reforms proposed for the don public education in the first half of 1860: A.M. Dondukov-Korsakov, Kh.I. Popov, N.I. Krasnov // *European Journal of Contemporary Education*, 2017, 6(4): 817-829.

Shevchenko et al., 2016 – Shevchenko N.A., Vidishcheva E.V., Emelyanova O.V. The establishment of the system of public education in the Caucasus (1802-1917 years): The characteristic features // *Bylye Gody*, 2016, 40(2): 363-372.

Shevchenko et al., 2018 – Shevchenko N.A., Kucherkov I.A., Shirev D.A., Miku N.V. Public education in the Russian empire at the end of the 19th century // *European Journal of Contemporary Education*, 2018, 7(1): 226-231.

References

Blyudov, 1875 – Blyudov N. (1875). Otchet o sostoyanii narodnykh uchilishch Kubanskoj oblasti za 1874 g. [Report on the state of public schools of the Kuban region for 1874]. Pamyatnaya knizhka Kubanskoj oblasti na 1875 g. Ekaterinodar, pp. I–XXXVI. [in Russian]

Blyudov, 1883 – Blyudov N.F. (1883). Nachal'noe narodnoe obrazovanie v Kubanskoj oblasti [Primary education in the Kuban region]. *Kubanskii sbornik*, № 1, pp. 735-828. [in Russian]

[Cherkasov et al., 2019](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Koroleva, L.A., Zimovets, L.G. (2019). Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 8(1): 208-214.

[Cherkasov et al., 2019a](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G. (2019). Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 8(2): 418-424.

[Cherkasov, 2011](#) – Cherkasov A.A. All-Russian primary education (1894-1917): Developmental Milestones. *Social Evolution and History*. 2011. 10(2): 138-149.

[Cherkasov, Smigel, 2016](#) – Cherkasov A.A., Smigel M. (2016). Public education in the Russian Empire during the last third of the XIX century: Parish schools. *European Journal of Contemporary Education*. 18(4): 418-429.

[Chislo uchebnykh zavedenii, 1883](#) – Chislo uchebnykh zavedenii i uchashchikhsya v Kubanskoj oblasti k 1 yanvarya 1882 g. [The number of educational institutions and students in the Kuban region by January 1, 1882]. Kubanskaya spravocnaya knizhka. 1883. Ekaterinodar, P. 77. [in Russian]

[Degtyarev et al., 2018](#) – Degtyarev S.I., Zavorodnia V.M., Polyakova L.G. (2018). On the establishment of the Ruthenian (Ukrainian) University in Austria-Hungary and its coverage in "Kievskaya starina" journal. *European Journal of Contemporary Education*. 7(4): 911-917.

[Farforovskii, 1912](#) – Farforovskii S. (1912). Narodnoe obrazovanie v Kubanskoj oblasti [Public education in the Kuban region]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, №11, pp. 46-69. [in Russian]

[Gatagova, 1993](#) – Gatagova L.S. (1993). Pravitel'stvennaya politika i narodnoe obrazovanie na Kavkaze v XIX v. [Government policy and public education in the Caucasus in the XIX century]. M.: Rossiya molodaya, 143 p. [in Russian]

[Kobakhidze, 2015](#) – Kobakhidze E.I. (2015). Zakonodatel'stvo 1840–1870-kh gg. v oblasti obrazovaniya kak faktor integratsii kavkazskoi shkoly v rossiiskuyu sistemu narodnogo prosveshcheniya [The legislation of 1840-1870-ies in the sphere of education as a factor of integration of the Caucasian school in the Russian system of public education]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 10. Ch. 3, pp. 87-90. [in Russian]

[Kubanskii kalendar', 1899](#) – Kubanskii kalendar' na 1899 g. [Kuban calendar for 1899]. Ekaterinodar, 1899. [in Russian]

[Kubanskii kalendar', 1904](#) – Kubanskii kalendar' na 1904 g. [Kuban calendar for 1904]. Ekaterinodar, 1904. [in Russian]

[Kubanskii kalendar', 1908](#) – Kubanskii kalendar' na 1908 g. [Kuban calendar for 1908]. Ekaterinodar, 1908. [in Russian]

[Kubanskii kalendar', 1915](#) – Kubanskii kalendar' na 1915 g. [Kuban calendar for 1915]. Ekaterinodar, 1915. [in Russian]

[Kubanskii sbornik, 1909](#) – Kubanskii sbornik [Kuban collection]. T. 14. Ekaterinodar, 1909. [in Russian]

[Kubanskii sbornik, 1910](#) – Kubanskii sbornik [Kuban collection]. T. 15. Ekaterinodar, 1910. [in Russian]

[Magsumov et al., 2018](#) – Magsumov T.A., Artemova S.F., Balanyuk L.L. (2018). Regional problems of public schools in the Russian Empire in 1869-1878 (using an example of the Vyatka Province). *European Journal of Contemporary Education*. 7(2): 420-427.

[Magsumov et al., 2018](#) – Magsumov T.A., Artemova S.F., Ustinova O.V., Vidishcheva E.V. (2018). Public education system in the Caucasus region in the 1850s: Unification and regulation of educational process. *European Journal of Contemporary Education*. 7(3): 598-607.

[Magsumov, 2015](#) – Magsumov T.A. (2015). The additional professional training in the late Russian Empire. *Bylye Gody*. 36(2): 327-337.

[Mamadaliev, 2015](#) – Mamadaliev A.M. (2015). The everyday activity of rural schools in the early 1920s (through the example of schools in the village of Aibga). *Bylye Gody*. 36(2): 388-393.

[Molchanova et al., 2019](#) – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1 // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 53. Is. 3: 1049-1058.

[Natolochnaya et al., 2018](#) – Natolochnaya O.V., Miku N.V., Zulfugarzade T.E., Médico A. (2018). Highland schools in the Caucasus: Historical background. *European Journal of Contemporary Education*. 7(3): 608-614.

[O sostoyanii oblasti, 1909](#) – O sostoyanii oblasti i voiska za 1907 god. Izvlechenie iz otcheta Nachal'nika oblasti i Nakaznogo Atamana Kubanskogo kazach'ego voiska [On the state of the region and troops for 1907. Extract from the report of the Head of the region and the Punishment Ataman of the Kuban Cossack army]. Pod red. D.M. Martynenko. Kubanskii sbornik. T. 14. Ekaterinodar, 1909. [in Russian]

[Peretyatko, Zulfugarzade, 2017](#) – Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E. (2017). Higher and secondary education of the Don Cossacks in the context of the epoch: The time of the great reforms. *European Journal of Contemporary Education*. 6(2): 367-377.

Peretyatko, Zulfugarzade, 2017a – Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E. (2017). Project of reforms proposed for the don public education in the first half of 1860: A.M. Dondukov-Korsakov, Kh.I. Popov, N.I. Krasnov. *European Journal of Contemporary Education*. 6(4): 817-829.

Sbornik statisticheskikh svedenii, 1869 – Sbornik statisticheskikh svedenii o Kavkaze [The collection of statistical information about the Caucasus]. Sost. N.I. Voronov. Ch. 1. Tiflis, 1869. [in Russian]

Shevchenko et al., 2016 – Shevchenko N.A., Vidishcheva E.V., Emelyanova O.V. (2016). The establishment of the system of public education in the Caucasus (1802-1917 years): The characteristic features. *Bylye Gody*. 40(2): 363-372.

Shevchenko et al., 2018 – Shevchenko N.A., Kucherkov I.A., Shirev D.A., Miku N.V. (2018). Public education in the Russian empire at the end of the 19th century. *European Journal of Contemporary Education*. 7(1): 226-231.

Statisticheskoe opisanie, 1835 – Statisticheskoe opisanie Zakavkazskogo kraja [The statistical description of the Transcaucasian region]. Sost. O. Evetskii. V 2 ch. Ch. 1. Sankt-Peterburg, 1835. [in Russian]

Развитие системы начального образования на казачьих территориях в 1803–1917 гг. (на примере Кубанской области). Часть 2

Виолетта Сергеевна Молчанова ^{a, b, *}, Леонид Леонидович Баланюк ^c,
Евгения Владимировна Видищева ^d, Ирина Ивановна Потапова ^e

^aМеждународный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^bВолгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^cРоссийский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^dСочинский государственный университет, Российская Федерация

^eАстраханский государственный архитектурно-строительный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается развитие системы начального образования на территории Кубанского казачьего войска в 1803–1917 гг. В данной части уделено внимание периоду с конца XIX в. до 1908 г. (до начала внедрения всероссийского начального образования).

В качестве материалов использована российская научная литература по истории народного образования на территории Кавказа, и в частности на территории Кубанской области (современная территория Краснодарского края, Российская Федерация).

Методологическую основу исследования составили традиционные для историографии принципы историзма, научной объективности и системности. В процессе работы использовался проблемно-хронологический метод, который позволил изучить отдельные факты развития системы народного образования на территории Кубанской области в хронологическом порядке, а возникающие проблемы – в порядке их поступления. Благодаря этому методу были выявлены некоторые характерные особенности развития школьного дела как на территории Кубанской области, так и в целом на Кавказе.

В заключении авторы отмечают, что за 14 лет, в период с 1894 по 1908 гг., количество учащихся на территории Кубанской области возросло более чем в 3 раза – с 34 тыс. до 140 тыс. Более чем в два раза возросло и количество учебных заведений. На 50% возросло среднее количество учеников в одной школе на территории Кубанской области. Все это в целом позволило в период с 1902 по 1908 гг. увеличить количество грамотного населения на территории Кубанской области на 50 % (с 212 тыс. до 371 тыс. человек).

Ключевые слова: народное образование, Кубанская область, начальная школа, гимназия.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: v.molchanova_1991@list.ru (В.С. Молчанова)

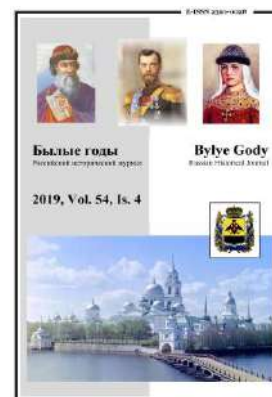
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1537-1545. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1537
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Elderly People in Siberia in the XIX – early XX centuries: Problems of Social Status and Main Directions of Public Charity in the "Open" Society

Alexander S. Kovalev ^{a, b, *}, Nikolai R. Novosel'tsev ^a, Oleg I. Savin ^a, Ella V. Savina ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, Russian Federation

Abstract

The article deals with the problems of the social status of an elderly person, as well as the social care of elderly people in Siberia in the XIX-early XX centuries. The conducted historiographic analysis showed that special studies of the problem should not be considered as exhaustive, and therefore there is no holistic scientific understanding of the social status of elderly people and the practice of aid and support of this group of the population. The article analyzes the understanding of what old age meant in the post-reform period, the specifics of determining the age range of old age, the difference between the concepts of "elderly" and "retired". We also study the lifestyle of an elderly person during the transition of the person to the category of "elderly", features of helplessness and social activity of elderly citizens.

On the basis of previously unpublished archival data, the main directions of social care for elderly people in Siberia outside charitable institutions are considered in detail, since this problem is less studied. On specific examples the features of the pension provision and the payment of an "invalid" salary are characterized, as well as the position of widows and public care of them, the importance of the widow type, social aid to the elderly people who have no place in the poorhouse, the role of the police and health institutions in the process of public charity. The examples of different social practices of the population in relation to the elderly people are demonstrated: from taking care of the extraneous elderly people to the expulsion of them from their own homes.

Keywords: charity, hospital, widow type, public charity, pensioner, pension, police, elderly people.

1. Введение

Прошлый год стал во многом переломным в социальном развитии России. Впервые за несколько десятилетий была проведена пенсионная реформа, одним из результатов которой стало повышение возраста выхода на пенсию на 5 лет для мужчин и женщин. При этом противники реформы заявляли, что увеличение возраста не обоснованно, поскольку многие из россиян не доживают до пенсии, а ее сторонники обращали внимание на то, что в конце 1920-х гг., когда пенсионный возраст впервые был установлен в СССР, средняя продолжительность жизни была существенно ниже и составляла примерно 40 лет.

Не вдаваясь в полемику ни с теми, ни с другими, нужно сказать, что определение возрастной границы выхода на пенсию имеет серьезное значение не только с экономической точки зрения, но и с социальной, поскольку именно эта граница формально указывает на принадлежность человека к старшей возрастной группе, не совсем корректно называемой у нас «пожилыми людьми».

Между тем само понимание пожилого возраста не столько однозначно и имеет свою историю. Если обратиться к прошлому Российской империи, в XIX веке, когда не было общегосударственной

* Corresponding author

E-mail addresses: alexkovaleff@yandex.ru (A.S. Kovalev), NNovoseltsev@sfu-kras.ru (N.R. Novosel'tsev), OlegGTS@yandex.ru (O.I. Savin), squirrel-o@yandex.ru (E.V. Savina)

системы выплаты пенсий по старости, окажется, что порой даже такого статуса, как «пожилой человек», просто-напросто не существовало, а вся помощь лицам в возрасте укладывалась в рамки общественного призрения и благотворительности. Целью настоящего исследования является изучение на материалах сибирских архивов статусных особенностей пожилого возраста в XIX – начале XX вв. и основных направлений социальной помощи престарелым лицам.

2. Материалы и методы

Основу исследования составляют материалы государственных архивов Иркутской и Томской областей, Алтайского и Красноярского краев, впервые вводимые в научный оборот. Статья базируется на принципах теории модернизации (Ингледарт, 1999; Манченко, 2000; Федотова, 2000; Хантингтон, 2003; Штомпка, 1996), под которой понимается исторический процесс перехода от традиционного к современному обществу. В рамках этого подхода социальная помощь рассматривается как следствие структурирования новых отношений в социальной сфере, где центральное место занимает человек, а социальная модернизация – это процесс реформирования этой сферы с целью развития человека и обеспечения его жизнедеятельности с целью повышения уровня и качества жизни разных групп людей, в том числе и пожилого возраста.

В исследовании были использованы системный и структурно-функциональный подходы, которые дали возможность рассмотреть систему общественного призрения как единое целое и изучить его отдельные направления. Ретроспективный метод позволил выявить причинно-следственные связи и закономерности развития социальной помощи престарелым лицам. Текстологический метод дал возможность изучить делопроизводственные документы органов общественного призрения, провести анализ их содержания, реконструировать различные события социальной помощи престарелым лицам в Сибири. Иллюстративный метод помог привлечь разнообразный материал для демонстрации тех или иных явлений или процессов на конкретных примерах.

3. Обсуждение

В отечественной историографии тема пожилого возраста и организации общественного призрения в отношении престарелых лиц в исследуемый период серьезного внимания со стороны ученых не получила. Отдельные сведения об особенностях повседневности пожилых людей в условиях патриархального уклада русской деревни можно найти в монографии В.Б. Безгина (Безгин, 2004). Крайне важным в его исследовании следует считать утверждение, что к началу XX века привычные ценности крестьянского мира уходят в прошлое, в том числе и уважительное отношение к старикам, и теперь «крестьянин вынужден был воспринимать стариков как лишние рты. С точки зрения физического выживания семьи их немощ являлась балластом» (Безгин, 2004: 110).

А.А. Смолькин в одной из своих публикаций рассмотрел историческое формы отношения к старости, отмечая, что в дореволюционный период, «несмотря на существование различных благотворительных организаций и небольших пособий, старость... была настоящей катастрофой, прихода которой стоически ожидали» (Смолькин, 2005: 263). В другой работе он раскрывает причины этой «катастрофы»: «для традиционных культур возраст не столько биологическая, сколько статусная характеристика», т.к. «определяющим элементом социального статуса человека становится его экономическая функциональность», поэтому «старые люди понимаются как жертвы», и на первом плане выходит «установка прочитывать возраст в терминах экономических возможностей» (Смолькин, 2007: 30-31).

Сведения о том, как помогали пожилым людям в XIX – начале XX вв., встречаются в публикациях, посвященных вопросам становления благотворительности. И хотя в них мало говорится непосредственно о стариках, но есть важные наблюдения относительно развития социальной помощи в целом. Сюда можно отнести работы Т.А. Катциной, которая рассматривает особенности социальной помощи в дореволюционной России в отношении высшего офицерства и чиновничества, которым при наступлении пожилого возраста из государственных средств выплачивались пенсии и пособия (Катцина, 2005). Еще одна исследовательница проблем социального попечения И.П. Павлова отмечает, что в рассматриваемый период была выдвинута идея непрерывности призрения, сочетающая разные виды помощи, однако ведущей формой социального попечения в России оставалось призрение в специальных заведениях (Павлова, 2003).

Вопросы социально-правового положения престарелых людей, восприятие старости пожилыми сибиряками изучены одним из авторов настоящей статьи (Ковалев, 2011а; Ковалев, 2011б; Ковалев, 2013). Однако в указанных работах проблемы пожилых людей в дореволюционное время рассматривались в большей степени в качестве «пролога» к трансформации отношения к старикам и их проблемам в послереволюционный период и во время нэпа.

Проведенный анализ степени изученности темы показал, что специальных исследований, посвященных поставленной проблеме, крайне мало, и все они не дают целостного представления о социальном положении пожилых людей, и о том, насколько широкой была практика общественного призрения в отношении этой группы населения. Поэтому описываемое в настоящей статье исследование ориентировано на то, чтобы получить более полную картину социальной помощи в

отношении престарелых лиц в XIX – начале XX вв., за исключением общественного призрения в богоугодных заведениях, изучение которых требует особого внимания.

4. Результаты

Для современного человека не составит особого труда идентифицировать пожилого человека, определить возрастные рамки старости. Куда сложнее обстояло дело с идентификацией старости в XIX в. Прежде всего, самого такого понятия, как «пожилой возраст», попросту не существовало, но были близкие к нему по смыслу – «престарелый», «старый», «старик», «немогущий», «дряхлый». К примеру, в «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Даля слово «пожилой» отсутствует, но встречается «поживать», т.е. «проводить жизнь так, как живется». «Престареть» (престариться, состариться) упоминается в значении «достигнуть глубокой старости, самых преклонных лет, одряхлеть годами»; «престарелый» – доживающий век свой, доживший до глубокой старости (Даль, 1865а: 1108; Даль, 1865б: 202-203, 300; Даль, 1866: 288).

Вплоть до революции в России под старостью понимался жизненный цикл человека, для которого характерны размытость возрастных границ и дряхлость в понимании неспособности самостоятельно действовать и «доживать». Если человек мог трудиться, имел родственников, которые ему помогали, он словно «не замечал» наступления старости – сам себя стариком не считал и относил себя к престарелым только тогда, когда ощущал «дряхлость», «невладение телом», был «не в силах снискивать пропитание». Кроме того, если «человек в годах» переставал быть объектом семейного уважения и заботы, не получал помощи от детей и внуков, только тогда старость становилась той самой социальной «катастрофой», о которой говорит А.А. Смолькин (Ковалев, 2013: 88-89).

Упоминание «пенсционер» в архивных материалах встречается еще реже, но такое обозначение может относиться и к тому, кто получал и пенсию по старости, и пенсию по выслуге лет, и даже к матери-одиночке, которой платили пособие на содержание детей. Так что отождествлять пожилого человека с пенсионером нужно крайне осторожно, т.к., например, служащий, который участвовал в эмеритальной кассе, «выходил на пенсию» в сравнительно зрелом, но не пожилом возрасте (около 50–52 лет), был вполне здоровым, имел семью, самостоятельно вел хозяйство, и для него обозначение «старый», и тем более «престарелый», вряд ли подходит.

Можно предположить, что многие пожилые люди до поры до времени справлялись со своими делами, пока им позволяло здоровье. Они зарабатывали «на пропитание», оплачивали жилье, вступали в социальные связи, но как только здоровье начинало подводить, они «сдавали» и видели для себя только один выход – помещение в богадельню. В качестве доказательства ниже представлен текст письма томского мещанина С.Д. Перевозчикова (ГАИО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 17. Л. 138) с комментариями авторов статьи, которое позволяет увидеть, как менялся образ жизни пожилого человека при его переходе в категорию престарелых граждан.

«Я имею от роду 72 года (указан не абстрактный «пенсионный», указывающий на право получать помощь, а конкретный возраст – Авт.) и совершенно одинок (нет ни родственников (это еще полбеды), ни друзей, нет никаких социальных связей – Авт.). Два года тому назад я потерял способность к труду вследствие головных болей и старости (то есть проблемы со здоровьем начались в возрасте 70 лет, но два года старик еще как-то мог о себе позаботиться – Авт.), когда все кончилось (имеется в виду, что за эти два года кое-как сводил концы с концами, но потратил все свои сбережения – Авт.), решился на богадельню (значит, все-таки в качестве нежелательного финала жизни пожилой человек представлял себе помещение себя в богоугодное заведение, но не решался обратиться с прошением – Авт.). До того времени (до 70 лет! – Авт.) я зарабатывал себе пропитание своим собственным трудом, занимался сапожным ремеслом (по тем временам очень неплохо, особенно если учесть низкие показатели продолжительности жизни – Авт.). В настоящее же время, когда я потерял способность к труду, я, будучи совершенно одинок (Перевозчиков повторяется, значит, для него это либо очень важный факт личной биографии, либо это стремление подчеркнуть свое положение, чтобы разжалобить чиновника – Авт.), не имею никаких средств на свое содержание и сейчас не имею квартиры (именно сейчас, значит, раньше все было в порядке – Авт.), потому что не в состоянии за нее платить (можно только посочувствовать человеку, который всю свою жизнь, работая в поте лица, не смог приобрести себе квартиру – Авт.).

Конечно, далеко не все пожилые люди считали себя «развалинами» и рассматривали в качестве единственно возможного способа существования для себя помещение в богадельню. Были и те, кто сохранял социальную активность, и если они что-то и просили у городских властей, так это возможность продолжать привычную жизнь и самостоятельно себя обеспечивать. В этой связи очень интересным представляется прошение в Городскую управу якутского мещанина Т.П. Северина, проживавшего в городе Иркутске. Он писал, что ему 75 лет и что он занимается все время торговлей, но едва изыскивает себе пропитание, а «заниматься же прошением милостыни не могу и не имею совести по привычке, т.к. никогда не занимался». Старым и больным Северин себя не считал и замечал: «Жить надо, пока Господь меня не призовет к себе», но указывал на то, что в силу ограниченных способностей к мобильности «не способен ходить [со своим] мелочным товаром»,

и поэтому всего лишь просил выделить ему в городе, «где найдется возможность, небольшое местечко для моей мелочной торговли, чем дадите возможность к моему на старости лет существованию». Несмотря на то, что пожилой торговец не просил ни места в богадельне, ни пенсии, ни пособия, Городская управа ответила активному старику отказом: «Мест для раздачи бедным... не имеется» (ГАИО. Ф. 70. Оп. 3. Д. 1809. Л. 28-28 об.).

Исследователи, занимающиеся проблемами становления и развития социальной помощи (Кузьмин, Сутырин, 2003: 9), традиционно выделяют две «исторически сложившиеся» системы призрения – «закрытую», т.е. помощь в специализированных благотворительных заведениях (например, в богадельнях), и «открытую», предоставляемую вне стен подобных заведений как представителями общества, в котором проживают нуждающиеся, так и центральными и местными органами, ответственными за их благополучие.

Общественное призрение в богадельнях XIX – начала XX вв. было ведущим направлением социальной помощи пожилым людям, оно требует отдельного изучения и будет предметом одного из дальнейших исследований. Помощь вне богоугодных заведений менее изучена и менее известна, поэтому ее следует представить в первую очередь.

Одним из видов «открытой» социальной помощи пожилым людям в Сибири была реализация выплат пенсионного характера. Надо сказать, что в XIX в. пенсия отнюдь не являлась «гарантированным» доходом в том понимании, к которому мы привыкли сегодня. В первой половине XIX в. среди пожилого населения Сибири основной категорий получателей пенсии были отставные военные, которых именовали инвалидами, и это обозначение было принято только для идентификации тех, кто потерял здоровье, выполняя воинский долг. На местах им устанавливалось инвалидное жалование, которое выплачивалось из средств губернского казначейства. Так, в 1810 г. томские инвалиды войны Щадрин и Шепеткин получали 14 руб. 88 коп в год (1 руб. 24 коп. в месяц), инвалиды Новокрещеный и Микитаев – 10 руб. (меньше 1 рубля в месяц) (ГАТО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 1а. Л. 13, 36-36 об.).

Также бывшим военнослужащим, получившим инвалидность во время боевых действий, могли выплачивать пенсии-вспомоществования из средств инвалидного капитала, выдаваемого Александровским комитетом, как отставному рядовому-инвалиду Гусеву, а также средства, выделенные Комиссариатским департаментом – «бонбандиру Гавриле Антоновичу Паншинову». В этих случаях суммы, как правило, тоже не превышали 10 руб. Исключение составлял томский отставной солдат С. Тимофеев, который получал инвалидное жалование в размере 50 руб. в год (чуть больше 4 руб. в месяц), однако «выдавали» ему эту сумму только «на бумаге», в действительности он получал те же 10 руб. в год, а остальные по каким-то причинам никак не могли дойти в местное казначейство из столицы (ГАТО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 1а. Л. 11, 74, 108).

Особенностью этого периода было и то, что из пенсии периодически могли вычитать определенные суммы, причем порой за какие-то события, которые происходили с пенсионером в прошлом. К примеру, в Иркутске с полковника Б. Арндта регулярно взыскивали часть пенсии «на пополнение убытка казны, произошедшего от кражи револьверов», вверенных на хранение полковнику в период службы. Из пенсии капитана Лушпа равными частями удерживали часть его казенного долга, который составлял 635 руб. С пенсионера В.С. Михайлова каждый месяц удерживали 6 руб. с пеней 1 % в счет числящейся за ним недоимки квартирного налога двухлетней давности. Из пенсии мещанина Кириллова в течение года казначейство высчитывало равными долями переплаченное пособие, назначенное ранее. И даже из пенсии бывшего Якутского губернатора, действительного статского советника В. Булатова, была взыскана недоимка в размере 150 руб. С вдовы В.С. Яроновецкой удерживали 3 р. 83 коп. за утраченные ее покойным мужем казенные арестантские вещи (ГАИО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 17. Л. 1, 2, 5, 14, 16, 39).

Вообще положение вдов военнослужащих было крайне тяжелым. Так, летом 1828 г. Томский приказ общественного призрения слушал доклад о деле поселенки Кособрюховой, которая «просила по бедному состоянию, старости лет, болезненным припадкам и неимению родственников, могущих и обязанных доставить пропитание, причислить на богаделенное содержание, причем объявила, что она будет иметь проживание в городе Томске у частных людей на квартирах». Оказалось, что весной 1828 г. Кособрюхова по слабости здоровья была отправлена в Томскую больничную контору, получила необходимое лечение, после чего «по собственному ее желанию отправлена... в Томский земский суд для отсылки к родственникам». Однако своим родственникам пожилая женщина оказалась не нужна, и они отправили ее обратно в Томск.

Рассмотрев дело, приказ общественного призрения постановил женщину «причислить на богаделенное содержание», о чем дать знать смотрителю богаделен, «чтобы он женке сей на пропитание требовал из Приказа каждый месяц по одному рублю с прочими богадельщиками» (ГАТО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 3. Л. 47-47об.).

А вот еще один пример. В Томске проживала солдатская вдова Маремьяна Албанцева, которая «30 лет [жила] при старости лет ее и слабом здоровье без всякого почти дневного пропитания». После смерти мужа она, по всей видимости, уже находилась в пожилом возрасте, однако чиновник

Томской городской управы свидетельствовал, что она «ни жалованье, ни пенсiona никакого не получает» и даже «письменного вида... ни от какого начальственного места не имеет».

С 1816 по 1894 гг. вдовы рядовых и унтер-офицеров имели определенный документ, удостоверявший их личность – вдовый вид, который выдавался командирами губернских батальонов и полковыми командирами женщинам, находившимся в полках, вдовам «нижних чинов», которые поступили на службу после 1857 г., а также гражданскими учреждениями – тем, кто, поступив на службу ранее, приписался к городам и сельским обществам. Согласно установленной форме, во вдовьем виде указывались имя, отчество, «прозвание» его предъявительницы, отмечалось, что она вдова рядового или унтер-офицера (назывались часть, где он служил, его имя, отчество, «прозвание», дата смерти) и что ей разрешено жить в определенной губернии, записывались ее приметы, возраст, перечислялись «дети, прижитые в солдатском звании», с указанием их возраста, содержалась запись об обязанности лица, у которого она жила, в случае ее смерти представить Вдовый вид в ближайшее учреждение для отсылки в губернский батальон, выдавший документ (ПСЗ, т. 33, 1830: 533; ПСЗ, т. 38, 1866: 191; ПСЗ, т. 14, 1898: 347).

Например, такой вдовый вид был выдан Томским городским полицейским управлением Александре Петровне Зыковой – вдове от первого брака отставного рядового Енисейского внутреннего гарнизона Василия Леонтьевича Зыкова на свободное проживание по всей Российской империи. В документе было указано, что Зыковой «88 лет, росту 2 аршина 4 вершка, волосы русые с проседью, глаза голубые, нос, рот и подбородок обыкновенные» (ГАТО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 26. Л. 5).

М. Албанцева же такого удостоверяющего документа не имела, а значит, не могла получить какой-либо помощи. По словам представителя городской управы, «нуждою снискивает себе через посредство добродетелей милостыни» (попросту говоря, попрошайничала). Рассмотрев ее дело, Томский городской голова М. Неупокоев приказал «учинить особый протокол о причислении означенной вдовы солдатской жены... Албанцевой по выдаче ей на пропитание денег».

Несмотря на то, что во второй половине XIX в. по всей Сибири открывались богадельни, помощь в которых можно считать признаком социальной модернизации, долгое время сохранялись и традиции народной благотворительности, традиционные виды помощи, одним из которых было так называемое «кормление» и назначение пожилому человеку «общественных попечителей». Так, в с. Бобровском Белоярской волости долгое время проживала одинокая «мещанка г. Барнаула Агафья Викторовна Воротникова», у которой была небольшая изба, которую она по неизвестным причинам продала, после чего осталась без имущества и без средств к существованию. Местная управа сообщила, что Воротникова «достигла престарелых лет, больная, нуждается в постороннем за собой уходе, не имеет угла, где преклонить головы, перевозится из двора в двор» и «уже порядком всем надоела, и никто ее не берет на содержание» (ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 377. Л. 60-60 об.). Односельчане даже нашли средства, чтобы отправить пожилую женщину в Барнаул для помещения в богадельню, но ее туда не приняли, и им пришлось вернуться к традиционной помощи.

Случалось и так, что призреваемого в богадельне забирали на свое попечение зажиточные горожане. Так, в контору Красноярских богоугодных заведений в 1879 г. поступило прошение от мещанина С.А. Кошкова, который изъявил желание взять на свое попечение находящегося в красноярской гражданской богадельне офицерского сына Павла Васильева. Из прошения следует, что Кошков принимает инвалида «на свое призрение..., обязывается пропитывать и содержать до смерти... и до прошения милостыни не допустить, а в противном случае подвергать себя ответственности перед правительством» (ГАКК. Ф. 522. Оп. 1. Д. 49. Т. 2. Л. 444 об.-445). Впрочем, процедура передачи призреваемого из богоугодного заведения частному лицу была крайне сложная. Сначала чиновникам из Енисейского приказа общественного призрения надлежало выяснить, «имеет ли означенный мещанин Кошков средства, чтобы вполне прилично содержать просимого им..., какого он образа жизни», поэтому в Красноярское городское полицейское управление был отправлен соответствующий запрос. Спустя месяц полицейское управление представило в Приказ донесение полицейского пристава, в котором сообщалось, что «мещанин Степан Кошков имеет довольно приличный дом и достаточное хозяйство, кроме того, имеет сапожную мастерскую, в которой работает около 15 человек». Далее в приказе общественного призрения выяснили, что Васильев имеет расчетный билет на получение им пенсии (из 28 руб. 59 коп. в 1879 г. за содержание инвалида в богадельне было начислено $\frac{2}{3}$ суммы (19 руб. 06 коп.), а также сберегательную книжку на 200 руб., которые следовало вернуть на руки призреваемому. Только после этого Енисейский приказ общественного призрения распорядился сделать определение, что «нет препятствий на выписку Васильева и отдачу его на попечение Кошкову», после чего для Васильева был изготовлен «билет на свободное проживание», сам он был исключен из богадельни и передан новому попечителю (ГАКК. Ф. 522. Оп. 1. Д. 49. Т. 2. Л. 445 об.).

В Туруханске местный купец III гильдии Василий Скорняков по неимению в городе богадельни решил пожертвовать один из своих домов для призрения «дряхлах стариков», а также 50 пудов хлеба и несколько пудов дров. Всего на содержании благотворителя находилось 6 человек. Для обеспечения призреваемых бельем и обувью были установлены церковные кружки, которые вскрывались каждый месяц, и на полученные от населения средства содержались одинокие пожилые люди.

Что любопытно – губернатор выразил Скорнякову личную признательность, а на городничего, который довел до него всю эту информацию, возложил обязанность лично заботиться о пропитании призреваемых, отопливании помещения, «об имении всегда обуви и одежды в исправности», а также стараться «не допускать [стариков] до пьянства и прочей безнравственной жизни» (ГАТО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 1а. Л. 125-127).

Однако не всем сибирякам были свойственны «природная» благотворительность и человеколюбие. Нередко сами родственники «сдавали» своих немощных родителей и даже супругов в богадельню, а то и вовсе снимали с себя всяческую ответственность за их призрение. В этом отношении показательно прошение мещанки Д.М. Шишкиной в Иркутскую городскую управу, поданное в 1903 г. В нем пожилая женщина, отчаявшись пристроить своего старого и больного супруга в больницу, пишет: «...Прошу вашего разрешения оставить его [супруга] на произвол судьбы при сложении с меня ответственности, если он от этого получит скорейшую смерть..., ибо при моих преклонных летах и плохом своем здоровье трудно мне даже одну себя прокормить» (ГАИО. Ф. 70. Оп. 3. Д. 1809. Л. 18-18 об.).

Эта история интересна и еще в одном аспекте, который в большей степени показывает истинное отношение к пожилым людям в обществе. Д.М. Шишкина решилась на угрозы, поскольку была убеждена, что «если бы захотели положить... старика..., то весьма легко и просто для него найти... свободное место» (ГАИО. Ф. 70. Оп. 3. Д. 1809. Л. 18-18 об.). Насколько эти слова соответствовали истине, должна была выяснить специальная проверка, назначенная Иркутским городским головой, по-видимому, испугавшимся прямолинейности женщины. В скором времени городской голова все-таки отправил Шишкина в больницу, однако остался вопрос, почему нельзя было устроить старика сразу? В городской казне не было средств для обеспечения, у пожилого человека не было пенсии, за счет которой его могли бы содержать, или в больнице просто не было места?

Увы, но в действительности все было гораздо проще. Анализ материалов дела показывает, что имела место ситуация, так знакомая современным пожилым людям, когда работники Иркутской больницы попросту отказывались принимать к себе престарелого, страдающего хроническим заболеванием мужчину только в силу его почтенного возраста.

Разбирательство истории Шишкиных привело к тому, что старший врач больницы был вынужден писать объяснительную самому иркутскому губернскому врачебному инспектору. В ней он сообщил, что 71-летний Шишкин был доставлен в больницу, и у него был обнаружен старческий маразм, вследствие чего якобы его не могли принять в больницу, хотя она была рассчитана именно на людей, страдавших подобными заболеваниями. Так или иначе, но руководство больницы вину за собой не видело, и в объяснительной даже была сделана приписка, что Шишкин может быть принят только «на непродолжительное время как исключение» (ГАИО. Ф. 70. Оп. 3. Д. 1809. Л. 25).

Еще одним институтом помощи пожилым людям могла быть полиция. Так, в судьбе стариков в Томске нередко принимал участие Томский полицмейстер, который регулярно писал в городскую управу и просил принять на призрение того или иного человека: «При 3-м полицейском участке находится на беспомощном состоянии неизвестного звания немой человек, на вид коему около 80 лет, который, будучи отправлен в Томскую больницу Приказа общественного призрения... для принятия на излечение, врачом означенной больницы был не принят как страдающий старческим маразмом. Из взятой у него серебряной медали видно, что он бывший Севастопольский служака и вполне заслуживает... помещения его в одну из богаделен» (ГАТО. Ф. 233. Оп. 2. Д. 2035. Л. 74).

Интересно, что пожилой человек с признаками сенильности был изгнан из больницы и фактически брошен на произвол судьбы. Трудно даже представить, как мог дальше самостоятельно выжить этот человек, страдавший немотой и старческим маразмом, без посторонней помощи. Если кто-то из пожилых людей чего-то не получал, не был устроен в богадельню или кому-то было отказано в помощи, то дальнейшей судьбой стариков становилось нищенство. Только благодаря начальнику томской полиции, который обнаружил его на улице и выяснил, что перед ним не просто бездомный оборванец, а герой Крымской войны, который «заслуживает помещения в богадельню», старика удалось устроить в богоугодное заведение по личному распоряжению городского головы.

5. Заключение

Подводя итоги, следует в первую очередь отметить тот факт, что общественное призрение пожилых людей на рубеже XIX–XX вв. совсем не ограничивалось их помещением в богадельни. Однако поскольку в обществе не существовало устоявшейся оценки того, кто и когда может быть отнесен к пожилому (престарелому) возрасту, социальная помощь этой группе населения со стороны государства и общества не смогла оформиться в систему. Она представляла собой разрозненные меры отдельных горожан, направленные на поддержание того образа жизни, в котором уже существовал (чаще – выживал) пожилой человек. Анализ социальных практик того времени показывает, что если старик мог найти в себе силы трудиться, или у него были родственники, способные о нем позаботиться, то он продолжал оставаться активным членом общества, не задумываясь о том, что ему может грозить одиночество и бедность. Иначе такие люди в лучшем случае становились «мишенью» для различных субъектов общественного призрения, в худшем – не получали помощь вовсе.

Свое право на помощь от государства могли реализовать только военные инвалиды или оставшиеся после них вдовы, и в этом случае целесообразнее говорить о пенсионном обеспечении состарившихся инвалидов войны, нежели о пенсионировании стариков «всех мастей». Чаще всего органы общественного призрения, не разбираясь в тонкостях личной и социальной жизни пожилых людей, просто отправляли их в богадельни. Если же мест там не было, то приютом могли стать больницы, если же старика выгоняли и оттуда, то его могли взять к себе соседи-доброхоты. Социальный контроль за неустроенными престарелыми сибиряками осуществляли органы полиции, усиленно участвуя в их дальнейшей судьбе. Кроме того, последней инстанцией мог выступить городской голова.

Таким образом, все вышеперечисленные меры свидетельствуют о том, что к началу века в российском обществе и государстве возникли все предпосылки для того, чтобы была создана система профессиональной помощи и поддержки, т.е. некий исторический прототип того, что сегодня называется социальной работой, представленной различными направлениями помощи, первыми постоянными получателями которой могли стать пожилые люди. Дальнейшее социальное развитие привело к тому, что на дореволюционном опыте был реализован советский вариант государственного социального обеспечения пожилых и престарелых граждан.

Литература

- Безгин, 2004** – *Безгин В.Б.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). Тамбов: ТГТУ, 2004. 304 с.
- ГААК** – Государственный архив Алтайского края.
- ГАИО** – Государственный архив Иркутской области.
- ГАКК** – Государственный архив Красноярского края.
- ГАТО** – Государственный архив Томской области.
- Даль, 1865a** – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 2. М., 1865.
- Даль, 1865b** – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 3. М., 1865.
- Даль, 1866** – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 4. М., 1866.
- Инглегарт, 1999** – *Инглегарт Р.* Модернизация и постмодернизация // Новая индустриальная волна на Западе / Под ред. В. Иноземцева. М., 1999. С. 261-291.
- Катцина, 2005** – *Катцина Т.А.* От общественного призрения к социальному обеспечению // Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в.: Сб. науч. ст. / Под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. Саратов, 2005. С. 90-91.
- Ковалев, 2011a** – *Ковалев А.С.* Восприятие старости пожилыми сибиряками во второй половине XIX – начале XX вв. // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культура и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* 2011. № 2. С. 92-99
- Ковалев, 2011b** – *Ковалев А.С.* Социально-правовое положение пожилых людей и инвалидов в России: исторический обзор // Социокультурная реабилитация, адаптация инвалидов и пожилых людей, защита их гражданских прав в современном обществе. Красноярск, Филиал НОУ ВПО «СпБивЭСЭИП в г. Красноярске. Красноярск, 2011. С. 36-40.
- Ковалев, 2013** – *Ковалев А.С.* Проблемы идентификации социального статуса пожилых людей и инвалидов в первой трети XX века: опыт историко-социологического анализа (на материалах Сибири) // *Историческая психология и социология истории.* 2013. № 1 С. 85-98.
- Кузьмин, Сутырин, 2003** – *Кузьмин К.В., Сутырин Б.А.* История социальной работы за рубежом и в России (с древности до начала XX века). М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. 480 с.
- Манченко, 2000** – *Манченко А.П.* Социальная модернизация в современной России. М., 2000. 268 с.
- Павлова, 2003** – *Павлова И.П.* Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны: Монография. Красноярск, 2003. 150 с.
- ПСЗ, 1830** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 33.
- ПСЗ, 1866** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1866. Т. 38.
- ПСЗ, 1898** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб., 1898. Т. 14.
- Смолькин, 2005** – *Смолькин А.А.* Исторические формы отношения к старости // *Отечественные записки.* 2005. № 3. С. 253-264.
- Смолькин, 2007** – *Смолькин А.А.* Историческая трансформация социального статуса старости // *Клиническая геронтология.* 2007. № 3. С. 29-33.
- Федотова, 2000** – *Федотова В.Г.* Типология модернизаций и способов их изучения // *Вопросы философии.* 2000. № 4. С. 3-27.
- Хантингтон, 2003** – *Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX века. М., 2003. 368 с.
- Штомпка, 1996** – *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М., 1996. 416 с.

References

- Bezgin, 2004** – *Bezgin V.B.* (2004). Krest'yanskaya povsednevnost' (traditsii kontsa XIX – nachala XX veka) [Peasant everyday life (traditions of the late XIX – early XX century)]. Tambov, 304 p. [in Russian]
- Dal, 1865a** – *Dal V.I.* (1865). Tolkovyi slovar' velikorusskogo zhivogo yazyka: v 4 t. T. 2. [Explanatory Dictionary of Great Russian Living Language], vol. 2. M. [in Russian]
- Dal, 1865b** – *Dal V.I.* (1865). Tolkovyi slovar' velikorusskogo zhivogo yazyka: v 4 t. T. 3. [Explanatory Dictionary of Great Russian Living Language], vol. 3. M. [in Russian]
- Dal, 1866** – *Dal V.I.* (1866). Tolkovyi slovar' velikorusskogo zhivogo yazyka: v 4 t. T. 4. [Explanatory Dictionary of Great Russian Living Language], vol. 4. M. [in Russian]
- Fedotova, 2000** – *Fedotova V.G.* (2000). Tipologiya modernizatsii i sposobov ikh izucheniya [Typology of Modernizations and Ways of Their Study]. *Questions of philosophy*, Nr. 4, pp. 3-27. [in Russian]
- GAAK** – Gosudarstvennyi arkhiv Altayskogo kraia [State Archive of Altai Region].
- GAIO** – Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti [State Archive of Irkutsk Region].
- GAKK** – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia [State Archive of Krasnoyarsk Region].
- GATO** – Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [State Archive of Tomsk Region].
- Huntington, 2003** – *Huntington S.* (2003). Tret'ya volna. Demokratizatsiya v kontse XX veka [Third wave. Democratization at the end of the XX Century]. M., 368 p.
- Inglehart, 1999** – *Inglehart R.* (1999). Modernizatsiya i postmodernizatsiya [Modernization and post-modernization] In: Novaya industrial'naya volna na Zapade [New Industrial Wave in the West] V. Inozemtsev, ed. M., pp. 261-291. [in Russian]
- Kattsina, 2005** – *Kattsina T.A.* (2005). Ot obshchestvennogo prizreniya k sotsial'nomu obespecheniyu [From Public Charity to Social Security]. In: Nuzhda i poryadok: istoriya sotsial'noi raboty v Rossii, XX v. [Need and order: history of social work in Russia, XX century]. P.V. Romanov, E.R. Yarskaya-Smirnova, eds. Saratov, pp. 90-91. [in Russian]
- Kovalev, 2011a** – *Kovalev A.S.* (2011). Vospriyatie starosti pozhilymi sibiryakami vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [Perception of Old Age Elderly Siberians in the Second Half of XIX – Early XX Centuries. *Istoricheskie, filosofskie, poli-ticheskie i yuridicheskie nauki, kul'tura i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, Nr2, pp. 92-99. [in Russian]
- Kovalev, 2011b** – *Kovalev A.S.* (2011). Sotsial'no-pravovoe polozhenie pozhilykh lyudei i invalidov v Rossii: istoricheskie obzory [Social and Legal Status of Elderly and Disabled People in Russia: Historical Review]. In: Sotsiokul'turnaya reabilitatsiya, adaptatsiya invalidov i pozhilykh lyudei, zashchita ikh grazhdanskikh prav v sovremennom obshchestve [Social and Cultural Rehabilitation, Adaptation of Disabled and Elderly People, Protection of Their Civil Rights in Modern Society]. Krasnoyarsk, pp. 36-40. [in Russian]
- Kovalev, 2013** – *Kovalev A.S.* (2013). Problemy identifikatsii sotsial'nogo sta-tusa pozhilykh lyudei i invalidov v pervoi treti XX veka: opyt istoriko-sotsiologicheskogo analiza (na materialakh Sibiri) [Problems of Identification of Social Status of Elderly and Disabled People in the First Third of the Twentieth Century: the Experience of Historical and sociological Analysis (on the Materials of Siberia)]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*, Nr. 1, pp. 85-98. [in Russian]
- Kuzmin et al., 2003** – *Kuzmin K.V., Sutyurin B.A.* (2003). Istoriya sotsial'noi raboty za rubezhom i v Rossii (s drevnosti do nachala XX veka) [History of Social Work Abroad and in Russia (From Ancient Times to the Early Twentieth Century)]. M., Ekaterinburg, 480 p. [in Russian]
- Manchenko, 2000** – *Manchenko A.P.* (2000) Sotsial'naya modernizatsiya v sovremennoi Rossii. [Social Modernization in Modern Russia]. M., 268 p. [in Russian]
- Pavlova, 2003** – *Pavlova I.P.* (2003). Sotsial'noe popechenie v Rossii v gody Per-voi mirovoi voyny [Social Care in Russia during the First World War]. Krasnoyarsk, 150 p. [in Russian]
- PSZ, 1830** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Full collection of laws of the Russian Empire]. Vol. 33. SPb. [in Russian]
- PSZ, 1866** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Full collection of laws of the Russian Empire]. Vol. 38. SPb. [in Russian]
- PSZ, 1898** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Full collection of laws of the Russian Empire]. Vol. 14. SPb. [in Russian]
- Shtomka, 1996** – *Shtompka P.* (1996). Sotsiologiya sotsial'nykh izmenenii [Sociology of Social Changes]. M., 416 p.
- Smol'kin, 2005** – *Smol'kin A.A.* (2005). Istoricheskie formy otnosheniya k staro-sti [Historical forms of relations to the old age]. *Otechestvennyye zapiski*, Nr3, pp. 253-264. [in Russian]
- Smol'kin, 2007** – *Smol'kin A.A.* (2007). Istoricheskaya transformatsiya sotsial'no-go statusa starosti [Historical Transformation of the Social Status of Old Age]. *Klinicheskaya gerontologiya*, Nr.3, pp. 29-33. [in Russian]

Пожилые люди в Сибири в XIX – начале XX вв.: проблемы социального статуса и основные направления общественного призрения в «открытом» социуме

Александр Сергеевич Ковалев ^{a, b, *}, Николай Рзавич Новосельцев ^a, Олег Игоревич Савин ^a,
Элла Владимировна Савина ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,
Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы социального статуса пожилого человека, а также общественное призрение стариков в Сибири в XIX – начале XX вв. Проведенный историографический анализ показал, что специальных исследований по проблеме недостаточно, в связи с чем отсутствует целостное научное представление о социальном положении пожилых людей и о практике помощи и поддержки этой группы населения. В статье анализируется понимание того, что означала старость в пореформенный период, специфика определения возрастных рамок старости, разница между понятиями «пожилой» и «пенсионер». Также изучается образ жизни пожилого человека при его переходе в категорию «престарелых», особенности беспомощности и социальной активности престарелых граждан. На основе не опубликованных ранее архивных данных подробно рассматриваются основные направления общественного призрения пожилых людей в Сибири вне богоугодных заведений, поскольку оно менее изучено и менее известно. На конкретных примерах характеризуются особенности пенсионного обеспечения и выдачи «инвалидного» жалования, положение вдов и их общественное попечение, значение Вдовьего вида, социальная помощь старикам, которым не нашлось места в богадельнях, роль полиции и учреждений здравоохранения в процессе общественного призрения. Продемонстрированы примеры разных социальных практик населения в отношении пожилых лиц – от принятия к себе на попечение посторонних стариков до изгнания престарелых из собственного дома.

Ключевые слова: благотворительность, больница, Вдовий вид, общественное призрение, пенсионер, пенсия, полиция, пожилые люди.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: alexkovaleff@yandex.ru (А.С. Ковалев),
NNovoseltsev@sfu-kras.ru (Н.Р. Новосельцев), OlegGTS@yandex.ru (О.И. Савин),
squirrel-o@yandex.ru (Э.В. Савина)

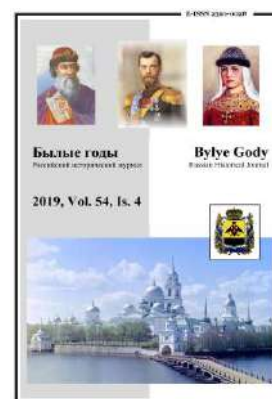
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1546-1553. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1546
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The First Russian Mineralogist – Nikolai Ivanovich Koksharov (1818–1892)

Sergey N. Rudnik ^a, Irina V. Voloshinova ^a, Anton B. Mokeev ^{a,*}, Andrey I. Leyberov ^a

^a Saint-Petersburg mining university, Russian Federation

Abstract

This article is devoted to the study of the biography of the outstanding Russian scientist Nikolai Ivanovich Koksharov. He was one of the largest Russian mineralogists. For his contribution to the development of this field of mining engineering, N.I. Koksharov earned the title «father of Russian crystallography». This inscription was even placed on his grave as a tribute to the scientist, whose name is forever inscribed in the history of Russian science. Nikolai Ivanovich became the founder of a new scientific field in Russia, replacing the old method of qualitative description of minerals with mathematically accurate crystallographic study, chemical analysis, and physical research. Worthily continuing scientific research in the field of mineralogy of another brilliant Russian scientist M.V. Lomonosov, N.I. Koksharov reached unprecedented heights in his scientific career, becoming in 1855 a member of the Russian Academy of Sciences. Nikolai Koksharov is known to us not only as a researcher, but also as a talented teacher and manager of a higher educational institution. Nikolai Ivanovich served as director of the Mining Institute in the period 1872–1881. He was also the director of the Mineralogical Society and the editor-in-chief of many volumes of the Notes of the Mineralogical Society. N.I. Koksharov was also a member of 60 Russian and foreign scientific societies and institutions, including ten Academies (Russian, Paris, Berlin, Bavarian, Roman, Turin, Danish, New York, Philadelphia and many others). His name is known far beyond the borders of Russia, and his scientific developments are actively used in many countries of the world.

Keywords: Nikolai Koksharov, Mining Institute, Academy of Sciences, mineralogy, crystallography, chemistry, mining engineer, researcher, director.

1. Introduction

The second half of the XIX century is considered the time of a new qualitative breakthrough in world history. This was a period of rapid development of various industries in Russia, especially mining. The scale of coal and oil production has increased, and metallurgy has been rapidly developing. Russia actively participates in world economic conferences. As a result of this, business ties are developing with the leading powers and new markets are being developed. In all the leading countries of the world, geological services and systematic exploration work appear. The Russian Empire also paid great attention to the search for minerals, which were to become the necessary resource base for further powerful industrial growth. These circumstances necessitated an increase in trained engineering personnel in these sectors of the economy. In Russia there was only one higher education institution of the mountain profile – the St. Petersburg Mining Institute – the most important center of mining engineering. The biography of Nikolai Ivanovich Koksharov is one of the best examples of the successful development of scientific thought in Russia during this period. In addition, as Director of the Mining Institute, N.I. Koksharov demonstrated excellent managerial skills by improving the training system of qualified mining engineers. All these historical features indicate to us the relevance of developing this topic. The experience and achievements in domestic science and pedagogy of the

* Corresponding author

E-mail addresses: amokeev@yandex.ru (A.B. Mokeev)

past years should become an incentive for the further development of these areas in the present and future of our country.

2. Materials and methods

The main source of information for writing this article was archival documents of the Russian State Historical Archive in St. Petersburg (RGIA), namely fund No. 44 – «Headquarters of the Corps of Mining Engineers» and fund 40 «Reports of the Minister of Finance for the Mining Department». When writing the article, a comparative historical method was used. In the process of studying this topic, various paperwork documents of this fund related to the process of organizing mining education and the development of mining science were compared. As a result, it was possible to reliably establish the general facts and particular details of the work of mining technical schools, as well as to trace the development of this issue. The memoirs of Nikolai Ivanovich Koksharov were also used, which revealed the details of his biography and the features of the development of mining science of the 19th century.

3. Discussion

In Russian historiography, the biography of the outstanding scientist Nikolai Ivanovich Koksharov has been studied more than once. But at the same time, it was considered only fragmentarily. Mostly the focus was exclusively on the results of his scientific work, but not his entire life path. First of all, it is necessary to highlight general works on the history of the development of mining in Russia in the 19th century. In such works, the development of mineralogy and crystallography in Russia is studied. N.I. Koksharov made a great contribution to the formation of these areas of mining science. Therefore, the authors of such works point to his scientific developments, and also emphasize the high status of the scientist. In this regard, it is necessary to name such authors as Grigoryev Dmitry Pavlovich ([Grigoryev, Shafranovsky, 1949](#)) and Shafranovsky Ilarion Ilarionovich ([Shafranovsky, 1962](#)). The famous Soviet mineralogists in their works revealed important points from the biography of N.I. Koksharov, but not his entire biography.

After the death of the scientist, several small essays were written dedicated to his memory. In their content, these essays also do not constitute a detailed exposition of the biography of Nikolai Koksharov, but only confine themselves to an account of the basic facts of his life and scientific activity. Among the authors of such essays, it is worth highlighting the name of Prendel' Romul Alexandrovich ([Prendel', 1893](#)). This famous Russian scientist was also involved in crystallographic research. In his essay on N.I. Koksharov, he paid tribute to the scientific contribution of his colleague. Of course, it is worth mentioning another author who wrote an essay in memory of N.I. Koksharov. It was Vernadsky Vladimir Ivanovich – the outstanding Russian scientist of the 20th century, a naturalist and public figure, the creator of many scientific schools ([Vernadsky, 1915](#)).

In the Soviet period, several scientific works devoted to the history of the Russian Mineralogical Society were published. These works also talk about the biography of N.I. Koksharov. It is necessary to highlight the research work of Povarennykh Alexander Sergeevich ([Povarennykh: 1956](#)). Soviet historian Rafienko Lyudmila Sergeevna investigated the biography of mining engineer N.V. Vorontsov. In her book, she also revealed episodes from the life of N.I. Koksharov ([Rafienko, 1989](#)).

The scientific activity of N.I. Koksharov was considered in Russian historiography, but his work as director of the Mining Institute was very rarely studied. Only at the beginning of the 21st century the first scientific studies devoted to this important aspect of his biography appeared. It is necessary to highlight the work of a team of authors led by Afanas'ev Vladimir Georgievich ([Afanas'ev et al., 2010](#)).

It is necessary to continue studying the biography of N.I. Koksharov. All these circumstances determine the relevance of the study and the novelty of the work. Through the use of archival documents, the authors of this article expand their knowledge of an outstanding researcher.

4. Results

Nikolai Koksharov was born on November 23rd 1818 in a small village close to Ust-Kamenogorsk in Altai Republic. His father, founder of the dynasty, Ivan (Konstantinovich) Koksharov (1775–1840) was a son of Ural mine foreman. He graduated from Saint Petersburg University, after that he did military service first in Altai and then in Ural region where he was running a mine in Beryozovsky for twenty years. Thanks to excellent service to nation he achieved the rank of a nobleman. He achieved fifth class mining rank. Being an outstanding manager, he made great impact on developing of mining in Ural region. In the middle of his lifetime he married Princess Glaphira (Stepanovna) Eristova, granddaughter of Princess Maria (Gavrilovna) Eristova, nicknamed by folks Beryozovsky Princess ([Russkii biograficheskii slovar, 1903: 67](#)). The story of how the ancient noble family from the Caucasus turned out to be in Ural region remains quite mysterious. The voices say that Prince Stephan Eristov (Maria Gavrilovna`s husband) was somehow related to the Decembrists, the reason why he was sent to exile. For his son, Ivan Koksharov was the example of toughness and demand, while Glaphira (Stepanovna) Koksharova (born Princess Eristova) and grandmother Maria Gavrilovna taught him respect and attention towards people. Koksharov`s memoirs describe that, from the early childhood, his father showed him the mines, while his father`s - plants and factories. Minerals,

extracted in the mines, had soon caught his eye. Copying his father, he had quickly learnt distinguishing them and started his own collection (Shaphranovsky, 1964: 8).

Being a son of mining engineer, in 1830 he was admitted to Military school of mines. The long-way relocation of twenty-year-old Koksharov from Ural region to Saint-Petersburg was quite impressive. He was accompanied by the so-called golden caravan, made of carriages loaded with chests with gold and guarded by armed soldiers headed by a mining engineer. In the Military school of mines he developed and strengthened his devotion towards mineralogy. He goes on collecting samples and adds some interesting items, purchased from mining pharmacist Kemmerer, expert in mineralogy, to his already significant collection. Later on he will write with affect about his collection: «In order to preserve my treasures from my mates, I asked Kemmerer to store my closet with the collection in his pharmacy. From time to time I came over to him to see my minerals» (Koksharov, 1890: 615).

The student was really impressed by papers on crystallography, in particular, colorful illustrated French edition of Mining School in Paris by R.-J. Gaiui called *Traite de Mineralogie*. Table of edges of crystals, atlas of crystal forms inspired young mineralogist to create a similar system for Russian minerals as well. While a student, he already cultivated the idea about his future life`s work called *Papers for Russian Mineralogy* (Mineralogical Almanac, 2006: 15).

Russian mineralogy was developing intensively not only by scientist but also by common people, miners. They found copper, silver and iron ore and minerals along Pechora River, in Ural region and Siberia. Russian miners found the way for mineral extraction in the most distant areas, such as Altai region and East Siberia. It was them who discovered numerous new mining areas of iron and copper ore, mica, salt and mineral paints in Central Russia as well as in the distant areas. The achievement of the 17th century was the discovery of silver ore mines in Siberia, semi-precious stones in the Ural region and Siberia, oil and graphite in Siberia. During emperor Peter the Great`s time, when the industry and military industry were strengthened, mining kept on developing rapidly as well. Metal smelting reaches a significant growth. In Russia, first of all in the Ural region, there was a huge number of new mining ore areas opened. Much progress in the studies of Russian mineralogy was made later on in the 18th century, when the non-explored areas of Russia received special interest from the scientists (Vernadsky, 1915: 335).

The pioneer of the new age in Russian mineralogy was the brilliant scientist M.V. Lomonisov (1711–1765). His papers as, for example, *Basics of Metallurgy and Mining*, *Layers of the Earth*, *Birth of Minerals Caused by Earthquakes* contain numerous theories of the origin of minerals caused by geological history and origin. Being a brilliant theoretician, he conducted lots of experiments as well. In his laboratory he studies metals, salt and other minerals. Unlike many scientists of his time, the brilliant scholar realized that there is a little chance to study natural history without experiments. He perfectly combines theory and practice, studies facts in nature and in laboratory, conducts physical and chemical tests. There are the features he wished the mineralogy to be based on. Last days of his life he devoted to his papers called *Russian Mineralogy* (Grigoriev, Shaphranovsky, 1949: 6-9).

By the end of the 17th century mineralogy had a new era, due to great success of mining. Numerous resources in mineralogy, collected and classified by travelers and naturalists, created first quality-based and then accurate descriptive-based mineralogy. Huge collection of facts demanded more detailed descriptions, as well as a new pattern, capable to include the growing number of facts. At that time chemical classification remained quite primitive. All minerals were divided in four groups: ground, salt, flammable and metal. Particular attention was paid by external features, based, mostly on shape (*hábitus*) of minerals, color, gloss, sharpness and weight. It is curious, that all that features were described in details, but only verbally. As, for instance, for a crystal they didn`t apply geometry, was illustrated only by six figures: a column, a table, a lentil-shaped, a pyramid, a 20-gon and an octagon. The relative weight of minerals was described by such terms as light, medium, heavy, quite heavy. The pattern of colors was also barely verbal. There were eight dominating colors: white, grey, black, blue, green, yellow, brown and red. Each of them had a number of specially described hints. However such descriptions of quality of minerals were not always caused by the lack of accurate calculations. A.G. Werner (1750–1817), the famous German mineralogist and geologist, for example, opposed accurate weighting in mineralogy. Werner, however, contributed a lot to development of quality-based descriptive mineralogy. Despite its shortcomings, quality-based descriptive mineralogy was at its time a huge step forward and played the significant role in the progress of Russian science. It enabled to study minerals and their features in details (Koksharov, 1876: 8).

The 18th century there was a start of more accurate study of geology of several countries. In Russia the trend was followed by scientific expeditions with the participation of P.S. Palass, V.F. Zuev, P.Y. Rychkova, I.I. Lepekhina and E. Laksman. Natural treasures of Volga, Ural, Altai, Baikal region as well as the ones of West and East Siberia were discovered at that time. Many countries achieved huge number of new papers on geology and mineralogy. In that way it seemed evident that the science of Earth should be divided into several branches. It turned out that the number of objects, such as petrified shells, plants and rocks, early studied by mineralogists as part of mineralogy, are not in fact minerals. That caused the sub-division of common mineralogy into mineralogy as it is and geology (*geognosy* and *geogeny*). Later on *geognosy* (i.e. descriptive geology) gave birth to *geomagnosy* (i.e. science studying rocks) and *paleontology* (studies fossils) (Shaphranovsky, 1962: 40-41).

Until the end of the 19th century all sciences studying minerals were so historically close that could be hardly distinguished. Crystallography was for a long time limited to studying natural crystals – i.e. minerals.

At the end of second half of the 19th century mineralogy started its major transformation. The article by N.I. Koksharov called Subject of mineralogy, its brief history, crystals as parts of inorganic world showed the view of the scientist on the content of mineralogy and its tasks. He underlined that before nowadays practice usually anticipated science. That is the reason why the facts about minerals usually concerned their use and processing methods, while their natural features remained out of sight. The most ancient branch of geology was not actually mineralogy, but the study of natural resources. The date of birth of scientific crystallography, as well as stratigraphy is considered 1669 – date of issue of Danish naturalist Nicolas Steno`s paper called – Solid Naturally Contained within a Solid. This paper (1638–1686) gives origin to the studies on dislocation of the Earth`s crust and transgressions. N.Steno also, for the first time, gave a precise definition for crystallization process. He noted that a crystal grows not from inside (like plants do) but when the tiny items are placed on the crystal`s surface. That items are transported from inside by some liquid. The discovery of the first law of crystallization – the law of invariant angles is also to the credit of Steno. The law was proved based only on rock crystal, while the invariant angles were mentioned as note to the drawings. At that time his paper didn`t draw any attention. It was M. Lomonosov, who, one of the first, started measuring angles of crystals. Using diamond crystals and saltpetre he restored Steno`s law of invariant angles (Grigoriev, Shaphranovsky, 1949: 10).

Mineralogy in all meanings of the word was the moto of Mineralogical Society founded in January 19th 1817. The society played an important role for further development of mineralogy and united all the scientists studying minerals, rocks and natural resources.

Nikolai used to enjoy student summer trips, supervised by the professors, to Saint-Petersburg suburbs, Borovichi and Finland. During one of that trips to Finland Koksharov met N. Nordensheld, who they went together to Oriervi copper mine, mineral mine of Pargos island, Kimito mine etc. As Koksharov writes in his memoirs: We could stay for hours in Pargos or other mines with a hammer, extracting crystals from the rock. While N. Nordensheld helped with explanations and instructed the young scholar. He was interested, however, not only in mineralogy. Led by G.P. Gelmersen, experienced naturalist, Koksharov was involved in studying geology and collected a great number of fossils. On return to school, materials collected were identified, classified and sent to museum.

By the time of getting a degree, Koksharov had a challenge about the future job. His brilliant capacities and scientific gift caught the eye of K.B.Chevkin, head of mine engineers. At that time paleontology went on the first stage. Chevkin evidentially tried to direct Koksharov towards paleontology and disapproved his passion for mineralogy. What do you still find in mineralogy – he said – while paleontology is much more important. Koksharov`s doubts about job were also caused by the dispute between two scientists of School of mines. G.P. Gelmersen, geologist, following the old school, identified geological items from the view of mineralogy and physical features, not even considering paleontology. Based on his studies, he attributed the number of formations close to Novgorod to Old Red Sandstone (ORS). While E.Eikhvald, paleontologist, after having examined the fossils, noted that Gelmersen was wrong and the formations dated back to Devonian system. Gelmersen, who considered himself the first geologist, took it as personal insult. In order to solve the problem, opponents addressed authoritative geologist Leopold von Buch (1774–1853), who, in turn, confirmed Eikhvald was right. That dispute, discussed a lot among scientists, drew the attention of brilliant English geologist R.I. Murchison. Murchison applied to Russian government to arrange an expedition to study the geology of European part of Russia. The idea was to compare the sediments collected in England to the formations described by Gelmersen and Eikhvald. When approved, Murchison asked two other scholars to join the expedition. They were Édouard de Verneuil, a French paleontologist, and Alexander von Keyserling, naturalist, then well-known zoologist, geologist and traveler. In Spring 1840 all of them reached Saint-Petersburg (RGIA. F. 44. Op. 3. D. 365. L.12).

At that time Koksharov, who just graduated from school of mines, was called by K.V.Chevkin. Nikolai graduated from school of mines, second by votes, got the rank of military engineer. Chevkin announced to the new graduate that he will accompany Murchison on his trip along Russia. Chevkin, however, once again underlined which path he would like him to follow. Koksharov cites him in his memoirs: My friend, you have a good chance to see how the famous scientists conduct their research in geology. Keep your eyes open and do not loose what could be useful for your research in geology and paleontology. Pay much attention on fossils that now play the major role for geology. Then be polite towards famous foreign guests (Koksharov, 1890: 620).

The order about the expedition issued on May 25th 1840 was called to mining engineer 2nd lieutenant Koksharov to be stationed to accompany geologists Murchison and Verneuil in their trip along Russia. It said that Koksharov was sent to complete the geological and paleontological collections from the countries our knowledge is not complete about. You are invited to use this chance to get to consult the geognostic research, in particular coal formations, so well-documented by Murchison, headed by famous geologists themselves.

You have the main duty to collect accurately for military school of mines the samples of rocks and, in particular, fossils of the countries you are going to visit. When collected specimen of ore and fossils, they

have to be immediately sent to the base, accurately packed and classified with report and their exact placement attached (Koksharov, 1890: 622).

In its first year the expedition was studying the suburbs of Saint-Petersburg, Volkhov river banks, Valdai hills, Ilmen lake area, as well as Vologda and Arkhangelsk regions till Pinega area. Koksharov's report was published in Mining Magazine in 1840 entitled Notes on Geology of Several Regions of Russia. It was his first published paper. In this report twenty-two-year-old author disagreed with Murchison's conclusions about the formation of old red sandstone. Later on Murchison sends him a letter when he acknowledges young scientist was right.

After that Koksharov was sent to Yekaterinburg to work for the mint. As Nikolai used to say, that occupation didn't bother him so he could use the spare time for mineralogy and for his collection, at that time containing lots of rare and unique samples. He travels all over Yekaterinburg and suburbs to purchase minerals from local merchants and miners. In winter he travels to Murzinka.

In 1841 he was called from Saint-Petersburg to join the second expedition led by Murchison. That year the goal was to study geology of Russia from Saint-Petersburg to Perm. The second step of the expedition led to Yekaterinburg and then all over Ural area from Bogoslovsky factory to the southern part of the Ural Mountains. The inspection of northern part of the Ural Mountains ended at Kachanar Mountain. In his memories Koksharov notes that, while travelling along Ural region, he hopes to find Ural diamonds. The lack of success in that led him to bitter conclusions when he doubts authenticity of Ural diamonds. This view is clearly illustrated by his typical phrase written down by professor R. Prendel: I don't believe that those small diamonds, they pretend to be from the Ural Mountains have the origin there. Russian nature is so powerful that all the precious stones are giants (Vernadsky, 1915: 331-338).

Murchison highly appreciated the participation of the young scholar. Later on, when in 1845 he issued Geological Map of Russia he added to the signature, along with his own name, the name of young Russian scientist (with the participation of lieutenant Koksharov).

With the help of Chevkin, in 1842 Koksharov was sent abroad to study mineralogy and crystallography. Young Russian scholar draws attention of famous at that time German mineralogist Weiss. Once Weiss was showing the audience a very rare greenockite, that was not well-known to the audience but which I was familiar with. Which mineral greenockite visually similar to – but certainly has nothing in common with? – Weiss asked. I saw nobody answering and I said: to corundum. The old man remained impressed by my answer. From that time he paid special attention to me and started asking more questions than he did before.

In 1846 Nikolai comes back to Russia. He gets a job as a tutor at Mining University. Due to his rank he earns only 200 rubles a year. As he writes later on in his memoirs: I must confess I was very poor. I could buy an oilskin sofa for three rubles at Andreevsky market. It contained all my clothes, books and other belongings. Then I bought a table, two chairs (one ruble and a half) and a pillow. I also bought tea and sugar and that was my breakfast together with bread a baker offered me. I was sleeping on the sofa covered with my grey army coat (Koksharov, 1890: 626-627).

Professor G.A. Iossa helped his ex-student a lot, when Koksharov, upon return from Berlin University in winter 1846 was extremely poor. The young scholar went to live in the attic of the same house as Iossa. That winter was very cold and the young man was too poor to buy firewood. When Iossa got to know about that, he convinced Koksharov to study and have lunch in his flat and return home just to sleep. Recommended by professor Iossa, Koksharov started teaching mining and metallurgy at Mining School of Institute of Technology. Soon after that he became teacher of geography in the military schools. Consequently Koksharov, together with V.V. Bek, developed the textbook on physical geography. At that time Nikolai gets a job as caretaker of the Observatory and from 1849 to 1852 substitutes its director (1849–1852), professor Kupffer.

As his economic conditions slightly improved, he had the chance to get back to his life goal, i.e. studies in mineralogy. The first object of his research was a new mineral, discovered in the collection of P.R. Bagration and that is why named bagrationite. A big black crystal of that mineral, extracted from white diopside, was carefully measured on one-circle goniometer in Russian Academy of Science. Koksharov at that time owned a less precise Wollaston measuring device; he later purchases Mitscherlich goniometer. The article about bagrationite, published in the Mining Magazine, immediately got everybody's attention. None less impressive was his article about the crystals of Ural magnetite, where Koksharov discovered some rare shapes (RGIA. F. 44. Op. 3. D. 365. L. 17).

The popularity of Koksharov as mineralogist grows so that in 1847 he was for a year lecturing mineralogy and geology at Saint-Petersburg University as stated by Ministry of Culture, to substitute professor E.K. Hoffman, at that time lecturing abroad. From the same year he was assigned teaching first geology then mineralogy at Mining Institute. In 1848 Koksharov publishes the description first discovered in the Ural Mountains crystals of brookite (Koksharov, 1849: 434-440).

This discovery was followed by articles on such complicated matter as crystallization of minerals of chlorite group. All that confirmed his fame of brilliant Russian mineralogist and crystallography expert.

In the same year Koksharov joined Mineralogical Society. The next 44 years of his life he devoted to the Society. Koksharov also reformed the magazine of Mineralogical Society that, before the new statute was introduced, for several years had been published in German. From 1866, after Koksharov was elected

director of Society, the magazine started being issued mainly in Russian, under the title of Notes of Imperial Mineralogical Society of St Petersburg (second edition).

The number of papers on geology kept growing so rapidly that all of them could not be included in the Notes. That was the reason why in 1868 the Society headed by Koksharov started issuing special digests called Papers for Russian Geology. The papers for that digest, due to the reports, were selected in the following way: first the naturalists' reports, then, if funds allow, other articles on geology. These digests collected important materials on geological structure and natural resources in different areas of Russia. The editions of Mineralogical Society of that time could be interesting from different point for all researchers. Some articles are still up-to-date. All these papers were necessary not only for Russian geology, but also for further exploration of natural resources. All of them later on built up the base for geological map of European part of Russia (RGIA. F. 44. Op. 3. D. 365. L. 12).

In 1853 Koksharov prepares for publishing his life work called– Papers for Russian Mineralogy. The first volume issued already impressed readers in Russia and abroad. On one side, it impressed the readers by the amount of work done as well as the accuracy of results. From another side, it contained surprising quantity and diversity of the material observed. A number of minerals from Siberian and Ural area were mentioned by Koksharov for the first time in Russia (in the first volume there were such minerals as Ural brookite and yellow cancrinite from the Tunkin Mountains in East Siberia). The first volume of Papers was awarded half of Demidiv price from the Academy of Science. Every year Demidov contributed 25 thousand rubles to the fund of the prize. According to his will, the award should be also granted in the next 25 years after his death. During that time 58 brilliant Russian scholars got the prize. There was a full award, at the amount of 5 thousand rubles, and a half-award. From 1832 to 1865 Saint-Petersburg Academy of Science granted 55 full awards and 220 half-awards (RGIA. F. 40. Op. 2. D. 99. L. 58).

In 1857 N.I. Koksharov is sent abroad for the second time, to the conference of natural science scholars and doctors at Bonne, with the goal to inspect the mineralogy collections from Germany, France and England. The way he was received by foreign colleagues showed that Papers for Russian Mineralogy made a big impression in the scientific world. Thanks to Koksharov, the fame of Russian minerals was spread in all Europe.

In 1858 Koksharov gets the rank of guest academician, then in 1866 he is elected ordinary (permanent) academician on crystallographic geognosy at Academy of Science, where he was a member from 1855. Nevertheless, Koksharov remains just a modest scholar, with his passion on measurements of crystals in mineralogy. He regularly issued the new volumes of his Papers as their number by the end of his life reached 11. One of the news in Russian mineralogy is the discovery of euclase, a rare mineral that, before discovery, was known only in Brazil. The discovery was made by chance. Koksharov found three perfect samples of that crystal in one of the boxes, purchased from an Ural merchant. Soon the district, where euclase originate from, got world fame, as there were other precious stones found, such as rose topaz, corundum etc. Koksharov's interests were not limited only by researches. At the same time he did a great job like a teacher, lecturing in a number of universities and high schools. For example, he teaches mineralogy at Mining Institute (1847–1855), Institute of Railway Engineers (1862–1866), Forest Technical Institute and Landmark Institute (1851–1862) etc. The result of his lectures found the way in Lectures on Mineralogy (1863) that had a great success among students. Lectures had the second edition in 1908; 16 years after the death of Koksharov, and in 1865 were translated into German (RGIA. F. 44. Op. 3. D. 365. L.14).

In August 1866 Koksharov suggests that mineralogist Franz von Kobell, a member of Bavarian Royal Academy of Science and professor of Munich University, must be awarded for his Tables for Identifying Minerals. Franz von Kobell described a big number of minerals and kobellite was named in his honor. Von Kobell, besides that, must have been the first German photographer, as in 1839 he showed daguerreotypes of some buildings in Munich (some of them were preserved). Consequently, by the law of Emperor Alexander II, Kobell received an award of Saint Stanislav (2nd class) (Vernadsky, 1915: 337).

Nikolai Ivanovich travelled a lot abroad. In 1876 during the international fair in Philadelphia he was awarded a golden medal. The authority of Koksharov was enormous and he was requested a lot as an expert. In 1883 Spanish Embassy claimed that they would like Koksharov to be sent to the fair opened in May 1st to study the collection of Spanish minerals. He was supposed to be present at the national fair of rocks and ceramics in Madrid one year ago, but the fair didn't take place. He also frequently travelled to Ural region (RGIA. F. 40. Op. 2. D. 99. L. 78).

Despite a big number of schools and institution Koksharov cooperated with, there were only three that were his priority: Mining Institute, Mineralogical Society and Academy of Science. For about 40 years, from 1855 till his 1892 (the year he died) he remains the leading expert in Russian mineralogy and crystallography. From 1866 to 1873 he was director of the Museum of Mineralogy of the Academy (Afanas'ev et al., 2010: 97-98).

He was really bounded to Mining Institute (ex-military school of mines), where he began his professional path. Koksharov was lecturing there not for a long time, from 1847 to 1855. From 1857 he becomes a member of Committee of Scientists of the college, in 1868 is nominated a member of Mining Committee and then, in 1872 becomes the director of Mining Institute from (till 1881). In 1873 Koksharov takes an active part in the celebrations in honor of 100th anniversary of Mining Institute that he later on describes in an article he dedicated to the event.

In 1865 was nominated director of Mineralogical Society, being one of the most active members and hard-working authors of Notes of Mineralogical Society. In the same year Koksharov was announced director of honor, the rank other directors of the Society never reached before. Thanks to Koksharov, the amount of Russian minerals and their deposits studied by Society members has significantly increased.

Since Mineralogical Society was ahead in all geological researches in Russia, the question where to store all the collections (rocks, ore, minerals etc.) became an important issue. Since the square meters the Society owned was quite limited, and the collections in future were expected to increase, the solution should have been found. N.I. Koksharov started negotiating the question with Mining Institute management (i.e. its director G.P. Gelmersen and inspector V.G. Eropheev). Mineralogical Society, before it was established in the Mining Institute, changed location a number of times. Once it occupied the flat on river Moika embankment (Khlebnikov's maison), then was relocated to one of the maisons of Krivopishin on Bolshaya Sadovaya street, close to Sennaya square. After that it was situated on the corner of 6th street on Vasilievsky island and the Neva embankment (Panasha's maison) and some other places (RGIA. F. 40. Op. 2. D. 99. L. 48).

In spring 1869 during one of the assemblies of the Society Koksharov announced that Mining Institute is ready to host Mineralogical Society in one of its buildings. In summer 1869 Society relocated. The assembly in September 16th 1869 already took place in the building of Mining Institute where it is located nowadays. Opening the assembly Koksharov said: Today we start in the new building in Mining Institute. Mineralogical Society already owed that institution a lot, in particular, for the geological and paleontological collections, put together by the researches, send by the Society to explore the geology of Russia. Today Mining Institute hosts us again. The management of Mining Department and Ministry of Finances not only granted great and spacious location, but also continues to provide us help and support. Among us there are colleagues from the management of Mining Institute... That's why I suppose, dear sirs, I will share your feelings if I express to that gentlemen my sincere gratitude on behalf of all the Society (Vernadsky, 1915: 337).

Celebration in 1897 of 50th anniversary of Mineralogical Society was at the same time the event to honor its director. During the Gala Assembly Koksharov was granted the rank of member of honor of Saint-Petersburg University as well as the title of Doctor of mineralogy and geognosy of Kiev University.

In August 24th 1881 Emperor Alexander III dismissed Koksharov from the post of director of Mining Institute. While dismissed Koksharov kept getting 3000 rubles pay, 1200 dining rubles, as well as extra 1500 rubles a year, till the time he remains member of Mining Ministry and instead of the flat he was granted due to his rank. Moreover Koksharov is to be paid 1715 rubles 50 cents per year extra, as a rent for teaching activity (RGIA. F. 44. Op. 3. D. 365. L. 15).

In 1891 Nikolai Koksharov left the position of director of the Society, while, till his death, he remained its director of honor. Mineralogical Society had its golden age while Koksharov was its director. He contributes a lot to activities and future development of the Society. Due to his energy he got the funds for geology researches in Russia, issues of Papers on Geology of Russia (1869), issue of the new edition of Society Papers (1866) (Russkii biograficheskii slovar, 1903: 69).

5. Conclusion

In 1887 Koksharov celebrates 50th anniversary of service and research. He was sent numerous congratulations from all over the world, from scientific associations, academies and just colleagues. Let all precious stones, dear to all Russian mineralogists, such as topaz, phenakite, alexandrite, corundum and other minerals, you devoted your precious studies to, be gathered in a wreath, that will honor your half-century contribution to science.

«Your mathematically accurate descriptions of Russian minerals enable to consider you the founder of Russian mineralogy. You deserve fame and honor to establish a new era for your beloved science in your Homeland. You, while born in the heart of Asia, have the honor to be considered member of nearly all European academies». – That was one of the congratulations the foreign colleagues sent.

Mineralogical Society gave Koksharov a golden medal, for that occasion created by metal artist S.A. Grilikhes. On one side of the medal there was Koksharov's profile, on the another side there was a dedication: To N.I. Koksharov, director of Imperial Mineralogical Society, author of Papers for Russian Mineralogy, on behalf of Imperial Mineralogical Society 1837–1887 (Munster, 1888: 24).

Among Koksharov's works (155 in total), apart for the descriptions of minerals there were articles on common matters on mineralogy and crystallography, experiments descriptions, reviews and obituaries. But there were only a few of them, compare to the number of works on Russian minerals.

Koksharov collected and summarized all his researches on mineralogy. Nearly all his articles were published in Papers for Russian Mineralogy. Unfortunately the last volume in Russian language was the 6th one (1852–1878), as for German, 11 volumes were published (1853–1892). The great number of Russian minerals, studied and described by Koksharov in Papers lives the reader speechless. It is sufficient to note that the index of the 11th volume names 400 different minerals. Even nowadays Papers remain an indispensable manual on Russian mineralogy.

A big number of minerals was discovered in Russia for the first time: such as: euclase, brookite, yellow cancrinite, wollastanite, chalcophinite, chalconite. The brilliant scientist discovered also new minerals and their species: ilme norutile, crinochlor, kotschubeite, waluewite, bagrationite, mursinskite etc. The main

value of Koksharov's works were the results of goniometric measurements that even nowadays remain one of the most accurate and precise in mineralogical crystallography. Besides Papers for Russian Mineralogy, there were also Lectures on Mineralogy, almost dedicated to crystallography, that were extremely popular. ([Rossiiskoe mineralogicheskoe obshchestvo glazami sovremennikov, 2014: 138](#)).

The time of research of Koksharov was the same when they got a lot of new resources from numerous new mines were discovered in Ural, Altai and Baikal region, that were actively been explored. The scientists had the task to make all that discoveries contribute to science. And the task was fulfilled. N.I. Koksharov died in December 21st 1892 at the age of 74 and was buried in Alexander Nevsky Monastery in Saint-Petersburg ([Russkii biograficheskii slovar, 1903: 70](#))

References

- [Afanas'ev et al., 2010](#) – *Afanas'ev V.G., Posina L.T., Sevastianov P.L., Voloshinova I.V., Pliukhina T.V.* (2010). Ocherki istorii Gornogo instituta (1773-1917) [Essays on the History of Mining Institute (1773-1917)]. St. Petersburg, pp. 97-98. [in Russian]
- [Grigoriev, Shaphranovsky, 1949](#) – *Grigoriev D.P., Shaphranovsky I.I.* (1949). Vydayushchiesya russkie mineralogi [Brilliant Russian Mineralogists]. Moscow, Leningrad, pp. 6-9. [in Russian]
- [Koksharov, 1849](#) – *Koksharov N.I.* (1849). O bagrationite, novom ural'skom minerale [About Bagrationite, a New Ural Mineral]. *Mining Magazine*. Vol. 1. St. Petersburg. pp. 134-140. [in Russian]
- [Koksharov, 1876](#) – *Koksharov N.I.* (1876). Predmet mineralogii, kratkaya ee istoriya, kristally kak nastoyashchie individuumy neorganicheskoi prirody [The subject of mineralogy, its brief history, crystals as real individuals of inorganic nature]. *Notes of Mineralogical Society Association*. Vol.10. St. Petersburg. pp. 137-150. [in Russian]
- [Koksharov, 1890](#) – *Koksharov N.I.* (1890). Vospominaniya [Memories]. *Russkaya Starina*. Vol. 66. St. Petersburg. pp. 613-630. [in Russian]
- [Mineralogicheskii Al'manakh, 2006](#) – *Mineralogicheskii Al'manakh*. Vol. 10. p. 133. [in Russian]
- [Munster, 1888](#) – *Munster A.* (1888). Pyatidesyatiletanii yubilei akademika N.I. Koksharova i kratkaya ego biografiya [50th Anniversary of Academician N.I. Koksharov and His Brief Biography]. *Notes of Mineralogical Society Association*. St. Petersburg. Vol.24. pp. 13-15. [in Russian]
- [Povarennykh, 1956](#) – *Povarennykh A.S.* (1956). Mineralogicheskoe obshchestvo v techenie pervykh sta let svoego sushchestvovaniya [Mineralogical society during the first hundred years of its existence]. Essays on the history of geological knowledge. Moscow. [in Russian]
- [Prendel', 1893](#) – *Prendel' R.* (1893). Pamyati N.I. Koksharova [In memory of N.I. Koksharov]. Odessa. [in Russian]
- [Rafienko, 1989](#) – *Rafienko L.S.* (1989). Gornyi inzhener N.V. Vorontsov [Mining engineer N.V. Vorontsov]. Perm'. [in Russian]
- [RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- [Rossiiskoe mineralogicheskoe obshchestvo glazami sovremennikov, 2014](#) – Rossiiskoe mineralogicheskoe obshchestvo glazami sovremennikov (2014). [Russian Mineralogical Society through the eyes of contemporaries]. Collection of articles edited by Yu.B. Marin. St. Petersburg. pp. 137-140. [in Russian]
- [Russkii biograficheskii slovar, 1903](#) – Russkii biograficheskii slovar [Russian biographical dictionary]. Vol.9. St. Petersburg. pp. 67-70. [in Russian]
- [Shaphranovsky, 1962](#) – *Shaphranovsky I.I.* (1962). Istoriya kristallografii v Rossii [History of Russian Crystallography]. M., pp. 10-12. [in Russian]
- [Shaphranovsky, 1964](#) – *Shaphranovsky I.I.* (1964). Nikolai Ivanovich Koksharov [Nikolai Ivanovich Koksharov]. Moscow, Leningrad. [in Russian]
- [Vernadsky, 1915](#) – *Vernadsky V.I.* (1915). Koksharov Nikolai Ivanovich. Materialy dlya biograficheskogo slovara dlya deistvitel'nykh chlenov Akademii nauk [Koksharov Nikolay Ivanovich. Materials for the biographical dictionary for full members of the Academy of Sciences]. Petrograd. pp. 331-339. [in Russian]

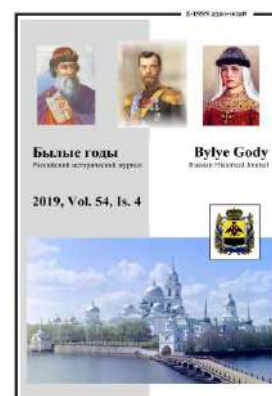
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1554-1564. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1554
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Main Trends of Anglo-American Historiography on the Decembrist Movement

Mikhail S. Belousov ^{a,*}, Tatiana V. Lebenkova ^a, Daria B. Pushkina ^a

^a St. Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

This article examines the main trends of Anglo-American post-World War II scholarly articles on the Decembrists movement. The analysis of this historiography fills in the gap in the literature. Soviet/Russian researchers have examined in detail both the fundamental plots of the day of the uprising, the investigation of the Decembrists' case and the domestic political problems of Russia in the first quarter of the 19th century, the issue of serfdom, etc. However, there is a lack of analysis of the specific features of Anglo-American scholarly articles on the Decembrist movement. In the USSR/Russia since the 1940s, the Stalinist revolutionary concept of Decembrist movement was adopted and for many years its main points were not disputed. Our analysis shows that the development of Anglo-American historiography of the Decembrists movement took decisively different direction. Anglo-American writers were not ready to admire the unequivocal revolutionary nature of the movement. Their studies represented diverse methodological approaches, often resulting in multi-disciplinary analysis, for example, combining historical and philological approaches. Naturally, these tendencies in the literature can be partially explained by the meager access to archival materials for the foreign scholars. However, our article notes that the multi-disciplinary trends of Anglo-American post-war historiography on the Decembrists movement as well as their evaluation of the movement through the lens of social movements, are worth to examine, especially in the light of new studies of the Decembrists movement in Russia.

Keywords: Anglo-American historiography, sociopolitical movements, the Decembrist societies, the Decembrist revolt, Decembrists, émigré-historians.

1. Введение

В статье рассматривается вопрос о направлениях развития зарубежной англоязычной историографии движения декабристов. Важность обращения к этой тематике на страницах российского журнала сложно переоценить. Казалось бы, давно в прошлом остались времена, когда целенаправленно по идеологическим причинам игнорировались целые историографические пласты. Тем не менее, в работах современных декабристоведов зарубежная, и в частности англо-американская, историография либо вовсе не упоминается, либо представлена весьма куце. Не раз на конференциях приходилось слышать, что «никакой серьезной зарубежной историографии не существует».

2. Материалы и методы

Именно этим обстоятельством и продиктована основная цель исследования: по материалам журнальных статей установить основные тенденции англо-американской историографии декабризма. Поэтому методологической основой исследования является принцип историографического анализа, подразумевающий выявление ключевой проблематики и источниковедческой базы рассматриваемых

* Corresponding author

E-mail addresses: m.belousov@spbu.ru (M.S. Belousov), t.v.lebenkova@gmail.com (T.V. Lebenkova), d.pushkina@spbu.ru (D.B. Pushkina)

работ, а также общеисторических и мировоззренческих установок конкретных специалистов. Подобный подход подразумевает использование, с одной стороны, историко-генетического метода, прежде всего при реконструкции трансфера отдельных идей и концепций; с другой стороны, историко-сравнительного метода для сопоставления векторов развития отечественной и зарубежной исторических школ. Безусловно, современное историографическое исследование не может обойтись без приемов контент-анализа, подразумевающего в данном случае сплошной просмотр основных западных исторических журналов, и элементов дискурс-анализа при интерпретации концептуальных положений отдельных работ.

3. Обсуждение

Декабризм был одним из важнейших явлений мировой интеллектуальной истории. В России в дореволюционный период он изучался в широком контексте событий и проблем истории Запада. Историки систематически обращались к трудам французских и немецких исследователей при разработке отдельных сюжетов. Но в 1940-е годы, как мы уже отмечали ранее, «наступает эпоха «антинорманизма» в историографии движения декабристов: оно признается возникшим на российской почве, под влиянием российских условий и, конечно же, с российской спецификой» (Белоусов, 2019: 1166). С этого момента начинается целенаправленное игнорирование работ западных специалистов по данной тематике, хотя многие из них и нашли отражение в известных библиографических указателях.

При этом в англо-американском научном пространстве происходили достаточно интересные явления. Здесь стоит оговориться, что, в частности, американская историография возникла не на пустом месте, а под существенным влиянием русских историков-эмигрантов. Известный американский историк А. Mazour (Анатолий Григорьевич Мазуренко) – создатель первой обобщающей работы по движению декабристов на английском языке – родился и вырос в Киеве и в возрасте 22 лет эмигрировал в Европу, а затем в США (Vucinich, 1982: 362-364). Другой отечественный ученый – М.М. Карпович, автор знаменитого курса интеллектуальной истории, породил целую плеяду замечательных исследователей русской общественной мысли (Перейра, 2012: 7-23). Творчество же Г.В. Вернадского «демонстрирует тот путь, по которому могла бы пойти дореволюционная историография, если бы не Смута начала XX в.» (Дворниченко, Белоусов, 2017а: 367). Несмотря на то, что научные интересы Г.В. Вернадского после вынужденной эмиграции сместились в сторону древней истории России, тем не менее, вышло несколько переизданий его работ, а также он выступил с серией докладов по декабристской тематике (Дворниченко, Белоусов, 2017а: 358-374; Дворниченко, Белоусов, 2017б: 191-202). Таким образом, как бы это ни было парадоксально, англо-американская историография в период своего становления (1930–1940-е годы) оказалась гораздо ближе к российской дореволюционной историографии, нежели советские исследования тех же годов.

Стоит отметить, что именно указанный аспект (роль историков-эмигрантов) сравнительно хорошо изучен в предлагаемой теме. Но это совсем не отменяет того обстоятельства, что на данный момент отсутствуют серьезные обзоры зарубежной историографии декабризма. Работы иностранных коллег редко используются отечественными историками. Приятным исключением из правил являются лишь монографические исследования, переведенные на русский язык. При этом современный уровень развития библиографических баз данных предоставляет широкие возможности для того, чтобы восполнить эту историографическую лагуну.

4. Результаты

Наверное, анализ конкретных работ следует начать с рецензий на работы советских историков, которые присутствуют на страницах англоязычных журналов. Этот сюжет дает нам возможность, с одной стороны, определить степень востребованности исследований отечественных историков, а с другой – оценить характер восприятия изучения движения декабристов в рамках глубоко идеологизированной методологии учеными, свободными от подобных априорных установок.

Весьма показательна в этом смысле рецензия И. Стоун (Stone, 1953: 187-189), в которой дается обзор сразу нескольких научных трудов советских историков. Автор особое внимание уделяет работам М.В. Нечкиной. Рецензент довольно тонко передает все особенности идеологических колебаний в изучении декабризма, показывая непригодность либерально-буржуазной концепции А.Е. Преснякова и причины критики идей М.Н. Покровского. Именно несогласие со своими предшественниками сыграло ключевую роль в появлении вывода о главной причине провала восстания: ««классовые ограничения» революционного мировоззрения декабристов» (Stone, 1953: 188). Автор рецензии выражает сожаление, что М.В. Нечкина не рассмотрела во взаимосвязи план восстания 14 декабря 1825 г. и планы развития революционного движения, предшествующего ему. Большая часть статьи посвящена оценке работы М.В. Нечкиной «А.С. Грибоедов и декабристы». Здесь, по мнению рецензента, исследователь не упустила ничего, что могло иметь хоть какое-то отношения к изучаемому вопросу, даже косвенных свидетельств. Исследовательница обосновывает свое мнение о том, что А.С. Грибоедов не только разделял убеждения декабристов, но и знал об их планах свергнуть

самодержавный строй, основываясь на его широких контактах с декабристами и разбирая текст комедии «Горе от ума».

И. Стоун обращается также к монографии К.А. Аксенова «Северное общество декабристов». Она отмечает, что работа не является исследованием истории Северного общества, а ее большая часть посвящена опровержению мифа о том, что главным лидером и идейным вдохновителем Северного общества до самого восстания был Н.М. Муравьев. Роль лидера с 1823 г. К.А. Аксенов отводит К.Ф. Рылееву. По мнению И. Стоун, он «склонен переоценивать личную роль Рылеева» (Stone, 1953: 189). Также рецензент анализирует работу В.Г. Базанова «Поэты-декабристы» и освещает ряд документальных публикаций. Может показаться, что статья представляет собой панорамный и неглубокий обзор в силу своей лапидарности. Тем не менее отметим, что рецензенту удалось обратить внимание на ключевой вектор движения советской историографии декабризма 1940–1950 гг.: гипертрофированное стремление придать движению революционный характер и таким образом репрезентовать восстание как первую попытку буржуазно-демократической революции.

Следует обратить внимание на интересный обзор М. Раева монографии С.С. Ланда (Raeff, 1977: 86–87), который вышел спустя два года после выхода в свет исследования в СССР. Рецензент отмечает замечательное оформление книги и хороший научный текст, который включает в себя подробную и противоречивую информацию, предполагающую большое количество версий и суждений. В оценке М. Раева работа С.С. Ланда представляет собой серию эссе, написанных на основе его научной диссертации и посвященных формированию общественного мнения накануне восстания 1825 г.: «Ланда сознательно избегает личностей и групп, которые традиционно принадлежат к движению декабристов» (Raeff, 1977: 86). В работе уделяется внимание политическим воззрениям С. Тургенева, роли князя П.А. Вяземского и др. М. Раев отмечает: «Ланда напрягается, чтобы вписать свой анализ в ленинскую ортодоксальность» (Raeff, 1977: 87). Здесь также следует отметить, что взгляды ленинградского историка находились несколько в стороне декабристоведческого мейнстрима: воспринимая «Союз благоденствия» как организацию либеральную, он был вынужден соглашаться с общепринятой концепцией о ее революционном характере. Именно на эти оговорки и обратил внимание скрупулезный рецензент.

Любопытна рецензия Л. О'Белл (O'Bell, 1979: 265–266) на монографию Л.Г. Фризмана «Литературно-критические работы декабристов». Основной идеей рассматриваемой монографии, по сути, является литературно-критический обзор творчества поэтов-декабристов. Если посмотреть на даты выхода, то монография вышла в 1977 г., а рецензия на нее в 1979 г. По мнению рецензента, декабристы представлены здесь не только как политические революционеры, но и как революционеры литературные, предшественники будущих гражданских литературных критиков. Проблеме «декабристы и внешняя политика» посвящен сделанный Н.В. Рязановским обзор монографии О.В. Орлик (Riasanovsky, 1986: 151–152). Как отмечает рецензент, О.В. Орлик зачастую приводит суждения как единственно верные и непоколебимые. Также «иногда очевидные или банальные взгляды излагаются с помпезностью как драгоценная и новаторская прогрессивная доктрина» (Riasanovsky, 1986: 152). Таким образом, по мнению автора рецензии, суждения в работе советского исследователя достаточно предсказуемы и не являются новаторскими.

Откликом на публикацию избранных трудов Н.М. Дружинина стала рецензия М. Раева (Raeff, 1987: 447–448). Рецензент достаточно большое внимание уделяет сравнению работ Н.М. Дружинина и его, пожалуй, главного научного оппонента М.В. Нечкиной. М. Раев делает несколько замечаний к работе, в число которых входит «слишком простой и жесткий концептуальный словарь, который классифицирует... явления самым неисторическим образом» (Raeff, 1987: 448). Здесь, конечно же, стоит оговориться, что данная публикация включила в себя в основном ранние, относящиеся в 1930-м годам, работы историка. Не удивительно, что исследования, написанные в период формирования сталинской концепции декабризма и отличающиеся явным злоупотреблением понятий экономического детерминизма, вызвали протест американского историка.

Этой тематике посвящена статья Д. Гудинга «Декабристы в Советском Союзе» (Gooding, 1988a: 196–209), в которой рассматриваются работы М.В. Нечкиной и Н.М. Дружинина. Как пишет автор, советская историография была разделена во взгляде на восстание декабристов на два противостоящих лагеря. М.В. Нечкина была сторонницей радикального единого декабризма и усматривала в декабристах первых русских революционеров. Она выработала концепцию «дворянской революционности», согласно которой декабристы были отдалены от народа, нерешительны, испытывали страх перед любым народным участием. Оппонентом М.В. Нечкиной был Н.М. Дружинин, который представлял декабризм как разделенное движение и указывал на существование большого разрыва в идеологическом плане между радикальным П.И. Пестелем и либеральным Н.М. Муравьевым.

Следует также обратиться к довольно запоздалой, но тем не менее любопытной рецензии Д. Харди (Hardy, 1988: 196) на монографию С.Б. Окуня «Декабрист М.С. Лунин». Первое издание этой книги вышло в 1962 г., второе – в 1985 г., а обзор – лишь только в 1988 г. Автор особенно подчеркивает, что исследователем был привлечен большой объем архивных и опубликованных источников. Однако Д. Харди представляется сомнительным тезис о том, что М.С. Лунин был ближе

по идеям к П.И. Пестелю, олицетворявшему Южное общество, чем к Н.М. Муравьеву, отражавшему идеи Северного общества. Рецензент подчеркивает: «Мы видим только политического человека, а не горячего (возможно, даже фанатичного) религиозного человека, которым Лунин на самом деле стал» (Hardy, 1988: 196). Вряд ли с подобной оценкой можно поспорить сейчас: в мастерски написанном биографическом исследовании гипертрофированно акцентированы все те сюжеты, которые создают образ революционера из интереснейшего представителя оппозиции.

Анализ приведенных рецензий дает возможность утверждать, что в целом западные исследователи следили за происходящим в советской исторической науке. Нередко, правда, можно наблюдать значительный временной разрыв между появлением монографии и рецензии, что скорее противоречит англо-американской научной традиции. Содержательно протест вызывало стремление к репрезентации движения декабристов как революционной партии. Причину этого следует искать в истоках англо-американской историографии. Оказавшись под существенным влиянием русских историков-эмигрантов, иностранные исследователи сложно воспринимали революционный поворот в освещении декабризма. Сопоставление выявленных наблюдений с современной отечественной историографией подводит к однозначному выводу: сталинская концепция, сделавшая декабристов первыми революционерами, и тогда на Западе, и сейчас в России воспринималась и продолжает восприниматься как историографический курьез, что вовсе не отрицает гигантского вклада, сделанного советскими историками, в решение источниковедческих задач и введение в научный оборот основного компендиума источников.

Переходя к анализу именно научных статей, отметим предварительно, что и для отечественной, и для зарубежной историографии декабризма одним из наиболее популярных жанров всегда являлась биографика. Серию любопытных работ отечественных специалистов подобной направленности вполне органично дополняют работы англо-американских исследователей.

В статье о П.И. Пестеле А. Адамс особенно отмечает, что это был человек с путанным и часто противоречивым течением мыслей (Adams, 1953: 153-161). В нем сочеталось несочетаемое: абсолютистское желание власти и либералистическое стремление к свободе. Как пишет А. Адамс, порой кажущееся несовместимым сосуществование политических мыслей П.И. Пестеля «является ключом... к реформам, которые он планировал провести в России» (Adams, 1953: 154). На формирование мысли П.И. Пестеля повлияло его изучение политических трудов Макиавелли, Вольтера и др. «Раскол» мысли П.И. Пестеля проявляется в желании создать в качестве государственного строя России сильно централизованную республику.

Статья Дж. Хаскетт «Декабрист Н.А. Бестужев в сибирской ссылке» касается последующей после восстания жизни декабристов (Haskett, 1965: 185-205). Н.А. Бестужев принял участие в восстании, а затем почти 30 лет провел в изгнании, в ссылке в Сибири. На каторге декабрист стремился создать интеллектуальную атмосферу: была организована «Академия», лекции которой посещали многие местные жители. Н.А. Бестужев читал лекции по военно-морской истории и физическим наукам, учил своих товарищей рисованию, изготовлению шкафов и созданию переплета книг. Он превосходно делал ремесленные изделия: обувь, мебель, игрушки, колыбели. «Бестужев считался среди декабристов как товарищ с “золотыми пальцами”» (Haskett, 1965: 191), – отмечает рецензент. Также декабрист писал превосходные портреты своих товарищей, усовершенствовал хронограф, доказал возможность выращивания арбузов и табака в северных широтах, распространил косы среди бурят, написал монографию «Гусиное озеро», где описывал бурятские традиции, обычаи, экономику и т.д. Все эти сюжеты подробно рассматривает автор статьи.

Не менее интересна работа Ф. Уолкера, посвященная жизни и творчеству К.Ф. Рылеева (Walker, 1969: 436-446). К.Ф. Рылеев был поэтом, и поразительным в его творчестве является изображение героя, который готов и жертвует своей личной свободой ради каких-то убеждений. В его стихотворениях явственно делается акцент на сюжете смерти. К.Ф. Рылеев вступил в Северное общество в 1823 году и впоследствии был «душой» движения декабристов. Чтобы спровоцировать товарищей на восстание, он написал ряд стихотворений, в качестве примера автор приводит произведение «Царь наш, немец русский», особенно популярное среди молодых офицеров. К.Ф. Рылеев по своим убеждениям разрывался между конституционной монархией и республикой, верил в демократию и возможность наделения крестьян землей. Далее Ф. Уолкер пишет: «...Нет никаких сомнений в его целостности, его характере, но революция требует большего, чем готовность умереть» (Walker, 1969: 446). Истории идейного раскола посвящена еще одна статья Ф. Уолкера (Walker, 1979: 489-502) о братьях Глинка. С.Н. Глинка был консерваторм, защитником самодержавия и крепостничества, а его младший брат, Ф.Н. Глинка, был декабристом и активным участником Союза Благоденствия. Но что удивительно, представители совершенно различных, крайних точек зрения высказывали зачастую схожие аргументы и мысли. В их творчестве присутствуют «доносы на тиранию», которые «не были в это время подрывными» (Walker, 1979: 493), так как главным тираном в то время выступал Наполеон.

Отражению идей декабристов в литературных произведениях посвящена статья Л. Лейгтона (Leigton, 1980: 171-186). Повесть «Фрегат «Надежда» создана на трех разных уровнях, предназначена для аудитории разной политической активности. «Фрегат «Надежда» является аллегорией и

олицетворяет собой ключевой для декабристов вопрос: «большинство членов не смогли разрешить противоречия между их политическими идеалами и долгом перед государством» (Leigton, 1980: 174). Это, в свою очередь, порождало нехватку преданных, истинных участников в движении декабристов, что явилось, по мнению автора, причиной нерешительности действий в день восстания, 14 декабря 1825 года, и повлекло за собой его подавление. В повести А.А. Бестужев проводит аналогию между судьбами, собственной и главного героя, изображает декабриста с сильными убеждениями, но который не смог справиться с раздирающими его противоречиями. Автор подчеркивает, что в произведении «содержится глубоко скрытое признание его, автора, глубокой вины и выражает ужасную моральную двусмысленность» (Leigton, 1980: 185). Эта же тематика продолжается и в другой работе Л. Лейгтона, посвященной аллюзиям в творчестве А.А. Бестужева и А.С. Пушкина (Leigton, 1983: 351-382). В стихотворениях, по мнению автора, можно увидеть множество различных намеков, например зашифрованных дат и т.д., которые, в том числе, выражают боль по поводу гибели друзей-декабристов. Как пишет автор, А.С. Пушкин и А.А. Марлинский «имели разные обязательства перед заговором декабристов и восстанием 14 декабря 1825 года – Пушкин был попутчиком, Марлинский был лидером движения...» (Leigton, 1983: 353). Намеки и аллюзии, как утверждает Л. Лейгтон, были средством общения друг с другом, с друзьями и современниками.

Достаточно любопытные выводы представлены в статье Д. Гудинга «Сперанский и Батеньков» (Gooding, 1988b: 400-425). Автор утверждает, что М.М. Сперанский был близок к событиям 14 декабря 1825 года, так как находился в дружбе с Г.С. Батеньковым. Когда М.М. Сперанский попал в немилость и был назначен императором Александром I на должность в Сибири, его незаменимым помощником стал Г.С. Батеньков, судьба которого должна была быть нитью, связывающей «сперанскизм» и «декабризм». Позиция будущего декабриста была двойственна, потому что окончательно присоединиться к движению «означало бы уйти из дома, что есть отрицание “сперанскизма”, и тем самым подвергнуть риску его отношения с самим Сперанским» (Gooding, 1988b: 414), которыми он очень дорожил. Поэтому во время следствия Г.С. Батеньков отказался признать себя революционером, выставлял себя пойманным в ловушку людьми, которые хотели использовать его из-за связи со М.М. Сперанским. При рассмотрении дел декабристов М.М. Сперанский многое сделал, выступая «инструментом» наказания, однако за Г.С. Батенькова заступился. Таким образом, невозможно проследить связь между Сперанским и декабристами, но можно увидеть особые отношения между М.М. Сперанским и декабристом Г.С. Батеньковым.

Статья П. О'Мара посвящена жизни и деятельности генерала П.Д. Киселева (O'Meara, 2010: 261-290). Здесь автор на основании писем выстраивает подробности жизни генерала, освещает отношения между ним и декабристами. П.Д. Киселев получил прекрасное домашнее образование, быстро сделал головокружительную карьеру. В 1816 году он подготовил Александру I меморандум «о постепенном искоренении рабства в России». В 1819 году был назначен начальником штаба на службу в Тульчин, где впоследствии решил множество проблем: с дисциплиной, плохим состоянием больниц, скудным питанием солдат и др. Именно в Тульчине «за чтением и в прямом контакте с декабристами происходило политическое созревание Киселева» (O'Meara, 2010: 270). Отношение генерала к тайному обществу представляет собой открытый вопрос. С одной стороны, автор приводит доказательства контактов с П.И. Пестелем, во время расследования «дела Раевского» П.Д. Киселев дал возможность уничтожить список членов тайного общества. Однако, с другой стороны, высказывает ряд существенных сомнений (O'Meara, 2010: 280).

Среди статей биографического характера отметим также новейшее исследование о творчестве К.Ф. Рылеева (Ricoun, 2012: 436-459). П. Рикун анализирует поэму «Войнаровский», в которой отражены события Северной войны, в частности Полтавской битвы. К.Ф. Рылеев изображает гетмана Мазепу и его племянника Войнаровского, главного героя поэмы, мучениками, борющимися против Российской империи. Основная цель поэмы, по мнению автора, – привлечь новых членов в движение декабристов. Это хорошо иллюстрируется действиями лиц произведения. Сначала в ряды борцов за свободу Мазепа привлекает своего племянника Войнаровского, который затем «вербует» Миллера, и эту цепочку можно развивать и дальше. Примечательно, что поэма представляется незавершенной. «Впечатляя читателя, что история должна продолжаться, Рылеев предлагает... своим читателям вступить на место мученика» (Ricoun, 2012: 453).

Подведем итог анализу обозначенных статей. В англо-американской историографии обращение к жанру биографики, как и в отечественной, стало достаточно популярным. Но здесь мы видим обращение к совершенно другим сюжетам. С одной стороны, достаточную долю работ составляют историко-филологические исследования: ученые стремятся дать новую интерпретацию классическим произведениям, провести аналогии между художественными образами и практической деятельностью декабристов. С другой – многие авторы обращаются к реконструкциям психологических портретов своих протагонистов. Представляется, что как первое, так и второе были связаны с достаточно узкой источниковой базой. Имея возможность работать исключительно с литературными произведениями и опубликованными материалами, зарубежные исследователи вынужденно избирали экстенсивный путь, предлагая новый взгляд на, казалось бы, избитый сюжет.

Обращаясь к работам о движении декабристов в целом, отметим статью Д. Лэнга о британском взгляде на заговор декабристов, в которой рассматриваются доклады лорда Стэнфорда, находившегося в Санкт-Петербурге с дипломатической миссией английского правительства (Lang, 1949: 262-274). Стэнфорд описывает, как послы иностранных государств были приглашены к графу К.В. Нессельроде и им была представлена первая официальная версия произошедшего (Lang, 1949: 264). Сообщения лорда Стэнфорда в Великобритании вызвали опасения, что после восстания декабристов и распространения настроений в армии увеличится вероятность объявления Российской империей войны Турции, что английское правительство пыталось всячески предотвратить. На основе сообщений Стэнфорда автор представляет картину восстания и набор ключевых внешнеполитических проблем, связанных с ним.

Статья Е. Двойченко-Марковой подчеркивает влияние личности Томаса Джефферсона, который был автором Декларации независимости и впоследствии президентом США, на формирование идей и характера мыслей участников движения декабристов (Dvoichenko-Markov, 1950: 162-168). Автор высказывает предположение, что Джефферсон был одним из составителей (наряду с Дестютом де Траси) комментария к трактату «О духе законов». Однако в силу определенных причин он был подписан именем последнего. Впоследствии этот комментарий оказал влияние на идеологию декабристов. П.И. Пестель писал, что эта книга произвела на него серьезное впечатление. После предполагаемой революции в России он сразу же планировал создать временное правительство. «Следуя американскому примеру, П.И. Пестель также планировал, что временное правительство откажется от своей власти» (Dvoichenko-Markov, 1950: 165). Россия по форме правления должна была стать республикой. «Конституция» другого лидера движения, Н.М. Муравьева, была схожа с конституцией США по способу организации исполнительной и законодательной власти и в вопросе о федеративном устройстве государства.

Близкое по тематике исследование принадлежит М. Раеву (Raeff, 1953: 286-293). Автор пишет, что суждения посла США Генри Миддлтона о восстании декабристов иллюстрируют первые оценки России Америкой. Он принял официальную версию, согласно которой целями декабристов были получение личного преимущества и славы. По мнению историка, это восстание было неудачным и может рассматриваться как первое проявление мнения общества и выражение неодобрения самодержавия элитой общества Российской империи, т.е. дворянством. Программы лидеров декабристов П.И. Пестеля, К.Ф. Рыльева, Н.М. Муравьева видятся исследователю туманными и противоречивыми. По мнению американского посла, «самодержавие было единственным подходящим режимом для России, а Россия – наиболее подходящей страной для тирании» (Raeff, 1953: 288). Сначала события 14 декабря воспринимались как некоторое недоразумение среди военных, затем Г. Миддлтон приходит к выводу, что причина этого события лежит гораздо глубже.

В статье «Заполняя разрыв между Радищевым и декабристами» (Raeff, 1967, 395-413) Марк Раев разбивает некий миф о том, что время с 1790 по 1815 годы не могло с революционной точки зрения похвастаться ни сильной личностью, ни какими-то яркими революционными событиями и в целом было «затишьем». Автор рассматривает творчество поэтов-радищевцев И.П. Пнина, И.М. Борна, В.В. Попугаева и др. В их произведениях затрагиваются различные вопросы, в том числе и проблема «рабства». Исследователи пытались усмотреть связь между А.Н. Радищевым и декабристами. Этот интерес был связан с попытками удревнить революционные процессы России. Как мы видим, аналогичная тенденция обозначилась и в зарубежной историографии.

Польскому вопросу в политической практике декабристов посвящена статья Ф.А. Уолкера (Walker, 1970: 43-54). Автор подчеркивает, что сначала декабристы враждебно относились к Польше: «Враждебность к Польше была важным фактором в происхождении русских тайных обществ» (Walker, 1970: 44). Отметим в скобках, что «в советской историографии восприятие этой проблемы было иным: не подвергалась сомнению полонифобия участников Ордена русских рыцарей» (Belousov, Belousov, 2019). Тем не менее, далее Южное общество стало тесно сотрудничать с польским Патриотическим обществом. Как отмечает автор, поляками в большей степени руководило желание получить независимость и территории. Польское Патриотическое общество было более консервативно, чем Северное и Южное общества: так, его члены не стремились убить царя и не считали это основным методом достижения независимости.

Образцом просопографического исследования можно считать статью В. Линколна (Linkoln, 1976: 357-368). Автор анализирует состав декабристских организаций и перечень участников восстаний. Декабристами стали молодые дворяне, получившие хорошее образование, по большей части армейские офицеры, воспитанные в духе либерализма, который присущ первому периоду царствования императора Александра I. Потерявшие иллюзии насчет либеральных государственных преобразований, они поняли, что император не проведет необходимые реформы в политической и социальной сферах. Автор подчеркивает, что «движение декабристов было намного шире, чем просто люди, фигурирующие в исторических сообщениях» (Linkoln, 1976: 358). Исследователь приходит к выводу о теснейшей связи декабристов и их отцов с армией. В.Б. Линколн разделяет декабристов на 4 категории: тех, кто был связан с Обществом соединенных славян, членов Южного общества, членов Северного общества и тех, кто принимал непосредственное участие в восстании на Сенатской

площади. Далее автор более подробно разбирает специфику каждого общества. Так, например, большая часть членов Общества соединенных славян являлась новичками в оппозиционном движении; у Южного общества было твердое ядро членов, которые присоединились к нему с момента основания; Северное общество насчитывало большее число гвардейских офицеров, чем другие общества.

Особенно интересной работой представляется статья М. Банерджи ([Banerjee, 1978: 47-64](#)). В ней автор подробно исследует «Медного всадника» А.С. Пушкина. И хотя поэт не участвовал в восстании 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади, он все-таки был связан с декабристами, разделял их политические воззрения и идеи. Действия поэмы, в том числе, разворачиваются на Сенатской площади, уже здесь, по мнению автора, видна аллюзия к декабристам. М. Банерджи улавливает в памятнике «Медный всадник» отождествление лошади с Россией, а всадник, по ее мнению, олицетворяет насильственное и деспотическое правление Петра I. Новаторской идеей исследователю видится расположение главного героя произведения лицом к лицу со статуей: «В этом положении... судьба жертвы готова стать потенциальным узурпатором исторической роли Петра» ([Banerjee, 1978: 58](#)). Можно утверждать, что М. Банерджи видит в тексте поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник» скрытую аллгорию на восстание декабристов и его подавление.

Неожиданный взгляд на поэзию декабристов предлагает М. Зиолковски ([Ziolkowski, 1986, 29-44](#)). Анализируются стихотворения, посвященные историческим темам, прежде всего князьям Древней Руси. Причиной такого интереса автор считает, во-первых, военные победы русских над французской армией в войне 1812 года и последующий за ней Заграничный поход, в котором участвовали многие из декабристов, способствовали росту националистических настроений. Декабристы идеализировали эпоху Древней Руси, и особенно киевский период. И это, безусловно, отражалось в их литературных произведениях. Также в Европе в это время были очень популярны романы Скотта, что тоже пробуждало интерес к Средневековью в России. Огромное влияние на декабристов оказала «История государства Российского» М.Н. Карамзина. «Святой князь» рассматривался декабристами как воплощение гражданской добродетели, осуществляющий самопожертвование ради других людей. М. Зиолковски подчеркивает, что декабристы также использовали терминологию средневекового Новгорода в своих проектах конституций: «в обоих случаях они хотели возродить старые идеалы, которые соответствовали их собственным убеждениям» ([Ziolkowski, 1986: 41](#)).

Заслуживает внимания статья Л.А. Тригос, в которой рассматривается вопрос о конструировании образа декабриста ([Trigos, 2002: 283-300](#)). Ю.Н. Тынянов «ремифологизирует декабристов, опираясь на некоторые русские культурные мифы, отвергая при этом другие» ([Trigos, 2002: 283](#)). Поэтому В.К. Кюхельбекер предстает как недалекий, чудаковатый человек. При этом на восстание огромное влияние оказывает архитектурный облик Петербурга, отражающий ценности общества. Автор пишет, что Ю.Н. Тынянов преуменьшает роль людей, личности в историческом процессе, в восстании, а акцентирует внимание на неодушевленных предметах, подчеркивает безумные, лишённые всякой логики поступки заговорщиков. Автор подводит итог: «Тынянов возрождает миф о декабристе, переключив внимание на обманщика..., видит и использует подрывной потенциал мифа» ([Trigos, 2002: 297](#)). Таким образом, автор раскрывает особенности работы, которая, в свою очередь, в советской историографии создает новый, нетипичный взгляд на восстание декабристов.

События в России после восстания декабристов отражены в статье Д. Бира ([Beer, 2013: 528-551](#)). Автор рассматривает заговор в Зерентуе, когда один из ссыльных, находясь в нетрезвом состоянии, совершил донос, и участников предполагаемого заговора, среди которых находился Сухинов, активно участвовавший в восстании Черниговского полка, тотчас же арестовали. После расследования участники заговора были приговорены к смерти и казнены. Д. Бир видит в плохо подготовленном, раскрытом заговоре реконструкцию самого восстания декабристов. По мнению автора, главным результатом является то, что заговор «смоделировал убеждение режима в том, что признаки декабря 1825 года не были побеждены» ([Beer, 2013: 551](#)), что стало основой курса охранительных учреждений при Николае I.

Таким образом, мы видим, что линия развития англо-американской историографии существенно отличалась от основных тенденций генезиса этой тематики в СССР и России. В 1940-е годы произошло оформление сталинской революционной концепции декабризма, прежде всего в трудах М.В. Нечкиной. И долгие годы ее основные тезисы не оспаривались, а являлись аксиоматическими, с которыми большинство советских исследователей вынужденно или специально соглашалось, то есть наблюдался процесс конкретизации и уточнения отдельных положений доминирующей правительственной концепции. В трудах зарубежных историков мы подобного обнаружить не можем. Следует отметить как широкий разброс тем для исследования, так и не менее богатый арсенал исследовательских приемов. Принципы экономического декабризма не нашли поддержки и вызвали исключительно критические отзывы. При этом ученые стремились по-новому интерпретировать ряд узловых для истории движения сюжетов.

5. Заключение

Подведем основные итоги статьи. Англо-американская историография сформировалась под существенным влиянием русских историков-эмигрантов, а поэтому органически в себя впитала основные постулаты отечественной дореволюционной историографии. Распространение экономического детерминизма и культивирование позитивизма, с одной стороны, и серьезный идеологический пресс – с другой, привели к возникновению сталинской концепции движения декабристов. Как показано в статье, ни зарубежные коллеги, ни современные историки так и не приняли ее основные постулаты. Англо-американская историография стала развиваться в противоположном ключе. Анализ рецензий показывает, что иностранные историки видели искусственность построенных на базе марксизма историографических конструктов и не были готовы поддержать восхищение надуманной революционностью декабристов. В противовес этому использовались самые разнообразные исследовательских приемы. В сравнении с российским материалом оформилось в самостоятельную и востребованную тему изучение литературного наследия декабристов. Подобный, как сказано выше, экстенсивный путь развития можно объяснить скудными возможностями доступа к архивным материалам, а значит, узостью источниковой базы. В результате многие сюжеты, которые сегодня преподносятся как новый взгляд на декабристов, уже не раз были озвучены в зарубежной историографии.

6. Благодарности

Статья подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации № МК-5578.2018.6 «Движение декабристов: от историографии к исторической памяти».

Литература

- Белоусов, 2019 – Белоусов М.С. Споры о трибунах сырых казематов // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2019. Т. 64. Вып. 3. С. 1158-1171.
- Дворниченко, Белоусов, 2017а – Дворниченко А.Ю., Белоусов М.С. Движение декабристов в творчестве Георгия Вернадского // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62. Вып. 2. С. 358-374.
- Дворниченко, Белоусов, 2017б – Дворниченко А.Ю., Белоусов М.С. Вернадский о французских истоках русской революции // *Клио*. 2017. № 10. С. 191-202.
- Переярца, 2012 – Переярца Н.Г.О. Мысли и уроки Михаила Карповича // Карпович М.М. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII – начало XX веков). М.: Русский путь, 2012. С. 7-23.
- Adams, 1953 – Adams A. E. The Character of Pestel's Thought // *The American Slavic and East European Review*. 1953. Vol. 12, no. 2, 1953 (April). Pp. 153–161.
- Banerjee, 1978 – Banerjee M. Pushkin's "The Bronze Horseman": An Agonistic Vision // *Modern Language Studies*. 1978. Vol. 8, no. 2 (Spring). Pp. 47-64.
- Beer, 2013 – Beer D. Decembrists, Rebels, and Martyrs in Siberian Exile: The "Zerentui Conspiracy" of 1828 and the Fashioning of a Revolutionary Genealogy // *Slavic Review*. 2013. Vol. 72, no. 3. Pp. 528-551.
- Belousov, Belousov, 2019 – Belousov M.S., Belousov A.S. The Beginning of Congress Poland in the Discourse of the French Press // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija*. 2019. Т. 64. Вып. 4. (в печати).
- Dvoichenko-Markov, 1950 – Dvoichenko-Markov E. Jefferson and the Russian Decembrists // *The American Slavic and East European Review*. 1950. Vol. 9, no. 3 (October). Pp. 162-168.
- Gooding, 1988b – Gooding J. Speransky and Baten'kov // *The Slavonic and East European Review*. 1988. Vol. 66, no. 3 (July). Pp. 400-425.
- Gooding, 1988a – Gooding J. The Decembrists in the Soviet Union // *Soviet Studies*. 1988. Vol. 40, no. 2 (April). Pp. 196-209.
- Hardy, 1988 – Hardy D. Review. Dekabrist M. S. Lunin by S. B. Okun // *The American Historical Review*. 1988. Vol. 93, no. 1. P. 196.
- Haskett, 1965 – Haskett J. Decembrist N.A. Bestuzhev in Siberian Exile, 1826–55 // *Studies in Romanticism*. 1965. Vol. 4, no. 4 (Summer). Pp. 185-205.
- Lang, 1949 – Lang D.M. The Decembrist Conspiracy Through British Eyes // *The American Slavic and East European Review*. 1949. Vol. 8, no. 4 (December). Pp. 262-274.
- Linkoln, 1976 – Linkoln W.B. A Re-examination of Some Historical Stereotypes: An Analysis of the Career Patterns and Backgrounds of the Decembrists // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge*. 1976. Bd. 24, nr. 3. Pp. 357-368.
- Leighton, 1980 – Leighton L.G. Bestuzhev-Marlinskii's "The Frigate Hope": A Decembrist Puzzle // *Canadian Slavonic Papers*. 1980. Vol. 22, no. 2 (June). Pp. 171-186.
- Leighton, 1983 – Leighton L. G. Puskin and Marlinskij: Decembrist allusions // *Russian Literature*. 1983. Vol. 14, no. 4. Pp. 351-382.
- Lednicki, 1951 – Lednicki W. Pushkin, Tyutchev, Mickiewicz and the Decembrists: Legend and Facts // *The Slavonic and East European Review*. 1951. Vol. 29, no. 73 (June). Pp. 375-401.

- O'Bell, 1979 — O'Bell L.C. Review. Literaturno-kriticheskie raboty dekabristov by L. G. Frizman // *The Slavic and East European Journal*. 1979. Vol. 23, no. 2 (Summer). Pp. 265-266.
- O'Meara, 2010 — O'Meara P. General P. D. Kiselev and the Second Army HQ at Tul'chin, 1819–29 // *The Slavonic and East European Review*. 2010. Vol. 88, no. 1/2. Pp. 261-290.
- Raeff, 1953 — Raeff M. An American View of the Decembrist Revolt // *The Journal of Modern History*. 1953. Vol. 25, no. 3 (September). Pp. 286-293.
- Raeff, 1967 — Raeff M. Filling the Gap between Radishchev and the Decembrists // *Slavic Review*. 1967. Vol. 26, no. 3 (September). Pp. 395-413.
- Raeff, 1977 — Raeff M. Review. Dukh revoliutsionnykh preobrazovaniia... Iz istorii formirovaniia ideologii i politicheskoi organizatsii dekabristov 1816–1825 // *The Russian Review*. 1977. Vol. 36, no. 1 (January). Pp. 86-87.
- Raeff, 1987 — Raeff M. Review. Izbrannye trudy: Revoliutsionnoe dvizhenie v Rossii v XIX v. by N.M. Druzhinin and S.S. Dmitriev // *The Russian Review*. 1987. Vol. 46, no. 4. P. 447-448.
- Riasanovsky, 1986 — Riasanovsky N. V. Review. Dekabristy i vneshniaia politika Rossii by O. V. Orlik // *The American Historical Review*. 1986. Vol. 91, no. 1 (February). Pp. 151-152.
- Ricoun, 2012 — Ricoun P. The Maker of Martyrs: Narrative Form and Political Resistance in Ryleev's "Voinarovskii" // *The Russian Review*. 2012. Vol. 71, no. 3 (July). Pp. 436-459.
- Stone, 1953 — Stone I. Review. Vosstanie Dekabristov. Materialy; Vosstanie 14 dekabria 1825 g. by M. V. Nechkina; A. S. Griboedov i. Dekabristy by M. V. Nechkina; Severnoe obschestvo Dekabristov by K. A. Aksenov; Izbrannye sotsial'no-politicheskie i filosofskie proizvedeniia Dekabristov by I. Ia. Shchipanov; Zapiski, stat'i, pis'ma Dekabrista I. D. Iakushkina by V. G. Bazanov // *The Journal of Modern History*. 1953. Vol. 25, no. 2 (June). Pp. 187-189.
- Trigos, 2002 — Trigos L.A. An Exploration of the Dynamics of Mythmaking: Tynianov's Kiukhlia // *The Slavic and East European Journal*. 2002. Vol. 46, no. 2 (Summer). Pp. 283-300.
- Vucinich Wayne, 1982 — Vucinich Wayne S. Anatole Gregory Mazour (1900–1982) // *The Russian Review*. 1982. Vol. 41, no. 3. P. 362–364.
- Walker, 1969 — Walker F.A. K. F. Ryleev: A Self-Sacrifice for Revolution // *The Slavonic and East European Review*. 1969. Vol. 47, no. 109(July). P. 436–446.
- Walker, 1970 — Walker F.A. Poland in the Decembrists' strategy of revolution // *The Polish Review*. 1970. Vol. 15, no. 2 (Spring). P. 43–54.
- Walker, 1979 — Walker F. A. Reaction and Radicalism in the Russia of Tsar Alexander I: The Case of the Brothers Glinka // *Canadian Slavonic Papers*. 1979. Vol. 21, no. 4 (December). P. 489–502.
- Ziolkowski, 1986 — Ziolkowski M. Hagiography and History: The Saintly Prince in the Poetry of the Decembrists // *The Slavic and East European Journal*. 1986. Vol. 30, no. 1 (Spring). P. 29–44.

References

- Adams, 1953 — Adams A. E. (1953). The Character of Pestel's Thought. *The American Slavic and East European Review*. Vol. 12, no. 2, pp. 153-161.
- Banerjee, 1978 — Banerjee M. (1978). Pushkin's "The Bronze Horseman": An Agonistic Vision. *Modern Language Studies*. Vol. 8, no. 2, pp. 47-64.
- Beer, 2013 — Beer D. (2013). Decembrists, Rebels, and Martyrs in Siberian Exile: The "Zerentui Conspiracy" of 1828 and the Fashioning of a Revolutionary Genealogy. *Slavic Review*. Vol. 72, no. 3, pp. 528-551.
- Belousov, 2019 — Belousov M.S. (2019). Disputes about Speaking from their Cells. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 64, Is. 3, pp. 1158-1171.
- Belousov, Belousov, 2019 — Belousov M.S., Belousov A.S. (2019). The Beginning of Congress Poland in the Discourse of the French Press. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 64, Is. 4 (in press).
- Dvoichenko-Markov, 1950 — Dvoichenko-Markov E. (1950). Jefferson and the Russian Decembrists. *The American Slavic and East European Review*. Vol. 9, no. 3, pp. 162-168.
- Dvornichenko, Belousov, 2017b — Dvornichenko A.Yu., Belousov M.S. (2017). Vernadskii o frantsuzskikh istokakh russkoi revolyutsii [Vernadsky on the French origins of the Russian revolution]. *Klio*. No. 10, pp. 191-202. [in Russian]
- Dvornichenko, Belousov, 2017a — Dvornichenko A.Yu., Belousov M.S. (2017). Dvizhenie dekabristov v tvorchestve Georgiya Vernadskogo [Decembrist movement in the creativity of George Vernadsky]. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 62, issue 2, pp. 358-374. [In Russian]
- Gooding, 1988b — Gooding J. (1988). Speransky and Baten'kov. *The Slavonic and East European Review*. Vol. 66, no. 3, pp. 400-425.
- Gooding, 1988a — Gooding J. (1988). The Decembrists in the Soviet Union. *Soviet Studies*. Vol. 40, no. 2, pp. 196-209.
- Hardy, 1988 — Hardy D. (1988). Review. Dekabrist M. S. Lunin by S. B. Okun // *The American Historical Review*. Vol. 93, no. 1, p. 196.
- Haskett, 1965 — Haskett J. (1965). Decembrist N. A. Bestuzhev in Siberian Exile, 1826–55. *Studies in Romanticism*. Vol. 4, no. 4, pp. 185-205.

- Lang, 1949 — Lang D.M. (1949). The Decembrist Conspiracy Through British Eyes. *The American Slavic and East European Review*. Vol. 8, no. 4, pp. 262-274.
- Linkoln, 1976 — Linkoln W.B. (1976). A Re-examination of Some Historical Stereotypes: An Analysis of the Career Patterns and Backgrounds of the Decembrists. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge*, Bd. 24, nr. 3, pp. 357-368.
- Leighton, 1980 — Leighton L.G. (1980). Bestuzhev-Marlinskii's "The Frigate Hope": A Decembrist Puzzle. *Canadian Slavonic Papers*. Vol. 22, no. 2, pp. 171-186.
- Leighton, 1983 — Leighton L.G. (1983). Puskin and Marlinskij: Decembrist allusions. *Russian Literature*. Vol. 14, no.4, pp. 351-382.
- Lednicki, 1951 — Lednicki W. (1951). Pushkin, Tyutchev, Mickiewicz and the Decembrists: Legend and Facts. *The Slavonic and East European Review*. Vol. 29, no. 73, pp. 375-401.
- Norman G.O. Pereira, 2012 — Norman G.O. Pereira (2012). Mysli i uroki Mikhaila Karpovicha [Thoughts and lessons of Mikhail Karpovich]. *Karpovich M.M. Lektsii po intellektual'noi istorii Rossii (XVIII — nachalo XX veka)*. Moscow: Russkii put', pp. 7-23. [in Russian]
- O'Bell, 1979 — O'Bell L.C. (1979). Review. Literaturno-kriticheskie raboty dekabristov by L. G. Frizman. *The Slavonic and East European Journal*. Vol. 23, no. 2, pp. 265-266.
- O'Meara, 2010 — O'Meara P. (2010). General P. D. Kiselev and the Second Army HQ at Tul'chin, 1819–29. *The Slavonic and East European Review*. Vol. 88, no. 1/2, pp. 261-290.
- Raeff, 1953 — Raeff M. (1953). An American View of the Decembrist Revolt. *The Journal of Modern History*. Vol. 25, no. 3, pp. 286-293.
- Raeff, 1967 — Raeff M. (1967). Filling the Gap between Radishchev and the Decembrists. *Slavic Review*. Vol. 26, no. 3, pp. 395-413.
- Raeff, 1977 — Raeff M. (1977). Review. Dukh revoliutsionnykh preobrazovaniia... Iz istorii formirovaniia ideologii i politicheskoi organizatsii dekabristov 1816–1825. *The Russian Review*. Vol. 36, no. 1, pp. 86-87.
- Raeff, 1987 — Raeff M. (1987). Review. Izbrannye trudy: Revoliutsionnoe dvizhenie v Rossii v XIX v. by N.M. Druzhinin and S. S. Dmitriev. *The Russian Review*. Vol. 46, no. 4, pp. 447-448.
- Riasanovsky, 1986 — Riasanovsky N.V. (1986). Review. Dekabristy i vneshniaia politika Rossii by O. V. Orlik. *The American Historical Review*. Vol. 91, no. 1, pp. 151-152.
- Ricoun, 2012 — Ricoun P. (2012). The Maker of Martyrs: Narrative Form and Political Resistance in Ryleev's "Voinarovskii". *The Russian Review*. Vol. 71, no. 3, pp. 436-459.
- Stone, 1953 — Stone I. (1953). Review. Vosstanie Dekabristov. Materialy; Vosstanie 14 dekabria 1825 g. by M. V. Nechkina; A. S. Griboedov i. Dekabristy by M. V. Nechkina; Severnoeobschestvo Dekabristov by K. A. Aksenov; Izbrannye sotsial'no-politicheskie i filosofskie proizvedeniia Dekabristov by I. Ia. Shchipanov; Zapiski, stat'i, pis'ma Dekabrista I. D. Iakushkina by V. G. Bazanov. *The Journal of Modern History*. Vol. 25, no. 2, pp. 187-189.
- Trigos, 2002 — Trigos L.A. (2002). An Exploration of the Dynamics of Mythmaking: Tynianov's Kiukhliia. *The Slavonic and East European Journal*. Vol. 46, no. 2, pp. 283-300.
- Vucinich Wayne, 1982 — Vucinich Wayne S. (1982). Anatole Gregory Mazour (1900–1982). *The Russian Review*. Vol. 41, no. 3, pp. 362-364.
- Walker, 1969 — Walker F.A. (1969). K.F. Ryleev: A Self-Sacrifice for Revolution. *The Slavonic and East European Review*. Vol. 47, no. 109, pp. 436-446.
- Walker, 1970 — Walker F.A. (1970). Poland in the Decembrists' strategy of revolution. *The Polish Review*. Vol. 15, no. 2, pp. 43-54.
- Walker, 1979 — Walker F.A. (1979). Reaction and Radicalism in the Russia of Tsar Alexander I: The Case of the Brothers Glinka. *Canadian Slavonic Papers*. Vol. 21, no. 4, pp. 489-502.
- Ziolkowski, 1986 — Ziolkowski M. (1986). Hagiography and History: The Saintly Prince in the Poetry of the Decembrists. *The Slavonic and East European Journal*. Vol. 30, no. 1, pp. 29-44.

Главные направления развития англо-американской историографии о движении декабристов

Михаил Сергеевич Белоусов ^{a, *}, Татьяна Васильевна Лебенкова ^a, Дарья Булатовна Пушкина ^a

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье авторы обращаются к англо-американской историографии сюжетов, связанных с движением декабристов. Исследователи подробно анализируют материалы научных журналов. Линия развития англо-американской историографии существенно отличалась от основных

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: m.belousov@spbu.ru (М.С. Белоусов),
t.v.lebenkova@gmail.com (Т.В. Лебенкова), d.pushkina@spbu.ru (Д.Б. Пушкина)

тенденций генезиса этой тематики в СССР и России, но в отечественной историографии данная проблематика мало изучена. Отечественные исследователи детально проработали как основополагающие сюжеты декабризма (организация тайных обществ, день восстания, следствие по делу декабристов), так и плавно из этого вытекающие (внутреннеполитические проблемы России первой четверти XIX века, вопрос о крепостном праве и т. д.). В 1940-е годы в СССР произошло оформление сталинской революционной концепции декабризма и на долгие годы ее основные тезисы не оспаривались, а являлись аксиоматическими, с которыми большинство советских исследователей вынужденно или специально соглашалось. Англо-американская историография развивалась в противоположном ключе. Анализ научных статей и рецензий на работы советских историков показывает, что иностранные историки видели искусственность построенных на базе марксизма историографических конструктов и не были готовы поддержать восхищение надуманной революционностью декабристов. В противовес этому использовались разнообразные исследовательские парадигмы. Работы англо-американских авторов в большей степени отличались реализацией мультидисциплинарности: историко-филологические исследования оформились в самостоятельное направление. Свойственный зарубежным авторам экстенсивный путь развития можно объяснять скудными возможностями доступа к архивным материалам, а значит, узостью источниковой базы. Отдельно следует подчеркнуть, что многие сюжеты, которые в настоящее время преподносятся, как новый взгляд на декабристов уже были озвучены англо-американскими исследователями.

Ключевые слова: англо-американская историография, общественное движение, декабристские общества, восстание 14 декабря, декабристы, историки-эмигранты.

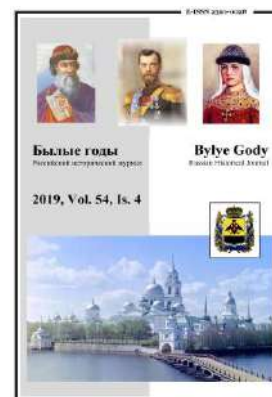
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1565-1575. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1565
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Development of the XIX century Anglican–Orthodox Dialogue in the Foreign Historiography Evaluation

Nikolai N. Poliakov ^{a, *}, Olga K. Mikhelson ^b

^a St. Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The article presents the study of western historiography of Anglican and Orthodox dialogue in the XIX century. The relations between the Church of England and Orthodox churches in the XIX century, including the Russian Orthodox Church, is an essential aspect of the history of Anglican and Orthodox relations, no less important for Russia than for the UK. However, it still has not received enough scientific attention. The paper highlights the key aspects of the development of Anglican and Orthodox relations in the XIX century and analyzes their interpretations proposed in foreign historiography. The article demonstrates that the predominant research is of individual personalities, primarily the key figures for the Anglican and Orthodox dialogue in the XIX century – Palmer and Neale. Studying the causes of Anglican and Orthodox contacts in the XIX century, western researchers highlight both the political aspects and the internal Church situation in the Church of England, as well as theological and dogmatic considerations and personal enthusiasm of individual Anglicans concerning the Orthodox East. The researchers agree that the basis of the Anglican and Orthodox dialogue was the Branch Theory of the Anglican catholic orthodox church, developed by representatives of the Oxford movement, as well as the doctrine of the Apostolic succession of the Church of England.

Keywords: Anglican and Orthodox dialogue, Oxford Movement, Newman, Palmer, Neale, Liddon, Birkbeck.

1. Введение

Связи между Церковью Англии и православными церквями в XIX в., в том числе Русской православной церковью, – весьма интересный сюжет истории англикано-православных взаимоотношений, и для России представляет не меньший интерес, чем для Великобритании. Однако он до сих пор не получил достаточного внимания, особенно в отечественной науке. Цель данной статьи – осветить ключевые аспекты развития англикано-православных взаимоотношений в XIX в. и проанализировать их интерпретации, предложенные в зарубежной историографии. Актуальность исследования заключается в том, что оно позволит заполнить очевидную лауну и подготовит почву для дальнейшего систематического изучения истории англикано-православного сотрудничества.

2. Материалы и методы

Статья имеет историографический характер, объектом изучения в ней выступают западные научные работы, посвященные англикано-православному диалогу в XIX в. Исследование построено на принципах научной достоверности и объективности, методологическую основу составили контекстно-текстуальный и компаративистский методы, которые позволили проанализировать различные исследовательские подходы к изучению англикано-православного взаимодействия в историческом контексте.

* Corresponding author

E-mail addresses: t.chumakova@spbu.ru (T.V. Chumakova)

3. Обсуждение

Исследованием англикано-православного диалога занимался целый ряд западных авторов, однако большинство трудов было посвящено не отношениям с Русской православной церковью, на изучении взаимодействия с которой будет сделан акцент в данной статье, а контактам с другими православными церквями (Wordsworth, 1898; Istavridis, 1966; Coakley, 1992; King, 2009). В отечественной науке этому вопросу до сих пор не было уделено достаточного внимания. На русском языке по этой теме есть несколько статей дореволюционных авторов (Михайловский, 1864; Образцов, 1866) и ряд небольших работ современных исследователей (Соловьева, 1997; Федотов, 2017; Чумакова, 2018). На Западе исследований больше, особенно в отношении представителей Оксфордского движения (Kötz, 1932; Fouyas, 1972; Litvack, 1994; Weeler, 2006; Chapman, 2014; Courtney, 2014), о котором в последнее время и в России (Стецкевич, 2010; Baryshnikov et al., 2017), и на Западе написано очень много: так, библиография трудов о трактарианцах, составленная в 2009 г. Л. Крамбом, насчитывает 8281 наименование (Crumb, 2009). При этом именно историографического текста, систематизирующего исследования англикано-православного диалога, до сих пор нет ни в России, ни на Западе.

4. Результаты

Развитие взаимоотношений между восточными православными церквями и Церковью Англии в XIX в. было осложнено более ранними контактами англичан с православными иерархами. Вплоть до XIX в. контакты англикан с православными были редкими и при этом подчас компрометировали Церковь Англии в глазах православных иерархов. Важнейший подобный эпизод – история переговоров восточных иерархов с нонджурерами (от англ. non-jurors («неприсягнувшие»), то есть епископами, которые в 1688 г. отказались принести присягу Вильгельму III Оранскому и были низложены. В Женеве в 1629 г. вышел трактат «Исповедание веры православной», приписанный Константинопольскому патриарху Кириллу Лукарису, из которого нонджуреры позднее почерпнули ряд сведений о восточном православии, не зная, что он был подделкой. В 1714 г. Лондон посетила делегация Александрийского патриарха во главе с архиепископом Арсением Фиванским, встретившимся со многими англиканами, в том числе и нонджурерами. После этого Арчибалд Кэмпбелл и четверо других англиканских епископов-нонджуреров составили проект конкордата с православием, копия которого была передана Арсением и Петру I, и предприняли ряд попыток к принятию нонджуреров в молитвенное и литургическое общение с православными церквями. В 1722 г. нонджуреры получили ответ – «Послание патриархов восточно-кафолической церкви о православной вере» (написанный еще в 1718 г.), в котором говорилось, что православие является единственной истинной, религиозной и правильной верой, и нонджуреры могут быть приняты в литургическое общение только после принятия ими всех православных догматов. Нонджуреры в своем ответе 1722 г. просили о сохранении для них ряда ритуальных и догматических особенностей, в том числе отказывались от почитания икон, святых и Богородицы. Также нонджуреры направили письмо в Петербург в Святейший правительствующий синод с просьбой о содействии в переговорах, на что было получено согласие. Однако смерть Петра I сорвала процесс, к тому же в 1725 г. архиепископ Кентерберийский Уильям Уэйк, которому, наконец, стало известно об этой истории, написал письмо Иерусалимскому патриарху Хрисанфу, разъясняя, что «некоторые раскольнические священники нашей собственной церкви писали вам под мнимыми титулами архиепископов и епископов Англиканской церкви и искали церковного общения с вами; сами не имея ни места, ни кафедры в Англии, они пытались обмануть вас, не знающих об их расколе» (Langford, 1966: 131).

Большинство западных исследователей, оценивая эти события, сходятся во мнении, что они осложнили дальнейшие контакты англикан с православными, поскольку последние начали относиться к англиканам с подозрением (Weeler, 2006: 90). Например, профессор университета Белфаста Л. Литвак замечает: «Предложения о сближении, которые были сделаны Русской православной церкви, – самой большой и, благодаря благоприятным политическим и экономическим связям, существовавшим между Англией и Россией, самой доступной из восточных общин, были омрачены историей с нонджурерами» (Litvack, 1994: 47).

Существенный рост интереса к православию в Великобритании в XIX в. был во многом связан с Оксфордским движением. Первая треть XIX столетия оказалась непростой для Церкви Англии, чье монопольное положение в религиозной жизни страны серьезно поколебалось: в 1828–1829 гг. равные с англиканами политические права были предоставлены членам других протестантских церквей и католикам. Параллельно росло количество диссентеров. В 1832 г. правительством был предложен билль о реформе, предполагавший сокращение числа епархий Англиканской церкви Ирландии. Это событие послужило толчком для начала Оксфордского движения – направления в церкви Англии, приверженцы которого (среди них Дж.Г. Ньюмен, Дж. Кибл и Э.Б. Пьюзи) выступали за восстановление ряда традиций Древней церкви. Важнейшие идеи движения были сформулированы в «Трактатах для нынешнего времени» – серии из 90 теологических сочинений, опубликованных с 1833 по 1841 гг., в связи с чем оно также часто именуется трактарианством. Именно контакты

трактариан с православными и знаменуют собой новый виток развития англикано-православных отношений, во многом определивший и отношения между церквями в дальнейшем.

Одно из важнейших положений трактарианства – т.н. «теория ветвей». В 1829 г. Ньюмен выступил с проповедью «Подчинение церковной власти», в которой произнес: «Мы – английские католики; за границей – римские католики, некоторые из которых также среди нас; в других местах есть греко-католики» (Newman, 1991: 278). Именно это трехчастное разделение Католической церкви в дальнейшем и получило название «теории ветвей». Изучая истоки этой теории, Г.В. Флоровский, живо интересовавшийся трактарианством, отмечает, что, хотя они не совсем ясны, возможно Ньюмен почерпнул идею «ветвей» в молитве Ланселота Андриуса «Pro Ecclesia Catholica: Orientali, Occidentali, Britannica» (Florovsky, 1975: 222).

Большинство исследователей трактарианства солидарны в том, что именно теория ветвей послужила основой специфического экуменизма, характерного для Оксфордского движения. Детальный анализ экуменизма трактарианцев был проделан профессором Оксфорда М. Чэпмэном, утверждавшим, что, согласно риторике трактарианцев, Церковь Англии была той же церковью, что и апостольская, а события Реформации просто избавили ее от «наихудших злоупотреблений» Рима. Следовательно, полагает Чэпмэн, совершенно неправильно рассматривать «католическое возрождение в Церкви Англии как «экуменическое провидение» (Chapman, 2014: 11). В этом положении Чэпмэн полемизирует с более ранней работой Миллера, романтизирующей интерес трактарианцев к христианскому единству (Miller, 1984). Согласно Чэпмэну, представители Оксфордского движения изначально считали свою церковь апостольской и вселенской (католической), из чего логически проистекает теория ветвей. Он отмечает, что наиболее видные лидеры Оксфордского движения – Ньюман, Кибл, а позже Пьюзи – разделяли чувство историчности и идею неизменности веры, переданной Англиканской церкви церковью времен апостолов. Именно поэтому трактарианское «историческое воображение» и было направлено на раннюю церковь, современным представителем которой являлась для них Церковь Англии (Chapman, 2014: 11-12). Из представлений об апостольской преемственности Церкви Англии и проистекает естественное для подобной позиции увлечение Ньюмэна и других трактарианцев восточными Отцами (Dessain, 1976; King, 2009). Перу самого Ньюмэна принадлежит обширное историческое исследование арианства (Newman, 1871).

Чэпмэн предполагает, что экуменизм трактарианцев, особенно их интерес к православию, возник уже в 1840-х гг. и связан с изменениями политической ситуации. «Открытость Востоку» возникла в связи с постепенным распадом Турецкой империи, приведшим к возникновению «вакуума власти на Востоке», который, в свою очередь, создал условия для возможных дискуссий о воссоединении «между оторванными друг от друга неримскими церквями Востока и Запада» (Chapman, 2014: 209). Однако другие исследователи склонны видеть за увлечением англикан трактарианцев православием не политические, а богословские и церковные причины. Так, Дж. Кортни замечает: «Стремясь подтвердить как для евангельских протестантов, так и для римских католиков утверждения Англиканской церкви о своей всеобщности (католичности) и апостольской преемственности, трактарианцы нашли очевидные преимущества в православной традиции автокефальных церквей, женатом духовенстве, активной монашеской жизни и древних истоках» (Courtney, 2014: 90).

Пьюзи также признавал, что возобновление диалога с восточной церковью может быть весьма плодотворным не только для облегчения проблем, испытываемых в то время англиканами, но и для содействия окончательному воссоединению христианской веры. В 1841 г. он писал, что не стоит «обращать свой взор исключительно на Западную церковь» и «после долгой разлуки, в которой Восточная Церковь не знала даже нашего наименования, не говоря уже о нашем истинном характере, Бог, кажется, снова открывает нам пути доброжелательного общения с некоторыми ее частями» (Litvack, 1994: 55).

Интерпретируя этот пассаж из письма Пьюзи, Литвак замечает, что «воссоединение представлялось естественным результатом учения трактарианцев», а их экуменизм не только в отношении Востока, но и Рима следует рассматривать как «неотъемлемую часть католического возрождения в англиканстве». В этой связи свойственное Оксфордскому движению представление о едином вселенском (католическом) характере церкви «оказалось движущей силой индивидуальных экуменических контактов с христианским Востоком» (Litvack, 1994: 56).

И действительно, интерес к православию был свойственен многим представителям Оксфордского движения, в особенности Уильяму Палмеру (в истории трактарианства оставили заметный след два Уильяма Палмера, здесь и далее речь будет идти о Палмере из колледжа Св. Магдалены), предпринявшему две поездки в Россию, и Джону Нилу, написавшему труд по истории Восточной церкви (Neale, 1847). Также в 1867 г. в Россию приезжал Генри Лиддон, а в конце XIX – начале XX вв. Россию многократно посещал Уильям Биркбек, увлекавшийся православием и учением славянофилов.

Первым и, возможно, самым ярким из подобных индивидуальных контактов трактарианцев с православием можно назвать приезд в августе 1840 г. в Россию Уильяма Палмера (1811–1879). Целью

его посещения было убедить иерархов Русской православной церкви, которую Палмер, согласно учению Оксфордского движения, рассматривал как одну из ветвей Католической апостольской церкви, наряду с Римской католической церковью и англиканской, в том, что между церковью Англии и православием нет значительных доктринальных расхождений, а потому их объединение возможно.

В России Палмер был принят многими высокопоставленными людьми, в том числе он общался с московским митрополитом Филаретом, которого считал величайшим русским богословом своего времени, обер-прокурором Синода Н.А. Протасовым, унтер-прокурором Синода А.Н. Муравьевым и главным священником армии и флота В.И. Кутневичем, но, несмотря на достаточно радушный прием, православные иерархи оказались далеко не так убеждены в единстве Русской православной церкви и Церкви Англии, как Палмер. Уилер приводит следующие слова Муравьева по этому поводу: «Вы отделились от латинской церкви 300 лет назад..., мы думаем, что даже латинская церковь еретична; но вы – отступники от отступников, прогрессия от плохого к худшему». Муравьев считал, что папа был Патриархом английской церкви до Реформации; поэтому «любое общение должно быть через папу и Римскую церковь..., сначала примиритесь со своим патриархом, а потом приходите и поговорите с нами, если вы думаете, что вам есть что нам сказать» (Palmer, 1882: 229-230). В России в принципе не понимали, зачем Палмер просил принять его в церковное общение с РПЦ, когда он мог посещать службы англиканской общины в Петербурге (Palmer, 1882: 356). Палмеру предлагали отказаться от англиканства и принять православие, на что он, безусловно, также не был согласен. Наконец, неясный статус Палмера – его визит был частной инициативой – также, по-видимому, не позволял православным иерархам отнестись к его предложениям серьезнее.

Тем не менее, в марте 1841 г. Палмер подал митрополиту Филарету письменное прошение о включении его в церковное общение, подчеркивая, что исповедует Никео-Царьградский символ веры и считает себя приверженцем «той же веры, что и Восточная Церковь», а также указывая на то, что споры об очевидных причинах разделения, таких как *fitioque* и почитание икон, велись несколько столетий до 1054 г., не вызывая разрыва и не препятствуя общению (Weeler, 2006: 126). В своем ответе Филарет подчеркнул, что православная церковь принимает к Причастию только тех, кто исповедует все догматы православной церкви и оказывает ей абсолютное послушание без каких-либо условий, ограничений или оговорок, а также что Филарет не может принять единоличное решение относительно Палмера. В результате, так и не реализовав своей главной цели, в июле 1841 г. он вернулся в Англию. Однако некоторое сближение с православными все же произошло. В частности, обер-прокурор Протасов, заинтересовавшийся Палмером, послал в Англию выпускника Петербургской духовной академии Е.И. Попова с тем, чтобы последний мог ближе познакомиться с церковью Англии и рассказать о ней в России. В Англии Попов общался со многими трактарианцами и оставил интересные заметки об англиканах (Попов, 1905).

Второй визит Палмера в Россию длился с сентября 1842 г. по июнь 1843 г. Он был еще менее удачным, поскольку в Петербурге стало окончательно ясно, что Палмер не может говорить от лица всей Церкви Англии, представляя лишь одно ее направление, а также что англиканство в реальности отличается от православия значительно больше, нежели он полагал. В этот приезд в ответ на просьбу Палмера о его принятии к церковному общению Синод ответил, что он может быть принят «по чину воссоединения инославных», что подразумевало отречение от 44 ересей, содержащихся в 39 статьях англиканского вероисповедания. Палмер пытался предложить свою интерпретацию 39 статей, которая гармонизировала их содержание с православным учением, но, по меткому замечанию крупнейшего исследователя биографии и творческого наследия Палмера Р.Уилера, он не смог доказать своим русским оппонентам, что «белое есть черное». В результате, хотя Палмер признавал вселенский характер православной церкви, он отказался признавать наличие ересей в 39 статьях англиканского вероисповедания и снова покинул Россию ни с чем, но продолжил интересоваться историей русского православия.

Когда в 1847 г. Оксфорд посетил А.С. Хомяков, он познакомился с Палмером, и впоследствии у них завязалась переписка, исследованная и опубликованная «английским славянофилом» У. Биркбеком (Birkbeck, 1895). В результате тщетных попыток включения в церковное общение с православием Палмер, неудовлетворенный протестантским характером англиканской церкви, в 1855 г., как и Ньюмен за десять лет до этого, принял католицизм. Последние два десятка лет своей жизни Палмер провел как академический затворник, работая над многотомным трудом, посвященным истории патриарха Никона и Раскола (Palmer, 1871) и свидетельствующим о его блестящих научных способностях, а в 1882 г. увидели свет подготовленные к публикации Ньюманом записки Палмера о посещении русской церкви (Palmer, 1882).

Деятельность Палмера по-разному оценивается в англоязычной научной литературе. Так, П. Шау называет его «искренним, но заблуждавшимся эксцентриком» (Shaw, 1930: 176), с ним солидарен и Дж. Лоуренс, который пишет о нем как о «старомодном эксцентрике из Оксфорда» (Lawrence, 1980: 81). За Палмером закрепилось прозвище «церковный дон Кихот», данное ему Ф. Мейриком (Me Erick, 1905: 79). И действительно, поездки Палмера в Россию и попытки убедить иерархов Русской православной церкви в том, что англикане представляют собой ветвь единой

православной католической церкви и, соответственно, едины с православием, выглядят столь же тщетными, как борьба дона Кихота с ветряными мельницами. Между тем К. Ридли признавала важность Палмера как «пионера воссоединения» (Ridley, 1939), Г. Бранд्रेф видел значительный вклад Палмера в том, что тот предложил «тему восточного православия умам некоторых трактарианцев и их последователей, которые, не будучи стесненными своеобразными теориями Палмера о природе вселенской (католической) церкви, смогли лучше использовать его исследования, чем он сам» (Brandreth, 1947: 30).

Современные исследователи также придают большое значение деятельности Палмера. Например, Уилер – автор наиболее обширной работы, посвященной изучению жизни и воззрений Палмера – опираясь на многочисленные архивные материалы, почерпнутые им как в Великобритании, так и в России, отмечает, что Палмер «преуспел в том, чтобы познакомить русских по крайней мере с частью Англиканской церкви, за которой они могли признать ортодоксальность (православие)». Он подчеркивает: «В то время, когда две страны относились друг к другу с подозрением, Палмер произвел благоприятное личное впечатление», а «назначение Попова русским капелланом в Лондоне сделало русскую церковь более известной и помогло оставить открытый канал связи во время Крымской войны» (Weeler, 2006: 302).

Другая важнейшая фигура в истории развития англикано-православных отношений – Джон Мейсон Нил (1818–1866), написавший двухтомный труд по истории Восточной церкви (Neale, 1847), а в 1864 г. основавший Ассоциацию восточной церкви – организацию, которая существует до сих пор под названием Ассоциация англикан и восточных церквей. Кроме того, Нил известен как один из крупнейших авторов и переводчиков религиозных гимнов. В 1846 г. он посетил Палмера, поскольку нуждался в помощи в написании «Истории Восточной Церкви». Благодаря Палмеру, он получил доступ ко многим важным контактам и источникам, в частности, он познакомился с Поповым, который предоставил ему большое количество материалов. Как утверждает Литвак, Попов, рассуждая о Ниле, доложил обер-прокурору Синода Д.А. Толстому, что «нашел в Ниле человека, который ценил все аспекты православия, а не только догматику» (Litvack, 1994: 52). Это весьма характерно, и представляется, что интерес Нила к православию во многом был инспирирован именно красотой православного пения во время литургии.

В отличие от Палмера, Нил – хорошо известная фигура, в первую очередь, благодаря своей работе гимнолога. Анализу его творческого пути и наследия посвящено значительное количество работ, начиная с библиографического исследования Э. Тоул, изданного еще в 1906 (Towle, 1906), а также монографии А. Лоу (Lough, 1962) и заканчивая книгами Литвака, проделавшего подробный анализ взглядов и сочинений Нила (Litvack, 1994), и М. Чендлера, сфокусировавшегося на рассмотрении биографии Нила (Chandler, 1995).

Согласно Литваку, Нил, как и Палмер, разделял теорию ветвей и верил, что англиканская церковь была истинной ветвью католической (вселенской) церкви, а православные церкви рассматривал как единственную другую ветвь, которая была способна обеспечить апостольскую преемственность англикан, и при этом также была отделена от Рима (Litvack, 1994: 72).

Дж. Роуэлл, изучая работы Нила по символизму, закономерно предположил, что интерес последнего к православию связан не только с теоретическими и догматическими соображениями, но и с его живым интересом к искусству, в том числе к иконам (Rowell, 1974). Действительно, размышляя об иконоборчестве, Нил называет его «одним из самых печальных споров, которые когда-либо волновали Церковь» (Neale, 1847: 124). Литвак утверждает, что для Нила иконоборчество было центральным событием в истории Православной церкви в том числе и потому, что оно «накало» значимый для него период в восточной гимнологии: век канона. Литвак также подчеркивает центральную в православном христианстве роль икон, которые Нил считал «заброшенной половиной католического искусства» и параллелью архитектуры в его теории архитектурного символизма (Litvack, 1994: 73-75). Нилом было проведено исследование православного религиозного символизма, он стал первым представителем Церкви Англии, детально изучавшим иконоборческую полемику.

Приступая к написанию труда по истории Восточной церкви, Нил охарактеризовал свой метод следующим образом: «Историк должен писать не как член Римской или английской церкви, но, насколько это возможно, как человек с восточными взглядами, чувствами и даже, может быть, предубеждениями» (Neale, 1847: XVI). В целом, как представляется, подобный подход можно охарактеризовать как феноменологический, правда, предложенный чуть ли не за столетие до формулировки Г. ван дер Леувом необходимости феноменологической эмпатии в религиозноведческом исследовании. Литвак подчеркивает, что, приступая к своей работе, Нил пытался «выработать восточный настрой». Эту методологию Литвак трактует не как феноменологическую, но как некий «литературный импрессионизм», причем в данном случае под «импрессионизмом» он понимает не только направление в искусстве, но и общую культурную и интеллектуальную тенденцию конца XIX – начала XX веков.

Литвак подчеркивает: «Ориентализм Нила научил его видеть Православную Церковь с точки зрения инсайтера, насколько это было возможно для англиканина; однако теория ветвей научила его видеть Восточную Церковь как незаменимого участника любого будущего межцерковного диалога.

В письме к Уэббу он объяснил, что имел в виду: «Я знаю, вы боитесь, что я буду придерживаться Восточного взгляда, то есть настолько восточного, что он перестанет быть католическим. Мы, ориенталисты, придерживаемся более общего взгляда. Скала, на которой построена церковь, – это святой Петр, но это скала с тремя вершинами – Антиохией, которую он основал, Александрией, где он руководил, и Римом, где он страдал» (Litvack, 1994: 88).

В результате Литвак делает вывод, что Нил был одновременно и ориенталистом, и католиком (в том смысле, что считал себя принадлежащим к вселенской церкви). Он стремился представить Восточную церковь с проникновением и теплотой, но при этом не был готов считать английских диссентеров и континентальных протестантов принадлежащими к вселенской церкви, частями которой были только Римско-католическая, Англиканская и Восточная. Оставив изучение Римской церкви другим, Нил сосредоточился на демонстрации сходства и гармонии, имевшихся, по его мнению, между собственно Церковью Англии и относительно неизвестным в Англии православием. Литвак подчеркивает: «Ориентализм Нила был его способом развить основанную на воображении импрессионистскую связь с восточным христианством» (Litvack, 1994: 81). Нил хотел убедить своих читателей в том, что православная и англиканская церкви, будучи двумя ветвями католической (вселенской) церкви, обладают близостью в некоторых фундаментальных вопросах, к которым Римская Церковь не причастна. При этом Литвак указывает на целый ряд ошибок и сознательных натяжек, допущенных Нилом в его труде для того, чтобы православие казалось английским читателям ближе к англиканству, чем оно было в реальности. В качестве примера Литвак приводит сознательные искажения в интерпретации иконостаса и православной церковной архитектуры в целом и преувеличение важности англикано-православных контактов в XVII и XVIII веках.

Методологию Нила Литвак оценивает как недостаточно научную, но при этом признает, что Нил старался быть максимально точным во всех деталях. Однако, пытаясь уйти от предвзятости по отношению к православию, существовавшей в Англии XIX века, Нил, как полагает Литвак, также становится предвзятым, «стремясь вписать православную церковь в форму, которую он сам создал для нее» (Litvack, 1994: 91-93). При этом, в отличие от Палмера, знания Нила о православии в основном были книжными, он не был ни в Греции, ни в России, хотя и совершил в 1860 г. короткую поездку в Черногорию.

После публикации «Истории Восточной церкви» в 1847 г. Нил активно занимался переводами гимнов православной церкви, которые оказались весьма востребованы в Великобритании и, как утверждает Литвак, привлекли гораздо больше читателей и верующих, чем могла бы сделать его академическая, теологическая или экуменическая работа. С подобным мнением согласен и М. Чэндлер, отметивший, что Нил помог установить экуменическое сближение с Восточным православием, но вошел в историю в первую очередь как автор и переводчик гимнов (Chandler, 1995: 221). Труды Нила не остались незамеченными и в России. Так, Попов восторженно писал об этих переводах Толстому (Попов, 1905: 129-131), а митрополит Филарет преподнес Нилю несколько ценных икон.

Генри Лиддон (1829–1890), англиканский теолог, близкий друг и биограф Пьюзи, в 1867 г. посетил Россию вместе со своим другом Льюисом Кэрроллом. Лиддон встретился с митрополитом Филаретом, с которым за два года до этого встречался другой англиканский священник – Дж. Янг. Как отмечает Чэпмэн, Лиддону во время пребывания в России «быстро стало очевидно растущее влияние международной политики на церковные дела». Например, Филарет во время разговора с Лиддоном пожаловался на терпимость, проявленную к турецкому султану британским правительством, посчитав союзничество Англии с мусульманским государством предательством христианства.

Чэпмэн описывает парадокс, с которым столкнулся Лиддон: «его непосредственный опыт показывал, что церковь находится в контакте с остальным миром, что она предлагала подлинную духовность своим людям и, казалось, разделяла теологический метод с католическими церквями Запада. Однако политические и церковные обстоятельства того времени, особенно дипломатические отношения с Турцией, по-видимому, препятствовали дальнейшему примирению. Изменение политики западных стран в отношении России и Востока в сочетании с мятежным национализмом среди христианских народов Балкан, многие из которых все еще находились под турецким владычеством, означало, что восточное христианство нельзя просто игнорировать, поскольку оно было неотъемлемой частью Балканского национализма» (Chapman, 2014: 212).

Очевидно, что предлагаемый Чэпмэном взгляд на развитие англикано-православных отношений основан не столько на богословской точке зрения (что характерно для большинства других исследователей этого вопроса, многие из которых были теологами), сколько на их интерпретации в рамках политической ситуации и развития международных отношений. Чэпмэн утверждает, что период после 1870 г., отмеченный упадком старых империй и возрождением национализма, стал временем перестройки европейских церквей таким образом, чтобы они могли отражать национальные движения на османских и австрийских территориях. Восточное православие, которое до сих пор было почти неизвестно в большинстве западных стран, становилось все более важной темой в экуменической дискуссии. Тем не менее Чэпмэн подчеркивает, что ситуация очень

быстро изменилась уже в конце 1870-х – начале 1880-х гг., когда «великие державы сорвали ограниченные попытки экуменического сближения, поскольку Realpolitik заняла центральное место, особенно после Берлинского конгресса в 1878 году» (Chapman, 2014: 298).

С этой точкой зрения солидарен и М. Хьюз, указавший, что растущее англо-российское имперское соперничество, развивавшееся на протяжении всего XIX столетия, усилило «негативное впечатление о царской империи в британском воображении» (Hughes, 2004: 681). Чэпмэн и Хьюз не были первыми исследователями англикано-православного диалога, делавшими акцент на политических мотивах. Так, Х. Кетц еще в 1932 г. писал: «Очевидно, что британский империализм играет важную роль в отношениях англиканской церкви с иностранными общинами» (Kötz, 1932: 36).

Тем не менее, ряд англикан, интересовавшихся восточными церквями, все равно симпатизировал русскому православию, и теологические вопросы были для них важнее политических. К таким людям можно отнести Уильяма Джона Биркбека (1859–1916), англиканского священника и музыковеда, который в 1888 г. впервые посетил Санкт-Петербург как представитель Архиепископа Кентерберийского на праздновании 900-летия Крещения Руси, после чего приезжал в Россию еще много раз. Биркбек страстно увлекся православием и много времени посвятил изучению Русской православной церкви. Особенно его заинтересовало учение славянофилов, и он сумел отыскать и опубликовать переписку Палмера с Хомяковым (Birkbeck, 1895).

Следует отметить, что исследования истории развития англикано-православного диалога в XIX в. были начаты самими представителями Оксфордского движения, в этом диалоге участвовавшими, которых справедливо называют первыми экуменистами. В свою очередь и ряд православных богословов, также разделявших экуменические взгляды, изучали эту тему, например, Г.В. Флоровский (Florovsky, 1975) и Г. Аливизатос (Alivisatos, 1948-1949).

А. Олчин, исследуя англо-протестантский диалог XIX в., выделяет в нем две основные тенденции. С одной стороны, среди англикан были противники Римской католической церкви, искавшие такую форму традиционного христианства, которая не была бы связана с папством и которую можно было бы использовать в качестве противовеса в дискуссиях о воссоединении с протестантскими конфессиями. В этой связи восточное христианство представляло для них явную полемическую ценность. С другой стороны, были и англикане, которые проявляли искреннюю симпатию и интерес к восточному христианству, что привело их к желанию церковного общения. Олчин предполагает, что большинство трактарианцев, в том числе Ньюман и Пьюзи, относятся к первой группе, поскольку проявляли мало неподдельного интереса к православию, другие же, такие как Палмер и Нил, относятся ко второй, поскольку, напротив, «жадно искали контактов с Востоком» (Allchin, 1963: 56).

5. Заключение

При том, что вопросы англикано-православного диалога в XIX в. представляют значительный интерес и изучались на Западе, можно утверждать, что до сих пор эта тема исследована недостаточно и детальной комплексной работы, анализирующей ее разные аспекты, до сих пор не существует. В основном преобладают исследования, посвященные единичным персоналиям, в первую очередь двум ключевым фигурам для англикано-православного диалога в XIX в. – Палмеру и Нилу, причем работ о последнем значительно больше. Отдельно разрабатывается проблема международного измерения Оксфордского движения, однако в коллективной монографии под редакцией С. Брауна и П. Ноклса, посвященной этому вопросу, о России не сказано практически ни слова (Brown, Nockles, 2012).

Изучая причины англикано-православных контактов в XIX в., западные исследователи расходятся во мнениях. Многие делают акцент на политических соображениях и событиях на международной арене. Например, во время Крымской войны общение через Попова, православного священника в Лондоне, оказалось чуть ли не единственным каналом взаимодействия между Россией и Великобританией, также отношения между церквями были значительно осложнены в ходе соперничества Российской и Британской империй во второй половине XIX в. и конфликта на Балканах. Другим заметным фактором была внутрицерковная ситуация в самой Церкви Англии. При этом чисто теологические и догматические соображения также играли существенную роль, не говоря уже о личной увлеченности отдельных англикан православным Востоком, церковной историей и православным искусством. Эти факторы указываются в качестве центральных в первую очередь как самими представителями Оксфордского движения, изучавшими его историю, так и другими авторами, близкими к церковным кругам. Тем не менее все исследователи сходятся в том, что основой англикано-православного диалога послужила теория ветвей единой вселенской (католической) православной (ортодоксальной) церкви, разработанная представителями Оксфордского движения, а также учение об апостольской преемственности Церкви Англии, и что, соответственно, восточные церкви были важным звеном, объединявшим англикан с апостольскими временами.

6. Благодарности

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ (отделение гуманитарных и общественных наук) научного проекта № 18-011-00241 «От эрастианизма к трактарианизму: Церковь Англии в конце XVIII – первой половине XIX вв.».

Литература

- Михайловский, 1864** – Михайловский В. Англиканская церковь и ее отношение к Православию. СПб., 1864. 283 с.
- Образцов, 1866** – Образцов П. О попытках к соединению англиканской епископальной церкви с православною // Православное обозрение. 1866. Т. 19. Янв. С. 41-70; Февр. С. 169-201; Март. С. 244-270.
- Попов, 1905** – Попов Е.И. Письма протоиерея Е.И. Попова о религиозных движениях в Англии: II. Письма к обер-прокурору Св. Синода гр. А.П. Толстому // Христианское чтение. 1905. № 7. С. 112-132.
- Соловьева, 1997** – Соловьева Т. Англиканская и Православная церкви в XIX в. // Поиски единства: Проблемы религиозного диалога в прошлом и настоящем: Сб. статей. М.: ББИ, 1997. С. 334-353.
- Стецкевич, 2010** – Стецкевич М.С. Основные идеи Оксфордского движения // Религиоведение. 2010. № 4. С. 49-55.
- Федотов, 2017** – Федотов С.П. Роль богословов Оксфордского университета в истории взаимоотношений Русской православной и Англиканской церквей в XVIII – XIX вв. // История: Факты и символы. 2017. № 1. С. 81-87.
- Чумакова, 2018** – Чумакова Т.В. Духовное просвещение в России и Оксфордское движение во второй половине XIX в. // Концепт: философия, религия, культура. 2018. № 4. С. 70-76.
- Alivisatos, 1948–1949** – Alivisatos H. The Ecumenical Movement and the Orthodox Church // *The Ecumenical review*. 1948–1949. № 1. С. 9-67.
- Allchin, 1963** – Allchin A.M. An Anglican View of Anglican-Orthodox Contacts // *The Eastern Churches Quarterly*, 1963. Vol. 15 (1-2). С. 56-60.
- Baryshnikov et al., 2017** – Baryshnikov V. N., Borisenko V. N., Stetkevich M. S. The Oxford movement and the English reformation // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2017. Vol. 62 (4). Pp. 826-838.
- Birkbeck, 1895** – Birkbeck W.J. ed., *Russia and the English Church during the Last Fifty years*. Vol. I. London, 1895. 227 с.
- Brandreth, 1947** – Brandreth H.R.T. The Ecumenical Ideals of the Oxford Movement. London: Society for promoting Christian Knowledge, 1947. 90 p.
- Brown, Nockles, 2012** – Brown S., Nockles P. (ed.). The Oxford Movement: Europe and the Wider World, 1830–1930. Cambridge: Cambridge Un. Press, 2012. 288 p.
- Chandler, 1995** – Chandler M. The Life and Work of John Mason Neale. Leominster: Gracewing, 1995. 241 p.
- Chapman, 2014** – Chapman M. *The Fantasy of Reunion*. Anglicans, Catholics, and Ecumenism, 1833–1882. Oxford: Oxford Un. Press, 2014. IX+329 p.
- Coakley, 1992** – Coakley J.F. The Church of the East and the Church of England: A History of the Archbishop of Canterbury's Assyrian Mission. Oxford, 1992. 422 p.
- Courtney, 2014** – Courtney J. Listening to Voices from the East: Nineteenth Century Anglicans and the Russian Orthodox Church // *Текст. Книга. Книгоиздание*. 2014. №. 1 (5). С. 89–105.
- Crumb, 2009** – Crumb L. The Oxford Movement and its Leaders: a Bibliography of Secondary and Lesser Primary Sources. Lanham: Scarecrow Press, 2009. 937 p.
- Dessain, 1976** – Dessain C. S. Cardinal Newman and the Eastern Tradition // *Downside Review*, 1976. № 94 (315). Pp. 83–98.
- Fouyas, 1972** – Fouyas M. Orthodoxy, Roman Catholicism and Anglicanism. London: Oxford Un. Press, 1972. 280 p.
- Florovsky, 1975** – Florovsky G. Aspects of Church History. Belmont: Norland, 1975. 313 p.
- Hughes, 2004** – Hughes M. The English Slavophile: W. J. Birkbeck and Russia // *The Slavonic and East European Review*, 2004. № 82 (3). P. 680-706.
- Istavridis, 1966** – Istavridis V.T. Orthodoxy and Anglicanism. London: S.P.C.K. 1966. 188 p.
- King, 2009** – King B. John Newman and the Alexandrian Fathers: Shaping Doctrine in the XIX Century, 2009. 288 p.
- Kötz, 1932** – Kötz H. Reasons for a Reunion of the Russian and the Anglican Churches. Bonn: University of Bonn, 1932. 64 p.
- Langford, 1966** – Langford H.W. The Non-Jurors and the Eastern Orthodox". *The Eastern Churches Review*. Vol. 1, no. 2 (Autumn, 1966), 118-131.
- Lawrence, 1980** – Lawrence J. 'William Palmer of Magdalen and the Russian Orthodox Church // *Sobornost*, 1980. № 2 (1). P. 80-82.

- Litvack, 1994 – Litvack L. *John Mason Neale and the Quest for Sobornost*. Oxford, Clarendon, 1994. 295 p.
- Lough, 1962 – Lough A.G. *The Influence of John Mason Neale*. London: S.P.C.K, 1962. XV+144 p.
- Meyrick, 1905 – Meyrick F. *Memories of Life at Oxford*. London: John Murray, 1905. P. 79.
- Miller, 1984 – Miller E.C. *Orthodoxy and the Tractarians: Deacon William Palmer's "Harmony of Anglican Doctrine" // Living Church*, 1984. № 190 (7). P. 61-102.
- Neale, 1847 – Neale J.M. *A History of the Holy Eastern Church: The Patriarchate of Alexandria*. 2 vols. London: Joseph Masters, 1847.
- Newman, 1991 – Newman J.H. *Sermons 1824–1843*. Oxford: Clarendon Press, 1991. Vol. 1. 384 p.
- Newman, 1871 – Newman J.H. *The Arians of the Fourth Century*. London, 1871. 406 p.
- Palmer, 1882 – Palmer W. *Notes of a Visit to the Russian Church in the Years 1840-1841*. London, 1882. 572 p.
- Palmer, 1871 – Palmer W. *The Patriarch and the Tsar*. London: Trübner. 1871. 638 p.
- Ridley, 1939 – Ridley, K. *A Pioneer in Reunion – William Palmer // Sobornost*, 1939. № 18. P. 9-18.
- Rowell, 1974 – Rowell G. *Hell and the Victorians: A Study of the XIX Century Theological Controversies Concerning Eternal Punishment and the Future Life*. Oxford: The Clarendon Press, 1974. 242 p.
- Shaw, 1930 – Shaw P.E. *The Early Tractarians and the Eastern Church*. London: Mowbray, 1930. 176 p.
- Towle, 1906 – Towle E. A. *John Mason Neale: A Memoir*. London: Longman, 1906. XIII+338 p.
- Weeler, 2006 – Weeler R. *Palmer's Pilgrimage. The life of William Palmer of Magdalen*. Oxford: Peter Lang, 2006. 427 p.
- Wordsworth, 1898 – Wordsworth D. *The Church of England and the Eastern Patriarchates*. Oxford, 1898. 284 p.

References

- Alivisatos, 1948–1949 – Alivisatos H. (1948–1949). *The Ecumenical Movement and the Orthodox Church. The Ecumenical Review*. 1, pp. 9-67.
- Allchin, 1963 – Allchin A.M. (1963). *An Anglican View of Anglican-Orthodox Contacts. The Eastern Churches Quarterly*. 15 (1-2). pp. 56-60.
- Baryshnikov et al., 2017 – Baryshnikov V.N., Borisenko V.N., Stetkevich M.S. (2017). *The Oxford movement and the English reformation. Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 4 (62). pp. 826-838.
- Birkbeck, 1895 – Birkbeck W.J. ed. (1895). *Russia and the English Church during the Last Fifty years, vol. I, Containing a Correspondence between Mr William Palmer, Fellow of Magdalen College, Oxford, and M. Komiakhoff, in the Years 1844-1854*. London.
- Brandreth, 1947 – Brandreth H.R.T. (1947). *The Ecumenical Ideals of the Oxford Movement*. London: Society for promoting Christian Knowledge.
- Brown, Nockles, 2012 – Brown S., Nockles P. (ed.) (2012). *The Oxford Movement: Europe and the Wider World, 1830–1930*. Cambridge: Cambridge Un. Press.
- Chandler, 1995 – Chandler M. (1995). *The Life and Work of John Mason Neale*. Leominster: Gracewing.
- Chapman, 2014 – Chapman M. (2014). *The Fantasy of Reunion. Anglicans, Catholics, and Ecumenism, 1833-1882*. Oxford: Oxford Un. Press.
- Chumakova, 2018 – Chumakova T.B. (2018). *Duhovnoe prosveshchenie v Rossii i Oksfordskoe dvizhenie vo vtoroj polovine [Spiritual education in Russia and the Oxford movement in the second half of the XIX century]. Concept: Philosophy, Religion, Culture*. 4, pp. 70-76. [in Russian]
- Coakley, 1992 – Coakley J. F. (1992). *The Church of the East and the Church of England: A History of the Archbishop of Canterbury's Assyrian Mission*. Oxford.
- Courtney, 2014 – Courtney J. (2014). *Listening to Voices from the East: the XIX Century Anglicans and the Russian Orthodox Church. Text. Book. Publishing*. 1 (5), pp. 89–105.
- Crumb, 2009 – Crumb L. (2009). *The Oxford Movement and its Leaders: a Bibliography of Secondary and Lesser Primary Sources*. Lanham: Scarecrow Press.
- Dessain, 1976 – Dessain C. S. (1976). *Cardinal Newman and the Eastern Tradition." Downside Review*. 94 (315). pp. 83-98.
- Fedotov, 2017 – Fedotov C.II. (2017). *Rol' bogoslovov Oksfordskogo universiteta v istorii vzaimootnoshenij Russkoj pravoslavnoj i Anglikanskoj cerkvej v XVIII-XIX vekah. [The Role of Oxford University Theologians in the History of Relations Between the Russian Orthodox and Anglican Churches in XVIII-XIX centuries]. History: Facts and Symbols*. 1. pp. 81-87. [in Russian]
- Florovsky, 1975 – Florovsky G. (1975). *Aspects of Church History*. Belmont, Mass.: Norland.
- Fouyas, 1972 – Fouyas M. (1972). *Orthodoxy, Roman Catholicism and Anglicanism*. London: Oxford Un. Press.
- Hughes, 2004 – Hughes M. (2004). *The English Slavophile: W. J. Birkbeck and Russia. The Slavonic and East European Review*. 82(3), pp. 680-706.

- Istavridis, 1966 – *Istavridis V.T.* (1966). *Orthodoxy and Anglicanism*. London: S.P.C.K.
- King, 2009 – King B. (2009). *John Newman and the Alexandrian Fathers: Shaping Doctrine in the XIX century*.
- Kötz, 1932 – *Kötz H.* (1932). *Reasons for a Reunion of the Russian and the Anglican Churches*. Bonn: Un. of Bonn.
- Langford, 1966 – *Langford H.W.* (1966). *The Non-Jurors and the Eastern Orthodox*. *The Eastern Churches Review*. 1 (2), pp. 118-131.
- Lawrence, 1980 – *Lawrence J.* (1980). 'William Palmer of Magdalen and the Russian Orthodox Church', *Sobornost*. 2(1), pp. 80-82.
- Litvack, 1994 – *Litvack L.* (1994). *John Mason Neale and the Quest for Sobornost*. Oxford: Clarendon.
- Lough, 1962 – *Lough A. G.* (1962). *The Influence of John Mason Neale*. London: S.P.C.K.
- Meyrick, 1905 – *Meyrick F.* (1905). *Memories of Life at Oxford*. London: John Murray.
- Mihajlovskij, 1864 – *Mihajlovskij V.* (1864). *Anglikanskaya cerkov' i ee otnoshenie k Pravoslaviyu*. [The Anglican Church and its Attitude to Orthodoxy]. St.Peterburg. [in Russian]
- Miller, 1984 – *Miller E. C.* (1984). *Orthodoxy and the Tractarians: Deacon William Palmer's "Harmony of Anglican Doctrine."* *Living Church*. 190 (7), pp. 61-102.
- Neale, 1847 – *Neale J. M.* (1847). *A History of the Holy Eastern Church: The Patriarchate of Alexandria*. In 2 volumes. London: Joseph Masters.
- Newman, 1871 – *Newman J. H.* (1871). *The Arians of the Fourth Century*. London.
- Newman, 1991 – *Newman J. H.* (1991). *Sermons 1824–1843*. Oxford, Clarendon Press. Vol. 1.
- Obrazcov, 1866 – *Obrazcov П.* (1866). *О попытках к соединению англиканской епископальной церкви с православной*. [On Attempts to Unite the Anglican Episcopal Church with the Orthodox Church]. *Orthodox Review*. 19. Jn. pp. 41-70, Fb. pp. 169-201, Mr. pp. 244-270. [in Russian]
- Palmer, 1871 – *Palmer W.* (1871). *The Patriarch and the Tsar*. London: Trübner.
- Palmer, 1882 – *Palmer W.* (1882). *Notes of a visit to the Russian Church in the Years 1840 – 1841*. Ed. Cardinal Newman. London.
- Popov, 1905 – *Popov E.I.* (1905). *Pis'ma protoiereya E.I. Popova o religioznyh dvizheniyah v Anglii* [Letters of Archpriest E.I. Popov on Religious Movements in England]. *Christian Reading*. 7. pp. 112-132. [in Russian]
- Ridley, 1939 – *Ridley, K.* (1939). *A Pioneer in Reunion – William Palmer*. *Sobornost*. No 18, pp. 9-18.
- Rowell, 1974 – *Rowell G.* (1974). *Hell and the Victorians: A study of the nineteenth-century theological controversies concerning eternal punishment and the future life*. Oxford: The Clarendon Press.
- Shaw, 1930 – *Shaw P.E.* (1930). *The Early Tractarians and the Eastern Church*. London: Mowbray.
- Solov'eva, 1997 – *Solov'eva T.* (1997). *Anglikanskaya i Pravoslavnaya cerkvi v XIX v.* [The Anglican and Orthodox Churches in the XIX Century]. *The Search for Unity: Problems of Religious Dialogue in the Past and Present*. Moscow: BBI, pp. 334-353. [in Russian]
- Steckevich, 2010 – *Steckevich M.C.* (2010). *Osnovnye idei Oksfordskogo dvizheniya* [Basic ideas of Oxford movement]. *Religious Studies*. 4, pp. 49-55. [in Russian]
- Towle, 1906 – *Towle E.A.* (1906). *John Neale: A Memoir*. London: Longmans.
- Weeler, 2006 – *Weeler R.* (2006). *Palmer's Pilgrimage. The life of William Palmer of Magdalen*. Oxford: Peter Lang.
- Wordsworth, 1898 – *Wordsworth D.* (1898). *The Church of England and the Eastern Patriarchates*. Oxford.

Развитие англикано-православного диалога в XIX в. в оценке зарубежной историографии

Николай Станиславович Поляков ^{a, *}, Ольга Константиновна Михельсон ^a

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена изучению западной историографии англикано-православного диалога в XIX в. Связи между Церковью Англии и православными церквями в XIX в., в том числе Русской православной церковью, – важный сюжет истории англикано-православных взаимоотношений и представляет не меньший интерес для России, чем для Великобритании. Однако он до сих пор не получил достаточного внимания. В статье освещаются ключевые аспекты развития англикано-православных взаимоотношений в XIX в. и анализируются их интерпретации, предложенные в зарубежной историографии. В статье демонстрируется, что в основном преобладают исследования, посвященные единичным персоналиям, в первую очередь ключевым фигурам для

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: n.poljakov@spbu.ru (Н.С. Поляков), o.mihelson@spbu.ru (О.К. Михельсон)

англикано-православного диалога в XIX в. – Палмеру и Нилу. Изучая причины англикано-православных контактов в XIX в., западные исследователи выделяют как политические аспекты, так и внутрицерковную ситуацию в Церкви Англии, а также теологические и догматические соображения и личную увлеченность отдельных англикан православным Востоком. Исследователи сходятся в том, что основой англикано-православного диалога послужила теория ветвей единой вселенской (католической) православной (ортодоксальной) церкви, разработанная представителями Оксфордского движения, а также учение об апостольской преемственности Церкви Англии.

Ключевые слова: англикано-православный диалог, Оксфордское движение, Ньюмен, Палмер, Нил, Лиддон, Биркбек.

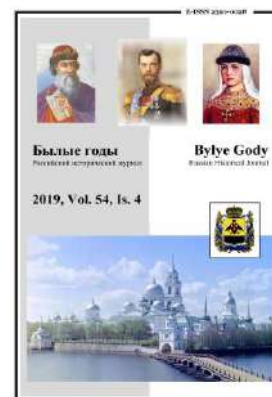
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1576-1583. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1576
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Influence of the Natural Factor on the State Resettlement Policy in the Kalmyk Lands (1840s – 1870s)

Sergey S. Belousov ^{a, *}

^a Kalmyk Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the study of the influence of the natural factor on the state resettlement policy during the implementation of the project of settlement of roads in the Kalmyk lands of the Astrakhan province in 1847-1876. The natural challenges and responses of the administration during the resettlement policy are considered, the degree of their effectiveness is estimated.

The author notes that the natural factor strongly complicated process of development of roads that didn't allow to execute completely all points of the Imperial decree of december 30, 1846 "About settlement of roads on Kalmyk lands of the Astrakhan province". The main success was the settlement of the Tsaritsyno-Stavropol tract of strategic importance, which was explained by the fact that it lay in an area relatively favorable in natural terms for human habitation, on other roads, where natural conditions were more severe, only partial success was achieved.

To achieve the implementation of the project, the authorities were forced to make adjustments to the resettlement policy, but they could not reverse the situation. As a result, the state had to abandon the policy of settlement of roads and in General from the organization of resettlement to the Kalmyk lands.

Turning to the analysis of the actions of the Supreme state power, the author States that she did not provide the necessary assistance to the local administration, which during the implementation of the project had to face great difficulties caused largely by the natural conditions of the Kalmyk steppes.

In conclusion, the author comes to the conclusion that in the second half of the XIX century the state was not ready to effectively protect its interests from the challenges posed by nature.

Keywords: Astrakhan province, Kalmyks, resettlement policy, tracts, natural factor.

1. Введение

В 1840–1870 гг. российскими властями был разработан и осуществлен ряд мероприятий по созданию поселений вдоль дорог, проходящих по калмыцким землям Астраханской губернии. Заселение важных стратегических трактов, связывавших центр страны и Нижнее Поволжье с Северным Кавказом, тесно увязывалось с задачами создания очагов стационарных поселений и земледелия в калмыцких степях и перевода части калмыков на оседлый образ жизни, удовлетворением земельных нужд российского крестьянства, а также учреждения лесных плантаций с целью улучшения природных условий проживания человека. В основе своей это были преобразования, направленные на интеграцию калмыцких земель и калмыцкого народа в российское социокультурное и экономическое пространство и ее постепенную модернизацию.

Ключевая роль в заселении дорог отводилась государственным крестьянам-переселенцам, которые должны были придать новым поселениям устойчивость в развитии и научить пожелавших обосноваться в них калмыков азам оседлой жизни и занятию земледелием.

* Corresponding author

E-mail addresses: sbelousovelista@mail.ru (S.S. Belousov)

Реализация проекта происходила в течение 30 лет (1846–1876 гг.), и не все ее пункты были выполнены, однако главная цель – заселение стратегических дорог – была достигнута. На этом пути пришлось преодолевать множество трудностей, вызванных главным образом природными условиями, неблагоприятными для проживания человека. Под их воздействием власти вынуждены были неоднократно отступать от первоначальных замыслов и корректировать свою переселенческую политику. В этом отношении накопленный российским руководством опыт организации переселений и учреждения населенных пунктов в регионе с тяжелыми природными условиями для проживания человека представляет определенный интерес. С другой стороны, данная тема актуальна и в плане изучения функционирования государственного аппарата, в частности понимания им глубины поставленных государством задач и умения быстро и эффективно их решать. Какое влияние природный фактор оказал на текущую и будущую переселенческую политику в Астраханской губернии и насколько успешно справилась с вызовами природы государственная машина, с которыми ей пришлось столкнуться в ходе реализации проекта – вот те основные вопросы, на которые предпринята попытка дать ответ в данной статье.

Важно отметить, что исследование этой проблемы обогащает научные знания об имперской переселенческой политике в отдельных регионах и позволяет глубже познать ее сущность. Данная статья посвящена изучению степени влияния природного фактора на переселенческую политику и изменений, произошедших в ней в период подготовки и осуществления проекта заселения дорог на калмыцких землях Астраханской губернии.

2. Материалы и методы

При подготовке данной статьи были в основном использованы документы Российского государственного исторического архива (РГИА), Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Государственного архива Астраханской области (ГААО) и Национального архива Республики Калмыкия (НА РК). Главное внимание обращалось на изучение материалов органов центральной и местной государственной власти XIX в., в фондах которых отложились материалы по переселенческой политике на калмыцких землях. Из опубликованных материалов были изучены местные астраханские губернские газеты за вторую половину XIX в.: «Астраханские губернские ведомости», «Астраханский справочный листок» и «Астраханский вестник».

Исследование выполнено с опорой на традиционные в исторической науке принципы историзма, научного объективизма и системности, а методологическую основу исследования составили историко-сравнительный, историко-генетический и историко-описательные методы исследования.

С помощью историко-генетического метода достигалась цель показать преемственность переселенческой политики в регионе в XIX в., а применение историко-сравнительного метода позволило установить изменения, произошедшие в ней в период реализации проекта заселения дорог на калмыцких землях Астраханской губернии.

3. Обсуждение

Первым среди профессиональных историков обратился к теме заселения дорог на калмыцких землях профессор Н.Н. Пальмов, опубликовавший в трех номерах журнала «Калмыцкая область» статью «Обоседление калмыков и русская иммиграция в Калмыцкую степь» (Пальмов, 1925. № 2, 3; № 1. 1926). Автор рассматривает реализацию проекта заселения дорог в основном сквозь призму перевода калмыков на оседлый образ жизни – актуальной в 1920-х гг. для Калмыцкой автономной области задачи, поэтому другие важные вопросы, в частности влияние природного фактора на ход и результаты реализации государственного проекта, им освещены слабо или вообще остались вне поля его зрения.

Статья Пальмова вплоть до конца 1980-х оставалась единственным серьезным исследованием по истории переселенческой политики на калмыцких землях во второй половине XIX в. Положительные сдвиги в разработке темы произошли в 1990–2010 гг. В эти годы вышли работы

историков И.В. Борисенко (Борисенко, 1991; Борисенко, 1989) и С.С. Белоусова (Белоусов, 2004), позволяющие заметно раздвинуть рамки наших знаний по истории переселенческого движения на калмыцкие земли. Переселенческая проблематика нашла свое отражение в трехтомном обобщающем коллективном труде историков «История Калмыкии с древнейших времен до наших дней», в 1-м томе которого Белоусовым анализируется история переселений в Калмыкию на протяжении второй половины XVIII–XIX вв. (История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Т. I. 2009).

Вопросы переселенческой политики затрагивались также в работах Н.М. Васькина (Васькин, 1973), Ю.Б. Симченко (Симченко, 1967), А.И. Карагодина (Карагодин, 1980) и в опубликованных в последние годы статьях историков Е.Н. Бадмаевой (Бадмаева, 2016) и С.С. Белоусова (Белоусов, 2018).

Несмотря на очевидные положительные сдвиги, произошедшие в постсоветский период в изучении истории переселенческой политики, остается еще много ее аспектов, которые до

настоящего времени находятся вне поля зрения исследователей, и к их числу относится влияние природного фактора на государственную политику переселений.

4. Результаты

Астраханско-Кизлярский и Царицынско-Ставропольский тракты приобрели стратегическое значение для России в результате активизации ее политики в Прикаспии и на Северном Кавказе в XVIII в. Оба тракта являлись кратчайшими путями на Северный Кавказ, и по ним осуществлялись военные и иные перевозки для войск, гражданской администрации и населения.

Из-за отсутствия поселений Астраханско-Кизлярская (560 верст) и Царицынско-Ставропольская (467 верст) дороги могли функционировать только в весенне-осенний период, и потому пропускная их способность была сильно ограничена. Во второй половине XVIII в. власти прилагали усилия к их заселению, пытаясь привлечь переселенцев широкими льготами, но безрезультатно. Намеченное не было реализовано из-за тяжелых природных условий местности, по которым проходили тракты. Людям к поселению на них отпугивали дефицит водных источников, тяжелый климат и географическая удаленность от ближайших населенных пунктов. На Астраханско-Кизлярском тракте поселения не были созданы из-за отсутствия желающих там водвориться, а на Царицынско-Ставропольском тракте, хотя и возникли 4 поселения, но 3 из них жители вскоре покинули, не сумев приспособиться к местным природным условиям (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 33. Л. 16-16 об.).

В первой половине 1840-х гг. руководство Министерства государственных имуществ (далее МГИ) и Астраханская палата государственных имуществ (далее АПГИ) разработали проект заселения дорог на калмыцких землях, который носил комплексный характер, ибо предусматривал не только заселение наиболее важных дорог, но также перевод части калмыцкого народа на оседлый образ жизни, распространение земледельческих занятий в улусах и облесение степи. Император Николай I одобрил проект и 30 декабря 1806 г. подписал указ «О заселении дорог на калмыцких землях Астраханской губернии» (ПСЗ РИ – 2, Т. XXI. 1847: 725-726).

По указу планировалось создать 44 населенных пункта (станций) вдоль 6 пересекавших калмыцкие земли дорог и поселить в каждом из них по 50 семей государственных крестьян-переселенцев и из числа добровольно пожелавших перейти к оседлой жизни калмыков. Им была положена высокая норма земельного обеспечения – по 30 дес. удобной земли на 1 ревизскую (мужскую) душу. Данная норма была позаимствована, очевидно, у генерал-майора И.И. Завалишина, который в 1803–1805 гг. по поручению Главного управляющего Грузией (и одновременно Астраханского генерал-губернатора и инспектора Кавказской укрепленной линии), генерал-лейтенанта князя П.Д. Цицианова, занимался сбором сведений о колонизационных возможностях Астраханской губернии. Он пришел к выводу о том, что при организации переселений необходимо учитывать природные особенности как губернии в целом, так и различных ее частей. В некоторых районах он предлагал наделять новоселов не 15, а 30 десятинами земли, в зависимости от качества сельскохозяйственных угодий, состояния водных источников и хозяйственного профиля поселения (ПСЗ РИ – 1, Т. XXIX. 1830: 299). Разработчики проекта, понимая, в каких природных условиях им придется проводить заселение, сочли необходимым дать станицам высокую норму земельного обеспечения – 30-десятинную.

В июне 1847 г. учрежденная в г. Астрахани из чиновников и служащих губернской администрации, возглавляемая Главным попечителем калмыцкого народа К.О. Оленичем-Гнененко (он же являлся управляющим Астраханской палатой государственных имуществ) Комиссия по заселению дорог на калмыцких землях Астраханской губернии приступила к выбору мест под поселения. Указ и инструкция от 30 декабря 1846 г. не предусматривали проведения предварительных изыскательских работ техническими специалистами, поэтому выбор мест осуществлялся исключительно путем личного визуального осмотра членами Комиссии. Это привело к ошибкам в землеустройстве, а ряд мест, избранных под поселения, и вовсе оказался непригодным к заселению. Более того, в первый полевой сезон работы Комиссия не смогла даже уложиться в определенную указом от 30 декабря 1846 г. цифру: под поселения были выбраны 36 пунктов из намеченных 44-х. Наибольшего успеха ей удалось добиться на Царицынско-Ставропольском тракте и северном его ответвлении – Аксайской дороге. Здесь природные условия были сравнительно благоприятными для проживания человека, поэтому на всех избранных 16 местах были основаны поселения.

Сложнее обстояло дело в луговой стороне р. Волги (левобережье), где из семи избранных пунктов пригодными к заселению оказались только три. Четыре места пришлось исключить из списка предназначенных к заселению из-за плохого качества воды. Дороги на луговой стороне р. Волги не имели геостратегического значения, поэтому МГИ дало согласие на это.

На Астраханско-Кизлярском тракте Комиссия избрала 18 пунктов, но поселения возникли только в 8-ми из них. В остальных переселенцы отказались наотрез селиться из-за плохого качества воды и недостатка сенокосов. Поскольку данная дорога имела стратегическое значение, то правительство и астраханская администрация прилагали большие усилия по ее заселению. В 1852 г.

администрация направила на нее 101 семью из Воронежской и 145 семей государственных крестьян из Харьковской губерний. Переселенцы осмотрели предложенные места, но нашли их неудобными для проживания и покинули их, самовольно перейдя в селения Ставропольской губернии и Царицынско-Ставропольского тракта (РГИА. Ф. 383. Оп. 10. Д. 9366а. Л. 621).

Тяжелые природные условия вынуждали переселенцев уходить и с уже существующих населенных пунктов. Так, в частности, произошло с населением станиц Спасская и Доля. В 1849 г. их основали на Астраханско-Кизлярском тракте переселенцы из Курской, Харьковской и Екатеринославской губерний, но поскольку места оказались неудачными для проживания и ведения хозяйства, то в 1852 г. они их покинули, выбрав для своего нового поселения урочище Пробытый Колодец в Ставропольской губернии. Администрация пыталась уговорами и даже силой вернуть их на прежние места, предлагала им другие места по тракту, но все оказалось тщетным.

В целом власти отрицательно относились к переносу поселений, однако в отдельных случаях они вынуждены были идти на этот шаг. Как правило, это происходило под воздействием природного фактора и тогда, когда были исчерпаны все возможности для сохранения поселения. При этом администрация строго следила за тем, чтобы перенос населенного пункта осуществлялся обязательно в пределах намеченного к заселению тракта.

В истории заселения дорог на калмыцких землях имели место несколько случаев перемещения селений. Так, из-за неблагоприятных условий (дефицит питьевой воды, занос песками домов и угодий) были перенесены в другие места трактов станицы Садовая, Киселева, Обильная, Оленичева, Промысловая, Караванная, Хошеутова (ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 209. Л. 1 об.-2).

Оказавшиеся неудобными к организации поселений места Комиссия стремилась заменить другими, для чего проводились дополнительные осмотры местности. На Астраханско-Кизлярском тракте таковых мест найти так и не удалось. Это дало основание Главному попечителю калмыцкого народа М.И. Тагайчинову заметить, что «едва ли можно надеяться, чтобы тракт от Астрахани был совершенно заселен по прежде сделанному предположению» (РГИА. Ф. 383. Оп. 10. Д. 9366а. Л. 621). В 1865 г. власти из-за отсутствия желающих поселиться вынуждены были отказаться от образования 9-и поселений на избранных ранее местах. На данном тракте, таким образом, было положено начало всего 6-и поселениям. Но и в них относительно благополучно дело обстояло только в 2-х поселениях, расположенных на р. Куме (Урожайное и Величавое), в остальных 4-х селениях (Караванное, Яндыковское, Промысловое, Оленичево), находящихся в приморской части, жители испытывали большой недостаток в пресной воде, что ставило под вопрос их будущее существование. Чтобы не допустить этого, Тагайчинов еще в 1851 г. поручил помощникам улусных попечителей нанять работников и произвести поиски воды в станицах, однако положительного результата это не дало (РГИА. Ф. 383. Оп. 15. Д. 18268. Л. 11). Тогда Главный попечитель калмыцкого народа вошел в 1-й департамент МГИ с ходатайством прислать ему «сведущих людей» и специальные «механические приспособления» для поиска воды и строительства колодцев. 1-й департамент, в свою очередь, обратился за помощью в Департамент сельского хозяйства, который ответил, что у него нет в наличии таких инженеров-специалистов и что прежний опыт показал, «что вообще ученые инженеры, не будучи несколько знакомы с характером и свойствами наших степей, мало пригодны для открытия в них вод...» (РГИА. Ф. 383. Оп. 15. Д. 18268. Л. 15).

Департамент сельского хозяйства посоветовал искать специалистов по поиску воды и строительству колодцев среди калмыков: «Гораздо надежнее в этом деле люди, не обученные теоретически, но знакомые практически с местностью и привыкшие, по собственному и долговременному опыту, отыскивать в степях признаки воды» (РГИА. Ф. 383. Оп. 15. Д. 18268. Л. 15).

Не встретило поддержки у высших чиновников и ученых и предложение министра государственных имуществ П.Д. Киселева о проведении бурения скважин в станицах. Императорское минералогическое общество заявило, что это не даст нужного результата по причине особенностей геологического строения Калмыцкой степи.

МГИ порекомендовало Тагайчинову опереться на местные ресурсы: подыскать для поиска и строительства артезианских колодцев знающих это дело калмыков, и разрешило использовать ежегодно на эти цели 500 руб. из сумм, вырученных за сдачу станичных земель в оброк (аренду) (РГИА. Ф. 383. Оп. 15. Д. 18268. Л. 52 об.).

Решить проблему водоснабжения новых поселений приморской части Астраханско-Кизлярского тракта местными силами, однако, не удалось. Более того, к началу 1860-х гг. природная обстановка еще более ухудшилась. Из-за начавшегося отступления Каспийского моря стали мелеть, питавшие водою станицы Яндыковскую, Промысловую и Оленичеву, ильмени, резко ухудшилось качество воды и земельных угодий. В с. Оленичево дело дошло до того, что жители вынуждены были использовать для питья почти исключительно дождевую воду, которую собирали в емкости во время дождей (Яндыковская волость, 1912. 8 июля).

Смягчить остроту проблемы водоснабжения можно было путем строительства новых плотин, очисткой устьев ильменей, прорытием соединительного канала, но все это требовало больших расходов, причем, по признанию местной администрации, даже в случае осуществления этих мероприятий выгода от них могла быть только временной, т.к. обмеление происходило ежегодно,

и впоследствии к этому вопросу пришлось бы возвращаться вновь и вновь (РГИА. Ф. 381. Оп. 8. Д. 3741. Л. 181).

Безотрадная ситуация с питьевой водой заставила астраханские власти всерьез задуматься о будущем упомянутых поселений. В качестве вариантов рассматривались перенос с. Яндыковское, Промысловое и Оленичево поближе к Каспийскому морю или на Чумацкий тракт, и даже их ликвидация (РГИА. Ф. 381. Оп. 8. Д. 3741. Л. 181). Ни одна из этих мер не была осуществлена, так как крестьяне отказались покидать ставшие им родными места. Некоторые из жителей, правда, все же переехали в другие места. Из приморских сел Астраханско-Кизлярского тракта перенесено было на новое место только селение Караванное, дома которого занесло песком.

Неблагоприятные природные условия замедлили процесс заселения Астраханско-Кизлярского тракта, численность жителей каждого из поселений которого достигла намеченного императорским указом стосемейного рубежа только в 1870-е гг.

Природный фактор оказал заметное влияние и на обустройство новых поселений. При проверке планов выяснилось, что станицы получили сверх определенного количества 37313 дес. удобных и 203666 дес. неудобных земель (РГИА. Ф. 383. Оп. 19. Д. 25464. Ч. 1а. Л. 136 об.). Одной из основных причин этого Тагайчинов называл недостаток возле станиц земель хорошего качества, поэтому землемеры вынуждены были применить при землеустройстве правила Генерального межевания Астраханской губернии, которые предписывали в таких случаях заменять одну десятину удобной земли тремя десятинами неудобной. Дефицит пригодных к ведению хозяйства земель привел также к чересполосице земельных наделов переселенцев (РГИА. Ф. 383. Оп. 19. Д. 25464. Ч. 1а. Л. 320).

В первые годы проживания в станицах переселенцы испытывали большие трудности при строительстве жилых помещений. В степной глубинке не было леса, а его покупка на волжских пристанях и перевозка обходились очень дорого, к тому же население калмыцких степей, ведущее кочевой образ жизни, не обладало опытом строительного дела. Инженер Комиссии по заселению дорог на калмыцких землях Держановский подготовил рекомендации по строительству домов из саманного кирпича, выделяемого из смеси глины и высушенных трав (соломы и др.). Этого материала в степи имелось в достаточном количестве для производства самана. Для обучения переселенцев изготовлению саманного кирпича станичные общества по распоряжению Главного попечителя калмыцкого народа послали по одному человеку в Ставропольскую губернию, где имелся опыт подобного производства (НА РК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 8. Л. 65).

К началу 1860 гг. процесс создания поселений вдоль дорог по указу императора Николая I от 30 декабря 1846 г. завершился. За период 1848–1859 гг. было учреждено 25 поселений, в которых, по сведениям Главного попечителя калмыцкого народа на 15 сентября 1859 г., проживали 1875 семей государственных крестьян (РГИА. Ф. 383. Оп. 22. Д. 32428. Л. 19 об.). Это было меньше запланированной проектом цифры, предусматривавшей, как известно, создание 44-х станиц и поселение в них 4400 семей, половину из которых должны были составлять добровольно пожелавшие перейти к оседлой жизни калмыки. Не удалось заселить достаточно протяженный участок Астраханско-Кизлярского тракта и полностью дороги на левой стороне р. Волги, провалом закончилась и попытка перевести часть калмыцкого народа на оседлый образ жизни.

Проект оказался недостаточно продуманным, и одна из главных причин этого заключалась в том, что у его разработчиков не имелось достаточных и достоверных сведений о природе и колонизационных возможностях калмыцких степей.

Ошибки, допущенные властями при реализации указа от 30 декабря 1846 г., были ими учтены в 1860–1870 гг., когда проводилось заселение внутренних дорог в Калмыцкой степи. В его преддверии правительство организовало предварительное научное обследование калмыцких земель экспедицией, вошедшей в историю под названием «Кумо-Манычской».

В 1860–1861 гг. экспедиция, возглавляемая капитан-лейтенантом в отставке К.И. Костенковым, собрала ценные сведения о природе Калмыцкой степи, занятиях ее жителей, дорогах и по другим вопросам. Ее участники пришли к выводу о том, что в Калмыцкой степи «при отсутствии проточной воды и совершенном недостатке удобств для оседлых жителей всякая попытка к водворению их здесь немислима» (Калмыцкая степь..., 1868: 55). В то же время они обратили внимание на Крымский тракт, который в то время играл значительную роль в жизни Астраханской губернии, связывая губернский центр с областью Войска Донского, а также с городами Владикавказ, Черный Яр, Ставрополь. Дорога, кроме того, проходила через центральную часть Калмыцкой степи и соединяла Астраханско-Кизлярский и Царицынско-Ставропольский тракты, что было удобно в плане установления прямого сообщения различных частей калмыцких земель с губернскими и уездными городами Астраханской и Ставропольской губерний, области Войска Донского. Создание поселений на Крымском тракте, таким образом, обещало принести большую пользу.

Экспедиция обследовала, подробно описала и сняла на план Крымский тракт. Всего под поселения было избрано 34 места, из них 15 располагались непосредственно на Крымском тракте и 19 находились на его ответвлениях (Костенков, 1868: 78-79). Предполагалось заселить в первую

очередь главное направление тракта, пригласив для этих целей крестьян и калмыков, но при этом не настаивая на их совместном поселении.

Власти учли ошибки прежних лет и внесли коррективы в свою переселенческую политику. Так, количество дворов в новых поселениях было уменьшено до 10–20, но и эти цифры, в зависимости от природных условий местности, могли изменяться Главным попечителем калмыцкого народа. Для планируемых в Прикаспийской низменности 9-и населенных пунктов устанавливалось повышенное земельное обеспечение – от 40 до 60 десятин удобной земли на ревизскую душу, а в 6 поселениях на Ергенинской возвышенности – 30 десятин (РГИА. Ф. 381. Оп. 12. Д. 7148. Л. 122 об.). Важно также отметить, что переселенцам и калмыкам разрешили самим определять род хозяйственной деятельности, не принуждая их заниматься земледелием.

В течение 1863–1865 гг. на Крымском тракте было основано 6 поселков, в которых до 1868 г. поселились 119 крестьянских семей, насчитывавшие в своем составе 793 души обою пола (РГИА. Ф. 381. Оп. 13. Д. 7821. Л. 36). Все они возникли на Ергенинской возвышенности, где природные условия были более благоприятными для проживания человека. В низменную часть степи из-за тяжелых природных условий привлечь никого не удалось, поэтому поселения там так и не возникли.

Неудачи в деле заселения дорог на калмыцких землях заставили правительство пересмотреть свою переселенческую политику и отказаться от организации переселений на калмыцкие земли. Высшее руководство страны не хотело более расходовать средства на создание поселенческой сети в регионе, где для нее не было подходящих природных условий для развития, тем более что все-таки удалось решить вопрос заселения стратегически важного для страны Царицынско-Ставропольского тракта – кратчайшего пути на Северный Кавказ.

Отказ от переселений в Калмыкию также был продиктован опасениями за будущее скотоводства калмыков, которое в те годы демонстрировало отрицательную динамику. Снижение численности скота у калмыков власти связывали главным образом с передачей части земли переселенцам.

23-го февраля 1876 года вышел правительственный указ, отменивший прежнюю систему заселения Крымского тракта поселками. Он фактически подвел черту под проводившейся на протяжении почти тридцати лет правительственной политики организации переселений в Калмыкию государственных крестьян.

5. Заключение

Переселенческая политика российского государства в Астраханской губернии в имперский период была направлена не только на удовлетворение земельных нужд сельского населения центральных губерний и заселение свободных земель с целью их развития, но и на решение конкретных задач регионального значения. Во второй половине XVIII – 1870-е гг. одной из таких задач являлось создание стационарных поселений вдоль дорог, проходивших по землям ведущих кочевой образ жизни калмыков. Власти обратили на них особое внимание в связи с началом строительства Кавказской укрепленной линии, когда актуализировалась задача обеспечения кратчайшего и надежного сообщения Центра с Северным Кавказом. Во второй половине XVIII в. высшее руководство и местная администрация прилагали большие усилия для заселения стратегически важных для государства Царицынско-Ставропольского и Астраханско-Кизлярского трактов, но они главным образом по причине тяжелейших природных условий не увенчались успехом.

Наибольших достижений удалось добиться в результате реализации проекта заселения дорог на калмыцких землях в 1847–1876 гг., когда были заселены полностью Царицынско-Ставропольский тракт и отдельные части других дорог. Вместе с тем результаты оказались ниже ожидаемых: поселений было образовано меньше, чем было запланировано, часть из них прекратила свое существование или была перенесена в другие места, а некоторым населенным пунктам пришлось вести с природой многолетнюю борьбу за выживание.

Перед началом заселения Крымского тракта в начале 1860-х власти провели научное его обследование и внесли серьезные коррективы в свою переселенческую политику, однако они не помогли переломить ситуацию, и большая часть Крымского тракта осталась незаселенной. В 1876 г. власти, осознав свое бессилие в борьбе с природой, отказались от идеи заселения дорог и вообще от организации каких-либо переселенческих мероприятий на калмыцких землях.

6. Благодарности

Исследование проведено при поддержке государственной субсидии – проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (AAAA – А – 19 – 119011490038 – 5).

Литература

Белоусов, 2004 – Белоусов С.С. Разработка государственной программы заселения территорий вдоль дорог на калмыцких землях Астраханской и Ставропольской губерний в первой половине XIX в. // Россия сельская XIX – начало XX веков. М., 2004. С. 68-82.

Белоусов, 2018 – Белоусов С.С. Самовольные поселения на калмыцких землях Астраханской и Ставропольской губерний: переселенцы и губернские власти (XIX – начало XX веков) // *Новый исторический вестник*. 2018. № 1 (55). С. 6-20.

Борисенко, 1991 – Борисенко И.В. Очерки исторической географии Калмыкии. Дookтябрьский период. Элиста, 1991. 228 с.

Борисенко, 1989 – Борисенко И.В. Русско-украинская переселенческая деревня Калмыцкой степи: Пути возникновения и развития (середина XIX в. – 1917 г.) // Социально-экономическое и политическое положение крестьянства Калмыкии в дореволюционный период. Элиста, 1989. С. 63-89.

Васькин, 1973 – Васькин Н.М. Заселение Астраханского края. Волгоград, 1973. 47 с.

Государственный архив Астраханской области – Государственный архив Астраханской области.

История Калмыкии..., 2009 – История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: В трех томах. Элиста, 2009. Т. I. С. 503-514, 541-559.

Калмыцкая степь..., 1868 – Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Кумо-Маньчской экспедиции. СПб., 1868. 162 с.

Карагодин, 1980 – Карагодин А.И. Крестьянское освоение Астраханского края в первой половине XIX в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1980. № 9. С. 135-166.

Костенков, 1868 – Костенков К.И. Статистико-хозяйственное описание Калмыцкой степи Астраханской губернии. СПб., 1868. 174 с.

НА РК – Национальный архив Республики Калмыкия.

Пальмов, 1925, 1926 – Пальмов Н.Н. Обоседление калмыков и русская иммиграция в Калмыцкую степь // *Калмыцкая область*. 1925. № 2. С. 125-145; 1925. № 3. С. 70-108; 1926. № 1 (4). С. I-XXXVIII.

ПСЗ РИ – Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ).

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Симченко, 1967 – Симченко Ю.Б. Крестьянская колонизация Калмыкии и отношение к ней царского правительства // Очерки истории Калмыцкой АССР. Дookтябрьский период. М., 1967. С. 292-299.

Яндыковская волость, 1912 – Яндыковская волость // Астраханский листок. 1912. 8 июля.

Badmaeva, 2016 – Badmaeva E.N. (2016). Peasant Settlers from Land-Scarce Regions of Russia in Kalmykia in the 19th – first half of 20th centuries. *Bylye Gody*, 2016, vol. 42, no. 4, pp. 1173–1181.

References

Andykovskaja parish, 1912 – Andykovskaja parish [Yandykovskaya volost]. *Astrakhan sheet*. 1912. July 8. [in Russian]

Badmaeva, 2016 – Badmaeva E.N. (2016). Peasant Settlers from Land-Scarce Regions of Russia in Kalmykia in the 19th – first half of 20th centuries. *Bylye Gody*, 2016, vol. 42, no. 4, pp. 1173–1181.

Belousov, 2004 – Belousov S. S. (2004). Razrabotka gosudarstvennoi programmy zaseleniya territorii vdol' dorog na kalmytskikh zemlyakh Astrakhanskoi i Stavropol'skoi gubernii v pervoi polovine XIX v. [The development of a state programme of settlement land along roads in the Kalmyk land Astrakhan and Stavropol provinces in the first half of the nineteenth century]. *Rossiia sel'skaya XIX – nachalo XX veka*. M., pp. 68-82. [in Russian]

Belousov, 2018 – Belousov S.S. (2018). Samovol'nye poseleniya na kalmytskikh zemlyakh Astrakhansko ii Stavropol'skoi gubernii: pereselentsy i gubernskie vlasti (XIX – nachalo XX vekov) [Unauthorized settlements on the Kalmyk lands of Astrakhan and Stavropol provinces: immigrants and provincial authorities (XIX – early XX centuries)]. *Novyi istoricheskii vestnik*. no. 1 (55), pp. 6-20. [in Russian]

Borisenko, 1989 – Borisenko I.V. (1989). Russko-ukrainskaya pereselencheskaya derevnya Kalmytskoy stepi: Puti vzniknoveniya i razvitiya (seredina XIX v. – 1917 g.) [The Russian-Ukrainian resettlement village of the Kalmyk steppe: Ways of the emergence and development (mid-19th century–1917)]. *Sotsialno-ekonomicheskoe i politicheskoe polozhenie krestyanstva Kalmykii v dorevoljutsionnyy period*. Elista, pp. 63-89. [in Russian]

Borisenko, 1991 – Borisenko I. V. (1991). Oчерки istoricheskoi geografii Kalmykii. Dooktyabr'skii period [Essays on the historical geography of Kalmykia. Dooktyabr'skij period]. Elista, 228 p. [in Russian]

GA AO – Gosudarstvennyi arkhiv Astrakhanskoi oblasti [The State archive of the Astrakhan region]. [in Russian]

[Istoriya Kalmykii..., 2009](#) – Istoriya Kalmykii s drevneishikh vremen do nashikh dnei: v trekh tomakh [History of Kalmykia since ancient times to our days: in three volumes]. Elista, vol. I, pp. 503-514, 541-559. [in Russian]

[Kalmytskaya step'..., 1868](#) – Kalmytskaya step' Astrakhanskoi gubernii po issledovaniyam Kumo-Manychskoi ekspeditsii [Kalmyk steppe of Astrakhan province research of the Kuma-Manych expedition]. SPb., 1868. 162 p. [In Russian]

[Karagodin, 1980](#) – *Karagodin A.I.* (1980). Krest'yanskoe osvoenie Astrakhanskogo kraya v pervoi polovine XIX v. [Peasant mastery of the Astrakhan province in the first half of the nineteenth century]. *Materialy po istorii sel'skogo khozyaistva i krest'yanstva SSSR*. M., no. 9. pp. 135-166. [in Russian]

[Kostenkov, 1868](#) – *Kostenkov K.I.* (1868). Statistiko-khozyaistvennoe opisanie Kalmytskoi stepi Astrakhanskoi gubernii [Statistical and economic description of the Kalmyk steppe of the Astrakhan province]. SPb., 174 p. [in Russian]

[NA RK](#) – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Kalmykiya [National archive of the Republic of Kalmykia]. [in Russian]

[Pal'mov, 1925, 1926](#) – *Pal'mov N.N.* (1925, 1926). Obosedlenie kalmykov i russkaya immigratsiya v Kalmytskuyu step' Kalmytskaya oblast' [Obosedlenie kalmykov and russian immigration in Kalmyckuju steppe]. *Kalmytskaya oblast'*. no. 2, pp. 125-145; 1925, no. 3, pp. 70-108; 1926. no. 1 (4). pp. I-XXXVIII. [in Russian]

[PSZ RI](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (PSZ RI) [Complete collection of laws of the Russian Empire]. [in Russian]

[RGADA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian State archive of ancient documents]. [in Russian]

[RGLA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive]. [in Russian]

[Simchenko, 1967](#) – *Simchenko Yu.B.* (1967). Krest'yanskaya kolonizatsiya Kalmykii i otnoshenie k nei tsarskogo pravitel'stva [Peasant colonization of Kalmykia and attitude of the tsarist government]. *Ocherki istorii Kalmytskoi ASSR. Dooktyabr'skii period*. M., pp. 292-299.

[Vas'kin, 1973](#) – *Vas'kin N.M.* (1973). Zaselenie Astrakhanskogo kraya. [Check in the Astrakhan region]. Volgograd, 47 p. [in Russian]

Влияние природного фактора на государственную переселенческую политику на калмыцких землях (1840–1870 гг.).

Сергей Степанович Белоусов ^{a, *}

^a Калмыцкий научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию влияния природного фактора на государственную переселенческую политику в период реализации проекта заселения дорог на калмыцких землях Астраханской губернии в 1847–1876 гг. Рассмотрены природные вызовы и ответные действия администрации в период проведения переселенческой политики, оценена степень их эффективности.

Автор отмечает, что природный фактор сильно осложнял процесс освоения дорог, не позволив выполнить полностью все пункты императорского указа от 30 декабря 1846 г. «О заселении дорог на калмыцких землях Астраханской губернии». Главным успехом стало заселение имеющего стратегическое значение Царицынско-Ставропольского тракта, что объяснялось тем, что он пролегал в местности, сравнительно благоприятной в природном отношении для проживания человека; на других дорогах, где природные условия были более тяжелыми, удалось добиться лишь частичного успеха.

Чтобы добиться выполнения проекта, власти вынуждены были вносить коррективы в переселенческую политику, однако переломить ситуацию так и не смогли. В итоге государству пришлось отказаться от политики заселения дорог и в целом от организации переселений на калмыцкие земли.

Обращаясь к анализу действий высшей государственной власти, автор констатирует, что она не оказала необходимой помощи местной администрации, которой во время реализации проекта пришлось столкнуться с большими трудностями, вызванными во многом природными условиями калмыцких степей.

В заключение автор приходит к выводу о том, что во второй половине XIX в. государство оказалось не готово эффективно защищать свои интересы от вызовов, брошенных ему природой.

Ключевые слова: Астраханская губерния, калмыки, государственная переселенческая политика, тракты, природный фактор.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sbelousovelista@mail.ru (С.С. Белоусов)

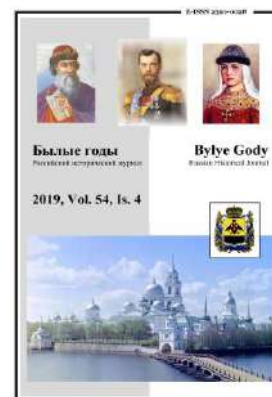
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1584-1593. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1584
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

All-Russian Exhibition Horses in the Russian Empire (the second half of XIX – early XX centuries)

Darya A. Mel'nikova ^{a, *}

^a Pushkin Leningrad State University, Russian Federation

Abstract

On the basis of archival, reference, journalistic sources, the author analyzes the formation of the exhibition horse show in the Russian Empire. The first horse exhibitions were held in the structure of the all-Russian agricultural shows, where the exhibits were horses of working breeds intended for use in agriculture, industry and other sectors of the economy. Exhibited as utility horses, and the producers used directly for breeding new livestock. The organizers of agricultural shows were public agronomic and economic organizations, Central authorities. Holding such events was an incentive for owners and breeders to breed and maintain high-quality horse stock. As an encouragement owner of the best horses received awards, medals, award sheets which confirmed their high thoroughbred qualities.

All-Russian mono-exhibitions, where only horses were exhibited, became a new stage in the development of both the exhibition business of Russia and the horse-breeding industry as a whole. The advantage of mono-shows was the participation of horses not only working breeds, but also others, which attracted more visitors from different regions of Russia. The main organizer was the Main Department of the state horse breeding, interested in carrying out these activities in order not only to encourage horse owners and breeders, but also to see the level of the industry as a whole. With the development of horse breeding at the turn of XIX–XX centuries it became necessary to hold the event not just to assess and confirm the quality of horse breeds, but also with the possibility of selling horses to individuals. This was made possible through exhibitions, sales and exhibitions, auctions.

In general, with the development of all forms of horse exhibitions, a system of horse shows of the Russian Empire was created, stimulating horse breeding and reflecting the state of the industry for event organizers, primarily for the Central authorities.

Keywords: horse breeding, all-Russian exhibition of horses, Main Department of the state horse breeding, horses, agriculture, auction exhibitions of horses.

1. Введение

Вторая половина XIX – начало XX вв. характеризуется как период интенсивного выставочного движения, которое затронуло многие сферы общественной и хозяйственной жизни населения России. Необходимость изучения истории организации всероссийских конных выставок обусловлена важностью данного вопроса для экономики Российской империи в пореформенный период. До настоящего времени в отечественной исторической науке практически отсутствует исследование, посвященное учреждению, организации и итогам всероссийских показов лошадей.

Важность исследования данного вопроса также диктуется современным состоянием коневодства России, которое является необходимой отраслью животноводства, так как применение лошадей остается актуальным в частных фермерских хозяйствах, конном спорте и туризме. Таким

* Corresponding author

E-mail addresses: melnikova.da.a@gmail.com (D.A. Mel'nikova)

образом, рассмотрение опыта организации всероссийских конных показов имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

2. Материалы и методы

В ходе исследования были изучены и использованы архивные документы Российского государственного исторического архива, содержащие сведения по устройству и статистике Всероссийских конных выставок. Кроме того, были привлечены справочные источники (брошюры, программы, обзоры, указатели), преимущество которых заключается в публикации правил, расписаний выставок, списков экспонентов и экспонатов, выставленных для показа, а также получивших поощрение со стороны экспертов; публицистические сочинения по различным вопросам истории коневодческой отрасли дореволюционной России¹; опубликованные законодательные материалы; современные научные публикации по некоторым вопросам коневодства.

С целью воссоздания фактологической картины в рамках изучаемого вопроса в работе был использован метод исторической реконструкции. Историко-системный метод позволил изучить проведение всероссийских конных выставок как систему, направленную на улучшение коневодческой отрасли Российской империи. Историко-сравнительный метод использовался при сравнении типов выставок (конных отделов сельскохозяйственных выставок и монопоказов). Также применялся статистический метод для обобщения и систематизации цифрового материала.

3. Обсуждение

В отечественной историографии вопросы конских показов затрагивались в дореволюционных работах: Д.Н. Дубенского ([Дубенский, 1903](#)), П.Н. Лодыгина ([Лодыгин, 1908](#)), обзорах по истории коннозаводства и коневодства России до 1917 г. и Министерства государственных имуществ ([Обзор деятельности, 1900](#); [Обзор управления, 1880](#)). В данных работах рассматривалась история специальных (монопородных) региональных выставок лошадей при Управлении государственного коннозаводства. Некоторые вопросы организации Всероссийских конных выставок во второй половине XIX в. были рассмотрены в сборнике статей В.И. Коптева: основные итоги показов 1866, 1869 гг., отзывы иностранцев, присутствующих на данных мероприятиях ([Коптев, 1887](#)).

Дореволюционные исследователи не особо интересовались историей всероссийских выставок как объектом изучения. Возможно, потому, что выставочные показы стали организовываться во второй половине XIX – начале XX вв., и до 1917 г. не сложилось полного представления о данном явлении, для того чтобы изучить всероссийские выставки как целостную систему. Опубликованные работы того времени представляют для нас, скорее, источниковедческий интерес, чем историографический, так как касаются вопросов организации, статистики, а часто носят характер справочных изданий и путеводителей.

В советской историографии изучение выставок лошадей не получило широкого распространения. Так, в исследовании Е.В. Кожевникова и Д.Я. Гуревича несколько слов было сказано о местных и всероссийских конных выставках Российской империи как системе ([Кожевников, Гуревич, 1990: 61](#)).

Среди современных трудов выделяется публикация Е.Н. Самойловой, в которой также проанализирована система специальных (монопородных) конных выставок Главного управления государственного коннозаводства (ГУГК) и в качестве примера приводится организация такого рода выставок лошадей в Курской губернии ([Самойлова, 2011: 114-118](#)). В статье В.В. Бойко были рассмотрены выставки, организуемые в Таврической губернии ([Бойко, 2013: 110-114](#)).

Проанализировав историографию изучаемого вопроса, можно сделать вывод о том, что внимание отечественных авторов в первую очередь было привлечено к истории организации региональных выставок лошадей. Актуальным остается изучение вопроса о проведении Всероссийских конных выставок во второй половине XIX – начале XX вв. Цель данной работы – изучить поэтапно организацию основных конных выставок на всероссийском уровне, проводимых в Российской империи с середины XIX до начала XX вв.; рассмотреть вопросы, ранее не исследуемые в отечественной исторической науке: проведение выставок лошадей в рамках сельскохозяйственных всероссийских выставок и конных показов под покровительством ГУГК, учреждение и особенности аукционных выставок лошадей, а также выставок продажных лошадей.

4. Результаты

К середине XIX в. коневодство Российской империи находилось в ведении Управления государственного коннозаводства, образованного в 1843 г.² Приоритетным направлением работы

¹ В данном исследовании в качестве синонима термина «коневодство» используется формулировка «коневодческая отрасль».

² С 1843 по 1882 гг. Главное управление государственного коннозаводства именовалось как Управление государственного коннозаводства.

ведомства было проведение мероприятий по улучшению частного коннозаводства и коневодства¹ (Мельникова, 2017: 172). С 1860-х гг. до начала XX в. Управлением, а также другими центральными органами и общественными организациями проводились выставки лошадей различных пород с целью поощрения коннозаводчиков и владельцев лошадей.

Первым ведомством, проводившим сельскохозяйственные показы, стало Министерство государственных имуществ (МГИ), которое утвердило в 1840-х гг. правила организации выставок «произведений земли, скота и произведений сельских ремесел» (ПСЗ, 1843). В качестве эксперимента был выбран Новороссийский край как область с высоким уровнем развития животноводства. С 1843 г. было запланировано проведение выставок скота ежегодно в одной из губерний края. В 1843 г. показ был организован в Одессе (Обозрение, 1888: 194). В дальнейшем география выставок была расширена.

В 1849 г. территория Европейской России была разделена на 7 округов с целью дать возможность всем владельцам сельскохозяйственных животных «пользоваться выгодами» таких мероприятий (Обозрение, 1888: 194).

«Необходимо заметить, что, наряду с губернскими выставками министерства государственных имуществ, дозволялось устройство сельскохозяйственных выставок экономическим обществам» (Обозрение, 1888: 196). В 1846 и 1852 гг. Императорским Московским обществом сельского хозяйства (ИМОСХ) были устроены выставки в Москве и в 1850 г. Вольным экономическим обществом (ВЭО) в Санкт-Петербурге (Обозрение, 1888: 196).

После реформы 1861 г. число агрономических выставок стало быстро возрастать, чему способствовала деятельность общественных организаций и земств (Обозрение, 1888: 196). В свою очередь со стороны МГИ выделялись средства на организацию данных мероприятий и выдачу премий, медалей лучшим экспонатам.

Рассмотрим организацию конного отдела при Всероссийской сельскохозяйственной выставке 1887 г. в Харькове, инициатором которой выступил директор Департамента земледелия и сельской промышленности Д.П. Малютин, а организатором – Харьковское общество сельского хозяйства (Описание выставки в г. Харькове, 1890: 1). МГИ выделило дополнительные пособия для показа, а ГУТК прислало для выставки лошадей из государственных заводов (Описание выставки в г. Харькове, 1890: 1, 8).

Также ГУТК выделило 57 серебряных и бронзовых медалей, 50 похвальных листов (Описание выставки в г. Харькове, 1890: 10). Кроме того, медали и премии учредили ВЭО (1 серебряная медаль), ИМОСХ (1 золотая медаль), Московское скаковое общество (5 премий) (Описание выставки в г. Харькове, 1890: 10). Всего в конном отделе было роздано 3 золотых медали, 21 серебряная медаль, 23 бронзовых медали и 26 похвальных листов (Описание выставки в г. Харькове, 1890: 24).

В Харькове конный отдел включал верховых, упряжных и рабочих лошадей. Чистокровные арабские, английские, полукровные верховые и табунные распределялись в первый отдел, а рысистые и полукровные упряжные – во второй. Отдел рабочих лошадей состоял из тяжеловозов и легких рабочих пород. Разнообразие пород объяснялось тем, что в сельском хозяйстве было невозможно применение только одной породы: для каждого типа работы были необходимы лошади, качества и физические способности которых соответствовали условиям эксплуатации.

Для участия в конкурсе выставки принимались только лошади, рожденные в Российской империи. Поощрению подлежали те представители конского поголовья, которые были пригодны к работе. Лошадей рысистой, английской пород было признано оценивать по качествам производителей, так как их использовали для облагораживания рабочих пород.

Всего на выставку было представлено 235 лошадей. В процессе подготовки состав конного отдела был скорректирован. Из списка был исключен арабский чистокровный подотдел, так как желающих выставить лошадей этой породы не оказалось.

Значительное число лошадей было распродано в период выставки: в один из дней был организован аукцион, на котором продали 16 лошадей (Описание выставки в г. Харькове, 1890: 14). Таким образом, сельскохозяйственные выставки становились не только местом показа и оценки рабочих животных с разных уголков Российской империи, но и давали возможность посетителям приобрести для своего хозяйства или для конного завода с целью разведения понравившихся лошадей.

Сельскохозяйственные выставки в других городах Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. проходили по аналогичной схеме: учредителями выступали центральные органы совместно с общественными агрономическими, экономическими и животноводческими организациями; лошади распределялись по отделам; выделялись различные формы поощрения владельцев. Если для коннозаводчиков подобные показы являлись способом получить оценку своих производителей и их потомства со стороны лиц, сведущих в отрасли коневодства, а также

¹ Коневодство – отрасль животноводства, занимающаяся разведением и использованием лошадей в различных сферах; коннозаводство – направление коневодства, занимающееся разведением непосредственно породистых лошадей.

предоставить для продажи «конный материал», то для владельцев пользовательных лошадей выставки являлись стимулом к лучшему уходу, содержанию и правильному использованию их в работе¹.

Во второй половине XIX в. возникла необходимость в проведении конных выставок, на которых лошади только бы оценивались. В 1860 г. Управлением государственного коннозаводства были утверждены первые выставочные правила для верховых и рабочих лошадей, в соответствии с которыми к показу допускались верховые лошади лиц всех сословий и рабочие лошади, принадлежащие только крестьянам (РГИА. Ф. 412. Оп. 10. Д. 112. Л. 3). Также с 1888 по 1895 гг. на Кавказе организовывались выставки верховых жеребят-годовиков. Для лошадей киргизской и калмыцкой пород с 1885 г. проходили особые выставки в пяти пунктах Оренбургской, Тургайской и Уральской областей (Дубенский, 1903: XL). Целью таких выставок было «оказание возможного содействия коневодству кочевников юго-восточной окраины Империи и направлению деятельности коневодов на производство лошадей, качество которых по возможности соответствовало бы нуждам Государства» (Дубенский, 1903: XL).

Кроме специальных выставок, в России с 1860-х гг. проводились общие конные выставки, которые позволяли показать лошадей из разных регионов, так как такая форма конных показов в большей степени могла привлечь экспертов конной отрасли, любителей лошадей, коннозаводчиков, сконцентрировав их на одном мероприятии. Кроме того, конные выставки вне сельскохозяйственных показов давали возможность привести лошадей не только рабочих пород, что привлекало еще больше посетителей.

В сентябре 1866 г. в Москве состоялась первая Всероссийская выставка лошадей. «Главное Управление государственного коннозаводства, установив общие всероссийские выставки, имело целью, поощряя труды заводчиков, иметь возможность следить за ходом, развитием и улучшением отечественного коннозаводства, глядяваясь при этом в недостатки, нужды и потребности каждого отдела этой важной для России промышленности, приобретающей ежегодно более значения в экономических условиях края» (РГИА. Ф. 412. Оп. 4. Д. 421. Л. 1).

Изначально выставку планировалось организовать в здании Московского экзерциргауза, но выбор организаторов остановился на помещении при доме коннозаводского ведомства в Москве (Первая выставка лошадей, 1866: 5-6). Условия для приема устанавливались отдельно для каждой породы лошадей. Главным критерием был рост. Так, чистокровных лошадей принимали, только если их рост составлял от 2 до 5 вершков, рысаков и верховых – от 3 до 5 вершков, а тяжеловозных лошадей от 3 и выше вершков (Первая выставка лошадей, 1866: 3). Возраст лошадей всех типов и пород устанавливался от 4 до 8 лет. Обязательным условием было рождение лошади только в России. Прием начинался 1 сентября специально созданным Комитетом под председательством П.К. Мердера и продолжался до 7 сентября (Коптев, 1887: 444). «Немногие из гг. коннозаводчиков имели возможность, по отдаленности заводов своих от Москвы и по недостатку благонадежной прислуги, прислать своих заводских жеребцов» (Коптев, 1887: 455). Те иногородние коннозаводчики, которые приняли решение все же отправить своих производителей в качестве экспонентов, имели возможность получить льготу для провоза лошадей по железным дорогам России. Для этого было необходимо получить свидетельство ГУТК, в котором указывались данные о владельце, количество провозимых голов с обязательной отметкой числа жеребцов, кобыл и жеребят (Мельникова, 2018: 27). Помимо самого ведомства, документ мог быть выдан в любом государственном коннозаводском учреждении.

Для удобства проведения экспертизы всех лошадей было решено разделить на следующие отделы: чистокровный, верховой, рысистый, упряжный, тяжеловозный и рабочий. Всего было представлено 124 лошади (РГИА. Ф. 412. Оп. 4. Д. 634. Л. 9), из них 97 жеребцов и 27 кобыл (Список лошадей..., 1866: 12).

В каждом отделе были назначены премии, присуждение которых определялось Комиссией из представителей Совета ГУТК, экспертов и членов ученых обществ под руководством Главноуправляющего государственным коннозаводством Р.Е. Гринвальда (Список лошадей..., 1866: 1). Порядок осмотра лошадей на выставке был следующим: их выводили по 5 голов за 1 один раз, что составляло выводок (РГИА. Ф. 412. Оп. 4. Д. 634. Л. 11). На подготовленных списках члены комиссии делали пометки, каждый из них назначал премию по своему усмотрению. После этого производился сбор списков и подводились итоги по каждому выводку. Премии для лошадей составляли от 100 до 2500 руб.

В каждом отделе были определены первая и вторая категория лошадей для жеребцов и кобыл. Премии для жеребцов назначались выше, так как их породистые качества ценились в большей

¹ Лошади, выставляемые на выставках, как правило, разделялись на две категории: племенные и пользовательные. Племенные лошади (производители) использовались для разведения породистых лошадей на частных и государственных заводах; пользовательные лошади были задействованы непосредственно в работе (сельское хозяйство, промышленность и различные другие сферы, где было необходимо применение тягловой силы). При наличии определенных выраженных рабочих качеств и особенностей экстерьера пользовательная лошадь также могла быть производителем.

степени и могли быть более полезными, чем у породистой кобылы. Высоко оценивались лошади чистокровного отдела, а экспонаты рабочих пород менее всего, что объяснялось разностью в стоимости представителей тех или иных пород, а также общим количеством лошадей данных типов. Чистокровные лошади, как правило, принадлежали государственным заводам либо частным коннозаводчикам, которые могли себе позволить иметь представителя чистой крови. Таким образом, лошади чистокровного отдела были наиболее ценными экспонатами на подобных выставках.

На основании «Всепогоднейшего доклада... от 23 марта 1868 г.» Московская всероссийская конная выставка должна была повторяться каждые 3 года (РГИА. Ф. 412. Оп. 4. Д. 1130. Л. 1). После первой выставки следующая состоялась в 1869 г. Правила второго всероссийского показа основывались на предыдущих, но с некоторыми отличиями, первым из которых было сокращение отделов до 4-х: верхового (чистокровный), упряжного (рысистый), рабочего и особого отдела местных пород лошадей (карабахские, битюгские, донские, клеппера, финские, жемудские, башкирские, вятские, обвинки и казанские) (РГИА. Ф. 412. Оп. 4. Д. 634. Л. 9 об.). Несмотря на сокращение, приведенных лошадей было больше, чем в первой – 230 голов (РГИА. Ф. 412. Оп. 4. Д. 634. Л. 9). Второй особенностью было увеличение количества премий для жеребцов с 2-х до 3-х.

Третья выставка проводилась в 1872 г. Распределение лошадей, как и в предыдущей, было усовершенствовано. С этой целью было создано три отдела, в каждом из которых были подотделы: верховой (чистокровные, крупные экипажные и легкие верховые), упряжный (рысистые, крупные экипажные и легкие упряжные), рабочие (тяжеловозы) (РГИА. Ф. 412. Оп. 4. Д. 634. Л. 9 об.). Общее количество выставленных лошадей составило – 225 голов (РГИА. Ф. 412. Оп. 4. Д. 634. Л. 9).

Выставка 1875 г. прошла по установленному порядку, а в 1878 г. устройство выставки был решено отложить из-за нехватки средств до 1880 г., но провести ее смогли только в 1882 г. в Москве. На выставку было представлено 304 лошади от 115 экспонентов. Премии получили 233 лошади (Обзор деятельности, 1900: 57).

Отдельно надо отметить Всероссийскую выставку 1891 г., организованную Императорским Санкт-Петербургским обществом рысистого бега специально в честь десятилетнего управления государственным коннозаводством И.И. Воронцова-Дашкова (Отчет о выставке в 1891 г., 1891: 3). Местом проведения выставки был выбран Михайловский манеж Инженерного замка. Для данного показа было создано новое Положение, в соответствии с которым не был ограничен возраст лошадей (Отчет о выставке в 1891 г., 1891: 4). Структура выставки включала следующие отделы: верховой (чистокровные английские, арабские, полукровные, степные), рысистые и рабочие (крупные вольные, мелкие и упряжные) (Лодыгин, 1908: 88-89). От 123 экспонентов было представлено 332 лошади, из которых премировали 159 (Лодыгин, 1908: 88-89).

Следующая выставка 1898 г. также проводилась в Санкт-Петербурге. На эту выставку 192 экспонентами было представлено 448 лошадей, что значительно больше, чем в предыдущие годы. Отделы выставки были увеличены. Верховой включал в себя арабских, чистокровных английских, кровных восточных, англо-арабских, орлово-ростопчинских, полукровных, ремонтных, горных и степных лошадей. Вторым был представлен рысистый отдел без подотделов, а затем – отделы рабочих, финский и дополнительный с разными породами (Лодыгин, 1908: 89-90). На выставку принимались лошади как рожденные в России, так и за ее пределами, но «на соискание наград» были допущены только лошади Российского происхождения (РГИА. Ф. 412. Оп. 4. Д. 2674. Л. 54).

Система всероссийских конных выставок оказывала положительное влияние на коневодческое хозяйство Российской империи, что подтверждают статистические данные выставок, так как с каждым годом количество приведенных лошадей росло и данное мероприятие охватывало различные регионы.

В 1888–1891 гг. в Москве состоялись выставки продажных лошадей с «целью облегчить коннозаводчикам и владельцам сбыт лошадей высших пород путем сближения производителей-заводчиков с потребителями-покупателями как русскими, так и иностранными» (Обзор деятельности, 1900: 57, 58). Первая выставка открылась 1 декабря 1888 г. и продолжалась до 15 февраля 1889 г. Привод лошадей составил 208 голов от 95 экспонентов. Из этого числа 200 голов оценены в сумму 171 700 руб., но продано было только 128 лошадей за 83 635 руб. (Объявление, 1889: XXVIII). За отдельные экземпляры владельцам было выдано 192 похвальных листа и 3 больших серебряных медали (Объявление, 1889: XXVIII). По требованиям выставки лошади должны были быть здоровыми, заезженными и подкованными, а возраст – от 3-х лет (Объявление, 1889: XXVIII). Срок пребывания лошади устанавливался не более 3-х недель, если за этот срок ее не удалось продать, то владелец обязан был забрать ее обратно.

По таким же правилам в 1889 и 1890 гг. проводились вторая и третья выставка продажных лошадей в Москве. А в 1890 и 1891 гг. по примеру Московских выставок в Полтаве проводились выставки продажных лошадей, но, к сожалению, не имевшие успеха. За два года для показа-продажи было приведено только 37 голов, из которых продано 10 на общую сумму 2820 руб. (Обзор, 1900: 59).

Таким образом, было положено начало не просто показу лошадей для широкой публики, но и возможности новой формы их приобретения.

Немного позже, в 1899 г., на заседании ИМОСХ А.Г. Щербатов выступил с докладом «Современные задачи русского коневодства», в котором предложил проводить аукционные выставки лошадей в Москве (Манжин, 1899: 3). Обсудив доклад А.Г. Щербатова, члены Общества постановили: ходатайствовать перед Главным управлением государственного коннозаводства о разрешении организовать выставку на базе выставки рысистых лошадей в 1899 г.; ходатайствовать о разрешении воспользоваться зданием экзерциргауза в Москве; образовать комиссию из членов Общества «под председательством члена Совета Кулешова для выработки программы и основных положений выставки».

«Вследствие возбужденных Советом Общества ходатайств от подлежащих учреждений последовало разрешение о праве воспользоваться для выставки Общества городским манежем и всеми выставочными приспособлениями, которые будут устроены для выставки рысистых лошадей» (Манжин, 1899: 4). Таким образом, Общество было избавлено от больших расходов, так как на организацию выставки потребовалось бы не менее 5 000 руб. – на устройство стойл для 250 лошадей.

К 11 декабря 1898 г. Комиссия под председательством животновода и члена Общества – П.Н. Кулешова – подготовила проект первой аукционной выставки лошадей в России. По результатам декабрьского собрания было принято решение создать распорядительный комитет по устройству запланированной выставки. Прежде всего комитетом были приняты меры о распространении сведений о предстоящем событии посредством публикаций в газетах, журналах, путем рассылки программ выставки в земские управы, предводителям дворянства, коннозаводчикам, корреспондентам ГУТК, сельскохозяйственным обществам и обществам поощрения рысистого и скакового коннозаводства.

13 сентября 1899 г. был назначен прием лошадей (Манжин, 1899: 5). С этого дня Комитет выставки был разделен на две группы. Первой во главе с вице-президентом ИМОСХО были поручены административные обязанности. Вторая под руководством А.А. Бобринского занималась приемом лошадей. Также в помощь им были определены восемь воспитанников земледельческой школы и два студента Московского сельскохозяйственного института (Манжин, 1899: 5).

Прием лошадей производился следующим образом: приводимую лошадь ставили на площадку, определяли возраст, измеряли рост, делали ее общий осмотр. По результатам осмотра и показаниям владельца лошадь определяли в одну из групп. Первую составляли – рысаки, вторую – кровные, полукровные, шорные, арабские и орлово-ростопчинские лошади, третью – тяжеловозы и последнюю – рабоче-упряжные лошади (Манжин, 1899: 6). По условиям аукциона о каждой лошади аукционисту сообщали данные владельца, породу, пол, возраст лошади, выявленные недостатки при осмотре, «подвергалась ли лошадь испытанию», «имеет ли аттестат», «получила ли награду» (Указатель, 1902: XXXVI).

Для каждой группы лошадей было составлено 4 экспертных комиссии. Позже один из членов распорядительного комитета отмечал: «Важным недостатком вновь созданной группировки выставочного материала является отсутствие деления лошадей на две главные группы: заводскую и пользовательную» (Манжин, 1899: 6). Отсутствие данных, подтверждающих статус лошади как производителя, вызывало недоверие со стороны покупателя, а также комиссии, которая была вынуждена затрачивать время на подтверждение породы лошади. Экспертиза пользовательских лошадей также была затруднительна. Самым существенным недостатком было отсутствие испытаний, что должно было стать главным подтверждением рабочих способностей. Кроме того, лошади не проходили полноценного ветеринарного осмотра, на выставке не было помещений, где могли бы быть размещены на карантин больные лошади.

Итак, лошади первой аукционной выставки были разделены на 4 группы. Процесс торгов на аукционе начинался с цены, предложенной первым из покупателей. Со стоимости каждой проданной лошади в пользу выставки взималось «по 2 % с покупателя и продавца» (Указатель, 1900: XXVII). Если владелец лошади оставлял ее себе, то уплачивалось 4 %. Всего на первой аукционной выставке было выставлено 272 лошади (Извлечение, 1900: 1). Из них вне конкурса – 8 лошадей, 1 пони и 3 мула. Было продано 116 лошадей на общую сумму 56 166 руб. (Извлечение, 1900: 1). Также данное мероприятие носило поощрительный характер. Лучшие лошади каждого отдела были удостоены золотых, серебряных и бронзовых медалей, похвальных отзывов и дипломов.

В последующие годы аукционные выставки проводились ежегодно (1900, 1901, 1902, 1903 гг.). В целом процедура приема, экспертизы и продажи на аукционах лошадей была одинаковой.

5. Заключение

Итак, рассмотрев систему всероссийских конных выставок в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв., мы можем сделать вывод, что данные мероприятия проводились с целью поощрения коннозаводчиков, владельцев лошадей правильно заботиться, содержать и разводить конское поголовье. Кроме того, проведение выставок на всероссийском уровне давало возможность центральным органам власти получить сведения об уровне развития коневодства в целом и его отдельных отраслей.

Новым для исторической науки стало исследование особенностей организации конных отделов на всероссийских сельскохозяйственных выставках, организаторами которых выступали центральные органы власти и общественные агрономические и экономические организации. Конные отделы сельскохозяйственных выставок в первую очередь представляли лошадей рабочих пород, применяемых как в сельском хозяйстве, так и в других отраслях, где было необходимо использование тягловой силы. В качестве экспонентов представлялись производители – лошади частных и государственных конных заводов, используемые для выведения и разведения нового поголовья; пользовательные лошади, в первую очередь эксплуатируемые в работе.

С 1866 г. в России стали проводиться моновыставки, на которых экспонентами выступали только лошади. Организатором конных выставок являлось ГУГК как центральное ведомство, занимающееся вопросами коневодческой отрасли в Российской империи. На моновыставках лошади распределялись по типам и породам, что позволяло правильно оценить и сравнить их качества, сделать выводы о состоянии отдельных направлений коннозаводства. Чтобы поощрить коннозаводчиков, ГУГК совместно с другими центральными ведомствами и общественными организациями выделяло премии, назначало медали, похвальные листы для владельцев, чьи лошади по результатам экспертизы подтверждали породистые качества в рамках каждого отдела.

Кроме выставок-показов, в России проводились выставки продажных лошадей и выставки-аукционы в Москве и Санкт-Петербурге, что позволяло продать или купить лошадь разных пород и соответственно для различных целей. Но, как и на показах, организаторы выставок-продаж выбирали лучших лошадей, проводили экспертизу.

Таким образом, анализ конных выставок в Российской империи показал, что данные мероприятия проводились в первую очередь с целью стимулирования коннозаводчиков выводить лошадей, сохраняя и улучшая их породистые качества, а также владельцев лошадей для создания правильных условий содержания и использования в работе, что в целом должно было положительно отразиться на коневодческом хозяйстве Российской империи.

Литература

Бойко, 2013 – Бойко В.В. Развитие коневодства и коннозаводства в Таврической губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология.* 2013. № 22 (165). С. 110-114.

Дубенский, 1903 – Дубенский Д.Н. Коневые средства Европейской России: (Обследование современного состояния коннозаводства и коневодства Европейской России с историческим очерком). СПб.: Под ред. Ген. Штаба ген.-м. Маркова, 1903. [6], LXIV, 420 с.

Извлечение, 1900 – Извлечение из отчета о 1-й Всероссийской аукционной выставке лошадей // Указатель 2-й Всероссийской аукционной выставки лошадей 1900 г. М.[б.и.], 1900.[2], XXX, 63 с.

Кожевников, Гуревич, 1990 – Кожевников Е.В., Гуревич Д.Я. Отечественное коневодство: история, современность, проблемы. М., 1990. 221 с.

Коптев, 1887 – Коптев В.И. Материалы для истории русского коннозаводства: Статьи Василия Ивановича Коптева. 1847–1887 гг. М.: Типо-лит. В.В. Чичерина, 1887. XIV, [2], XVI, 941 с.

Лодыгин, 1908 – Лодыгин П.Н. Очерк деятельности Главного Управления государственного коннозаводства за последние 25 лет (1881–1906 гг.). СПб.: Тип. Ю.Я. Римана, 1908. [4], 107 с.

Манжин, 1899 – Манжин В.А. Отчет по первой Всероссийской аукционной выставке продажных лошадей 14–19 сентября 1899 г. в Москве, устроенной Императорским Московским Обществом сельского хозяйства. М.: [б.и.], 1899. 34 с.

Мельникова, 2017 – Мельникова Д.А. Органы государственного коннозаводства во второй половине XIX – начале XX вв. // XXI Царскосельские чтения: Материалы международной научной конференции. 2017. С. 171-175.

Мельникова, 2018 – Мельникова Д.А. Перевозка лошадей по железным дорогам Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. // Столица и провинция: взаимоотношения центра и регионов в истории России. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. СПб., 2018. С. 26-30.

Обзор деятельности, 1900 – Обзор деятельности Главного Управления государственного коннозаводства за время царствования императора Александра III (1881–1894 гг.). СПб.: [б.и.], 1900. [4], 72 с.

Обзор управления, 1880 – Обзор управления государственными имуществами за последние 25 лет, с 19 февраля 1855 года по 19 февраля 1880 года, представленный Государю Императору Управляющим Министерством государственных имуществ. СПб., 1880. [2], XII, 388, 41 с.

Обозрение, 1888 – Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. 1837–1887: Ч. 4. Сельское хозяйство. Коннозаводство. СПб.: Паровая скоропечатня Яблонский и Перотт, 1888. 465 с.

Объявление, 1889 – Объявление от Главного Управления государственного коннозаводства // Журнал коннозаводства. 1889. № 7. С. XXVIII-XXIX.

Описание выставки в г. Харькове, 1890 – Описание Всероссийской сельскохозяйственной выставки в г. Харькове 1887 года: [Общ. Свед. о выст. и отчеты по отд.]. Харьков: Харьк. О-во сел. хоз-ва, 1890. 1050 с.

Отчет о выставке в 1891 г., 1891 – Отчет о Всероссийской конской выставке в 1891 г. в Санкт-Петербурге. СПб. [б. и.], 1891. 60 с.

Первая выставка лошадей, 1866 – Первая Всероссийская выставка лошадей, бывшая в Москве в сентябре 1866 г. М. [б.и.], 1866. [2], 25 с.

ПСЗ, 1843 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание – 2. 1842. № 16307. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1843.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Самойлова, 2011 – *Самойлова Е.Н.* Конские выставки в конце XIX – начале XX вв. (на примере Курской губернии) // Белгородский диалог – 2011. Проблемы Российской и всеобщей истории. Сборник избранных научных трудов Международной научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов. Белгород, 2011. С. 114-118.

Список лошадей..., 1866 – Список лошадей, представленных на Всероссийскую конскую выставку в Москве 1866 г. М. Унив. тип., 1866. 26 с.

Указатель выставки, 1900 – Указатель 2-й Всероссийской аукционной выставки лошадей 1900 г. М.: [б.и.], 1900. [2], XXX, 63 с.

Указатель выставки, 1902 – Указатель 4-й Всероссийской аукционной выставки лошадей 29 сентября – 4 окт. 1902 г. М., 1902. LII, 110 с.

References

Boiko, 2013 – *Boiko V.V.* (2013). Razvitie konevodstva i konnozavodstva v Tavricheskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [Development of horse breeding and horse breeding in the Tauride province in the second half of the XIX-early XX centuries]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya.* № 22 (165). Pp. 110-114. [in Russian]

Dubenskii, 1903 – *Dubenskii D.N.* (1903). Konevye sredstva Evropeiskoi Rossii: (Obsledovanie sovremennogo sostoyaniya konnozavodstva i konevodstva Evropeiskoi Rossii s istoricheskim ocherkom) [Equine means of European Russia: (Survey of the current state of horse breeding and horse breeding in European Russia with a historical sketch)]. SPb.: pod red. Gen. shtaba gen.-m. Markova, 1903. [6], LXIV, 420 p. [in Russian]

Izvlechenie, 1900 – *Izvlechenie iz otcheta o 1-I Vserossiiskoi auktsionnoi vystavke loshadei* [Extract from the report of the 1st all-Russian auction exhibition of horses]. *Ukazatel' 2-I Vserossiiskoi auktsionnoi vystavki loshadei 1900 g.* [Index of the 2nd all-Russian auction exhibition of horses in 1900] М.[б.и.], 1900.[2], XXX, 63 p. [in Russian]

Kozhevnikov, Gurevich, 1990 – *Kozhevnikov E.V., Gurevich D.Ya.* (1990). Otechestvennoe konevodstvo: istoriya, sovremennost', problem [Domestic horse breeding: history, modernity, problems.]. М., 221 p. [in Russian]

Koptev, 1887 – *Koptev V.I.* (1887). Materialy dlya istorii russkogo konnozavodstva: Stat'I Vasiliya Ivanovicha Kopteva. 1847-1887 gg. [Materials for the history of Russian horse breeding: Articles by Vasily Ivanovich Koptev. 1847-1887 years]. М.: Tipo-lit. V. V. Chicherina, XIV, [2], XVI, 941 p. [in Russian]

Lodygin, 1908 – *Lodygin P.N.* (1908). Ocherk deyatel'nosti Glavnogo Upravleniya gosudarstvennogo konnozavodstva za poslednie 25 let (1881-1906 gg.) [An outline of the activities of the Main Department of the state horse breeding in the last 25 years (1881-1906)]. SPb.: tip. Yu. Ya. Rimana, [4], 107 p. [in Russian]

Manzhin, 1899 – *Manzhin V.A.* (1899). Otchet po pervoi Vserossiiskoi auktsionnoi vystavke prodazhnykh loshadei 14-19 sentyabrya 1899 g. v Moskve, ustroennoi Imperatorskim Moskovskim Obshchestvom sel'skogo khozyaistva [Report on the first all-Russian auction exhibition of selling horses September 14-19, 1899 in Moscow, arranged by the Imperial Moscow Society of agriculture]. М.: [б.и.], 34 p. [in Russian]

Mel'nikova, 2017 – *Mel'nikova D.A.* (2017). Organy gosudarstvennogo konnozavodstva vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [Institutions of state horse breeding in the second half of XIX-early XX centuries.] // *XXI Tsarskosel'skie chteniya: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii.* Pp. 171-175. [in Russian]

Mel'nikova, 2018 – *Mel'nikova D.A.* (2018). Perevozka loshadei po zheleznym dorogam Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [Transportation of horses on the Railways of the Russian Empire in the second half of the XIX-early XX centuries]. *Stolitsa I provintsii: vzaimootnosheniya tsentra I regionov v istorii Rossii.* Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. SPb. Pp. 26-30. [in Russian]

Obzor deyatel'nosti, 1900 – *Obzor deyatel'nosti Glavnogo Upravleniya gosudarstvennogo konnozavodstva za vremya tsarstvovaniya imperatora Aleksandra III (1881-1894 gg.)* [Review of the Main Department of the state horse breeding during the reign of Emperor Alexander III (1881-1894.)]. SPb.: [б.и.], 1900.[4], 72 p. [in Russian]

Obzor upravleniya, 1880 – Obzor upravleniya gosudarstvennymi imushchestvami za poslednie 25 let s 19 fevralya 1855 goda 19 fevralya 1880 goda, predstavlenyi Gosudaryu Imperatoru Upravlyayushchim Ministerstvom gosudarstvennykh imushchestv [Review of the management of state property for the last 25 years from February 19, 1855 to February 19, 1880, submitted to the Emperor by the Manager of the Ministry of state property]. SPb., 1880. [2], XII, 388, 41 p. [in Russian]

Obozrenie, 1888 – Istoricheskoe obozrenie pyatidesyatiletnei deyatelnosti Ministerstva gosudarstvennykh imushchestv. 1837-1887: Ch. 4. Sel'skoe khozyaistvo. Konnozavodstvo [Historical review of fifty years of activity of the Ministry of state property. 1837-1887: Part 4. Agriculture. Horse breeding]. SPb.: Parovaya skoropechatnaya Yablonskii I Perott, 1888. 465 p. [in Russian]

Ob'yavlenie, 1889 – Ob'yavlenie ot Glavnogo Upravleniya gosudarstvennogo konnozavodstva [Announcement from the Head Office of the state horse breeding]. Zhurnal konnozavodstva 1889. № 7. Pp. XXVIII-XXIX. [in Russian]

Opisanie vystavki v g. Khar'kove, 1890 – Opisanie Vserossiiskoi sel'skokhozyaistvennoi vystavki v g. Khar'kove 1887 goda: [Obshch. Sved. O vyst. I otchety po otd.] [Description the all-Russian agricultural exhibition in Kharkov in 1887: [Common. Swed. About the venue. And otd reports]]. Khar'kov: Khar'k. o-vo sel. Khoz-va, 1890. 1050 p. [in Russian]

Otchet o vystavke v 1891 g., 1891 – Otchet o Vserossiiskoi konskoi vystavke v 1891 g. v Sankt-Peterburge [Report on the all-Russian horse exhibition in 1891 in St. Petersburg]. SPb. [b. i.], 1891. 60 p. [in Russian]

Pervaya vystavka loshadei, 1866 – Pervaya Vserossiiskaya vystavka loshadei byvshaya v Moskve v sentyabre 1866 g. [The first all-Russian exhibition of horses was held in Moscow in September 1866]. M.[b.i.], 1866. [2], 25 p. [in Russian]

PSZ, 1843 – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie – 2 [Full collection of laws of the Russian Empire. Assembly – 2.] 1842. № 16307. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi E.I.V. Kantselyarii, 1843. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv. [in Russian]

Samoilova, 2011 – *Samoilova E.N.* (2011). Konskie vystavki v kontse XIX – nachale XX vv. (na primere Kurskoi gubernii) [Horse shows in the late XIX-early XX centuries. (on the example of Kursk province)]. *Belgorodskii dialog – 2011. Problemy Rossiiskoi I Vseobshchei istorii*. Sbornik izbrannykh nauchnykh trudov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii studentov, magistrantov I aspirantov. Belgorod, pp. 114-118. [in Russian]

Spisok loshadei..., 1866 – Spisok loshadei, predstavlennykh na Vserossiiskuyu konskuyu vystavku v Moskve 1866 g. [List of horses presented at the all-Russian horse exhibition in Moscow in 1866]. M. Univ. tip., 1866. 26 p. [in Russian]

Ukazatel' loshadei, 1900 – Ukazatel' 2-I Vserossiiskoi auktsionnoi vystavki loshadei 1900 g. [Index of the 2nd all-Russian auction exhibition of horses in 1900]. M.: [b.i.], 1900.[2], XXX, 63 p. [in Russian]

Ukazatel' loshadei, 1902 – Ukazatel' 4-I Vserossiiskoi auktsionnoi vystavki loshadei 29 sentyabrya – 4 okt. 1902 g. [Index 4-th all-Russian auction horse show September 29 – Oct 4. One thousand nine hundred two]. M., 1902. LII, 110 p. [in Russian]

Всероссийские выставки лошадей в Российской империи (вторая половина XIX – начало XX вв.)

Дарья Андреевна Мельникова ^{a, *}

^a Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Российская Федерация

Аннотация. На основе архивных, справочных, публицистических источников автор анализирует становление выставочного конного показа в Российской империи. Первые конные выставки стали проводиться в структуре всероссийских сельскохозяйственных показов, где в качестве экспонатов выступали лошади рабочих пород, предназначенные для применения в сельском хозяйстве, промышленности и других отраслях экономики. Выставлялись как пользовательные лошади, так и производители, используемые непосредственно для разведения нового поголовья. Организаторами сельскохозяйственных показов выступали общественные агрономические и экономические организации, центральные органы власти. Проведение такого рода мероприятий являлось стимулом для владельцев и коннозаводчиков качественно разводить и содержать конское поголовье. В качестве поощрения владельцы лучших лошадей получали премии, медали, наградные листы, которые подтверждали высокие породистые качества их животных.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: melnikova.da.a@gmail.com (Д.А. Мельникова)

Всероссийские моновыставки, на которых выставлялись только лошади, стали новым этапом в развитии как выставочного дела России, так и коневодческой отрасли в целом. Преимуществом монопоказов было участие лошадей не только рабочих пород, но и других, что привлекало больше посетителей с разных регионов России. Главным организатором являлось Главное Управление государственного коннозаводства, заинтересованное в проведении данных мероприятий с целью не только поощрить коневладельцев и коннозаводчиков, но и увидеть уровень отрасли в целом. С развитием коневодства на рубеже XIX–XX вв. стало необходимым проведение мероприятий не просто для оценивания и подтверждения качества конских пород, но и с возможностью продажи лошадей частным лицам. Это стало возможным путем проведения выставок-продаж и выставок-аукционов.

В целом с развитием всех форм конных выставок была создана система конных показов Российской империи, стимулирующая коневодческое хозяйство и отражающая состояние отрасли для организаторов мероприятий, в первую очередь – для центральных органов.

Ключевые слова: коневодство, Всероссийская выставка лошадей, Главное управление государственного коннозаводства, лошади, сельское хозяйство, аукционные выставки лошадей.

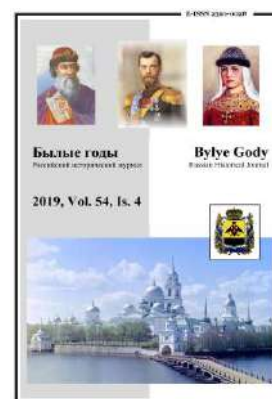
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1594-1602. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1594
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The French Colony and the Russian National Periphery in 1845 year: to the Issue of the Difference between the Principles of Imperial Governance

Dmitry V. Ovsjannikov ^{a, *}

^a St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract

The article deals with the history of the resumption of the institute of governorship in the Caucasus under the leadership of M.S. Vorontsov and how the region's governance model has changed. In addition to reviewing the history of the departments in whose hands civil administration was in the previous period, an attempt is made to pay attention to such an important element as the separation of powers between the governor and the Caucasus Committee created earlier as the supreme body of civil administration in the Caucasus. The subjective factor (the role of the viceroy's personality in his relations with the military minister) had a beneficial effect on this distinction and had a positive effect on the constructive work on the joint problem of departments, namely the foreign colonial management experience. A document issued by an official organ of the press of the French Government containing resolutions on the administration of Algeria was in the field of view of Russian officials. The obvious similarity of the situation associated with the management of territories that are in the process of military subjugation, aroused a clear interest in the Russian administration. This led to a translation of the document and a comparative review of Russian and French management methods. In particular, the hierarchy of management, administrative and territorial division, personnel, financial and judicial issues is considered in detail. Analysis of French decrees and Russian initiatives allows them to be analyzed and to identify the main principles that form the essence of the two approaches in the management of territories inhabited by aborigines/«inorodtsy» whose Muslim population continued, in the studied chronological period, to put up armed resistance.

All this is disassembled on the basis of a wide material, including unpublished archival sources.

Keywords: Russian Empire, France, Caucasus, Algeria, viceroy, governor general, colony, national periphery.

1. Введение

Вопросы управления территориями, вошедшими в состав империй путем экспансии, являются полем для исследователей-историков. Для русской исторической науки эта проблематика не перестает быть актуальной. В эпоху современности четко прослеживается тенденция к формированию крупных наднациональных политических образований. При всей умозрительности аналогий это диктует запрос на изучение имперских практик. Сравнение методов русских чинов на Кавказе с подобными действиями французов в Алжире, а также версии о заимствованиях друг у друга представляют интерес с точки зрения исторической компаративистики, а точнее в рамках известного в зарубежной историографии направления «сравнительной империологии» (comparative empire studies).

В апреле 1845 года в официальном печатном органе правительства Франции в периодическом издании «Le moniteur universel» («Универсальный вестник»), известном ранее как «Gazette nationale» («Национальная газета») за № 108 был опубликован обширный доклад королю, содержащий

* Corresponding author

E-mail addresses: d.ovsiannikov@spbu.ru (D.V. Ovsjannikov)

постановления об управлении Алжиром. Уже в мае этого же года текст был переведен на русский язык и подвергнут тщательному изучению в структурах Военного министерства и Министерства иностранных дел Российской империи. Изучение этого источника представляет интерес с точки зрения выявления общих черт в управлении, но, что более важно для нас, позволяет сделать выводы о принципиальных отличиях русского имперского подхода.

Для успешности выполнения этой задачи мы постараемся проанализировать переведенные на русский язык «постановления» и сопоставить их с положениями, регламентирующими деятельность русского наместничества на Кавказе. Это позволит высказать мнение касательно русской специфики управления национальными окраинами и причин отличия России от современной ей колониальной империи Европы в лице Франции.

2. Материалы и методы

Имперские политики (Россия и Франция) рассматриваем нами как сложные социальные системы в их взаимодействии с системами более примитивными. В их роли выступают покоренные и интегрируемые территории, большая часть населения которых исповедует ислам. При этом мы постараемся выйти за рамки обозначенной выше «сравнительной империологии». Через призму управления в колониях/национальных окраинах мы попытаемся выделить субстанцию от функции (содержание от формы) и сравнить некоторые сущностные аспекты двух империй. Для осуществления этой задачи были использованы сравнительно-исторический и историко-типологический методы.

Исследуемый нами сюжет протекал в период, когда капитализм пребывал на экономическом подъеме, и колониальная экспансия для той же Франции в политическом плане была обусловлена именно этим. Однако Россия до Парижского трактата (1856 г.) развивалась вне логики капитализма, что влияло и на характер русской власти в национальных окраинах. Принципы историзма и объективности, применяемые нами в ходе исследования, способствовали учету этих общих вопросов при раскрытии частных.

В качестве источников были использованы неопубликованные архивные документы, извлеченные из фондов Российского государственного исторического архива (РГИА), в частности из Ф. 1268 («Кавказский комитет»).

Это перевод с французского языка на русский «постановлений» об управлении Алжиром и переписка русских правительственных чинов по соответствующему вопросу, Часть анализируемого документа, содержащая доклад А.Н. Чернышева императору, была опубликована ранее ([Колониальная политика, 1937](#)).

3. Обсуждение

Второе Кавказское наместничество (1844/45–1881/1883 гг.) являлось одним из ключевых властных институтов в продолжительном военно-политическом противостоянии Российской империи с народами Кавказа. С помощью мирных средств осуществлялась стратегическая задача интеграции горских народов в состав империи, что нашло достойное освещение в исторической науке. Еще дореволюционные исследователи обращались к проблеме управления Кавказским краем в контексте вооруженного противостояния с горскими народами. Особое место занимает вклад военного историка С.С. Эсадзе, подробно исследовавшего управление Кавказом русской администрацией ([Эсадзе, 1907](#)). В трудах советских ученых произошла кардинальная смена оценки – идея созидательного имперского начала была отринута, а административная политика расценивалась не иначе как колониальная и оккупационная. Россия ставилась в один ряд с европейскими «классическими» империями колониального типа ([Бушуев, 1939](#); [Смирнов, 1958](#); [Фадеев, 1960](#)). Это нивелировало достижения советских историков в теоретическом осмыслении исторического процесса. Обобщающее исследование Н.П. Ерошкина, затрагивающее проблематику национальных окраин Российской империи, выделяется среди прочих работ выводами, согласно которым региональная специфика управления зависела от целого ряда решения локальных задач, присущих той или иной окраине ([Ерошкин, 1968](#)).

В свою очередь история колониального Алжира, которую мы постараемся сопоставить с историей русского Кавказа, также нашла свое отражение в отечественной историографии. Еще А.Н. Куропаткин написал одну из первых работ, в которой, правда, затрагивались в основном военные аспекты. Однако отдельная глава содержит разбор административного деления, а также гражданского и военного управления во французском Алжире ([Куропаткин, 1877](#)). Советские востоковеды-арабисты в большей степени рассматривали вопросы борьбы алжирского населения против французского владычества, касаясь лишь отчасти проблемы колониального управления ([Дьячков, 1985](#); [Ланда, 1976](#)).

Уже на современном этапе было издано достаточное количество исследований, посвященных различным вопросам управления Кавказом в имперский период ([Абазов, 2016](#); [Гусейнов, 2017](#); [Кобахидзе, 2016](#); [Национальные окраины, 1998](#); [Сотников, 2008](#); [Сотников, 2009](#); [Урушадзе, 2012](#)). Однако вопрос сравнения русских и французских имперских практик оставался вне поля зрения не

только дореволюционных и советских, но также и нынешних исследователей. Большой вклад в изучение данной проблемы был сделан современным историком-востоковедом В.О. Бобровниковым. Стоит отметить, что именно ему принадлежит первенство в постановке проблемы сравнения Алжира и Кавказа как покоренных территорий, сравнение методов военно-народного управления, а также изучение правового аспекта в отношениях имперских властей с инородцами/туземцами. Впрочем, ранние исследования автора по истории Магриба посвящены XX веку (Бобровников, 1990; Бобровников, 1998). Последующие его работы на кавказском материале и сравнение с Алжиром также выходят за узкие хронологические рамки данной статьи (1845 г.) и охватывают вторую половину XIX века (Бобровников, 2010; Бобровников, 2011; Северный Кавказ, 2007: 204-210).

Среди зарубежных исследований стоит отметить работы англоязычных авторов об интеграции Кавказа в состав империи невоенными средствами. Энтони Ринлэндер еще в 1972 г. защитил диссертацию в Колумбийском университете, в которой рассматривалась история присоединения Грузии к России. Позднее им была написана монография, посвященная деятельности наместника Кавказа М.С. Воронцова (Rhineland, 1990). В работе Николааса Брейфогла анализируется важная тема собственно русской колонизации края, т.е. заселение русскими (преимущественно сектантами и раскольниками) Закавказья (Breyfogle, 2005). Монография Остина Джерсилда, созданная под влиянием актуального на момент написания противостояния в Чеченской республике, интересна в части анализа интеграции горцев Кавказа в состав империи после Кавказской войны. Вместе с тем она несет на себе характерные для англоязычной историографии «родимые пятна»: поверхностность и умозрительность выводов (в том числе в связи с широким охватом материала), излишний эмпиризм и отказ от встраивания фактуры в теоретические схемы (Jersild, 2003). Изданная в 1987 году, но не теряющая актуальности работа французского историка Клода Колло не может быть обойдена вниманием интересующихся колониальным Алжиром (Collot, 1987). По сравнению с ней даже более поздние исследования англоязычных коллег выглядят значительно слабее (Naylor, 2000).

Таким образом, нами не выявлено отдельных исследований по ограниченному столь узкими хронологическими рамками историческому сюжету.

4. Результаты

27 декабря 1844 года (8 января 1845 года по старому стилю) состоялось повторное учреждение на Кавказе института наместничества, а должность наместника стал исполнять командующим Отдельным кавказским корпусом М.С. Воронцов. Большие потери русских войск в походах (Даргинская экспедиция лета 1845 г.) и трудность сосредоточения воинских контингентов для отражения вылазок горцев (Овсянников, 2018: 1095) еще останутся проблемой в ближайшие годы. Но инициированные Николаем I меры по повышению оперативности принятия решений в регионе сыграют свою роль в длительной перспективе. Так, еще в 1840 г. под председательством Военного министра А.Н. Чернышева был создан Закавказский комитет, призванный осуществлять надзор, а также наделенный полномочиями исполнительной и законодательной власти на Кавказе. Однако комитет и его члены находились в Санкт-Петербурге, как и созданное в 1842 г. временное (VI) отделение Канцелярии императора, предназначенное заниматься гражданскими вопросами в крае. Для достижения скорейшего установления мира с Кавказом и включения его в общеимперскую систему чрезвычайными полномочиями был наделен Воронцов. Он зарекомендовал себя и как успешный военный, и как умелый администратор, имевший опыт управления Бессарабией и Новороссией.

Если раньше министерский корпус замыкал на себя принятие решений по Кавказу, то теперь, согласно положению «О канцелярии Кавказского комитета» (в феврале 1845 года Закавказский комитет был переименован в Кавказский комитет), наместник был подотчетен лишь императору. VI отделение Канцелярии было сокращено. Все дела по Кавказу были отнесены в ведение Кавказского комитета, что ускорило документооборот. Тифлис же стал резиденцией наместника. К лету 1845 года дела, входящие в компетенцию наместника, были направлены в созданную ранее канцелярию наместника. Однако вплоть до принятия «Правил об отношениях кавказского наместника» в 1846 г. шел процесс разграничения полномочий наместника и Кавказского комитета. Военная власть заключалась в треугольнике, вершинами которого были император, наместник и военный министр, причем по объективным причинам наместник был волен решать ряд вопросов без согласования с другими «вершинами», такая трехногая опора власти в регионе имела большую устойчивость и стабильность.

Стоит учесть, что успех нового наместника отчасти гарантировало то обстоятельство, что личные отношения Воронцова с военным министром и главой Кавказского комитета Чернышевым были товарищескими. Это ликвидировало почву для межведомственных склок и претензий, которые нередко являются тормозом для государственной машины.

Управляющий делами Кавказского комитета В.П. Бутков оказался тем чиновником, усилиями которого номер «Универсального вестника», содержащий сведения о французской системе управления в Алжире, был найден, переведен на русский язык и подан для ознакомления Николаю I (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 765. Л. 92).

Причины, подтолкнувшие к изменению системы колониального управления в Алжире, французы видели в «постоянном умножении европейского народонаселения, правительственных распоряжений и казенных доходов» (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 765. Л. 8).

Французские владения («Алжирия») были разделены на три категории:

- гражданские владения (собственно Алжир) составляли земли, где было «достаточное» европейское население. Управление там было устроено, как во Франции, правда, с незначительными изменениями (обязанности префекта возлагались на директора внутренних дел, а подпрефектов в округах (cercles) – на помощников директора);

- военно-гражданские владения (Константина) включали земли вблизи театра военных действий с незначительным по численности европейским населением. Военное командование там вершило суд и гражданские дела при помощи окружных совещательных комиссий из военных и гражданских чинов, а также четырех выборных (двух европейцев и двух туземцев);

- арабские владения (Оран) оставались подчиненными сугубо военному управлению. Хотя там и не велись постоянные боевые действия, но при этом отсутствовало и европейское население (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 765. Л. 101-102).

На момент опубликования документа (в 1845 г.) на Кавказе сложилась схожая административно-территориальная и управленческая многоукладность. Комитет об устройстве Закавказского края, созданный по инициативе Николая I в 1837 г., провел реформу, призванную унифицировать политико-административные вопросы. На Кавказе было введено гражданское управление по образцу внутренних губерний империи. Однако вскоре реформа вызвала множество нареканий, т.к. не учитывалась специфика региона. В 1842 г. гражданское управление было оставлено в тех районах, где «уровень государственности» населения был на достаточно высоком уровне (преимущественно равнинные и предгорные районы Закавказья, населенные грузинами, армянами и тюрками). У мирных горцев (гурийцы, джарцы, тушины, осетины и др.), «по дикости нравов и образу понятий» которых гражданское управление оказалось неудобным, было введено управление смешанное, вверенное военным чиновникам. Это и была система военно-народного управления. Важной составляющей стала опора военных на выборный элемент (совещательные комиссии в Алжире при французских офицерах и выборные старшины на Кавказе при русских военных). Позднее этот положительный опыт будет развит преемником Воронцова на посту наместника А.И. Барятинским. Наконец, у немирных горцев (Чечня, Нагорный Дагестан, черкесские племена Северо-Западного Кавказа) по мере их покорения утверждалось военное управление. Хрестоматийным примером станет ситуация в Дагестане уже после сдачи в плен Шамиля (1860-е гг.). Административные посты там заняли бывшие наибы имама, которые стали отныне верно служить империи (Северный Кавказ, 2007: 197).

Иерархическая структура власти в Алжире была довольно сложной. На вершине этой пирамиды был король, ордонансы которого издавались по представлению Военного министерства. Отчет перед министерством держал главнокомандующий войсками, он же – генерал-губернатор. Военная власть в его лице ограничивалась, согласно нововведениям, Административным советом, в юрисдикции которого находились законодательные, исполнительные и судебные дела (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 765. Л. 99). Заместителем генерал-губернатора становился генерал-директор гражданских дел, который заведовал Канцелярией, а уже ему были подведомственны генерал-прокурор, директора внутренних дел, финансов и арабских дел (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 765. Л. 100).

Если управление Алжиром лежало на плечах Военного министерства и было отделено от других министерств, то членами межведомственного Закавказского (Кавказского) комитета были ключевые министры русского правительства (внутренних дел, государственных имуществ, юстиции и финансов). Алжирского генерал-губернатора можно было сравнить с русскими генерал-губернаторами пограничных губерний. В отличие от них наместник Кавказа был «облечен особою и чрезвычайною властью по всем вообще частям управления» (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 765. Л. 103) и «совмещал в себе по отношению к управляемому краю и права каждого министра Империи в отдельности» (Вайнахи и имперская власть, 2011: 150).

Должности генерального директора гражданских дел в Алжире соответствовал начальник гражданского управления Закавказского края, причем по состоянию на 1842 г., когда уже произошла отмена «Учреждения для управления Закавказским краем» от 1840 г. (переход на общероссийские губернские гражданские начала на Кавказе, автором которого был барон П.В. Ган). А на 1845 г. и позднее полномочия начальника гражданского управления сокращались в пользу канцелярии наместника (Вайнахи и имперская власть, 2011: 149).

Высший Совет управления Алжиром во многом сопоставим с Советом Главного управления Закавказским краем. В их функции входила обработка важнейших дел соответствующего региона. Стоит отметить, что Совет Главного управления Закавказским краем также был наследием преобразований 1840 г., последствия которых постепенно купировались. Русские институты в данном вопросе также работали более оперативно, поскольку все положения Высшего совета в Алжире отсылались в Париж на утверждение военного министра, в то время как положения Закавказского совета утверждались наместником Кавказским, кроме тех, что требовали Высочайшего разрешения.

Французское правительство делало ставку на бюрократический аппарат из французов. Для стимулирования их службы в колонии французские чиновники наделялись различными привилегиями. Подобное имело место и в Российской империи. Однако в большей степени заботы с русской стороны были направлены на формирование местной администрации из инородческого населения, которое надлежало подготовить в русских учебных заведениях. Забегая вперед, отметим, что Воронцов приложит значительные усилия по возвращению просвещенных в русской системе образования горцев и добьется в этом определенных успехов.

В сравнительном обзоре, прилагаемом к переводу французского текста, также приводится подробное перечисление окладов на содержание чиновничьего корпуса в Алжире и на Кавказе (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 765. Л. 106). Объем статьи диктует свои рамки, и мы не будем приводить количественные показатели, требующие специального сопоставления, согласно курсу французского франка по отношению к серебряному рублю. Однако позволим себе отметить, что главное отличие русской системы оплаты труда чиновникам было в том, что высшие чины (начальник гражданского управления или член Совета Главного управления) получали больше, чем их французские коллеги (генерал-директор гражданских дел или член Высшего совета). Однако окружные алжирские чины (помощник директора внутренних дел) получали больше, чем русские уездные начальники. Подобная пропорция продолжалась и дальше вниз по служебной лестнице.

Работа, проделанная силами Кавказского комитета по переводу и составлению сравнительного обзора французских постановлений, была рассмотрена лично императором. Он поручил главе комитета Чернышеву передать материалы заместителю Кавказа (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 765. Л. 102). Таким образом, перед глазами исследователя предстает относительно полная картина двух моделей управления в их сравнении и сопоставлении.

Внимание русских чинов к методам управления во французском Алжире объясняется сходством ситуации, когда европейская держава присоединяет отдаленные территории, населенные преимущественно мусульманским населением. Цели русских и французов на первый взгляд казались сходными. Даже в сравнительном обзоре, выполненном чинами Кавказского комитета, делалась оговорка, что «на Закавказский край у нас некоторое время смотрели как на колонии», но чуть ниже отмечается, что «в настоящее время взгляд сей изменился совершенно» (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 765. Л. 103). Это можно объяснить европеизацией русского дворянства с преобладающим влиянием именно французской культуры и языка. Данное обстоятельство стоит учесть, чтобы понять логику правящих кругов в Российской империи. Но «русская система» как культурно-цивилизационный феномен, принимающая европейское влияние, выковывала иной тип, а не копировала исходник.

Стоит выделить то, что именно классическая колонизация, т.е. основание поселений и хозяйственное освоение территории французами были важнейшим мотивом, почему «оказалось необходимым применить к этой колонии французские узаконения» (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 765. Л. 99). Русская модель на данном этапе и в данном регионе не предусматривала создания русских поселений на Кавказе. Русское население прибывало и оставалось там в качестве ссыльных, в том числе и по религиозному признаку (сектанты), гарнизонных служащих и пр. В связи с этим различались мотивы деления Кавказа на три категории владений, внешне схожих с Алжиром: «При определении оснований управления разными частями Алжира принята в соображение степень населения всех частей европейцами. У нас Закавказом при этом напротив принимается в соображение не степень русского населения, вообще там незначительного, но степень гражданственности коренных жителей» (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 765. Л. 105), т.е. ориенталистский подход европейцев к а priori «диким туземцам» различался с русским видением. Хотя риторика официальных документов имперского времени не учитывала пресловутую ныне политкорректность, однако принцип историзма страхует объективного исследователя от эмоционального восприятия информации из источников.

Различные подходы к начислению жалованья служилым чинам, рассмотренные выше, также проистекали из особенности персонификации власти в Российской империи и приоритета высших чинов над низшими. Это отражалось в том числе и порочную сторону русской бюрократической системы – возможность компенсировать недостаточные доходы в среднем и низшем звеньях управленческой вертикали через взятки. Современники отмечали, что в участковом начальниках народ видел «олицетворенное лихоимство», в то время как правосудие, порядок и благоустройство зависели от них в значительной степени (Эсадзе, 1907: 87-88). Это отнюдь не говорит о том, что французам было чуждо мздоимство. Однако в рассмотренной диспропорции финансирования русских чинов была заложена почва для негативных явлений, которые имели место. Отражением социального содержания Российской империи, имеющей узкую сословную опору (дворянство) стала тенденция к поощрению высших чинов, их устойчивом положении, а также широких полномочиях, которые позволяли оперативно решать задачи в чрезвычайном порядке. Возможно, не без внимания к русскому опыту в покоренных землях в 1858 г. британская корона наделит генерал-губернатора Индии титулом вице-короля и соответствующими правами.

Безусловно, что судебная и финансовая стороны управления, как вопросы частные, но важные для капиталистической эксплуатации колоний, были в приоритете у французов. Главное управление Закавказским краем учитывало эти законоположения для Алжира, пытаясь идти по проторенной дороге. Однако некапиталистический характер русской экспансии обуславливал отсутствие сопутствующих классическому капитализму проблем собственности. Свидетельством тому служит отсутствие на Кавказе такого института, как Совет тяжб, имевшийся в Алжире. Более того, отмечалось, что применение этого учреждения «к Закавказскому краю едва ли возможно» (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 765. Л. 104).

4. Заключение

Подводя итоги, позволим еще раз процитировать разделяемое нами мнение составителей сравнительного обзора для императора: «Французское управление в Алжире и наше Закавказьем в главных чертах почти сходно столько, сколько оно, по особым отношениям сих провинций к метрополии, может быть сходно. Сходство это таково, что из нового учреждения об управлении Алжиром почти нет ни одной статьи, которая могла быть применена к Закавказскому краю» (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 765. Л. 106). Все системы имеют нечто общее, другой вопрос, что является формальным сходством, а что содержательным?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо сделать обобщения на основании более длительных хронологических рамок исследования. Кроме того, мы не коснулись экономической стороны вопроса, а без материалов по этой части выводы неизбежно приобретают незаконченный характер. Однако приведенные факты уже позволяют сделать начальные шаги в попытке ответа на вопрос о различии имперской России и колониальных империй Европы (на примере Франции).

Представляется, что для Франции в приоритете были интересы собственности, обслуживаемые финансовыми и юридическими институтами, что детально прописано в переведенных установлениях. На первый план в русской системе управления выходят аспекты власти и контроля за обширным и незащищенным регионом, находящимся далеко от имперских русских центров и вблизи недружественных соседей (Османская империя). Эти различия позволяют говорить о принципиально несхожих системах соподчинения власти и собственности под внешней имперской оболочкой.

Литература

Абазов, 2016 – Абазов А.Х. Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XX вв. Нальчик: «Печатный двор», 2016. 264 с.

Бобровников, 1990 – Бобровников В.О. Алжирский феллах и политическая культура (1830–1962) // *Народы Азии и Африки*. 1990. № 5. С. 38-48.

Бобровников, 1998 – Бобровников В.О. Современный мир глазами феллаха (Северная Африка XIX–XX вв.). М.: ИВ РАН, 1998. 158 с.

Бобровников, 2010 – Бобровников В.О. Русский Кавказ и французский Алжир: случайное сходство или обмен опытом колониального строительства? // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)*. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 182- 209.

Бобровников, 2011 – Бобровников В.О. Как русские на Кавказе и французы в Алжире XIX в. управляли туземцами-мусульманами // *Кавказский сборник*. Т. 7 (39). М.: Русская панорама, 2011. С. 239-263.

Бушуев, 1939 – Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М.-Л.: АН СССР, 1939. 184 с.

Вайнахи и имперская власть, 2011 – Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.). М.: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина»: РОССПЭН, 2011. 1094 с.

Гусейнов, 2017 – Гусейнов М.Ш. Создание царизмом Кавказского наместничества (1845–1846 гг.) // *Вестник Дагестанского государственного университета*. 2017. № 1. С. 14-21.

Дьячков, 1985 – Дьячков Н.Н. Младоалжирцы и антиколониальная борьба в Алжире на рубеже XIX–XX вв. М.: Наука, 1985. 188 с.

Ерошкин, 1968 – Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1968. 368 с.

Кобахидзе, 2016 – Кобахидзе Е.И. Центральный Кавказ в объединительной политике Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. Владикавказ: СОИГСИ ВЦ РАН, 2016. 258 с.

Колониальная политика, 1937 – Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20–60-х гг. XIX в. М.-Л.: АН СССР, 1937. 478 с.

Куропаткин, 1877 – Куропаткин А.Н. Алжирия. СПб.: Типография В.А. Полетики, 1877. 309 с.

Ланда, 1976 – Ланда Р.Г. Борьба алжирского народа против европейской колонизации (1830–1918). М.: Наука, 1976. 310 с.

- Национальные окраины, 1998** – Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М.: Славянский диалог, 1998. 416 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Смирнов, 1958** – *Смирнов Н.А.* Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1958. 244 с.
- Сотников, 2008** – *Сотников А.А.* Об «управлении Кавказом» в 1840–1860 гг. М.: ВНИИЛМ, 2008. 24 с.
- Сотников, 2009** – *Сотников А.А.* Введение системы военно-народного управления на Северном Кавказе в XIX в. // *Вопросы истории.* 2009. № 5. С. 150–152.
- Урушадзе, 2012** – *Урушадзе А.Т.* История военно-народного управления на Кавказе: в поисках автора и истоков // *Восток (Oriens).* 2012. № 6. С. 137–142.
- Фадеев, 1960** – *Фадеев А.В.* Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М.: АН СССР, 1960. 398 с.
- Эсадзе, 1907** – *Эсадзе С.С.* Историческая записка об управлении Кавказом. Т. 1. Тифлис: Тип. «Гуттенберг», 1907. 616 с.
- Breyfogle, 2005** – *Breyfogle N.* Heretics and Colonizers: Forging Russia's Empire in the South Caucasus. Ithaca: Cornell University Press, 2005. 347 p.
- Collot, 1987** – *Collot C.* Les institutions de l'Algérie Durant la period colonial (1830 – 1962). Paris: Ed. du CNRS; Alger: Office des publ. univ., 1987. 343 p.
- Jersild, 2003** – *Jersild A.* Orientalism and Empire: North Caucasus Mountain Peoples and the Georgian Frontier, 1845–1917. Montreal and Kingston: McGill-Queen's University Press, 2003. 288 p.
- Naylor, 2000** – *Naylor Ph.C.* France and Algeria. A History of Decolonization and Transformation. University Press of Florida, 2000. 432 p.
- Ovsjannikov, 2018** – *Ovsjannikov D.V.* To the Issue of the Imam Shamil's Campaign to Kabarda in 1846 year // *Bylye Gody.* 2018. Vol. 49. Is. 3: 1092–1100.
- Rhineland, 1990** – *Rhineland A.* Prince Michael Vorontsov: Viceroy to the Tsar. Montreal: McGill Queen's University Press, 1990. 304 p.

References

- Abazov, 2016** – *Abazov A.Kh.* (2016). Narody Central'nogo Kavkaza v sudebnoj sisteme Rossijskoj imperii v konce XVIII – nachale XX v. [The peoples of the Central Caucasus in the judicial system of the Russian Empire in the late XVIII – early XX century]. *Nal'chik: «Pечатnyj dvor»*, 264 p. [in Russian]
- Bobrovnikov, 1990** – *Bobrovnikov V.O.* (1990). Alzhirskii fellakh i politicheskaya kul'tura (1830–1962) [Algerian fellah and political culture (1830–1962)]. *Narody Azii i Afriki*, № 5, pp. 38–48. [in Russian]
- Bobrovnikov, 1998** – *Bobrovnikov V.O.* (1998). Sovremennyi mir glazami fellakha (Severnaya Afrika XIX – XX vv.) [The modern world through the eyes of fellah (North Africa of the nineteenth and twentieth centuries)]. М.: IV RAN. [in Russian]
- Bobrovnikov, 2010** – *Bobrovnikov V.O.* (2010). Russkii Kavkaz i frantsuzskii Alzhir: sluchainoe skhodstvo ili obmen opytom kolonial'nogo stroitel'stva? [Russian Caucasus and French Algeria: random similarity or exchange of experience in colonial construction?]. *Imperium inter pares: Rol' transferov v istorii Rossijskoj imperii (1700–1917)*. М.: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 182–209. [in Russian]
- Bobrovnikov, 2011** – *Bobrovnikov V.O.* (2011). Kak russkie na Kavkaze i frantsuzy v Alzhire XIX v. upravlyali tuzemtsami-musul'manami [Like the Russians in the Caucasus and the French in Algeria of the 19th Century ruled by Muslims]. *Kavkazskii sbornik. T. 7(39)*. М.: Russkaya panorama, pp. 239–263. [in Russian]
- Breyfogle, 2005** – *Breyfogle N.* (2005). Heretics and Colonizers: Forging Russia's Empire in the South Caucasus. Ithaca: Cornell University Press, 347 p.
- Bushuev, 1939** – *Bushuev S.K.* (1939). Bor`ba gorcev za nezavisimost` pod rukovodstvom Shamilya. [The struggle of the mountaineers for independence under the leadership of Shamil]. М.-Л.: АН СССР, 184 p. [in Russian]
- Collot, 1987** – *Collot C.* (1987). Les institutions de l'Algérie Durant la period colonial (1830 – 1962). Paris: Ed. du CNRS; Alger: Office des publ. univ., 343 p.
- D'yachkov, 1985** – *D'yachkov N.N.* (1985). Mladoalzhirtsy i antikolonial'naya bor'ba v Alzhire na rubezhe XIX – XX vv. [Young Algerians and the anti-colonial struggle in Algeria at the turn of the XIX – XX centuries]. М.: Nauka, 188 p. [in Russian]
- Eroshkin, 1968** – *Eroshkin N.P.* (1968). Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdenii dorevoljutsionnoi Rossii [The history of state institutions of pre-revolutionary Russia]. М.: Vysshaya shkola, 368 p. [in Russian]
- Esadze, 1907** – *Esadze S.S.* (1907). Istoricheskaya zapiska ob upravlenii Kavkazom. [Historical note on the management of the Caucasus]. Т. 1. Тифлис: тип. «Guttenberg», 616 p. [in Russian]
- Fadееv, 1960** – *Fadееv A.V.* (1960). Rossiya i Kavkaz v pervoi treti XIX v. [Russia and the Caucasus in the first third of the XIX century]. М.: АН СССР, 398 p. [in Russian]

[Guseinov, 2017](#) – *Guseinov M.Sh.* (2017). Sozdanie tsarizmom Kavkazskogo namestnichestva (1845 – 1846 gg.) [The creation of the tsarism of the Caucasian governorship (1845 – 1846)]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta*, №1, pp. 14-21. [in Russian]

[Jersild, 2003](#) – *Jersild A.* (2003). Orientalism and Empire: North Caucasus Mountain Peoples and the Georgian Frontier, 1845-1917. Montreal and Kingston: McGill-Queen's University Press, 288 p.

[Kobakhidze, 2016](#) – *Kobakhidze E.I.* (2016). Tsentral'nyi Kavkaz v ob"edinitel'noi politike Rossiiskoi imperii vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. [The Central Caucasus in the unification policy of the Russian Empire of the second half of the XIX – early XX centuries]. Vladikavkaz: SOIGSI VNTs RAN, 258 p. [in Russian]

[Kolonial'naya politika, 1937](#) – Kolonial'naya politika rossiiskogo tsarizma v Azerbaidzhane v 20-60-kh gg. XIX v. [The colonial policy of the Russian Tsarism in Azerbaijan in the 20-60s. XIX century]. M.-L.: AN SSSR, 1937. 478 p. [in Russian]

[Kuropatkin, 1877](#) – *Kuropatkin A.N.* (1877). Alzhiriya [Algeria]. SPb.: tipografiya V.A. Poletiki, 309 p. [in Russian]

[Landa, 1976](#) – *Landa R.G.* (1976). Bor'ba alzhirskogo naroda protiv evropeiskoi kolonizatsii (1830–1918) [The struggle of the Algerian people against European colonization (1830-1918)]. M.: Nauka, 310 p. [in Russian]

[Natsional'nye okrainy, 1998](#) – Natsional'nye okrainy Rossiiskoi imperii. Stanovlenie i razvitie sistemy upravleniya [National outskirts of the Russian Empire. Formation and development of the management system]. M.: Slavianskii dialog, 1998. 416 p. [in Russian]

[Naylor, 2000](#) – *Naylor Ph.C.* (2000). France and Algeria. A History of Decolonization and Transformation. University Press of Florida, 432 p.

[Ovsjannikov, 2018](#) – *Ovsjannikov D.V.* (2018). To the Issue of the Imam Shamil's Campaign to Kabarda in 1846 year. *Bylye Gody*. Vol. 49. Is. 3: 1092-1100.

[RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive] [in Russian]

[Rhineland, 1990](#) – *Rhineland A.* (1990). Prince Michael Vorontsov: Viceroy to the Tsar. Montreal: McGill Queen's University Press, 304 p.

[Smirnov, 1958](#) – *Smirnov N.A.* (1958). Politika Rossii na Kavkaze v XVI-XIX vv. [Russia's policy in the Caucasus in the XVI-XIX centuries]. M.: Izd-vo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury, 244 p. [in Russian]

[Sotnikov, 2008](#) – *Sotnikov A.A.* (2008). Ob «upravlenii Kavkazom» v 1840–1860 gg. [On the «management of the Caucasus» in 1840-1860]. M.: VNIILM, 24 p. [in Russian]

[Sotnikov, 2009](#) – *Sotnikov A.A.* (2009). Vvedenie sistemy voenno-narodnogo upravleniya na Severnom Kavkaze v XIX v. [The introduction of the system of military-national government in the North Caucasus in the XIX century]. *Voprosy istorii*, № 5, pp. 150-152. [in Russian]

[Urushadze, 2012](#) – *Urushadze A.T.* (2012). Istoriya voenno-narodnogo upravleniya na Kavkaze: v poiskakh avtora i istokov [The history of the military-national administration in the Caucasus: in search of the author and the origins]. *Vostok (Oriens)*, №6, pp. 137-142. [in Russian]

[Vainakhi i imperskaya vlast', 2011](#) – Vainakhi i imperskaya vlast': problema Chechni i Ingushetii vo vnutrennei politike Rossii i SSSR (nachalo XIX – seredina XX v.) [Vainakhs and imperial power: the problem of Chechnya and Ingushetia in the internal politics of Russia and the USSR (early XIX – mid XX century)]. M.: Fond «Prezidentskii tsentr B. N. El'tsina»: ROSSPEN, 2011. 1094 p.

Французская колония и русская национальная окраина в 1845 году: к вопросу о различии принципов имперского управления

Дмитрий Владиславович Овсянников ^{a, *}

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается история возобновления на Кавказе института наместничества под руководством М.С. Воронцова и то, как модель управления регионом претерпевала изменения. Помимо обзора предыстории ведомств, в руках которых находилось гражданское управление в предшествующий период, делается попытка уделить внимание такому важному элементу, как разграничение полномочий наместника и созданного ранее Кавказского комитета как высшего органа гражданского управления на Кавказе. Субъективный фактор (роль личности наместника в его отношениях с военным министром) благотворно сказался на данном разграничении и положительно повлиял на конструктивную работу по совместной проблеме ведомств, а именно – зарубежному колониальному опыту управления. В поле зрения русских чинов оказался документ, выпущенный официальным органом печати правительства Франции,

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: d.ovsiannikov@spbu.ru (Д.В. Овсянников)

содержащий постановления об управлении Алжиром. Очевидная схожесть ситуации, связанной с управлением территориями, которые находятся в процессе военного покорения, вызвала у русской администрации понятный интерес. Это привело к переводу документа и составлению сравнительного обзора русского и французского методов управления. В частности, подробно рассматривается иерархия управления, административно-территориальное деление, кадровые, финансовые и судебные вопросы. Разбор французских постановлений и русских инициатив позволяет сделать их анализ и обозначить основные принципы, составляющие суть двух подходов к управлению территориями, населенными туземцами/инородцами, мусульманское население которых продолжало в исследуемый хронологический период оказывать вооруженное сопротивление.

Все это разбирается на основе широкого материала, в том числе и неопубликованных архивных источников.

Ключевые слова: Российская империя, Франция, Кавказ, Алжир, наместник, генерал-губернатор, колония, национальная окраина.

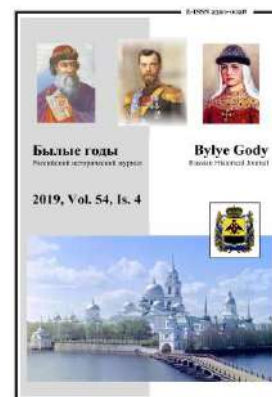
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1603-1612. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1603
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Crockery of Faience and Porcelain of the Siberian Bukharans of the second half of the XIX – early XX centuries

Marina N. Tikhomirova ^{a, *}, Konstantin N. Tikhomirov ^a

^a Omsk Laboratory of Archeology, Ethnography and Museology of the Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, Omsk, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the study of crockery made of faience and porcelain of the Siberian Bukharans of the second half of the XIX – early XX centuries, as one of the important elements of material culture. In the work is the first time described 28 items from collections of rural museums in Ulenkul village of the Omsk region and Embayevo village of the Tyumen region. During the research scientific attribution and classification of the material was carried out. Authors divided utensils into groups: dishware (plates, dishes, tureen) and tea equipage (teapots, teapot, sugar bowl, oiler). In result were made some conclusions. In whole corpus of analyzed utensils predominate products, made at factories of the Kuznetsov family. Among the viewed items were detected some unique and rare samples, such as plate No. 10 and a set of tableware No. 23; soup vase No. 16, teapot No. 21, etc.

Authors presupposed some reasons why the crockery, made of fine ceramics, was fined mostly between Bukharans. This group was the most well-off between other Siberian Tatars: their traditional activities were trade, carrier's trade, animal industry. This activities arranged good financial capability and flexible worldview attitudes, which made possible to adopt in household some elements of urban lifestyle, for example, crockery of porcelain and faience.

Keywords: faience, porcelain, crockery, Bukharans people, Russia, Western Siberia, ethnography, museum collections.

1. Введение

Сибирские бухарцы – это этносословная группа XVII – начала XX вв., сформировавшаяся из переселенцев с территории Средней Азии. В Западной Сибири они проживали вместе с местными татарами вокруг городов Тобольск, Тюмень, Тара, Томск. К середине XX в. сибирские бухарцы были фактически ассимилированы («отатарены») и вошли инноэтничным компонентом в состав современных татар Западной Сибири (Корусенко, 2011: 19-29; Томилов, 1992: 86).

Одним из ярких элементов их материальной культуры является столовая посуда из фаянса и фарфора (или из тонкой керамики). До настоящего времени она не изучалась в этнографии и смежных гуманитарных дисциплинах, так как ее образцы не были известны. Ее описание и всесторонний анализ может дать информацию о бытовой культуре, об имущественной стратификации, о связях населения с окружающим миром.

Целью работы является введение в научный оборот, атрибуция и систематизация посуды из фарфора и фаянса тарской и тюменской групп сибирских бухарцев. Главная проблема исследования заключается в том, чтобы выявить причины, из-за которых большинство образцов посуды зафиксировано у их потомков.

* Corresponding author

E-mail addresses: marinat24@mail.ru (M.N. Tikhomirova)

2. Материалы и методы

2.1. В работе рассматриваются 28 предметов второй половины XIX – начала XX вв., выявленных М.Н. Тихомировой в ходе изучения этнографических коллекций татар в 19-ти государственных (в городах Омск, Тара), ведомственных музеях, расположенных в сельских поселениях Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской, Тюменской областях. Большинство экземпляров было обнаружено в с. Уленкуль Большереченского района Омской области в собраниях Краеведческого музея школы (КМУШ) (14 шт.; № 1–14¹) и Центра татарской культуры (ЦТК) (5 шт.; № 15–19). Еще два предмета находятся у жителей с. Уленкуль (№ 20–21) и один чайник – у частного лица в д. Юрто-Уйск Седельниковского района (№ 22). В с. Ембаево Тюменского района Тюменской области в Музее-заповеднике (ЕКМ) хранятся пять образцов посуды второй половины XIX – начала XX вв. (№ 23–27). Также одна тарелка находится в школьном музее с. Казанское Вагайского района (№ 28), но она принадлежала коренным сибирским татарам, здесь преобладавшим (Патканов, 1911: 19). Мы ее учли в работе в качестве дополнительного материала.

Большинство рассмотренных предметов было подарено местными жителями (КП КМУШ. Л. 14 об.-21; КП ЕКМ №1–3), но все же необходимо отметить, что в ряде случаев присутствует фактор случайности при формировании коллекций. К примеру, блюдо № 20 из музея ЦТКа не имело отношение к бухарцам, а было подарено татарами г. Омска по просьбе главы Уленкульского сельского поселения Л.М. Мухаметшиной.

2.2. Исследование основано на принципах историзма, объективности.

На этапе описания и анализа образцов посуды применялись описательный и типологический методы.

В основу систематизации материала положены хронологические, функциональные признаки и морфологические характеристики предметов (форма корпуса, характер поверхности и борта, обработка края) (ГОСТ; Система..., 2003; Суслов, 1972: 14–45).

Понятийный аппарат, используемый в данной статье, взят из ГОСТа, научной и справочной литературы (ГОСТ; Русский..., 2010: 15; Система..., 2003: 191–197, 201–209).

Датировка и производитель устанавливались по знаку (марке/клейму). Для определения марки и клейма на посуде были использованы каталоги (Марки..., 1995, 2003). На основе этих данных изделия были нами датированы.

Основным интерпретационным методом был сравнительно-исторический. Для поиска аналогий использовались коллекции посуды музеев (Госкаталог; Пиала; Русский..., 2010; Сахарница), антикварные интернет-магазины (Маслénка и др.).

3. Обсуждение

Отсутствие интереса у исследователей к посуде из тонкой керамики сибирских бухарцев объясняется ее малочисленностью, обусловленной несколькими причинами.

Во-первых, в рассматриваемое время она не была распространена в сельской среде. Во-вторых, ее бытовое использование из-за хрупкости чаще приводило к разрушению.

В научной литературе известно упоминание Ф.Т. Валеева об использовании этой посуды некоторыми группами и слоями западносибирских татар: «В предреволюционные годы значительное распространение получили [...] фаянсовые чайники для заварки чая, чашки... Количество и качество такой посуды зависело от имущественного и социального положения хозяина дома (Валеев, 1980: 136–137).

4. Результаты

Общая характеристика фабричных знаков

Для атрибуции посуды важную роль играет изучение фабричных знаков, выполненных в виде цветных марок, нанесенных на поверхность, или клейм, вдавленных в керамическую массу². Благодаря им есть возможность установить страну и предприятие, где было произведено изделие, дату его изготовления.

На большей части осмотренных нами предметов стоит цветная марка (№ 1–5, 7, 13, 16–18, 20, 22–23, 26–28), как правило, выполненная надглазурным способом³, вероятно, переводной печатью.

На изделиях, произведенных в Российской империи, помимо цветной печатной марки, нередко еще делалось клеймение (№ 11, 12, 24). Оба изображения были идентичными. Считалось, что клеймо – более надежный знак, так как его сложно подделать. Среди осмотренной посуды в редких случаях стоит только одно клеймо (№ 8–9, 15, 25).

Помимо марки и клеймения, на предметах дореволюционного российского производства встречаются цифры, нанесенные краской или вдавливанием в керамическую массу. Это технологические знаки, предназначенные для организации процесса производства (Марки..., 2003: 9). На осмотренной посуде они зафиксированы на 6 экз. (№ 5, 11–12, 15, 24, 28).

Из 28 экземпляров посуды маркировано 23. Среди них, достоверно было установлено, что 20 шт. отечественного производства, один комплект, состоящий из тарелки и миски с крышкой (№ 23) – зарубежного. Еще у двух предметов – № 5, 9 – частично сохранились марки, где текст

написан кириллицей, поэтому мы считаем, что они сделаны на территории России. Нам не удалось установить производителя. На блюде № 5 можно прочитать обрывки двух слов, расположенных друг над другом: «РОВ/РОВА» и «УРОВ/УРОВА». На тарелке № 9 – плохо читаемое клеймо, предположительно, «ВЕКА/ВЕХА НОВЫХ».

У заварочных чайников № 2, 6, 7, 17 марки в наличии, но они не полной сохранности. Все эти экземпляры по форме, оформлению, отдельным читаемым элементам марок похожи на чайники № 1, 18, 20, 21, 22, следовательно, они производства Кузнецовых.

Без марок и клейм зафиксировано пять предметов (№ 6, 10, 14, 19, 21).

У чайника № 6 отсутствует дно, где была нанесена марка, но по внешнему декору он похож на № 1, 18, 20, 21, 22. На этом основании мы считаем, что он изготовлен на заводе семьи Кузнецовых.

У маслёнок «Виноград» (№ 14) и «Калач» (№ 19), чайницы (№ 21) не удалось установить точную датировку и фирму-производителя, так как прямых аналогий мы не обнаружили. Но похожая посуда производилась в Российской империи (Госкаталог. № 14225160, 16414425, 16559703, 17929939 и др.; Русский..., 2010: 58. Рис. 63), поэтому мы ее атрибутировали как отечественного производства второй половины XIX – первых двух десятилетий XX вв.

Возможно, что одна из причин отсутствия опознавательных знаков на № 14, 19, 21 в том, что производитель стремился удешевить продукцию. Коллекционер Л. Никифорова в одной из своих заметок о посуде рассматриваемого нами периода отмечала, что предмет с маркой или клеймом был выше по стоимости (Никифорова).

Еще одно из немаркированных изделий – тарелка № 10. По аналогиям (Ceramics), которые мы далее рассмотрим, она изготовлена в императорском Китае в период династии Цин (времена правления – 1644–1912 гг.). Точная дата ее изготовления остается открытой.

Анализ идентификационных фабричных знаков на посуде, используемой тарскими и тюменскими бухарцами, показывает, что большая часть (17 экз.) произведена на фабриках членов семьи Кузнецовых в период с 1854 по 1917 гг. (№ 1–4, 6–7, 13, 15–18, 20, 22, 24, 26–28).

На изученных образцах Кузнецовской посуды были зафиксированы марки красного (№ 1–2, 5, 13, 17–18, 22), синего (№ 3–4, 7, 16, 20, 27–28), зеленого (№ 24, 26) цветов. Их цветовое значение у искусствоведов и антикваров является дискуссионным. По одной из версий, цвет мог означать сортность (марки).

На фабричных знаках встречаются следующие имена, предприятия, географические названия: «С.Т. Кузнецов» (№ 16), «М.С. Кузнецова» (№ 15), «Фабрики М.С. Кузнецова в Дулеве» (№ 1, 3, 20) (Рис. 1, 5в), «Товарищества М.С. Кузнецова» (№ 13) или «Т-ва М.С. Кузнецова» (№ 24), «Фабрика Т-ва М.С. Кузнецова в Дулеве» (№ 18), «Товарищества М.С. Кузнецова Т.Ф.» (№ 26) или «Товарищества М.С. Кузнецова Твер. фабр.» (№ 28) (Тверская фабрика – Авт.), «Т-ва М.С. Кузнецова Д.Ф.» (Рис. 1, 7б) (Завод в пос. Вербилки Дмитровского уезда Московской губернии – Авт.) (№ 27), «И.Е. Кузнецова на Волхове» (№ 4), «Фабрика И.Е. Кузнецова Б.Ф.» (Б.Ф. обозначалась фабрика на Волхове – Авт.) (№ 22).

На чайниках № 18, 22 сделаны надписи, предположительно арабскими буквами (Рис. 1, 6). Такие марки ставились на продукции, производимой для экспорта (Марки..., 2003: 179, 200), на языке страны, куда направлялся товар (Марки..., 2003: 640).

У большинства предметов, сделанных на фабриках семьи Кузнецовых, на марках и клеймах присутствует изображение герба Российской империи (№ 1–3, 7, 13, 15, 18, 20, 24, 26–28), за исключением № 4, 16, 22. Ваза суповая № 16 изготовлена до 1872 г., когда еще не ставили герб (Марки..., 2003: 640). Чайники № 4, 22 произведены на заводе И.Е. Кузнецова на р. Волхов, у которого изображения марок представляли собой медали, ордена, звезды и другие знаки отличия (Марки..., 1995: 40). На № 4 нанесен рисунок восьмиконечной звезды, на № 22 – орден с российской императорской короной.

Согласно анализу марок и клейм фабрик, принадлежавших семейству Кузнецовых, самый ранний образец – ваза суповая № 16 датируется 1854–1864 гг., когда владельцем был С.Т. Кузнецов (Марки..., 1995: 37. № 403, 413). Большая часть кузнецовской посуды была произведена при М.С. Кузнецове. Несколько предметов (№ 1, 3, 7, 20) датируется 1872–1889 гг. (Марки..., 2003: 178. № 649; 179. № 653; 184. № 674). Больше всего предметов относится к периоду работы «Товарищества М.С. Кузнецова» – с 1889 по 1917 гг. (№ 13, 18, 24–28) (Марки..., 1995: 39–40. № 450; Марки..., 2003: 1993. № 719, 720; 196. № 726). И наконец, среди обнаруженных нами образцов посуды есть те (№ 4, 22), которые были произведены в 1878–1917 гг. на фабрике другого представителя семейства – И.Е. Кузнецова (Марки..., 1995: 40. № 456; Марки..., 2003: 198. № 732; 200. № 744).

Рис. 1. Посуда из фаянса и фарфора сибирских бухарцев

1. Тарелка № 10: а – лицевая часть, б – оборотная часть. 2. Комплект № 23: а – миска с крышкой, б – тарелка, в – марка. 3. Блюдо № 12: а – лицевая часть, б – марка. 4. Суповая ваза № 16: а – профиль, б – фас. 5. Чайник № 20: а – вид спереди, б – вид сзади, в – марка. 6. Экспортная марка на чайнике № 22. 7. Сахарница № 27: а – вид спереди, б – марка. 8. Чайница № 21, вид спереди

Среди посуды тарских и тюменских бухарцев встречаются по два образца (№ 8, 11–12, 25), изготовленных на предприятиях братьев Гарднер и семьи Пермяковых (№ 8, 12). Идентификационные знаки у Гарднеров состояли из изображения герба Москвы и фамилии «Ф.Б. Гарднер» или «Фабрика Гарднер в Москве» (№ 11, 25), а у Пермяковых – фамилия владельцев: «Пермековы» (№ 8) / «ПЕРМЯИ» (№ 12) (Рис. 1, 3б)⁴. На предметах № 11–12 по два идентификационных знака – черного цвета марка и клеймо; на посуде № 8, 25 поставлено клеймо.

Посуда, изготовленная на фабрике Гарднеров, датируется 1830–1870 гг., правда, мы не нашли полностью аналогичных марок и клейм, только похожие (Марки..., 2003: 71. № 262, 263; 72. № 267, № 269; 73. № 272). Изделия предприятия Пермяковых датируются только по сведениям о датах его существования – вторая половина XIX–1917 г. (Салтыков, 1952: 132). Аналогичных знаков мы не нашли, хотя другое начертание марки и клейма известно по Госкаталогу (№ 3453144).

Столовый комплект № 23, помеченный синей маркой «BWM@Co HAMBURG» (Рис. 1, 2в), расширяется как Brown-Westhead, Moore & Co. Этим названием английская фирма пользовалась с 1862 по 1904 гг. На тарелке присутствует дополнительное изображение, позволяющее уточнить датировку комплекта, – это герб Великобритании (Рис. 1, 2в). Он появился с 1890 г. и ставился как минимум пять лет. Наличие герба свидетельствовало о том, что эта посуда поставлялась королевскому двору Великобритании, и означало качество продукции (Никифорова, а).

Обратим внимание на то, что на марке присутствует название «HAMBURG» – Гамбург. Вероятно, в этом городе была фабрика фирмы. Возможно, из-за этой надписи в музее-заповеднике с. Ембаево считают экспонат немецким по происхождению. В Книге поступлений записано, что он привезен из Германии после Великой Отечественной войны (КП ЕКМ. № 1).

Столовая посуда

Предваряя характеристику посуды, нужно сказать, что она почти вся фаянсовая (случаи, где предмет, предположительно, изготовлен из фарфора, будут указаны).

Тарелки – 5 экз. (4 экз. – из Омской обл.: № 8–10, 13 и 1 экз. – из Тюменской обл.: № 28). Все, за исключением № 10, российского производства.

Все предметы в плане круглой формы; № 10, 28 – на невысоком поддоне. У большинства из них поверхность борта гладкая, край ровный. Поверхность всех изделий покрыта белой глухой (непрозрачной) глазурью, поверх нее нанесен дополнительный декор, за исключением № 8. Эта тарелка другими способами не украшена.

На большинстве предметов нарисована отводка (полоска шириной до 3 мм): (№ 9, 10, 13, 23 и др.). В декоре № 9 использована двойная отводка и между ней нанесена орнаментальная полоса, а у № 10 отводка сделана по краям борта и дна (Рис. 1, 1а, б).

У тарелок № 9 и 13 по краю борта нанесена неширокая полоса повторяющегося зигзага. Она сделана штампами двумя цветами попеременно – красным/красно-коричневым и изумрудным/зеленым. На дне по центру нанесен также зигзаг.

У образца № 28 наиболее сложное и насыщенное оформление. Лицевая часть дна и вся обратная поверхность покрыты белой глухой глазурью. Лицевая поверхность борта покрыта зеленым цветом, вероятно, при помощи аэрографии. Поверх краски нанесены печатью или деколью⁵ с дорисовкой голубые васильки и цветок, похожий на ромашку с бордовой сердцевинкой, которые чередуются.

К уникальным образцам этой группы посуды мы отнесли тарелку № 10 (Рис. 1, 1а, б). По белому фону выполнен четкий, контрастный рисунок синего цвета. Орнамент геометрический (зигзаги, спирали и др.) и растительный.

Напомним, что предмет без марки и клейма. Практически аналогичная тарелка найдена на затонувшем в 1840-х гг. китайском корабле «Десару» («Desaru») вблизи побережья Малайзии. На основании сведений о корабле и той продукции, что он перевозил, археологи атрибутируют ее как продукцию Китая эпохи Цин (Desaru).

Кроме того, известен идентичный фрагмент, хранящийся в Сахалинском областном краеведческом музее (Госкаталог. № 14080995; пиала). Правда, в музее этот фрагмент, как археологический артефакт, ошибочно интерпретировали как пиалу японского производства XVIII–XIX вв.

Она, как и № 10, свидетельствует о распространении тарелок этого варианта на территории Российской империи.

Благодаря сведениям о тарелке, обнаруженной у берегов Малайзии, опубликованной Наньхайской морской археологией (Nanhai Marine Archeology), мы можем атрибутировать наш экземпляр как производство Цзиндэчжэня (Фуляна – одного из важнейших центров китайского фарфорового производства – Авт.). Она украшена стилизованными хризантемами, символизирующими осень, радость, легкую жизнь, крепкую дружбу на протяжении всей жизни (Ceramics).

В музее-заповеднике в с. Ембаево хранится редкий для коллекций сельских и районных музеев вид посуды, состоящий из миски с крышкой и тарелки (№ 23) английского производства конца XIX в. (Рис. 1, 2а–2б).

У миски есть поддон и две ручки. На крышке также имеется ручка. Поверхность предметов гладкая, края ровные. Борт тарелки сплошной.

На белом фоне по окружности крышки, по тулову миски, по борту тарелки – повторяющийся рисунок синего монохрома, исполненный печатью. Орнамент представляет собой «косу» из четырех переплетающихся полос, украшенную пятью розетками из двух цветков с листьями.

Среди посуды довольно много столовых блюд (7 экз.). Из них 4 экз. – из Омской области (№ 5, 11–12, 15) и 3 экз. – из Тюменской области (№ 24–26). Они применялись бухарцами при сервировке стола на коллективных трапезах для подачи горячей пищи, например, картофеля с мясом в с. Уленкуль Большереченского района Омской области и окрестных поселений.

Большинство блюд овальной формы (5 экз.), также встречается по одному экземпляру других очертаний – овальное вытянутое (№ 15) и круглое (№ 11).

У 4 экз. поверхность гладкая, обработка края ровная, характер борта сплошной, за исключением № 11 и № 24, 26. У них поверхность бортов рельефная (волнообразная), край выполнен в виде фестонов.

Все блюда покрыты белой глухой глазурью. Изделия № 15 и № 25 не декорированы другими приемами. У № 26 по краю борта нанесена широкая голубая лента.

Декор блюд № 5 и № 12 стилистически похож, способ его нанесения также идентичен. Рисунок сделан печатью, возможно, деколью, на блюде № 5 – краской красного цвета, а на № 12 – черного. На дне в центре – корзина с фруктами и цветами – на № 12 (Рис. 1, 3а) и цветочный букет – на № 5. По борту у обоих предметов в виде бордюра сделаны стилизованные цветы и геометрические фигуры. Похожие блюда по декору и его исполнению известны в других музеях (Госкаталог. № 7395302, 7395249, 17883604).

Среди всех образцов посуды этой категории наиболее насыщен декор № 24. Его бортик тонирован, вероятно, аэрографом в зеленый и бледно-голубые тона. На нем нанесено печатью (или деколью) четыре веточки сирени и две крупных ветки вместе с ландышами.

У блюда № 11 на дне по центру росписью нарисованы букетик и на бортах – четыре цветочные композиции, которые включают в себя элементы из букета (один цветок и листья). По краю борта нанесена волнообразная отводка.

К уникальным экземплярам посуды, обнаруженным у сибирских бухарцев, можно отнести вазу суповую (крышка от нее утрачена) (№ 16) (Рис. 1, 4а–4б). Супница подовальной формы на невысокой широкой ножке с ручками. Характер поверхности гладкий, поверхность борта также гладкая, край ровный. Она покрыта глухой белой глазурью. Венчик и верхняя часть тулова украшена растительным рисунком голубого цвета, сделанным печатью или деколью с дорисовкой.

Чайная посуда

Чайники для заваривания чая – 10 экз. из Омской области (№ 1–4, 6–7, 17–18, 20, 22). Все они произведены на разных заводах семьи Кузнецовых.

У них поверхность гладкая, обработка края ровная, характер борта сплошной. Все чайники покрыты белой глухой глазурью. Они разделяются на две группы. Практически у всех форма тулова напоминает шар (или «репку»); только у № 4 – биконическая.

За исключением № 4, все чайники относятся к первой группе. Она выделена по стилистическому, а также морфологическому единству, в котором главное – это форма сосуда. Среди морфологических особенностей большинства сосудов отметим оформление носиков и ручек. Носики в месте соединения с туловом имеют каннелюры, а на ручках сделаны «шипы» («отростки»), позволяющие удобнее их держать. Но есть исключения: у № 18, № 22 эти признаки отсутствуют. Они гладкие – без каких-либо выпуклостей.

По оформлению чайников первой группы можно выделить два варианта.

Вариант 1 – 8 экз. (№ 1–2, 6–7, 17–18, 20, 22). К настоящему моменту сосуда этого варианта обнаружены нами у татар, проживающих на территории Омской области в Большереченском и Седельниковском районах. Этот декор чайников называется «виноград» среди искусствоведов и музейных работников.

Декор чайников выполнен ручной росписью. В оформлении использована краска на основе кобальта, что делало их недешевыми. На белый фон нанесен реалистичный декор. Центральная композиция размещена на тулове, венчике, придонной части. С одной стороны сосуда – это ветка из плодов винограда, а с другой – лист. Вокруг центральной композиции размещены растительные элементы. В самом богатом оформлении (№ 20) (Рис. 1, 5а–5б) использована позолота; ею обозначены контуры ягод, прописаны прожилки виноградного листа, нанесена окантовка.

Вокруг винограда нарисованы стилизованные сюжеты из веточек, листьев и цветов голубым, синим, кобальтовым, зеленым, розово-коричневым цветами. Встречаются ромашки (№ 1–2, 7, 17–18) или упрощенная роза – «агашка» (№ 6, 22) (прием быстрой росписи несложными мотивами растительного орнамента) (Русский..., 2010: 15).

Чайник № 3 отнесен нами ко второму варианту первой группы. На его тулове на белом фоне нанесен росписью скромный букетик из стилизованной многолепестковой ромашки розового цвета в обрамлении мелких голубых цветков, зеленых листьев и веточек, выполненных коричневой краской.

Чайник № 4 относится ко второй группе. На белом фоне на тулове выделяется розовый пион, а также другие садовые цветы. Также цветами декорирована крышечка. Сюжет стилизован под китайский.

Тарелку с аналогичным декором мы находим в каталоге Рыбинского музея, опираясь на который, можно определить технику исполнения узора – печать, подглазурь, деколь (Русский..., 2010: 69. № 78 а).

К редкому образцу посуды данной группы относится чайница для хранения чая (Рис. 1, 8). Она похожа на кубышку. На тулове в верхней части сделан рельеф, напоминающий растительные завитки. Сосуд покрыт белой глухой глазурью. Придонная часть и завитки окрашены кобальтом. На центральной части тулова росписью нанесена роза-«агашка» с листьями.

Среди выявленных нами предметов также есть одна сахарница, предположительно, фарфоровая (№ 27) (Рис. 1, 7а). Форма тулова близка к усеченному конусу. Она интересна своим декором. Фон сосуда розового цвета выполнен крытьем (сплошное покрытие краской), на тулове – рельефная (выпуклая) ветка розы, выполненная, возможно, литьем. Рисунок сверху был покрыт росписью золотом, но сейчас позолота утрачена.

Аналогий таких предметов много. Максимально близкий декор (крытье розовым цветом) встречается в музейных коллекциях (Русский..., 2010: 64. № 71а; сахарница).

Нами было зафиксировано две маслѐнки (№ 14 и № 19), изготовленные в стиле «tromplѐй» (от фр. trompe-l'œil – «обман зрения»). Мода на такие изделия возникла во Франции. Они служили для украшения стола и одновременно для развлечения гостей, а в XIX в. получили распространение в Российской империи (Маслѐнка «Калач»). Первый образец (№ 14) – в собранном виде выглядит как виноградная гроздь с листьями, поэтому в искусствоведческих кругах их называют «виноградом». Она состоит из трех частей: сама маслѐнка в виде грозди (крышка и емкость под масло) и тарелочка-подставка в виде виноградного листа. Маслѐнка покрыта белой глухой глазурью, на тарелочке-подставке видны следы позолоты. Ручка на маслѐнке окрашена в фиолетовую люстровую⁶ краску. Вторая маслѐнка – «Калач» (№ 19) выполнена в виде этого изделия. Сейчас у нее отсутствует верхняя часть.

Маслѐнки скромно декорированы – практически не использована цветная роспись, также нет фабричных клейм. Вероятно, производитель старался удешевить продукцию. № 14, по записи КП КМУШ, использовали как конфетницу (КП КМУШ: 20 об.-21).

5. Заключение

Мы предполагаем, что было несколько причин, из-за которых только у сибирских бухарцев была обнаружена фаянсовая и фарфоровая посуда. Их отличительной чертой было то, что они были более обеспеченными в отличие от остальных этнических групп (Корусенко, 2011, 29–40).

У бухарцев юрт Ембаевских и других поселений Бухарской волости Тюменского уезда Тобольской губернии одним из основных источников дохода была оживленная и крупная торговля со степными областями Центральной Азии, где они приобретали кожи, сало, волосы, овечью шерсть и др. сырье, а взамен местным жителям предлагали товары с Ирбитской ярмарки (Андроников, 1911: 335–336). У бухарцев Тарского уезда Тобольской губернии основной источник доходов происходил от занятия товарным мясо-молочным животноводством. Свою продукцию они сбывали в Таре, Омске и др. Также бухарцы Тарского уезда занимались перевозкой товаров на ярмарки в г. Ишим, Омск, Павлодар, Ирбит (Андроников, 1911: 385, 390).

Таким образом, их финансовые возможности и более гибкие мировоззренческие установки, обусловленные повышенной мобильностью из-за занятия торговлей и извозом, позволяли перенимать элементы образа жизни городского человека, где фарфор и фаянс были одной из его составляющих.

Еще мы считаем необходимым осветить вопрос, связанный с причинами формирования богатейших этнографических коллекций в селах Ембаево и Уленкуль.

В настоящее время потомки сибирских бухарцев отличаются стремлением к сохранности элементов своей идентичности в составлении родословных, устных преданиях и автобиографических воспоминаниях. Музеи и коллекции также являются одной из форм проявления и сохранения их культурного своеобразия. В селах Ембаево и Уленкуль как исторических центрах тюменской и тарской групп носителям традиций проще всего аккумулировать культурное наследие своих предков, поэтому здесь сформировались собрания уровня государственных историко-краеведческих музеев.

Проведенная атрибуция и систематизация посуды из тонкой керамики показала, что больше всего сохранилось чайников «Виноград» и блюд, что может быть обусловлено редкостью их использования в повседневной жизни.

Большая часть посуды сделана на фабриках семейства Кузнецовых с 1870-х гг. по 1917 г. Уникальными или редкими предметами являются тарелка № 10 и комплект столовой посуды № 23, ваза суповая № 16, тарелка № 8 и блюдо № 12, чайники «Виноград» № 1–2, 6–7, 17–18, 20, 22, чайница № 21, сахарница № 27.

В заключении нужно отметить, что соотношение посуды, произведенной до и после 1917 г., соответствует 28-ми и 19-ти. Большая часть изделий советского производства изготовлена на бывших Кузнецовских фабриках до середины XX в. Преобладание дореволюционной посуды в коллекциях может свидетельствовать о том, что после 1917 г. Россия переживала сильный экономический слом, население было подвергнуто обнищанию, зажиточные слои деревни подвергнуты репрессиям, поэтому фарфоровой и фаянсовой посуды приобреталось меньше.

6. Благодарности

За возможность работы с коллекциями благодарим сотрудников музея-заповедника в с. Ембаево Тюменской области, главу Уленкульского сельского поселения Л.М. Мухаметшину, директора Уленкульской средней общеобразовательной школы Омской области А.К. Давлетбагина, учителя и заведующего Краеведческим музеем школы С.С. Чумарова, а также наших информаторов за сведения о посуде.

Литература

- Андроников, 1911** – Андроников И.А. Материалы по землевладению и экономическому быту оседлых инородцев Тобольской губернии. Тобольск, 1911. 395 с.
- Валеев, 1980** – Валеев Ф.Т. Западносибирские татары во второй половине XIX – начале XX веков (Историко-этнографические очерки). Казань, 1980. 231 с.
- Госкаталог** – Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://goskatalog.ru/portal/#/> (дата обращения: 01.08.2019).
- ГОСТ** – ГОСТ Р 54868-2011 Посуда керамическая: Термины и определения (издание официальное). М., 2012. 12 с.
- Корусенко, 2011** – Корусенко С.Н. Сибирские бухарцы в начале XVIII века. Омск, 2011. 248 с.
- КП ЕКМ** – Книги поступлений № 1–3 Основного фонда музея-заповедника в с. Ембаево.
- КП КМУШ** – Книга поступлений Краеведческого музея школы в с. Уленкуль.
- Марки...** – Марки Кузнецовского фарфора с 1810 по 1917 г. // ANT&K CLUB «Клуб антиквариетов и коллекционеров» [Электронный ресурс]. URL: http://antikclub.ru/load/club_collektors/farfor_keramika/marki_farfora_kuznesov_1810_1917/30-1-0-281 (дата обращения: 20.08.2019).
- Марки..., 1995** – Марки российского фарфора (1744–1917) / Сост. Р.Р. Мусина. М., 1995. 80 с.
- Марки..., 2003** – Марки российского фарфора и фаянса. 1750–1960 / Сост. Т.И. Дулькина. М., 2003. 421 с.
- Маслѐнка** – Маслѐнка «Калач» // СовАрт: антикварный салон. URL: [https://sov-art.net.ru/antikvariat/farforovaya-posuda-do-1917-goda/maslenka-kalach\(3\)](https://sov-art.net.ru/antikvariat/farforovaya-posuda-do-1917-goda/maslenka-kalach(3)) (дата обращения: 29.08.2019).
- Никифорова** – Никифорова Л. Масленицы М.С. Кузнецова // Мои фарфоровые истории [Электронный ресурс]. URL: <http://nikiflove.ru/maslenitsy-m-s-kuznetsova/> (дата обращения: 29.08.2019).
- Никифорова, а** – Никифорова Л. Торговые дома Российской империи и Brown-Westhead, Moore& Co // Мои фарфоровые истории [Электронный ресурс]. URL: <https://nikiflove.ru/torgovye-doma-rossijskoj-imperii-i-brown-westhead-moore-co/> (дата обращения: 29.08.2019).
- Патканов, 1911** – Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.) : [В 3-х т.]. СПб., 1911–1912. Т. 2 : Тобольская, Томская и Енисейская губернии. 1911. 431 с.
- Пиала** – Пиала // Экспонаты Сахалинского областного краеведческого музея. [Электронный ресурс]. URL: http://sakhalinmuseum.ru/exhb_id_25242.php (дата обращения: 29.08.2019).
- Русский..., 2010** – Русский художественный фарфор XVIII – первой трети XX веков в собрании Рыбинского музея-заповедника. Тверь, 2010. 96 с.
- Салтыков, 1952** – Салтыков А.Б. Русская керамика: Пособие по определению памятников материальной культуры XVIII – начала XX вв. М., 1952. 272 с.
- Сахарница** – Сахарница КП-19256/3. Этнографическая коллекция Самарского областного историко-краеведческого музея [Электронный ресурс]. URL: <http://alabin.ru/kollektsii/istoriko-bytovye-kollektsii/kollektsiya-farfora-i-fayansa/> (дата обращения: 20.08.2019).
- Система..., 2003** – Система научного описания музейного предмета: классификация, методика, терминология: Справочник. СПб., 2003. 408 с.
- Суслов, 1972** – Суслов И.М. Изучение и научное описание памятников керамики // Изучение и научное описание памятников материальной культуры. М., 1972. С. 13-70.
- Томилов, 1992** – Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX Вв. Омск, 1992. 272 с.
- Desaru** – Desaru // Maritime Asia [Electronic resource]. URL: <https://www.maritimeasia.ws/exhibo1/pages/index.html> (date of access: 28.08.2019).

Ceramics – Ceramics // Maritime Asia [Electronic resource]. <https://www.maritimeasia.ws/desaru/ceramics.html> (date of access: 28.08.2019).

References

- Andronikov, 1911** – *Andronikov I.A.* (1911). Materialy po zemlevladieniyu i ekonomicheskomu bytu osedlykh inorodtsev Tobol'skoi gubernii [Materials on land tenure and economic life of settled foreigners of the Tobolsk province]. Tobol'sk. 395 p. [in Russian]
- Ceramics** – Ceramics // Maritime Asia [Electronic resource]. <https://www.maritimeasia.ws/desaru/ceramics.html> (data obrashcheniya: 29.08.2019).
- Desaru** – Desaru // Maritime Asia [Electronic resource]. URL: <https://www.maritimeasia.ws/exhibo1/pages/index.html> (data obrashcheniya: 29.08.2019).
- Goskatalog** – Gosudarstvennyy katalog Muzeinogo fonda Rossiiskoi Federatsii. [State Catalog of the Museum Fund of the Russian Federation]. [Electronic resource]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/> (data obrashcheniya: 29.08.2019) [in Russian]
- GOST** – GOST R 54868-2011. Posuda keramicheskaya: Terminy i opredeleniya (izdanie ofitsial'noe) [GOST R 54868-2011 Ceramic ware: Terms and definitions (official publication)]. M., 2012. 12 p. [in Russian]
- Korusenko, 2011** – *Korusenko S.N.* (2011). Sibirskie bukhartsy v nachale XVIII veka [Siberian Bukhara at the beginning of the XVIII century]. Omsk. 248 p. [in Russian]
- KP EKM** – Knigi postuplenii № 1–3 Osnovnogo fonda Embaevskogo muzeya [Register Book No. 1-3 of the Main Fund of the Embaevsky Museum]. [in Russian]
- KP KMUSH** – Kniga postuplenii Kraevedcheskogo muzeya shkoly v s. Ulenkul' [Register Book to the local history museum of the school in the village of Ulenkul]. [in Russian]
- Marki...** – Marki Kuznetsovskogo farfora s 1810 po 1917 g. [Stamps of Kuznetsovsky porcelain from 1810 to 1917]. // ANT&K CLUB «Klub antikvariev i kollektzionerov» [Elektronnyi resurs]. URL: http://antikclub.ru/load/club_collektors/farfor_keramika/marki_farfora_kuznecov_1810_1917/30-1-0-281 (data obrashcheniya: 29.08.2019) [in Russian]
- Marki..., 1995** – Marki rossiiskogo farfora (1744–1917) [Brands of Russian porcelain (1744-1917)]. M., 1995. 80 p. [in Russian]
- Marki..., 2003** – Marki rossiiskogo farfora i fayansa. 1750–1960 [Brands of Russian porcelain and faience. 1750-1960]. M., 2003. 421 p. [in Russian]
- Maslenka** – Maslenka «Kalach» [Butter-dish – Butter-dish “Kalach”]. SovArt: antikvarnyi salon. [Elektronnyi resurs]. URL: [https://sov-art.net.ru/antikvariat/farforovaya-posuda-do-1917-goda/maslenka-kalach\(3\)](https://sov-art.net.ru/antikvariat/farforovaya-posuda-do-1917-goda/maslenka-kalach(3)) (data obrashcheniya: 29.08.2019). [in Russian]
- Nikiforova** – *Nikiforova L.* Maslenitsy – Maslenitsy M.S. Kuznetsova [Butter-dishes M.S. Kuznetsova]. Moi farforovye istorii [Elektronnyi resurs]. URL: <https://nikiflove.ru/maslenitsy-m-s-kuznetsova/> (data obrashcheniya: 29.08.2019): 29.08.2019). [in Russian]
- Nikiforova, a** – *Nikiforova L.* Torgovye doma – Torgovye doma Rossiiskoi imperii i Brown-Westhead, Moore& Co [Trading houses of the Russian Empire and Brown-Westhead, Moore & Co]. Moi farforovye istorii [Elektronnyi resurs]. URL: <https://nikiflove.ru/torgovye-doma-rossijskoj-imperii-i-brown-westhead-moore-co/> (data obrashcheniya: 29.08.2019). [in Russian]
- Patkanov, 1911** – *Patkanov S.K.* (1911). Statisticheskie dannye, pokazyvayushchie plemennoi sostav naseleniya Sibiri, yazyk i rody inorodtsev (na osnovanii dannykh spetsial'noi razrabotki materiala perepisi 1897 g.) [Statistical data showing the tribal composition of the population of Siberia, language and clans of foreigners (based on data from a special development of the census material of 1897)]: [V 3-kh Vol.]. SPb., 1911–1912. Vol. 2: Tobol'skaya, Tomskaya i Eniseiskaya gubernii, 431 p. [in Russian]
- Piala** – Piala [Piala (tea bowl)]. Ekspozitsiya Sakhalinskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya. [Elektronnyi resurs]. URL: http://sakhalmuseum.ru/exhb_id_25242.php
- Russkii..., 2010** – Russkii khudozhestvennyi farfor XVIII – pervoi treti XX veka v sobranii Rybinskogo muzeya-zapovednika [Russian porcelain of the XVIII - the first third of the XX century in the collection of the Rybinsk Museum-Reserve]. Tver', 2010. 96 p. [in Russian]
- Sakharnitsa** – Sakharnitsa KP-19256/3 Etnograficheskaya kolleksiya Samarskogo oblastnogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya [Sugar bowl KP-19256/3. Ethnographic collection of the Samara Regional Museum of History and Local Lore]. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://alabin.ru/kollektsii/istoriko-bytovye-kollektsii/kolleksiya-farfora-i-fayansa/> (data obrashcheniya: 29.08.2019) [in Russian]
- Saltykov, 1952** – *Saltykov A.B.* (1952). Russkaya keramika: Posobie po opredeleniyu pamyatnikov material'noi kul'tury XVIII – nachala XX v. [Russian ceramics: A guide to the definition of monuments of material culture of the XVIII – early XX century]. M., 272 p.
- Sistema..., 2003** – Sistema nauchnogo opisaniya muzeinogo predmeta: klassifikatsiya, metodika, terminologiya: spravochnik [The system of scientific description of a museum subject: classification, methodology, terminology: reference book.]. SPb, 2003. 408 p. [in Russian]
- Suslov, 1972** – *Suslov I.M.* (1972). Izuchenie i nauchnoe opisanie pamyatnikov keramiki [Study and scientific description of ceramics]. Izuchenie i nauchnoe opisanie pamyatnikov material'noi kul'tury. M., pp. 13-70. [in Russian]

Tomilov, 1992 – Tomilov N.A. (1992). Etnicheskaya istoriya tyurkoyazychnogo naseleniya Zapadno-Sibirskoi ravniny v kontse XVI – nachale XX v. [The ethnic history of the Turkic-speaking population of the West Siberian Plain at the end of the 16th – beginning of the 20th centuries]. Omsk. 272 p. [in Russian]

Valeev, 1980 – Valeev F.T. (1980). Zapadnosibirskie tatory vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov (Istoriko-etnograficheskie ocherki) [West Siberian Tatars in the second half of the XIX – early XX centuries (Historical and ethnographic essays)]. Kazan'. 231 p. [in Russian]

Примечания

¹ В тексте используются не музейные инвентарные номера, так как они есть не у всех предметов, а порядковые номера, присвоенные нами. Приводим соответствие нашей нумерации музейным шифрам при их наличии. Чайники № 1–№ 4 (КМУШ № 74–77), блюдо № 5 (КМУШ № 81), чайник № 7 (КМУШ № 89), тарелки № 8–10 (КМУШ № 91–93), блюда № 11–12 (КМУШ № 94–95), тарелка № 13 (КМУШ № 96), маслёнка № 14 (КМУШ № 99) (КП КМУШ. Л. 14 об.-21), блюдо № 15 (ЦТК, б/н), ваза суповая (ЦТК, б/н), чайники № 17–18, 20–22 (ЦТК и личное владение жителей, б/н), маслёнка № 19 (ЦТК, б/н), комплект столовой посуды № 23 (ЕКМ 45/1-3), блюда № 24–26 (ЕКМ № 60, 164, 240), сахарница № 27 (ЕКМ №1031/4) (КП ЕКМ № 1–3), тарелка № 28 (школа, с. Казанское, б/н).

² В работе мы будем различать марку, выполненную цветом, и клеймо, вдавленное в керамическую массу. В таком случае читателю будет понятен способ нанесения фабричного знака без описания технических подробностей.

³ При надглазурном способе нанесения красок они наносятся на белую, хорошо обожженную глазурованную поверхность черепка, затем снова обжигаются при температуре 600–900° С (Русский..., 2010: 15).

⁴ В литературе и на знаках № 8, 12 и № 3453144 из Госкаталога есть разночтение фамилии Пермяковых.

⁵ Деколь – это вид керамический росписи механическим способом, близкий к печати. Цветные переводные картинки (деколь) увлажняют и наносят на поверхность изделия, затем снимают рисунок, закрепляют обжигом. Печать – механический способ. Рисунок переносится на бумагу, а с нее – на изделие. После обжига бумага сгорает, краска на изделии закрепляется (Русский..., 2010: 15; Система..., 2003: 202, 206).

⁶ Люстр – надглазурное декоративное покрытие в виде тонкой пленки с радужным металлическим и перламутровым блеском (Система..., 2003: 204).

Посуда из фаянса и фарфора сибирских бухарцев второй половины XIX – начала XX вв.

Марина Николаевна Тихомирова ^{a, *}, Константин Николаевич Тихомиров ^a

^a Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН, Омск, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена изучению посуды из фаянса и фарфора сибирских бухарцев второй половины XIX – начала XX вв. как одного из важных элементов материальной культуры. В работе впервые приведено описание 28 предметов из коллекций сельских музеев в с. Уленкуль Омской области и с. Ембаево Тюменской области. В ходе исследования была проведена научная атрибуция и классификация материала. Были выделены столовая (тарелки, блюда, супница) и чайная (заварочные чайники, чайница, сахарница, масленки) посуда.

Сделаны выводы о том, что преобладают предметы, сделанные на фабриках семьи Кузнецовых. В результате анализа выявленных образцов встречаются уникальные и редкие, как, например, тарелка № 10 и комплект столовой посуды № 23; ваза суповая № 16, чайница № 21 и др.

Мы предполагаем, что посуда из тонкой керамики была обнаружена только у сибирских бухарцев, потому что они отличались состоятельностью среди прочих сибирских татар, так как традиционно занимались торговлей, извозом, товарным животноводством. Их финансовые возможности и более гибкие мировоззренческие установки, обусловленные повышенной мобильностью, позволяли перенимать элементы образа жизни городского человека, где фарфор и фаянс были одной из его составляющих.

Ключевые слова: фаянс, фарфор, посуда, бухарцы, Россия, Западная Сибирь, этнография, музейные коллекции.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: marinat24@mail.ru (М.Н. Тихомирова)

Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1613-1622. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1613
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Gasprinskii's Nation-Building Project through its Reflection in "The Perevodchik-Terjiman" Newspaper

Veronika V. Tsibenko ^{a,*}, Nadezhda Ye. Tikhonova ^a

^aSouthern Federal University, Centre for Interdisciplinary Studies in the Humanities, Russian Federation

Abstract

This paper aims to identify the features of the nation-building project of the Crimean Tatar enlightener, educator, journalist, public and political figure Ismail Gasprinskii (1851–1914) based on the analysis of his newspaper "The Perevodchik-Terjiman" (1883–1918). This Bakhchysarai-based newspaper was published for 35 years, during which time it gave a voice to the forward-thinking Russian Muslims and provided an influential platform for public debates. The completion of a comprehensive discourse analysis on the newspaper's articles on a wide range of ethnocultural and sociopolitical issues allowed us not only to examine Gasprinskii's nation-building project from the perspective of his ideas concerning the creation of a common national language, modernization of the religious sphere and inclusion of women in the nation-building process; but also to fit it into the all-Russian sociopolitical context of the turn of the 19th–20th centuries by identifying and analyzing such topics as sociopolitical conditions of Muslim Turks in Russia and Muslim emigration from Russia to the Ottoman Empire (Muhajirism).

Keywords: Ismail Gasprinskii, Muslim press, Russian Muslims, Muslim Modernism, nation-building project.

1. Introduction

The main purpose of this study is to examine the features of the nation-building project of Crimean Tatar enlightener, educator, publicist, public and political figure Ismail Gasprinskii based on the analysis of his newspaper, "The Perevodchik-Terjiman", [hereinafter referred to as The Terjiman]. The research is relevant not only because of its inclusion in the general sociopolitical context in Russia at the turn of the 19th–20th centuries, but also because Gasprinskii's ideas were popular in former USSR-states and in Turkey, where they are often cited in a selective and distorted manner.

The Terjiman newspaper was published in a dual-language format (Russian text with its translation into so-called common Turkic), and was one of the central journalistic platforms for deliberation on modernization issues among Russian Muslim Turks.

Through its public discussions and news reports, The Terjiman covered the questions of ethnocultural and sociopolitical changes among the various Turkic-Muslim peoples of the Russian Empire, as well as current events that took place at the turn of the 19th–20th centuries in Russia and around the world.

In the former USSR, among different Turkic peoples, one can note a rising tide of interest in modernization, educational projects and the nation-building processes of Muslims, and these were precisely the topics popularized by Gasprinskii in his newspaper. This is due to a consonance between issues raised at the turn of the 19th–20th centuries and the ensuing problems faced by the Turkic peoples after the collapse of the Soviet Union: preservation of their native languages; development of national educational systems including a determination of their own approach to national history; identification of their people as part of global history, and so on.

* Corresponding author

E-mail addresses: tsibenkovv@sfedu.ru (V.V. Tsibenko), tikhonovane@sfedu.ru (N.Ye. Tikhonova)

At the same time, nowadays the slogan “Unity in language, thoughts, deeds”¹, which was in use in The Terjiman from 1912 onwards, is mostly deemed in Turkey and in the West, (primarily, thanks to the Turkish-Muslim emigrants among Gasprinskii’s followers who left Russia after the revolution of 1917), as a symbol of world Turkic unity under the auspices of Turkey, just as Gasprinskii’s ideas were heard as a call for the political independence of Russian Muslim Turks and their struggle with the Russian authorities. However, this adoption of Gasprinskii’s ideas does not reflect his views on the prospects for further development of the Muslim Turk population of Russia.

It should also be noted the enormous influence The Terjiman newspaper still has on the modern Crimean Tatar press and Turkic-language periodicals in general, not only in Russia, but also abroad, primarily in Turkey. The continuity of Gasprinskii’s ideas is present in several modern Crimean Tatar, Turkish, Tatar newspapers and magazines. Thus, the day when the first issue of the The Terjiman was published on April 10² [1883] has been celebrated in Crimea and Ukraine as the Day of the Crimean Tatar Journalism, since 2011. Indeed, in 2015 a media center named after Gasprinskii was created on the peninsula, which publishes nine national newspapers, with three of them in the Crimean Tatar language. But if Crimean Tatar journalism is generally considered to be a follower of The Terjiman as a first national newspaper, then periodicals from outside of Crimea, presenting themselves as followers of Gasprinskii’s ideas³, promote projects of global Turkic unity under the cultural and political leadership of Turkey. In this manner, they reimagine Gasprinskii as a Pan-Turkism ideologist.

2. Materials and methods

For this project, we focused on The Terjiman newspaper articles in Russian and so-called common Turkic (in Arabic script) from 1883 to 1914, i.e., the period during which the newspaper’s editor-in-chief was Ismail Gasprinskii.

Initially we searched, selected and thematically classified the relevant items of the The Terjiman newspaper, then also transliterated and translated Turkic articles into Russian.

At the second stage, we implemented a diachronic discourse analysis on selected materials, such as, but not limited to, a comparison of the Russian and Turkic sections of the newspaper.

For the purposes of our study, using comparative historical and constructivist approaches, we tried to identify the main features and evolution of Gasprinskii’s nation-building project in the all-Russian context.

3. Discussion

There are many studies examining the influence of The Terjiman newspaper on the development of the modernization process among Russian Muslim Turks at the turn of the 19th–20th centuries (Lizzerini, 1992; Khalid, 1998; Gankevich, Shendrikova, 2008). These pieces of research focus mostly on the key role and impact the newspaper exerted on the modernization process. At the same time, we are interested in the correlation between Gasprinskii’s nation-building project and modernization.

There are also studies on the nation issue in The Terjiman and on the ideological views of Gasprinskii himself. Most of them sought to portray him as an ideologist as well as placing The Terjiman as an advocate of Pan-Turkism ideas and the struggle of Muslim Turks with Tsarist Russia (Akchura, 2008; Kirimer, 1934). In this connection, the authors of these studies perceived Gasprinskii’s nation-building project in a more radical form. They admixed it with the Turkic unity project not taking into account that the idea of Turkic unity in The Terjiman was not of a political, but of a cultural nature, one which focused on common cultural and historical roots of Turkic peoples. We should keep in mind that Gasprinskii’s nation-building idea itself featured only Russian Muslim Turks. Meanwhile, there is also some research outlining The Terjiman as an advocate of the Russian statist position (Yilmaz, Bahrevskiy, 2017). However, our focus in this paper is on the constructivist aspect of Gasprinskii’s nation-building project.

Some researchers have also addressed the sociopolitical situation of Muslim Turks in Russia, which was one of the central topics of The Terjiman newspaper⁴ (Ot redaktsii, 1883). Drawing on articles from the newspaper, researchers have focused on various aspects, such as the social and daily life of Muslims in different regions of the Russian Empire at the turn of 19th–20th centuries (Abduramanova, 2015); issues of inter-ethnic relations and patriotism among the Muslim population of Russia (Shukurdzhieva, 2017); issues of emigration of Russian Muslims to the Ottoman Empire (Abibullaeva, 2010); and so on. In addition, the studies of D.S. Arapov (Arapov, 2004) and R.G. Landa (Landa, 2011) cover the history of the interaction

¹ Dilde, fikirde, işde birlik.

² Here and hereafter in the text all dates of newspaper publications are listed in Old style. It should be noted that the Day of Crimean Tatar journalism is celebrated on April, 10 in New style.

³ For instance, the “Türk yurdu” and “Emel” magazines and “Qırım’ın sesi” newspaper in Turkey, the “Turkic view” newspaper in Tatarstan, etc.

⁴ On April 10, 1883, Gasprinskii had already written in the first issue of his newspaper: “The Perevodchik” will serve for Muslims as much as a conductor of sober, useful information from cultural life, and at the same time it will familiarize Russians with the life, attitudes and needs of Muslims”.

between Russian Muslim Turks and the state power in the 18th–20th centuries, which describes the overall sociopolitical context, and are of great relevance to our study.

Despite the abundance of literature on the subject covered in this paper, such topics as the evolution of the editor's approach to the nation question or correlation between the newspaper's ethnocultural and political issues and the promotion of the nation-building project, have not been the subject of much research. Besides, there seems to be an absence of research directly devoted to a discourse analysis of *The Terjiman* newspaper. Indeed, in this paper we tried to employ a distinctive approach, focused on "in what way" and "for what purpose" something was said in a certain context rather than on "what" was said.

In addition, we used the academic research of B. Anderson ([Anderson, 2006](#)), G. Gellner ([Gellner, 2009](#)) and C. Hirschi ([Hirschi, 2012](#)) on the origin and development of nationalism concepts. For instance, Anderson labelling nations as "imagined communities" articulated the concept of a "print capitalism". According to this concept, the widespread evolution of the newspaper industry as well as the novel genre in literature, deeply affected the development of national identity. Gellner emphasized the unification and nationalization of the education system as a key factor in the formation of national ideas. Both Anderson's and Gellner's theories correlate with Gasprinskii's educational and publicist activities. Still, in their view, the only form of state power nationalism accepts is an independent nation state. At the same time, as Hirschi exemplified by the nationalism of Antiquity and Medieval era, there are other forms of nationalism without claims to an independent statehood.

4. Results

In furtherance of this study's goal we analyzed the key aspects of Ismail Gasprinskii's nation-building project regarding the creation of a common national language, the reformation of Islam and women's integration into the nation-building process. We also distinguished such important issues for the evolution of Gasprinskii's ideas, as the sociopolitical situation of the Muslim Turks in Russia and their emigration to the Ottoman Empire (Muhajirism); as well as applying a discourse analysis of the newspaper's terminology used in the nation context.

Firstly, it should be noted that there was an unsystematic use of ethnoreligious, linguistic and sociopolitical terminology, which formed the basis of the newspaper's nation discourse.

For example, during the life cycle of *The Terjiman*, a variety of terms were used for the general designation of Russian Muslim Turks: "Turks", "Turkic-Tatars", "Tatars", "Muslims". These different terms would be used simultaneously within the same article. The same goes for the common language titles: "Turkic", "Tatar", "Muslim", "Turkic-Tatar".

The term "nation" ("Millet") was also ambivalent, as far as it was used both for the Turkic people taken separately and Russian Muslim Turks taken as a whole. Moreover, it is noticeable from a diachronic perspective, that the term "Turkic tribe" ("Turk Kavmi") was gradually replaced by the term "Turkic nation" ("Turk millet"), which gained currency only in the early 20th century (from 1900). At the same time, semantically similar to the term "nation" was the term "people" ("halk"), initially used to designate the Turkic people taken separately and then all Russian Muslim Turks taken as a whole. In this respect, in the newspaper's Turkic version, the terms "milletdash" ("representative of the same nation") and "dindash" ("coreligionist") were also used, however in the Russian text there was only the term "coreligionist".

In addition, throughout the entire period of *The Terjiman*'s life cycle, one of the key concepts used in the newspaper's nation discourse was "Russian Muslims" or simply "Muslims", and if required, with regional referencing (Crimean Muslims, Kazan Muslims, Tiflis Muslims, etc.). Moreover, the term "Russian Muslims" mostly referred to "Russian Muslim Turks" and in this respect, it was used as a synonym for the term "people" ([Terjiman, 1894](#)). This is because the population census in the Russian Empire during that period was based on a self-definition of one's religious affiliation rather than on ethnicity. It should be noted, however, that ethnic self-definition and its opposition to "other" ethnic groups obviously existed, resulting in ethnonyms such as Tatar, Kirghiz, Nogai, Crimean Tatar, Bashkir and others, which we also found in *The Terjiman* newspaper articles. At the same time, the idea of a "common Turkic" national identity was absent, and its construction would require extensive work, primarily through the impact on public opinion of such media as *The Terjiman* newspaper.

Setting the sociopolitical aspect of Gasprinskii's nation-building project in the context of Russian realities of that era, one can note the regular use of the following terms: "loyal subject" ("sadatkatly tebaalar"), "patriotism" ("vatanperverlik"), "Motherland" ("Vatan"), "toleration" (in Turkic translation -"dine kemal-i hurmet", i.e. "full respect for the faith"), "equal/fair rights" ("bir derejede/adil haklar"), and so on. It denotes the positive image-building of Russia as a country of origin for Muslim Turks, as well as demonstrating of their loyalty to the authorities.

In this context, there were also terms that emphasized the newspaper's nation-oriented line: "Turkic (Muslim) people / tribe / nation" ("Turk (Muslim) halki/ ashireti/ milleti"), "nationalism" ("milletperverlik"), "subordinated / conquered peoples" ("zabt idilmish/ tabi idilmish halklar"), "Russification" ("Ruslashdyrma"), "person of foreign race" ("gayri Ruslar", i.e. "non-Russians", Russian "inorodets") and others.

Besides, the newspaper's Russian text regularly marked the indigenous origin of Muslim Turks in Russia by use the term "natives" (Russian "tuzemets"), whereas in Turkic versions the terms "islamlar" or "musulmanlar" ("Muslims") were mostly interchanged.

As may be observed from The Terjiman articles, Gasprinskii sought to construct the common national identity of Russian Muslim Turks by gradually promoting the idea of their cultural and historical kinship. In one of the very first issues of The Terjiman, Gasprinskii pointed to the "unity of the religious sect, language and tribe" of "Muslims from various Russian regions" ([Dva slova, 1883](#)).

A special focus of the newspaper's discourse was on the percentage of Muslim Turk population in Russia, who in Gasprinskii's opinion quantitatively ranked first after the Russians ([Musul'manskoe naselenie Rossii, 1887](#)). It was repeatedly stressed in the newspaper that they accounted for nine tenths of the entire Muslim population in Russia and numbered between 10 to 14 million ([Vopros o yazyke, 1905](#)). Besides, Gasprinskii pointed out, that: "Apart from the Ottoman Empire and China (Kashgar), the entire Turkic-Tatar tribes became part of Russia. The previously formed Siberian, Kazan, Crimean, Astrakhan, Baku, Shemakhan and Kokand khanates consist of various peoples of the Turkic kind (plemya), such as the Tatars from Crimea, Transcaucasia, Astrakhan, Kazan, residents of Kokand, the steppe regions of Turkestan and other localities. <...> All these Muslims, except for the highland population of the Caucasus, speak similar dialects of the same language" ([Musul'manskoe naselenie Rossii, 1887](#)). Gradually, in allegorical form, Gasprinskii promulgated the idea of their future unification as a noticeable advantage relative to their then atomized existence.

Until the beginning of the 20th century, which marked the general liberalization of public life in Russia, The Terjiman's articles treated common Turkic nation idea apolitically. Primarily, because further dissemination and popularization of such an idea required the intended audience to be prepared for its perception. In this regard, concerning the creation of a semiformal political association of Russian Muslims, "Ittifaq ul-muslimin" ("Muslim Union", 1905–1907) Gasprinskii later noted: "In 1883 the common, unifying national idea wasn't even in the air, but now since 1905 it has reached different social groups and it's trying to crystallize as a cultural-political party" ([K chitatel'nyu, 1907](#)).

In addition to the above, from 1905 onwards, the idea of nation in The Terjiman's articles was discussed openly: "I will never sympathize with something that one way or another will erode the idea of nationalism. <...> I can think about nothing but it [our nation]" ([Gasprinskii, 1907](#)).

Moreover, the nation-building idea was covered in the newspaper both in special dedicated articles and intertwined with topics on common language, the reformation of Islam, the emancipation of Muslim women, the sociopolitical condition of Muslims in Russia, etc.

In the framework of Gasprinskii's nation-building project, the construction of linguistic unity among Muslim Turks seems to be the most important stage. In this respect, Gasprinskii was determined to resolve this issue: "Of course, the several million Turkic people can not be excepted from the rule and became a people without language. <...> We must not forget that the language of the people is a no less important element of its existence than is religion" ([Vopros o yazyke, 1905](#)).

Since its first edition, the newspaper regularly published notes about the linguistic affinity of different Turkic languages, usually calling them local dialects, parlances or subdialects: "Quite large Turkic-Tatar tribes inhabiting Central Asia and Eastern Europe speak many local dialects, which are so close to each other that for example a resident of Bakhchysarai can explain himself to a resident of Kashgar" ([Turetskie narechiya, 1888](#)).

Initially the newspaper set about gradually preparing its readers to perceive the idea of a linguistic unity of the Russian Muslim Turks, considering the common Turkic language as the language of literature, press and inter-ethnic communication. From 1905 however, the language issue in The Terjiman became increasingly more sensitive, explicitly voicing the nation idea and directly appealing for unity: "Vital, and the most complex tool, and basic for the progress of education and literature, religion and nation is a national language, a common literary language <...> Brothers, the time has come to work hard in order to bring about language unity; it's not the time to standstill or for apathy" ([Qarijin-i keraim khitap, 1906](#)). In addition, at the third All-Russian Muslim Congress in 1906, and despite the presence of opposing views, Gasprinskii succeeded in promoting the insertion of the common Turkic literary language into the program of "new method"¹ Muslim schools. It was also the time for The Terjiman to propagate a common Turkic literary language as a language for the new modernist (New Turkic) literature ([Vopros o yazyke, 1905](#)).

Another significant aspect of Gasprinskii's nation-building project was the reformation of Islam, since it seemed to be impossible to modernize Russian Muslim Turks and develop their national identity without religious renovation. As Russian Islam expert R.G. Landa puts it, Gasprinskii and other newspaper staff members reiterated the ideas of the coeval Muslim modernists (J. al-Afghani, M. Abdo, Sh. Marjani and others) about the unconditional suitability of the Quran and Sunnah for every epoch and all peoples ([Landa,](#)

¹ In 1884, Gasprinskii published a textbook, which provided a new phonetic method ("usul-i jedit") for reading and writing Arabic-script texts in Tatar. Then he started actively promoting this method for Muslim schools (mekteb) through The Terjiman. In this way, the "new method schools" were named after it. At the turn of the 19th-20th centuries such schools were opened not only in Russia but also abroad (Iran, Bukhara emirate, China).

2011). In this regard, they called for a return to the original purity of Islam¹ through its reformation, renewal and adaptation to modern conditions.

We also accept Landa's position whereby one of the basic methods for the renovation of Islam was the implementation of *ijtihād*. According to classic Sunni theory, the term "*ijtihād*" refers to the independent reasoning of the *mujtahid*² relating to unaddressed in Quran and Sunnah theological and legal questions or questions without scholarly consensus (*ijma*). On the other hand, Muslim reformers argued that every Muslim, highly proficient in Arabic language and theology, can perform *ijtihād*. So, The Terjiman regularly published articles by ordinary Muslim theologians and teachers, interpreting certain aspects of Islam, such as *zakat* (almsgiving) (Saafes, 1904), divorce (O razvode, 1904), etc., that directly confirm its modernist perception of *ijtihād*. Moreover, in 1899 The Terjiman announced a book contest (Terjiman, 1899) for the best religious interpretation of the questions relating to free will and obligation of labor in Islam (Premirovannaya knizhka, 1900). Thus, Gasprinskii did not only adhere to a modernist understanding of *ijtihād* but sought to disseminate it widely.

Gasprinskii's nation idea, among other things aimed at advancing the Turkic national identity, was supported by publications about the role of different ethnic groups including the contribution of Turks to the evolution of Islam: "<...> some of the greatest scholars and philosophers of the Muslim world were not Arabs, for instance, Ibn Sina was a Turk (according to other sources he was Iranian); Farabi was also a Turk; Salaheddin-Eyyubi was Kurd, etc." (Gasprinskii, 1884).

The newspaper's religious discourse also included articles about activities of Muftis (Gasprinskii, 1883) and the Spiritual administration of Muslims (Terjiman, 1885), mostly criticized for their inefficiency. In this regard, Gasprinskii tried to sell the line that it is necessary to employ forward-thinking Muslims as Muftis: "<...> the mufti should hold expertise both in religious and civic spheres... without damage to religious life, the senior member of the Mufti could be elected from among the civic people who had an understanding of the needs of the time as well as the orders and situation in Russia... The Mufti's proficiency in religion may be enough in Persia or Bukhara, where he is both a clergyman and religious judge. But in Russia, the Mufti is a civil dignitary and Muslim's representative in government and courts" (Otvēt gazete Ziya, 1883).

Like other coeval Muslim reformists, Gasprinskii did not advocate for complete secularization of society, but still he sought to renovate Islam to adapt it to present-day developments (Musul'manskaya tsivilizatsiya, 1884). More significantly however, is that Gasprinskii considered Islam a core element of national identity, able to resist assimilation and other negative external influences. A case in point was the Polish and Lithuanian Tatars, who completely lost their national language, but survived as a "nation" thanks to their religious identity (Pol'sha musul'manlary, 1913).

Also of particular importance in Gasprinskii's nation-building project was the issue of female education, since he saw girls as the future "mothers of the nation": "Let us add, that one educated, literate girl is ten times more useful than that of a boy; she will become a mother and her children's first teacher. Women must read, they must learn" (Koe o chem, 1884).

In our opinion, the "women's question" in The Terjiman should be considered in the context of the feminist movements which originated in the second half of the 19th century in the West and subsequently spread far beyond. An economic accelerator of this process appears to be the heightened need of fast-growing industry for female labor. At the same time, it is of significance that the increased socio-economic importance of women in the 19th–early 20th centuries had a great impact on the construction process of the national identity (Anderson, 2006: 62). Therefore, if previously non-taxpaying women were ignored by the authorities responsible for counting the population, in the second half of the 19th century, women were included in the census (Predstoyashhaya pervaya vseobshhaya perepis', 1895).

Alongside this, the newspaper's discourse on women's issues fed into the narrative of coeval Muslim reformists. Accordingly, Gasprinskii attached great importance to the equal status of men and women justified by Sharia as well as the needs of women's social engagement and female education. The newspaper also covered topics on female status in different countries, including Muslim ones, to identify existing problems in the field and show positive results of women's liberation (Zhizn' i pechat' v Turtsii, 1895).

To contextualize Gasprinskii's nation-building project we will also address the position of The Terjiman to the issues relating to the sociopolitical status of Muslims in Russia.

Thus, despite the considerable criticism of Russia's national policy for "persons of foreign race (inorodets)", the newspaper cultivated the loyalty of the Muslim-Turk population towards the state authorities and supported a rapprochement with Russians. This trend held both in the newspaper's early-

¹ For example: "The essence and spirit of Islam and its lofty principles remain the same as they were under the first Muslims, but perception of religion has changed and false attitudes to it have been established" (Lemanov, 1905).

² A *Mujtahid* is a high-ranking *faqih* (theologian), who has the ability and the right to decide on important issues of religion and sharia (Islamic law). The *Mujtahid* is required to know perfectly Arabic language and literature, to know by heart the Quran and Hadiths of a legal nature, and to rely solely on them in his judgments, to be able to apply the method of judgment by analogy (*qiyas*), to be aware of matters relating to *ijma* (consensus of *ulamas*), etc. In Sunni Islam, after the establishment of the four main *madhhabs* (law schools) in the 11th century, it became almost impossible to attain the level of *Mujtahid*.

period publications¹ and during the period of the 1905–1907 Russian Revolution², as well as in the subsequent period³.

In several articles on the social status of Muslims in Russia, one can note differences between the Russian and Turkic texts. For instance, the article “A few days in the Caucasus” covered the land problem in Batumi after its territories were captured by Russia in 1878. Its Russian version stated: “However, many natives lost their lands without knowledge of how and where to file a motion” (*Neskol'ko dnei*, 1886). At the same time, the Turkic version attributed the situation to a lack of knowledge of Russian language and laws: “The fact that there were no Muslims who speak Russian or who know Russian regulations, as well as the exact time of their appointment, predetermined a large number of those who lost their rights”. It means that for its Muslim Turkic readers, the newspaper promoted Russian language proficiency and knowledge of state laws as a necessity for their further integration into Russian society, as well as implicitly criticized the Russian authorities for the lack of conditions needed for the adaptation of the new subjects in the captured territories.

The newspaper’s narrative on public life in Russia during the 1905–1907 Russian Revolution is also of particular interest for our study. First, it should be noted that the term “revolution” was not in use in the newspaper, nevertheless events were presented negatively as a series of decentralized acts of protest throughout the country, threatening stability and inter-ethnic relations. In particular, the editorial staff of *The Terjiman* condemned the anti-Armenian massacres in Transcaucasia (*Armenyano-tatarskaya reznya*, 1905), anti-Semitic outrages in different regions (*Terjiman*, 1905b), mass robberies (*Terjiman*, 1905a), etc. Moreover, to confirm its loyalty to the state authorities during this period, the editorial staff published the following statements: “<...> our periodical focuses on the promotion of Russian freedom and Russian unity due to the evolution of the rights and way of life of the Muslim Turk population in Russia” (*Terjiman*, 1905c).

In addition, the sociopolitical demands of the “progressist” part of Russian Muslims were covered in the newspaper both within the framework of the activities of the Muslim union “*Ittifaq ul-Muslimin*” (1905–1907) and its regional offices, one of which, operating in Crimea, was headed by Gasprinskii himself, and the Muslim faction of the State Duma (from 1906). Their demands included such issues as the national cultural autonomy of Muslim Turks within Russia; preservation of Islam in its renewed form as a core element for the future unified Turkic nation; reform within the religious administration, educational institutions, military service for Russian Muslims; solidarization in public affairs with progressists from among representatives of other nationalities, and so on.

For instance, we can cite from the newspaper a transcript of the State Duma-speech of a Muslim parliamentarian and Gasprinskii’s comrade Sadri Maksudi: “I declare, g. [gentlemen], we will live as a particular nationality and will live freely in a free Russia” (*Rech' Maksudova*, 1910).

Another significant aspect of Gasprinskii’s nation-building project was the issue of Muslim emigration (primarily from Crimea) to the Ottoman Empire. Previously, other researchers have remarked on Gasprinskii’s negative attitude to this issue (*Abibullaeva*, 2010). In addition, we should specify that this attitude was based on its negative impact on Gasprinskii’s national program, because emigration could demonstrate its non-viability.

Primarily we should point out the differences between the Russian and Turkic texts, including the articles’ titles. Such differences can be noted from the very first articles about the mass emigration of the Crimean Tatars. For example, the Russian text stated: “25 years ago many Crimean Tatars emigrated to Turkey. Thousands of them died abroad; all of them turned bankrupt, and some of them came back” (*Gasprinskii*, 1886). At the same time the Turkic one was written with an overtly emotional tone: “In addition the Crimean population emigrated 25 years ago. Many of them died along the road. Some of emigrants returned to Crimea. Even one man of a thousand did not rest at ease through this emigration”.

We can also cite an article, which reported on a petition to Russian authorities by several Caucasian Tatars, who had recently emigrated to Turkey, and were struggling to return home because of the collapse of the Ottoman empire. This article, entitled in Russian “Return from Turkey”, began with the words: “It’s obvious that the Tatars, who emigrated from the Caucasus to Turkey, get on badly”. Its Turkic version, entitled “Return of the emigrants” (“*Kidenlerin Qayatushi*”), at the same time stated: “It’s wrong to say “return of Muhajirs”, because when there is no reason for Muhajirism, there are no “Muhajirs”, there are “emigrants” (*Vozvrashhenie iz Turtsii*, 1903).

¹“As for the traits of Muslims as subjects of Russia, and loyal servants of the Tsar, we mentioned earlier that animus and detachment cannot be applied to them, because our religion dictates that we should love the motherland that feeds us and be loyal to the ruler who protects us” (*Gasprinskii*, 1885).

² “Manifest about a freedom was greeted by Muslims <...> with a great pleasure. In Crimea, in Caucasus, and in Kazan, Muslims stood under the state flag, avoiding both the red flag and the disruptions, provided by blackhundertists. Thank God, in the atmosphere of joy and freedom, Turks neither stain their hands with blood nor soil their hands with other people’s property” (*Znamenatel'no*, 1905).

³ In the sphere of domestic policy, we have advocated and will continue to advocate the idea of friendly cooperation with the Russian people, considering our several-million-strong people to be Russians almost as much as Russians themselves, both in terms of our duties and rights” (*Dlya novykh podpisnikov*, 1910).

Such differences reveal the newspaper's negative image-building towards emigration. First, for their Russian-speaking readers, it was enough to mention the harsh living conditions of emigrants in Turkey to explain the reasons for their return home. At the same time the Turkic text, appealing to the potential emigrants from among the Russian Muslims, should be well argued. As we can see in the above-mentioned passage the Russian Muslims perceived emigration from Russia to the Ottoman Empire as "Muhajirism", i.e., as emigration from a non-Muslim country to a Muslim one to "save the faith". In this regard the newspaper argued against those perceptions.

To foster negative public opinion regarding the emigration of Russian Muslims to Turkey, the newspaper's editorial staff published, for instance, a series of emigrant letters warning against emigration ([Pis'mo ehmigranta, 1903](#)). In this connection, we would also point to the article entitled "Victim of emigration" ([Zhertva emigratsii, 1903](#)), which reported on the suicide of a Crimean Tatar man, who returned to Crimea after his collapse in Turkey, but did not receive permission to remain. The regular publication of official decrees prohibiting the return to Russia of Muslim emigrants is also of significance. In addition, a negative image around emigration was built in newspaper by usage of such descriptive words as "unreasonable" ("sebeb olmayan") (*Neobosnovannoe ehmigratsionnoe dvizhenie*, 1902), "disaster" ("bela") ([Toprak, toprak, toprak, 1913](#)) or "illness" ("hastalyk") ([Gasprinskii, 1903](#)).

To ward readers away from emigration, the editorial staff traditionally used Islamic religious doctrine in their arguments: "Friends, our faith teaches us to love our Motherland selflessly, it says that foul and fair as well as daily bread are god sent. If so, then where and from whom should we go?" (*Neobosnovannoe ehmigratsionnoe dvizhenie, 1902*).

Despite the fact that The Terjiman focused first and foremost on Crimean Tatar emigration, it also negatively depicted the cases of Muslim emigration from the Caucasus ([Ehmigratsiya, 1889](#)) or Volga-Ural region ([Gazeta "Svet" govorit, 1894](#)). Consequently, because of the general Muslim-Turkic orientation of the newspaper and its focus on the implementation of Gasprinskii's nation-building project, the emigration issue could never be portrayed in a positive way.

In addition to abovementioned we should also specify that the newspaper's discourse on Russian-Turkish relations supports our hypothesis that Gasprinskii's nation-building project was limited to the territories of the Russian Empire.

For instance, The Terjiman's editorial staff criticized both Russian self-perception as an "acting guardian" of Ottoman Christians and that of the Ottoman Empire towards Russian Muslims ([Dlya novykh podpischikov, 1910](#)). Regarding the Ottoman Empire it stated: "Turkish and all other journalists should notice first that these matters concern us [Russian Muslims], the Russian government and Russian people, but no one else" ([Po povodu odnoj telegrammy, 1911](#)).

Moreover, the term "Turks" as a generic term for Russian Muslim Turks and Ottoman Turks (in other contexts referred to as "Osmanli" or "Ottoman Turks") was employed only in articles about Russian-Turkish relations – primarily, to state their cultural and historical kinship, but also to support the idea of Russian-Turkish or generally Slavic-Turkic union. For instance, the article "In regard to one Telegram" reported with reference to the "Russkoye Slovo" newspaper: "<... > if only the Turkish press is going to start such an agitation [anti-Russian], we cannot congratulate it as a clever decision. <...> We have repeatedly written and will repeat again and again that the epoch of the Russian-Turkic struggle is over" ([Po povodu odnoj telegrammy, 1911](#)). In this respect Gasprinskii's nation-building project seems to include no claims to an independent Turkic state and a separation from Russia.

At the same time, Russians appeared in the newspaper as the people culturally the most close to Muslim Turks, that also justified the idea about Slavic-Turkic rapprochement: "Muslims, who are conversant with the European societies, become intimate primarily with Russians. The fact that Persian and Ottoman enlighteners come to the same point evidently shows that this our opinion wasn't a mere rhetoric but argued to the facts" ([Gasprinskii, 1885](#)).

5. Conclusion

In terms of his publishing activities, Gasprinskii aimed his particular nation-building program at Russian Muslim Turks. In his very first program work "Russian Islam. Thoughts, notes, observations of a Muslim" published in 1881, he stated clearly: "<...> there are already up to ten million people of Turkic-Tatar descent in Russia, practicing the same religion, speaking subdialects of the same language, living the same social lifestyle, having the same traditions <...> So, if it's obvious that Russification of Turkic-Tatars in Russia is impossible <...> what is therefore left to us? There is also the possibility of unification and mental rapprochement, based on equality, freedom, science and education!" ([Gasprinskii, 1993: 18](#)).

Subsequently the narrative of The Terjiman¹ supported this approach to the nation issue, as stated in his abovementioned work. The key aspects of it were a clarion call for Muslim-Turk national consolidation based on the unity of language and religion and on the European values and progressive ideas; as well as a promotion of their rapprochement with the Russians by further integration into the Russian society and loyalty to the tsarist authorities.

¹ This brochure is often cited in The Terjiman newspaper.

Based on our discourse-analysis of *The Terjiman*, we could argue that the newspaper's narrative depended on particular tasks and was instrumental in conveying Gasprinskii's general idea of nation-building. Although Gasprinskii repeatedly stated the cultural and historical kinship of Muslim Turks all over the world, he did not call for their political union. Thus, the newspaper covered the "worldwide Turkic kinship (Turkism) issue" in terms of culture, while the "nation-building issue" focused on Russian Muslim Turks, excluding both outlander Turks and non-Muslim Turks, such as Uighurs, Yakuts, Chuvash, etc. Moreover, the sociopolitical conditions in Russia at the time meant that Gasprinskii's nation idea could address only Russian Muslim Turks. But still it failed at least due to lack of consolidation among them.

Accordingly, the common Turkic national identity due to Gasprinskii's view should be based on the common literary language (common Turkic), religion (renewed Islam) and territory (Russian Empire), which correlates to the classic European concept of nation-building. At the same time, although Gasprinskii's program did not make a claim for an independent state for Russian Muslim Turks, this does not deny its nation-oriented nature.

In addition, Gasprinskii's nation-building project was considerably supported by the promotion of the "new method" schools, aimed at preparing and educating a "new Muslim citizen"; the emancipation of women – considered as "mothers of the nation"; "new Turkic literature", primarily national novels with Muslim Turks as the main characters¹ and civic poetry²; as well as like-minded national periodicals³.

6. Acknowledgements

This publication was made possible by funding from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, research work No. 30.2875.2017/8.9.

References

- Abibullaeva, 2010 – Abibullaeva D.I. (2010). Problema eh migratsii krymskikh tatar na stranitsakh gazety «Terjiman» [Crimean Tatar emigration issue on the pages of *The Terjiman* newspaper]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Special issue «The History of Ukraine»*. Vol. 23(62), Nr 1, pp. 3-9. [in Russian]
- Akchura, 2008 – Akchura Y. (2008). Turkchlugun tarihi [The history of Turkism]. İstanbul. 184 p. [in Turkish]
- Anderson, 2006 – Anderson B. (2006). Imagined communities. London-New York. 240 p.
- Arapov, 2004 – Arapov D.Yu. (2004). Sistema gosudarstvennogo regulirovaniya islama v Rossijskoj imperii (poslednyaya tret' XVIII – nachalo XX vv.) [The state control on islam in Russian Empire (the last tercile of XVIII – the beginning of XX centuries)]. Moscow. 287 p. [in Russian]
- Armyano-tatarskaya reznya, 1905 – Armyano-tatarskaya reznya (1905) [The mutual Armenian-Tatar massacres]. *Terjiman*. Nr 69. 2 sep. [in Russian]
- Dlya novykh podpischikov, 1910 – Dlya novykh podpischikov, 1910 [Towards new readers]. *Terjiman*. Nr 1. 8 jan. [in Russian]
- Dva slova, 1883 – Dva slova o russkikh musul'manakh (1883) [Two words about Russian Muslims]. *Terjiman*. Nr 11. 15 jul. [in Russian]
- Ehmigratsiya, 1889 – Ehmigratsiya (1889) [Emigration]. *Terjiman*. Nr 2. 16 jan. [in Russian]
- Gankevich, Shendrikova, 2008 – Gankevich V. Y., Shendrikova S.P. (2008). Ismail Gasprinskii i vozniknoveniye liberalno-musul'manskogo politicheskogo dvizheniya [Ismail Gasprinskii and the origin of liberal Muslim political movement]. Simferopol. 192 p. [in Russian]
- Gasprinskii, 1883 – Gasprinskii I. (1883). Kto budet muftiem? [Who is the next Mufti?]. *Terjiman*. Nr 4. 31 jan. [in Russian]
- Gasprinskii, 1884 – Gasprinskii I. (1884). Medeniet-i islamie [Muslim civilization]. *Terjiman*. Nr 23. 25 jun. [in Turkic]
- Gasprinskii, 1885 – Gasprinskii I. (1885). O russkikh musul'manakh [About Russian Muslims]. *Terjiman*. Nr 8. 11 oct. [in Russian]
- Gasprinskii, 1886 – Gasprinskii I. (1886). 25 let tomu nazad [25 years later]. *Terjiman*. Nr 41. 21 sep. [in Russian]
- Gasprinskii, 1903 – Gasprinskii I. (1903). Tavricheskij gubernator [A governor of Taurida region]. *Terjiman*. Nr 42. 27 oct. [in Russian]
- Gasprinskii, 1903 – Gasprinskii I. (1903). K emigratsii tatar [To Tatar's emigration issue]. *Terjiman*. Nr 41. 20 oct. [in Russian]

¹ See, for example, the Gasprinskii's novels "Molla Abbas" or "Arslan Kyz".

² The newspaper regularly published poems by Turkic-Tatar authors, addressed to the "nation" on certain issues.

³ Until 1905, Gasprinskii actively advocated outreach to the national Muslim press. However, with the advent of competing Muslim periodicals such as the Tatar newspaper "Nur", whose program did not correspond to his nation program, he began to use "The Terjiman" as a platform to counter them. At the same time, such likeminded periodicals as, for example, "Shura" magazine, "Vaqit" and "Millet" newspapers were actively cited and popularized in "The Terjiman".

- [Gasprinskii, 1907](#) – *Gasprinskii I.* (1907). Otvet Shakiru-ehfendi Amirovu [An answer to Shakir-efendi Amirov]. *Terjiman*. Nr 33. 4 may. [in Russian]
- [Gasprinskii, 1993](#) – *Gasprinskii I.* (1993). Russkoe musul'manstvo. Mysli, zametki, nablyudeniya musul'manina [Russian Mohammedanism. Thoughts, notes, remarks]. *Ismail bej Gasprinskij. Rossiya i Vostok*. Kazan, pp. 17-58. [in Russian]
- [Gazeta "Svet" govorit, 1894](#) – Gazeta "Svet" govorit (1894) [The "Svet" newspaper says]. *Terjiman*. Nr 17. 1 may. [in Russian]
- [Gellner, 2009](#) – *Gellner E.* (2009). Nations and nationalism. New York. 146 p.
- [Hirschi, 2012](#) – *Hirschi C.* (2012). The origins of Nationalism: An alternative History from Ancient Rome to Early Modern Germany. Cambridge. 256 p.
- [K chitatelyu, 1907](#) – *K chitatelyu* (1907) [Towards reader]. *Terjiman*. Nr 86. 28 dec. [in Russian]
- [Khalid, 1998](#) – *Khalid A.* (1998). The Politics of Muslim cultural reform: jadidizm in Central Asia. Berkeley. 400 p.
- [Koe o chem, 1884](#) – Koe o chem (1884) [Some things about]. *Terjiman*. Nr 19. 21 may. [in Russian]
- [Landa, 2011](#) – *Landa R.G.* (2011). Rossiya i mir rossijskogo islama [Russia and the world of Russian islam]. Moscow. 508 p. [in Russian]
- [Lazzerini, 1992](#) – *Lazzerini E.J.* (1992). İsmail bey Gasprinskii's Tercuman: a clarion of modernism. *Central Asian Monuments*. Istanbul, pp. 143-157.
- [Lemanov, 1905](#) – *Lemanov I.* (1905). Stoit zadumatsya [It is worth thinking about]. *The Terjiman*. Bakhchisarai, 1905. Nr 64. 16 Aug. [in Russian]
- [Musul'manskaya tsivilizatsiya, 1884](#) – Musul'manskaya tsivilizatsiya (1884) [Muslim civilization]. *Terjiman*. Nr 21. 10 jun. [in Russian]
- [Musul'manskoe naselenie Rossii, 1887](#) – Musul'manskoe naselenie Rossii (1887) [Muslim population in Russia]. *Terjiman*. Nr 40. 31 dec. [in Russian]
- [Neobosnovannoe eh migratsionnoe dvizhenie, 1902](#) – Neobosnovannoe eh migratsionnoe dvizhenie krymskikh tatar (1902) [Unreasonable mass emigration movement of Crimean tatars]. *Terjiman*. Nr 20. 31 may. [in Russian]
- [Neskol'ko dnei, 1886](#) – Neskol'ko dnei na Kavkaze (1886) [Some days in the Caucasus]. *Terjiman*. Nr 44. 26 oct. [in Russian]
- [O razvode, 1904](#) – O razvode (1904) [Concerning the divorce]. *Terjiman*. Nr 21. 12 mar.; Nr 23. 19 mar.; Nr 25. 26 mar.; Nr 28. 6 apr.; Nr 30. 13 apr.; Nr 34. 17 apr.; Nr 36. 4 may.; Nr 39. 14 jun. [in Russian]
- [O russkikh musul'manakh, 1885](#) – O russkikh musul'manakh (1885) [About Russian Muslims]. *Terjiman*. Nr 8. 11 oct. [in Russian]
- [Ot redaktsii, 1883](#) – Ot redaktsii (1883) [Editorial note]. *Terjiman*. Nr 1. 10 apr. [in Russian]
- [Otvete gazete Ziya, 1883](#) – Otvete gazete Ziya (1883) [An answer to "Ziya" newspaper]. *Terjiman*. Nr 19. 12 oct. [in Russian]
- [Pis'mo eh migranta, 1903](#) – Pis'mo eh migranta (1903) [An emigrant's letter]. *Terjiman*. Nr 10. 14 mar. [in Russian]
- [Po povodu odnoj telegrammy, 1911](#) – Po povodu odnoj telegrammy (1911) [Towards a telegram]. *Terjiman*. Nr 24. 8 jun. [in Russian]
- [Pol'sha musul'manlary, 1913](#) – Pol'sha musul'manlary (1913) [Poland Muslims]. *Terjiman*. Nr 66. 7 mar. [in Turkic]
- [Predstoyashhaya pervaya vseobshhaya perepis', 1895](#) – Predstoyashhaya pervaya vseobshhaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii (1895) [The forthcoming census of Russian Empire population]. Saint-Petersburg. 15 p. [in Russian]
- [Premirovannaya knizhka, 1900](#) – Premirovannaya knizhka (1900) [Award-winning book]. *Terjiman*. Nr 48. 13 dec. [in Russian]
- [Qarijin-i keraim khitap, 1906](#) – Qarijin-i keraim khitap (1906) [An address to nobel readers]. *Terjiman*. Nr 108. 25 sep. [in Turkic]
- [Rech' Maksudova, 1910](#) – Rech' Maksudova (1910) [The speech of Maksudov]. *Terjiman*. Nr 11. 12 mar. [in Russian]
- [Saafes, 1904](#) – Saafes (1904). O zakyate [Concerning the zakah]. *Terjiman*. Nr 1. 2 jan.; Nr 3. 9 jan.; Nr 6. 20 jan.; Nr 9. 30 jan.; Nr 13. 13 feb.; Nr 16. 24 feb. [in Russian]
- [Shukurdzhieva, 2017](#) – *Shukurdzhieva Z.Sh.* (2017). Tolerantnyj mir i voprosy dobrososedstva v publitsistike Ismaila Gasprinskogo [The tolerant world and good neighborhood issues in Ismail Gasprinskii's publications]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Inzhenerno-Pedagogicheskogo Universiteta. Seriya: Filologiya. Istoriya*, pp. 63-66. [in Russian]
- [Terjiman, 1885](#) – *Terjiman* (1885). *Terjiman*. Nr 24. 10 dec. [in Russian]
- [Terjiman, 1894](#) – *Terjiman* (1894). Nr 3. 21 jan. [in Russian]
- [Terjiman, 1899](#) – *Terjiman* (1899). *Terjiman*. Nr 48. 28 dec. [in Russian]
- [Terjiman, 1905a](#) – *Terjiman* (1905). Nr 21. 18 mar. [in Russian]
- [Terjiman, 1905b](#) – *Terjiman* (1905). Nr 45. 10 jun. [in Russian]

[Terjiman, 1905c](#) – *Terjiman* (1905). Nr 105 16 dec. [in Russian]

[Toprak, toprak, toprak, 1913](#) – Toprak, toprak, toprak (1913). *Terjiman*. Nr 295. 4 oct. [in Turkic]

[Turetskie narechiya, 1888](#) – Turetskie narechiya (1888) [Turkish subdialects]. *Terjiman*. Nr 14. 18 apr. [in Russian]

[Vopros o yazyke, 1905](#) – Vopros o yazyke (1905) [Language issue] *Terjiman*. Nr 90. 4 nov. [in Russian]

[Vozvrashhenie iz Turtsii, 1903](#) – Vozvrashhenie iz Turtsii (1903) [Come back from Turkey]. *Terjiman*. Nr 1. 7 jan. [in Russian]

[Yilmaz, Bahrevskiy, 2017](#) – *Yilmaz S., Bahrevskiy E.* (2017). Rusya ve Turkiye Avrasya pakti mumkun mu? [Russia and Turkey. Is the Eurasia Pactum possible?]. Ankara. 334 p. [in Turkish]

[Zhertva emigratsii, 1903](#) – Zhertva eh migratsii (1903) [A victim of Emigration]. *Terjiman*. Nr 44. 10 nov. [in Russian]

[Zhizn' i pechat' v Turtsii, 1895](#) – Zhizn' i pechat' v Turtsii (1895). [The life and press in Turkey]. *Terjiman*. Nr 9. 8 mar. [in Russian]

[Znamenatel'no, 1905](#) – Znamenatel'no (1905) [Significant]. *Terjiman*. Nr 90. 4 nov. [in Russian]

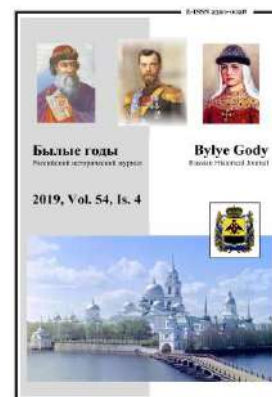
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1623-1631. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1623
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Evolution of Public Health during the Crimean War

Elena K. Sklyarova ^{a, *}, Ylia A. Sidorenko ^a, Andrey V. Safronenko ^a, Elena N. Butova ^a

^a Rostov State Medical University, Russian Federation

Abstract

The article considers the rise and evolution of public health in Great Britain, Russian Empire and Ottoman Empire during the period of Crimean War (1853–1856). On the historical-genetic and historical-comparative methods of research, the authors analyze the main features of public health in Great Britain, and the evolution of it in Russian Empire and Ottoman Empire in the middle of the XIX century, the creation of the new system of public health in Britain and Russian army. The term «public health» of the cities and army for the first time introduced in legislative documents of Great Britain during the reign of Queen Victoria. During the Crimean War, new public health system became the object of international relations, foreign policy and medicine of different countries. Socio-medical ideas of E. Chadwick, S. Gerbert, N. Pirogov and F. Nightingale formed the basis of the introduction of the new system of the health of the army. The founders of the public health system of the United Kingdom of Great Brittan and Ireland developed their socio-medical ideas during the period of Crimean War. Their ideas, while preserving the certain continuity were developed in the context of war and peacetime.

Keywords: Crimean War (1853–1856), Great Britain, Ottoman Empire, Russian Empire, public health, hospital, E. Chadwick, S. Gerbert, N. Pirogov, F. Nightingale, museum.

1. Введение

Эволюция государственной системы общественного здравоохранения как части внутренней и внешней политики стран Европы, России и мира является объектом научных дискуссий зарубежных и российских ученых. В годы Крымской войны (1853–1856) реформа здравоохранения армии стала важнейшей частью внутренней и внешней политики различных государств мира, обретая новые черты благотворительной и социальной помощи. Актуальность исследования этой проблемы обусловлена междисциплинарным подходом, научно-практической и политической значимостью темы. В имеющихся научных исследованиях российских и зарубежных ученых содержится ряд спорных вопросов об эволюции системы общественного здравоохранения в мирное и военное время, а также о пионерах создания института сестричества. В работах российских и британских исследователей проблемы эволюции системы здравоохранения армии, женского ухода за ранеными являются объектом дискуссий. Актуальность исследования обусловлена также необходимостью изучения роли представителей медицины, а также женщин и сестер милосердия в военное время. Сохраняются различные оценки основоположников женской системы ухода за ранеными на полях сражений и в мирное время в госпиталях. Научных исследований, сравнивающих пионеров и особенности становления института сестричества различных стран мира, недостаточно.

Цель исследования: историко-генетический и сравнительно-исторический анализ эволюции системы здравоохранения армии Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии, а также Российской империи в период Крымской войны.

* Corresponding author

E-mail addresses: affina18@mail.ru (E.K. Sklyarova), rostgmufdo@mail.ru (Y.A. Sidorenko), andrejsaf@mail.ru (A.V. Safronenko), abutova@yandex.ru (E.N. Butova)

2. Материалы и методы

Работы британских и российских общественных деятелей, представителей здравоохранения городов и армии, парламентские дебаты и законодательные документы периода Крымской войны, периодическая печать использовались для сравнения специфики различных социальных и политических процессов в период военных действий, мирного и послевоенного времени, а также для анализа последовательности выработки новых медико-социальных идей, реформ и законов развития армии и общества в мирное и военное время. Анализ комплекса исторических источников эпохи королевы Виктории, династии Романовых и периода Крымской войны дал возможность выявить особенности медико-социальных реформ в мирное и военное время, эволюцию института сестер милосердия, а также вклад представителей медицины, правительств Британии и Российской империи в развитие здравоохранения армии и государства.

Историко-генетический и историко-сравнительный подходы дали возможность выявить эволюцию и типологию становления и развития здравоохранения британской и российской армий, а также системы государственной и благотворительной медицинской помощи, женского ухода за больными и ранеными стран Европы и мира. Эти научные методы исследования позволили определить пионеров становления института сестричества, общественного здравоохранения и медико-социальных реформ армии в мирное и военное время. На основе междисциплинарного подхода выявлен синтез новых общественных и медицинских идей, имеющих социальное значение для развития армии и всего государства. Комплекс научных методов и использование междисциплинарного подхода позволили также сравнить эволюцию общественного здравоохранения в период до и после Крымской войны, степень его признания в Российской империи, в парламенте Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии, а также новый импульс его развития в мире. Все эти научные методы дали возможность определить медико-социальные особенности Крымской войны, а также развития Британской, Османской и Российской империй в XIX веке.

3. Обсуждение

Социально-медицинские особенности, проблемы и последствия Крымской войны, эволюция реформы общественного здравоохранения и введение института сестер милосердия в мирное и военное время занимают особое место в истории стран мира. Эти проблемы имеют актуальность и в контексте изучения вопросов «гражданской позиции» медиков, работающих на благо общества» (Ageeva, 2019: 11). Однако междисциплинарных исследований, сравнивающих весь комплекс этих медико-социальных процессов недостаточно. В исторических исследованиях мира эта проблема отражает вклад представителей определенной страны в становление женской системы ухода за больными и ранеными. В отечественных изданиях указывается, что еще «сестры милосердия первой в России, открывшейся в 1844 г. в Санкт-Петербурге Свято-Троицкой общины, сутками дежурили в больнице, ассистировали при проведении хирургических операций. Н.И. Пирогов всячески им помогал, консультировал» (Харламов, 2017: 67). Отмечается также, что в годы Крымской войны прославилась сестра милосердия Ф. Найтингейл. В 1853 г. она стала управляющей частной больницей в Лондоне» (Склярова, 2014: 272). Еще до войны опыт по уходу за больными и ранеными Ф. Найтингейл первоначально получила в Германии (Тутег, 2009: 3).

В последние годы в работах российских ученых проблема становления общественного здравоохранения, системы женского ухода за ранеными рассматривается в контексте «женской благотворительности», «благочестивой жизни монастырей» (Харламов, 2018: 61). Часть исследований рассматривает эту проблему как часть викторианской культуры, ангелов милосердия (Swenson, 2005: 15). В то же время в некоторых работах отмечается, что еще «в Ирландии в период начавшейся эпидемии холеры 1832 г. сестры милосердия ухаживали за больными как во временных госпиталях для оказания помощи раненым, так и в государственных больницах» (Luddy, 1995: 48). Оценки идей Э. Чедвика, Ф. Найтингейл, лорда Герберта, Н.И. Пирогова как основоположников системы общественного здравоохранения и института сестричества не рассматривались комплексно, что подчеркивает необходимость проведения междисциплинарных историко-сравнительных исследований.

В связи с этим изучение эволюции института общественного здравоохранения и сестричества в годы Крымской войны в мирное и военное время как части внутренней и внешней политики Великобритании, а также России представляется актуальным.

4. Результаты

Крымская война (1853–1856) вошла в историю как период военного конфликта между Российской и Османской империями, а также Францией, Сардинским королевством и Великобританией. Это время совпало с периодом становления социальной политики, общественного здравоохранения и системы женского ухода за больными и ранеными стран Европы. Однако эти процессы имеют свои исторические особенности, связанные с благотворительными, медицинскими и религиозными традициями стран мира. XIX век стал периодом крупных вооруженных конфликтов, включая Наполеоновские войны, военные действия с участием Британской, Российской и Османской

империй. В тот период шла выработка системы общественного здравоохранения, включая соответствующую реформу армии и флота (Гутиева, 2015: 14). В правительственных документах, работах представителей здравоохранения стран мира ставился вопрос о предотвращении роста числа заболеваемости и смертности в армии и тылу от ранений и эпидемий. «Общественное здравоохранение» как новый термин и объект внутренней политики впервые появилось в законодательных документах и отчетах Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии в середине XIX века» (Sklyarova, 2019: 1111).

В годы Крымской войны необходимость общественного здравоохранения, соответствующей реформы системы управления и здравоохранения армии стала объектом дискуссий. В середине XIX века в Соединенном Королевстве в эпоху королевы Виктории впервые «общественное здравоохранение» отделилось от клинической медицины, став новой сферой медицины как науки, а также объектом социальной политики (An Act for promoting, 1848). Первый «Закон о содействии общественному здравоохранению, 1848» стал «следствием работы Комиссии по Закону о бедных, парламентских комиссий, санитарных отчетов докторов Н. Арнотта, С. Смита, Дж. Кейя, Комиссии здравоохранения городов, Ассоциации здравоохранения городов, а также знаменитого «Санитарного отчета, 1842 г.», составленного Эдвином Чедвиком» (Склярова, Котова, 2010: 39).

Однако в середине XIX века и в годы Крымской войны шло становление общественного здравоохранения как нового направления социальной политики. В этот период британский журнал «Экономист», отражая антироссийские и античедвиковские настроения, а также особенности войны, отмечал: «Мы надеемся... взять Севастополь, революционизировать Грузию..., но, когда мы сделаем это, то искренне верим, что дадим России равноценный эквивалент всего того, что завоюем у нее, и в случае заключения мира мы сделаем ей подарок в лице мистера Чедвика» (The Economist, 1854). Основателя системы общественного здравоохранения Британии и мира хотели сместить с должности, отправив на пенсию, призывая также направить его в Российскую империю за критику использования коммерческих объектов, наносящих вред здоровью нации.

Знаменитый основоположник общественного здравоохранения Соединенного Королевства был лично знаком с Ф. Найтингейл. Реформаторы переписывались, обсуждая проблемы здравоохранения Британии и мира. В тот период профессия санитарного врача и медицинской сестры, как и первый билль об общественном здравоохранении, мало признавались аристократическим обществом. Однако Флоренс, проявляя настойчивость, «получила сестринское образование, в 1853 г. стала управляющей больницей Лондона. В период Крымской войны она уже помогала раненым воинам в госпиталях Британии, в Турции и Крыму (Склярова и др., 2010: 164). Эта женщина изучила основы сестринского дела не только Англии, но и Греции и Египта, Германии и Италии, Российской и Османской империй. Она принадлежала к аристократической семье, знала несколько иностранных языков. Ее отец выделял значительные суммы, позволявшие вести комфортабельный образ жизни. Личные связи с руководством военного министерства Соединенного Королевства обусловили ее медицинскую и благотворительную деятельность в годы Крымской войны.

За несколько лет до начала войны общественные деятели Британии пытались реформировать медицинскую систему страны, ликвидировав антисанитарное состояние викторианских городов, больниц и военных госпиталей. Следствием введения первого «Закона о содействии общественному здравоохранению, 1848» стала трансформация взглядов британского общества на роль здравоохранения в развитии городов и армии. Ф. Найтингейл стремилась ввести в армии новые принципы здравоохранения, развивая идеи основоположников системы общественного здравоохранения – доктора С. Смита, Н. Арнотта, Дж. Кейя и юриста Э. Чедвика. Она отметила необходимость решения этой государственной проблемы в военное и мирное время, предложив введение института женского медицинского ухода в армии для обеспечения военной мощи Британской империи. Позже ее идеи были опубликованы отдельным изданием, где анализировались проблемы профессиональной подготовки медицинского персонала, введение системы женского ухода за больными и ранеными на полях сражений и в мирное время, эффективность организации и контроля военно-морских госпиталей (Nightingale, 2007). В Великобритании по инициативе Ф. Найтингейл для решения проблемы здравоохранения армии была создана Королевская комиссия здравоохранения армии. Эта проблема обсуждалась и в британском парламенте, где предлагалось ввести контроль медицинского отдела армий, расположенных в Крыму и Константинополе. Отмечалось, что «потери британской армии только в сентябре 1855 г. были значительны. Более 3500 человек умерли от заболеваний или попали в руки противника..., лихорадка, диарея..., дизентерия в короткое время привели к тому, что более тысячи человек умерли в госпиталях» (Hansard, 1855).

После введения статистической реформы в Британии предлагалось также введение и в армии системы медицинской статистики. В 1859 г. Ф. Найтингейл была избрана членом Королевского статистического общества. В этом же году термин «сестринское дело» впервые был официально введен по инициативе Ф. Найтингейл. При содействии доктора У. Фарра впервые Флоренс разработала специальную форму статистических отчетов для военных госпиталей. Эту инновацию утвердил Международный конгресс статистиков, проходивший в Лондоне в 1860 г. Уже в 1865 г.

новый термин и сферу медицинской деятельности – «сестринское дело» официально утвердил Международный Комитет Красного Креста. В результате своей деятельности Ф. Найтингейл впервые добилась того, что военные госпитали стран мира стали оснащаться системами статистики и отчетности, а также водоснабжения, приготовления еды, уборки и вентиляции.

Необходимо отметить, что в годы Крымской войны британскую армию возглавлял военный министр лорд Сидней Герберт. Его родословная представляет особый интерес, поскольку он был сыном английского лорда Дж. Герберта и русской графини Е. Воронцовой, дочери посла Российской империи в Великобритании генерала графа С.Р. Воронцова. С Сиднеем Гербертом Флоренс познакомилась еще в 1840-х гг., задолго до Крымской войны, путешествуя по Италии, когда он уже был военным министром Британии. Это пост он занимал в 1845–1846 гг., а затем вновь в годы Крымской войны. Министр провел ряд реформ, направленных на снижение уровня смертности в армии от ранений и заболеваний, а также способствовал отправке в 1854 г. тридцати восьми медицинских сестер в британские военные госпитали, расположенные на территории Османской империи, Крыма, Балаклавы. В этот период в военных госпиталях отсутствовали нормы санитарии, вентиляции, оборудования для приготовления пищи и санитарной обработки помещений. В итоге в госпитале, где начала работать Ф. Найтингейл в сопровождении медицинских сестер, был введен новый порядок организации военных госпиталей, а также питания больных и раненых, обучения основам медицины сестер милосердия.

В 1855 г. член Королевского общества хирургов, доктор Э. Паркс был также направлен британским правительством в Османскую империю. Опытный врач-гигиенист, выпускник университета Лондона организовал дополнительный госпиталь в Ренкио (на берегу Дарданелл), который действовал до окончания войны с целью ослабить давление на госпиталь в Скутари. В этом госпитале также работали сестры милосердия по уходу за больными и ранеными. Их деятельность контролировали доктора Э. Паркс и Дж. Кларк (Shepherd, 1991: 441). Дж. Кларк был личным врачом королевы Виктории, о назначении которого писала правительственная газета еще в 1837 г. (The London Gazette, 1837: 2755). С 1840 г. он стал личным врачом принца Альберта.

В результате реформ уровень заболеваемости, смертности и антисанитарии в военных госпиталях резко снизился. После Крымской войны Э. Паркс консультировал военного министра лорда С. Герберта по вопросам создания Военной медицинской школы (Army Medical School) в форте Питта в Чегеме. По предложению лорда он организовал там кафедру гигиены, разработал ряд инструкций соблюдения санитарных норм в армии. В 1863 г. школа была реорганизована в Королевский госпиталь королевы Виктории. Однако в 1876 г. доктор Дж. Паркс умер от туберкулеза.

Более длительную жизнь (90 лет) прожила Ф. Найтингейл. Такую же долгую жизнь прожил и основатель системы общественного здравоохранения – Э. Чедвик. После Крымской войны «леди с лампой» разработала план реформы госпиталей и больничного дела, предоставив его королеве Виктории. Флоренс, продолжая идеи Э. Чедвика, последовательно проводила в британской армии новые принципы превентивной медицины. Правительство королевства высоко оценило деятельность Ф. Найтингейл, наградив ее Королевским Красным Крестом. За свою благотворительную деятельность в годы войны она получила благодарность британского правительства, а также финансовое вознаграждение, которое использовала для организации в Лондоне в госпитале Святого Фомы (St. Thomas' Hospital) первой школы сестер милосердия.

Необходимо отметить, что в отличие от предшествующих организаций женского ухода за больными и ранеными, школа носила не религиозный характер, а впервые – научный и светский. В XX в. школа стала частью Королевского колледжа Лондона. После Крымской войны новые светские школы при больницах и система подготовки женщин в качестве медицинских служащих были созданы также в городе Ливерпуль, а затем в городах Швеции и Америки, где первые выпускницы английской школы, руководимой Ф. Найтингейл, создавали подобные учреждения. Помощь раненым, получившим ранения или увечья на полях сражений, стала оказываться после войны уже представителям всех сословий. Новшеством стало также то, что преподавание различных аспектов медицины и здравоохранения вели сами медицинские сестры.

В столице Соединенного Королевства в 1861 г. перед дворцом Ватерлоо, благодаря скульптору Дж. Беллу, был сооружен памятник героям Крымской войны. Первоначально он состоял из бронзовых фигур британских военных, принимавших участие в битве за Севастополь. В 1914 г. композиция пополнилась памятниками Ф. Найтингейл и С. Герберту. В единой композиции на площади были объединены Сидней Герберт (военный министр Великобритании, имеющий русскую родословную) и знаменитая английская медицинская сестра Флоренс Найтингейл. Причем скульптура Флоренс была выполнена скульптором Артуром Дж. Уолкором, а скульптура С. Герберта – скульптором Дж. Генри Фоли. Композиция стала своеобразным памятником, отражающим введение и признание женской системы ухода за ранеными в годы военных действий и в Крыму.

Музей Ф. Найтингейл в Лондоне в госпитале Святого Фомы стал также частью истории Крымской войны, истории медицины мира и викторианской культуры. Музей Ф. Найтингейл открылся также и в Стамбуле, на том месте, где располагались бараки военных госпиталей. Знаменитая медсестра похоронена в кафедральном соборе в столице Британии – Лондоне.

Международный комитет Красного Креста учредил медаль имени Флоренс Найтингейл, которая во всем мире считается почетной международной наградой для сестер милосердия всех стран мира. Надпись на этой медали гласит: «За истинное милосердие и заботу о людях, вызывающие восхищение всего человечества» (Харламов, 2017: 109).

Женский уход за ранеными, инвалидами, больными являлся составляющей благотворительности представительниц аристократии, членов императорской семьи и в Российской империи. Благотворительные «Вдовьи дома» были учреждены в Санкт-Петербурге, Москве. Они были организованы при так называемых «Воспитательных домах». В 1844 г. была основана первая в Российской империи община сестер милосердия при содействии великой княгини Александры Николаевны. «Благотворительной деятельностью занималась жена генерал-губернатора Москвы Т.В. Голицына, благодаря которой еще в 1825 г. появился Елизаветинский институт. Известная благотворительница В.А. Хлудова финансировала больницу, приют для сирот, родильный приют, аптеку, богадельню» (Зубанова, 2015: 130). Княгиня Екатерина (внучка императора Павла I, дочь великого князя Михаила Павловича и великой княгини Елены Павловны), продолжив идеи благотворительности, стала покровительницей медицинских учреждений в Российской империи (Елисаветинской и Мариинской больниц, Повивального института). «Накануне русско-турецкой войны (1877–1878) в России существовало около 20 женских благотворительных организаций» (Харламов, 2017: 62).

Крестовоздвиженская община, созданная благодаря совместной деятельности великой княгини Елены Павловны и знаменитого русского хирурга Н.И. Пирогова, положила начало новой системе государственной помощи и женского ухода за больными и ранеными в период Крымской войны в Российской империи. Эта община первоначально была создана в столице Российской империи – в Санкт-Петербурге. Она существовала благодаря финансовой поддержке Военного министерства. Новая организация подвижниц милосердия стала основой создания Российского общества Красного Креста. Эта новая система медицинской помощи начала свою историческую миссию по инициативе царя Освободителя, императора Александра II в период Великих реформ в 1867 г.

Великая княгиня Елена Павловна (1807–1873) (жена младшего брата императора Александра I – великого князя Михаила Романова) была известна в Российской империи своей благотворительной деятельностью. Она вошла в историю медицины, став попечительницей Максимилиановской больницы, Повивального института и Крестовоздвиженской общины.

При содействии хирурга, главного врача Севастополя Н.И. Пирогова (1810–1881) в годы Крымской войны в Российской империи на государственном уровне был решен вопрос организации в стране медицинской помощи раненым и больным на полях сражений. Выдающийся врач описывал «мерзости госпитального руководства, трагическое положение раненых и больных, казнокрадство интендантских служб и бездарность армейского руководства... Они станут обличением руководителей государства и армии, которые не подготовились, как следует, к возможной войне, не вооружили армию современным оружием и снаряжением, не обеспечили ее необходимым довольствием и не подумали о должной помощи раненым» (Киселев, 2018: 203).

В период Крымской войны в военных госпиталях работали врачи Второго Военно-сухопутного госпиталя Санкт-Петербурга – ученики Н.И. Пирогова: Л.А. Беккерс, К.Ф. Пабо, А. Ребер, В.С. Сохраничев, В.И. Тарасов, А. Тюрин, П.А. Хлебников.

Руководимая великой княгиней Еленой Павловной и хирургом Н.И. Пироговым Крестовоздвиженская община сестер милосердия стала заниматься обучением и подготовкой сестер милосердия в период военного времени. Женщины, представляя различные социальные слои населения Российской империи, приняли для себя решение оказывать помощь больным и раненым защитникам Отечества. Как и в Великобритании, общественное мнение первоначально критически расценило эту новацию. Однако движение сестер милосердия набирало единомышленников среди правительственных кругов стран Европы.

Великая княгиня Елена Павловна и Н.И. Пирогов, убеждая императора Александра II, указывали, что русские «женщины с их тактом, чувствительностью и заботой помогут раненым легче переносить страдания, а их независимое служебное положение будет лучшим нравственным контролем, чем любая комиссия» (Пирогов, 1950: 197). В итоге, согласно решению императора Александра II, в разгар Крымской войны в 1854 г. тридцать пять российских сестер милосердия были направлены в военный госпиталь в Севастополь. Многие российские патриоты также добровольно прибыли в Крым – писатель Л.Н. Толстой, художник К.Н. Айвазовский, врач С.П. Боткин, а также представительницы династии Романовых.

Военные госпитали для больных и раненых были организованы в Севастополе, Симферополе, Бахчисарае, Карасу-Базаре. Известны своей деятельностью «Александровские казармы», ставшие перевязочным пунктом, а также временный военный госпиталь при Николаевской батарее. Для помощи раненым использовали Инженерный дом, дом Орловского, здание Дворянского собрания, дом Гущина (Пирогов, 1950: 112–132). Как и в военных госпиталях Британской и Османской империй, в русских госпиталях широко распространилась антисанитария, диарея, эпидемии тифа,

холеры, оспы, дизентерии. В годы Крымской войны военные госпитали нередко называли «не госпиталем, а нужником» (Киселев, 2018: 206).

Главный зал Дворянского собрания в Севастополе до Крымской войны использовался для проведения торжественных балов как танцевальный зал. В период военных действий он станет временным военным госпиталем, куда будут доставляться в огромном количестве раненые, изувеченные, калеки. Дом Гущина имел дурную репутацию, поскольку туда поступали безнадежные раненые и больные, которые понимали, что там уже не выживут. В годы войны эти исторические здания будут залиты кровью и почти полностью разрушены. «Когда в перевязочном пункте раздавался приказ «к Гущину», то раненые плакали» (Чверткин, 2008: 212).

В годы Крымской войны здравоохранение армии, гигиена и санитария становились новой сферой военно-полевой хирургии, и в целом военной медицины стран мира и Российской империи. Если общественное здравоохранение отделялось в этот период от клинической медицины, то подготовка медицинских сестер, став также новой сферой здравоохранения, отделялась от военно-полевой хирургии. По мнению С.П. Боткина, Н.И. Пирогов привнес «порядок в дело организации помощи раненым на полях сражений, ...хаос перевязочного пункта получил правильную организацию» (Боткин, 1881: 348).

Первоначально всего лишь двадцать восемь, а затем тридцать пять российских сестер милосердия разного возраста и сословий добровольно работали в военном госпитале Симферополя под руководством прибывшего туда хирурга Н.И. Пирогова, а также сестры-начальницы А.П. Стахович. Местное население старалось оказывать им необходимую помощь и содействие. По распоряжению императора Александра II в военные госпитали направлялись пожертвования жителей всей Российской империи, в том числе кофе, чай, вино и деньги. Сестры милосердия лично готовили куриный бульон, кормили раненых и больных, воодушевляя их в госпитальных условиях. В случае смерти раненых солдат медицинские сестры следили за сохранением и передачей принадлежащего им имущества, а также наград и денег по назначению в штаб полка, женам или родным. В период эпидемии тифа, когда часть женщин смертельно заболела, то им на помощь в Крым прибыли представительницы еще одной благотворительной организации России – «Сердобольные вдовы».

Следующим этапом становления женской медицинской деятельности в Российской империи стала организация женского ухода за ранеными уже в госпитале Севастополя, куда прибыло первоначально лишь тринадцать женщин, а затем еще восемь. В феврале 1855 г. прибыло уже двадцать медицинских сестер. Кроме медицинской помощи и ухода за ранеными, постепенно выделялся новый состав «аптекарей», «сестер-хозяек», что подчеркивало быстрое становление их медицинской специализации, профессионализма. Часть женщин занималась приготовлением еды и кормлением, а наиболее опытные и бесстрашные проводили перевязки, а также ассистировали при ампутациях конечностей и при других сложнейших медицинских операциях (Пирогов, 1950: 111-116).

В русских войсках в годы Крымской войны широкой известностью в военных госпиталях, отделениях гангренозных и безнадежных больных пользовались сестры милосердия А.П. Стахович, Е.А. Хитрово, Е.М. Бакунина, Е.П. Карцева, М. Меркурьева, а также Травина, Григорьева, Богданова, Голубцова и многие другие. Их фамилии неоднократно упоминаются хирургом Н.И. Пироговым, который описал ход военных действий и особенности медицинской помощи в годы Крымской войны. Сам Н.И. Пирогов получил в военных кругах прозвище «грозы госпитальных беспорядков» (Киселев, 2018: 200).

В Великобритании по распоряжению военного министра С. Герберта был построен Королевский госпиталь для раненых солдат (Royal Herbert Hospital), названный позже в его честь. Госпиталь был сооружен в Лондоне для британских ветеранов Крымской войны, он открылся 1 ноября 1865 г., занимая 19 акров. Первым управляющим госпиталя стал полковник Шоу. Главной управляющей медицинскими сестрами была назначена Джейн Шоу Стюарт, которая изучила основы медицинской помощи в армии, работая еще вместе с Ф. Найтингейл в Крыму.

В 1897 г. уже в Южной Африке, развивая и сохраняя преемственность идей Ф. Найтингейл, дочь королевы Виктории принцесса Кристина создала уже службу медицинских сестер армии (Army Nursing Reserve). В годы англо-бурской войны сто медицинских сестер из этой организации были направлены на работу в условиях войны. Они были мобилизованы из Лондонского госпиталя. В организации новой службы приняла участие невестка принцессы Кристины – Александра, принцесса Уэльская, жена старшего сына королевы Виктории – будущего короля Эдварда VII (Tyter, 2009: 3).

Лучшие представительницы династии Романовых также внесли значительный вклад в последующее становление института женского ухода за больными и ранеными, а также здравоохранения армий России и различных стран мира.

5. Заключение

Таким образом, в период Крымской войны общественное здравоохранение получило новый импульс развития, отделяясь от клинической медицины. Следующим важным шагом стало отделение

женской системы медицинского ухода от военно-полевой хирургии. Здравоохранение армии впервые получило новый официальный статус и признание благодаря совместной деятельности реформаторов различных стран мира. В период правления королевы Виктории и династии Романовых институт сестричества – женского ухода за больными и ранеными – стал приоритетом благотворительности и государственной поддержки. Новая система благотворительности и здравоохранения армии первоначально разрабатывалась в Германии, Соединенном Королевстве Великобритании и Ирландии, Америке, Швеции, Российской империи. Трансформация общественного здравоохранения проходила на территории военных госпиталей, расположенных в Османской империи и в Крыму. Став составным элементом истории медицины, викторианизма, международной политики стран мира, в годы Крымской войны общественное здравоохранение окончательно отделилось от клинической медицины. В послевоенный период произошло признание сестричества как новой сферы государственной медицинской помощи. Эти реформы стали синтезом идей общественных деятелей, врачей, представителей правительства, правящих династий Великобритании и России.

Литература

- Боткин, 1881** – Боткин С.П., Пирогов Н.И. // *Еженедельная клиническая газета*. 1881. № 20. С. 348-349.
- Гутиева, Склярова, 2015** – Гутиева М.А., Склярова Е.К. Сравнительный анализ социальных реформ России и Великобритании в первой половине XIX века // *Гуманитарные и социальные науки*. 2015. № 1. С. 14-24.
- Зубанова, 2015** – Зубанова С.Г. Благотворительность и социальное служение женщин в дореволюционной России // *Теория и практика общественного развития*. 2015. № 17. С. 130-133.
- Киселев, 2018** – Киселев А.С. Николай Пирогов. Страницы жизни великого хирурга. М.: АСТ, 2018. 352 с.
- Пирогов, 1950** – Пирогов Н.И. Севастопольские письма и воспоминания. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 632 с.
- Склярова, Котова, 2010** – Склярова Е.К., Котова Т.А. Эдвин Чедвик – создатель системы общественного здравоохранения. Подарок России или Великобритании. Ростов-н/Д.: ИПО ПИ ЮФУ, 2010. 160 с.
- Склярова и др., 2017** – Склярова Е.К., Переверзева Д.О., Камалова О.Н. Флоренс Найтингейл и лорд Герберт в годы Крымской войны // *Медики – герои войн и локальных конфликтов. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием*. Ростов-на/Д.: Ростовский государственный медицинский университет, 2017. С. 163-167.
- Харламов и др., 2017** – Харламов Е.В., Склярова Е.К., Киселева О.Ф. Милосердие как призвание. Ростов-н/Д.: Мини Тайп, 2017. 200 с.
- Чверткин, 2008** – Чверткин Е.И. Незабывтый Севастополь. Севастополь: Телескоп, 2008. 242 с.
- Ageeva et al., 2019** – Ageeva N., Shapoval G., Vlasova V.N., Kartashova E., Safronenko A.V., Sidorenko Yu. A. (2019). High Level of Legal Awareness Formation in Medical Students, Way from Competencies to Competence // *Espacios*. Т. 40. № 9. С. 11.
- An Act for promoting, 1848** – An Act for promoting the Public Health (1848) // 11 & 12 Vict. с. 63. pp. 721-784.
- Hansard, 1855** – Hansard Parliamentary Debates. 3-rd Series. (1855). Vol. 139. pp. 954-1018.
- Nightingale, 2007** – *Nightingale F. Notes on Nursing: What It Is and What It Is Not*. L.: Wilder Publications, 2007, 116 p.
- Report, 1842** – Report of the Poor Law Commissioners to the Secretary of State or an Inquiry into the Sanitary Condition of the Laboring Population of Great Britain (1842) // *Parliamentary Papers*. Vol. XXVI. pp. 3-370.
- Shepherd, 1991** – *Shepherd J.A. The Crimean Doctors: a History of the British Medical Services in the Crimean War*. Liverpool: Liverpool University Press. 1991. Vol. 1, 662 p.
- Sklyarova, 2017** – *Sklyarova E.K. Crimean War and Establishment of Public Health System in Great Britain* // *Nauchnyi al'manakh stran Prichernomor'ya*. 2017. № 1 (9), pp. 24-29.
- Sklyarova, 2019** – *Sklyarova E. K., Gutieva M. A., Kamalova O. N., Zaseeva L. T. The Rise of the Public Health System in Russian Empire and Great Britain in XIX – the beginning of the XX century* // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 53. Is. 3, pp. 1106-1114.
- Swenson, 2005** – *Swenson K. Medical Women and Victorian Fiction*. Missouri, L.: University of Missouri Press, 2005, 233 p
- The Economist, 1854** – *The Economist*. 1854. Aug. 5.
- The London Gazette, 1837** – *The London Gazette*. 1837. 31 Oct. P. 2755.
- Tyrer, 2009** – *Tyrer N. Sisters in Arms: British Army Nurses Tell Their Story*. L.: W&N. 2009. 368 p.

References

- Ageeva et al., 2019 – Ageeva N., Shapoval G., Vlasova V.N., Kartashova E., Safronenko A.V., Sidorenko Yu. A. (2019). High Level of Legal Awareness Formation in Medical Students, Way from Competencies to Competence. *Espacios*. T. 40. № 9. P. 11.
- An Act for promoting, 1848 – An Act for promoting the Public Health (1848) // 11 & 12 Vict. c. 63. pp. 721-784.
- Botkin, 1881 – Botkin S.P. (1881). Pirogov N.I. Egenedel'naya klinicheskaya gazeta. № 20. pp. 348-349. [in Russian]
- Chvertkin, 2008 – Chvertkin E.I. (2008). Nezabytyi Sevastopol [Unforgotten Sevastopol]. Sevastopol: Telescope, 242 p. [in Russian]
- Gutieva, Sklyarova 2015 – Gutieva M.A., Sklyarova E.K. (2015). Sravnitel'nyy analiz sotsial'nykh reform Rossii i Velikobritanii v pervoy polovine XIX veka. [Comparative analyze of social reforms of Russia and Great Britain in the first half of the XIX century]. *Humanitarnye i socialnye nauki*. № 1. pp. 14-24. [in Russian]
- Hansard, 1855 – Hansard Parliamentary Debates. 3-rd Series. (1855). Vol. 139, pp. 954-1018.
- Harlamov i dr., 2017 – Harlamov E.V., Sklyarova E.K., Kiseleva O.F. (2017). Miloserdye kak prizvanie [Charity as a mission]. Rostov-on-Don: Mini Tayp, 200 p. [in Russian]
- Kiselev, 2018 – Kiselev A.S. (2018). Nikolai Pirogov. Stranici gzizni velikogo hirurga [Nikolay Pirogov. The pages of life of the great surgion]. M.: ACT. 352 p. [in Russian]
- Nightingale, 2007 – Nightingale F. (2007). Notes on Nursing: What It Is and What It Is Not. L.: Wilder Publications, 116 p.
- Pirogov, 1950 – Pirogov N.I. (1950). Sevastopolskie pisma i vospominania [Sevastopol letters and memories]. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 632 p. [in Russian]
- Report, 1842 – Report of the Poor Law Commissioners to the Secretary of State or an Inquiry into the Sanitary Condition of the Laboring Population of Great Britain (1842). Parliamentary Papers. Vol. XXVI, pp. 3-370.
- Shepherd, 1991 – Shepherd J.A. (1991). The Crimean Doctors: a History of the British Medical Services in the Crimean War. Liverpool: Liverpool University Press, Vol. 1, 662 p.
- Sklyarova i dr., 2017 – Sklyarova E.K., Pereverzeva D.O., Kamalova O.N. (2017). Florence Naitingeil I lord Gerbert v godi Krimstoi voyny [Florence Nightingale and Lord Herbert during the period of Crimean War]. Mediki – geroi voyn I lokalnykh konfliktov Mterialy Vserossiyskoy konferencii s megdunarodnim uchastiem. Rostov-on-Don: Rostov State Medical University, pp. 163-167. [in Russian]
- Sklyarova, 2017 – Sklyarova E.K. (2017). Crimean War and Establishment of Public Health System in Great Britain. *Nauchnyi al'manakh stran Prichernomor'ya*. № 1 (9), pp. 24-29.
- Sklyarova, 2019 – Sklyarova E.K., Gutieva M.A., Kamalova O.N., Zaseeva L.T. (2019). The Rise of the Public Health System in Russian Empire and Great Britain in XIX – the beginning of the XX century. *Bylye Gody*. Vol. 53. Is. 3, pp. 1106-1114.
- Sklyarova, Kotova, 2010 – Sklyarova E.K., Kotova T.A. (2010). Edvin Chedvik – sozdatel' sistemy obshchestvennogo zdravookhraneniya. Podarok Rossii ili Velikobritanii. [Edwin Chadwick is the creator of the public health system. A gift to Russia or United Kingdom]. Rostov-on-Don: IPO PI YFU. 160 p. [in Russian]
- Swenson, 2005 – Swenson K. (2005). Medical Women and Victorian Fiction. Missouri, L.: University of Missouri Press, 233 p.
- The Economist, 1854 – The Economist. 1854. Aug. 5.
- The London Gazette, 1837 – The London Gazette. 1837. 31 Oct. P. 2755.
- Tyrer, 2009 – Tyrer N. (2009). Sisters in Arms: British Army Nurses Tell Their Story. L.: W&N. 368 p.
- Zubanova, 2015 – Zubanova S.G. (2015). Blagotvoritelnost I socialnoe sluzhenie genchin v dorevolucionnoy Roccii [Charity and social service of woman in pre-revolutionary Russia]. *Theoria i practica obcestvennogo dvigenia*. № 17, pp. 130-133. [in Russian]

Эволюция общественного здравоохранения в годы Крымской войны

Елена Константиновна Склярова ^{a, *}, Юлия Андреевна Сидоренко ^a,
Андрей Владимирович Сафроненко ^a, Елена Николаевна Бутова ^a

^a Ростовский государственный медицинский университет, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: affina18@mail.ru (Е.К. Склярова), rostgmufdo@mail.ru (Ю.А. Сидоренко), andrejsaf@mail.ru (А.В. Сафроненко), abutova@yandex.ru (Е. Н. Бутова)

Аннотация. В статье рассматриваются становление и развитие общественного здравоохранения Великобритании, Российской и Османской империй в годы Крымской войны (1853–1856). На основе историко-генетического и историко-сравнительного методов исследования авторы анализируют характерные черты эволюции общественного здравоохранения в Великобритании, а также в Османской и Российской империях в середине XIX века, создание новой системы здравоохранения британской и российской армий. «Общественное здравоохранение» городов и армии впервые было введено в законодательных документах Великобритании в эпоху королевы Виктории. В период Крымской войны новая система общественного здравоохранения стала объектом международных отношений, зарубежной политики и медицины различных стран мира. Социомедицинские идеи общественных деятелей мира – Э. Чедвика, Н. Пирогова, Ф. Найтингейл – легли в основу введения новой системы здравоохранения армии. Основатели системы общественного здравоохранения Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии развили свои социомедицинские идеи в период Крымской войны. Их идеи, сохраняя определенную преемственность, были развиты в условиях военного и мирного времени.

Ключевые слова: Крымская война (1853–1856), Великобритания, Османская империя, Российская империя, общественное здравоохранение, госпиталь, Э. Чедвик, С. Герберт, Н.И. Пирогов, Ф. Найтингейл, музей.

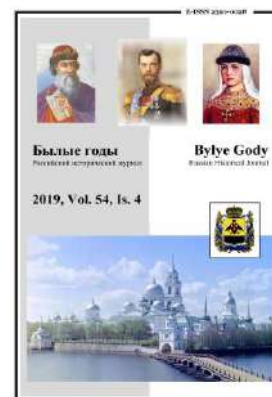
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1632-1638. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1632
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

"Public Diplomacy" and the Construction of Foreign Stereotypes in the Russian and British Press in the second half of the XIX century

Ekaterina A. Antyukhova ^a, Valery F. Blokhin ^{b, *}, Sergey I. Kosarev ^b

^a Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation

^b Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky, Russian Federation

Abstract

The periodical press in the second half of the XIX century turned into one of the most effective tools of "soft power" due to its ability to influence public opinion; the periodical press interpreted the events in favor of the state strategy in its foreign policy preferences.

The Russian press, in contrast to most European countries, continued to be significantly influenced by censorship, which, among other things, held back its number (the censors could not cope with a large number of publications). Newspapers and magazines were under the influence of the system of administrative penalties, in addition to liability to the court. Censorship strictly followed the principles of public diplomacy, taking care to preserve foreign policy priorities in the periodical press, not only in war, but also in peacetime. However, there are a number of Russian publications, which gave an objective assessment of what happened during the Balkan crisis, demonstrated the diversity of England's approaches to the events of 1876–1877.

The Russian press was able to solve the most important problem facing public diplomacy: to convey the understanding of the policy of their own state to the mass of their own and foreign readers, to influence decisions made in the highest circles.

Keywords: foreign policy, Russian and English periodicals, censorship, General Directorate of Press Affairs, public diplomacy, "soft power", Balkan crisis.

1. Introduction

In modern conditions, the study of the history of Russian foreign policy requires a comprehensive approach, which includes not only the analysis of intergovernmental relations as an accomplished fact, but also a study of the situation in which the country's position was formed in various issues of international interaction. In this regard, it becomes relevant to study various aspects of the political and social structure of a particular territory, its internal reserves in the development of industry and agriculture, and military potential.

Subjects that are not on the surface and are difficult to reproduce by the official documents that have been preserved occupy a special position in this approach. Such subjects of study include the political mentality of the ruling circles and the population, cultural level and national identity, social values and ideals that dominated at the time of implementation of the policy in the interstate sphere and are taken into account when making key decisions.

Periodicals can provide invaluable assistance in restoring these realities, preserving not only the concrete facts of the former life, but also a view that corresponded to reality at that time, on the system of arguments of contemporaries about various foreign policy issues of that time.

* Corresponding author

E-mail addresses: blohin.va1@yandex.ru (V.F. Blokhin), e.ant1507@yandex.ru (E.A. Antyukhova)

It is possible to restore the mechanism of folding and functioning of the official line in foreign policy issues in the conditions of the existence of censorship, which controlled periodicals, through the definition of the motives on the basis of which the punishments for the publications made were determined.

The beginning of the use of one of the first types of mass media, the periodical press, as a tool of “public diplomacy” dates back to the second half of the XIX century.

2. Materials and methods

An acknowledged specialist in the field of public diplomacy – Nicholas J. Cull, who is the head of the master's program in the Faculty of Communications and Journalism at the University of South Carolina (USA), called the publication of the “London Diploma” in January 1856 as the earliest use of the term “public diplomacy”. This article criticized the position of Franklin Pierce, the 14th American President, in the context of aggravated relations between the United States and Britain.

In the material of the newspaper, this combination of words was used as a synonym for politeness. The author of the article emphasized: “American statesmen should keep in mind that if they need to make a certain impression on us, they should also set an example to their people. Such actions can be called examples of public diplomacy.” (Cull, 2006).

Modern society cannot do without the media, which are one of the most effective tools for applying “soft power” in foreign and domestic policy due to their ability to influence public opinion. M.M. Lebedeva, one of the leading domestic experts in this field, believes that “soft power” is characterized by the possibilities of the most diverse ways to achieve the goal: “unofficial channels for achieving the goal are represented by the activities of the media, universities, NGOs, etc.” (Lebedeva, 2017: 217). As applied to the second half of the XIX century, “the influence of the press, simultaneous and immediate on many thousands of minds, had unprecedented scales and could not be compared with anything else” (Aled, 1996: 98). Thus, the press of this period has already acted as an essential element of public diplomacy, capable of realizing the intended results without coercive pressure and threats.

Speaking of Russia of this time, it is necessary to bear in mind that the beginning of 1856 was marked by the withdrawal of Russia from the Crimean War (1853–1856), which ended with a severe defeat. There was a discussion of the ultimatum put forward by the coalition members as conditions for the signing of a peace treaty in January, that is, at the time of publication in the London newspaper of an article with the aforementioned notion “public diplomacy”. At that time, the Russian Empire did not yet have an adequate mechanism for transmitting certain views and moods, relaying ideas to society that were supported by the state in foreign policy. Public participation in the discussion of such problems was extremely limited.

The shameful defeat in the Crimean War was a serious pretext for the authorities to achieve the necessary compromise in relations between the state and society. The beginning of the new reign, among other things, was marked by an increase in the number of publications: 24 newspapers and magazines appeared in 1856–1857 (Bibliography of the Russian..., 1915: 127-167). The government of Alexander II preoccupied with the problem of state and legal regulation of the press, realizing that only through certain legislative changes, the establishment of clear principles in relations could solve the issue of using periodicals in the interests of future transformations, restoring the “external” image of the country to international isolation, getting rid of the prevailing stereotypes of the perception of Nikolaev Russia in the media of other states.

This, of course, was not about creating a free press, but the authorities already understood that newspapers and magazines are an important factor in influencing public self-consciousness, a conductor of prevailing moods that can be regulated with their help. In addressing foreign policy issues, the press was able to shift the interest of the reading public towards negative phenomena in other countries, to ensure the dominance of attention in relation to the states belonging to the Russian interest.

Speaking about the results achieved in these areas, it is enough to note that private press appeared less than ten years later in Russia, which were perceived abroad as official representatives of the authorities in domestic and foreign policy. This is primarily about the “Moskovskie vedomosti” of M.N. Katkov and the St. Petersburg newspaper “Golos” of A.A. Kraevsky.

In the final 15 years of its existence, Golos received 11 warnings from the Minister of the Interior with 3 suspensions for a total period of 6 months (Periodical Press, 2011), despite this, Golos acted as a steady guide for the views of the Ministry of Foreign Affairs and its leadership.

To date, the history of Russian foreign policy in the second half of the XIX century has not been considered in the light of public diplomacy techniques. The purpose of this article is to analyze the process of turning the press into an instrument of public policy, a reflection of its characteristics in peaceful conditions, as well as during the Balkan crisis, on the eve of the Russian-Turkish war of 1877–1878.

The theoretical and methodological basis of the study is a set of principles, methods, approaches and techniques included in the tools of modern historical and political science.

The presented work is based on the principles of historicism and objectivity. The principles of a systemic-historical approach allowed a comprehensive approach to the analysis of the events of the Balkan crisis, to identify the features necessary for uncovering the attitude of Russia and England to the problems of public diplomacy. The materials used in the article, in order to identify various facts and trends, were considered in a temporary context, taking into account the specific conditions of their creation.

The source base of the research is represented by official documents regulating the activities of censorship institutions of Russia and the content of publications in periodicals. The materials of the periodical press of the XIX century, as well as the documents of the Fund of the General Directorate for Press Affairs (F. 776), stored in the Russian State Historical Archive (RGIA, St. Petersburg) were important sources.

3. Discussion

At present, the appeal to the comprehension of the perception of the periodical press of the Russian-Turkish confrontation of 1877–1878 retains its research interest. This war was one of the most “ideologized”, and its causes, course and consequences largely depended on the factor of public opinion (Kochukov, 2011: 112). This thesis is fully confirmed by the participation of the media in covering the events.

Modern historical research is generally characterized by an active exchange between various social and human sciences, although the publications still dominate the view of the facts from the point of view of government policy.

Foreign authors considered the role of the press in the formation of a nation and a state. Benedict Anderson’s “Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism” (Anderson, 1991) focuses on these issues. Aled Jones believes that “the simultaneous and immediate influence of the press on many thousands of minds had an unprecedented scale and could not be compared with anything more” (Jones, 1996: 98).

The topic of the Russian-Turkish war of 1877–1878 and the Eastern crisis as a whole was examined in sufficient detail. However, there is still no full-scale work on the influence of the periodical press on the formation of public opinion in this period, especially the perception of military events by the population of both the warring and observing countries of the Russian-Turkish war is not shown. Finally, the events in question were not analyzed from the perspective of studying the problem of public diplomacy.

4. Results

In Russia, the problems of foreign policy, discussed in the periodical press on the basis of the law of April 6, 1865, were under the jurisdiction of the internal censorship bodies of the Ministry of Internal Affairs, under which the Directorate General for Press Affairs was located. The head of the ministry issued warnings to periodicals, and permission to publish, suspend and even stop printing newspapers and magazines depended on him, and he also sent demands for legal proceedings “for misconduct of the press”.

The Ministry of Foreign Affairs in this administrative scheme was not related to the opinions and views of certain authors or periodicals as a whole. Article 36 of the censorship statute stated: “Consideration and publication of articles and news of political content is the responsibility of the general censorship in all publications subject to review without any participation and responsibility for them of the Ministry of Foreign Affairs” (Shirkov, 1900: 15).

European diplomats were convinced that since there are no political freedoms in Russia, and the administration has unlimited rights, press statements on foreign policy issues come from the government. However, foreigners did not take into account the specifics of the Russian censorship legislation, which consisted in the fact that in cases of disagreeable for the government printed controversy, the General Directorate of Press Affairs often did not direct the opinions of the press, but simply eliminated the subjects of discussion, which should not have been exposed. To implement such a trend in the relationship between the press and the censorship department, changes were made to the current censorship charter.

All censorship Russian charters (1804, 1826, and 1828), from the moment they were enacted, were soon supplemented with a wide variety of administrative circulars, which significantly altered and even violated the basic law. In 1873, under the rule of the Minister of Internal Affairs, A.E. Timashev, Articles 140 and 156, included there as the highest approved opinion of the State Council on June 16, 1873, supplemented the charter of 1828.

Free from censorship restrictions, the Western European press could critically speak about many areas of Russian foreign policy. The Russian press was well aware of this, as it actively borrowed information from foreign publications, and was ready to get involved in controversy, but regularly encountered censorship restrictions of the 140th article.

It was intended for such cases, defined as “caused by the highest interests of the state” and allegedly applied only “in extremely rare circumstances”: Editors of publications withdrawn from prior censorship are notified through the General Directorate of Press Affairs, by order of the Minister of the Interior.” (Shirkov, 1900: 63–64).

Circulars from the General Directorate of Press Affairs were sent to the editors of publications with the participation of the city police officers, who issued them against receipt. There were also personal meetings with editors, pointedly polite addresses of the head of the General Directorate of Press Affairs for authoritative publications: “I beg the Editor, if he considers it necessary, to execute the order ...” (Lemke, 1905: 101).

In addition to the current circulars on the press, the censorship bodies regularly applied to determine the appropriateness of certain publications that ensured that the media did not interfere with the established balance of interstate relations.

Before the start of the Russian-Turkish war of 1877–1878, undisguised mistrust was the dominant principle in the policy of European states towards each other. Germany was suspicious of France, Austria looked at Italy with a prejudice, skepticism and mutual suspicion characterized relations between England and Russia. The uncertainty in the position of the foreign affairs agencies and officials predetermined the complexity of the functioning of the periodical press, which was lost in the assessments and prospects of the unfolding events.

Russian rulers did not have the same views on Russia's political moves. The brother of the emperor Konstantin Nikolaevich, the heir to the throne Alexander Alexandrovich, a well-known diplomat, the Russian ambassador in Constantinople, the future Interior Minister, Count N.P. Ignatiev, military minister D.A. Milyutin advocated active actions. Chancellor A.M. Gorchakov was a supporter of cautious politics, but in the end the first group gained the upper hand, which at the meetings of the beginning of October 1876 related to the events in the Balkans, insisted on an independent and active policy in the conditions of the expanding Eastern crisis.

In the face of such uncertainty, the Russian press received a unique opportunity to predict the development of the situation, and on this basis, an increase in reader interest. It can be said without exaggeration that among such interested readers there were also persons on whom the foreign policy of the country depended, the public diplomacy of the Russian press also had an impact on foreign partners and opponents.

At the same time, there was a change in the position of the government in relation to the press, which is quite eloquently indicated by the number of circulars issued. Since the adoption of the 140th article of the censorship charter, 8 circulars were prepared in 1873, 10 in 1874, 11 in 1875, 12 in 1876, that is, their number increased from year to year. However, in the year of the beginning of the war (1877), 6 circulars came out, which is two times less, and there were none at all in 1878. For comparison, 35 circulars were issued in the crisis year of 1881 ([Lemke, 1905: 102](#)).

The newspaper *Golos*, already named one of the largest at that time, did not in fact conceal its position and fully supported Chancellor A.M. Gorchakova, but most of the press were distinguished by the independence of their position in foreign policy issues. Even the conservative “*Grazhdanin*”, who was not distinguished by bold judgments, sneered at “*Golos*”:

The Russian press actively used the potential of public diplomacy for one more reason, which was discussed by the correspondent of the *Russkoye obozreniye* newspaper: “a cautious, even timid press, speaking of governors solely about awards and promotions, shows irrepressible zeal, courage and even freethinking about European orders and rulers” ([Russkoye obozreniye. 1877. No 3-4. 22 January](#)). Indeed, the acuteness of international issues was much less dangerous for the editorial offices of newspapers, compared with domestic problems affecting the interests of specific departments and people who can resist. Not only the metropolitan, but also the provincial press organs were actively involved in covering foreign policy issues and explaining government decisions, unwittingly turning into a means by which it became possible to influence the attitudes and opinions of other peoples and governments “in order to influence their foreign policy decisions” (What is Public Diplomacy?).

Despite opposition from the censorship department, the numerical growth of the press in Russia continued. European countries were still very far away, “900 different editions were printed” only in one Paris in 1869 ([Kelen, b. G.: 95](#)), however, “thirty-six newspapers were in the country in 1870, then fifty-one newspapers were printed in 1877” ([Esin, 1971: 36](#)). The events that preceded the Russian-Turkish war, the course of military operations, aroused particular reader interest. With the growing number of newspapers, and, consequently, of the reading public, the Russian press was involved in promoting national interests, explaining the position of the state in international politics.

The Constantinople Conference, which became one of the key points in the development of the Eastern crisis, was held from December 11 (23), 1876 to January 8 (20), 1877. In addition to representatives from Russia and England, delegates from Germany, France, Austria-Hungary and Italy, who put forward the goal of a speedy resolution of the conflict between the Slavic peoples and the Porte, participated in the conference. Ottoman Turkey undertook an unexpected move, announcing the proclamation of the constitution, allegedly guaranteeing the rights of the Christian population at the opening of the conference.

The demands of the European powers were rejected, but this did not mean that the Sultan was ready to openly confront all of Europe. The calculation was to connect the system of checks and balances, which was an integral part of European policy. The Balkan crisis revealed two main power centers: Russia and England, which were ready to support the world order, but not to allow each other to dominate. According to the author of the theory of “balance of power”, K. Waltz, the achievement of a balance between individual centers in the distribution of world influence is achieved in such mutual deterrence ([Waltz, 1993](#)).

On October 29, 1876, Alexander II declared that in the event of the failure of the Constantinople Conference, Russia was ready to act independently. The partial mobilization of the Russian army was declared ([Rybachenok, 1981: 175](#)). Russian newspaper of A.S. Suvorin “*Novoye Vremya*” clarified the position of England: the Turkish delegation at the conference “was convinced that Turkey could count on the support of England at a crucial moment, but Lord Salisbury did everything to eliminate this conviction, and Henry Eliot (*envoy in Constantinople, the second representative on conference from England*. – Auth.), <...> tried on the

contrary to strengthen it. The Turks were confused and did not know who to believe, and most importantly, they were wondering if England would come out in their defense" ([Novoye Vremya 1877. No. 308. January 6](#)).

In January 1877, against the background of these events, the Russian press formed a direction that served as a kind of public signal for the British side: if Russia and England joined their efforts in the current crisis situation, "they could overlook the rest of the world". *Novoye Vremya* argued that England was the strongest ally for Russia, and if the "amicable demarcation" of the interests of the two states was carried out, "British society could be inspired with confidence in Russia's policy" ([Novoye Vremya. 1877. No. 317. January 15](#)).

A publicist of the Petersburg newspaper "Birzhevye vedomosti" saw in the establishment of friendly relations with England the prospect of improving the political system of Russia, through borrowing the principles of freedom in politics and trade. England was declared "a representative of ideas and principles, the development of which leads to the improvement of the fate of mankind" ([Birzhevye vedomosti. 1877. No. 210. August 25](#)). The newspaper "Grazhdanin", distinguished by an accentuated patriotic orientation, recognized that, despite the politically hostile attitude of the British government towards Russia, the British did a lot "for the benefit of truth and light in the matter of the related peoples of the Balkan Peninsula" ([Grazhdanin. 1877. No. 14. 14th of April](#)).

The signal sent to the British by the Russian press reached the addressee, since there were arguments about the opinions of the Russians in the English press. Thus, the Daily News correspondent presented his readers with such considerations: "Some Russians spoke frankly how they hate England, that they don't want anything so much as to see the two countries fighting each other. Others, who had some respect for England, think that if these states joined forces, they might have ignored the rest of the world. Others fear England and view it as the master of the situation in the Balkans" ([Forbes, 1878: 231-232](#)).

However, as early as February 1877, the tone of Russian newspapers began to change, the European press also spoke in a belligerent manner. Literary critic P.V. Annenkov noticed in his letter from Europe, where he constantly lived, to the editor of the "Vestnik Evropy", M.M. Stasyulevich: "I have one consolation that Ilovaisky, Suvorin etc., sending declarations of war to Europe in their own name and from their offices exist here. You know that the Berlin newspapers threaten France to cross the Rhine if the French press writes unfair articles about Germany. I really like this kind of controversy by its decisive nature – I just don't know if Saratov or Hannover peasants and ordinary people will like it" ([Annenkov, 1912: 339](#)). However, despite the political discord, which was reflected in the pages of newspapers, Russia and England were generally recognized influential centers, on which the resolution of the Balkan crisis depended.

Meanwhile, relations between the two states developed in the direction of direct confrontation and the Peterburgskaya gazeta stated already in early May 1877: "If the war of Russia has not yet been declared, then only because England does not find another moment for this favorable" ([Peterburgskaya gazeta. 1877. No. 71. May 6](#)). The newspaper stated that it was time to put an end to the English perfidy and accused the Russian periodicals that they care more about "the interest of the English than about the Russians" ([Peterburgskaya gazeta. 1877. No. 71. May 6](#)).

By 1878, the direction of public diplomacy in the Russian press began to be replaced by propaganda. The key difference in these terms is not the desire for a reliable presentation of events that are beneficial for the state, but the presence of misinformation. Characteristic of this situation are the accusations of bad faith of the enemy's media. For example, *Novoye Vremya* said that the British press was discussing the problems of the unsuccessful mobilization of the Russian army, that supposedly "instead of powder there was coal powder in the cartridges, the troops were poorly trained and suffered from diseases" ([Novoye Vremya, 1878. No. 662. 1 January](#)).

Circulars of the General Directorate of Press Affairs at this point eloquently testified to a change in the government's course towards searching for allies in a possible future direct military confrontation with England, therefore articles against the tripartite alliance were declared "very undesirable in general" and especially against Austria-Hungary ([RGIA. F. 776. Op. 6. D. 310. L. 4](#)). Another circular forbade the admission of a "hostile tone" towards Germany and Austria ([RGIA. F. 776. Op. 6. D. 398. L. 16](#)).

Unfortunately, the scope of the article does not allow to highlight the course of further events related to the continuation of the Balkan crisis, the signing of the Berlin treatise of 1878 and the role of the periodical press in resolving foreign policy problems. However, further peculiarities of using public diplomacy by the press should be shown on one example already in peacetime, when the interests of the created temporary unions of states dominated human values, were put above the established traditional international relations.

In 1887, the Russian censor banned the publication of the article "From the Latest Polish Poetry" by I.A. Baudouin de Courtenay in St. Petersburg's "Izvestiya slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshchestva", and then in the Moscow's "Russkoe delo". However, ten or so years later, in 1898, the same materials were allowed to be printed by the same preliminary censorship and the matter is not in the censors' self-infatuation and not in softening the censorship regime, but in changing the foreign policy situation and finding new allies by Russia.

In 1887, one of the editors of the News of the Slavic Charitable Society was the well-known historian, founder and first director of The Bestuzhev courses, Professor K.N. Bestuzhev-Ryumin. He appreciated the

article sent to the editor I.A. Baudouin de Courtenay as follows: “I am very grateful to Ivan Alexandrovich for his excellent article. If censorship allows, it will appear in the April book. (Baudouin de Courtenay, 1898: 5).

However, in May 1887, another member of the journal, P.G. Moravek told the author: “The misfortune befell your article – the censorship of the Ministry of Foreign Affairs struck it out entirely, keeping the issue for more than a month. All efforts were unsuccessful. Quos duos perdere vult – dementat¹. It would be nice to place it somewhere – at least in Sharapova in the Russkoe delo, where your article will be gladly taken” (Baudouin de Courtenay, 1898: 7).

After a long wait for publication in the Moscow magazine *Russkoye Delo*, a disappointing letter was also received from the editor S.F. Sharapova: “Your article is full of adventures. I was going to print it in No. 12/13, but I decided, in view of double prohibitions, to show confidentially to the censor. He took the article to read and read it during 1½ of the month that is, did not read it, but transmitted it confidentially to the Main Department of Press. It is clear what was the answer! Terribly annoying, but nothing can be done. They can do terrible harm” (Baudouin de Courtenay, 1898: 7-8).

To understand the reasons for the censorship decisions, it suffices to give a literal translation of one of the poems entitled “Sedan” in the article: “When France fell, there was a long roar. The defeat was hailed as a celebration; the banners of the Gauls, their virtues and merits are violated in the German mud. When the Prussian sword, while performing miracles, brought to the Lord a pious tribute of blood, progress and freedom, the human freedom of the peoples fell in the gorges of Sedan” (Boduena de Courtenay, 1898: 34).

I.A. Baudouin de Courtenay later admitted that the lines written by the Polish poet A. Krausgar “are partly unfair” to the Germans and too “extol” the merits of the French. At that time, the censorship department could not allow to “broadcast” such a position with respect to Germany, but the Franco-Russian alliance was created in 1891, a secret military convention was signed between Russia and France in 1892, a defense alliance was also signed (1893) and there were no obstacles to publication in 1898.

5. Conclusion

The objective of the presented article is to show that public diplomacy and the media are very closely linked. Public diplomacy became possible with the advent and wide circulation of the periodical press. The increased popularity of newspapers and magazines allowed the authorities to convey to the general public information in the right perspective, but at the same time provided an effective mechanism for the influence of public opinion on its decisions.

The active participation of the press in covering the events, in their political assessment and in shaping public sentiment contributed to the development of views, assessments and judgments both at the level of mass and individual consciousness.

Considering the strained relations between the two Russia and Britain in the period under review, it should also be noted that in the context of the Balkan crisis, newspaper publications of both countries did not differ in their one-sided presentation of information and changed as events developed, but both sides regularly tried to present their own policies in favorable light. At the initial stage, the tone of Russian and English newspapers in relation to each other was fairly moderate, the possibilities of creating a union of the two states were being considered to resolve the crisis situation. As the conflict developed, newspaper editorial offices abandoned critical discussions and proceeded to actively manipulate public opinion, replacing public diplomacy propaganda, forming the necessary psychological atmosphere, offering a pre-prepared options for understanding events.

This material makes it possible to trace how Russia, under the conditions of resolving urgent foreign policy tasks, was forced to change its image, making it more understandable and convincing for its Western partners, and one of the main roles in this belonged to the Russian press. In the situation of the Balkan crisis, the Russian society widely declared itself, demonstrating the existence of an active political life and a broad public initiative in a country that did not receive support from the authorities inside the state, moved beyond its limits.

References

- Aled, 1996 – Jones Aled. (1996). Power of the press: Newspapers, Power and the Public in Nineteenth-Century. Aldershot, 248 p.
- Anderson, 1991 – Anderson Benedict (1991). Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. 2nd ed. London, 240 p.
- Annenkov, 1912 – Annenkov P.V. (1912). Letter to M. Stasiulevich, February 12, 1877. Stasyulevich and his contemporaries in their correspondence. Edited by M. K. Lemke. SPb. Vol. III. 791 p. [in Russian]
- Bibliography of the Russian periodical press, 1915 – Bibliography of the Russian periodical press. 1703–1900: materials for the history of Russian Journalism. Compiled and published by N.M. Lisovsky. Pg., 1915. 1088 p. [in Russian]
- Birzhevy vedomosti, 1877 – Birzhevy vedomosti. 1877. No. 210. August 25. [in Russian]

¹ “If God wants to punish a person, he deprives him of his mind” - translated from Latin.

- [Boduena de Courtenay, 1898](#) – *Baudouin de Courtenay I.A.* (1898). Censor stuff. I. Prince Bismarck and the persecution of "Slavs". Krakow, 56 p. [in Russian]
- [Cull, 2006](#) – *Cull N.* (2006). "Public Diplomacy" Before Gullion: The Evolution of a Phrase // USC Center on Public Diplomacy. [Electronic resource]. URL: http://uscpublicdiplomacy.org/blog/060418_public_diplomacy_before_gullion_the_evolution_of_a_phrase
- [Esin, 1971](#) – *Esin B.I.* (1971). Russian pre-revolutionary newspaper. 1702–1917. Short essay. Moscow, 88 p. [in Russian]
- [Forbes, 1878](#) – *Archibald Forbes* (1878). The war correspondence of the «Daily News» 1877-8. Continued from the fall of Kars to the signature of the preliminaries of peace. London, 618 p.
- [Grazhdanin, 1877](#) – *Grazhdanin.* 1877. No. 3. January 23. [in Russian]
- [Grazhdanin, 1877](#) – *Grazhdanin.* 1877. No. 14. April 14. [in Russian]
- [Jones, 1996](#) – *Jones Aled* (1996). Powers of the Press: Newspapers, Power and the Public in Nineteenth Century. Aldershot, 231 p.
- [Kelen](#) – *Kelen Tony.* Newspaper and magazine. Their past and present in all countries of the world. Translation from German. SPb., Without a year. 153 p. [in Russian]
- [Kochukov, 2011](#) – *Kochukov S.A.* (2011). National stereotypes in the public consciousness of Russia in the period of the Russian-Turkish war of 1877-1878. // *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice.* Tambov: Diploma, No. 8. Part 4. P. 112-114. [in Russian]
- [Lebedeva, 2017](#) – *Lebedeva M.M.* (2017). "Soft power": concepts and approaches. *Bulletin of MGIMO-University*, 3 (54). Pp. 212-223. [in Russian]
- [Lemke, 1905](#) – *Lemke M.K.* (1905). In the world of discretion. *Bulletin of Law.* 1905. № 7. September. Pp. 97-156. [in Russian]
- [Novoe vremya, 1877](#) – *Novoe vremya.* 1877. No. 308. January 6. [in Russian]
- [Novoe vremya, 1877](#) – *Novoe vremya.* 1877. No. 317. January 15. [in Russian]
- [Novoe vremya, 1877](#) – *Novoe vremya.* 1878. No. 662. January 1. [in Russian]
- [Peterburgskaya gazeta, 1877](#) – *Peterburgskaya gazeta.* 1877. No. 71. May 6. [in Russian]
- [RGIA](#) – Russian State Historical Archive. [in Russian]
- [Russkoe obozrenie, 1877](#) – *Russkoe obozrenie.* 1877. No. 3-4. January 22. [in Russian]
- [Rybachenok, 1981](#) – *Rybachenok I.S.* (1981). Eastern crisis of 1875–1878 and the Russian-Turkish war in the pages of the newspaper *Moskovskie Vedomosti.* Russia and the Eastern Crisis of the 1870s. Moscow: Moscow University Press. P. 168-183. [in Russian]
- [Shirkov, 1900](#) – *Shirkov V.P.* (1900). Statute on Censorship and the Press: With Later Legislation, Legislative Motives, Explanations Senate and administrative orders. SPb., 302 p. [in Russian]
- [Waltz, 1993](#) – *Waltz K.* (1993). The Emerging Structure of International Politics // *International Security.* № 2. P. 44-79.
- [What is Public Diplomacy?](#) – What is Public Diplomacy? // The Edward R. Murrow Center of Public Diplomacy. The Fletcher School. Tufts University. [Electronic resource]. URL: <http://fletcher.tufts.edu/murrow/diplomacy>

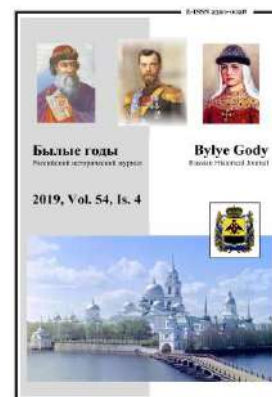
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1639-1646. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1639
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Church of England in the Russian Periodical Press (in the second half of the 19th – early 20th century)

Tatiana V. Chumakova ^{a,*}, Mikhail S. Stetckevich ^a, Elena S. Stetckevich ^b

^a Saint Petersburg State University, Russian Federation

^b North-West Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russian Federation

Abstract

The article is based on the survey of publications in Russian magazines of the second half of the nineteenth – early twentieth centuries. Those periodicals could be classified into three groups: official media of various state institutions, including official ecclesiastic magazines, and those of universities; laic literary, and non-fiction magazines edited by private persons; and magazines issued on the private initiative of some priests. All the surveyed publications mentioned the Church of England, but there were a few of such notes in laic media, mainly in the context of history and culture of Great Britain, there were almost no special articles or even short texts on the Church of England in such media. But there were rather many articles on the topic in theological and ecclesiastic magazines. Among the reasons for such situation, we should mention the spiritual censorship which prevented publications not only 'heretical' and critical to the Orthodox Church, but even research articles on the non-Orthodox religious institutions, if they looked 'too benevolent' from the censors' point of view. Another reason could be in the editorial politic of magazines, purposefully evading religious topics. Ecclesiastic magazines of the mid-nineteenth century willingly published articles and notes on the contemporary life of the Church of England because of two reasons: the development of theological disciplines such as comparative and polemical theology; and the state politic for the sake of active participation of Orthodox theologians and public figures in the international events where the topic of possible inter-confessional contacts was discussed.

Keywords: religious studies, the history of Christianity, the history of the Russia, Orthodoxy, Church of England, Russian historiography.

1. Введение

Несмотря на значительное количество трудов, посвященных исследованию Англиканской церкви, как в отечественной, так в и мировой гуманитарной науке мало исследований, которые ставили бы своей целью создать целостную картину истории изучения религии в Российской империи в XIX – начале XX вв. Исследование статей, посвященных изучению истории и вероучения Церкви Англии позволяет рассмотреть эту картину в широком культурном контексте. Такое историографическое исследование необходимо для конструирования истории развития религиозоведческого дискурса в России.

2. Материалы и методы

В качестве источников для подготовки статьи были использованы периодические издания, выходявшие в Российской империи во второй половине XIX столетия. Для создания целостной картины были просмотрены как официальные периодические издания («Московский епархиальный вестник», «Журнал Министерства народного просвещения» и др.), так и журналы частные («Русский

* Corresponding author

E-mail addresses: t.chumakova@spbu.ru (T.V. Chumakova)

вестник» и др.). Для авторов важным было как наличие статей, посвященных изучению Церкви Англии, так и их отсутствие. Основной задачей стало изучение причин интереса к истории и современному состоянию Англиканской церкви в России, показателем которого были публикации в российской периодической печати исследуемого периода. В статье использован комплексный подход к изучению источников: метод интеллектуальной истории использован в сочетании с методами социокультурного контекстуального анализа и историографического описания.

3. Обсуждение

В последние годы русская периодическая печать Российской империи как источник знаний по истории науки и общественной мысли стала привлекать значительное внимание исследователей (Проблемы, 2017). Стали защищаться диссертации, выходить статьи и монографии, посвященные церковной периодической печати (Нетужилов, 2008; Чумакова, 2016), появились и работы, специально посвященные отражению религиозной жизни Англии XIX – начала XX вв., в отдельных журналах (Медоваров, 2019). Изучение различных аспектов истории Церкви Англии в последние годы также интенсифицировалось (Стецкевич, 2013), и увеличилось число работ, посвященных взаимодействию Русской православной и Англиканской церквей в XIX – начале XX вв. (Лютыко, 2016; Федотов, 2017). Важным для анализа восприятия Церкви Англии в российской культуре является также изучение конфессионального фактора в российской политике на Ближнем Востоке (Герд, 2006; Смирнова, 2016). Кроме того, стали выходить специальные работы, посвященные истории отечественного религиоведения (Shakhnovich, 2016). Представленная статья является одной из первых попыток заполнить имеющиеся пробелы в истории отечественной науки о религии.

4. Результаты

В Российской империи в XIX столетии значительно усиливается интерес к культуре и религиозной жизни Англии после Крымской войны. Увеличивается и число публикаций, посвященных церковной жизни Англии. Это было связано как со значительным увеличением интереса к английской культуре в целом, благодаря романам Ч. Диккенса, В. Скотта, Д. Дэфо и других британских писателей (Reception, 2013; Struve, 1933), культурным, научным и техническим достижениям британцев (что к концу столетия сделало английский одним из научных языков Европы и увеличило число его знатоков в России), так и благодаря усилению активности в области межрелигиозных контактов в XIX столетии (Лаврова, 2001; Courtney, 2014).

Англия интенсифицировала свои давние контакты с православными церквями в начале XIX в., когда на Балканах начались восстания и национально-освободительные войны против османского владычества. Как известно, император Александр I, храня верность идеям Священного союза, не поддержал греческое восстание. Но его поддержала Англия, и это вместе с другими факторами (самоидентификация греков как европейцев и проч.) способствовало усилению ее влияния на молодое греческое государство на протяжении всего столетия (Герд, 2006). Это, конечно, устраивало Россию не только с политической точки зрения, но и с религиозной, поскольку Российская церковь также заявляла о своих претензиях на статус вселенской церкви, объединяющей и поддерживающей православных во всем мире. Британцы были знакомы с этой точкой зрения благодаря английскому изданию «Истории Русской церкви» обер-прокурора Св. Синода А.Н. Муравьева, которое начиналась с изложения модернизированной концепции «Москва – Третий Рим» (Mouravieff, 1842: 2). Российская церковь при митрополите Филарете (Дроздове) стала более открытой к диалогу с Западом, и в том числе к диалогу с англиканами. Во многом это объяснялось не только политикой государства, но и личностью Филарета, который был не чужд западных влияний (Engelstein, 2003: 27). Культурно-религиозные контакты между православными и англиканскими религиозными деятелями интенсифицировались в начале столетия также благодаря деятельности Британского и иностранного библейского общества (BFBS). В России представители этого общества, как и других британских религиозно-просветительских организаций и учреждений, общались как с официальными представителями церковной иерархии и чиновниками, так и с религиозными неконформистами, к которым можно отнести переводчиков Ветхого Завета (Batalden, 2013) и тех, кто интересовался религиозной философией и мечтал об обновлении церкви.

Взаимный интерес, также объединивший представителей различных групп внутри Русской церкви и англичан, был связан и с организацией обществ, занимавшихся религиозным просвещением. По образцу британского «Society for Promoting Christian Knowledge» («Общество по распространению христианского просвещения»), возникшего в конце XVII столетия (Hammond, 2008), в конце 60-х годов XIX в. в Российской империи было создано «Общество любителей духовного просвещения», финансировавшее издание и распространявшее духовную литературу по всей стране. Как и его британский аналог, это общество давало возможность установить неофициальные межконфессиональные контакты, став проводником «русского влияния» в среде религиозных неконформистов в Западной Европе и, в частности, старокаатоликов, а также тех членов Церкви Англии, которые рассматривали возможности воссоединения с православными. Перед Первой мировой войной возникло даже специальное общество, занимавшееся этим вопросом,

– «Русское общество ревнителей сближения Англиканской церкви с Православною» (Устав, 1912). Но, как известно, сама идея подобного сближения и даже объединения возникла в рамках оксфордского движения (Faught, 2003) на основе «The Branch Theory» (теории ветвей), согласно которой православная, католическая и англиканская церкви, будучи церквями апостольскими, лишь ответвления древней христианской церкви, потому при всех различиях остаются едиными (Соловьева, 2000). С этим был связан интерес людей, близких к трактарианскому (оксфордскому) движению, не только к православной церкви (Nockles, 1994: 153), но и к трудам отцов церкви (Pfaff, 1973). Известно, что переводами на английский сочинений Кирилла Александрийского занимался Филип Э. Пьюзи (1830–1880) – сын одного из лидеров движения Эдварда Б. Пьюзи (1800–1882). Ф.Э. Пьюзи для этого даже предпринял путешествие в Россию, где он изучал греческие списки произведений Кирилла Александрийского, хранившиеся в Москве в синодальной библиотеке.

Это время (начало 40-х годов – вторая половина XIX в.) стало временем расцвета российской периодической печати. Увеличивается количество светских официальных государственных периодических изданий – ведомостей («Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», «Оренбургские ведомости» и др.), к которым во второй половине столетия добавляются многочисленные епархиальные ведомости. На страницах этих изданий мы иногда сталкиваемся с упоминанием не только англиканства, но отдельных представителей оксфордского движения (трактарианства), которыми являлись У. Пьюзи (часто русское написание Пуси) или У. Палмер (Пальмер), совершивший две поездки в Россию, выучивший русский язык и долго надевавшийся на возможность объединения церквей. Его интерес к русской церкви был так глубок, что он стал автором первого серьезного британского исследования о патриархе Никоне (Palmer, 1871).

В связи с увеличением высших учебных заведений возросло число научных изданий, и это издания не только университетов, такие как «Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете», но и некоторых лицеев, например такого важного для развития российской юридической науки учреждения, как Демидовский юридический лицей, на страницах «Вестника» которого встречаются упоминания о церковно-государственных проблемах Великобритании. Это не удивительно, поскольку в университетах Российской империи с 30-х годов XIX столетия преподавалось церковное право, а позже возникли и специализированные кафедры, преподаватели которых публиковали работы, посвященные не только каноническому праву православной церкви, но и церковно-государственным отношениям различных государств. В большом количестве выходившие в России «толстые» литературно-публицистические журналы практически не содержали материалов, посвященных ни Церкви Англии, ни трактарианцам. Хотя материалы, касающиеся жизни современной Англиканской церкви изредка публиковались даже в журнале «Нива». Но, как и в других светских изданиях, в них не шла речь о богословии, и информация зачастую носила критический характер, и даже антиклерикальный. Так, в 47 номер «Нивы» за 1876 г. была помещена небольшая заметка об огромных доходах высшего английского духовенства, делающих церковь привлекательной не только для достойных и образованных людей, но и для всяческих проходимцев. Сейчас достаточно сложно точно утверждать, в чем причины этого: в редакционной политике этих журналов (связанной с интересами редакции и/или учитывающей интересы читающей их публики) или в соображениях цензурного характера, ведь любая публикация религиозного характера могла быть удалена, не пройдя духовной цензуры. Исключение здесь составлял журнал «Москвитянин», что не удивительно, ведь он издавался М.Н. Погодиным и отражал отчасти интересы славянофилов. Гораздо чаще встречается упоминание о Церкви Англии в периодических изданиях, связанных с религиозными кругами, или в изданиях духовных академий: «Духовная беседа», «Христианское чтение», «Труды Киевской Духовной Академии», «Вера и Разум» и др.

Больше всего публикаций, посвященных различным христианским религиозным организациям, обнаруживается в журналах, которые были созданы по частной инициативе священнослужителей, таких как «Странник» (1860), «Православное обозрение» (1860–1891), «Духовный вестник» (1862) и др. Это были «духовные издания, обязанные своим происхождением частному предпринимательству. Это предпринимательство чаще не предполагало личного обогащения учредителей издания. Само издание не замыслилось с целью коммерческого успеха. Частные издания были более свободными в выборе тем и авторов, в изложении тех или иных точек зрения» (Нетужилов, 2008: 111).

«Православное обозрение», созданное при поддержке митрополита Филарета (Дроздова), чаще других журналов публиковало статьи и заметки, касающиеся Церкви Англии. Сам митрополит московский также опубликовал в февральском номере «Православного обозрения» за 1866 год статью, посвященную обсуждению признания действительности таинства священства в Церкви Англии «О непрерывности епископского рукоположения в Английской Церкви». Это была важнейшая проблема православно-англиканского диалога (Воронов, 1964), в том числе и в связи с тем, что в XIX столетии актуализировался вопрос о признании действительным таинства священства священнослужителей Англиканской церкви, переходящих в православие. Едва ли не самое большое количество статей о религиозной жизни Великобритании, опубликованных во множестве периодических изданий, было написано протоиереем Е.И. Поповым (1813–1875), тридцать семь лет

служившим священником Посольской церкви в Лондоне. Он также оказывал консультативную помощь английским исследователям православия, при его содействии был подготовлен ряд трудов, посвященных истории церкви и православной литургике и богословию (Birchall, 2014: 55-148; Керенский, 1905: 416-417). В «Православном обозрении» за 1860 г. в нескольких номерах публиковались его «Записки лондонского священника Е.И. Попова. Англиканская церковь: устройство и быт ея». Статья «Жизнь религиозная в Англии», вышедшая в журнале в первом номере 1862 г., была написана петербургским священником Иваном Терентьевичем Осининым (1835–1887), который преподавал обличительное богословие в Санкт-Петербургской духовной академии, а с 1863 г. обучал истории детей императора Александра II. Осинин был хорошо знаком с церковными реалиями Англии, поскольку был женат на дочери протоиерея Е.И. Попова (свадьба состоялась в 1858 г. в Лондоне). Серию статей, посвященных вопросу соединения православной церкви с американской и англиканской, опубликовал в «Православном обозрении» в шестидесятых годах Павел Ефимович Образцов (1840–1895), закончивший в 1865 г. Санкт-Петербургскую духовную академию и преподававший в Смоленске, Пскове, Гатчине, а позже служивший в посольской церкви в Стокгольме. Правовед, участник старокатолических конференций и других мероприятий, связанных с проблемой взаимного общения различных христианских конфессий, Михаил Михайлович Сухотин (1825–1881) опубликовал в этом журнале серию статей о современной жизни Англиканской церкви, об «англиканизме» в Ирландии и о дискуссиях в Англиканской церкви, связанных с ритуализмом и стремлением к «восточной обрядности». Также им были опубликованы статьи, посвященные лидерам оксфордского движения: Дж. Г. Ньюмену и Э. Пьюзи. Как и другие упоминавшиеся нами авторы «Православного обозрения», Сухотин публиковал статьи об англиканстве в журнале «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения», в «Московском вестнике», а также в основанном в 1858 г. митрополитом Новгородском и Петербургским Григорием (Постниковым) еженедельнике «Духовная беседа». Журнал первоначально выходил в Санкт-Петербургской духовной академии, а со второго номера за 1862 год редактировался протоиереем Иваном (Иоанном) Константиновичем Яхонтовым (1819–1888), церковным и общественным деятелем, среди многочисленных обязанностей которого значилось участие в работе петербургского комитета духовной цензуры. В этом издании множество статей, посвященных англиканству, было опубликовано еще одним автором «Православного обозрения», одним из самых известных священников Санкт-Петербурга конца XIX столетия Василием Яковлевичем Михайловским (1834–1910), который был очень плодовитым духовным писателем, автором путеводителей по Святой Земле, исторических карт, учебников, научных интересы которого фокусировались на изучении «инославных вероисповеданий», прежде всего Церкви Англии и Римско-католической церкви. Его работы касались также истории и богослужебной практики этих церквей. Священник Василий Иванович Фортунатов (ум. 1877) (Сухова, 2015), выпускник СПбДА (1837), много путешествовавший по Европе, поскольку более двадцати лет служил при заграничных церквях (в Копенгагене, Гааге), интересовался современной жизнью Церкви Англии, встречался с Уильямом Пальмером и писал об этом. В 1868 г. в «Духовной беседе» он опубликовал серию статей, касающихся перспектив отношений англиканской и православной церквей, – «К вопросу о сближении Англиканской Церкви с Православною», а годом раньше статью «Воспоминания о В.В. Пальмере».

Журнал Казанской духовной академии «Православный собеседник», издававшийся с 1855 г., опубликовал две работы профессора КДА Владимира Александровича Керенского (Бажанов, 2003). Статья «По поводу буллы Apostolicae Curae и ответа на нее англиканских иерархов» (Керенский, 1897) посвящена важному моменту в истории отношения англиканской и римско-католической церквей. В 1886 г. папа Лев XIII выпустил буллу «Apostolicae Curae» о недопустимости англиканских рукоположений, эта булла до сих пор препятствует англикано-католическому диалогу и вызывает дискуссии (Gane, 2001). В русской богословской печати эта проблема обсуждалась достаточно серьезно, и было защищено две докторских диссертации на соискание степени доктора богословия: В.А. Соколовым в Московской духовной академии «Иерархия Англиканской епископальной церкви» (Сергиев Посад, 1897) и экстраординарным профессором Казанской духовной академии А.И. Булгаковым в Киеве «О законности и действительности англиканской иерархии с точки зрения Православной Церкви» (Киев, 1906). Вторая статья Керенского «Богословское образование в Англиканской Церкви» (Керенский, 1915) была связана с дискуссиями о реформах в системе духовного образования в России и возможности его модернизации.

Популярный, адресованный не только «любителям духовного чтения», но и всем слоям общества ежемесячный духовный журнал «Странник» издавался в Санкт-Петербурге с 1860 по 1917 гг. Он был основан общественным деятелем, активно занимавшимся религиозным просвещением, священником Василием Васильевичем Гречулевичем (1823–1885), будущим епископом Могилевским и Мстиславским, который в это время был законоучителем в Смольном институте (Императорском воспитательном обществе благородных девиц). В «Страннике» в начале XX в. было опубликовано несколько статей, посвященных проблеме сближения англикан и православных. В 5–7 номерах за 1891 год печаталась работа уже упоминавшегося выше профессора МДА В.А. Соколова «Англиканские попытки к сближению с Православной Греко-Русской Церковью»,

которая является до сих пор важным исследованием по истории межконфессиональных отношений Церкви Англии и Русской православной церкви. В третьем номере за 1909 г. вышла статья «Проблема воссоединения с Англикан. Церковью» будущего известного канониста, деятеля русского зарубежья Сергея Викторовича Троицкого (к этой теме он будет возвращаться еще несколько раз в связи с развитием экуменического движения).

Во второй половине XIX столетия много заметок и статей, посвященных прежде всего англикано-православному диалогу, публиковал один из старейших российских богословских журналов – «Христианское чтение», издававшийся Санкт-Петербургской духовной академией с 1821 г. Там печатались уже неоднократно упоминавшийся Е.И. Попов, профессор СПбДА, автор работы о современной религиозной жизни в США Александр Павлович Лопухин и др.

Краткий историографический обзор хотелось бы закончить редко упоминаемым исследователями журналом – «Временник Демидовского юридического лицея». Демидовский юридический лицей был преобразован в 1870 г. в высшую юридическую школу, в которую без экзаменов могли поступать выпускники гимназий и после сдачи экзаменов принимались выпускники духовных семинарий. Выпускавшийся в лицее «Временник» публиковал работы преподавателей лицея, среди которых были ученые, внесшие значительный вклад в развитие российской юридической науки. Специальных работ по истории Англиканской церкви во «Временнике» не было, но в ряде трудов, посвященных истории гражданского и церковного законодательства, проблеме свободы совести, так или иначе, затрагивались история Церкви Англии и проблема церковно-государственных отношений.

5. Заключение

Исследование периодической печати позволяет утверждать, что интерес к Церкви Англии и к религиозным течениям, возникшим в ней (трактарианство), в России XIX столетия проявляли, прежде всего, представители консервативных и клерикальных кругов, которые занимались изучением англиканства в рамках сравнительного богословия, а также те, кому могли быть близки идеи трактарианцев в области церковно-государственных отношений (в церковной среде в этот период также начинает ощущаться стремление к получению большей самостоятельности от государства), славянофилы, и в особенности А.С. Хомяков, а также светские власти, для которых контакты с представителями Церкви Англии, а также трактарианского движения и участие в совместных с ними мероприятиях (в частности конгрессах, посвященных проблеме старокатоликов) было шансом несколько изменить международную репутацию страны и даже повлиять на политическую ситуацию на Ближнем Востоке.

6. Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 18-011-00241 "От эрастианизма к трактарианизму: Церковь Англии в конце XVIII – первой половине XIX вв."

Литература

- Бажанов, 2003** – Бажанов В.А. Владимир Керенский: жизненный путь и академическая карьера // *Вече*. Вып. 14. 2003. С. 88-99.
- Воронов, 1964** – Воронов Л.А. Вопрос об англиканском священстве в свете русской православной богословской науки // *Богословские труды*. 1964. № 3. С. 64-145.
- Герд, 2006** – Герд Л.А. Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). М., 2006. 445 с.
- Керенский, 1905** – Керенский В.А. Американская епископальная церковь. Казань, 1905. 437 с.
- Керенский, 1915** – Керенский В.А. Богословское образование в Англиканской Церкви // *Православный собеседник*. 1915. Т. 3. С. 216-235.
- Керенский, 1897** – Керенский В.А. По поводу буллы Apostolicae Suae и ответа на нее англиканских иерархов // *Православный собеседник*. 1897. Ч. 1. С. 706-726.
- Лаврова, 2001** – Лаврова П.В., Соловьева Т.С., Сперанская Е.С. Англикано-православные связи, богословские диалоги XVIII–XX вв. // *Православная энциклопедия*. Т. II. М., 2001. С. 311-322.
- Лютыко, 2016** – Лютыко Е.И. Святитель Филарет Московский и Англиканская Церковь (1810–1860) // *Филаретовский альманах*. 2016. № 12. С. 33-47.
- Медоваров, 2019** – Медоваров М.В. Протоиерей Евгений Смирнов и церковная жизнь Англии 1890-х годов на страницах журнала «Русское обозрение» // *Христианское чтение*. № 2. 2019. С. 178-188.
- Нетужилов, 2008** – Нетужилов К.Е. Церковная периодическая печать в России XIX столетия. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 268 с.
- Проблемы, 2017** – Проблемы библиографирования содержания периодических и продолжающихся изданий России XVIII – начала XX века / Сост. и науч. ред.: Л.П. Громова, Н.Г. Патрушева, А.М. Третьяк; ред. Г.А. Мамонтова]. СПб., 2017. 130 с.
- Смирнова, 2016** – Смирнова И.Ю. Между Западом и Востоком: из истории церковно-дипломатических отношений на Ближнем и Дальнем Востоке. М., 2016. 590 с.

- Соловьёва, 2000** – Соловьёва Т.С. Оксфордское движение: борьба за церковное возрождение в Англии // *Альфа и Омега*. 2000. 3 (25). С. 334-353.
- Стецкевич, 2013** – Стецкевич М.С. Роберт Саути и Оксфордское движение // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение*. 2013. № 3. С. 75-79.
- Сухова, 2015** – Сухова Н.Ю. Полвека служения русской православной придворной церкви в Гааге (1816–1866) // *Христианское чтение*. 2015. № 6. С. 127-149.
- Устав, 1912** – Устав Русского общества ревнителей сближения Англиканской Церкви с Православною: утвержден 14–16 января 1912 года. СПб., 1912. 13 с.
- Федотов, 2017** – Федотов С.П. Исторический опыт взаимоотношений Русской православной и Англиканской церквей в XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. исторических наук: 07.00.02. М., 2017. 208 с.
- Чумакова, 2016** – Чумакова Т.В., Моравчикова М. Русская периодическая печать конца XIX – начала XX века как источник исследования повседневной жизни паломников // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение*. 2016. № 2. С. 141-147.
- Batalden, 2013** – Batalden S. K. Russian Bible Wars: Modern Scriptural Translation and Cultural Authority. Cambridge University Press, 2013. 389 p.
- Birchall, 2014** – Birchall C. Embassy, Emigrants, and Englishmen. The Three-Hundred-Year History of the Russian Orthodox Church in London. Jordanville, New York, 2014. 712 p.
- Courtney, 2014** – Courtney J. Listening to voices from the East: nineteenth century Anglicans and the Russian Orthodox Church // *Текст. Книга. Книгоиздание*. 2014. №1 (5). 2014. № 1 (5). С. 89-105.
- Engelstein, 2003** – Engelstein L. Old and New, High and Low: Straw Horsemen of Russian Orthodoxy // *Orthodox Russia. Belief and practice under the tsars* / Ed. by V. Kivelson. Pennsylvania State University Press, 2003. pp. 23-32.
- Faught, 2003** – Faught C.B. A Thematic History of the Tractarians and Their Times. University Park: Pennsylvania State University Press, 2003. xii + 184 pp.
- Gane, 2001** – Gaine S. Defect of Sacramental Intention: The Background of "Apostolicae Curae" // *New Blackfriars*. 2001. 82 (959). pp. 4-23.
- Hammond, 2008** – Hammond G. The Revival of Practical Christianity: The Society for Promoting Christian Knowledge, Samuel Wesley, and the Clerical Society Movement // *Studies in Church History*. 2008. Vol. 44. pp. 116-127.
- Hughes, 2004**. – Huges M. The English Slavophile: W. J. Birkbeck and Russia // *The Slavonic and East European Review*. 2004. 82 (3). P. 680-706.
- Mouravieff, 1842** – Mouravieff A.N. A history of the Church of Russia. Oxford, 1842. 448 p.
- Nockles, 1994** – Nockles P. The Oxford Movement in Context: Anglican High Churchmanship 1760–1857. Cambridge University Press, 1994. 358 p.
- Palmer, 1871** – Palmer W. The Patriarch and the Tsar. 6 vols. Oxford, 1871–1876.
- Pfaff, 1973** – Pfaff R. The Library of the Fathers: The Tractarians as Patristic Translators // *Studies in Philology*. 70 (3). 1973. pp. 329-344.
- Reception, 2016** – The Reception of Charles Dickens in Europe. London: Bloomsbury, 2013. 760 p.
- Shakhnovich, 2016** – Shakhnovich M.M. At the origin of the study of religion in Russia // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение*. 2016. № 4. С. 135-143.
- Struve, 1933** – Struve P. Walter Scott and Russia // *The Slavonic and East European Review*. 1933. № 11(32). pp. 397-410.

References

- Batalden, 2013** – Batalden S.K. (2013). Russian Bible Wars: Modern Scriptural Translation and Cultural Authority. Cambridge University Press, 389 p.
- Bazhanov, 2003** – Bazhanov V.A. (1964). Vladimir Kerenskij: zhiznennyj put' i akademicheskaya kar'era [Vladimir Kerensky: life path and academic career]. *Veche*, Is. 14. P. 88-99. [in Russian]
- Birchall, 2014** – Birchall C. (2014). Embassy, Emigrants, and Englishmen. The Three-Hundred-Year History of the Russian Orthodox Church in London. Jordanville, New York, 712 p.
- Chumakova, 2016** – Chumakova T.V., Moravchikova M. (2016). Russkaya periodicheskaya pechat' kontsa XIX – nachala XX veka kak istochnik issledovaniya povsednevnoj zhizni palomnikov [Russian periodicals of the late XIX – early XX centuries as a source of study of the daily life of pilgrims]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 17. Filosofiya. Konfliktologiya. Kul'turologiya. Religiovedenie*. № 2. pp. 141-147. [in Russian]
- Courtney, 2014** – Courtney J. (2014). Listening to voices from the East: nineteenth century Anglicans and the Russian Orthodox Church. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie*. №1 (5). 2014. № 1 (5). pp. 89-105.
- Engelstein, 2003** – Engelstein L. (2003). Old and New, High and Low: Straw Horsemen of Russian Orthodoxy. *Orthodox Russia. Belief and practice under the tsars*. Ed. by V. Kivelson. Pennsylvania State University Press, pp. 23-32.

- Faught, 2003** – *Faught C.B.* (2003). A Thematic History of the Tractarians and Their Times. University Park: Pennsylvania State University Press, 2003. xii + 184 pp.
- Fedotov, 2017** – *Fedotov S.P.* (2017). Istoricheskij opyt vzaimootnoshenij Russkoj pravoslavnoj i Anglikanskoj tserkvej v XIX – nachale XX vv. [The historical experience of the relationship between the Russian Orthodox and Anglican churches in the XIX – early XX centuries]: dis. ... kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.02. Moscow, 208 p. [in Russian]
- Gane, 2001** – *Gaine S.* (2001). Defect of Sacramental Intention: The Background of "Apostolicae Curae". *New Blackfriars*. 82 (959). pp. 4-23.
- Gerd, 2006** – *Gerd L.A.* (2006). Konstantinopol' i Peterburg: tserkovnaya politika Rossii na pravoslavnom Vostoke (1878-1898) [Constantinople and Petersburg: Church policy of Russia in the Orthodox East (1878-1898)]. Moscow, 445 p. [in Russian]
- Hammond, 2008** – *Hammond G.* (2008). The Revival of Practical Christianity: The Society for Promoting Christian Knowledge, Samuel Wesley, and the Clerical Society Movement. *Studies in Church History*. Vol. 44. pp. 116-127.
- Hughes, 2004.** – *Huges M.* (2004). The English Slavophile: W. J. Birkbeck and Russia. *The Slavonic and East European Review*. 82(3). pp. 680-706.
- Kerenskij, 1897** – *Kerenskij V.A.* (1897). Po povodu bully Apostolicae Curae i otveta na nee anglikanskikh ierarkhov [Regarding Bull Apostolicae Curae and the answer to it by Anglican hierarchs]. *Pravoslavnyj sobesednik*. Vol. 1. P. 706-726. [in Russian]
- Kerenskij, 1905** – *Kerenskij V.A.* (1905). Amerikanskaya episkopal'naya tserkov' [American Episcopal Church]. Kazan, 437 p. [in Russian]
- Kerenskij, 1915** – *Kerenskij V.A.* (1915). Bogoslovskoe obrazovanie v Anglikanskoj Tserkvi [Theological Education in the Church of England]. *Pravoslavnyj sobesednik*. Vol. 3. pp. 216-235. [in Russian]
- Lavrova, 2001** – *Lavrova P.V., Solov'eva T.S., Speranskaya E.S.* (2001). Anglikano-pravoslavnye svyazi, bogoslovskie dialogi XVIII–XX vv. [Anglican-Orthodox relations, theological dialogues of the 18th – 20th centuries]. *Pravoslavnaya ehntsiklopediya*. T. II. Moscow. P. 311-322. [in Russian]
- Lyut'ko, 2016** – *Lyut'ko E.I.* (2016). Svyatitel' Filaret Moskovskij i Anglikanskaya TSerkov' (1810–1860) [St. Philaret of Moscow and the Anglican Church (1810–1860)]. *Filaretovskij al'manakh*. № 12. pp. 33-47. [in Russian]
- Medovarov, 2019** – *Medovarov M.V.* (2019). Protoierej Evgenij Smirnov i tserkovnaya zhizn' Anglii 1890-kh godov na stranitsa kh zhurnala «Russkoe obozrenie» [Archpriest Evgeni Smirnov and church life of England in the 1890s on page x of the Russian Review magazine]. *Khristianskoe chtenie*. №2. pp. 178-188. [in Russian]
- Mouravieff, 1842** – *Mouravieff A.N.* (1842). A history of the Church of Russia. Oxford. 448 p.
- Netuzhilov, 2008** – *Netuzhilov K.E.* (2008). Tserkovnaya periodicheskaya pechat' v Rossii XIX stoletiya [Church periodicals in Russia of the XIX century.]. SPb. 268 p. [in Russian]
- Nockles, 1994** – *Nockles P.* (1994). The Oxford Movement in Context: Anglican High Churchmanship 1760-1857. Cambridge. 358 p.
- Palmer, 1871** – *Palmer W.* (1871-1876). The Patriarch and the Tsar. 6 vols. Oxford.
- Pfaff, 1973** – *Pfaff R.* (1973). The Library of the Fathers: The Tractarians as Patristic Translators // *Studies in Philology*. Vol. 70. No. 3. pp. 329-344.
- Problemy, 2017** – Problemy bibliografirovaniya sodержaniya periodicheskikh i prodolzhayushhikhsya izdanij Rossii XVIII – nachala XX veka (2017). [Problems of bibliography of the content of periodicals and continuing editions of Russia of the XVIII – early XX centuries]. Eds.: L.P. Gromova, N.G. Patrusheva, A.M. Tret'yak; red.: G.A. Mamontova. 130 p. [in Russian]
- Reception, 2013** – The Reception of Charles Dickens in Europe (2013). London. 760 p.
- Shakhnovich, 2016** – *Shakhnovich M.M.* (2016). At the origin of the study of religion in Russia // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 17. Filosofiya. Konfliktologiya. Kul'turologiya. Religiovedenie*. № 4. pp. 135-143.
- Smirnova, 2016** – *Smirnova I.Y.* (2016). Mezhdru Zapadom i Vostokom: iz istorii tserkovno-diplomaticeskikh otnoshenij na Blizhnem i Dal'nem Vostoke [Between West and East: from the history of church-diplomatic relations in the Near and Far East]. Moscow. 590 p. [in Russian]
- Solov'yova, 2000** – *Solov'yova T.S.* (2000). Oksfordskoe dvizhenie: bor'ba za tserkovnoe vozrozhdenie v Anglii [Oxford Movement: The Struggle for Church Revival in England]. *Al'fa i Omega*. 3 (25). pp. 334-353. [in Russian]
- Stetskevich, 2013** – *Stetskevich M.S.* (2013). Robert Sauti i Oksfordskoe dvizhenie [Robert Southey and the Oxford Movement]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 17. Filosofiya. Konfliktologiya. Kul'turologiya. Religiovedenie*. № 3. pp. 75-79. [in Russian]
- Struve, 1933** – *Struve P.* (1933). Walter Scott and Russia. *The Slavonic and East European Review*. 1933. 11(32). pp. 397-410.
- Suhova, 2015** – *Suhova N.Y.* (2015). Polveka sluzheniya russkoj pravoslavnoj pridvornoj cerkvi v Gaage (1816–1866) [Half a century of service of the Russian Orthodox court church in The Hague (1816–1866)]. *Hristianskoe chtenie*. № 6. pp. 127-149. [in Russian]

Ustav, 1912 – Ustav Russkago obshhestva revnitelej sblizheniya Anglikanskoj TSerkvi s Pravoslavnoyu: utverzhden 14-16 yanvary 1912 goda (1912). [The charter of the Russian society of zealots for the rapprochement of the Anglican Church with the Orthodox: approved on January 14-16, 1912.] SPb. 13 p. [in Russian]

Voronov, 1964 – Voronov L.A. (1964). Vopros ob anglikanskom svyashhenstve v svete russkoj pravoslavnoj bogoslovskoj nauki [The Question of the Anglican Priesthood in the Light of Russian Orthodox Theological Science]. *Bogoslovskie trudy*. № 3. pp. 64-145. [in Russian]

Церковь Англии в российской периодической печати (вторая половина XIX – начало XX вв.)

Татьяна Витаутасовна Чумакова ^{a,*}, Михаил Станиславович Стецкевич ^a, Елена Сергеевна Стецкевич ^b

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

^b Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации, Российская Федерация

Аннотация. Статья подготовлена на основе изучения публикаций, вышедших в русских журналах во второй половине XIX – начале XX вв. Эти периодические издания можно условно разделить на три группы: официальная печать, выпускавшаяся различными государственными учреждениями, сюда относятся и официальные церковные издания, а также журналы университетов. Вторая группа – это светские литературные и публицистические журналы, принадлежавшие частным лицам, и третья – журналы, которые выпускались по частной инициативе священнослужителей. Во всех этих журналах упоминается Церковь Англии, но в светских достаточно редко и чаще в публикациях, касающихся истории и культуры Великобритании, специально посвященных этой теме статей и даже заметок почти нет. В изданиях богословских и религиозно-публицистических этих статей достаточно много. Среди возможных причин можно указать духовную цензуру, которая препятствовала публикации не только «еретических» и критических по отношению к церкви и религии текстов, но и научных работ, посвященных неправославным религиозным организациям, которые цензорам могли показаться излишне «хвалебными». Второй причиной может быть редакционная политика журналов, сознательно избегавших религиозной проблематики. Журналы религиозного содержания середины XIX столетия охотно публиковали статьи и заметки, посвященные современной жизни Церкви Англии, что было связано с двумя основными причинами: развитием таких богословских дисциплин, как сравнительное и обличительное богословие, а также государственной политикой, поддерживающей участие православных богословов и общественных деятелей в международных мероприятиях, на которых обсуждался вопрос о возможности межконфессиональных контактов.

Ключевые слова: религиоведение, история христианства, история христианской церкви, православие, Церковь Англии, отечественная историография.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: t.chumakova@spbu.ru (Т.В.Чумакова)

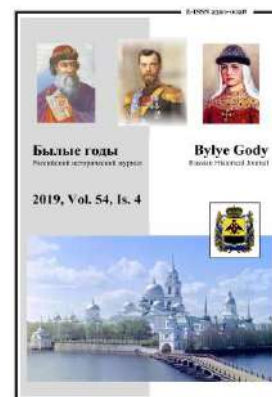
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1647-1655. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1647
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Orenburg-Tashkent Railway and the Kazakh Society at the turn of the XIX–XX centuries (on the example of the Turgai region)

Gulbanu B. Izbassarova ^{a, *}

^a K. Zhubanov Aktobe Regional State University, Kazakhstan

Abstract

The article is devoted to studying the influence of the Orenburg-Tashkent railway on the life of the Kazakh society of the Turgai region at the turn of the XIX-XX centuries. The railway is considered as one of the tools for developing the outskirts. On the basis of archival and journalistic sources, the discussions on determining the route of the railway to Tashkent, the changes that occurred in the nomadic society, in particular, in the economic life of the Kazakhs, are studied. The opinions of the Russian and local elites on the significance of the railway, the position of Chinggizid S. Dzhantyurin are investigated. It is concluded that the Anglo-Russian rivalry in the military sphere prompted Russia to build this railway, but representatives of the Orenburg region's elite played an important role in determining its direction through Orenburg, it is noted that the passage of the highway through the steppe led to the emergence of new professions, the transformation of fortifications into cities.

Keywords: Russian Empire, Kazakh steppe, Orenburg-Tashkent railway, society transformation, Turgai region.

1. Введение

В 60-е годы XIX века в состав Российской империи были включены новые регионы, в частности Старший жуз казахов и центральноазиатские ханства. Укрепляя власть в регионе, российская администрация обращает внимание на ее военно-стратегическое значение и на дальность расстояний между центром и периферией. В этот период поднимается вопрос о строительстве железной дороги в Центральную (Среднюю) Азию. Его активно обсуждали в Министерстве путей сообщения, в печати, где железной дороге отводилась роль одного из инструментов освоения окраины. В самом начале XX в. вошла в строй Оренбургско-Ташкентская железная дорога, но до сих пор остаются открытыми некоторые вопросы. Изучение проблемы строительства данной железной дороги позволит лучше понять внутривнутриполитическое положение империи, в частности ее окраины, исследовать, что подтолкнуло Российскую империю к строительству железной дороги: соперничество в военной сфере или это было выбором ее элиты, и как казахский социум, по территории которого проходила дорога, отреагировал на это – даст возможность изучить изменения, произошедшие в Казахской степи в конце XIX – начале XX вв., когда происходит становление новых ориентиров в жизнедеятельности бывшего кочевника.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили документы фондов государственного архива Оренбургской области, Российского государственного исторического архива, а также материалы периодической печати. В данной статье будет использован ситуационный подход, который дает возможность отказаться от концентрации на каком-то одном акторе, изучаются мнения разных

* Corresponding author

E-mail addresses: iz_gulbanu@mail.ru (G.B. Izbassarova)

актеров и групп, здесь местное казахское население выступает не только как объект воздействия власти, но и как самостоятельный актер. Изучению процессов «на местах», попыткам дать их подробное описание, своего рода *thick description*, будет уделяться большое внимание.

В данной работе используются микро- и макроподходы в истории. На уровне микроистории можно разглядеть зародыши альтернативного развития, что нам четко показывает, например, строительство Оренбургско-Ташкентской железной дороги. Если проанализировать только само заседание «особого, образованного по Высочайшему повелению, совещания 26 июня 1899 года по вопросу о соединении железною дорогою Средней Азии с общей сетью» при императоре, то выступления министров военных дел, финансов, путей сообщения показывают различное конструирование и описание локальных пространств и империи в целом.

3. Обсуждение

В дореволюционной историографии основное внимание уделялось экономическому обоснованию строительства железной дороги, описанию обсуждения ее маршрутов, влиянию магистрали на развитие земледелия, торговли, производства вдоль дороги (Антипин, Левашев, 1903; Верховский, 1910; Дмитриев-Мамонов, 1912). Так, например, А.И. Дмитриев-Мамонов, начав рассказ о первых предложениях строительства Оренбургско-Ташкентской железной дороги, отмечает роль совещаний 1899 и 1900 гг. как главных при определении направления линии. Также автор подробно описал станции, разъезды вдоль железной дороги, почву местности, хозяйство и численность населения, объем товара вывозимого и ввозимого на станции и т.д. В частности, описывая станции, построенные на территории Тургайской области, А.И. Дмитриев-Мамонов дал сведения о станции Актюбе, которая в 1880 г. была преобразована в город. Он описал основные объекты города, в том числе железнодорожное училище на 150 учащихся, содержащееся за счет дороги; охарактеризовал водоснабжение города, отметив, что «вода из реки Илека, жесткая, неприятная на вкус, в паровозах образует большую накипь» (Дмитриев-Мамонов, 1912: 346). Н.П. Верховский выделял 3 основные задачи центра на периферии по строительству Оренбургско-Ташкентской железной дороги. Одной из них было соединение «края с остальным миром», а также «превращение кочевников в оседлое земледельческое и промышленное население» (Верховский, 1910: 3). Автор обращает внимание на сложности снабжения топливом и материалами, необходимыми для железной дороги, а также указывает, что, «несмотря на трудности, магистраль за два года эксплуатации дает надежды на заключение, что дорога в отношении дохода поставлена в исключительно выгодные условия, так как собственными средствами почти покрыла расходы эксплуатации» (Верховский, 1910: 4).

В советской историографии строительство Оренбургско-Ташкентской железной дороги рассматривалось как завершение экономического присоединения Центральной Азии к России. Возникновение рабочего класса – железнодорожников, роль региона в экономическом развитии империи и в формировании капиталистического рынка были в центре внимания исследователей (Соловьева, 1975; Суворов, 1962; Ахмеджанова, 1984; Асылбеков, 1968). Проблема урбанизации и формирования рабочего класса, роль железнодорожных рабочих в революциях начала XX века нашли отражение как в советской, так и в зарубежной историографии (Дильмухамедов, Маликов, 1963; Асылбеков, 1965; Brower, 1990; Reichman, 1987). Рассматривая империю как модель властных отношений между центром и окраиной, историки изучали железную дорогу как один из главных инструментов расширения империи, покорения завоеванного пространства и упрочнения имперской власти (Marks, 1991; Железнодорожный транспорт..., 2001). Ф.Б. Шенк применяет понятие «социальное пространство» по отношению к железной дороге Российской империи, на этапе формирования единой сети железная дорога выходит из технологического и экономического исследования. Главным объектом изучения становятся пассажирские перевозки, устройство вокзалов и поездов, которые рассматриваются как единая «институциональная и нормативная система регулирования» (Шенк, 2016: 16). В следующей работе он уделяет внимание межимперскому соперничеству, международной конкуренции как главным факторам строительства железной дороги в царской России (Шенк, 2010). В Шперлинг изучает роль местной элиты в строительстве железной дороги. Многочисленные примеры обращений локальных и национальных акторов (купцов, крупных помещиков, предпринимателей, высокопоставленных чиновников, представителей дворянских собраний, городских дум, органов земского самоуправления, биржевых комитетов) в органы власти по вопросам строительства различных участков железных дорог, по мнению автора, привело к возникновению весьма интенсивной вертикальной и горизонтальной коммуникации, а также дискурсивному освоению имперского пространства (Шперлинг, 2006).

Изучением культурных преобразований в казахском социуме XIX – начала XX вв. занимался Санкт-петербургский ученый В.П. Курылев, который уделил большое внимание трем основным видам скотоводства, определению номадами границ кочевий, но изучение влияния железной дороги на жизнь кочевников не входила в задачи исследования (Курылев, 1998). Традиционное хозяйство и культура казахского народа рассматривается в коллективном труде «Казахи. Историко-этнографическое исследование», но в нем проблема трансформации общества была лишь

обозначена. Таким образом, строительство Оренбургско-Ташкентской железной дороги и ее влияние на трансформацию казахского общества не были предметом специального исследования.

4. Результаты

В начале 70-х годов XIX века вопрос строительства железной дороги в Центральную Азию обсуждается на всех уровнях власти. Важность и роль этого пути признавали не только в российском обществе, но и в зарубежном. Французский инженер Лессепс, оценивая значение этого пути через Оренбург, предложил российскому правительству свои услуги и французский капитал (*Тургайская газета, 1901а: 3*). Данной железной дороге отводилась большая роль, и это было связано с некоторыми факторами. Как отмечал полковник штаба Оренбургского казачьего войска Соболев, «в последние 10 лет, в течение которых дела наши в Средней Азии приняли серьезный оборот и потребовали присутствия в Туркестанском военном округе более чем 40000 человек, правительство наше весьма естественно сознало необходимость прочею организовать соединяющие Европейскую Россию с Ташкентом пути» (*ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8420. Л. 90 об.*). Построенный для этой цели Оренбургско-Ташкентский почтовый тракт обходился казне около миллиона рублей в год. Дальность расстояния, отсюда значительные затраты на передвижение новых воинских частей в Туркестан и отправки разного вида довольства для армии, а также продвижение Британии в Азию побудили российское правительство поднять вопрос о строительстве железной дороги в Центральную Азию.

Военное министерство ставит вопрос об усилении контингента войск в Туркестане, чтобы «сверх действительно необходимого для прочного занятия края в распоряжении командующего войсками округа был сильный резерв, именно на случай внешних предприятий. Существование этого резерва обуславливается значительной длиной операционной линии, т.е. расстоянием от Ташкента до Оренбурга. Содержание этого резерва, если положить его силою в 60000 людей (30000 с избытком достаточно для прочного владения краем), ежегодно обходится более миллиона руб. серебром», – отмечали военные (*ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8420. Л. 92*).

В обсуждении вопроса о строительстве железной дороги участвовал и князь Александр Трубецкой, который обратил внимание на исламский фактор (*ГАОО. Ф. 6. О. 10. Д. 8420. Л. 17 об.*).

Таким образом, военно-стратегическое назначение железной дороги в Центральную Азию было ключевым фактором при выборе его строительства. Наряду с этим, обращалось внимание на роль железной дороги в развитии торговли в регионе, т.е. экономическая составляющая также была одним из главных факторов. Князь А. Трубецкой писал: «Она (среднеазиатская ж.д. – Авт.) сосредоточит в наших руках всю торговлю Сыр-Дарьинских и Аму-Дарьинских стран, а со временем соединение нашего железнодорожного пути с англо-индийскими железными дорогами приведет к транзиту через Россию всей, или почти всей, торговли Индии. В политическом же смысле она заставит Англию изменить к нам свое враждебное настроение на мирные и дружественные торговые отношения» (*ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8420. Л. 144*). Железнодорожное строительство становится интегральной частью включения регионов в состав империи.

Министр путей сообщения граф А.П. Бобринский 31 декабря 1873 года, сообщая о повелении императора изучить вопрос о строительстве железной дороги в Центральную Азию, просил оренбургского генерал-губернатора Н.А. Крыжановского отправить сведения, касающиеся этой проблемы (*ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8420. Л. 1*). Н.А. Крыжановским была поставлена задача перед местными чиновниками и представителями научных обществ изучения вопросов, связанных со строительством железнодорожной магистрали: о затратах и прибыли государства, определения наиболее эффективных маршрутов, создания карт местности, топографического изучения местностей и т.д. В связи с этим 21 января 1874 года для разрешения этой задачи была создана специальная комиссия. В нее вошли оренбургский купец второй гильдии Н.А. Дюков, действительные члены Оренбургского отдела ИРГО М.Н. Лебедев, М.Е. Королев, С.А. Джантюрин, Л.К. Кибирев, В.Ф. Ильин. По распоряжению наказного атамана представителем Оренбургского казачьего войска в комиссию был назначен советник войскового хозяйственного правления полковник Авдеев (*ГАОО. Ф.6. Оп. 10. Д. 8420. Л. 7*). Действительный статский советник правитель канцелярии оренбургского генерал-губернатора Аполлон Дмитриевич Холодковский был назначен ее председателем (*ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8420. Л. 49*).

Научные общества подробно изучают возможности проведения железной дороги в Центральную Азию. Снаряженные в этот период экспедиции исследовали прежние течения р. Амударьи, изучили вопрос о связи Аральского и Каспийского морей в древности и т.д. В марте 1874 года военно-топографический отдел подготовил несколько маршрутов прохождения железной дороги через Казахскую степь. Первая маршрутная съемка пролегла от г. Оренбурга через укрепление Актюбе до Эмбинского поста (на 10 листах). Вторая – от Эмбинского поста до урочища Исень-Чагыла (на 8 листах). Третья – от укрепления Актюбе до станции Дамбы на Орско-Казалинский тракт (на 2 листах). Четвертая – от Троицка до г. Перовска (на 2 листах). Пятая – от Тургая до Туркестана и обратно от Перовска до Тургая (на 7 листах). Шестая – от форта Карабутах до Тургая (на 6 листах) (*ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8420. Л. 67-67 об.*).

В апреле 1874 года Л.Ф. Баллюзеку были отправлены журнал комиссии, учрежденной из членов Оренбургского отдела ИРГО для обсуждения вопроса о постройке железной дороги, карта Оренбургского края, на которой были обозначены направления предполагаемой дороги, записка о стратегическом значении пути, месторождениях минерального топлива, земледелии в казачьих землях и др. документы (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8420. Л. 72-72 об.).

Чингизид, войсковой старшина султан Сеитхан Джантюрин как член комиссии и как представитель казахского народа, знаток кочевой цивилизации, представил записку «О выборе места под строительство железной дороги из Оренбурга в Ташкент» на 7 листах (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8420. Л. 56-62; Избасарова, 2012), которая была результатом его работы в комиссии.

С. Джантюрин поддерживает идею проведения дороги через Оренбург, рассуждает о ее пользе для кочевого населения. Отметим, что отец Сеитхана – султан-правитель Восточной части Оренбургского ведомства Ахмет Джантюрин – возглавил в столицу казахскую депутацию в 40-е годы XIX в. Он был одним из первых казахов, кто проехал по железной дороге от Москвы до Петербурга, из столицы в Царское Село, и, вернувшись в Степь, восхвалял ее (Избасарова, 2018).

Сеитхан Джантюрин, аргументируя прохождение железной дороги «по северной части степи, именно от Оренбурга на Актюбинское укрепление и Тургай или от Троицка на Тургай и далее на Туркестан или какой-нибудь иной пункт к Сыр-Дарье» отмечал, что при обоих этих направлениях дорога пройдет по удобнейшим и гуще населенным местам Тургайской области, где было возможно занятие земледелием (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8420. Л. 58 об.). Также чингизид описал места расположения природных ископаемых, необходимых для обеспечения железной дороги топливом. В начале XX века в связи с прохождением железной дороги в степи исчезает саксаул, который был одним из топлив для паровоза. Об этом сообщали местные газеты, которые также обратили внимание на экологическое бедствие в Казахской степи.

В своей «Записке» С. Джантюрин описал природу, хозяйство Тургайской и Сырдарьинской областей, как знаток кочевой культуры, он подробно описал маршруты кочевания и особенности региона. По его мнению, в интересах казахского населения желательнее было, чтобы дорога была направлена из Троицка на Тургай; тогда она не причинит никаких стеснений казахским перекочевкам, «которые имеют направление с севера на юг и обратно и могут быть направлены вдоль дороги по обеим ее сторонам, тогда как при направлении из Оренбурга через Актюбинское укрепление на Тургай дорога, пролегая поперек направления летних перекочевок киргизов (казахов – Авт.), будет преграждать им путь к летовкам, для устранения чего потребуются устройство в известных местах переходных через нее пунктов и по возможности в недалеком друг от друга расстоянии, чтобы не поставит кочевников в необходимость скучиваться с многочисленными их стадами на немногих пунктах, от чего произойдет затруднение в прокормлении скота из-за вытравленности корма по пути к ним, и самые переходы аулов через дорогу будут сопряжены с большими трудностями и требованием много времени на ожидание очереди. Вообще как бы хорошо не устроят переходные пункты, стеснение киргизам (казахам – Авт.) в перекочевках будет неизбежно, устранить которое совершенно невозможно, значит, остается только стараться по возможности облегчить его. Запретить же вовсе переходы кочевками через дорогу положительно не следует, потому что тогда свыше 30 тыс. кибиток при направлении из Оренбурга на Актобе и Тургай лишатся своих постоянных летовок, куда они прикочевывают на лето по необходимости, не имея других удобных для того места. И в самом деле, иначе какая бы им нужда ежегодно совершать изнурительные для них перекочевки на тысячи верст, например от Хивинских пределов почти до Оренбурга или от Перовска до Троицка, если бы не вынуждались к тому крайнею необходимостью. Следовательно, безусловное воспрещение переходов кочевкам через дорогу может отозваться губельно на благосостоянии значительной части степного населения (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8420. Л. 59 об.).

Автор обратил внимание как на положительные стороны проведения железной дороги через Казахскую степь, так и на негативные. С проложением железного пути и заменой верблюда паром, по мнению автора, исчезнет важнейший промысел кочевников – извозный. Но «расширится торговля, вслед усилятся движения грузов по нем, доставка которых к станциям железной дороги и развозка их оттуда к местам назначения потребуют несравненно большее число перевозочных средств, чем теперь, облегчится сбыт произведений киргизских степей с повышением цен на них, и покупка киргизами (казахами – Авт.) необходимых для них предметов, для приобретения которых им приходится ездить за сотни верст. Работы на железной дороге и каменно-угольных копях дадут киргизам (казахам – Авт.) средства к постоянным заработкам, равно нагрузка и разгрузка товаров на станциях дороги», – отмечал автор (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8420. Л. 61 об.). С. Джантюрин указывал на пользу железной дороги в неурожайные годы: если раньше в одну зиму погибали целые стада, то с проведением железной дороги, по мнению автора, «за короткий период дешево можно будет перевезти хлеб и сено в голодающие регионы, а также сам скот в другие места, где подножного корма и сена было бы в достатке» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8420. Л. 62).

Свое мнение о железнодорожном пути в Среднюю Азию высказал служивший в Оренбурге статский советник Бекчурин, который обратил внимание на изменения, происходящие в образе

жизни кочевников, и на роль железной дороги в развитии хлебопашества в Степи (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8420. Л. 35 об.). Александр Шитов подал записку генерал-губернатору Туркестанского края о проведении конной дороги от Оренбурга до Ташкента через Казалинск. По его мнению, отсутствие воды и топлива, частые бураны зимой, а также прохождение железной дороги через кочевья казахов нарушило бы хозяйство номадов (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8420. Л. 33).

Оренбургская городская дума не раз ходатайствовала перед Министерством путей сообщения о проведении магистрали через Оренбург. 24 октября 1895 года депутация, избранная из представителей оренбургского общества для поездки в Петербург и изложения своей позиции, просила разрешения у Министерства внутренних дел посетить столицу. Но оренбургский генерал-губернатор отклонил поездку, отметив преждевременность постановки данного вопроса.

Не останавливаясь на полемике представителей различных регионов, отметим, что Туркестанский генерал-губернатор, Самарское губернское земство и дума, Оренбургская дума, оренбургские купцы ходатайствовали о проведении проектируемого рельсового пути к Оренбургу, а военный губернатор Уральской области и Саратовская городская дума высказались за направление данного пути на г. Уральск или Александров-Гай (РГИА. Ф. 268. Оп. 3 (1896–1899 гг.). Д. 606. Л. 35). Инженер С. Бржоско 7 марта 1899 года предложил строительство железной дороги Александр-Гай – Чарджуй (РГИА. Ф. 268. Оп. 3 (1896–1899 гг.). Д. 606. Л. 116).

В августе 1898 года в разгар полемики о маршруте Ташкентской дороги министру финансов С.Ю. Витте направили свои письма орский купец 1-й гильдии Степан Иванов и потомственный почетный гражданин оренбургский купец 1-й гильдии Никифор Прокофьевич Савинский (РГИА. Ф. 268. Оп. 3 (1896–1899 гг.). Д. 606. Л. 90-92), которые были сторонниками прохождения дороги через Оренбург. В это же время представители оренбургского купечества отправили записку «О Среднеазиатской железной дороге и преимуществах направления ее от Оренбурга на г. Ташкент» директору департамента железнодорожных дел В.В. Максимову (РГИА. Ф. 268. Оп. 3 (1896–1899 гг.). Д. 606. Л. 87-89 об.). В 1899 году военные топографы представили «Карту изысканий железнодорожной линии от Александров-Гая до Чарджуя» и «Карту изысканий железнодорожной линии от г. Оренбурга на г. Ташкент».

26 июня 1899 года по Высочайшему повелению было проведено совещание с участием министра финансов, военного министра, министра путей сообщения и министра иностранных дел о соединении Центральной (в документе – Средней) Азии с общей сетью российской железной дороги. Ранее, 17 апреля, военный министр А.Н. Куропаткин представил императору свое видение строительства железной дороги через Ташкент. Обосновывая проведение дороги военно-политическим положением и задачами России в Центральной Азии, указывая на потребность сосредоточения на афганской границе необходимых России вооруженных средств и передвижения их из Европейской России и Кавказа по Закаспийской железной дороге, он акцентировал внимание на строительстве новых участков дороги. В частности, он предлагал усилить пропускную способность Закаспийской железной дороги на участке Красноводск – Мерв – Кушкинский пост до 12 пар воинских поездов в сутки, а также соединить владения России в Средней Азии сплошным рельсовым путем с Европейской частью империи. Также он предлагал построить железную дорогу от Ташкента к Оренбургу или от Ташкента через Семиреченскую область к одному из пунктов Сибирской железной дороги (РГИА. Ф. 268. Оп. 3 (1896–1899 гг.). Д. 606. Л. 134-135 об.).

На совещании министр финансов С. Витте и министр путей сообщения М.И. Хилков высказались за проведение дороги от Ташкента через Алтай к Томску, но при обсуждении из-за малой ее эффективности предложение было отклонено. Лишь личное вмешательство императора и его твердое решение от 4 апреля 1900 года о проведении дороги по направлению Оренбург – Ташкент поставило точку в полемике, которая длилась несколько лет (РГИА. Ф. 1151. Оп. 14. Д. 251 (1901). Л. 2 об.). Для сооружения данной дороги предлагалось отчуждение до 20800 дес. земли, из которых для главного пути необходимо было 17600 дес. (включая полосы для защиты от снега), а остальные – для станций, разъездов, водоснабжения (РГИА. Ф. 1151. Оп. 14. Д. 251 (1901). Л. 3). Под отчуждение попадали и кочевья казахов. Так, например, в 1903 году в местности Большие Барсуки сенокосные угодья и зимние стойбища 18 кибитковладельцев Кабыргинской волости Иргизского уезда отходили под строительство железнодорожных путей (ГАОО. Ф. 142. Оп. 3. Д. 5. Л. 7), что в дальнейшем подтолкнуло кочевников к изменению вида хозяйств.

Большие надежды возлагались на данную железную дорогу в улучшении благосостояния населения, в развитии оседлости и земледелия, а также скотоводческого хозяйства в Тургайской, Сырдарьинской областях. Обращая внимание на то, что единственным занятием кочевого населения является скотоводство, в печати с досадой писали, что оно не приносит тех выгод, какие могло бы принести. Неправильная организация сбыта продукции делала казахов заложниками ситуации. «В 1895 году в Тургайской области числилось разного вида скота 2385524 головы, к 1 января 1896 года за продажей 299012 голов, не считая прочей убыли, числилось 2086512 голов, к 1 января 1897 года за продажей, убоем для собственного потребления, естественной убылью от падежа и от истребления волками у населения числилось 2286903 головы скота», – сообщалось в печати (Тургайская газета, 1901b: 4), но существовавшая в области меновая торговля приносила убыток кочевнику. «Ловкие

барышники, преимущественно татары, сарты, предлагая киргизам (казахам – Авт.) разные мануфактурные и бакалейные товары, взамен денег берут у них скот натурой по очень низкой оценке. Этот способ торговли очень убыточен для скотовода-киргиза, так как почти вся выгода от обмена попадает в руки барышника», – сообщалось в газете (*Тургайская газета, 1901: 4*). Отдаленность мест для более выгодного и разумного сбыта сделала казаха беспомощным перед торговцами-менялами.

Подготовительные работы к строительству Оренбургско-Ташкентской железной дороги закончились проездом министра путей сообщения по всей будущей линии железной дороги в сопровождении тургайского военного губернатора генерал-майора А. Ломачевского. Он в «Отчете о состоянии Тургайской области» отмечал, что «к наиболее выдающимся явлениям в жизни области следует отнести окончательные изыскания по постройке Оренбургско-Ташкентской железной дороги, устройство киргиз (казахов – Авт.), подлежащих переселению на так называемый миллионный отвод, продолжение заселения северной части Кустанайского уезда русскими переселенцами...» (*РГИА. Ф. 1283. Оп. 3. Д. 521. Л. 2*). Также военный губернатор обратил внимание на то, что в земляных работах в период строительства дороги принимали участие и представители коренного населения. По этому случаю он отмечал, что это способствует «развитию среди киргиз (казахов – Авт.) предприимчивости. Сверх того, совместные работы с русскими приносят пользу делу распространения в степи русской речи» (*РГИА. Ф. 1283. Оп. 3. Д. 521. Л. 2*).

Оренбургско-Ташкентская железная дорога внесла новые условия в жизнь кочевников и русских поселенцев. Приближение внутренних районов области к местам потребления и открытие по линии железной дороги удобных пунктов для продажи скота предоставили кочевнику возможность увеличить сумму своего годового заработка и улучшить материальное положение. Торговля в степи постепенно утрачивает свой меновой характер и приобретает все свойства чисто коммерческих оборотов; денежные знаки в степи получают первенствующее значение. Углубляется развитие рыночных отношений.

Отчуждение казахских земель для строительства железной дороги, а в связи с этим сокращение кочевых маршрутов привели к переходу казахов на полукочевой образ жизни, развитие сенокосения. Поскольку лучшие сенокосы располагались в северных районах кочевания, то, естественно, появилась возможность строить кыстау в тех районах, где раньше располагались весенне-летне-осенние пастбища. В Западном Казахстане это долины Эмбы, Уила, Мугаджары, бассейн Ирғиза и т.д. В результате появляется значительное количество стационарных зимовок, домостроений. Произшедшие важные изменения в системе традиционного скотоводческого поселения казахов имели достаточно серьезные культурно-исторические последствия. С массовым распространением строительства стационарных зимовок получает постепенное распространение полуседлость.

Развивается земледелие. В Тургайской области (преимущественно в Кустанайском и Актюбинском уездах) земледелием занимались как казахи, так и переселившиеся русские крестьяне. По отчету военного губернатора Тургайской области, «в 1896 году числилось киргиз (казахов – Авт.) в области 388344 души, земля обрабатывалась ими в количестве 103782 десятин, в 1899 году число киргизов достигло 400000, а площадь обрабатываемой ими земли равнялось 163000 десятин» (*Тургайская газета, 1901: 5*). Количество казахов, занимающихся земледелием росло из года в год. По подсчетам историка-экономиста С.Е. Толыбекова, число «чистых кочевников» (көшпелі) к началу XX в. значительно уменьшилось и составляло 25 % всех казахов (т.е. около 0,8–1,0 млн. человек) (*Толыбеков, 1971: 497*). С проведением железной дороги земледельцы начали продавать избыток своего хлеба непосредственно на линии железной дороги и по выгодным ценам, тогда как ранее земледельцы везли хлеб в Оренбург, Троицк и другие центры, несмотря на дальние расстояния.

Изменения в годичном цикле кочевания, а именно увеличение времени отдыха и восстановления (поскольку уже не было необходимости кочевать и зимой), повлекло за собой развитие промыслов, ремесел, различных форм народного творчества казахов.

Строительство Оренбургско-Ташкентской железной дороги способствовало постепенному превращению укреплений, крепостей, находящихся вдоль данной магистрали, в города. Ярким примером его является укрепление Актобе, заложенное в 1869 году. Здесь появляются новые улицы и районы, например ул. Инженерная (центральная улица, брала начало от железнодорожного вокзала), район Москва (был заселен железнодорожниками, прибывшими из Подмосковья и Москвы). На станциях появляются рабочие из представителей коренного населения, получившие образование в специальных железнодорожных училищах. Железнодорожники стали активными участниками первой русской революции 1905–1907 гг., а затем и октябрьского переворота 1917 года.

Большие изменения происходят в национальном самосознании казахов. Приток других национальностей в Казахстан усилил понимание национальной идентичности, национальной общности людей. Если в этническом самосознании казахов в XVIII веке на первое место выходила родоплеменная принадлежность, то с приходом в степь переселенцев – русских, украинцев, поляков и т.д. – трансформация в идентичности происходит в сторону нации.

5. Заключение

Одним из крупных достижений экономики Российской империи XIX века было строительство железных дорог. Вошедшая в эксплуатацию в 1906 году Оренбургско-Ташкентская железная дорога стала составной частью единой железнодорожной сети империи. Существовало несколько вариантов строительства дороги в Ташкент. Соперничество в военной сфере подтолкнуло правительство на строительство данной железной дороги, но в определении его направления через Оренбург важную роль сыграли представители экономической и политической элиты Оренбургского края. В обсуждении данного вопроса принимала участие не только экономическая и социальная элита столицы, но также и местная, в том числе представители казахского чиновничества. В частности, С. Джантюрин знал прекрасно менталитет своего народа, географическое пространство региона, хозяйственную деятельность населения и четко показал свою позицию по ее строительству. Оренбургско-Ташкентская железная дорога привела к большим изменениям в хозяйственной жизни казахов, возникли новые профессии, железнодорожные училища.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01008), реализуемого в Оренбургском государственном педагогическом университете.

Литература

- Аксенов, 1955** – Аксенов А.В. Оренбургско-Ташкентская железная дорога и ее роль в развитии капитализма в Средней Азии.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1955.
- Аничков, 2006** – Аничков И. Упадок народного хозяйства в киргизских степях // История Западного Казахстана в трудах русских исследователей. Сб. материалов / Сост. Б.С. Абенюва, Д.К. Абенюв. Актобе, 2006. С. 184-210.
- Антипин, Левашев, 1903** – Антипин В.Н., Левашев Н.Н. Путеводитель по Туркестану и Среднеазиатской железной дороге: с историческим очерком сооружения и эксплуатации Закаспийской железной дороги и очерком сооружения Оренбург-Ташкентской железной дороги. СПб., 1903.
- Асылбеков, 1965** – Асылбеков М.Х. Железнодорожники Казахстана в первой русской революции (1905–1907 гг.). Алма-Ата, 1965.
- Асылбеков, 1968** – Асылбеков М.Х. Развитие сети железной дороги Казахстана в конце XIX – начале XX веков // Казахстан в канун Октябрьской революции. Алма-Ата, 1968.
- Ахмеджанов, 1984** – Ахмеджанов З.К. Железнодорожное строительство в Средней Азии. Ташкент, 1984.
- Верховский, 1910** – Верховский Н.П. Ташкентская железная дорога как пионер культуры и цивилизации. Киев, 1910.
- ГАОО** – Государственный архив Оренбургской области.
- Дильмухамедов, Маликов, 1963** – Дильмухамедов Е., Маликов Ф. Очерки истории рабочего класса дореволюционного Казахстана. Алма-Ата, 1963.
- Дмитриев-Мамонов, 1912** – Дмитриев-Мамонов А.И. Путеводитель по Туркестану и железным дорогам Среднеазиатской и Ташкентской. СПб., 1912.
- Железнодорожный транспорт..., 2001** – Железнодорожный транспорт Восточной Сибири из XIX в XXI вв. В 2-х тт. Т. 1: 1837–1941 / Под общ. ред. В.Г. Третьякова. Иркутск, 2001.
- Избасарова, 2012** – Избасарова Г.Б. Сеитхан Джантюрин и его труды: новые страницы истории // *Отан тарихы*. 2012. № 3 (59). С. 84-90.
- Избасарова, 2018** – Избасарова Г.Б. Казахская степь Оренбургского ведомства в имперских проектах и практиках. М., 2018.
- Обзор, 1916** – Обзор Тургайской области за 1915 год. Оренбург, 1916.
- Оренбургский край, 1893** – *Оренбургский край*, 1893. № 7.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Соловьева, 1975** – Соловьева А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX века. М., 1975.
- Суворов, 1962** – Суворов А.В. Историко-экономический очерк развития Туркестана. Ташкент, 1962.
- Тургайская газета, 1901a** – *Тургайская газета*, 1901. № 22.
- Тургайская газета, 1901b** – *Тургайская газета*, 1901. № 27.
- Шенк, 2010** – Шенк Ф.Б. Imperial inter-rail: влиянию межнационального и межимперского восприятия и соперничества на политику железнодорожного строительства в царской России // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)*. Сб. ст. / Ред. Мартин Ауст, Рикарда Вильпиус, Алексей Миллер. М., 2010. С. 354-380.
- Шенк, 2016** – Шенк Ф.Б. Поезд в современность. Мобильность и социальное пространство России в век железных дорог. М., 2016.

Шперлинг, 2006 – *Шперлинг В.* Строить железную дорогу, создавая имперское пространство: «местность», «край», «Россия», «империя» как политические аргументы в пореформенной России // *Ab imperio*. 2006. № 2.

Brower, 1990 – *Brower D.R.* The Russian City between Tradition and Modernity, 1850–1900. Berkley, 1990.

Marks, 1991 – *Marks S.G.* Road to Power. The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850-1917. Ithaca, 1991.

Reichman, 1987 – *Reichman H.* Railwaymen and Revolution. Russia 1905. Berkley, 1987.

References

Ahmedzhanov, 1984 – *Ahmedzhanov Z.K.* (1984). Zheleznodorozhnoe stroitel'stvo v Sredney Azii. [Railway construction in Central Asia]. Tashkent. [in Russian]

Aksenov, 1955 – *Aksenov A.V.* (1955). Orenburgsko-Tashkentskaya zheleznyaya doroga i ee rol' v razvitiy kapitalizma v Sredney Azii.: Avtoref. dis. ... kan. ist. nauk. M., 1955. [Orenburg-Tashkent Railway and its role in the development of capitalism in Central Asia: Author. dis. ... candidate of Hist. sciences]. M. [in Russian]

Anichkov, 2006 – *Anichkov I.* (2006). Upadok narodnogo hozjajstva v kirgizskih stepyah [The decline of the national economy in the Kyrgyz steppes]. Istorija Zapadnogo Kazahstana v trudah russkih issledovatelej. Sb. materialov. Aktobe. [in Russian]

Antipin, Levashev, 1903 – *Antipin V.N., Levashev N.N.* (1903). Putevoditel' po Turkestanu i Sredneaziatskoj zheleznoj doroge: s istoricheskim ocherkom sooruzhenija i jekspluatatsii Zakaspijskoj zheleznoj dorogi i ocherkom sooruzhenija Orenburg-Tashkentskoj zheleznoj dorogi. [Guide to Turkestan and the Central Asian railway: with a historical sketch of the construction and operation of the Trans-Caspian railway and an outline of the construction of the Orenburg-Tashkent railway]. Saint-Petersburg. [in Russian]

Asylbekov, 1965 – *Asylbekov M.H.* (1965). Zheleznodorozhniky Kazahstana v pervoy russkoj revolucii (1905-1907 gg.) [Kazakhstan railway workers in the first Russian revolution (1905-1907 years)]. Alma-Ata. [in Russian]

Asylbekov, 1968 – *Asylbekov M.H.* (1968). Razvitie seti zheleznoj dorogi Kazahstana v konce XIX – nachale XX veka [The development of the railway network of Kazakhstan in the late XIX – early XX centuries]. Kazahstan v kanun Oktyabr'skoj revolucii. Alma-Ata. [in Russian]

Brower, 1990 – *Brower D. R.* (1990). The Russian City between Tradition and Modernity, 1850-1900. Berkley.

Dil'muhamedov, Malikov, 1963 – *Dil'muhamedov E., Malikov F.* (1963). Ocherki istorii rabocheho klassa dorevolucionnogo Kazahstana [Essays on the history of the working class of pre-revolutionary Kazakhstan]. Alma-Ata. [in Russian]

Dmitriev-Mamonov, 1912 – *Dmitriev-Mamonov A.I.* (1912). Putevoditel' po Turkestanu i zheleznyh dorogam Sredneaziatskoj i Tashkentskoj [Guide to Turkestan and the railways of Central Asia and Tashkent]. Saint-Petersburg. [in Russian]

GAOO – Gosudarstvennyi arhiv Orenburgskoy oblasti [State Archive of the Orenburg Region].

Izbassarova, 2012 – *Izbassarova G.B.* (2012). Seitkhan Dzhantjurin i ego trudy: novye stranicy istorii [Seitkhan Dzhantjurin and his research: new pages of History]. *Otan tarihy*. №3 (59). Pp. 84–90 [in Russian]

Izbassarova, 2018 – *Izbassarova G.B.* (2018). Kazahskaya step' Orenburgskogo vedomstva v imperskih proektah i praktikah [Kazakh steppe of the Orenburg department in imperial projects and practices]. M. [in Russian]

Marks, 1991 – *Marks S.G.* (1991). Road to Power. The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850–1917. Ithaca.

Obzor, 1916 – *Obzor.* (1916). Obzor Turgaiskoj oblasti za 1915 god [Overview of the Turgai region for 1915]. Orenburg. [in Russian]

Orenburgskii krai, 1893 – *Orenburgskii krai* (1893). №7. [Orenburg Region, 1893. No. 7]. [in Russian]

Reichman, 1987 – *Reichman H.* (1987). Railwaymen and Revolution. Russia 1905. Berkley.

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arhiv [Russian state historical archive].

Shenk, 2010 – *Shenk F.B.* (2010). Imperial inter-rail: vliyaniy mezhnatsional'nogo i mezhiperskogo vospriyatiya i sopernichestva na politiku zheleznodorozhnogo stroitel'stva v carskoj Rossii [On the influence of interethnic and inter-empire perception and rivalry on the policy of railway construction in Tsarist Russia] // Imperium inter pares: Rol' transferov v istorii Rossiiskoi imperii (1700–1917). [Imperium inter pares: The role of transfers in the history of the Russian Empire]. Sb. st. / Red. Martin Aust, Rikarda Vil'pius, Aleksei Miller. M. Pp. 354–380 [in Russian]

Shenk, 2016 – *Shenk F.B.* (2016). Poezd v sovremennost'. Mobil'nost' i social'noe prostranstvo Rossii v vek zheleznyh dorog [Train to the present. Mobility and social space of Russia in the age of railways]. M. [in Russian]

Shperling, 2006 – *Shperling V.* (2006). Stroit' zheleznyuyu dorogu, sozdavaya imperskoe prostranstvo: «mestnost'», «krai», «Rossiya», «imperiya» kak politicheskie argumenty v poreformennoi Rossii [To build a

railway, creating an imperial space: "locality", "land", "Russia", "empire" as political arguments in post-reform Russia]. *Ab imperio*. №2. [in Russian]

Solov'eva, 1975 – *Solov'eva A.M.* (1975). *Zheleznodorozhnyi transport Rossii vo vtoroi polovine XIX veka* [Rail transport in Russia in the second half of the XIX century]. M. [in Russian]

Suvorov, 1962 – *Suvorov A.V.* (1962). *Istoriko-ekonomicheskii ocherk razvitiya Turkestana*. [Historical and economic outline of the Turkestan's development]. Tashkent. [in Russian]

Turgaiskaya gazeta, 1901a – *Turgaiskaya gazeta* (1901a). №22 [Turgay newspaper]. Orenburg. [in Russian]

Turgaiskaya gazeta, 1901b – *Turgaiskaya gazeta* (1901b). №27 [Turgay newspaper]. Orenburg. [in Russian]

Verhovskij, 1910 – *Verhovskij N.P.* (1910). *Tashkentskaja zheleznaia doroga, kak pioner kul'tury i civilizacii*. [Tashkent railway as a pioneer of culture and civilization]. Kiev. [in Russian]

Zheleznodorozhnyi transport, 2001 – *Zheleznodorozhnyi transport Vostochnoi Sibiri iz XIX v XXI v. V 2-h tt. T. 1: 1837-1941 / Pod obshh. red. V. G. Tret'yakova*. [Rail transport of Eastern Siberia from the nineteenth to the twenty-first century. In 2 vols. V. 1: 1837-1941]. Irkutsk. [in Russian]

Оренбургско-Ташкентская железная дорога и казахское общество на рубеже XIX–XX вв. (на примере Тургайской области)

Гульбану Болатовна Избасарова ^{a, *}

^a Актюбинский региональный государственный университет им. К. Жубанова, Казахстан

Аннотация. Статья посвящена изучению влияния Оренбургско-Ташкентской железной дороги на жизнь казахского общества Тургайской области на рубеже XIX–XX вв. Железная дорога рассматривается как один из инструментов освоения окраины. На основе архивных и публицистических источников изучаются дебаты по определению маршрута железной дороги в Ташкент, изменения, произошедшие в кочевом обществе, в частности в хозяйственной жизни казахов. Исследуются мнения российской и местной элиты о значимости железной дороги, позиция чингизида С. Джантюрина. Делается вывод, что англо-российское соперничество в военной сфере подтолкнуло Россию к строительству данной железной дороги, но в определении его направления через Оренбург важную роль сыграли представители элиты Оренбургского края. Отмечается, что проведение магистрали через степь привело к появлению новых профессий, превращению укреплений в города.

Ключевые слова: Российская империя, Казахская степь, Оренбургско-Ташкентская железная дорога, трансформация общества.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: iz_gulbanu@mail.ru (G.B. Izbassarova)

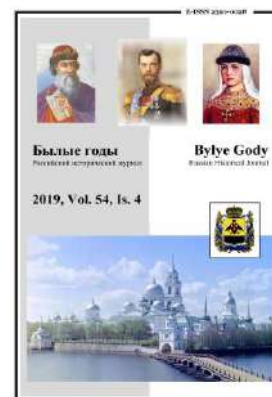
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1656-1669. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1656
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Last Frontier of the Empire: the Eastern Pamirs in Russian Border Culture

Vladimir A. Shorokhov ^{a,*}, Artyom A. Andreev ^a, Denis G. Yanchenko ^a

^aSt. Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

On the basis of archival data from previously unpublished documents and manuscripts of the Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation, the Bahmetev Archive of Columbia University in the United States, the article provides a clear description of the role of the Eastern Pamirs in the culture of the frontier and Russia's strategy. The authors characterized the activities of the Pamir detachment, from 1889 to 1917 standing guard over the southeastern borders of the Russian Empire, the memoirs, departmental correspondence, reports of officers of the General Staff in different years who served in a unique unit were analyzed. The documents reveal to the reader the mysterious image of “Roofs of the World”, which was formed at the turn of the century before last and at the end of the era of geographical discoveries and under the influence of Russia's territorial expansion in central Eurasia. The beginning of scientific study of the region coincided in time with the Anglo-Russian-Chinese delimitation in Central Asia – a process that actually stretched over more than twenty years.

The authors paid special attention to the life of Europeans and the local population in the hard conditions of the Eastern Pamirs, an analysis of the relations of the indigenous population with the Russian military, and the peculiarities of the region's perception in the late imperial period. The final section of the article shows how the system of border control and interaction with local people, used before 1917, was modernized in the Soviet period and partially preserved in the post-Soviet space

Keywords: Frontier, Russian Empire, Pamir, Pamir post, subculture, Kyrgyz, Pamir detachment, B.L. Grombchevsky, A.E. Snesev.

1. Введение

Российское присутствие на Памире – одна из излюбленных тем научных работ, публицистических произведений и мемуаров, написанных за полтора столетия с момента появления первых подданных империи в регионе на рубеже 1860–1870 гг. (Постников, 2001: 133-136). Причем первые полвека едва ли не большее (в сравнении с отечественными авторами) внимание освоению этой труднодоступной области нашими военными и учеными уделяли их западные «коллеги», прежде всего британские (Сергеев, 2012: 26-185). Сам статус одного из последних «белых пятен» на карте Евразии, лежавшего к тому же между владениями крупнейших держав, сделал Памир полигоном для испытания своих возможностей и трамплином для карьеры целой плеяды честолюбивых талантливых европейцев, которые охотно освещали свои подвиги в служебных отчетах, репортажах, монографиях и воспоминаниях (Burnes, 1834: 448-473; Gurzon, 1896; Forsyth, 1887; Forsyth, 1872; Shaw, 1871).

В свою очередь, большая часть первичных источников, включая архивные, стала предметом весьма обстоятельных исторических штудий, посвященных в основном так называемой «Большой игре». В свете вышесказанного может показаться несколько самонадеянной попытка найти

* Corresponding author

E-mail addresses: v.shorokhov@spbu.ru (V.A. Shorokhov), a.a.andreev@spbu.ru (A.A. Andreev), d.yanchenko@spbu.ru (D.G. Yanchenko)

неизученные аспекты истории русского Памира. Тем не менее мы уверены, что потенциал указанной темы остается раскрытым далеко не в полной мере.

2. Материалы и методы

Во-первых, историография рассматриваемого круга вопросов, как нам кажется, представляет собой галерею достаточно традиционных по своей методологии исследований. По сути, это истории «деяний» неординарных личностей и их групп и/или процессов, в рамки которых принято помещать синхронные и внешне схожие события («геополитический», «колониальный», «имперский» дискурсы со всеми их вариациями). Представляется, однако, что уникальность Памирского региона позволяет использовать при его изучении элементы феноменологического подхода. В то же время мы предлагаем немного «сгладить» или «приглушить» (там, где это будет возможно) личностный фактор в изучаемом источниковом материале, чтобы выявить представления, действия, переживания, общие для различных персоналий, статусов и исторических моментов.

Во-вторых, при всем многообразии введенных в научный оборот источников целый ряд архивных документов, материалов периодической печати и частных собраний остается вне поля зрения исследователей. Некоторые источники из последней группы были использованы нами при проведении данного исследования (эпистолярный материал из фонда Зайцева Архива ИВР РАН, путевые записки А.Ф. Берладника-Пуковского из коллекции Бахметевского архива Колумбийского университета США).

В-третьих, за фактической историей Памира зачастую оказываются малоисследованными те культурные и социальные явления, которые во многом определяли конкретные события и действия ее участников.

Наконец, прошлое территории, сегодня занимаемой Горно-Бадахшанской автономной областью (ГБАО), по сути, неплохо изучено лишь применительно к периоду ее присоединения и нахождения в составе Российской империи и Советского Союза. В то же время считанное количество работ затрагивает последние пятнадцать лет пребывания российских военных на Памире. А ведь самостоятельную научную ценность и компаративный потенциал свидетельств эпохи «угасания» российского присутствия трудно переоценить. К тому же из рядов советских и российских военнослужащих, побывавших на Памире за последние тридцать лет, вышло немало исследователей и публицистов, внесших свою лепту в изучение истории Горного Бадахшана.

Целью настоящего исследования является раскрытие уникальной роли Восточного Памира в культуре российского пограничья, которая, как мы постараемся показать, была столь необычной, что даже многочисленные политические и социальные трансформации прошлого столетия не смогли нивелировать это своеобразие, сведя его до уровня «местного колорита», столь ординарного в калейдоскопической пестроте жизней кочевников, военных, полевых исследователей.

3. Обсуждение

Памиром сегодня называют четырехугольную горную систему в центре Азии площадью приблизительно 100 тыс. кв. км, которая находится между Гиндукушем, Тянь-Шанем и Каракорумом. Серьезные перепады высот, удаленность от морей, крайне неравномерное распределение осадков делают климат этого географического региона изменчивым и не слишком благоприятным для человеческой деятельности (Гвоздецкий, Михайлов, 1978: 146-166). Пригодные для жизни земледельцев территории (не более 13 % таджикского Бадахшана, а также сопоставимые участки по южной и восточной окраинам горной системы) представляют собой сеть взаимосвязанных узких речных долин, преимущественно относящихся к бассейну Пянджа. При этом разница высот определила существование в рамках этой географической структуры «нескольких климатических поясов с условиями от сухих жарких субтропиков в нижней части бассейна (Пянджа) до почти арктических – в верхней части» (Умаров и др., 2014: 101). Указанные обстоятельства обусловили разницу в экономических возможностях, хозяйственной специализации и культурном развитии локальных сообществ. Наиболее суровыми условиями характеризуется Восточный Памир (первоначально именовавшийся просто «Памиром», или, точнее, «Памирами»; большая часть на территории современного Мургабского района ГБАО), на истории которого и акцентировано настоящее исследование. Эта область, включавшая в себя центр горной системы, занимает большую ее часть (в границах бывшей Российской империи – более 60 % площади) и является на протяжении веков наименее населенной (от 1 055 человек по оценкам начала 1893 г. до 12 700 жителей в 1989 г.) (Иванов, 1885; Кузнецов, 1894: 13; Всесоюзная перепись населения 1989 г.). Климат Мургаба всегда считался крайне суровым. Горные хребты Восточного Памира окружены преимущественно плоскими пустынными равнинами, лежащими на высоте 3200–4000 м. над уровнем моря (Северцов, 1886: 17-20). В высокогорной пустыне, где полярная зима сменяется коротким холодным летом, земледелие невозможно (Иванов, 1885: 132). Поэтому с незапамятных времен Мургаб был населен кочевниками. С XVI в. эстафету приняли памирские киргизы, составляющие основное население региона по сей день. Но даже эти «аборигены» постоянно использовали пастбища в Алайской долине, Кашгарии и на территории будущего «Ваханского коридора», имея зачастую множественное подданство и обширные

трансграничные связи. Важной особенностью Мургаба всегда была прочная транспортная связь с Ферганской долиной, Кашгарией и долиной Инда, превращавшая его в «горный узел всей Высокой Азии» (определение Н.А. Северцова) (Махмудов, 2018: 504). Именно поэтому во второй половине XIX в. высокогорные «сырты» к югу от Алая заинтересовали Россию (Северцов, 1886: 371-372).

Восточный Памир был по большей части нанесен на карту «ферганской» экспедицией Н.А. Северцова (1877–1878 гг.) (Северцов, 1886; Постников, 2001: 146-148), подтвердившей его важнейшее стратегическое значение. В течение 1880-х гг., после экспедиций Д.В. Путяты, Г.Е. Грумм-Гржимайло и Б.Л. Громбчевского, выяснилось, что, заключив «вслепую» соглашения о разделе региона с англичанами (1872–1873) и китайцами (1884), Россия получила стратегически значимые, но экономически убыточные территории, которые к тому же пришлось искусственно отделить от отошедших соперникам земель. Поэтому на протяжении последних трех десятилетий XIX в. постоянно звучали предложения продвинуться в прилегающие к Памиру плодородные долины, способные обеспечить продовольствием хотя бы пару тысяч русских солдат.

Как бы то ни было, в 1895 г. Памир был окончательно разграничен Россией и Великобританией. Большая его часть досталась России (интересующий нас Мургаб и верховья Бартанга) и Бухарскому эмирату (правобережный Бадахшан), левый берег Пянджа и «Ваханский коридор» – подконтрольному британцам Афганистану, а Сарыколь – Империи Цин (Постников, 2001: 296-341; Сергеев, 2012: 186-199).

Существенные перемены произошли по окончании Гражданской войны в России. 2 января 1925 г. ЦИК СССР принял постановление об образовании Горно-Бадахшанской автономной области в составе Таджикской автономной ССР, которая в свою очередь была частью Узбекской ССР (Раджабов, Бободжанов, 1975). Когда в 1929 г. Таджикистан превратился в «полноценную» союзную республику, Памир сохранил статус автономной области, однако его реальная административная самостоятельность была ничтожной (Раджабов, Бободжанов, 1975: 18-19). При этом ключевую роль в жизни региона, как и в имперский период, продолжали играть два фактора – российское присутствие и связь с восточной частью Ферганской долины. Оба они утратили свое значение лишь в середине 2000-х гг.

«Убийственное место»

Восточный Памир представляет собой непригодное для оседлого проживания пространство, к тому же имеющее ограниченную пропускную способность в качестве коммуникационной артерии. До 1890-х гг., несмотря на стратегическое значение региона, претендовавшие на него державы ограничивались временными опорными пунктами или призрачным признанием подданства со стороны местных кочевников. Данные обстоятельства имели вполне определенные последствия для процесса освоения этого края Россией.

Многие описания природных условий Восточного Памира и их воздействия на человека пестрят одним эпитетом – «суровый» (Скерский, 1892: 31-33; Кузнецов, 1894: 7-11, 13-21; Лужецкая, 2008: 157-160; Серебренников, 1900: 34-47; Зайцев, 1903: 45-48, 62-66). Если же попытаться выделить те детали, которые в наибольшей степени угнетали «монашествующую братию памирского ордена» (Зайцев, 1903: 62) (русских военных), то выяснится, что их было четыре. Во-первых, это крайне низкая по меркам региона средняя температура при суточных перепадах до 50 градусов С. Во-вторых, это постоянный недостаток кислорода, не только вызывающий горную болезнь, но и приводящий к постоянному снижению физической силы и выносливости личного состава. В-третьих, крайний недостаток всех ресурсов – от продовольствия и фуража до строительных материалов. Наконец, четвертой проблемой было сочетание однообразного мургабского пейзажа с малонаселенностью данной территории и ее изоляцией от остального Туркестана, создававшее гнетущее ощущение одиночества.

Перечисленные факторы двояким образом влияли на восприятие военными своей службы на «Памирской выси». С одной стороны, это осознание вполне реальной опасности для своих жизни и здоровья, не сопряженной напрямую с боевыми действиями. С другой – испытание «Памирами» воспринималось не только как возможность ускорения движения по карьерной лестнице, но и как проверка физических и моральных кондиций. Тем не менее, судя по источникам личного характера, негативная составляющая в целом перевешивала. Лучшим подтверждением тому служат эмоциональные строки из письма начальника Памирского отряда Н.С. Аносова его предшественнику на этом посту В.Н. Зайцеву, написанные в сентябре 1899 г.: «...Отдыхаю в благорастворении Шугнанских воздушных масс после тоску нагоняющей обстановки и климата Памирского поста. Убийственное место! Глядя на него, можно повторить, что именно тут-то и был рай, ибо только Богом проклятая земля могла обратиться в такое царство смерти и запустения...» (АВ ИВР РАН. Ф. 116. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 4-4 об.).

Выходцам с кипящих жизнью равнин казалось, что даже животные избегают подолгу находиться в этом унылом краю: «Да, удивительно печальная страна этот Восточный Памир – пустыня, мертвая пустыня, только горы, камни и ничего живого, даже сурки и те пропали после Ак-Байтала. Архары же и киики высоко-высоко в горах, их не видно, а за ними и рысы и барсы. Медведи по диким боковым ущельям тоже не показываются» (ВАР. Кн. 2).

Отсутствие комфорта, элементарных условий быта и связи с цивилизованным миром угнетали не только исполнявших свой долг военных, но и путешественников. А.Ф. Берладник-Пуковский в 1911 г. писал: «Приходится применяться к Азии и отказываться от того, что считается необходимым дома, напр. от стула, салфетки, вилки – так весь чай и выпил, сидя на ковре, как это неоднократно видели в Ташкенте», а после нескольких дней путешествия на Алае: «...Руки у меня стали цвета сартов, поливавших из арыков широкие улицы Ташкента, а лица не вижу, т.к. не имею зеркала, но думаю, что оно отличается от рук только красно-коричневым оттенком» (BAR. Кн. 1). Важно отметить, что восприятие европейцами условий быта в Центральной Азии немногим изменилось за последние 110 лет.

Установление власти империи над Памирами, несмотря на эпизодичность прямых конфликтов с конкурентами и отсутствие серьезных естественных преград внутри региона, растянулось на период с 1876 г. (рекогносцировка М.Д. Скобелева) до весны 1896 г. (ратификация Русско-британского соглашения о границе) (Постников, 2001: 133-134). При этом географическое изучение Мургаба было неразрывно связано с «Большой игрой», что приводило к постоянной «мутации» научных изысканий и политическим спекуляциям с их результатами. Интерес к региону со стороны научных организаций в России и за рубежом подогревался труднодоступностью и слабой изученностью Центральной Азии в целом. Российские экспедиционные отряды того времени были относительно невелики. Так, в экспедиции Г.Е. Грумм-Гржимайло 1886 г. участвовало трое джигитов, шестеро казаков, препаратор, переводчик, брат начальника экспедиции – 13 человек при 21 лошади. Кроме того, «на верблюдах уйдут транспорты ячменя и сухарей в нужном количестве из Оша следом, но неделю спустя...» («Только благодаря Вашей помощи...», 2006: 182) – писал исследователь своему частому корреспонденту С.Д. Шереметеву накануне отъезда на Памир. Обеспечение продовольствием было постоянной проблемой для находившихся в регионе русских военных и путешественников. Уже на стадии планирования поездки расходы составляли внушительную сумму. К примеру, при подготовке экспедиции в «соседний» с Памиром Тибет Г.Е. Грумм-Гржимайло был вынужден обратиться за финансовой помощью к давним соперникам русских в регионе – англичанам – и передать им часть сведений, «предлагая в счет вперед проданных им коллекций (части) выслать ... теперь же 1500 рублей» («Только благодаря Вашей помощи...», 2006: 190).

В финансировании полевых изысканий участвовали частные лица и организации. Разумеется, личные средства вкладывал и сам путешественник. «К сумме, переданной мне великим князем Николаем Михайловичем, будут присоединены 1500 от Георг[афического] общ[ества], 1500-750 – Минист[ерства] народного просвещ[ения], 250 – от Академии, около 1500 от Военн[ого] министерства, а «всего я буду иметь от 10750 до 9250 рублей, к которым своих денег (от продажи ковров, микроскопа и разных альбомов) я присоединяю еще 500 р. Сумма эта все же не совершенно достаточна» («Только благодаря Вашей помощи...», 2006: 190).

Обратившись к итогам экспедиций, мы обратили внимание на то, что первой жертвой научных манипуляций, вероятно, стало само понятие «Памир». В 1880-е гг. было обоснованно представление о применимости указанного термина в узком смысле только к современному Мургабу и Малому Памиру («внутренний Памир» Н.А. Северцова), притом, что «Памирская горная система» распространялась от Гиндукуша до Зеравшанского хребта (Иванов, 1885; Северцов, 1886). Однако в офицерской среде утвердились иные воззрения. С одной стороны, многие из покорителей края (например, П.А. Кузнецов, В.Н. Зайцев, З.И. Зайченко) писали исключительно о «Памирах», имея в виду высокогорные пастбища киргизов. С другой – очевидная искусственность новых границ и осознание их невыгодности для России приводили к стремлению подчеркнуть, что Тагдумбаш, бассейн Вахан-Дарьи, Бадахшан – тоже в определенной степени соотносимы с термином «Памиры» (Скерский, 1892: 14; Кузнецов, 1894: 1-2; Зайченко, 1903). После фактического подчинения бухарских Рушана, Шугнана и Вахана российской военной администрации (1905), Памиром (уже в единственном числе) стали называть всю зону ответственности одноименного отряда. В 1903 г. администратор региона В.Н. Зайцев использовал даже словосочетание «Ферганский Памир» (Зайцев, 1903: 35), которое вряд ли покажется курьезом, если вспомнить, что многие из потомков оседлых таджиков, оказавшихся под властью империи, сегодня именуют себя «памирцами».

Восприятие Памиров как безжизненного пространства усиливалось постоянными миграциями киргизов (с частым полным выселением в Сарыкол или на Малый Памир), перемещением постов (Центрального, Истыкского), сменным составом самого отряда (до А.Е. Снесарева включительно – один год службы) (Некрасов, 2017: 198-199), регулярным закрытием зимой перевалов, отрезавшим Мургаб даже от Бадахшана и Сарыкола.

Длительное пребывание в отрыве от близких и источников информации психологически угнетало европейцев. «Очень тяжело прощаться с миром, когда оставляешь там, позади, за этими высокими горами любимое и дорогое существо, знать, что, что бы ни случилось, только через 23–25 дней узнаешь, а ответ придет через 46–50 дней», – писал А.Ф. Берладник-Пуковский в 1911 г. (BAR. Кн. 1).

В начале XX в., кроме военных и чиновников, на Памире редко можно было встретить русских. Уже на Алае не встречалось русскоговорящих за пределами постов (AB ИВР РАН. Ф. 116. Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 1 об.). Проблемой на протяжении всех 1890-х гг. оставалась организация сообщения с Ошом.

Дорога была не только трудной, но и небезопасной. В частности, в 1896 г. был зафиксирован случай исчезновения служебной почты вместе с джигитом Ширметом. По мнению тогдашнего начальника отряда капитана Н.А. Сулоцкого, происшествие было связано с деятельностью контрабандистов (АВ ИВР РАН. Ф. 116. Оп. 2. Ед. хр. 73. Л. 2-2 об.). Финансовая сторона организации почтовой службы также неоднократно становилась предметом дискуссий (АВ ИВР РАН. Ф. 116. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 1-2 об.).

Переселенческая политика начала XX в. почти не затронула Памиры. Сложность логистики, суровые климатические условия не способствовали русской миграции. Тем не менее переселенцы из европейских губерний по крайней мере преодолевали Мургаб по пути в немногим более пригодный для оседлой жизни Вахан, где воспоминания А.Ф. Берладник-Пуковского фиксируют их близ Лянгарского поста, на границе с Афганистаном. Примечательно, что, как и на другую малонаселенную окраину – Дальний Восток, многие приезжали из Малороссии. «Лянгар – это станция для проезжающих – малюсенький домик в 2 комнаты, кругом еще два двора хохлов, все это на берегу речки Талдвек... Сам Лянгар расположен на высоте 5880 футов, т.е. на 1 2/3 версты выше уровня моря..., показывается из-за поворота горы, и его белые хохляцкие хатки с настоящей крутой соломенной крышей приветливо выделяются на зелени окружающих холмов и зовут отдохнуть уставших лошадей и поджарившегося всадника» (ВАР. Кн. 1). Примечательно, что покой упомянутых переселенцев охраняли свирепые кавказские овчарки.

Гнетуще воздействовало на европейцев отсутствие образованных женщин. Так, В.Н. Зайцев в переписке подчеркивал, что супруга третьего начальника отряда – капитана Скерского – станет «первой русской дамой, посетившей Памир» (Зайцев, 1903: 59), что «нам, за 14 месяцев соскучившимся о семье, доставит большое удовольствие» (АВ ИВР РАН. Ф. 116. Оп. 2. Ед. хр. 97. Л. 1). В 1898 г. состоялось путешествие на Памир писательницы Ю.Д. Головниной с мужем в сопровождении зоолога М.М. Воскобойникова и фотографа-любительницы Н.П. Бартеневой. По итогам поездки были изданы путевые заметки (Головнина, 1902: 91-173). В 1901 г. регион с научными целями посетила выдающийся ботаник О.А. Федченко (Зайцев, 1903: 33). Особое отношение к приезжавшим женщинам отмечается во многих источниках дореволюционного периода, что лишний раз подчеркивает ощущение оторванности авторов от цивилизованного общества.

Впрочем, на организации «семейных туров» на Памир сказывалось отсутствие постоянных дворов, как, впрочем, и жилых зданий вообще. В 1911 г. Берладник-Пуковский так характеризовал удачное помещение для ночлега: «...добрались до «рабата» Бардоба. «Рабат» – это квадратный двор, окруженный насухо сложенной из дикого камня оградой в одном из углов которого стоит низкое здание из 4–6 сводчатых казематов. Это приют от непогоды для путников» (ВАР. Кн. 1). Ситуация с капитальными строениями в конце правления Александра III оставляла желать лучшего даже в отношении постоянных военных баз и долговременных опорных пунктов. 22 июля – 1 ноября 1893 г. было построено первое постоянное Памирское укрепление, включавшее, помимо фортификационных сооружений, «приемный покой с аптекой, офицерский флигель с канцелярией и общей столовой, две полуротные землянки», а также кухню с пекарней и баню. Вся тяжесть работ легла на плечи личного состава отряда, в том числе офицеров. Все возведенные строения носили временный характер. Капитальное строительство фактически началось только в 1901 г., когда генералом Пославским совместно с капитаном ген. шт. Снесаревым было выбрано новое место для поста около прежнего (времен П.А. Кузнецова) поста в урочище Шаджан (Зайцев, 1903: 58-59).

«Туземцы»

Длительность интеграции Мургаба в состав России на фоне соперничества с Китаем, Афганистаном и стоящей за ними Британией определила довольно специфический характер взаимоотношений с местным населением – памирскими киргизами. Будучи крайне немногочисленными и мобильными, эти кочевники неожиданно для себя оказались крайне ценным «ресурсом» для соперничающих держав. Наличие у номадов пастбищ и родственников за границей, их крайняя бедность и отсутствие «начал гражданственности» создавали в глазах претендентов на доминирование в регионе целый ряд вызовов и возможностей. С одной стороны, официальные документы, публикации и личная переписка пестрят жалобами на игнорирование киргизами только что прочерченных границ, угрозу набегов и помощь вражеским разведчикам. С другой – те же источники полны рассказов об удачных сделках с аборигенами, будь то поставки терескена (*Krascheninnikovia ceratoides* – единственного, кроме кизяка, топлива в этих местах) и скота, получение информации «с той стороны», помощь в расквартировании отрядов. При этом одним из главных императивов деятельности военных было поддержание в глазах противников и народов региона престижа «русского имени»...

Российско-китайско-британское соперничество представляло для киргизского населения как возможность лавирования, так и опасность лишиться кочевий ввиду усиления контроля границы. Следствием этого были уникальные ситуации. Так, на протяжении не менее четверти века вполне самостоятельную политику в отношении Китая, Афганистана и России проводил... киргизский разбойник Сахиб-Назар. Это был известный своими набегам «полевой командир», район базирования которого находился в бассейне Гудары, в центре современного Горного Бадахшана.

Имея в подчинении не более 40 кибиток, Сахиб-Назар не только совершал набеги на Мургаб, российский Алай, китайский Сарыколь, бекства Западного Памира, но и успешно лавировал между великими державами (Россией и Британией). Так, в 1885 г. у него укрывался один из зачинщиков волнений в Фергане Махомед-Карим-датха. В 1889 г. Сахиб-Назар помог афганцам подавить восстание в Шугнанае. Одновременно ловкий разбойник радушно принимал экспедиции Н.А. Северцова, Д.В. Пугяты, Б.Л. Громбчевского, обеспечивая их всем необходимым (Пугята, 1884: 31-32; Громбчевский, 1891: 15-22). Присоединение Памира к России (владения Сахиб-Назара оказались между Орошорской и Памирской волостями) несколько снизило степень самостоятельности «киргизского Робин-Гуда». По приказанию полковника М.Е. ИONOва 3.10.1893 на зимовке Сахиб-Назара в урочище Полиз был поставлен пост подпоручика Б. Рукина (18 человек), убранный с появлением опорных пунктов в бухарских бекствах (Лужецкая, 2010: 235; АВ ИВР РАН. Ф. 116. Оп. 2. Ед. хр. 97. Л. 1 об.). Тем не менее даже в работе 1903 г. В.Н. Зайцев упоминает престарелого «аламанщика» в числе обитателей русских Памиров (Зайцев, 1903: 49). Правда, с возрастом Сахиб-Назар перестал беспокоить соседей. Так, без драматических событий и репрессивных мер тихо исчезла «вольница» в самом сердце нового форпоста империи. Примечательно, что памирские киргизы играли определенную роль в планах немецкой разведки во время Первой мировой войны. Разведчик Вернер Отто фон Гентинг взаимодействовал с Джапаркулханом, снабжал его оружием и, видимо, планировал использовать в диверсиях против Памирского отряда (Ряполов, 2017: 91). Британская разведка также стремилась использовать киргизов для сбора разведанных (Постников, 2001: 194-203; Лукницкий, 1955: 171).

Не менее своеобразной (хотя и находившей параллели на Тянь-Шане и в Закаспии) была сама практика подданства киргизов, изобиловавшая откровенным торгом, игнорированием приказов властей и... весьма снисходительным отношением к этим фактам со стороны администрации всех уровней. Причиной такого попустительства, которая неоднократно указывалась в различных служебных документах, был своеобразный «комплекс вины» перед новыми подданными империи, порожденный урезанной версией присоединения Восточного Памира, которой была вынуждена довольствоваться Россия.

Конкретизируя выдвинутый тезис, опишем ситуацию на момент интеграции края в состав страны. При введении «военного управления» на Памире 1 сентября 1892 г. (Зайцев, 1903: 57) вследствие тяжелой военно-политической обстановки предшествующего десятилетия регион населяло всего около тысячи киргизов, большая часть которых (кроме группы Сахиб-Назара) до этого считалась китайскими подданными (Скерский, 1892: 36-38; Кузнецов, 1894: 9-13). Причиной такого положения был не призрачный контроль китайцев над этими территориями, а их реальное преобладание в соседнем Сарыколе, где многие киргизские роды (особенно населявшие Ак-таш представители клана Кадырша) не только кочевали зимой, но и имели крепкие родственные связи (Зайцев, 1903: 49-50). Напротив, некоторые районы, занятые Россией (например, Большой Памир), вообще посещались номадами эпизодически (Скерский, 1892: 37). А если добавить к изложенному полное освобождение от налогов и повинностей, за исключением патрулирования границы, со стороны цинской администрации, несложно понять, почему «население отнеслось довольно равнодушно к заявлению нашему, что земли, на которых они кочуют, принадлежат России». При этом киргизы старались скрыть свою численность (Скерский, 1892: 38).

Появление столь неудобной для новых подданных империи границы сопровождалось целым рядом иных неприятностей. Так, решив не вводить на Памире налоги (а в 1895 г. еще и отменив выплаты в пользу туземной администрации), военные вынуждены были учредить ряд повинностей, без которых они не смогли бы сохранять устойчивое присутствие в регионе. Наиболее важной из них была возмездная поставка отряду терескена. Кроме того, киргизы должны были по «справочным» (устанавливаемым туркестанскими властями) ценам продавать пограничникам продукты питания и кошмы, а также по требованию предоставлять юрты в местах ночевки перемещающихся по Мургабу должностных лиц (Скерский, 2016: 828-830; Снесарев, 2015: 234; АВ ИВР РАН. Ф. 116. Оп. 2. Ед. хр. 97. Л. 1 об.; Некрасов, 2017: 159). При этом косвенно о размерах поставок позволяет судить ремарка первого начальника отряда П.А. Кузнецова: «В топлице не стеснялись, а потому каждый пил чай, когда хотел» (Кузнецов, 1894: 16).

Учитывая упомянутые обстоятельства, а также регулярные весенние голодовки (Снесарев, 2015: 237-238), киргизы очень часто избегали выполнения повинностей (Зайцев, 1903: 51; Некрасов, 2017: 80). Вероятно, именно это, вкупе с ненадежностью логистики, систематическим урезанием бюджета отряда (Некрасов, 2017: 78-79) и колебаниями высшего руководства относительно присоединения края, сделали отряд «сменным», а интеграцию Памира в целом – крайне медленным процессом, завершившимся фактически лишь в 1905 г.

Отдельным аспектом деятельности военной администрации, провоцировавшим конфликты, была организация туземного самоуправления. На момент прихода русских китайцы признавали легитимными трех киргизских «старшин». Основные кочевья одного из них, мужинского бека (на момент прихода русских – Алайчи), находились в Тагарме, т.е. остались в пределах империи Цин (Скерский, 1892: 37-38). При этом, как уже говорилось, тагарминцам, (которые, судя по истории

экспедиции Д.В. Путяты, выделялись китайцами (Махмудов, 2018: 503-518) были родственны ак-ташские киргизы. Именно они в наибольшей степени пострадали от установления границы. Кроме того, статус родственников китайских подданных явно понизился. При создании в 1891 г. Памирской волости из четырех аминств (районов) волостным управителем был назначен бек Тукур Кутлу-Ходжинов (по данным О.В. Некрасова – из алайских киргизов) (Некрасов, 2017: 141), враждебно настроенный по отношению к роду Кадырша (Зайцев, 1903: 51). К этому добавились задержка с присылкой от ферганского губернатора ак-ташскому амину Бай-сары властной регалии («почетного халата»), требование верблюдов для поставки топлива отряду, «разочарование» от сохранения Сарыколя под властью китайцев. В итоге в 1894 г. 33 семьи откочевали к родственникам в Синьцзян (АВ ИВР РАН. Ф. 116. Оп. 2. Ед. хр. 98. Л. 1-1 об.; Зайцев, 1903: 49-50; Снесарев, 2015: 232; Некрасов, 2017: 84-86). Данный случай не был уникальным. По информации, собранной А.Е. Снесаревым, только за 1900 г. «в китайские пределы бежало 17 юрт – 36 мужчин и 30 женщин, в афганские – 15 юрт, 33 мужчины и 31 женщина; к нам прибыло из Китая 4 юрты – 11 мужчин и 9 женщин, из Афганистана одна юрта – 3 мужчины и 2 женщины» (Снесарев, 2015: 232).

Как же воспринимались все указанные выше особенности населения Восточного Памира военными?

Первым, кто лицом к лицу столкнулся с перечисленными трудностями, был назначенный в 1892 г. «заведующим памирским населением» Б.Л. Громбчевский (Постников, 2001: 271-274). В дальнейшем эта должность закрепилась за начальниками Памирского поста, сохранившись за ними после переноса штаба отряда в Хорог осенью 1897 г. Однако высшей административной инстанцией в регионе оставался начальник всего отряда (Некрасов, 2017: 134-139).

Должностные лица, как и другие русские военные в Мургабе, в том числе непосредственно в отряде не служившие, в один голос сокрушались о невзгодах, которые выпали на долю «чистых» кочевников, вынужденных бороться не только с природными бедствиями, но и с последствиями политических событий периода вхождения в состав империи. Практически все авторы подчеркивают, что постоянное нарушение границ номадами вызвано тем, что разграничение отрезало их от пастбищ Малого Памира и Сарыколя (Зайцев, 1903: 49-50; Бухерт, 2010: 42; АВ ИВР РАН. Ф. 116. Оп. 2. Ед. хр. 98. Л. 1). В то же время «цивилизаторы» критически относились к социальной психологии киргизов, констатируя их правовой нигилизм («равнодушие» (Скерский, 1892: 38) по отношению к подданству, тщеславие, меркантильность, а также негативную архаику, вроде нечистоплотности, рабовладения, покупки жен и нежелания делать запасы на случай весенних голодовок (Серебренников, 1900: 57-67; Акромов, 1975: 70-77).

Со всеми этими «пережитками», а также пороками новой эпохи – сутяжничеством и контрабандой – памирские пограничные администраторы боролись с той или иной степенью успеха: принимали жалобы от киргизских жен, использовали российские законы для защиты их прав, раздавали «почетные халаты» и хлопотали о жалованье туземным должностным лицам, обеспечивали население хлебом по льготным ценам и, наконец, вплоть до падения самодержавия отстаивали полную свободу коренного населения «Памирской выси» от налогов (АВ ИВР РАН. Ф. 116. Оп. 2. Ед. хр. 73. Л. 1 об.-2 об.; АВ ИВР РАН. Ф. 116. Оп. 2. Ед. хр. 98. Л. 1-2 об.). Безусловно, в собственных глазах русские пограничники выглядели людьми гуманными и снисходительными по отношению к аборигенам «Крыши мира». Тем ироничнее звучат обличения в их адрес документа революционной эпохи – записки об устройстве Памирского района И.И. Зарубина от 6 мая 1917 г. (Бухерт, 2011: 30-32). В этом докладе, поданном помощнику военного министра Временного правительства В.Ф. Новицкому, в размашисто бичевательной манере критикуется вся четверть века формировавшаяся система регионального управления. Здесь и незнакомство «начальника и офицеров отряда» с бытом населения, и «неограниченный» характер их власти (при военном управлении!), и «не установленные ни законом, ни обычаем» повинности (вероятно, те самые, что годами обсуждались, регламентировались и менялись в попытках сбалансировать нужды отряда и местного населения). Но, помимо этих «демократических» изысков, в небольшом тексте есть многочисленные примеры реальных проблем: засилья «переводчиков и низшей туземной администрации», ошибок при реализации судебных полномочий офицерами и т.д. Таким образом, перед нами свидетельство проникновения в среду русских памирцев постколониального дискурса, через призму которого в ином свете предстают Памир и его обитатели.

Влияние, которое внешние обстоятельства оказывали на отряд, не назовешь однозначным. С одной стороны, рядовой состав на Памиры изначально набирался из «охотников» (т.е. добровольцев), а для офицеров это был, как уже сказано, карьерный трамплин. При этом с 1894 г. до революции 1917 г. боевые эпизоды здесь не возникали. С другой стороны, тяжелые климатические условия, изоляция и проблемы со снабжением приводили к конфликтам с местным населением, в отношении которого даже применялись телесные наказания, психологическим травмам (примером такого рода может служить самоубийство начальника поста поручика Ф.А. Глуздовского) (Басханов, 2015: 106), пьянству и растратам (Бухерт, 2011: 31; Басханов, 2015: 146). Сказывалось постоянное напряжение, подогреваемое близостью нестабильных в политическом отношении регионов (Канджунт, Сарыколь, Тагдумбаш, Малый Памир, Правобережный Вахан,

Кашгария). Службу на Восточном Памире мог выдержать далеко не каждый. В 1911 г. на Алае Берладник-Пуковский писал: «При спуске с этого перевала... у подножия Алайского хребта – могила капитана Мезенцева: сердце его не выдержало резкого изменения давления воздуха, и он нашел здесь свой покой» (BAR. Кн. 1).

Самой большой численностью одновременно пребывавших на Памиро-Алае военных в эпоху империи, вероятно, можно считать 950 человек в стадии ведения боевых действий, но обычно на Памире, включая наемников-джигитов, находилось от 100 до 200 воинов. Численность личного состава каждого поста редко превышала 50 человек. Больше содержать было невозможно. Как правило, порядка 10 человек в отряде были подвержены разного рода заболеваниям (Некрасов, 2017: 73-79).

Вопрос о преемственности и перспективах российского военного присутствия на Памире

В условиях революции и набирающей обороты Гражданской войны разложение армии в конце концов достигло Памира. К примеру, в ноябре 1918 г. начальник Памирского отряда полковник В.В. Фенин с другими офицерами, склонявшимися на сторону Белого движения, захватив часть вооружения отряда, пересекли ваханский коридор и ушли на территорию Британской Индии (Абдуллаев, 2009: 150). Памир, как и другие территории России, стал частью арены Гражданской войны. Так же, как и на других фронтах, ее участники оказывались среди белых и красных по воле случая. К примеру, М. Вичич – чешский социал-демократ – служил в отряде под командованием полковника Ф. Тимофеева. В советской историографии была принята точка зрения, что Мургаб оказался между «басмаческой» Алайской долиной и «белогвардейцами» из числа пограничников с постов Западного Памира. Ввиду успешной пропаганды и дипломатических успехов Советской России в Афганистане верх в противостоянии одержали большевики (Алексеев, 2009: 83).

С укреплением новой власти постепенно происходило восстановление российского присутствия в регионе. Вместо единого отряда и нескольких постов были созданы 4 отряда: Пянджский, Калай-Хумбский, Хорогский и Мургабский. Каждый из них имел более или менее условную преемственную связь с постами времен Российской империи. Например, Мургабский отряд, как было определено Н.А. Захарчевым, разместился на месте первого опорного пункта русских – укрепления Шаджанского (правда, переезд пограничников на это место состоялся еще в июле 1903 г.) (Захарчев, 2014: 44-60, 77-82). Вероятно, именно здесь в 1920 г. отступавший из Ферганской долины «курбаши» Мадаминбек вырезал личный состав погранпоста.

Важной задачей для большевиков стала ликвидация басмаческого отряда Моллы Адиходжаева. Ему удалось взять под контроль участок Памирского тракта (из Хорога в Ош). В течение нескольких лет шли бои местного значения за стратегически важный перевал с применением авиации.

В дальнейшем преемственность с дореволюционной системой управления отчасти сохранялась. 10 декабря 1930 г. был сформирован 66-й Памирский пограничный отряд (ПОГО), который на Восточном Памире имел заставы «Кызыл-Рабат» и «Мургаб», а также посты «Тохтамыш», «Ранг-Куль», «Муз-Куль», «Кара-Куль». Это была еще не вполне системная организация границы: контроль велся лишь периодическими конными разъездами (Назаршоев, 2017: 354). Статус и подчинение Мургабского ПОГО изменялся под влиянием внешних условий. В период осложнений отношений с Китайской Народной Республикой он был преобразован в 35 Мургабский ПОГО Восточного пограничного округа. Одновременно была усовершенствована сигнализационная система. По воспоминаниям служивших в пограничном отряде офицеров, в июле–августе 1968 г. были попытки пересечь границу китайскими семьями (30–33 чел.) (3-я застава «Ранг-Куль»). В порядке преемственности советские пограничники, а позднее и российские, наследовали контроль над региональной безопасностью. Взаимодействию с местным населением придавалось особое значение. В информационно-пропагандистском фильме «Моя служба в ПВ КГБ СССР. Восточный Памир-Мургаб» (Моя служба в ПВ КГБ СССР...) можно увидеть, каким образом в сложных ситуациях местное население находило помощь у военных.

На территории ГБАО Таджикистана действовал т.н. «северный коэффициент». Присутствие пограничников в населенных пунктах создавало существенное количество дополнительных рабочих мест. При этом Памир оставался самым отсталым и труднодоступным регионом Таджикистана, а Мургаб – своего рода «ГБАО внутри ГБАО». Занимая 60,7 % площади советского Памира, он представлял собой наименее населенную часть региона.

При сравнении с дореволюционной ситуацией прослеживается определенная преемственность в распределении населения по территории Памира. Кроме того, очевиден большой относительный прирост населения при скромности абсолютных цифр. В 1902 г. постоянное население восточной части региона состояло из кочевников-киргизов (2272 человека), в северо-западной части Памира (Рошанская волость) было 753 таджика. «Итого русских подданных 3025, ...общее количество туземного населения Памира к 1902 году было не менее 16827 чел., разбросанных на территории в 44500 кв. верст» (Зайцев, 1903: 48-49). Через 87 лет всесоюзная перепись зафиксировала проживание на территории Мургабского района ГБАО 12 700 человек (Всесоюзная перепись населения 1989 г.). А всего на территории ГБАО проживало около 161 тысячи человек (Болдырев, 1990: 19).

Вывод советских войск из Афганистана, исчезновение 15-километровой полосы безопасности вдоль границы и распад СССР привели к резкому обострению военной и социальной обстановки во всей ГБАО (Назаршоев, 2017: 183-210; Daudov, Shorokhov, Andreev, 2018: 799-822). Уже в 1990–1991 гг. представители региональных властей, КГБ и пограничников отмечали факты вооруженных столкновений с группами афганских и таджикских контрабандистов. Основным предметом транспортировки, конечно, были наркотики. В докладах фиксировалось систематическое давление представителей наркомафии на пограничников и чиновников из числа местного населения (ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 49. Д. 4. Л. 109). Успеху подрывной работы «из-за реки» во многом способствовало ослабление пограничного контроля, мягкость наказаний за нарушение границы, отток кадров из автономии и отсутствие развитой системы досмотра грузов (ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 49. Д. 4. Л. 24-28, 106-124). Ситуация усугубилась в декабре 1991 г., когда группа пограничных войск «Душанбе», по сути, осталась без государственной принадлежности. Полная неопределенность продолжалась до августа 1992 г. С 19 октября 1992 г. Мургабский ПОГО был в составе группы пограничных войск Российской Федерации.

В 1990-е гг. Мургабский отряд был важнейшим подразделением СНГ, стоящем на пути трансграничного наркотрафика. Памирский тракт привлекал наркоторговцев и фундаменталистов в качестве оптимального пути из Афганистана в Ферганскую долину, где стык Узбекистана, Киргизии и Таджикистана мог служить в качестве стартовой позиции для противоправной деятельности в любой из перечисленных республик. Ситуация усугублялась тем, что отряд был одним из самых «растянутых» вдоль границы и контролировал участок в 511 км. Тем не менее успехи в противостоянии с организованной преступностью были значительными. В 1996 г. силами Мургабского ПОГО был арестован один из полевых командиров Объединенной таджикской оппозиции (ОТО) Алиер с 250 кг. героина (Летов, 2002: 86).

При этом с военной точки зрения Восточный Памир считался тыловым районом. Так, в 1996 г. для выполнения специальных задач мотоманевренные группы из штатного состава Мургабского ПОГО перекидывали на Хорогское направление (Михайлов, 2008: 286). Именно военно-политическая стабильность определила тот факт, что в 2002 г. участок стал первым среди передаваемых Россией объектов пограничной инфраструктуры Комитету по охране государственной границы при Правительстве Республики Таджикистан.

4. Заключение

С начала российского продвижения за Алай «Памиры» рассматривались как потенциально тыловой район и трамплин для дальнейшего продвижения в сторону Кашгарии и Гиндукуша. В 1895 г. империя окончательно закрепила за собой эти стратегически значимые, но экономически убыточные территории, которые пришлось искусственно отделить от отошедших под контроль соперников земель. Несмотря на это, в среде военной и политической элиты России сохранялись представления о «промежуточном» характере разграничения и, соответственно, сомнения в необходимости полноценного военного присутствия на Восточном Памире. Этим объяснялся целый ряд парадоксальных ситуаций. Так, несмотря на очевидное превосходство геостратегического положения Шаджанского и Памирского постов над укреплениями в узких долинах правобережного Бадахшана, с 1897 г. управление русскими военными осуществлялось из приграничного (и находившегося на формально бухарской территории) Хорога.

По ряду причин кочевые киргизы под разными предлогами избегали выполнения повинностей, необходимых для функционирования отряда, однако их поведение встречало снисходительность и понимание военных, считавших сложившиеся границы неприемлемыми. Ненадежность логистики, систематическое урезание бюджета отряда и колебания высшего руководства относительно присоединения новых территорий в центре Азии сделали интеграцию Памира в состав Российской империи затяжным процессом, фактически завершившимся только в 1905 г.

Организация быта русских военных на Памире, и особенно в Мургабе, во второй половине XIX – начале XX вв. интересна как яркий пример конфликта и синтеза европейского мира Нового времени и традиционного кочевого общества. Перед нами наглядная и подробно охарактеризованная в источниках модель действий представителей великой державы в труднодоступном регионе Азии. Популярность памирской темы, помимо широкодоступных современному читателю фотографий, прекрасно «иллюстрируют» документы эпохи – официальная переписка и отчеты, мемуарная литература, путевые заметки. Особенности региона, красочно описанные русскими военными, исследователями и путешественниками в последней четверти XIX – начале XX вв. остались неизменными и в XXI в.: суровая природа, высокогорный климат, отсутствие стабильных источников продовольствия и топлива, инфраструктурные проблемы, информационная оторванность от культурных центров не позволяют говорить о комфортности долгосрочного пребывания «на Памирах». И тем не менее значимость региона для России подтверждается всей историей пограничного сотрудничества.

За время присутствия российских войск (1889–2005 гг.) Памир был для России базовым районом для многочисленных политических «фальстартов»: вопрос припанджских бекств, гиндукушские комбинации, сарыкольский вопрос, афганская проблема – все они должны были быть решены с опорой на этот регион. И наоборот, все, кто пытался проникнуть в Фергану и на Алай (английские шпионы, киргизские кочевые роды, а позже националисты, китайцы), оказывались на «Памирах». Стоит признать, что при этом киргизы, пребывая под властью соседних государств, часто оказывались объектом административного, экономического и культурного прессинга вне зависимости от того, кто закреплял за собой эти столь малопригодные для огосударствления территории.

Современному быту местного населения, несмотря на все усилия имперских властей и колоссальные преобразования XX–XXI вв., по-прежнему во многом присущи традиционность и даже архаичность (Шорохов и др., 2015: 226). Не будет преувеличением сказать, что пограничники СССР, затем Российской Федерации и бывших союзных, а ныне независимых республик являются прямыми наследниками офицеров русской императорской армии и Генерального штаба. Эти люди, действуя по долгу службы, в суровых условиях Памира пытались организовать жизнь местного населения с учетом своих представлений о последних достижениях цивилизации (медицины, новых технологий строительства, мер безопасности и прав человека). Они же часто вели исследовательскую работу в регионе. По разным политическим и экономическим причинам такая деятельность не всегда была успешной, но она продолжается с момента появления русских на Памире, и ее гуманитарная направленность очевидна.

5. Благодарности

Исследование подготовлено при поддержке гранта Президента РФ для поддержки молодых ученых (кандидатов наук) № МК-5515.2018.6 «Россия и этнополитические процессы в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана (1991–2005)».

Литература

3-я застава “Рангкуль” – 3-я застава “Рангкуль”. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pogranec.ru/showthread.php?t=6472&page=7> (дата обращения: 17.10.2019).

Абдуллаев, 2009 – Абдуллаев К.Н. От Синьцзяна до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX в. Душанбе: Ирфон, 2009. 572 с.

АВ ИВР РАН – АВ ИВР РАН. Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук.

Акромов, 1975 – Акромов Н.М. Вопросы истории, археологии и этнографии народов Памира и Припамирья в трудах Б.Л. Громбчевского. Душанбе: Ирфон, 1975. 238 с.

Алексеев, 2009 – Алексеев А.К. Россия на «Крыше мира»: Памирский отряд в политической и культурной жизни Бадахшана. К 115-летию похода генерала М. Ионова в Западный Памир (1894) // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2009. Сер. 13. Вып. 3. С. 76-90.

ВАР – Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры. Бумаги А.Ф. Берладника-Пуковского, 1910–1930. Коробка 1. Письма с Памира и Восточной Бухары, 1911. Кн. 1–2.

Болдырев, 1990 – Болдырев В.А. Итоги переписи населения СССР. М.: Финансы и статистика, 1990. 49 с.

Бухерт, 2010 – Бухерт В.Г. ... И его русский портрет // *Петровский Н.Ф. Туркестанские письма*. М.: Памятники исторической мысли, 2010. 358 с.

Бухерт, 2011 – Бухерт В.Г. «Настоятельнейшие нужды Памирского района»: Записка И.И. Зарубина. 1917 г. // *Восточный архив*. 2011. № 2 (24). С. 30-32.

Всесоюзная перепись населения 1989 – Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность населения союзных республик СССР и их территориальных единиц по полу // *Демоскоп Weekly*. [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng89_reg1.php (дата обращения: 15.04.2018).

ГА ГБАО – Государственный архив Горно-Бадахшанской автономной области.

Гвоздецкий, Михайлов, 1978 – Гвоздецкий Н.А., Михайлов Н.И. Физическая география СССР. М.: Мысль, 1978. 512 с.

Головнина, 1902 – Головнина Ю.Д. На Памирах: Записки русской путешественницы. М.: Типография Т-ва И.Н. Кушнерев и К^о, 1902. 244 с.

Громбчевский, 1891 – Громбчевский Б.Л. Современное политическое положение Памирских ханств и пограничной линии с Кашмиром: Военно-политический очерк. Новый Маргелан: Типография Ферганского областного правления, 1891. 58 с.

Зайцев, 1903 – Зайцев В.Н. Памирская страна – центр Туркестана: Историко-географический очерк (с картой). Новый Маргелан: Типография Ферганского областного правления, 1903. 79 с.

Зайченко, 1903 – *Зайченко З.И. Памиры и Сарыкол. Очерк возникновения, последовательного развития и современного положения Памирского вопроса. Ташкент: Тип. штаба Туркестанского военного округа, 1903. 119 с.*

Захарчев, 2014 – *Захарчев Н.А. Тайны Памирского поста. Ульяновск: Мастер-Студия, 2014. 176 с.*

Иванов, 1885 – *Иванов Д.Л. Что называть Памиром? // Известия ИРГО. 1885. Т. 21. С. 131-145.*

Кузнецов, 1894 – *Кузнецов П.А. Памиры (Из сообщения Генерального штаба капитана Кузнецова) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LVI. СПб.: Военная типография, 1894. С. 1-21.*

Летов, 2002 – *Летов В. На страже рубежей Восточного Памира. На Южном рубеже. СПб.: «Бостон-Спектр». 2002. С. 84-86.*

Лужецкая, 2008 – *Лужецкая Н.Л. Отчет начальника Памирского отряда капитана В.Н. Зайцева (1893–1894) в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН // Письменные памятники Востока. 2008. 1 (8). С. 154-164.*

Лужецкая, 2010 – *Лужецкая Н.Л. Материалы Архива востоковедов ИВР РАН о движении летучего отряда полковника Ионовна на р. Бартанг в Рушане. 1893 г. // Письменные памятники Востока. 2010. 1 (12). С. 223-236.*

Лукницкий, 1955 – *Лукницкий П. Путешествия по Памиру. М.: Молодая гвардия, 1955. 502 с.*

Махмудов, 2018 – *Махмудов О.А. «Все было против нас»: большая Памирская экспедиция 1883 года (Пребывание и деятельность на Восточном Памире) // Оазисы Шелкового пути: современные проблемы этнографии, истории и источниковедения народов Центральной Азии: К 100-летию доктора исторических наук Балкис Халиловны Кармышевой. М.: Исламская книга, 2018. 504 с.*

Михайлов, 2008 – *Михайлов А.Н. История боевой подготовки пограничников в Таджикистане. Душанбе: МАТБУОТ, 2008. 393 с.*

Моя служба в ПВ КГБ СССР... – *Моя служба в ПВ КГБ СССР. Восточный Памир–Мургаб. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2lgTLz-690A> (дата обращения: 17.10.2019).*

Назаршоев, 2017 – *Назаршоев Н.М. На Южном рубеже. Российские пограничники в Таджикистане: XIX–XXI вв. М.: Яуза-каталог, 2017. 432 с.*

Некрасов, 2017 – *Некрасов О.В. Памирский отряд: охрана российской границы на «Крыше мира» и управление «Русскими Памирами» // Власть. 2017. № 1. С. 196-203.*

Некрасов, 2017 – *Некрасов О.В. Русские пограничники на «Крыше мира»: конец XIX – начало XX вв. (По архивным, правовым и иным материалам). М.: Авторская академия, 2017. 248 с.*

Постников, 2001 – *Постников А.В. Схватка на «крыше мира»: политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке (монография в документах). М.: Памятники исторической мысли, 2001. 416 с.*

Путята, 1884 – *Путята Д.В. Очерк экспедиции Г.-Ш. капитана Путята в Памир, Сарыкол, Вахан и Шугнан 1883 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. X. СПб.: Военная типография, 1884. С. 1-88.*

Раджабов, Бободжанов, 1975 – *Раджабов С., Бободжанов Н. Советский Бадахшан в братской семье народов СССР. Душанбе: Ирфон, 1975. 36 с.*

Ряполов, 2017 – *Ряполов В. Туркестан в планах Кайзеровской Германии в начале XX в. // Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном. М.: Русский импульс, 2017. С. 88-93.*

Северцов, 1886 – *Северцов Н.А. Орографический очерк Памирской горной системы. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1886. XX. С. 17-20.*

Сергеев, 2012 – *Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. 463 с.*

Серебренников, 1900 – *Серебренников А. Очерк Памира. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1900. 49 с.*

Скерский, 1892 – *Скерский А.Г. Краткий очерк Памира Ген. Штаба капитана Скерского // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. L. СПб.: Военная типография, 1892. С. 14-40.*

Скерский, 2016 – *Скерский А.Г. Рапорт начальника Памирского отряда военному губернатору Ферганской области. 15 апреля 1895 г. Пост Памирский // Туркестан в имперской политике России: Монография в документах / Отв. ред. Т.В. Котюкова. М.: Кучково поле, 2016. С. 828-830.*

Снесарев, 2015 – *Снесарев А.Е. Приложение: Записка А.Е. Снесарева «О Памирах» // Басханов М.К. «У ворот английского могущества». А.Е. Снесарев в Туркестане, 1899–1904. СПб.: Нестор-История, 2015. 325 с.*

«Только благодаря Вашей помощи...», 2006 – *«Только благодаря Вашей помощи...». Письма Г.Е. Грумм-Гржимайло графу С.Д. Шереметеву 1887–1889 гг. // Исторический архив. 2006. № 2. С. 179-190.*

Умаров и др., 2014 – *Умаров Х.У., Мухаббатов Х.М., Акобиров Ш.З. Пянджский трансграничный бассейн: ресурсы и проблемы социально-экономического развития // Известия РАН. Серия Географическая. 2014. Вып. 6. 101-109 с.*

- Шорохов и др., 2015** – Шорохов В.А., Баранов Д.А., Овсянников Д.В., Онацко А.Н. Разная земля. Т. 4: У подножия неба. СПб.: Славия, 2015. 226 с.
- Burnes, 1834** – Burnes A. Travels into Bokhara. 3 vol. 1834. London: John Murray, Albemarle Street.
- Gurzon, 1896** – Gurzon G.N. The Pamirs and the Source of the Oxus, 1896. London: The Royal Geographical Society, 96 p.
- Daudov et al., 2018** – Daudov A.Kh., Shorokhov V.A., Andreev A.A. Anatomy of the Political Transformations during the Period of the Dissolution of the USSR on the Material from Kūhistoni Badakhshon // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2018. Vol. 63. Is. 3, pp. 799-822.
- Forsyth, 1887** – Forsyth T.D. Autobiography and Reminiscences of Sir Douglas Forsyth. 1887. London: R. Bentley and Son, 306 p.
- Forsyth, 1872** – Journey from Peshawar to Kashgar and Yarkand in Eastern Turkestan, or Little Bokharia, through Afghanistan, Balkh, Badakhshan, Wakhan, Pamir and Sarikol, Undertaken by Faiz Buksh in Connection with the Mission of T.D. Forsyth // *Journal of the Royal Geographical Society*. Vol. 42. 1872, pp. 448-473.
- Shaw, 1871** – Shaw R. Visits to High Tartary, Yarkand, and Kashgar (Formerly Chinese Tartary), and Return Journey Over the Karakoram Pass. London: John Murray, Albemarle Street. 1871. 542 p.

References

- 3 – ya zastava “Rangkul” – 3 – ya zastava “Rangkul’**. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.pogranec.ru/showthread.php?t=6472&page=7> (date of access: 17.10.2019). [in Russian]
- Abdullaev, 2009** – Abdullaev K.N. (2009). Ot Sin'tszyana do Khorasana. Iz istorii sredneaziatskoi emigratsii XX v. [From Xinjiang to Khorasan. From the history of Central Asian emigration of the twentieth century.] Dushanbe: Irfon, 572 p. [in Russian]
- Alekseev, 2009** – Alekseev A.K. (2009) Rossiya na «Kryshe mira»: Pamirskii otryad v politicheskoi i kul'turnoi zhizni Badakhshana. K 115-letiyu pokhoda generala M. Ionova v Zapadnyi Pamir (1894) [Russia on the "Roof of the World": Pamir detachment in the political and cultural life of Badakhshan. On the 115th anniversary of the campaign of General M. Ionov in the Western Pamirs]. *Bulletin of St. Petersburg University*, Nr. 3 (13), pp. 76-90. [in Russian]
- Akromov, 1975** – Akromov N.M. (1975). Voprosy istorii, arkheologii i etnografii narodov Pamira i Pripamir'ya v trudakh B. L. Grombchevskogo [Questions of history, archeology and ethnography of the peoples of the Pamirs and Pamir region in the works of B. L. Grombchevsky.]. Dushanbe: Irfon, p. 238. [in Russian]
- AV IVR RAN** – Archive of Orientalists Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences.
- BAR** – Bakhmeteff Archive of Russian & East European Culture. Andrei Fedorovich Berladnik-Pukovskii Papers, 1910-1930. Box 1. Trip to Pamir and Bukhara Regions, 1911. Books 1-2.
- Boldyrev, 1990** – Boldyrev V.A. (1990). Itogi perepisi naseleniya SSSR [Results of census of the USSR]. M.: Finansy i statistika, p. 49. [in Russian]
- Bukhert, 2010** – Bukhert V.G. (2010). I ego russkii portret [And his Russian portrait]. *Petrovsky N.F. Turkestan letters*. M.: Monuments of historical thought, p. 358. [in Russian]
- Bukhert, 2011** – Bukhert V.G. (2011). «Nastoyatel'neishie nuzhdy Pamirskogo raiona»: Zapiska I.I. Zarubina. 1917 g. [The urgent needs of the Pamir region ": Note I. I. Zarubina. 1917]. *Oriental archive*. Nr 2 (24). pp. 30-32. [in Russian]
- Daudov et al., 2018** – Daudov A.Kh., Shorokhov V.A., Andreev A.A. (2018). Anatomy of the Political Transformations during the Period of the Dissolution of the USSR on the Material from Kūhistoni Badakhshon. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 63. Is. 3. Pp. 799-822.
- GA GBAO** – State Archive of the Gorno-Badakhshan Autonomous Region.
- Golovnina, 1902** – Golovnina Yu.D. (1902). Na Pamirakh: Zapiski russkoi puteshestvennitsy [In the Pamirs: Notes of a Russian traveler]. M.: Tipografiya T-va I. N. Kushnerev i Ko, p. 244. [in Russian]
- Grombchevskii, 1891** – Grombchevskii B.L. (1891). Sovremennoe politicheskoe polozhenie Pamirskikh khanstv i pogranichnoi linii s Kashmirom: Voenno-politicheskii ocherk [The current political situation of the Pamir Khanates and the border line with Kashmir: Military-political essay]. Novyi Margelan: Tipografiya Ferganskogo Oblastnogo pravleniya, p. 58. [in Russian]
- Gvozdetskii, Mikhailov, 1978** – Gvozdetskii N.A., Mikhailov N.I. (1978). Fizicheskaya geografiya SSSR [Physical geography of the USSR]. M.: Thought, p. 512. [in Russian]
- Ivanov, 1885** – Ivanov D.L. (1885). Chto nazyvat' Pamirom? [What to call the Pamir?]. *Izvestiya IRGO*. V. 21, pp. 131-145. [in Russian]
- Forsyth, 1887** – Forsyth T.D. (1887). Autobiography and Reminiscences of Sir Douglas Forsyth. London: R. Bentley and Son, 306 p.
- Forsyth, 1872** – Journey from Peshawar to Kashgar and Yarkand in Eastern Turkestan, or Little Bokharia, through Afghanistan, Balkh, Badakhshan, Wakhan, Pamir and Sarikol, Undertaken by Faiz Buksh in Connection with the Mission of T.D. Forsyth. *Journal of the Royal Geographical Society*. Vol. 42. 1872, pp. 448-473.

Kuznetsov, 1894 – *Kuznetsov P.A.* (1894). Pamiry (Iz soobshcheniya General'nogo Shtaba kapitana Kuznetsova) [Pamirs (From the report of the General Staff of Captain Kuznetsov)]. *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii*. V. LVI. SPb.: Voennaya tipografiya, pp. 1-21. [in Russian]

Letov, 2002 – *Letov V.* (2002). Na strazhe rubezhei Vostochnogo Pamira. Na Yuzhnom Rubezhe SPb.: «Boston-Spektr», pp. 84-86. [in Russian]

Luknitskii, 1955 – *Luknitskii P.* (1955). Puteshestviya po Pamiru [Travels in the Pamirs]. M.: Molodaya gvardiya, p. 502. [in Russian]

Luzhetskaya, 2008 – *Luzhetskaya N.L.* (2008). Otchet nachal'nika Pamirskogo otryada kapitana V.N. Zaitseva (1893-1894) v Arkhive vostoekovedov Instituta vostochnykh rukopisei RAN [Report of the Captain V.N. Zaitsev (1893-1894), Head of the Pamir Detachment, in the Archive of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences]. *Pis'mennye pamyatniki Vostoka*. Nr. 1(8). pp. 154-164. [in Russian]

Luzhetskaya, 2010 – *Luzhetskaya N.L.* (2010). Materialy Arkhiva vostoekovedov IVR RAN o dvizhenii letuchego otryada polkovnika Ionova na r. Bartang v Rushane. 1893 g. [Materials of the Archive of Orientalists of the IOM of the Russian Academy of Sciences on the movement of the "flying" detachment of Colonel Ionov on the river. Bartang in Rushan]. *Pis'mennye pamyatniki Vostoka*. Nr. 1 (12), pp. 223-236. [in Russian]

Makhmudov, 2018 – *Makhmudov O.A.* (2018). «Vse bylo protiv nas»: bol'shaya Pamirskaya ekspeditsiya 1883 goda (Prebyvanie i deyatel'nost' na Vostochnom Pamire) ["Everything was against us": the great Pamir expedition of 1883 (Stay and activity in the Eastern Pamirs)]. *Oazisy Shelkovogo puti: sovremennye problemy etnografii, istorii i istochnikovedeniya narodov Tsentral'noi Azii: K 100-letiyu doktora istoricheskikh nauk Balkis Khalilovny Karmyshevoi*. M.: Islamskaya kniga, p. 504. [in Russian]

Mikhailov, 2008 – *Mikhailov A.N.* (2008). Istoriya boevoi podgotovki pogranichnikov v Tadzhikestane [The history of combat training of border guards in Tajikistan]. Dushanbe: MATBUOT, p. 393. [in Russian]

Moya sluzhba v PV KGB SSSR... – Moya sluzhba v PV KGB SSSR. Vostochnyi Pamir-Murgab. [My service in the PV KGB of the USSR ... My service in the PV KGB of the USSR. Eastern Pamir Murghab] [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2lgTLz-690A> (date of access: 17.10.2019). [in Russian]

Nazarshoev, 2017 – *Nazarshoev N.M.* (2017). Na Yuzhnom rubezhe. Rossiiskie pogranichniki v Tadzhikestane: XIX-XXI vv. [At the southern turn. Russian border guards in Tajikistan: XX-XI centuries]. M.: Yauza-katalog, p. 432. [in Russian]

Nekrasov, 2017 – *Nekrasov O.V.* (2017). Pamirskii otryad: okhrana rossiiskoi granitsy na «Kryshe mira» i upravlenie «Russkimi Pamirami» [Pamir detachment: guarding the Russian border on the Roof of the World and managing the Russian Pamirs]. *Vlast'*. Nr. 1. pp. 196-203. [in Russian]

Nekrasov, 2017 – *Nekrasov O.V.* (2017). Russkie pogranichniki na «Kryshe mira»: konets XIX – nachalo KhKh v. (Po arkhivnym, pravovym i inym materialam) [Russian border guards on the "Roof of the World": end of the twentieth – beginning of the twentieth century. (According to archival, legal and other materials)]. M.: Avtorskaya Akademiya, p. 248. [in Russian]

Postnikov, 2001 – *Postnikov A.V.* (2001). Skhvatka na «kryshe mira»: politiki, razvedchiki i geografy v bor'be za Pamir v XIX veke (monografiya v dokumentakh) [The battle on the "roof of the world": politicians, scouts and geographers in the struggle for the Pamirs in the twentieth century (monograph in documents)]. M.: Pamyatniki istoricheskoi mysli, p. 416. [in Russian]

Putyata, 1884 – *Putyata D.V.* (1884). Ocherk ekspeditsii G.-Sh. kapitana Putyata v Pamir, Sarykol, Vakhan i Shugnan 1883 g. [Essay on the expedition G.-S. Captain Putyat to the Pamirs, Sarykol, Bakhan and Shugnan 1883]. *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii*. Vyp. Kh. SPb.: Voennaya tipografiya, pp. 1-88. [in Russian]

Radzhabov, Bobodzhanov, 1975 – *Radzhabov S., Bobodzhanov N.* (1975). Sovetskii Badakhshan v bratskoi sem'e narodov SSSR [Soviet Badakhshan in the fraternal family of the peoples of the USSR]. Dushanbe: Irfon, p. 36. [in Russian]

Ryapolov, 2017 – *Ryapolov V.* (2017). Turkestan v planakh Kaizerovskoi Germanii v nachale XX v. [Turkestan in the plans of Kaiser Germany in the early twentieth century.]. Vosstaniya 1916 g. v Aziatskoi Rossii: neizvestnoe ob izvestnom. M.: Russkii impul's, pp. 88-93. [in Russian]

Serebrennikov, 1900 – *Serebrennikov A.* (1900). Ocherk Pamira [Essay on the Pamirs]. SPb.: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, p. 49.

Sergeev, 2012 – *Sergeev E.Yu.* (2012). Bol'shaya igra, 1856-1907: mify i realii rossiisko-britanskikh otnoshenii v Tsentral'noi i Vostochnoi Azii [The Big Game, 1856-1907: Myths and Realities of Russian-British Relations in Central and East Asia]. M.: Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK, p. 463. [in Russian]

Severtsov, 1886 – *Severtsov N.A.* (1886). Orograficheskii ocherk Pamirskoi gornoj sistemy [Orographic essay of the Pamir mountain system]. SPb.: Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk, XX, pp. 17-20. [in Russian]

Shaw, 1871 – *Shaw R.* (1871). Visits to High Tartary, Yarkand, and Kashgar (Formerly Chinese Tartary), and Return Journey Over the Karakoram Pass. London: John Murray, Albemarle Street. 542 p.

Shorokhov i dr., 2015 – *Shorokhov V.A., Baranov D.A., Ovsyannikov D.V., Onatsko A.N.* (2015). Raznaya zemlya [Different land]. V. 4: U podnozhiya neba. SPb.: Slaviya, p. 226. [in Russian]

Skerskii, 1892 – *Skerskii A.G.* (1892). *Kratkii ocherk Pamira Gen. Shtaba kapitana Skerskogo* [A brief outline of the Pamirs written by Captain Skersky]. *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii*. Vyp. L. SPb.: Voennaya tipografiya, pp. 14–40. [in Russian]

Skerskii, 2016 – *Skerskii A.G.* (2016). *Raport nachal'nika Pamirskogo otryada voennomu gubernatoru Ferganskoi oblasti. 15 aprelya 1895 g. Post Pamirskii* [Report of the head of the Pamir detachment to the military governor of the Ferghana region. April 15, 1895 Pamirsky Post]. *Turkestan v imperskoi politike Rossii: Monografiya v dokumentakh / otv. Red. T. V. Kotyukova*. M.: Kuchkovo pole, pp. 828–830. [in Russian]

Snesarev, 2015 – *Snesarev A.E.* (2015). *Prilozhenie: Zapiska A. E. Snesareva «O Pamirakh»* [Addition: Note by A. E. Snesarev “On the Tatars”]. *Baskhanov M. K. «U vorot angliiskogo mogushchestva»*. A.E. Snesarev v Turkestan, 1899–1904. SPb.: Nestor-Istoriya, p. 325. [in Russian]

«Tol'ko blagodarya Vashei pomoshchi...», 2006 – «Tol'ko blagodarya Vashei pomoshchi...» *Pis'ma G.E. Grumm-Grzhimailo grafu S.D. Sheremetevu 1887–1889 gg.* (2006) [Letters of G.E. Grumm-Grzhimailo Count S.D. Sheremetev 1887–1889]. *Istoricheskii arkhiv*. Nr. 2. pp. 179–190. [in Russian]

Umarov i dr., 2014 – *Umarov Kh.U., Mukhabbatov Kh.M., Akobirov Sh.Z.* (2014) *Pyandzhskii transgranichnyi bassein: resursy i problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya* [Pyanj transboundary basin: resources and problems of socio-economic development]. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya*. Nr. 6, pp. 101–109. [in Russian]

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1989 – *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1989 g. Chislennost' naseleniya soyuznykh respublik SSSR i ikh territorial'nykh edinit po polu* [All-Union Census of 1989. Population of the Union Republics of the USSR and their Territorial Units]. *Demoskop Weekly*. [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng89_reg1.php (date of access: 15.04.2018). [in Russian]

Zaichenko, 1903 – *Zaichenko Z.I.* (1903). *Pamiry i Sarykol. Ocherk vozniknoveniya, posledovatel'nogo razvitiya i sovremennogo polozheniya Pamirskogo voprosa* [Pamirs and Sarykol. Essay on the emergence, consistent development and current status of the Pamir issue]. Tashkent: Tip. Shtaba Turkestanskogo voennogo okruga, p. 119. [in Russian]

Zaitsev, 1903 – *Zaitsev V.N.* (1903) *Pamirskaya strana – tsentr Turkestana: Istoriko-geograficheskii ocherk (s kartoi)* [Pamir country – the center of Turkestan: Historical and geographical outline (with map)]. *Novyi Margelan: Tipografiya Ferganskogo oblastnogo pravleniya*, p. 79. [in Russian]

Zakharchev, 2014 – *Zakharchev N.A.* (2014) *Tainy Pamirskogo posta* [Secrets of the Pamir post]. Ul'yanovsk: Master-Studiya, p. 176. [in Russian]

Последний рубеж империи: Восточный Памир в российской культуре пограничья

Владимир Андреевич Шорохов ^{a, *}, Артем Алексеевич Андреев ^a, Денис Геннадьевич Янченко ^a

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе архивных данных из не публиковавшихся ранее документов и рукописей Архива внешней политики Российской Федерации, Бахметевского архива Колумбийского университета США представлена наглядная характеристика роли Восточного Памира в культуре пограничья и стратегии России. Авторами охарактеризована деятельность Памирского отряда, с 1889 по 1917 гг. стоявшего на страже юго-восточных рубежей Российской империи, проанализирована мемуарная литература, ведомственная переписка, отчеты офицеров Генерального штаба, в разные годы служивших в уникальном подразделении. Документы раскрывают перед читателем загадочный образ «Крыши мира», который сформировался на рубеже позапрошлого и прошлого столетий на закате эпохи географических открытий и под влиянием территориальной экспансии России в центральной части Евразии. Начало научного изучения края совпало по времени с англо-русско-китайским разграничением в Центральной Азии – процессом, фактически растянувшимся более чем на двадцать лет. Особое внимание авторы уделили быту европейцев и местного населения в суровых условиях Восточного Памира, анализу отношений коренного населения с русскими военными, особенностям восприятия региона в поздний имперский период. В заключительном разделе статьи показано, каким образом система контроля границы и взаимодействия с аборигенами, использовавшаяся до 1917 г., была модернизирована в советский период и частично сохранилась на постсоветском пространстве. Авторами на основании широкого круга уникальных источников комплексно охарактеризовано историческое значение российского присутствия в регионе.

Ключевые слова: Российская империя, Памир, Памирский пост, субкультура, киргизы, Памирский отряд, Б.Л. Громбчевский, А.Е. Снесарев.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: v.shorohov@spbu.ru (В.А. Шорохов), a.a.andreev@spbu.ru (А.А. Андреев), d.yanchenko@spbu.ru (Д.Г. Янченко)

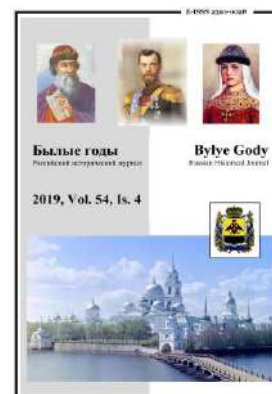
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1670-1678. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1670
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Practices of Economic Modernization of Large Landowners in the Tambov Province in the late XIX – early XX century

Ruslan M. Zhitin ^a, Alexey G. Topilsky ^{a, *}

^aTambov state university named after G.R. Derzhavin, Russian Federation

Abstract

The article studies the problem of economic modernization of a large landowner economy in the Tambov province. A comprehensive analysis of the developmental features of 489 Tambov latifundia is proposed. The relevance of the work is determined by the need to identify the features of economic modernization of a large type of estates as a special type of land ownership. The zemstvo statistical descriptions of landowners' estates in the Tambov province and the materials of the industrial census of 1908 were used as the main source. Due to the mass nature of the selected sources, their generalization required the creation of a comprehensive information system “Large Savings in the Tambov Province at the End of the 19th – Beginning of the 20th Century”, which allows displaying all available information on estates. The results of the study made it possible to describe the industry specialization of agricultural activities of the owners, to identify the features of industrial modernization of economies, to study the structure of land use. The considered practices of modernization of landowner estates reflected the opportunities for business development in the conditions of the agrarian agricultural crisis. It is shown that in order to increase the profitability of their estates, the Tambov latifundists transformed the traditional sphere of landlord production, refusing to cultivate crops, the demand for which was not high during the agrarian crisis. Some entrepreneurs, realizing the benefits of industrial intensification, switched from simple cultivation of crops to their processing at enterprises. This strategy provided greater income, expanded the economic stability of Tambov farms. As a result, the modernized complexes were the most stable type of landlord property. In a crisis, the latifundists were able to use their resources more rationally than others, to propose an effective strategy to overcome the negative consequences of low prices for agricultural products.

Keywords: landowner economy, entrepreneurship, Tambov province, modernization, land lease, industry.

1. Введение

Актуальность исследования связана с изучением российского варианта социально-экономической модернизации латифундиальных хозяйств дореволюционной России. Вплоть до последнего десятилетия в отечественной историографии явно недооценивался опыт рационализации крупного (латифундиального) помещичьего хозяйства, который признавался фрагментарным, бессодержательным и не оказывающим существенного влияния на аграрную эволюцию. Между тем в исследованиях Л.П. Минарик (Минарик, 1971: 140-141) было обращено внимание на особые социально-экономические показатели развития крупных имений, позволяющие им активно развиваться даже в кризисные для сельского хозяйства годы. Такие имения становились одними из центров социальной и экономической жизни провинции, втягивали аграрные территории в динамику общего рынка, разрушали традиционный менталитет населения, формировали профессиональную культуру труда в аграрном производстве. Взвешенная оценка подобных

* Corresponding author

E-mail addresses: a-topil@yandex.ru (A.G. Topilsky), istoriko8@mail.ru (R.M. Zhitin)

образований дополняет историографические представления о специфике развития латифундиальных хозяйств в России, дает новые представления о векторе социальных и экономических трансформаций, порождаемых деятельностью помещиков.

2. Материалы и методы

Для воссоздания динамики развития крупных имений на региональном уровне нами был начат сплошной учет данных социального и экономического развития крупных имений Тамбовской губернии. По аграрной типологии И.Д. Ковальченко и Л.И. Бородкина для выбранного региона было характерно распространение крупного типа землевладения, крестьянского малоземелья, преобладание земледелия над животноводством (Ковальченко, Бородкин, 1979: 81-92).

В качестве основных источников выступили справочно-статистические издания земства, отражающие материалы описаний помещичьих хозяйств Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX веков (Сборник, 1880–1900). Для изучения специфики фабричного производства помещиков губернии использованы материалы промышленной переписи 1908 года (Список..., 1912: 31-298). Так как выбранные типы источников принадлежат к категории массовых, их комплексная систематизация потребовала создания информационной базы данных – «Крупные экономии Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX века» (среда MS Access). База позволила обобщить информацию об имениях, площадь которых превышала 500 десятин, владельцы которых вели собственное хозяйство. Материал базы данных стал основой для содержательных выводов о характере экономической модернизации крупных хозяйств Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX веков.

В основу исследования положен цивилизационный подход, уделяющий большое внимание уникальным экономическим и культурным особенностям отдельных регионов. Он позволил раскрыть тему социально-экономического развития экономий с учетом российского исторического процесса, дал возможность комплексно проанализировать проблему модернизации крупнопомещичьих хозяйств. Принцип объективности был важен для качественной характеристики владельческого производства, изучения имений через призму сформированных моделей хозяйственного развития.

Базовым методологическим принципом работы стал анализ социально-экономического развития латифундий в контексте теории предпринимательства. Бизнес-активность крупных помещиков мы рассматриваем как одну из важнейших детерминант развития латифундий, придающую динамике имений характерные особенности социально-экономического развития.

В статье учтены важнейшие положения модернизационной теории, в особенности касающиеся проблемы экономической и социальной динамики традиционных хозяйственных структур. Применительно к российской истории очень важен тезис этой теории о сложностях и противоречиях догоняющей модернизации, которая создавала анклавов высокого и низкого уровня экономического развития.

На всех этапах исследования были использованы общеисторические методы: сравнительно-сопоставительный – позволил проанализировать особенности развития владений в контексте социального и экономического развития региона, сделать необходимые сопоставления; проблемно-хронологический – предоставил возможность выделить и унифицировать основные стратегии и методики сельскохозяйственного предпринимательства.

3. Обсуждение

Концептуально в отношении проблем формирования и положения крупных имений в дореволюционной России сложились две точки зрения. Первую – активно поддерживали консервативно настроенные дворяне (Головин, 1899: 8) и часть либеральной общественности (Кауфман, 1908: 220). Они одними из первых выдвинули тезис о губительных последствиях ликвидации латифундий для аграрного строя России. По расчетам А.А. Кауфмана экономическая прибыль крестьянства от работы на помещика была на порядок выше по сравнению с ведением собственного хозяйства (Кауфман, 1908: 221).

Более пессимистично на социально-экономическое значение крупных имений смотрели представители левых сил. Не видя преимуществ крупного производства перед мелким, они отстаивали идею ликвидации помещичьего землевладения и его перераспределения между нуждающимися крестьянами. «Помещичьи хозяйства, – рассуждал народник А.Н. Энгельгардт, – не имеют будущности, они должны уничтожиться потому, что смыслу нет в том, чтобы мужики-хозяева, имеющие свои земли, свое хозяйство, работали в чужих хозяйствах, это – нелепость» (Энгельгардт, 1956: 562).

Первый этап развития советской историографии (1920-е – середина 1950-х гг.) характеризовался отсутствием интереса к помещичьему хозяйству. Главным сюжетом аграрных исследований в этот период стала классовая борьба в деревне. К вопросам социально-экономического развития частных имений советские специалисты приступили только на рубеже 1960-х – 1970-х гг. Рассматривая основные характеристики аграрного строя России, П.Н. Першин отмечал высокий уровень зрелости капитализма в

сельском хозяйстве (Першин, 1966: 63-80). Характер развития большинства помещичьих хозяйств виделся им вполне капиталистическим.

Серьезный уровень аграрных исследований продемонстрировали прошедшие в 60–70 гг. аграрные симпозиумы. Причем взгляды исследователей на проблему помещичьего хозяйства сильно отличались. Если приверженцы нового направления А.М. Анфимов (Анфимов, 1969: 360-368) и Л.П. Минарик (Минарик, 1971: 119-139) отстаивали идею незавершенности капиталистической эволюции помещичьего хозяйства, то в трудах И.Д. Ковальченко (Ковальченко и др., 1982: 110-220) обосновывалась идея о доминировании буржуазных установок в системах частновладельческого хозяйствования. В начале 1980-х гг. точка зрения И.Д. Ковальченко стала общепринятой в советской историографии.

Смена методологии, уход от формационного подхода позволили более пристально взглянуть на помещичье хозяйство. Существенным вкладом в историографию аграрных отношений стала монография Б.Н. Миронова «Социальная история России периода империи» (Миронов, 1999: 82-98). Изучая хозяйственную деятельность представителей дворянства, специалист обратил внимание на взаимозависимость темпов обезземеливания высшего сословия и размеров их земельной собственности. По мнению Б.Н. Миронова, сокращение числа пореформенных помещиков происходило из-за экономического разорения мелких и средних страт владельцев, тогда как крупные собственники смогли найти дополнительные стимулы для развития и сохранить площадь своих экономий без существенных изменений (Миронов, 1999: 92-93).

Проблеме модернизации частновладельческой земельной собственности России посвящены работы и ряда зарубежных историков-аграрников. Согласно традиционному взгляду на помещичье хозяйство, отмена крепостного права и сельскохозяйственный кризис 70–90 гг. XIX века нанесли решающий удар по экономике частных поместий. Р. Мэннинг, описывая данный процесс, находит свидетельства повсеместного разорения помещиков после реформы 1861 года. Те владельцы, которым удалось сохранить землю, также не достигли больших успехов из-за низких цен на зерно (Manning, 1982: 11, 43).

Противоположную точку зрения отстаивал С. Беккер. В труде о российском дворянстве он подверг критике представления о неспособности помещиков к рациональному хозяйствованию. В его представлении высшее сословие в пореформенное время переживало трансформацию хозяйственной деятельности, связанную с разделением владельцев на рациональных аграриев, успешно адаптирующихся к новым условиям, и помещиков, сознательно расставившихся с землей для перехода к новым занятиям (Беккер, 2004: 309). В целом, исследователь полностью отвергает концепцию тотального оскудения дворянства в пореформенной России и заменяет ее положением о добровольной экономической адаптации высшего сословия.

Таким образом, обзор отечественной и зарубежной литературы по проблемам модернизации частновладельческих имений показывает значительное внимание исследователей к проблематике социально-экономической модернизации помещичьей собственности. Однако комплексного микроуровневого изучения данной проблемы предложено не было. Вместе с тем взвешенная оценка локальных характеристик предпринимательской активности помещиков позволит дополнить историографические представления о специфике развития латифундиального хозяйства в России, даст возможность оценить значение экономических стратегий для развития хозяйств помещиков.

4. Результаты

Материалы созданной базы данных послужили основой для содержательной характеристики развития тамбовских поместий. Согласно полученным данным, в конце XIX века на территории Тамбовской губернии располагалось 489 крупных имений, объединивших 822 тыс. десятин, или 38 % от площади всего частного землевладения региона.

Благодаря начавшейся в 1861 году мобилизации земельной собственности, дворянские имения стали переходить к другим сословиям. С легкой руки писателя и публициста С.Н. Терпигорева данный процесс был назван «оскудением» (Терпигорев, 1988: 43-97). К началу XX века высшее сословие потеряло почти две трети своего земельного фонда (Барина, 2008: 46). Естественно, что процесс мобилизации земель не мог быть одинаков для всех категорий владельцев. Специалист-аграрник Л.П. Минарик отмечает, что основными продавцами на земельном рынке являлись мелкие и средние помещики, в то время как крупные аграрии предпочитали сохранять свои земли в собственности (Минарик, 1971: 20).

Данные по распределению площади крупных имений в Тамбовской губернии косвенно подтверждает этот тезис. Большинство латифундий края продолжало находиться в руках высшего сословия.

В группе помещиков-латифундистов доля дворянского землевладения была значительно выше (80,72 %), чем в целом по стране (60 %) (Минарик, 1971: 19). Таким образом, к началу XX века процесс сословной мобилизации помещичьей собственности в группе тамбовских латифундистов был более интенсивным по сравнению с общероссийским показателем.

Экономическая сила крупных владельцев обусловлена историческими особенностями формирования латифундиального землевладения в Тамбовской губернии. Почти 60 % экономий (320 имений из 490) концентрировалось на территории Тамбовского, Кирсановского и Козловского уездов, то есть в районах первоначальных земельных пожалований царского правительства. Об этом же свидетельствует и компактное размещение имений в уездах. Почти в трети волостей перечисленных уездов находилось не менее четырех крупных поместий. Таким образом, основы географического размещения тамбовских латифундий были сформированы еще до конца XVIII века.

В пореформенное время, как и другим помещикам губернии, тамбовским латифундистам пришлось перестроить экономический уклад своих владений. Анализ структуры хозяйственной деятельности владельцев поместий спустя тридцать лет после реформы 1861 года позволяет оценить характер произошедших изменений. Преобладание пахотных угодий в общем объеме землевладения латифундистов (70 %) объясняет, почему основной сферой хозяйственных интересов помещиков было земледелие, а не животноводство.

При этом ставка на собственное земледельческое хозяйство работала даже несмотря на сельскохозяйственную депрессию конца XIX века. В условиях снижения стоимости зерновых в это время упор на полеводство не мог гарантировать большинству помещиков высоких прибылей. Впервые конкуренция в производстве зерновых продуктов проявила себя в начале 70-х годов. Появившееся на мировом рынке зерно США и Аргентины обусловило снижение закупочных цен (Тамбовское, 1913: 42). Постоянное падение доходов от хлебной торговли не могло не вызывать обеспокоенность российских аграриев, однако «вместо оградительных пошлин Россия ничего не сделала в помощь своему земледелию, изнывавшему под бременем борьбы за преобладание на европейских рынках» (Тамбовское, 1913: 8).

Сельскохозяйственный кризис заставлял помещиков модернизировать свой бизнес. Для повышения рентабельности полеводства они массово переходили к выращиванию наиболее прибыльных культур. В конце XIX века более 2/3 посевов тамбовских владельцев было занято под овсом и рожью, продажа которых гарантировала помещикам наибольшие дивиденды. К началу XX века рожь превратилась в наиболее распространенную культуру Тамбовской губернии. В 1900–1915 гг. ее посевы в крае возросли на 116 % (Анфимов, 1969: 207). Таким образом, аграрный кризис обусловил трансформацию производства имений, заставляя владельцев отказываться от возделывания культур, рыночный спрос на которые был незначительным.

Переход к сельскохозяйственной интенсификации мог выражаться не только в прямом воздействии на экономическую динамику конкретных имений, но и создавать условия для развития всего помещичьего хозяйства в регионе. Конкретные примеры модернизации ряда имений края (Ново-Покровское – Орловых-Давыдовых, Карай-Салтыковское – Петрово-Соловьевых и др.), по свидетельству тамбовских земцев, наглядно доказывали, что «сельскому хозяйству нужны опытные станции и поля, образцовые фермы, племенные животные, дороги и подъездные пути» (Тамбовская..., 1895: 12).

Отраслевая специализация наблюдалась и в тамбовском животноводстве. Большое распространение в крупных хозяйствах губернии приобрело молочное направление скотоводства. Показателен пример молочного хозяйства Ивановской экономии семьи Лихтенбергских. Проведенная владельцами техническая модернизация позволила создать высокотехнологичное производство. В экономии работали сепараторы системы «Альтфа Леваль» и «Гохтинская» маслобойка, производившие до 7,5 тыс. пудов молока ежегодно (Сведения..., 1912: 114). Продукция экономии реализовывалась на рынках Тамбова, Санкт-Петербурга, Москвы, Одессы, Саратова. Крупное молочное хозяйство было в Кариан-Знаменском имении П.С. Строгонова (Сведения..., 1912: 113). Установленная здесь маслобойка «Виктория» позволяла помещику реализовывать на российском рынке до 6 тыс. пудов продукции в год.

Большое значение в развитии животноводства края сыграла деятельность Тамбовского сельскохозяйственного общества, многие члены которого являлись владельцами крупных экономий их активная пропаганда позволила начать работу по составлению Тамбовской племенной книги крупного рогатого скота. По мысли аграриев, составление книги способствовало «улучшению скотоводства путем регистрации разводимых племенных животных и точного установления их происхождения и заводских достоинств» (Тамбовское, 1913: 1). Одновременно общество стало организатором нескольких крупных выставок, знакомивших «обывателей с последними достижениями тамбовского животноводства» (Сельскохозяйственная..., 1913: 1).

Одним из традиционных способов ведения сельского хозяйства в пореформенное время стал перевод части площади в арендное содержание. В условиях устойчивого спроса на помещичью землю такая стратегия позволяла избежать разорения владельцев. В 80-е годы XIX века появилась даже специальная теория развития аренды как источника благосостояния хозяйства. Ее автором был агроном К.Д. Дмитриев, на собственном примере доказывавший, что испольная система являлась наиболее «действенным средством» развития имений в условиях аграрного кризиса (Дмитриев, 1877: 9). Пропагандируя исполу, он призывал помещиков как можно скорее отказаться от убыточного собственного производства и перевести свои владения в аренду. Призывы К.Д. Дмитриева нашли

множество сторонников среди сельских аграриев. В 1880-х годах арендные раздачи обеспечивали помещикам Центрального Черноземья до четверти общих доходов. Не удивительно, что среди последователей новой теории был председатель Северного общества сельского хозяйства Н.Н. Зворыкин ([Сельское, 1901: 566](#)).

Определяя значения аренды в крупных имениях, Л.П. Минарик обнаружила огромное распространение аренды помещичьей земли. По ее подсчетам, в аренду латифундисты отдавали до 60 % площади своих экономий, тогда как собственное хозяйство велось на оставшихся 30–40 % ([Минарик, 1971: 140-141](#)). Однако в подсчетах специалиста использовались обобщенные данные по имениям наиболее крупных латифундистов на территории всей страны (менее 2 % от российских имений). Вовлечение в исследование аренды помещичьей земли данных по Тамбовской губернии позволяют корректировать наблюдения автора. Подсчеты показывают, что к концу XIX века тамбовские помещики держали в аренде не более 22 % площади своих поместий и 78 % – использовали в личном хозяйстве. Таким образом, возможности аренды своей земли окрестным крестьянам помещики предпочитали развитие собственного полеводства. По подобной схеме работали Долгорукие. В своем Земетчинском имении (Моршанский уезд) площадью 8406 десятин (из которых 6032 дес. приходилось на пашню) они использовали 4550 дес., остальные 1482 дес. владельцы отдавали в аренду ([Сборник, 1890: 10](#)).

Сдача в аренду земельного фонда никогда не соответствовала потребностям окружающих крестьян. Тамбовскими латифундистами она рассматривалась как способ получения дополнительного дохода, и по мере налаживания экономической жизни владельцы сокращали аренду. Очень показательную иллюстрацию происходящему находим в Ново-Покровской экономии Орловых-Давыдовых в Тамбовском уезде. В 1901–1908 гг. площадь арендного фонда в имении уверенно возрастала с 440 до 1732 дес., после чего началось резкое сокращение арендных раздач и возвращение отданных площадей в структуру собственного полеводства ([ГАТО. Ф. 195. Оп. 1. Д. 102](#)). Причиной столь непопулярного в среде окрестного крестьянства решения стало строительство крупного сахарного завода и востребованность новых полей для выращивания свекловицы. В 1912 году количество отданных крестьянству земель сократилось до минимальных 269 дес.

Интересно, что, сокращая аренду и активизируя свое хозяйство в Ново-Покровском имении, Орловы-Давыдовы отказывались от интенсификации в своих поволжских экономиях ([Житин, 2018: 159](#)). Напротив, здесь шло усиленное сокращение владельческого полеводства и рост арендных раздач. Только за 1900–1910 гг. площадь под местным полеводством сократилась с 37,9 тыс. дес. до 23,1 тыс. дес. При этом рост арендных раздач происходил в основном за счет увеличения аренды на один посев (+48 %). Таким образом, помещик развивал эффективное производство не во всех имениях, а только в одном своем хозяйстве, экономическая специфика которого гарантировала владельцу получение высоких прибылей. Остальные имения переводились на малопродуктивные формы производства и служили финансовыми донорами для проводимой модернизации в выбранных имениях.

Разразившийся сельскохозяйственный кризис заставлял помещиков расширять отраслевую специализацию. Осознав выгоды от развития промышленных производств, помещики переходили к строительству собственных заводских комплексов. Эта стратегия обеспечивала больший доход, расширяла экономическую устойчивость владельческих хозяйств. К началу XX века тамбовским помещикам принадлежало 91 предприятие (41 % всех заведений губернии) с годовым производством в 12,5 млн руб. (27 % от всей стоимости продукции).

Попытки промышленной интенсификации помещичьих хозяйств были направлены на максимально полное использование имеющейся ресурсной базы. Большая часть владельческих предприятий (80,2 %) занималась переработкой сельскохозяйственных продуктов. Особенно сильны были позиции помещиков в свеклосахарной, мукомольной, масляной промышленности, объединявшей до 75 % предприятий помещичьей индустрии края. При этом стремление оптимизировать издержки производства обуславливало создание заводов замкнутого цикла с использованием сырья собственного производства.

Некоторые владельцы шли гораздо дальше. Стремясь оптимизировать малопродуктивный сектор своих хозяйств, они полностью перепрофилировали бизнес. В результате на территории тамбовских экономий были построены спичечные заводы (2 предприятия), предприятия по обработке шерсти (4 предприятия), льна (5 предприятий), кирпичные заводы (2 предприятия).

Как и в общей структуре владельцев имений, в социальном составе тамбовских промышленников выделяется дворянское сословие, имевшее в собственности большинство предприятий, лидировавшее по производительности и энергооснащенности, аккумулировавшее большую часть рабочих ([Таблица 1](#)).

Таблица 1. Распределение предприятий Тамбовской губернии по сословиям владельцев (1908 г.)

Сословие	Предприятий	Рабочих	Производство (тыс. руб.)	Двигатели (л.с.)
Дворянство	35	3513	4698978	2820
Купцы	22	1448	2753158	1193
Крестьяне	8	208	304647	217
Мещане	5	89	1104129	250
Почетные граждане	3	458	337365	83
Всего	73	5716	9198277	4563

Предпринимательские устремления дворянства охватывали традиционные для этого сословия мельничное и сахарное производства, а также винокуренный бизнес. Представители высшего сословия владели 4 сахарными заводами, 22 из 30 предприятий винокуренной промышленности, большинством крупных мельниц региона.

Интенсивное развитие винокурения в дворянских экономиях стимулировалось, помимо всего прочего, правительственной поддержкой. С 1904 г. были отменены торги на неразверстовочный спирт, благодаря чему выработка мелких и средних заводов начала приниматься в казну. Кроме того, за ректификацию спирта помещики получали вдвое больше, чем на казенных заводах. Одновременно был установлен ряд общих и «сельскохозяйственных» безакцизных отчислений, упростивших продажу продукта. По мнению М.И. Фридмана, льготная политика «являлась следствием давления отдельных влиятельных лиц», то есть латифундистов (Анфимов, 1969: 259).

В деловой среде тамбовских промышленников действовали как коллективные владельцы предприятий, так и фабриканты-единоличники. При этом доля коллективных форм бизнес-активности на протяжении рассматриваемого времени оставалась достаточно высокой (42 % от общего количества тамбовских фабрик). По мнению историка-аграрника А.К. Корелина, преобладание коллективных форм организации предприятий могло свидетельствовать об отсутствии у значительного количества владельцев имений хозяйственной сноровки, практических знаний для организации промышленного хозяйства (Корелин, 1979: 118). В результате помещики «гораздо охотнее вступали в такие формы предпринимательства, где не требовалось активного личного участия или ведение бизнеса облегчалось участием более опытных компаньонов» (Шацилло, 2004: 148-149). Однако рассмотрение персонального состава тамбовских промышленников и их высокой хозяйственной активности позволяет усомниться в данных заключениях. Вероятнее всего, промышленные объединения помещиков являлись результатом целенаправленной политики объединения капитала в целях организации крупного бизнеса. Помимо всего прочего, это позволяло модернизировать производства, создавать новую инфраструктуру, реализовывать новые индустриальные проекты.

5. Заключение

Рассмотрение специфики хозяйственной деятельности помещиков-латифундистов позволяет корректировать устоявшиеся представления о характере экономического развития крупных экономий в конце XIX – начале XX веков. В пореформенное время тамбовские помещики, максимально полно используя ресурсную базу своих имений, смогли эффективно противодействовать аграрному кризису. Огромное значение для поступательного развития экономий стала отраслевая специализация и оптимизация производств, промышленная интенсификация хозяйств имений. В результате латифундии обладали большими возможностями для развития, нежели остальные имения Тамбовского края. Практики модернизации помещичьих имений могли стать важным фактором развития аграрных отношений в конце XIX – начале XX веков. Однако события революции 1917 года прервали поступательное развитие помещичьих комплексов.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации гранта Президента Российской Федерации для поддержки молодых ученых (Проект № МК-6315.2018.6)

Литература

Анфимов, 1969 – Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX веков). М., 1969. 393 с.

Барина, 2008 – Барина Е.П. Российское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик. М., 2008. 351 с.

Беккер, 2004 – Беккер С. Миф о русском дворянстве М., 2004. 346 с.

ГАТО – Государственный архив Тамбовской области.

- Головин, 1899** – Головин К. Наша финансовая политика и задачи будущего, 1887–1898. Санкт-Петербург, 1899. С. XIII. 261 с.
- Дмитриев, 1877** – Дмитриев К.Д. Как вести доходное хозяйство с наименьшими на это затратами. М., 1877. 328 с.
- Житин, 2018** – Житин Р.М. Некоторые особенности экономики крупного помещичьего хозяйства в конце XIX – начале XX вв. // *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы*. 2018 г. М., Брянск, 2018. С. 153-162.
- Кауфман, 1908** – Кауфман А.А. Аграрный вопрос в России. Т. 2: В чем вопрос и где его решение. М., 1908. 167 с.
- Ковальченко, Бородкин, 1979** – Ковальченко И.Д., Бородкин Л.И. Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX–XX вв. // *История СССР*. 1979. № 1. С. 81-92.
- Ковальченко др., 1982** – Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литвак Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1982. 264 с.
- Корелин, 1979** – Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. М., 1979. 304 с.
- Минарик, 1971** – Минарик Л.П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX – начала XX вв. М., 1971. 142 с.
- Миронов, 1999** – Миронов Б.Н. Социальная история России. СПб., 1999. 549 с.
- Першин, 1966** – Першин П.Н. От реформы к революции. М., 1966. 490 с.
- Сборник, 1880–1900** – Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии: Т. 1–24. Тамбов, 1880–1900.
- Сборник, 1890** – Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии: землевладение Моршанского уезда. Тамбов, 1890. Т. 15. 504 с.
- Сведения..., 1912** – Сведения о некоторых хозяйствах и технических предприятиях Тамбовской и других губерний. Тамбов, 1912. С. 114. 124 с.
- Сельское..., 1901** – Сельское хозяйство и лесоводство. 1901. № 10. С. 552-569.
- Сельскохозяйственная..., 1913** – Сельскохозяйственная жизнь. Тамбов. 1913. № 13–20.
- Список..., 1912** – Список фабрик и заводов Российской империи. СПб., 1912. 721 с.
- Тамбовская..., 1895** – Журналы соединенных заседаний Тамбовской губернской земской управы с приложениями. Тамбов, 1895. 48 с.
- Тамбовское..., 1913** – Тамбовское сельскохозяйственное общество. Тамбовская племенная книга крупного скота. Тамбов, 1913. 50 с.
- Терпигорев С.Н., 1988** – Терпигорев С.Н. Оскудение: В 6 т. М., 1988. Т. 1. 561 с.
- Шацлло, 2004** – Шацлло М.К. Социальный состав буржуазии в России в конце XIX века. М., 2004. 267 с.
- Энгельгардт, 1956** – Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. М., 1956. 491 с.
- Manning, 1982** – Manning R. The Crisis of the Old Order in Russia. Princeton, 1982. 576 p.

References

- Anfimov, 1969** – Anfimov A.M. (1969). Krupnoe pomeshchich'e hozyajstvo Evropejskoj Rossii (konec XIX – nachalo XX veka) [Large landowner economy of European Russia (late XIX – early XX century)]. М. [in Russian]
- Barinova, 2008** – Barinova E.P. (2008). Rossijskoe dvoryanstvo v nachale XX veka: ekonomicheskij status i sociokul'turnyj oblik [Russian nobility at the beginning of the 20th century: economic status and sociocultural outlook]. М. [in Russian]
- Bekker, 2004** – Bekker S. (2004). Mif o russkom dvoryanstve [The myth of the Russian nobility]. М. [in Russian]
- Dmitriev, 1877** – Dmitriev K.D. (1877). Kak vesti dohodnoe hozyajstvo s naimen'shimi na eto zatratami: Iz praktiki v raznyh mestnostyah Rossii agr. K.D. Dmitrieva [How to maintain a profitable economy with the least cost : From practice in different regions of Russia agr. K.D. Dmitriev]. М. [in Russian]
- Engelgardt, 1956** – Engelgardt A.N. (1956). Iz derevni. 12 pisem. 1872–1887. [From the village. 12 letters. 1872–1887.]. М. [in Russian]
- GATO** – Gosudarstvennyi arkhiv Tambovskoi oblasti [State archive of Tambov region].
- Golovin, 1899** – Golovin K. (1899). Nasha finansovaya politika i zadachi budushchego, 1887–1898 [Our financial policy and the tasks of the future, 1887-1898]. SPb. [in Russian]
- Kaufman, 1905** – Kaufman A.A. (1905). Agrarnyj vopros v Rossii. T. 2: V chem vopros i gde ego reshenie [The agrarian question in Russia. T. 2: What is the question and where is its solution]. М. [in Russian]
- Kovalchenko, Borodkin, 1979** – Kovalchenko I.D., Borodkin L.I. (1979). Agrarnaya tipologiya gubernij Evropejskoj Rossii na rubezhe XIX – XX vv. [Agrarian typology of the provinces of European Russia at the turn of the XIX - XX centuries]. *Istoriya SSSR*. 1979. № 1. pp. 81–92. [in Russian]
- Kovalchenko i dr, 1982** – Kovalchenko I.D., Selunskaya N.B., Litvak B.M. (1982). Social'no-ekonomicheskij stroj pomeshchich'ego hozyajstva Evropejskoj Rossii v epohu kapitalizma: Istochniki i

методы изучения. [The socio-economic system of the landowner economy of European Russia in the era of capitalism: Sources and methods of study] М. [in Russian]

Korelin, 1979 – *Korelin A.P.* (1979). Dvoryanstvo v poreformennoj Rossii. 1861–1904 gg. [Nobility in post-reform Russia. 1861–1904]. М. [in Russian]

Manning, 1982 – *Manning R.* (1982). The Crisis of the Old Order in Russia. Princeton.

Minarik, 1971 – *Minarik L.P.* (1971). Ekonomicheskaya karakteristika krupnejshih zemel'nyh sobstvennikov Rossii konca XIX – nachala XX v.: zemlevladienie, zemlepol'zovanie, sistema hozyajstva [The economic characteristics of the use of land owners in Russia at the end of the 19th - beginning of the 20th centuries: land tenure, land use, farm system]. М. [in Russian]

Mironov, 1999 – *Mironov B.N.* (1999). Social'naya istoriya Rossii [Social History of Russia]. SPb. [in Russian]

Pershin, 1966 – *Pershin P.N.* (1966). Ot reformy k revolyucii [From reform to revolution]. М. [in Russian]

Sbornik, 1880–1900 – Sbornik statisticheskikh svedenij po Tambovskoj gubernii : Otdel hoz. statistiki [Collection of statistical information on the Tambov province: Department of households. Statistics]. Т. 1-24. Tambov, 1880–1900. [in Russian]

Sbornik..., 1890 – Sbornik statisticheskikh svedenij po Tambovskoj gubernii: Chastnoe zemlevladienie Morshanskogo uezda (1890) [Collection of statistical information on the Tambov province: Private land tenure of Morshansk district]. Tambov. Т. 15. [in Russian]

Selskoe..., 1901 – Selskoe hozyajstvo i lesovodstvo (1901) [Agriculture and forestry]. № 10. [in Russian]

Selskohozyajstvennaya..., 1913 – Selskohozyajstvennaya zhizn: sel'skoho. i ekonom. zh-l (1913). [Agricultural life: agricultural farm. and economy j-l]. Tambov. № 13-20. [in Russian]

Shacillo, 2004 – *Shacillo M.K.* (2004). Socia'nyj sostav burzhuazii v Rossii v konce XIX veka [The social composition of the bourgeoisie in Russia at the end of the 19th century]. М. [in Russian]

Spisok..., 1912 – Spisok fabrik i zavodov Rossijskoj Imperii (1912). SPb. [in Russian]

Svedeniya..., 1912 – Svedeniya o nekotoryh hozyajstvah i tekhnicheskikh predpriyatiyah Tambovskoj i drugih gubernij (1912) [Information about some farms and technical enterprises of Tambov and other provinces]. Tambov. [in Russian]

Tambovskaya..., 1895 – Tambovskaya gubernskaya zemskaya uprava. Zhurnaly soedinennyh zasedanij Tambovskoj gubernskoj zemskoj upravy s prilozheniyami (1895) [Tambov provincial Zemstvo. Journals of the joint sessions of the Tambov provincial Zemstvo Board with appendices. Tambov. [in Russian]

Tambovskoe..., 1913 – Tambovskoe selskohozyajstvennoe obshchestvo (1913) [Tambov Agricultural Society. Tambov stud book of cattle. Charter, instruction, forms of studbook magazines, cattle-breeding records, etc.]. Tambov. [in Russian]

Terpigorev, 1988 – *Terpigorev S.N.* (1988). Oskudenie: v 6 t. [Impoverishment: in 6 v.]. М. V. 1. [in Russian]

Zhitin, 2018 – *Zhitin R.M.* (2018). Nekotorye osobennosti ekonomiki krupnogo pomeshchich'ego hozyajstva v konce XIX – nachale XX v. [Some features of the economy of a large landlord economy in the late nineteenth and early twentieth centuries. *Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy*. М., Bryansk. [in Russian]

Практики экономической модернизации крупных помещичьих хозяйств Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX веков

Руслан Магомедович Житин ^а, Алексей Геннадьевич Топильский ^{а, *}

^а Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Российская Федерация

Аннотация. В статье изучена проблема хозяйственной модернизации крупных помещичьих хозяйств Тамбовской губернии. Предложен комплексный анализ особенностей развития 489 тамбовских латифундий. Актуальность работы определяется необходимостью выявления особенностей хозяйственной модернизации крупных имений как особого типа земельной собственности. В качестве основного источника были использованы земские статистические описания помещичьих хозяйств Тамбовской губернии, материалы промышленной переписи 1908 года. В силу массового характера выбранных источников их обобщение потребовало создания комплексной информационной системы – «Крупные экономии Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX вв.», объединяющей разные способы представления источниковых данных. Результаты исследования позволили описать отраслевую специализацию сельскохозяйственной деятельности владельцев, выявить особенности промышленной модернизации экономий, изучить структуру

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: a-topil@yandex.ru (А.Г. Топильский), istoriko8@mail.ru (Р.М. Житин)

землепользования. Рассматриваемые практики модернизации помещичьих имений отражали возможности для развития бизнеса в условиях сельскохозяйственного кризиса. Показано, что для повышения рентабельности своих имений тамбовские латифундисты трансформировали традиционные сферы помещичьего производства, отказывались от культур, спрос на которые был невысок в условиях аграрного кризиса. Часть предпринимателей, осознав выгоды от промышленной интенсификации, переходила от простого выращивания сельскохозяйственных культур к их переработке на предприятиях. Эта стратегия обеспечивала больший доход, расширяла экономическую устойчивость тамбовских хозяйств. В результате модернизируемые комплексы представляли собой наиболее устойчивый тип помещичьей собственности. В условиях кризиса латифундисты рациональнее других смогли использовать свои ресурсы, предложить эффективную стратегию преодоления негативных последствий низких цен на сельскохозяйственные продукты.

Ключевые слова: помещичье хозяйство, предпринимательство, Тамбовская губерния, модернизация, аренда земли, промышленность.

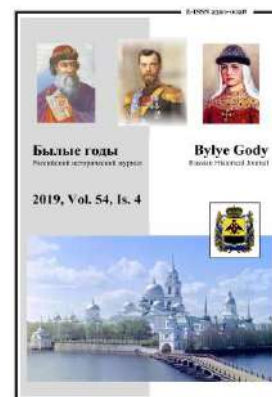
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1679-1691. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1679
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Zemstvo and Court of Peace in Russia: Public Authority at Local Level

Liudmila E. Lapteva ^{a,*}, Marina V. Nemytina ^b, Tsybik Ts. Mikheeva ^b

^a Russian Academy of National Economy and State Service under the RF President, Russian Federation

^b Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Russian Federation

Abstract

The authors of the article reveal the essence and content of the Zemstvo and Judicial reforms (1864) in the general context of social relations and the domestic policy of the Russian Empire, showing their connection with the Peasant reform (1861). As a result of the reforms carried out by the government of Alexander II, local public authority was transformed. All-estate zemstvo institutions and courts independent from the administration appeared in the provinces and counties. The article describes the Zemstvo reform aimed at solving of social and economic problems of the citizens at local level, in its relationship with the Judicial reform, which had established courts of peace, guaranteed equal protection of personal and property rights of citizens, including peasants who had received freedom recently. The authors reveal the features of the new public order in the activities of zemstvo institutions and local courts; substantiate the organizational principles common to zemstvos and courts of peace (estate-inclusiveness, independence from administration, legality, etc.); characterize the structure and competence of zemstvo institutions and courts of peace in their interaction with each other, as well as with the government bodies. The self-government bodies and the courts of peace, introduced by the government of Alexander II, contradicted to the historically established social order and state system of the Russian Empire, which predetermined their future fate. During the implementation of the conservative course of the government of Alexander III the courts of peace were abolished and the institute of zemsky district commanders with administrative and judicial powers was established in rural areas in 1889.

Keywords: reforms of Alexander II, Zemstvo reform of 1864, Judicial reform of 1864, zemstvo institutions, courts of peace, local public authorities, local self-government, all-estate bodies, equality before the law and the court.

1. Введение

Авторы статьи задались целью проследить изменения в организации публичной власти на местах в ходе проведения правительством Александра II земской и судебной реформ во второй половине XIX в. Очевидна взаимосвязь и взаимная обусловленность этих двух реформ, развертывавшихся вслед за отменой крепостного права, охвативших значительную часть Российской империи, изменивших социальные отношения в российском обществе, правовое положение населения и публичный порядок на местах.

Хронологические рамки исследования охватывают период с середины 50-х гг., ознаменованных восшествием на престол Александра II и началом подготовки крестьянской реформы и других преобразований, до начала 90-х гг. XIX в., когда Положением и Правилами 1889 г. в российских уездах упразднялась мировая юстиция, были приняты новые Земское (1890 г.) и Городовое (1892 г.)

* Corresponding author

E-mail addresses: lelapteva@gmail.com (L.E. Lapteva), nemytina_mv@rudn.university (M.V. Nemytina), mikheeva_tsts@rudn.university (Ts.Ts. Mikheeva)

положения. Консервативные меры, осуществленные правительством Александра III по свертыванию земской и судебной реформ принято считать контрреформами.

В данной статье провозглашенные в 1864 г. земская и судебная реформы показаны авторами в общем контексте крайне противоречивой внутренней политики самодержавия. В России появляются всесословные представительные учреждения на местном уровне в виде земств, а также выборные, независимые от администрации, доступные для населения мировые суды, перед которыми стали равны все российские подданные независимо от их сословной принадлежности. Проведенные вслед за отменой крепостного права земская и судебная реформы дали толчок трансформационным процессам в российском обществе, изменили общий контекст социальных отношений и характер публичной власти на местах.

2. Материалы и методы

На рубеже XX–XXI вв. российская историческая и историко-правовая наука освободилась от давления методологических установок формационного подхода и классовой борьбы как основной движущей силы истории. Проведение реформ второй половины XIX в. объяснялось теперь не движением народных масс, как это было принято в советский период, а настроениями в самом окружении Александра II, оказавшегося перед сложным выбором относительно того, в каком направлении идти России. Новая парадигма в оценках движущих сил в историческом процессе заставила исследователей искать новые объяснения, применять новые категории и понятия.

Современные подходы к праву и публичной власти в социологическом контексте расширяют представления о социальных трансформациях в России второй половины XIX в. При разработке темы исследования авторами применялись такие категории, как «публичная власть», «публичный порядок», «трансформация публичной власти», которые используются в различных областях современного социально-гуманитарного знания: истории, философии, политологии, юриспруденции. Эти и смежные с ними категории, понятия, термины, не нарушая принцип историзма, позволяют по-новому взглянуть на социальные процессы, оценить их характер и динамику. Современное социально-гуманитарное знание исходит из того, что категория «публичная власть» не тождественна категории «государственная власть». Государственная власть с ее институтами является разновидностью публичной власти, причем наиболее мощной и действенной. Наряду с государством, субъектами, реализующими публичную власть, могут быть местные территориальные сообщества, политические партии, иные существующие в обществе корпорации, в том числе сословные. Авторы статьи исходят из того, что *публичная власть – это производная от общества и стоящая над ним организация, имеющая институциональный характер, обеспечивающая упорядоченность отношений в обществе, управление социальными группами и процессами.*

Применительно к исследуемой проблематике резюмируется, что учрежденные в 1864 г. земства, не будучи включенными в систему российской государственной власти и обладая самостоятельностью в пределах своей компетенции, реализовывали функции местного самоуправления как одной из форм публичной власти. С принятием Судебных уставов 1864 г. судебная власть в Российской империи выделяется в отдельную, самостоятельную ветвь власти, несмотря на сохранившуюся в стране форму правления в виде абсолютной монархии. Мировая юстиция как низовое звено судебной системы Российской империи отчетливо демонстрирует независимость в осуществлении публичной функции правосудия. Вместе с тем в России сохранялись осуществлявшие публичную власть органы сословного управления и сословные суды.

При разработке исследуемой темы был применен системный подход, позволивший обосновать характер реформ второй половины XIX в. в России, а также выявить системные связи земских учреждений и мировой юстиции, их место и роль в системе российского общества и государства. Использованный авторами сравнительно-правовой подход позволил выявить особенности институтов местного самоуправления и мирового суда в России, изменения в этих институтах на протяжении исследуемого периода под воздействием законодательства, субъективной воли участников публичных отношений, иных факторов.

Авторами представлен историографический обзор дореволюционной, советской, зарубежной и современной российской литературы по исследуемой проблеме. При анализе воспоминаний, книг и статей дореволюционных авторов, отражающих содержание и ход проведения земской и судебной реформ, учитывались их идейно-мировоззренческие позиции (охранительные, либеральные, демократические).

Настоящая статья имеет историко-правовую направленность, что иллюстрирует вовлечение в исследование необходимой совокупности нормативных правовых актов, среди которых Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости 1861 г., Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1864 г., Судебные уставы 1864 г., Городовое положение 1870 г., Положение о земских участковых начальниках и Правила об устройстве судебной части в местностях, в которых введено Положение о земских участковых начальниках 1889 г., Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1890 г. В статье также были использованы материалы фонда Александра II, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. 678. Оп. 1. Д. 566).

3. Обсуждение

В отечественной дореволюционной историографии параллельно с доминировавшими характеристиками проведенных правительством Александра II преобразований как «великих реформ» звучали перекрестные обвинения в адрес реформаторов, с одной стороны – за излишний либерализм, с другой – за незавершенность замысла.

Несомненную пользу земского самоуправления для социально-экономического развития России видели как русские либералы, так и апологеты общинного строя (Кавелин, 1898: 735-778; Лешков, 1865; Лешков, 1871; Свешников, 1892). Критика этих учреждений тоже шла не только со стороны консерваторов (Головин, 1884; Семенов, 1884), но и от отвергавших идеи либерализма социал-демократов (Ленин, 1967: 21-72).

Представители как охранительного, так и либерального направлений в дореволюционной общественно-политической мысли сходились в оценках судебной реформы, признавая ее наиболее последовательной в ряду преобразований, проведенных правительством Александра II. Они оказывались единодушны и в критике Судебных уставов, считая их калькой с западных образцов, не имевшей под собой почвы в Отечестве (Гессен, 1905; Катков, 1897–1898 и др.). Как отмечал И.В. Гессен, теоретически вполне приемлемые для России юридические принципы, институты и конструкции судебной реформы в ходе практической реализации вступили в противоречие с формой правления и политическим режимом (Гессен, 1905: 142). С открытием новых судов наблюдалась также перемена во взглядах, когда сторонники реформы очень скоро оказывались в лагере противников (М.Н. Катков, К.П. Победоносцев).

Советская историография, отмечая прогрессивный для России характер преобразований второй половины XIX в. – революция «сверху», вместе с тем обосновывала, что реформы были обусловлены движением «снизу», от народных масс. Превалировали критические оценки курса правительства Александра II, как и политики самодержавия в целом, отмечались непоследовательность и незавершенный характер реформ (Виленский, 1969; Зайончковский, 1964; Зайончковский, 1978; Захарова, 1984 и др.).

Следует отметить, что подходы зарубежных авторов к реформам Александра II обнаруживают известное сходство и преемственность с дореволюционной отечественной историографией. Так, например, вышедшие за рубежом статьи могли быть полностью посвящены разбору критики реформ Александра II современниками (Lincoln, 1975). Западные исследователи подчеркивают отличие модернизационного характера российских реформ от европейских. В частности, отмечается, что проведение реформ «сверху», усилиями власти, а не общества, составляло существенную особенность модернизации Александра II (Farah, 2013). Применительно к реформам XIX в., как и к более ранним преобразованиям, в западной литературе появилось определение «отстающая модернизация» (Boterbloem, 2013). В работах зарубежных авторов высвечивались как сильные, так и слабые стороны проведенных преобразований, чем обеспечивалась достаточная степень объективности в оценках реформаторского курса (Kucherov, 1953; Solomon, 1997; Wagner, 1977). Так, американский исследователь Р.С. Уортман отметил, что модернизация на началах законности судебной системы во второй половине XIX в. осуществлялась в целях сохранения правящего режима. Однако новый суд не вписывался в формируемую по старым лекалам администрацию, следствием чего стало сочетание в политике правительства реформаторских и контрреформаторских тенденций (Wortman, 1976). В другой работе этот же автор обращает внимание на противоречивые личные чувства Александра II, который вместо любви и благодарности общества за «великие реформы» получил в ответ требования учреждения народного представительства (Wortman, 2013).

В анализе преобразований местного общественного управления зарубежная историография постепенно отходит от скрупулезного анализа истории разработки юридической стороны реформ (Starr, 1972) и акцентирует внимание на их политической и социальной направленности, выявляя различия в эволюции российского и западного общества. Подчеркивается, в частности, что общество в России институционализировалось на местном, а не на общенациональном уровне, а такие европейские понятия, как сословие, буржуазия и некоторые другие, не вполне отражают российские реалии (Häfner, 2005: 142). В ряде работ отмечается особое значение, которое приобрели земские и городские общества, занявшие «нишу» между дворянской элитой и крестьянством (Waldron, 1997: 69), а также рассматриваются причины их радикализации в начале XX в. (Zuckerman, 1996: 203).

На рубеже XX–XXI вв. спектр суждений российских авторов по поводу проведенных Александром II и его окружением реформ оказывается весьма широким. Накопившиеся за полтора столетия в литературе противоречивые оценки роли и значения этого реформаторского курса, обусловленные обозначившимся еще в период правления Александра II «поворотом вспять» по многим позициям и принявшим ярко выраженный консервативный характер при Александре III, создают неопределенность в современной отечественной историографии. Возникает правомерный вопрос: не стала ли эта незавершенная модернизация одной из ключевых причин внутренних противоречий, которые ввергли страну в череду кризисов и завершились крахом Российской империи. Как обычно, истина кроется где-то посередине. В любом случае очевидны масштабы

деятельности реформаторов, изменивших социальные отношения, правовой уклад жизни российского общества, характер публичной власти на местах.

Если вести речь конкретно о земских и судебных преобразованиях, то в современной отечественной историографии постепенно формировались их достаточно взвешенные оценки (Коротких, 1989; Лаптева, 1993; Лонская, 2013; Морозова, 2000; Немыгина, 1999; Шахрай, Краковский 2014). Из вышедших в постсоветский период работ, проследивавших связь земской и судебной реформ, первой, пожалуй, стала статья Н.Н. Ефремовой и М.В. Немыгиной «Местное самоуправление и юстиция в России» (Ефремова, Немыгина, 1994). Давая правовую оценку взаимодействию местного самоуправления и суда в пореформенный период, авторы вместе с тем не углублялись в характеристику социальной картины российского общества. Позднее С.В. Лонская, подробно характеризуя различные аспекты организации и деятельности мировых судов, подчеркнула значимость их избрания земствами, а также воплощавшееся посредством земств и мировых судов всеобщее единство на местном уровне (Лонская, 2013: 126). В деятельности земств автор усматривает «не государственно-политический, а частный интерес (то есть хозяйственные и общественные дела)» (Лонская, 2013: 125).

Земство и мировой суд стали объектом исследования докторской диссертации Н.И. Горской, в которой содержится тезис о «земском характере мирового суда» (Горская, 2009: 22). С этим утверждением вряд ли можно согласиться, поскольку мировые суды были связаны как с земствами, так и с общими судебными установлениями, входили в судебную систему Российской империи, а статус участкового мирового судьи был сопоставим с положением судьи окружного суда в части жалованья и обладания судейской несменяемостью.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод о недостаточной изученности проблематики взаимосвязи и взаимовлияния земской и судебной реформ, взаимодействия земских и мировых судебных учреждений, фрагментарном освещении темы в исторической и историко-правовой науке.

4. Результаты

4.1. Реформы императора Александра II и внедрение новых устоев публичного порядка на местном уровне

О своем намерении осуществить реформы, прежде всего, отменить крепостное право, Александр II заявил 30 марта 1856 г., спустя год после своего вступления на престол, в известной речи перед представителями московского дворянства. Подготовка реформ стала вестись в Секретных комитетах, но вскоре к участию в разработке проектов был привлечен широкий круг чиновников и сведущих людей. В ряде случаев запрашивались предложения «с мест» – от губернских органов и учреждений сословного дворянского управления.

Модернизация 60–70-х гг. XIX в. существенно изменила социально-экономические устои и политический режим империи в направлении либерализации. Но это не исключало противоречивого отношения к преобразованиям царя-реформатора и его правительства. Понимание необходимости реформ сочеталось со стремлением не нарушить общественное спокойствие, нежеланием менять существующую форму правления, намерением сохранить всеобъемлющий экономический и политический контроль над обществом. В силу этих обстоятельств перед «отцами реформ» стоял сложный выбор – определить меру допустимых уступок, которые сохранили бы в основном сложившуюся систему властных отношений.

Краеугольным камнем реформирования стала отмена крепостного права (1861 г.), вслед за которой была проведена судебная реформа (1864 г.), были образованы органы земского (1864 г.) и городского (1870 г.) самоуправления, кроме того в России изменились финансовая система и система образования, организация армии и полиции.

В соответствии с «Общим положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» от 19 февраля 1861 г. (ПСЗРИ–II. Т. XXXVI. 1863), крестьяне получили статус «свободных сельских обывателей» и вышли из-под помещичьей юрисдикции. Необходимо было выровнять правовой статус крестьян с другими сословиями, что обеспечивалось реализацией земской и судебной реформ, которые шли параллельно и учреждали отвечающие ситуации институты публичной власти на местах. Мировые суды формировались при посредстве земств, которые определяли мировые участки в уездах и обеспечивали выборы мировых судей, как участковых, так и почетных. Земства осуществляли финансирование и материально-техническое оснащение мировых судов. В губерниях, не подпадавших под действие Положения о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1864 г., выборные мировые суды не могли быть сформированы. Там действовали мировые судьи, назначаемые правительством, инородческие суды, сохранялись дореформенные суды.

Если вести речь об обратном влиянии судебной реформы на земскую, то следует отметить, что судам были переданы полномочия по разрешению споров между органами местного самоуправления и государственной власти, что существенным образом меняло систему отношений в обществе. Земские учреждения могли подавать иски и отвечать в суде, что разрушало старую парадигму

всесильной администрации в сфере публичных отношений. При рассмотрении такого рода дел суды должны были руководствоваться принципами законности и формального равенства сторон. Следует отметить, что разрешение споров органов местного самоуправления не только с частными лицами и обществами, но и с государственными органами, входило в компетенцию общих судебных установлений, а не мировых судов.

Взаимодействие земской и судебной реформ привнесло единообразие в публичный порядок на местах, который определяли следующие принципы: 1) законность, которую можно трактовать не только в смысле противостояния всевластию бюрократии и помещичьему произволу на местах, но и как распространение действия позитивного права в противовес регулирующим отношения в крестьянской среде обычаям; 2) всеословность как основа деятельности земств и связанный с ней принцип формального равенства всех подданных перед судом; 3) выборность как принцип формирования земских учреждений и мировых судей (в тех губерниях России, где было введено Положение о земствах), земские собрания и мировые суды избирались на одинаковый срок в 3 года; 4) цензовые начала, предполагавшие включение в корпус мировых судей и земских гласных лиц, отвечавших имущественному цензу; для мировых судей кроме имущественного действовали также образовательный и служебный цензы; 5) независимость судов и органов общественного управления от администрации: ни одно должностное лицо не могло влиять на ход рассмотрения судами дел и выносимые по ним решения, ни один местный чиновник, включая губернатора, не мог превысить установленные законом полномочия или сроки обжалования решений земств и городов; 6) гласность в деятельности органов местного самоуправления и местной юстиции; 7) административный контроль, который выражался в утверждении министром внутренних дел и губернаторами ряда постановлений земских собраний, в том числе об избрании председателей земских управ; мировые судебные установления находились под контролем Министерства юстиции, а кассационный пересмотр их решений осуществлялся Правительствующим сенатом.

Придя к пониманию необходимости модернизации публичного порядка на местах, в том числе в форме частичного отказа от патерналистской модели всеобъемлющего правительственного контроля над обществом и управления им, реформаторы вместе с тем не предполагали ограничивать самодержавную форму правления. По этой причине представительные учреждения были созданы лишь в губерниях, городах и уездах. Они действовали самостоятельно и под свою ответственность в пределах определенной законом компетенции, которая включала в том числе делегированные им государством полномочия (например, содержание местной полиции). Это не было осуществлением государственной власти. Ни земства, ни города долгое время не получали бюджетных средств на организацию больниц или создание школ. Земские и городские учреждения не обладали принудительной силой и могли заставить обывателя выполнять свои распоряжения только через полицию. По всем признакам это было реализуемое в пределах ограниченной компетенции местное самоуправление.

Таким образом, разделяя с обществом административную власть и ответственность на местном уровне, правительство Александра II сэкономило бюджетные средства и удовлетворяло потребность российских подданных в общественном участии. Создание органов общественного управления в виде земских и городских учреждений из представителей всех проживающих на территории городов, уездов и губерний сословий, возложение на них ответственности за социально-экономическое развитие европейской части России было серьезным событием и новым вызовом для страны, где не менее полутора столетий безраздельно господствовало бюрократическое управление.

4.2. Земские учреждения

История подготовки земской реформы, отчасти и городской, свидетельствует о больших колебаниях их разработчиков: дальнейший рост бюрократического аппарата на местах был казне не по карману, а выборные органы воспринимались с опаской как шаг в направлении конституции. И все же первые планы реформы местного управления не были связаны с широким общественным участием. Поначалу, в 1858 г., Министерство внутренних дел предложило возродить институт уездного начальника. Однако позднее была выбрана и реализована модель всеословного общественного управления.

Новые учреждения хорошо вписывались в российскую традицию, соответствовали идее самоуправляющейся общины, содержащейся в общественно-хозяйственной теории самоуправления (Лешков, 1865; Васильчиков, 1869–1871). Отделение от бюрократических структур позволяло активизировать как дворянство и крестьян, так и широкие слои городской демократической интеллигенции. По мере расширения масштабов деятельности городских, уездных и губернских земских учреждений общество получало навыки управления, гласного и ответственного принятия управленческих решений, взаимодействия с правительственными властями и частными обществами, защиты своей позиции в суде.

В качестве недостатка нового публичного порядка, воплощавшегося в деятельности земств, можно отметить не до конца выдержанный принцип всеословности. Так, например, не существовало равенства сословий при формировании земств. Члены уездных земских собраний

(гласные) избирались по куриям: 1) землевладельцев (имевших в разных местностях от 200 до 650 десятин земли, или обладавших собственностью на сумму более 15 тыс. руб., или имевших годовой оборот свыше 6 тыс. руб.); 2) городских обществ (купцы и владельцы промышленных и торговых заведений с определенным годовым оборотом); 3) сельских обществ (для крестьян не было введено имущественного ценза, выборы были многостепенными: в волостях избирались выборщики, которые затем избирали гласных в уездные земские собрания) (ст. 23, 28, 30) (ПСЗРИ–II. Т. XXXIX. 1867). Положенная в основу формирования земств система курий предоставляла преимущества уездным землевладельцам, к которым, впрочем, до 1890 г. относились лица, владеющие земельной недвижимостью в уезде, независимо от их сословного статуса. Преимущества, установленные при выборах в земские органы, объясняются в том числе желанием реформаторов возложить общественное управление в уезде на образованный слой, на ту часть населения, которая к тому же имела опыт ответственного управления имуществом.

Земские и городские учреждения представляли интересы всех населяющих сельскую местность и города сословий, но только в социально-экономической сфере. В представительных собраниях определялись требующие решения вопросы и источники финансирования, что отвечало укорененной в крестьянских общинах традиции (Burbank, 2006: 402). Кроме того, органы земского и городского общественного управления не относились к правительственной администрации и обязаны были действовать строго в пределах подведомственной им территории.

Поскольку земства и города выполняли некоторые переданные им правительственные полномочия, предполагалось, что государство контролирует их осуществление. Положение о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1864 г. предусматривало, что министр внутренних дел утверждает в должности избранных председателей губернских земских управ (ст. 56), а также ряд постановлений губернских земских собраний; губернаторы созывали земские собрания (ст. 80), утверждали в должности председателей уездных управ (ст. 48), приостанавливали или даже отменяли постановления собраний, «противных законам или государственным пользам» (ст. 9) (ПСЗРИ–II. Т. XXXIX. 1867).

Результаты реформ местного управления доказали эффективность взаимодействия дополняющих друг друга государственного и общественного элементов. Сохранявшиеся дворянское и крестьянское самоуправления позволяли более или менее четко артикулировать интересы этих сословных групп в коронной администрации и органах земского и городского самоуправления. Это позволило земским учреждениям сосредоточиться на развитии территорий, городским – на обустройстве пространства городов, а губернатору со штатом губернских и уездных чиновников – на контроле и надзоре.

4.3. Мировые суды

Судебная реформа 1864 г. по праву считается наиболее радикальной в ряду преобразований, проведенных правительством Александра II. Введение новых судов сопровождало крестьянскую реформу, обеспечивая защиту интересов собственности и прав личности, равенство всех подданных перед законом и судом. Нужно было приблизить суд к населению, организовать систему правосудия для крестьян после выхода их из-под помещичьей юрисдикции, распространить на местах действие позитивного права в противовес применявшимся в крестьянской среде обычаям.

Существуют различные интерпретации термина «мировой судья», воспринятого Россией из опыта зарубежных стран: 1) мировой судья как должность, производная от «мира» – общины; 2) мировой судья как примиритель тяжущихся сторон, призванный по возможности завершить рассматриваемое им дело миром; 3) мировой судья как хранитель «мира» на вверенной ему территории. Изучив историю института мировой юстиции и проведя компаративистский анализ, С.В. Лонская склоняется к последней версии названия – мировые судьи как институт для поддержания общественного порядка и спокойствия на местах. Она также приходит к выводу о существовании в России параллельно двух подходов к мировой юстиции: патриархального и прагматического. В русле первого подхода мировой судья выступал как примиритель сторон, руководствовавшийся при рассмотрении дел и вынесении решений принципом справедливости, в русле второго – как судья, рассматривавший в рамках своей подсудности широкий круг незначительных дел, не будучи обремененным формальностями юридической казуистики (Лонская, 2013: 143). Поскольку мировым судьям, в подавляющей массе не имевшим юридического образования, было сложно ориентироваться в законодательстве Российской империи, специально для них предназначалась одна из частей Судебных уставов – «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» (Судебные уставы. Ч. 4). Они были вправе руководствоваться также местными обычаями.

Мировые суды представляли собой обособленную от общих судебных установлений, органично связанную с земскими учреждениями и замкнутую на уровне уездов и городов систему. Установленный для избрания мировых судей земельный ценз вдвое превышал требования, предъявляемые при избрании земских гласных. Требовалось также, чтобы претенденты на должности мировых судей не находились под следствием и судом, не являлись несостоятельными должниками, отвечали цензу нравственности (ст. 19–40) (Судебные уставы. Ч. 3: 37–60). Ценовые

начала обеспечивали состав корпуса мировых судей из числа лиц, способных отправлять правосудие. При том, что формально занять должности мировых судей могли представители всех сословий, при выборах в привилегированном положении оказывались дворяне. Справедливости ради следует отметить, что представители этого сословия считали обязанности мирового судьи почетной миссией. Если поначалу институт мировых судей по своему составу был преимущественно дворянским, то по мере развития социальных отношений в обществе и самого института возрастала доля участия в нем представителей других сословий.

Благодаря обособленности мировой юстиции от окружных судов и судебных палат значительная масса уголовных (с подсудностью до 1 года лишения свободы) и гражданских дел (с ценой иска до 500 руб.) оставалась на уровне уезда, где апелляционной инстанцией в отношении дел, рассмотренных мировыми судьями единолично, был уездный съезд мировых судей. Правительствующий сенат, являвшийся единой кассационной инстанцией для местной юстиции и общих судебных установлений, обеспечивал единство судебной системы и единообразное применение законов.

Ложившаяся на земские учреждения обязанность финансирования участковых мировых судей (выплата жалованья, содержание камеры мирового судьи) заставляла их широко привлекать к отправлению правосудия почетных мировых судей. Последние не получали содержания от земств, могли совмещать обязанности судьи с любой другой деятельностью, при этом они были вправе осуществлять судебские полномочия по просьбе сторон или ввиду отсутствия участкового судьи.

Таким образом, мировые судьи обеспечивали доступность правосудия для населения, простоту и быстроту судебного разбирательства. Вместе с тем публичный порядок в сфере судопроизводства на местах был представлен не только сословными мировыми, но и крестьянскими волостными судами, не входившими в пореформенную судебную систему. Не лишне вспомнить, что мировые суды действовали только в Европейской части России, там, где были введены земские учреждения. В целом же по стране существовало множество типов местной юстиции, имело место многообразие публичных порядков в сфере правосудия, в том числе и на этнической основе.

4.4. Правительственный курс императора Александра III и изменения в организации публичной власти на местах

Особым направлением в политике российского правительства является возвращение в 80-е годы к бюрократической централизации управления. Так, министр народного просвещения (1861–1866 гг.), в дальнейшем – член Государственного совета А.В. Головин в ходе работы над биографией Александра II, пытаясь дать систематическую оценку достигнутого за первые десять лет правления царя-освободителя в русле избранного им реформаторского курса, считал одной из главных проблем российской центральной администрации отсутствие стратегического мышления, а порой и самой способности мыслить категориями стратегического планирования. Причину этого А.В. Головин видел в том числе в перегруженности высшей бюрократии второстепенными делами, текущими обязанностями, придворными интригами. Он полагал, что консервативный поворот политики Александра II был порожден либо интригой недобросовестных советников, либо тем, что, начиная реформы, император не очень осознавал их последствия (Bruce, 1975).

Становление новой системы местного общественного управления требовало значительных усилий как со стороны общества, так и со стороны правительственной бюрократии. Необходимо было выстроить новый стиль отношений на местах, где органы земского и городского общественного управления были созданы на правовых началах, тогда как в среде бюрократии это так и не стало доминирующим. Действовавшие параллельно с государственной системой органы местного самоуправления носили по отношению к ней вторичный, дополнительный, характер и допускались постольку, поскольку им передавались определенные государственные полномочия, что подразумевало право государства контролировать их осуществление.

Несмотря на социальное и хозяйственное назначение органов местного самоуправления, их не могли не воспринять как первый шаг к народному представительству. Проекты создания на их основе законосовещательных органов на общеимперском уровне подавались даже сановниками высокого уровня и членами царской семьи. Но, когда стали появляться соответствующие ходатайства от некоторых земств, был издан рескрипт, где император пояснял, что «ни одно сословие не имеет права говорить именем других сословий... об общих пользах и нуждах» (ПСЗРИ–II. Т. XL. 1867). Такая осторожность императора отчасти была связана с многочисленными негативными откликами и даже угрозами, полученными им и его единомышленниками из ближайшего окружения в ответ на первую и основную, крестьянскую, реформу. По этому поводу в 1857 г. в частном письме Александр II писал: «...Подобных пакостей довольно доходит до меня, и я требую от всех, меня окружающих, чтобы ничего не было от меня скрываемо... Между прочим, и мне уже грозят смертью в отмщение за отнятие будто бы прав дворянских. Совесть у меня потому чиста, и я готов предстать на суд Божий, если такова Его воля» (ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 566. Л. 70).

Император опасался дать институциональный выход дворянскому недовольству. Однако идея представительных учреждений продолжала занимать умы общественности. В записке великого князя Константина Николаевича (1880 г.) снова шла речь о реформе Государственного совета с использованием представительных начал (*Вестник права*, 1905: 274). В 1881 г. была одобрена «конституция» М.Т. Лорис-Меликова, предполагавшая призвание представителей земств и сословий к решению избранных правительством вопросов. Но император-освободитель был убит, а его преемник Александр III уже в своем Манифесте о восшествии на престол провозгласил: «Глас Божий повелевает Нам стать бодро на дело Правления в уповании на Божественный Промысел, с верою в силу и истину Самодержавной Власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее посползновений» (*ПСЗРИ—III. Т. I. 1885*). Новый император ставит задачу сближения общественного управления с государственным, не имея, впрочем, в виду полного упразднения первого. Речь шла о том, чтобы отчасти приравнять статус органов общественного управления к местным правительственным местам: до этого участие в заседаниях земских собраний было отнесено законом к общественным обязанностям, вследствие чего гласным (официальное наименование полноправных участников земских собраний) не полагалось за это никакого вознаграждения (ст. 55) (*ПСЗРИ—III. Т. X. 1893*).

Серьезной проблемой оставалось и то, что компетенция органов общественного и государственного управления не была четко разграничена. Следствием этого становились непоследовательные, противоречивые решения, тормозившие развитие местного хозяйства. В этом смысле земства, как и города, действительно иногда становились «пятым колесом в телеге российского государственного управления» (*Ленин*, 1967: 35). Споры о компетенции органов государственной власти и местного самоуправления становились предметом рассмотрения в судах.

Следует признать, что пересечение правительственной компетенции с предметами ведения земских и городских учреждений новые Положения не устранили. Зато был уточнен порядок обжалования действий органов общественного управления. Если прежде любое постановление могло быть обжаловано в суде, включая департаменты Правительствующего сената, то теперь процедура зависела от содержания постановления. Когда речь шла о несоответствии закону, соблюдалась старая процедура, если же обжаловалась целесообразность решений городских дум или земских собраний, вопрос поступал в губернское по земским и городским делам присутствие, а затем – в Комитет министров.

Еще одно важное изменение коснулось порядка формирования земских и городских учреждений. Применительно к земствам изменение было откровенно реакционным: съезд уездных землевладельцев назывался теперь дворянским, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Крестьянский съезд упразднялся, а кандидаты, избранные волостными сходами, включались в общий по уезду список, из которого назначались губернатором земские гласные.

Особо негативную роль сыграли Положение (*ПСЗРИ—III. Т. IX. 1891a*) и Правила о земских участковых начальниках 1889 г. (*ПСЗРИ—III. Т. IX. 1891b*), которые сводили на нет влияние земств в волости. Они же существенно деформировали систему местных судов. В общем контексте правительственного курса, проводимого императором Александром III, в 37 губерниях были ликвидированы мировые суды. Этот институт продолжал действовать лишь в обеих столицах и городах Одессе, Казани, Нижнем Новгороде, Харькове, Саратове, Кишиневе, в остальных городах были введены должности городских судей. Сохранение мировой юстиции в крупных городах при ее ликвидации в сельской местности свидетельствует об общей направленности правительственного курса на изменение организации публичной власти в крестьянской среде.

Таким образом, после принятия Положения и Правил 1889 г. значительная часть дел, подсудных прежде мировым судам, отошла к компетенции земских участковых начальников, соединявших в одном лице административные и судебные полномочия. Это был вновь созданный в системе Министерства внутренних дел административно-судебный орган по крестьянским делам (*ПСЗРИ—III. Т. IX. 1891b*).

5. Заключение

1. Земская и судебная реформы правительства Александра II решали одновременно комплекс задач: а) создание представительных учреждений на уровне губерний и уездов; б) изменение порядка финансирования публичной власти на местах, привлечение дополнительных денежных средств населения для обеспечения социальных и хозяйственных нужд; в) вовлечение населения в решение повседневных проблем своими силами и под свою ответственность; г) попечительство над крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости и помещичьей юрисдикции, судебная защита их личных и имущественных прав; д) внедрение правовых начал в жизнь российских подданных, превалирование закона над обычаем, обеспечение равенства всех перед законом и судом; е) разрешение на началах законности споров в сфере публичного управления (между органами государственного управления и местного самоуправления). Все это разрушало стереотип всеильной администрации в сфере публичных отношений.

2. С введением органов земского самоуправления публичный порядок на местах менялся таким образом, что вновь созданные земские учреждения, действовавшие параллельно с административными органами, дополняли последние, брали на себя решение социальных и хозяйственных проблем повседневности и одновременно являлись новыми для России представительными учреждениями конституционного типа. История реализации земской и судебной реформ в России убедительно доказывает, что эффективное местное самоуправление невозможно без независимого суда и собственной налогооблагаемой базы. С введением земств появилась иллюзия скорого введения элементов представительства в центре, например, в виде общеземского органа, что контрастировало с устоявшейся концепцией государственного управления.

3. Было бы большим заблуждением полагать, что введенная Земским положением и Судебными уставами конструкция публичного порядка на местном уровне, обеспечивавшаяся взаимодействием земских учреждений с мировыми судами носила универсальный характер и действовала повсеместно. Ею были охвачены только губернии Европейской России. В целом же по стране управление на местах, как и местная юстиция, отличались разнообразием и пестротой. На местах сохранялись органы сословного управления и сословные суды, действовали различные типы местной юстиции. В целом в организации власти на местах наблюдается смешение разных по своей публичной природе и сущности элементов, баланс между которыми в обществе было крайне сложно поддерживать.

4. При анализе социальных отношений в Российской империи, изменившихся под влиянием земской и судебной реформ 1864 г., следует выделить наличие пяти различных по своей природе типов публичной власти: 1) государственные органы на местах, созданные еще по Учреждению для управления губерниями и олицетворяющие бюрократический характер самодержавной власти (губернские учреждения во главе с губернатором); 2) земское местное самоуправление (общественное управление), отличное от государственной власти в пределах собственной компетенции; 3) отделенные от администрации и обособленные от общих судебных установлений мировые суды; 4) органы сословного дворянского самоуправления (губернские и уездные дворянские собрания); 5) органы сословного крестьянского самоуправления (в селах образовывались сельские общества, которые решали дела на сходах; несколько сел объединялись в волости, где управление осуществлялось волостным сходом, волостным правлением и волостным старшиной, а также действовали волостные суды для крестьян).

5. Либеральные реформы императора Александра II достаточно быстро «захлебнулись». Период нахождения на троне Александра III принято считать консервативным правлением. Так, выборные, независимые, неподконтрольные администрации мировые суды, обеспечивавшие равенство подданных перед законом и судом, ставившие «хозяина и слугу в их взаимных отношениях совершенно на одну доску» (Катков, передовая статья, 1875, 25 сентября: 511), в сельской местности были заменены судебно-административными учреждениями в виде земских участковых начальников, что означало возвращение к прежним дореформенным порядкам.

Литература

- Васильчиков, 1869–1871 – Васильчиков А.И. О самоуправлении: сравн. обзор рус. и иностр. зем. и обществ. учреждений. В 3 т. СПб.: Тип. Г. Мюллера, 1869–1871.
- Вестник права, 1905 – Великий князь Константин Николаевич. Записка // Вестник права. 1905. № 9. С. 270–284.
- Виленский, 1969 – Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов: Прив. книж. изд-во, 1969. 400 с.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- Гессен, 1905 – Гессен И.В. Судебная реформа. СПб.: Книгоизд-во П.П. Гершунина, 1905. 267 с.
- Головин, 1884 – Головин К. Наше местное управление и местное представительство. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1884. 158 с.
- Горская, 2009 – Горская Н.И. Земство и мировой суд в России: законодательство и практика второй половины XIX в. (конец 50-х – конец 80-х гг.): Автореф. Дис. ... д-ра. ист. наук. М., 2009. 46 с.
- Ефремова, Немьтина, 1994 – Ефремова Н.Н., Немьтина М.В. Местное самоуправление и юстиция в России (1864–1917 гг.) // Государство и право. 1994. № 3. С. 126–133.
- Зайончковский, 1964 – Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964. 510 с.
- Зайончковский, 1978 – Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 288 с.
- Захарова, 1984 – Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России, 1856–1861. М.: Изд-во МГУ, 1984. 254 с.
- Кавелин, 1898 – Кавелин К.Д. По поводу губернских и уездных земских учреждений / Собрание сочинений К.Д. Кавелина. В 4 т. Т. 2: Публицистика. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1898. 1258 с.
- Катков, 1897–1898 – Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. М.: Издание С.П. Катковой, 1897–1898. Московские ведомости. 1865. 30 апр.; 1871. 13 окт., 19 нояб.; 1872.

- 27–29 янв.; 1873. 18 дек.; 1874. 1 авг.; 1875. 25 сент.; 1876. 19 июня; 1884. 23 янв.; 1885. 27 мая; 1886. 3 окт.; 1900. 24 окт., 3 нояб.
- Катков, передовая статья, 1875, 25 сентября** – Катков М.Н. Передовая статья, 1875, 25 сентября / Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1875. М.: Издание С.П. Катковой, 1897. С. 511–513.
- Коротких, 1989** – Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. 183 с.
- Лаптева, 1993** – Лаптева Л.Е. Земские учреждения в России. М.: ИГПАН, 1993. 132 с.
- Ленин, 1967** – Ленин В.И. Гонители земства и Аннибалы либерализма / Полное собрание сочинений. Т. 5: Май–декабрь 1901. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1967. 550 с.
- Лешков, 1865** – Лешков В.Н. Опыт теории земства и его земских учреждений по Положению 1864 года, Января 1 // *День*. 1865. 6, 11, 13 ноября.
- Лешков, 1871** – Лешков В.Н. О праве самостоятельности как основе для самоуправления. М.: Унив. тип. (Катков и К°), ценз. 1872. 25 с.
- Лонская, 2013** – Лонская С.В. Очерки истории мировой юстиции Российской империи (1864–1917 гг.). М.: Юрлитинформ, 2013. 164 с.
- Морозова, 2000** – Морозова Е.Н. У истоков земской реформы. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. 214 с.
- Немытина, 1999** – Немытина М.В. Суд в России = Court in Russia: вторая половина XIX – нач. XX вв. Саратов: СЮИ МВД РФ, 1999. 251 с.
- ПСЗРИ–II. Т. XXXVI. 1863** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (далее ПСЗРИ–II). Т. XXXVI. Отд. 1. 1861. № 36657. «Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» от 19 февраля 1861 г. СПб., 1863. С. 141–169.
- ПСЗРИ–II. Т. XXXIX. 1867** – ПСЗРИ–II. Т. XXXIX. Отд. 1. 1864. № 40457. «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» от 1 января 1864 г. СПб., 1867. С. 1–14.
- ПСЗРИ–II. Т. XL. 1867** – ПСЗРИ–II. Т. XL. Отд. 1. 1865. № 41729 «Рескрипт, данный Министру Внутренних Дел» от 29 января 1865 г. СПб., 1867. С. 114.
- ПСЗРИ–III. Т. I. 1885** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье (далее ПСЗРИ–III). Т. 1. 1881. № 1 «Манифест о восшествии на престол...» от 1 марта 1881 г. СПб., 1885. С. 1.
- ПСЗРИ–III. Т. IX. 1891a** – ПСЗРИ–III. Т. IX. 1889. № 6196 «Положение о земских участковых начальниках» от 12 июля 1889 г. СПб., 1891. С. 510–524.
- ПСЗРИ–III. Т. IX. 1891b** – ПСЗРИ–III. Т. IX. 1889. № 6196 «Правила об устройстве судебной части в местностях, в которых введено Положение о земских участковых начальниках» от 12 июля 1889 г. СПб., 1891. С. 524–528.
- ПСЗРИ–III. Т. X. 1893** – ПСЗРИ–III. Т. X. Отд. 1. 1890. № 6927 «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» от 12 июня 1890 г. СПб., 1893. С. 493–511.
- Свешников, 1892** – Свешников М.И. Основы и пределы самоуправления: Опыт критич. разбора основ. вопр. мест. самоуправления в законодательстве важнейших европ. государств. СПб.: Тип. В. Безобразова и К° и Ефрона, 1892. 299 с.
- Семенов, 1884** – Семенов Н.П. Наши реформы. М.: Унив. тип., 1884. 52 с.
- Судебные уставы** – Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. В 5 частях. СПб., 1866–1867. Ч. 1 – Ч. 1. Устав гражданского судопроизводства. СПб., 1866. 690 с.; Ч. 2 – Ч. 2. Устав уголовного судопроизводства. СПб., 1866. 505 с.; Ч. 3 – Ч. 3. Учреждения судебных установлений. СПб., 1867. 567 с.; Ч. 3 – Ч. 4. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. СПб., 1867. 213 с.
- Шахрай, Краковский 2014** – Шахрай С.М., Краковский К.П. Суд скорый, правый, милостивый и равный для всех: к 150-летию Судебной реформы в России. М.: Кучково поле, 2014. 534 с.
- Boterbloem, 2013** – Boterbloem K. The Disappearing Dutch and Russia's Modernization / Moderniser of Russia. London : Palgrave Macmillan, 2013. Pp. 21–35. DOI: 10.1057/9781137323675_2.
- Bruce, 1975** – Bruce L.W. Reform and reaction in Russia: A. V. Golovnin's critique of the 1860's // *Cahiers du monde russe et soviétique*. Vol. 16. No°2, Avril-juin 1975. Pp. 167–179. [Electronic resource]: URL: www.persee.fr/doc/cmr_0008-0160_1975_num_16_2_1235 (date of access: 14.08.2019)
- Burbank, 2006** – Burbank J. An Imperial Rights Regime: Law and Citizenship in the Russian Empire // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2006. Vol. 7. No. 3. Pp. 397–431. DOI: 10.1353/kri.2006.0031
- Farah, 2013** – Farah M.D. Autocratic Abolitionists: Tsarist Russian Anti-slavery Campaigns / W. Mulligan, M. Bric (eds) A Global History of Anti-Slavery Politics in the Nineteenth Century. London : Palgrave Macmillan, 2013. Pp. 97–116. DOI: 10.1057/9781137032607
- Häfner, 2005** – Häfner L. “The Temple of Idleness”: Associations and the Public Sphere in Provincial Russia. A Case Study of Saratov, 1800–1917 / S.P. McCaffray, M. Melancon (eds) *Russia in the European Context, 1789–1914*. New York : Palgrave Macmillan., 2005. Pp. 141–160. DOI: 10.1057/9781403982261_9
- Kuchеров, 1953** – Kuchеров S. Courts, Lawyers and Trials under The Last Three Tsars. New York: Frederick A. Praeger, 1953. 339 p.

- [Lincoln, 1975](#) – *Lincoln W.B.* Reform and Reaction in Russia: A.V. Golovnin's Critique of the 1860's // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. Vol. 16, No. 2 (Apr.– Jun., 1975). Pp. 167–179.
- [Solomon, 1997](#) – *Solomon P.H., Jr.* (ed.) Reforming Justice in Russia, 1864–1996: Power, Culture, and the Limits of Legal Order. Armonk, NY: M.E. Sharpe, 1997. 416 p.
- [Starr, 1972](#) – *Starr S. F.* Decentralization and Self-Government in Russia, 1830–1870. Princeton: Princeton University Press, 1972. 400 p.
- [Wagner, 1977](#) – *Wagner W.G.* Legislative Reform of Inheritance in Russia. 1861–1914 / Russian Law. Historical and Political Perspectives. Leyden: A.W. Sijthoff, 1977. Pp. 167–175.
- [Waldron, 1997](#) – *Waldron P.* The End of Imperial Russia, 1855–1917. London, Palgrave, 1997. 189 p. DOI:10.1007/978-1-349-25483-5
- [Wortman, 1976](#) – *Wortman R.S.* The Development of a Russian Legal Consciousness. Chicago : Chicago University Press, 1976. 360 p.
- [Wortman, 2013](#) – *Wortman R.S.* Russian monarchy: representation and rule: collected articles. Boston: Academic studies press, 2013. 332 p.
- [Zuckerman, 1996](#) – *Zuckerman F.S.* The Tsarist secret police in Russian society, 1880–1917. Basingstoke, Hants. London: Macmillan press, 1996. 345 p. DOI: 10.1057/9780230371446_12

References

- [Vasil'chikov, 1869–1871](#) – *Vasil'chikov A.I.* (1869–1871). O samoupravlenii : sravnitel'nyi obzor russkikh i inostrannykh zemskikh i obshchestvennykh uchrezhdenii [On Self-government: Comparative Review of Russian and Foreign Local Territorial Establishments]. In 3 vol. St. Petersburg, tip. G. Myullera. [in Russian]
- [Vestnik prava, 1905](#) – *Vestnik prava* (1905). Velikii knyaz' Konstantin Nikolaevich. Zapiska [Grand Duke Konstantin Nikolaevich. Note]. No 9, pp. 270–284 [in Russian]
- [Vilenskii, 1969](#) – *Vilenskii B.V.* (1969). Sudebnaya reforma i kontrreforma v Rossii [Judicial Reform and Counter-Reform in Russia]. Saratov, Privolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo. 400 p. [in Russian]
- [GARF](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The State Archives of the Russian Federation] F. 678 (Alexander II). Op. 1. D. 566. L. 70.
- [Gessen, 1905](#) – *Gessen I.V.* (1905). Sudebnaya reforma [Judicial Reform]. St. Petersburg, Knigoizd-vo P.P. Gershunina. 267 p. [in Russian]
- [Golovin, 1884](#) – *Golovin K.* (1884). Nashe mestnoe upravlenie i mestnoe predstavitel'stvo [Our Local Government and Local Representative Office]. St. Petersburg, Tip. M.M. Stasyulevicha. 158 p. [in Russian]
- [Gorskaya, 2009](#) – *Gorskaya N.I.* (2009) Zemstvo i mirovoi sud v Rossii: zakonodatel'stvo i praktika vtoroi poloviny XX v. (konets 50-kh – konets 80-kh gg.) [Zemstvo and Court of Peace in Russia: Legislation and Practice of the second half of the 19th century (end of the 50s – end of the 80s.): Avtoref. dis. ... d-ra. ist. nauk. M., 2009. 46 p.
- [Efremova, Nemytina, 1994](#) – *Efremova N.N., Nemytina M.V.* (1994). Mestnoe samoupravlenie i yustitsiya v Rossii (1864–1917 gg.) [Local Government and Justice in Russia (1864–1917)]. *Gosudarstvo i pravo*. No 3, pp. 126–133 [in Russian]
- [Zaionchkovskii, 1964](#) – *Zaionchkovskii P.A.* (1964). Krizis samoderzhaviya na rubezhe 1870–1880-kh godov [The Crisis of Autocracy on the Cusp of 1870–1880s.]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta., 510 p. [in Russian]
- [Zaionchkovskii, 1978](#) – *Zaionchkovskii P.A.* (1978). Pravitel'stvennyi apparat samoderzhavnoi Rossii v XIX v [Governmental Establishment of Autocratic Russia in the XIX Century]. Moscow, Mysl'. 288 p. [in Russian]
- [Zakharova, 1984](#) – *Zakharova L.G.* (1984). Samoderzhavie i otmena krepostnogo prava v Rossii, 1856–1861 [Autocracy and the Emancipation of Serfs in Russia, 1856–1861]. Moscow, Izd-vo MGU. 254 p. [in Russian]
- [Kavelin, 1898](#) – *Kavelin K.D.* (1898). Po povodu gubernskikh i uezdnykh zemskikh uchrezhdenii [Regarding the Provincial and District Zemstvo Institutions]. In: K.D. Kavelin's Collected Works. In 4 vol. Vol. 2: Publicistic Writing. St. Petersburg, Tip. M.M. Stasyulevicha. 1258 p. [in Russian]
- [Katkov, 1897–1898](#) – *Katkov M.N.* (1897–1898). Sobranie peredovykh statei Moskovskikh vedomostei [Collection of Leading Articles of the Moscow News]. The Moscow News. April 30, 1865; October 13, November 19, 1871; January 27–29, 1872; December 18, 1873; August 1, 1874; September 25, 1875; June 19, 1876; January 23, 1884; May 27, 1885; October 3, 1886; October 24, November 3, 1900. Moscow, Izdanie S.P. Katkovo. [in Russian]
- [Katkov, peredovaya stat'ya, 1875, 25 sentyabrya](#) – *Katkov M.N.* (1897) Leading Article, September 25, 1875. In: Sobranie peredovykh statei Moskovskikh vedomostei [Collection of Leading Articles of the Moscow News]. Moscow, Izdanie S.P. Katkovo. Pp. 511–513. [in Russian]
- [Korotkikh, 1989](#) – *Korotkikh M.G.* (1989). Samoderzhavie i sudebnaya reforma 1864 goda v Rossii [Autocracy and Judicial Reform of 1864 in Russia]. Voronezh, Izd-vo Voronezh. un-ta. 183 p. [in Russian]

- [Krakovskii, 2017](#) – *Krakovskii K.P.* (2017). Zemskie nachal'niki i mirovaya yustitsiya (reforma mestnogo suda 1889) [Land Commandants and Justice the Peace (Local Court reform of 1889)]. *Istoriko-pravovye problemy: novyi rakurs*. Issue 1 (19), pp. 53–95 [in Russian]
- [Lapteva, 1993](#) – *Lapteva L.E.* (1993). Zemskie uchrezhdeniya v Rossii. [Zemsky Institutions in Russia]. Moscow, IGPAN. 132 p. [in Russian]
- [Lenin, 1967](#) – *Lenin V.I.* (1967). Goniteli zemstva i Annibaly liberalizma [Persecutors of the Zemstvos and the Annibals of Liberalism]. In: Complete Works by Lenin. Vol. 5: May-December, 1901. Moscow, Izdatel'sto polit.lit-ry. 550 p. [in Russian]
- [Leshkov, 1865](#) – *Leshkov V.N.* (1865). Opyt teorii zemstva i ego zemskikh uchrezhdenii po Polozheniyu 1864 goda, Yanvarya 1 [The experience of the theory of the zemstvo and its zemstvo institutions under the Regulation of 1864, 1st of January]. *Den'*, November 6, 11, 13 [in Russian]
- [Leshkov, 1871](#) – *Leshkov V.N.* (1872). O prave samostoyatel'nosti, kak osnove dlya samoupravleniya [On the Right of Independence as a Basis for Self-Government]. Moscow, Univ. tip. (Katkov i K°). 25 p. [in Russian]
- [Lonskaya, 2013](#) – *Lonskaya S.V.* (2013). Ocherki istorii mirovoi yustitsii Rossiiskoi imperii (1864–1917) [Essays on the History of Justice the Peace of the Russian Empire (1864–1917)]. Moscow, Yurlitinform. 164 p. [in Russian]
- [Morozova, 2000](#) – *Morozova E.N.* (2000). U istokov zemskoi reformi [At the origins of the Zemstvo reform]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta. 214 p. [in Russian]
- [Nemytina, 1999](#) – *Nemytina M.V.* (1999). Court in Russia (second half of XIX – the beginning the XX centuries). Saratov, SYuI MVD RF. 251 p. [in Russian]
- [PSZRI–II. T. XXXVI. 1863](#) – *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe (PSZRI–II)*. [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The 2^d edition]. Vol. XXXVI. Part 1. 1861. No 36657. St. Petersburg, 1863. Pp. . 141–169 [in Russian]
- [PSZRI–II. T. XXXIX. 1867](#) – *PSZRI–II*. Vol. XXXIX. Part 1. 1864. No 40457. St. Petersburg, 1867. Pp. 1–14 [in Russian]
- [PSZRI–II. T. XL. 1867](#) – *PSZRI –II. T. XL*. Part 1. 1865. No 41729. St. Petersburg, 1867. P. 114 [in Russian]
- [PSZRI–III. T. I. 1885](#) – *PSZRI–III. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie tret'e (PSZRI–III)*. [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The 3^d edition]. Vol. 1. 1881. No 1. St. Petersburg, 1885. P. 1 [in Russian]
- [PSZRI–III. T. IX. 1891a](#) – *PSZRI–III*. Vol. IX. 1889. No 6196. St. Petersburg, 1891. Pp. 510–524 [in Russian]
- [PSZRI–III. T. IX. 1891b](#) – *PSZRI–III*. Vol. IX. 1889. No 6196. St. Petersburg, 1891. Pp. 524–52 [in Russian]
- [PSZRI–III. T. X. 1893](#) – *PSZRI–III*. Vol. X. 1890. No 6927. St. Petersburg, 1893. Pp. 493–511 [in Russian]
- [Sveshnikov, 1892](#) – *Sveshnikov M.I.* (1892). Osnovy i predely samoupravleniya : Opyt kriticheskogo razbora osnovnykh voprosov mestnogo samoupravleniya v zakonodatel'stve vazhneishikh evropeiskikh gosudarstv [Fundamentals and limits of self-government: Experience of critical analysis of the main issues of local self-government in the legislation of the most important European states]. St. Petersburg, tip. V. Bezobrazova i K° I Efrona. 299 p. [in Russian]
- [Semenov, 1884](#) – *Semenov N.P.* (1884). Nashi reform [Our reforms]. Moscow, Univ. tip. 52 p. [in Russian]
- [Sudebnye ustavy](#)– Sudebnye ustavy 20 noyabrya 1864 goda s izlozheniem rassuzhdenii, na koikh oni osnovany [The Judicial Statutes, adopted on Nov. 20, 1864, outlining the arguments they are based on]. Ch. 1 – Vol. 1. Ustav grazhdanskogo sudoproizvodstva. [The Statutes of Civil Procedure]. (1866). St. Petersburg. 690 p.; Ch. 2 – Vol. 2. Ustav ugolovnoogo sudoproizvodstva (1866). [The Statutes of Criminal Procedure]. St. Petersburg. 505 p.; Ch. 3 –Vol. 3. Uchrezhdenie sudebnykh ustanovlenii [The establishment of judicial institutions]. (1867). St. Petersburg. 567 p.; Ch. 4 – Vol. 4. Ustav o nakazaniyakh, nalagaemykh mirovymi sud'yami [Statute on punishments imposed by justices of the peace]. (1867). St. Petersburg. 213 p. [in Russian]
- [Shakhrai, Krakovskii 2014](#) – *Shakhrai S.M., Krakovskii K.P.* (2014). Sud skoryi, pravyi, milostivyi i ravnyi dlya vsekh: k 150-letiyu Sudebnoi reformy v Rossii [A quick, right, gracious and equal court for everyone: on the 150th anniversary of the Judicial Reform in Russia]. Moscow, Kuchkovo pole. 534 p. [in Russian]
- [Boterbloem, 2013](#) – *Boterbloem K.* (2013). The Disappearing Dutch and Russia's Modernization. In: Moderniser of Russia. London, Palgrave Macmillan. Pp. 21–35. DOI: 10.1057/9781137323675_2.
- [Bruce, 1975](#) – *Bruce L.W.* (1975). Reform and reaction in Russia: A. V. Golovnin's critique of the 1860's. *Cahiers du monde russe et soviétique*, vol. 16, No°2, Avril-juin. Pp. 167–179. [Electronic resource]: URL: www.persee.fr/doc/cmr_0008-0160_1975_num_16_2_1235 (date of access: 14.08.2019).
- [Burbank, 2006](#) – *Burbank J.* (2006). An Imperial Rights Regime: Law and Citizenship in the Russian Empire. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, vol. 7, No. 3, pp. 397–431. DOI: 10.1353/kri.2006.0031

- [Farah, 2013](#) – *Farah M.D.* (2013). Autocratic Abolitionists: Tsarist Russian Anti-slavery Campaigns. In: W. Mulligan, M. Bric (eds) *A Global History of Anti-Slavery Politics in the Nineteenth Century*. London, Palgrave Macmillan. Pp. 97–116. DOI: 10.1057/9781137032607
- [Häfner, 2005](#) – *Häfner L.* (2005). “The Temple of Idleness”: Associations and the Public Sphere in Provincial Russia. A Case Study of Saratov, 1800–1917. In: S.P. McCaffray, M. Melancon (eds) *Russia in the European Context, 1789–1914*. New York, Palgrave Macmillan. Pp. 141–160. DOI: 10.1057/9781403982261_9
- [Kuchеров, 1953](#) – *Kuchеров S.* (1953). Courts, Lawyers and Trials under the Last Three Tsars. New York, Frederick A. Praeger. 339 p.
- [Lincoln, 1975](#) – *Lincoln W.B.* (1975) Reform and Reaction in Russia: A.V. Golovnin's Critique of the 1860's. *Cahiers du Monde russe et soviétique*, vol. 16, No. 2 (Apr.–Jun.). Pp. 167–179.
- [Solomon, 1997](#) – *Solomon P.H., Jr.* (ed.) (1997). Reforming Justice in Russia, 1864–1996: Power, Culture, and the Limits of Legal Order. Armonk, NY, M.E. Sharpe. 416 p.
- [Starr, 1972](#) – *Starr S. F.* (1972). Decentralization and Self-Government in Russia, 1830–1870. Princeton, Princeton University Press. 400 p.
- [Wagner, 1977](#) – *Wagner W.G.* (1977). Legislative Reform of Inheritance in Russia. 1861–1914. In: *Russian Law. Historical and Political Perspectives*. Leyden, A.W. Sijthoff. Pp. 167–175.
- [Waldron, 1997](#) – *Waldron P.* (1997). The End of Imperial Russia, 1855–1917. London, Palgrave. 189 p. DOI:10.1007/978-1-349-25483-5
- [Wortman, 1976](#) – *Wortman R.S.* (1976). The Development of a Russian Legal Consciousness. Chicago, Chicago University Press. 360 p.
- [Wortman, 2013](#) – *Wortman R.S.* (2013). Russian monarchy: representation and rule: collected articles. Boston, Academic studies press. 332 p.
- [Zuckerman, 1996](#) – *Zuckerman F.S.* (1996). The Tsarist secret police in Russian society, 1880–1917. Basingstoke, Hants. London, Macmillan press. 345 p. DOI: 10.1057/9780230371446_12

Земство и мировой суд в России: организация публичной власти на местном уровне

Людмила Евгеньевна Лаптева ^{a, *}, Марина Викторовна Немытина ^b,
Цыбик Цырендоржиевна Михеева ^b

^a Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Российская Федерация

^b Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

Аннотация. Авторы статьи раскрывают сущность и содержание земской и судебной реформ (1864 г.) в общем контексте социальных отношений и внутренней политики российского самодержавия, показывают их опосредованность крестьянской реформой (1861 г.). В результате проведенных правительством Александра II преобразований трансформировалась публичная власть на местах: в губерниях и уездах появились всесословные земские учреждения и независимые от администрации мировые суды. В статье дается характеристика земской реформы, нацеленной на решение социальных и хозяйственных проблем населения, в ее взаимосвязи с судебной реформой, учредившей мировые суды и гарантировавшей равную защиту личных и имущественных прав представителям всех сословий, включая вышедших из крепостной зависимости крестьян. Авторы выявляют черты нового публичного порядка в деятельности земских учреждений и мировых судов; обосновывают общие для земств и мировой юстиции принципы организации (всесословность, независимость от администрации, законность и др.); характеризуют структуру и компетенцию земских учреждений и мировых судов в их взаимодействии друг с другом, а также с органами государственного управления. Введенные правительством Александра II органы губернского и уездного земского самоуправления и мировые суды противоречили исторически сложившемуся общественному укладу и государственному строю Российской империи, что предопределило их дальнейшую судьбу. В ходе реализации консервативного курса правительства Александра III в 1889 г. были ликвидированы в сельской местности мировые суды и учрежден институт земских участковых начальников, наделенных административно-судебными полномочиями.

Ключевые слова: реформы Александра II, земская реформа 1864 г., судебная реформа 1864 г., земские учреждения, мировые суды, публичная власть на местах, местное самоуправление, всесословные органы, равенство перед законом и судом.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: laptewa@gmail.com (Л.Е. Лаптева), nemytina_mv@rudn.university (М.В. Немытина), mikheeva_tsts@rudn.university (Ц.Ц. Михеева)

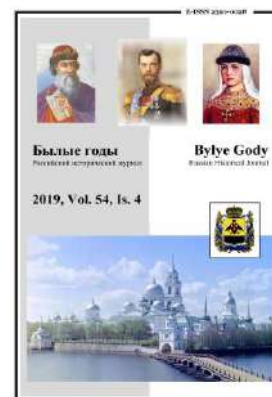
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1692-1703. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1692
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Forgotten Researcher of the Don Economy: Economic and Political Motives in the Late Books of N.I. Krasnov

Artyom Y. Peretyatko ^{a, b, *}

^a Southern Federal University, Russian Federation

^b East European History Society, Russian Federation

Abstract

The legacy of the outstanding researcher of the Don of the second half of the XIX century general-lieutenant N.I. Krasnov in soviet times was almost forgotten. Currently, the interest of historians in him is increasing, but his real personality is usually replaced by the pattern of the predecessor of his son, P.N. Krasnov. In addition, historians refer only to the early and well-known books of N.I. Krasnov, his historical and statistical descriptions of the Land of the Don Army.

For the first time in contemporary historiography, the article analyzes the late books of N.I. Krasnova, «Cossack Ivan the Rich» and «Don Cossack Fleet». The author shows that until 1880 N.I. Krasnov remained a supporter of pro-government liberalism and hoped for reform of the Don Cossacks from above. He believed that the Cossacks should avoid direct conflicts with the russian government and transform themselves, adapting to changing socio-political conditions. Great hopes N.I. Krasnov associated with the reform of the Don Cossacks proposed by him, in the framework of which it was proposed that the Cossacks of the lower villages be sent to serve in the fleet. The article concludes that the ideas of the late N.I. Krasnov were a peculiar development of the «instrumental» policy of the government in relation to the Don Cossacks, proposed by D.A. Milyutin.

Keywords: N.I. Krasnov, the public thought of the Don Cossacks, the Bulavin revolt in historiography, the Cossack fleet.

1. Введение

Российская историография казачества всегда сильно зависела и зависит от политической конъюнктуры. Донской исследователь старшего поколения В.Н. Королев в одной из своих работ описывает, как он купил в 1960 гг. в букинистическом магазине книгу, прошлый обладатель которой вырвал титульный лист и стер подпись автора на последней странице. Книга оказалась «Картинами бывшего Тихого Дона» П.Н. Краснова, однако продавалась под ложным названием «Казачья. Историко-литературный очерк» и без указания авторства (Королев, 1991: 190-191). Литературное и историческое творчество П.Н. Краснова, одиозного донского генерала, служившего А. Гитлеру, в советское время было фактически под запретом. Между тем его «Картины бывшего Тихого Дона» вышли в 1909 г. по распоряжению донского атамана А.В. Самсонова (Краснов, 1909: форзац) и, независимо от оценки их научных достоинств, являются важным памятником донской дореволюционной консервативной историографии. Современные кубанские историки А.В. Дюкарев и И.А. Дюкарева показали, что и в наши дни ряд казачьих деятелей эпохи Гражданской войны выступает в качестве «фигур умолчания», и в лучшем случае описание их реальных личностей подменяется неким шаблоном (Дюкарев, Дюкарева, 2017: 159-167). А.В. Дюкарев считает одной из подобных «фигур умолчания» В.Г. Науменко, атамана Кубанского казачьего войска в Зарубежье, также сотрудничавшего в 1940-х гг.

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

с немецкими властями, но не замешанного в военных преступлениях. Как отмечает А.В. Дюкарев, неоднозначная личность В.Г. Науменко еще в советское время обычно подменялась шаблонами «белого генерала» и «врага советской власти», а в настоящее время у некоторых авторов на смену этим шаблонам пришли другие, «предателя» и «пособника фашистов» (Дюкарев, 2018: 159-160). Проблема даже не в том, что историографическая традиция резко негативно, с очевидным эмоциональным подтекстом оценивает тех или иных деятелей казачьей истории; проблема в том, что в результате оказываются без осмысления целые пласты казачьего прошлого.

Самой яркой иллюстрацией этого может служить отражение в советской и современной историографии фигуры отца П.Н. Краснова – Н.И. Краснова. В дореволюционный период его считали одним из основоположников донской истории и статистики. В 1863 и 1864 гг. он выпустил книги «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля Войска Донского» (Краснов, 1863) и «Военное обозрение Земли Войска Донского» (Краснов, 1864). Фактически это были первые полноценные опубликованные монографические описания прошлого и настоящего Донского края. Младшие современники оценивали их как «краеугольные камни для всех последующих описаний Земли Войска Донского» (Донцы, 2003: 249). Однако в советское время столь высокая оценка научного наследия отца военного преступника оказалась нетерпима по идеологическим соображениям. В качестве центральной фигуры донской дореволюционной историографии в эти годы позиционировался В.Д. Сухоруков, и Н.И. Краснов оказался полностью заслонен его фигурой. Действительно, В.Д. Сухоруков и до 1917 г. безоговорочно признавали крупнейшим донским историком (Донцы, 2003: 497), по времени написания своих работ он предшествовал Н.И. Краснову, а близость к декабристам делала его идеальным «отцом» донской истории с точки зрения советской идеологии (Коршиков, Королев, 2001: 8-9). Но основные труды В.Д. Сухорукова по цензурным соображениям были опубликованы позже указанных выше книг Н.И. Краснова (Сухоруков, 1867; Сухоруков, 1872; Сухоруков, 1891). При этом именно Н.И. Краснов активно использовал неопубликованные труды своего предшественника, выражаясь современным языком, вовлекая их в научный оборот и призывая к их скорейшей публикации (Краснов, 1863: 1-3). Но, например, в первой подробной советской биографии В.Д. Сухорукова, вышедшей еще в сталинскую эпоху, об этом нет ни слова, хотя сюжету о недопущении работ опального автора к печати в ней уделялось много места (Линин, 1941: 94-173). Показательно, что крупнейший советский исследователь донского казачества А.П. Пронштейн в историографическом разделе капитальной монографии «Земля Донская в XVIII веке» вообще не упоминает Н.И. Краснова, хотя ссылается и на его отца И.И. Краснова, и даже на одиозного П.Н. Краснова (Пронштейн, 1961: 13). Таким образом, фигура Н.И. Краснова в советское время была не столько запретной или замалчиваемой, сколько просто-напросто забытой, поскольку реальное историографическое и общественное значение его работ оказалось неприемлемым и всячески преуменьшалось, и он затерялся в достаточно обширной группе второстепенных донских историков второй половины XIX в., не привлечших внимание позднейших исследователей.

Ситуация начала меняться только с 1991 г., когда упомянутый выше В.Н. Королев включил раздел о Н.И. Краснове в одну из своих книг (Королев, 1991: 234-244). Дать этому разделу оценку достаточно сложно. С одной стороны, историк фактически пытался вернуть имя значительного донского ученого из многолетнего забвения и при этом использовал уникальные источники, включая переписку Н.И. Краснова с современниками. С другой стороны, ввиду популярного характера издания В.Н. Королев не ставил сносок, и многие использованные им источники до сих пор не найдены. Кроме того, основные исследовательские интересы В.Н. Королева лежали в области ранней истории казачества, и его работа о Н.И. Краснове, по сути, представляет собой пересказ уникальных источников без их сравнения и полноценного анализа. Поэтому не удивительно, что в дальнейшем сам В.Н. Королев к личности Н.И. Краснова не возвращался, и у других исследователей первая почти за век работа о Н.И. Краснове не вызвала желания больше узнать о «лучшем знатоке донской глубокой старины» (Королев, 1991: 243).

Впрочем, в 1990 гг. о Н.И. Краснове писали намного больше, чем в предыдущие десятилетия, однако именно тогда его реальная личность оказалась подменена шаблоном. Это был шаблон отца и предшественника П.Н. Краснова. Особенно показательно позиционирование Н.И. Краснова А.В. Венковым, еще одним крупным донским историком, специализирующимся на ином периоде истории казачества – Гражданской войне. В 1990 гг. он называл Н.И. Краснова «типичным представителем своего рода, лихим, храбрым воином, известным литератором» (Венков, Шипов, 1998: 83). Между тем военных эпизодов в биографии Н.И. Краснова почти нет. Самый известный связан с тем, что он участвовал в захвате британской канонерки, севшей на мель под Таганрогом в ходе Крымской войны. Младшие современники описывают этот эпизод так: «Николай Иванович находился в числе охотников Донского казачьего 74 полка, взявших пушки с неприятельской канонерки «Джаспер», севшей на мель на таганрогском рейде, покинутой экипажем» (Донцы, 2003: 248). Однако А.В. Венков предлагает совершенно иную картину, превращающую достойного, но в целом достаточно ординарного казачьего офицера времен Крымской войны в настоящего «лихого воина»: «Казачи батареи, где служил Краснов, подбили английскую канонерку, которая села на мель.

Н.И. Краснов с казаками своей батареи в конном строю атаковал по мелководью подбитое судно и снял с него 4 орудия» (Венков, Шишов, 1998: 83). Зато из биографии Н.И. Краснова 1990-х гг. выпадает другой военный эпизод, приводимый В.Н. Королевым, однако совершенно не ложающийся в шаблон «типичного представителя рода Красновых»: во время подавления Польского восстания в 1863 г. молодой офицер проявил редкостный гуманизм и не допустил обстрела одного из польских местечек, по собственной инициативе проведя с небольшим отрядом его разведку исключительно для того, чтобы удостовериться, есть ли там реальный противник (Королев, 1991: 235). Тем более не привлекала внимания исследователей общественная и научная позиция Н.И. Краснова, которую можно охарактеризовать как либеральную, нетерпимую к специфическому казачьему национализму и едва ли не во всем противоположную позиции его сына. Ее ярко характеризует еще один приводимый В.Н. Королевым эпизод: уже в старости вышедший в отставку, но сохранивший авторитет в глазах донской администрации Н.И. Краснов не просто организовал помощь Урюпинской станице во время голода 1891–1892 гг., но и настоял на том, что помощь должна быть оказана не одним казакам, но и иногороднему населению (Королев, 1991: 244). С нашей точки зрения, Н.И. Краснов был не «типичным представителем своего рода», но, скорее, типичным либералом второй половины XIX в., однако подобное его позиционирование разрушало представление о какой-либо преемственности между ним и его сыном, характерное для нашего времени.

Пожалуй, первым современным автором, проявившим интерес к реальной личности Н.И. Краснова, был А.А. Волвенко. Этот таганрогский исследователь попытался восстановить ход правительственных реформ на Дону в 1860-х гг. и выяснил, что молодой офицер Управления казачьих войск играл заметную роль в их подготовке. Более того, А.А. Волвенко обнаружил в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) до сих пор неизвестную рукопись Н.И. Краснова, доказывающую экономическую неэффективность казачьих войск и неизбежность их исчезновения в долгосрочной перспективе (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290). В дальнейшем историк выпустил целый ряд статей, в которых показал, что Н.И. Краснов был ключевым представителем «партии прогрессистов», немногочисленных либерально настроенных донских казаков 1860-х гг., выступавших за сближение казачества с остальным населением Российской империи (Волвенко, 2007; Волвенко, 2014). Именно А.А. Волвенко продемонстрировал, что «краеугольные камни» дореволюционной донской историографии, историко-статистические описания Земли Войска Донского Н.И. Краснова, в действительности представляют собой политические документы, в которых автор не придерживался объективной позиции, но доказывал необходимость применения к казачеству либеральных реформ (Волвенко, 2007: 47-50). Позже нами было выпущено несколько статей о Н.И. Краснове, развивающих эти положения (Peretyatko, 2017; Peretyatko, 2018), а также полностью опубликован упомянутый выше документ из РГВИА – «Соображения о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбытие этой воинской повинности льготами и привилегиями» (Peretyatko, 2016).

И все же даже сейчас полноценные исследования о Н.И. Краснове остаются уделом нескольких авторов. В то же время без упоминаний о нем не обходится почти никакая биография П.Н. Краснова, и образ донского историка и статистика предстает в них в крайне искаженном виде (Peretyatko, 2017: 6). Поэтому мы считаем, что и сегодня Н.И. Краснова можно считать забытым исследователем Дона, человеком, имя которого достаточно известно, но труды давно и прочно забыты. Современные авторы в лучшем случае используют его монографические исследования, те самые «краеугольные камни» дореволюционной донской историографии. Многочисленные же статьи, заметки и брошюры Н.И. Краснова, вышедшие после второго издания «Военного обозрения Земли Войска Донского» в 1870 г. (Краснов, 1870), за редким исключением известны только по названиям. Нам бы хотелось исправить это упущение, и в данной статье речь пойдет о немногочисленных поздних книгах Н.И. Краснова.

С 1867 по 1889 гг. Н.И. Краснов занимал высокие должности в Главном управлении казачьих войск (сначала начальника одного из отделений, а затем представителя Войска Донского в комитете при этом Управлении) (Королев, 1991: 235). За это время сильно поменялась и политика Военного министерства по отношению к казачьим войскам, и политическая атмосфера в Российской империи в целом. Современный исследователь донского казачества Р.Г. Тикиджьян пишет, что произошло резкое замедление «темпа инновационной, либерально-индустриальной модернизации» (Тикиджьян, 2013: 88). Противник Н.И. Краснова в 1860-х гг., А.А. Карасев, бывший тогда видным поборником казачьих традиций, в 1890-х гг. горько жаловался, что в молодости ошибался и боролся, по сути, за «закрепощение» казачества, которое победило и не принесло Дону ничего хорошего (Карасев, 1900: 173). Как же поменялись взгляды самого Н.И. Краснова к концу его жизни? Отказался ли он от своих либеральных воззрений и мысли об обреченности казачества в исторической перспективе? На эти вопросы мы и попытаемся ответить.

2. Материалы и методы

Основу нашего исследования составят две поздние книги Н.И. Краснова – рассказ «Казак Иван Богатый» (Краснов, 1882) и небольшое статистическое исследование «Донской казачий флот» (Краснов, 1886). Используя их, мы сможем проследить с помощью историко-сравнительного метода эволюцию взглядов Н.И. Краснова, проявившуюся на позднем этапе его творчества. Историко-биографический метод поможет нам понять, как эти взгляды были связаны с личностью донского исследователя, а историко-описательный – понадобится при рассмотрении некоторых сюжетов, прежде не вовлекавшихся в научный оборот.

3. Обсуждение

Почти во всех своих художественных произведениях и во многих научных работах Н.И. Краснов настойчиво и упорно возвращался к одному и тому же историческому событию – к Булавинскому восстанию. О его ключевом значении для донской истории Н.И. Краснов впервые написал еще в 1864 г., в первом издании «Военного обозрения Земли Войска Донского», причем в разделе, посвященном современному отношению донских казаков к правительству. Важнейшие положения Н.И. Краснова столь интересны, что мы позволим себе привести их полностью: «Казачи составляют, как сказано выше, *особенное сословие*, пользующееся *особенными правами и преимуществами*, которые и доставили, по крайней мере донскому казачеству, благоденствие большее того, которое имеют крестьяне. В этом отношении донцы всегда стремились к удержанию своей *сословности*, и единственный факт возмущения в их истории – Булавинский бунт, когда часть казаков решилась силою оружия отстаивать свои права и преимущества. <...>. Что касается до бунтов Разина и Пугачева, то эти два факта должны подлежать даже не истории донского казачества в особенности, а всеобщей истории России, потому что были следствием весьма различных причин, имевших влияние на образование нашего государства. Булавинский бунт доказывает факт, весьма часто повторяющийся в истории: что ни один народ не расстанется равнодушно с своими правами, обычаями и особенностями, а тем более с правами и привилегиями, в случае же насильного их уничтожения оказывает сопротивление, берется за оружие, не дорожит жизнью и имуществом своим и уступает только огромному превосходству силы своего противника (курсив везде автора – А.П.)» (Краснов, 1864: 210–211). Как мы видим, уже в молодости Н.И. Краснов четко связывал казачьи привилегии со сравнительной зажиточностью казаков по сравнению с российскими крестьянами и Булавинское восстание трактовал как попытку сохранить эти привилегии вопреки желанию правительства, попытку, которая может повториться и в будущем, если ошибочная политика Российской империи по отношению к казачьим войскам поставит казаков в схожие условия.

Однако означало ли это, что офицер генерального штаба оправдывал идею казачьего восстания как формы защиты казачьих привилегий вообще, и повстанцев-булавиновцев в частности? В.Н. Королев, первым обратившийся к данному сюжету, доказывал, что да. Он приводил отрывки из рукописей Н.И. Краснова, в которых «альтруистические воззрения» К.А. Булавина противопоставлялись «угнетению всего русского народа» Петром I, а «страшное кровопролитие 1708–1709 гг.» называлось причиной позднейшей «косности» и «невежества» донского общества, боящегося правительства и одновременно покорного ему (Королев, 1991: 240–242). Безусловно, эти цитаты отражают часть позиции Н.И. Краснова, однако далеко не исчерпывают ее. В других своих рукописях донской статистик рассматривал Петра I как идейного предшественника своей «партии», донских прогрессистов, императора, который первым «осознал вред от исключительно военного направления казаков, вводя между донцов сельскую промышленность и неразлучную с нею гражданственность» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 122–122 об.). И именно поздние художественные произведения Н.И. Краснова являются ключом к его эмоциональному восприятию Булавинского восстания, крайне важному для понимания экономических и политических воззрений донского исследователя в целом.

В 1870-х гг. Н.И. Краснов обратился к нетипичному для него жанру драматической хроники в стихах. Написанное им произведение, «Донской казак с ружьем на бочке», было посвящено взятию Азова в 1896 г. и рисовало собственно борьбу Петра I и К.А. Булавина за авторитет в среде донских казаков. В заключительной картине пьесы казаки делали окончательный выбор, отказываясь идти с К.А. Булавиным вопреки царской воле на Синоп и вместо этого клянясь быть «верными донцами» «царю Петру» (Краснов, 1878: 13). За этим следовало славословие Петру I и крики, что К.А. Булавин «прогулял» свою славу (Краснов, 1878: 19–23). Таким образом, выбирая между донским атаманом и российским императором, Н.И. Краснов все же вставал на сторону последнего. Те же цитаты, которые приводит В.Н. Королев, свидетельствуют только о том, что донской статистик, осуждая К.А. Булавина, понимал причины его действий и считал их благородными, а согласие Н.И. Краснова с политикой Петра I не означало оправдания жестокости подавления Булавинского восстания.

Наиболее важен для понимания интерпретации Н.И. Красновым Булавинского восстания его рассказ «Казак Иван Богатый», опубликованный в 1882 г. в Новочеркасске. Главный герой этого рассказа, старший современник К.А. Булавина и И.Ф. Некрасова, в отличие от них доверился Петру I и занялся сельским хозяйством, отказавшись от прежнего военного ремесла. Свое решение он

оправдывал следующим образом: «Великий государь мне в Цимлах еще говаривал, что не от одних морских набегов можно богатеть и что донские казаки получают большой достаток от этой самой виноградной ягоды, из которой можно делать вино, не худшее того, что привозят сюда из Кавказа и с острова Кипра греки, армяне и грузины и продают по серебряному карбованцу за бутылочку. Будем же, славные мальчики, поступать по совету мудрого государя, пойдемте же в виноградники, очистим кусты от сорных трав и уложим их спать на зиму. Неустанная работа столь же угодная Господу Богу, как и теплая сердечная молитва» (Краснов, 1882: 17-18). Однако большая часть казаков не только не последовала совету Петра I заниматься виноградарством и земледелием вообще, но и начала насмехаться над Иваном Богатым, обвиняя его в трусости: «Пора ти, старенькому, в монастырь идти, если перестала играть горячая кровь по твоим жилочкам» (Краснов, 1882: 16). Именно подобные защитники традиций казачества, сторонники его чисто военного предназначения, «донские лыцари» и составили основу Булавинского восстания (Краснов, 1882: 13). Н.И. Краснов снова подчеркивал, что традиционные набеги были экономически крайне выгодны и приносили казакам достаток (Краснов, 1882: 17). Однако одновременно он показал, как живущие набегами казаки часто морально деградировали до обычных разбойников, порой убивая женщин и детей (Краснов, 1882: 8). Противопоставление в рассказе их жестоких дел морально чистым, «угодным Господу Богу» занятиям Ивана Богатого более чем очевидно. Но еще большими чудовищами в рассказе предстают подавители Булавинского восстания, возмездие которых непокорным казакам было столь жестоко, что искупило грехи последних и сделало их «вновь достойными вечного и тихого упокоения» (Краснов, 1882: 15). И, глядя на трупы жертв, Иван Богатый призывал юных казаков не заниматься делами, «неугодными великому государю» (Краснов, 1882: 15-16).

В этом рассказе явственно видны отсылки не только к описанию Н.И. Красновым Булавинского восстания, которое мы привели выше, но и к его концепциям будущего развития казачества, относящимся к 1860-м гг. Еще тогда донской офицер писал, что со времен Петра I на каждом казаке лежат обязанности «воина» и «гражданина», причем «чем его материальное состояние на родине выше, тем менее он будет годен к военной службе» (Краснов, 1870: XIII). При этом, как мы писали выше, попытки сохранять военное значение казачества Н.И. Краснов считал исторически обреченными, поскольку «вместе с развитием в государстве сельской и городской промышленности и торговли, увеличивающих ежегодно источники государственных доходов, ослабляется мнение об относительной дешевизне поселенных войск» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 117-117 об.). Наконец, статистик жаловался, что развитию донской экономики мешают как тяжелая военная служба казаков, так и их собственная нелюбовь к непростому сельскохозяйственному труду (Краснов, 1863: 247-248). И, на наш взгляд, из рассказа «Казак Иван Богатый» видно, что само Булавинское восстание в творчестве Н.И. Краснова выступает своеобразной метафорой современного ему противостояния «казакоманов», большинства донской элиты, защищающего традиции и преимущественно военную направленность казачества, с имперской властью, пытающейся сблизить казачество с другими сословиями и развить «гражданственность» в его среде. Более того, прототипом Ивана Богатого, который некогда был славным воином, а в старости решил послушаться царя и заняться своим хозяйством, за что попал под град насмешек, мог даже быть отец Н.И. Краснова, Иван Краснов. Последний в свое время был одним из популярнейших людей на Дону, благодаря своему литературному творчеству, сделал блестящую военную карьеру и прославился обороной Таганрога в Крымскую войну, однако в 1860-х гг. активно поддержал правительственную политику либеральных реформ и призвал казаков развивать сельское хозяйство и промышленность, из-за чего не только приобрел репутацию человека, «выслуживающегося перед начальством», но и рассорился с некоторыми своими прежними друзьями (Королев, 1991: 229-231).

Поэтому рассказ «Иван Богатый» раскрывает представления Н.И. Краснова о правильной линии действий в условиях, когда донское казачество оказывалось между традициями и модернизацией, будь то в начале XVIII в. или в конце XIX в. Статистические и исторические произведения донского ученого в этом отношении проигрывают: они обычно посвящены конкретным сюжетам и поэтому часто кажутся противоречащими друг другу (примеры такого противоречия мы приводили выше, цитируя на первый взгляд не сочетающиеся утверждения Н.И. Краснова о К.А. Булавине и Петре I). С другой стороны, прямо высказывать свое мнение по актуальным вопросам Н.И. Краснову мешала цензура, на которую он неоднократно жаловался (Королев, 1991: 243). В то же время Иван Богатый в одноименном рассказе явно служил рупором авторских идей, которые с учетом других произведений Н.И. Краснова можно свести к следующему.

Трансформация казачества, потеря им статуса воинского сословия, была исторически неизбежна, и первые шаги в этом направлении предпринял как раз Петр I. Однако нежелание прислушиваться к позиции самого казачества по этому вопросу было фатальной ошибкой, и К.А. Булавин имел если не юридическое, то моральное право подняться против царских властей. Увы, власти довели свою ошибку до конца, не просто разбив бунтовщиков, но и расправившись с ними с крайней жестокостью (Н.И. Краснов считал, что убито было около 50 % взрослых казаков (Королев, 1991: 240)). Тем не менее месть центральному правительству и вообще противостояние царской власти донской исследователь устами Ивана Богатого объявил делом опасным и бесперспективным. Зато его

герой начал пропагандировать правительственные идеи развития на Дону сельского хозяйства «славным мальчикам», детям, рассчитывая, что они осознают правильность этих идей и поддержат их не по принуждению, но добровольно.

И снова можно проследить связь подобной позиции с воззрениями, которые Н.И. Краснов отстаивал в 1860-х гг. Так, «Соображения о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбытие этой воинской повинности льготами и привилегиями» он закончил следующим выводом: «Можно считать на основании вышеприведенных вычислений вопрос об относительной стоимости регулярных и иррегулярных войск приведенным положительно в пользу содержания первых над последними» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 152 об.). Однако в начальной части этого документа есть следующая, заслуживающая не меньшего внимания фраза: «Донское, Кубанское, Терское, Уральское, Сибирское и Амурское казачьи войска, вероятно, еще долгое время будут поддерживаться правительством из видов политических и военных, но уяснение вопроса делается необходимым в том случае, когда часть казачьего населения будет видимо стремиться к гражданственности или правительство сознает возможность отказаться от воинской повинности некоторых казачьих войск вследствие излишнего военного населения последних (курсив наш – А.П.)» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 123-123 об.). Еще при публикации данного документа мы ставили вопрос о ее значении: А.А. Волвенко, ссылаясь на нее, утверждал, что Н.И. Краснов считал невозможным ликвидацию казачьих войск в ближайшей перспективе, мы же, напротив, доказывали, что ее следует рассматривать только как признание донским статистиком многовариантности развития казачества, причем демилитаризацию Донского Войска он находил оптимальным решением (Peretyatko, 2016: 308). Сейчас, на основе знакомства с литературным творчеством Н.И. Краснова, мы считаем, что он и в 1860-х гг. и в 1880-х гг. выступал за постепенную, продолжительную по времени и добровольную демилитаризацию Донского Войска не за счет силовых решений, но за счет трансформации социальных и военных ролей казаков. При этом в 1860-х гг., в условиях острого кризиса казачества, он считал, что активная фаза этой трансформации начнется в близком будущем, а затем, после того как реформы Д.А. Милютин решил наиболее актуальные проблемы казачьих войск, Н.И. Краснов «отложил» ее до более далекого будущего, но по-прежнему считал неизбежной. При этом исследователь неизменно доказывал, что донское казачество должно меняться в соответствии с требованиями времени, развиваться в своей среде сельское хозяйство и промышленность и вообще приспосабливаться к современности, чтобы сохранить устойчивость в будущем.

В этой ситуации центральное место в его научном творчестве начали занимать сюжеты, уже представленные в работах 1860-х гг., но тогда находившиеся на периферии исследования. Так, Н.И. Краснов еще тогда отмечал, что казаков можно использовать не только как кавалеристов, но и как моряков. В «Военном обозрении Земли Войска Донского» 1870 г. он писал как о естественном угасании боевого духа казаков, который правительство теперь вынуждено поддерживать искусственно (Краснов, 1870: XVI), так и о том, что низовые казаки сохранили страсть к мореходству и из них может быть образован военный или торговый флот (Краснов, 1870: IX). В дальнейшем, когда окончательно стало ясно, что казачество как сословие сохранит военную направленность, а экономические проблемы в низовых станицах еще больше обострились, Н.И. Краснов начал бороться за создание казачьего военного флота. Любопытно, что и научные статьи, и художественные произведения он рассматривал как инструменты этой борьбы, что еще раз показывает тесную связь между общественной позицией донского ученого, его научными изысканиями и литературным творчеством. Вот что он писал на этот счет: «Свою мысль, высказанную в трех официальных изданиях, в продолжении последующих 25 лет мы считали необходимым повторять в литературных статьях, драматической хронике и даже в повести, полагая тем или другим способом обратить внимание русского интеллигентного общества на этот вопрос» (Краснов, 1886: 7).

В основе предложения Н.И. Краснова лежали экономические факторы. Судя по всему, последней каплей, убедившей его в необходимости призыва жителей низовых станиц исключительно во флот, стала мобилизация донских казаков в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в процессе которой именно казаки пяти станиц, расположенных в устье Дона, чаще всего не могли снарядиться на службу самостоятельно, и властям приходилось выплачивать им пособия (Краснов, 1886: 11). В действующей армии с представителями этих станиц получилось еще хуже: хотя именно они выделялись на фоне основной массы донского казачества «храбростью, удалью, отвагой, риском», проявлять эти качества в конном строю им было затруднительно, поскольку многие из них вовсе не умели ездить верхом, а то и держаться в седле (Краснов, 1886: 11-12). Чтобы объяснить этот феномен, Н.И. Краснов составил две статистические таблицы, наглядно показывающие совершенно особое положение «низовых рыболовецких» станиц в Донском Войске.

Таблица 1. Количество сельхозинвентаря и скота на 100 душ мужского пола в казачьих станицах

	Плугов	Лошадей	Волов	Другого скота	Овец
По войску в целом	16	70	117	192	557
По Черкасскому округу, где находились низовые рыболовецкие станицы	16	60	132	401	601
Две случайно выбранные земледельческие станицы Черкасского округа					
Грушевская	17	47	119	179	29
Егорлыцкая	18	80	92	146	926
Низовые рыболовецкие станицы					
Гниловская	7	21	43	55	39
Аксайская	6	19	43	56	39
Елисаветовская	3	27	26	57	115
Старочеркасская	8	33	62	120	130
Новониколаевская	6	56	76	77	122

Источник: Краснов Н.И. Донской казачий флот. СПб., 1886. С. 9.

Основываясь на этой таблице, Н.И. Краснов делал достаточно, в общем-то, очевидные выводы о том, что и земледелие, и скотоводство в рыболовецких станицах были совершенно не развиты, и поэтому выходить на службу на конях их жителям оказывалось значительно сложнее (Краснов, 1886: 9-10). Более того, на службе природные рыбаки не просто плохо ездили верхом, но и не любили лошадей в принципе и даже специально били их и калечили (Краснов, 1886: 12). Однако в других отношениях они превосходили казаков остальных станиц.

Таблица 2. Процент офицеров, торговых казаков и освобожденных от службы по болезням в некоторых станицах 1 военного округа Войска Донского по отношению к взрослому мужскому населению

	Офицеров	Торговых казаков	Больных
Низовые рыболовецкие станицы			
Аксайская	6,1	6,0	8,0
Гниловская	3,0	2,5	10,0
Елисаветовская	3,0	10,0	6,7
Старочеркасская	10,0	3,7	7,7
Новониколаевская	4,0	5,2	4,8
Пять случайно выбранных земледельческих станиц			
Грушевская	5,0	0,1	3,0
Мечетинская	0,3	0,1	3,0
Егорлыцкая	0,0	0,1	6,8
Кривянская	1,4	0,1	4,8
Ольгинская	0,6	0,3	5,0

Источник: Краснов Н.И. Донской казачий флот. СПб., 1886. С. 10.

На основе данных из этой таблицы Н.И. Краснов утверждал, что жители рыболовецких станиц были заметно более развитыми, чем остальные казаки, и добивались куда больших успехов как на военном поприще, так и, особенно, в хозяйственных занятиях (Краснов, 1886: 10). С другой стороны, в их числе было заметно больше больных (Краснов, 1886: 10). И из всего вышеизложенного донской статистик делал следующий вывод: «В экономическом, военном и интеллектуальном своем развитии низовые станицы Донского Войска составляют особый элемент казачьего населения, своеобразный, приуроченный к другой жизни, к иным промыслам и занятиям, нежели остальное население Донской области, почему ввиду приведенных исторических и бытовых, а равно статистических данных для низовых казаков Дона им сподручнее, удобнее и полезнее для государства нести службу не на лошадях, а на канонерках и миноносках» (Краснов, 1886: 11). Далее Н.И. Краснов, рассуждая в рамках своих представлений о необходимости трансформации казачества, доказывал, что со временем и жители других станиц смогут идти на службу во флот, а это будет способствовать «умственному и промышленному преуспеянию» региона (Краснов, 1886: 11). Хотя данную мысль донской автор не детализовал, можно предположить, что он исходил из идеи о большей полезности в условиях конца XIX в. навыков моряка (особенно работающего с корабельными машинами), чем кавалериста. Во всяком случае, в другом месте он писал, что, «несомненно, нахождение в морских разного рода учебных заведениях, участие в маневрированиях флота, в морских экспедициях и

кругосветных путешествиях откроет казакам громадную область практических и теоретических знаний, и, в свое время, правительство ими воспользуется» (Краснов, 1886: 18).

Таким образом, утверждение, согласно которому из низовых казаков нужно формировать не кавалерийские полки, а экипажи кораблей, озвучивалось Н.И. Красновым и в 1860-х, и в 1880-х гг. Однако первоначально, когда исследователь доказывал, что казаков нужно как можно быстрее склонить к постепенной и добровольной демилитаризации, эта мысль находилась на периферии его творчества и только упоминалась в связи с неясными перспективами казачества. Но постепенно, по мере того, как стало ясно, что в обозримом будущем демилитаризации казачества не произойдет, а казаки низовых станиц в кавалерийских полках служить не хотят и большой пользы не приносят, Н.И. Краснов уделял пропаганде создания донского казачьего флота больше и больше внимания. В 1879 г. он опубликовал в официальной газете Военного министерства «Русский инвалид» небольшую статью «О привлечении донских низовых казаков к службе во флот» (Краснов, 1879), а в 1886 г. даже издал брошюру «Донской казачий флот», свою последнюю книгу (Краснов, 1886).

Допуск казаков к службе во флоте мог помочь в решении и еще одной проблемы, не отмеченной Н.И. Красновым. В 1870–1890 гг. на Дону обозначилась острая проблема с удорожанием стоимости казачьего снаряжения, закупаемого за свой счет, причем дороже всего обходилась именно лошадь (Перетяtko, 2018: 156-167). Если бы бедные казаки могли избежать призыва в кавалерию, их расходы заметно сократились бы, а экономическое положение Донского Войска улучшилось. Поэтому не удивительно, что проект донского казачьего флота вызвал интерес и в Военном министерстве. Он обсуждался специальной комиссией, созданной для оценки результатов деятельности казачьих частей в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (одним из членов этой комиссии был сам Н.И. Краснов). Комиссия признала непреложным фактом, «что низовые донские казаки не имеют лошадей в достаточном числе для выполнения воинской повинности», и затем, обсудив возможность формирования из них пластунских батальонов по образцу кубанских, рекомендовала все же призывать этих казаков во флот (Краснов, 1886: 12). Однако никаких практических мер из этого не последовало: по-видимому, вопрос о возможности службы низовых казаков во флоте был передан на рассмотрение войсковому начальству, а оно просто воздержалось от какого-либо решения (Краснов, 1886: 12-13).

Могла ли быть в принципе реализована идея Н.И. Краснова о донском флоте? На наш взгляд, скорее нет, чем да. Прежде всего этому мешали чисто организационные вопросы: как известно, казачьи войска во всем подчинялись Военному министерству, что заставляло его руководство брать на себя непрофильные управленческие функции, связанные с регулированием гражданского устройства и экономики огромных регионов (Ганин, 2008: 44). Привлечение казаков на службу во флот еще больше расширило бы круг этих функций и заставило бы согласовывать решения в казачьих войсках с Морским министерством, хотя подобные согласования с гражданскими органами Российской империи и так растягивались на годы (Редигер, 1999: 120). Кроме того, Н.И. Краснов увлекся частностями и деталями, разбирая совершенно чуждые ему вопросы военно-морской стратегии. Не вдаваясь в подробности, отметим, что он попал под влияние очень спорных идей французских военных теоретиков, сторонников преимущества торпедного вооружения над артиллерийским, и ратовал не только за призыв казаков во флот, но и за создание в прямом смысле донского казачьего флота, укомплектованного исключительно казаками и состоящего из малых кораблей, миноносцев и канонерок (Краснов, 1886: 13-17). Между тем он даже не поинтересовался, разделяет ли подобные взгляды Морское министерство. Наконец, крайне неудачно было выбрано время для попытки провести реформу: готовность «игнорировать историю, традиции, былые заслуги казачества, если необходимо было эффективно решить актуальные государственные задачи во внешней и внутренней политике», «инструменталистский подход» к казачьим войскам были характерны для Д.А. Милютин, ушедшего в отставку с поста военного министра в 1881 г. (Volvenko, 2016: 408). Его преемники, напротив, подчеркнуто опирались на казачьи традиции. В этом отношении характерен еще один эпизод в комиссии, исследовавшей опыт действия казаков в русско-турецкую войну 1877–1878 гг.: пока Д.А. Милютин был министром, ее члены серьезно обсуждали вопрос о том, не следует ли казакам отказаться от пик как от устаревшего оружия, но в итоге пику сохранили на том основании, что именно с пиками «казаки способствовали созданию могущества России в средние века» (Перетяtko, 2016: 130-136). В этих условиях не была реализована даже мысль о создании донских пластунских батальонов, и тем более оказалась забыта идея донского казачьего флота.

4. Заключение

Как видно из вышеизложенного, немногочисленные и скромные по объему книги Н.И. Краснова 1880-х гг. по-своему очень интересны. Они наглядно показывают эволюцию взглядов автора, который в чем-то продолжал придерживаться своих ранних идей, а в чем-то отошел от них. Эти книги не типичны для донской историографии в первую очередь тем, что их автор оставался на позициях своеобразного проправительственного либерализма, актуального в 1860-х гг., но в 1880-х гг. выглядящего пережитком прошлого. В этом отношении куда более показательна идейная эволюция ровесника Н.И. Краснова, другого высокопоставленного военного чиновника

Н.А. Маслаковца, который в 1860-х гг. прямо призывал к обращению оренбургских казаков в податное состояние (ОР РНБ. Ф. 748. Ед. хр. 3. Л. 1), а в 1880-х гг., напротив, доказывал, что реформы предыдущих десятилетий были совершенно излишними и разрушили эффективно действовавший механизм казачьих войск (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 104. Л. 6 об.-7). Для связанных с властными структурами авторов в 1880-1890 гг. был характерен консервативный взгляд на казачество (в этом отношении показательна, например, вышедшая по распоряжению донского атамана Н.И. Святополк-Мирского книга «Статистическое описание Области Войска Донского» С.Ф. Номикосова (Номикосов, 1884), а либеральные донские авторы в это время, напротив, все откровеннее и откровеннее противопоставляли себя правительству и войсковым структурам (здесь примером может послужить статья А.А. Карасева, в которой донские атаманы обвинялись в откровенном игнорировании интересов казачества (Карасев, 1900: 115-116)).

На этом фоне работы Н.И. Краснова выделяются тем, что он, хотя и отстаивал характерные для либеральных донских авторов идеи о необходимости трансформации казачества и развития не только военного, но и экономического потенциала Дона, но при этом по-прежнему надеялся, что соответствующие реформы будут организованы сверху, например, путем создания донского казачьего флота. Показательно, что и в ранних, и поздних книгах Н.И. Краснов крайне положительно оценивал роль Петра I в истории Дона, ставя ему в главную заслугу приобщение казаков к сельскому хозяйству – первый шаг на пути трансформации казачества. Впрочем, влияние веяний времени на Н.И. Краснова можно усмотреть в том, что предлагаемые им варианты трансформации казачества в 1880-х гг. носили значительно более ограниченный характер, чем в 1860-х гг. и должны были не перестроить полностью казачье сословие, лишив его военной направленности, но только решить наиболее остро стоящие проблемы, вроде неспособности рыболовецких станиц эффективно выставлять казаков на конную службу.

Таким образом, и в 1880-х гг. Н.И. Краснов остался приверженцем проправительственных эволюционно-либеральных идей. Он выступал не за возврат к прежним порядкам, как Н.А. Маслаковец, не за сохранение текущего положения дел на Дону, пусть и с отдельными улучшениями, как С.Ф. Номикосов, но при этом не был сторонником и поспешных изменений снизу. Он сам признавал, что «не торопит» с созданием донского казачьего флота (Краснов, 1886: 13). Выразитель авторских идей в его рассказах Иван Богатый пропагандировал свои взгляды среди казачьих детей. С нашей точки зрения, поздние тексты Н.И. Краснова демонстрируют один из вариантов развития казачества, который не был исползован, показывают, как могло бы выглядеть продолжение «инструменталистской» политики Д.А. Милютина в 1880-х гг., если бы Военное министерство не предпочло избрать более консервативный курс. И дальнейшее изучение позднего творчества Н.И. Краснова может открыть новые грани истории донской общественной и политической мысли, оказавшиеся забытыми по соображениям политической конъюнктуры даже не в XX в., а в XIX в. в связи с крахом надежд на либеральную политику имперского правительства по отношению к казачьим войскам.

5. Благодарности

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-39-00009.

Литература

- Венков, Шишов, 1998 – Венков А.В., Шишов А.В. Белые генералы. Ростов-на-Дону, 1998. 416 с.
- Волвенко, 2007 – Волвенко А.А. Два подхода к расчетам стоимости донского казачества для Российской империи в 60–70 гг. XIX века // Актуальные проблемы социальной истории. Сборник научных статей. Вып. 8. Новочеркасск; Ростов-на-Дону, 2007. С. 47-56.
- Волвенко, 2014 – Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «Великих реформ». (1860–1870 гг.). Часть 2 // Известия Самарского центра Российской академии наук. Т. 16. № 3 (2). 2014. С. 382-391.
- Ганин, 2008 – Ганин А.В. Накануне катастрофы. Оренбургское казачье войско в конце XIX – начале XX вв. (1891–1917). М., 2008. 704 с.
- Донцы, 2003 – Донцы XIX века. Ростов-на-Дону, 2003. 599 с.
- Дюкарев, 2018 – Дюкарев А.В. Казачьи генеалогии в историко-культурном контексте Кубани. Ростов-на-Дону, 2018. 216 с.
- Дюкарев, Дюкарева, 2017 – Дюкарев А.В., Дюкарева И.А. Персоны нон грата истории кубанского казачества XX в. в современной отечественной историографии // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России. VI Токаревские чтения. Ростов-на-Дону, 2017. С. 159-167.
- Карасев, 1899 – Карасев А.А. Донские атаманы за последние полвека // Русский архив, 1899. Кн. 2. С. 106-116.
- Карасев, 1900 – Карасев А.А. Бунт на Дону в 1862–1863 годах // Исторический вестник. 1900. № 80. С. 167-174.
- Королев, 1991 – Королев В.Н. Старые Вешки. Повествование о казаках. Ростов-на-Дону, 1991. 464 с.

Коршиков, Королев, 2001 – Коршиков Н.С., Королев В.Н. Историк Дона В.Д. Сухоруков и его «Историческое описание Земли Войска Донского» // Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли Войска Донского. Ростов-на-Дону, 2001. С. 7-18.

Краснов, 1863 – Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля Войска Донского. СПб., 1863. 596 с.

Краснов, 1864 – Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Войска Донского. СПб., 1864. 352 с.

Краснов, 1870 – Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска. СПб., 1870. 288 с.

Краснов, 1878 – Краснов Н.И. Донской казак с ружьем на бочке // Часовой. Донской сборник. Новочеркасск, 1878. С. 7-23.

Краснов, 1879 – Краснов Н.И. О привлечении донских низовых казаков к службе во флот // Русский инвалид. 1879. № 193. С. 4-5.

Краснов, 1882 – Краснов Н.И. Казак Иван Богатый. (Эпилог булавинского восстания). Новочеркасск, 1882. 18 с.

Краснов, 1886 – Краснов Н.И. Донской казачий флот. СПб., 1886. 20 с.

Краснов, 1909 – Краснов П.Н. Картины былого Тихого Дона. СПб., 1909. 522 с.

Линин, 1941 – Линин А.М. Историк Войска Донского В.Д. Сухоруков и А.С. Пушкин // Линин А.М. А.С. Пушкин на Дону. Ростов-на-Дону, 1941. С. 94-173.

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

Номикосов, 1884 – Номикосов С.Ф. Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск, 1884. 774 с.

Перетяцько, 2016 – Перетяцько А.Ю. Дискуссия о использовании казачьей пики после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. по материалам «Русского инвалида» // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России. V Токаревские чтения. Ростов-на-Дону, 2016. С. 130-136.

Перетяцько, 2018 – Перетяцько А.Ю. О причинах экономического кризиса казачества накануне XX в.: динамика цен на казачье снаряжение в 1860–1890 гг. // Новое прошлое / The New Past. 2018. № 3. С. 156-167.

Пронштейн, 1961 – Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов-на-Дону, 1961. 376 с.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

Редигер, 1999 – Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. II. М., 1999. 574 с.

Сухоруков, 1867 – Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли Войска Донского. Т. I. Новочеркасск, 1867. 324 с.

Сухоруков, 1872 – Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли Войска Донского. Т. II. Новочеркасск, 1872. 312 с.

Сухоруков, 1891 – Сухоруков В.Д. Статистическое описание Земли Донских казаков, составленное в 1822–1832 годах. Новочеркасск, 1891. 302 с.

Тикиджьян, 2013 – Тикиджьян Р.Г. Донское казачество в конце XIX – начале XX века. Исторический портрет. Саарбрюккен, 2013. 228 с.

Peretyatko, 2016 – Peretyatko A.Y. N.I. Krasnov and his “Thoughts on being profitable for the state in the financial relation of the system of contributing irregular troops by special population groups, enjoying for this military service exemptions and privileges” // *Russkii Arkhiv*. 2016. Vol. 14. Is. 4. Pp. 301-320.

Peretyatko, 2017 – Peretyatko A.Y. The importance of “Thoughts on being profitable for the state in the financial relation of the system of contributing irregular troops by special population groups, enjoying for this military service exemptions and privileges” of N.I. Krasnov in the legacy of the author, and socialpolitical life of the Don 1860. // *History and Historians in the Context of the Time*. 2017. 15(1). Pp. 4-22.

Peretyatko, 2018 – Peretyatko A.Y. Representations of the Cossack and Cossacks Class in the Books of N.I. Krasnov of 1860: «Citizens» vs «Warrior» // *Voennyi Sbornik*. 2018. 6(1). Pp. 25-41.

Volvenko, 2016 – Volvenko A.A. D.A. Milyutin and Cossacks // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 40. Is. 2. Pp. 398-411.

References

Dyukarev, 2018 – Dyukarev A.V. (2018). Kazach'i genealogii v istoriko-kul'turnom kontekste Kubani [Cossack genealogies in the historical and cultural context of the Kuban]. Rostov-on-Don, P. 216. [in Russian]

Dyukarev, Dyukareva, 2017 – Dyukarev A.V., Dyukareva I.A. (2017). Persony non grata istorii kubanskogo kazachestva XX v. v sovremennoi otechestvennoi istoriografii [Persons non grata history of the Kuban Cossacks of the XX century in modern Russian historiography]. Voina i voinskie traditsii v kul'turakh narodov Yuga Rossii. VI Tokarevskie chteniya. Rostov-na-Donu. Pp. 159-167. [in Russian]

Ganin, 2008 – Ganin A.V. (2008). Nakanune katastrofy. Orenburgskoe kazach'e voisko v kontse XIX – nachale XX v. (1891–1917) [On the eve of the disaster. Orenburg Cossack Host in the late XIX – early XX centuries]. (1891–1917). М. P. 704. [in Russian]

Karasev, 1899 – Karasev A.A. (1899). Donskie atamany za poslednie polveka [Don ataman over the past half-century]. *Russkii arkhiv*. Vol. 5. Pp. 106-116. [in Russian]

- [Karasev, 1900](#) – *Karasev A.A.* (1900). Bunt na Donu v 1862–1863 godakh [Riot on the Don in the 1862-1863]. *Istoricheskii vestnik*. №. 80. Pp. 167-174. [in Russian]
- [Korolev, 1991](#) – *Korolev V.N.* (1991). Starye Veshki. Povestvovanie o kazakakh [Old Veshki. The story about the Cossacks]. Rostov-on-Don. P. 464. [in Russian]
- [Korshikov, Korolev, 2001](#) – *Korshikov N.S., Korolev V.N.* (2001). Istorik Dona V.D. Sukhorukov i ego «Istoricheskoe opisanie Zemli Voiska Donskogo» [Historian of the Don V.D. Sukhorukov and his "Historical description of the Don Host Oblast"]. Sukhorukov V.D. *Istoricheskoe opisanie Zemli Voiska Donskogo*. Rostov-na-Donu. Pp. 7-18. [in Russian]
- [Krasnov, 1863](#) – *Krasnov N.I.* (1863). Materialy dlja geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba. Zemlja vojska Donskogo [Materials for geography and statistics of Russia collected by officers of the General staff. Don Host Oblast]. SPb. P. 596. [in Russian]
- [Krasnov, 1864](#) – *Krasnov N.I.* (1864). Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska [Military review of the Don Host Oblast]. SPb. P. 352. [in Russian]
- [Krasnov, 1870](#) – *Krasnov N.I.* (1870). Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska [Military review of the Don Host Oblast]. SPb. P. 290. [in Russian]
- [Krasnov, 1878](#) – *Krasnov N.I.* (1878). Donskoi kazak s ruzh'em na bochke [Don Cossack with a gun on a barrel]. Chasovoi. Donskoi sbornik. Novocherkassk. Pp. 7-23. [in Russian]
- [Krasnov, 1879](#) – *Krasnov N.I.* (1879). O privilechenii donskikh nizovykh kazakov k sluzhbe vo flot [On the involvement of the Don lower Cossacks to serve in the fleet]. *Russkii invalid*. № 193. Pp. 4-5. [in Russian]
- [Krasnov, 1882](#) – *Krasnov N.I.* (1882). Kazak Ivan Bogatyi. (Epilog bulavinskogo vosstaniya) [Cossack Ivan the Rich. (Epilogue of the Bulawin Uprising)]. Novocherkassk. P. 18. [in Russian]
- [Krasnov, 1886](#) – *Krasnov N.I.* (1886). Donskoi kazachii flot [Don Cossack fleet]. SPb., 1886. P. 20. [in Russian]
- [Krasnov, 1909](#) – *Krasnov P.N.* (1909). Kartiny bylogo Tihogo Dona [Pictures of the last of the Quiet Don]. SPb. P. 522. [in Russian]
- [Linin, 1941](#) – *Linin A.M.* (1941). Istorik vojska Donskogo V. D. Sukhorukov i A. S. Pushkin [The historian of the Don Host V. D. Sukhorukov and A. S. Pushkin]. Linin A.M. A.S. Pushkin na Donu. Rostov-na-Donu. Pp. 94-173. [in Russian]
- [Nomikosov, 1884](#) – *Nomikosov S.F.* (1884). Statisticheskoe opisanie Oblasti Voiska Donskogo [Statistical description of the Don Host Oblast]. Novocherkassk. P. 774. [in Russian]
- OR RNB – Department of manuscripts of Russian national library.
- [Peretyatko, 2016](#) – *Peretyatko A.Yu.* (2016). N.I. Krasnov and his “Thoughts on being profitable for the state in the financial relation of the system of contributing irregular troops by special population groups, enjoying for this military service exemptions and privileges”. *Russkii Arkhiv*. Vol. 14. Is. 4. Pp. 301-320.
- [Peretyat'ko, 2016](#) – *Peretyat'ko A.Yu.* (2016). Diskussiya o ispol'zovanii kazach'ei piki posle russko-turetskoi voiny 1877-1878 gg. po materialami «Russkogo Invalida» [Discussion on the use of Cossack peaks after the Russo-Turkish war of 1877-1878 according to the materials of the «Russkii invalid»]. Voina i voinskie traditsii v kul'turakh narodov Yuga Rossii. V Tokarevskie chteniya. Rostov-na-Donu. Pp. 130-136. [in Russian]
- [Peretyatko, 2017](#) – *Peretyatko A.Yu.* (2017). The importance of “Thoughts on being profitable for the state in the financial relation of the system of contributing irregular troops by special population groups, enjoying for this military service exemptions and privileges” of N.I. Krasnov in the legacy of the author, and socialpolitical life of the Don 1860. *History and Historians in the Context of the Time*. 15(1). Pp. 4-22.
- [Peretyatko, 2018](#) – *Peretyatko A.Yu.* (2018). Representations of the Cossack and Cossacks Class in the Books of N.I. Krasnov of 1860: «Citizens» vs «Warrior». *Voennyi Sbornik*. 6(1). Pp. 25-41.
- [Peretyatko, 2018](#) – *Peretyatko A.Yu.* (2018). O prichinakh ekonomicheskogo krizisa kazachestva nakanune XX v.: dinamika tsen na kazach'e snaryazhenie v 1860-1890 gg. [About the causes of the economic crisis of the Cossacks on the eve of the XX century: the dynamics of prices for Cossack equipment in the 1860-1890]. *The New Past*. № 3. Pp. 156-167. [in Russian]
- [Pronshtein, 1961](#) – *Pronshtein A.P.* (1961). Zemlya Donskaya v XVIII veke [Don land in the XVIIIth century]. Rostov-on-Don. P. 376. [in Russian]
- [Rediger, 1999](#) – *Rediger A.F.* (1999). Istoriya moei zhizni. Vospominaniya voennogo ministra [Story of my life. Memoirs of the Minister of War]. Vol. II. M. P. 574. [in Russian]
- RGVIA – Russian state military and historical archive.
- [Sukhorukov, 1867](#) – *Sukhorukov V.D.* (1867). Istoricheskoe opisanie Zemli Voiska Donskogo [Historical description of the land of the Don Host Oblast]. Vol. I. Novocherkassk. P. 324. [in Russian]
- [Sukhorukov, 1872](#) – *Sukhorukov V.D.* (1872). Istoricheskoe opisanie Zemli Voiska Donskogo [Historical description of the land of the Don Host Oblast]. Vol. II. Novocherkassk. P. 312. [in Russian]
- [Sukhorukov, 1891](#) – *Sukhorukov V.D.* (1891). Statisticheskoe opisanie Zemli Donskikh kazakov, sostavlennoe v 1822-1832 godakh [A statistical description of the Don Host Oblast, compiled in 1822–1832]. Novocherkassk. P. 302. [in Russian]
- [Venkov, Shishov, 1998](#) – *Venkov A.V., Shishov A.V.* (1998). Belye generaly [White generals]. Rostov-on-Don, 1998. P. 416. [in Russian]

Volvenko, 2007 – *Volvenko A.A.* (2007). Dva podhoda k raschetam stoimosti donskogo kazachestva dlja Rossijskoj imperii v 60–70 gg. XIX veka [Two approaches to the calculation of the cost of the Don Cossacks to the Russian Empire in 60-70th of XIX century]. Aktual'nye problemy sotsial'noi istorii. Sbornik nauchnykh statei. Vyp. 8. Novocherkassk; Rostov-na-Donu. Pp. 47-56. [in Russian]

Volvenko, 2014 – *Volvenko A.A.* (2014). Donskoe kazachestvo v pravitel'stvennoi politike epokhi «velikikh reform» (1860-1870-e gody). Chast' 2 [The Don Cossacks in the governmental policy at the era of "great reforms" (1860-1870s). Part 2]. *Izvestiya Samara scientific centre of Russian Academy of Sciences*. Vol. 16. Is.3 (2). Pp. 382-391. [in Russian].

Volvenko, 2016 – *Volvenko A.A.* (2016). D.A. Milyutin and Cossacks. *Bylye Gody*. Vol. 40. Is. 2. Pp. 398-411.

Забытый исследователь экономики Дона: экономико-политические мотивы в поздних книгах Н.И. Краснова

Артем Юрьевич Перетяtko ^{a, b, *}

^a Южный федеральный университет, Российская Федерация

^b Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация

Аннотация. Наследие выдающегося исследователя Дона второй половины XIX в. генерал-лейтенанта Н.И. Краснова в советское время оказалось почти забыто. В настоящее время интерес историков к нему возрастает, однако его реальная личность обычно подменяется шаблоном предшественника его сына – П.Н. Краснова. Кроме того, историки обращаются только к ранним и хорошо известным книгам Н.И. Краснова, его историко-статистическим описаниям Земли Войска Донского.

В статье впервые в современной историографии подвергаются анализу поздние книги Н.И. Краснова – «Казак Иван Богатый» и «Донской казачий флот». Автор показывает, что до 1880-х гг. Н.И. Краснов оставался сторонником проправительственного либерализма и надеялся на реформы донского казачества сверху. Он считал, что казачество должно избегать прямых конфликтов с российским правительством и трансформироваться, адаптируясь к изменяющимся социально-политическим условиям. Большие надежды Н.И. Краснов связывал с предложенной им реформой призыва донского казачества, в рамках которой предлагалось казаков низовых станиц отправлять служить во флот. В статье сделан вывод, что идеи позднего Н.И. Краснова представляли собой своеобразное развитие «инструменталистской» политики правительства по отношению к донскому казачеству, предложенной Д.А. Милютиным.

Ключевые слова: Н.И. Краснов, общественная мысль донского казачества, Булавинское восстание в историографии, казачий флот.

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)

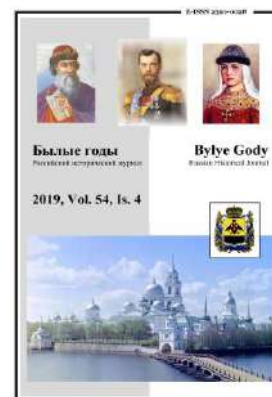
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1704-1715. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1704
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Features of the Organization and Functioning of the Court in the Russian Province in the late XIX – early XX centuries: on the Materials of the Arkhangelsk Province

Mikhail Yu. Kuprikov ^{a,*}, Nikita M. Kuprikov ^{a,b}, Oleg V. Minchuk ^c

^a Moscow Aviation Institute (National Research University), Russian Federation

^b ANO SIC Polar Initiative, Russian Federation

^c Russian Federation Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Russian Federation

Abstract

The article considers the peculiarities of the judicial system in the Russian province (drawn from the example of the Arkhangelsk province) in the late 19th – early 20th century. The functioning of the court during this period was directly related to the judicial reform of Alexander II, since its completion took place precisely at the end of the 19th century. The Arkhangelsk province had its own special geographical and economic characteristics, which encouraged the development of a distinctive scenario for the implementation of the reform, and as a result, a special model of the judicial system, different from the canonical models of the European part of Russia, was established.

Based on extensive regulatory material, the following features of the model are highlighted: lack of election of judges; expanded legal status of Justice of the Peace (as expressed in the combination of the investigative functions and competences in criminal and civil cases), absence of attorneys. The authors study quantitative indicators of judicial practice on the basis of archival data.

The official correspondence of judicial officials is introduced into scientific circulation. The article concludes, that the local judicial authorities were overloaded in the criminal and civil proceedings, which resulted in a decrease in the number of solved cases and of some indicators of the quality of justice.

Keywords: Judicial reform, Russian empire, judicial system, functioning of the judiciary.

1. Введение

Изучение особенностей организации и функционирования судебных органов в конце XIX века в масштабе как Российской империи, так и отдельных местностей (губерний, краев и областей) непосредственно связано с судебной реформой Александра II. Распространение принципов и институтов судебных уставов 1864 года на территории государства длилось более тридцати лет. Данный период включил в себя и «медовый месяц» (Гессен, 1905) судебной реформы, и деятельность по пересмотру и доработке основополагающих нормативных актов. Власти, понимая, что Российская империя является неоднородной по социально-экономическому развитию, этническому и религиозному составу, природно-географическим характеристикам, были вынуждены прибегать к различным форматам реализации судебных преобразований, что в свою очередь отразилось на специфике организации и функционирования судебных институтов. Такой подход способствовал не только повышению эффективности реформы, но и породил разного рода проблемы, такие как урезание самостоятельности судебной власти и несбалансированность устройства судебных органов.

* Corresponding author

E-mail addresses: mkuprikov@gmail.com (M.Yu. Kuprikov), nkuprikov@yandex.ru (N.M. Kuprikov), minchuk-oleg@rambler.ru (O.V. Minchuk)

В связи с этим важнейшим фактором, обуславливающим актуальность исследований обозначенной темы, является связь с современными процессами, происходящими в судебной системе Российской Федерации.

Исследователь судебной реформы 1864 года А.Д. Попова пишет о том, что обе реформы по целям и содержанию весьма похожи и во многих моментах совпадают (Попова, 2009: 5).

Действительно, в отечественной общественно-политической повестке главными трендами в этой области являются ориентация на повышение качества осуществления правосудия и совершенствование защиты законных прав и интересов граждан и организаций. Реализуется федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы». Идет модернизация основных институтов судебной системы.

Но точки соприкосновения и, как следствие, важность учета исторического опыта, намного масштабней. Так, судебная реформа 1864 года была не только институциональной, выстраивающей новую судебную систему, но и реформой процессуального и в некоторой степени материального права (Минчук, 2016: 151).

Мы вынуждены признать, что на сегодняшний момент назревает потребность в следующем витке реформы современной судебной системы РФ. Таким образом, аспект «проблематичности», на наш взгляд, служит одним из главных связующих звеньев, разделенных во времени реформ.

2. Материалы и методы

Статья подготовлена на основе архивных данных Государственного архива Архангельской области, в том числе впервые вводимых в научный оборот. Использованные архивные источники можно разделить на две категории: 1) материалы официального делопроизводства; 2) статистические материалы.

В исследовании были использованы различные виды делопроизводственной документации: официальная переписка между различными учреждениями, документы внутреннего пользования, просительные документы.

К статистическим материалам относятся отчеты мировых судей, лиц прокурорского надзора, окружного суда и губернаторской канцелярии. Нами были изучены систематические ведомости (о движении уголовных дел у мировых судей, гражданских дел – у мировых судей, ведомости дел в следственных округах), ведомости о движении уголовных и гражданских дел в Архангельском окружном суде и сводные ведомости о количестве и специфике преступлений.

Для изучения особенностей организационной структуры использовались нормативно-правовые акты, содержащиеся в Полном собрании законов Российской империи, преимущественно в собрании 1881–1913 гг.

Методологическую базу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы: 1) логические (абстрагирования, аналогии, индукции, дедукции, анализа и синтеза); 2) сравнительные (сравнительно-исторический и сравнительно-правовой); 3) формально-юридический (для анализа нормативного материала); 4) историко-генетический; 5) качественный анализ исторических документов (интерпретация).

3. Обсуждение

В целом, тема судебной реформы 1864 года имеет обширную дореволюционную, советскую и современную историографию.

Для целей нашего исследования важно отразить те научные работы, которые, во-первых, рассматривали не только нормативно-правовой аспект модернизации судебной системы Российской империи, но и предпринимали попытки проследить результативность реформы в исторической перспективе. Во-вторых, это исследования, отражающие специфику применения Судебных уставов к различным административно-территориальным единицам государства.

В первом, выделенном нами историографическом блоке, прежде всего стоит назвать фундаментальный трехтомный труд «Судебные уставы 20 ноября 1864 года за пятьдесят лет», вышедший в 1914 году. Авторы пытались «изобразить с возможною полнотою причины и ход судебной реформы, а равно применение Судебных уставов и развитие или изменение институтов нашего процессуального права в течение истекшего пятидесятилетия» (Судебные уставы, 1914: 7).

В трехтомнике затронуты вопросы оценки деятельности судебных органов. Приводится судебно-правовая статистика, анализируется правотворческая деятельность суда в уголовном и гражданском праве. Критически осмысливается характер отношений между судебной и административной властью с учетом законодательных изменений. Раскрываются темы влияния судебной реформы 1864 года на государственный и общественный строй России. Однако результаты деятельности оценивались в масштабе всей империи без учета региональной специфики (Минчук, 2016: 155).

Советская историография, особенно сталинского периода, в основном обходила стороной тему судебной реформы Александра II. Интерес появился лишь в научной литературе 60–80 гг. XX века.

О царском суде писали такие историки, как Б.В. Виленский (Виленский, 1969), П.А. Зайончковский (Зайончковский, 1970), М.Г. Коротких (Коротких, 1994).

Современные исследователи обратили внимание на региональную специфику реализации судебной реформы 1864 года. С 90-х годов XX века по настоящее время вышло большое количество диссертационных исследований. Их заслугой является обращение к детализированию сценариев воплощения судебных уставов на территории Российской империи и научному обоснованию специфических, не «каноничных» моделей основных судебных институтов (Минчук, 2016: 154). Подробное освещение истории ее изучения блестяще отражено в серии статей доктора юридических наук К.П. Краковского (Краковский, 2014а; Краковский, 2014б; Краковский, 2014с).

В своих исследованиях Л.С. Нестеренко, используя сочетание теоретических подходов и методов, в том числе социокультурного, обосновывает специфику проведения судебной реформы на подпространствах государства различными национальными, социальными, культурными, демографическими и религиозными особенностями. Структуру пореформенного суда автор однозначно определяет как полисистемную, включающую в себя адаптированные формальные судебные институты (Нестеренко, 2011).

На данную особенность указывает и исследователь истории суда Сибири В.М. Деревскова. Она отмечает, что этнонациональные и конфессиональные особенности России, неравномерность экономического и культурного развития ее регионов, цивилизационные различия, своеобразие жизненного уклада населения – все это необходимо было учитывать при подготовке и проведении реформ. Также она приводит классификацию территорий распространения судебных уставов (Деревскова, 2014).

Также историей суда в Архангельской губернии в последней четверти XIX века занималась Н.А. Латышева. Ее перу принадлежит две статьи: «Мировая юстиция: от обычая к законному суду» и «Клянусь творить суд по чистой совести». Она первой вводит периодизацию реализации судебной реформы 1864 г. в Архангельской губернии и рассматривает становление мировой юстиции в рамках этого процесса. Латышева делает вывод о том, что «вместе с мировой юстицией выстраивалась и вся судебная система в Северном крае» (Латышева, 2006; Латышева, 2012).

4. Результаты

Российская империя в конце XIX века с точки зрения административно-территориального устройства была сложным образованием. Обобщенные данные имеются на 1914 год, исходя из которых можно утверждать, что в состав государства входили 78 губерний (в том числе 8 финляндских), 21 область и 2 округа. Административно-территориальное устройство было достаточно устойчивым практически весь XIX век и в большей части сложилось еще к его середине. На момент начала реализации судебной реформы властям приходилось учитывать не только географический масштаб империи, но и особенности каждого из пространств.

11 января 1865 года комиссии, учрежденной для окончания работ по преобразованию судебной части, было поручено составить общий план и правила введения в действие судебных уставов 20 ноября 1864 года (Материалы, 1857–1866).

19 октября 1865 года было принято «Положение о введении в действие Судебных Уставов 20 ноября 1864 г.», по которому предполагалось ввести уставы в полном объеме в течение 1866 года в округах Санкт-Петербургской и Московской судебных палат, а также и во всех губерниях, управляемых по общему губернскому учреждению (ПСЗРИ, 1865: 75). В документе прописывалась возможность изменения порядка установления новых судебных органов в связи с условиями местностей.

Но еще в процессе обсуждения данного закона «в комиссии сложились две точки зрения на введение, хотя обе, несмотря на различие подходов и выводов, исходили из постулата, что одновременное и повсеместное введение Судебных уставов в жизнь невозможно, как минимум, по двум обстоятельствам: экономическому и кадровому» (Краковский, 2014d: 22).

В дальнейшем эта логика стала определяющей идеей судебных преобразований и введение судебных уставов 1864 года на всей территории Российской империи затянулось до конца XIX века. При этом сценарии реализации реформы, за исключением большинства губерний Европейской части России, были разнообразными.

Обратимся к опыту Архангельской губернии, так как географически она располагалась в Европейской части империи и управлялась на основании общего губернского учреждения, но в то же время территориально и экономически сильно отличалась от губерний, входящих в список первоочередных на внедрение судебных уставов 1864 года.

Министерством юстиции в каждую из губерний, в которой предполагалось открытие новых судебных установлений, были разосланы циркуляры для сбора статистической информации. Товарищу председателя Архангельской палаты уголовного и гражданского суда Архангельской губернии надворному советнику Климонтовичу данный документ был отправлен 8 мая 1865 года, в котором на него возлагалась ответственность за сбор необходимых судебно-статистических материалов (ГААО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 478. Л. 102).

Архангельская губерния на тот момент занимала пространство 757656 кв. версты и имела население 251552 человека (ГААО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 478. Л. 221-222). Данные судебной статистики свидетельствовали о том, что при введении Окружного суда ему в год в среднем будет подведомственно 450 уголовных и 94 гражданских дела (ССС, 1866). Мировым судебным установлениям бы подлежало в год в среднем 512 уголовных и 414 гражданских дел (ССС, 1866).

Но, несмотря на усилия местных чиновников в лоббировании идеи обновления судебной системы Архангельской губернии, процесс реализации затянулся на более чем двадцать лет, а окончательно она оформилась лишь к концу XIX века.

Далее рассмотрим процесс внедрения судебных институтов и их правовой статус в Архангельской губернии. В 1886 году была учреждена временная должность мирового судьи и его помощника на части (Мурманский берег) территории Архангельской губернии. Эта мера утверждалась «Временными правилами о судопроизводстве на Мурманском берегу Архангельской губернии во время навигации» (далее – «Временные правила 1886») от 12 июня 1886 года (ПСЗРИ, 1886).

В соответствии с «Временными правилами 1886» штат Архангельской палаты уголовного и гражданского суда пополнялся должностями члена этой палаты и судебного следователя (по одной). Они вводились для того чтобы выполнять функцию мирового судьи и его помощника при производстве дел, возникающих на Мурманском берегу Архангельской губернии во время навигации (ст. 1, 2). Под Мурманским берегом подразумевались становища, расположенные на северном побережье Кольского полуострова от реки Воремя до мыса Св. Носа (ст. 2) (ПСЗРИ, 1886: 301). Командируемые лица определялись постановлением Архангельской палаты уголовного и гражданского суда и в обязательном порядке утверждались министром юстиции (ст. 3) (ПСЗРИ, 1886: 301).

Раскрывая правовой статус временного мирового судьи и его помощника, стоит сказать, что «Временными правилами 1886» не устанавливалось специальных требований к лицам, выступающим в этих качествах. Закреплялась лишь подсудность.

В гражданском судопроизводстве временному мировому судье были подсудны иски:

- 1) как по личным обязательствам и договорам, так и о движимом и недвижимом имении ценою не свыше двух тысяч;
- 2) о вознаграждении за ущерб и убытки, когда количество их не превышает двух тысяч рублей или же во время предъявления иска не может быть положительно известно;
- 3) о личных обидах и оскорблениях;
- 4) о восстановлении нарушенного владения, когда со времени нарушения прошло не более шести месяцев;
- 5) о праве участия частного в пользовании и выгодах чужого имущества, когда со времени его нарушения прошло не более года (УТС).

Окончательными решениями признавались те, на которые иск не превышал ста рублей и не относился к недвижимому имению (УТС).

В уголовном судопроизводстве временному мировому судье были подсудны дела по преступлениям и проступкам, наказание за которые не было сопряжено с лишением или ограничением прав состояния, а сумма штрафа, взыскиваемого с виновного, не превышала 600 рублей (либо вкпе с гражданским иском о вознаграждении за вред и убытки – до 2000 рублей).

Окончательные приговоры выносились по делам, за которые назначалось наказание в виде внушения, замечания, выговора, ареста не более чем на три дня и денежного взыскания (в сумме с гражданским иском) не выше ста рублей (УУС).

Архангельская палата уголовного и гражданского суда в то же время, в случае жалобы на неокончательные решения временного мирового судьи, выступала в качестве мирового съезда (ст. 7) (ПСЗРИ, 1886: 302).

Но серьезные изменения в судоустройстве Архангельской губернии произошли после принятия «Временных правил об устройстве мировых судебных установлений и следственной части в Архангельской губернии» от 12 декабря 1888 года (далее – «Временные правила 1888»). Согласно им, учреждались мировые судебные установления с упразднением должностей, введенных «Временными правилами 1886» (ПСЗРИ, 1888), в том числе – судебных следователей, уездных и словесных судов.

Судебная система Архангельской губернии приобретала следующий вид: мировые суды, совмещающие обязанности судебных следователей по делам, подсудным Палате уголовного и гражданского суда, становились нижним звеном. Мировые судьи делились на участковых и добавочных. Института почетных мировых судей для Архангельской губернии не предусматривалось.

В отличие от «Временных правил 1886» правовой статус рассматриваемого судебного института был прописан более четко. Мировые судьи Архангельской губернии назначались министром юстиции (ст. 2). Срок занятия должности ограничивался тремя годами, но повторное назначение запрещено не было. Ценовые и одновременно квалификационные требования устанавливались согласно пунктам 1 и 2 статьи 19 и статьи 21 УСУ (ПСЗРИ, 1888: 598).

Возвращаясь к требованиям, заметим, что «Временными правилами 1888» исключался имущественный ценз для мировых судей Архангельской губернии. Они должны были соответствовать

только возрастному (не менее 25 лет), образовательному (образование в высших или средних учебных заведениях) и цензу стажа (не менее трех лет практики по судебному ведомству) (ПСЗРИ, 1888: 599).

Статья 21 «Временных правил 1888», применявшаяся без исключений, устанавливала запреты замещать должность мирового судьи лицам, состоящим под следствием или судом, исключенным из службы по суду, или из духовного ведомства и объявленных несостоятельными должниками, или состоящих под опекой за расточительство (ПСЗРИ, 1888: 600).

Добавочные мировые судьи получали право исполнять обязанности участкового мирового судьи в случаях отсутствия, болезни или смерти, а также чрезмерной нагрузки последних (ПСЗРИ, 1888: 600).

Подсудность мировых судебных установлений как в уголовной, так и гражданской юрисдикции оставалась в рамках, обозначенных во «Временных правилах 1886».

Стоит назвать еще некоторые особенности правового статуса мировых судей в Архангельской губернии. Им, помимо прямых обязанностей, вменялось исполнять должности нотариусов, где таковых не будет (раздел VII, пункт 1), и исполнение поручений губернского по опекунам делам присутствия (статья 14) (ПСЗРИ, 1888: 599). Также, согласно статьям 16 и 17, мировые судьи могли пополнять присутствие Архангельской палаты уголовного и гражданского суда, выступающей в качестве мирового съезда, и даже исполнять обязанности неперменного члена съезда.

«Временные правила 1888» не предусматривали появления таких институтов, как присяжные поверенные и судебные приставы. Исполнительное производство как на решения мировых судей, так и Палаты в качестве мирового съезда, согласно статье 28, возлагалось на чины местной полиции или волостные и сельские начальства.

Устранение данных недостатков началось с утверждения «Временных правил об устройстве судебной части и о порядке производства судебных дел в Архангельской губернии» от 29 января 1896 года (далее – «Временные правила 1896»).

В соответствии с ними для всех уездов Архангельской губернии учреждался один окружной суд, причислявшийся к округу Московской судебной палаты. Одновременно упразднялись Палата уголовного и гражданского суда, а также должности губернского прокурора и его товарищей, они заменялись на должности прокурора окружного суда и его товарищей. Ликвидации подлежал и Коммерческий суд, неоконченные дела которого передавались в окружной суд (раздел VIII) (ПСЗРИ, 1896: 71).

В соответствии со статьей 6 «Временных правил 1896» обязанности мирового съезда возлагались на окружной суд, как и общий надзор за мировой юстицией (ПСЗРИ, 1896: 73). Для исполнения решений мировых судей и окружного суда учреждались судебные приставы.

В некоторой степени менялась структура и правовой статус мировой юстиции в Архангельской губернии. Во-первых, вводились должности почетных мировых судей. Во-вторых, оставаясь в пределах юрисдикции (уголовной и гражданской), указанной в «Временных правилах 1888», уточнялись требования для лиц, претендующих на эти должности. Согласно статье 1 «Временных правил 1896», участковые и добавочные мировые судьи, назначаясь, как и прежде, министром юстиции, должны были удовлетворять критериям, указанным в статьях 200–202 и 205 УСУ (ПСЗРИ, 1896: 73). Существенного изменения в цензовом отношении не было, помимо того, что вводился барьер «русского подданства», который, по крайней мере формально, не звучал в главе второй УСУ «О порядке избрания и утверждения мировых судей». Оставались в силе препятствия (судимость, статус должника и т.д.), возраст (25 лет), образование (высшее/среднее).

Институт присяжных поверенных также имел свои особенности. В 1896 году в Архангельской губернии не предусматривалось создания отделения присяжных поверенных и на основании статьи 378 УСУ права и обязанности его принадлежали местному окружному суду. В обозначенном выше штате не упоминалось должностей присяжных поверенных. Но по общей практике возможностью осуществлять функции защиты и представительства имели и другие лица судебного ведомства (близкие родственники, частные поверенные и иные лица).

Мировой суд Архангельской губернии, обладая высоким правовым статусом, одновременно нес на себе бремя обязанностей, не связанных с судопроизводством. Как ни парадоксально, но факторами, понижающими эффективность деятельности суда первой инстанции, могли стать обе вышеперечисленные особенности.

Дело в том, что уже в 1891 году возникает целый комплекс проблем, связанных с функционированием мировой юстиции. Губернский прокурор отразил их в своем докладе министру юстиции. В целом преобразования в судебной системе, по его мнению, принесли положительный эффект (ГААО. Ф. 69. Оп. 20. Д. 4. Л. 3). Тем не менее соединение судебных и следственных функций в одном лице уже тогда выявило сложности, вставшие перед мировыми судьями. Подобная проблема имела определенную локализацию, а именно – город Архангельск (ГААО. Ф. 69. Оп. 20. Д. 4. Л. 3).

В докладе прокурором был выделен еще ряд сложностей. На этапе становления мировой юстиции, когда этот институт только приспособлялся к особым условиям и правовым традициям Архангельской губернии, возникла проблема отношений между мировыми судьями и представителями местной администрации, и даже лицами прокурорского надзора (ГААО. Ф. 69.

Оп. 20. Д. 4. Л. 5). Уездные исправники, не имея представления о механизме разделения судебной и исполнительной власти, на первых порах не исполняли поручения судей и даже пытались давать свои (ГААО. Ф. 69. Оп. 20. Д. 4. Л. 5).

Широкая юрисдикция, которой обладали мировые судьи Архангельской губернии, в условиях огромнейших пространств должна была помочь населению в решении своих гражданских споров либо уголовных дел, снижая до минимума передвижение участников судопроизводства. Но такой механизм работал при условии небольшого количества дел, и как следствие, малой загруженности мировых судей. Расширение обязанностей и одновременное увеличение делопроизводства имело последствием снижение качества и эффективности в гражданском и уголовном судопроизводстве мировой юстиции.

Анализ статистических данных позволит спрогнозировать влияние обозначенных факторов и охарактеризовать процесс функционирования исследуемого объекта.

На протяжении рассматриваемого периода общее количество дел, производящихся в мировых судах Архангельской губернии, имело тенденцию к увеличению. Как видно из рисунка 1, в 1896 году рассматривалось 2246 гражданских и 3759 уголовных дел, а в 1913 году (имеющем максимальный показатель) – 6173 гражданских и 13093 уголовных дела. Таким образом, за 17 лет количество судопроизводственной практики выросло в 3,5 раза.

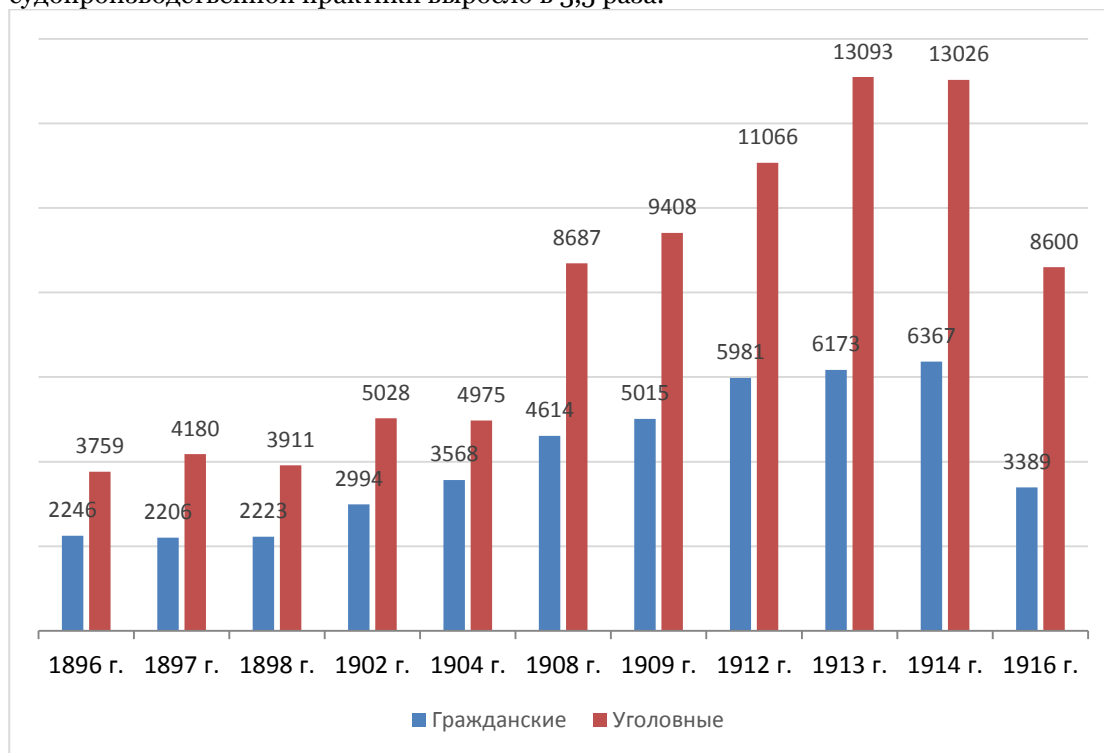

Рис. 1. Количество гражданских и уголовных дел, производившихся в мировых судебных установлениях Архангельской губернии (1896–1916 гг.) (по данным ГААО). (ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 6. Л. 201; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 48. Л. 71; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 85. Л. 33; ГААО Ф. 69. Оп. 9. Д. 256. Л. 66-112; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 340)

Примерно до начала XX века уровень дел был приблизительно равный, но после обозначился рост, продолжавшийся вплоть до Первой мировой войны. Стоит отметить, что разница количества уголовных и гражданских дел все время была стабильной и составляла полутора–двухразовое преобладание уголовных.

В гражданских делах разбирательства проходили в основном по долговым обязательствам: 1510 – в 1896 году, 1870 – в 1909 году и 1059 – в 1916 году. Также были распространены правонарушения, производящиеся в охранительном порядке, такие как о разделе наследства, о вводе во владение недвижимым имуществом: 139 – в 1896 году, 221 – в 1916 году (ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 6. Л. 201; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 354. Л. 113; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 499. Л. 32; ГААО Ф. 69. Оп. 9. Д. 620. Л. 155 об.).

В уголовных делах преобладали преступления против общественного благоустройства и благочиния, например, в 1899 году – 806, а 1904 году – 1246. Второй самой многочисленной группой были преступления против собственности частных лиц: 792 – в 1899 году и 855 – в 1904 году (ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 102а. Л. 38; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 256. Л. 5).

Оценить, как смогли отреагировать мировые судьи на столь бурный рост дел и как это сказалось на качестве их производства, позволит ряд дополнительных показателей, выведенных для удобства в процентном отношении. Речь пойдет о количестве, а точнее проценте решенных мировыми судьями дел.

Общий показатель решаемости дел, особенно с 1896 года и практически все первое десятилетие XX века, достаточно высок. Как видно из рисунков 2 и 3, из всех гражданских дел в 1898 году мировыми судьями было решено 89,8 %, а уголовных – 86,7 %. Стоит заметить, что в том и другом виде судопроизводства примерно с 1908 года этот показатель начинает падать.

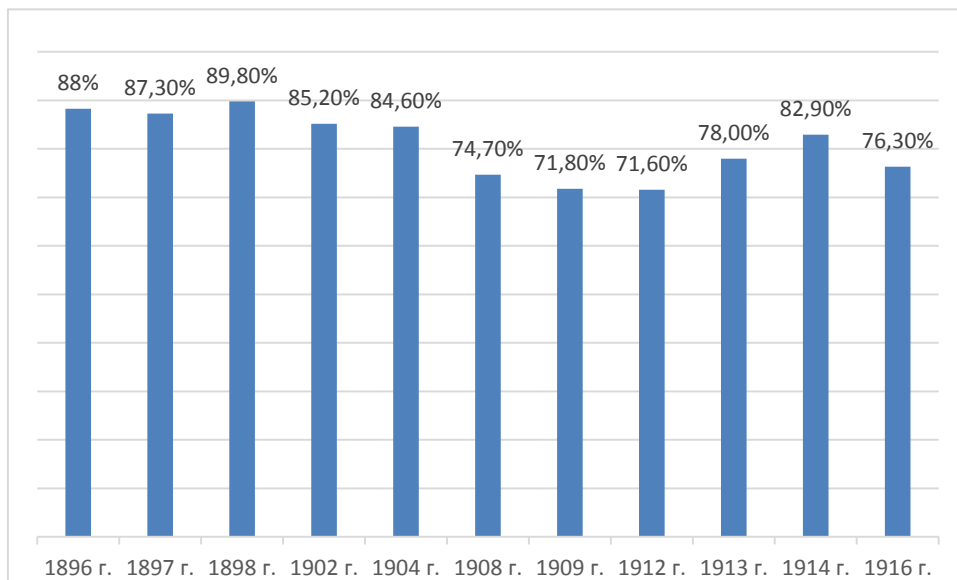

Рис. 2. Процент гражданских дел, решенных мировыми судьями Архангельской губернии в 1896–1916 гг. (ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 6. Л. 201; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 48. Л. 71; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 85. Л. 33; ГААО Ф. 69. Оп. 9. Д. 256. Л. 66-112; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 340)

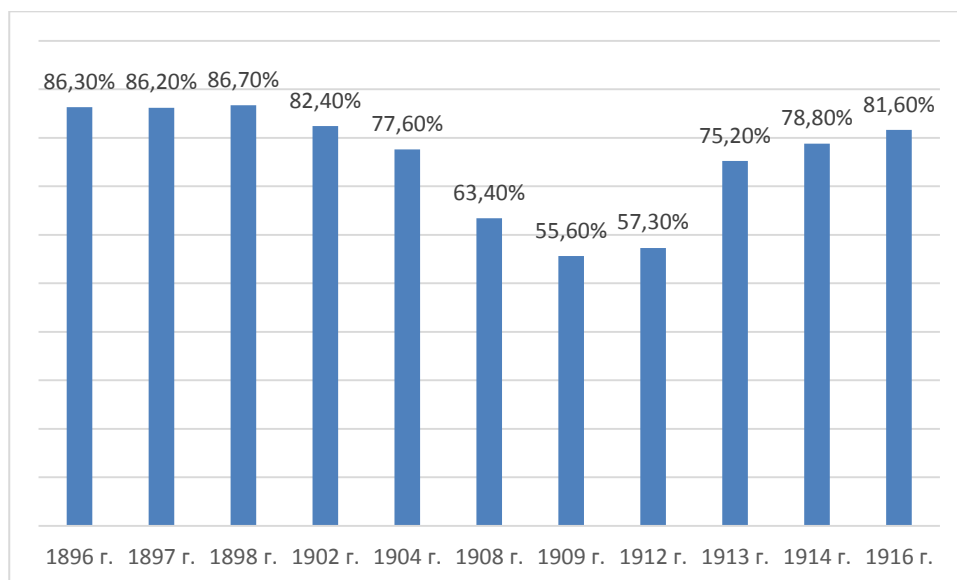

Рис. 3. Удельный вес уголовных дел, решенных мировыми судьями Архангельской губернии в 1896–1916 гг. (ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 6. Л. 201; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 48. Л. 71; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 85. Л. 33; ГААО Ф. 69. Оп. 9. Д. 256. Л. 66-112; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 340)

В решении гражданских дел падение уровня было менее сильно выражено, чем в уголовных. Так, в 1908 году мировые судьи Архангельской губернии разрешили 74,7 % дел, в 1909 году – 71,8 %, а в 1912 – 71,6 %. Приблизиться к уровню конца XIX века они смогли лишь в 1914 году.

В фокусе уголовных дел четче проявляется обнаруженная закономерность. Показатель начинает снижаться еще в 1904 году и своего минимума достигает в 1909 году и составляет 55,6 %

против 77,6 % в 1904 г. Значительное повышение решаемости дел появляется лишь к концу Первой мировой войны – 81,6 %.

В статистических отчетах, направляемых судебными инстанциями и прокурорами в Министерство юстиции, фиксировался еще один важный показатель: чиновниками приводилась градация нерешенных мировыми судьями дел. Уголовные и гражданские дела делились на не решенные по причинам, не зависящим от сторон, и не решенные по причинам, не зависящим от суда (ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 449. Л. 30).

К первым, согласно специальному циркуляру Министерства юстиции, выпущенному в 1912 году и адресованному всем председателям окружных судов, относились дела «[...] которые не получили разрешения за наступлением очереди их назначения в течение отчетного полугодия [...]» (ГААО. Ф. 69. Оп. 2. Д. 70. Л. 8).

Ко вторым причислялись разного рода причины, такие как неявка важных свидетелей или участников процесса, необходимость переноса заседания для выяснения дополнительных обстоятельств преступления (УУС).

Процент дел, не решенных по причинам, не зависящим от сторон, у мировых судей Архангельской губернии был существенен. По гражданским делам за разные годы он колебался от 18,7 % до 46,7 % (ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 6. Л. 201; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 48. Л. 71; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 85. Л. 33; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 256. Л. 66-112; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 340). По уголовным – от 18,5 % до 58 % (ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 6. Л. 199; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 48. Л. 69; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 85. Л. 31; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 256. Л. 20-64). Абсолютной решаемости в судебной практике не может быть, но наличие, а зачастую преобладание дел, не решенных вследствие того, что не подошла их очередь, доказывает, что существовали определенные проблемы загруженности мировых судей либо их некомпетентности.

На наш взгляд, интересна динамика обозначенного выше показателя как у гражданских, так и уголовных дел. Тенденция наблюдается такая же, как и у общего показателя решаемости. Только если решаемость с 1908 года падала и через несколько лет достигала своего минимума, то проценты нерешенных дел по не зависящим от сторон причинам с этого же времени начинают расти. Для сравнения возьмем 1904 год, подобных гражданских дел было 18,7 %, уголовных – 18,5 % (восьмилетний минимум), а в 1908 году гражданских было уже 41,7 %, уголовных – 29,3 %.

Причины этого связаны с увеличением числа разбираемых мировыми судьями дел и в свою очередь отсутствием должной и своевременной реакции со стороны государства. Количество судей остается на прежнем уровне (22 человека), нагрузка же увеличивается в разы.

Нагрузка мировых судей Архангельской губернии по уездам была распределена крайне неравномерно. Взяв для анализа несколько лет (у гражданских дел – это 1896 год, 1912 год, имеющий самый низкий показатель решаемости и 1914 год как рубеж критического периода), мы получили следующие данные. Лидером по объему судебной практики был город Архангельск, в 1896 г. – 38 % всех дел, возникших в губернии, производились тут, в 1912 г. – 45 %, в 1914 г. – 41 %. Вторым был Архангельский уезд: 17 %, 9 % и 14 % соответственно (ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 6. Л. 201; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 499. Л. 3; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 527. Л. 278).

Для рассмотрения уголовных дел были взяты другие годы (1896 г., 1909 г., 1913 г.), но применены те же критерии. Первое место удерживает, как и у гражданских, город Архангельск: 27 % – в 1896 г., 21 % – в 1909 г., 36 % – в 1913 г. Но вторым по численности является Шенкурский уезд: 16 % – в 1896 г., 16 % – в 1909 г., 11 % – в 1913 г. (ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 6. Л. 199; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 354. Л. 111; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 483. Л. 206).

Получается, что на 5 судей из 22 на протяжении всего периода функционирования мировой юстиции ежегодно приходилось больше половины всех возникающих дел. После 1908 года каждому судье Архангельска и Архангельского уезда в среднем приходилось решать больше 1000 дел в год. Для сравнения в Пинежском уезде мировыми судьями производилось в среднем 8 % дел и каждым не больше 350 дел в год.

Сложная ситуация прослеживается и в Александровском уезде, бывшем Кольском. Общий процент дел в масштабе губернии зафиксирован не высокий: 1 % – в 1896 г., 5 % – в 1912 г., 3 % – в 1914 г. Но мировой судья был лишь один, и в кризисный период в этом мировом участке возникало до 700 дел в год.

Рассмотрим также и деятельность окружного суда Архангельской губернии, периодически выполнявшего функции мирового съезда.

По уставу гражданского судопроизводства на решения мировых судей по искам, цена которых превышает тридцать рублей или которые не подлежат оценке, могли быть приносимы апелляционные жалобы (УГС). Просьбы об отмене решений мировых судей могут быть трех родов: о кассации решений, не подлежащих апелляции; о пересмотре решений; просьбы не участвовавших в деле лиц (УГС). Кассации допускались в случае явного нарушения прямого смысла закона или неправильного его толкования, также в случае нарушения обрядов и форм судопроизводства или нарушения пределов ведомства или власти мировыми судьями (УГС).

По уставу уголовного судопроизводства на неокончательные приговоры мировых судей обе стороны (прокурор и подсудимый) могут приносить отзывы по всем предметам дела, относящимся к ним. Отзывы могли приноситься как письменно, так и словесно (УУС). Это была своего рода апелляция. На окончательные приговоры мировых судей допускались жалобы сторон и протесты товарища прокурора в кассационном порядке (УУС). Приносились они в тех же случаях, что и по гражданским делам.

Общее количество дел, рассматриваемых в окружном суде в качестве мирового съезда, на протяжении с 1896 по 1916 годы составляет более низкое значение, чем у мировых судей. В 1896 году там производилось 117 гражданских дел и 176 уголовных, а в 1912 году – 506 и 603 соответственно (ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 6. Л. 207; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 85. Л. 37; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 102а. Л. 57, 59; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 148. Л. 47,49; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 198. Л. 31, 33; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 309. Л. 4, 6; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 340. Л. 42, 44; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 354. Л. 5; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 449. Л. 9; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 483. Л. 222; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 527. Л. 259; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 573. Л. 6; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 620. Л. 126). Получается, что в 1896 году на 5,2 % решений по гражданским делам участниками процесса приносились жалобы либо протесты, а по уголовным этот показатель равен 4,6 %, в 1912 г. – 8,4 % и 5,4 %.

Динамика роста числа разбирательств в окружном суде превышает аналогичную у мирового, в гражданских делах в 1914 было в 6,2 раза больше процессов, чем в 1896, а уголовных – в 3,7 раза (ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 6. Л. 207; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 85. Л. 37; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 102а. Л. 57, 59; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 148. Л. 47,49; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 198. Л. 31, 33; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 309. Л. 4, 6; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 340. Л. 42, 44; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 354. Л. 5; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 449. Л. 9; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 483. Л. 222; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 527. Л. 259; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 573. Л. 6; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 620. Л. 126). Апелляционных жалоб, как правило, было больше: так, в 1908 году 320 против 56 (ГААО. Ф. 69. Оп. 1. Д. 449. Л. 9) разбиравшихся в кассационном порядке, в 1912 году 225 против 89 (ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 340. Л. 42, 44).

Окружной суд в качестве мирового съезда также имел показатель решаемости, но ситуация складывалась совершенно иная, чем у мировых судей. Не существует прямой зависимости роста количества дел и эффективности их производства. По гражданским искам динамика на протяжении всего рассматриваемого времени ровная, ниже 70 % этот показатель не падает, так, в 1896 году – 81,1 %, в 1908 – 78,6 %, в 1914 – 79,2 % (ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 6. Л. 207; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 85. Л. 37; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 102а. Л. 57, 59; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 148. Л. 47, 49; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 198. Л. 31, 33; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 309. Л. 4, 6; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 340. Л. 42, 44; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 354. Л. 5; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 449. Л. 9; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 483. Л. 222; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 527. Л. 259; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 573. Л. 6; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 620. Л. 126). По уголовным делам более нестабильное положение: в 1908 году решаемость резко снижается до 57,5 %, но в остальное время уровень держится также более 70 %, в 1896 г. – 71 %, а в 1914 – 90,5 %.

Отчетливо выраженного кризиса функционирования этого элемента мирового суда не наблюдается по нескольким причинам. Фактическое количество дел и динамика их роста гораздо меньше, чем у мировых судей, а факт того, что окружной суд принимал решения коллегиально, в разы снимает нагрузку с каждого отдельного судьи. Так, 7–9 судей производили с учетом дел, подсудных окружному суду как первой инстанции, в 1914 году – 3346 гражданских и уголовных дел (ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 6. Л. 207; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 85. Л. 37; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 102а. Л. 57, 59; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 148. Л. 47, 49; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 198. Л. 31, 33; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 309. Л. 4, 6; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 340. Л. 42, 44; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 354. Л. 5; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 449. Л. 9; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 483. Л. 222; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 527. Л. 259; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 573. Л. 6; ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 620. Л. 126), в то же время 22 мировых судьи – 17047 дел. К этому следует прибавить более высокий уровень образования членов окружного суда и их служебный опыт.

Подача апелляционных и кассационных жалоб является отражением уровня правовой грамотности населения. Особенно это характерно для периода 1889–1896 гг.: протесты подавались либо в неправильной форме, либо по истечению отведенного законом срока. Например, в 1889 году несколькими рыбаками была подана кассационная в Палату уголовного и гражданского суда на решение мирового судьи 1 участка Архангельского уезда. Суть дела заключалась в том, что кто-то испортил рыболовные сети истцов, но судья определил, что подобное дело производится вне его юрисдикции. Вышестоящий орган признал постановление неправильным, но жалобу решено было оставить без последствий. Причина состояла в том, что преступление случилось в 1885 году, а иск был подан в 1889, таким образом, истек годичный срок подачи исков (ГААО. Ф. 68. Оп. 4. Д. 3. Л. 11-18).

По уголовным делам жалобы на медленность мировых судей в основном подавались лицами прокурорского надзора. В 1905 году 14 февраля в Пинеге произошло столкновение между политическими ссыльными и рабочими, последствием чего стали несколько ранений и обострение отношений, грозящее перетечь в более радикальное направление. Губернский прокурор, получив все сведения о деле, направил жалобу на мирового судью, производившего следствие и, по его мнению, допустившего медлительность. Но состоявшееся в октябре 1905 года заседание Палаты оправдало судью, приняв во внимание его загруженность (ГААО. Ф. 69. Оп. 4. Д. 185. Л. 1, 5).

5. Заключение

Таким образом, приведенные данные свидетельствуют о существовании особенной модели судостроительства в Архангельской губернии, к характерным чертам которой можно отнести отсутствие выборности судей, расширенный правовой статус мировой юстиции (выраженный в совмещении следственных функций и полномочий по разбирательству уголовных и гражданских дел), отсутствие присяжных поверенных. Анализ результатов деятельности показывает, что возникали проблемы с перегруженностью мировых судей, что в свою очередь было связано с неравномерным распределением нагрузки по уездам губернии.

Стоит отметить, что проблематика функционирования реформированных судебных органов является пока малоизученной и требует разработки конкретной методологической модели. Но ряд показателей, который представлен в данной статье, безусловно, может войти в нее и приблизить исследователей к пониманию значения судебной реформы 1864 года в истории отечественной судебной практики.

Литература

- Виленский, 1969** – Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов. 1969. 400 с.
- ГААО** – Государственный архив Архангельской области.
- Гессен, 1905** – Гессен И.В. Судебная реформа. СПб., 1905. 267 с.
- Деревскова, 2014** – Деревскова В.М. Пространственно-временные проблемы реализации судебной реформы 1864 г. // Сибирский юридический вестник. 2014. № 4. С. 21-27.
- Зайончковский, 1970** – Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. Политическая реакция 80-х – начала 90-х годов. М., 1970. 444 с.
- ССС, 1866** – Судебно-статистические сведения и соображения о введении судебных уставов 20-го ноября 1864 года: (по 32 губерниям): Ч. 1. Санкт-Петербург. 1866. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prlib.ru/item/372579> (дата обращения: 10.11.2019).
- Коротких, 1994** – Коротких М.Г. Судебная реформа 1864 года в России: (сущность и социально-правовой механизм формирования). Воронеж. 1994. 240 с.
- Краковский, 2014a** – Краковский К.П. Советская историография судебной реформы 1864 года и истории пореформенного суда в России // *Новый ракурс*. 2014. № 9–2. С. 43-67.
- Краковский, 2014b** – Краковский К.П. Зарубежная историография судебной реформы 1864 г. // *Новый ракурс*. 2014. № 8. С. 115-143.
- Краковский, 2014c** – Краковский К.П. Современная российская историография судебной реформы 1864 года и пореформенной истории российского суда // *Новый ракурс*. 2014. № 9. С. 32-56.
- Краковский, 2014d** – Краковский К.П. Проведение судебной реформы в России. Часть I (посвящается 150-летию судебной реформы 1864 г.) // *Северо-Кавказский юридический вестник*. 2014. № 3. С. 20-25.
- Латышева, 2006** – Латышева Н.А. Клянусь творить суд по чистой совести // *Судебный вестник*. 2006. № 1. С. 72.
- Латышева, 2012** – Латышева Н.А. Особенности организации мировой юстиции в Архангельской губернии начала XX века // *Мировой судья*. 2012. № 10. С. 22-24.
- Материалы, 1857–1866** – Материалы по судебной реформе в России 1864 года. Т. 68. Работы по введению судебных уставов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prlib.ru/item/343203> (дата обращения: 10.11.2019)
- Минчук, 2016** – Минчук О.В. Реализация судебной реформы 1864 года в научном дискурсе: критика и концептуализация // Историко-правовые проблемы // *Новый ракурс*. 2016. № 15. С. 150-164.
- Нестеренко, 2011** – Нестеренко Л.С. Реализация судебной реформы 1864 г. на территории Российской империи // Адвокат. 2011. № 5. С. 66-68.
- Попова, 2009** – Попова А.Д. Фемида в эпоху преобразований: судебные реформы 1864 г. и рубежа XX–XXI вв. в контексте модернизации. М., 2009. 360 с.
- ПСЗРИ, 1865** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XL. СПб. 1865. № 42587. [Электронный ресурс]. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 10.11.2019).
- ПСЗРИ, 1886** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. VI. СПб. 1886. № 3804. [Электронный ресурс]. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 10.11.2019).
- ПСЗРИ, 1888** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. VIII. СПб. 1888. № 5630. [Электронный ресурс]. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 10.11.2019).
- ПСЗРИ, 1896** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. XVI. СПб. 1896. № 12483. [Электронный ресурс]. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 10.11.2019).
- Судебные уставы, 1914** – Судебные уставы за 50 лет. Петроград, 1914. Т. 1. С. 7.

УТС – Устав гражданского судопроизводства [Электронный ресурс]. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/238/151.html#img152.html> (дата обращения: 10.11.2019)

УУС – Устав уголовного судопроизводства [Электронный ресурс]. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/238/256.html> (дата обращения: 10.11.2019)

References

- Derevskova, 2014** – *Derevskova V.M.* (2014). Prostranstvenno-vremennye problemy realizacii sudebnoj reformy 1864 g. [Spatiotemporal problems of the implementation of the judicial reform of 1864]. *Sibirskij juridicheskij vestnik*. № 4. pp. 21-27 [in Russian]
- GAO** – Gosudarstvennyj arhiv Arhangel'skoj oblasti. [State Archive of the Arkhangelsk Region].
- Gessen, 1905** – Gessen I.V. (1905). Sudebnaya reforma. [Judicial reform] SPb., 267 p. [in Russian]
- Korotkih, 1994** – *Korotkih M.G.* (1994). Sudebnaya reforma 1864 goda v Rossii: (sushchnost' i social'no-pravovoj mekhanizm formirovaniya). [Judicial reform of 1864 in Russia: (essence and socio-legal mechanism of formation)]. Voronezh, 240 p. [in Russian]
- Krakovskij, 2014a** – *Krakovskij K.P.* (2014). Sovetskaya istoriografiya sudebnoj reformy 1864 goda i istorii poreformennogo suda v Rossii [Soviet historiography of the judicial reform of 1864 and the history of the post-reform court in Russia]. *Novyj rakurs*. № 9-2, pp. 43-67. [in Russian]
- Krakovskij, 2014b** – *Krakovskij K.P.* (2014). Zarubezhnaya istoriografiya sudebnoj reformy 1864 g. [Foreign historiography of the judicial reform of 1864]. *Novyj rakurs*. № 8, pp. 115-143. [in Russian]
- Krakovskij, 2014c** – *Krakovskij K.P.* (2014). Sovremennaya rossijskaya istoriografiya sudebnoj reformy 1864 goda i poreformennoj istorii rossijskogo suda [Modern Russian historiography of the judicial reform of 1864 and the post-reform history of the Russian court]. *Novyj rakurs*. № 9, pp. 32-56. [in Russian]
- Krakovskij, 2014d** – *Krakovskij K.P.* (2014). Provedenie sudebnoj reformy v Rossii. chast' I (posvyashchaetsya 150-letiyu sudebnoj reformy 1864 g.) [Conducting judicial reform in Russia. Part I (dedicated to the 150th anniversary of the judicial reform of 1864)]. *Severo-Kavkazskij juridicheskij vestnik*. № 3, pp. 20-25. [in Russian]
- Latysheva, 2006** – *Latysheva N.A.* (2006). Klyanus' tvorit' sud po chistoj sovesti [I swear to do justice in quiet conscience]. *Sudebnyj vestnik*. № 1, p. 72. [in Russian]
- Latysheva, 2012** – *Latysheva N.A.* (2012). Osobennosti organizacii mirovoj yusticii v arhangel'skoj gubernii nachala 20 veka [Features of the organization of world justice in the Arkhangelsk province of the early 20th century]. *Mirovoj sud'ya*. № 10, pp. 22-24. [in Russian]
- Materialy, 1857–1866** – Materialy po sudebnoj reforme v Rossii 1864 goda. [t. 68]. raboty po vvedeniyu sudebnyh ustavov [Materials on judicial reform in Russia in 1864. [t. 68]. judicial statutes] [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.prlib.ru/item/343203> (data obrashcheniya: 10.11.2019). [in Russian]
- Minchuk, 2016** – *Minchuk O.V.* (2016). Realizaciya sudebnoj reformy 1864 goda v nauchnom diskurse: kritika i konceptualizaciya [The implementation of the judicial reform of 1864 in the scientific discourse: criticism and conceptualization]. *Istoriko-pravovye problemy: Novyj rakurs*. № 15, pp. 150-164. [in Russian]
- Nesterenko, 2011** – *Nesterenko L.S.* (2011). Realizaciya sudebnoj reformy 1864 g. na territorii Rossijskoj imperii [Implementation of the judicial reform of 1864 on the territory of the Russian Empire]. *Advokat*. №5, pp. 66-68. [in Russian]
- Popova, 2009** – *Popova A.D.* (2009). Femida v epohu preobrazovanij: sudebnye reformy 1864 g. i rubezha XX-XXI vv. v kontekste modernizacii. [Themis in the era of transformation: judicial reforms of 1864 and the turn of the XX-XXI centuries. in the context of modernization] M., 360 p. [in Russian]
- PSZRI, 1865** – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii Sobr. 2. T. XL. Spb. 1865. № 42587. [Elektronnyj resurs]. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (data obrashcheniya: 10.11.2019). [in Russian]
- PSZRI, 1886** – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire] Sobr. 3. T. VI. Spb. 1886. № 3804. [Elektronnyj resurs]. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (data obrashcheniya: 10.11.2019). [in Russian]
- PSZRI, 1888** – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire] [Complete collection of laws of the Russian Empire] Sobr. 3. T. VIII. Spb. 1888. № 5630. [Elektronnyj resurs]. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (data obrashcheniya: 10.11.2019). [in Russian]
- PSZRI, 1896** – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire] Sobr. 3. T. XVI. Spb. 1896. № 12483. [Elektronnyj resurs]. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (data obrashcheniya: 10.11.2019). [in Russian]
- SSS, 1866** – Sudebno-statisticheskie svedeniya i soobrazheniya o vvedenii sudebnyh ustavov 20-go noyabrya 1864 goda: (po 32 guberniyam): Ch. 1. [Forensic statistics and considerations on the introduction of judicial statutes on November 20, 1864: (for 32 provinces): Part 1]. Sankt-Peterburg. 1866. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.prlib.ru/item/372579> (data obrashcheniya: 10.11.2019). [in Russian]
- Sudebnye ustavy, 1914** – Sudebnye ustavy za 50 let. [50-year judicial statutes] Petrograd, 1914. T. 1. [in Russian]

UGS – Ustav grazhdanskogo sudoproizvodstva [Charter of Civil Procedure] [Elektronnyj resurs]. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/238/151.html#img152.html> (data obrashcheniya: 10.11.2019). [in Russian]

UUS – Ustav ugolovnogo sudoproizvodstva [Charter of criminal proceedings] [Elektronnyj resurs]. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/238/256.html> (data obrashcheniya: 10.11.2019). [in Russian]

Vilenskij, 1969 – *Vilenskij B.V.* (1969). Sudebnaya reforma i kontrreforma v Rossii [Judicial and counter-reform in Russia]. Saratov. 400 p. [in Russian]

Zajonchkovskij, 1970 – *Zajonchkovskij P.A.* (1970). Rossijskoe samodержavie v konce XIX stoletiya. Politicheskaya reakcija 80-h – nachala 90-h godov. [Russian autocracy at the end of the XIX century. Political reaction of the 80s – early 90s] M., 444 p. [in Russian]

Особенности организации и устройства суда в российской провинции в конце XIX – начале XX вв.: на материалах Архангельской губернии

Михаил Юрьевич Куприков ^{a,*}, Никита Михайлович Куприков ^{a,b}, Олег Викторович Минчук ^c

^a Московский авиационный институт (Национальный исследовательский университет), Российская Федерация

^b АНО НИЦ «Полярная инициатива», Российская Федерация

^c Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей судостройства в российской провинции (на примере Архангельской губернии) в конце XIX – начале XX вв. Функционирование суда в этот период напрямую связано с результатами судебной реформы Александра II, так как официальное ее завершение состоялось именно в конце XIX века. Архангельская губерния отличалась своими особенными географическими и экономическими характеристиками, в связи с чем получила особый сценарий реализации реформы, и как результат, особую модель судостройства, отличную от каноничных моделей Европейской части России. На основе обширного нормативного материала выделяются характеристики данной модели, такие как отсутствие выборности судей, расширенный правовой статус мировой юстиции (выраженный в совмещении следственных функций и правомочий по разбирательству уголовных и гражданских дел), отсутствие присяжных поверенных. Авторами на основе архивных данных исследуются количественные показатели судостроительной практики. Вводятся в научный оборот данные официальной переписки чиновников судебного ведомства. Делается вывод о перегруженности местных судебных органов в уголовном и гражданском процессе, следствием чего является падение количества решаемых дел и некоторых показателей качества правосудия.

Ключевые слова: судебная реформа, Российская империя, судебная система, функционирование судебной власти.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: mkuprikov@gmail.com (М.Ю. Куприков),
nkuprikov@yandex.ru (Н.М. Куприков), minchuk-oleg@rambler.ru (О.В. Минчук)

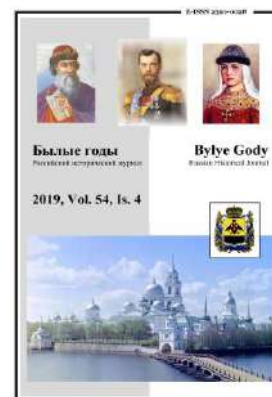
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1716-1725. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1716
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Interpreter-Kalmyks in Public Service of the Russian Empire: Social Status and Limits of Career Development

Irina V. Lidzhieva ^{a, *}, Ekaterina N. Badmaeva ^b

^a Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (SSC RAS), Rostov-on-Don, Russian Federation

^b Kalmyk State University, Elista, Russian Federation

Abstract

Effective process of integration of the territory of the Kalmyk steppe to all-imperial spheres of society in many respects depended on knowledge of officials of local traditions and customs, and first of all language. Studying of the case interpreters and the translators who were a part of administrative structure of the Kalmyk steppe which was the national outskirts of the Russian Empire will allow to define separate aspects of state policy on the foreign population. The purpose of this article is determination of the social status of tolmanches and translators and the limits of career development which are in the service in the second half of XIX – the beginning of the 20th centuries in a control system of the Kalmyk people. Archive materials from funds of National archive of the Republic of Kalmykia were the main source for writing of article. As methods of a research are used: prosopograficheskiya, allowed, on the basis of the analysis of official lists about service and certificates to reconstruct vital and professional ways interpreters both translators of a control system of the Kalmyk people and the statistical analysis – the collective biography of the lowest officials of executive authority of the Kalmyk steppe during the considered period, on the example of interpreters and translators is created. Special attention was paid to identification of criteria of advance in the field of professional and social activity as in the majority they were commoners. In conclusion the author comes to a conclusion that involvement of Kalmyks on public service, first of all as interpreters and translators was one of ways of incorporation of the foreign population in the all-Russian social and economic and political and legal space.

Keywords: Management of the Kalmyk people, ulus Administration, interpreter, translator, public service, social status.

1. Введение

Политика имперских властей по управлению национальными окраинами, направленная на их социально-экономическую и политико-правовую интеграцию в общероссийское пространство, привела к поэтапному реформированию системы управления на протяжении XIX в., в том числе и калмыцкого народа, путем принятия ряда нормативных правовых актов ([Полное, 1836: 18-40](#); [Полное, 1848: 349-372](#)). Эффективное инкорпорирование территории Калмыцкой степи во многом зависело от знаний чиновников о местных традициях и обычаях, и прежде всего языка. Безусловно, институт толмачества стал складываться в более ранний период. Вхождение калмыков в состав Русского государства в XVII в. обусловило подготовку толмачей со знанием калмыцкого языка. Одним из известных русских чиновников, начинавших свою карьеру с должности переводчика, является Василий Михайлович Бакунин, который согласно его прошению, был определен астраханским губернатором А.П. Вольнским на должность переводчика калмыцкого языка ([НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Б/л.](#)).

* Corresponding author

E-mail addresses: irina-lg@yandex.ru (I.V. Lidzhieva)

Начавшийся в первой четверти XIX в. промышленный переворот способствовал активизации интеграционных процессов и соответственно обусловил потребность в подготовке кадров, владеющих (в данном случае) калмыцким языком. Целью этой статьи является определение социального статуса толмачей и переводчиков, состоящих на службе во второй половине XIX – начале XX вв. в системе Управления калмыцким народом. Изучение корпуса толмачей и переводчиков, входивших в состав управленческой структуры Калмыцкой степи, являвшейся национальной окраиной Российской империи, позволит определить отдельные аспекты государственной политики в отношении инородческого населения.

2. Материалы и методы

2.1. Основным источником для написания статьи послужили формулярные списки о службе из фондов Национального архива Республики Калмыкия. Кроме того, были использованы нормативные правовые акты, а также работы современных авторов.

2.2. Разработка данной проблемы основана на использовании исследовательского инструментария социальной истории. Так, с помощью просопографического метода была проведена реконструкция жизненного и профессионального пути толмачей и переводчиков системы Управления калмыцким народом во второй половине XIX – начале XX вв. Статистический анализ позволил создать коллективную биографию низшего чиновничества органа исполнительной власти Калмыцкой степи в рассматриваемый период на примере толмачей и переводчиков.

3. Обсуждение

Специальных исследований, посвященных проблеме поступления на государственную службу калмыков в данный период, а также непосредственно деятельности толмачей и переводчиков, в составе системы Управления калмыцким народом, к сожалению, нет. Безусловно, в отечественной историографии тематика чиновничества Российской империи в XIX – начале XX вв. не раз становилась объектом специального исследования как в дореволюционный период, так и в современный.

Ряд работ посвящен непосредственно деятельности рассматриваемой группы низших чиновников. Так, например, А.А. Люцидарская, исследовавшая процесс инкорпорации сибирских аборигенов в государственные структуры России, отмечает, что, «занимая ответственные должности в воеводском управлении, представители аборигенного населения оказывали влияние на политический климат в пределах Сибири и на пограничных с ней территориях» (Люцидарская, 2014б: 40).

И.Н. Шагдурова, на примере бурят, приходит к выводу о том, что «... для инородцев переход на государственную службу из податного сословия был исключительным явлением» (Шагдурова, 2011: 136).

Указанные работы, как и многие другие (Дамешек, 2015; Аминов, 2018), позволяют в сравнительно-сопоставительном аспекте рассмотреть процесс инкорпорации региональных окраин в общероссийское пространство на примере государственной службы инородцев.

4. Результаты

Институт толмачества включал в себя непосредственно толмачей, осуществлявших устный перевод, и переводчиков, занимавшихся переводом письменных текстов. Первоначальный опыт подготовки квалифицированных управленческих кадров из представителей русской национальности для Калмыцкой степи не удался в связи с тем, что результаты экзамена показали их низкий уровень владения языком (НА РК. Ф. И-1. Оп. 10. Д. 2257. Л. 17).

В соответствии с высочайше утвержденным Положением об училище для калмыков с целью «распространения между калмыками русского языка и приуготовления способных переводчиков и толмачей» (Полное, 1847b: 372-374) при Астраханской палате государственных имуществ было учреждено училище на 50 воспитанников из детей калмыков. Начальная подготовка осуществлялась в улусных школах, организованных согласно разрешению министра государственных имуществ от 28 ноября 1864 г. за № 25134, где обучались 30 мальчиков, кроме двух школ, состоящих во владельческих улусах: Хошеутовской, в которой было 24 и Харахусовской – 11 мальчиков. «На содержание воспитанников школ производится по 1 200 руб. на каждую в казенных улусах из общественного капитала, а во владельческих за счет албанного сбора» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 6. Д. 4. Л. 25 об.).

В отчете Управления калмыцким народом за 1869 г. приводятся сведения о том, что «при обозрении улусов Главный Попечитель подробно осматривал школы и, экзаменуя учеников в пройденных ими предметах, нашел успехи их удовлетворительными и хозяйственную часть школ в надлежащем виде. В народе заметно желание к распространению между молодым поколением грамотности, что и доказывается полным комплектом воспитанников как в училище в Астрахани, так и в улусных школах. Кроме чего, значительное число мальчиков обучается калмыцкой грамоте у своего духовенства» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 6. Д. 4. Л. 26).

В справке, подготовленной Астраханской палатой государственных имуществ в Министерство государственных имуществ от 31 января 1857 г., представлены следующие статистические данные: «Калмыцкое училище, учрежденное при Палате, открыто в 1849 г., и с того времени по настоящее время было 4 выпуска мальчиков, кончивших полный курс учения, таким образом с первого выпуска, т.е. с 1853 г. по 1857 г., выпущено всего 27. Из них занимают ныне должности переводчиков, толмачей, т.е. словесных переводчиков – 6; оспопрививателей – 9; обучаются литографии – 3; занимаются при Палате – 3; отпущено в улусы с родителями и родственниками, по уважению к семейному их положению – 4» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 108. Л. 9). По мнению Н.Ш. Ташнинова, «в этой школе не было систематизированной программы обучения по основам наук, объем учебной работы был невелик, учащиеся получали элементарные и поверхностные знания, достаточные для того, чтобы служить в качестве мелких чиновников» (Ташнинов, 1969: 37). Между тем именно эти выпускники в дальнейшем во многом способствовали становлению и развитию национальной культуры.

Согласно § 21 высочайше утвержденного Положения об управлении калмыцким народом от 28 декабря 1835 г. переводчики и толмачи Калмыцкого управления определялись Советом Управления под председательством Главного Попечителя калмыцкого народа (Полное, 1836: 20). Параграф 63 этого же нормативного правового акта содержит положение о том, что Главный Попечитель ежегодно должен представлять военному губернатору послужные списки чинов, составляющих Калмыцкое Управление, «со своими о них аттестациями» (Полное, 1836: 24). Результаты архивных изысканий позволяют частично реконструировать жизненные коллизии переводчиков и толмачей калмыцкого Управления на основе указанных аттестатов и формулярных списков о службе, отложившихся в фондах Национального архива Республики Калмыкия.

Статистический анализ сословного положения переводчиков и толмачей, служивших в Калмыцком Управлении во второй половине XIX – начале XX вв., позволяет сделать вывод о том, что абсолютное большинство из них происходило из семей калмыков-простолюдинов. В рассматриваемый период, согласно архивным источникам, службу в качестве переводчиков несли только два представителя из семейств зайсангов: Лиджи Нармаев, получивший образование в Казанской учительской семинарии, и Бембе Секлетыров – в Астраханском первом четырехклассном училище. Оба прослужили не более года и были уволены в отставку по состоянию здоровья. Между тем по Положению об училище для калмыков прием воспитанников на обучение осуществлялся преимущественно из детей нойонов и зайсангов, т.е. из привилегированного сословия и только «...при недостатке таковых положенный комплект воспитанников училища пополнялся из сирот...». По мнению А.А. Люцидарской, обращавшейся к проблеме инородцев Сибири на государственной службе, приоритетное положение для выходцев из высших сословий было обусловлено тем, что «...так называемые «лучшие люди» обладали, как правило, военными навыками, ориентировались в местной социально-политической обстановке, вследствие контактов с русской администрацией получали представление об основах русской государственности и, что немаловажно, осваивали русскую речь» (Люцидарская, 2014: 34).

Процесс обучения включал и прохождение практики в Палате государственных имуществ. Так, в годовом отчете Главного Попечителя отмечалось, что «...из мальчиков, которые назначаются для занятия должностей первоначально толмачей, а впоследствии переводчиков улусных управлений, предварительно размещения их по улусам, на основании §13 Положения об училищах детей калмыков» и вследствие предписания Первого Департамента от 24 декабря 1854 г. № 28121 по окончании учения отправляются при Палате на один год для приучения себя к составлению деловых бумаг, а потом уже распределяются на должности всегда по собственному желанию их родителей и родственников, преимущественно в те улусы, к коим они принадлежат и только некоторые из них отправляются в другие улусы, что также делается с согласия мальчиков и единственно по неимению вакантных мест в улусах тех, к коим они подведомственны вообще» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 108. Л. 10). При этом, как показывает анализ делопроизводственной практики, были распространены случаи, когда администрация училища направляла воспитанника по месту жительства родителей или родственников. Так, в своем прошении на имя Главного Попечителя практикант Биджаник Мангутов от 24 ноября 1899 г. просит командировать его в Эркетеновское улусное Управление (НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 170. Л. 4). Согласно приказу № 217 по Управлению калмыцким народом, прошение было удовлетворено. Через год, после завершения практических занятий, Биджаник Мангутов обращается с просьбой о зачислении его на государственную службу с оставлением в штате Эркетеновского улусного Управления (НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 170. Л. 9).

19 сентября 1902 г. толмач Яндыко-Мочажного улусного управления Мангут Шуптаев и писец Харахусовского улусного управления Халга Балдыров обращаются к Главному Попечителю калмыцкого народа с просьбой о переводе одного на место другого по следующей причине: «...и мы, как и наши родные, отдаленные друг от друга, несем двойные расходы и не имеем возможности помогать своим родителям, живущим далеко от нас» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1184. Л. 16). Уже в октябре 1902 г. попечитель Яндыко-Мочажного улуса А.П. Криницкий в своем рапорте сообщает в Управление калмыцким народом о том, что «вследствие предписания от 3 октября сего года за

№ 5939 о том, что Шуптаев выехал, а Балдыров 22 октября прибыл» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1184. Л. 17-17 об.).

Жалованье толмача составляло 8 руб. 33 коп., тогда как переводчика при улусном Управлении – 14 руб. 16 коп. В сентябре 1897 г. состоящий на должности толмача Харахусовского улусного Управления Чильгир Кармашаев направляет прошение о переводе его в Эркетеновский улус по следующей причине: «...я нахожусь в бедственном положении, будучи неопытен в самостоятельной жизни при моем содержании (8 руб. 33 коп.) в месяц, мне почти невозможно жить там, где я никого не знаю, где все дорого. Брат мой, который живет при Ставке Эркетеновского улуса, после моего отъезда в таком же положении, как и мое» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 139. Л. 6). Данное прошение в том же месяце было удовлетворено.

В подобной же ситуации оказался утвержденный в должности толмача южной части Малодербетовского улуса Яшкуль Очиров, который в мае 1895 г. обращается с просьбой о выдаче ему пособия, указывая на то, что «не имеет возможности в данное время экипировать себя по вступлении на должность ...» (НА РК. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 38. Л. 73).

Попечитель Яндыко-Мочажного улуса в своем рапорте на имя Главного Попечителя калмыцкого народа от 25 февраля 1900 г., ходатайствуя о выдаче пособия на лечение толмача Церена Бакаева, вместе с тем дает оценку размера жалованья: «... болезнь его серьезна и требует медицинской помощи, а между тем средств на то он не имеет, на получаемое мизерное содержание 8 руб. 33 коп. в месяц ...» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1025. Л. 7). Как мы видим Управление калмыцким народом, заинтересованное в хороших специалистах, стремилось удовлетворить их просьбы, тем самым обеспечивая хотя бы минимальный уровень жизни.

А.П. Зайончковский, исследовавший положение чиновничества в Российской империи в XIX в., писал: «Поступление на службу в гражданское ведомство определялось тремя условиями: сословным происхождением, возрастом, уровнем знаний!» (Зайончковский, 1978: 24). Положения раздела 1 «О принятии в гражданскую службу и определении к должности» Устава о службе гражданской регулируют процесс поступления на службу в учреждения гражданского ведомства. В статье 4 данного Устава указаны лица, которых «запрещается принимать в государственную службу» (Свод, 1857: 4-5). Между тем в следующей статье дана оговорка о том, что смысл предыдущей статьи оставляется без действия в случае, «когда кто из них по месту воспитания своего приобретает право на классный чин или вообще окончит курс учения...». В статье 10 содержится положение о том, что «окончившие полный курс в университетах и гимназиях или в других равных с ними высших и средних учебных заведениях принимаются в гражданскую службу по выданным им при выпуске аттестатам». Диспозиция рассмотренных статей позволяла калмыкам, окончившим учебные заведения, поступать на службу в учреждения гражданского ведомства. Так, например, толмач Эркетеновского улусного Управления Чильгир Кармашаев 8 апреля 1898 г. подает прошение на имя улусного Попечителя о зачислении «в штат Управления канцелярским служителем 3 разряда по происхождению и образованию» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 139. Л. 8), тогда как зайсанг Бадма Ара Шонхоров определен в штат чинов Управления калмыцким народом канцелярским служителем 2 разряда по происхождению, а нойон Сереп Джап Тюмень – служителем 1 разряда по происхождению» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 204. Л. 9). По рассмотрению прошения канцелярия Управления запрашивала у улусного Попечителя ряд документов «об образовании и рождении, необходимые для представления его к первому классному чину» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 139. Л. 23). В связи с тем, что не все калмыки имели метрические свидетельства, Попечителю направлялось предписание «собрать и представить в Управление документальные сведения о рождении толмача вверенного Вам улусного управления» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 170. Л. 43), на основании которого им проводилось дознание о рождении кандидата. Приведем дословный текст показания: «Зовут меня Магджи Агинов, калмык Эркетеновского улуса, Бага Хапчинова рода, 58 лет. Калмыка, однородца своего Чильгира Кармашаева, ныне переводчика Эркетеновского улусного Управления, я знаю хорошо, а также отца его, калмыка Бага Хапчинова рода Кармаша Карсаева, равно как всю его семью и родственников. Отец его Кармаш Карсаев был женат на калмычке Эркетеновского улуса Шебенерова рода Бювя Дочеркаевой. От этого брака остался сын Чильгир, который родился в 1857 году. В настоящее время ему 32 года от роду. Он был записан в посемейный список нашего рода. Мать его Бювя Кармашаева – законная жена Кармаша Карсаева, а Чильгир Кармашаев – законнорожденный сын. Показал правду калмык Манджи Агинов, а за него неграмотного по его просьбе расписался толмач Управления» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 139. Л. 26).

Процедура зачисления на службу в должности толмача или переводчика предусматривала принесение присяги, которая принималась Попечителем или его помощниками. Присяжный лист направлялся в Управление калмыцким народом и хранился в личном деле канцелярского служащего. Так, Попечитель Яндыко-Мочажного улуса в сопровождающем документе от 12 июля 1894 г. сообщает: «Представляя при сем присяжный лист о приводе переводчика Инджира Санджиева к присяге на верность службе, имею честь донести Управлению калмыцким народом, что Санджиев по семейным спискам Багацохуровского улуса значится записанным между № № кибиток 500 и 501» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 129. Л. 6).

Следующим шагом при поступлении на службу калмыков-простолюдинов являлось исключение из родового общества. Так, участник аймачного схода Малодербетовского улуса, состоявшегося 31 декабря 1900 г., в своем приговоре записал: «Нам было прочитано предписание Малодербетовского улусного Управления от 16 декабря за № 6636, желаем ли мы отпустить из среды своего общества однородца Семена Эренценова за поступлением его на государственную службу, мы все единогласно решили отпустить» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1195. Л. 10). Поступление на государственную службу освобождало простолюдина от несения налогового бремени, исключение же из родового общества влекло лишения права пользования родовыми землями.

В соответствии с Положением об Управлении калмыцким народом 1835 г. в штате Калмыцкого управления состояло 10 переводчиков и 11 толмачей, а по Положению 1847 г. – 11 и 8 соответственно, подробные сведения представлены в нижеприведенной [Таблице 1](#).

Таблица 1. Сравнительный анализ штата Управления калмыцким народом

По Положению об управлении калмыцким народом 1835 г. (Полное, 1836: 38-40)	По Положению об управлении калмыцким народом 1847 г. (Полное, 1848: 63-65)
<ul style="list-style-type: none"> • в штате Совета Калмыцкого управления: переводчик – 1; толмач – 1; • в суде Зарго: переводчик – 1; толмач – 1; • в Ламайском духовном управлении: переводчик – 1; • в улусных судах: переводчиков – 7; • в улусных Управлениях: толмачей, исправляющих должность писца – 7; • при смотрителе в Мочагах: толмач, исправляющий должность писца – 1; • при смотрителе в Калмыцком Базаре: толмач, исправляющий должность писца – 1. 	<ul style="list-style-type: none"> • в штате Управления калмыцким народом: старший переводчик – 1; младший переводчик – 1; • в улусных Зарго – по штату не предусмотрено; • в улусных Управлениях: переводчиков – 7; толмачей – 7; • по Управлению духовной частью: переводчик – 1; • при смотрителе в Мочагах: толмач, исправляющий должность писца – 1; • при смотрителе в Калмыцком Базаре: толмач, исправляющий должность писца – 1.

При столь небольшом количестве служащих их функциональные обязанности были довольно обширными. Кроме того, анализ делопроизводственной практики, а также формулярных списков о службе толмачей и переводчиков ведомства Управления калмыцким народом Астраханской губернии не показывает соответствующие определенной должности функциональные обязанности, а также не позволяет выявить должностные различия. При этом жалование согласно высочайше утвержденному штату переводчиков при Управлении составляло: старшего – 250 руб., младшего – 200 руб.; при улусных управлениях, а также по Духовному управлению – 170 руб., тогда как оплата труда толмачей была определена в размере 100 руб. (Полное, 1848: 63-65).

На основе прошений переводчиков и толмачей, в которых служба в Калмыцкой степи оценивается как «нелегкая», были определены их функциональные обязанности:

- осуществление письменных переводов документов непосредственно по месту службы, а также в Губернском присутствии, конторе больницы Общественного призрения, Полицейском управлении, судебных участках, а также корректура в типографии Астраханских губернских вестей и т.д.;

- устный перевод при канцелярии по месту службы, а также при выезде с попечителем или его помощниками для разбора конфликтных ситуаций между калмыками, земельных споров между калмыками и русскими поселенцами; сопровождение следователей на место правонарушения, перевод во время допроса правонарушителей и т.п.

Формулярные списки о службе содержат сведения о том, что переводчики направлялись и в необычные командировки для сопровождения лиц, прибывших в Калмыцкую степь, а также на мероприятия, носившие коллегиальный характер. Так, в соответствии с предписанием Управления калмыцким народом от 8 августа 1905 г. переводчик Наймин Бадмаев «командирован в распоряжение члена Совета Министерства народного просвещения тайного советника А.М. Позднеева» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 99. Л. 88). На основании приказа астраханского губернатора И.Н. Соколовского за № 29 от 12 мая 1907 г. Н. Бадмаев был уже командирован «для перевода речей в Икицохуровский улус на съезд улусных попечителей и скотоводов» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 99. Л. 103).

Кроме того, из текстов документов следует: «Кроме отправления обыденных служебных обязанностей, я бывал по приказанию начальства в различных командировках, как, например, для собрания разных статистических сведений, каковые нужны к годовому отчету, затем попечители брали меня в качестве переводчика и знатока калмыцкой жизни в поездках по степи. ...Во время этих

разъездов я перенес многое: не раз замерзал, заблудившись в степи, не раз отмораживал ноги...» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 129. Л. 63).

Исходя из размера жалования толмача или даже переводчика, следует, что такие доходы, при небольших привилегиях, не позволяли вести достойный образ жизни. Интересна судьба получившего образование в Астраханском первом городском четырехклассном училище Инджира Санджиева, поступившего в 1884 г. на службу писцом в Яндыковское улусное Управление. В связи с переходом на должность переводчика 22 апреля 1892 г. он подает прошение о зачислении его на государственную службу, которое было удовлетворено. Но уже в январе 1894 г. Инджир Санджиев подает очередное прошение, в котором ходатайствует об отставке. В справке, подготовленной столоначальником Н. Ивановым, значится: «Санджиев отказывается от желания поступить на государственную службу по той причине, что по увольнении его из аймака, к которому он принадлежит, он вместе с тем лишается права пользования землею в своем обществе» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 129. Л. 2). Отсюда следует, что ведение собственного хозяйства даже при отсутствии налоговых льгот давало больше возможностей для материально-финансового благополучия семьи.

Наличие образования давало возможность занять выборную должность в органах местного самоуправления или устроиться писцом в аймачную канцелярию, что позволяло получать жалование и не быть исключенным из родовых обществ. Так, толмач Яндыко-Мочажного улусного управления Хойчи Лиджиев приказом № 94 от 22 ноября 1896 г. был отправлен в отставку в связи с «выбором его в аймачные старшины Ики-Бухусова рода Малодербетовского улуса» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 139. Л. 1). Также переводчик Малодербетовского улусного Управления Эльвяш Эрендженев обратился в Управление с просьбой об увольнении по причине назначения его писарем в Цаган-Нурское аймачное управление (НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 174. Л. 37).

Оставаясь на государственной службе, при всей большой нагрузке переводчики вынуждены были искать дополнительные источники доходов. В улусах это могла быть работа учителем в школе, в Астрахани же возможностей было чуть больше. Так, переводчик Малодербетовского улусного Управления Джавуш Дорджиев в рапорте от 13 сентября 1904 г. просит о назначении его «...учителем калмыцкого языка улусной школы, с оставлением в занимаемой должности» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 139. Л. 1). Переводчик при Управлении калмыцким народом Наймин Бадмаев, согласно прошению, был зачислен на должность преподавателя буддийского вероучения в Калмыцкое училище. Кроме того, в формулярном списке о службе имеется запись об исполнении им в разное время, дополнительно к основным занятиям, обязанностей надзирателя в том же учебном заведении, учителя калмыцкого языка (НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 99. Л. 22 об.).

Изучение формулярных списков о службе толмачей и переводчиков позволяет сделать вывод о том, что 50 % из них были холостыми. Можно только предположить, что отсутствие семьи было связано с профессиональной деятельностью. Годы обучения, затем служба в Управлении с множеством длительных командировок не давала возможности для личной жизни чиновников. Кроме того, немаловажным фактором являлся размер дохода: получаемое жалование не позволяло содержать семью. В данном случае следует согласиться с мнением Б.Н. Миронова, отмечавшего: «Что касается чиновников, то они, согласно свидетельствам современников, весьма неохотно связывали себя семейными узами, многие из них оставались холостяками и если вступали в брак, то в зрелые годы, и вследствие этого у них было меньше детей, чем в семьях других сословий» (Миронов, 1999: 179).

Исследование биографических данных рассматриваемого корпуса переводчиков и толмачей показывает, что на протяжении своей службы большинство из них не раз обращалось к руководству с прошением об отпуске по состоянию здоровья. Так, вынуждены были подать прошение об отставке по состоянию здоровья 32 % переводчиков, и еще служба 32 % чиновников была прервана в связи со смертью по болезни.

Архивные материалы, имеющиеся в нашем распоряжении, дали возможность определить среднюю продолжительность службы толмачей и переводчиков, служивших при Управлении калмыцким народом, а также в улусных Управлениях. Около 36 % из рассматриваемых прослужили не более пяти лет, тогда как 46 % – от пяти до двадцати пяти лет и только 18 % – более четверти века. Например, самый большой стаж службы из рассматриваемых чиновников второй половины XIX – начала XX вв. был у Васко Тугаева, занимавшего должность переводчика при смотрителе Калмыцкого Базара, который прослужил в общей сложности 49 лет. Столь продолжительный срок службы, безусловно, заслуживал поощрения. В октябре 1899 г. Управление калмыцким народом в связи с прошением Тугаева о даровании ему звания личного почетного гражданства, поданного им в 1894 г., представляя наградной список, ходатайствует о награждении Васко Тугаева званием потомственного почетного гражданина за 45-летнюю полезную и беспорочную службу. В наградном списке были указаны следующие награды: медаль на Аннинской ленте, пожалованная 9 августа 1885 г. и золотая медаль с надписью «За усердие» на Станиславской ленте, пожалованная в декабре 1897 г. (НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 693. Л. 42). Звание потомственного почетного гражданства переводчику Тугаеву было пожаловано 20 декабря 1900 г., о чем канцелярия Министерства земледелия и государственных имуществ сообщала астраханскому губернатору (НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 693. Л. 53). Это звание

освобождало обладателя от подушного оклада, кроме того, потомственное звание, в отличие от личного, принадлежало всем нисходящим членам семьи.

Наибольших высот на государственной службе Российской империи из числа переводчиков достиг Кичик Эрдниев. Выпускник Императорского Казанского университета со степенью действительного студента, что по Положению об испытаниях на ученые степени от 20 января 1819 г. давало право на чин 14 класса, а с изменениями 1822 г. – на чин 12 класса (Полное, 1830: 36-42), дослужился до чина титулярного советника.

Примечательна его карьера тем, что после трех лет службы в должности столоначальника при Управлении калмыцким народом Кичик Эрдниев подает прошение об отставке. 7 октября 1882 г. он определен помощником Попечителя Яндыковского улуса, но уже в марте 1883 г. увольняется от службы по «домашним обстоятельствам» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 497. Д. 18). Исходя из формуляра о службе, Кичик Эрдниев был не женат и детей не имел. В апреле того же года он подает прошение о принятии его на должность переводчика калмыцкого языка в Управление калмыцким народом.

В декабре 1886 г. Кичик Эрдниев был избран на вакантную должность правителя Яндыковского улуса. Главный Попечитель калмыцкого народа в своем рапорте на имя министра государственных имуществ, сообщая о том, что, «избрав по соглашению с Г. Астраханским Губернатором на должность правителя Яндыковского улуса состоящего при Управлении К.Н. переводчиком Титулярного Советника Кичика Эрдниева, я имею честь испрашивать утверждения Эрдниева в этой должности и почтительнейше доложить, что Эрдниев вероисповедания ламайского, имеет от роду 40 лет и, хотя по происхождению калмык-простолюдин Яндыковского улуса, но окончивший курс в Императорском Казанском Университете со званием действительного студента на основании 1 п. 306 ст. IX т. Зак. О состоянии 1876 года, имеет права личного почетного гражданина и по своему юридическому образованию без сомнения будет более полезен в делах службы, чем не получившие образования и безграмотные зайсанги, тем более, что в Яндыковском улусе. Как известно Управлению, из лиц привилегированного сословия нет ни одного получившего хотя бы среднее образование» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 497. Л. 41 об.-42). Но уже в феврале 1887 г. Министерство государственных имуществ сообщает Главному Попечителю, что «Его Высокопревосходительство не признал возможным утвердить Титулярного Советника Кичика Эрдниева в должности Правителя Яндыковского улуса...» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 497. Л. 43). В ноябре 1887 г. переводчик калмыцкого языка титулярный советник Кичик Эрдниев был исключен из списков чиновников Управления в связи с его смертью. В юном возрасте покинув Калмыцкую степь, Эрдниев в 25 лет возвращается и поступает на службу. Прерывистый послужной список говорит о его состоянии здоровья, которое не позволяло ему в полной мере выполнять служебные обязанности, и в 37-летнем возрасте привело к летальному исходу. Данная ситуация была характерна для многих чиновников из числа калмыков. Еще за годы обучения многие из них подорвали свое здоровье, в особенности распространенными были заболевания органов дыхания, а уже при поступлении на службу, за время многочисленных командировок по степи, доводили до осложнения.

5. Заключение

Инкорпорация автохтонного населения в общероссийское пространство в указанный период проводилась с использованием различных методов, одним из них, получившим распространение во второй половине XIX в., являлось привлечение калмыков на государственную службу, прежде всего в качестве толмачей и переводчиков. Именно такой род деятельности, в ходе которого соблюдались интересы всех сторон коммуникативного процесса, можно расценивать как посредническое звено в цепи мероприятий, направленных на интегрирование калмыков в социально-экономическую сферу империи. При этом реконструированный коллективный портрет данного слоя местного чиновничества позволяет сделать вывод о том, что широкий спектр его функциональных обязанностей, сопряженный с тяжелыми условиями труда, как климатическими, так и социальными (например, участие в разборе конфликтных ситуаций), а также минимальный размер жалованья не всегда сопутствовали обустройству личной жизни и обзаведению хозяйством.

6. Благодарности

Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта АААА-А19-119011190182-8; в рамках реализации внутривузовского гранта КалмГУ им. Б.Б. Городовикова № 1105.

Литература

Аминов, 2018 – Аминов И.И. Коренное население Закаспийской области на государственной и военной службе Российской империи (1881–1917 гг.) // Lex Russica. 2018. № 4(137). С. 136-151.

Батмаев, 1995 – Батмаев М.М. В.М. Бакунин и его «Описание калмыцких народов». Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. С. 7-14.

Положение, 1819 – Положение об испытаниях на ученые степени 1819 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXXVI. № 27646. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. С. 36-42.

Положение, 1836 – Положение об управлении калмыцким народом, опубликованное 28 декабря 1835 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. X. Прибавление к Т. IX. № 7560а. Отделение второе. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1836. С. 18-40.

Положение, 1848 – Положение об управлении калмыцким народом, опубликованное 1847 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXII. № 21144. Отделение первое. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1848а. С. 349-372.

Положение, 1848 – Положение об училище для калмыков // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXII. № 21145. Отделение первое. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1848b. С. 372-374.

Дамешек, 2015 – Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Окраины Российской империи: институты и бюрократия XIX – начала XX вв. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. 223 с.

Зайончковский, 1978 – Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 288 с.

Куненков, 2011 – Куненков Б.А. Переводчики и толмачи Посольского приказа (1613–1645 гг.): функции, численность, порядок приема / *Современные проблемы высшего профессионального образования. Материалы научно-методической конференции*. Под ред. С.А. Симонова, В.П. Шелухо. Брянск: Брянская государственная инженерно-технологическая академия, 2011. С. 206-211.

Люцидарская, 2014а – Люцидарская А.А. Толмачи-новокрещены (из истории межэтнических контактов в Сибири) // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. 2010. Т. 16. С. 401-404.

Люцидарская, 2014b – Люцидарская А.А. Инкорпорация сибирских аборигенов в государственные структуры России // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2014. Т. 13. № 1. С. 33-41.

Мацакова и др., 2018 – Мацакова Н.П., Амаева Д.В., Оконова Л.В. Роль чиновничества в социально-экономическом развитии и управлении Калмыкии в XIX в. // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. № 4 (57). 2018 г. С. 69-75.

Миронов, 1999 – Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX века). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 547 с.

НА РК – Национальный архив Республики Калмыкия.

Ташнинов, 1969 – Ташнинов Н.Ш. Очерки истории просвещения Калмыцкой АССР. Элиста: Калмиздат, 1969. 213 с.

Устав, 1857 – Устав о службе гражданской // Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая I составленный. Изд. 1857 г. Т. 3. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1857. С. 7-759.

Шагдурова, 2011 – Шагдурова И.Н. Буряты на государственной службе Российской империи // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. 2011. № 2(37). С. 133-141.

References

Aminov, 2018 – Aminov I. I. (2018). Korennoe naselenie Zakaspiiskoi oblasti na gosudarstvennoi i voennoi sluzhbe Rossiiskoi imperii (1881-1917 gg.) [The indigenous population of the Transcaspiian region in the state and military service of the Russian Empire (1881-1917)] // *Lex Russica*. 2018. Nr 4(137). pp. 136-151 [in Russian]

Batmaev, 1995 – Batmaev M.M. (1995). V.M. Bakunin i ego «Opisanie kalmytskikh narodov» [V.M. Bakunin and his "Description of the Kalmyk peoples"]. Elista: Kalm. kn. izd-vo, pp. 7-14. [in Russian]

Dameshek, 2015 – Dameshek L.M., Dameshek I.L. (2015). Okrainy Rossiiskoi imperii: instituty i byurokratiya XIX – nachala XX vv. [The outskirts of the Russian Empire: institutions and bureaucracies of the XIX – early XX centuries]. Irkutsk: Izd-vo IGU, 223 p. [in Russian]

Kunenkov, 2011 – Kunenkov B.A. (2011). Perevodchiki i tolmachii Posol'skogo prikaza (1613-1645 gg.): funktsii, chislennost', poryadok priema [Translators and interpreters of the Posolsky Prikaz (1613-1645): functions, size, order of reception]. *Sovremennye problemy vysshego professional'nogo obrazovaniya. Materialy nauchno-metodicheskoi konferentsii*. Pod red. S.A. Simonova, V.P. Shelukho. Bryansk: Bryansk State Academy of Engineering and Technology, pp. 206-211. [in Russian]

Lyutsidarskaya, 2014 – Lyutsidarskaya A.A. (2014). Inkorporatsiya sibirskikh aborigenov v gosudarstvennyye struktury Rossii [Incorporation of Siberian aborigines into state structures of Russia]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, filologiya*, T. 13, Nr 1, pp. 33-41. [in Russian]

Lyutsidarskaya, 2014 – Lyutsidarskaya A.A. (2014). Tolmachi-novokreshcheny (iz istorii mezhetnicheskikh kontaktov v Sibiri) [Tolmachi-nomatized (from the history of interethnic contacts in

Siberia]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*, T. 16, pp. 401-404. [in Russian]

[Matsakova et al., 2018](#) – *Matsakova N.P., Amaeva D.V., Okonova L.V.* (2018). Rol' chinovnichestva v sotsial'no-ekonomicheskom razvitiu i upravlenii Kalmykii v XIX v. [The role of bureaucrats in the socio-economic development and management of Kalmykia in the XIX century]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura*, Nr 4 (57), pp. 69-75. [in Russian]

[Mironov, 1999](#) – *Mironov B. N.* (1999). Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX veka). Genezis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva: v 2 t. 1. [The social history of Russia in the period of the empire (XVIII – early XX century). The genesis of the individual, democratic family, civil society and the rule of law] SPb.: Dmitrii Bulanin, 547 p. [in Russian]

NA RK – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Kalmykiya.

[Polozhenie, 1819](#) – Polozhenie ob ispytaniyakh na uchenye stepeni 1819 g. [Regulations on testing for academic degrees]. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe. T. XXXVI. № 27646. SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1830. Pp. 36-42. [in Russian]

[Polozhenie, 1836](#) – Polozhenie ob upravlenii kalmytskim narodom, raspublikovannoe 28 dekabrya 1835 g. [Regulation on the management of the Kalmyk people]. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe. T. X. Pribavlenie k T. IX. № 7560a. Otdelenie vtoroe. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1836. Pp. 18-40. [in Russian]

[Polozhenie, 1848](#) – Polozhenie ob uchilishche dlya kalmykov [Regulations on the Kalmyk school]. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe. T. XXII. № 21145. Otdelenie pervoe. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1848b. Pp. 372-374. [in Russian]

[Polozhenie, 1848](#) – Polozhenie ob upravlenii kalmytskim narodom, raspublikovannoe 1847 g. [Regulation on the management of the Kalmyk people]. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe. T. XXII. № 21144. Otdelenie pervoe. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1848a. Pp. 349-372. [in Russian]

[Shagdurova, 2011](#) – *Shagdurova I.N.* (2011). Buryaty na gosudarstvennoi sluzhbe Rossiiskoi imperii [Buryats in the civil service of the Russian Empire]. *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya, istoriya, vostokovedenie*, Nr 2(37), pp. 133-141. [in Russian]

[Tashninov, 1969](#) – *Tashninov N. Sh.* (1969). Ocherki istorii prosveshcheniya Kalmytskoi ASSR [Essays on the history of education of the Kalmyk ASSR]. Elista: Kalmuzdat, 213 p. [in Russian]

[Ustav, 1857](#) – Ustav o sluzhbe grazhdanskoi. Svod zakonov Rossiiskoi imperii, povelaniem Gosudarya Imperatora Nikolaya I sostavlennyy. Izd. 1857 g. T. 3. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1857. Pp. 7-759. [in Russian]

[Zaionchkovskii, 1978](#) – *Zaionchkovskii P.A.* (1978). Pravitel'stvennyi apparat samodержavnoi Rossii v XIX v. [The government apparatus of autocratic Russia in the XIX century]. M.: Mysl', 288 p. [in Russian]

Толмачи-калмыки на государственной службе Российской империи: социальный статус и пределы карьерного роста

Ирина Владимировна Лиджиева ^{a,*}, Екатерина Николаевна Бадмаева ^b

^a Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

^b Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, Элиста, Российская Федерация

Аннотация. Эффективный процесс интеграции территории Калмыцкой степи в общеимперские сферы общества во многом зависел от знаний чиновников о местных традициях и обычаях, и прежде всего языка. Изучение корпуса толмачей и переводчиков, входивших в состав управленческой структуры Калмыцкой степи, являвшейся национальной окраиной Российской империи, позволит определить отдельные аспекты государственной политики в отношении инородческого населения. Целью данной статьи является определение социального статуса толмачей и переводчиков, состоявших на службе в системе Управления калмыцким народом и пределов их карьерного роста во второй половине XIX – начале XX вв. Основным источником для написания статьи послужили архивные материалы из фондов Национального архива Республики Калмыкия. В качестве методов исследования использованы: просопографический, позволивший на основе анализа формулярных списков о службе и аттестатов реконструировать жизненный и профессиональный пути толмачей и переводчиков системы Управления калмыцким народом. Статистический анализ дал возможность создать коллективную биографию низшего чиновничества

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: irina-lg@yandex.ru (И.В. Лиджиева)

органа исполнительной власти Калмыцкой степи в рассматриваемый период на примере толмачей и переводчиков. Особое внимание было уделено выявлению критериев продвижения в области профессиональной и социальной деятельности, так как в своем большинстве они являлись простолюдинами. В заключение автор приходит к выводу о том, что привлечение калмыков на государственную службу, прежде всего в качестве толмачей и переводчиков, являлось одним из способов инкорпорирования инородческого населения в общероссийское социально-экономическое и политико-правовое пространство.

Ключевые слова: Управление калмыцким народом, улусное Управление, толмач, переводчик, государственная служба, социальный статус.

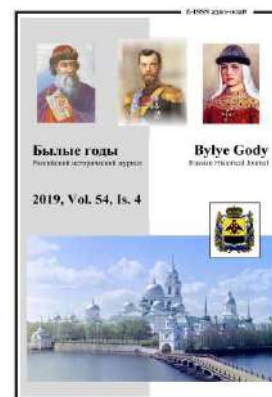
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1726-1736. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1726
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Leisure of Rostov-on-Don Citizens in the late XIX – early XX century

Maria V. Bratolyubova ^{a,*}, Irina G. Brizgalova ^a, Maria A. Ponomareva ^a

^a Southern Federal University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to leisure of Rostov-on-Don citizens and its organization in the late XIX – early XX century. It was an important component of the urban lifestyle. Rostov-on-Don was a large trading city in the late XIX - early XX centuries. In the article the formation of an infrastructure of leisure entertainment is considered as an aspect of the history of Rostov-on-Don. The dynamic development of Rostov as a major center of a market economy led to the corresponding social stratification among the townspeople and, as a result, the structuring of leisure facilities and sites. The author gives a description of the various groups and places that existed for entertainment Rostov-on-Don citizens. Author dwells in detail on the leisure functions of clubs, gardens and theaters of Rostov-on-Don. Leisure institutions in Rostov-on-Don are typologically grouped depending on what form of leisure they were oriented to (on entertaining a city dweller or his personal development).

The author concludes that there were much more leisure facilities and venues intended for entertainment in old Rostov, than those that served the development of the creative potential of people. The leisure activities of Rostov citizens were determined by the specifics of the labor activity of various groups of people in a large trading city. Rostov-on-Don had independent trade relations and consular relations with the countries of Western Europe and the multi-ethnic composition. Leisure created opportunities for self-realization of citizens and contributed to the development of civil society institutions.

Keywords: Rostov-on-Don, provincial city, leisure activities, leisure and entertainment infrastructure.

1. Введение

Досуг и его организация – важная составляющая городского образа жизни. Система досуговых учреждений в городах развивалась в связи с российской модернизацией второй половины XIX – начала XX веков. Уровень развития и особенности структуры досуга, очевидно, во многом определялись тем, насколько значимым очагом урбанизации являлся тот или иной город, какова была его роль в экономической жизни России, насколько населенным он был и насколько отчетливо проявился в нем двуединный процесс размывания сословий феодального общества и консолидации социальных групп эпохи модерна.

В рамках статьи будет рассмотрен один из аспектов истории досуга в большом торговом городе, каковым являлся уездный Ростов-на-Дону в указанную эпоху, – формирование инфраструктуры досуговых развлечений. В задачи автора входит характеристика различных групп и площадок, существовавших для развлечений ростовцев. Учреждения досуга в городе могут быть типологически сгруппированы в зависимости от того, на какую форму досуга они ориентированы: на развлечение горожанина или на его личностное развитие. Следует, разумеется, помнить, что такие учреждения досуга, как театры или кино, концертные площадки, фонды библиотек и читален могут быть использованы для достижения как первой, так и второй задачи. Это во многом определялось тем,

* Corresponding author

E-mail addresses: m.bratolyubova2015@yandex.ru (M.V. Bratolyubova)

кому принадлежало то или иное учреждение, каковы были цели собственника, насколько он зависел от мнения лиц и организаций, решавших задачи просвещения обывателя, или же шел по пути удовлетворения спроса этого самого обывателя на увеселения и зрелища.

2. Материалы и методы

Основным источником (материалом) для изучения обозначенной темы явилась периодическая печать. «Приазовский край» и «Южный телеграф», «Ведомости Ростовской-на-Дону городской управы» – три стабильно издававшихся в Ростове газеты в своей ежедневной хронике и в публикуемых объявлениях и афишах содержат массив информации о создании новых досуговых площадок, открытии синематографов, клубов и обществ, о концертах, спектаклях, балах, лекциях, народных гуляниях и экскурсиях, увеселительных прогулках по Дону и проч. Всю эту информацию можно считать вполне аутентичной. Цель публикуемых объявлений и афиш – собрать публику на то или иное мероприятие, причем наиболее значимые события афишировались на страницах газет, как правило, 2–3 раза.

Следующая группа газетных публикаций по проблеме – фельетоны (так назывались все статьи, очерки, рецензии в газетах конца XIX – начала XX вв. – Авт.). Они обсуждали проблемы репертуара ростовских театров, синематографов, кафешантанов и рассуждали об облике публики, их посещавшей; образно характеризовали отдых горожан в городских садах и пригородах, специфику встречи Нового года или проведения ростовцами масленичной недели; оценивали деятельность ростовских клубов и т.д. Впечатления газетных публицистов, отразившие городскую повседневность, определенным образом компенсируют отсутствие мемуаров, которые были бы написаны самими жителями Ростова.

В качестве источников также были использованы уставы и отчеты ряда досуговых учреждений Ростова. Их публикация носила спорадический характер, и большая часть брошюр, судя по всему, была утрачена в процессе хранения.

При работе над статьей были изучены материалы Государственного архива Ростовской области (ГАРО), в том числе документы следующих фондов: Ф. 2613 «Личный фонд М.Б. Краснянского», Ф. 685. «Областное войска Донского по городским делам присутствие», Ф. 46 «Атаманская канцелярия Области войска Донского».

Источниковая база исследования представляется достаточно репрезентативной. В качестве основных избраны принципы научности (объективности) и историзма. В ходе решения поставленных задач применялись общенаучные методы: исторический, аналогии, сравнения, анализ и синтез.

3. Обсуждение

В последнее время исследователи довольно часто обращаются к истории повседневности, в том числе и к проблемам организации досуга в Российской империи (Литягина, 2007; Ловелл, 2005; Малышева, 2011). Появилось много работ, освещающих различные аспекты этой темы в столицах и провинции (Гончарова, 2007; Позняк, 2015; Розенталь, 2007; Яхно, 2019).

В историко-краеведческой литературе о Ростове досуг жителей как самостоятельная тема (как, впрочем, и другие проблемы истории городской повседневности) практически не изучался. Определенный фактический материал, связанный с организацией досуга, собран и описан в общих работах по истории города, в очерках театральной и музыкальной жизни старого Ростова, в брошюрах, посвященных истории городских садов и скверов. (Волошинова, 2013; Греков, 1912; Краснянский, 1912; Кузнецов, 1897; Леонов, Палкина, 2018; Сватиков, 1912; Чеботарев, 1912).

Только в недавно опубликованной книге Н. Самариной дана очень краткая характеристика особенностей досуга ростовцев в контексте формирования в поселении городского образа жизни (Самарина, 2019).

В связи с этим представляется важным исследовать опыт организации досуга в провинции, в частности в Ростове-на-Дону. Нами была предпринята попытка выявления особенностей функционирования досуга в таком специфическом городе российской провинции, каким был уездный Ростов-на-Дону.

4. Результаты

Особенности возникновения и развития Ростова как городского поселения наложили зримый отпечаток как на характер трудовой деятельности ростовцев, так и на то, как проводили они часы досуга. Донской общественно-политический деятель С.Г. Сватиков, комментируя впечатления французских путешественников от Ростова середины XIX века, отметил, что им удалось выявить основную черту ростовской жизни, отличавшую ее от прочих городов России, – «отсутствие дворянско-сословных традиций, легкость усвоения форм западноевропейской жизни, свобода от стеснительных и скучных пережитков, тяготевших над жизнью крепостнической России. Созданный всецело развитием денежного хозяйства, обязанный своим возникновением и развитием торговому обмену, особенно с Западной Европой, Ростов уже в 40-х гг. был типом нового города, – города, который, подобно Одессе, не походил на старые российские города... Старый порядок был

органически чужд этому городу» (Сватиков, 1912: 92-93). С.Г. Сватиков был уроженцем Ростова, и в его характеристике города, несомненно, отразились не только знакомство профессионального историка с нарративными источниками, но и личные впечатления.

Впоследствии динамичное развитие Ростова как крупного центра рыночной экономики обусловило соответствующую социальную стратификацию в среде горожан и, как следствие, структурирование досуговых учреждений и площадок. Оно обозначило себя созданием клубов.

Первыми обособились в организации досуга крупные предприниматели. Коммерческий клуб был образован в 1865 году. По уставу (создан в 1865, опубликован в 1905) цель клуба – «сближение между собою торгового сословия и потому присваивается ему название Коммерческого» (ГАРО. Ф. Р-2613. Оп. 1. Д. 71. Л. 23). Очень отчетливо определены требования к членству в клубе, который «составляется из членов благовоспитанного общества г. Ростова». В него принимались «почетные лица всех сословий, кроме простолюдинов», лиц моложе 18 лет и «лишенных доброго имени». Вступительный взнос составлял 25 рублей, членский – 20 рублей в год (Устав, 1905: 3-6).

За коммерсантами последовали приказчики, которые консолидировались в двух обществах: взаимопомощи приказчиков, организованном в 1869 году, и взаимного кредита приказчиков, образованном в 1871 году (Кузнецов, 1897: 172). При втором из них, в городском просторечии часто называвшемся приказчиный клуб, с 1902 года существовало собрание членов этой весьма успешной в коммерческом отношении кредитной кооперации. Целью собрания было, очевидно, совместное проведение досуга как в зимний сезон, так и летом. Устав его, к сожалению, обнаружить не удалось. В декабре 1912 года собрание грандиозным концертом-балом отметило 10-летие своего существования. «При входе дамам будут бесплатно предложены живые цветы из Ниццы», – сообщала афиша (Собрание, 1912).

В 1890–1900-х годах процесс образования клубов в городе продолжился, обретя особую динамику после первой российской революции. Однако коммерческий и приказчиный клубы отличались от прочих ростовских клубов сооружением собственных помещений и площадок для проведения свободного времени. Они имели для этого не только материальные возможности. Возникнув раньше прочих, оба клуба успели обзавестись участками земли, на которых спустя десятилетия построили здания – важные досуговые площадки. Азовско-Донской яхт-клуб, несомненно, смог бы построить для себя клубное здание, но он образовался в 1893 году (Устав, 1912: 3) и за все время своего существования не смог найти для себя места ни в ростовском порту, ни в городе, в котором явно не доставало земли для развития.

В 1899–1902 годах на заранее приобретенном участке земли между улицами Казанская и Темерницкая под руководством городского архитектора В. Шкитко было построено и отделано здание Общества взаимного кредита приказчиков. В нем помещались правление и канцелярия банковского учреждения, библиотека и читальня с фондом более 60 тыс. книг, бильярдная и зал для карточных игр (ГАРО, Ф. Р-2613. Оп. 1. Д. 71. Л. 35).

В 1910 году на том же участке земли был возведен новый корпус, выходящий фасадом на Темерницкую улицу, с двусветным зрительным залом на 800 мест. Его сооружение дало возможность регулярно устраивать спектакли и концерты, проводить балы и благотворительные мероприятия не только самому приказчиному клубу, но и другим клубам, обществам, учебным заведениям на условиях аренды. На зимние сезоны совет старшин собрания стал, подобно дирекции коммерческого клуба, заключать договор с симфоническим оркестром для проведения регулярных концертов.

Новое помещение позволило подумать и о развивающихся формах досуга для членов обществ и их семей. Летом 1911 года советом старшин клуба было принято решение организовать оркестр и хор «из состава любителей гг. членов, их семейств и посторонних лиц», а также пригласить преподавателя по гимнастике для проведения занятий (В приказчином клубе, 1911). В помещении клуба в начале XX века был даже установлен киноаппарат для показа фильмов (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3751. Л. 2).

Ростовский коммерческий клуб на заблаговременно купленных у города участках земли в 1909–1910 годах выстроил летнее помещение с примыкавшим к нему садом. В нем оборудовали танцевальный зал, три зала ресторана, игорный и концертный залы, а также новинку того времени – небольшой синемаграф. На крыше северной части здания располагалась открытая танцевальная площадка. В 1913–1914 годах был построен и зимний клуб, поскольку арендуемый много лет доходный дом Мирошниченко, хотя и давал возможность проводить концерты и балы, но все же был маловат.

А между тем симфонические концерты, проходившие в зимнем помещении клуба в течение каждого сезона, привлекали массу слушателей. Начало им было положено в 1895 году инициативой И.И. Балакшина-Карского, капельмейстера Асмоловского театра. Устраивались они как в зимнем, так и в летнем клубных помещениях и пользовались успехом и среди участников клуба, и среди горожан. Афиши этих концертов отразили широкий спектр исполнявшихся музыкальных произведений: русская и зарубежная музыка XVIII–XIX вв., произведения современных композиторов: Рахманинова, Калининкова, Глазунова, Лядова. В 1911 году один из ростовских меломанов в газетной заметке писал: «Наш коммерческий клуб изъяснял особенное стремление к культивированию

музыкального воспитания и вкуса среди ростовских граждан. Любовь к музыке среди детей, среди юношества и вообще среди ростовцев явилась в городе только благодаря чудному симфоническому оркестру, десятки годов играющему в коммерческом клубе» ([Среди служащих, 1911](#)).

Все это не исключало того обстоятельства, что ежедневный досуг и в клубе приказчиков, и у коммерсантов, да и в других городских клубах, возможно, кроме лишь женского – это игра в карты. Она приносила в кассу клубов ощутимый и стабильный доход как от продажи карточных колод, так и, особенно, от штрафов за нарушение клубных правил во время игр. На рубеже XIX–XX вв. клубная форма организации досуга в Ростове постепенно становилась нормой повседневной жизни провинциального общества.

Яркой особенностью проведения ростовцами свободного времени было существование в городе ночной жизни как в будние дни, так и в праздники. В 1886 году ее наличие удивило жителя города Харькова, чем он и поделился с читателями одного из периодических изданий. Это удивление процитировано Г. Чалхушьяном в рукописи по истории Ростова: «Выйдете вечером на ростовские улицы, и вы услышите шум, смех, разговоры, музыку, крики, и вас так и охватит эта волна развитой общественной жизни, вы поймете, что этот город, после дневной кипучей деятельности, теперь отдыхает и живет в то же время полною жизнью, а не дремлет и не храпит во все завитки широкого великороссийского носа» ([Чалхушьян, 2002: 352-353](#)).

В 1902 году фельетонист «Приазовского края» отмечал: «Огромные толпы народа гуляют по Садовой в праздничные дни и по вечерам, как только закроются магазины. Панели почти сплошь запружены молодежью обоего пола. Ни протолкаться, ни пройти. «...» Живя на Садовой, я часто наблюдаю эту ростовскую гуляющую толпу. Ее составляют – особенно по вечерам – люди самого среднего калибра – приказчики, конторщики, мелкие чиновники, мещаночки в шляпках, скромный люд ежедневного труда. Очень многие – я встречаю их ежедневно – являются на это гулянье неукоснительно, словно повинность какую отбывают» ([Скиталец, 1902](#)).

Городской сад на Б. Садовой, как и сад в Новом поселении, рабочем районе Ростова, находились в собственности города. Следовательно, распоряжалось ими городское самоуправление. И делало оно это, учитывая прежде всего интересы доходной части городского бюджета.

По статусу своему городской сад был общедоступным, однако городская управа распоряжалась им весьма своеобразно. На территории сада возводились постройки, предназначенные для организации досуга жителей города. В 1893 году по проекту городского архитектора Н. Дорошенко на средства городской казны построили ротонду – помещение общественного назначения с актовым залом на 300 мест, рестораном, гостиницами, бильярдными и необходимыми вспомогательными помещениями ([Волошинова, 2013: 25](#)).

Почти 15 лет ротонда оправдывала свое предназначение и эксплуатировалась как театрально-концертный зал. Помещение сдавалось в аренду антрепренерам профессиональных трупп и любителям, в летнее время устраивался просмотр кинофильмов. В ней проходили общедоступные балы и маскарады, встречи Нового года и прочие увеселения. Разнообразным интересам гулявшей в саду публики отвечали также детская площадка, тир, кегельбан, периодически сгоравший и восстанавливаемый, молочная, кефирная, кофейня и прочие торговые палатки ([На городские темы, 1911](#)).

Отвечали они и хозяйственным интересам городского самоуправления, так как владельцы перечисленных заведений были арендаторами имущества города. В 1890-х годах в городском саду появились и арендаторы в лице городских клубов – коммерческого и ростовского. Позже к их числу добавился клуб лаун-тенниса, основанный в 1907 году ([Устав, 1907: 3](#)). Он устроил в саду теннисные корты, которыми пользовались даже спустя 6 лет после открытия клуба, всего-то 60 человек ([Лаун-Теннис, 1913](#)).

В итоге в городском саду для публики, к клубам не принадлежавшей, оставались чуть ли не одна центральная аллея в верхней части сада да цветник с оранжереей – в нижней. Пройти на клубные площадки в принципе было возможно, но за плату. Входная цена – 55 коп. – была сопоставима с ценами билетов на общедоступные дневные спектакли и на галерку по вечерам в ростовских театрах. Попытки вернуть хотя бы часть территории сада обычным горожанам предпринимались, однако не приводили к желанным последствиям.

Второй городской сад располагался в рабочем районе Ростова, который по причине стихийности его заселения и застройки несколько десятилетий именовался Нахаловкой. После урегулирования в 1883–1885 годах вопроса о праве проживания здесь и владении домами, выпрямления улиц территория получила более пристойное название – Новое поселение. Поэтому сад, открытый в июне 1888 года, назывался Новопоселенский ([Ведомости, 1888](#)). Территория парка был разбита на квадраты, ее пересекали дорожки, засыпанные тырсой. Со временем здесь посадили липы, акации, декоративные кустарники и сделали клумбы. Первой оградой сада была металлическая решетка, затем появился кирпичный забор.

В северо-восточной стороне парка построили летний театр – деревянную конструкцию с раздвижными жалюзи, которые использовались для проветривания помещения. Сооружен он был в

1901–1902 годах Ростовским артистическим обществом, потратившим на строительство более 12 тысяч руб. и примерно 2 тысячи – на декорации и прочее театральное имущество (Отчет, 1904: 22-23).

Судя по этому же отчету, за летние месяцы (с начала мая по 7 сентября) 1903 года любительская труппа общества сыграла на его сцене 31 спектакль, завершив свой второй сезон с убытком в 1381 руб. (Отчет, 1904: 10-11). На общедоступных спектаклях цена билетов варьировалась от 7 до 90 коп., на обычных – от 15 коп. по 1 руб. 25 коп. (Новый театр, 1903), то есть была существенно ниже, чем в частных театрах города. Спектакли давались дважды в неделю. Очевидно, в остальные дни жители поселения могли просто гулять в парке, предаваясь немудреным развлечениям. Любительская труппа артистического общества выступала в театре вплоть до того, как здание сгорело летом 1909 года.

В 1910 году запущенный после пожара сад получило в аренду только что образованное Ростовское просветительское общество «Знание», которому удалось в короткий срок привести его в порядок. Уже летом 1910 года было организовано до 30 гуляний, которые посетило около 50 тыс. чел. За минимальную плату в 5–7 коп. предлагалось послушать оркестр и хор; была проведена серия литературно-художественных и музыкальных концертов, кинопоказы, программа которых составлялась просветительской комиссией общества. Общество же устроило и народный буфет с чаем и свежей провизией. Не успели рабочие семьи, особенно матери семейств, обрадоваться отдыху без пьянок и похмелья, как деятельность общества была приостановлена по соображениям политического характера, а в 1912 году последовал и указ Сената о его закрытии (Общество «Знание», 1912).

Сад Нового поселения оказался в руках череды арендаторов, видевших основу народных развлечений в буфете с прохладительными напитками. Набор досуговых забав, которые они предлагали, – это «грубые развлечения, вроде лазанья на столбы за часами и портсигарами, театральные представления, не дававшие пищи ни уму, ни сердцу, балаганный хор, обычные трескучие мелодрамы картин кинематографа и т.д. ...» (Шакин, 1914).

Зайдя в июле 1911 года на одно из таких народных гуляний, фельетонист «Приазовского края» увидел у кассы очередь за входными билетами. «Преобладают, конечно, новопоселенские кавалеры и барышни, кухарки, горничные, рабочие-великороссы в цветных жилетах поверх красных, синих, голубых рубашек навыпуск. Кое-где мелькают незатейливые соломенные шляпки и картузы». Развлечения начались показом киноленты. За фильмом последовал дивертисмент: чтеца-рассказчика слышали лишь те, кто стоял поблизости, на площадке ротонды, но, когда запел хор, он не только был слышен всем, но и постепенно «завел» слушателей. «Толпа буквально ревет от восторга и моментально заглушает хор. Заключительный аккорд – малороссийский гопак... Танцуют не только «артисты» на сцене. Но и публика. Танцуют на перилах ротонды, и на площадке, и на главной и боковой аллеях. Гопак затягивается до полуночи» (В Новопоселенковском саду, 1911).

Сад Коммерческого клуба разбили одновременно со строительством его летнего помещения. И здание, и сад открыли весной 1910 года. В «Приазовском крае» была опубликована серия фотографий, на которых запечатлены клубный дом с верандой, ракушка для выступлений симфонического концерта с амфитеатром скамеек перед ней, клумбы и газоны, изящная невысокая литая решетка и маленькие, только что посаженные деревья. Эти фото впоследствии были широко растиражированы на открытках с видами Ростова как в оригинальном, черно-белом, варианте, так и в раскрашенном виде.

Вход в сад по вечерам был платным. В апреле 1913 года «Приазовский» вполне буднично оповещал о том, что дирекция Коммерческого клуба приступила к продаже сезонных билетов «для входа в сад клуба». Сезонный билет для семейных ростовцев стоил 30 руб., для одиноких – вдвое дешевле. Чиновники, офицеры, педагоги и учащиеся высших и средних учебных заведений платили за сезонный абонемент на треть меньше: 20 и 10 руб. соответственно. За одноразовый вход вечером мужчины платили 50, а дамы – 35 коп, вышеуказанные льготные группы ростовцев – 35 коп. независимо от пола (Афиша, 1913). Очевидно, члены клуба и их семьи пользовались садом бесплатно. По вечерам в саду играл симфонический оркестр, который приглашался дирекцией клуба специально для выступлений на свежем воздухе. К подбору дирижеров и состава музыкантов летнего оркестра подходили не менее придирчиво, чем при заключении договоров на проведение симфонических концертов в зимнем помещении клуба.

Исключительно на развлечение, причем на развлечение также состоятельной публики, были ориентированы небольшие по размерам, но навязчиво рекламировавшиеся частные сады. Накануне Первой мировой войны их было два, и оба являлись составной частью городских театров-варьете, в городском просторечии – кафешантанов.

Появление первого из них связано с начальным периодом предпринимательской деятельности К.В. Чарахчиянца, чьи таланты в конце XIX – начале XX веков блестяще реализовались в сфере организации досуга как в Ростове, так и в Нахичевани. Начал он осенью 1891 года «Салоном де-Варьете», с труппой из пяти человек, выступавшей с ежедневными концертами. В 1894 году на окраине Ростова, вблизи нахичеванской межи, Чарахчиянец устроил сад под названием «Палермо». Он находился на Б. Садовой, напротив земельного участка Коммерческого клуба, где пятнадцать лет спустя был разбит клубный сад. В 1895 дивертисменты (именно так стали называться концертные

выступления артистов) в саду «Палермо» шли уже круглый год, так как к тому времени был построен зимний театр, сначала называвшийся «Пале де Кристалль». В театральном зале «Палермо» в первые годы его существования дивертисменты чередовались с концертами симфонической музыки, исполнением оперетт и отрывков из оперных спектаклей (Леонов, Палкина, 2018: 12-13).

Однако по мере развития деятельности К. Чаррахчянца как ростовского ресторатора «театр-концерт», как назывался «Палермо» в афишах 1901–1904 годов, постепенно превратился в театр-варьете. Ресторан, скромно упоминавшийся в афишах 1901 года как место, где можно с часу дня и до четырех за рубль пообедать, после «роскошной» отделки зала, лож и кабинетов, произведенной в 1905 году, стал одним из козырей заведения. Три отделения дивертисмента с этого времени как бы прилагались к французской кухне, для организации которой из столицы шеф-поваром был приглашен А.Д. Назаренко, работавший в известном ресторане Кюба. «На кухню обращено особое внимание», – уточнялось в афишах. Первое отделение концерта начиналось в 9 часов вечера, последнее – в 12 ночи, что специально было приурочено к концу спектаклей в городских театрах. В 1906 году «Палермо» работал до 6 часов утра (Палермо, 1906).

Последнее оказалось слишком долго даже для привычных к ночной жизни состоятельных ростовцев. А вот завершение кафешантантных развлечений в 4 часа утра в городе прижилось. Именно до этого времени работали и театр-варьете «Марс», как стал называться «Палермо» с 1910 года, и открытый в том же 1910-м зимний театр-варьете «Буфф».

Театр-варьете «Буфф» и принадлежавший ему сад располагались на углу улицы Сенной и переулка Почтового, соседствуя с Машонкинским театром-цирком и доходным домом В.С. Кушнарера на ул. Пушкинской. Зимний зал был открыт для публики 19 сентября 1910 года (Театр «Буфф», 1910). Афиша в день открытия сообщала, что входной билет в театр стоит 50 коп., что столы в зале занимают бесплатно, а за пребывание в ложах плата составляла 2 руб. 20 коп. в открытой ложе, в закрытой – вдвое дороже (Театр «Буфф», 1910). Различие в ценах представляется естественным, если учесть, что по завершении программы выступлений «talанты» имели обыкновение ужинать с «поклонниками».

«Буфф» позиционировал себя «семейным театром-варьете». Вот только распоряжением ростовского градоначальника посещение его и «Марса» было запрещено учащимся низших и средних школ, а также детям школьного возраста, за чем и следила полиция градоначальства. М. Швейцер (Пессимист), театральный критик «Приазовского края», в рецензии на выступления в Ростове кабаре Балиева «Летучая мышь» заметил: «Летучая мышь» живет за счет бездарности наших театров типа варьете, безнадежно враждебных искусству, соединивших подмостки с домом свиданий и трактирной стойкой. Стиль, вкус, художество – чужие в этих театрах, тогда как «Летучая мышь» – вся стиль, вкус и художество» (Зигзаги, 1914).

Театры старого Ростова принадлежали, в основном, частным лицам и эксплуатировались либо самими владельцами, либо арендаторами помещений, которые приглашали ту или иную антрепризу, организовывали спектакли и концерты гастролеров. Исключение составляли уже упоминавшийся театр Артистического общества в Новопоселенском саду да самодеятельный рабочий театр Владикавказской железной дороги.

В 1863 году был построен деревянный Гайрабетовский театр, названный по имени одного из его владельцев, а площадь, им занимавшаяся, именовалась Театральной. Театр был деревянный (бревенчатый) и, по описанию современников, тесный, неудобный, с маленькой сценой. В 1865 году его арендовал антрепренер Г.С. Вальяно. Он создал постоянную труппу с сильным актерским составом. Публика очень охотно посещала спектакли, которые он ставил. Оперетта, любителем которой был и сам антрепренер, полюбилась ростовцам. Вальяно почти всегда делал полные сборы (Сидоров, 1996: 175). К началу 1880-х театр обветшал, а с сооружением Асмоловского театра представления в нем прекратились.

Каменный театр на Таганрогском проспекте, открытый в 1883 году, назывался более 20 лет Асмоловским по имени его устроителя и владельца. Здание было рассчитано на 1100 мест; зрительный зал обладал хорошей акустикой и прекрасно оборудованной сценой. Такая театральная площадка была привлекательной для многих антрепренеров с серьезным профессиональным подходом к делу, тех, кто видел в театре один из двигателей развития культуры. Долгое время В. Асмолов сам занимался организацией театральных сезонов. Удачным решением известного ростовского мецената было приглашение в 1884 году антрепризы Н.Н. Синельникова.

Первое впечатление руководителя драматической труппы от города и публики нельзя назвать лестным. «Мы приехали в Ростов и застали город, который о драматическом театре совершенно не думал. Он был поглощен своей продажей, скупкой, спекуляцией пшеницей. Успехом пользовалась только оперетта, с расчетом на потакание самым дурным инстинктам толпы» (Синельников, 1935: 146). Синельников, однако, предпринял попытки привлечь публику к драматическому театру. Например, ростовцам неожиданно пришлось по душе постановка «Горе от ума» по пьесе А. Грибоедова в бенефис одного из актеров. Последовало повторение спектакля, также давшее сборы. Однако это не означало коренного перелома в театральных предпочтениях ростовской публики.

Кардинальные изменения начались через 10 лет, когда Н.Н. Синельников вторично получил антрепризу в Асмоловском театре. Создав сильную труппу с первоклассными актерами, Синельников использовал ряд приемов, которые вызвали интерес зрителя к театральной драме. Был изменен характер театральной афиши: она содержала и деловую информацию, и портрет ведущего актера. Удачной находкой стало использование понедельников, в которые публика плохо посещала театр, для постановки непопулярных у ростовцев пьес по общедоступным ценам. В театр пришла новая для него публика – рабочие, мелкие служащие, учащиеся. По оценке Б. Анненского, «Синельникову удалось «взять ростовчан» хорошо подобранной труппой, продуманностью и слаженностью постановок, хорошим оформлением спектаклей» (Анненский, 1960: 324). Можно сказать, что Синельников заложил фундамент для превращения театра в Ростове из разряда развлекательного зрелища в самостоятельный вид искусства.

Первые годы XX века для театра ознаменовались, во-первых, не очень удачным, с точки зрения продолжения просветительской театральной традиции Синельникова, выбором антреприз и, во-вторых, переходом самого театра в 1906 году к другим владельцам. Они оба – и Л. Волкенштейн, и И. Файн – были известными в городе театрами. Файн, к слову, являлся уполномоченным совета Русского театрального общества для Ростовского района (Весь Ростов и Нахичевань, 1914: 190). Но фактическое руководство театром оказалось в руках управляющих, преследовавших прежде всего цель вести дело безубыточно. Отсюда и соответствующий выбор антрепренеров, и полное невнимание к репертуару трупп.

В январе 1911 года, когда антреприза О. Зарайской близилась к завершению, в «Приазовском крае» появилась большая, в подвал газетной полосы, статья «Театр и предприниматели» А. Тараховского (Шиллер из Таганрога), члена редакции и впоследствии совладельца газеты. С его точки зрения, положение ростовского театра «под напором коммерческой вакханалии» привело к вполне очевидному падению уровня спектаклей, театр становится мало интересен и для жителей города, и для таганрожцев, и для жителей Новочеркасска, которые в прежние годы весьма охотно посещали постановки на ростовской сцене (Театр, 1911). Газетная критика, очевидно, была услышана владельцами театра, что не удивительно, если учесть, что Л. Волкенштейн являлся одним из юрисконсультов акционерного общества, издававшего газету. На следующий сезон в качестве соантрепренера Зарайской и режиссера труппы был приглашен Н.И. Соболецкиев-Самарин. Сама же газета, серьезно усилив состав своих театральных критиков, их силами провела накануне нового театрального сезона, можно сказать, креативную маркетинговую кампанию, представляя ростовцам в самом привлекательном свете самого режиссера, его творческие планы и актерский состав труппы.

Машонкинский театр, согласно Б. Анненскому, был построен в конце 90-х годов XIX века. Здание цирка-театра располагалось на Таганрогском проспекте в паре кварталов от Асмоловского театра, было деревянным и, следовательно, пожароопасным. На его месте в 1906 году выстроили новое каменное здание на 1500 мест (Анненский, 1960: 126). Театр предназначался для всех видов сценического искусства и даже цирковых выступлений, но для проведения спектаклей был не самым удобным местом, так как имел чрезвычайно высокий потолок и, следовательно, плохую акустику, а также плохо оборудованную сцену. Впрочем, это не мешало проводить там гастроли оперных трупп и ставить оперетты.

Машонкинский театр в старом Ростове облюбовали украинские театральные труппы, и в начале XX века, чередуясь, они сменяли друг друга на его сцене. Чаще прочих гастролировали антрепризы Л. Сабинина и Д. Гайдамаки. Репертуар включал драматические постановки на украинском и русском языках и музыкальные спектакли. Задерживаясь в городе на полтора–два месяца, труппы делали хорошие сборы, что позволяет говорить о существовании у них в Ростове своего зрителя. Кроме прочего, самый большой в городе зал Машонкинского театра часто становился концертной площадкой для наиболее востребованных исполнителей. Именно в этом театре пел сольный концерт Ф. Шаляпин в 1910 году, а Л. Собинов – в 1912. В 1913 году здесь состоялся этнографический концерт хора, организованного в городе Г.М. Давидовским. Были исполнены народные песни десяти народов России (Театр, 1913). Концерт имел ошеломительный успех и по просьбам публики несколько раз повторялся. Билеты стоили от 32 коп. до 2 руб. (Театр Машонкина, 1913), что делало концерт доступным и для рабочих, мелких служащих и учащихся.

5. Заключение

Подводя итоги изложенному, следует отметить, что досуговых учреждений и площадок, предназначенных для развлечений и увеселений, было в старом Ростове намного больше, чем тех, что служили развитию творческого потенциала людей. Особенности досуга жителей Ростова определялись и спецификой трудовой активности различных групп людей в большом торговом городе, имевшем самостоятельные торговые связи и консульские отношения со странами Западной Европы, и космополитическим обликом его крупного бизнеса, и полиэтничным составом ростовцев.

Литература

- Анненский, 1960** – Анненский К. Ростовский период деятельности Н.И. Соболевичова-Самарина // Николай Иванович Соболевичов-Самарин: Записки. Горький. 1960. С. 338-342.
- Афиша, 1913** – Афиша сада коммерческого клуба // Приазовский край. 1913. 11 апреля.
- В Новопоселенковском саду, 1911** – В Новопоселенковском саду. Народное гуляние 3 июля // Приазовский край. 1911. 5 июля.
- В приказчиьем клубе, 1911** – В приказчиьем клубе. Приазовский край. 1911. 13 сентября.
- Ведомости, 1888** – Ведомости Ростовской-на-Дону городской управы. 1888. 5 июня.
- Весь Ростов, 1914** – Весь Ростов и Нахичевань на Дону на 1914. Харьков. 1914.
- Волошинова, 2013** – Волошинова Л.Ф. Два века городского сада. Серия «Судьбы улиц, площадей, парков». Ростов-н/Д: Донской издательский дом. 2013. 144 с.
- ГАРО** – Государственный архив Ростовской области.
- Гончарова, 2007** – Гончарова О.В. Организация досуга в провинциальном городе на рубеже XIX–XX веков (по материалам Нижнего Поволжья) // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2007. № 1 (36). С. 228-232.
- Греков, 1912** – Греков А.М. Приазовье и Дон: очерки общественной и экономической жизни края. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза». 1912. 208 с.
- Зигзаги, 1914** – Зигзаги. Пессимист // Приазовский край. 1914. 17 мая.
- Краснянский, 1912** – Краснянский М.Б. Духовная жизнь старого Ростова-на-Дону: историч. изыскания по данным Ростовск. н/Д. гор. музея. Ростов-н/Д: Типография юж. телеграфа, 1912. 16 с.
- Кузнецов, 1897** – Кузнецов И.А. Прошлое Ростова: (Очерки по истории города Ростова-н/Д. Ростов-на-Дону: Дон. АО печ. и изд. дела в Ростове-н/Д. 1897. 226 с.
- Лаун-Теннис, 1913** – Лаун-Теннис. Хроника // Приазовский край. 1913. 28 июня.
- Леонов, Палкина, 2018** – Леонов В.А., Палкина И.Д. Дивертисменты в Ростове-на-Дону конца XIX – начала XX веков // Южно-российский музыкальный альманах. 2018. № 2 (31). С. 12-16.
- Литягина, 2007** – Литягина А.В. Досуг в городах России во второй половине XIX – начале XX вв. // Вопросы истории. 2007. № 10. С. 136-142.
- Ловелл, 2005** – Ловелл С. Досуг в России: «свободное» время и его использование // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 136-173.
- Мальшева, 2011** – Мальшева С.Ю. Праздничный день, досужий вечер: культура досуга российского провинциального города второй половины XIX – начала XX веков. М.: ACADEMIA, 2011. 192 с. 800 экз.
- Новый театр..., 1903** – Новый театр в Новопоселенковском саду. Афиша // Южный телеграф. 1903. 27 июля.
- Общество «Знание», 1912** – Общество «Знание» // Приазовский край. 1912. 25 августа.
- Отчет, 1904** – Отчет Ростовского-на-Дону артистического общества с 1 октября 1902 г. по 1 октября 1903 г. Ростов-на-Дону. 1904.
- Палермо, 1906** – Палермо. Афиша // Южный телеграф. 1906. 4 января.
- Позняк, 2015** – Позняк Т.З. Развеешь скуку провинциальной жизни: общественный досуг в городах дальневосточной окраины в 1850–1870 гг. // Россия и АТР. 2015. № 1 (87). С. 81-93.
- Розенталь, 2007** – Розенталь И.С. «И вот общественное мнение!». Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII – начало XX вв. М.: Новый хронограф, 2007. 398 с.
- Самарина, 2019** – Самарина Н.В. Ростовъ – самый удивительный уездный город России. Ростов-на-Дону. Донской издательский дом. 2019. 162 с.
- Сватиков, 1912** – Сватиков С.Г. Ростов-на-Дону и Приазовский край в описаниях путешественников XVIII в. и первой половины XIX в. // Записки Ростовского-на-Дону общества истории, древностей и природы. Т. I. Ростов-на-Дону. 1912. С. 82-94.
- Сидоров, 1996** – Сидоров В.С. Энциклопедия старого Ростова и Нахичевани-на-Дону. Т. 4: Великий Курган – Гурвич. Ростов-н/Д., 1996. 403 с.
- Синельников, 1935** – Синельников Н.Н. Шестьдесят лет на сцене. 1855–1939. Записки. Харьков. 1935. 340 с.
- Скиталец, 1902** – Скиталец. Встречи и речи // Приазовский край. 1902. 18 октября.
- Собрание, 1912** – Собрание членов общества взаимного кредита приказчиков // Приазовский край, 1912. 5 декабря.
- Театр «Буфф», 1910** – Театр «Буфф». Приазовский край. 1910. 11 сентября.
- Театр и предприниматели, 1911** – Театр и предприниматели. Шиллер из Таганрога // Приазовский край. 1911. 28 января.
- Театр Машонкина, 1913** – Театр Машонкина // Приазовский край. 1913. 30 сентября.
- Театр Машонкина. Афиша, 1913** – Театр Машонкина. Афиша // Приазовский край. 1913. 11 октября.
- Устав, 1905** – Устав Ростовского-на-Дону коммерческого клуба. Ростов-н/Д: Электротпечатня Г.М. Пуховича. 1905. 15 с.

- Устав, 1907** – Устав Ростовского-на-Дону клуба «Лаун-Теннис». Ростов-н/Д.: Типография «Донская речь». 1907. 19 с.
- Устав, 1912** – Устав Азовско-Донского яхт-клуба. Ростов-н/Д.: Типолитография М.И. Осадченко. 1912. 24 с.
- Чалхушьян, 2002** – *Чалхушьян Г.Х.* История города Ростова-на-Дону. Гл. 31. Ч. 1. 1909 // *Донской временник*. 2002. № 49.
- Чеботарев, 1912** – *Чеботарев Г.А.* Ростов–Нахичевань-на-Дону. Справ. кн. 1911–1912. Ростов-н/Д., 1912. 391 с.
- Шакин, 1914** – *Шакин И.* Народные развлечения и городское самоуправление // *Утро юга*. 1914. 20 апреля.
- Яхно, 2019** – *Яхно О.Н.* Досуг в провинциальном городе начала XX века: новые формы организации // *История: факты и символы*. 2019. № 1 (18). С. 73-84.

References

- Afisha, 1913** – Afisha sada kommercheskogo kluba [Poster of the garden of the commercial club]. Priazovskii kraj. 1913. 11 aprelya. [in Russian]
- Annenskii, 1960** – *Annenskii K.* (1960). Rostovskii period deyatel'nosti N. I. Sobol'shchikova-Samarina. [Rostov period of activity of N. I. Sobol'shchikova-Samarin]. Nikolai Ivanovich Sobol'shchikov-Samarin: Zapiski. Gor'kii, pp. 338-342. [in Russian]
- Chalkhush'yan, 2002** – *Chalkhush'yan G.Kh.* (2002). Istoriya goroda Rostova-na-Donu [History of the city of Rostov-on-Don]. Gl. 31. Ch. 1. *Donskoi Vremennik*. №49. [in Russian]
- Chebotarev, 1912** – *Chebotarev G.A.* (1912). Rostov-Nakhichevan'-na-Donu. [Rostov-Nakhichevan-on-Don]. Sprav. kn. 1911–1912. Rostov-na-Donu. [in Russian]
- GARO** – Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State Archive of Rostov region].
- Goncharova, 2007** – *Goncharova O.V.* (2007). Organizatsiya dosuga v provintsial'nom gorode na rubezhe XIX-XX vekov (po materialam Nizhnego Povolzh'ya) [Organization of leisure in the provincial city at the turn of the 19th-XX centuries (according to the materials of the Lower Volga region)]. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. № 1 (36), pp. 228-232. [in Russian]
- Grekov, 1912** – *Grekov A.M.* (1912). Priazov'e i Don: ocherki obshchestvennoi i ekonomicheskoi zhizni kraia. [Priazovye and Don: essays of social and economic life of the region]. SPb., tip. t-va «Obshchestv. pol'za». [in Russian]
- Krasnyanskii, 1912** – *Krasnyanskii M.B.* (1912). Dukhovnaya zhizn' starogo Rostova-na-Donu: istorich. izyskaniya po dannym Rostovsk. [Spiritual life of old Rostov-on-Don: historian. Research according to the data of Rostov]. n/D. gor. Muzeya. Rostov n/D: tipografiya Yuzh. Telegrafa. [in Russian]
- Kuznetsov, 1897** – *Kuznetsov I.A.* (1897). Proshloe Rostova: (Ocherki po istorii goroda Rostova-n/D. [Past Rostov: (Essays on the history of the city of Rostov-n/D). Rostov na Donu. Don. AO pech. i izd. dela v Rostove n/D. [in Russian]
- Laun-Tennis, 1913** – Laun-Tennis. Khronika [Lawn tennis. Chronicle]. Priazovskii kraj. 1913. 28 iyunya. [in Russian]
- Leonov, Palkina, 2018** – *Leonov V. A., Palkina I.D.* (2018). Divertismenty v Rostove-na-Donu kontsa XIX – nachala XX veka. [Diversions in Rostov-on-Don of the late 19th – early 20th century]. *Yuzhno-rossiiskii muzykal'nyi al'manakh*. №2 (31). pp. 12-16. [in Russian]
- Lityagina, 2007** – *Lityagina A.V.* (2007). Dosug v gorodakh Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Leisure in the cities of Russia in the second half of the XIX – the beginning of the XX century]. *Voprosy istorii*. №10, pp. 136-142. [in Russian]
- Lovell, 2005** – *Lovell S.* (2005). V Rossii: «svobodnoe» vremya i ego ispol'zovanie. [Leisure in Russia: "free" time and its use]. *Antropologicheskii forum*. №2. pp. 136-173. [in Russian]
- Malysheva, 2011** – *Malysheva S.Yu.* (2011). Prazdnichnyi den', dosuzhii vecher: kul'tura dosuga Rossiiskogo provintsial'nogo goroda vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka. [Holiday, evening: culture of leisure of the Russian provincial city of the second half of the 19th – the beginning of the 20th century]. M.: ACADEMIA. [in Russian]
- Novyi teatr, 1903** – Novyi teatr v Novoposelenkovskom sadu. Afisha [New theatre in Novoposelenkov garden. Poster]. Yuzhnyi telegraf. 1903. 27 iyulya. [in Russian]
- Obshchestvo «Znanie», 1912** – Obshchestvo «Znanie» [Society "Knowledge"]. Priazovskii kraj. 1912. 25 avgusta. [in Russian]
- Otchet, 1904** – Rostovskogo na Donu Artisticheskogo obshchestva s 1 oktyabrya 1902 g. po 1 oktyabrya 1903 g. (1904). [Report of Rostov on Don Artistic Society from October 1, 1902 to October 1, 1903]. Rostov na Donu. 1904. [in Russian]
- Palermo, 1906** – Palermo. Afisha. (1906). [Palermo. Poster]. Yuzhnyi telegraf. 1906. 4 yanvarya. [in Russian]
- Poznyak, 2015** – *Poznyak T.Z.* (2015). Razveyat' skuku provintsial'noi zhizni: obshchestvennyi dosug v gorodakh Dal'nevostochnoi okrainy v 1850-1870 gg. [Dispel the boredom of provincial life: public leisure in the cities of the Far Eastern outskirts in 1850-1870]. *Rossiya i ATR*. 2015. № 1 (87). pp. 81-93. [in Russian]

- Rozental', 2007** – *Rozental' I.S.* (2007). «I vot obshchestvennoe mnen'e!» Kluby v istorii rossiiskoi obshchestvennosti. Konets VIII – nachalo XX v. ["And here is the public view!" Clubs in the history of the Russian public. End X VIII – beginning of XX century]. M.: Novyi khronograf, 2007. [in Russian]
- Samarina, 2019** – *Samarina N.V.* (2019). Rostov" – samyi udivitel'nyi uezdnyi gorod Rossii. [Rostov – the most amazing county city of Russia]. Rostov-na-Donu. Donskoi izdatel'skii dom. [in Russian]
- Shakin, 1914** – *Shakin I.* (1914). Narodnye razvlecheniya i gorodskoe samoupravlenie. [Folk Entertainment and Urban Self-Government]. Utro yuga. 20 aprelya. [in Russian]
- Sidorov, 1996** – *Sidorov V.S.* (1996). Entsiklopediya starogo Rostova i Nakhichevani-na-Donu. [Encyclopedia of old Rostov and Nakhichevan-on-Don]. T. 4: Velikii Kurgan – Gurvich. Rostov n/D, [in Russian]
- Sinel'nikov, 1935** – *Sinel'nikov N.N.* (1935). Shest'desyat let na stsene. 1855-1939. Zapiski [Sixty years on stage. 1855-1939. Notes]. Khar'kov. [in Russian]
- Skitalets, 1902** – Skitalets. Vstrechi i rechi [Wanderer. Meetings and speeches]. Priazovskii krai. 1902. 18 oktyabrya. [in Russian]
- Sobranie, 1912** – Sobranie chlenov obshchestva vzaimnogo kredita prikazchikov [Meeting of Members of the Mutual Credit Society of the Orders]. Priazovskii krai, 1912. 5 dekabrya. [in Russian]
- Svatikov, 1912** – *Svatikov S.G.* (1912). Rostov na Donu i Priazovskii krai v opisaniyakh puteshestvennikov XVIII v. i pervoi poloviny XIX v. [Rostov on Don and Priazovsky Krai in descriptions of travellers of XVIII century and the first half of XIX century]. Zapiski Rostovskogo na Donu obshchestva istorii, drevnostei i prirody. T. I. Rostov na Donu. pp. 82-94. [in Russian]
- Teatr «Buff», 1910** – Teatr «Buff». (1910). [Buff Theatre]. Priazovskii krai. 1910 11 sentyabrya. [in Russian]
- Teatr i predprinimateli, 1911** – Teatr i predprinimateli. Shiller iz Taganroga. (1911). [Theatre and entrepreneurs. Schiller from Taganrog]. Priazovskii krai. 1911. 28 yanvarya. [in Russian]
- Teatr Mashonkina, 1913** – Teatr Mashonkina. (1913). [Mashonkin Theatre]. Priazovskii krai. 1913. 30 sentyabrya. [in Russian]
- Teatr Mashonkina. Afisha, 1913** – Teatr Mashonkina. Afisha. (1913). [Mashonkin Theatre. Poster]. Priazovskii krai. 1913. 11 oktyabrya. [in Russian]
- Ustav, 1905** – Ustav Rostovskogo na Donu kommercheskogo kluba. (1905). [Charter of Rostov on Don commercial club]. Rostov na Donu. Elektropechatnya G.M. Pukhovicha. Rostov-na-Donu. 1905. [in Russian]
- Ustav, 1907** – Ustav Rostovskogo n/D Kluba «Laun-Tennis» v Rostove n/D. (1907). [Charter of Rostov n/A Club "Lawn-Tennis" in Rostov n/D.]. Rostov na Donu. Tipografiya «Donskaya rech'». 1907. [in Russian]
- Ustav, 1912** – Ustav Azovsko-Donskogo Yakht-Kluba [Charter of the Azov-Don Yacht Club]. Rostov na Donu. Tipolitografiya M.I. Osadchenko. 1912. [in Russian]
- V Novoposelenkovskom sadu, 1911** – V Novoposelenkovskom sadu. Narodnoe gulyanie 3 iyulya [In Novoposelenkov Garden. The National 3 on July 12]. Priazovskii krai. 1911. 5 iyulya. [in Russian]
- V prikazchich'em klube, 1911** – V prikazchich'em klube [In the order club]. Priazovskii krai. 1911. 13 sentyabrya. [in Russian]
- Vedomosti, 1888** – Vedomosti Rostovskoi na Donu gorodskoi upravy (1888). [Gazette of Rostov on Don city administration]. 5 iyunya. [in Russian]
- Ves' Rostov, 1914** – Ves' Rostov i Nakhichevan' na Donu na 1914 (1914). [All Rostov and Nakhichevan on Don on 1914]. Khar'kov. 1914. [in Russian]
- Voloshinova, 2013** – *Voloshinova L.F.* (2013). Dva veka gorodskogo sada. Seriya «sud'by ulits, ploshchadei, parkov». [Two centuries of the city garden. Series "fate of streets, squares, parks"]. Rostov-n/D: Donskoi izdatel'skii dom. [in Russian]
- Yakhno, 2019** – *Yakhno O.N.* (2019). Dosug v provintsial'nom gorode nachala XX veka: novye formy organizatsii. [Leisure in the provincial city of the beginning of the 20th century: new forms of organization]. *Istoriya: fakty i simvoly*. № 1 (18). pp. 73-84. [in Russian]
- Zigzagi, 1914** – Z igzagi. Pessimist. (1914). [Zigzags. Pessimist]. Priazovskii krai. 1914. 17 maya. [in Russian]

Досуг жителей Ростова-на-Дону в конце XIX – начале XX веков

Мария Викторовна Братолобова^{а, *}, Ирина Генриховна Брызгалова^а,
Мария Александровна Пономарева^а

^а Южный федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена важной составляющей городского образа жизни Ростова-на-Дону – досугу и его организации в конце XIX – начале XX веков. В рамках статьи рассмотрен один из аспектов истории досуга в большом торговом городе, каковым являлся уездный Ростов-на-Дону в конце XIX – начале XX веков, – формирование инфраструктуры досуговых развлечений. Динамичное развитие Ростова как крупного центра рыночной экономики обусловило соответствующую социальную стратификацию в среде горожан и, как следствие, структурирование досуговых учреждений и площадок. Автор дает характеристику различных групп и площадок, существовавших для развлечений ростовцев, подробно останавливается на досуговых функциях клубов, садов и театров Ростова-на-Дону. Учреждения досуга в Ростове-на-Дону типологически сгруппированы в зависимости от того, на какую форму досуга они были ориентированы: на развлечение горожанина или на его личностное развитие.

Автор делает вывод о том, что досуговых учреждений и площадок, предназначенных для развлечений и увеселений, в старом Ростове было намного больше, чем тех, что служили развитию творческого потенциала людей. Особенности досуга жителей Ростова определялись и спецификой трудовой активности различных групп людей в большом торговом городе, имевшем самостоятельные торговые связи и консульские отношения со странами Западной Европы, и космополитическим обликом его крупного бизнеса, и полиэтничным составом ростовцев. Досуг создавал возможности для самореализации горожан и способствовал развитию институтов гражданского общества.

Ключевые слова: Ростов-на-Дону, провинциальный город, досуговая деятельность, инфраструктура отдыха и развлечений.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: m.bratolyubova2015@yandex.ru (М.В. Братолобова)

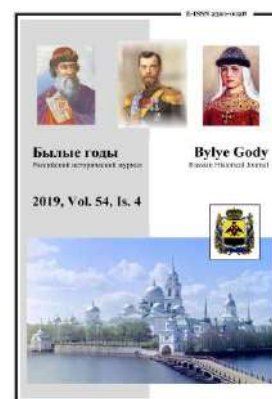
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1737-1744. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1737
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Historical Experience in Dealing with Epidemics in the Yenisei Province in the late XIX – early XX centuries

Lyudmila E. Marinenko ^{a,*}, Tatiana A. Kattsina ^{a,b}, Irina S. Karabulatova ^c, Lyudmila E. Mezit ^b

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafev, Russian Federation

^c RUDN University, Russian Federation

Abstract

The article on the materials of the Yenisei province analyzes the model of interaction between the executive authorities, city government and public organizations in the fight against epidemics in the late XIX – early XX centuries. The main directions of anti-epidemic activities in the Yenisei Siberia are characterized, the legal and financial conditions for their implementation are identified, and their effectiveness is assessed. The conclusion is formulated that the state policy in the field of health care, not taking into account the regional peculiarities of Siberia, has created a number of problems in the process of implementing sanitary epidemiological measures. In the conditions of the formation of the state concept of combating epidemics in the second half of the XIX century, the initiative activity of public organizations in the region, supported by city self-government bodies, became the basis for the formation of an anti-epidemic system in the province.

Keywords: Yenisei Province, epidemics, Society of Doctors of the Yenisei Province, city self-government bodies.

1. Введение

На протяжении многовековой российской истории модели и практика решения вопросов регионального развития отличались существенным разнообразием: от централизованного управления всеми региональными процессами в стране до делегирования части властных полномочий органам местного самоуправления. Анализ исторического опыта решения вопросов местного значения на примере борьбы с эпидемиями в Енисейской губернии конца XIX – начала XX вв. позволяет выявить не только модели региональной политики и особенности их реализации в Сибири в различных социально-экономических и политических условиях, но и расширить представления о них в целом в масштабах страны.

2. Материалы и методы

При написании статьи использованы источники статистического и делопроизводственного характера, часть из которых введена в научный оборот впервые. Привлечены материалы фондов 612 (Енисейская губернская врачебная управа), 803 (Енисейский губернский комитет общественного здоровья) государственного архива Красноярского края, «Врачебно-санитарная хроника Енисейской губернии» (издание медико-санитарно-статистического бюро при врачебном отделении Енисейского губернского управления), отчеты Общества врачей Енисейской губернии, протоколы заседаний Красноярской городской думы, статистические обзоры Енисейской губернии и др. Эти материалы позволили репрезентативно осветить причины возникновения эпидемий, роль социально-

* Corresponding author

E-mail addresses: velichinskaya.lyudmila@mail.ru (L.E. Marinenko), tkatsina@sfu-kras.ru (T.A. Kattsina), i.karabulatova@pfur (I.S. Karabulatova), mezit@yandex.ru (L.E. Mezit)

экономических и биологических факторов в их распространении, комплекс организационно-практических мероприятий, направленных на предупреждение, ликвидацию последствий инфекционных заболеваний среди населения. В работе применено сочетание общенаучного и конкретно-исторического (сравнительно-исторического, синхронного) методов исследования, учтены принципы научно-исторического познания (объективности, историзма). Методологию исследования составили принципы теории модернизации. Концепция фронтальной модернизации (Побережников, 2018), позволила объяснить региональные особенности развития санитарно-эпидемиологических служб Енисейской губернии с ее огромной территориальной протяженностью, неравномерностью расселения, спецификой развития сети медицинских учреждений и их доступностью для населения, временем начала модернизации, ролью государства и общественных сил как движущих сил развития.

3. Обсуждение

В постсоветский период вопросы становления и развития системы противоэпидемических мероприятий в России рассматриваются чаще в контексте истории здравоохранения либо историками (Кузьмин, 2003), либо медицинскими специалистами (Куркатов, 2012), которые сходятся во мнении о прогрессивном развитии здравоохранения в стране на рубеже XIX–XX вв. Значение публикаций других авторов, в том числе сибирских, по этой проблематике заключается в углублении ее анализа, появлении новых ракурсов для рассмотрения, корректировке выводов. Так, публикация Л.К. Козловой, И.Т. Лалетина (Козлова, Лалетин, 2002) характеризует научную, лечебную, санитарно-просветительскую и противоэпидемическую деятельность Общества врачей Енисейской губернии. В статье Д.В. Кускашева, посвященной вопросам становления муниципальной системы здравоохранения в городах Енисейской губернии в 1870–1917 гг., сделан вывод о том, что рост региональной сети медицинских учреждений, обеспечивающих доступное медицинское обслуживание для низших слоев населения, происходил благодаря активной деятельности общественных организаций, органов городского самоуправления и финансовой поддержке частной благотворительности (Кускашев, 2015: 8). Анализ процесса становления системы санитарного контроля в городах Енисейской губернии в конце XIX – начале XX вв., проведенный Т.А. Кискидосовой (Кискидосова, 2010), позволил ей обнаружить положительную динамику экологической обстановки в городах и снижение роста инфекционных болезней среди населения. Однако публикации имеют эпизодический характер, фрагментарны по проблематике и лишь отчасти затрагивают деятельность органов исполнительной власти, городского самоуправления и общественных организаций по предотвращению эпидемий и их последствий в Приенисейской Сибири конца XIX – начала XX вв. В настоящей статье ставится задача осветить именно этот аспект проблемы.

4. Результаты

Причинами масштабного распространения эпидемий в Енисейской губернии являлись неудовлетворительные санитарно-гигиенические условия труда и быта населения, его «малокультурность» (Статистический обзор, 1915: 60). Так, «крайнее загрязнение питьевых источников, главным образом берегов рек, на которые обыкновенно в деревнях сваливается навоз и всевозможные отбросы» (Врачебно-санитарная хроника, 1916: 12) стало причиной распространения эпидемии брюшного тифа в 1915 г. Фактором риска развития острозаразных заболеваний служило в целом плохое состояние здоровья населения. В 1913 г. медицинская комиссия признала годными к военной службе по состоянию здоровья только 48 % призывников (подсчитано по: Терапия, 2012: 45).

Следует отметить, что Енисейская губерния служила регионом, куда добровольно или принудительно прибывали миграционные потоки, включающие ссыльных, крестьян-переселенцев, а в годы Первой мировой войны, революций еще и военнопленных, беженцев. Многие из них являлись переносчиками инфекций. Заболевшие, находясь долгое время в пути, не получали необходимой медицинской помощи, а изолировать их зачастую не представлялось возможным (ГАКК. Ф. 803. Оп. 1. Д. 108. Л. 3, 4, 8). В годы Первой мировой войны поток беженцев, голодных, истощенных и больных, «разносил инфекционные заболевания во все населенные пункты» (ГАКК. Ф. 803. Оп. 1. Д. 42. Л. 17). Во врачебно-санитарной хронике Енисейской губернии за 1916 г. говорилось, что «первый случай сыпного тифа в Ачинской переселенческой больнице был обнаружен среди беженцев, а позже заболевание ввиду расселения беженцев в городе и по уезду появилось в самом городе и прилегающих к нему селениях» (Врачебно-санитарная хроника, 1916: 11).

В отчетах Енисейской врачебной управы, отчетах Общества врачей Енисейской губернии отражена динамика распространения инфекционных заболеваний в губернии в конце XIX – начале XX вв. В отчете Общества врачей Енисейской губернии за 1892–1893 гг. указано, что в 1892 г. в Красноярске было зарегистрировано 1 753 случая инфекционных заболеваний, в том числе брюшного тифа – 332, сыпного тифа – 187, кори – 319 (Отчет общества врачей, 1893: 64). Сопоставив эти данные с численностью населения Красноярска (20 570 человек) за тот же период времени (Быконя и др., 1990: 181), мы видим, что инфекционные заболевания коснулись почти каждого двенадцатого жителя города, или 8,5 % его постоянного населения.

Неудовлетворительная санитарно-эпидемиологическая обстановка в губернии провоцировала естественную убыль населения. Динамика смертности населения от инфекционных заболеваний была нестабильной, что связано с цикличностью эпидемий. Работа сельских врачей считалась малопродуктивной, так как, помимо прямых обязанностей, они выполняли и судебно-медицинские функции, а при больших расстояниях между населенными пунктами (нередко 100–250 км) и плохих дорогах вынуждены были затрачивать много времени на разъезды. Поэтому в большинстве случаев сельское население оставалось без врачебной помощи. Так, по сообщению красноярского врача П.Н. Коновалова, в Енисейской губернии в 1881 и 1889 гг. из-за отсутствия врачебной помощи скончалось соответственно 92,6 % и 89 % от числа больных (Сизых, 2006: 89). Особенно высокий уровень смертности отмечался среди детей. Так, в период эпидемии натуральной оспы в январе 1894 г. в Кежемской и Пинчугтской волостях из заболевших детей (481) умерло 154, т.е. почти каждый третий (подсчитано по: ГАКК. Ф. 612. Оп. 1. Д. 388. Л. 29, 30). В годы Русско-японской войны из-за прекращения привычного подвоза товаров из аптекарских складов, расположенных в Европейской России, в Енисейской губернии наблюдался дефицит медикаментов, перевязочных материалов и дезинфекционных средств (Катцина, 2015: 69-70).

Следует отметить, что сферой здравоохранения в Российской империи ведало Министерство внутренних дел. Местный надзор осуществлял губернатор. Ему подчинялись врачебная управа, губернский комитет общественного здоровья, губернский оспенный комитет, функции которых были связаны с предупреждением распространения заболеваний, в том числе эпидемических. Во второй половине XIX в. борьба с эпидемиями стала приобретать организованный характер. Либеральные реформы Александра II способствовали развитию городского общественного управления, в компетенцию которого входило решение местных социально-экономических вопросов; городским думам были предоставлены властные полномочия по организации системы здравоохранения и санитарного контроля.

В конце XIX в. в Енисейской губернии начался процесс создания санитарной службы. Значимую роль сыграло Общество врачей Енисейской губернии, которое занималось лечебной, научной, санитарно-просветительской деятельностью. По его предложению Красноярская городская дума учредила в 1893 г. должность санитарного врача (Федотов, 1975: 117-118). Заметим, что такие должности отсутствовали в большинстве российских городов того времени.

Функции санитарного врача были связаны с пресечением распространения инфекционных заболеваний. Он имел в подчинении санитарный отряд, а все необходимые средства на содержание санитарной станции и жалование сотрудникам поступали из городского бюджета. Кроме того, санитарный врач наделялся административными функциями, связанными с контролем за санитарным состоянием различных учреждений и жилых помещений частных лиц. При выявлении санитарных нарушений, он составлял соответствующий акт в присутствии участкового полицейского, что влекло за собой применение санкций в отношении правонарушителя (Отчет общества врачей, 1893: 29-30). Помощниками одного санитарного врача назначались пять старших (конных) стражников, которые также подчинялись базарному смотрителю (Куркатов, 2012: 12).

В борьбе с эпидемиями были задействованы санитарные комиссии, созданные органами городского самоуправления Енисейской губернии. Деятельность комиссий была связана с разработкой проектов в области здравоохранения, осуществлением контроля за санитарным состоянием промышленных и торговых предприятий, в том числе за качеством продаваемых продуктов, а также за исполнением соответствующих нормативных актов, изданных городской думой (ГАКК. Ф. 803. Оп. 1. Д. 177. Л. 19).

Залогом успешного развития системы здравоохранения и санитарного контроля являлось наличие достаточных средств для финансирования проводимых мероприятий. Но возможности городских бюджетов были весьма ограничены. В пореформенный период хронической проблемой городов являлся дефицит их бюджетов. В расходной части бюджета городов имелись значительные диспропорции. Например, Красноярская городская дума в среднем тратила в 1870-е гг. 9,4 % средств на учебные заведения, 2 % – на здравоохранение, 12,3 % – на пожарную часть, 14,9 % – на городское благоустройство, 40 % – на содержание чиновников городской управы и квартир для военнослужащих (Безруких и др., 2012: 204). Несмотря на увеличение объема финансирования здравоохранения в 1903 г. по сравнению с 1891 г. более чем в четыре раза (подсчитано по: Обзор, 1902: 50), многие санитарные проблемы города не были решены. По-прежнему отсутствовала канализация. Из Красноярска вывозилась лишь $\frac{1}{10}$ часть нечистот, а оставшиеся отходы загрязняли почву и становились источником заразных эпидемических болезней. Из-за отсутствия водопровода жители употребляли речную воду Енисея, берега которого были так загрязнены, что «цвет воды имел цвет крепкого чайного настоя» (Обзор, 1902: 5-6).

Проблемы усугублялись из-за недостаточного количества больниц. К началу XX в. в Енисейской губернии (не учитывая Красноярск) функционировало 22 лечебных учреждения. Если соотнести эти данные с численностью губернского населения, то на 100 тыс. жителей приходилось всего 4 лечебных учреждения, в то время как в Московской губернии (не учитывая Москву) на 100 тысяч жителей в среднем приходилось 14 больниц (Крутовский, 1902: 52).

Задача по увеличению сети лечебных учреждений была поставлена Обществом врачей Енисейской губернии перед санитарной комиссией. Красноярская городская дума поддержала эту инициативу и в 1884 г. выделила на устройство больницы 1 220 руб. Недостающие средства планировалось собрать за счет пожертвований общественных организаций и частных лиц. Но данное начинание не у всех нашло отклик. Красноярское городское купеческое общество, мещанская управа отказались финансировать проект. Представитель Синельниковского общества благотворителей и попечения сирот ответил категорично: «В предложении Вашем уделять из сумм Синельниковского общества на лечебницу нахожу лишь желание ее жить на чужие средства и потому не заслуживающим уважения. Учредителям лечебницы следовало бы образовать свой капитал лечебницы и им ее содержать» ([Отчет общества врачей, 1895: 368](#)). Только в июне 1885 г. удалось собрать необходимые средства. Значительный вклад внесла семья красноярских предпринимателей Кузнецовых. По завещанию Л.П. Кузнецова было передано для лечебницы новое здание ([Отчет общества врачей, 1895: 371](#)).

В отчетах Общества врачей Енисейской губернии за разные годы упоминается работа холерного барака ([Отчет общества врачей, 1893: 21](#)), городской тифозной больницы ([Врачебно-санитарная хроника, 1917: 13](#)), скарлатинного барака ([Протоколы, 1916: 26-27](#)), рассчитанных на 20–25 койко-мест.

Заведующая Красноярской городской заразной больницей Д.М. Дубникова-Либман подробно описала трудности, с которыми ей пришлось столкнуться в процессе работы из-за несоответствия материально-технической базы больницы потребностям лечебного учреждения. Больница начала работать в октябре 1915 г. В ее здании отсутствовала вентиляция, что привело к появлению грибка на стенах помещений, «воздух в больнице почти невыносимый, особенно это ощущают выздоравливающие больные и персонал, которые всегда жалуются на головную боль. Условия службы для фельдшеров очень тяжелые, 15 суток в месяц фельдшерам приходится провести в ужасной атмосфере. С одной стороны, дают себя чувствовать гнилые стены, с другой – соседство с клозетом и горшки, которые приходится проносить из первых двух палат через дежурную комнату фельдшеров» ([Врачебно-санитарная хроника, 1917: 45](#)). В больнице отсутствовала возможность организовать своевременную дезинфекцию белья и одежды заразных больных, поскольку дезинфектор приезжал раз в два–три дня. Также не было водопровода, а воду привозили в недостаточном количестве, поэтому медицинский персонал мог делать лишь от 4 до 5 ванн в день для больных. Все обращения Д.М. Дубниковой-Либман о предоставлении для больницы другого, более подходящего здания не принесли результата.

Несмотря на сложные условия, больница продолжала работу и в 1915–1916 гг. приняла 376 больных. Кроме лечения, они обеспечивались также питанием: рацион больных включал молоко, бульон, мясо, кисель молочный или клюквенный. Ослабленные больные получали дополнительно кофе или какао. В среднем стоимость питания на одного пациента составляла 27 коп. в день. ([Врачебно-санитарная хроника, 1917: 15-16](#)).

Вместимость городских инфекционных больниц не позволяла оказать помощь всем нуждающимся в ней. В отчетах о деятельности лечебных учреждений отмечена переполненность больниц и их ограниченные возможности. Врачи неоднократно говорили о том, что коэффициент смертности населения г. Красноярска снижается при увеличении расходов на медицинскую часть ([Знаменский, 1916: 11](#)).

Актуальной проблемой больниц на рубеже XIX–XX вв. оставался их кадровый дефицит, который особенно остро ощущался в периоды эпидемий. Медики отказывались ехать в этот далекий край, обосновывая свой отказ «незначительным содержанием врачей и дороговизной жизни» ([Кискидосова, 2016: 49](#)). Особенно остро проблема стояла в небольших населенных пунктах. В 1897 г. один сельский врач в Енисейской губернии обслуживал в среднем 22 174 пациента, а фельдшер – 7 391. Усугублял ситуацию значительный масштаб территории врачебного участка. К примеру, участок врача в Красноярском уезде составлял 6 тыс. кв. верст, в Ачинском – 10, в Канском – 18 ([Григорьев, 1905: 7](#)).

Врач В.М. Крутовский приводил данные, согласно которым в Енисейской губернии до 1898 г. на один уезд полагался один врач и три фельдшера. Средства, выделяемые на медицинское обслуживание сельского населения, по его мнению, «имели комический характер». Ежегодно сельский врач на медикаменты получал 50 руб., а поскольку этой суммы было явно недостаточно для эффективного и своевременного лечения больных, то он «должен был в свободное от работы время заниматься заготовкой лекарственных трав и использовать их при лечении больных» ([Крутовский, 1902: 65](#)).

Первая мировая война обострила проблему кадрового дефицита в Енисейской губернии, поскольку часть врачей была отправлена на фронт. В одном из отчетов врачебно-санитарной хроники региона за 1916 г. говорилось, что количество амбулаторных и стационарных больных увеличивалось; вследствие этого медицинскому персоналу приходилось напрягать все силы и энергию для санитарного благополучия на своих участках. «Глушковский, Бирилюсский и Фаначетский врачебные пункты функционировали весь год без врачей, на некоторых же пунктах врачи были только часть года. В отсутствие врачей врачебными пунктами заведовали лица фельдшерского персонала, а в летнее время – студенты-медики» ([Врачебно-санитарная хроника, 1916: 7](#)).

Важным направлением в системе борьбы с эпидемиями стало развитие микробиологии, иммунологии, прививочного дела. В Енисейской губернии, как и в целом по стране, внедрялось в повседневную врачебную практику оспопрививание населения. Его осуществляли губернские и уездные оспенные комитеты, сопутствующим видом деятельности которых был сбор статистических данных о числе привитых и количестве заболевших. В Сибирь оспенный детрит привозили из европейской части России (ГАКК. Ф. 803. Оп. 1. Д. 120. Л. 2, 3). Низкая плотность транспортных путей сообщения на фоне очаговости поселений в Сибири создавала дополнительные трудности при транспортировке вакцины. Препарат, который доставлялся зачастую «за 3 000–4 000 верст от места своего производства, да полежав изрядное количество времени в Красноярске и вновь проделав путь на почтовых в 200–400 верст, приходил к месту назначения никуда негодный» (Крутовский, 1902: 68). Окружные врачи систематически рапортовали в Енисейскую врачебную управу о плохом качестве оспенного детрита, часть которого оказывалась вовсе не пригодной для использования. Приходилось неоднократно вводить препарат одному и тому же человеку для получения желаемого эффекта, что значительно увеличивало расход вакцины (ГАКК. Ф. 612. Оп. 1. Д. 238. Л. 56, 59, 82, 83).

Сельский врач был не в состоянии провести вакцинацию всего населения на обслуживаемом участке, в связи с чем в его обязанности входило обучение оспопрививателей из числа местных жителей. Для этой цели сельские врачи обращались в местные сельские общества, которые должны были направлять кандидатов для обучения прививочному делу. В.М. Крутовский по этому поводу писал: «Никто из местных жителей добровольно в оспенники, как их здесь называют, не идет. Сельский сход выбирает кого-нибудь, обыкновенно принудительно, освобождает его от повинностей и сверх платы от казны назначает еще особое вознаграждение от себя, ясно этим подчеркивая, что казенное вознаграждение оспопрививателям вполне недостаточно. И действительно, разве возможно семейному крестьянину, оторванному в силу своих занятий от земли, прокормиться на 60 руб., которые он получает за оспопрививание от казны? И вот такой волостной оспенник, часто малограмотный, а иногда и совсем безграмотный, приступает к своему делу, попадая в обучение к своему товарищу, старому оспеннику. Не говоря уже о технической стороне дела, сильно страдающей в грубых руках, непривычных к тонким манипуляциям, подобный оспенник никогда сознательно не может усвоить себе всей серьезности возложенного на него дела. Он не может вполне проникнуться идеей чистоты, дезинфекции и всех необходимых мелочей, с которыми, однако, связан успех дела, избежание вреда и даже опасности при оспопрививании. Вознаграждение получается по числу сделанных прививок, но так как это вознаграждение фиксировано цифрой 60 рублей в год, то, понятно, оспенник будет вести свое дело так, чтобы не переработать» (Крутовский, 1902: 69, 71).

Енисейское врачебное отделение пыталось изменить сложившуюся порочную практику. В 1898 г. оно обратилось с ходатайством к Иркутскому генерал-губернатору о разрешении предоставить право сельским врачам для оспопрививания приглашать студентов-медиков Томского университета, а с целью материального стимулирования их труда не ограничивать платы за оспопрививание суммой 60 руб. в год одному лицу. Но предложение было отклонено (Крутовский, 1902: 72).

В начале XX в. ситуация с прививочным делом стала улучшаться, значительная часть учащихся местных фельдшерских школ стала ставить профилактические прививки против оспы населению (Врачебно-санитарная хроника, 1916: 13). Но, несмотря на то, что в 1900 г. по всем врачебным участкам Енисейской губернии было сделано 28 479 прививок от оспы, профилактические меры коснулись лишь 5 % населения, преимущественно детей (Крутовский, 1902: 72).

В 1906 г. губернской администрацией было возбуждено ходатайство перед Главным управлением по делам местного хозяйства об отпуске средств на устройство в Красноярске бактериологического института. В докладной записке сообщалось, что его предполагается для производства на месте пастеровских прививок против бешенства, приготовления противодифтерийной сыворотки и оспенного детрита. Институт начал свою работу в январе 1914 г. (Мотина, 2013: 8, 10).

Вспомогательным средством в процессе борьбы с эпидемиями являлось санитарное просвещение населения. Енисейская врачебная управа периодически распространяла среди населения печатные материалы о мерах, которых следовало придерживаться в период эпидемий. К примеру, одно из них, опубликованное в 1892 г. в период эпидемии холеры, призывало жителей соблюдать элементарные санитарно-гигиенические правила, такие как употребление только кипяченой воды, мытье рук кипяченой водой с мылом каждый раз перед приемом пищи (ГАКК. Ф. 803. Оп. 1. Д. 140. Л. 80). Общественная инициатива врачей губернии в деле просветительской работы выражалась в чтении лекций о профилактических мерах для предотвращения инфекционных заболеваний, организации выставок, распространении среди населения просветительской печатной информации. Однако данная работа не имела систематического характера и чаще всего активно проводилась лишь в период эпидемий.

5. Заключение

Обобщая вышеизложенное, можно сказать о том, что в конце XIX – начале XX вв. комплексная государственная программа борьбы с эпидемиями находилась в стадии формирования. Активной

движущей силой в процессе становления санитарной эпидемиологической службы в Енисейской губернии стало Общество врачей Енисейской губернии. Оно, не обладая властными полномочиями, воплощало в жизнь свои проекты, опираясь на поддержку органов городского самоуправления. Данные проекты, по сути, аккумулировали социальные потребности населения и предлагали возможные пути их решения сообразно местным обстоятельствам и имеющимся потребностям.

Противоэпидемическая работа в Енисейской губернии включила в себя два основных направления: 1) профилактические меры по предотвращению распространения острозаразных заболеваний и 2) оказание квалифицированной медицинской помощи населению. Профилактические меры были направлены на качественное изменение санитарных условий жизни населения, организацию прививочного дела. Сопутствующим видом деятельности этого направления являлась медицинско-просветительская работа среди жителей губернии. Оказание эффективной медицинской помощи было возможно лишь в условиях увеличения сети медицинских учреждений и штата медицинских работников, что было обусловлено географическими особенностями Енисейской Сибири. Одной из основных проблем, препятствующих эффективной борьбе с эпидемиями, было недостаточное финансирование лечебного и санитарного дела, зачастую недостающие ресурсы приходилось изыскивать, прибегая к материальной помощи частных лиц. Отсутствие дифференцированного подхода к здравоохранению Сибири с ее огромной территорией, неравномерностью расселения и низкой плотностью населения, сложностью перемещения в регионе с неразвитой транспортной системой сводили на нет многие прогрессивные начинания в области санитарно-эпидемиологической деятельности, как в случае, например, с внедрением прививочного дела.

Литература

- Батоев, 2016** – Батоев С.Д. Ослопрививание в Забайкалье (XVIII – начало XX вв.) // *История медицины*. 2016. Т. 3. № 2. С. 125-132.
- Безруких и др., 2012** – Безруких В.А., Быконя Г.Ф., Федорова В.И. Иллюстрированная история Красноярья (XVI – начало XX вв.). Красноярск, 2012. 240 с.
- Быконя и др., 1990** – Быконя Г.Ф., Федорова В.И., Бердников Л.П. Красноярск в дореволюционном прошлом (XVII–XIX века). Красноярск, 1990. 304 с.
- Врачебно-санитарная хроника..., 1916** – Врачебно-санитарная хроника Енисейской губернии. 1916. № 2. 22 с.
- Врачебно-санитарная хроника..., 1917** – Врачебно-санитарная хроника г. Красноярска. 1917. № 11. 77 с.
- ГАКК** – Государственный архив Красноярского края.
- Григорьев, 1905** – Григорьев В.Ю. Земство в Сибири и его местные особенности // *Сибирские вопросы: периодический сборник*. 1905. № 1. С. 33-65.
- Знаменский, 1916** – Знаменский Н.М. Материалы к вопросу о заболеваемости населения г. Красноярска. Красноярск, 1916. 79 с.
- Катцина, 2015** – Катцина Т.А. Характеристика жизненного уровня, организация и меры социальной поддержки населения Сибири в годы Русско-японской войны // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2015. № 2 (32). С. 68-79.
- Кискидосова, 2010** – Кискидосова Т.А. Смертность городского населения Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // *Иркутский историко-экономический ежегодник*. Иркутск, 2010. С. 537-540.
- Кискидосова, 2016** – Кискидосова Т.А. Санитарное состояние городов Енисейской губернии в конце XIX – начале XX вв. // *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 403. С. 49-52.
- Козлова, Лалетин, 2002** – Козлова Л.К., Лалетин И.Т. К истории общества врачей Енисейской губернии // *Сибирское медицинское обозрение*. 2002. № 3(23). С. 70-73.
- Крутовский, 1902** – Крутовский В.М. Очерки современного положения сельской врачебной помощи в Енисейской губернии. Томск, 1902. 115 с.
- Кузьмин, 2003** – Кузьмин В.Ю. Власть, общество и земская медицина (1864-1917 гг.). Самара, 2003. 391 с.
- Куркатов, 2012** – Куркатов С.В. История создания и развития санитарно-эпидемиологической службы Красноярского края. Красноярск, 2012. 198 с.
- Кускашев, 2015** – Кускашев Д.В. Исторический опыт взаимодействия городского самоуправления Енисейской губернии и общественности в организации медицинской помощи населению (1870–1917) // *Вестник Восточно-Сибирской открытой академии*. 2015. № 19 (19). С. 8-9.
- Мотина, 2013** – Мотина Л.А. Сто лет со дня открытия Красноярской Пастеровской станции (1914) // *Край наш Красноярский: календарь знаменательных и памятных дат на 2014 год*. Красноярск, 2013. С. 8-10.
- Обзор..., 1902** – Обзор хозяйства города Красноярска за октябрь–ноябрь 1902 г. Красноярск, 1902. 18 с.
- Отчет Общества врачей..., 1893** – Отчет Общества врачей Енисейской губернии за 1892–1893 год. Красноярск, 1893. 172 с.

- Отчет Общества врачей..., 1895** – Отчет Общества врачей Енисейской губернии за 1894–1895 год. Красноярск, 1895. 393 с.
- Побережников, 2018** – *Побережников И.В.* Фронтирная модернизация на востоке Российской империи: региональные вариации // *Уральский исторический вестник*. 2018. № 4 (61). С. 72–80.
- Протоколы..., 1916** – Протоколы врачебно-санитарного отдела // *Вестник Красноярского городского общественного управления*. 1916. № 9/10. С. 1–60.
- Сизых, 2006** – *Сизых Т.П.* Состояние медицинской помощи населению Енисейской губернии, классификация заболеваний, в том числе органов кровообращения на рубеже XIX–XX веков // *Сибирское медицинское обозрение*. 2006. № 43. С. 88–92.
- Статистический обзор..., 1893** – Статистический обзор Енисейской губернии за 1892 год. Красноярск, 1893. 37 с.
- Статистический обзор..., 1915** – Статистический обзор Енисейской губернии за 1914 год. Красноярск, 1915. 82 с.
- Терапия..., 2012** – Терапия Енисейской губернии и Красноярского края: исторические очерки и воспоминания / Под ред. И.П. Артюхова. Красноярск, 2012. 204 с.
- Федотов, 1975** – *Федотов Н.П.* Очерки по истории медицины и здравоохранения. Томск, 1975. 286 с.

References

- Batoev, 2016** – *Batoev S.D.* (2016). Ospoprivivanie v Zabajkal'e (XVIII – nachalo XX v.) [Opprivation in Transbaikalia (XVIII – early XX century)]. *Istoriya mediciny*, Т. 3, № 2, pp. 125–132. [in Russian]
- Bezrukikh et al., 2012** – *Bezrukikh V.A., Bykonya G.F., Fedorova V.I.* (2012). Illyustrirovannaya istoriya Krasnoyarska (XVI – nachalo XX v.). [Illustrated history of Krasnoyarsk (XVI – early XX century.)]. Krasnoyarsk. 240 p. [in Russian]
- Bykonya et al., 1990** – *Bykonya G.F., Fedorova V.I., Berdnikov L.P.* (1990). Krasnoyarsk v dorevolucionnom proshlom (XVII–XIX veka). [Krasnoyarsk in the pre-revolutionary past (XVII–XIX centuries)]. Krasnoyarsk. 304 p. [in Russian]
- Fedotov, 1975** – *Fedotov N.P.* (1975). Ocherki po istorii mediciny i zdravoohraneniya [Essays on the history of medicine and health]. Tomsk. 286 p. [in Russian]
- GAKK** – Gosudarstvennyj arhiv Krasnoyarskogo kraja [State Archive of the Krasnoyarsk Territory].
- Grigoriev, 1905** – *Grigoriev V.Yu.* (1905). Zemstvo v Sibiri i ego mestnye osobennosti [Zemstvo in Siberia and its local features]. *Sibirskie voprosy: periodicheskij sbornik*, № 1, pp. 33–65. [in Russian]
- Kattsina, 2015** – *Kattsina T.A.* (2015). Harakteristika zhiznennogo urovnya, organizaciya i mery social'noj podderzhki naseleniya Sibiri v gody Russko-yaponskoj vojny [Characteristics of living standards, organization and measures of social support for the population of Siberia in the years of the Russian-Japanese war]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, № 2 (32), pp. 68–79. [in Russian]
- Kiskidosova, 2010** – *Kiskidosova T.A.* (2010). Smertnost gorodskogo naseleniya Enisejskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Mortality of the urban population of the Yenisei province in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Irkutskij istoriko-ekonomicheskij ezhegodnik*, Irkutsk, pp. 537–540. [in Russian]
- Kiskidosova, 2016** – *Kiskidosova T.A.* (2016). Sanitarnoe sostoyanie gorodov Enisejskoj gubernii v konce XIX – nachale XX v. [The sanitary condition of the cities of the Yenisei province in the late XIX – early XX century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, № 403, pp. 49–52. [In Russian]
- Kozlova, Laletin, 2002** – *Kozlova L.K., Laletin I.T.* (2002). K istorii obshchestva vrachej Enisejskoj gubernii [To the history of the society of doctors of the Yenisei province]. *Sibirskoe medicinskoe obozrenie*, № 3 (23), pp. 70–73. [in Russian]
- Krutovsky, 1902** – *Krutovsky V.M.* (1902). Ocherki sovremennogo polozheniya sel'skoj vrachebnoj pomoshchi v Enisejskoj gubernii [Essays on the current situation of rural medical care in the Yenisei province]. Tomsk. 115 p. [in Russian]
- Kurkatov, 2012** – *Kurkatov S.V.* (2012). Istoriya sozdaniya i razvitiya sanitarno-epidemiologicheskoy sluzhby Krasnoyarskogo kraja [The history of the creation and development of the sanitary-epidemiological service of the Krasnoyarsk Territory]. Krasnoyarsk. 198 p. [in Russian]
- Kuskashev, 2015** – *Kuskashev D.V.* (2015). Istoricheskij opyt vzaimodejstviya gorodskogo samoupravleniya Enisejskoj gubernii i obshchestvennosti v organizacii medicinskoj pomoshchi naseleniyu (1870–1917) [Historical experience of the interaction of the city government of the Yenisei province and the public in the organization of medical care to the population (1870–1917)]. *Vestnik Vostochno-Sibirskoj Otkrytoj Akademii*, № 19 (19), pp. 8–9. [in Russian]
- Kuzmin, 2003** – *Kuzmin V.Yu.* (2003). Vlast, obshchestvo i zemskaya medicina (1864–1917 gg.) [Power, Society and Zemstvo Medicine (1864–1917)]. Samara. 391 p. [in Russian]
- Vrachebno-sanitarnaya hronika..., 1916** – *Vrachebno-sanitarnaya hronika Enisejskoj gubernii* [Medical Sanitary Chronicle of the Yenisei Province]. 1916. № 2. 22 p. [in Russian]
- Vrachebno-sanitarnaya hronika..., 1917** – *Vrachebno-sanitarnaya hronika g. Krasnoyarska* [Medical Sanitary Chronicle of the city of Krasnoyarsk]. 1917. № 11. 77 p. [in Russian]

Motina, 2013 – *Motina L.A.* (2013). Sto let so dnya otkrytiya Krasnoyarskoj Pasterovskoj stancii (1914) [One hundred years since the opening of the Krasnoyarsk Pasteur Station (1914)]. *Kraj nash Krasnoyarskij : kalendar' znamenatel'nyh i pamyatnyh dat na 2014 god*. Krasnoyarsk. pp. 8-10. [in Russian]

Obzor..., 1902 – *Obzor hozyajstva goroda Krasnoyarska za oktyabr-noyabr 1902g* [Review of the economy of the city of Krasnoyarsk for October – November 1902]. Krasnoyarsk. 1902. 18 p. [in Russian]

Protokoly..., 1916 – *Protokoly vrachebno-sanitarnogo otdela* [Protocols of the medical and sanitary department]. *Vestnik Krasnoyarskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya*, 1916, № 9/10, pp. 1-60. [in Russian]

Poberezhnikov, 2018 – *Poberezhnikov I.V.* (2018). Frontirnaya modernizaciya na vostoке Rossijskoj imperii: regionalnye variacii [Frontal modernization in the east of the Russian Empire: regional variations]. *Uralskij istoricheskij vestnik*, № 4 (61), pp. 72-80. [in Russian]

Otchet Obshchestva vrachej..., 1893 – *Otchet Obshchestva vrachej Enisejskoj gubernii za 1892–1893 god* [Report of the Medical Association of the Yenisei Province for 1892–1893]. Krasnoyarsk. 1893. 172 p. [in Russian]

Otchet Obshchestva vrachej..., 1895 – *Otchet Obshchestva vrachej Enisejskoj gubernii za 1894–1895 god* [Report of the Society of Doctors of the Yenisei Province for 1894–1895]. Krasnoyarsk. 1895. 393 p. [in Russian]

Sizykh, 2006 – *Sizykh T.P.* (2006). Sostoyanie medicinskoj pomoshchi naseleniyu Enisejskoj gubernii, klassifikaciya zabolevanij v tom chisle organov krovoobrashcheniya na rubezhe XIX–XX vekov. [The state of medical care to the population of the Yenisei province, the classification of diseases including circulatory organs at the turn of the XIX–XX centuries]. *Sibirskoe medicinskoe obozrenie*, №. 43, pp. 88-92. [in Russian]

Statisticheskij obzor..., 1893 – *Statisticheskij obzor Enisejskoj gubernii za 1892 god* [Statistical overview of the Yenisei province for 1892]. Krasnoyarsk. 1893. 37 p. [in Russian]

Statisticheskij obzor..., 1915 – *Statisticheskij obzor Enisejskoj gubernii za 1914 god* [Statistical overview of the Yenisei province for 1914]. Krasnoyarsk. 1915. 82 p. [in Russian]

Therapy..., 2012 – *Terapiya Enisejskoj gubernii i Krasnoyarskogo kraja: istoricheskie ocherki i vospominaniya* [Therapy of the Yenisei province and the Krasnoyarsk Territory: historical essays and memories]. Ed. I.P. Artyukhova. Krasnoyarsk. 2012. 204 p. [in Russian]

Znamensky, 1916 – *Znamensky N.M.* (1916). Materialy k voprosu o zabolevaemosti naseleniya g. Krasnoyarska [Materials to the question of the incidence of the population of Krasnoyarsk]. Krasnoyarsk. 79 p. [in Russian]

Исторический опыт борьбы с эпидемиями в Енисейской губернии в конце XIX – начале XX вв.

Людмила Евгеньевна Мариненко ^{a, *}, Татьяна Анатольевна Катцина ^{a, b},
Ирина Советовна Карабулатова ^c, Людмила Эдгаровна Мезит ^b

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Красноярский государственный педагогический университет имени В.П. Астафьева, Российская Федерация

^c Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

Аннотация. В статье на материалах Енисейской губернии анализируется модель взаимодействия органов исполнительной власти, городского самоуправления и общественных организаций в области борьбы с эпидемиями в конце XIX – начале XX вв. Охарактеризованы основные направления противоэпидемической деятельности в Приенисейской Сибири, выявлены правовые и финансовые условия их реализации, дана оценка их результативности. Сформулирован вывод о том, что государственная политика в области здравоохранения, не учитывающая региональных особенностей Сибири, породила ряд проблем в процессе реализации санитарных эпидемиологических мероприятий. В условиях становления государственной концепции борьбы с эпидемиями во второй половине XIX в. инициативная деятельность общественных организаций региона, поддержанная органами городского самоуправления, стала основой для формирования противоэпидемической системы в губернии.

Ключевые слова: Енисейская губерния, эпидемии, Общество врачей Енисейской губернии, органы городского самоуправления, санитарная служба.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: velichinskaya.lyudmila@mail.ru (Л.Е. Мариненко), tkatsina@sfu-kras.ru (Т.А. Катцина), i.karabulatova@pfur (И.С. Карабулатова), mezit@yandex.ru (Л.Э. Мезит)

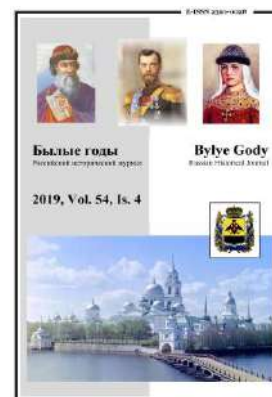
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1745-1753. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1745
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Question of the Reliability of the Muslim Educational Institutions of the Turkestan Region in the Reports of the Official of Special Assignments of the Ministry of Internal Affairs L. Naumov

Yuliya A. Lysenko ^{a, b, c, *}

^aAltai State University, Russian Federation

^bInternational Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^cVolgograd State University, Russian Federation

Abstract

The article presents the analysis of two reports of the official of special assignments of the Ministry of internal Affairs L. Naumov, prepared by him on the basis of a trip to the Turkestan Governor-General in 1910. Among other matters, L. Naumov was instructed to find out the objective picture of the activities of Muslim educational institutions in Turkestan, to determine the degree of their reliability and loyalty to the Russian Empire and the Supreme power. The information for the solution of the task was made by L. Naumov's personal observations. Interviews with officials of regional authorities, religious Muslim figures and teachers of mektebas and madrassas, reports of informants and secret agents, as well as analysis of the current documentation of the Turkestan district security Department and the office of the Turkestan Governor-General. In addition, L. Naumov personally visited Muslim educational institutions in Tashkent. From the information presented in the reports it follows that by 1910 in the Islamic educational system of Turkestan, a reform movement led by Munavar-Kara Abdurrashitkhanov was actively developing. The core of this movement was the Committee of newfangled schools of Tashkent, which carried out diverse activities to promote and disseminate the system of newfangled teaching in mektebs and madrassas of the region. His opponent was the conservative Muslim clergy, who advocated the preservation of the traditional education system. In his reports L. Naumov recorded few data testifying to the anti-Russian propaganda carried out by teachers of old-fashioned and new-fashioned madrassas of Turkestan. The facts of the use of foreign educational literature in the educational process, as well as personnel policy related to the invitation of teachers from the Ottoman Empire significantly undermined their confidence. All this information allowed L. Naumov to draw a conclusion about the unreliability of Muslim educational institutions and their lack of loyal feelings towards the Russian monarchy.

Keywords: Islam, madrassas, newfangled schools, pan-Islamism, pan-Turkism, the Russian Empire, Turkestan, Muslim communities.

1. Введение

На рубеже XIX–XX вв. в Туркестанском генерал-губернаторстве, по далеко не полным данным, насчитывалось около 6000 мусульманских образовательных учреждений – мектебов (начальных школ) и медресе (высших школ) (*Отчет по ревизии...*, 1910: 119-120). Таким образом, система мусульманского образования, безусловно, являлась важнейшим аспектом духовной жизни коренного населения и не могла оставаться без внимания со стороны российской правящей элиты.

Необходимо отметить, что политика Российской империи в отношении инородческой/конфессиональной школы носила противоречивый характер. С одной стороны,

* Corresponding author

E-mail addresses: iulia_199674@mail.ru (Yu.A. Lysenko)

государство стремилось к унификации всех сфер жизни российского общества, в том числе к формированию единого образовательного пространства, единых механизмов и принципов функционирования всех типов образовательных учреждений империи. Именно для достижения данной цели в 1874 г. все конфессиональные школы, в том числе мусульманские, были переданы в компетенцию Министерства народного просвещения (Стурова, 2014: 95-97). Однако МНП так и не удалось интегрировать конфессиональную школу в общеимперскую образовательную модель, создать адекватную нормативно-правовую базу ее деятельности и государственного контроля за ней. В 80-е гг. XIX в. оно ограничилось изданием Особой инструкции для чиновников училищных округов, курировавших мусульманские учебные учреждения, в которой им запрещались любые попытки «к насильственному реформированию мечетей и медресе». В результате за рамками должностных полномочий училищных наблюдателей оказались вопросы состава и профессиональной подготовки учителей мусульманских школ, содержания образовательных программ, комплектования методическими пособиями и учебниками и т.д. Формальный контроль за мусульманской школой со стороны региональных органов Министерства народного просвещения сводился к ее посещению, «наблюдению за недопущением в ней противогосударственной пропаганды» и сбору статистической информации (РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 22. Л. 32 об.-33).

В условиях усиления в России исламофобских настроений, связанных с ростом самосознания мусульманских народов империи и политизацией жизни мусульманских общин, в 1901 г. в правительстве был поднят вопрос о необходимости изъятия мусульманской школы Туркестанского края из ведения Министерства народного просвещения с последующей передачей Военному министерству. МНП инкриминировалось обвинение в том, что оно оказалось неспособным сдерживать в регионе рост численности мектебов и медресе и, таким образом, осуществлять качественный контроль за мусульманской образовательной системой (Lysenko, 2018: 762). Однако в 1906 г. межведомственная полемика завершилась принятием Правил о начальных училищах для иностранцев, сохранивших принадлежность мусульманских учебных заведений МНП и фактически не изменивших ситуацию в сфере контроля за их деятельностью.

Это вызвало новую волну исламофобии, усилившуюся на фоне революционных событий в Османской империи и Иране, суннитско-шиитской резни в Бухаре в январе 1910 г. (Мухамедшин, Абашин, 2013: 114-116). Требования о введении более жесткого контроля за мусульманской школой все чаще стали основываться на тезисе о распространении идей пантюркизма и панисламизма среди коренного населения Туркестана, формировании религиозных группировок, деятельность которых «угрожала правительственной политике» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 11). В сложившейся ситуации российским правящим кругам было крайне важно окончательно не упустить из-под контроля систему мусульманского образования и иметь представление о степени его благонадежности и лояльности государству и верховной власти.

Именно поэтому, наряду с усилением деятельности Туркестанского районного охранного отделения (Котюкова, 2014), в 1910 г. в Туркестан был направлен чиновник особых поручений VI класса МВД Л. Наумов. Перед ним ставилась задача сбора и анализа информации о религиозной ситуации в регионе и мусульманских учебных заведениях, оценки степени проникновения в учительскую среду панисламистских и пантюркистских идей. Результаты поездки в 1911 г. под грифом «секретно», «доверительно» или «совершенно доверительно» были оформлены Л. Наумовым в виде семи отдельных докладов, два из которых посвящались собственно исламской образовательной системе Туркестанского генерал-губернаторства.

2. Материалы и методы

В статье в качестве основного источника были привлечены доклады чиновника особых поручений Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД Л. Наумова, отложившиеся в фонде 821 Российского государственного исторического архива (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458). В них представлена информация, отражающая деятельность традиционных и новометодных мусульманских учебных учреждений Туркестана, Комитета новометодных школ в Ташкенте, отношение традиционного мусульманского духовенства к реформаторскому движению в исламе. Отчеты о поездке были составлены Л. Наумовым на основе личных наблюдений, опросов чиновников туркестанской администрации и Туркестанского училищного округа, духовных мусульманских деятелей и учителей мектебов и медресе, посещения им мусульманских учебных заведений г. Ташкента, донесений осведомителей и тайных агентов, а также анализа текущей документации Туркестанского районного охранного отделения и канцелярии туркестанского генерал-губернатора. В совокупности данные обстоятельства позволяют говорить о высокой степени достоверности представленной в отчетах информации, на основе которой Л. Наумовым была дана оценка эффективности работы региональных органов власти в сфере осуществления контроля за деятельностью новометодных и старометодных учебных заведений, их благонадежностью и лояльностью Российской империи.

В качестве методической базы привлекались конкретно-научные методы исторического исследования. Историко-генетический метод применялся для выявления причин и особенностей

государственной политики Российской империи в сфере регулирования духовной жизни мусульманской общины Туркестанского края. Использование историко-сравнительного метода позволило провести проверку достоверности полученных Л. Наумовым результатов по итогам обследования им мусульманских учебных заведений региона с привлечением ряда других аналитических источников, прежде всего отчетов сенаторской ревизии Туркестанского края К. Паленом.

3. Обсуждение

В современной историографии достаточно широко представлены вопросы государственной политики России в отношении мусульманской школы Туркестанского края. Отдельные аспекты данной проблемы представлены в исследованиях А.К. Тихонова, Т.В. Котюковой, М.Е. Шушковой, И.В. Волкова (Тихонов, 2008; Котюкова, 2010; Шушкова, 2012; Волков, 2017). Отдельным направлением историографии мусульманской школы Туркестана можно считать исследование, связанное с анализом образовательного процесса и деятельности мусульманских мектебов и медресе, кадровой политики и связи с зарубежными мусульманскими образовательными центрами (Бендриков, 1960; Бейсембиев, 1961; Арапов, 2004; Литвинов, 1998, Центральная Азия..., 2008). Общественно-просветительская, реформаторская, литературная и деятельность джадидов Туркестана – основоположников новометодного образования в мусульманской школе – представлена в трудах С.Н. Брежневой, Ш.М. Шукурова, А. Исмаилова, К. Базарбаева (Брежнева, 2008; Шукуров, 2001; Ismaylov, Bazarbaev, 2013).

Тем не менее в историографии до сих пор остается дискуссионным ряд аспектов истории мусульманской образовательной системы Туркестанского генерал-губернаторства. Центральным из них является вопрос о том, была ли реальной угрозой со стороны мусульманского образования в целом, и новометодного движения в частности, присутствию Российской империи в регионе. Представленный в данной статье анализ отчетов Л. Наумова позволит внести некоторую ясность в суть данной проблемы.

4. Результаты

Как указывалось выше, выяснение благонадежности мусульманских учебных заведений Туркестанского генерал-губернаторства стало одной из задач поездки чиновника особых поручений МВД Л. Наумова в 1910 г. в данный регион. Как специалист Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД, чиновник был компетентен в вопросах политики России в отношении ислама и осведомлен об общих тенденциях жизни мусульманской общины региона, в том числе связанных с развитием новометодного образования. В связи с этим главное внимание Л. Наумова было приковано к Ташкенту как к крупному религиозному и религиозно-образовательному центру Туркестана: в городе функционировало 14 новометодных медресе, являвшихся в представлениях российской политической элиты «рассадниками» панисламизма и пантюркизма.

В ходе разведывательной работы и изучения текущей документации администрации и районного охранного отделения в Ташкенте, Л. Наумову удалось выяснить, что в городе существует «партия» новометодного движения и ее «негласный комитет», состоящий из 20–25 человек. Идеальным вдохновителем движения являлся Мунавар-Кары Абдурашитханов – «ташкентский сарт татарского происхождения»¹.

Мунавар-Кары Абдурашитханов находился под надзором полиции с 1901 г. Именно тогда, вернувшись из Бухары, где получил теологическое образование, он открыл в Ташкенте первую новометодную школу. Некоторое время в ней по его распоряжению преподавался русский язык, за что его традиционное духовенство называло «кяфир-кары», то есть «неверный знаток Корана». Это же обстоятельство позволяло охранному отделению считать Мунавар-кары сторонником «русского владычества» (Котюкова, 2014: 68). Однако в последующем его политические взгляды трансформировались. В 1906 г. Мунавар начал издавать в Ташкенте газету панисламистского направления и, по имеющимся о нем сведениям, поддерживал прочные контакты с руководителем мусульманской фракции Государственной думы Максудовым. С группой Мунавара сотрудничали некоторые муэдзинсы (учителя – Авт.) ташкентских медресе, а также татарская диаспора г. Ташкента «во главе с торговцем Шамсутдиновым и муллою татарской мечети на местном Воскресенском базаре» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 11). Л. Наумову было также известно, что в 1910 г., накануне его приезда в Ташкент, директор Туркестанского училищного округа Остроумов сообщил управляющему канцелярией туркестанского генерал-губернатора В.А. Мустафину информацию о полученном им анонимном письме. В нем шла речь об антиправительственных настроениях

¹ Речь идет о видном религиозно-политическом деятеле Туркестана Мунавар-Кары Абдурашитханове (1878–1931) – узбекском просветителе, являвшемся одним из лидеров джадидов и руководителем организации Шура-и-Ислам. Арестован 6 ноября 1929 г. по обвинению в «участии в контрреволюционной организации и антисоветской агитации». Коллегией ОГПУ 25 апреля 1931 г. приговорен к расстрелу. 16 января 1989 г. реабилитирован (посмертно).

старшего учителя новометодного мектеба Ташкента Мунавар-Кары Абдурашидханова и его антиправительственных статьях, опубликованных в турецких периодических изданиях.

Учитывая данные факты, Л. Наумов уделил особое внимание деятельности комитета «партии» новометодного образования г. Ташкента, возглавляемого Мунаваром. По оценке эксперта, она являлась достаточно многогранной. Так, в Ташкенте в типографии «Мунавар Кара и Ко» издавались школьные учебники для новометодных школ и методическая литература, члены комитета совершали многочисленные поездки по Туркестанскому краю с целью пропаганды и открытия новых новометодных школ, распространения изданной литературы, передачи «инструкций комитета отделениям (новометодной партии – Авт.) в других городах». При содействии Мунавара-Кары и его группы ежегодно из Ташкента в Константинополь для завершения религиозного образования направлялись 35 молодых сартов. Л. Наумову стало также известно, что группа Мунавара-Кары поддерживала контакты с младотурецким комитетом «Единение и прогресс» и мусульманской фракцией Государственной думы. Последнее обстоятельство позволило ей принять участие в общероссийском движении мусульман за внесение поправок в принятый в 1906 г. закон об инородческой школе. В сентябре 1910 г. от имени туркестанских мусульман в Государственную думу поступила «петиция с ходатайством о языке преподавания в туркестанских школах и о сохранении всех «национальных особенностей», которым, по словам петиции, угрожает правительственная политика» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 13 об.).

По сведениям, представленным Л. Наумову чиновниками Туркестанского училищного округа, деятельность комитета новометодных школ в Ташкенте «велась чрезвычайно рьяно и энергично». Так, в 1906 г. у Мунавара насчитывалось всего 100 учеников, к 1910 г. их численность возросла до 2500 человек, обучающихся в 14 новометодных школах. Для привлечения новых учащихся каждой новометодной школе он предоставлял «до 40 бесплатных вакансий бедным ученикам, устраивал экзамены при чрезвычайно торжественной обстановке, рассылал приглашения посетить экзамены родителям учеников и посторонним лицам и вообще пускал в ход самую широкую рекламу». Все эти акции, по свидетельству учебной администрации, имели высокую эффективность (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 17).

Для проверки полученных от административно-полицейских органов Туркестана сведений о деятельности Мунавара-Кары и его группы Л. Наумов принял решение лично побеседовать с ним. В первом отчете, направленном им в МВД, приводится подробное описание всей беседы, а также политические взгляды Мунавара и личное впечатление Наумова от встречи с данным религиозно-политическим деятелем.

Вопросы, заданные Мунавару, по сути, являлись теми критериями, на основе которых Л. Наумов собирался делать заключение о его благонадежности и лояльности Российской империи. Среди них – наличие зарубежной учебно-методической литературы и зарубежных учителей в новометодных школах, знание учителями русского языка, имени российского императора, его узнаваемость на портретах и фотографиях. Отвечая на них, Мунавар сообщал, что большинство учебников для новометодных школ он выписывал из Турции и Поволжья, некоторые переводил лично и издавал в Ташкенте. Его кадровая политика для новометодных школ характеризовалась ставкой на выпускников, окончивших медресе в Турции. Отказ принимать на работу выпускников русско-туземных школ Туркестана Мунавар-Кары мотивировал незнанием ими «языка сартов». Заключение Л. Наумова по результатам беседы было прогнозируемым: Мунавар-Кары оказался «убежденным панисламистом» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 15-15 об.).

Посещение новометодных школ Ташкента и опрос учеников оставил у Л. Наумова благоприятное впечатление. «С внешней стороны в школах ничего предосудительного я не нашел, – писал в отчете чиновник МВД. – Ученики удовлетворительно отвечали на мои вопросы об имени государя императора, знали название государства, в котором они живут». Однако анализ учебной литературы, проведенный местным училищным инспектором г. Сайфи по просьбе Наумова, позволил выявить два сборники стихов (!), «содержащих в себе рассуждения на политические темы и проникутые духом обличения по адресу мусульманской нации – «невежественной» и «спящей», которая остановилась в своем развитии, не реформирует своих медресе и мектебов, не умеет объединяться и потому терпит владычество над собой другой торжествующей нации». На основании только этих двух поэтических сборников Л. Наумов подтвердил свои предположения о том, что в новометодных школах процветает антироссийская пропаганда (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 16).

Отдельное внимание в ходе своей рабочей поездки Л. Наумов уделял анализу ситуации в старометодных медресе Туркестанского края. Как следует из его отчетов, чиновник бывал в ташкентских медресе и в качестве почетного гостя, и в качестве случайного посетителя. В последнем случае он хоть и не наталкивался на открытое недружелюбное отношение, тем не менее «ощущал со стороны мулл и мударрисов (учителей – Авт.) снисходительно-пренебрежительный тон, неохотно протянутую руку и саркастические улыбки, сопровождавшие все ответы на вопросы русского чиновника» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 28). Очевидно, что столь неуважительное отношение к российскому чиновнику высокого ранга, о приезде которого население было информировано заранее, оценивалось Л. Наумовым как неуважение и нелояльность к государственной власти.

Из отчетов следовало, что Л. Наумов направил несколько осведомителей-туземцев в города Туркестана с целью «расспросить учащихся медресе, «как учат их мударрисы относиться к русским». Из собранной ими, но не проверенной лично Л. Наумовым информации следовало, что в некоторых туркестанских медресе работали учителя, «которые систематически внушали своим ученикам превратные сведения о России и христианской вере», формировали антироссийские настроения. В качестве примера чиновник описал случаи, имевшие место в Кокандском медресе Джами и Мадали-Хан и в Андижанском медресе Махмуд Алибай¹. Учителя данных мусульманских учебных заведений «не только называли русских «кафирами», но еще, кроме этого, явно возбуждали в муллабачах (учащихся медресе – Авт.) раздражение против русских тем, что предписывали последним стремление бороться с исламом путем якобы готовящегося упразднения всех медресе, от которых скоро де будут отняты все вакуфы». В некоторых медресе Туркестана учителя, называя имя турецкого султана, не могли назвать имя российского императора, не узнавали его изображение на фотографиях и портретах. Данные факты, безусловно, рассматривались как вопиющий факт отсутствия верноподданнических настроений и лояльности Российской империи (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 29 об.-30).

Истоки формирования антироссийских настроений среди традиционных слоев мусульманского духовенства крылись, по мнению Л. Наумова, в вакуфной политике. В отчете он отмечал, что «при прежнем правительстве, т.е. при ханах, на класс мулл сыпались всевозможные милости, в пользу мечетей и медресе жертвовались ханами земли и деньги, беспрепятственно возникали вакуфы, а с ними и новые медресе, в которых муллы находили себе обеспеченные должности. В настоящее время положение мулл действительно ухудшилось. Учреждение новых медресе фактически допускается, а вакуфные капиталы <...> постепенно растрачиваются (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 32).

В завершении служебного расследования ситуации, связанной с мусульманским образованием, Л. Наумов провел ряд бесед с представителями Туркестанского училищного округа. Последние утверждали, что отсутствие нормативно-правовой базы деятельности мусульманской школы ставит их «в весьма затруднительное положение», не позволяет «дать хода ряду позднейших ходатайств об открытии новометодных школ как в Ташкенте, так и в других местностях», сдерживает их «в вопросах о дальнейшей своей политике в отношении существующих уже школ и в разрешении преподавания в них русского языка» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 17 об.).

В целом, учитывая настроения правящей элиты Российской империи в отношении мусульманской школы Туркестана, Л. Наумов делал, на наш взгляд, не очень доказательные выводы о том, что в регионе зарождается угроза политическому присутствию России в лице как старометодных, так и новометодных школ. Поэтому Л. Наумов предлагал ряд мер, направленных на прекращение антироссийской пропаганды в традиционных медресе и пресечение деятельности комитета новометодных школ г. Ташкента (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 19).

Во-первых, чиновник подчеркивал огромное стремление туземного населения, особенно торгово-промышленных кругов, к изучению русского языка. В связи с этим он рекомендовал взять курс на резкое увеличение численности правительственных русско-туземных школ с тем, чтобы они смогли успешно конкурировать в Туркестане с другими общеобразовательными низшими школами для туземцев. Чиновник, со слов самих туземцев, отмечал, что только в Ташкенте необходимо открыть не менее десяти русско-туземных училищ. «Не использовать своевременно столь выгодного предложения, – подчеркивал он, – да еще к тому же допустить преподавание русского языка в новометодных школах, что еще более усилило бы последние в соревнованиях с нашими русско-туземными училищами, значило бы, по моему полному убеждению, сделать крупнейшую ошибку, исправить которую впоследствии будет уже чрезвычайно трудно» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 21).

Во-вторых, Л. Наумов акцентировал внимание на том, что традиционное мусульманское духовенство крайне отрицательно относится к новометодному движению и начинаниям Мунавара потому, что «вся его деятельность носит характер обличения, направленного к подрыву в молодом поколении уважения к здешним медресе и всему строю жизни мусульманского населения края». В отчете он много рассуждал об экономическом аспекте противостояния консерваторов и реформаторов, подчеркивая, что первые слишком заинтересованы в сохранении традиционной мусульманской школы как оплота их материального благополучия. Поэтому Л. Наумов предлагал сыграть на противоречиях между двумя направлениями мусульманской общественной мысли и рекомендовал властям усилить союз государства и туркестанских мусульманских лидеров-традиционалистов «в борьбе с политически опасным движением Мунавара и комитета новометодных школ» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 20-20 об.). При этом сформулировать более конкретные шаги в данном направлении или скорректировать курс вакуфной политики он не смог.

В третьих, оценивая все же пока слабую популярность идей Мунавара-Кары среди коренного населения Туркестана и г. Ташкента, Л. Наумов предлагал прибегнуть к конструктивным и решительным мерам – его административному выселению из региона. «Отстранение Мунавара-Кары, – подчеркивал чиновник МВД, – едва ли вызовет сколько бы серьезное противодействие со

¹ Названия медресе приведены как в источнике.

стороны населения края, не взирая на то, что на стороне его находится немало сочувствующих ему ташкентских баев (богатых сартов), вообще говоря, по моим наблюдениям, склонных к восприятию программы мусульманского коло (Государственной думы – Авт.)» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 20 об.-21). С отстранением Мунавара, являющегося центральной фигурой во всем движении, новометодные школы в Ташкенте лишились бы, по мнению Л. Наумова, опытного и умелого руководителя.

Представляется, что итоговые оценки Л. Наумовым ситуации в сфере мусульманского образования и деятельности новометодного комитета г. Ташкента, несмотря на солидный круг привлеченных информаторов, являются не совсем объективными. Присущая докладу некоторая эмоциональность, снисходительный тон при описании содержательной части процесса обучения в мусульманских медресе, негативное восприятие их учителей доказывают приверженность Л. Наумова традиционным для российской политической элиты взглядам на мусульманскую школу как оплот консерватизма, религиозной схоластики и антироссийской пропаганды. На фоне усиливающейся исламофобии российского общества в начале XX в. выводы Л. Наумова о полной неблагонадежности мусульманской школы Туркестана и высокой степени угрозы с ее стороны интересам государства становились вполне закономерными.

В то же время ряд аналитических документов эпохи опровергает мнение Л. Наумова. Приведем в качестве примера заключение сенаторской ревизии Туркестанского края графом К.К. Паленом, состоявшейся в 1908 г., за два года до поездки Л. Наумова. В ходе ревизии комиссия уделила огромное внимание учебному делу в регионе, в том числе мусульманскому образованию. Следует также подчеркнуть, что в отличие от Л. Наумова, отработавшего только в г. Ташкенте, комиссия обследовала мусульманские образовательные учреждения достаточно детально и повсеместно, охватив все области Туркестанского генерал-губернаторства. Это, на наш взгляд, позволило ей получить более реалистичную картину и дать более объективные оценки деятельности мусульманских мектебов и медресе.

Комиссия пришла к заключению, что в Туркестанском крае наблюдение за мусульманскими школами «находится в более благоприятных условиях, чем в других местностях с мусульманским населением». Подтверждением являлся тот факт, что администрация Туркестанского училищного округа никогда не встречала противодействия не только к посещению этих школ и наблюдению за ними, но и к осуществлению тех мер, какие она находила необходимыми. Здесь также «за все время русского владычества, – отмечалось в отчете ревизии, – не возбуждалось никаких ходатайств об изъятии мусульманских школ из ведения русской администрации и передаче их в ведение мусульманских духовных управлений» (Отчет по ревизии..., 1910: 163). Ни о какой антиправительственной пропаганде в мусульманских образовательных учреждениях, в том числе в новометодных школах, в заключении сенаторской ревизии К. Палена не упоминалось.

В качестве рекомендаций по улучшению надзора за мусульманской школой Туркестана комиссия рекомендовала «установить точные пределы надзора и определить, в чем должно выражаться подчинение местных мусульманских школ учебной администрации, а затем учредить достаточное количество должностей для осуществления этого надзора»; урегулировать «вопрос о допущении в мусульманские училища только тех учебных книг, которые были бы одобрены для этой цели», т.е. ввести цензуру для заграничных изданий. Весьма важное значение в решении проблемы упорядочения наблюдения и надзора за мусульманскими школами комиссия К. Палена придавала упорядочению процесса их открытия (Отчет по ревизии..., 1910: 168).

Не менее ценная информация, подтверждающая отсутствие в Туркестане религиозных организаций антироссийской направленности, содержится в переписке начальника Туркестанского районного охранного отделения и управляющего канцелярией туркестанского генерал-губернатора. В октябре 1911 г., в связи с пятилетием Всероссийского мусульманского съезда в Нижнем Новгороде, начальник охраны писал управляющему о том, что «в крае все спокойно, и нет никаких оснований думать, что в Туркестане существовали или существуют мусульманские организации противоправительственного характера» (Котюкова, 2016: 167).

5. Заключение

В 1910 г. состоялась поездка чиновника особых поручений МВД Л. Наумова в Туркестанский край для анализа деятельности мусульманских учебных заведений региона и определения степени их благонадежности и лояльности Российской империи. Информацию для решения поставленной задачи составили личные наблюдения Л. Наумова, опросы чиновников региональных органов власти, духовных мусульманских деятелей и учителей мектебов и медресе, донесения осведомителей и тайных агентов, а также анализ текущей документации Туркестанского районного охранного отделения и канцелярии туркестанского генерал-губернатора. В своих отчетах по результатам поездки Л. Наумов зафиксировал формирование в системе мусульманского образования Туркестана реформаторского/новометодного движения, факты привлечения к образовательному процессу в старометодных и новометодных медресе зарубежных преподавателей, зарубежной учебно-методической литературы, проведения антироссийской пропаганды. Все эти данные позволили

Л. Наумову сделать заключение о неблагонадежности мусульманских учебных заведений и отсутствии у них верноподданнических чувств в отношении российской монархии. В то же время ряд других аналитических источников, прежде всего отчеты senatorской ревизии Туркестанского края К. Паленом, ставят под сомнение объективность сделанных Л. Наумовым выводов.

6. Благодарности

Статья выполнена в рамках госзадания Минобрнауки РФ по теме «Развитие этнорелигиозной ситуации в трансграничном пространстве Алтая, Казахстана и Монголии в контексте государственно-конфессиональной политики: исторический опыт и современные тенденции» (№ 33.2177.2017/4.6).

Литература

Арапов, 2004 – *Арапов Д.Ю.* Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.). М., 2004. 287 с.

Бейсенбиев, 1961 – *Бейсембиев К.Б.* Идеино-политические течения в Казахстане в конце XIX – начале XX вв. Алма-Ата, 1961. 378 с.

Бендриков, 1960 – *Бендриков К.Е.* Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865–1924 гг.). М., 1960. 512 с.

Брежнева, 2018 – *Брежнева С.Н.* Передовая культура джадидов Средней Азии в начале XX в. // *Вестник Оренбургского государственного университета.* 2018. № 10 (92). С. 50-54.

Волков, 2017 – *Волков И.В.* Власть и мусульманская школа в Русском Туркестане (1867–1881 гг.) // *Власть.* 2017. № 1. С. 148-155.

Котюкова, 2010 – *Котюкова Т.В.* «Мусульманский вопрос» в Туркестане в начале XX века // *Вопросы истории.* 2010. № 9. С. 93-101.

Котюкова, 2013 – *Котюкова Т.В.* Русский Туркестан накануне войны / *Материалы III Международной научно-практической конференции «Первая мировая война: взгляд спустя столетие. Предвоенные годы» (28–29 ноября 2013 г., Москва).* М., 2014. С. 78-134.

Котюкова, 2016 – *Котюкова Т.В.* «Политические дела» в Туркестане в начале XX в.: «шпиономания», или «охота на ведьм» // *Ислам в современном мире.* 2016. Том 12. № 3. С. 155-176.

Литвинов, 1998 – *Литвинов П.П.* Государство и ислам в Русском Туркестане (1865–1917): по архивным материалам. Елец, 1998. 319 с.

Мухамедшин, Абашин и др., 2013 – *Мухамедшин Ф.М., Абашин С.Н. и др.* Россия – Средняя Азия: политика и ислам в XVIII – начале XXI вв. М., 2013. 480 с.

Отчет по ревизии..., 1910 – Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом. СПб., 1910. Ч. 16: Учебное дело. 177 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Стурова, 2014 – *Стурова М.В.* Закон 1874 г. о передаче мусульманских школ Российской империи в ведение Министерства народного просвещения: бездействие или стратегия продуманного управления? // *Востоковедные исследования на Алтае.* 2014. № 8. С. 52-54.

Тихонов, 2008 – *Тихонов А.К.* Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XIX – начале XX вв. СПб., 2008. 353 с.

Центральная Азия..., 2008 – *Центральная Азия в составе Российской империи.* М., 2008. 464 с.

Шукуров, 2001 – *Шукуров Ш.М.* Центральная Азия: опыт истории духа. М., 2001. 256 с.

Шушкова, 2012 – *Шушкова М.Е.* Реформа управления Туркестанским краем в начале XX в: разногласия между Санкт-Петербургом и Ташкентом // *Новый исторический вестник.* 2012. № 2 (32). С. 6-20.

Ismaylov, Bazarbaev, 2013 – *Ismaylov A., Bazarbaev K.* *Jadidism. History of Educational and Freethinking Movement in Central Asia, Late XIX – Early XX Centuries* // *Bylye Gody.* 2013. Vol. 27. № 1. Pp. 44-51.

Lysenko, 2018 – *Lysenko Y.A.* The Discussion between Central and Regional Authorities on the Topic of the Affiliation of Muslim Schools in Turkestan (the late half of the 19th – the beginning of the 20th centuries) // *Bylye Gody.* 2018. Vol. 48. Is. 2. Pp. 759-767.

References

Arapov, 2004 – *Arapov D.Yu.* (2004). Sistema gosudarstvennogo regulirovaniya islama v Rossiiskoi imperii (poslednyaya tret' XVIII – nachalo XX vv.) [The system of state regulation of Islam in the Russian Empire (the last third of the XVIII-early XX century)]. М., p. 287. [in Russian]

Bejsembiev, 1961 – *Bejsembiev K.B.* (1961). Ideino-politicheskie techeniya v Kazakhstane v kontse XIX – nachale XX vv. [Ideological and political trends in Kazakhstan in the late XIX – early XX centuries]. Alma-Ata, p. 378 p. [in Russian]

Bendrikov, 1960 – *Bendrikov K.E.* (1960). Ocherki po istorii narodnogo obrazovaniya v Turkeстане (1865–1924 gg.) [Essays on the history of public education in Turkestan (1865–1924)]. М., p. 512. [in Russian]

Brezhneva, 2018 – *Brezhneva S.N.* (2018). Peredovaya kul'tura dzhadidov Srednei Azii v nachale XX v. [Advanced culture of the jadids of Central Asia in the early XX century]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 10(92). pp. 50-54. [in Russian]

Tsentrāl'naya Aziya ..., 2008 – Tsentrāl'naya Aziya v sostave Rossiiskoi imperii [Central Asia as part of the Russian Empire]. M., 2008, p. 464. [in Russian]

Ismaylov, Bazarbaev, 2013 – *Ismaylov A., Bazarbaev K.* *Jadidism (2013)*. History of Educational and Freethinking Movement in Central Asia, Late XIX – Early XX Centuries. *Bylye Gody*. Vol. 27, № 1. pp. 44-51. [in Russian]

Kotyukova, 2010 – *Kotyukova T.V.* (2010). «Musul'manskii vopros» v Turkestane v nachale XX veka ["Muslim question" in Turkestan in the early twentieth century]. *Voprosy istorii*. № 9, pp. 93-101. [in Russian]

Kotyukova, 2013 – *Kotyukova T.V.* (2013). Russkii Turkestan nakanune voyny [Russian Turkestan on the eve of war]. *Materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Pervaya mirovaya voina: uzglyad spustya stoletie. Predvoennye gody» (28–29 noyabrya 2013 g., Moskva)*. M., pp. 78-134. [in Russian]

Kotyukova, 2016 – *Kotyukova T.V.* (2016). «Politicheskie dela» v Turkestane v nachale KhKh v.: «shpionomaniya», ili «okhota na ved'm» ["Political Affairs" in Turkestan in the early twentieth century: "espionage" or "witch hunt"]. *Islam v sovremennom mire*, Tom 12, № 3. pp. 155-176. [in Russian]

Litvinov, 1998 – *Litvinov P.P.* (1998). Gosudarstvo i islam v Russkom Turkestane (1865–1917): po arkhivnym materialam [State and islam in Russian Turkestan (1865–1917): on archival materials]. Elec, p. 319. [in Russian]

Lysenko, 2018 – *Lysenko Y.A.* (2018). The Discussion between Central and Regional Authorities on the Topic of the Affiliation of Muslim Schools in Turkestan (the late half of the 19th –the beginning of the 20th centuries). *Bylye Gody*. Vol.48, Is. 2, pp. 759-767.

Muxamedshin, Abashin i dr., 2013 – *Muxamedshin F.M., Abashin S. N. i dr.* (2013). Rossiya – Srednyaya Aziya: politika i islam v XVIII – nachale XXI v. [Russia-Central Asia: politics and Islam in the XVIII – early XXI centuries]. M., p. 480. [in Russian]

Otchet po revizii..., 1910 – Otchet po revizii Turkestanskogo kraja, proizvedennoi po vysochaishemu poveleniyu senatorom gofmeisterom grafom K.K. Palenom [Report on the audit of the Turkestan region, made by the highest order of the Senator Chamberlain count K. K. Palen]. SPb., 1910, Ch. 16, Uchebnoe delo, p. 177. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv.

Shukurov, 2001 – *Shukurov Sh.M.* (2001). Tsentrāl'naya Aziya: opyt istorii dukha [Central Asia: experience of the history of the spirit]. M., p. 256. [in Russian]

Shushkova, 2012 – *Shushkova M.E.* (2012). Reforma upravleniya Turkestanskim kraem v nachale XX v: raznoglasiya mezhdru Sankt-Peterburgom i Tashkentom [Reform of the administration of the Turkestan region at the beginning of the twentieth century: the controversy between St. Petersburg and Tashkent]. *Novyi istoricheskii vestnik*. № 2 (32), pp. 6-20. [in Russian]

Sturova, 2014 – *Sturova M.V.* (2014). Zakon 1874 g. o peredache musul'manskix shkol Rossijskoj imperii v vedenie Ministerstva narodnogo prosveshheniya: bezdeystvie ili strategiya produmannogo upravleniya? [The law of 1874 on the transfer of Muslim schools of the Russian Empire to the Ministry of public education: inaction or strategy of thoughtful management]? *Vostokovednye issledovaniya na Altae*. № 8, pp. 52-54. [in Russian]

Tixonov, 2008 – *Tixonov A.K.* (2008). Katoliki, musul'mane i iudei Rossijskoj imperii v poslednej chetverti XIX – nachale XX v. [Catholics, Muslims and Jews of the Russian Empire in the last quarter of the XIX – early XX century]. SPb., p. 353. [in Russian]

Volkov, 2017 – *Volkov I.V.* (2017). Vlast' i musul'manskaya shkola v Russkom Turkestane (1867–1881 gg.) [Power and the Muslim school in Russian Turkestan (1867–1881)]. *Vlast'*. № 1, pp. 148-155. [in Russian]

Вопрос о благонадежности мусульманских учебных учреждений Туркестанского края в отчетах чиновника особых поручений МВД Л. Наумова

Юлия Александровна Лысенко ^{a, b, c, *}

^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: iulia_199674@mail.ru (Ю.А. Лысенко)

Аннотация. В статье представлен анализ двух докладов чиновника особых поручений МВД Л. Наумова, подготовленных им по итогам командировки в Туркестанское генерал-губернаторство в 1910 г. Помимо прочих вопросов, Л. Наумову было поручено выяснить объективную картину деятельности мусульманских учебных заведений Туркестана, определить степень их благонадежности и лояльности Российской империи и высшей власти. Информацию для решения поставленной задачи составили личные наблюдения Л. Наумова, опросы чиновников региональных органов власти, духовных мусульманских деятелей и учителей мектебов и медресе, донесения осведомителей и тайных агентов, а также анализ текущей документации Туркестанского районного охранного отделения и канцелярии туркестанского генерал-губернатора. Кроме этого, Л. Наумов лично посещал мусульманские учебные заведения г. Ташкента. Из представленной в докладах информации следует, что к 1910 г. в исламской образовательной системе Туркестана активно развивалось реформаторское движение, руководимое Мунавар-Кара Абдурашитхановым. Ядром данного движения выступал Комитет новометодных школ г. Ташкента, осуществлявший разноплановую деятельность по пропаганде и распространению системы новометодного преподавания в мектебах и медресе региона. Его оппонентом выступало консервативно настроенное мусульманское духовенство, выступавшее за сохранение традиционной системы образования. В своих отчетах Л. Наумов зафиксировал немногочисленные факты, свидетельствующие о проводившейся учителями старометодных и новометодных медресе Туркестана антироссийской пропаганды. Значительно подрывали доверие им факты использования в образовательном процессе зарубежной учебно-методической литературы, а также кадровая политика, связанная с приглашением учителей из Османской империи. Все эти данные позволили Л. Наумову сделать заключение о неблагонадежности мусульманских учебных заведений и отсутствии у них верноподданнических чувств в отношении российской монархии.

Ключевые слова: ислам, медресе, новометодные школы, панисламизм, пантюркизм, Российская империя, Туркестан, мусульманские общины.

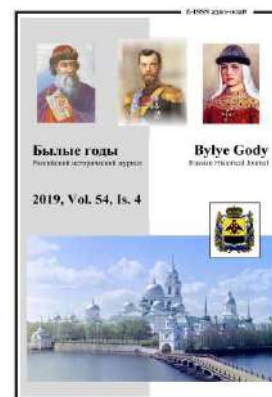
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1754-1760. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1754
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Akhal-Teke Expeditions of 1879–1881 years: Historical and Statistical Study. Part 2

Timur A. Magsumov ^{a,b,c,*}, Marina S. Nizamova ^a, Marina A. Ponomareva ^d, Ruslan M. Allalyev ^e

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russian Federation

^d Financial University under the Government of the Russian Federation, Russian Federation

^e Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

Abstract

The article deals with the Akhal-Teke operations of the Russian army in the period of 1879–1881 years. The attention is paid to the military-strategic situation on the eve of the conflict in the Trans-Caspian region, as well as to regional specifics of warfare. The second part of the article discusses the second Akhal-Teke operation of 1880–1881 years.

There were involved such materials as the “Collection of information about the losses of the Caucasian troops”, as well as sources of personal origin, among which there were the memories of V.A. Tugan-Mirza-Baranovsky and A.V. Scherbak.

In conclusion, the authors state that the siege of Geok-Tepe revealed the problem of combat protection of the positions of the siege troops. In just one week, from 23 to 30 December 1880, the tekinty inflicted losses on the Russian army, three times greater than the assault on the fortress.

The duration of the second expedition was 206 days, of which 27 days were spent on the active stage, that is, on the siege and assault (December 17, 1880 – January 12, 1881). The average daily losses during the second expedition were 1,6 killed (among them officers less than 0,1), 2,59 wounded (among them officers – 0,27). There were no prisoners.

In total, the first and second Akhal-Teke expeditions lasted 222 days, the losses in which were: killed-24 officers and 483 lower ranks; wounded – 76 officers and 1048 lower ranks. Total killed 507 people, 1124 wounded, 8 captured. Total losses – 1639 people. The average daily losses were 2.28 killed (0,1 officers), 5.06 wounded (0,34 officers) and 0,03 prisoners.

Keywords: first Akhal-Teke expedition, 1879–1881, historical and statistical research.

1. Введение

Оазис Ахал-Теке – один из оазисов в Центральной Азии, который расположен на юге Арало-Каспийской низины на территории современного Туркменистана. Местное население оазиса отличалось своей воинственностью и стремлением к наживе. Результатом постоянных войн и набегов, которые вели текинцы со своими соседями, являлось рабство, существовавшее в регионе с давних времен. Всех захваченных в плен текинцы превращали в рабов, при этом одна часть пленников продавалась в Бухару и Афганистан, другая – обменивалась на своих соплеменников, находящихся в плену у соседей, а третья – оставлялась текинцами у себя для исполнения домашних и полевых работ. Положение рабов везде было незавидно: и в Черкесии (Smigel, Cherkasov, 2016), и в Абхазии (Cherkasov et al., 2016), а у текинцев в особенности. Как и в Черкесии, рабы у текинцев делились на две категории: с ограниченной свободой, как правило, недавно захваченные и с неограниченной

* Corresponding author

E-mail addresses: nabonid1@yandex.ru (T.A. Magsumov)

свободой, попавшие в рабство сравнительно давно и смирившиеся со своей участью. Первые иногда многие годы находились в заключении в какой-нибудь яме, с тяжелыми бревнами, привязанными к ногам и с кандалами на руках. В свою очередь вторые, пользующиеся большей свободой, обрабатывали поля, пасли стада и прислуживали своим хозяевам. Несмотря на отличия, жизнь и тех, и других рабов была очень тяжела вследствие скудной пищи и постоянно наносимых побоев. Однако с рабами туркменами или киргизами текинцы обращались гораздо лучше, чем с персами-шиитами и русскими¹. Число рабов в Ахал-Теке практически всегда было незначительно, так как текинцы предпочитали продавать их соседям, а не оставлять у себя. До 1873 г. главным местом сбыта рабов была Хива, на рынках которой можно было всегда встретить текинцев, торгующих этим товаром (Туган-Мирза-Барановский, 1881: 72). Очевидно, что, выйдя на сопредельные границы с текинцами, русская администрация столкнулась с той же задачей, что и в начале XIX века, когда пришла на Кавказ, – защитить местное население от набегов воинствующих соседей. Можно было бы создать в России очередное человеколюбивое общество и заниматься выкупом у текинцев русских пленников, можно было бы вести долгий процесс, направленный на зарождение капиталистических отношений в Азии. Но, имея опыт войны на Кавказе и понимая малую эффективность гуманистических мер, русская администрация практически сразу сделала ставку на военный сценарий – на захват Ахалтекинского оазиса. В данной части статьи речь пойдет о второй ахалтекинской экспедиции, первую – мы рассмотрели ранее (Magsumov et al., 2019).

2. Материалы и методы

В качестве материалов привлечены «Сборник сведений о потерях Кавказских войск» (Сборник сведений о потерях, 1901), а также источники личного происхождения, среди которых были использованы воспоминания В.А. Туган-Мирза-Барановского (Туган-Мирза-Барановский, 1881), Г.З. Демурова (Демуров, 1881), Л.Д. Кавказова (Кавказов, 1889), К.К. Гейнса (Гейнс, 1882) и А.В. Щербака (Щербак, 1900).

Методологическую основу исследования составили традиционные для российской историографии принципы историзма, научной объективности и системности. В процессе работы использовались следующие общеисторические методы: проблемно-хронологический, который позволил изучить отдельные факты из истории колонизации Азии в их исторической последовательности; историко-сравнительный, с помощью которого удалось проследить взаимосвязи русских военных операций в Азии и на Кавказе во второй половине XIX века.

3. Обсуждение

Историография по проблеме исследования не отличается своей обширностью, тем не менее эта тема неоднократно затрагивалась в научных исследованиях. Так, например, ей уделил внимание А.А. Керсновский в фундаментальной работе об истории русской армии (Керсновский, 1993). Различные аспекты ахалтекинских экспедиций изучали разные исследователи. Так, В.Н. Бурдун и А.А. Шахторин рассмотрели участие кубанских казаков во время этих экспедиций (Бурдун, Шахторин, 2004), этой же теме посвятили свою работу А.Е. Потапов и А.М. Махров (Потапов, Махров, 2018), участие морского ведомства в экспедиции рассмотрел А.Д. Васильев (Васильев, 2014), в контексте истории Туркмении эту тему изучали О.А. Гундогдыев (Гундогдыев, 1998) и М. Переплеснин с А. Грачевым (Переплеснин, Грачев, 1989). Группа авторов вместе с А.А. Чурсиным уделила внимание применению ракетного оружия, в том числе и в Азии (Chursin et al., 2017).

Помимо трудов, посвященных непосредственно ахалтекинской экспедиции, необходимо отметить работы, в которых рассматриваются войсковые операции первой половины XIX века (Cherkasov et al., 2017; Cherkasov et al., 2017a; Cherkasov et al., 2017b). Нельзя обойти также тему военно-санитарного обслуживания в XIX веке русских подразделений на окраинах Российской империи. Этому вопросу уделил внимание И.А. Ермачков (Ermachkov et al., 2017; Ermachkov et al., 2017a; Ermachkov et al., 2018), который также рассматривал и проблемы, связанные с попытками предотвращения чумы (Ermachkov et al., 2018a; Ermachkov et al., 2018b). Анализ этих исследований позволяет обнаружить общее и особенное в контексте сравнения разных конфликтов одной эпохи.

4. Результаты

Сразу же после получения информации о поражении войск под Денгиль-Тепе начались работы по подготовке второй экспедиции. Командующим второй экспедицией был назначен генерал М.Д. Скобелев (Рис. 1), а целью – крепость Геок-Тепе. Подготовка ко второй экспедиции шла основательно: водным путем доставлялись грузы и снаряжение, в соседних районах велась прокладка

¹ В воспоминаниях В.А. Туган-Мирза-Барановского есть описание жизни в плену русского солдата, который был захвачен текинцами: «Солдатик этот был найден в тяжелых кандалах и рассказывал, что в продолжение всего пребывания в плену он служил развлечением всему аулу; днем его выводили из кибитки, и тут толпа окружала его и всячески тешила над ним. Его били, мучили, плевали в глаза и уговаривали принять магометанство, обещая облегчение участи. Особенно приставали к нему женщины во время отлучек мужчин из аула» (Туган-Мирза-Барановский, 1881: 53).

железной дороги. В это же время за подготовительными мероприятиями наблюдали текинцы. Они практически всегда пользовались моментом, если русские неосмотрительно отправляли слабо охраняемый обоз. Понимая это, русское командование предпринимало меры по достаточной защите своих обозов. Об эффективности такой работы свидетельствует тот факт, что в период с июня по ноябрь текинцы только дважды нападали на русские обозы ([Сборник сведений, 1901: 179](#)). К 20 декабря 1880 г. в 12 км западнее от Геок-Тепе русские войска сосредоточили 38 армейских рот, 100 конных отрядов, 11 кавалерийских эскадронов при поддержке 72 орудий и 11 ракетных установок. Подразделения насчитывали около 5 тыс. штыков, 2 тыс. всадников при поддержке артиллерии. Текинцы, по разным сведениям, собрали от 25 до 40 тыс. защитников, на вооружении которых было около 5 тыс. винтовок и клинковое холодное оружие.

Рис. 1. Генерал Михаил Дмитриевич Скобелев

Михаил Дмитриевич Скобелев (родился в 1843 г.) – русский военачальник и стратег, генерал-адъютант (1878), генерал от инфантерии (1881) – принимал участие в походах русской армии в Азию, а также в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов. Считается освободителем Болгарии. В историю вошел с прозвищем «Белый генерал», так как Скобелев появлялся во время сражений в белом мундире и на белом коне. Болгарский народ считает его национальным героем.

Понимая, что легкой победы не предвидится, генерал Скобелев действовал поступательным путем. С середины декабря он приступил к артобстрелам крепости, одновременно с этим саперы начали рыть тоннель для закладки фугаса под стеной крепости. В свою очередь текинцы отвечали ночными диверсионными вылазками, которые были особенно чувствительны для русских войск. Так, 23 декабря 1880 г. во время начала саперных работ текинцы впервые произвели дерзкую вылазку. В ходе столкновения были убиты начальник Закаспийского военного отдела генерал-майор Петрусевиц, 15-го драгунского Тверского полка майор Булыгин, Таманского казачьего полка есаул Иванов, помимо этого, было убито 19 нижних чинов и еще 50 человек, включая одного офицера, ранены ([Сборник сведений, 1901: 180](#)). Спустя пять дней, 28 декабря, текинцы повторили вылазку, в ходе которой жертв оказалось еще больше: были убиты 81-го пехотного Апшеронского полка подполковник князь Магалов, подпоручики Чикарев и Готте, командир 4-й батареи 20-й артиллерийской бригады подполковник Мамацев, 3-го Кавказского саперного батальона поручик Сандецкий и младший врач Волынского пехотного полка Троцкий, а также 91 нижний чин и 31 человек, включая одного офицера, ранен ([Сборник сведений, 1901: 180-181](#)). 30 декабря текинцы вновь напали на осадные работы. Во время стычки погиб офицер Александровской местной команды поручик Яновский и 52 нижних чина, помимо этого, 98 человек были ранены, включая 2 офицеров ([Сборник сведений, 1901: 181](#)). Всего в ходе только этих трех нападений текинцев русская армия потеряла убитыми 172 человека, в то время как во время самого штурма только 59! При этом нельзя сказать, что русские войска в деле обеспечения охраны ночными караулами импровизировали и допускали какие-то грубые ошибки. За плечами у них была Кавказская война, гарнизонная служба и

широкий спектр приемов защиты своих позиций от неожиданных налетов противника (Cherkasov et al., 2013).

12 января 1881 г. в 7 часов утра начался штурм крепости. Сигналом к нему стал подрыв 1 тонны пороха, заложенного под стеной крепости. Сразу же в 30-метровый пролом устремились русские войска. Через несколько часов рукопашных схваток внутри крепости текинцы начали покидать крепость, на их преследование отправилась кавалерия. Всего в ходе штурма текинцы потеряли до 8 тыс. человек убитыми. Потери русской армии во время осады составили 283 человека убитыми и 772 ранеными (Щербак, 1900: 170). Внутри цитадели были взяты до 5 тыс. женщин и детей, 500 персов-рабов и добыча стоимостью в 6 млн рублей.

Таблица 1. Основные события и потери во время второй экспедиции (Сборник сведений, 1901: 179-182)

№ пп	Боевые действия	Потери					
		офицеры			нижние чины		
		убитые	раненые	пленные	убитые	раненые	пленные
Вторая ахалтекинская экспедиция 21 июня 1880 – 12 января 1881 гг.							
1	При нападении партии текинцев близ Бендесена, 21 июня 1880 г.	1	-	-	2	5	-
2	При нападении партии текинцев на верблюжий транспорт между колодцами Ушак и Казанджик, 25 ноября 1880 г.	-	-	-	26	8	-
	Осада укрепления Геок-Тепе:						
3	В бою 23 декабря	3	1	-	19	49	-
4	При нападении текинцев на передовые траншеи 28 декабря	6	1	-	91	30	-
5	Во время штурма группы вершин, называвшихся Великокняжескими, 29 декабря	1	7	-	16	46	-
6	При нападении текинцев на осадные работы, 30 декабря	1	2	-	52	96	-
7	При штурме Геок-Тепе, 12 января 1881 г.	4	28	-	55	311	-
8	В остальные дни осады, с 17 декабря по 12 января	1	11	-	34	190	-
	Всего во время осады	16	50	-	267	722	-
9	В разное время в стычках до начала осады Геок-Тепе	-	6	-	18	65	-
	Всего во время второй экспедиции	17	56	-	313	800	-

Анализируя столкновения русских войск и текинцев, можно отметить яркое проявление набегового характера этой войны. Так, из 9 столкновений, представленных в Таблице 1, можно выявить характер сражения у 7, из которых 2 проводили русские войска (штурм крепости и дело по захвату Великокняжеских вершин), все остальные столкновения носили сугубо набеговой характер. Это роднит вторую ахалтекинскую экспедицию с Кавказской войной, где не менее половины всех потерь русской армии были от набегов неприятеля (Cherkasov et al., 2017b: 83).

Важно отметить, что из 17 погибших офицеров во время второй экспедиции были 1 генерал, 3 штаб-офицера, 11 обер-офицеров и 2 врача, а общие потери составили 330 убитыми и 856 ранеными. Вторая экспедиция длилась 206 дней, среднесуточные потери в это время составляли 1,6 убитыми (среди них офицеров менее 0,1), 2,59 ранеными (среди них офицеров 0,27). Пленных не было.

5. Заключение

Осада Геок-Тепе выявила проблему боевого охранения позиций осадных войск. Всего за одну неделю, с 23 по 30 декабря 1880 г., текинцы нанесли потери русской армии, втрое превышающие сам штурм крепости.

Продолжительность второй экспедиции составляла 206 дней, из них на активную стадию, то есть на осаду и штурм, приходилось – 27 дней (17 декабря 1880 – 12 января 1881 гг.). Среднесуточные потери во время второй экспедиции составляли 1,6 убитыми (среди них офицеров менее 0,1), 2,59 ранеными (среди них офицеров 0,27). Пленных не было.

Всего первая и вторая ахалтекинские экспедиции длились 222 дня. Всего за это время потери составили: убитыми – 24 офицера и 483 нижних чина; ранеными – 76 офицеров и 1048 нижних чинов. Итого погибло 507 человек, ранено 1124, 8 попало в плен. Общие потери 1639 человек. Среднесуточные потери составляли 2,28 убитыми (из них офицеров 0,1), 5,06 ранеными (из них офицеров 0,34) и 0,03 пленными.

Литература

Бурдун, Шахторин, 2004 – *Бурдун В.Н., Шахторин А.А.* Участие кубанских казаков в среднеазиатских походах 1879–1881 гг. // *Голос минувшего: Кубанский исторический журнал.* 2004. № 3/4. С. 24-29.

Васильев, 2014 – *Васильев А.Д.* Участие морского ведомства в ахалтекинской экспедиции // *Восточный архив.* 2014. № 1 (29). С. 15-18.

Гейнс, 1882 – *Гейнс К.К.* Очерк боевой жизни ахалтекинского отряда. 1880–1881 гг. СПб., 1882.

Гундогдыев, 1998 – *Гундогдыев О.А.* Прошлое туркмен. М., 1998.

Демуров, 1881 – *Демуров Г.З.* Бой с текинцами при Денгиль-Тепе 28 августа 1879 года. (Рассказ очевидца) // *Исторический вестник.* 1881. № 3. С. 6179-622.

Кавказов, 1889 – *Кавказов Л.Д.* Первый Ахал-Текинский поход 1879 г. (Путевые впечатления). Воспоминания участника. Белосток: Типолит. Заблудовского, 1889. 91 с.

Керсновский, 1993 – *Керсновский А.А.* История Русской армии. В 4 т. Т. 2. М., 1993.

Переписнин, Грачев, 1989 – *Переписнин М., Грачев А.* Всадники в Каракумах: очерки. Ашхабад, 1989.

Потапов, Махров, 2018 – *Потапов А.Е., Махров А.М.* Роль кубанских казаков в ахалтекинских экспедициях 1879–1881 гг. по свидетельствам современников // *Военный академический журнал.* 2018. № 3 (19). С. 71-77.

Сборник сведений о потерях, 1901 – Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае 1801–1885 гг. / Составлен А.Л. Гизетти. Тифлис, 1901.

Туган-Мирза-Барановский, 1881 – *Туган-Мирза-Барановский В.А.* Русские в Ахал-Теке, 1879 год. СПб., 1881.

Щербак, 1900 – *Щербак А.В.* Ахалтекинская экспедиция генерала Скобелева в 1880–1881 гг. СПб., 1900.

Cherkasov et al., 2013 – *Cherkasov A.A., Ryabtsev A.A., Menkovsky V.I., Tarakanov V.V., Navrotsky A.V.* By Royal Authority (Investigation Data, Concerning Mines Theft in Fort Navaginsky of the Black Sea Coastal Frontier. 1851) // *Bylye Gody.* 2013. Vol. 27. № 1: 5-15.

Cherkasov et al., 2016 – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Shmigel M., Molchanova V.S.* Demographic characteristics of the aristocratic abkhazia in 1800-1860 years // *Bylye Gody.* 2016. 39(1): 53-66.

Cherkasov et al., 2017 – *Cherkasov A.A., Smigel M., Bratanovskii S., Valleau A.* The losses of the Russian army during the Russian-Persian war of 1826-1828: The historical-statistical study // *Bylye Gody.* 2017. 46(4): 1315-1321.

Cherkasov et al., 2017a – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Valleau A.* The losses of the Russian army in transcaucasia during the Russo-Turkish war (1828-1829): The historical-statistical study // *Rusin.* 2017. 50(4): 38-60.

Cherkasov et al., 2017b – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* The Losses of the Russian army during the Caucasian war (1801-1864): Historical and statistical research // *Bylye Gody.* 2017. 43(1): 68-85.

Chursin et al., 2017 – *Chursin A.A., Semenov A.S., Kokuitseva T.V.* To the Issue of the Combat Use of Missile Weapon in the Caucasus in the XIX century // *Bylye Gody.* 2017. 46(4): 1237-1243.

Ermachkov et al., 2017 – *Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V.* The sanitary-epidemiological state of the Russian troops in the Caucasus in 1797-1801 // *Bylye Gody.* 2017. 44(2): 428-437.

Ermachkov et al., 2017a – *Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J.* The traditional medicine in the Caucasus and the activities of the Georgian Medical Board (1801-1804 years) // *Bylye Gody.* 2017. 45(3): 836-846.

Ermachkov et al., 2018 – *Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J.* General Ermolov and His Role in the Evolution of Public Health Service in the Caucasus // *Bylye Gody.* 2018. 49(3): 1037-1045.

Ermachkov et al., 2018a – *Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J.* The plague in the Caucasus in 1801-1815 years: Part I // *Bylye Gody.* 2018. 47(1): 120-129.

- [Ermachkov et al., 2018b](#) – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J. The plague in the Caucasus in 1801-1815 years: Part II // *Bylye Gody*. 2018. 48(2): 558-569.
- [Magsumov et al., 2019](#) – Magsumov T.A., Nizamova M.S., Artemova S.F., Allalyev R.M. The Akhal-Teke Expeditions of 1879–1881 years: Historical and Statistical Study. Part 1 // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 53. Is. 3: 1256-1262.
- [Smigel, Cherkasov, 2016](#) – Smigel M., Cherkasov A.A. The slavery in Circassia and the United States (1850-1860-ies years): General and special // *Bylye Gody*. 2016. 42(4): 1182-1197.

References

- [Burdun, Shakhtorin, 2004](#) – Burdun V.N., Shakhtorin A.A. (2004). Uchastie kubanskikh kazakov v sredneaziatskikh pokhodakh 1879–1881 gg. [The participation of the Kuban Cossacks in the Central Asian campaigns of 1879–1881.]. *Golos minuvshogo: Kubanskii istoricheskii zhurnal*. № 3/4, pp. 24-29. [in Russian]
- [Cherkasov et al., 2013](#) – Cherkasov A.A., Ryabtsev A.A., Menkovsky V.I., Taranov V.V., Navrotsky A.V. (2013). By Royal Authority (Investigation Data, Concerning Mines Theft in Fort Navaginsky of the Black Sea Coastal Frontier. 1851). *Bylye Gody*. Vol. 27. № 1: 5-15.
- [Cherkasov et al., 2016](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Shmigel M., Molchanova V.S. (2016). Demographic Characteristics of the Aristocratic Abkhazia in 1800-1860 years. *Bylye Gody*. 39(1): 53-66.
- [Cherkasov et al., 2017](#) – Cherkasov A.A., Smigel M., Bratanovskii S., Valleau A. (2017). The Losses of the Russian army during the Russian-Persian War of 1826–1828: the Historical-Statistical Study. *Bylye Gody*. 46(4): 1315-1321.
- [Cherkasov et al., 2017a](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Valleau A. (2017). The Losses of the Russian Army in Transcaucasia during the Russo-Turkish war (1828-1829): The historical-Statistical Study. *Rusin*. 50(4): 38-60.
- [Cherkasov et al., 2017b](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. (2017). The Losses of the Russian army during the Caucasian war (1801-1864): Historical and Statistical Research. *Bylye Gody*. 43(1): 68-85.
- [Chursin et al., 2017](#) – Chursin A.A., Semenov A.S., Kokuitseva T.V. (2017). To the Issue of the Combat Use of Missile Weapon in the Caucasus in the XIX century. *Bylye Gody*. 46(4): 1237-1243.
- [Demurov, 1881](#) – Demurov G.Z. (1881). Boi s tekintsami pri Dengil'-Tepe 28 avgusta 1879 goda. (Rasskaz ochevidtsa) [The battle with the Tekins at Dengil'-Tep on August 28, 1879. (Eyewitness account)]. *Istoricheskii vestnik*. № 3, pp. 617-622.
- [Ermachkov et al., 2017](#) – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V. (2017). The sanitary-epidemiological state of the Russian troops in the Caucasus in 1797-1801. *Bylye Gody*. 44(2): 428-437.
- [Ermachkov et al., 2017a](#) – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J. (2017). The traditional medicine in the Caucasus and the Activities of the Georgian Medical Board (1801-1804 years). *Bylye Gody*. 45(3): 836-846.
- [Ermachkov et al., 2018](#) – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J. (2018). General Ermolov and His Role in the Evolution of Public Health Service in the Caucasus. *Bylye Gody*. 49(3): 1037-1045.
- [Ermachkov et al., 2018a](#) – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J. (2018). The Plague in the Caucasus in 1801-1815 years: Part I. *Bylye Gody*. 47(1): 120-129.
- [Ermachkov et al., 2018b](#) – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J. (2018). The plague in the Caucasus in 1801-1815 years: Part II. *Bylye Gody*. 48(2): 558-569.
- [Geins, 1882](#) – Geins K.K. (1882). Ocherk boevoi zhizni Akhaltekinskogo otryada. 1880–1881 gg. [Essay on the fighting life of the Akhal-Teke squad. 1880–1881]. SPb. [in Russian]
- [Gundogdyev, 1998](#) – Gundogdyev O.A. (1998). Proshloe Turkmen [The past of Turkmens]. M. [in Russian]
- [Kavkazov, 1889](#) – Kavkazov L.D. (1889). Pervyi akhaltekinskii pokhod 1879 g. (Putevye vpechatleniya) [The first Akhal-Teke campaign of 1879 (Travel impressions).]. Vospominaniya uchastnika. Belostok: Tipolit. Zabludovskogo, 91 p.
- [Kersnovskii, 1993](#) – Kersnovskii A.A. (1993). Istoriya Russkoi armii [History of the Russian army]. V 4 t. T. 2. M. [in Russian]
- [Magsumov et al., 2019](#) – Magsumov T.A., Nizamova M.S., Artemova S.F., Allalyev R.M. (2019). The Akhal-Teke Expeditions of 1879–1881 years: Historical and Statistical Study. Part 1. *Bylye Gody*. Vol. 53. Is. 3: 1256-1262.
- [Pereplesnin, Grachev, 1989](#) – Pereplesnin M., Grachev A. (1989). Vsadniki v Karakumakh: ocherki [Riders in the Karakum Mountains: essays]. Ashkhabad. [in Russian]
- [Potapov, Makhrov, 2018](#) – Potapov A.E., Makhrov A.M. (2018). Rol' kubanskikh kazakov v akhaltekinskikh ekspeditsiyakh 1879–1881 gg. po svidetel'stvam sovremennikov [The role of the Kuban Cossacks in the Akhal-Tek expeditions of 1879–1881 according to contemporaries]. *Voennyyi akademicheskii zhurnal*. № 3 (19), pp. 71-77. [in Russian]
- [Sbornik svedenii o poteryakh, 1901](#) – Sbornik svedenii o poteryakh Kavkazskikh voisk vo vremya voin Kavkazsko-gorskoj, persidskikh, turetskikh i v Zakaspiiskom krae 1801–1885 gg. [Collection of information

about the losses of the Caucasian troops during the wars of the Caucasus Mountains, Persian, Turkish and in the Trans-Caspian Territory 1801-1885]. Sostavlen A.L. Gizetti. Tiflis, 1901. [in Russian]

Shcherbak, 1900 – *Shcherbak A.V.* (1900). Akhaltekinskaya ekspeditsiya generala Skobeleva v 1880–1881 gg. [Akhal-Teke expedition of General Skobelev in 1880–1881]. SPb. [in Russian]

Smigel, Cherkasov, 2016 – *Smigel M., Cherkasov A.A.* (2016). The Slavery in Circassia and the United States (1850-1860-ies years): General and Special. *Bylye Gody*. 42(4): 1182-1197.

Tugan-Mirza-Baranovskii, 1881 – *Tugan-Mirza-Baranovskii V.A.* (1881). Russkie v Akhal-Teke, 1879 god [Russians in Akhal-Tek, 1879]. SPb. [in Russian]

Vasil'ev, 2014 – *Vasil'ev A.D.* (2014). Uchastie morskogo vedomstva v akhaltekinskoi ekspeditsii [The participation of the maritime department in the Akhal-Tek expedition]. *Vostochnyi arkhiv*. № 1 (29), pp. 15-18. [in Russian]

Ахалтекинские экспедиции 1879–1881 гг.: историко-статистическое исследование. Часть 2

Тимур Альбертович Магсумов ^{a, b, c, *}, Марина Сабировна Низамова ^a,
Марина Александровна Пономарева ^d, Руслан Мурадович Аллалыев ^e

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Набережночелнинский государственный педагогический университет, Набережные Челны, Российская Федерация

^d Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Российская Федерация

^e Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются ахалтекинские операции русской армии в период 1879–1881 гг. Уделено внимание военно-стратегической обстановке накануне конфликта в Закаспийской области, а также региональным особенностям ведения боевых действий. Во второй части статьи рассматривается вторая ахалтекинская операция 1880–1881 годов.

В качестве материалов привлечены «Сборник сведений о потерях Кавказских войск», а также источники личного происхождения, среди которых были использованы воспоминания В.А. Туган-Мирза-Барановского и А.В. Щербака.

В заключении авторы отмечают, что осада Геок-Тепе выявила проблему боевого охранения позиций осадных войск. Всего за одну неделю, с 23 по 30 декабря 1880 г., текинцы нанесли потери русской армии, втрое превышающие сам штурм крепости.

Продолжительность второй экспедиции составляла 206 дней, из них на активную стадию, то есть на осаду и штурм, приходилось 27 дней (17 декабря 1880 – 12 января 1881 гг.). Среднесуточные потери во время второй экспедиции составляли 1,6 убитыми (среди них офицеров менее 0,1), 2,59 ранеными (среди них офицеров 0,27). Пленных не было.

Всего первая и вторая ахалтекинские экспедиции длились 222 дня, за это время потери составили: убитыми – 24 офицера и 483 нижних чина; ранеными – 76 офицеров и 1048 нижних чинов. Итого погибло 507 человек, ранено 1124, 8 попало в плен. Общие потери 1639 человек. Среднесуточные потери составляли 2,28 убитыми (из них офицеров 0,1), 5,06 ранеными (из них офицеров 0,34) и 0,03 пленными.

Ключевые слова: первая ахалтекинская экспедиция, 1879–1881 гг., историко-статистическое исследование.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nabonid1@yandex.ru (Т.А. Магсумов)

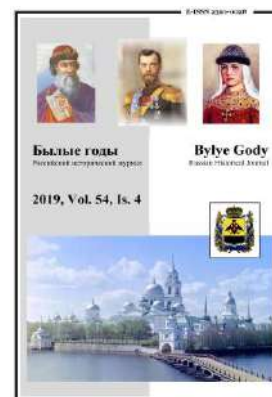
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1761-1771. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1761
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Cossack Region of Russia in the Characteristics of Russian Travelers of the Modern Era

Nikolaj A. Mininkov ^{a,*}, Ludmila V. Mininkova ^a

^aSouth Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract

Development at the turn of XIX–XX centuries of regional geography as a branch of knowledge, aggregate data about the country or its separate territories of different branches of geography and other scientific disciplines that were caused by the needs of the development of the travel and the expansion of contacts between people. This was facilitated by the intensification of business life in the course of the modernization that unfolded at that time. Hence there was a need to expand the range of sources of country knowledge, one of which was the description of travel, which is also a historical source, close in its features to the author's memories. In 1903–1904 two collections of such descriptions were published in Russia. Some of them belonged to the description of the Cossack regions by travelers. In these descriptions the authors about the Cossacks affected to varying degrees, authors or well-known Cossack, wrote General impressions in the course of their travels. Among the main topics covered by the authors were natural conditions and the place of man in the natural environment, social relations and relations in the Cossack regions in the process of modernization, especially culture and a combination of traditions and new phenomena. A significant place in them was given to man and his culture, the contacts of the Cossacks with the surrounding population, the formation of the culture of the Kuban Cossacks peculiar synthesis of little and great Russian culture. The descriptions testify to the peculiarities of the perception of Cossacks in Russia as a community with stable traditions, which poorly perceives social progress and modernization.

Keywords: country study, description of travel, A.Kruber, Cossack, modernization in the Cossack areas, social relations in Cossack regions, culture of the Cossacks.

1. Введение

Развитие страноведения как особой отрасли культуры, основанной на комплексе географических, исторических и других знаний о стране и об отдельных ее территориях, предполагало необходимость повышенного внимания к описаниям путешествий как об источнике географической, культурно-исторической, экономической и социальной информации. В 1903–1904 гг. в России была предпринята публикация двух сборников с описанием путешествий по территории государства. Среди них имелся ряд описаний земель, на которых располагались казачьи области, и проживающего на них населения. Анализ их содержания позволяет выявить не только особенности природы, хозяйства, социальной жизни и культуры этих областей и их населения, но и понять, как в России начала прошлого века воспринималось казачество, его традиционный уклад и особенности современной жизни.

Описания путешествий, или путешественные записки ученых, традиционно рассматривались как один из важных исторических источников, позволяющих получить более полное и конкретное представление о стране и ее населении (Тихомиров, 1962: 436-442; Источниковедение, 1981: 214-215). За последнее время С.А. Козлов с научными и познавательными целями исследовал русские описания путешествий XVIII – первой половины XIX вв. как особый феномен культуры своего времени и как

* Corresponding author

E-mail addresses: mininkov@aanet.ru (N.A. Mininkov)

источник (Козлов, 2003: 7). Описания путешествий по казачьим областям России из сборников 1903–1904 гг. до сих пор не изучались. Между тем они представляют интерес и с точки зрения материала для страноведения, и как исторический источник, относящийся к внутренней жизни, экономике, социальным отношениям и культуре населения на территориях проживания казачества и представлений о казачестве в России того времени.

2. Материалы и методы

Описания разными лицами казачьих областей Российской империи, помещенных в сборниках описаний путешествий по Азиатской и Европейской России начала прошлого века, до сих пор не вводились в научный оборот. Между тем они представляют интерес с точки зрения дополнительной информации о жизни казачества России того времени, о впечатлениях путешественников от посещения этих территорий, об особенностях записок путешественников как особого жанра литературы.

Анализ этих описаний опирается на методологический принцип историзма, в свете которого фактические данные и положения, содержащиеся в этих источниках, рассматриваются как отражение культурно-исторической ситуации в казачьих областях на рубеже XIX–XX вв. Метод социального анализа позволяет выявить отражение в них особенностей социального положения казачества. Историко-типологический метод дает возможность уяснить типологические особенности данного источника в рамках комплекса источников личностного происхождения и в рамках литературы географического и страноведческого характера.

3. Обсуждение

В качестве характерной черты географических описаний, делавшихся путешественниками, как источника выделяется авторский субъективизм, который с точки зрения представления об этих описаниях как об историческом источнике является как недостатком, так и весьма значительным достоинством. Выделяется при этом очевидное сходство таких описаний с мемуарами, поскольку писались они по памяти о путешествиях и отражали личные впечатления, которые потом воплотились в авторском тексте. Они поэтому субъективны в той же самой мере, в которой субъективны всякие мемуары. Они, по существу, и являются авторскими воспоминаниями, поскольку относятся к прошлому, к такому событию в жизни автора, как его поездка, к столкновению его в ходе этой поездки как носителя определенной культуры с другой для него культурной средой, которая произвела в той или иной степени на него впечатление. Как и в мемуарах, в описаниях путешествий автор, по словам советского источниковеда М.А. Варшавчика, выступает «организующим стержнем всего изложения», и «о чем бы он ни говорил, весь материал неизбежно организуется вокруг него» (Варшавчик, 1973: 315). Как указывала С.С. Минц, исследователь русских дворянских мемуаров, «субъективная природа мемуаров связана с отражением в них самосознания мемуаристов, именно поэтому эта черта может служить основой для обобщающей характеристики источников данного вида» (Минц, 1998: 84). То же самое можно сказать и про описания путешественников. Личность автора и его память, действительно, являются организующим центром повествования, и все, что написано им о стране и части ее территории, о ее природе и людях, основано на его памяти. Таким образом, описание путешествий вполне попадает под определение мемуарных источников, которое давал А.Г. Тартаковский, указывавший, что это – «повествования о прошлом, основанные на личном опыте и собственной памяти мемуариста» (Тартаковский, 1980: 24). В самом деле, для автора описания путешествия это было воспоминание о том, что случилось в прошлом, и основаны эти описания на личном опыте и памяти автора. В то же время М.Ф. Румянцева справедливо указывала на неполноту такого понимания мемуаров (Источниковедение, 2015: 352). Поэтому характеристика мемуаров, дававшаяся А.Г. Тартаковским, может быть дополнена указанием на то, что как явление культуры мемуары характерны для нового времени, поскольку автор уже сложился как личность. Он вполне осознает значимость своего личного опыта и стремится передать его. Но этот личный опыт содержится также и в описаниях путешествий. Ценность же субъективного восприятия автора, описывавшего страну или территорию, в том, что она позволяет понять, как взаимодействовали между собой авторская культура и культура описывавшейся земли и ее людей, на какой основе строилось в обществе восприятие другой культуры, что представляет для исторического исследования особый интерес. Такие описания могут рассматриваться как разновидность мемуаров.

4. Результаты

Путешествия на протяжении всей истории цивилизованного человечества составляли одну из важных сторон его культуры. Они способствовали удовлетворению такой естественной для человека потребности, связанной с рациональным и эмоциональным началом его личности, как стремление к познанию неизвестного, желание всемерно расширить межличностные и межкультурные контакты. Они были широко распространены еще в античном мире. Путешествие Геродота не только давало ему материал для своей «Истории», но и в значительной степени определило стиль его исторического мышления, в котором сформировалось представление о тесной связи между историей общества и его

культурой, с которой он конкретно ознакомился в ходе своего пребывания за пределами Греции. Средневековые путешествия определялись религиозными целями спасения души, это были хождения или паломничества. Поэтому направлялись они в строго определенные места, в Святую землю или в Мекку, в известные монастыри или религиозные центры. Предпринимались также путешествия с дипломатическими целями, как, например, путешествия Марко Поло и Гийома де Рубрука, или по торговым делам, как – у тверского купца Афанасия Никитина в Индию.

С начала нового времени путешествия стали более обычным и распространенным явлением, а поводы для них значительно более разнообразными. Благодаря путешествиям с научными целями, или экспедициям, происходили великие географические открытия и развертывалось научное изучение земли. Но нередко научно-исследовательские, дипломатические и торговые цели в ходе таких экспедиций совмещались, например, во время экспедиций Ричарда Ченслера (Алпатов, 1973: 285, 287) при Иване Грозном и Федоре Ивановиче и Адама Олеария при Михаиле Романове (Алпатов, 1976: 98-99), когда разведывание путей для торговли пересекалось с задачами осуществления связей между государствами. В России, благодаря европеизации дворянской культуры в результате реформ Петра I, постепенно появляются как новая форма путешествий заграничные поездки дворян с частными целями, а также поездки по России.

По мере их распространения начинает формироваться как особая форма русской письменной культуры целенаправленное описание путешествия. Оно отделяется от официальной документации о путешествиях XVII в., которую составляли статейные списки послов с отчетами о поездке. Первыми сочинениями такого рода в России были записки о поездке в Италию петровских дипломатов Б.П. Шереметева и П.А. Толстого, в которых имелись не только сведения политического и дипломатического характера, но и результаты интересных личных наблюдений за внутренней жизнью страны и народа. Вместе с тем научные экспедиции ставились на академическую основу и осуществлялись по программам Академии наук. Путешественные записки представляли собой не только научные отчеты и описания, делавшиеся учеными. Они становятся одной из наиболее распространенных жанров литературы, вызывающей повышенный интерес читателя, а само описание страны или ее частей совмещалось с поднятием в ней острых общественно-политических вопросов современности. Такого рода совмещение имело место при описании России французским аббатом Шаппом д'Отерошем в первые годы царствования Екатерины II, которое длилось 15 месяцев (Каррер д'Анкосс, 2005: 24), или путешествия из Петербурга в Москву А.Н. Радищева в завершающий период этого царствования. Данный литературный жанр хорошо мог совмещаться даже с жанром социальной утопии, и это интересно получилось в произведении князя М.М. Щербатова «Путешествие в землю Офирскую». За описанной в нем поездкой по фантастической «земле Офирской», помещенной автором в противоположном от России углу земли, вблизи не открытой к тому времени Антарктиды, некоего шведского дворянина хорошо проглядывалась поездка по России по традиционному маршруту между двумя столицами, привычная к тому времени для многих дворян и купцов (Артемьева, 1994: 47-65). Сами путешествия и их описания превращались в особую форму культуры, причем от описаний путешествий все больше требовалась увлекательность и занимательность. В них стало обращать внимание не только информационные, но и литературные достоинства. Это способствовало возникновению романа с описанием путешествия как особого и совершенно самостоятельного жанра художественной литературы, возможность которой в XIX в. с наибольшей полнотой в мировой литературе удалось раскрыть Жюль Верну. В его творчестве тема путешествия стала важнейшей, и романы его о различных путешествиях приобретали большую популярность в европейской культуре. К лучшим художественным образцам описания путешествия, не являющегося романом, относится произведение И.А. Гончарова «Фрегат "Паллада"». Выдающийся русский писатель дал описание не только морского плавания на этом фрегате по трем океанам, в котором он участвовал, но и сухопутного проезда по одной из наиболее труднодоступных и отдаленных частей Российской империи, от побережья Охотского моря, где он высадился на сушу, к Якутску, а затем к Иркутску. В нем он большое внимание уделил разным сторонам жизни местного населения, характеру людей и особенностям их культуры.

По мере развития науки в XIX в. все более становилась заметна разница между экспедицией с научными целями и поездкой с какой-либо частной целью, ради получения знаний о стране или об ее определенной территории. Поэтому расхождение между научным и художественным стилем описания путешествий оказывалось все более заметным. В то же время в описаниях путешествий литературного характера авторы нередко не отказывались от использования документального материала и статистики. Посетивший в 1882 г. Нижний Дон столичный журналист И. Кольцов в своем литературном описании, помещенном в журнале «Дело», приводил подробную статистику грузооборота портов на Азовском море (Кольцов, 1882, № 8: 294) и стоимости рыболовных сетей (Кольцов, 1882, № 10: 77), которые использовали казаки в низовых донских станицах. Такой статистический материал помогал ему полнее и глубже раскрыть не только экономические особенности территории, но и черты характера людей, связанных с этими отраслями хозяйства и своим трудом вносящих вклад в эту статистику.

Пореформенная модернизация России и связанная с ней деловая активность, промышленная и финансовая деятельность сделали поездки по стране и за ее пределы не только средством удовлетворения интереса к географии и истории, но и настоятельной экономической необходимостью. Это обстоятельство способствовало возрастанию спроса на знание о странах и отдельных их территориях, результатом которого стало формирование страноведения как особой отрасли культуры. По вопросу о возможности отнесения страноведения к научным географическим дисциплинам высказываются разные точки зрения. Уже в период деятельности выдающегося отечественного географа и статистика П.П. Семенова-Тян-Шанского, под редакцией которого с 1881 до 1899 гг. осуществлялось большое комплексное географическое описание Российской империи под общим названием «Живописная Россия» в 12 томах, идея синтеза научных географических знаний и знаний других дисциплин получила реальное воплощение. Свое развитие эта идея нашла в издании серии описаний страны «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», главным редактором которого был П.П. Семенов-Тян-Шанский. В этом издании из намечавшихся 22 томов вышло в свет до революционных событий 1917 г. 11 томов. Дальнейшее обоснование идеи междисциплинарного синтеза географических и других дисциплин предлагал советский ученый, основоположник экономической географии в СССР Н.Н. Баранский. Он подчеркивал, что тенденция к научной специализации, к выделению в географии разных ее направлений, неизбежная по мере развития науки и методов ее исследования, не вполне соответствует потребности в получении комплексного, интегрированного знания о стране и ее территориях. Отсюда он делал вывод, что для более широкого круга читателей, не относящихся к профессиональному цеху географов, бывает «нужен не физико-географ и не эконом-географ, а страновед», способный синтезировать в своем сознании самый широкий круг знаний о стране и ее регионах и приближаться к идеалу междисциплинарного взаимодействия ради получения нового обобщающего знания. Но при таком подходе, как указывал Н.Н. Баранский, «интерес к данной стране в целом» означал «прежде всего интерес к человеку» (Баранский, 1980: 29). Таким образом, гуманитарная составляющая страноведения и ее первостепенная значимость была для выдающегося советского географа совершенно очевидной.

В этом отношении взгляды российских и советских географов на страноведение в значительной степени сближались с направлением географической и страноведческой мысли на рубеже XIX–XX вв., которые высказывал выдающийся французский географ и представитель французской географической школы П. Видаль де ла Блаш. Выступая с критикой идеи природно-географической предопределенности в развитии общества, которая содержалась в выводах немецкого географа и этнолога Ф. Ратцеля, он указывал на активную и творческую роль человека, на наличие возможности реализовать условия для исторического развития благодаря его качествам и способностям, преодолевая неблагоприятные особенности природно-географической среды. Поэтому направление в географической науке, которое обосновывал П. Видаль де ла Блаш, получило название POSSИБИЛИЗМА. Оно тесно связано с понятием о возможности, зависящей от человека, его разума, воли и способностей. Это, в свою очередь, предопределяло внимание к вопросу о человеке в географическом пространстве, о соотношении при описании страны и региона природной и культурно-исторической составляющей, о связи между их географическими и антропологическими характеристиками. Страноведение как особая, интегрирующая форма знания включала в себя несколько более конкретных и определенных типов знания. Среди этих типов А.М. Козырева выделяла такие, как научный, информационный, публицистический и образовательный (Козырева, 2012: 13-14). Что касается научного, то он должен был занимать свое место на стыке дисциплин естественного и социогуманитарного цикла. С естественными дисциплинами он имеет общность в связи с тем, что определяющей стороной в нем является физическая география. С дисциплинами обществоведческого цикла связь состоит в том, что объект познания и описания в страноведении – это не только природно-географическая среда, но и проживающие в условиях этой среды общества. С гуманитарными дисциплинами общность состоит в том, что в центре внимания страноведческих описаний стоит человек как представитель конкретного сообщества в условиях окружающей географической среды.

Но, помимо научного, еще одним типом знания в рамках страноведения выделяются информационный и публицистический. Этот тип знания рассчитан на широкого потребителя и в еще большей степени предполагает внимание к теме человека на земле, к культурно-антропологической составляющей страноведения. Также он требует такого изложения материала о стране или части ее территории, чтобы передать не только конкретные сведения, относящиеся к ней и к живущим в ней людям, но и изложить их в художественной форме, доступной и интересной для непрофессионального читателя, вкусы которого сформировались уже благодаря художественной литературе, посвященной путешествиям.

Таким образом, научность выделяется в качестве одной из сторон страноведения как отрасли культуры, в большей мере рассчитанной на более широкий круг читателей, чем профессиональная научная среда. В таком случае перед страноведением с неизбежностью стоит вопрос об источниках знаний о стране в целом и о ее частях с их физико-географическими и культурно-историческими

особенностями. С учетом особой важности культурно-антропологической составляющей одним из таких источников становятся описания и записки путешественников, начиная с конца XIX в., то есть с того периода, когда четко обозначилось страноведение как особая форма комплексного знания о стране. Говоря о характерных чертах подобных описаний, Н.Н. Баранский отмечал, что они по существу изначально, начиная еще с античности, представляли собой «набор самых разнообразных данных о стране и о ее населении, сведений, касающихся и природы, и хозяйства, и общественного устройства, и домашнего быта» (Баранский, 1980: 18). Подобные сведения встречались и в описаниях новейшего времени. Но такого рода описания, как он совершенно справедливо указывал, не могли быть сколько-нибудь полными и систематическими. При данном порядке описания, «маршрутном», как его назвал Н.Н. Баранский, это не случайно. На возникавший вопрос о том, что становилось содержанием подобных описаний, выдающийся географ отвечал: «Все, что поражало путешественника и в природе, и в любой стороне жизни и хозяйства страны» (Баранский, 1980: 18). С психологической стороны указано верно. В самом деле, поражает и удивляет всегда то, что относится к специфике страны и ее культуры, к тому, что автор не встречает в привычной для себя обстановке. И в этом отношении путешественники как сторонние наблюдатели в своих описаниях фиксировали прежде всего то, что могло показаться им в качестве такой специфики по сравнению с той культурой, к которой они принадлежали, и с окружающей их природой. Отсюда следует первый недостаток таких описаний с точки зрения Н.Н. Баранского, которым является их субъективность. Но он указывал и на другой недостаток подобной литературы для страноведения. «Свести эти описания, как письменные, так и устные, в какую-либо систему было бы абсолютно невозможно» (Баранский, 1980: 19), – подчеркивал он. В самом деле, такие авторские описания и не претендовали на то, чтобы представить читателю общие и целостные сведения об описываемой стране или о части ее территории.

В отношении задач комплексного страноведения невозможно не признать правоту Н.Н. Баранского. Действительно, подобного рода авторские описания путешествий отличаются субъективностью, и в них отсутствует комплексный подход к стране и региону, к их физической географии и к культурно-исторической стороне, все это дается фрагментарно, в свете авторских наблюдений и впечатлений.

При всех очевидных недостатках в описаниях поездок и путешествий с точки зрения страноведения, на которые указывал Н.Н. Баранский, развивавшееся в России страноведение обратило на них в начале XX в. свое самое пристальное внимание. Не случайно поэтому известные российские географы и преподаватели географии А. Крубер, С. Григорьев, А. Барков и С. Чефранов составили и издали в 1903–1904 гг. два обстоятельных сборника описаний путешествий. Первый из них относился к Азиатской части России, второй – к Европейской ее части. В каждом из них содержались описания путешествий по отдельным местностям страны. По своему содержанию такие описания могут быть разделены на описания какой-то достаточно обширной отдельной части страны, или какого-то значимого города, дороги, в том числе железной дороги или водного пути, или какой-то этнокультурной группы, иногда с некоторыми сторонами характерного для нее образа жизни. Примерами описаний, посвященных обширной территории, могут служить «Степи Северного Кавказа» и «По Семипалатинской области», или «Лесной край на верхних притоках Волги» и «Полтавщина». Для описаний городов или местностей – «Сочи» и «Жизнь в Обдорске», или «Рига» и «Сарепта». Описание дороги – «От Москвы до Челябинска», «По Дону» или «От Урала до Томска». Этнокультурные группы – «У осетин», «Верхнеудинские буряты», «У литовцев», «Калмыки», «Казанские татары» и другие описания.

Такая значимая этнокультурная группа и сословие Российской империи, как казаки, со своими правовыми, социальными, культурными чертами, с особенностями образа жизни также оказались в центре внимания составителей описаний. Два описания, «Кубанские казаки» Апостолова в составе «Азиатской России» и «У казаков» В. Короленко в составе «Европейской России», целиком посвящены кубанскому и уральскому казачеству. В некоторых других описаниях казаки занимают их часть, более или менее существенную. Весьма значительное место отведено донским казакам в описании «По Дону» Каронина и Филишова. Несколько менее значительная часть, посвященная сибирским казакам, имеется в описании «В Степном крае» В. Головачева и забайкальским казакам в описании Бродовича «По Забайкалью».

Положение авторов-путешественников по отношению к казачеству как объекту своего повествования было не одинаковым. Так, совершенно очевидно, что Апостолов достаточно долгое время пробыл в пределах Кубанской области, наблюдал внутреннюю жизнь и быт кубанцев «изнутри» и мог передавать существенные подробности. Другие авторы находились в пределах казачьих войск как люди временные, приезжие со стороны. Но и при этом степень их осведомленности различная. Так, целый ряд сторон внутренней жизни уральского и сибирского казачества знали В. Короленко и В. Головачев. Описания донских и забайкальских казаков ограничивались в целом внешними впечатлениями авторов от увиденного. Они обращали особое внимание на некоторые темы. Одной из них, общей для всех указанных описаний, была тема человека на земле, связи его с окружающей природой. Поэтому не случайно природным условиям и

особенностям они уделили в своих описаниях существенное место, тем более, что для жителя внутренней России такие условия были нередко непривычны. Для авторов описания «По Дону», проделавших путь вниз по реке на пароходе от пристани Калач-на-Дону до Ростова, таким необычным явлением оказалась летняя жара, типичная для этих мест, но непривычная для приезжего из губерний Центральной России. «Все кругом выжжено солнцем, и только белые пучки ковыля колышутся по ветру, словно длинные, седые бороды», – записывали свои впечатления Каронин и Филиппов. Поэтому и показалось им, что «ночи здесь, действительно, дивно хороши» (По Дону, 1904: 465). Другое впечатление от донской природы связано с самой рекой – ее маловодностью, множеством отмелей и перекатов. И только вблизи Ростова Дон «вдруг стал громадною, глубокою рекой» (По Дону, 1904: 472), а по его берегам – «необозримые луга, изредка только украшенные кустарником» (По Дону, 1904: 470). Весьма благоприятное впечатление от летней природы Забайкалья выразил Бродович. Ему бросалась в глаза «пышная степная растительность», и вообще он находил «много сходства в Агинской степи с морем» (По Забайкалью, 1903: 463-464). В качестве природного обстоятельства, затруднявшего ведение в крае хозяйственной деятельности, он называл вовсе не суровую зиму, а эпизоотии, к которым относились «сибирская язва и чума». Вообще природные условия способствовали занятию земледелием у забайкальских казаков, а вовсе не только скотоводством, и у них, по словам автора, «овес, ярица и пшеница произрастают очень хорошо и дают большие сборы» (По Забайкалью, 1903: 469).

Другой темой описаний путешествий была тема человека в системе его социальных связей и общественных отношений, его экономического положения. В описаниях «По Дону» и «В Степном крае» содержится указание на то, что в рамках отношений казаков с окружающим населением и с пришлыми на заработки людьми имела место эксплуатация их труда. В описании «По Дону» эта мысль проводится не вполне четко, скорее, косвенно. Так, путешественниками упоминались «казацкие луга» по берегам Дона, на покос которых «стекаются косари со всей России» (По Забайкалью, 1903: 470). Далее авторы не раскрывали каких-либо подробностей во взаимоотношениях между этими пришлыми из внутренней России работниками-косарями и хозяевами-казаками. Но, хорошо известно, что это были отношения вольного найма, а отход работников из центральных губерний на Юг России ради заработка был широко распространен в пореформенный период. И, по-видимому, в связи с отвлечением на службу у самих казаков не хватало рабочих рук и им приходилось использовать труд наемных рабочих. Более определенно об эксплуатации казаками труда окружающего населения говорится в описании В. Головачева «Степной край», и относится оно к сибирским казакам, которых, как он подчеркивал, «нужно считать наиболее привилегированной и обеспеченной частью населения» большой территории к югу от Омска по Иртышу. Он указывал на «зажиточность казаков». Но такое их положение было создано «не земледельческим трудом» и даже не «выгодными, более или менее обширными операциями со скотом и продуктами скотоводства». Ни земледелие, ни скотоводство, ни торговля продуктами скотоводства не стали для казаков Сибирского войска важнейшим источником их зажиточности. Этот источник он видел в привилегиях, которые им предоставило правительство, и заключались они в предоставлении права на землю. По словам автора, такая зажиточность – «естественный результат земельного богатства, позволяющего иметь много скота». Но зажиточность казаков была результатом не только их земельного достатка, но и, как писал автор, «бесцеремонной и беззастенчивой эксплуатации соседних киргиз» (В Степном крае, 1903: 324-325), или казахов, которые работали в казачьих хозяйствах на условиях вольного найма. Вообще тема особых сословных прав казачества, которые обеспечивали для них экономически важные привилегии, затрагивалась В. Короленко в описании своего пребывания у уральских казаков. Казак, перевозивший в Уральске пассажиров от станции в город, разъяснял, что он имеет право на покос травы в силу своей принадлежности к войсковому сословию, тогда как те, кто не принадлежит к казачеству, косить траву в этом месте не имеют права. «Я ведь казак, имею право» (У казаков, 1904: 510), – говорил он своим собеседникам. В этом описании затронут вопрос о влиянии модернизации на традиционный казачий уклад. Постройка железной дороги на Уралск имела для него негативные последствия. «Казачий строй допустил к себе опасного соседа», – подчеркивал В. Короленко, говоря о последствиях появления железной дороги. В результате «на отчужденной земле (в полосе отчуждения железной дороги – Авт.) стали элеваторы, мельницы, склады, задымились трубы, в темные осенние вечера загорелось электрическое освещение». Вблизи центра Уральского казачьего войска появился «целый поселок, живущий своею особенною жизнью». «Вокзал и линия железной дороги – это вторжение "иностранного" элемента в самое сердце исключительно казачьей общины» (У казаков, 1904: 514), – как бы подводил автор свой итог.

Располагая сословными привилегиями, казаки, тем не менее, жили трудовой жизнью, особенности которой зависели от природных условий. Так, согласно Апостолову, кубанские казаки «засевают так много хлеба, что убрать его собственными средствами не в состоянии» (Кубанские казаки, 1903: 13). Поэтому на Кубани неизбежно используют наемный труд «массы рабочих», отходников из внутренних губерний России. Но и при участии в уборке этих рабочих в отдельные годы урожай бывает настолько большой, что и с их помощью невозможно его убрать, «и часть хлеба

остаётся на корню». Вообще, по словам автора, хлебопашество на Кубани тормозило развитие других отраслей, и лишь за последнее время «жители стали обращать внимание на разведение виноградников и фруктовых садов» (*Кубанские казаки, 1903: 14*). Иным был трудовой ритм у уральских казаков, связан он был, прежде всего, с рыболовством. Этому способствовал, писал В. Короленько, уход в прошлое военно-бытовой повседневности на реке Урал, по границе с Киргизской степью. На реке, отмечал он, находились караульные пикеты казаков. Ранее, в условиях военной опасности, эти пикеты «наблюдали за движением орды» (*У казаков, 1904: 519*), но теперь они только следят за рыбой. По его описанию, рыбная ловля на Урале выходила на уровень общевойсковой мероприятия, причем и летом, и зимой. Во время такой работы в Уральском казачьем войске «исчезает всякое иерархическое различие, и казачий офицер, будь он даже полковник, становится в ряд с простым казаком» и выполняет общую работу. Он также справедливо указал на опасности такой ловли. Если даже во время весенней или осенней ловли казак падал в ледяную воду, ему никто не мог помочь, и «масса будар (рыболовных лодок – Авт.) пронесется мимо» упавшего в воду, который выбирался своими силами (*У казаков, 1904: 520*). Совместная ловля рыбы была также у донских казаков, которые, по описанию Каронина и Филиппова, «тянут невод во всю ширину реки» (*По Дону, 1904: 470*). Женскую работу по погрузке рыбы на баржу у астраханских казаков видел В. Немирович-Данченко. Он наблюдал, как казачки «голыми пятками придавливают массу сушеной рыбы, чтобы она занимала как можно меньше места, или просто сидят на рыбе» (*В устьях Волги, 1904: 346*).

Говоря об уровне благосостояния казаков, по существу все авторы оценивали его как достаточно высокое. Несколько более определенно о наличии расслоения среди забайкальских казаков говорил в своем описании Бродович. По его данным, забайкальцы «большею частью зажиточны, если не богаты». Указывая на скотоводство как на главную отрасль их хозяйства, он отмечал, что в среднем на казака приходилось по пять голов скота. Цифра очень неопределенная, поскольку не ясно, что он имел в виду, только ли крупный рогатый скот, или еще и лошадей. Но при этом он справедливо показывал расслоение в казачьей среде, поскольку «гурты местных крезов достигают тысячи и более штук (голов – Авт.)». Соответственно, были «отклонения» и в «другую сторону» (*По Забайкалью, 1903: 469*).

Еще одной важной стороной внутренней жизни казачьих областей были отношения между казаками и неказачьим населением, переселившимся из других территорий страны, известных как иногородние. Более подробно этот вопрос был затронут Апостоловым в описании кубанского казачества. Он указал на появление права «всем лицам неказачьего звания приобретать недвижимую собственность во владениях казачьих войск» после завершения Кавказской войны, «покорения и умиротворения Кавказского края». Но положение этих переселенцев было, по его оценке, неопределенным. С одной стороны, они были «необходимы казакам», поскольку «оживляют промышленность и торговлю края», тогда как казаки, занятые военной службой, не могли выделить достаточно сил для хозяйственной деятельности. Но с другой – казаки «чувствуют себя стесненными громадной массой "иногородних"». Отсюда он указал на вражду между казаками и иногородними, «на которых казаки смотрят свысока». Но эти переселенцы, по словам автора, «не имея ни пяди собственной земли, живут все-таки недурно». Поэтому не случайно то, писал он, что даже предпринимаемые иногда «стеснительные меры» «бессильны, однако, остановить поток переселенцев» (*Кубанские казаки, 1903: 11*). Автор допускал определенную идеализацию в отношениях между казаками и иногородними. На Кубани, как и на Дону, они были очень острыми и стали одной из важных предпосылок развернувшейся в скором времени гражданской войны. Вообще земельные привилегии казачества способствовали напряженности отношений в казачьих областях. Они имели место даже в обеспеченном землей Забайкалье, что нашло отражение в художественной литературе.

Третьей темой в описаниях путешествий по территории казачьих войск была культура казачества и характеристика казачьих сообществ в целом и отдельного человека в свете их культурных связей и особенностей. Наиболее сильно эта тема прозвучала в описании кубанского казачества Апостоловым. Отмечая различие в происхождении кубанского казачества между казаками западной части Кубанской области, предками которых были запорожцы, и казаками восточной части, происходившими от донских казаков и имевшими русские корни, он указывал на то, что в целом «вся Кубанская область представляет настоящую Малороссию» (*Кубанские казаки, 1903: 12*). В описании автора Кубань выглядит как яркий образец синтеза двух казачьих культур, которые нашли свое соединение в рамках казачьего войска – украинской по происхождению культуры черноморцев и русской по своим корням культуры линейцев, происходивших от донских казаков. «Во многих случаях положительно трудно отличить малоросса от великоросса» на Кубани, – замечал он. Такой синтез происходил постепенно и своеобразно. С одной стороны, писал Апостолов, «малорусское наречие» «подверглось значительному влиянию великорусского». Было заимствовано «много оборотов и слов» русского языка «даже в наиболее однородных станицах». Но также «изменилась и великорусская речь» (*Кубанские казаки, 1903: 12*). Во внешнем облике кубанцев «запорожские чубы прекратили свое существование еще в начале прошлого столетия», и «даже на крайнем западе малороссийские усы встречаются все реже и реже» (*Кубанские казаки, 1903: 11*). Но при этом

«малорусские обычаи: колядки, щедрование и др. – распространены здесь повсюду». Такому культурному синтезу способствовал единый для всего казачества порядок несения военной службы, общая культура и традиции хозяйственной деятельности, сходный повседневный быт, выразившийся в постройках жилья и в кулинарных традициях. Даже «великорусский общинный строй со стремлением малороссов к обособлению» на Кубани, отмечал автор, «уживаются вместе», когда имеется и «общинное землевладение», и отделение каждого казака после женитьбы от родительской семьи со стремлением «обзавестись своим хозяйством» (*Кубанские казаки, 1903: 13*). Такой ярко выраженный синтез двух культур, великорусской и малороссийской, не наблюдался в пределах Российской империи нигде, кроме как в Кубанской области, и это было отмечено в описании Апостолова.

Но если казаки русского и украинского происхождения имели культурно-исторические корни в истории казачьих войск – Донского и Запорожского, то в жизни забайкальского казачества произошло включение в состав его элемента иноэтничного, с иными традициями вероисповедания, которым были ближайшими соседями казаков Забайкалья – буряты. Бродович в своем описании путешествия по Забайкалью, отмечал, что «некоторые бурятские роды зачислены в состав забайкальского казачества». «Курьезный вид имеют эти казаки в бурятских халатах и в военных форменных фуражках» (*По Забайкалью, 1903: 469*), – писал он, хотя буряты в полной мере вписались в ряды казачества. Он не отмечал, что в составе Забайкальского казачьего войска, помимо бурят, были еще и эвенки, или тунгусы, как их называли в то время в России. Точно так же, как во всем сборнике о Европейской России не говорится о калмыках – донских казаках.

Своего рода сожителство старой и новой культуры в облике Уральска, главного города Уральского казачьего войска, отмечал В. Короленко. На одной и той же улице города он наблюдал «два полюса, два разных периода истории»; ему виделась «Европа и Азия, прошедшее и будущее этой казачьей страны», куда входила новая культура модерна с ее невиданными ранее чертами. На одной стороне улицы, писал он, «красуются триумфальная арка, европейские магазины, вокзал, элеваторы». Но несколько в стороне от этой новой застройки, в пределах того же города, обстановка совершенно другая. Там «раскинулись "курени": убогие деревянные домишки, порой плетневые мазанки с плоскими крышами». «Здесь уже и не пахнет городом», – подводил автор общий итог своим наблюдениям. Такому остатку уральской казачьей старины, исторические корни которой уходили еще во времена Пугачевского восстания и в еще более ранний период, когда Уральское казачье войско называлось Яицким, соответствовали люди, которых он видел в этой обстановке. «Казачата играют в уличной пыли и на мураве, мимо церкви бредет старый-престарый казачище с посошком и бормочет что-то про себя» (*У казаков, 1904: 514-515*), – писал он о своих живых наблюдениях за бытом города. Старая, глубоко патриархальная обстановка, перед которой культура модерна как бы остановилась на месте расположения вокзала и в зоне отчуждения железной дороги, была им четко отмечена, и контраст между казачьей традицией и элементами культуры модерна в пределах небольшого города показывался очень наглядно. Наблюдение автора представляет значительный интерес. В ходе гражданской войны, которая развернулась вскоре после этого описания, со всей очевидностью выявилось, что уральское казачество не принимало изменений, которые несла революция, самым решительным образом выступало на стороне старины, оказывало сопротивление красным, хорошо известное в эпизоде гибели В.И. Чапаева, и понесло очень значительные потери.

Одна из казачьих традиций – гостеприимство – отмечена Бродовичем в описании забайкальского казачества. Вообще забайкальцы, по его словам, – «красивый, энергичный, бойкий народ, лихие наездники и гостеприимные любезные хлебосолы». Приведенное им «меню обеда простого зажиточного казака», принимавшего гостя, дает понятие об общем достатке. Автору как гостю были предложены водка нескольких сортов и «разные закуски». После закуски богатый обед – четыре сорта супов, пять видов жаркого – «баранина, курица, цыпята – всего не вспомнишь». Далее – несколько сортов каши, на сладкое – рис с фруктами, три сорта желе, два рода киселя, чай с печеньем. Он писал, что для хозяев угощать гостя составляло удовольствие, когда «мать семейства, старая казачка, и две ее дочери просили попробовать всего понемногу» (*По Забайкалью, 1903: 468*).

Описание путешествий дают также некоторые сведения о восприятии казаков и жизни в казачьих областях русскими путешественниками, которые отражают представления, существующие во внутренней России. Авторы описания «По Дону» Каронин и Филиппов отмечали, что, по сравнению с Волгой, Дон производит «странное впечатление». Приезжому из поволжских губерний или из Центральной России кажется, что «точно попал с шумных улиц большого города на тихую деревенскую улицу, поросшую муравкой, где кое-где бродят куры да гуси с утками», а «берега однообразные, унылые и безжизненные» (*По Дону, 1904: 468*). Более оживленный вид имеет Нижний Дон после станицы Цымлянкой, где «начинается область донского виноделия», но и более живописная природа не изменила прежнего «мирного, почти сонного вида реки и раскинувшихся по ее берегам станиц» (*По Дону, 1904: 472*). По существу, такое описание соответствует представлению в России о Доне как об области, которую бурное модернизационное развитие страны затрагивает лишь по краю, вдоль полосы Юго-Восточной железной дороги от Воронежа до Ростова и отчасти в городах и в пределах Донецкого каменноугольного бассейна. Это закрепляло также представление о том, что

казачий уклад на Дону очень консервативен и слабо поддается модернизации и прогрессу, а донские казаки представляют собой один из остатков социального строя России, сложившихся в русском средневековье и сохранившихся в новое время.

5. Заключение

Становление страноведения на рубеже XIX–XX вв. как отрасли культуры, рассчитанной на широкий круг образованных читателей и интегрировавшей в себе географические знания и знания ряда других дисциплин, способствовало усилению внимания к описаниям путешествий как к одному из своих источников. Вместе с тем описания путешествий в полной мере признает в качестве своего источника историческая наука, и как исторический источник они близки к воспоминаниям и могут рассматриваться как разновидность мемуаров. Отсюда в то время возникал интерес к публикации описаний путешествий. В сборники таких описаний, подготовленных в 1903–1904 гг. известными географами А. Крубером, С. Григорьевым, А. Барковым и С. Чефрановым, был включен ряд описаний путешествий по казачьим областям. В них затрагиваются несколько общих тем, таких как человек на земле, человек в обществе и в социальных связях, особенности культуры казачества и человек как носитель казачьей культуры. Подчеркивается своеобразный синтез в культуре кубанского казачества малороссийской и великорусской культур, а также совмещение традиционной культуры уральского казачества и элементов культуры модерна в облике города Уральска. Прослежено отразившееся в описаниях путешествий восприятие казачества как явления консервативного и слабо поддающегося модернизации и прогрессу. Описания путешествий по казачьим областям в сборниках 1903–1904 гг. дают вместе с тем представление о субъективном восприятии русскими путешественниками казачьих областей во внутренней России как территорий с устойчивыми консервативными традициями и с укладом, слабо поддающимся прогрессу и модернизации.

Литература

- Алпатов, 1973** – Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XII–XVII в.). М.: Наука, 1973.
- Алпатов, 1976** – Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVII – первая четверть XVIII века). М.: Наука, 1976.
- Артемьева, 1994** – Артемьева Т.В. Михаил Щербатов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994.
- Баранский, 1980** – Баранский Н.Н. Страноведение и география физическая и экономическая / Баранский Н.Н. Избранные труды. Научные принципы географии. М.: Мысль, 1980. С. 18-51.
- Варшавчик, 1973** – Варшавчик М.А. Источниковедение истории КПСС. Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1973.
- В Степном крае, 1903** – В Степном крае / Азиатская Россия. Иллюстрированный географический сборник, составленный преподавателями географии А. Крубером, С. Григорьевым, А. Барковым и С. Чефрановым. М.: Типо-литторгафия Т-ва И.Н. Кушнера и К°, 1903. С. 318-325.
- В устьях Волги, 1904** – В устьях Волги / Европейская Россия. Иллюстрированный географический сборник, составленный преподавателями географии А. Крубером, С. Григорьевым, А. Барковым и С. Чефрановым. М.: Типо-литторгафия Т-ва И.Н. Кушнера и К°, 1904. С. 341-352.
- Источниковедение, 1981** – Источниковедение истории СССР: Учебник / Под ред. И.Д. Ковальченко. М.: Выс. школа, 1981.
- Источниковедение, 2015** – Источниковедение: Учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др.; Отв. ред. М.Ф. Румянцева. М.: Изд. дом ВШЭ, 2015.
- Каррер д'Анкокс, 2005** – Каррер д'Анкокс Э. Предисловие / Каррер д'Анкокс Э. Императрица и аббат. Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д'Отероша / Пер. с фр. О. Павловской. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 5-54.
- Козырева, 2012** – Козырева А.М. Страноведение. Ярославль: Изд-во ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 2012.
- Кольцов, 1882** – Кольцов И. С низовьев Дона / Дело. 1882. № 8. С. 285-312; № 10. С. 55-86.
- Козлов, 2003** – Козлов С.А. Русский путешественник эпохи Просвещения. СПб.: Историческая иллюстрация, 2003.
- Кубанские казаки, 1903** – Кубанские казаки / Азиатская Россия. Иллюстрированный географический сборник, составленный преподавателями географии А. Крубером, С. Григорьевым, А. Барковым и С. Чефрановым. М.: Типо-литторгафия Т-ва И.Н. Кушнера и К°, 1903. С. 10-14.
- Минц, 1998** – Минц С.С. Мемуары и российское дворянство. Источниковедческий аспект историко-психологического исследования. СПб.: Нестор, 1998.
- По Дону, 1904** – По Дону / Европейская Россия. Иллюстрированный географический сборник, составленный преподавателями географии А. Крубером, С. Григорьевым, А. Барковым и С. Чефрановым. М.: Типо-литторгафия Т-ва И.Н. Кушнера и К°, 1904. С. 465-474.
- По Забайкалью, 1903** – По Забайкалью / Азиатская Россия. Иллюстрированный географический сборник, составленный преподавателями географии А. Крубером, С. Григорьевым, А. Барковым и С. Чефрановым. М.: Типо-литторгафия Т-ва И.Н. Кушнера и К°, 1903. С. 458-469.

Тартаковский, 1980 – *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика. М.: Наука, 1980.

Тихомиров, 1962 – *Тихомиров М.Н.* Источниковедение истории СССР. Учеб. пособие. М.: Соцэкгиз, 1962.

У казаков, 1904 – У казаков / Европейская Россия. Иллюстрированный географический сборник, составленный преподавателями географии А. Крубером, С. Григорьевым, А. Барковым и С. Чефрановым. М.: Типо-литорафия Т-ва И.Н. Кушнера и К°, 1904. С. 507-521.

References

Alpatov, 1973 – *Apratov M.A.* (1973). Russkaja istoricheskaja mysl i Zaradnaja Evropa (XII-XVII v.) [Russian historical thought and Western Europe (XII –XVII centuries)]. М.: Nauka.

Alpatov, 1976 – *Apratov M.A.* (1976). Russkaja istoricheskaja mysl i Zaradnaja Evropa (XVII – pervaja chetvert XVIII veka) [Russian historical thought and Western Europe (XII –XVII centuries)]. М.: Nauka.

Artemjeva, 1994 – *Artemjeva T.V.* (1994). Mijail Sherbatov [Mihail Sherbatov]. SPb.: Izd-vo SPbGU.

Baranskij, 1980 – *Baranskij N.N.* (1980). Stranovedenie i geografija fizicheskaja i ekonomicheskaja / Baranskij N.N. Izbrannye trudy. Nauchnye principy geografii [Geography and geography physical and economic // Baransky N. N. Selected works. Scientific principles of geography]. М.: Mysl.

Istochnikovedenie, 1981 – *Istochnikovedenie istorii SSSR. Uchebnik* [Source study of the History of the USSR: Textbook. Edited by I. D. Kovalchenko]. Pod red. I.D. Kovalchenko. М.: Vys. Shkola, 1981.

Istochnikovedenie, 2015 – *Istochnikovedenie: ucheb, posobie* [Source study. Textbook]. I.N. Danilevskij, D.A. Dobrovolskij, R.B. Kazakov i dr.; otv. red. M.F. Rumjanceva. М.: Izd. dom VSHE, 2015.

Karrer d'Ankoss, 2005 – *Karrer d'Ankoss E.* (2005). Predislovie. Imperatriva i abbat. Neizdannaja literaturnaja duel Ekateriny II i abbata Shappa d'Oterosha [Foreword / Carrer d ances E. the Empress and the Abbot. Unpublished literary duel of Catherine II and the Abbe Chappe d'Oceros]. Per. s fr. O.Pavlovskoj. М.: OLMA-PRESS, Pp. 5-54.

Kolcov, 1882 – *Kolcov I.* (1882). S nizovjev Dona [From the lower Don]. Delo. № 8. Pp. 285-312; № 10. Pp. 55-86.

Kozlov, 2003 – *Kozlov S.A.* (2003). Russkij puteshestvennik epohi Prosvesheniya [Russian traveler of the Age of enlightenment]. SPb.: Istoricheskaja ilustracija.

Kozyrewa, 2012 – *Kozyrewa M.A.* (2012). Stranovedenie. Uchebnoe posobie [Country geography. Textbook]. Jaroslavl: Izd-vo JarGU.

Kubanskije kazaki, 1903 – Kubanskije kazaki [Kuban Cossacks]. Aziatskaja Rossija. Illustrirovannyj geograficheskij sbornik, sostavlennyj prepodavatelami geografii A. Kruberom, S. Grigorjevym, A. Barkovym i S. Chefranovym. М.: Tipo-litografija T-va I.N. Kushnera i K°, 1903. Pp. 10-14.

Minc, 1998 – *Minc S.S.* (1998). Memuary i rossijskoe dvorjanstvo. Istochnikovedcheskij aspect kulturno-istoricheskogo issledovanija [The memoirs and the Russian nobility. Source study aspect of historical and psychological research]. SPb.: Nestor.

Po Donu, 1904 – Po Donu [Along the Don]. Evropejskaja Rossija. Illustrirovannyj geograficheskij sbornik, sostavlennyj prepodavatelami geografii A. Kruberom, S. Grigorjevym, A. Barkovym i S. Chefranovym. М.: Tipo-litografija T-va I.N. Kushnera i K°, 1904. Pp. 465-474.

Po Zavajkalju, 1903 – Po Zavajkalju [Alnng the Trans-Baikal Region]. Aziatskaja Rossija. Illustrirovannyj geograficheskij sbornik, sostavlennyj prepodavatelami geografii A. Kruberom, S. Grigorjevym, A. Barkovym i S. Chefranovym. М.: Tipo-litografija T-va I.N. Kushnera i K°, 1903. Pp. 458-469.

Tartakovskij, 1980 – *Tartakovskij A.G.* (1980). 1812 god i russkaja memuaristika [The year of 1812 and Russian memoirs]. М.: Nauka.

Tihomirov, 1962 – *Tihomirov M.N.* (1962). Istochnikovedenie istorii SSSR. Ucheb. posobije [Source study of the History of the USSR: Textbook]. М.: Socekgiz.

U kazakov, 1904 – U kazakov [At the Cossacks]. Evropejskaja Rossija. Illustrirovannyj geograficheskij sbornik, sostavlennyj prepodavatelami geografii A. Kruberom, S. Grigorjevym, A. Barkovym i S. Chefranovym. М.: Tipo-litografija T-va I.N.Kushnera i K°, 1904. Pp. 507-521.

V Stepnom kraje, 1903 – V Stepnom kraje. Aziatskaja Rossija. Illustrirovannyj geograficheskij sbornik, sostavlennyj prepodavatelami geografii A.Kruberom, S.Grigorjevym, A.Barkovym i S.Chefranovym [In the Steppe region. Asian Russia. Illustrated geographical collection compiled by teachers of geography A. Kruber, S. Grigoriev, A. Barkov and S. Chefranov]. М.: Tipo-litografija T-va I.N.Kushnera i K°, 1903. Pp. 318-325.

V ustjah Volgi, 1904 – V ustjah Volgi. Evropejskaja Rossija. Illustrirovannyj geograficheskij sbornik, sostavlennyj prepodavatelami geografii A.Kruberom, S.Grigorjevym, A.Barkovym i S.Chefranovym [In the mouths of the Volga, European Russia. Illjustrirovannyi geographical compendium compiled by the teachers of geography A. Kruber, S. Grigoriev, A. Barkov and S. Chefranov]. М.: Tipo-litografija T-va I.N. Kushnera i K°, 1904. Pp. 341-352.

Varshavchik, 1973 – *Varshavchik M.A.* (1973). Istochnikovedenie istorii KPSS. Ucheb. posobije [Source study of the History of the CPSU. Textbook]. М.: Vysshaja shkola.

Казачьи области России в характеристиках русских путешественников эпохи модернаНиколай Александрович Мининков ^{а, *}, Людмила Владимировна Мининкова ^а^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. Развитие на рубеже XIX–XX вв. страноведения как отрасли знания, обобщающей данные о стране или отдельных ее территориях из разных отраслей географии и других научных дисциплин, вызывалось потребностями в них по мере развития поездок и расширения контактов между людьми. Этому способствовала активизация деловой жизни в ходе развернувшейся в тот период модернизации. Отсюда возникала необходимость расширения круга источников страноведческих знаний, одним из которых были описания путешествий, которые также являются историческим источником, близким по своим особенностям к авторским воспоминаниям. В 1903–1904 гг. в России было издано два сборника таких описаний. Часть из них относилась к описанию путешественниками казачьих областей. В них сведения авторов о казачестве отразились в разной степени, они или хорошо знали казачью среду, или записывали общие впечатления в ходе своих поездок. Среди основных тем, затрагивавшихся авторами, были природные условия и место человека в природном окружении, социальные отношения и связи в казачьих областях в процессе модернизации, особенности культуры и сочетание традиций и новых явлений. Значительное место в них уделялось человеку и его культуре, контактам казачества с окружающим населением, формированию в культуре кубанского казачества своеобразного синтеза малороссийской и великорусской культур. Описания свидетельствуют об особенностях восприятия в России казачества в качестве сообщества с устойчивыми традициями, которое слабо воспринимает общественный прогресс и модернизацию.

Ключевые слова: страноведение, описание путешествий, А. Крубер, казачество, модернизация в казачьих областях, социальные отношения в казачьих областях, культура казачества.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: mininkov@aanet.ru (Н.А. Мининков)

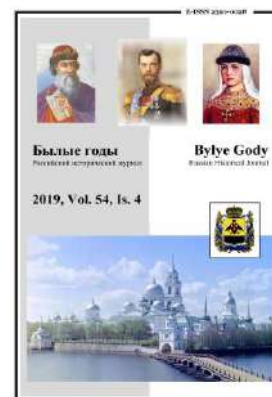
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1772-1779. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1772
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Development of Public Life of the West Siberian Region at the end of XIX – the beginning of the XX centuries (According to Confidential Reports of Police Officers)

Alexander B. Khramtsov ^{a, *}

^aTyumen industrial university, Tyumen, Russian Federation

Abstract

The work studies the process of development of social life in cities and counties of the West Siberian region (the Tobolsk and Tomsk provinces) of the late XIX – early XX centuries. The confidential "political surveys" of officials of the general and political police in the normal mode presented to Department to police of the Ministry of Internal Affairs were the main source. These sources contain big actual material about social and political moods of the population, national disorders, exiled, strikes, crimes and incidents. By means of these reviews it is possible to establish key events and the phenomena in the territory of the region, to disclose dynamics of various processes. The analysis of development of public life in Siberia allowed to allocate 3 key stages: 1) "quiet" – 1883-1904; 2) "intense" – 1905–1913 (strikes, strikes, riots, scattering of leaflets, rise in crime); 3) "military" – 1914-1917 (increase in prices, deficiency of goods, inflow of wounded, refugees and prisoners of war). The discontent with the long nature of war and decrease in the standard of living of the population at the last stage promoted destruction of the Russian Empire.

Keywords: political survey, population, social and political situation, national disorders, strikes, crime.

1. Введение

Период конца XIX – начала XX веков в истории Западно-Сибирского региона ознаменовался ускорением темпов общественной модернизации, формированием элементов гражданского общества, участием населения в выборах общероссийского парламента, что одновременно сопровождалось разного рода социальными катаклизмами, безудержной инфляцией, притоком военнопленных, ссыльных и пр. С началом военных действий среди населения наблюдался патриотический подъем, который вследствие затяжного характера войны и неудачных действий центральной и местной властей сменился недовольством.

В таких условиях правительство пыталось подавлять вспышки стачек, забастовок и манифестаций, что, в частности, подтверждают многочисленные директивы полицейско-жандармским управлениям о пресечении любой преступной пропаганды и представлении регулярных донесений о политическом положении в городах и селах страны. В этой работе на материалах секретных донесений полицейских чиновников исследованы аспекты развития общественной жизни в городах и селах Западной Сибири, выявлены ключевые факторы данного процесса.

2. Материалы и методы

В данной статье использованы традиционные принципы историзма и научной объективности, общенаучные и конкретно-исторические методы исследования. Процесс развития общественной жизни в регионе дают возможность раскрыть методы – сравнительный, типологический, системный, анализ документов. Применение статистических методов позволяет избежать описательности и

* Corresponding author

E-mail addresses: khramtsov_ab@bk.ru (A.B. Khramtsov)

необоснованных выводов, предполагает аналитический подход к выявлению и изучению ключевых вопросов проблемы.

Информационную основу данной работы составили документы архивных фондов Государственного архива РФ (ГАРФ), Государственного архива Тюменской области (ГАТюмО), Государственного архива Томской области (ГАТомО) и публикации отдельных документов.

Секретные циркуляры Департамента полиции МВД от 14 ноября 1881 г. за № 6334 и от 21 мая 1887 г. № 1348 (с грифом «секретно») предписывали чинам общей и политической полиции ежегодно представлять губернскому жандармскому управлению «политические обзоры» по вверенным им для наблюдения районам (городам и уездам). Данные источники частично сохранились в архивных фондах полицейских и жандармских управлений.

Типовой формуляр «политического обзора» (донесения, рапорта) включал VIII разделов: I) Краткий очерк общего настроения народонаселения в уезде; II) Случаи вредного направления или неправильных действий со стороны городских, земских и крестьянских учреждений; III) Случаи предосудительного поведения с со стороны расквартированных в уезде войск; IV) Результаты наблюдения за всеми учебными заведениями; V) Случаи волнений среди крестьян, фабричных и заводских рабочих; VI) Сведения о публичных лекциях и чтениях; VII) Случаи вредного направления и влияния местных органов печати; VIII) Сведения о лицах, замеченных в политической неблагонадежности (ГАТюмО. Ф. И-239. Оп. 2. Д. 5. Л. 16-19).

Для «политических обзоров» как исторических источников характерны структурированность изложения материала, многоаспектная тематика и соответственно высокий уровень информативности. Обзоры – массовые исторические источники, для которых характерны лаконичность, описательность, стандартность, аналогичность и однородность содержания. Кроме ежегодных обзоров, чины полиции в штатном режиме рапортовали обо всех происшествиях в порученных им территориальных центрах. Следует учитывать профессиональный статус должностных лиц, их грамотность в оценке происходящих событий, а также их заинтересованность в объективном изложении тех или иных фактов и процессов, что и обуславливает степень полноты и достоверности их донесений.

Современное состояние этих источников, сосредоточенных в архивных фондах, оставляет желать лучшего. Ретроспективной публикации подверглись лишь отдельные документы ([Тарская мозаика, 1994](#); [Революционное движение, 1981](#); [Борьба за власть, 1967](#)). Значительная их часть, к сожалению, не сохранилась, что требует внимательного отношения к тому, что осталось.

3. Обсуждение

Первые труды об эволюции общественной жизни в Западной Сибири появились в советский период. В то время исследователи объясняли причины революции 1905–1907 гг., поражений на фронте и социального катаклизма кризисом самодержавной России, классовой борьбой рабочих с эксплуататорами и политических ссыльных с царским режимом ([История Сибири, 1968](#); [Революционное движение, 1981](#); [Хазиахметов, 1978](#)).

В современных работах значительно расширился интерес к проблеме. Исследователи анализируют эволюцию общественных настроений в годы Первой мировой войны ([Голубин, 2002](#); [Долидович, Старовойтова, 2017](#)), массовые настроения в провинции и уровень жизни населения в начале XX века ([Миронов, 2012](#); [Нефедов, 2011](#)), положение беженцев в тылу ([Дворецкая, Жулаева, Луцаева, 2016](#)), развитие патриотизма, частной и общественной благотворительности и социально-экономических тенденций повседневной жизни в 1905–1917 гг. ([Ульянова, 2014](#); [Шиловский 2015](#); [Шишкина, 2006](#)).

Зарубежные авторы в большей степени изучают политическую культуру населения в досоветский период, ведут поиск истоков социальной напряженности внутри российского общества и причин прихода к власти большевиков ([Lih, 1990](#); [Gatrell, 2005](#)). Однако их труды основаны в основном на материалах Москвы, Санкт-Петербурга и губерний европейской части страны. Аналогичных исследований об общественных процессах в Западной Сибири крайне мало. В имеющихся работах такие сведения представлены фрагментарно.

4. Результаты

В конце XIX века Западная Сибирь (в границах Тобольской и Томской губерний) представляла собой обширный и самобытный регион – это 17 уездов с общей численностью населения более 3 360 тыс. чел. Скажем, Мариинский округ Томской губернии разделялся на шесть волостей, а именно: Почитанскую, Зырянскую, Баимскую, Алчедатскую, Дмитревскую и Боготольскую и на 6 инородных управ. В состав населения, кроме православных, входили татары, евреи и поляки, последние – сосланные по мятежу 1863–1864 годов. Число жителей в округе достигало 81000 душ обоого пола; главный элемент населения составляли крестьяне, затем купцы и торгующие; дворян, кроме чиновников, очень мало; относительно материальной стороны округ, можно сказать, был достаточно обеспечен всем необходимым. Окружной город Мариинск на 1883 г. имел жителей вместе с ссыльными до 7200 обоого пола ([ГАРФ. Ф. 102 \(Д-3\). Оп. 80. Д. 88. Ч. 60. Л. 2](#)). В этой связи

исследование процесса развития общественной жизни в регионе по материалам секретных донесений полицейских чиновников имеет особый научный интерес.

Чиновники общей и политической полиции представляли правительству рапорты об изменении общественно-политических настроений и ценностных ориентирах местного населения. В обзорах содержалась официальная трактовка текущего положения, данная полицейскими и жандармами. Большинство начальников жандармских управлений в Тобольской и Томской губерниях старались соблюдать сроки и форму представления политических обзоров. В особых случаях они рапортовали о невозможности представить отчет.

По мнению чиновников, общественно-политическая ситуация в регионе по донесениям за 1883–1903 гг. «хорошая», «стабильная», «благонадежная», что позволяет нам выделить этот период в первый этап – «спокойный». Например, начальник Тобольского губернского жандармского управления 7 сентября 1884 г. докладывал, что в политическом отношении губерния имеет следующие отличительные черты: образованный класс весьма немногочислен, это чиновники, офицеры местных войск, духовенство и немногие из купечества. Земских учреждений в губернии не существует, городские же, хотя и введены, но не усвоили правильный характер деятельности. Должностные лица из местного купечества, озабоченные постоянно промышленными и торговыми предприятиями, небрежно относятся к делу городского хозяйства. В политическом отношении никаких вредных стремлений не замечено в этих учреждениях. Купеческий класс чужд всяких политических вопросов, сохраняя преданность правительству. Между инородцами Тобольской губернии – татарами, бухарцами, остяками и самоедами – ничего враждебного не обнаружилось (ГАРФ. Ф. 102 (Д-3). Оп. 80. Д. 88. Ч. 59. Л. 1-3).

Наибольший интерес представляет первый раздел обзора (о народонаселении), в котором чины полиции давали оценку текущему положению в городах и уездах, характеристики жителей и род их занятости. Например, в политическом обзоре г. Тары местное население подразделялось на 3 группы: 1) аборигенов (татар, остяков, инородцев); 2) русских; 3) добровольных переселенцев и ссыльных элементов. Барнаульский уездный исправник рапортовал, что главное занятие сельского населения уезда – «земледелие и скотоводство..., из промыслов... развито маслоделие и мукомольное дело» (ГАТомО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 1818. Л. 92). Каинский уездный исправник докладывал, что «среди городского населения имеется до 30 % евреев» (ГАТомО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 1818. Л. 556 об.).

Городское общество г. Омска, согласно донесению, состояло преимущественно из офицеров, гражданских чиновников и учителей. Влияние духовенства на общество не замечалось. Преподаватели и ученики ни в чем предосудительном не были замечены в политическом отношении. Поведение удовлетворительное, хотя в каждом заведении не проходило и дня без детских шалостей, пьянства, грубостей, непослушания. Частная библиотека одна, и она не отличалась богатством книг. Типографий в 1883 г. было две, фабрик не существовало. Действовал один водочный завод и два пивоваренных с небольшим числом рабочих из местных жителей. Рабочие к стачкам не прибегали (ГАРФ. Ф. 102 (Д-3). Оп. 80. Д. 88. Ч. 43. Л. 2-8).

Крестьянское население в 1880–1890 гг. было совершенно спокойно. Как отмечал начальник Тобольского жандармского управления, «сибирские крестьяне высоко ставят свою личность, для них не существует понятия «барин». Крестьяне имеют не по одной лошади и корове. В такой обстановке, имея такие взгляды, не мудрено, что довольство – плохое поле для революционной пропаганды... Крестьяне относятся к ссыльным, скорее, враждебно, чем безразлично. Крестьяне, за исключением молодежи, верят и заветам своих отцов, верят Государю-Императору и родине» (ГАРФ. Ф. 110. Оп. 1 (1908). Д. 95. Л. 11). Сибирь вообще, и Тобольская и Томская губернии в частности, представляли собой исключительно земледельческий район, специально фабричных заведений не имели, что не вводило в среду рабочих «неблагонадежного элемента», подстрекающего к изменению существующего в России образа правления (ГАРФ. Ф. 102 (Д-3). Оп. 102 (1904). Д. 1. Ч. 45 А. Л. 1).

В экономическом положении населения «никаких перемен не происходило». Казенные и частные учреждения и заводы в избытке предлагали заработок населению. Мещане занимались ремеслами, как-то: слесарным, кузнечным, каретным, столярным, шубным и т.д. Часть их занималась мелкой торговлей (так называемые прасалы). Стачек и заявлений коллектива, жалоб со стороны рабочих на хозяев разных промышленных заведений и заводов не было. Начальник Томского губернского жандармского управления в донесении от 9 сентября 1884 г. так описывал ситуацию в г. Барнауле: «Мне не приходилось слышать жалоб рабочего люда на недостаток заработка, тогда как, напротив, жалобы на недостаток рабочих приходится слышать нередко» (ГАРФ. Ф. 102 (Д-3). Оп. 80. Д. 88. Ч. 60. Л. 4-5).

Положение ссыльных считалось «крайне незавидным». Обзоры позволяют установить состав, численность и категории ссыльных, а также как складывались их отношения с местными жителями. Жандармские начальники считали, что ссыльные негативно влияют на население. Мариинский ротмистр писал, что «нравственность населения под влиянием ссыльного элемента и разных несправедливостей властей в большом упадке. Собственность мало уважается, недоверие к властям делает то, что воры держат население почти на откупе. Ограбленный и обиженный редко находят

удовлетворение и защиту у местных властей, почему предпочитают самосуд либо выдачу ворами вознаграждения, дабы возратить утраченное» (ГАРФ. Ф. 102 (Д-3). Оп. 80. Д. 88. Ч. 60. Л. 2-3).

Тарский унтер-офицер в обзоре за 1911 г. отмечал, что все элементы ссылки, будучи сами по себе, не способные к проявлению какой-либо скрытой деятельности среди населения, даже к продуктивному физическому труду, ложатся на это население тяжким бременем как в материальном, так и моральном отношениях. Но крепкие нравственные устои, с одной стороны, с другой – необходимость кормить, охранять, участвовать в преследовании беглых, конвоировать, жертвуя своим рабочим временем, создали почти враждебное к ним отношение. Ссылные получают от заграничных беглых нелегальную литературу и пособия. С организацией надзора, по мнению докладчика, упорядочилось наблюдение за ссылными, но все же побеги их довольно часты, что объясняется материальной помощью извне и легкостью приобретения фальшивых паспортов (ГАТюмО. Ф. И-239. Оп. 2. Д. 5. Л. 18).

Враждебное отношение к ссылным складывалось вследствие преступного поведения последних, их угроз коренному населению. В частности, начальник Тобольского губернского жандармского управления (донесение от 24 февраля 1900 г.) считал, что «ссылный элемент низшего класса дает дурной пример местному крестьянскому населению вследствие того, что ссылные в большинстве случаев ведут нетрезвый и бродячий образ жизни, совершают разного рода преступления, занимаются кляузными и доносами. Большое число государственных преступлений совершено ссылными по невежеству и во время опьянения» (ГАРФ. Ф. 102 (Д-3). Оп. 98 (1900). Д. 1. Ч. 56 А. Л. 1-2).

Противовесом вредному влиянию ссылных, сектантов и политически неблагонадежных, по мнению начальника Томского губернского жандармского управления, являются «школы, которых в губернии насчитывается до 1700, на самом же деле их не существует и половины. Причину этого надо отнести к тому, что крестьяне вследствие предложения начальствующих лиц, радеющих о народном просвещении, изъявили согласие открыть школы, составили соответствующие договоры, но когда пришлось затратить на этот предмет известную сумму, то стали тормозить дело. Кроме того, замечается недостаток учительского персонала» (ГАРФ. Ф. 102 (Д-3). Оп. 98 (1900). Д. 1. Ч. 47 А. Л. 1).

Тарский уездный исправник докладывал о попытке ссылных ограбить почту в одном из сел уезда. Кроме того, крестьян возмущало «легкомысленное отношение политических ссылных к религии, постоянная насмешка над церковными обрядами» (Тарская мозаика, 1994: 167). В этой связи неоднократно регистрировались случаи убийства ссылных крестьянами.

В то же время подход к исследованию проблемы взаимоотношений между ссылными и коренными жителями, влияние ссылки на жизнь городов и сел, в сведениях, извлеченных только из полицейских рапортов, следует признать неверным. Данная тема нуждается в отдельном комплексном исследовании, так как, наряду с указанными фактами, ссылные, безусловно, приносили пользу районам своего проживания: открывали кондитерские и колбасные, обучали детей и взрослых грамоте и многое другое.

Что касается уровня преступности, то ситуация в регионе была разная. Скажем, на 1886 год г. Курган в полицейском отношении разделен на 2 участка, а округ – на 5 участков. Состав городской полиции: 2 полицейских надзирателя, 9 служителей и 10 стражников, в округе 5 земских заседателей. В отчетном году «выдающихся случаев нарушения порядка» как в городе, так и в округе не было. С 1 января по 1 декабря содержались при камерах полицейского управления: не имеющие определенных занятий – 478 чел.; за драки и нарушения общественной тишины – 423 чел.; за распутство – 13; за кражи, грабежи и мошенничества – 138; за убийства – 14; за конокрадство – 12; за прочие преступления – 134. Всего по г. Кургану было арестовано 1274 чел., по сравнению с пред. годом на 499 чел. меньше (ГАРФ. Ф. 102 (Д-3). Оп. 83. Д. 9. Ч. 47. Л. 36-38).

На общественно-политическую и нравственную ситуацию в регионе влияли также характер взаимоотношений правительственной власти и органов местного самоуправления, чрезвычайные происшествия, преступления и конфликты, происходившие в течение года, и др. Например, начальник Томского губернского жандармского управления 2 ноября 1890 г. докладывал, что «масса беспорядков, царящих в разных сторонах губернской администрации, пустила столь глубокие корни, что приведение их к должной ясности является трудом капитальным...», сам контингент служащих состоит «большой частью из местного грубого недоученного материала...» (ГАРФ. Ф. 102 (Д-3). Оп. 88. Д. 119. Л. 6-7). Не последнее место в жизни чиновников занимали взятки. Ни одно почти назначение на должности, зависящие от местной администрации, не обходилось без приношений. Чиновники, получавшие по 900 руб. в год, ухитрялись наживать дома стоимостью десятки тысяч рублей (ГАРФ. Ф. 102 (Д-3). Оп. 83. Д. 9. Ч. 51 Л. 8-12). Обзор положения дел в Тюменском, Туринском и Ялуторовском уездах за 1909 г. свидетельствует о фактах взяточничества в тюменской полиции, увольнении уездного исправника Белоносова, ликвидации тайной типографии социал-демократов и др. (ГАТюмО. Ф. И-239. Оп. 1. Д. 93. Л. 87).

Неудачи в русско-японской войне и первая русская революция 1905–1907 гг. вызвали «невиданный доселе» всплеск социальной напряженности в регионе, что позволяет нам выделить второй этап развития общественной жизни – «напряженный». Настроение широких масс населения под влиянием неудачно оконченной войны, охваченных освободительным движением в России, под грузом железнодорожных и почтово-телеграфных забастовок резко отклонилось в отрицательную

сторону, во всем и повсюду замечался недостаток и общее недовольство положением вещей и дороговизной жизни. Жандармский начальник считал, что «слабость и не энергичность лиц, состоящих во главе администрации Тобольской губернии, не понятый и вполне еще малограмотный неразвитой крестьянской средой, создали в губернии тяжелое напряженное положение вещей, которое, только благодаря вовремя объявленному военному положению в 5 уездах губернии и присланным в Тобольск и Тюмень войска, разрешилось благополучно, без пролития крови и террористических действий...» (ГАРФ. Ф. 102 (Д-3). Оп. 104 (1906). Д. 1. Ч. 8 А. Л. 1-8).

Из донесений за 1905–1913 гг. следует, что «очаги» социальной напряженности фиксировались во многих городах региона: Томске, Тобольске, Новониколаевске, Барнауле, Кургане, Ишиме и Тюмени. «Частые забастовки, предъявления разных условий, – докладывал чиновник [1905 г.], – явление не редкое... в прошлом году не нашло такого массового движения, как ныне» (История, 2004: 501). Начальник Томского жандармского управления 11 августа 1905 г. рапортовал, что «противоправительственная агитация в г. Ново-Николаевск сильно возросла, что выражается в участившихся случаях разбрасывания преступных прокламаций, устройстве сходок..., массовых беспорядках..., разгроме массою рабочих пивной лавки Чердынцева и убийство сидельца этой лавки Михайловского 21 июля с.г.» (ГАТюмО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 457. Л. 52). Курганский уездный исправник в октябре 1905 г. докладывал, что на ст. Курган Сибирской железной дороги забастовали рабочие и служащие, что вызвало волнения и в городе. Собралось около 4 тыс. чел., бастовавшие разбрасывали прокламации, поднимали красный флаг. Толпа рассеялась, лишь когда исправник вызвал войска (Революционное движение, 1981: 49).

Беспорядки в учебных заведениях России отразились и в сибирских губерниях. Забастовки были в Тобольской классической гимназии, а в г. Тюмени пришлось закрыть Реальное училище. Учебный минувший год прошел с целым рядом ученических петиций. В г. Томске (январь 1905 г.) произошли уличные беспорядки: «около часа дня учащиеся вышли на демонстрацию, распевая революционные песни и размахивая красными флагами. На место прибыл отряд полицейских и потребовал разойтись, участники демонстрации открыли огонь из револьверов, ранив 6 стражей порядка. Для разгона демонстрантов вызвали отряд казаков до 50-ти человек. Когда полицейские и казаки применили ответный огонь, толпа рассеялась. Всего по результатам беспорядков задержали 121 человека, из них получили ранения – 23 (1 умер), а полиция начала расследование» (ТГВ, 1905: 1). В сентябре 1906 г. прекратили занятия ученики всех классов Ишимского духовного училища.

В этот период участились факты сввернословия в отношении императора и его семьи, пьяного дебоша, подлога, краж, бегства ссыльных, убийств и самоубийств политического характера и др. (ГАТюмО. Ф. И-239. Оп. 2. Д. 5. Л. 33, 42-43, 61-62, 70; Д. 6. Л. 4, 6 об., 24). В частности, полицейский надзиратель г. Туринска 21 декабря 1910 г. рапортовал губернскому начальству об убийстве двух кавказцев на почве межнациональной вражды в результате драки между политссыльными (грузин и армян) (Там же. Оп. 1. Д. 126. Л. 1-2).

Наряду с общей характеристикой положения в городах и уездах, чиновники сообщали о наличии контрреволюционных банд, их численном составе и вооружении, о дезертирах и других «неблагонадежных» в политическом отношении элементах. Департамент полиции МВД предписывал пресечь распространение прокламаций и призывов к манифестациям, в первую очередь со стороны печатных изданий и библиотек региона, чем объясняется включение таких вопросов в политические обзоры. Скажем, тарский жандарм указывал, что во вверенном ему уезде нет печатных изданий; заведующая городской библиотекой «ни в чем предосудительном замечена не была» (ГАТюмО. Ф. И-239. Оп. 2. Д. 5. Л. 18). Тюменский ротмистр А. Поляков в обзоре за 1909 г. указывал, что крупных волнений среди населения не было. Небольшие стачки и случаи разбрасывания прокламаций регистрировались, в основном в г. Тюмени (ГАТюмО. Ф. И-239. Оп. 1. Д. 93. Л. 87-89 об.).

Вторая волна народного недовольства отмечалась в 1914–1917 гг., что позволяет нам выделить третий этап развития общественной жизни в регионе – «военный». Причем начало Первой мировой войны сибиряки встретили без особого воодушевления, а к царскому режиму относились лояльно (Долидович, Старовойтова, 2017: 177). Городское население в большей степени продемонстрировало патриотический энтузиазм, чем сельчане. Горожане организовывали особые сборы, благотворительные спектакли и концерты. Во многих городах региона открылись местные отделения Российского Общества Красного Креста и Всероссийского Союза Городов.

Переломным стал 1915 г., когда экономические факторы вызвали социальную напряженность в городах и селах: безудержная инфляция, безработица, бестоварье, низкая оплата труда и др. Местные крестьяне стали «придерживать» хлеб. Оптовики и спекулянты сократили объемы хлебной торговли в городах. Начальник Тобольского губернского жандармского управления в циркуляре от 25 ноября 1915 г. подчеркивал, что «непомерное вздорожание и недостаток предметов первой необходимости являются одним из наиболее острых и насущных вопросов настоящего времени. Это явление, постепенно разрастаясь, приобретает характер народного бедствия». В этой связи он приказал своим подчиненным: 1) доносить о всякого рода случаях спекуляции; 2) наблюдать за появлением злонамеренных лиц; 3) собирать о них негласные сведения; 4) войти в тесное соглашение с уездными исправниками (ГАТюмО. Ф. И-239. Оп. 2. Д. 7. Л. 106-107).

Повсеместно, даже в среде интеллигенции, усилились недовольства и призывы к правительству принять решительные меры против спекулянтов. Многие лица стали уже подозревать Германию в том, что она подкупает лиц из городских самоуправлений с целью совершенно парализовать тыл армии. Что же касается рабочих и крестьян, то они считались только с тем, что жизнь вздорожала и самые необходимые предметы обихода теперь продавались дороже вдвое и втрое против нормальной их прежней стоимости. Многие крестьяне настолько разбогатели, что не желали вывозить на рынок для продажи съестные припасы. Простолудин знал, что в России хлеба достаточно, а между тем он дорог, печеный хлеб стоил вдвое дороже, чем раньше; списки вздорожали больше в пять раз, мясо, топливо также поднялось в цене, и все это приписывалось недобросовестности торговцев, пользовавшихся моментом, чтобы нажиться. Временами у рабочих озлобление доходило до такой точки, что можно было ждать выступления в виде погрома. И озлобление подогревалось тем убеждением, что у местной власти нет достаточных средств для борьбы со спекуляцией: «чуть издадут обязательное постановление с таксой на какие-либо продукты, как последние исчезают с рынка, словно их никогда не было» (ГАТомО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 400. Л. 3-7).

Рост цен и дефицит товаров на рынках вызвали новую волну погромов, забастовок и стачек. Унтер-офицер А. Глебов (г. Тюмень) в рапорте от 10 ноября 1916 г. сообщал о забастовке рабочих спичечной фабрики Логинова с детальным изложением ее причин, хода и результатов, а также фамилий бастовавших. В мае 1916 г. в г. Тара, всегда спокойном в политическом отношении, из-за недостатка мяса наблюдалось «возвышение народного волнения». Торговцы прекратили забой скота и его продажу по губернаторской таксе, полагая, что при такой цене они понесут большие убытки (ГАТюмО. Ф. И-239. Оп. 2. Д. 19. Л. 77-77 об.). Унтер-офицер Березовского уезда в секретном донесении от 25 января 1916 г. отмечал рост цен на предметы первой необходимости в селе Обдорском в зимнее время: цена на сахар поднималась с 20 коп. до 30–35 коп. за фунт; чай кирпичный – с 1 руб. 20 коп. до 2 руб. 20 коп. за 1 кирпич и др. Чиновник подчеркивал свое бессилие в решении вопроса, отсутствие механизмов влияния на местных торговцев (Наш край, 1966: 477). Каинский уездный исправник писал, что «цены на хлебные продукты поднялись до небывалых размеров – от 3 до 4 руб. 50 коп. за пуд пшеничной муки..., развелось тайное винокурение» (ГАТомО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 1818. Л. 556 об.).

Наряду с экономическими факторами, в донесениях отмечался рост антивоенных настроений среди жителей. Так, унтер-офицер Тобольского жандармского управления в рапорте о своей поездке по волостям уезда в ноябре 1915 г. отмечал: «В населении заметно унылое тягостное настроение ввиду длительности настоящей войны, и со стороны менее сознательного населения слышатся отклики о желании скорейшего мира» (Наш край, 1966: 484).

Согласно донесению начальника Томского губернского жандармского управления от 26 октября 1916 г., «начинает замечаться утомленность войною и тяжестью жизни вследствие отсутствия рабочих рук и дороговизны жизни... Люди начинают падать духом, особенно после последних неудач на театре военных действий в Румынии...». По их мнению, Германия вновь начнет хозяйничать в России, как в своей богатой колонии, и конкурировать в дешевизне своих товаров на русском рынке, а русский народ по своему характеру и добродушию забудет все «прошлое» Германии и будет находиться с нею в дружбе и попадет под ее влияние. Неоднократно приходится слышать от разных лиц их удивление, что до сих пор на Руси правительство продолжает нянчиться с немцами и чего-то с ними считается, не держа их в «ежовых рукавицах», как бы следовало. Население видит во многих немцах русско-подданных «волков в овечьей шкуре» (ГАТомО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 400. Л. 3-7).

В «политических обзорах» представлен большой фактический материал по различным аспектам жизни как ссыльных, так и коренного населения, что правительство использовало для принятия «зависящих мер». Интересно, что по мнению чиновников, политические партии и революционная борьба в регионе не имели первостепенного значения, на что указывали советские исследователи. В частности, согласно донесению от 25 октября 1916 г., «по-прежнему сплоченных организаций революционных партий нет, а существуют лишь отдельные кружки лиц, по своим убеждениям примыкающих к «соц-револ. и соц.-демокр.» [так в источнике], в эти же кружки входят бывшие отдельные партийные деятели. Разрозненные члены, принадлежащие к революционным организациям, в настоящее время не проявляют никакой антиправительственной деятельности, кроме того, некоторые лица из партийных организаций были взяты на войну и в настоящее время убиты. В кооперативных и потребительских обществах преступная деятельность их также пока не замечается» (ГАТомО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 400. Л. 6). Чиновник предположил [1916 г.], что «у интеллигенции создалось положительное убеждение, что после войны обязательно вспыхнет революция, поддержанная крестьянством и рабочими» (ГАТомО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 400. Л. 6).

5. Заключение

Исследование секретных донесений чиновников позволяет выделить этапы развития общественной жизни в Западно-Сибирском регионе в конце XIX – начале XX веков, установить факторы, влияющие на это развитие: состав и численность ссыльных, их распределение по районам, причины и масштабы происшествий, преступлений, забастовок, миграции, дороговизны – как ключевых факторов,

определяющих нравственность местных жителей, их отношение к войне, власти, ссылке и пр. Обзоры не претендуют на безусловную достоверность и объективность освещения действительности. С их помощью можно установить цепочку фактов и явлений в городах и уездах региона, позиции чиновников в оценке текущей ситуации и в целом реальный механизм принятия решений и функционирования административной власти в переломный период истории страны.

Литература

- Борьба за власть, 1967** – Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1917–1920 гг.): Сб. док. и мат. Свердловск: Сред.-Уральское кн. изд., 1967. 430 с.
- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации.
- ГАТомО** – Государственный архив Томской области.
- ГАТюмО** – Государственный архив Тюменской области.
- Голубин, 2002** – *Голубин Р.В.* Трансформация общественных настроений в России в годы Первой мировой войны // *Отечественная история*. 2002. № 1. С. 92–96.
- Долидович, Старовойтова, 2017** – *Долидович О.М., Старовойтова Е.Н.* Эволюция общественных настроений в Енисейской губернии (1914–17 гг.) // *Сибирские исторические исследования*. 2017. № 3. С. 175–191.
- История Сибири, 1968** – История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Т. 3: Сибирь в эпоху капитализма. Л.: Наука, 1968. 530 с.
- История, 2004** – История банковского дела Тюменской области. Тюмень: Слово, 2004. 616 с.
- Мионов, 2012** – *Мионов Б.Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX веков. М.: Весь Мир, 2012. 844 с.
- Наш край, 1966** – Наш край в документах и иллюстрациях: Сб. док. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1966. 590 с.
- Нефедов, 2011** – *Нефедов С.А.* Уровень жизни населения в дореволюционной России // *Вопросы истории*. 2011. № 5. С. 127–136.
- Революционное движение, 1981** – Революционное движение в Тобольской губернии (1905–1914): Сб. док. и мат. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1981. 382 с.
- Тарская мозаика, 1994** – Тарская мозаика (история края в очерках и документах. 1594–1917 гг.). Омск: Кн. изд-во, 1994. 197 с.
- ТГВ, 1905** – Томские губернские ведомости. 1905. № 4.
- Ульянова, 2014** – *Ульянова Г.Н.* Филантропическая активность общества // Россия в годы Первой мировой войны. Экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М.: Полит. энцикл., 2014. С. 446–468.
- Хазиахметов, 1978** – *Хазиахметов Э.Ш.* Сибирская политическая ссылка 1905–1917 гг. Томск: Изд-во ТГУ, 1978. 183 с.
- Шиловский, 2015** – *Шиловский М.В.* Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск: Автограф, 2015. 330 с.
- Шишкина, 2006** – *Шишкина С.Ю.* Патриотизм и толерантность: к вопросу об эволюции общественных настроений в годы Первой мировой войны (на материалах Зауралья) // *Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология*. 2006. № 7. С. 191–206.
- Dvoretckaya et al., 2016** – *Dvoretckaya A.P., Zhulaeva A.S., Luschaeva G.M.* Refugees in the Rear Area of the World War I (on Example of Enisey's State) // *Bylye Gody*, 2016, Vol. 42, Is. 4: 1360–1367.
- Gatrell, 2005** – *Gatrell P.* Russia's First World War: a Social and Economic History. L.: Pearson-Longman, 2005. 318 p.
- Lih, 1990** – *Lih L.T.* Bread and Authority in Russia, 1914–1921. Los-Angeles. Oxford: University of California Press, 1990. 303 p.

References

- Bor'ba za vlast', 1967** – Bor'ba za vlast' Sovetov v Tobol'skoi (Tyumenskoj) gubernii (1917–1920 gg.) [Race for power of Councils in the Tobolsk (Tyumen) province (1917–1920)]: Sb. dok. i mat. Sverdlovsk: Sred.-Ural'skoe kn. izd., 1967. 430 p. [in Russian]
- Dolidovich, Starovoitova, 2017** – *Dolidovich O.M., Starovoitova E.N.* (2017). Evolyutsiya obshchestvennykh nastroyenii v Enisejskoi gubernii (1914–17 gg.) [Evolution of public moods in the Yenisei province (1914–17)]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, Nr 3. pp. 175–191. [in Russian]
- Dvoretckaya et al., 2016** – *Dvoretckaya A.P., Zhulaeva A.S., Luschaeva G.M.* (2016). Refugees in the Rear Area of the World War I (on Example of Enisey's State). *Bylye Gody*, Vol. 42, Is. 4: 1360–1367.
- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossijskoi Federatsii [State archive of the Russian Federation].
- GATomO** – Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [State archive of the Tomsk region].
- Gatrell, 2005** – *Gatrell P.* (2005). Russia's First World War: a Social and Economic History. L.: Pearson-Longman, 318 p.
- GATyumO** – Gosudarstvennyi arkhiv Tyumenskoj oblasti [State archive of the Tyumen region].

- Golubin, 2002** – *Golubin R.V.* (2002). Transformatsiya obshchestvennykh nastroyenii v Rossii v gody Pervoi mirovoi voyny [Transformation of public moods in Russia in the years of World War I]. *Otechestvennaya istoriya*, Nr 1, pp. 92-96. [in Russian]
- Istoriya Sibiri, 1968** – *Istoriya Sibiri s drevneishikh vremen do nashikh dnei* [History of Siberia since the most ancient times up to now]: v 5 t. T. 3: Sibir' v epokhu kapitalizma. L.: Nauka, 1968. 530 p. [in Russian]
- Istoriya, 2004** – *Istoriya bankovskogo dela Tyumenskoj oblasti* [History of banking of the Tyumen region]. Tyumen': Slovo, 2004. 616 p. [in Russian]
- Khaziakhmetov, 1978** – *Khaziakhmetov E.Sh.* (1978) Sibirskaya politicheskaya ssylka 1905–1917 gg. [Siberian political exile of 1905–1917]. Tomsk: Izd-vo TGU, 183 p. [in Russian]
- Lih, 1990** – *Lih L.T.* (1990). Bread and Authority in Russia, 1914–1921. Los-Angeles. Oxford: University of California Press, 303 p.
- Mironov, 2012** – *Mironov B.N.* (2012). Blagosostoyanie naseleniya i revolyutsii v imperskoj Rossii: XVIII – nachalo XX veka [Welfare of the population and revolution in imperial Russia: XVIII – the beginning of the XX century]. M.: Ves' Mir, 844 p. [in Russian]
- Nash krai, 1966** – *Nash krai v dokumentakh i illyustratsiyakh* [Our edge in documents and illustrations]: Sb. dok. Sverdlovsk: Sred.-Ural. kn. izd-vo, 1966. 590 p. [in Russian]
- Nefedov, 2011** – *Nefedov S.A.* (2011). Uroven' zhizni naseleniya v dorevoljutsionnoj Rossii [The standard of living of the population in pre-revolutionary Russia]. *Voprosy istorii*, Nr 5, pp. 127-136. [in Russian]
- Revoljutsionnoe dvizhenie, 1981** – *Revoljutsionnoe dvizhenie v Tobol'skoj gubernii (1905-1914)* [Revolutionary movement in the Tobolsk province (1905–1914)]: Sb. dok. i mat. Sverdlovsk: Sred.-Ural. kn. izd-vo, 1981. 382 p. [in Russian]
- Shilovskii 2015** – *Shilovskii M.V.* (2015). Pervaya mirovaya vojna 1914-1918 godov i Sibir' [World War I of 1914-1918 and Siberia]. Novosibirsk: Avtograf, 330 p. [in Russian]
- Shishkina, 2006** – *Shishkina S.Yu.* (2006). Patriotizm i tolerantnost': k voprosu ob evolyutsii obshchestvennykh nastroyenii v gody Pervoi mirovoi voyny (na materialakh Zaural'ya) [Patriotism and tolerance: to a question of evolution of public moods in the years of World War I (on materials of the Trans-Ural region)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Istoriya i filologiya*, Nr 7. pp. 191-206. [in Russian]
- Tarskaya mozaika, 1994** – *Tarskaya mozaika (istoriya kraja v ocherkakh i dokumentakh. 1594–1917 gg.)* [Tarsky mosaic (edge history in sketches and documents. 1594–1917)]. Omsk: Kn. izd-vo, 1994. 197 p. [in Russian]
- TGV, 1905** – *Tomskie gubernskie vedomosti. 1905. Nr 4.*
- Ul'yanova, 2014** – *Ul'yanova G.N.* (2014). Filantropicheskaya aktivnost' obshchestva [Philanthropic activity of society]. *Rossiya v gody Pervoi mirovoi voyny. Ekonomicheskoe polozenie, sotsial'nye protsessy, politicheskii krizis*. M.: Polit. entsikl., pp. 446-468. [in Russian]

Развитие общественной жизни Западно-Сибирского региона в конце XIX – начале XX веков (по секретным донесениям полицейских чиновников)

Александр Борисович Храмов ^{a,*}

^a Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация

Аннотация. В работе исследован процесс развития общественной жизни в городах и уездах Западно-Сибирского региона (Тобольская и Томская губернии) конца XIX – начала XX веков. Основным источником послужили секретные «политические обзоры» чиновников общей и политической полиции, в штатном режиме представляемые в Департамент полиции МВД. Данные источники содержат большой фактический материал об общественно-политических настроениях населения, народных волнениях, ссыльных, забастовках, преступлениях и происшествиях. С помощью этих обзоров можно установить ключевые события и явления на территории региона, раскрыть динамику различных процессов. Анализ развития общественной жизни в Сибири позволил выделить 3 ключевые этапа: 1) «спокойный» – 1883–1904 гг.; 2) «напряженный» – 1905–1913 гг. (стачки, забастовки, погромы, разбрасывание прокламаций, рост преступности); 3) «военный» – 1914–1917 гг. (рост цен, дефицит товаров, приток раненых, беженцев и военнопленных). Недовольство затяжным характером войны и снижение уровня жизни населения на последнем этапе способствовали разрушению Российской империи.

Ключевые слова: политический обзор, народонаселение, общественно-политическая ситуация, народные волнения, забастовки, преступность.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: khramtsov_ab@bk.ru (А.Б. Храмов)

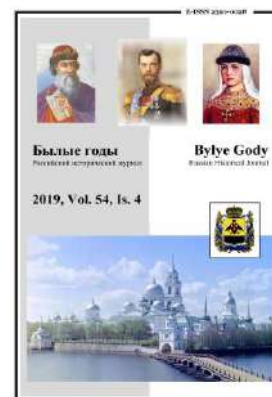
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1780-1788. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1780
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Deviant Behavior among the Peasants of the Russian Empire in the Post-reform Period

Zoya A. Medvedeva ^a, Olga E. Vaskina ^{a,*}, Elena A. Panasenko ^a

^a Kemerovo State University, Russian Federation

Abstract

The release of many people and the facilitation of population migration got certain social groups out of the state and peasant community's hand. It led to the emergence and increasing number of different behaviour deviations. The formation of a personality, emancipation, and disintegration of traditional community ethical norms, as well as society segmentation, and displacement of religious beliefs provoked behaviour deviations.

The article deals with the forms of deviant behaviour. The interest in the deviant behaviour among the peasants at the turn of XIXth – XXth centuries is caused by the fact that peasant population prevailed in the Russian Empire, and peasants' values rendered impact on the outlook of the society as a whole.

The analysis of people's traditional values breakdown allows finding the causes of the emergence and spread of behaviour deviations. The authors studied a large number of archival materials and analysed the main types of deviations as a whole.

The breakdown of the state system, a significant shift in life routine, and the emergence of new social links contributed to the growth of behaviour deviations in the XIXth – XXIth centuries. The loss of familiar values adversely affected the psyche of many people. Disintegration of traditional ties, family deformation and unlawful acts became common.

Keywords: peasantry, crime, deviant behaviour, police, criminal gangs, homicide, traditional ethics.

1. Введение

Наиболее полное представление об истории российского общества можно получить, изучая процессы, происходящие в стране на рубеже XIX–XX вв., приведшие к существенной трансформации социума и нашедшие отражение в характере действий и изменении ментальности населения.

Отмена крепостного права, урбанизация, развитие индустрии, распространение отходничества освободили большое количество людей, облегчили миграцию населения, вывели отдельные социальные группы из-под тотального контроля крестьянской общины и государства, что обусловило появление и увеличение числа различного рода девиаций. Процесс становления индивидуальной личности, ее эмансипация, распад традиционных этических норм общины, сегментация общества, вытеснение религиозных убеждений провоцировали отклонения от традиционной этики.

Обращение к проявлениям девиантного поведения в крестьянской среде на рубеже XIX–XX вв. вызвано тем, что крестьянское население преобладало в Российской империи, его ценностные ориентации оказывали воздействие на мировоззрение общества в целом (Медведева, Васкина, 2016: 54).

Актуальность темы обусловлена тем, что, с нашей точки зрения, именно единство народа, традиционные ценности обеспечивают стабильность, устойчивость и развитие страны. Представление о должном поведении в обществе способствует успешному функционированию всех его структур в целом. Напротив, отклонение от нормы, т.е. девиация, приводит к распаду социальных связей,

* Corresponding author

E-mail addresses: vaskina81@yandex.ru (O.E. Vaskina), zoy-medvedeva@yandex.ru (Z.A. Medvedeva), spl-kemtip@yandex.ru (E.A. Panasenko)

аномии, дестабилизации, потрясению основ государственного устройства. Анализ кризисных явлений на рубеже XIX–XX вв. позволит разобраться в современной ситуации и учесть исторический опыт при поиске верных политических решений, так как современная ситуация отчасти напоминает кризисное состояние, наступившее после реформ 1861 г.

Цель данной работы состоит в том, чтобы рассмотреть проблему отклоняющегося поведения во второй половине XIX – начале XX вв., проследив изменения традиционного крестьянского менталитета в пореформенный период. Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Выявить наиболее распространенные в крестьянской среде виды девиаций;
2. Установить взаимосвязи и взаимообусловленность различных видов девиантного поведения;
3. Выявить изменения в сознании крестьян в указанный период.

Проявлений девиантного поведения множество, однако мы в своей работе сосредоточим внимание на его наиболее часто встречающихся формах: кражах, случаях самогоноварения, самосудах, прелюбодеяниях, убийствах.

2. Материалы и методы

В исследовании использован ряд взаимодополняющих методов и направлений, включающих в себя:

– сравнительно-исторический метод, позволяющий проследить трансформацию общества и изменение ментальности российского населения, учесть исторический опыт при изучении современной ситуации в стране, а также выявить виды девиантного поведения и изучить мотивы девиаций в конкретных социально-исторических условиях;

– нарративный метод, отражающий преломление исторических событий в сознании крестьянского общества на рубеже XIX–XX вв., выявляет разложение крестьянской морали и возникновение новой модели поведения, не соответствующей принципам традиционной нравственности.

Микроисторические изыскания проведены на основе анализов архивных документов Кузнецкого и Мариинского уездов Томской губернии, находящихся в Государственном архиве Кемеровской области. Большая их часть достаточно полно отражает наиболее часто встречающиеся виды девиаций и картину преступлений в целом, поэтому историю повседневной жизни российского крестьянства, его ценностных ориентаций, установок и поведения мы рассматривали на этой основе.

3. Обсуждение

К исследованиям правонарушений неоднократно обращались историки, культурологи, криминологи. Так, Я. Берман, Н.И. Григорьев, С. Пывцов, В.В. Машинцев акцентировали свое внимание на взаимовлиянии алкоголизма и преступности (Миненко, 1989). Другие исследователи (например, А.П. Мельников, С.Г. Куликова, Н.Л. Пушкарева, О.А. Хасбулатова, И. Юкина) изучали гендерные аспекты правонарушений (Куликова, 2011; Сидорова, 2011; Пулькин, 2009). Глубокий анализ проблемы преступности в целом в XIX – начале XX вв. проводят в своих работах А.Н. Трайнин, Б.Н. Миронов и В.Б. Безгин. Отдельные виды преступлений анализировались А.П. Шекшеевым, В.В. Кулачковым, С.С. Крюковой и др. (Трайнин, 1909; Миронов, 1998; Миронов, 2003; Безгин, 2012; Безгин, 2015; Шекшеев, 2015; Шекшеев, 2016; Кулачков, 2019; Крюкова, 2013).

В литературе отмечалось, что в большинстве районов страны кража была, пожалуй, самой распространенной формой девиации. Убийство, напротив, встречалось крайне редко (по свидетельству П.С. Ефименко, в Архангельской области количество краж доходило до 26 % от всего объема преступлений, против 0,7 % – насильственного лишения жизни, зачастую происходившего во время драк после попок) (Ефименко, 2009: 212–213). На рубеже XIX–XX вв., особенно в крупных городах, ситуация меняется: растет число особо тяжких преступлений, при этом отмечается сокращение преступлений коллективного характера и увеличение индивидуальных правонарушений. Все это свидетельствует о разрушении традиционного мировоззрения и постепенном отходе от привычного образа жизни (Медведева, Васькина, 2016: 54).

4. Результаты

В Сибири так же, как и в остальных областях Российской империи, наиболее распространенными являлись хищения личного имущества. Так, по материалам ГАКО в указанный период встречаются следующие случаи краж: в апреле 1884 года кража со взломом произошла в селе Тисульское. У крестьянина Егора Горелина и вдовы Александры Барковой похищено «разных вещей» на сумму 11 руб. 50 коп. у Горелина и 22 руб. 10 коп. у вдовы. Вину за данное правонарушение возложили на беглого арестанта Степана Седова, который впоследствии был задержан (ГАКО. Ф. Д-41. Оп. 1. Д. 2. Л. 35).

В 1888 году сразу несколько аналогичных преступлений было зафиксировано в следственной документации. В мае 1888 года вышло постановление о заключении под стражу крестьянина деревни Теплая Речка Мариинского округа, который обвинялся в краже ящика табака с воза. 13 мая 1888 года

вышло постановление о заключении под стражу нарымского мещанина Семена Алексеева Чембарова, обвиняемого в краже товаров с воза крестьянина Ефима Данилова. 11 июня заведено дело № 38 о краже чая с воза у сына польского переселенца Казимира Гельвидиса (ГАКО. Ф. Д-36. Оп. 1. Д. 5).

В 1900 году в деревне Ягуново мещанином Садыком Шелехановым (впоследствии установлено настоящее имя – крестьянин из ссыльных Яббор Шерафетдинов Абдулов, 36 лет) была совершена кража у разных крестьян. В числе украденного значилось следующее: сбруя для лошади, различные платья, рубахи, шали, скатерти, ботинки и проч. Обвиняемый подвергнут заключению на 8 месяцев (ГАКО. Ф. Д-26. Оп. 1. Д. 6. Л. 43).

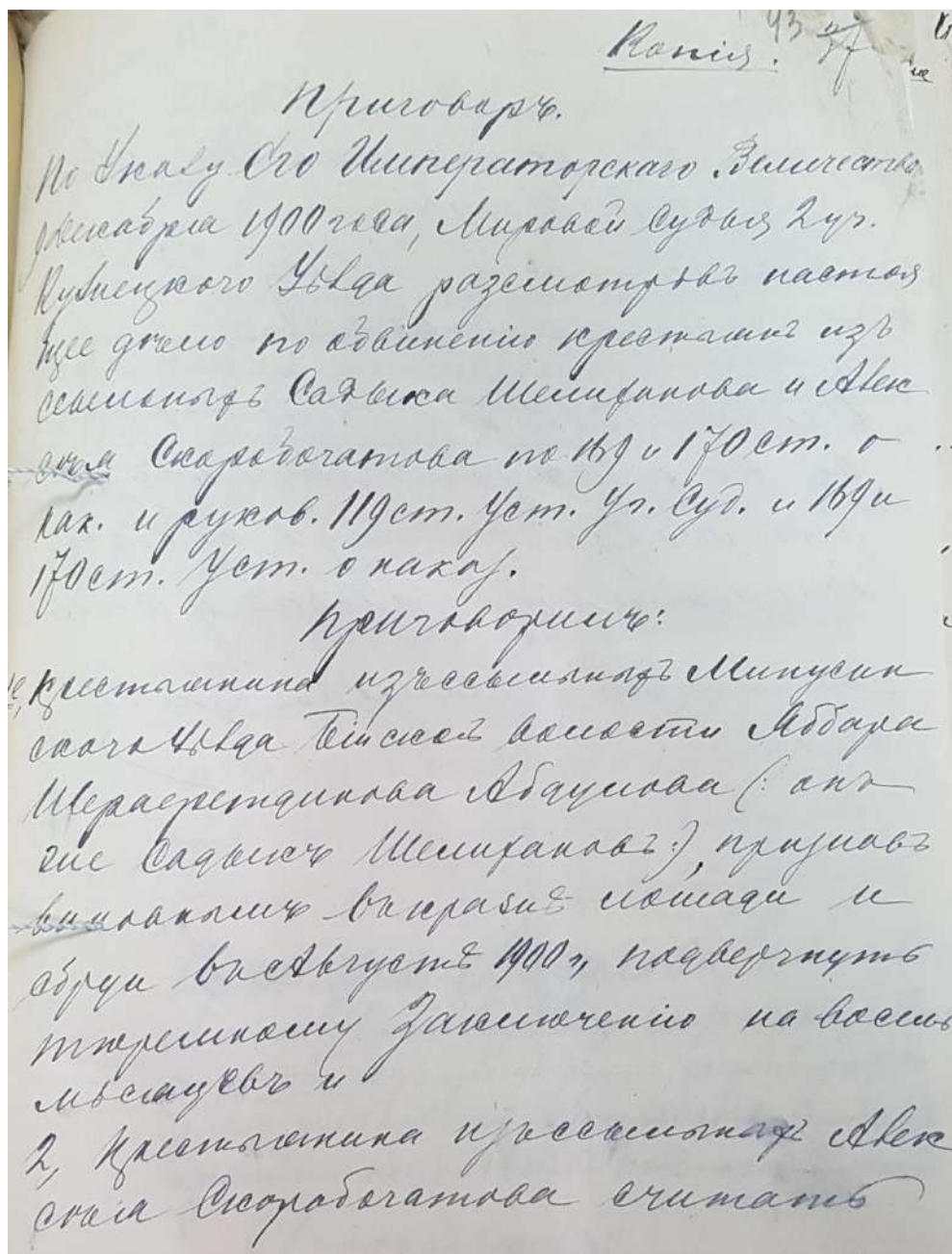

Рис. 1. Постановление мирового судьи 2 уч. Кузнецкого уезда от 12.10.1900. Государственный архив Кемеровской области. Ф. Д-26. Оп. 1. Д. 6. Л. 43

Следует отметить, что крестьяне более греховной считали кражу, совершенную «с пожара». Во-первых, посягать на имущество погорельцев мог только черствый, бездушный, безнравственный человек, которого следовало наказывать весьма строго. Во-вторых, существовала опасность «погореть самому» (Крюкова, 2013: 199), следовательно, разорить собственное хозяйство и оставить без средств к существованию свою большую семью.

Чрезвычайно негативно крестьянский мир оценивал и воровство «в пути». Данный феномен, вероятно, объяснялся тем, что путешествуя оказывался не защищенным родными стенами и общиной, а значит, являлся более уязвимым.

К воровству казенного и личного имущества относились по-разному: преступления против личной собственности расценивались как более тяжкие, а кражу казенного имущества воспринимали более лояльно, не считая ее серьезным правонарушением, а оценивали как «лихость», «ухарство», «молодечество». Чтобы повезло в столь рискованном предприятии, в некоторых общинах в ночь перед Благовещением совершали «заворовывания»: если дело заканчивалось благополучно, это сулило успешные кражи в течение всего года. Впрочем, украденное в этот день впоследствии возвращалось хозяину.

Стоит отметить, что в крестьянской среде понятия «грех» и «преступление» практически не отличаются. Мелкие правонарушения называли «грешками» и относились к ним снисходительно, но конокрадство, убийство, поджог вызывали резкое отторжение (Медведева, Васькина, 2016: 55).

Вследствие таких убеждений не все противоправные деяния доходили до суда, а более «легкие» проступки крестьяне предпочитали виновных наказывать самостоятельно, всем миром, без привлечения властей. Наказываемого, в частности, могли заставить совершить «напой», то есть угостить пострадавших и представителей общины выпивкой, что являлось свидетельством примирения сторон. Виновник тоже принимал участие в застолье. Подобный случай произошел с крестьянином Степаном Николаевым Пичугиным, который явился в дом сельского старосты Сарина, где последний производил сбор податей совместно с волостным заседателем Бедаревым. Крестьянин затеял скандал и «произносил неприличные слова». Его приказали связать и отправить под караул. После окончания сбора податей староста предложил задержанному помириться и сходить «под надзором» в питейное заведение за водкой. Обидчик принес две бутылки водки и угостил присутствующих. Они водку выпили, а его не простили, решив, что если завтра он принесет «на похмелье», то можно будет простить его. Но Пичугин, явившись на утро, «сильно шумел и махал своею шапкою, будучи выпивши, нанося им оскорбления неприличными матерными словами» (ГАКО. Ф. Д-28. Оп. 1. Д. 7).

Случалось, что у похитителя изымали часть имущества, продавали его, а на вырученные средства покупали алкоголь. Это называлось «обдиранием».

Следующей часто встречающейся формой девиации являлось самогонование. Стоит заметить, что к этому побуждала крестьян экономическая целесообразность данного деяния. Самогон расценивался как средство обмена, своего рода «жидкая валюта»: каждый пуд хлеба при перегонке на самогон позволял крестьянину получить 30 рублей прибыли. На эти цели в Енисейской губернии в год «уходило до трех миллионов пудов хлеба» (Шекшеев, 2016: 120). Стоит заметить, что и в нулевые годы в отечественных деревнях самогонование для некоторых семей становилось прибыльным «бизнесом» и обеспечивало стабильный доход.

В деревнях потребляли собственноручно сваренный продукт, его себестоимость, разумеется, была значительно ниже «казенки». Деревенская самогонка доезжала и до города, даже появилась новая профессия – «спиртоносы», которые продавали горячительный напиток в рудничных поселках и городах. Власти пытались принимать меры, но результатов они не давали.

В 1903 году зафиксирован случай привлечения супружеской пары Якова Иванова Минкина и Евдокии Гавриловой Минкиной за устройство приспособления для «тайной выкурки вина» и производства при помощи этого приспособления самой выкурки вина и спирта, а также неуплаты акцизных сборов на общую сумму 1076 руб. 45 коп. Органы правопорядка, учитывая, что деяние совершено в первый раз, требовали для них финансового наказания в виде штрафа, рассчитываемого от стоимости проданной продукции (ГАКО. Ф. Д-26. Оп. 1. Д. 11. Л. 12).

С начала 20-х гг. XX в. распитие «живительной влаги» было столь повсеместно распространено, что в этот процесс с удовольствием включались и те, кто должен был бороться с «зеленым змием», в том числе и правоохранительные органы. Примером подобного может являться случай с председателем Корниловского сельсовета, который на Рождество 1925 г. в пьяном виде обрядился в женскую одежду и разгуливал по селу. Не менее ярким событием были действия секретаря Тюхтетского райкома партии (Ачинский округ), который, будучи пьяным, окружил себя неотягощенными высокими моральными принципами барышнями, затем устроил с парнями кулачный бой, а гуляния завершил в избе-читальне, распивая горячительное со сторожихами.

Еще более фееричным стало поведение пьяных агентов уголовного розыска и милиционеров, которые в январе 1925 г. дебоширили в Канском театре, угрожая арестами публике. Наиболее активные в кулуарах театра домогались приезжей балерины, избив для устрашения ее супруга (Шекшеев, 2016: 130).

Распитие алкоголя способствовало увеличению прочих преступлений, поэтому с ситуациями подобного рода пытались активно бороться. Так, например, в качестве наказания самогонщиков, обвешанных частями самогонного аппарата, водили по селению под барабанный бой для привлечения внимания. Иногда община могла конфисковать часть имущества у наиболее активных распространителей контрафактного алкоголя. В более поздний период замеченных в

злоупотреблении спиртными напитками должностных лиц и партийных работников могли снять с работы и исключить из партии.

Как правило, община или мир, разочаровавшись в официальном правосудии, могли устроить самостоятельную расправу с провинившимися. Иногда решение принимали сельским сходом, не ставя в известность официальные инстанции. В целом правосознание крестьян основывалось на обычаях и традициях предков, а следовательно, сохраняло в значительной мере консервативный характер. Решения схода, являвшиеся проявлением обычного права, придавали наказанию вес в глазах общины и в сознании обвиняемых.

На сходах преступления, совершенные «своими» и «чужими», оценивались и наказывались по-разному: к представителям общины проявлялась большая лояльность, их считали непреднамеренно оступившимися, а значит, при наличии раскаяния давали им шанс вернуться к прежней жизни. А чужаки, покусившиеся на благополучие общины, наказывались намного строже.

Самосуды и самоуправство совершались практически сразу после причиненного вреда, как правило, на волне бурных эмоций, зачастую без объективной и адекватной оценки произошедшего. Нередко зачинщики и активисты самосудов «подбадривали» себя алкоголем.

Самые жесткие самочинные деяния были направлены против тех, кто принимал участие в воровстве (особенно конокрадстве) и поджогах, в связи с тем, что ущерб, причиненный преступлениями, оказывал значительное влияние на экономическую стабильность и благополучие общины.

В 20-х гг. зафиксирован случай задержания 8 лиц цыганской национальности в с. Агинское Канского уезда, которых после пыток приговорили к расстрелу за кражу лошадей. С другой стороны, за убийство С. Иванова, неоднократно домогавшегося солдатской вдовы М. Злобиной, последнюю оправдали в связи с тем, что вышеуказанного Иванова все боялись, а у Злобиной была большая семья, включающая четверых детей и пожилую мать (Шекшеев, Самосуды..., 2010).

Частным случаем самосудов являлось самоуправство, допускавшееся сельскими властями. Примером может послужить дело от 1896 года о побоях, нанесенных крестьянину села Больше-Косульское Михею Дмитриеву Барышову Боготольским волостным заседателем Кудояровым, и бездействии по этому делу старшины Дубасова. Из амбара Никиты Муховикова была украдена пшеничная мука, подозрение пало на крестьянина из ссыльных Емельяна Рагожкина, который являлся работником Михея Барышова. Самого Михея Барышова призвали к ответу, а потом ряд лиц под предводительством волостного заседателя Сидора Никифорова Кудоярова и в присутствии сельского старосты Василия Майорова избили, посадили в каталажку, где продержали 1 месяц. Емельяна Рагожкина также избили. Михай Барышов написал жалобу на самоуправство, ее рассматривал и производил дознание старшина Дубасов. Впоследствии Михай Барышов и на него подал жалобу, что якобы не были допрошены все свидетели. Дело окончилось оправданием Кудоярова и Дубасова (ГАКО. Ф. Д-41. Оп. 1. Д. 5).

Среди других девиаций особое место занимали сексуальные, а именно скотоложество, снохачество, блудодеяние, изнасилование и проч. Подобные отклонения расценивались крестьянами как греховные, но не входили в компетенцию официального правопорядка, если совершались без принуждения и не имели отношения к лицам, не достигшим совершеннолетия (Медведева, Васькина, 2016: 55).

Иногда происходили курьезные случаи. Например, в 1902 году описана история, когда крестьянка обвиняла любовницу своего мужа в наведении порчи, воздействие которой привело к рождению у жены якобы дефектного плода («мертвого уroda»). Впрочем, предъявленный экспертам «труп» впоследствии оказался трупом кота (Куликова, 2011: 108).

С особой цепетильностью относились к фактам изнасилования. Во-первых, это порочило не только честь женщины, но и ее семьи в целом. Во-вторых, вносило разлад в мир крестьянской общины. В-третьих, женщины и так являлись наиболее уязвимыми и беспомощными перед лицом любого, кто покушался на их жизнь, честь и достоинство.

Насильственные сексуальные действия в основном носили латентный характер и до судов практически не доходили. Их было относительно немного, так как крестьяне резко осуждали насильников. Источники указывают, что число насильственных действий сексуального характера в пореформенный период постоянно возрастало (Миронов, 2003: 90). В начале XX века все чаще стали встречаться групповые изнасилования. Подобную тенденцию можно объяснить глубокими потрясениями основ крестьянской жизни, а также передачей функции контроля над поведением членов сообщества из рук семьи и общины в целом в ведение официальных систем. Резкое обострение криминогенной ситуации в России, вероятно, объяснялось тем, что социальные реформы повлекли за собой изменения в системе управления и оказали влияние на эффективность работы правоохранительных органов.

Пострадавшие редко заявляли о причиненном им вреде не только потому, что боялись осуждений, но их останавливал тот факт, что подобные обращения требовали официального медицинского освидетельствования. Тем не менее по жалобе крестьянки Сидильниковой 30 ноября

земский заседатель первого участка Мариинского округа начал производство следствия по делу № 16 о покушении на изнасилование (ГАКО. Ф. Д-36. Оп. 1. Д. 5. Л. 179).

«Испорченной» девушке выражали сочувствие, а насильника опасались и сторонились, при этом даже зажиточность не могла помочь ему вернуть репутацию и создать в дальнейшем нормальную семью (Безгин, 2015: 27).

Изнасилование носило «замаскированный» характер в том случае, если оно совершалось близким родственником (особенно свекром или деверем). В марте 1888 года в Мариинском округе было заведено дело об обвинении Максима Сходочкина в насильственном склонении на прелюбодеянную связь с ним снохи своей Марфы. А в ноябре открыто следствие по делу о кровосмешении бывшего священника Митропольского с дочерью (ГАКО. Ф. Д-36. Оп. 1. Д. 5. Л. 166). В 1898 году в Калужской губернии глава семьи женил и отправил пасынка на заработки для того, чтобы беспрепятственно наслаждаться обществом его жены. Это стало известно общине, которая заставила потерпевшую подать жалобу, в результате виновный был наказан тремя годами тюрьмы (ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 109. Л. 4).

Стоит заметить, что число обращений в инстанции по подобным делам в пореформенный период постоянно росло. Вероятно, это было вызвано разрушением патриархальных стереотипов поведения и стремлением женщины, осознавшей свое право на защиту, получить ее. Другой формой наказания за сексуальные девиации, с точки зрения крестьян, был либо самосуд, либо материальное возмещение в виде штрафа, который рассматривался как знак примирения. Покушение на изнасилование предполагало лишь штрафные санкции.

Все виды девиаций связаны между собой. Можно сказать, что одна форма отклонений от нормы порождает другую. Например, убийство зачастую совершается в состоянии алкогольного угара, в процессе линчевания жертвы при самосуде, в драке и т.д.

Убийства в крестьянской среде не были широко распространены. Однако достаточно часто встречалось детоубийство. Община в целом с пониманием относилась к психическому состоянию женщины, которая решалась на данный шаг. Наказание зачастую было менее строгим и в ряде случаев ограничивалось церковным порицанием, хотя, безусловно, убийц, вольных или невольных, осуждали.

Женщины решались на столь тяжкое преступление, будучи отягощенными семейной тиранией и грубым, бездушным, жестоким отношением супруга. Именно в состоянии отчаяния совершали убийство ненавистного мучителя. Заранее продумывалось, например, отравление, доказать которое было достаточно трудно, тем не менее известен случай, когда Рязанский окружной суд столкнулся с дилеммой: медицинское освидетельствование показало наличие у умершего в организме яда, супруга же заявляла, что он принимал неизвестное лекарство с целью излечения желудка (Крюкова, 2013: 186-187).

Имелись и иные варианты попыток умерить постылого мужа, не несущие прямого вреда его здоровью. Например, можно было заказать молебен или поставить свечу за упокой.

Убийство женщин мужчинами было вызвано не злобой и неприязнью, а тем, что «баба – не человек», бить ее не только можно, но и нужно, для того, чтобы «поучить». Зачастую побои, нанесенные мужем, оканчивались смертью женщины. Но это происходило достаточно часто, являлось своего рода обыденностью, и обращение в суд заканчивалось оправдательным приговором для мужей.

В Государственном архиве Кемеровской области упомянуто дело о смерти Авдотьи Лыбиной от побоев, нанесенных ей мужем, Данилом Лыбиным (ГАКО. Ф. Д-36. Оп. 1. Д. 5).

Убийства могли случаться и не в семейном кругу, и они не всегда являлись преднамеренными. Описан случай, когда в селе Валерьяновское от побоев, нанесенных старостой Чернавиным крестьянину Горячеву, последний скончался. Убийца был осужден, однако по «Высочайшему Манифесту о дарованныхъ въ день Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ милостяхъ» от 15 мая 1883 года освобожден (ГАКО. Ф. Д-42. Оп. 1).

В архиве также имеется упоминание об убитом торгующем еврее, крестьянине из ссыльных Якове Осиповиче (фамилия неизвестна) (ГАКО. Ф. Д-36. Оп. 1. Д. 10).

В целом анализ архивных материалов позволяет утверждать, что в крестьянской среде наиболее распространенными являются мужские преступления. Например, в систематическом отчете Кузнецкого окружного суда о числе обвиняемых подсудимых по главным родам преступлений за 1896 год (ведомость Кузнецкого окружного суда для представления Томскому губернатору) указывается, что количество преступлений, совершенных мужчинами значительно больше, чем женщинами (111 случаев против 40, т.е. 74 %) (ГАКО. Ф. Д-28. Оп. 2. Д. 322).

4. Заключение

Нравственный кризис в крестьянской среде и обществе в целом и закономерно последовавший за ним рост девиантного поведения обуславливались реформами 60–70 гг. XIX в. Утрата привычных ориентиров негативно отразилась на психике значительных слоев населения: распад традиционных связей, разложение крестьянской морали, деформация семьи, беззаконие стали обыденными.

Реформы повлекли разделение большой семьи и появление малой. В нуклеарной семье отсутствовал должный контроль за детьми и ощущалась нехватка времени для воспитания. Представляется, что подобные изменения в семейной сфере способствовали распространению девиантного поведения, потому что именно семья прививала нравственные ценности и нормы, воспитывала человека. В конечном итоге возникли новые модели поведения, не соответствующие принципам традиционной морали.

Ни репрессии, ни попытки воздействовать на криминал либеральными средствами ситуацию практически не изменили: общество трансформировалось, серьезно менялся менталитет, нравственность и система ценностей населения. В XIX в. основная причина роста преступлений, как нам видится, – это слом государственной системы, недовольство и волнения масс, существенный сдвиг в привычном образе жизни, возникновение новых типов общественных связей.

Нужно понимать, что переходный период всегда сопровождается девиациями. А для выработки и распространения новой системы ценностей и морали необходимы время и серьезная работа госструктур по внедрению новой идеологии, грамотная, взвешенная, последовательная политика государства в этой области.

Литература

Безгин, 2015 – *Безгин В.Б.* «Против воли ее и согласия»: изнасилование и растление в крестьянской среде и их уголовное преследование (конец XIX – начало XX веков) // *Новый исторический вестник*. 2015. № 3 (45). С. 25-43.

Безгин, 2012 – *Безгин В.Б.* Правовые обычаи и правосудие русских крестьян второй половины XIX – начала XX веков. Тамбов, 2012. 124 с.

ГАКО – *Государственный архив Кемеровской области.*

ГАРФ – *Государственный архив Российской Федерации.*

Крюкова, 2013 – *Крюкова С.С.* Крестьянское правосудие в лицах: социокультурная антропология судебного процесса в России второй половины XIX в. // *Русские: этнокультурная идентичность*. Москва, 2013. С. 175-204.

Кулачков, 2019 – *Кулачков В.В.* Крестьянская преступность в 1920-е гг. (на материалах Брянской и Гомельской губерний) // *История: факты и символы*. 2019. № 1 (18). С. 33-41.

Куликова, 2011 – *Куликова С.Г.* Женская преступность как социальный фактор российской модернизации (вторая половина XIX – начало XX веков). Гагарин, 2011. 174 с.

Медведева, Васькина, 2016 – *Медведева З.А., Васькина О.Э.* Преступность в крестьянской среде в конце XIX – начале XX вв. // *Общество: философия, история, культура*. 2016. № 5. С. 54-56.

Миненко, 1989 – *Миненко Н.А.* Живая старина: Будни и праздники сибирской деревни в XVIII – первой половине XIX вв. Новосибирск, 1989. 160 с.

Миронов, 1998 – *Миронов Б.Н.* Преступность в России в XIX – начале XX веков // *Отечественная история*. 1998. № 1. С. 24-42.

Миронов, 2003 – *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Том 2. Санкт-Петербург, 2003. 548 с.

Ефименко, 2009 – *Ефименко П.С.* Народные юридические обычаи крестьян Архангельской губернии. Москва, 2009. 271 с.

Пулькин, 2009 – *Пулькин М.В.* Девиантность и культурная норма: проблемы соотношений (по материалам Олонецкой губернии) // «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера: Материалы 7-й Межвузовской научной конференции. Петрозаводск, 2009. С. 16-19.

Сидорова, 2011 – *Сидорова В.С.* Крестьянская семья и бытовая преступность в России во второй половине XIX века // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2011. № 1. С. 39-47.

Трайнин, 1909 – *Трайнин А.Н.* Преступность города и деревни в России // *Русская мысль*. 1909. № 7. С. 17-38.

Шекшеев, 2016 – *Шекшеев А.П.* Самогоноварение, потребление алкоголя и борьба с ними в енисейской деревне (1917–1930 гг.) (часть 1) // *Известия лаборатории древних технологий*. 2016. № 3 (20). С. 119-134.

Шекшеев, 2010 – *Шекшеев А.П.* Самосуды в енисейской деревне (1917–1920-е гг.) // [Электронный ресурс]. URL: <http://podelise.ru/docs/59610/index-5289.html> (дата обращения: 08.10.2019).

Шекшеев, 2015 – *Шекшеев А.П.* Уголовная стихия на Енисее // *Известия лаборатории древних технологий*. 2015. № 3 (16). С. 90-107.

References

Bezgin, 2015 – *Bezgin V.B.* (2015). «Protiv voli ee i soglasiya»: iznasilovanie i rastlenie v krest'yanskoi srede i ikh ugovolnoe presledovanie (konets XIX – nachalo XX vekov). [‘Against her will and consent’: rapes and corruption among peasants and their criminal prosecution (the end of XIXth – beginning of XXth centuries)]. *Novyi istoricheskii vestnik*. Nr 3 (45). pp. 25-43. [in Russian]

Bezgin, 2012 – Bezgin V.B. (2012). Pravovye obychai i pravosudie russkikh krest'yan vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka [Legal customs and justice of Russian peasants of the second half of XIXth – beginning of XXth century]. Tambov, 124 p. [in Russian]

GAKO – Gosudarstvennyi arkhiv Kemerovskoi oblasti [State archive of the Kemerovo region]. [in Russian]

GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The State Archive of the Russian Federation]. [in Russian]

Kryukova, 2013 – Kryukova S.S. (2013). Krest'yanskoe pravosudie v litsakh: sotsiokul'turnaya antropologiya sudebnogo protsessa v Rossii vtoroi poloviny XIX v. [Peasant justice in persons: socio-cultural anthropology of the judicial process in Russia of the second half of the XIXth century]. *Russkie: ehtnokul'turnaya identichnost'*. M., pp. 175-204. [in Russian]

Kulachkov, 2019 – Kulachkov V.V. (2019). Krest'yanskaya prestupnost' v 1920-e gg. (na materialakh Bryanskoi i Gomel'skoi gubernii) [Peasant crime in the 1920s. (on materials of Bryansk and Gomel guberniyas)]. *Istoriya: fakty i simvoly*. Nr 1 (18). pp. 33-41. [in Russian]

Kulikova, 2011 – Kulikova S.G. (2011). Zhenskaya prestupnost' kak sotsial'nyi faktor rossiiskoi modernizatsii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vekov) [Female crime as a social factor of Russian modernization (the 2nd half of XIXth – beginning of XXth centuries)]. Gagarin. 174 p. [in Russian]

Medvedeva, Vaskina, 2016 – Medvedeva Z.A., Vaskina O.E. (2016). Prestupnost' v krest'yanskoi srede v kontse XIX – nachale XX v. [Crime among peasants at the end of XIXth – beginning of XXth century]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. Nr 5, pp. 54-56. [in Russian]

Minenko, 1989 – Minenko N.A. (1989). Zhivaya starina: Budni i prazdniki sibirskoi derevni v XVIII – pervoi polovine XIX v. [Living old times: weekdays and holidays of Siberian village in XVIIIth – 1st half of XIXth century]. Novosibirsk, 160 p. [in Russian]

Mironov, 1998 – Mironov B.N. (1998). Prestupnost' v Rossii v XIX–nachale XX veka [Crime in Russia in the XIXth – beginning of XXth century]. *Russian history*. Nr 1, pp. 24-42. [in Russian]

Mironov, 2003 – Mironov B.N. (2003). Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) [Social history of Russia of the Empire period (XVIIIth – beginning of XXth century)]. Tom 2. Sankt-Peterburg, 548 p. [in Russian]

Efimenko, 2009 – Efimenko P.S. (2009). Narodnye yuridicheskie obychai krest'yan Arkhangel'skoi gubernii [Folk legal customs of peasants of the Arkhangel'sk guberniya]. M., 271 p. [in Russian]

Pulkin, 2009 – Pulkin M.V. (2009). Deviantnost' i kul'turnaya norma: problemy sootnoshenii (po materialam Olonetskoi gubernii) [Deviant activities and cultural norm: issues of relations (based on the materials of Olonets guberniya)]. «Svoe» i «chuzhoe» v kul'ture narodov Evropeiskogo Severa: Materialy 7-i Mezhvuzovskoi nauchnoi konferentsii. Petrozavodsk, pp. 16-19. [in Russian]

Sidorova, 2011 – Sidorova V.S. (2011). Krest'yanskaya sem'ya i bytovaya prestupnost' v Rossii vo vtoroi polovine XIX veka [Peasant family and domestic crime in Russia in the 2nd half of the XIX century]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. Nr 1, pp. 39-47. [in Russian]

Trainin, 1909 – Trainin A.N. (1909). Prestupnost' goroda i derevni v Rossii [Crime of the city and village in Russia]. *Russkaya mysl'*. Nr 7, pp. 17-38. [in Russian]

Sheksheev, 2016 – Sheksheev A. P. (2016). Samogonovarenie, potreblenie alkogolya i bor'ba s nimi v eniseiskoi derevne (1917–1930 gg.) (chast' 1) [Bootlegging, alcohol consumption and its control in the Yenisei village (1917–1930) (part 1)]. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii*. Nr 3 (20), pp. 119-134. [in Russian]

Sheksheev, 2010 – Sheksheev A.P. (2010). Samosudy v eniseiskoi derevne (1917–1920-e gg.) [Mob law in the Yenisei village (1917–1920's)]. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://podelise.ru/docs/59610/index-5289.html> (data obrashcheniya: 08.10.2019). [in Russian]

Sheksheev, 2015 – Sheksheev A.P. (2015). Ugolovnaya stikhiya na Enisee [Criminal elements on the Yenisei]. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii*. Nr 3 (16), pp. 90-107. [in Russian]

Проявления девиантного поведения в крестьянской среде Российской империи в пореформенный период

Зоя Анатольевна Медведева ^a, Ольга Эдуардовна Васькина ^{a, *}, Елена Аркадьевна Панасенко ^a

^a Кемеровский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Освобождение большого количества людей, облегчение миграции населения вывели отдельные социальные группы из-под тотального контроля крестьянской общины и государства, обусловили появление и увеличение числа различного рода девиаций. Процесс

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: vaskina81@yandex.ru (О.Э. Васькина), zoy-medvedeva@yandex.ru (З.А. Медведева), spl-kemtipp@yandex.ru (Е.А. Панасенко)

становления индивидуальной личности, ее эмансипация, распад традиционных этических норм общины, сегментация общества, вытеснение религиозных убеждений провоцировали отклонения от традиционной этики.

В статье рассматривается вопрос о формах проявления девиантного поведения. Обращение к проявлениям девиантного поведения в крестьянской среде на рубеже XIX–XX вв. вызвано тем, что крестьянское население преобладало в Российской империи, его ценностные ориентации оказывали воздействие на мировоззрение общества в целом.

Актуальность исследования обусловлена тем, что анализ распада традиционных ценностей народа позволяет найти причины возникновения и распространения различных форм девиаций. Новизна исследования видится в том, что авторы привлекают большое количество архивных материалов, рассматривая основные виды девиаций в комплексе.

Доказано, что как в XIX в., так и в XXI в. росту отклонений в поведении способствовали слом государственной системы, существенный сдвиг в привычном образе жизни и возникновение новых типов общественных связей. Утрата привычных ориентиров негативно отразилась на психике значительных слоев населения: распад традиционных связей, деформация семьи, беззаконие стали обыденными.

Ключевые слова: крестьянство, преступность, девиантное поведение, криминогенность, полиция, преступные группировки, убийство, традиционная мораль.

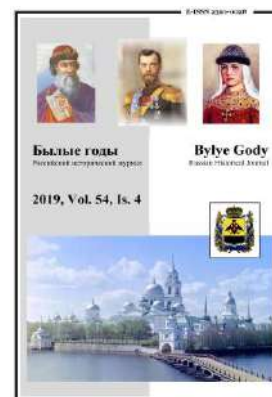
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1789-1798. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1789
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Formation of Theatrical Infrastructure in the Cities of the Eastern Black Sea Region in the late XIX – early XX century

Sergey N. Ktitorov ^a, Olga V. Ktitorova ^a, Olesya G. Karapkova ^{a, *}

^a Armavir State Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

The article discusses the formation of theatrical infrastructure in the cities of the Eastern Black Sea region in the late XIX – early XX century, in close connection with the development of the recreational function of the region. The dependence of the organization and activity of leisure establishments on the requests and needs of the regional community is shown. The authors conclude that stage art for the inhabitants of the Black Sea cities was one of the ways to overcome the feeling of alienation and isolation from the outside world. It justifies the proposition that in the period under review, theaters turn into a mass type of public buildings and become an indispensable attribute of life, life and appearance of a relatively large Russian city, which was the result of a change in social ideals reflecting the population's craving for knowledge. The authors examined in detail such objects of dramatic art as: stationary theaters; cursors; clubs of public meetings and other associations; folk houses; scenic platforms in restaurants and canteens. The influence of the construction of the summer theater in Novorossiysk in the development of such elements of urban infrastructure as electricity, plumbing and general landscaping in 1911–1912 is shown. The conclusion was made that the network of theatrical institutions formed in the late XIX – early XX century in the Eastern Black Sea region was very extensive and served the most diverse layers of both the local population and the visiting resort public, and their activity was one of the factors shaping a specific urban lifestyle.

Keywords: East Black Sea Coast, recreational function, urban infrastructure, daily history, dramatic art, theaters, regional community, socio-cultural needs, cultural leisure, modernization.

1. Введение

С конца XIX века рекреационная функция становится основной для Черноморского побережья Северо-Западного Кавказа. Подобная специфика региона требовала организации разнообразных форм отдыха как приезжей публики, так и местного населения. В числе важнейших видов досуга особую роль здесь играли зрелищно-развлекательные мероприятия. По сравнению с библиотеками, музеями, художественными галереями и т.п. зрелища и увеселения привлекали неизмеримо большее количество публики, и роль их в формировании культурного облика человека того времени трудно переоценить. Развлечения являлись принадлежностью городского образа жизни. Известный исследователь-урбанист Н.П. Анциферов еще в 1920-е гг. справедливо указывал то, что концентрация развлечений составляет специфическую функцию города (Анциферов, 1926: 21; Анциферов, 1929: 92).

2. Материалы и методы

Наиболее важными источниками для работы послужили документы из архива Администрации г. Новороссийска и Российского государственного архива литературы и искусства, а также данные

* Corresponding author

E-mail addresses: olesya.karapkova@mail.ru (O.G. Karapkova), ktitorovsn@yandex.ru (S.N. Ktitorov), olgakti@rambler.ru (O.V. Ktitorova)

ряда статистических и справочных изданий конца XIX – начала XX вв., содержащие сведения о театральных и других зрелищно-развлекательных заведениях городов Восточного Причерноморья.

Применяемые в исследовании методы включают в себя общеисторические (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, хронологический) и общенаучные (метод восхождения от абстрактного к конкретному, статистический метод, анализ, синтез, индукция, дедукция). Особую роль в исследовании играет метод городских экскурсий. Этот подход основывается на том, что город как сконцентрированное общественное пространство представляет собой самостоятельный объемный многофункциональный источник информации о себе самом. В процессе экскурсий-исследований ученый входит в непосредственный зрительный, эмоциональный контакт с объектом изучения, постигая его историческую и культурную сущность. Использование метода городских экскурсий дает информацию о специфике архитектуры театральных заведений, об их месте в городской инфраструктуре, позволяет охарактеризовать культурную топографию причерноморских городов.

3. Обсуждение

В развитии растущих курортов Черноморского побережья важнейшую роль играл сезонный приток отдыхающих. Приезжие из крупных городов, привыкшие к насыщенному и яркому досугу, предъявляли повышенный спрос на развлечения, что вело к формированию соответствующей инфраструктуры. Показательно, что целый ряд культурно-зрелищных заведений размещался здесь непосредственно при гостиницах и санаториях. Вместе с тем значительная часть сезонных гостей, утомленных суетой столичной жизни, стремилась к морю в поисках тишины и покоя на лоне природы.

В немалой степени появление сети зрелищно-развлекательных объектов было вызвано запросами самих местных жителей, желавших разнообразить свой досуг и скрасить будни провинциальной жизни, которая становилась особенно унылой в период межсезонья. Недостаток удобных путей сообщения и средств связи, другие неблагоприятные факторы в ненастные зимние месяцы ставили коренных обитателей курортов в положение настоящих отшельников.

На культурный уровень жителей побережья влияло и общение с приезжей публикой из больших центров, благодаря чему формировались соответствующие запросы и формы их удовлетворения. Вместе с тем многие представители верхушки российской аристократии, буржуазии, администрации и интеллигенции постепенно вливались в состав постоянного населения края. В живописных уголках «Русской Ривьеры» они строили свои дачи и особняки, где проживали летом или круглый год. В курортных регионах удельный вес таких обитателей часто был весьма значительным. Французские географы Ж. Божё-Гарнье и Ж. Шабо в своей классификации населенных мест даже выделили особую категорию – «города для лиц, удалившихся от дел» – и в качестве примера указывали некоторые пункты Средиземноморского побережья (*Божё-Гарнье, Шабо, 1967: 178*). Располагавшиеся между Туапсе и Сочи районы дач и вилл крупных государственных сановников позволяют провести здесь вполне определенные параллели с «лазурным берегом» Франции.

Наиболее «культурными» зрелищными учреждениями с выраженной просветительской функцией являлись театры. В рассматриваемый период они превращаются в массовый тип общественных сооружений и становятся неременной принадлежностью жизни, быта и облика сравнительно крупного русского города. Это явление стало следствием изменения общественных идеалов, отразивших тягу населения к знаниям, когда культурные ценности возводятся на степень нравственной и эстетической категории (*Градостроительство России, 2003: 162*).

4. Результаты

На Северо-Западном Кавказе, как и в большинстве других провинциальных регионов империи, постоянных профессиональных драматических трупп не имелось (*Еремеева, 1996: 12*). Здесь театры представляли собой разнообразные помещения, оборудованные для сценических представлений и сдававшиеся в аренду антрепренерам, которые привозили сюда артистов. Лучшим гастрольным временем на побережье считался летний сезон, совпадавший с наплывом курортной публики. С этим обстоятельством связан тот факт, что большинство специальных театральных зданий в городах и других пунктах региона являлись летними.

Все сооружения для драматических представлений в черноморских городах можно разделить на несколько категорий: 1) стационарные театры; 2) курзалы; 3) клубы общественных собраний и других объединений; 4) народные дома; 5) сценические площадки в ресторанах и столовых.

Среди данных учреждений встречались как летние, так и действующие круглый год. Театры и курзалы изначально возводились для постановки здесь спектаклей, в остальных заведениях представления чаще всего организовывались в приспособленных помещениях. Зрительные залы использовались не только для выступления драматических трупп, здесь проходили музыкальные концерты, читались лекции, организовывались различные собрания. Владельцами театральных сооружений являлись городские управы, общественные объединения, частные лица или акционерные компании. Все культурно-зрелищные объекты располагались в местах, активно

посещаемых публикой: в городских садах, на главных улицах, вблизи морских пляжей и набережных, у гостиниц и санаториев. В городах региона функционировали различные виды театральных заведений. Сооружения подобного профиля в основном были небольшими, вмещавшими до нескольких сотен мест, однако все вместе они привлекали значительное количество посетителей.

Первый театр на Черноморском побережье Северо-Западного Кавказа появился в Новороссийске в 1888 г. Его построил актер Семен Митяев, который возглавил здесь труппу в составе 14 артистов (Герасименко, 2001: 115; Герасименко, 1998: 32). Театр располагался в городском саду и представлял собой неотопливаемое деревянное здание с керосиновым освещением. Зрительный зал, включая партер, ложи и балкон, вмещал 500 мест (РГАЛИ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 2914. Л. 8; Герасименко, Санеев, 1998: 220). В 1893 г. местный корреспондент И. Плюнгин сообщал, что приезжие мало посещают театр, так как заняты купанием, и что театр держится исключительно на обывателях (РГАЛИ. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 3941. Л. 1-1 об.). Основу репертуара составляли комедии и водевили. В том же году театр перешел в собственность городских властей и стал предоставляться управой в аренду (Герасименко, Санеев, 1998: 220). Арендаторы уже самостоятельно подыскивали артистов, публикуя соответствующие объявления. В 1897 г. антрепренер О.П. Лавровская извещала, что новороссийский театр вместе со струнным оркестром из 15 музыкантов и дирижером сдается на летний сезон малороссийской драматической, оперной и опереточной труппе и что здесь имеется полная обстановка мебели и декорации (РГАЛИ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 2914. Л. 6).

В начале XX в. новороссийский театр обветшал. Число мест в нем к 1909 г. сократилось до 300. На 1 января 1911 г. стоимость деревянного театрального здания составляла всего 2000 руб. (РГАЛИ. Д. 1658. Л. 91 об.; УАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 566. Л. 514 об.). Такое примитивное сооружение уже не соответствовало статусу губернского города и не могло удовлетворить запросов публики. В 1909 г. театральная комиссия думы приступила к обсуждению вопроса о постройке нового городского театра. Власти предложили местным архитекторам создать общий проект здания. 17 июня 1910 г. план театра был одобрен гласными, его авторами стали С. Калистратов, К. Прилипский и К. Гержман. 5 сентября 1911 г., уже после начала возведения нового здания, старый летний театр сгорел дотла (Герасименко, Санеев, 1998: 407-408, 411, 419; Михайлов, 1988: 33).

Строительство осуществлялось муниципальными властями хозяйственным способом под непосредственным руководством городского архитектора К.Х. Прилипского и под контролем особой Строительной комиссии (УАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 632. Л. 122). Зрительный зал и фойе театра были деревянными на каменном фундаменте, а сцена и уборные представляли собой капитальное сооружение из керченского ракушечника. Лес для постройки поставляла фирма Максимова из Царицына, а металлические конструкции изготавливались и монтировались санкт-петербургским акционерным обществом «Артур Коппель». На фабрике венской мебели Якова и Иосифа Конов в г. Новорадомске управа заказала 314 кресел и 21 дюжину стульев. Кроме этого, 300 кресел доставил богуславский мещанин Е.Г. Мошенский (УАН. Ф. 2. Д. 620. Л. 199, 133, 159; Д. 566. Л. 465; Д. 632. Л. 160).

Максимальная вместимость театра составляла 1200 мест. Полотно для кулис и холсты для декораций изготавливались на фабрике товарищества Новой костромской льняной мануфактуры. Полное устройство сцены осуществил машинист Тифлисского казенного театра Фрейлиб. Он же оборудовал здесь необходимые световые и звуковые эффекты. Сцена имела следующие размеры: ширина арки – 15 аршин, высота главного занавеса – до 12 аршин и глубина – 21 аршин (РГАЛИ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 2914. Л. 46-47; УАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 632. Л. 116, 128, 55-55 об.). Перед сценой была обустроена оркестровая яма, рассчитанная на 50 музыкантов. В театре имелись водопровод и канализация. На чердаке установили вентиляцию и калориферы для удаления сырости и просушки деревянного здания.

Строительство театра оказало непосредственное влияние на развитие благоустройства Новороссийска. Высокий и просторный зрительный зал и сцена нуждались в хорошем освещении. Решение этой задачи управа увязала с устройством электрического освещения на центральных улицах города и совершенствованием сети водопровода. Представитель ростовского отделения акционерного общества «Сименс и Гальске» инженер А.В. Вальтер предложил разместить силовую станцию не при театре, а в здании водокачки в Цемесской долине и уже оттуда протянуть провода в городской сад, указав, что излишек энергии можно будет направить на освещение Серебряковской улицы, Городского дома и других абонентов. Согласившись с этим проектом, строительная комиссия пришла к выводу, что установка на водокачке второго двигателя необходима также для устройства водопровода во вторую часть города (УАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 620. Л. 59 об., 60). В договоре, заключенном 10 января 1912 г. между новороссийской управой и представителями фирмы «Сименс и Гальске», предприниматели обязывались смонтировать на силовой станции двухцилиндровый двигатель-дизель Аугсбургского завода в 50 л.с, динамо-машину и другое оборудование и оттуда провести электрическую линию по улице Серебряковской, Раевскому бульвару, улицам Дмитриевской и Вельяминовской до театра. Двигатель-дизель был также приспособлен «для работы в случае надобности на насосную трансмиссию водокачки, так что одновременно может служить как запасной двигатель в случае порчи существующего и обратно, в случае порчи дизеля его может заменить

существующий болиндер» (УАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 620. Л. 114, 119). В самом здании театра устанавливалась 821 лампочка, и у входа – два высоких дуговых фонаря силой света по 2300 свечей каждый. Все работы по устройству силовой станции и электрического освещения были завершены в июне 1912 г. (УАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 620. Л. 114, 121, 231).

Таким образом, одновременно с возведением летнего театра была создана первая городская электростанция, расширено оборудование водонасосной шахты в Цемесской долине, устроена токопроводная линия на центральных улицах Новороссийска, к которой сразу же стали подключаться местные жители и предприятия. Муниципальная казна обрела новые источники дохода, и уже в городской смете на 1913 г. от электрической станции ожидалось поступлений на сумму 23440 руб. (КК. Екатеринодар, 1913. № 28). Сооружение театра свидетельствует о рациональной хозяйственной политике, осуществлявшейся городскими властями, продемонстрировавшими удачный пример комплексного подхода к решению проблем местного благоустройства.

25 апреля 1912 г. специальная комиссия официально приняла театральное здание в эксплуатацию. Затраты на строительство составили 128416 руб. (УАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 620. Л. 288). Театр с фасадами, оформленными в духе северного модерна с реминисценциями романского и готического стилей, имел сказочный внешний облик, который прекрасно соответствовал прямому назначению сооружения. Это был первый в России деревянный трехъярусный театр (Казачинский, Бондарь, 2002: 40; Герасименко, 1998: 35; Цветков, 2003: 357).

Гастрольный сезон здесь открылся 1 мая 1912 г. спектаклями труппы антрепренера И.А. Ростовцева, представившей пьесу А.Н. Островского «Без вины виноватые». На сцене новороссийского театра выступали Л.В. Собинов, В.И. Качалов, И.Н. Берсенев и другие выдающиеся артисты (Михайлов, 1988: 34). Театр стал излюбленным местом культурного досуга, привлекая в городской сад массу публики. Однако существенным его недостатком была сезонность работы. Представления здесь проходили только в теплый период года, зимою же двери театра были закрыты, а его помещение нуждалось в вентиляции и просушке, что удорожало содержание здания.

Кроме Новороссийска, на Черноморском побережье летние театры имелись еще в ряде пунктов. Фактически они представляли собой минимально оборудованные здания и площадки, предназначенные как для драматических представлений, так и разнообразных зрелищно-развлекательных мероприятий. В городском саду Анапы еще в конце XIX в. появилась общественная ротонда со сценой, где, кроме спектаклей, проходили музыкальные и танцевальные вечера (Бакляков, 1999: 12, 16, 20). В 1897 г. в ней же была открыта городская публичная библиотека (ГАКК. Ф. 631. Оп. 1. Д. 23. Л. 19, 31). По данным за 1909 г., в селении Геленджик имелась ротонда со сценой и декорациями, перед которой на открытой площадке стояли 20 рядов стульев для зрителей. Она была построена на средства Общества содействия благоустройству курорта Геленджик и находилась на Лермонтовском бульваре. В этой так называемой «Северной» ротонде играл оркестр и устраивались танцы (РГАЛИ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 2714. Л. 1; План селения, 1912; Лечебные местности, 1915: 12; Крюков, 2004: 4). В Туапсе театр располагался в городском саду и представлял собой сооружение временного характера. По одним данным, это было крытое помещение, а по другим, – просто открытая сценическая площадка (Ступоченко, 1958: 14; Оноприенко, Пятигорский и др., 1996: 70). О летнем театре, действовавшем в Сочи, известно лишь то, что в 1915 г. он принадлежал местному Общественному собранию (РГАЛИ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 3036. Л. 6 об.). В г. Хоста в 1910-е гг. драматические представления устраивались в Приморском парке, на сцене открытой ротонды, где также организовывались концерты (Доброхотов, 1916: 280). На подмостках этих заведений чаще всего выступали самодеятельные коллективы местных любителей искусства.

В дореволюционный период единственный в регионе каменный зимний стационарный театр располагался в Сочи. Он был возведен в 1909 г. по проекту архитектора В.А. Иона и входил в комплекс санаторно-гостиничных сооружений курорта «Кавказская Ривьера», принадлежавшего московскому предпринимателю А.В. Тарнопольскому (Тверитинов, 2000: 160). Формально этот курорт располагался за пределами городской черты (на так называемой Хлудовской стороне), но фактически он отделялся от центральной части поселения только руслом реки. Первоклассный театр «Кавказской Ривьеры» имел все необходимые удобства: электричество, вентиляцию, отопление, водопровод, канализацию, а также набор хороших декораций. Зрительный зал вмещал 650 мест. Известным труппам владелец санатория сдавал театральное помещение безвозмездно и при этом предоставлял собственный оркестр (Доброхотов и др., 1916: 251; РГАЛИ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 3036. Л. 1). В начале XX в. здесь проходили гастроли самых прославленных артистов, таких как Ф.И. Шаляпин, Л.В. Собинов, А.В. Нежданова, М.М. Ипполитов-Иванов, В.В. Барсова (Тверитинов, 2000: 144).

Театр санаторно-гостиничного комплекса «Кавказская Ривьера» относился к числу лучших зрелищно-развлекательных заведений российской провинции, что в целом соответствовало статусу быстро растущего и наиболее перспективного на Черноморском побережье сочинского курорта. Изъяном этого театра было отсутствие собственной труппы и то, что он отделялся от города рекой Сочи, что создавало трудности для публики, разъезжающей отсюда после спектаклей. По словам современника, вечером «из «Ривьеры» приходится возвращаться через сочинский мост нижней частью города, где плохое освещение и неудобный путь для пешеходов», к тому же местные

извозчики не желали придерживаться установленной для них таксы (Дороватовский, 1911: 10). Это свидетельство служит доказательством того, насколько тесно развитие театральной и вообще культурной инфраструктуры было связано с решением комплекса вопросов общего городского благоустройства.

В самых оживленных местах отдыха, у пляжей и в приморских парках некоторых городов региона в начале XX в. появляются так называемые курзалы. Они представляли собой закрытые помещения, специально выстроенные для проведения зрелищно-развлекательных мероприятий и организации различных форм досуга. Основное место здесь занимал просторный зал, предназначенный для драматических, литературных, танцевальных, концертных и т.п. представлений. В отличие от обычных театров функциональная специфика курзалов была гораздо более обширной. Театральные помещения здесь действовали только в летний период.

Лучший курзал на всем Черноморском побережье Кавказа располагался в Анапе. Он был сооружен муниципальными властями в 1904–1907 гг. в городском саду (Щепетев, 1914: 94; Москвич, 1907: 390). Курзал представлял собой кирпичное здание, возведенное по мотивам классицизма, с просторными светлыми галереями в виде ордерной аркады и с опоясанной балюстрадой террасой на крыше, откуда открывался панорамный вид на море. Внутри имелся летний зрительный зал с хорами, вмещающий 900 мест, сцена с декорациями, а также фойе и уборные для артистов (РГАЛИ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 2604. Л. 1-2; Щепетев, 1914: 94). Здесь два раза в неделю устраивались спектакли или музыкальные концерты с танцевальными вечерами. В курзале находились помещения для игры в бильярд и шахматы, имелись тир и кегельбан. Сюда же была перенесена городская библиотека-читальня (Анапа, 1911: 29; Щепетев, 1914: 92; Доброхотов и др., 1916: 96). Усилиями профессора Н.И. Веселовского в курзале в 1909 г. открывается «Кабинет древностей», сформированный из археологических находок в окрестностях Анапы и личной коллекции ученого. Анапский курзал превратился в настоящий культурно-просветительский центр. Общее несовершенство в области благоустройства накладывало отпечаток и на данное учреждение. Так, по сведениям за 1909 г., здесь имелось только керосиновое освещение, а в одном из протоколов созданного в 1913 г. Общественного комитета по содействию благоустройству курорта отмечалось, что в курзале даже нет мужской уборной (РГАЛИ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 2604. Л. 1; Баклыков, 1999: 93).

В Геленджике к 1916 г. функционировали «Северная» и «Южная» ротонды-курзалы (Доброхотов и др., 1916: 149, 151). Первое заведение со сценой и открытой площадкой для публички фактически являлось примитивно оборудованным летним театром. В отличие от «Северной» ротонды, другое сооружение, принадлежавшее Обществу дачевладельцев южной стороны Геленджика, было более капитальным и имело закрытый зрительный зал, в котором помещались эстрада и декорации (РГАЛИ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 2714. Л. 2). Это здание официально называлось курзалом. Здесь были также бильярд и буфет и, помимо спектаклей, проводились концерты и танцы. Курзал располагался у берега моря и пользовался у местных обывателей и приезжих устойчивой популярностью.

В дореволюционный период практически в каждом городе действовали общественные собрания, представлявшие собой неформальные объединения обывателей с целью совместного проведения культурного досуга. Для решения этой задачи члены собраний арендовали или же самостоятельно строили помещения, где оборудовались театральные и концертные залы, танцевальные площадки, буфеты, библиотеки, комнаты для игры в карты, лото и бильярд. Вход на различные мероприятия был бесплатным только для членов общества и их ближайших родственников. Членами общественного собрания состояли представители интеллигенции, служащих и буржуазии. Клубные мероприятия являлись весьма многолюдными, играя заметную роль в культурной жизни региона. Общественные собрания действовали круглый год. В некоторых городах, например в Новороссийске, Анапе и Сочи, они располагали не только зимними, но и летними помещениями. Подобные клубы нередко открывали и другие общества: приказчиков, служащих, офицеров, купечества и т.д.

В наиболее крупных пунктах побережья в 1910-е гг. действовало сразу несколько общественных собраний (в Новороссийске – 3, в Туапсе – 2) (КК. Екатеринодар, 1913. № 33; Доброхотов и др., 1916: 121). Основной формой клубного досуга членов этих организаций являлись азартные игры. Так, в справочном описании Туапсе за 1904 г. отмечалось, что танцевальные и драматические вечера здесь бывают лишь изредка, зато идет ежедневная билиардная и карточная игра в местном клубе (Справочник и путеводитель, 1904: Паг. 1, 128). В 1913 г. в корреспонденции из Сочи сообщалось, что руководители общественного клуба ни о чем другом, кроме карт, никогда не заботились (КК. Екатеринодар, 1913. № 26).

Помещения данных объединений служили и для драматических и музыкальных представлений. В начале XX в. в старой части Новороссийска 1-е общественное собрание владело зимним клубом с театральным залом на 300 чел. и летним зданием в городском саду, где также ставились спектакли. Зал 2-го общественного собрания, располагавшегося в «Зацемесском» районе города, в 1903 г. вмещал до 650 мест, отличаясь удобной сценой и электрическим освещением. Позднее для него была возведена каменная постройка в формах неоклассицизма, считавшаяся

лучшим клубным зданием на всем Черноморском побережье (*Справочник и путеводитель, 1904: Паг. 1, 22, 50; Герасименко, 1998: 32; РГАЛИ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 2914. Л. 32; Андреев, 1912: 47*). Клубы с театральными залами имелись также у новороссийских приказчиков и общественных собраний посадов Туапсе и Сочи.

В большинстве городов региона местные поклонники сцены создают многочисленные музыкально-драматические общества. Собственных зданий они чаще всего не имели, арендуя для постановки спектаклей помещения посторонних лиц и организаций. По сведениям за 1904 г., только у новороссийского музыкально-драматического кружка был свой театральный зал на 320 мест (*Справочник и путеводитель, 1904: Паг. 1, 22*).

С конца XIX в. в России начинается масштабный план по созданию сети народных домов. Они представляли собой тип многопрофильного учреждения культурно-просветительского назначения, выполнявшего, в числе прочих, и театральную функцию. Народные дома служили интересам преимущественно простого люда, и их деятельность лишь в незначительной степени зависела от притока курортной публики. Такие дома создавались на средства государственной казны, муниципальных властей, общественных организаций (прежде всего попечительств о народной трезвости) и предпринимателей с целью просвещения городских низов и крестьян и отвлечения их от пьянства. Строительство народных домов стимулировалось встречной тягой широких слоев простого населения к образованию и культуре (*Градостроительство России, 2003: 166*).

В таких зданиях, помимо театрального зала и сцены, обычно располагались лекционная аудитория, библиотека-читальня, кинематограф, чайная, иногда – музей. Вместе с тем в деятельности этих учреждений зрелищно-развлекательная функция являлась одной из основных. Народные дома стали прообразом появившихся в советский период многочисленных городских, районных и поселковых домов и дворцов культуры.

Первый на Черноморском побережье Северо-Западного Кавказа народный дом был построен в 1898 г. в Сочи. Он принадлежал местному Обществу пособия бедным и находился в густонаселенной нижней части города. Театральный зал здесь был рассчитан на 300 чел. Посетителями народного дома являлись местные жители, и лучшие сборы здесь получались в зимний сезон (*Герасимова, 1997: 433; Тверитинов, 2000: 144; РГАЛИ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 1658. Л. 92; Д. 3036. Л. 1 об.*).

В 1903 г. по ходатайству черноморского губернатора Е.Н. Волкова Министерством финансов были отпущены средства на постройку народных домов в Новороссийске (17500 руб.) и в Туапсе (10000 руб.), которые были готовы уже к концу года. В Новороссийске это просветительское учреждение поступило в распоряжение Попечительства о народной трезвости. Народный дом находился на окраине старой части города. Здесь оборудовали сцену с декорациями, уборные и зрительный зал, вмещающий 410 мест в партере и 116 на балконе. В помещении для оркестра могли разместиться до 30 музыкантов (*Справочник и путеводитель, 1907: 284-285; РГАЛИ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 2914. Л. 37 об.-38*). В новороссийском народном доме открылась чайная, читальня и кинематограф. Тут занимался кружок любителей сценического искусства, который ставил русские и малороссийские пьесы, проводил литературно-музыкальные вечера и концерты (*РГАЛИ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 1658. Л. 91 об.*). В октябре 1910 г. столицу Черноморской губернии посетил заместитель министра финансов И.И. Новицкий. Ознакомившись с работой местного общества трезвости, он подчеркнул несомненное значение народных домов в деле отвлечения населения от злоупотребления спиртными напитками и особо отметил, что таким народным домом можно гордиться и в столицах (*КОВ. Екатеринодар, 1910. № 218*).

В «Зацемесской» части Новороссийска Попечительство о народной трезвости открыло второй народный дом, официально называвшийся «чайной-столовой». На втором этаже здания располагался зрительный зал на 200 мест, где в праздники проводились лекции с показом «световых картин». В будние дни здесь ставили спектакли местные любители. В народном доме работала библиотека (*Справочник и путеводитель, 1907: 285-286*). В окрестных кварталах проживали железнодорожные, портовые и заводские рабочие, охотно посещавшие «чайную-столовую».

Туапсинский народный дом, имевший, по данным за 1915 г., сцену и зрительный зал на 500 мест, также был центром просвещения простого люда. Последним в досоветский период в регионе появился народный дом в Хосте. Он был построен в 1914 г. на средства, отпущенные Попечительством о народной трезвости. Театральный зал здесь вмещал 300 чел. (*РГАЛИ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 3076. Л. 2 об.; Доброхотов и др., 1916: 281*).

Оригинальный тип зрелищно-развлекательных артистических заведений представляли на Черноморском побережье сценические площадки в ресторанах и столовых. На открывшемся в 1903 г. курорте Гагры в просторном двухсветном зале ресторана при гостинице «Временная» была оборудована большая сцена с декорациями и приспособлениями для театральных постановок. Во время обедов и ужинов здесь играл симфонический оркестр, а затем гастролирующими труппами устраивались спектакли. Для зрителей в помещении устанавливалось 12 рядов кресел и стульев, по 16 в каждом. Кроме этого, около 200 человек могли разместиться на открытом балконе (*Москвич, 1916: 419; Пачулиа, 1971: 32*). Город считался дорогим великосветским курортом, и на гастроли сюда

приезжали известные столичные драматические коллективы. В 1912 г. здесь выступала труппа с участием М.М. Блюменталь-Тамариной, в 1914 г. артисты Санкт-Петербургского народного дома представили оперу «Евгений Онегин», в ресторане гостиницы звучали голоса Ф.И. Шаляпина и Л.В. Собинова (РГАЛИ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 2709. Л. 2-2 об.; Пачулиа, 1971: 32).

На Черноморском побережье имелся еще как минимум один пример сценического помещения указанного типа. В 1901 г. в Анапе, при водо-грязелечебнице В.А. Будзинского был сооружен санаторий для приезжих больных. В саду находилась столовая, в просторном зале которой по вечерам пансионерами устраивались спектакли, концерты, музыкальные и танцевальные вечера (Анапа, 1911: 20; Баклыков, 1999: 31).

Репертуар драматических произведений, ставившихся на театральных подмостках, был обширным. Преобладали пьесы развлекательного жанра: комедии, фарсы, мелодрамы, водевили. Регулярно проходили спектакли по произведениям классической отечественной и зарубежной литературы. На специфику местной театральной жизни определенное воздействие оказывал полиэтничный состав населения Причерноморья. На сценических площадках выступали актеры малороссийских трупп, ставились пьесы на армянском, греческом, грузинском и других языках.

5. Заключение

Сформировавшаяся в конце XIX – начале XX вв. в Причерноморье сеть театральных заведений была весьма обширной и обслуживала самые различные слои как местного населения, так и приезжей курортной публики. Деятельность этих заведений являлась одним из факторов формирования специфического городского образа жизни, насыщенного новыми впечатлениями, яркого и динамичного. Реальностью рассматриваемого периода стало быстрое приобщение провинции, и в том числе пунктов Черноморского побережья, к культурным веяниям столиц и достижениям технического прогресса. Разнообразные формы досуга, бывшие ранее достоянием привилегированных сословий, распространяются среди простых горожан, в чем отразились демократизация общества и зримые результаты охвативших страну процессов модернизации.

6. Благодарности

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (отделение гуманитарных и общественных наук) и Министерства образования, науки и молодежной политики Краснодарского края в рамках научного проекта № 18-49-230014 р_а «Динамика и специфика процессов урбанизации Кубани и Восточного Причерноморья во второй половине XIX – начале XX веков».

Литература

- Анапа, 1911 – Анапа, курорт морских купаний и климатическая станция на берегу Черного моря. СПб., [1911]. 33 с.
- Андреев, 1912 – Андреев Н. Иллюстрированный путеводитель по Кавказу. М., 1912. 432 с.
- Анциферов, 1929 – Анциферов Н.П. Как изучать свой город. М.-Л., 1929. 120 с.
- Анциферов, 1926 – Анциферов Н.П. Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода. Л., 1926. 151 с.
- Баклыков, 1999 – Баклыков Л.И. История курорта Анапа. Краснодар, 1999. 190 с.
- Божё-Гарнье, Шабо, 1967 – Божё-Гарнье Ж., Шабо Ж. Очерки по географии городов. М., 1967. 424 с.
- Герасименко, 1998 – Герасименко А. История Новороссийска в открытках (конец XIX – начало XX веков). Краснодар, 1998. 88 с.
- Герасименко, Санеев, 1998 – Герасименко А., Санеев С. Новоросійськ – от укрепления к губернскому городу. Краснодар, 1998. 496 с.
- Герасименко, 2001 – Герасименко Б.Д. Очерки истории Новороссийска. Новороссийск, 2001. 192 с.
- Герасимова, 1997 – Герасимова Н.Е. Сочи // Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года. Краснодар, 1997. С. 432-434.
- ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.
- Градостроительство России, 2003 – Градостроительство России середины XIX – начала XX веков. Кн. 2. Города и новые типы поселений. М., 2003. 560 с.
- Доброхотов и др., 1916 – Доброхотов Ф.П. и др. Черноморское побережье Кавказа. Справочная книга. Пг., 1916. 527 с.
- Дороватовский, 1911 – Дороватовский С. Сочи и Красная Поляна с окрестностями. СПб., 1911. 248 с.
- Еремеева, 1996 – Еремеева А.Н. Между прошлым и будущим (художественная жизнь Кубани в годы революции и гражданской войны 1917–1920 гг.). СПб., 1996. 152 с.

Казачинский, Бондарь, 2002 – Казачинский В.П., Бондарь В.В. Архитектура и градостроительство Кубани XIX–XX вв. Ч. 2. Архитектура Кубани до 1985 г.: (очерк). Краснодар, 2002. 95 с.

Крюков, 2004 – Крюков А.Х. Геленджикскому историко-краеведческому музею – 95 лет// Краеведческие записки. Геленджик, 2004. С. 4-16.

КОВ – Кубанские областные ведомости.

КК – Кубанский край.

Лечебные местности, 1915 – Лечебные местности России. Анапа – Туапсе. Пг., 1915. 14 с.

Михайлов, 1988 – Михайлов К.М. Город-герой Новороссийск. М., 1988. 284 с.

Москвич, 1907 – Москвич Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Кавказу. Владикавказ, 1907. 519 с.

Москвич, 1916 – Москвич Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Кавказу. Пг., 1916. 505 с.

Онопrienко и др., 1996 – Онопrienко А.М., Пятигорский Э.И., Салов Г.Н., Сныткин М.М., Яковлев С.Ю. Российским флотом рожденный. Историческая хроника. Туапсе, 1996. 311 с.

Пачулия, 1971 – Пачулия В.П. Гагра. Историко-культурный очерк. Сухуми, 1971. 64 с.

План селения, 1912 – План селения Геленджика Новороссийского округа Черноморской губернии. Б.м., 1912. 1 с.

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.

Справочник и путеводитель, 1904 – Справочник и путеводитель по Черноморской губернии. Ч. 1. Новороссийск, 1904.

Справочник и путеводитель, 1907 – Справочник и путеводитель по Черноморской губернии. Ч. 2. Новороссийск, 1907.

Ступоченко, 1958 – Ступоченко Л.М. Возникновение города Туапсе // Туапсе (популярный исторический очерк). Краснодар, 1958. С. 3-16.

Тверитинов, 2000 – Тверитинов И.А. Социально-экономическое развитие Сочинского округа во второй половине XIX – начале XX вв. Сочи, 2000. 188 с.

УАН – Управление архива муниципального образования город Новороссийск.

Цветков, 2003 – Цветков В.А. Книга рекордов Кубани. Майкоп, 2003. 420 с.

Щепетев, 1914 – Щепетев В. Анапа. Лечебная и климатическая станция. Тифлис, 1914. 140 с.

References

Anapa, 1911 – Anapa, kurort morskikh kupanii i klimaticheskaya stantsiya na beregu Chernogo morya [Anapa, sea bathing resort and climate station on the Black Sea coast]. SPb., [1911]. 33 p. [in Russian]

Andreev, 1912 – Andreev N. (1912). Illyustrirovannyi putevoditel' po Kavkazu [Illustrated guide to the Caucasus]. М., 432 p. [in Russian]

Antsiferov, 1929 – Antsiferov N.P. (1929). Kak izuchat' svoi gorod [How to explore your city]. М.-Л., 120 p. [in Russian]

Antsiferov, 1926 – Antsiferov N.P. (1926). Puti izucheniya goroda kak sotsial'nogo organizma. Opyt kompleksnogo podkhoda [Ways to explore the city as a social organism. Experience an integrated approach]. Л., 151 p. [in Russian]

Baklykov, 1999 – Baklykov L.I. (1999). Istoriya kurorta Anapa [The history of the resort Anapa]. Krasnodar, 190 p. [in Russian]

Bozhe-Garn'e, Shabo, 1967 – Bozhe-Garn'e Zh., Shabo Zh. (1967). Ocherki po geografii gorodov [Essays on the geography of cities]. М., 424 p. [in Russian]

Gerasimenko, 1998 – Gerasimenko A. (1998). Istoriya Novorossiiska v otkrytkakh (konets XIX – nachalo XX veka) [The history of Novorossiysk in postcards (late XIX – early XX century)]. Krasnodar, 88 p. [in Russian]

Gerasimenko, Saneev, 1998 – Gerasimenko A., Saneev S. (1998). Novorossiisk – ot ukrepleniya k gubernskomu gorodu [Novorossiysk - from the fortification to the provincial city]. Krasnodar, 496 p. [in Russian]

Gerasimenko, 2001 – Gerasimenko B.D. (2001). Ocherki istorii Novorossiiska [Essays on the history of Novorossiysk]. Novorossiisk, 192 p. [in Russian]

Gerasimova, 1997 – Gerasimova N.E. (1997). Sochi [Sochi]. Entsiklopedicheskii slovar' po istorii Kubani s drevneishikh vremen do oktyabrya 1917 goda. Krasnodar, pp. 432-434. [in Russian]

ГАКК – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraya [State Archive of the Krasnodar Territory]. [in Russian]

Gradostroitel'stvo Rossii, 2003 – Gradostroitel'stvo Rossii serediny XIX – nachala XX veka. Kn. 2. Goroda i novye tipy poselenii [Urban planning of Russia in the mid-nineteenth and early twentieth centuries. Kn. 2. Cities and new types of settlements]. М., 2003. 560 p. [in Russian]

Dobrokhotov i dr., 1916 – Dobrokhotov F.P. i dr. (1916). Chernomorskoe poberezh'e Kavkaza. Spravochnaya kniga [Black Sea coast of the Caucasus. Reference book]. Pg., 527 p. [in Russian]

- Dorovatovskii, 1911** – *Dorovatovskii S.* (1911). Sochi i Krasnaya Polyana s okrestnostyami [Sochi and Krasnaya Polyana with the surroundings]. SPb., 248 p. [in Russian]
- Eremeeva, 1996** – *Eremeeva A.N.* (1996). Mezhdru proshlym i budushchim (khudozhestvennaya zhizn' Kubani v gody revolyutsii i grazhdanskoi voiny 1917-1920 gg.) [Between the past and the future (the artistic life of the Kuban during the years of the revolution and civil war of 1917-1920)]. SPb., 152 p. [in Russian]
- Kazachinskii, Bondar', 2002** – *Kazachinskii V.P., Bondar' V.V.* (2002). Arkhitektura i gradostroitel'stvo Kubani XIX – XX vv. Ch.2. Arkhitektura Kubani do 1985 g.: (oчерk) [Architecture and urban planning of the Kuban XIX – XX centuries. Part 2 Architecture of the Kuban until 1985: (essay)]. Krasnodar, 95 p. [in Russian]
- Kryukov, 2004** – *Kryukov A.Kh.* (2004). Gelendzhikskomu istoriko-kraevedcheskomu muzeyu – 95 let [Gelendzhik historical museum of local lore – 95 years]. Kraevedcheskie zapiski. Gelendzhik, pp. 4-16. [in Russian]
- KOV** – Kubanskiye oblastnye vedomosti [Kuban regional statements]. [in Russian]
- KK** – Kubanskii krai [Kuban region]. [in Russian]
- Lechebnye mestnosti, 1915** – Lechebnye mestnosti Rossii. Anapa [Therapeutic areas of Russia. Anapa]. Tuapse. Pg., 1915. 14 p. [in Russian]
- Mikhailov, 1988** – *Mikhailov K.M.* (1988). Gorod-geroi Novorossiisk [Hero City Novorossiysk]. M., 284 p. [in Russian]
- Moskvich, 1907** – *Moskvich G.* (1907). Illyustrirovannyi prakticheskii putevoditel' po Kavkazu [Illustrated practical guide to the Caucasus]. Vladikavkaz, 519 p. [in Russian]
- Moskvich, 1916** – *Moskvich G.* (1916). Illyustrirovannyi prakticheskii putevoditel' po Kavkazu [Illustrated practical guide to the Caucasus]. Pg., 505 p. [in Russian]
- Onoprienko i dr., 1996** – *Onoprienko A.M., Pyatigorskii E.I., Salov G.N., Snytkin M.M., Yakovlev S.Yu.* (1996). Rossiiskim flotom rozhdeniye. Istoricheskaya khronika [Russian born fleet. Historical Chronicle]. Tuapse, 311 p. [in Russian]
- Pachulia, 1971** – *Pachulia V.P.* (1971). Gagra. Istoriko-kul'turnyi oчерk [Gagra. Historical and cultural essay]. Sukhumi, 64 p. [in Russian]
- Plan seleniya, 1912** – Plan seleniya Gelendzhika, Novorossiiskogo okruga, Chernomorskoj gubernii [Plan of the village of Gelendzhik, Novorossiysk district, the Black Sea province]. B.m., 1912. 1 p. [in Russian]
- RGALI** – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva [Russian State Archive of Literature and Art]. [in Russian]
- Spravochnik i putevoditel', 1904** – Spravochnik i putevoditel' po Chernomorskoj gubernii [Reference and guide to the Black Sea province]. Ch.1. Novorossiisk, 1904. [in Russian]
- Spravochnik i putevoditel', 1907** – Spravochnik i putevoditel' po Chernomorskoj gubernii [Reference and guide to the Black Sea province]. Ch.2. Novorossiisk, 1907. [in Russian]
- Stupochenko, 1958** – *Stupochenko L.M.* (1958.). Vozniknovenie goroda Tuapse. [The emergence of the city of Tuapse]. Tuapse (populyarnyi istoricheskii oчерk). Krasnodar, pp.3-16. [in Russian]
- Tveritinov, 2000** – *Tveritinov I.A.* (2000). Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye Sochinskogo okruga vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv [Socio-economic development of the Sochi district in the second half of the XIX – early XX centuries]. Sochi, 188 p. [in Russian]
- UAN** – Upravlenie arkhiva munitsipal'nogo obrazovaniya gorod Novorossiisk [Office of the archive of the municipality city of Novorossiysk]. [in Russian]
- Tsvetkov, 2003** – *Tsvetkov V.A.* (2003). Kniga rekordov Kubani [Kuban book of records]. Maikop, 420 p. [in Russian]
- Shchepetev, 1914** – *Shchepetev V.* (1914). Anapa. Lechebnaya i klimaticheskaya stantsiya [Anapa. Medical and climatic station]. Tiflis, 140 p. [in Russian]

Формирование театральной инфраструктуры в городах Восточного Причерноморья в конце XIX – начале XX вв.

Сергей Николаевич Ктиторов ^а, Ольга Васильевна Ктиорова ^а, Олеся Григорьевна Карапкова ^{а, *}

^а Армавирский государственный педагогический университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается формирование театральной инфраструктуры в городах Восточного Причерноморья в конце XIX – начале XX веков в связи с развитием рекреационной функции региона. Показана зависимость процесса организации и деятельности досуговых заведений от запросов и потребностей регионального сообщества. Авторы делают вывод, что сценическое

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: olesya.karapкова@mail.ru (О.Г. Карапкова), ktitorovsn@yandex.ru (С.Н. Ктиоров), olgaktii@rambler.ru (О.В. Ктиорова)

искусство для жителей причерноморских городов являлось одним из способов преодолеть чувство оторванности от внешнего мира. Обосновывается положение о том, что в рассматриваемый период театры превращаются в массовый тип общественных сооружений и становятся неременной принадлежностью жизни, быта и облика сравнительно крупного российского города, что стало следствием изменения общественных идеалов, отразивших тягу населения к знаниям. Авторами рассмотрены такие объекты драматического искусства, как стационарные театры, курзалы, клубы общественных собраний и других объединений, народные дома, сценические площадки в ресторанах и столовых. Показано влияние строительства в 1911–1912 годах летнего театра в Новороссийске на совершенствование таких элементов городской инфраструктуры, как электричество, водопровод и общее благоустройство. Аргументирован вывод о том, что сформировавшаяся в конце XIX – начале XX веков в Восточном Причерноморье сеть театральных заведений была весьма обширной и обслуживала самые различные слои как местного населения, так и приезжей курортной публики, а деятельность этих заведений являлась одним из факторов формирования специфического городского образа жизни.

Ключевые слова: Восточное Причерноморье, рекреационная функция, городская инфраструктура, история повседневности, драматическое искусство, театры, региональное сообщество, социокультурные потребности, культурный досуг, модернизация.

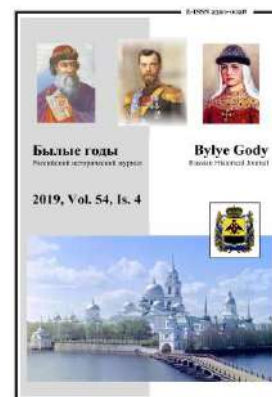
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1799-1810. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1799
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Pilgrimage Icon of the Russian Northern Monastery as a Historical and Cultural Source

Natalia Shamardina ^{a,*}

^a Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

Abstract

The article considers the issues of the history of the Russian northern monastery in the lands of the Komi-zyryan, reflected in the peculiarities of the pilgrimage icon belonging to the Kaliningrad inhabitant. It turned out that the icon is the blessing of an outstanding church figure – Archimandrite of Trinity Stefano-Ulyanovsky Monastery Matfey (1818–1885), and is a copy of the monastery miracle icon. The icon shows the main milestones of the history and background of one of the flourishing Russian monasteries in the second half of the 19th century with its spiritual fathers and holy patrons supported and conceived by the cults of Russian saints. The icon is also of interest from an artistic point of view. For all the unconditional secondary, as well as the given miniaturization, its technical and aesthetic features are determined by the main trends of Russian religious painting of the second half of the 19th century. They can be brought closer to such defining phenomena of the era as works of St. Petersburg workshop V.M. Peshehonov (1818–1888). This icon writer and organizer of the icon business contributed to the creation of a style of late Russian icon, which met the tastes of the highest church hierarchy and the capital elite, including members of the imperial family. During the tragic events for the Russian Church, the monastery ceased to exist and was completely destroyed. His new life began in 1994, practically in an empty place. The icon in question provides some insight into the irretrievably lost shrines and the tense spiritual life of the Russian Orthodox missionaries who spawned them.

Keywords: pilgrimage icon, iconography of Russian saints, northern monasteries, «Peshehonian letters»

1. Введение

Актуальность работы заключается в том, что исследование ориентировано на мало изученную сферу русской культуры второй половины XIX века – паломническую икону северного монастыря. Важно, что в таком специфическом предмете художественного производства эпохи не только воплощаются определенные формы религиозного сознания общества, но и запечатлевается связь с выдающимися деятелями и значительными событиями российской духовной жизни, память о которых зачастую уже практически утрачена; наблюдаются и по-своему преломленные характерные для периода художественные особенности.

До недавнего времени русская икона XIX века редко вызывала интерес отечественных историков искусства, не признававших (в отличие от зарубежных коллекционеров и знатоков) ее художественной ценности (Бусева-Давыдова, 2001: 19).

Объясняется это тем, что в синодальный («петербургский»: 1700–1917) период традиционное иконописание утратило поддержку центральной власти и лишилось статуса государственного искусства. Принято считать, что в результате реформ Петра I и после основания в середине XVIII века Императорской Академии художеств в Санкт-Петербурге иконопись в России становится маргинальным явлением, сохранявшим в культуре в основном значение атрибута частной

* Corresponding author

E-mail addresses: NVOVO4@mail.ru (N. Shamardina)

православной религиозности. Однако в настоящее время в российском искусствознании формируется представление об иконописи XIX века как о пусть и не магистральном пути русского искусства, но вполне закономерном этапе его истории, порой представляющем «образцы высокого искусства» (Халтурин, 2001: 5).

Монастырская паломническая икона относится к наименее изученной области этого пласта русской культуры и может, при всей служебности этого типа произведений, открыть его новые грани.

К подобным произведениям, которые, обладая достаточной полнотой эстетической самоценности, дополняют наши знания о значительных персонах русской культурной истории и иллюстрируют уже почти забытые высокие духовные свершения русской культуры второй половины XIX века, относится рассматриваемая нами икона.

2. Материалы и методы

2.1. Основным материальным источником исследования явилась домашняя икона с изображением четырех святых. Поиски иконографических и стилистических аналогий, определение функционального статуса произведения, выяснение персонального состава композиции и установление логической связи изображенных святых как между собой, так и с местом создания произведения – указанным в надписи на картуше монастырем на севере России – все это, наряду с поиском вероятной художественной среды, стало задачами исследования.

Базу источников исследования составили опубликованные в искусствоведческой, историко-краеведческой и церковной литературе и периодике, включая издания XIX века, сведения о северных русских монастырях, а также об иконографии русских святых, особенно прославившихся в обителях на севере России, сведения об иконописцах и организаторах иконного дела второй половины XIX века. Существенным разделом источников явились многочисленные иконы северорусских святых в отечественных и зарубежных коллекциях и их описания.

2.2. В качестве методологической основы исследования используются принципы историзма и изучения эпохи через биографию личности в историко-культурном контексте. Важными методами явились искусствоведческий, иконографический и культурологический анализ.

Историзм как научный метод предполагает рассмотрение социально-культурных явлений в динамике, в процессе становления и предполагает анализ объектов исследования в связи с конкретно-историческими условиями их существования. Именно такой подход представлялся нам единственно возможным для изучения исторической ситуации, сложившейся в конкретном регионе коми-зырянского расселения с его непостоянной культурно-конфессиональной обстановкой. Историко-биографический метод в нашем случае ориентирован на изучение обстоятельств жизни, элементов «психологического портрета» значимой личности, результаты деятельности которой определяют характер исследуемого явления. Стилистический анализ как основа искусствоведческого метода способствовал введению исследуемого произведения в определенный круг художественных явлений эпохи. Иконографический аспект искусствоведческого анализа необходим для определения, классификации и характеристики тем, сюжетов, персонажей произведения христианского изобразительного искусства, в том числе и исследуемого в данной работе произведения. Культурологический анализ художественного произведения позволяет ввести его в соответствующий контекст культуры, в условиях которого оно возникает и бытует, рассматривать его, в том числе, с аксиологической точки зрения. В нашем случае подобный подход открывает возможность максимально полной и разносторонней характеристики изучаемого объекта.

3. Обсуждение

Непосредственно об интересующей нас иконе в литературе сведений не обнаружено. Аналогичная икона из коллекции Национального музея Республики Коми упоминается в статье Православной энциклопедии. В этом же источнике выявлена информация о культе сольвычегодской святой Иулиании в Ульяновском Троицко-Стефановском монастыре (Романенко, Плаксина, 2009: Иулиания).

Поскольку, согласно надписи на иконе, происходит она из Ульяновского Троицко-Стефановского монастыря (в то время входившего в Усть-Сысольский уезд Вологодской губернии), одним из важных источников стала работа вологодского писателя и краеведа второй половины XIX века Ф.А. Арсеньева (1832–1889) «Ульяновский монастырь у зырян: Троицко-Стефановская новообщежительная обитель» (Арсеньев, 1994), повествующая о предыстории и истории возобновления монастыря в XIX веке, его благотворителях и реликвиях. В третьей части книги – в «Приложениях» – содержатся также официальные документы (в том числе распоряжения Священного Синода), достаточно полно представляющие важнейшие этапы исторического существования монастыря.

При первоначальном обследовании произведения и знакомстве с хроникой обустройства монастыря возникло предположение о создании иконы в кругу мастеров артели В.М. Пешехонова. Некоторые сведения об этом мастере и детальная характеристика «пешехоновского стиля» представлены в третьей главе – «Палех в эпоху упадка. Пешехоновский стиль» – работы

А.В. Бакушинского «Искусство Палеха» (Бакушинский, 1934). Упоминание о «пешехоновской манере» как ответвлении академического стиля второй половины XIX века присутствует в статье М. Красилина «Русская икона XVIII – начала XX веков» в коллективной монографии «История иконописи. Истоки. Традиции. Современность» (Красилин, 2010: 221).

Наиболее полно материалы о Санкт-Петербургской иконописной артели и ее организаторе – В.М. Пешехонове, связанном художественными заказами с Ульяновским монастырем, представлены в монографии Ж.Г. Белик (Белик, 2011).

4. Результаты

Предметом исследования стала фамильная реликвия жителя прибалтийского российского Калининграда (бывшего Кёнигсберга) – небольшая икона (18x14,5x2 см) с изображением четырех святых (Рис. 1, 2), о происхождении которой владельцу ничего не было известно. Выполнена она в традиционной иконописной технике, по золоту; орнамент золоченого фона прочеканен по левкасу. Узор обрамления расцвечен имитирующей «византийские» эмали полихромией. При всей миниатюрности произведения письмо ликов многослойное. Пропорции фигур правильные, цветовая гамма умело гармонизирована. Света и узоры на одеяниях прописаны творенным золотом. Манера письма иконы отмечена тщательностью, характеризующей особую меру ответственности мастера или мастерской, которые выделяют ее из огромного числа тиражируемой массовой продукции и очевидно отличают важный заказ. Благодаря надписи золотом на нижнем синем поле, устанавливаются обстоятельства возникновения иконы: «Копія съ чудотворн. Обра(за) находящаяся въ Троицком-Стефано-Ульянове м[о]н[ас]тырь Волог. губ. Оустьсысол. оуѣзда оу зырянъ».

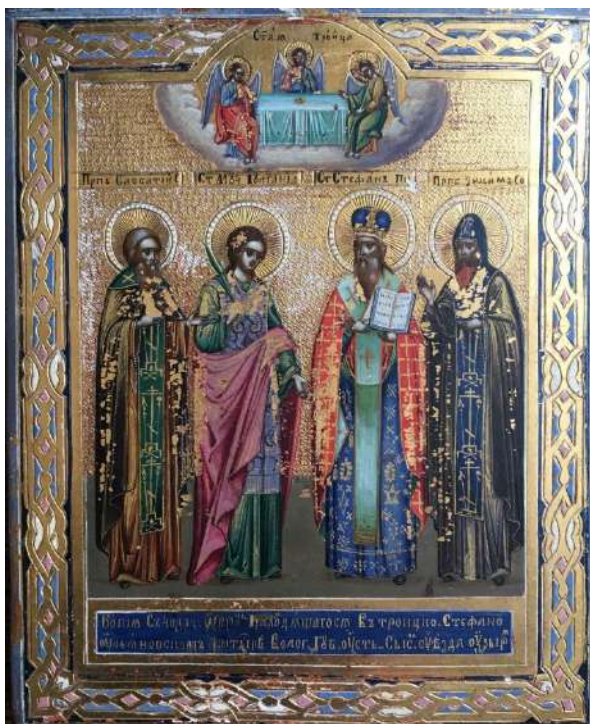

Рис. 1. Икона «Святые покровители Троицкого Стефано-Ульяновского монастыря». (Фото автора)

Рис. 2. Икона «Святые покровители Троицкого Стефано-Ульяновского монастыря». Обрат. (Фото автора)

Известно, что русские монастыри, в частности в северных районах (например, Спасо-Преображенский Соловецкий), изготавливали для подарков и продажи богомольцам благословенные образки с изображением основателей обители и связанных с ее историей чудотворцев. Если большинство приходящих в монастырь окрестных жителей получали в благословение полиграфические бумажные образки, то тщательно выполненные в традиционной иконописной технике по золоту на дереве со сложным орнаментальным обрамлением миниатюрные паломнические иконы, скорее всего, создавались как дары особо значимым богомольцам. Подтверждением тому служит выполненная на обороте иконы чернильной ручкой надпись: «Июня 14 д. 1888 года получена в благословение от настоятеля Тр.-Стефано-Ульяновского монастыря архимандрита Матфея». Поблекшая подпись не вполне прочитывается, возможно – «П. Бульчев» (Рис. 2). Из текста можно сделать вывод, что икона выполнена по заказу настоятеля обители архимандрита Матфея.

Рис. 3. Икона «Святые покровители Троицкого Стефано-Ульяновского монастыря». Святая Троица. Фрагмент средника. (Фото автора)

Образы святых в среднике иконы представлены предстоящими изображенной в верхнем сегменте «неба» Святой Троице в традиционном иконографическом типе, производном от «Гостеприимства Авраама» («Троица Ветхозаветная») (Рис. 3). Согласно агиономаграммам, трое святых – прославленные в северных русских землях Стефан Пермский, в чье имя поименован монастырь, и преподобные Савватий и Зосима Соловецкие. Икона, таким образом, представляет святых покровителей Ульяновского Троицко-Стефановского монастыря в молитве Святой Троице.

Деятельность святого Стефана (около 1330–1396), первого епископа основанной им Пермской епархии Русской православной церкви, способствовала вхождению пермских земель в состав Великого княжества Московского (Прохоров, 1995: 3–47). Миссионерский подвиг Стефана Пермского современники соотносили с просветительской миссией Кирилла Философа: «И Бога ради оба потрудились: один ради спасения славян, а другой – пермян. Как два светлых светила, они просветили народы» (Елифаный Премудрый, 1995: 181).

Стефан, епископ Великопермский,¹ почитается русской Церковью в лике святителей наравне с митрополитами Московскими и всяя Руси. Во время епископского служения святителя (1383–1396) им основано в опекаемых землях пять монастырей (Верюжский, 1880: 170). Из них при всей сложности истории, вновь и вновь возрождаясь, сохранил свою миссионерскую деятельность до нашего времени Ульяновский на реке Вычегде, традиционно чтящий Стефана Пермского как своего основателя.

Именование возобновленного в XIX веке монастыря Троицким отвечает глубинному смыслу деятельности святого Стефана. Подобно основателю Свято-Троицкого монастыря под Москвой – преподобному Сергию Радонежскому – Стефан Пермский вошел в историю русской Церкви как верный прославитель Живоначальной Троицы. В частности, согласно преданию, им написана икона «Зырянская Троица» с текстом на коми-зырянском языке, алфавит (анбур) которого был создан святителем Стефаном (Верюжский, 1880: 172).

Несмотря на значительное количество сохранившихся икон Стефана Пермского, иконография его остается мало изученной (Котылева, 2007: 116). В рассматриваемой иконе святой Стефан изображен в архиерейском облачении с митрой² и удостоверяющим его святительское достоинство раскрытым кодексом Писания в руках. Золотоузорное облачение «пермского апостола» представлено в редкой для подвижника цветовой гамме – алая крестчатая риза-фелонь, синий подризник и светлый лазоревый омофор (Рис. 4). Характерно, что светло-красная фелонь (саккос)³ святого

¹ «Пермь Великая» – название территории к западу от Уральских гор, в бассейне рек Вычегда, Печора и Кама, заселенная с древности угорскими племенами, объединяемыми общим названием «коми»: пермяки, зыряне, печора и др.

² Митры-короны появляются в обиходе русских иереев в середине XVII века, во времена патриарха Никона, а с 1705 года митра становится головным убором не только архиереев, но и архимандритов.

³ В сольвыгодском историко-художественном музее хранится расписанная в алых тонах по холсту риза, почитаемая как саккос стефана пермского. Несмотря на ее позднейшую датировку (XVII век) существует вероятность того, что риза является в целом достоверной копией древнего оригинала. См. интервью директора национального музея республики коми ирины котылевой газете эском. URL: <http://www.rusvera.mrezha.ru/577/4.htm>

Стефана отличает его иконные изображения уже с начала XVII века. Есть основания полагать, что эта особенность иконографии северного подвижника оформилась в Москве, где в Кремлевском соборе Спаса на Бору покоились мощи святителя¹ и создавались его самые ранние иконные изображения. Весомым аргументом в пользу этого служит воспроизведение несохранившейся иконы московского собора Спаса на Бору (Лыткин, 1889: форзац). Мастер паломнической иконы монастыря в зырянской земле и, очевидно, храмовой иконы-оригинала определенно наследует эту старую московскую иконографическую традицию.

Святые Савватий (умер в 1434 или 1435 г.) и игумен Зосима (умер в 1478 г.) Соловецкие канонизированы в 1547 году. Савватий положил начало монашеству на Большом Соловецком острове в Белом море, Зосима был его последователем и одним из основателей Соловецкого Спасо-Преображенского монастыря. Соловецкие чудотворцы стоят в ряду наиболее известных русских святых и почитаются как просветители языческих народов Поморья (Панченко, 2009: Зосима и Савватий).

Включение этих святых в композицию образа главной церкви обители демонстрирует связь Троице-Стефано-Ульяновского и Соловецкого монастырей. Именно из Соловецкого монастыря, совершив литургию в храме Зосимы и Савватия, отправились в 1866 году в непростую многодневную дорогу пятеро иноков для возобновления в Ульяново монашеской жизни (Арсеньев, 1994: 42).

Рис. 4. Икона «Святые покровители Троицкого Стефано-Ульяновского монастыря». Средник. Фрагмент. (Фото автора)

В рассматриваемой иконе святые Савватий и Зосима изображены в одеяниях преподобных: монашеская мантия, ряса, епитрахиль с голгофскими крестами. Зосима представлен в куколе – головном покрове великой схимы, на плечах Савватия – четырехугольный плат-аналав (Рис. 4).

Образ святой Иулиании в иконе близок византийско-русским изображениям мученицы Иулиании из Никомидии (304 г.); цвета ее одеяния аналогичны известным в русской иконе, начиная с XIV века² (Рис. 4).

Житие Иулиании Никомидийской повествует о мученической смерти тайной христианки-девы, отказавшейся выйти замуж за язычника (Жития святых, 2004: 575-586). Почитание мученицы Иулиании распространено в странах Западной Европы, там же обретаются ее чудотворные мощи.

¹ В декабре 1875 года частица мощей Стефана Пермского, отделенная с благословения митрополита Московского Иннокентия от мощей, находившихся в московском Рождественском Девичьем монастыре, была доставлена в Троице-Стефано-Ульяновскую обитель и помещалась как величайшая святыня в металлическом киоте вместе с иконой святителя Стефана (Арсеньев, 1994: 96, 110).

² См., например, псковскую икону XIV века «Свв. Варвара, Параскева, Иулиания» в Государственной Третьяковской галерее в Москве.

На Руси культ святой девы Иулиании изначально поддерживался в самых западных городах – Новгороде и Пскове.

Прояснение вопроса о включении этой прославившейся на востоке Римской империи святой в группу покровителей монастыря в Коми крае, а также детали ее облика подробнее рассматриваются ниже.

Поклонение в иконе изображенных святых Троице – безусловно, дань посвящению монастыря и непосредственно связано с миссией Стефана Пермского. Очевидно, что пермский святитель (как и его последователи) в проповеди язычникам о сути христианского учения обращался к изображению Ветхозаветной Троицы как наиболее наглядной визуализации троичного догмата ([Преображенский, 2013: 130-140](#)).

Полное именование монастыря-места происхождения иконы: Троицкий Стефано-Ульяновский. Ульяновским монастырь изначально назывался по расположению в Ульяново на Вычегде. История топонима, согласно местному преданию, сохраняет память о последовательнице Стефана Пермского Иулиании (Ульяне), которая проповедовала православие среди вычегодских коми, была захвачена разбойниками-язычниками и выброшена из лодки в реку Вычегду. Ее тело было вынесено на место, которое стало именоваться «Ульянино плёсо» ([Арсеньев, 1994: 30](#)). Считается, что именно здесь в конце XIV века Стефан Пермский основал монастырь ([Верюжский, 1880: 170](#)). В XVII веке в этом месте была основана (или возобновлена) Ульяновская пустынь. После секуляризации 1764 года все монастыри в Коми крае были упразднены, и к середине XIX века Ульяновская обитель запустела. В 1860 году Вологодское епархиальное управление обратилось в Синод с ходатайством учредить здесь мужской монастырь. По распоряжению Святейшего Синода обитель в прославление святителя Стефана Пермского и с целью продолжения его миссионерской деятельности среди зырян была возобновлена как Троицкий Стефано-Ульяновский заштатный монастырь «с настоятельством строительским» ([Арсеньев: 121](#)). Пришедшие в пустынь из упраздненной в городке Лальске обители престарелые иноки не в состоянии были поднять ее из руин, и в 1866 году последовал указ Синода «О назначении иноков Соловецкого монастыря для устройства Ульяновской обители». На должность настоятеля избрали иеромонаха Матфея (Михаил Андреевич Сунцов, 1815–1894), бывшего до того наместником Соловецкого монастыря ([М.И. Из Соловецкого монастыря, 1867: 22-24](#)). Патриотический подъем 1853–1856 гг. – времен Крымской войны ([Крот и др., 2017: 107](#)) – способствовал тому, что иеромонаха Матфея многие знали как участника и организатора противостояния соловецких монахов штурму монастыря англо-французской эскадрой в период Беломорской кампании. В числе немногих он был награжден за это специальной воинской наградой для священнослужителей – золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте ([Лебедев, 1895: 919-925](#)). Именно его даром-благословением и является рассматриваемая нами икона.

Первому двадцатилетию монастырской истории посвящено «Повествование монаха Арсения об устройении Ульяновской обители», составляющее значительную часть хроники, опубликованной по заказу настоятеля в 1889 году ([Арсеньев, 1994: 42-112](#)). Строительство здесь началось с воздвижения церкви соловецких чудотворцев Зосимы и Савватия, для которой вологодский купец П.А. Белозёров пожертвовал двухъярусный иконостас. Иконостас для церкви Успения Богородицы «за оградой» – дар известного своей благотворительной деятельностью соликамского купца И.А. Рязанцева ([Арсеньев, 1994: 110](#)). Многочисленные пожертвования в монастырь направляли и из обеих столиц. Только в 1868 году были получены из Санкт-Петербурга тысяча рублей от купца 1 гильдии Г.П. Елисеева ([Список, 1869: 118](#)), из Москвы – стопудовый колокол от купца Моисеева ([Арсеньев, 1994: 74](#)). Подобные подвиги благочестия не оставались незамеченными церковной иерархией.¹

Иконы для монастыря изготавливались в лучших столичных мастерских. Для верхнего храма Троицкого собора был привезен иконостас (пожертвование петербургского купца С.А. Моденова), выполненный в мастерской В.М. Пешехонова – самого известного во второй половине XIX века хозяина иконописной артели в Санкт-Петербурге. Из Петербурга прибыли и другие иконы, выполненные «академическим художником греческим стилем. Знатоки весьма хвалят живопись, признавая за этими иконами большое художественное достоинство» ([Арсеньев, 1994: 95, 108](#)). Определение, данное этим иконам в монастырской хронике, полностью соответствует характеристике работ иконописцев пешехоновской мастерской современниками ([Белик, 2011: 7](#)).

В 1868 году отец Матфей стал архимандритом – это один из высших в Русской православной церкви монашеских чинов, которого удостоиваются настоятели крупнейших монастырей. За несколько лет пять соловецких подвижников сумели, опираясь на ближних и дальних доброхотов, создать единственную мужскую обитель в Коми крае, которая стала крупным православно-просветительским центром и одним из самых богатых русских монастырей. Великолепный, не имеющий себе равных в землях коми-зырян архитектурный ансамбль, бесценные реликвии и

¹ Так, в феврале 1869 года Вологодский и Устюжский епископ Палладий распорядился: «Всем жертвователям объявить мою благодарность с призыванием на них благословения Божия, а петербургскому купцу 1 гильдии г. Григорию Петров. Елисееву и владимирской купеческой вдове Марии Петров. Владимировой испросить, кроме того, благословение Свят. Синода с выдачею им на это грамоты» ([Разные известия по епархии, 1869: 113-114](#)).

украшенные золоченой резьбой прекрасно выполненные иконостасы, не виданные в этих краях торжественность и благолепие церковных служб – все это привлекало во вновь построенную обитель местных богомольцев и многочисленных паломников, число которых, по свидетельству очевидцев, достигало пяти и более тысяч в год (Арсеньев, 1994: 108).

Обитель воздвигалась, как истинная «всенародная стройка», трудами и жертвованиями православных россиян огромной империи. Центральное место среди монастырских построек занимали двухэтажный пятиглавый Троицкий собор (1869–1875) и самая высокая в крае – высотой 64 м – колокольня, с церквями на первом и втором ярусах. В монастыре было еще три храма, жилые корпуса, гостиница, больница, хозяйственные постройки – всего к началу XX века насчитывалось сорок восемь сооружений. Монастырь обнесли каменной стеной с крытой галереей для крестного хода, с угловыми башнями и надвратной церковью в честь Архистратига Михаила. Прибывший с соловецким «десантом» инок Арсений сообщал о расцвете обители: «В какие-нибудь двадцать лет устроилась Ульяновская обитель, не уступающая в настоящем ее состоянию тем, которые существуют целые столетия».

Особенно важной является его характеристика той сложной природной и социально-культурной ситуации, с которой столкнулись при создании монастыря соловецкие подвижники: «Не в центре деятельной жизни, не вблизи блестящих городов и пышных столиц, посреди метелей и снегов, на дальнем севере, ... в лесных пустынях, у народа бедного средствами, но богатого верою и чистотою души (Арсеньев, 1994: 103).¹

Память Сольвычегодской святой Иулиании (Ульяны), чье имя носит местность, чтут в Соборе Вологодских святых (Романенко, Плаксина, 2009: Иулиания). Еще по прибытии в обитель отец Матфей планировал престол придела святой мученицы Иулиании в главной монастырской – Троицкой церкви – устроить в память благочестивой девицы Ульянии, утонувшей в реке Вычегде (Матфей, 1867: 28). Согласно бытующей в возобновленном в 1994 году монастыре легенде, крестомощевик, предположительно с частицей мощей сольвычегодской мученицы Иулиании (Ульяны) принадлежал ранее архимандриту Матфею и хранится ныне в Национальном музее Республики Коми (Пититрим, 2008: 72).

Почитали в монастыре праведную деву Иулианию Сольвычегодскую, уподобляя ее тезоименитой раннехристианской мученице Иулиании Никомедийской, и чтити в тот же день – 21 декабря. Кроме имени, обеих дев, пострадавших за веру, – Никомедийскую (начало IV века) и Сольвычегодскую (конец XIV века) – сближает подвиг противостояния язычникам и сохранения целомудрия ценой отказа от земной жизни.

Кульст святой Иулиании в Троицко-Стефано-Ульяновском монастыре поддерживался благодаря одной из главных святынь обители – раке с мощами святой мученицы Иулиании Никомедийской, помещавшейся в нижнем этаже соборного храма (Арсеньев, 1994: 109). Частица мощей в золоченом кресте была пожертвована монастырю в 1868 году Е.П. Кебер, урожденной Нарышкиной, из Москвы (Список, 1869: 119). Придел во имя мученицы Иулиании в 1874 году по распоряжению вологодского епископа Феодосия освятили в деревянной Спасской церкви, «что внизу под горою» (Арсеньев, 1994: 94). Во всех монастырских церквях, в церкви подворья Ульяновского монастыря в Усть-Сысольске (ныне – Сыктывкар) имелись многочисленные иконы с ее образом (Романенко, Плаксина, 2009: Иулиания). Все это свидетельствует о почитании в монастыре мученицы Иулиании Никомедийской как небесной покровительницы. Из чисто топографического определения (Ульяновский – по местности Ульяново) именование монастыря обретало указание на глубинную связь с вселенской церковной историей.

Образ святой Иулиании был включен в состав многофигурной храмовой иконы Троицкого собора «Святые покровители Троицкого Стефано-Ульяновского монастыря в молении Святой Троице». Икона эта, имевшая в монастыре славу чудотворной, не сохранилась до наших дней. Память о чудотворном образе несут выполненные для паломников уменьшенные копии. Композиция храмовой иконы была разработана, скорее всего, на месте, в обители. Можно предположить, что эта икона, созданная в связи с чудесным возрождением монастыря и постройкой величественного Троицкого собора в честь святых покровителей – Св. Стефана и преподобных Зосимы и Савватия Соловецких – должна была свидетельствовать также о вновь приобретенном покровительстве раннехристианской святой мученицы Иулиании, а также, очевидно, о возобновлении почитания сольвычегодской святой Иулиании (Ульяны).

Одна из миниатюрных копий этой чудотворной иконы, датированная «до 1882 года», имеется в собрании икон Национального музея Республики Коми. Композиция иконы и надпись на нижнем поле (Романенко, Плаксина, 2009: Иулиания) аналогичны рассматриваемой нами паломнической иконе.

¹ Стоит упомянуть, что известны случаи, когда миссионерская инициатива православной церкви в соседних регионах в близкое описываемому время заканчивалась полным провалом, вплоть до гибели монахов от цинги и голода (Верецагин, Задорин, 2017: 1055).

Не исключено, что копии чудотворного образа были заказаны одновременно с иконами Троицкой церкви в петербургской мастерской В.М. Пешехонова. Манера письма паломнической иконы вполне соответствует характеристике мастерства палехских, тверских, новгородских мастеров, создавших так называемый «пешехоновский стиль» (Бакушинский, 1934: 88). Для «пешехоновских писем» характерно следование средневековой иконографии, обращение к памятникам как древнерусского, так и византийского искусства, включая мотивы объемных полихромных орнаментов, с определенной «корректировкой» соответственно принципам академической живописи.

Правда, среди известных по документам и подписанных икон В.М. Пешехонова¹ не обнаружено миниатюрных паломнических образков. Паломнические образки монастырь заказывал у «держателя иконной торговли» Ф.С. Таланова из деревни Ковшов Палехской волости Шуйского уезда Владимирской губернии (Романенко, Плаксина, 2009: Иулиания). Однако следует принять во внимание, что многие иконописцы Палеха работали по заказам мастерской Пешехонова и стилизовали свою манеру под «пешехоновские письма» (Белик, 2011: 11).

Иконных изображений Сольвычегодской святой девы Иулиании, скорее всего, не существовало. По-видимому, в образах мученицы Иулиании, связанных с Троицким Стефано-Ульяновским монастырем, видели именно сольвычегодскую праведную деву. Об этом косвенно свидетельствуют некоторые устойчивые особенности, не совпадающие с принятой в православии иконографией Никомедийской мученицы. Так, в рассматриваемой иконе дева Иулиания предстает с непокрытой головой, в зеленой тунике и розовой мантии (а не наоборот), перекинутой через левую руку. Трудно объяснимой деталью одеяния святой в иконе является сдвоенная узорная лента, спущенная спереди по тунике. В русской иконографии этот элемент одежды у святых дев практически не встречается. Более всего он похож на лор – шарф из жесткой ткани с драгоценными камнями, характерный для придворного византийского костюма (λωρος – греч. «лента»). Как деталь облачения святых жен, а позднее и архангелов, он встречается в византийской церковной живописи. В поднятой правой руке святой Иулиании – пальмовая ветвь – символ мученической смерти, также свойственный византийским изображениям святых дев V–VI веков; в русских иконах мученицы Иулиании обычно изображается крест.

Обращение к подобным деталям из ранневизантийского иконографического наследия показательно для поздней русской иконы, отличающейся осознанным интеллектуальным археологизмом. Для пешехоновских мастеров копирование византийских икон, собирание и использование старинных прорисей (Виноградова, Федьшин, 2011) являлось не только данью вкусам современников, но и отвечало семейной конфессиональной традиции: основатель династии М.С. Пешехонов и многие иконописцы, связанные с артелью, происходили из старообрядческой среды (Белик, 2011: 11), где целенаправленно культивировали древнюю «дониконовскую» иконографию.

Добавим, что в многочисленных, изданных в 1870–1890 годах по заказу монастыря типографским способом, паломнических образках святая Иулиания предстает на фоне Ульяновского монастыря с надписью на обрамлении: «Благословение Троицкого Стефано-Ульяновского монастыря» (Романенко, Плаксина, 2009: Иулиания).

В отличие от хозяйственной и социальной деятельности монастыря, для изучения которых существует достаточное количество материалов², документальных свидетельств о духовной жизни иноков Ульяновской обители не сохранилось (Питирим, 2008: 20). Рассматриваемая нами паломническая икона является редким и своеобразным документом эпохи, «текст» которого может служить важным культурно-историческим источником, свидетельствующим о поддержании и возобновлении культов святых, об иконографическом творчестве и масштабной миссионерской и популяризаторской деятельности, что позволяет оценить разноплановость и высокую наполненность духовной жизни Троицкого Стефано-Ульяновского монастыря.

Ульяновский монастырь после более чем полувекового процветания был официально закрыт в 1918 году, и к 1923 году службы в церквях прекратились. Далее последовало его тотальное уничтожение. Восстанавливаться обитель начала практически на пустом месте в 1994 году. Согласно Православной энциклопедии, почитание святой Иулиании в Троицко-Стефановской Ульяновской обители ныне утрачено, как и мощи мученицы Иулиании Никомедийской (Романенко, Плаксина, 2009: Иулиания).

Художественные особенности, техника исполнения иконы «Святые покровители Троицкого Стефано-Ульяновского монастыря в молении святой Троице» отвечают стилизаторской манере русской иконописи второй половины – конца XIX века. В ней сплелись заново открытые особенности древней византийско-русской иконы и опыт академической церковной живописи. В этом смысле можно говорить о ее близости произведениям знаменитой петербургской иконописной

¹ Известно не менее 55 подписанных икон (Виноградова, Федьшин, 2011).

² См., например, фонд Троицко-Стефановского Ульяновского мужского монастыря в Центральном государственном архиве Республики Коми (Ф. 232. Ед. хр. 367. 1853–1919 гг.).

мастерской В.М. Пешехонова (1818–1888), стиль которой отражал эстетические пристрастия столичной элиты, о чем красноречиво свидетельствует привлечение ее организатора и хозяина к работам над иконами для царской семьи. В 1856 году В.М. Пешехонов был удостоен редкого для художника звания иконописца Высочайшего Двора (**Белик, 2011: 50**). В мастерской Пешехонова в 1870–1880 годы выполняли масштабные заказы на иконостасы для вновь построенных храмов, прежде всего в крупных северных монастырях. В этом ряду были и иконы для Троицкого Стефано-Ульяновского монастыря, и среди них, как полагаем, – паломническая икона с образами небесных покровителей возрожденной и переживавшей тогда период расцвета обители.

5. Заключение

С помощью указанных выше методов удалось установить, что рассматриваемая икона является одним из редких уцелевших примеров паломнического образа знаменитого в свое время северорусского монастыря. Она представляет собой миниатюрное повторение несохранившейся храмовой иконы главной монастырской церкви. Прославленная как чудотворный образ, эта икона, созданная в 1870–1880 годах, стала результатом иконографического творчества заказчика (очевидно – архимандрита о. Матфея) и работавших для монастыря мастеров-иконописцев. Выработанный в Троицком Стефано-Ульяновском монастыре уникальный иконографический извод, как в отношении выбора святых, так и композиции в целом (с мотивом поклонения Троице), напрямую связан с непростой историей этой обители и с историей распространения православия на северо-восточных землях России.

Говоря о художественной стороне иконы «Святые покровители Троицкого Стефано-Ульяновского монастыря в молении Святой Троице», следует принять во внимание ее несомненное соответствие основным направлениям русского иконописания второй половины XIX века. В связи с недостаточной изученностью особенностей поздней русской иконы остается открытым вопрос о ее принадлежности конкретному мастеру или, что вероятнее, иконописной мастерской, тем более учитывая практиковавшийся в то время артельный способ изготовления икон с обязательным разделением работы между разными мастерами. Полагаем, что существует вероятность возникновения данной иконы как в петербургской мастерской В.М. Пешехонова, так и в мастерской шуйского купца и палехского уроженца Ф.С. Таланова, иконописная манера которой в общих чертах близка так называемому «пешехоновскому» стилю.

С утратой в революционные годы монастыря и его реликвий данное произведение, удивительным образом сохранившееся в домашней коллекции жителя Калининграда, далеко отстоящего от коми-зырянских земель, открывает уникальную возможность хотя бы в какой-то мере оценить во многом уже забытые духовные свершения русских подвижников почти полуторавековой давности.

Введение в научный оборот паломнической иконы «Святые покровители Троицкого Стефано-Ульяновского монастыря в молении Святой Троице» расширяет наши представления о русской духовной культуре XIX столетия.

Литература

Арсеньев, 1994 – Арсенев Ф.А. Ульяновский монастырь у зырян: Троицко-Стефановская новообщежительная обитель. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1994 (репринт издания 1889 г.). 143 с.

Бакушинский, 1934 – Бакушинский А.В. Искусство Палеха. М.-Л.: Academia, 1934. 266 с.

Белик, 2011 – Белик Ж.Г. Иконописное наследие мастерской Пешехоновых. М.: Индрик, 2011. 168 с.

Бусева-Давыдова, 2001 – Бусева-Давыдова И.Л. Основные проблемы изучения поздней русской иконописи // *Русская поздняя икона от XVII до начала XX столетий*: Сборник статей. М., 2001. С. 17-30.

Верюжский, 1880 – Верюжский Иоанн. Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии, прославляемых всею церковью и местно чтимых. Вологда, 1880. 699 с.

Виноградова, Федьшин, 2011 – Виноградова Е.А., Федьшин И.Н. Икона В.М. Пешехонова 1858 г. «Избранные святые» из Петро-Павловской церкви Вологды как отражение влияния академической живописи на творчество русских иконописцев XIX века // *Доклад на Межрайонной научно-краеведческой конференции «Православная культура Северной провинции», посвященной 195-летию со дня рождения академика живописи П.С. Тюриня, г. Сокол Вологодской области, 18 ноября 2011 года*. Сайт Вологодского государственного музея-заповедника [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vologdamuseum.ru/content?id=154>

Елифаный Премудрый, 2003 – Елифаный Премудрый. Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего епископа в Перми, составленное преподобным во священноиноках отцом нашим Елифанием // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ. СПб.: Наука, 2003. Т. 12: XVI век. С. 136-189.

Жития святых, 2004 – Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четых-Миней св. Димитрия Ростовского (репринт). Киев: Свято-Успенская Киево-Печерская Лавра, 2004. Т. IV. Месяц декабрь. Страдание святой мученицы Иулиании девы и других с нею. С. 575-586.

Котылева, 2007 – *Котылева И.Н.* Формирование иконографии «зырянского апостола» в XVII в.: к вопросу о развитии почитания св. Стефана Пермского на Руси // *Исторические произведения как феномен культуры: Сборник научных статей. Вып. 2.* Сыктывкар, 2007. С. 116-125.

Красилин, 2010 – *Красилин М.* Русская икона XVIII – начала XX веков // *История иконописи. Истоки. Традиции. Современность.* М.: «АРТ-БМБ», 2010. С. 209-230.

Лебедев, 1895 – *Лебедев А.* Святая обитель среди зырян [Троицко-Стефано-Ульяновский монастырь] и ее строитель [архимандрит Матфей] // *Прибавления к церковным ведомостям, 1895.* № 27. С. 919-925.

Лыткин, 1995 – *Лыткин Г.С.* Зырянский край при епископах пермских. Сыктывкар: Полярная звезда, 1995 (репринт издания СПб., 1889 г.). 88 с.

Матфей, 1867 – *Матфей,* иеромонах. Воззвание настоятеля Троицко-Стефано-Ульяновского монастыря Устьсысольского уезда Вологодской епархии, строителя иеромонаха Матфея, бывшего инока и наместника Соловецкой обители. 3 декабря 1866 г. // *Прибавление к вологодским епархиальным ведомостям № 1.* 1 января 1867 года. С. 26-29.

М. И., 1867 – *М. И.* Из Соловецкого монастыря. Новый монастырь у зырян // *Прибавление к вологодским епархиальным ведомостям.* № 1. 1 января 1867 года. С. 22-26.

Панченко, 2009 – *Панченко О.В.* Зосима и Савватий // *Православная энциклопедия под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravenc.ru/text/200051.html*

Пититрим, 2008 – *Пититрим,* Епископ. Путь становления обители (история становления Троице-Стефано-Ульяновского монастыря). Сыктывкар, 2008. 115 с.

Преображенский, 2013 – *Преображенский А. С.* Икона «Чудо архангела Михаила в Хонех» из села Комарицы и христианизация зырянской земли // *Арт.* Сыктывкар, 2013. № 2. С. 130-140.

Прохоров, 1995 – *Прохоров Г.М.* Равноапостольный Стефан Пермский и его агиограф Епифаний Премудрый // *Святитель Стефан Пермский: к 600-летию со дня преставления.* СПб., 1995. С. 3-47.

Разные известия по епархии, 1869 – Разные известия по епархии // *Вологодские епархиальные ведомости.* № 6 и 7. Апрель 1869. С. 111-118.

Романенко, Плаксина, 2009: Иулиания – *Романенко Е.В., Плаксина Н.Е.* Иулиания // *Православная энциклопедия под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravenc.ru/text/1237857.html*

Список, 1869 – Список лиц, сделавших пожертвования в пользу Троицко-Стефано-Ульяновского монастыря деньгами и вещами в 1868 году // *Вологодские епархиальные ведомости.* № 6 и 7. Апрель 1869. С. 118-120.

Халтурин, 2001 – *Халтурин Ю.* Предисловие // *Русская поздняя икона от XVII до начала XX столетия: Сборник статей.* М., 2001. С. 5-6.

Krot et al., 2017 – *Krot, M.N., Chernicin S.V., Zavyalova O.O.* The Patriotic Enthusiasm during the Crimean War (1853–1856) as a Factor of Modernization Turn in Russia. *Bylye Gody.* 2017, Vol. 43, Is. 1, pp. 103-111.

Vereshchagin, Zadorin, 2017 – *Vereshchagin I.F., Zadorin M.Y.* Ethnopolitical Landscape of Arkhangelsk Governorate at the turn of the century: the end of XIX –the beginning of XX centuries (based on the materials of the diocesan press). *Bylye Gody.* 2017, Vol. 45, Is. 3, pp. 1044-1062.

References

Arsen'ev, 1994 – *Arsen'ev F.A.* (1994). Ul'yanovskii monastyr' u zyryan: Troitsko-Stefanovskaya novoobshchezhitel'naya obitel' [Ulyanovsk Monastery near the Zyryans: Trinity-Stefanovskaya new communal cloister]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1994. (reprint izdaniya M., 1889 g.). 143 p. [in Russian]

Bakushinskii, 1934 – *Bakushinskii A.V.* (1934). Iskustvo Palekha [The art of Palekh]. M.-L.: Academia, 266 p. [in Russian]

Belik, 2011 – *Belik, Zh.G.* (2011). Ikonopisnoe nasledie masterskoi Peshekhonovykh [Icon heritage of the Peshekhonovs workshop]. M.: Indrik, 168 p. [in Russian]

Buseva-Davydova, 2001 – *Buseva-Davydova, I.L.* (2001). Osnovnye problemy izucheniya pozdnei russkoi ikonopisi [The main problems of the study of late Russian icon painting]. *Russkaya pozdnyaya ikona ot XVII do nachala XX stoletiya: Sbornik statei.* M., pp. 17-30. [in Russian]

Epifanii Premudryi, 2003 – *Epifanii Premudryi.* Slovo o zhitii i uchenii svyatogo ottsa nashego Stefana, byvshego episkopa v Permi, sostavlennoe prepodobnym vo svyashchennoinokakh ottsom nashim Epifaniem [A word about the life and teachings of our holy father Stephen, a former bishop in Perm, compiled by the reverend priest in our priests Epiphanius]. *Biblioteka literatury Drevnei Rusi /RAN.* IRLI; SPb.: Nauka, 2003. Vol. 12: XVI vek, pp. 136-189. [in Russian]

- Khalturin, 2001** – *Khalturin Yu.* (2001). Predislovie [Foreword]. *Russkaya pozdnyaya ikona ot XVII do nachala XX stoletiya: Sbornik statei.* M., pp. 5-6. [in Russian]
- Kotyleva, 2007** – *Kotyleva I.N.* (2007). Formirovanie ikonografii «zyryanskogo apostola» v XVII v.: k voprosu o razvitii pochitaniya sv. Stefana Permskogo na Rusi [The Formation of the Iconography of the “Zyryan Apostle” in the 17th Century: to the question of the development of veneration of st. Stefan Permsky in Ancient Russia]. *Istoricheskie proizvedeniya kak fenomen kul'tury: Sbornik nauchnykh statei.* Vol. 2. Syktyvkar, pp. 116-125. [in Russian]
- Krasilin, 2010** – *Krasilin M.* (2010). Russkaya ikona XVIII – nachala XX vekov [Russian icon of the XVIII – beginning of XX centuries]. *Istoriya ikonopisi. Istoki. Traditsii. Sovremennost'.* M: «ART-BMB», pp. 209-230. [in Russian]
- Krot et al., 2017** – *Krot, M.N., Chernicin S.V., Zavyalova O.O.* (2017). The Patriotic Enthusiasm during the Crimean War (1853–1856) as a Factor of Modernization Turn in Russia. *Bylye Gody.* Vol. 43, Is. 1, pp. 103-111.
- Lebedev, 1895** – *Lebedev A.* (1895). Svyataya obitel' sredi zyryan [Troitsko-Stefano-Ulyanovskii monastyr'] i ee stroitel' [arkhimandrit Matfei] [Holy monastery among the Zyryans [Trinity-Stefano-Ulyanovsk Monastery] and its builder [archimandrite Matthew]. *Pribavleniya k tserkovnym vedomostyam.* Nr 27, pp. 919-925. [in Russian]
- Lytkin, 1995** – *Lytkin G.S.* (1995). Zyryanskii krai pri episkopakh permskikh [Zyryan Territory under the Bishops of Perm]. Syktyvkar: Polyarnaya zvezda, 1995 (reprint izdaniya SPb, 1889 g.). 88 p. [in Russian]
- M. I., 1867** – *M. I.* (1867). Iz Solovetskogo monastyrya. Novyi monastyr' u zyryan [From the Solovetsky Monastery. The new monastery at Zyryan]. *Pribavlenie k vologodskim eparkhial'nyim vedomostyam.* Nr. 1. January 1, pp. 22-26.
- Matfei, 1867** – *Matfei,* ieromonakh. (1867). Vozzvanie nastoyatelya Troitsko-Stefano-Ulyanovskogo monastyrya Ust'sysol'skogo uezda Vologodskoi eparkhii, stroitelya ieromonakha Matfeya, byvshego inoka i namestnika Solovetskoi obiteli. 3 dekabrya 1866 g. [Appeal of the Rector of the Trinity-Stefano-Ulyanovsk Monastery of the Ustyssol Uyezd of the Vologda Diocese, builder hieromonk Matthew, a former monk and governor of the Solovetsky monastery. December 3, 1866]. *Pribavlenie k vologodskim eparkhial'nyim vedomostyam.* No. 1. January 1, pp. 26-29. [in Russian]
- Panchenko, 2009** – *Panchenko O.V.* (2009). Zosima i Savvatii [Zosima and Savvaty]. *Pravoslavnaya entsiklopediya pod redaktsiei Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Kirilla* [Electronic resource]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/200051.html> [in Russian]
- Pititrim, 2008** – *Pititrim Episkop* (2008). Put' stanovleniya obiteli (istoriya stanovleniya Troitse-Stefano-Ulyanovskogo monastyrya) [The path of formation of the monastery (the history of the formation of the Trinity-Stefano-Ulyanovsk monastery)]. Syktyvkar, 115 p. [in Russian]
- Preobrazhenskii, 2013** – *Preobrazhenskii A.S.* (2013). Ikona «Chudo arkhangela Mikhaila v Khonekh» iz sela Komaritsy i khristianizatsiya zyryanskoi zemli [The icon "The Miracle of the Archangel Michael in Koneh" from the village of Komaritsy and the Christianization of the Zyryan land]. *Art.* Syktyvkar, Nr 2, pp. 130-140. [in Russian]
- Prokhorov, 1995** – *Prokhorov G.M.* (1995). Ravnoapostol'nyi Stefan Permskii i ego agiograf Epnfanii Premudryi [Equal-to-the-Apostles Stefan of Perm and his hagiographer Epnfany the Wise]. *Svyatitel' Stefan Permskii: K 600-letiyu so dnya predstavleniya.* SPb., pp. 3-47.
- Raznye izvestiya po eparkhii, 1869** – Raznye izvestiya po eparkhii [Different Limes by the Diocese, 1869]. *Vologodskie eparkhial'nye vedomosti.* № 6 i 7. April' 1869. pp. 111-118.
- Romanenko, Plaksina, 2009** – *Romanenko E.V., Plaksina N.E.* (2009). Iulianiya [Juliana]. *Pravoslavnaya entsiklopediya pod redaktsiei Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Kirilla* [Electronic resource]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/1237857.html> [in Russian]
- Spisok, 1869** – Spisok lits sdelayshikh pozhertvovaniya v pol'zu Troitsko-Stefano-Ulyanovskogo monastyrya den'gami i veshchami v 1868 godu [List of persons who donated to the Trinity-Stefano-Ulyanovsk Monastery with money and things in 1868]. *Vologodskie eparkhial'nye vedomosti.* Nr 6 and 7. April 1869. Pp. 118-120. [in Russian]
- Veryuzhskii, 1880** – *Veryuzhskii I.P.* (1880). Istoricheskie skazaniya o zhizni svyatykh, podvizavshikhsya v Vologodskoi eparkhii, proslavlyayemykh vseyu tserkoviyu i mestno chtimykh [Historical legends about the life of saints who labored in the Vologda diocese, glorified by the whole church and locally revered]. Vologda, 699 p. [in Russian]
- Vereshchagin, Zadorin, 2017** – *Vereshchagin I.F., Zadorin M.Y.* (2017). Ethnopolitical Landscape of Arkhangelsk Governorate at the turn of the century: the end of XIX –the beginning of XX centuries (based on the materials of the diocesan press). *Bylye Gody.* Vol. 45, Is. 3, pp. 1044-1062.
- Vinogradova, Fedyshin, 2011** – *Vinogradova E.A., Fedyshin I.N.* (2011). Ikona V. M. Peshekhonova 1858 g. «Izbrannye svyatye» iz Petro-Pavlovskoi tserkvi Vologdy kak otrazhenie vliyaniya akademicheskoi zhivopisi na tvorchestvo russkikh ikonopistsev XIX veka [Icon of V. M. Peshekhonov 1858 “Selected Saints” from the Petro-Pavlovsk Church of Vologda as a reflection of the influence of academic painting on the work of Russian icon painters of the 19th century]. *Doklad na Mezhraionnoi nauchno-kraevedcheskoi konferentsii «Pravoslavnaya kul'tura Severnoi provintsii», posvyashchennoi 195-letiyu so dnya rozhdeniya*

akademika zhivopisi P.S. Tyurina., g. Sokol Vologodskoi oblasti, November 18. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.vologdamuseum.ru/content?id=154> [in Russian]

Zhitiya svyatykh, 2004 – Zhitiya svyatykh na russkom yazyke, izlozhennye po rukovodstvu Chet'ikh-Minei sv. Dimitriya Rostovskogo (reprint) [The lives of the saints in Russian, set out according to the guidance of Chetyih-Miney sv. Dimitry of Rostov]. Kiev: Svyato-Uspenskaya Kiev-Pecherskaya Lavra, 2004. T. IV. Month of December. Stradanie svyatoi muchenitsy Iulianii devy i drugikh s neyu. pp. 575-586. [in Russian]

Паломническая икона русского северного монастыря как историко-культурный источник

Наталья Владимировна Шамардина ^{а,*}

^а Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград,
Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы истории русского северного монастыря в землях коми-зырян, отразившиеся в особенностях паломнической иконы, принадлежащей калининградскому жителю. Выяснилось, что икона является благословением выдающегося церковного деятеля – архимандрита Троицкого Стефано-Ульяновского монастыря о. Матфея (1818–1885), и представляет собой копию монастырской чудотворной иконы. В иконе прочитываются главные вехи истории и предыстории одного из процветающих во второй половине XIX века русских монастырей с его духовными отцами и святыми покровителями, поддерживаемыми и зачинаемыми культами русских святых. Икона представляет интерес и с художественной точки зрения. При всей безусловной вторичности, а также заданной миниатюрности ее технические и эстетические особенности определены основными тенденциями русской религиозной живописи второй половины XIX века. Они могут быть сближены с такими определяющими явлениями эпохи, как произведения петербургской мастерской В.М. Пешехонова (1818–1888). Этот иконописец и организатор иконного дела способствовал созданию стиля поздней русской иконы, отвечавшего вкусам высшей церковной иерархии и столичной элиты, в том числе и членов императорской семьи.

В период трагических для русской церкви событий монастырь прекратил свое существование и был полностью разрушен. Его новая жизнь началась в 1994 году практически на пустом месте. Рассматриваемая икона дает определенное представление о невозвратно утраченных святынях и той напряженной духовной жизни русских православных миссионеров, которые их породили.

Ключевые слова: паломническая икона, иконография русских святых, северные монастыри, «пешехоновские письма».

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: NVOVO4@mail.ru (Н.В. Шамардина)

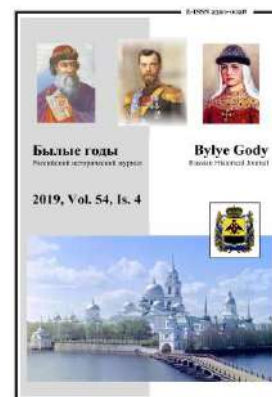
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1811-1819. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1811
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Traditions of Art of Old Believers of the Volga and Vyatka Region at the Turn of the 19th – 20th centuries in the Historical and Cultural Context of Modernization

Ekaterina V. Bykova ^a, Konstantin N. Tarasov ^{a, *}

^aVyatka state university, Russian Federation

Abstract

The article contains an analysis of the problem of the impact of the modernization processes that took place in Russian society in the second half of the 19th and early 20th centuries on the traditional art of the Old Believers of the Volga and Vyatka region. New phenomena in the art of Old Believers are considered in the context of serious changes in their social and legal status, which took place in the beginning of the 20th century. An attempt has been made to identify the mutual relationship between social transformations and innovations in the sphere of artistic culture in the environment of Old Society. The source base of the study is both written and visual sources (old-fashioned icons and objects of copper casting). Principles of historical analysis of written documents are combined with methods of visual art history, expert-attribution and formal-stylistic analysis. The comprehensive study of documents of different types made it possible to trace the degree of refraction of traditions of old culture and art in the mirror of modernization transformations. The authors emphasize the dual, contradictory nature of the influence of modernization on the art and culture of Old Believers. The thesis about the conservative nature of traditional art of Old Believers is justified. In fact, it acted as the main carrier and translator of traditional social and spiritual norms and rules in the era of transition of the Russian imperial society from the traditional to the modern model of society. The study is based on the study of the materials of the Volga and Vyatka region and allows to identify the general and special in the processes of impact of modernization changes on the society, culture and art of Russian old-age.

Keywords: Art of Old Believers, icon, copper casting, modernization, tradition, Russian Empire

1. Введение

История и культура российского старообрядчества в период модернизации второй половины XIX – начала XX вв. продолжают оставаться в центре внимания отечественных историков, культурологов, искусствоведов, филологов. Вместе с тем тема является достаточно дискуссионной. Во многом это связано с постоянным вовлечением в научный оборот новых материалов и источников, особенно регионального уровня. Проблема воздействия модернизации на культуру и искусство староверов имеет и немалый эвристический потенциал, т.к. позволяет проследить преломление культурных традиций (в том числе и в сфере искусства) в процессе перехода от традиционного общества к обществу модерна (modernity).

Объектом исследования выступает художественная культура старообрядцев Волго-Вятского региона на рубеже XIX-XX вв. как неотъемлемая часть социокультурного наследия российских староверов. Предмет изучения – старообрядческая иконопись, медное литье, архитектура, рассматриваемые в историко-культурном контексте капиталистической модернизации второй половины XIX – начала XX столетий. Цель исследования – проанализировать влияние модернизационных процессов конца XIX – начала XX вв. на старообрядческое искусство на основе

* Corresponding author

E-mail addresses: tar-87@mail.ru (K.N. Tarasov)

регионального материала Волго-Вятского края, выявить социально-политические трансформации в старообрядческом социуме, которые оказали решающее воздействие на развитие староверческого искусства, установить культурные связи староверов указанного региона с другими культурными центрами российского старообрядчества.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составляют письменные и изобразительные источники. К первой группе относятся законодательные материалы (ПСЗРИ), статистические данные (Обзоры Вятской губернии), отчеты православных миссионеров, содержащиеся в Государственном архиве Кировской области (ГАКО), материалы периодических изданий (газеты «Вятские епархиальные ведомости» и «Вятские губернские ведомости»). Ко второй группе источников относятся произведения старообрядческой иконописи и медного литья, обнаруженные как в ходе экспедиций, так и находящиеся в фондах Кировского областного краеведческого музея.

Исследование основано на базовых принципах исторического познания – историзма, объективности, системности. Применялись специально-исторические методы – историко-генетический (при выявлении закономерностей развития и эволюции старообрядческого искусства в период модернизации), сравнительно-исторический (при выделении общего и особенного в традициях искусства староверов Волго-Вятского региона в сравнении с искусством других старообрядческих регионов России), историко-системный (при рассмотрении старообрядческого искусства как составного элемента социокультурной системы староверчества). Метод источниковедческого анализа использовался при сопоставлении информации о произведениях искусства староверов из письменных, с одной стороны, и из изобразительных, с другой стороны, источников. Устанавливалось, насколько информация из письменных источников (об авторстве, датировке, месте создания, заказчиках предметов искусства) коррелируется с данными, полученными при анализе источников изобразительных. Специфика научной работы заключается и в том, что специально-исторические методы использовались в сочетании с традиционными методами искусствоведческого анализа. Формально-стилистический метод использовался при анализе основных изобразительных элементов произведений иконописи и медного литья. Акцент ставился на исследовании наиболее типичных для Волго-Вятского региона произведений, в которых более наглядно просматриваются местные традиции. Художественно-типологический метод был незаменим при проведении классификации исследуемых художественных произведений с точки зрения иконографии, стилизации и технико-технологических особенностей. Экспертно-атрибуционный метод был необходим для характеристики отдельных произведений старообрядческого искусства, их атрибуции, датировки, описания сходных и различных предметов искусства. И наконец, сравнительно-стилистический метод использовался при описании художественных новаций в искусстве староверов рубежа XIX–XX вв. по сравнению с произведениями предшествующего периода.

3. Обсуждение

Отечественные ученые-гуманитарии накопили немалый потенциал в деле изучения истории и культуры российского старообрядчества в период капиталистической модернизации второй половины XIX – начала XX вв. Подробно изучаются проблемы взаимодействия староверческих общин в разных регионах страны с коронной администрацией, официальной церковью, органами местного самоуправления (Ершова, 1999; Майоров, 2007). Рассматриваются вопросы истории образования, воспитания, духовной и художественной культуры в среде «ревнителей древнего благочестия» (Керов, 2007; Титова, 2016). Наиболее дискуссионными остаются вопросы о степени влияния модернизационных процессов на традиционную культуру и искусство староверов, о масштабах социальной поляризации, характере участия представителей старообрядчества в политической жизни поздней Российской империи (Богданов, 2013: 10-27). Пожалуй, единственный тезис, на котором сходятся большинство исследователей, представляет собой утверждение о двойственном, противоречивом характере влияния модернизации на общество, культуру и искусство старообрядцев.

Обращение к изучению проблемы влияния модернизации на традиционное старообрядческое искусство в настоящий момент представляется достаточно актуальным по следующим обстоятельствам. Во-первых, источниковый материал по искусству староверов Волго-Вятского региона (Мартынова, 2011: 251-254; Поздеева, 1999: 24-26) изучен менее подробно, нежели аналогичные источники по другим регионам (Европейский Север, Урал, Сибирь) (Трофимова, 2009: 78-83; Полозова, 2018: 264-269; Долнаков, Журин, 2017: 98-103). Во-вторых, предпринятый в исследовании комплексный совместный анализ письменных и изобразительных источников позволит более полно описать влияние модернизации на культуру и искусство старообрядцев. И наконец, исследование заявленной темы позволит выявить проблему взаимоотношений традиции и модернизации на примере традиционного старообрядческого искусства.

4. Результаты

Традиции и содержание старообрядческого искусства напрямую связаны и проистекают из ментальной картины мира староверов. Во второй половине XIX в. в российской историографии (В.О. Ключевский, А.П. Шапов, Е.Е. Голубинский, Н.Ф. Каптерев и др.) сложилось критическое отношение к старообрядчеству как к историческому феномену в целом, так и к его интеллектуальному потенциалу, в частности. Утверждалось, что раскол представляет собой обрядоверие, вырождение веры (догмат) в обряд (форму). Причина этого, по мнению данных историков, кроется в некритичном восприятии Русью византийского вероучения, неспособности русского средневекового сознания развивать богословскую мысль. Высказывалось предположение, что русские боялись мыслить, поэтому и держались за старину и обряд. Однако, на наш взгляд, маститые историки выявили лишь негативные черты, недостатки старообрядчества. Вне внимания ученых, в основе исследований которых лежали принципы позитивизма, осталась суть старообрядчества. Раскол выступил против рационализации веры не потому, что боялся мыслить, а потому, что для средневекового русского мировоззрения рационализация означала ее выхолащивание, принижение. Не случайно, В.В. Розанов отмечал, что «раскол не понимает, как к акту спасения можно подойти с умственным анализом».

Внимание староверов к обряду и предметам культа (богослужбным книгам и иконам) объяснялось отнюдь не «скудоумием». Дело в том, что в православии обряд был подобен теургии, мистерии. Богослужение (обряд) и вероучение (догмат) не противопоставляются (что характерно для секулярного мышления), а представляют собой единое целое (Асанова, 2001: 20-24). Именно поэтому так болезненно восприняла реформу Никона часть тогдашнего российского общества: удар по обряду означал для нее удар по догмату. Повышенное внимание к обрядовой стороне религии обусловило особую роль в старообрядческой среде предметов культа – икон, книг, произведений медного литья и т.д. (Гольшев, 1869: 1-2). Для современных исследователей они являются и объектами искусствоведческого анализа, и ценными историческими источниками, проливающими свет на культуру, быт, мировоззрение, социальные отношения и т.д. немалой части российского общества. Предметы культа выступают как источник информации по миграционным путям, один из важных ориентиров становления локальных традиций и исторической памяти в староверческой среде.

Целью данного исследования заявлен анализ влияния модернизационных процессов рубежа XIX–XX вв. на искусство старообрядцев. Объективными предпосылками изменений в традициях искусства староверов стала эволюция социального-политического положения старообрядчества как составной части российского общества в конце XIX – начале XX вв. В этот период российское общество переживало процесс интенсивной модернизации, которая представляла собой переход от аграрного крестьянского общества к индустриальному городскому. Модернизация внесла существенный вклад в изменение социального статуса российского старообрядчества. Конфессиональная политика самодержавия в отношении старообрядцев приобретала все более либеральный характер (Машковцева, 2011: 26-36). Ключевую роль в исторических судьбах «ревнителей древнего благочестия» сыграли такие законодательные акты, как Манифест «Об укреплении начал веротерпимости» (17 апреля 1905 г.) и указ «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин» (17 октября 1906 г.). В результате староверы были уравнены в правах с адептами РПЦ, стали полноправной частью российского общества. Они получили право открывать собственные молельные дома и школы, совершать богослужения, печатать книги, создавать религиозные общины и т.п. (Введенский, 1912: 37-49).

Интересно, что влияние модернизационных процессов на российское старообрядчество на рубеже XIX–XX вв. имело двойственный, противоречивый характер. С одной стороны, старообрядцы стали полноправной частью российского общества. Ежегодно созывались Освященные соборы старообрядческой церкви и Всероссийские старообрядческие съезды, купцы из староверческой среды стали неотъемлемой частью финансово-промышленной и политической элиты поздней Российской империи, наступает невиданный расцвет старообрядческой культуры, давление власти и официальной церкви на старообрядцев практически сходит на нет. Но, с другой стороны, модернизация неизбежно приводит к столкновению со старообрядчеством как социальным институтом во многом традиционного общества, нивелирует его, размывает в общеимперском социуме. Так, на рубеже XIX–XX вв. усиливается социальное неравенство в среде староверов, происходит активное вовлечение многих представителей староверческой общности в политическую жизнь. Не остался без внимания современников и исследователей массовый переход детей староверов в казенные церковно-приходские и земские школы (Титова, 2016: 105-117), сглаживание различий между старообрядческой и официальной Русской православной церковью.

Эти противоречивые тенденции в полной мере отразились и на развитии старообрядческого искусства конца XIX – начала XX вв. В частности, модернизация привела к тому, что на рубеже XIX–XX вв. старообрядческое искусство внесло в официальное церковное искусство традиции древнерусской художественной культуры. В начале XX в. в России возникает мода на канонически написанные иконы, а ведь именно в искусстве староверов были сохранены традиции средневековой иконописи. Обратной стороной указанного процесса стала некоторая нивелировка грани между

старобрядческим и официальным церковным искусством. Двойственный эффект воздействия модернизации на старообрядческое искусство выразился также и в том, что иконописцы из старообрядческой среды начинают активно принимать заказы у адептов официальной РПЦ, расписывать православные храмы. Но, с другой стороны, у самих старообрядцев в молельных и частных домах начинают появляться иконы с признаками модерна и других стилистических направлений. Копируются и активно используются образцы народного лубка, далекие от канонических норм.

Приметой рубежа XIX–XX вв. стало явление написания старообрядческих икон «на поток» с целью достижения максимальной дешевизны. Для этого создавались большие мастерские – фабрики икон во владимирских селах (Мстёра, Холуй). На территории Волго-Вятского региона найдено немало икон, написанных на рубеже XIX–XX вв. мастерами Мстёры, Палеха, Холуя, которые искусно писали иконы «под старину», используя образцы XVI–XVII вв. (Быкова, Градобоева, 2015: 38-44). Это также затрудняет атрибуцию и типологизацию старообрядческих икон. Региональные иконописные традиции старообрядчества Волго-Вятского региона традиционно имеют центр и периферию. Естественно, что на приграничных территориях региональные признаки более размыты, подвержены обновлениям и заимствованиям. Центр, как правило, более стабилен и неподвижен.

В Вятской губернии ведущим культурным и иконописным центром стала типография Л.А. Гребнева, открытая в 1908 г. (Материалы к истории..., 2012: 91-115). При ней действовали мастерские – переплетная, иконописная и медного литья. Здесь трудились иконописцы Г.Ф. Фукалов и Р.И. Ваганов. Купцы Зоновы и Лаптевы поддерживали тесную связь с Л.А. Гребневым. В частности, иконы из мастерской Гребнева находились в молельне поморского согласия г. Вятки, построенной купцом Д.Ф. Зоновым. Именно в ней находился один из интересных образов Святого Христофора. На выполненной в стиле строгановского письма иконе Св. Христофор изображен с головой овцы. Тело кажется бесплотным, маленькие ноги едва касаются земли. На одежде затейливые узоры. Были применены золото и цветные лаки. При этом живописность сочетается с сухой графичностью. В клеймах – сцены из жизни Св. Христофора. В художественном решении прочитывается влияние книжной миниатюры.

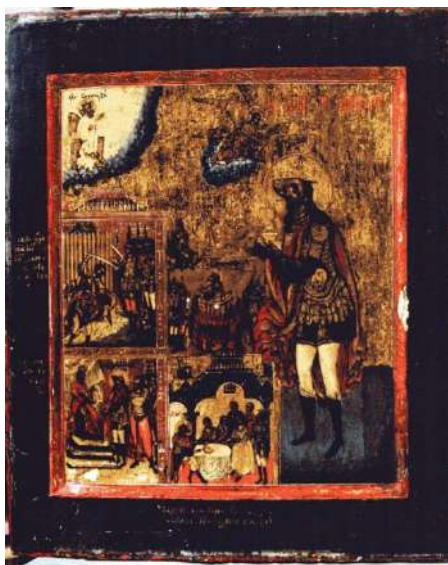

Рис. 1. Святой мученик Христофор. Кон. XIX в. Кировский областной краеведческий музей

Трудности типологизации старообрядческих икон на территории Волго-Вятского региона связаны, прежде всего, со значительной разбросанностью по регионам памятников с одинаковыми стилистическими особенностями. Причинами этого являются постоянные и многочисленные миграции старообрядцев, а также широко распространенная в практике староверческого иконописания работа по прорисям, которые также меняли свое местоположение вместе с мастерами.

Вместе с тем установлено, что на севере Волго-Вятского региона встречаются иконы поморского письма, на юге – иконы из Москвы, Нижегородской и Казанской губерний. Туда вятские староверы регулярно ездили на праздники, посещали молитвенные дома и ярмарки. Так, в Государственном архиве Кировской области (ГАКО) были обнаружены соответствующие счета, подтверждающие, что основатель молельного дома поморского согласия в г. Вятке Д.Ф. Зонов приобрел на Нижегородской ярмарке у вдовы Масленниковой икону Св. Николая Чудотворца (ГАКО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 114. Л. 2). В архиве также имеются данные о заказе иконостаса в мастерскую Григорию Мордвинину в Балаково для поморской молельной. (ГАКО. Ф. 288. Оп.1. Д. 114. Л. 7). Часть икон из иконостаса находится в собрании Кировского областного краеведческого музея. Корпоративные связи и заказы для купцов

поморского согласия в начале XX в. выполнялись в мастерских, работающих с конфессиональным приоритетом.

Нижегородские центры староверческого иконописания были ориентированы на различные толки и согласия (*Отчет священника...*, 1870: 191-203). Важным иконописным центром старообрядцев Нижегородской губернии был г. Городец. Известно, что в начале XX в. на Нижегородской ярмарке работало пять иконных лавок крестьян из Городца.

Привезенные из Нижнего Новгорода иконы были обнаружены в белокрыницкой молельне д. Богатыри Малмыжского уезда Вятской губернии. Одна из этих икон – Богоматерь «Всех Скорбящих Радость» (начало XX в.) изображена в полный рост в черном одеянии и пурпурном мафории. На левой руке – Иисус в красном одеянии. Изображенная в мандорле (сиянии) Богоматерь представлена как Царица Небесная. Слева и справа – предстоящие святые. Фон иконы позолоченный с геометрическим плетеным орнаментом. Над изображением – надпись гражданским шрифтом – «Все иже в гонении и заточении в темнии...».

Рис. 2. Богоматерь «Всех Скорбящих Радость». Нач. XX в. Кировский областной краеведческий музей

В похожем стиле написана икона «Сорок мучеников Севастийских». Она также была привезена в Вятскую губернию из Нижнего Новгорода. Об этом свидетельствует надпись на обороте. Икона написана на золотом фоне с растительным плетеным орнаментом (цировкой). Золотые зубчатые венцы, посылаемые Спасом для мучеников, напоминают узоры хохломской росписи.

В ходе экспедиций 2014–2018 гг. на территории Волго-Вятского региона было зафиксировано значительное число народных старообрядческих икон. Они заметно отличаются друг от друга стилистически в зависимости от местности и конфессиональной принадлежности.

Процессы индивидуализации, развития товарно-денежных отношений, характерные для модернизации, привели к тому, что в начале XX в. в старообрядческой среде появляются иконы с авторской подписью, а также иконы со штампами иконописных мастерских. По многочисленным пометам, оставленным на иконах, можно узнать имя заказчика и место его жительства, дату заказа, стоимость икон. Подпись на иконе позволяет уточнить особенности иконописного стиля, принадлежность автора к той или иной рукописной мастерской, выявить культурные связи.

Большое значение для развития старообрядческой иконописи играли иконописные мастерские в д. Верхний Услон (Казанская губерния) и в г. Сарапуле (Вятская губерния). В Сарапуле на рубеже XIX–XX вв. была хорошо известна мастерская потомственных иконописцев Колчиных (основана в конце XVIII в.). Иконы этой мастерской были распространены в Яранском, Малмыжском, Сарапульском, Глазовском уездах Вятской губернии и в северных уездах Нижегородской губернии. Лаконичность рисунка, тонкий колорит делают лучшие иконы этой мастерской подлинными произведениями народного искусства. Народные иконы сложно объединить в определенные группы, классифицировать и типологизировать. Однако можно выделить общие черты. К ним следует отнести грубоватую обобщенность рисунка, плоское пространство фона, упрощение деталей, графичность изображения. Так, в «народном стиле» выполнена икона Богоматери «О Всепетая Мати» из д. Богатыри Малмыжского уезда Вятской губернии.

Рис. 3. Богоматерь «О всепетая Мати». Нач. XX в. Кировский областной краеведческий музей

Однако в лучших своих проявлениях старообрядческие иконописцы из народной среды создавали подлинные шедевры. Одним из таких иконописцев был К. Мосейков, автор иконы «Огненное восхождение Ильи Пророка» (1897 г.). В огненно-красный круг легкими контурными линиями вписана повозка, запряженная крылатыми конями. В повозке – Илья Пророк. Внизу у потока на горках изображен пророк Елисей. Горки написаны четкими белильными лещадками. Справа сверху на синем фоне изображено благословляющее двуперстие. Этой иконе мастер придал «древний» вид, притеня краски.

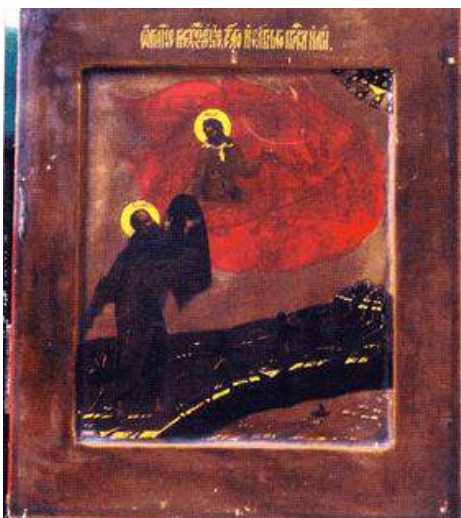

Рис. 4. Огненное восхождение Ильи Пророка. К. Мосейков. 1897. Кировский областной краеведческий музей

Правовая эмансипация российского старообрядчества в начале XX в. обусловила бурное развитие старообрядческой архитектуры. Началось не только перестраивание молелен, но и создание полноценных староверческих храмов с куполами, крестами, колокольнями, алтарями. Так, в Вятке в 1909 г. стараниями купцов Д.Ф. Зонова и братьев И. и М. Лаптевых была построена каменная молельня. В начале XX в. появляются старообрядческие храмы в вятских уездах. Церкви в деревнях Яшкино, Рыбная Ватага, Микварово, Бураши Малмыжского уезда сочетают в себе верность древнерусским традициям с чертами старообрядческого храмоздания. В Нижегородской губернии в конце 1900-х гг. в г. Семёнове при помощи купца А.П. Носова была заложена кирпичная церковь Николая Чудотворца. Она построена в псевдорусском стиле, украшена богатым декором и представляет собой двусветный одноглавый четверик, связанный притвором с шатровой колокольней.

Медное литье староверов Волго-Вятского региона на рубеже XIX–XX вв. продолжало оставаться достаточно консервативным (Мартынова, 2011: 251-254). В начале XX в. в Вятской и Нижегородской губерниях были распространены произведения художественного литья из Красносельской волости

Костромской губернии. Особую известность тогда приобрела мастерская Петра Яковлевича Серова (1863–1946). В Вятской губернии медные иконы производили в мастерской Л.А. Гребнева. По стилистическим признакам вятские медные иконы близки московским образцам. Старообрядческие меднолитые кресты и иконы – небольшие по размеру, выполнены из ярко-желтой меди. Обратная сторона икон и складней часто обработана напильником. Фон заполнен синей, желтой, белой и зеленой эмалью. Распространен растительный и геометрический орнамент.

5. Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующее заключение.

Начало XX в. – это время очередной своеобразной «волны обновления» предметов культа в среде старообрядцев, которая обусловила некоторые незначительные по характеру художественные (сюжетные, стилистические) новации. Определенное воздействие на традиционное искусство старообрядцев оказало и изменение социально-правового статуса российского старообрядчества, которое стало полноправной составной частью поздней имперской социума. Более тесные контакты с официальной РПЦ, активное участие в общественно-политической жизни страны обусловили тенденцию нивелирования различий старообрядческого и официального церковного искусства. Однако внимательное изучение памятников старообрядческого изобразительного искусства в Волго-Вятском регионе рубежа XIX–XX вв. показало, что именно оно менее всего подвергалось влиянию модернизационных инноваций. Иконопись, прежде всего, сохранила культурные традиции, духовное и художественное наследие российского старообрядчества предшествующего времени. Серьезные социальные трансформации, вовлечение в политическую жизнь, секуляризация образования и воспитания и другие модернизационные явления, размывающие традиционные скрепы старообрядчества, практически не отразились на развитии старообрядческого искусства. Оно, как и в прежние времена, оставалось носителем традиционных устоев духовной культуры «ревнителей древнего благочестия».

6. Благодарности

Исследование выполнено в рамках реализации проекта № 19-012-00238 «Локальные традиции и историческая память в искусстве старообрядцев XX – начала XXI вв.», поддержанного РФФИ.

Литература

Асанова, 2001 – Асанова П.Л. Фольклорная традиция конфессиональной группы: (по итогам работы экспедиции кафедры фольклора МГУ со старообрядцами Кировской области) // Вятский фольклор. Итоги и перспективы собирания и изучения вятского фольклора в последние десятилетия XX века. Киров, 2001. Вып. 5. С. 20-24.

Богданов, 2013 – Богданов В.П. Объективные и субъективные факторы в жизни старообрядческих общин в условиях модернизации // Старообрядчество в условиях модернизации: исследования и материалы. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 10-27.

Бручилина, 1999 – Бручилина Е.А. Беспоповские старообрядческие общины в Нижегородской области: (к вопросу о современном состоянии) // Мир старообрядчества. История и современность. М., 1999. Вып. 5. С. 262-278.

Быкова, Градобоева, 2015 – Быкова Е.В., Градобоева Е.А. Народное благочестие старообрядцев в молитве и иконе (по экспедиционным материалам в Кировской области 2012–2014 гг.) // Вятский родник: Сборник фольклорных и краеведческих материалов. Киров, 2015. С. 38-44.

Введенский, 1912 – Введенский А. Действующее законоположение касательно старообрядцев и сектантов. Одесса, 1912. 68 с.

ГАКО – Государственный архив Кировской области.

Гольшев, 1869 – Гольшев И.А. Производство медных икон в Никологородском погосте Вязниковского уезда // Вятские губернские ведомости. 1869. № 27. С. 1-2.

Долнаков, Журин, 2017 – Долнаков П.А., Журин Н.П. Профессиональное проектирование старообрядческих храмов в период «золотого века» // Культурное наследие Сибири. 2017. № 3. С. 98-103.

Ершова, 1999 – Ершова О.П. Старообрядчество и власть. М.: Уникум-Центр, 1999. 344 с.

Керов, 2007 – Керов В.В. Старообрядчество как конфессия раннесовременного типа и проблема «обрядоверия» // Старообрядчество: история, культура, современность: Вып. 12. М.: Музей истории и культуры старообрядчества, 2007. С. 4-10.

Киселев, 2010 – Киселев А.Г. Нижегородские промыслы и церковное искусство. Н. Новгород: Литера, 2010. 152 с.

Красилин, 1998 – Красилин М.М. Народные иконы: региональные особенности // Русское народное искусство. М.: Подкова, 1998. С. 67-74.

Майоров, 2007 – Майоров А. Скиты Керженского края. Семенов, 2007. 399 с.

Мартынова, 2011 – Мартынова Н.П. Старообрядческое литье села Старая Тушка // Художественный металл России. М., 2011. С. 251-254.

Материалы к истории..., 2012 – Материалы к истории старообрядчества Южной Вятки: Сборник документов / Сост. В.П. Богданов. М.: МАКС Пресс, 2012. 308 с.

Машковцева, 2011 – *Машковцева В.В.* Конфессиональная политика государства по отношению к старообрядческим культовым центрам в середине – второй половине XIX в. (на примере Малмыжского уезда Вятской губернии) // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2011. № 2–5. С. 26–36.

Отчет священника..., 1870 – Отчет священника Короваева // *Вятские епархиальные ведомости*. 1870. № 11. С. 191–203.

Поздеева, 1999 – *Поздеева И.В.* Личность и община в истории русского старообрядчества // *Мир старообрядчества. История и современность*. М., 1999. Вып. 5. С. 24–26.

Полозова, 2018 – *Полозова И.В.* Старообрядческая региональная традиция: общее и специфическое (на примере истории старообрядческих общин Саратовского края) // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения*. 2018. № 2. С. 264–269.

Рудаков, 2005 – *Рудаков С.* Старообрядческие толки и согласия на территории Нижегородской области: локальные традиции общеконфессиональной культуры // *Поморский вестник*. 2005. № 1. С. 27–29.

Титова, 2016 – *Титова Е.И.* Система образования у старообрядцев в Вятском регионе в XIX–XX вв. Киров: Радуга-Пресс, 2016. 262 с.

Трофимова, 2009 – *Трофимова Н.В.* Проблема стилистических истоков иконописи Горнозаводского Урала в отечественной историографии // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*. 2009. № 32. С. 78–83.

References

Asanova, 2001 – *Asanova P.L.* (2001). Fol'klornaya tradiciya konfessional'noj grupy: (po itogam raboty ekspedicii kafedry fol'klora MGU so staroobryadcami Kirovskoj oblasti) [Folklore tradition of the confessional group: (following the results of the expedition of the Department of Folklore of the Moscow State University with the Old Citizens of the Kirov Region)]. *Vyatskij fol'klor. Itogi i perspektivy sobiraniya i izucheniya vyatskogo fol'klora v poslednie desyatiletija XX veka*. Kirov. Vol. 5. pp. 20–24. [in Russian]

Bogdanov, 2013 – *Bogdanov V.P.* (2013). Ob'ektivnye i sub'ektivnye faktory v zhizni staroobryadcheskih obshchin v usloviyah modernizacii [Objective and subjective factors in the life of old communities in the context of modernization]. *Staroobryadchestvo v usloviyah modernizacii: issledovaniya i materialy*. М.: МАКС Press. pp. 10–27. [in Russian]

Bruchilina 1999 – *Bruchilina E.A.* (1999). Bespopovskie staroobryadcheskie obshchiny v Nizhegorodskoj oblasti: (k voprosu o sovremennom sostoyanii) [Unobtrusively Old City Communities in Nizhny Novgorod Region: (to the question of the modern state)]. *Mir staroobryadchestva. Istoriya i sovremennost'*. М. Vol. 5. pp. 262–278. [in Russian]

Bykova, Gradoboeva, 2015 – *Bykova E.V., Gradoboeva E.A.* (2015). Narodnoe blagochestie staroobryadcev v molitve i ikone (po ekspedicionnym materialam v Kirovskoj oblasti 2012–2014 gg.) [People's piety of Old Citizens in Prayer and Icon (according to expeditionary materials in Kirov region 2012–2014)]. *Vyatskij rodnik: sbornik fol'klornyh i kraevedcheskih materialov*. Kirov. pp. 38–44. [in Russian]

Dolnakov, Zhurin, 2017 – *Dolnakov P.A., Zhurin N.P.* (2017). Professional'noe proektirovanie staroobryadcheskih hramov v period «zlotogo veka» [Professional design of old-fashioned temples during the Golden Age]. *Kul'turnoe nasledie Sibiri*. No 3. pp. 98–103. [in Russian]

Ershova, 1999 – *Ershova O.P.* (1999). Staroobryadchestvo i vlast' [Old Belief and power]. М.: Unikum-Centr. 344 p. [in Russian]

GAKO – Gosudarstvennyj arhiv Kirovskoj oblasti [State Archives of Kirov Region].

Golyshhev, 1869 – *Golyshhev I.A.* (1869). Proizvodstvo mednyh ikon v Nikolgorodskom pogoste Vyaznikovskogo uезда [Production of medical icons in Nikolgorodsky pogost of Svyaznikovsky County]. *Vyatskie gubernskie ведомosti*. No 27. pp. 1–2. [in Russian]

Kerov, 1997 – *Kerov V.V.* (1997). Staroobryadchestvo kak konfessiya rannesovremennogo tipa i problema «obryadoveriya» [Old-fashioned as a denomination of the early modern type and the problem of "faith in the rite"]. *Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'*. Vol. 12. М.: Muzej istorii i kul'tury staroobryadchestva. pp. 4–10. [in Russian]

Kiselev, 2010 – *Kiselev A.G.* (2010). Nizhegorodskie promysly i cerkovnoe iskusstvo [Nizhny Novgorod crafts and church art.]. N. Novgorod: Litera. 152 p. [in Russian]

Krasilin, 1998 – *Krasilin M.M.* (1998). Narodnye ikony: regional'nye osobennosti [Folk Icons: Regional Features]. *Russkoe narodnoe iskusstvo*. М.: Podkova. pp. 67–74. [in Russian]

Majorov, 2007 – *Majorov A.* (2007). Skity Kerzhenskogo kraja [Monasteries of the Kerzhensky region]. *Semenov*. 399 p. [in Russian]

Martynova, 2011 – *Martynova N.P.* (2011). Staroobryadcheskoe lit'e sela Staraya Tushka [Old-fashioned casting of the village of Staraya Tushka]. *Hudozhestvennyj metall Rossii*. М. pp. 251–254. [in Russian]

Mashkovceva, 2011 – *Mashkovtseva V.V.* (2011). Konfessional'naya politika gosudarstva po otnosheniyu k staroobryadcheskim kul'tovym centram v seredine – vtoroj polovine XIX v. (na primere Malmyzhskogo uезда Vyatskoy gubernii) [Denominational policy of the state towards Old Russian cult centers in the middle – the

second half of the 19th century (on the example of Malmyzhsky county of Viatskaya province)]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. No 2-5. pp. 26-36. [in Russian]

Materialy k istorii..., 2012 – Materialy k istorii staroobryadchestva Yuzhnoj Vyatki: sb. Dokumentov [Materials to the history of Old Age of South Vyatka: a collection of documents]. M.: MAKS Press. 308 p. [in Russian]

Otchet svyashchennika..., 1870 – Otchet svyashchennika Korovaeva [Report of the priest Korovayev]. Vyatskie eparhial'nye vedomosti. No 11. pp. 191-203. [in Russian]

Polozova, 2018 – *Polozova I.V.* (2018). Staroobryadcheskaya regional'naya tradiciya: obshchee i specificheskoe (na primere istorii staroobryadcheskih obshchin Saratovskogo kraja) [Old-age regional tradition: general and specific (on the example of the history of old-age communities of the Saratov region)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. No 2. pp. 264-269. [in Russian]

Pozdeeva, 1999 – *Pozdeeva I.V.* (1999). Lichnost' i obshchina v istorii russkogo staroobryadchestva [Personality and community in the history of Russian Old Age]. *Mir staroobryadchestva. Istoriya i sovremennost'*. M. Vol. 5. pp. 24-26. [in Russian]

Rudakov, 2005 – *Rudakov S.* (2005). Staroobryadcheskie tolki i soglasiya na territorii Nizhegorodskoj oblasti: lokal'nye tradicii obshchekonfessional'noj kul'tury [Old-fashioned traditions and consents in the territory of Nizhny Novgorod region: local traditions of general religious culture]. *Pomorskij vestnik*. No 1. pp. 27-29. [in Russian]

Titova, 2016 – *Titova E.I.* (2016). Sistema obrazovaniya u staroobryadcev v Vyatskom regione v XIX-XX vv. [The education system of Old Citizens in Viatka in the 19th-XX centuries]. Kirov: Raduga-Press. 262 p. [in Russian]

Trofimova, 2009 – *Trofimova N.V.* (2009). Problema stilisticheskikh istokov ikonopisi Gornozavodskogo Urala v otechestvennoj istoriografii [Problem of stylistic origins of iconography of the Gornozavodsky Ural in the national historiography]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Social'no-gumanitarnye nauki*. No 32. pp. 78-83. [in Russian]

Vvedenskij, 1912 – *Vvedenskij A.* (1912). Dejstvuyushchee zakonopolozhenie kasatel'no staroobryadcev i sektantov [Current legislation on Old Citizens and Sectarians]. Odessa. 68 p. [in Russian]

Традиции искусства старообрядцев Волго-Вятского региона на рубеже XIX–XX вв. в историко-культурном контексте модернизации

Екатерина Васильевна Быкова^a, Константин Николаевич Тарасов^{a,*}

^a Вятский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья содержит анализ проблемы воздействия модернизационных процессов, происшедших в российском обществе во второй половине XIX – начале XX вв., на традиционное искусство старообрядцев Волго-Вятского региона. Новые явления в искусстве староверов рассматриваются в контексте серьезных изменений в их социально-правовом статусе, произошедших в начале XX в. Предпринята попытка выявить взаимовлияние социальных трансформаций и новаций в сфере художественной культуры в среде старообрядчества. Источниковую базу исследования составляют как письменные, так и изобразительные источники (старообрядческие иконы и предметы медного литья). Принципы исторического анализа письменных документов сочетаются с методами визуального искусствоведческого, экспертно-атрибуционного и формально-стилистического анализа. Комплексное изучение документов разных видов позволило проследить степень преломления традиций старообрядческой культуры и искусства в зеркале модернизационных трансформаций. Авторы подчеркивают двойственный, противоречивый характер влияния модернизации на искусство и культуру «ревнителей древнего благочестия». Обосновывается тезис о консервативном, в целом, характере традиционного искусства староверов. Оно, по сути, выступило главным носителем и транслятором традиционных социальных и духовных норм и правил в эпоху перехода российского имперского социума от традиционной к современной (modernity, modern society) модели общества. Исследование проведено на основе изучения материалов Волго-Вятского региона и позволяет выявить общее и особенное в процессах воздействия модернизационных изменений на общество, культуру и искусство российского старообрядчества.

Ключевые слова: старообрядческое искусство, иконопись, медное литье, модернизация, традиция, Российская империя.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tar-87@mail.ru (К.Н. Тарасов)

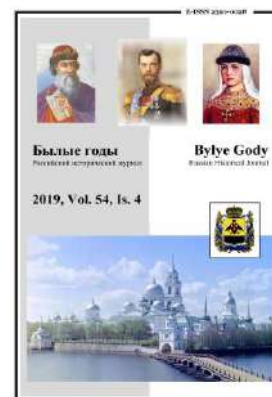
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1820-1831. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1820
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Some Aspects of Russian-Chinese Relations in the second half of the XIX century. Part 2

Vladimir B. Karataev^{a, b, *}, Lyudmila V. Shkvarya^c, Mayya A. Seliverstova^d,
Maria V. Melan'ina^c

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Peoples' Friendship University of Russia, Russian Federation

^d Sochi State University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the relationship between the two empires at the turn of the centuries: Russian and Chinese, as well as the history of the construction of the Chinese-Eastern railway as a kind of culmination of these relations. The work gives a general description of Russian-Chinese diplomatic relations since the beginning of diplomatic interaction between the two states, describes in detail the mutual relations of the parties in the second half of the XIX century, their goals when concluding the secret Moscow Treaty of 1896 (generally accepted historical name of the Russian-Chinese Treaty of Alliance of Russia and China against Japan), as well as the possibility of realization of their objectives. The problems of the Russian-Chinese Convention of 1898, the lease of the Liaodong Peninsula, and the construction of a naval base in Port Arthur are also directly discussed.

Keywords: the Chinese Eastern railway, Chinese Eastern railway, Southern-Manchuria railway, the Society of the Chinese Eastern railway, Port Arthur (Lyuishun), Dalny (Dalyan), the Liaodong Peninsula, Manchuria.

1. Введение

В современном мире Россия и Китай являются не только крупнейшими в мире державами, способными де-факто проводить независимую суверенную политику, но еще и весьма близкими партнерами. После «охлаждения» политических отношений с западными государствами Российская Федерация переориентировала центр дипломатической внешней политики на Восток, налаживая дружеские отношения, прежде всего, с Китаем, Индией, Филиппинами. Китаю это сотрудничество также очень выгодно: во-первых, огромный рынок сбыта товаров легкой промышленности в лице 140 млн российского населения крайне необходимы для продолжения развития китайской экономики, особенно после ухудшения отношений и «торговой войны» с США; во-вторых, Россия способна удовлетворить спрос китайской промышленности в углеводородах (прежде всего – газ). Для России эти отношения также весьма выгодны, прежде всего – как рынок сбыта газа, нефти, сырья и продукции тяжелой промышленности и военного назначения.

Вместе с тем отношения с Китаем складывались весьма непросто. Осваивая Дальний Восток, Российская империя в XVIII – первой половине XIX веков не могла сколь-либо целенаправленно и продуктивно вести дипломатические отношения с Китайской империей. Однако во второй половине XIX века, когда Дальний Восток стал относительно освоенной территорией, появились крупные города и форпосты, такие как Владивосток, Петропавловск-Камчатский, Хабаровск и другие населенные пункты, когда появилась железная дорога, соединяющая Дальневосточный регион с

* Corresponding author

E-mail addresses: incfar.karataev@gmail.com (V.B. Karataev), dastard@rambler.ru (L.V. Shkvarya)

Центральной частью России, начались и более тесные отношения с восточными соседями: Китаем, Кореей, Японией. Однако политика России в отношении Китая была сугубо «потребительской» (хотя и не столь жесткой и даже порой жестокой, как политика Великобритании или Японии) и была нацелена лишь на раздел «китайского пирога» императрицы Цы Си (Цыси).

После краха империи Китай в 1912 году становится республикой во главе с «отцом нации» Сунь Ятсеном, а позже – Чаном Кайши. После социалистической революции в России С. Ятсен сделал «поправки» своих политических взглядов, включив в программу и «коммунистический блок», в частности сотрудничество с коммунистами, поддержку рабочих и крестьян в борьбе за демократические ценности. Однако Ч. Кайши отошел от прокоммунистических взглядов и в итоге проиграл гражданскую войну 1927–1950 годов, отдав власть Мао Цзедуну, который и провозгласил 1 октября 1949 года новую Китайскую народную республику – название, существующее по сей день. Отношения СССР и КНР, несмотря на идеологическую общность, складывались весьма непросто, и лишь после масштабных реформ Дэна Сяопина, приведших к «китайскому экономическому чуду», отношения двух стран стали «теплеть» и в итоге трансформировались в нынешние, весьма дружеские.

Однако истоки таких отношений надо искать во второй половине и в конце XIX века, когда Российская империя в полной мере «открыла» для себя Китай. Попробуем проанализировать русско-китайские отношения в указанный исторический период. В данной части статьи, которая является продолжением предыдущей нашей работы (Shkvaryu, 2019: 1134-1143), мы хотели бы рассмотреть некоторые особенности взаимоотношений между Китаем и Россией в период 1890-х гг.

2. Материалы и методы

В данном исследовании нами используются источники, которые мы условно делим на три группы. К первой из них относятся документированные нормативные исторические материалы, представляющие собой межгосударственные соглашения. В данной работе, привлекая в качестве материалов соответствующие сборники документов, мы непосредственно исследовали Айгунский договор между Россией и Китаем о границах и взаимной торговле (1858) ([Сборник договоров России с другими государствами, 1952](#)), Пекинский трактат (1860) ([Сборник договоров России с другими государствами, 1952](#)), Союзный договор между Российской империей и Китаем (империей Цин) (1896) ([Сборник договоров России с другими государствами, 1952](#)), Русско-китайскую конвенцию (1898) ([Сборник договоров России с другими государствами, 1952](#)). Опосредованно (то есть в изложении других исторических трудов) нами рассматривались такие соглашения между Россией и Китаем, как Нерчинский договор (1689), Буринский трактат (1727), Кяхтинский договор (1727), Кульджинский договор (1851) и Тяньцзинские трактаты (1858).

Вторая группа источников представлена мемуарами современников, а также непосредственных участников некоторых вышеназванных соглашений. В частности, были проанализированы воспоминания С.Ю. Витте ([Витте, 1960](#)) и Э.Э. Ухтомского ([Ухтомский, 1900](#)). Сергей Юльевич Витте ([Витте, 1960](#)) – виднейший дореволюционный политический деятель и один из наиболее эффективных менеджеров правительств Александра III и Николая II. В многотомных мемуарах дается субъективная оценка и роль самого автора в описываемых событиях, которая порой входит в прямые противоречия не только с мемуарами других современников (в частности изученных нами воспоминаний известнейшего востоковеда, ориенталиста, дипломата князя Эспера Эсперовича Ухтомского; [Ухтомский, 1900](#)), но и историческими документами. Вместе с тем воспоминания Витте представляют собой подробнейший анализ той эпохи и, безусловно, имеют бесценное по своей сущности содержание. Витте, в отличие от Ухтомского, был активнейшим сторонником промышленного вторжения в Китай и ратовал за налаживание прочных долговременных отношений, пусть и несколько экономически агрессивных со стороны Российской империи. Ухтомский же, напротив, считал, что Китай должен сохранить свою самобытность и индивидуальность, а промышленное проникновение развитых стран, в частности России, хотя и повышает уровень жизни населения, но быстро «стирает» идентичность китайской культуры; втайне симпатизировал ихэтуаням, пытаясь оправдать их шовинистскую идеологию, а также был против участия России в Международной освободительной экспедиции восьми держав в 1900 году.

Наконец, третью группу источников представляют справочные дореволюционные труды и материалы, которые практически создавались в описываемый нами период. Нами, в частности, были использованы энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона ([Брокгауз, Ефрон, 1890–1907](#)) и путеводитель Восточной Китайской железной дороги ([Путеводитель, 1907](#)).

В исследовании использована совокупность научных методов: многофакторности и интегрированности, периодизации, типологизации, сравнения и пр., которые в единстве обеспечивают надежность результатов по рассматриваемой проблеме. Исследование имеет междисциплинарный характер, базирующийся на принципе компаративистики, который позволит выявить различные уровни информативности источника, а также сопоставить сведения различных источников о той или иной исследуемой проблеме.

3. Обсуждение

Историографию мы делим на три группы: зарубежную, отечественную советского периода и отечественную современного периода.

К первой относим работы С. Пэйна, Чж. Янгвэня, П. Зэйана, А.Т. Толеубаева, Ж.К. Касымбаева, М.К. Койгелдиниева, Е.Т. Калиевой, Т.Т. Далаевой и др.

Ко второй группе следует отнести работы комплексного характера, представляющие собой учебные пособия (авторы В.П. Потемкин, В.Г. Тюкавкин, В.А. Корнилов, А.В. Ушаков, В.И. Старцев, А.Л. Сидоров, А.П. Погребинский) и справочники (Большая Советская энциклопедия, энциклопедия М.К. Козыбаева), а также научно-популярные исследования по отдельным проблемам описываемой нами темы (работы А.Н. Степанова, В.С. Пикуля и др.), в том числе и современников описываемых нами событий, которые осветили проблему не только с исторической, но и отчасти с литературной позиции (А.С. Новиков-Прибой).

К третьей группе относим фундаментальные исследования по отдельным проблемам анализируемого вопроса (монографии Ю.М. Галеновича, Н.Е. Абловой, П.В. Мультатули, К.А. Залесского, С.А. Балакина, А.П. Корелина, С.А. Степанова и др.), статьи в сборниках научных трудов (И.В. Лукоянов и др.), а также справочные издания (Энциклопедия «Томск от А до Я» Н.М. Дмитриенко).

Тема освещена достаточно полно как в научной, так и популярной и учебной литературе. В силу того что проблема русско-китайских отношений стремительно набирает популярность, объем данной статьи не позволяет сделать даже краткий обзор и упоминание всех трудов по данной проблематике. Поэтому вкратце осветим лишь те работы, которые были нами исследованы непосредственно.

Среди советских работ особо хотелось бы отметить пособие по истории дипломатии, выполненное под редакцией В.П. Потемкина (Потемкин, 1959). В нем анализируются не только русско-китайские соглашения XVI–XX веков, но и дается анализ политической и экономической ситуации России и Китая. К недостаткам работы, как, собственно, и абсолютному большинству исследований советского периода, следует отметить излишнюю заидеологизированность и «рекламу» социалистических идей в противовес «царскому капитализму».

Из современных работ наибольший для нас интерес представляет исследование Ю.М. Галеновича (Галенович, 2015), который попытался сделать антологию русско-китайских отношений за всю их историю. Несмотря на некоторую претенциозность, труд является глубоким, масштабным и весьма интересным с исторической точки зрения.

Также очень много информации о взаимоотношениях двух государств есть в работах современных отечественных историков, которые хоть и имеют другой предмет исследования, но для полноты изучения так или иначе непосредственно вынуждены освещать и проблему нашего исследования (Мультатули, Залесский, 2015; Тюкавкин и др., 1990; Сидоров, 1965; Погребинский, 1954).

В работах энциклопедического характера содержатся краткие фактологические или биографические сведения, также оказавшиеся весьма полезными в контексте нашего исследования (Брокгауз, Ефрон, 1890–1907; Советская историческая энциклопедия, 1962–1976; Дмитриенко, 2004; Козыбаев, 1983).

Большую ценность представляют биографические исследования деятельности С.Ю. Вите как одного из важных «локомотивов» николаевской внешней политики, особенно на дальневосточном направлении (Корелин, Степанов, 1998).

Важную роль для данной работы сыграли и зарубежные исследования. Так, американский историк С. Пэйн через историю японо-китайской войны в 1894–1895 годах (Paine, 2003) освещает особенности цинской дипломатии в этот период, в том числе и в отношениях с Российской империей. Также затрагивается вопрос русско-китайских отношений и в других статьях, предметом исследования которых являются другие исторические вопросы (Zeihan, 2014, Mamadaliev et al., 2018 и др.). Исключительно интересен фундаментальный труд китайского социального историка Чж. Янгвэня, изданного на английском языке; в своей монографии автор исследует повседневную жизнь китайцев в период опиумных войн и влияние западных агрессоров на китайскую культуру, а также некоторые вопросы взаимоотношений китайцев и иностранцев. В зарубежных трудах, анализирующих историю других государств, также содержится много полезных сведений о русско-китайских отношениях (Толеубаев и др., 2006).

Говоря о сотрудничестве России и Китая в конце XIX – начале XX веков, нельзя не упомянуть некоторые аспекты этих отношений, выраженные в конкретных экономических и прочих материальных воплощениях, например строительстве Китайско-Восточной железной дороги (Аблова, 2004), создании Русско-Китайского банка (Лукоянов, 2008) и пр.

В отдельную историографическую группу следует отнести исторические романы. Несмотря на то, что таковые относятся к жанру научно-популярной литературы (Степанов, 1983; Пикуль, 1989), тем не менее они дают общее представление в том числе и о русско-китайских отношениях на рубеже

XIX–XX веков; более того, некоторые из них выполнены современниками тех событий (Новиков-Прибой, 1977).

Можно также отметить и работы, посвященные внешней политике Российской империи на других окраинах, например, Кавказе (Cherkasov et al., 2015; Cherkasov et al., 2015a; Cherkasov et al., 2016; Cherkasov et al., 2017; Cherkasov et al., 2017a; Cherkasov et al., 2018; Cherkasov et al., 2018a). Эти труды позволяют выявить многообразие поведенческих форм русской администрации, в том числе военной, в вопросах внешней политики.

4. Результаты

Параллельно нарастали противоречия России с Японией. Это вынуждало русское правительство срочно искать возможности военно-морского присутствия в незамерзающем Желтом и/или Японском морях для устранения военной угрозы и для возможной торговой блокады потенциального островного противника. Предпочтительнее был, конечно, первый вариант; идеальным представлялся Ляодунский полуостров (более подробно см. Mamadaliev et al., 2018). Таким образом, русская дипломатия вновь стала искать пути давления на одряхлевшее китайское правительство под руководством стареющей, но «вечно властвующей» «вдовствующей Великой императрицы» Цы Си (Цыси). Однако следует отметить, что имевшая реальную власть с 1861 г. до самой смерти в 1908 году, в 90-х годах XIX века Цыси формально дала возможность править своему племяннику Цзяйтяню, ставшему императором в 1889 году под именем Гуансюй. Оставив контроль за тронном за собой, Цыси не сильно вмешивалась в политику, дав молодому императору возможность до определенной поры проявить себя. Гуансюй начал политику реформ, которая, впрочем, разбилась о претензии Японии к контролю за Кореей и Ляодунским полуостровом.

В итоге японо-китайские противоречия закончились крайне неудачным для Китая военным столкновением. Проигранная Китаем японо-китайская война 1895 года фактически привела не только к ликвидации китайской армии и флота, но и к невероятным долгам в виде огромных репараций Стране восходящего солнца. Безусловно, в такой ситуации Гуансюй был готов на любые условия и, прежде всего, искал защиты от японских притязаний. На «помощь» пришла Россия со своими, значительно менее кабальными условиями.

Так, 22 мая 1896 года в Москве был подписан очередной «односторонний» русско-китайский договор, получивший в историографии название Союзного договора между Российской империей и Китаем (империей Цин), или «Московский договор». Это секретное соглашение носило «прицельно» антияпонский характер и предусматривало прямую защиту Китая и Кореи: в случае японского вторжения в указанные территории Россия должна была вступить в войну с Японией. С российской стороны его подписали министр иностранных дел князь А.Б. Лобанов-Ростовский и министр финансов С.Ю. Витте. С китайской стороны свою подпись под документом поставил престарелый Ли Хунчжан – руководитель внешней политики Цинской империи, а также влиятельное и доверенное лицо Цыси, причем далеко не только в дипломатических вопросах.

Однако российские дипломаты смогли «продать» несколько «необходимых» условий для реализации успеха этого военного союза: России нужна была незамерзающая военно-морская база (акватория Владивостока зимой замерзала и делала невозможной экстренную переброску войск и быстрый выход военных кораблей) и железная дорога для переброски войск на случай войны (соответствующая конвенция будет подписана двумя годами позже). Распространенным является мнение, что договор носил также идеологический характер: он был противопоставлен союзу Японии, Великобритании и США (см., напр., Галенович, 2015) и давал своего рода сигнал политическим оппонентам о готовности России «сражаться до последнего». В историографии является распространенным мнение, что за столь щедрый для Российской империи договор Хунчжан получил из рук Витте огромную взятку в размере от 500 тысяч (так считали в то время в Европе; Корелин, Степанов, 1998) до 3 млн. рублей (эта цифра фигурирует в мемуарах дипломата князя Э.Э. Ухтомского; Ухтомский, 1900). Сам Витте в своих мемуарах информацию о взятке, разумеется, отрицает (Витте, 1960).

И Гуансюй, и Цыси, и Хунчжан, безусловно, понимали истинную суть Союзного договора: опасность экономического (и отчасти – военного, для охраны будущей железной дороги и военно-морской базы) вторжения была очевидна. Таким же образом поступали и западные «партнеры» Китая: ввозя огромное количество дешевых и качественных промышленных товаров, они «убивали» китайскую промышленность, превращая экономику в типичный сырьевой «придаток». Благополучной такая экономика стать априори не может. Не будет преувеличением тезис о том, что спустя чуть более 100 лет – во втором десятилетии XXI века – Китай начнет «платить» своим вчерашним «обидчикам» «той же монетой», массово наводняя западные страны своей сходной по качеству, но значительно более дешевой продукцией. Но, к сожалению, другого выхода у молодого императора и его бывшей престарелой регентши не было. Условия России были значительно лучше, чем те, что предлагали Япония, Великобритания или Франция: первая настаивала на прямом отторжении территорий, вторая и третья уже весьма неплохо «поживились» в Китае и «статус кво» их в целом устраивал. Германия же и вовсе перешла к открытой агрессии, отторгнув в 1898 году Цзяо-

Чжоу (более известный в отечественной историографии романизированный вариант Киао-Чао; см., напр., [Степанов, 1983](#); [Новиков-Прибой, 1977](#); [Пикуль, 1989](#) и др.) с портом и военно-морской базой Цингтау (в советской и российской историографии – Циндао; см., напр., [Степанов, 1983](#); [Новиков-Прибой, 1977](#); [Мультиатули, Залесский, 2015](#); [Балакин, 2004](#) и др.). Поэтому среди остальных развитых держав условия России были наиболее гуманными и учитывали интересы не только «агрессора», но и «колонизированной» державы. Следовательно, у китайского правительства выбора не оставалось, кроме как соглашаться на условия Николая II – это были лучшие на тот момент условия, которые хоть как-то гарантировали безопасность и защиту китайской государственности.

Справедливости ради следует отметить еще два немаловажных момента: первый – это кредитование китайского правительства. После поражения в японо-китайской войне 1895 года Цинская империя, как уже указывалось выше, испытывала крайнюю нужду. И Россия, пытаясь заключить Московский договор 1896 года, сделала несколько щедрых встречных шагов китайскому правительству. Прежде всего – это огромный кредит в 150 млн рублей (если мерять «капитальными кораблями», то эта сумма эквивалентна флоту из 15–17 первоклассных современных линкоров, который на тот момент имела только Великобритания. Пустив эти деньги на строительство флота, Россия вполне смогла бы отобрать у нее звание «владычицы морей») под 4 % годовых, выданных Китаю в 1895 году. И это при том, что Россия сама занимала деньги у Франции для становления промышленности. Западные страны и Япония столь щедры с Китаем вовсе не были, хотя имели доход от производства, значительно больший (кроме Страны восходящего солнца), нежели Россия; в частности, экономика Франции (в пересчете на рубли) давала казне 8–10 млрд, Великобритании – 10 млрд, а России – лишь 4 млрд ([Погребинский, 1954](#)). Можно бесконечно долго фантазировать на тему, сколько дохода русской казне принесла бы сумма в 150 млн руб., будь она вложена в разработку месторождений, строительство промышленных предприятий, железных дорог или торгового флота, но тот факт, что Николай II (вероятно, не без помощи С.Ю. Витте) сделал выбор в пользу кредита Китаю, говорит о многом. Русский император (с подачи его весьма компетентных в экономическом плане советников) явно «вкладывал» деньги, рассчитывая получить с «дальневосточной кампании» значительно больше. Поэтому подобная щедрость тоже имеет ярко выраженную экономическую подоплеку. Но с точки зрения Китая кредит стал настоящим спасением экономики, точно так же, как французские вливания в русскую экономику в эти же годы стали одним из условий промышленной революции в России. Поэтому «кабальность» Московского договора, особенно учитывая те жертвы, на которые вынуждено было пойти русское правительство, вполне можно поставить под сомнение.

Второй момент заключается в налаживании тесного финансового сотрудничества. По инициативе того же Витте, в том же 1895 году был основан совместный Русско-Китайский банк. Целью создания было содействие русско-китайским экономическим связям и кредитование не только КВЖД и ЮМЖД, но и других предприятий, представлявших экономический интерес не только России, но и Китая. И если основной капитал в 1896 году составлял 6 млн руб., то в 1903 году он вырос в 2,5 раза – до 15 млн, а чистая прибыль в указанные годы выросла с 738 тыс. руб. до 4,3 млн руб. ([Лукоянов, 2008](#)). В целом сложно переоценить роль этого банка в промышленном развитии Маньчжурии и Ляодуна.

В таких условиях в 1898 году был подписан очередной, эпохальный в отношениях двух держав документ, который получил название Русско-китайской конвенции (далее – Конвенция). Условия ее были разработаны и согласованы в конце 1897 года, а подписана она была 15 марта 1898 года в Пекине российским дипломатом в Китае А.И. Павловым и все тем же Ли Хунчжаном. Конвенция прямо предусматривалась Союзным договором и была его логичным завершением. Согласно статьям I–III данного документа, Российская империя получала в аренду на 25 лет китайский морской порт Люйшунь (аналогичное название город носит и сейчас), переименованный в Порт-Артур, и торговый порт Дальний (современный г. Далянь) с прилегающими водными пространствами и территориями. На данных территориях устанавливалось российское военное и гражданское управление (ст. IV Конвенции), а территория, севернее указанной, объявлялась нейтральной (ст. V Конвенции): управлялась она китайскими чиновниками, однако китайские войска могли заходить на нее лишь по согласованию с русской стороной. В порт Люйшунь (Порт-Артур) как военно-морскую базу имели право заходить только суда Российской и Цинской империй, в то время как вход в торговый порт Дальний являлся свободным для торговых судов всех стран (ст. VI Конвенции). Конвенция также давала Обществу Китайско-Восточной железной дороги (далее – КВЖД; об этом ниже) право на постройку одной железной дороги через Ляодунский полуостров и Южную Маньчжурию (Южно-Маньчжурская железная дорога) из какого-либо одного пункта КВЖД (строительство которой было предусмотрено Союзным договором от 1896 г.). Дорога должна была простирается до г. Дальнего, а в случае необходимости – еще до одного любого пункта между городом Инцзы и рекой Ялуцзян ([Рис. 1](#)).

7 мая 1898 года к Конвенции был подписан дополнительный протокол, согласно которому Китаю запрещалось без согласия России передавать какой-либо третьей державе территории, расположенные в нейтральной зоне, а также не предоставлять концессий на разработку месторождений и создание промышленных объектов. А 16 августа 1899 года указом Николая II

создается так называемая Квантунская область, в которую включались полученные по Конвенции территории Ляодунского полуострова.

Союзный договор 1896 года предусматривал строительство железнодорожной магистрали через маньчжурские территории, которая после подписания еще одного соглашения 8 сентября 1896 года китайским дипломатом в Санкт-Петербурге и Берлине Сюем Дзенченом с Русско-Китайским банком получила название Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). С учетом протяженности, а также сложности сменяющегося горного (северо-восточная Маньчжурия) и болотно-речного (юго-западная часть Маньчжурии) рельефа дорогу построили феноменально быстро: менее чем за 7 лет магистраль связала Читу с Владивостоком и строящимся Порт-Артуром (Рис. 1). Безусловно, в подобной оперативности, в первую очередь, просматривается заслуга С.Ю. Витте, который, к слову, был большим противником русско-японской войны...

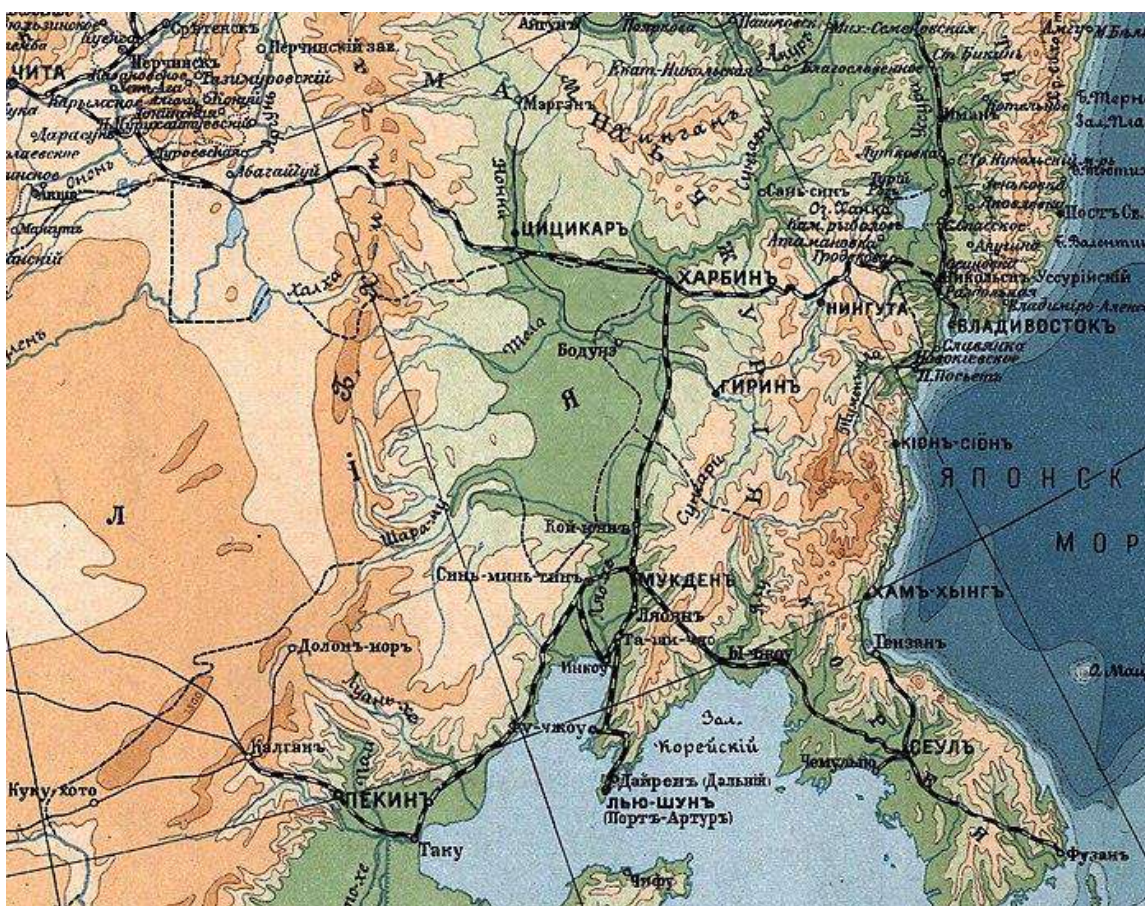

Рис. 1. Карта с изображением КВЖД, ЮМЖД, Порт-Артура и Дальнего

Русско-Китайский банк получил монопольный подряд на строительство КВЖД. Договор о КВЖД от 06.08.1896 имел срок действия 80 лет, то есть магистраль становилась фактической собственностью российской империи на означенный срок. Соглашение предусматривало и создание банком соответствующего акционерного общества. Тот факт, что 16 декабря 1896 года Устав Общества КВЖД утверждался самим Николаем II, говорит о первостепенной важности данной магистрали для российской короны. Уставной капитал составлял 5 млн рублей – весьма внушительная по тем временам сумма, сопоставимая с половиной стоимостью первоклассного линейного корабля. В конце декабря император Гуансюй утвердил председателя общества; им стал тот самый С. Дзенчен.

Началом строительства считается день 16 августа 1897 года. Кадровый персонал подбирал непосредственно Витте, который был в свое время министром путей сообщения, дослужился до министерского кресла, побывав на множестве самых разных должностей, в том числе изучая даже работу кассиров (однако получая при этом огромное годовое жалованье в 2400 рублей, а впоследствии и вовсе фантастические 40 тыс., благодаря знакомству его отца с тогдашним министром путей сообщения графом А.П. Бобринским), и поэтому знал железнодорожное дело «от и до». Главным инженером стал А.И. Югович, прекрасный специалист и доверенное лицо Сергея Юльевича. Работы начались одновременно с трех связываемых направлений – Ляодуна (Порт-Артура), Забайкалья и Приморья. На месте пересечения двух веток дороги вырос целый город – Харбин, нынешний китайский мегаполис с населением в 5 млн. человек; первое сооружение в городе

– барак для строителей – был построен под руководством российского инженера польского происхождения А. Шидловского.

Однако внутривосточные противоречия в Китае затормозили сроки строительства. Возмущенные иностранной интервенцией, китайские простолюдины, негласно поддерживаемые знатью, стихийно собирались в отряды и, продвигая националистические идеи, боролись против иностранцев, не брезгуя никакими способами ведения войны. Отряды получили название «ихэтуаней» (с китайского «отряд справедливости и гармонии»), а само восстание в историографии обычно называют «Ихэтуаньским» или «Боксерским»: в буквальном смысле слова, китайское «цунань» («туань»/«чуань», при романизации tuán) означает «кулак», что дало повод британцам пошутить по-английски, однако эта шутка прочно закрепилась как у современников, так и историков. Безусловно, сами интервенты подтолкнули китайцев к восстанию, так как масштабное строительство развитыми промышленными державами железных дорог, фабрик, налаживание почтовой и телеграфной связи, а также проникновение в Китай дешевых и качественных зарубежных фабричных товаров оставило без работы огромную массу простого народа. Доведенные до отчаяния, они решились восстать массово, стихийно и практически одновременно в разных регионах фактически для того, чтобы попросту выжить; одним из критериев «вынужденности» является тот факт, что среди восставших было огромное количество женщин и детей. Правительство Гуансюя и Цыси не смогло занять четкую позицию в отношении восставших, вполне понимая ненависть китайцев к интервентам, но опасаясь возмездия «сильных мира сего» и навязывания еще более кабальных «соглашений». Крайне жестокие методы расправы ихэтуаней не только с иностранцами, но и с собственным «небуддистским» населением, а также боязнь санкций западных государств в итоге заставили официальную власть присоединиться к «Альянсу восьми держав» в деле подавления восстания. С российской стороны, принявшей на себя основной удар восставших, погибло около 300 солдат и казаков (не считая инженеров и строителей КВЖД). Почти через три года, в 1901 году, оно было ликвидировано, и российским инженерам можно было вновь полными темпами заниматься строительством железнодорожной магистрали.

14 мая 1903 года состоялось открытие КВЖД. Управление ею, которое ранее было сегментированным из-за большой протяженности, становится централизованным и переходит в руки Эксплуатационного управления. Стоимость дороги была названа в 152 тыс. руб. за версту. Скорый поезд из Москвы достигал Порт-Артура за тринадцать суток и четыре часа (прекрасный показатель для того времени; современный поезд «Российских железных дорог» достигает Владивостока – ориентировочно 7/8 пути Москва–Порт-Артур – за 6 (скорый) или 7 (обычный) суток). Обычный пассажирский поезд шел около 16,5 суток. Цена билетов, согласно путеводителю Восточной Китайской железной дороги (в дореволюционных источниках слово «Восточной» находится впереди, образуя таким образом ВКЖД), варьировалась от 272 руб. (1-й класс скорого поезда) до 64 рублей (3-й класс пассажирского). В управлении КВЖД находилась паромная сеть: в день прибытия в Порт-Артур пассажир мог сесть на паром-экспресс, следовавший в Шанхай или Нагасаки.

К сожалению, китайскими историками не всегда упоминается тот факт, насколько более развитой стала Маньчжурия после строительства КВЖД. Население увеличилось практически в два раза (с 8,1 до 15,8 млн чел. к 1908 году; [Аблова, 2004](#)), территория значительно преобразилась в промышленном и торговом отношениях, выросло благосостояние населения. Тот факт, что население Дальнего, Порт-Артура и Харбина превзошло по количеству население основанных ранее Хабаровска, Владивостока или Благовещенска, говорит о многом: раз была такая, с позволения сказать, «повальная эмиграция», значит русскими и китайскими властями создавались и соответствующие условия. Тогда же появилась и нынешняя, печальная для современной Российской Федерации, тенденция: лишенные работы в зимний период, десятки тысяч китайцев перебирались на заработки в приграничные русские дальневосточные города. В отличие от сегодняшней ситуации русское правительство всячески стимулировало китайскую эмиграцию, ибо катастрофическая нехватка населения сильно тормозила развитие края.

Как и предвидело китайское правительство, восстание «боксеров» привело к навязыванию Китаю очередных кабальных условий со стороны других государств. Россия не стала исключением. Более того, справедливо полагая, что именно русские солдаты приняли на себя главный удар, российская армия несправедливо и самовольно оккупировала северо-восточные области Цинской империи – к полнейшему неудовольствию стран по Союзнической армии в целом, и китайского правительства в частности. Видя неумные аппетиты царского правительства, и Цыси, и Ли Хунчжан не шли ни на какие переговоры об уступках и дальнейших преференциях российской стороне, прекрасно понимая дипломатическую (а в случае чего – и военную!) поддержку со стороны остальных аггрессоров.

30 июля 1903 года Николай II создает своим указом так называемое Дальневосточное наместничество, куда входит как полвека уже российское Приамурское генерал-губернаторство, так и арендованная по Конвенции Квантунская область. Наместником становится доверенное лицо императора – адмирал Е.И. Алексеев. Подобное назначение нам представляется не случайным. В целом, мы соглашаемся с позицией советской историографии о том, что целью такого назначения

была реализация дальнейших агрессивных планов русского правительства на Дальнем Востоке (Потемкин, 1959; Степанов, 1983; Советская историческая энциклопедия, 1962–1976; В.Г. Тюкавкин, В.А. Корнилов, А.В. Ушаков, В.И. Старцев, 1990; Сидоров, 1965 и др.). Близость к двору, возможно, была обусловлена кровным родством: «юридически» отцом Алексеева был капитан-лейтенант И.М. Алексеев, фактически же таковым считают императора Александра II (Советская историческая энциклопедия, 1962–1976: 379). Будучи военным человеком, добившийся высшего военно-морского чина Российской империи¹, пройдя службу практически с самых низов и посвятив только ей всю свою жизнь (семью так и не создал), Евгений Иванович отличался весьма воинственным и исключительно упрямым характером. За участие в подавлении восстания ихэтуаней был награжден высокими государственными наградами не только русским и китайским, но еще и французским, прусским и бельгийским правительствами. Не будет преувеличением и тезис о том, что именно стараниями Алексеева военно-морская база и порт Порт-Артур были оборудованы и подготовлены в кратчайшие сроки; однако об этих и прочих безусловных его заслугах советские историки «скромно» умалчивают. Вполне возможно, что в случае с порой искусственным нагнетанием напряженности со Страной восходящего солнца (несмотря на прямые противоречия Российской и Японской империй, персональная «заслуга» в развязывании русско-японской войны лежит, безусловно, прежде всего на Алексееве) наместник выполнял устное распоряжение самого императора. И в этом нет ничего удивительного, так как в агрессивной по отношению к Японии деятельности очень четко прослеживается экономический подтекст: Алексеев лоббировал интересы русской промышленности в целом (и императорской фамилии в частности) в Маньчжурии и Корее.

В целом, после подавления ихэтуаньского восстания отношения Китая и России можно назвать вполне дружелюбными, если не считать агрессивного русского экономического проникновения. Правительство Цинской империи старалось делать «хорошую мину при плохой игре» и лишний раз не раздражать своих «защитников» в лице русского императорского дома, прекрасно осознавая, что японское господство будет еще хуже (что, собственно, и покажет история впоследствии: покорение Китая японцами во время Второй мировой войны было крайне жестоким). Россия, в свою очередь, пыталась получить экономическую выгоду, но, в отличие от западных держав, достаточно «гуманным» путем, ибо давала взамен то, в чем Китай остро нуждался – военную защиту, государственное кредитование и кредитование предпринимательской деятельности.

Однако планам Николая II не суждено было реализоваться. Японское военно-морское руководство сумело перехитрить русских адмиралов и военачальников, развязав войну неожиданно и в наиболее удобный для себя момент. Крайне неудачная русско-японская война 1904–1905 годов привела Россию к поражению в Китае. Задуманная как «маленькая победоносная», она в полной мере выявила все недостатки управления военно-морскими и сухопутными силами. Неготовность России к войне и невероятная везучесть японского флота привели к позорному для Российской империи Портсмутскому соглашению 1905 года, согласно которому Московский договор и Конвенция были денонсированы, Россия понесла территориальные и экономические потери и лишь благодаря дипломатическому искусству Витте смогла сохранить то, что приобрела по Айгунскому и Пекинскому соглашениям.

5. Заключение

Другие соглашения, заключенные в 1896–1898 годах, на наш взгляд, кабальными считать не следует, так как они были направлены не только на получение Россией экономических и территориальных выгод, но и защищали Китай от агрессии Японии, а также являлись продолжением финансовой помощи правительству Гуансюя и Цыси в виде огромного российского кредита, буквально спасшего китайскую экономику. К таковым договорам следует отнести два соглашения. Первое – это тайный Союзный договор 1896 года (так называемое «Московское соглашение»), предусматривавший, с одной стороны, защиту от открытой и безвозмездной японской агрессии, с другой – строительство Китайско-Восточной железной дороги и, соответственно, агрессивное промышленное проникновение Российской империи в Маньчжурию. Второе – это Русско-китайская конвенция 1898 года, которая передавала в аренду часть территорий Ляодунского полуострова с правом строительства военно-морской базы Порт-Артур и торгового порта Дальний; конвенция стала логичным продолжением Московского соглашения, так как для защиты Китая русскому флоту требовалась незамерзающая база на Дальнем Востоке. Также она предусматривала строительство железнодорожной ветки до указанных портов – Южно-Маньчжурской железной дороги.

¹ Звание генерал-адмирала, разумеется, в счет не берем, так как после 1762 года оно давалось только царственным особам. Последним из шести за всю историю (от времен Петра I до Николая II) русских генерал-адмиралов это воинское звание имел великий князь Алексей Александрович – брат Александра III и дядя Николая II. О «совершеннейшей» недостижимости этого звания для нецарственных особ косвенно говорит тот факт, что сам Алексей Александрович получил генерал-адмирала в 1883 году, а «нижестоящее» звание адмирала – через пять лет, в 1888! Поэтому мы не считаем фактической ошибкой считать звание адмирала высшим флотским чином в царской России (по тогдашней терминологии и в научной литературе часто употребляется термин «полный адмирал»).

Огромную роль в заключении русско-китайских договоров 1896–1898 годов сыграл виднейший русский экономист и один из самых эффективных менеджеров николаевской эпохи С.Ю. Витте. Он был сторонником агрессивной экономической политики в Китае и Корее, но противником открытого военного столкновения с Японской империей. Однако такое столкновение, по справедливому, на наш взгляд, мнению императора Николая II, было неизбежным. Для подготовки военной и политической «почвы» войны наместником на Дальнем Востоке был назначен адмирал Е.И. Алексеев, который со своей стороны сделал все возможное для развязывания русско-японской войны 1904–1905 годов. Однако военное руководство России недооценило качество подготовки Японии к войне, и поражение в ней стало крайне неприятным ударом по экономике и авторитету Российской империи, а договоры с Китаем 1896–1898 годов были денонсированы Портсмутской конвенцией 1905 года.

6. Благодарности

Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100».

Литература

- Аблова, 2004** – Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае. М.: Русская панорама, 2004.
- Айгунский договор, 1858** – Айгунский договор между Россией и Китаем о границах и взаимной торговле, Айхунь (Айгун), 16 мая 1858 г. // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М.: Политиздат, 1952.
- Балакин, 2004** – Балакин С.А. Морские сражения Русско-японской войны 1904–1905. М.: Моделист-конструктор, 2004.
- Брокгауз, Ефрон, 1890–1907** – Байков Федор Исакович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.
- Витте, 1960** – Витте С.Ю. Воспоминания в 3-х томах. М.: Соцэкгиз, 1960.
- Галенович, 2015** – Галенович Ю.М. Китайские претензии: шесть крупных проблем в истории взаимоотношений России и Китая. М.: НП ИД «Русская панорама», 2015.
- Дмитриенко, 2004** – Петлин Иван // Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города / Под ред. Н.М. Дмитриенко. 1-е изд. Томск: Изд-во НТЛ, 2004.
- Козыбаев, 1983** – Энциклопедия / Гл. ред. М.К. Козыбаев. Алма-Ата, 1983.
- Корелин, Степанов, 1998** – Корелин А.П., Степанов С.А. С.Ю. Витте – финансист, политик, дипломат. М.: Тера, 1998.
- Лукоянов, 2008** – Лукоянов И.В. Русско-Китайский банк в 1895–1904 гг. // «Не отстать от держав...»: Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. / Рецензенты чл.-корр. РАН Р.Ш. Ганелин, В.В. Носков. СПб: Нестор-История, 2008.
- Мультатули, Залесский, 2015** – Мультатули П.В., Залесский К.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. М.: Российский институт стратегических исследований, 2015.
- Новиков-Прибой, 1977** – Новиков-Прибой А.С. Цусима. М.: Просвещение, 1977.
- Пекинский трактат, 1860** – Пекинский трактат, Пекин, 2 ноября 1860 г. // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М.: Политиздат, 1952.
- Пикуль, 1989** – Пикуль В.С. Крейсера. М.: Просвещение, 1989.
- Погребинский, 1954** – Погребинский А.П. Очерки истории финансов дореволюционной России. XIX–XX вв. М.: Госфиниздат, 1954.
- Потемкин, 1959** – История дипломатии / Под ред. В.П. Потемкина. В 5 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1959.
- Путеводитель, 1907** – Путеводитель Восточной Китайской железной дороги (зима 1906 г.). СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1907.
- Русско-китайская конвенция, 1898** – Русско-китайская конвенция, Пекин, 15 марта 1898 г. // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М.: Политиздат, 1952.
- Сидоров, 1965** – Сидоров А.Л. История СССР. Т. 2. 1861–1917. Период капитализма. М.: Мысль, 1965.
- Советская историческая энциклопедия, 1962–1976** – Советская историческая энциклопедия. В 16 т. М.: Советская энциклопедия, 1961–1976. Т. 1.
- Союзный договор, 1896** – Союзный договор между Российской империей и Китаем (империей Цин), Москва, 22 мая 1896 г. // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М.: Политиздат, 1952.
- Степанов, 1983** – Степанов А.Н. Порт-Артур. М.: Просвещение, 1983.
- Толеубаев и др., 2006** – Толеубаев А.Т., Касымбаев Ж.К., Койгелдиниев М.К., Калиева Е.Т., Далаева Т.Т. История Казахстана / Пер. с казахского языка С. Бакенова, Ф. Сугирбаева. Алматы: Мектеп, 2006.
- Тюкавкин и др., 1990.** – Тюкавкин В.Г., Корнилов В.А., Ушаков А.В., Старцев В.И. История СССР, 1861–1917. М.: Просвещение, 1990.

- Ухтомский, 1900 – Ухтомский Э.Э. К событиям в Китае. Об отношениях Запада и России к Востоку. СПб., 1900.
- Cherkasov et al., 2015 – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Ustinovich E.S., Kryukova N.I., Molchanova V.S. The Moving of the Ubykhs to the Russian Service as a Result of the Peace Initiatives in the First Half of the 1840s years. // *Bylye Gody*. 2015. (3). 37: 541-548.
- Cherkasov et al., 2015a – Cherkasov A.A., Shmigel M., Bratanovskii S.N., Molchanova V.S. Jikis and Jiketi in Conditions of War and Peace (1840–1860 years). // *Bylye Gody*. 2015. 38(4): 888-893.
- Cherkasov et al., 2016 – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Shmigel M., Molchanova V.S. Demographic characteristics of the Aristocratic Abkhazia in 1800–1860 years. // *Bylye Gody*. 2016. (1). 39: 53-66.
- Cherkasov et al., 2017 – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. The list of captives from the Turkish vessel belifte as a source of information on the slave trade in the north-western caucasus in the early 19th century. // *Annales-Anali za Istrske in Mediteranske Studije - Series Historia et Sociologia*. 2017. 27(4): 851-864.
- Cherkasov et al., 2017a – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. The Losses of the Russian army during the Caucasian war (1801-1864): Historical and statistical research. // *Bylye Gody*. 2017. 43(1): 68-85.
- Cherkasov et al., 2018 – Cherkasov A.A., Koroleva L.A., Bratanovskii S.N., Valleau A. The Abkhazian and Mingrelian principalities: Historical and demographic research. // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta, Istoriya*. 2018. 63(4): 1001-1016.
- Cherkasov et al., 2018a – Cherkasov A.A., Koroleva L.A., Bratanovskiy S.N., Smigel M. The Evolution of the Circassians' Oaths in the Context of Changing Religious Views in 1800-1855. // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Volgogradskii Gosudarstvennyi Universitet – Vestnik – Seriya 4 – Istoriya, Regionovedenie, Mezhdunarodnye otnosheniya]. 2018. 23(4): 40-50.
- Mamadaliyev et al., 2018 – Mamadaliyev A., Venkov V., Miku N., Médico A. On the Ratio of the Linear Forces of the Russian 1st Pacific and Japanese Squadrons during the Russian-Japanese War of 1904–1905 // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 50. Is. 4: 1734-1743.
- Paine, 2003 – Paine S.C.M. The Sino-Japanese War of 1894–1895: perceptions, power, and primacy. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Shkvarya, 2019 – Shkvarya L.V. Some Aspects of Russian-Chinese Relations in the second half of the XIX century. Part 1 // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 53. Is. 3: 1134-1143.
- Yangwen, 2005 – Yangwen Zh. The Social Life of Opium in China. – Cambridge: Cambridge University Press. 2005.
- Zeihan, 2014 – Zeihan P. The Accidental Superpower: The Next Generation of American Preeminence and the Coming Global Disorder. US: Twelve, 2014.

References

- Ablova, 2004 – Ablova N.E. (2004). KVZhD i rossiiskaya emigratsiya v Kitae [CER and Russian emigration to China]. M.: Russkaya panorama. [in Russian]
- Aigunskii dogovor, 1858 – Aigunskii dogovor mezhdru Rossiei i Kitaem o granitsakh i vzaimnoi trgovle, Aikhun' (Aigun), 16 maya 1858 g. [Aigun treaty between Russia and China on borders and mutual trade, Aikhun (Aigun), May 16, 1858]. Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami. 1856–1917. M.: Politizdat, 1952. [in Russian]
- Balakin, 2004 – Balakin S.A. (2004). Morskie srazheniya Russko-yaponskoi voyny 1904–1905 [Naval battles of the Russo-Japanese War of 1904–1905]. M.: Modelist-konstruktor. [in Russian]
- Brokgauz, Efron, 1890–1907 – Baikov Fedor Isakovich [Baykov Fedor Isakovich]. Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t. (82 t. i 4 dop.). SPb., 1890–1907. [in Russian]
- Cherkasov et al., 2015 – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Ustinovich E.S., Kryukova N.I., Molchanova V.S. (2015). The Moving of the Ubykhs to the Russian Service as a Result of the Peace Initiatives in the First Half of the 1840s years. *Bylye Gody*. (3). 37: 541-548.
- Cherkasov et al., 2015a – Cherkasov A.A., Shmigel M., Bratanovskii S.N., Molchanova V.S. (2015). Jikis and Jiketi in Conditions of War and Peace (1840–1860 years). *Bylye Gody*, 38(4): 888-893.
- Cherkasov et al., 2016 – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Shmigel M., Molchanova V.S. (2016). Demographic characteristics of the Aristocratic Abkhazia in 1800–1860 years. *Bylye Gody*, (1). 39: 53-66.
- Cherkasov et al., 2017 – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. (2017). The list of captives from the Turkish vessel belifte as a source of information on the slave trade in the north-western caucasus in the early 19th century. *Annales-Anali za Istrske in Mediteranske Studije - Series Historia et Sociologia*. 27(4): 851-864.
- Cherkasov et al., 2017a – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. (2017). The Losses of the Russian army during the Caucasian war (1801-1864): Historical and statistical research. *Bylye Gody*. 43(1): 68-85.

- Cherkasov et al., 2018** – Cherkasov A.A., Koroleva L.A., Bratanovskii S.N., Valleau A. (2018). The Abkhazian and Mingrelian principalities: Historical and demographic research. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta, Istoriya*. 63(4): 1001-1016.
- Cherkasov et al., 2018a** – Cherkasov A.A., Koroleva L.A., Bratanovskiy S.N., Smigel M. (2018). The Evolution of the Circassians' Oaths in the Context of Changing Religious Views in 1800-1855. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Volgogradskii Gosudarstvennyi Universitet – Vestnik – Seriya 4 – Istoriya, Regionovedenie, Mezhdunarodnye otnosheniya], 23(4): 40-50.
- Dmitrienko, 2004** – Petlin Ivan [Petlin Ivan]. Tomsk ot A do Ya: Kratkaya entsiklopediya goroda / Pod red. N.M. Dmitrienko. 1-e izd. Tomsk: Izd-vo NTL. [in Russian]
- Galenovich, 2015** – Galenovich Yu.M. (2015). Kitaiskie pretenzii: shest' krupnykh problem v istorii vzaimootnoshenii Rossii i Kitaya [Chinese claims: six major problems in the history of relations between Russia and China]. M.: NP ID «Russkaya panorama». [in Russian]
- Khe, 2018** – Khe M. (2018). Sin'tsyzan: ekonomicheskaya istoriya, sovremennost' i bor'ba s mezhdunarodnym terrorizmom [Xinjiang: economic history, modernity and the fight against international terrorism]. *Rossiya i Aziya*. № 2 (3), pp. 37-44. [in Russian]
- Korelin, Stepanov, 1998** – Korelin A.P., Stepanov S.A. (1998). S.Yu. Vitte – finansist, politik, diplomat [S.Yu. Vitte is a financier, politician, diplomat]. M.: Tera. [in Russian]
- Kozybaev, 1983** – Entsiklopediya [Encyclopedia] Gl. red. M.K. Kozybaev. Alma-Ata, 1983. [in Russian]
- Lukoyanov, 2008** – Lukoyanov I.V. (2008). Russko-Kitaiskii bank v 1895–1904 gg. [Russian-Chinese Bank in 1895–1904]. «Ne otstat' ot derzhav...»: Rossiya na Dal'nem Vostoke v kontse XIX – nachale XX vv. Retsetsenty chl.-korr. RAN R.Sh. Ganelin, V.V. Noskov. SPb: Nestor-Istoriya. [in Russian]
- Mamadaliyev et al., 2018** – Mamadaliyev A., Venkov V., Miku N., Médico A. (2018). On the Ratio of the Linear Forces of the Russian 1st Pacific and Japanese Squadrons during the Russian-Japanese War of 1904–1905. *Bylye Gody*. Vol. 50. Is. 4: 1734-1743.
- Mul'tatuli, Zalesskii, 2015** – Mul'tatuli P.V., Zalesskii K.A. (2015). Russko-yaponskaya voyna 1904–1905 gg. [The Russo-Japanese War of 1904–1905]. M.: Rossiiskii institut strategicheskikh issledovaniy. [in Russian]
- Novikov-Priboi, 1977** – Novikov-Priboi A.S. (1977). Tsusima [Tsushima]. M.: Prosveshchenie. [in Russian]
- Paine, 2003** – Paine S.C.M. (2003). The Sino-Japanese War of 1894–1895: perceptions, power, and primacy. Cambridge: Cambridge University Press.
- Pekinskii traktat, 1860** – Pekinskii traktat, Pekin, 2 noyabrya 1860 g. [Beijing treatise, Beijing, November 2, 1860]. Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami. 1856–1917. M.: Politizdat, 1952. [in Russian]
- Pikul', 1989** – Pikul' V.S. (1989). Kreisera [Cruisers]. M.: Prosveshchenie. [in Russian]
- Pogrebinskii, 1954** – Pogrebinskii A.P. (1954). Ocherki istorii finansov dorevolutsionnoi Rossii. XIX–XX vv. [Essays on the history of finance of pre-revolutionary Russia. XIX – XX centuries]. M.: Gosfinizdat. [in Russian]
- Potemkin, 1959** – Istoriya diplomatii [History of Diplomacy]. Pod red. V.P. Potemkina. V 5-i tomakh. T. 1. M.: Politizdat, 1959. [in Russian]
- Putevoditel', 1907** – Putevoditel' Vostochnoi Kitaiskoi zheleznoi dorogi (zima 1906 g.). [Travel Guide for the East China Railway (winter 1906)]. Pb.: T-vo R. Golike i A. Vil'borg, 1907. [in Russian]
- Russko-kitaiskaya konventsia, 1898** – Russko-kitaiskaya konventsia, Pekin, 15 marta 1898 g. [Russian-Chinese Convention, Beijing, March 15, 1898]. Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami. 1856–1917. M.: Politizdat, 1952. [in Russian]
- Shkvarya, 2019** – Shkvarya L.V. (2019). Some Aspects of Russian-Chinese Relations in the second half of the XIX century. Part 1. *Bylye Gody*. Vol. 53. Is. 3: 1134-1143.
- Sidorov, 1965** – Sidorov A.L. (1965). Istoriya SSSR [History of the USSR]. T. 2. 1861–1917. Period kapitalizma. M.: Mysl'. [in Russian]
- Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya, 1962–1976** – Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya [Soviet historical encyclopedia]. V 16 t. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1961–1976. T. 1. [in Russian]
- Soyuznyi dogovor, 1896** – Soyuznyi dogovor mezhdru Rossiiskoi imperiei i Kitaem (imperiei Tsin), Moskva, 22 maya 1896 g. [Union Treaty between the Russian Empire and China (Tsin Empire), Moscow, May 22, 1896]. Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami. 1856–1917. M.: Politizdat, 1952. [in Russian]
- Stepanov, 1983** – Stepanov A.N. (1983). Port-Artur [Port Arthur]. M.: Prosveshchenie. [in Russian]
- Toleubaev i dr., 2006** – Toleubaev A.T., Kasymbaev Zh.K., Koigeldiniev M.K., Kalieva E.T., Dalaeva T.T. (2006). Istoriya Kazakhstana [History of Kazakhstan]. Per. s kazakhskogo yazyka S. Bakenova, F. Sugirbaeva. Almaty: Mektep. [in Russian]
- Tyukavkin i dr., 1990** – Tyukavkin V.G., Kornilov V.A., Ushakov A.V., Startsev V.I. (1990). Istoriya SSSR, 1861–1917 [History of the USSR, 1861-1917]. M.: Prosveshchenie. [in Russian]

[Ukhtomskii, 1900](#) – *Ukhtomskii E.E.* (1900). *K sobytiyam v Kitae. Ob otnosheniyakh Zapada i Rossii k Vostoku* [To the events in China. On the relations of the West and Russia to the East]. SPb. [in Russian]

[Vitte, 1960](#) – *Vitte S.Yu.* (1960). *Vospominaniya v 3-kh tomakh* [Memories in 3 volumes]. M.: Sotsekgiz. [in Russian]

[Yangwen, 2005](#) – *Yangwen Zh.* (2005). *The Social Life of Opium in China*. – Cambridge: Cambridge University Press.

[Zeihan, 2014](#) – *Zeihan P.* (2014). *The Accidental Superpower: The Next Generation of American Preeminence and the Coming Global Disorder*. US: Twelve.

Некоторые аспекты русско-китайских отношений во второй половине XIX века. Часть 2

Владимир Борисович Каратаев ^{a, b, *}, Людмила Васильевна Шкваря ^c, Майя Андреевна Селиверстова ^d, Мария Вячеславовна Меланьина ^c

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

^d Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена взаимоотношениям двух империй на рубеже веков: Российской и Китайской, а также истории строительства Китайско-Восточной железной дороги как своеобразной кульминации данных отношений. В работе дается общая характеристика русско-китайских дипломатических сношений с начала дипломатического взаимодействия двух государств, подробно освещаются взаимоотношения сторон во второй половине XIX века, их цели при заключении секретного Московского договора 1896 года (общепринятое историческое название – Российско-китайский договор о союзе России и Китая против Японии), а также возможности реализации данных целей. Также затрагиваются непосредственно связанные с КВЖД проблемы Русско-китайской конвенции 1898, аренды полуострова Ляодун и строительство военно-морской базы в Порт-Артуре.

Ключевые слова: Китайско-Восточная железная дорога, КВЖД, Южно-Маньчжурская железная дорога, Общество КВЖД, Порт-Артур (Люйшунь), Дальний (Далянь), Ляодунский полуостров, Маньчжурия.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: incfar.karataev@gmail.com (В.Б. Каратаев), dastard@rambler.ru (Л.В. Шкваря)

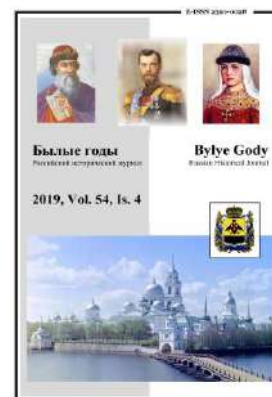
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1832-1841. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1832
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Annual Reviews of the Kutaisi Province as a Historical Source for the Study of the Pre-revolutionary Judicial System of the early XX century

Igor V. Zozulya ^a, Ludmila P. Ermolenko ^{a,*}, Marina E. Kolesnikova ^a

^aNorth-Caucasus Federal University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the characterization of the post-reform judicial system operating in the territory of the Kutaisi province. Features of the imperial ship system and legal proceedings were made on the basis of an analysis of one of the historical sources of the era – annual reviews of the Kutaisi province of the beginning of the twentieth centuries, which were based on the materials of the highest reports of the Kutaisi governors. The authors propose a detailed description of the activities of the Kutaisi District Court and justices of the peace, presented in dynamics in 1901–1913. Shows the current situation on the state of crime in the region in absolute numbers, and also provides statistics on certain types of especially serious crimes (murders, injuries, robberies, robberies, thefts, etc.). The causes of one of the most common types of crimes among the local mountain population – horse-stealing, which is largely explained by local traditions and customs, are presented. Statistical information on political crimes on the eve and during the First Russian Revolution of 1905–1907 is given (against the emperor and members his family, riots, participation in secret societies and gatherings, etc.).

Keywords: Russian Empire, Abkhazia, Kutaisi province, judicial system, legal proceedings, customary law, judicial reform.

1. Введение

История развития пореформенного судоустройства и судопроизводства в рассматриваемом нами административно-территориальном образовании Кавказа берет начало с 1866 г., когда в Кутаисской губернии были введены Судебные уставы, утвержденные 20 ноября 1864 г. императором Александром II. Несмотря на широкую изученность содержания и проведения судебной реформы в целом по России, история деятельности новых пореформенных судов в отдельных губерниях и областях Кавказа и Закавказья остается еще недостаточно исследованной. Исходя из этого, авторы определяют актуальность статьи, опираясь на один из источников рассматриваемого периода – обзоры Кутаисской губернии начала XX в., основой которых в свою очередь стали отчеты кутаисских губернаторов, ежегодно представляемых на имя российских императоров. Так, если во второй половине XIX в. в обзорах специально отмечалось, что они печатаются, то в начале XX в. прямо указывалось на их публикацию по распоряжению кутаисских губернаторов.

2. Материалы и методы

В качестве источников привлечены опубликованные в дореволюционной местной печати «Обзоры Кутаисской губернии» с начала XX столетия до предвоенных лет накануне начала Первой мировой войны. Наряду с этим, авторы фрагментарно использовали и другие архивные материалы с Высочайшими отчетами кутаисских губернаторов более раннего периода, а также целый ряд источников и научных публикаций, раскрывающих особенности обычного права абхазского народа.

* Corresponding author

E-mail addresses: gutik77@bk.ru (L.P. Ermolenko)

В основу решения исследовательских задач был положен принцип историзма. Анализ распространения общероссийской судебной системы на рассматриваемую авторами территорию проходил с учетом местных особенностей проживающего населения, их обычаев и традиций, что, несомненно, отразилось на специфике судоустройства и судопроизводства Кутаисской губернии. Вне всякого сомнения, необходимо отметить то, что проведение административных и судебных преобразований в регионе, проходившее в середине XIX в., было сопряжено с условиями продолжающейся Кавказской войны и отразилось на сочетании общероссийских норм судебного законодательства с обычным правом горских народов. Но даже после завершения военных действий российское правительство не спешило кардинально переустраивать внутреннюю жизнь местного населения, отказавшись от применения адатов в судебных спорах.

Авторы руководствовались историко-правовым, сравнительно-правовым, проблемно-хронологическим, ретроспективным, количественным методами, которые позволили достичь желаемых результатов. Аналитический метод способствовал всестороннему рассмотрению нормативно-правовых актов эпохи. Статистический и количественный методы дали возможность на базе составленных сравнительно-статистических таблиц с наибольшей достоверностью представить и проанализировать деятельность пореформенных судов региона.

Авторы обратили особое внимание на изучение и анализ отдельных разделов «Обзоров Кутаисской губернии», которые напрямую были связаны с состоянием региональной преступности и деятельностью местных судов, выполняющих как карательные функции (осуждая преступников), так и превентивные меры по предупреждению роста преступлений в губернии. Так, в первую очередь были проанализированы разделы обзоров «Народная нравственность» и «Насильственные и случайные смерти». Наряду с этим, и в других разделах встречались отсылки губернаторов к состоянию уровня преступности.

3. Обсуждение

Характер исследуемой проблемы предопределяет обращение к различным отраслям исторической науки и юридических знаний, а также к широкому спектру научных работ. Однако основная часть исследований советской и современной историографии, представляющая несомненный научный интерес, не освещает ряд вопросов, связанных с региональным аспектом развития пореформенных судебных институтов, не содержит его более глубокий исторический и юридический анализ. В связи с этим авторы констатируют факт недостаточной разработанности темы исследования, в то же время соглашаясь с мнением современных исследователей о том, что новые работы приобретают междисциплинарный характер (Шахрай, 2014: 33). В них используются методы, характерные для различных как гуманитарных, так и смежных наук, включая математические и статистические методы, а также получивший в последнее время распространение неинституциональный подход и попытку выхода на сравнительно-правовой характер исследований между отечественной правовой мыслью прошлого и современными новеллами в российском праве в целом, и в судебном законодательстве в частности.

При этом крайне важным видится и включение в научный оборот нового круга источников, который на первый взгляд кажется уже достаточно хорошо изученным. Именно этим объясняется сегодня возобновившийся интерес ученых к Высочайшим отчетам начальников областей и губернаторов, которые отчасти нашли отражение в ежегодно публиковавшихся обзорах административно-территориальных образований Российской империи. В этой связи следует особо выделить несколько научных изданий, которые обратили внимание исследователей на этот вид источников во второй половине XX – начале XXI вв.

Первыми библиографическими пособиями для работы с этим видом исторических источников в советской историографии были указатели под редакцией П.А. Зайончковского и А.С. Шмелевой (Зайончковский, 1978; Шмелева, 1974–1985). Среди последних работ по включению этого вида исторического источника в научный оборот следует отметить сводный каталог А.И. Раздорского (Раздорский, 2011), а также ряд методологических публикаций А.С. Минакова (Минаков, 2005: 170–175; Минаков, 2009: 28–35).

Один из авторов статьи имеет многолетний опыт изучения судебной системы региона, в т.ч. отраженный в монографической литературе и сборниках архивных документов по истории административно-территориальных образований Северного Кавказа (Гондаренко, Зозуля, 2002; История Ставрополя, 2014).

Ввиду ограниченного объема статьи авторы предлагают рассмотреть состояние и развитие местного судоустройства и судопроизводства, начиная с 1901 г. и заканчивая 1913 г., анализируя изменения, произошедшие в Кутаисской губернии в каждый второй год, соответственно. Исключением станут революционные 1905–1907 годы, которые, безусловно, наложили отпечаток и на состояние уровня преступности, и на методы борьбы с ней в стране и регионе.

4. Результаты

Прежде чем обратиться к рассмотрению содержания ежегодных обзоров Кутаисской губернии в части, характеризующей состояние и развитие местной судебной системы, следует вспомнить основные этапы становления пореформенного судебного законодательства на рассматриваемой территории.

Кутаисская губерния входила в середине XIX века в Закавказский край. Обсуждение проведения судебной реформы и, как следствие, введение статей Судебных уставов 20 ноября 1864 г. в нем велось в Главном управлении наместника кавказского. Итогом кропотливой работы и внимания со стороны великого князя Михаила Николаевича к рассматриваемому вопросу стало утверждение императором Александром II 22 ноября 1866 г. особого положения (№ 43880, 1888: 264-270), в соответствии с которым в Закавказье должны были пройти судебные преобразования (№ 45260, 1871: 386-388).

В 1868 г. в Закавказье была образована Тифлисская судебная палата и учреждены Тифлиссский, Кутаисский, Елизаветпольский, Ереванский и Бакинский окружные суды (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 2054. Л. 1 об.). Одновременно к Тифлисской палате был отнесен и образованный в этом же году Ставропольский окружной суд.

Для закавказских судов были характерны следующие особенности:

- из-за отсутствия земских учреждений участковые и почетные мировые судьи назначались министром юстиции по согласованию с кавказским наместником;
- подсудность местных мировых судей была гораздо шире их коллег в целом по стране: ими рассматривались иски до двух тысяч рублей;
- в качестве апелляционной инстанции для тяжущихся выступал не съезд мировых судей, а Кутаисский окружной суд;
- мировые судьи и их помощники при рассмотрении менее важных дел выполняли функции судебных следователей по ведомству окружного суда.

На территориях, подчиненных военно-народному управлению, для рассмотрения категорий дел между представителями местных горских народов, подсудных мировой юстиции, были сохранены существовавшие ранее народные суды, которые решали судебные споры, опираясь на обычное право – адаты.

Примечательно, что ни один из закавказских окружных судов не получил право рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей, а Тифлисская судебная палата, в свою очередь, рассматривала поступающие к ней дела без участия сословных представителей.

После проведенных в 80–90-х гг. реакционных мер правительства Александра III в ответ на рост революционных настроений в стране, часто именуемых в отечественной историографии периодом контрреформ, многие из судебных институтов претерпели значительные изменения, в т.ч. и мировая юстиция. Но еще ранее великий князь Михаил добился получения им права не только назначать, но и увольнять мировых судей (ГАРФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 603. Л. 1).

Таблица 1. Количество подсудимых, находившихся на рассмотрении у мировых судей Кутаисской губернии в 1901–1913 гг.

Год	Общее число подсудимых		Из этого числа подсудимых					
			оправдано и освобождено от суда		обвинено		осталось по нерешенным делам	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
1901	32942	1080	11708	486	10782	269	10452	325
1903	39250	1233	13978	528	11227	230	14045	475
1905	21307	700	8422	319	4761	62	8124	319
1907	21904	670	7146	331	5406	77	9352	262
1909	данных нет		данных нет		6912	147	данных нет	
1911	данных нет		данных нет		7017	255	данных нет	
1913	данных нет		данных нет		7061	322	данных нет	

Вместе с тем число обращений к представителям местной юстиции, находившимся в непосредственной близости к проживавшему населению (как видно из материалов обзоров по Кутаисской губернии (Обзор, 1902; Обзор, 1905; Обзор, 1906b; Обзор, 1909; Обзор, 1910; Обзор, 1912; Обзор, 1916), представленных в Таблице 1) по-прежнему оставался высоким. Некоторое снижение количества подсудимых объясняется произошедшими в губернии административными изменениями, сократившими (порою на время) часть ее территории.

Продолжал расти в губернии и уровень преступности в целом (Обзор, 1905; Обзор, 1906b; Обзор, 1909; Обзор, 1910; Обзор, 1912; Обзор, 1916), о чем ежегодно докладывали властям полицейские чины (см. Таблицу 2).

Таблица 2. Состояние и динамика уровня преступности, по данным полиции Кутаисской губернии в начале XX века

Род преступлений	1903	1905	1907	1909	1911	1913
ВСЕГО, в том числе:	1695	2521	1724	1212	1579	1268
- убийств	121	164	156	108	34	77
- нанесения увечий и ран	200	139	96	150	120	172
- разбоев	18	133	129	46	35	52
- грабежей	100	210	301	96	57	75
- краж	681	475	492	403	580	316

Еще в конце XIX в., когда вопрос о грабежах и разбоях на Кавказе и в Закавказье привлек к себе внимание центральных властей, для его решения в регион был направлен генерал-лейтенант Дмитрий Скалон. Отправляясь на Кавказ, он встретился в столице с великим князем Михаилом Николаевичем, который поделился с ним своими соображениями, как бывший наместник на Кавказе, о сложившемся положении дел. Одну из основных причин «неурядицы на Кавказе» великий князь видел в ослаблении центральной власти после упразднения в 1883 г. Кавказского наместничества (РГВИА. Ф. 330. Оп. 46 Д. 1209. Л. 32, 32 об.). По возвращении из своей служебной командировки генерал-лейтенант Скалон в рапорте военному министру от 18 января 1899 г. отметил, что раскрытая им картина суда поразила его своими мрачными красками: ростом преступности, отсутствием правосудия и упавшей «нравственностью населения».

Естественно, возросший рост преступности напрямую влиял и на работу судебных установлений губернии. Причем более тяжкие преступления рассматривались уже не мировыми судьями, а Кутаисским окружным судом (см. [Таблицу 3](#)).

Далеко не всегда статистические данные в обзорах приводились правильно и соответствовали друг другу. Так, например, в Обзоре за 1901 г. в абсолютных цифрах по общему числу подсудимых приводится число обвиняемых 648 мужчин и 15 женщин, а при подсчете буквально на следующей странице отчета эти цифры абсолютно другие – 650 мужчин и 13 женщин ([Обзор, 1902: 66-67](#)). В приведенной ниже таблице ([Обзор, 1902](#); [Обзор, 1905](#); [Обзор, 1906b](#); [Обзор, 1909](#); [Обзор, 1910](#); [Обзор, 1912](#); [Обзор, 1916](#)) указана вторая уточненная цифра, выявленная в ходе проведенных математических вычислений.

Таблица 3. Количество подсудимых, находившихся на рассмотрении Кутаисского окружного суда в 1901–1913 гг.

Год	Число окончательно решенных дел	Общее число подсудимых по этим делам		По приговорам, вошедшим в законную силу выбыло подсудимых					
				оправданных		освобожденных от суда		приговоренных к наказаниям	
		муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
1901	541	650	13	246	6	33	1	371	6
1903	487	627	7	218	3	36	-	373	4
1905	данные не представлены							215	1
1907	данные не представлены							523	3
1909	данные не представлены							1124	14
1911*	1097	1280	25	255	5	данных нет		1025	20
1913*	1080	1396	33	371	10	данных нет		1025	23

* Приведены данные о деятельности уголовных судов по общим и политическим преступлениям в пределах района Кутаисского окружного суда

Позже, начиная с 1910 г., в обзоры были внесены дополнительные сведения по рассматриваемым в Кутаисском окружном суде делам, которые не позволили при их анализе продолжить корректные подсчеты и внести эти данные в сравнительную таблицу. Так, например, появились статические сведения о деятельности уголовных судов по общим и политическим преступлениям.

Определенный интерес представляют приводимые кутаисским военным губернатором А.А. Смагиным причины роста преступности в 1903 г. среди местного населения. В частности, Алексей Алексеевич указывал при характеристике сложившейся ситуации в губернии, что высокий процент уровня преступности объяснялся низким уровнем материального положения и образования населения, отсутствием стимула к труду, наряду с «массовой склонностью населения охотно укрывать преступников, в верном расчете при случае на взаимную с их стороны услугу». Причем в заседаниях суда были нередки случаи принесения лжесвидетельств и замены арестов обвиняемых передачей их судебными следователями на поруки далеко не всегда благонадежным лицам. Если же ко всему этому добавить существовавшую медленность в разрешении судебных тяжб и широко практикуемый подкуп свидетелей с подтасовкой фактов, то можно полностью согласиться с выводами местных властей об ослаблении среди жителей губернии «силы впечатления, получаемого от обвинительных приговоров». В итоге «нередко дело обставляется столь умело, что даже сам потерпевший, соболезнуя своему недавнему врагу, сердечно старается помочь его беде» (Обзор, 1905: 82-83).

Сразу оговоримся, что подобное поведение не было отличительной стороной только народов Кавказа и Закавказья, а являлось характерной чертой для большинства национальных окраин Российской империи. Представители местных народов не считали зазорным под присягой скрывать имена преступников, полагая, что их клятвенные обещания, данные российским властям, ничего не значат для их соплеменников и местных народных обществ.

При этом губернатор из всех видов преступлений выделял, как и в предыдущие годы, конокрадство, которое приобрело у местных жителей особую славу. Приводя в качестве примера район Мингрелии, он указывал, что «конокрадство до того всосалось в кровь мингрельца, что во мнении народном оно, по-видимому, не только не считается пороком, но даже доставляет усладу жизни». Причем такое отношение, по его мнению, берет свое начало еще в старину, когда угон коня считался мерилом удалства и храбрости. Молодой мингрелец независимо от своей сословной принадлежности – тавад (князь), азнаур (дворянин) или глехи (крестьянин) – должен был многократно совершить этот подвиг, чтобы добиться руки и сердца своей возлюбленной.

Отдельной строкой А.А. Смагин упоминал «ближайшее соседство с Самурзаканским и Кодорским участками Сухумского округа, населенными народностями, кои в области хищения чужого имущества пользуются в сравнении с мингрельцами еще более громкой славой» (Обзор, 1905: 84).

Однако напомним, что среди абхазского народа эта традиция была не менее известна и почитаема. Так, еще в конце XIX в местной периодической печати Тифлиса появилась статья, в которой четко разграничивались два абхазских понятия: «агич» – герой, заслуживающий уважения, и «акуч» – мелкий воришка, не стоящий никакого внимания со стороны добропорядочного человека. Именно «агич» служил ярким примером, достойным подражания для молодежи. «Агичем» мог стать юноша, который ловко украл доброго коня или осмелился похитить девушку. На упреки со стороны представителя административной или судебной власти к такому преступнику, последний только удивленно восклицал: «Начальник, о чем вы говорите, я хорошо не понимаю, а главное – зачем грозить мне. Помилуйте, ведь я не курицу украл, а отличную лошадь, которую хозяин охранял, как глаз свой. Правда, К. лишился лошади, зато я приобрел славу, а вы говорите со мной, как будто я какой-нибудь акуч» (К.Д., 2017: 848).

Неудивительно, что карательные меры к таким преступникам приводили порою лишь к временному удалению таких молодых людей, которые после тюремного заключения или отбытия срока ссылки возвращались и становились народными героями. В случае же, если им и вовсе удавалось избежать наказания, скрывшись от суда бегством, они становились опасными разбойниками (абреками), которым одна часть населения помогала из-за чувства страха, а другая – уважения. Единственным выходом виделось политическое и гражданское воспитание местного населения в духе российского права. При этом немаловажным являлся и личный пример, который должны были показывать чины администрации: «чтобы каждый самый малый чин полиции вполне удовлетворял своему назначению, иначе воззрения нашей высшей администрации не только не проникнут в сознание народов Кавказа, но получат превратное толкование... Разумеется, огромное влияние на политическое воспитание народа имеют и суды, и судьи как проводники идей правды и справедливости. Поэтому, конечно, и суды, и судьи должны быть достойны своей высокой роли» (К.Д., 2017: 849-850).

Кроме личного примера, принимались и вполне конкретные меры для предотвращения конокрадства. Еще циркулярным распоряжением № 357 от 25 января 1900 г. кутаисский военный губернатор Ф.К. Гершельман рекомендовал начальникам округов и уездов губернии, наряду с раскрытием виновных в краже и привлечением их к ответственности по суду, вести работу с населением внушениями, влияющими на упорядочение общественного быта: вести общественные

пастбища, имея общественных пастухов. Однако эти меры своих результатов не дали: беспечность и безучастность местных жителей не способствовала снижению числа подобных преступлений.

Определенную степень «предрассудков» носили и некоторые религиозно-обрядовые стороны жизни, характерные для горского населения. Наряду с действовавшим судебным законодательством, продолжали соблюдаться обрядовые формы наказания. Так, из других разделов обзоров перед нами предстает вся палитра действовавшего многообразия разрешения судебных споров, включая и обычное право горцев. Например, сохранился «обряд проклинания своего врага или предания его карам какого-либо святого угодника» (Обзор, 1905: 12). Обряд носил публичный характер: «проклинание» потерпевшим своего обидчика перед иконой производилось в присутствии специально приглашенных для этого соседей и знакомых, которые после произнесения со стороны потерпевшего проклятий отвечали: «Аминь». На этом процедура «проклинания» завершалась. Примечательно, что такой «отсталый и грубый языческий обряд», характерный, например, для жителей Сенакского уезда, публично проклинающих пред св. иконой Гулис-Карской церкви, распространялся и на «неразысканных преступников». По мнению губернских властей, «этот несоответствующий духу религии обряд настолько вкоренился в убеждениях населения, что, несмотря на официальное запрещение со стороны Гурийско-Мингрельского епископа, до сих пор удерживается и, несомненно, подрывает истинное христианское верование в глазах более или менее развитого человека» (Обзор, 1905: 86).

Безусловно, рост преступности был характерен не только для сельской местности, но и крупных городов, включая губернский центр. В обзоре за тот же 1903 г. губернатор указывал (как косвенную причину сохранения преступности) то, что сам г. Кутаис почти полностью был лишен торгово-промышленной деятельности. Это в свою очередь привело к крайней бедности горожан, не имеющих возможности удовлетворить свои насущные потребности. Дело дошло до того, что лежащее на «городской кассе» содержание полиции и квартирное довольствие войск побудило городское управление два года подряд, в 1902 и 1903 гг., выступить с ходатайством об освобождении города на 10 лет от несения расходов на «пособие полиции». Однако поддержки это не нашло, несмотря на то, что, например, г. Озургеты с 1 января 1903 г. такое разрешение на 3 года получил (Обзор, 1905: 72, 73, 78, 80).

События Первой русской революции не могли не затронуть и население Кутаисской губернии, которое не осталось равнодушным к происходящим общественно-политическим процессам в стране (см. Таблицу 4) (Обзор, 1906a; Обзор, 1906b; Обзор, 1908; Обзор, 1909).

Примечательно, что уже в первый революционный 1905 г. местная власть была вынуждена неоднократно в отчете признавать «бездействие полиции». Так, в разделе «Нравственность» после приведенных результатов работы Кутаисского окружного суда и мировых судей во всех мировых отделах и особых участках давалось следующее пояснение: «Вышесказанным далеко не исчерпывается преступность среди населения за отчетный год, так как масса случаев не могла быть зарегистрирована вследствие вынужденного бездействия полиции во время революционного движения» (Обзор, 1906: 33). Практически то же самое мы видим и в выводах раздела «Насильственные и случайные смерти», где прямо указывалось: «Можно смело предположить, что эти цифры далеки от действительных, если принять во внимание то время, когда полиция не могла регистрировать подобных случаев» (Обзор, 1906: 45).

Таблица 4. Число преступлений, носящих антиправительственный характер, выявленных полицией Кутаисской губернии в 1904–1907 гг.

Род преступлений	1904	1905	1906	1907
Преступления против императора и членов его семьи	17	21	12	1
Бунт против верховной власти и государственная измена..	1	13	-	-
Сопrotивление распоряжениям и неповиновение властям	21	85	11	34
Неуважение к органам власти и чиновникам	24	41	-	3
Присвоение власти и пр.	1	43	3	16
Взлом тюрем и побег из-под стражи	2	18	15	1
Тайные общества и запрещенные собрания	8	395	1	7
Нарушение общественного спокойствия и порядка	261	248	63	69

С каждым годом раздел обзоров «Народная нравственность» в части описания состояния преступности и деятельности судов становился все менее содержательным. Достаточно сказать, что в

Обзоре за 1913 г. эта информация была представлена всего в 2-х предложениях с отсылкой на соответствующие приложения в виде таблиц.

Примечательно, что в обзорах Кутаисской губернии за 1912 и 1913 гг. все сведения по г. Сухуму, в связи с отсутствием информации о нем с 1903 г., из-за выделения Сухумского округа в особую административную единицу Статистический комитет во избежание возникновения возможных «препятствий успешной работе» поместил в текст, не вынося в общие таблицы по губернии. Поэтому для полноты картины с уровнем преступности на данной территории следует назвать еще 625 и 128 преступлений, совершенных в г. Сухуме в указанные два года, соответственно ([Обзор, 1913: 84](#); [Обзор, 1916: 60](#)).

Впрочем, данные по г. Сухуму встречались и в ряде предыдущих выпусков. Так, например, в обзоре за 1909 г., который начинался со справки об административном делении губернии, делалась отсылка как к истории, так и современному состоянию территориального деления. В частности, упоминалось об образовании в 1846 г. Кутаисской губернии из уездов Кутаисского, Зугдидского, Лечхумского, Озургетского, Рачинского, Сенакского и Шорапанского, а также об учреждении в 1866 г. из абхазских земель Сухумского отдела. Далее приводились сведения о присоединении в 1883 г. Батумской области (ранее образованной из земель, вошедших в территорию Российской империи по Берлинскому трактату 1878 г. по итогам Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.) в составе Батумского и Артвинского округов. И, наконец, указывалось образование 17 марта 1903 г. из названных округов и г. Батуми – Батумской области и выделение в этом же году из состава губернии Сухумского округа ([Обзор, 1910: 1-2](#)). Но это не помешало составителям обзора уже через несколько страниц привести в тексте сведения о г. Сухуме, в т.ч. и о состоянии преступности в нем в отчетном году: о 36 преступлениях, обнаруженных полицией, среди которых наиболее опасными были – 1 разбой, 13 грабежей и 18 краж. Число убитых из 31 случая насильственных и случайных смертей составило 10 человек ([Обзор, 1910: 64](#)).

В обзоре за 1907 г. среди громких преступлений особо указывалось убийство пристава г. Сухума, и это при том, что состав городской полиции был крайне мал для соблюдения порядка на территории, занимавшей пространство около 40 верст: «Полицмейстер, пристав, помощник пристава и 20 городских далеко не успевают обслуживать многообразных обязанностей даже при нормальном течении жизни» ([Обзор, 1909: 61-62](#)).

5. Заключение

В ходе проведенного анализа обзоров Кутаисской губернии за 1901–1913 гг. были раскрыты особенности деятельности региональной судебной системы, а также выявлена специфика местных условий, объясняющая рост некоторых видов преступлений, характерных для горского населения. Как показал произведенный сравнительный обзор материалов, основанный в большей части на информации, представленной в Высочайших отчетах военных губернаторов на имя императора Николая II, в них были отражены статистические сведения о числе преступлений, выявленных полицией, количестве поступивших и рассмотренных в окружном суде и мировыми судьями дел и детализированно представлены наиболее часто встречаемые виды преступлений. При этом общая картина роста преступности в Кутаисской губернии была характерной и в целом соответствовала общероссийской криминогенной обстановке. Так, например, всплеск преступности в 1905 г. объяснялся, прежде всего, началом революционных событий в стране, которые привели к замешательству правоохранительные органы губернии, не сумевшие представить в годовом отчете даже полную картину совершенных преступлений.

В заключении хотелось бы отметить, что часть обзоров представляла собой не просто описание сложившегося положения дел, а конкретные предложения по снижению криминогенной обстановки, как, например, улучшение общественно-экономического климата губернского центра за счет придания ему импульса торгово-промышленной деятельности и снятия с населения части обременительных расходов.

В целом, включение материалов ежегодных обзоров в научный оборот при изучении регионального судоустройства и судопроизводства позволил приоткрыть новые страницы историко-правовой традиции России и существенно подтвердить уже имеющиеся знания.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНА в рамках научного проекта «Историография и источниковедение истории Абхазии XIX – начала XX вв.: подготовка библиографического указателя» № 19-59-40001.

Литература

№ 43880 – № 43880. 22 ноября 1866 г. Высочайше утвержденное Положение о применении Судебных уставов 20 ноября 1864 года в Закавказском крае // ПСЗ Российской империи. Собрание 2-е. Т. XLI. СПб., 1888. С. 264-270.

№ 45260 – № 45260. 9 декабря 1867 г. Именной указ, данный Правительствующему Сенату. О введении Судебных уставов в действие в Закавказском крае // ПСЗ Российской империи. Собрание 2-е. Т. XLII. СПб., 1871. С. 386-388.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Гондаренко, Зозуля, 2002 – Гондаренко А.С., Зозуля И.В. Судебная система в России: сравнительное исследование развития на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков (на примере Кубани и Ставрополя). Ставрополь, 2002. 315 с.

Зайончковский, 1978 – Зайончковский П.А. Справочники по истории дореволюционной России: Библиография. М., 1978. 640 с.

История Ставрополя, 2013 – История Ставрополя в отчетах губернаторов (1804–1914 годы): Сборник документов / Ред. колл.: Е.И. Долгова, В.В. Белоконов, И.В. Зозуля, И.В. Крючков и др. Комитет Ставропольского края по делам архивов. Ставрополь, 2013. 504 с.

К.Д., 2017 – К.Д. Агич и Акуч (К вопросу о разбоях) // Памятники права абхазов / Науч. ред. Д.Ю. Шапсугов. Т. 30. Ростов-на-Дону, 2017. С. 848-852.

Кровавая месть, 2017 – Кровавая месть (Из судебной хроники) // Памятники права абхазов / Науч. ред. Д.Ю. Шапсугов. Т. 30. Ростов-на-Дону, 2017. С. 854-858.

Минаков, 2005 – Минаков А.С. Всеподданнейшие отчеты губернаторов как источник по изучению взаимоотношений центральной и местной власти в России второй половины XIX – начала XX веков // Отечественная история. 2005. № 3. С. 170-175.

Минаков, 2009 – Минаков А.С. Всеподданнейшие отчеты о состоянии губерний, областей и градоначальств Российской империи: проблема архивной эвристики // Отечественные архивы. 2009. № 1. С. 28-35.

Обзор, 1902 – Обзор Кутаисской губернии за 1901 г. Кутаис, 1905.

Обзор, 1905 – Обзор Кутаисской губернии за 1903 г. Кутаис, 1905.

Обзор, 1906a – Обзор Кутаисской губернии за 1904 г. Кутаис, 1905.

Обзор, 1906b – Обзор Кутаисской губернии за 1905 г. Кутаис, 1905.

Обзор, 1908 – Обзор Кутаисской губернии за 1906 г. Кутаис, 1905.

Обзор, 1909 – Обзор Кутаисской губернии за 1907 г. Кутаис, 1909.

Обзор, 1910 – Обзор Кутаисской губернии за 1909 г. Кутаис, 1910.

Обзор, 1912 – Обзор Кутаисской губернии за 1911 г. Кутаис, 1912.

Обзор, 1913 – Обзор Кутаисской губернии за 1912 г. Кутаис, 1912.

Обзор, 1916 – Обзор Кутаисской губернии за 1913 г. Кутаис, 1916.

Раздорский, 2011 – Раздорский А.И. Обзоры губерний, областей и градоначальств Российской империи (приложения к всеподданнейшим отчетам губернаторов, начальников областей и градоначальников). 1870–1916: Сводный каталог. СПб, 2011. 913 с.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

Шахрай, Краковский, 2014 – Шахрай С.М., Краковский К.П. Суд скорый, правый, милостивый и равный для всех: К 150-летию Судебной реформы в России. М., 2014. 536 с.

Шмелева, 1974–1985 – Шмелева А.С. Периодическая печать России: Журналы и продолжающиеся издания. В 4-х томах. М., 1974–1985.

References

№ 43880 – № 43880. 22 nojabrja 1866 g. Vysochajshe utverzhdennoe Polozhenie o primenenii Sudebnyh ustavov 20 nojabrja 1864 goda v Zakavkazskom krae [November 22, 1866. The Highest Approved Regulation on the Application of the Judicial Statutes on November 20, 1864 in the Transcaucasian Territory] PSZ Rossijskoj imperii. Sobranie 2-e. T. XLI. SPb., 1888. pp. 264-270. [in Russian]

№ 45260 – № 45260. 9 dekabrja 1867 g. Imennoj ukaz, dannyj Pravitel'-stvujushhemu Senatu. O vvedenii Sudebnyh ustavov v dejstvie v Zakavkazskom krae [December 9, 1867. The personal decree given to the Governing Senate. On the introduction of judicial charters in the Transcaucasian Territory] PSZ Rossijskoj imperii. Sobranie 2-e. T. XLII. SPb., 1871. pp. 386-388. [in Russian]

ГАРФ – Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State Archive of the Russian Federation]. [in Russian]

Gondarenko, Zozulja, 2002 – Gondarenko A.S., Zozulja I.V. (2002). Sudebnaja sistema v Rossii: sravnitel'noe issledovanie razvitija na rubezhah XIX-XX i XX-XXI vekov (na primere Kubani i Stavropol'ja). [The judicial system in Russia: a comparative study of development at the turn of the XIX-XX and XX-XXI centuries (on the example of the Kuban and Stavropol Territory)]. Stavropol. 315 p. [in Russian]

Zajonchkovskij, 1978 – Zajonchkovskij P.A. (1978). Spravochniki po istorii dorevoljucionnoj Rossii: Bibliografija [Reference books on the history of pre-revolutionary Russia: Bibliography]. M., 640 p. [in Russian]

Istorija Stavropol'ja, 2013 – Istorija Stavropol'ja v otchetah gubernatorov (1804-1914 gody): sbornik dokumentov [The history of Stavropol Territory in the reports of governors (1804-1914): a collection of documents]. Red. koll.: E.I. Dolgova, V.V. Belokon', I.V. Zozulja, I.V. Krjuchkov i dr. Komitet Stavropol'skogo kraja po delam arhivov. Stavropol, 2013. 504 p. [in Russian]

K.D., 2017 – *K.D. Agich i Akuch* (K voprosu o razbojah) [Agich and Akuch (On the issue of robberies)] Pamjatniki prava abhazov / Nauch. red. D.Ju. Shapsugov. T. 30. Rostov-on-Don, 2017. pp. 848-852. [in Russian]

Krovavaja mest', 2017 – *Krovavaja mest'* (Iz sudebnoj hroniki) [Bloody revenge (From the judicial chronicle)] Pamjatniki prava abhazov / Nauch. red. D.Ju. Shapsugov. T. 30. Rostov-on-Don, 2017. pp. 854-858. [in Russian]

Minakov, 2005 – *Minakov A.S.* (2005). Vsepoddannejšie otchjoty gubernatorov kak istochnik po izucheniju vzaimootnoshenij central'noj i mestnoj vlasti v Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX vekov [The most comprehensive reports of governors as a source for studying the relationship between central and local authorities in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Otechestvennaja istorija*. № 3. pp. 170-175. [in Russian]

Minakov, 2009 – *Minakov A.S.* (2009). Vsepoddannejšie otchjoty o sostojanii gubernij, oblastej i gradonachal'stv Rossijskoj imperii: problema arhivnoj jevrystiki [The most comprehensive reports on the state of provinces, regions and city administrations of the Russian Empire: the problem of archival heuristics]. *Otechestvennye arhivy*. № 1. pp. 28-35. [in Russian]

Obzor, 1902 – *Obzor Kutaisskoj gubernii za 1901 g.* [Overview of the Kutaisi province for 1901]. Kutais, 1905. [in Russian]

Obzor, 1905 – *Obzor Kutaisskoj gubernii za 1903 g.* [Overview of the Kutaisi province for 1903]. Kutais, 1905. [in Russian]

Obzor, 1906a – *Obzor Kutaisskoj gubernii za 1904 g.* [Overview of the Kutaisi province for 1904]. Kutais, 1905. [in Russian]

Obzor, 1906b – *Obzor Kutaisskoj gubernii za 1905 g.* [Overview of the Kutaisi province for 1905]. Kutais, 1905. [in Russian]

Obzor, 1908 – *Obzor Kutaisskoj gubernii za 1906 g.* [Overview of the Kutaisi province for 1906]. Kutais, 1905. [in Russian]

Obzor, 1909 – *Obzor Kutaisskoj gubernii za 1907 g.* [Overview of the Kutaisi province for 1907]. Kutais, 1909. [in Russian]

Obzor, 1910 – *Obzor Kutaisskoj gubernii za 1909 g.* [Overview of the Kutaisi province for 1909]. Kutais, 1910. [in Russian]

Obzor, 1912 – *Obzor Kutaisskoj gubernii za 1911 g.* [Overview of the Kutaisi province for 1911]. Kutais, 1912. [in Russian]

Obzor, 1913 – *Obzor Kutaisskoj gubernii za 1912 g.* [Overview of the Kutaisi province for 1912]. Kutais, 1912. [in Russian]

Obzor, 1916 – *Obzor Kutaisskoj gubernii za 1913 g.* [Overview of the Kutaisi province for 1913]. Kutais, 1916. [in Russian]

Razdorskij, 2011 – *Razdorskij A.I.* (2011). *Obzory gubernij, oblastej i gradonachal'stv Rossijskoj imperii (prilozhenija k vsepoddannejšim otchetam gubernatorov, nachal'nikov oblastej i gradonachal'nikov). 1870–1916: Svodnyj katalog.* [Reviews of the provinces, regions and city administrations of the Russian Empire (appendices to the most comprehensive reports of governors, heads of regions and city governors). 1870–1916: Consolidated catalog]. SPb. 913 p. [in Russian]

RGVIA – Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoričeskij arhiv [Russian State Military Historical Archive]. [in Russian]

Shahraj, Krakovskij, 2014 – *Shahraj S.M., Krakovskij K.P.* (2014). *Sud skoryj, pravij, milostivij i ravnij dlja vseh: K 150-letiju Sudebnoj reformy v Rossii* [A quick, right-handed, merciful and equal court for all: to the 150th anniversary of the Judicial Reform in Russia]. M., 536 p. [in Russian]

Shmeleva, 1974–1985 – *Shmeleva A.S.* (1974–1985). *Periodičeskaja pečat' Rossii: Zhurnaly i prodolzhažushiesja izdanija* [The Periodical press of Russia: magazines and continuing publications]. V 4-h tomah. M., 1974–1985. [in Russian]

Ежегодные обзоры Кутаисской губернии как исторический источник по изучению дореволюционной судебной системы начала XX в.

Игорь Викторович Зозуля ^a, Людмила Павловна Ермоленко ^{a, *}, Марина Евгеньевна Колесникова ^a

^a Северо-Кавказский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена характеристике действовавшей на территории Кутаисской губернии пореформенной судебной системы. Особенности имперского судостроительства и судопроизводства произведено на основе анализа одного из исторических источников эпохи –

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: gutik77@bk.ru (Л.П. Ермоленко)

ежегодных обзоров Кутаисской губернии начала XX вв., в основу которых легли материалы Высочайших отчетов кутаисских губернаторов. Авторами предлагается развернутая характеристика деятельности Кутаисского окружного суда и мировых судей, представленная в динамике в 1901–1913 гг. Показана сложившаяся ситуация по состоянию преступности в регионе в абсолютных цифрах, а также приведены статистические данные по отдельным видам особо тяжких преступлений (убийствам, ранениям, разбоям, грабежам, кражам и пр.). Представлены причины одного из самых распространенных видов преступлений среди местного горского населения – конокрадства, во многом объясняющемся местными традициями и обычаями. Приведены статистические сведения о политических преступлениях накануне и в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. (против императора и членов его семьи, бунты, участие в тайных обществах и сходках и т.п.).

Ключевые слова: Российская империя, Абхазия, Кутаисская губерния, суде-устройство, судопроизводство, обычное право, судебная реформа.

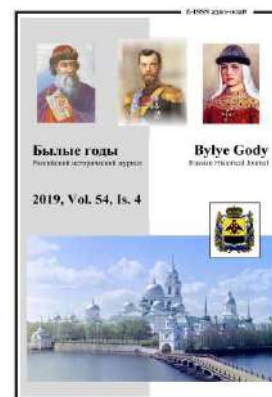
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1842-1861. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1842
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

"Light Cavalry" of the Russian-Japanese War: on the Balance of Forces and Characteristics of Light (Armored) Cruisers of the Russian and Japanese Fleets. Russian Light Cruisers

Anvar M. Mamadaliev ^{a, b, *}, Andrey V. Venkov ^c, Ivan A. Ermachkov ^{a, b}, Aude Médico ^d

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

^d University of Geneva, Geneva, Switzerland

Abstract

The article is an addition to a series of articles on the ratio of the armored forces of the warring parties in the Russian-Japanese war of 1904–1905 and is devoted to the analysis of the quality and power of the "auxiliary" forces of the fleets, namely, the armored (light) cruisers of the Russian fleet. We study their tactical and technical elements, as well as the concept of using national light cruisers.

This article analyzes the tactical and technical elements of various cruisers of the Russian fleet – "Diana", "Varyag", "Askold", "Bogatyr", "Novik" and their capabilities to confront Japanese ships of a similar class.

Keywords: navy, Russian-Japanese war, Teikoku Kaigun, Russian fleet, cruiser, light cruiser, armored cruiser, cruiser of the 1st rank, cruiser of the 2nd rank, "Diana", "Varyag", "Askold", "Bogatyr", "Novik".

1. Введение

Легкие крейсера (да и другие легкие силы в общем) зачастую относят к вспомогательным, так как не им суждено решать исход морского сражения в частности, и войны в целом. Вместе с тем огромный пласт «каждодневной» рутинной работы по патрулированию, минным постановкам, рейдерским операциям, охране конвоев, ближней и дальней разведке принадлежит как раз этим «вспомогательным» силам. И зачастую именно от качества их работы напрямую зависит и результат в войне (в этой связи нельзя не вспомнить удачную постановку артурского минного заградителя «Амур», который отправил на дно больше сил неприятеля, чем все остальные корабли русского флота, вместе взятые! Именно поэтому легким силам посвящены отдельные статьи. В данной работе исследуются легкие крейсера русского флота.

2. Материалы и методы

Материалом для данной статьи послужили документы Российского государственного архива военно-морского флота (Санкт-Петербург, Российская Федерация), а также мемуарная, специализированная и справочная литература.

К источникам следует отнести мемуары современников-участников русско-японской войны. Таковыми можем считать воспоминания В.И. Семенова, изложенные в трехтомном труде, каждый том которого имеет собственное название и посвящен определенному периоду («Расплата» (Семенов, 1907), «Бой при Цусиме» (Семенов, 1906), «Цена крови» (Семенов, 1910), а также анализ состояния морского ведомства до и после русско-японской войны (Семенов, 1911), мемуары молодого трюмного инженера броненосца «Орел» В.П. Костенко (Костенко, 1955), будущего проектировщика сильнейших

* Corresponding author

E-mail addresses: anvarm@mail.ru (A.M. Mamadaliev)

русских дредноутов типа «Севастополь» и линейных крейсеров типа «Измаил» инженера М.В. Бубнова (Бубнов, 1907), военно-морского теоретика и одного из разработчиков рейдерских операций Владивостокского отряда крейсеров Н.Л. Кладо (Klado, 1905) и др.

Значительный интерес представляют и литературные труды современников и участников описываемых событий: П.К. Худякова (Худяков, 1908), А.С. Новикова-Прибоя (Новиков-Прибой, 1977), А.Н. Степанова (Степанов, 1983).

В работе используются традиционные методы исторического исследования, такие как историко-генетический, историко-системный, историко-типологический и др.

3. Обсуждение

Из работ профессиональных историков флота особо следует выделить труды Н.Дж. Кемпбелла (Campbell, 1978), С.А. Балакина (Балакин, 2013; Балакин, 2004), С.В. Сулиги (Сулига, 1993), Ю.Ю. Ненахова (Ненахов, 2006), Р.М. Мельникова (Мельников, 1983; 1986), А.В. Скворцова (Скворцов, 2003; 2005), А. Сергеева, В. Новикова (Сергеев, Новиков, 2009), В.И. Катаева (Катаев, 2003) и др. Значительный интерес представляют дореволюционные отечественные (напр., Брокгауз, Ефрон, 1890–1907) справочники, а также комплексные исторические труды (Быков, 2003; Золотарев, Козлов, 2004; Кокцинский, 2002; Мультатули, Залесский, 2015; Бережной, 2002).

Непосредственно легким крейсерам русского флота в период русско-японской войны посвящены работы Р.М. Мельникова (крейсерам «Варяг» и «Очаков»; прототипом «Очакову» послужил «Богатырь» – участник русско-японской войны, которому в монографии также уделено значительное внимание) (Мельников, 1983; 1986), С.А. Балакина (Балакин, 2013; Балакин, 2004), А.В. Скворцова (Скворцов, 2003; 2005), А. Сергеева, В. Новикова (о крейсерах типа «Диана») (Сергеев, Новиков, 2009), В.И. Катаева (о крейсере «Варяг») (Катаев, 2003), а также комплексные справочные труды о крейсерах и миноносцах С.С. Бережного (Бережной, 2002), Ю.Ю. Ненахова (Ненахов, 2006) и др.

4. Результаты

При военно-историческом анализе крейсерских сил противоборствующих сторон сразу в глаза бросается различие в концепциях ведения морской войны русского и японского военных флотов. Данной проблеме посвящена наша отдельная работа (Mamadaliyev et al., 2018). В рамках данной статьи отметим только, что Россия в строительстве крейсеров всецело ориентировалась на выбранную рейдерскую стратегию ведения войны.

Исходя из этого, строились крейсера двух классов (в терминологии того времени – рангов). Крейсера первого ранга/класса представляли собой мощные, быстроходные и хорошо вооруженные высокоавтономные рейдеры. Различия по наличию бортовой брони в данном ранге не учитывались. Поэтому сюда включались и так называемые броненосные крейсера водоизмещением от 7 до 12,5 тысяч тонн¹ («Баян» (1900), «Громобой» (1899), «Россия» (1895), «Рюрик» (1892) и др.), и весьма мощно вооруженные, но лишенные бортовой брони так называемые бронепалубные крейсера, водоизмещением в пределах 6–7 тысяч тонн («Богатырь» (1901), «Аскольд» (1900), «Варяг» (1899) и др.). Крейсера второго (так называемого «корветского») ранга представляли собой легковооруженные (6–8 «стодвадцаток») корабли, водоизмещением в пределах 3–3,5 тысяч тонн («Новик» (1900), «Боярин» (1901), тип «Жемчуг» (1903), и предназначенные для ограниченного театра военных действий с широчайшим кругом решаемых задач (разведка при эскадре и в прибрежных водах около своих баз, «бронированный лидер эсминцев», миноносный крейсер, контрминоносец и даже минный заградитель).

¹ Между прочим, верхняя граница водоизмещения (в частности крейсера «Громобой») больше, чем у первоклассных эскадренных броненосцев типа «Полтава», и вплотную приближается к великолепному по своим тактико-техническим характеристикам линкору «Ретвизан» (чуть более 13 тысяч тонн).

Рис. 1. Вице-адмирал Степан Осипович Макаров – наиболее авторитетный идеолог «рейдерской морской войны» в русском флоте (на фото – в звании капитана I ранга; Ф.Ф. Врангель датирует ее февралем 1880 г.)

Ранговая классификация была перенята, разумеется, у британского флота, однако англичане вкладывали в нее несколько иной смысл. Крейсера водоизмещением свыше 7 тысяч тонн и вооружением орудиями главного калибра до 234-мм (независимо от наличия бортовой брони) именовались кораблями 1-го ранга, водоизмещением в 3–7 тысяч тонн и орудиями до 152 мм – 2 ранга и, наконец, водоизмещением от 1,5 до 3 тысяч тонн с орудиями 102–120 мм – 3 ранга (Ненахов, 2006: 165).

Рис. 2. Морской министр, адмирал Гомбэй Ямомото – противник идеи «всемерной экономии» и «рейдерской войны», но активный идеолог максимизации мощности ударных судов и сторонник идеи создания линейных крейсеров

Русский же флот крейсера 3-го ранга не предусматривал вовсе. Под данный британский класс отчасти подпадали так называемые русские «минные крейсера», которые несли торпедное оружие, но были более мощно вооружены, нежели эсминцы (при увеличенном в полтора–два раза в сравнении с ними водоизмещении; однако отнюдь не до полутора тысяч тонн). 1-й ранг русских крейсеров начинался с водоизмещения в 4 тысячи тонн, 2-й ранг, соответственно, до четырех тысяч

(см., напр., Мельников, 1986: 9). Вместе с тем, независимо от ранга, в русской классификации при упоминании корабля четко прослеживается тип конструкции броневой защиты: если это крейсер с бортовой броней, то к рангу делалась приставка «броненосный», если же без таковой – то «бронепалубный». Позднее в военно-морской терминологии в отношении первых будет упоминаться обозначение «тяжелый», в отношении вторых – «легкий».

За оригинальной классификацией стояла и вполне оригинальная задача первоклассных бронепалубных крейсеров русского флота – рейдерские операции на коммуникациях противника и, соответственно, «разрушение торговли». Строились они с прицелом на конкретного противника – Тейкоку Кайгун – которая не имела в своем составе подобных кораблей. Безусловно, Великобритания, как наиболее расточительное в отношении своего флота в те времена государство, не осталось в стороне от процесса строительства бронепалубных крейсеров, однако на «туманном Альбионе» эта идея приобрела чудовищно гипертрофированные формы. Два бронепалубных крейсера типа «Пауэрфул» (1895) имели водоизмещение более 14 тысяч тонн (что сопоставимо с массой одного из лучших эскадренных броненосцев того времени – тип «Шикишима» (1898) и строились против русских броненосных крейсеров «Рюрик» и «Россия», однако оказались невероятно дорогими и, в сущности, бесполезными; а за свои огромные размеры (более 163 метра длины) и отсутствие адекватной защиты собственными моряками презрительно именовались «плавающими мишенями». Однако британская «легкокрейсерская» гигантомания прошла не сразу; пытаясь «сэкономить», англичане заказывают восемь единиц крейсеров типа «Диadem» (1896–1898) водоизмещением «всего лишь» в 11 тысяч тонн. Как и «Пауэрфулы», «Диaдемы» оказались не просто бесполезны, но еще и крайне неудачны, так как имели все недостатки первых, не имея их преимуществ (прежде всего, в виде двух 234-мм орудий главного калибра в прекрасно бронированных для легкого крейсера башнях). Осознав, наконец, ошибку, британцы приступили к строительству первоклассных крейсеров, но уже с бортовой броней – так появились на свет великолепные по своим боевым качествам броненосные крейсера типа «Кресси» (1899–1901).

К счастью (применительно к этому случаю), ориентироваться на «владычицу морей» в Главном морском штабе Российской империи не стали. Российские «первоклассные бронепалубные крейсера» (и этот новый термин русского военного флота при классификации крейсеров прямо оговаривался программой – «Для нужд Дальнего Востока») по техзаданию зарубежным и отечественным верфям были водоизмещением в 6 тысяч тонн, имели карапас (скос) броневой палубы в 3 дюйма (76 мм) (в отличие от британских 4–6 дюймов) с вооружением в 8–12 шестидюймовых орудий.

Орудия главного калибра (в отличие от «британцев») не предусматривались. Русские адмиралы в этом плане, на наш взгляд, оказались прозорливее свои британских коллег. «На бумаге» – пара исключительно удачных британских 9,2-дюймовых орудий в бронированных башнях позволяли уверенно поражать бронированные цели с дальних дистанций. На деле же управлять огнем малочисленных крупных орудий вместе с многочисленными 6-дюймовыми пушками в «плотном» бою было непросто; на первое место выходила уже скорострельность артиллерии, а не удельный вес снаряда (речь, разумеется, идет о противостоянии небронированных крейсерских сил). Единственный бой крейсерских эскадр русско-японской войны – бой в Корейском проливе¹ 1 августа 1904 года² – вряд ли можно считать опровержением указанного тезиса. В данном бою, который прошел для японцев практически безнаказанно, перевес в крупных орудиях, которые могли бы стрелять на один борт, был почти трехкратным (16 японских против 6 русских восьмидюймовок главного калибра), не говоря уже о преимуществах защиты японских «мини-линкоров» типа «Асама» против российских малобронированных океанских рейдеров, а также весьма неудачном маневрировании командира отряда владивостокских крейсеров контр-адмирала К.П. Иессена, благодаря чему Х. Камимура в полной мере реализовал возможности своих кораблей.

¹ Другие распространенные в зарубежной историографии названия – «бой в Японском море», а также «бой у Ульсана».

² Здесь и далее – даты по старому стилю.

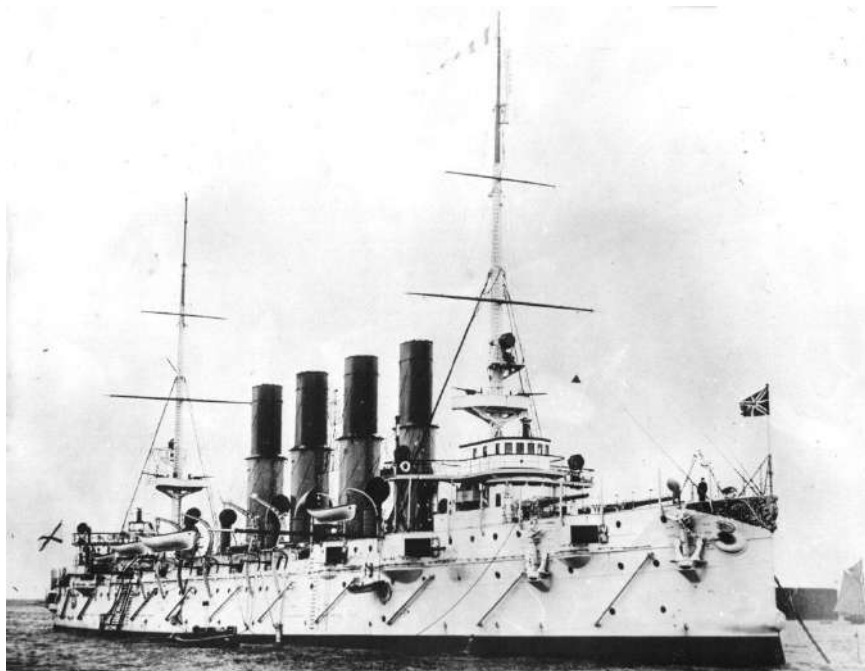

Рис. 3. Бронепалубный крейсер «Варяг» (1899) с великолепными («на бумаге») характеристиками по праву считался наиболее красивым военным кораблем русского флота

Первым зарубежным заказом из программы «Для нужд Дальнего Востока» стал крейсер «Варяг» (1899). Заказ, оформленный в США на верфи Крампа одновременно с эскадренным броненосцем «Ретвизан», был призван не только усилить рейдерскую мощь русского флота, но и «проверить» американскую крейсерскую кораблестроительную «школу», тем более что Чарльз Крамп объявил на строящиеся корабли весьма соблазнительную цену и сроки. По соотношению цена/качество/срок строительство кораблей в Америке представлялось русскому адмиралтейству весьма перспективным, в отличие от верфей в Германии и Франции, не говоря уже о собственных отечественных судостроительных мощностях.

Тактико-технические характеристики корабля (Мельников, 1983¹): водоизмещение нормальное 6604 тонны (проектное 6500 тонн; полное – 7022 тонны (при максимальной загрузке углем); длина – 129,56 м; ширина без обшивки – 15,9 м; осадка в миделе – 5,94 м (при проектном водоизмещении; в реальной эксплуатации, соответственно, более 6 м). Бронирование: карапасная бронепалуба – 76 мм на «бортовых» скосах и 57 мм на «фронтальных» носовых и кормовых скосах, 38 мм в горизонтальной части. Также бронирование в 38 мм имели трубы подачи боезапаса, торпедные аппараты, коммуникационные трубы и возвышавшиеся над бронепалубой до второй палубы плиты защиты оснований всех четырех дымовых труб. Бронепалуба не была монолитной, а представляла собой два слоя брони по 38 мм. Дополнительной бортовой защитой служили расположенные по бортам угольные коффердамы (к слову, предназначенные вначале для заполнения целлюлозой, которая по замыслу конструкторов должна была набухать от попадания воды и, таким образом, перекрывать пробоину). Наиболее толстой броней в 152 мм защищалась боевая рубка. Общий вес брони составлял 588 тонн.

Силовая установка: 30 паровых котлов Никлосса, две вертикальные паровые машины тройного расширения, мощность 20 000 л.с., имевшие соответственно привод на два трехлопастных винта. Скорость хода на момент испытаний была для столь крупного и сильно вооруженного судна выдающейся – в 24,59 узлов (Катаев, 2003), однако достигнута она была 13 июля 1900 года в «тепличных» условиях и при существенном недогрузе. Относительно приближенные к реальным условиям испытания на длительный 12-часовой пробег, проведенные заводом 21 сентября 1900 года, показали максимальную скорость корабля в 23,2 узла (и среднюю в 16 узлов), что было также весьма достойным показателем. Этот параметр достигался, прежде всего, необычайно большим для крупного корабля соотношением длины к ширине (коэффициент 8,1); на момент постройки «Варяг» являлся мировым лидером по этому показателю (Мельников, 1983) (разумеется, для военных судов более 5 тыс. тонн водоизмещения). Вместе с тем в своих отчетах второй командир корабля – капитан В.Ф. Руднев постоянно «ругал» материальную часть корабля (и в некоторых случаях, отметим, справедливо!), в числе прочего рапортуя и о том, что крейсер с «неудачными» котлами Никлосса едва

¹ Описание корабля приводит Р.М. Мельников (Мельников, 1983) на архивных данных по корпусу (ЦГА ВМФ. Ф. 427. Оп. 1. Д. 319. Л. 265-312; Д. 321. Л. 501-567) и механизмам (ЦГА ВМФ. Ф. 427. Оп. 1. Д. 322. Л. 329-419).

развивал 14 узлов. Однако, учитывая склонность Руднева к фантазерству, особенно в части боевых достижений своего единственного сражения (при Чемульпо), вряд ли стоит относиться к этим донесениям серьезно. По крайней мере, всеми исследователями приводится документальное предвоенное подтверждение скорости корабля в 20,5 узла – после ремонта в Порт-Артуре и испытаниях машин под командованием того же Руднева 16 октября 1903 года в условиях, максимально приближенных к реальным (Мельников, 1983). В пользу Руднева, правда, говорит тот факт, что созданная под руководством Успенского в Порт-Артуре комиссия для изучения ходовых возможностей корабля сделала неутешительный вывод о том, что выход на скорости более 20 узлов может привести к тяжелым повреждениям котлов и машин; комиссия рекомендовала не развивать ход более... 14 узлов. Дальность плавания экономическим 10-узловым ходом при полном («рейдерском») запасе угля составляла 6100 миль, при нормальном запасе – 3270; для дальнего разведчика вполне приемлемые характеристики, но недостаточные для рейдера. В частности, «полноценные» отечественные рейдеры – броненосные крейсера «Россия» и «Громобой» – имели запас угля, рассчитанный на, соответственно, 7740 и 8100 миль, и лишь уже порядком устаревший «Рюрик» имел сопоставимые с «Варягом» показатели автономности (6700 миль).

Вооружение корабля не было выдающимся в сравнении с британскими первоклассными крейсерами, но значительно превосходило легкие японские крейсера – а именно они и предполагались в качестве главных противников русских «шеститысячников». Главный калибр был единообразным и включал в себя двенадцать 6-дюймовых (152-мм) 45-калиберных орудия системы Канэ, двенадцать 3-дюймовых 50-калиберных орудия той же системы, 10 мелких 47-мм и 37-мм пушки (десантные пехотные 63-мм орудия системы Барановского и пара пулеметов, разумеется, не в счет). Артиллерию дополняли шесть 381-мм (или 450-мм; данные разнятся) торпедных аппаратов с запасом в 12 торпед и два 254-мм метательных торпедных аппарата (с запасов в 6 торпед), а также возможность брать на борт 22–35 (данные разнятся) мин заграждения. Экипаж корабля насчитывал 20 офицеров и 550 матросов и унтер-офицеров.

В целом, в отечественном кораблестроении выработался своеобразный артиллерийский «крейсерский стандарт» для первоклассных кораблей, заказанных за рубежом, – по 12 «шестидюймовок» и «трехдюймовок». В сравнении с японскими легкими (к тому же – весьма «разношерстными») крейсерами, преимущество в весе залпа и скорострельности орудий было очевидным. Говоря о составе вооружения, многие авторитетные исследователи (в частности Р.М. Мельников (Мельников, 1983), Р.И. Катаев (Катаев, 2003) и др.) сетуют на неверный баланс в количестве стволов. В частности, «противоминные» 75-мм орудия были уже недостаточно эффективны против крупных 400-тонных эсминцев (особенно с учетом отсутствия в русском флоте осколочно-фугасных боеприпасов для данного калибра) и практически бесполезны против крейсеров с их карапасной бронепалубой. Поэтому целесообразным, по их мнению, представляется вооружение из 16–18 «шестидюймовок» при отсутствии 3-дюймовых орудий (или их минимальном количестве). Справедливости ради отметим, что именно по такой схеме впоследствии и модернизировался «живущий» по сей день отечественный «шеститысячник» – крейсер «Аврора», получивший в 1914 году 14 шестидюймовок и 4 трехдюймовки вместо первоначального вооружения в 8 и 24 стволов соответственно: при сохранении в общих чертах общей массы орудий и веса залпа, огневая эффективность (в особенности – поражающая способность) увеличилась многократно.

В самых общих чертах мы согласны с мнением указанных авторов; кораблестроительные тенденции требовали «утяжеления» «противоминной» артиллерии, о чем мы говорили в предыдущих статьях данной серии (Mamadaliyev et al., 2019, a, b, c). Однако справедливым будет лишь анализ, соотнесенный со временем создания корабля. А корабли «6-тысячной» серии создавались применительно к конкретному противнику и к конкретному театру военных действий.

Так, в конце XIX века в японском флоте еще не было крупных эсминцев типов «Муракумо» (полное водоизмещение около 370 тонн), «Икадзути» (полное водоизмещение 420 тонн), «Сиракумо» (полное водоизмещение около 430 тонн), «Харусамэ» (полное водоизмещение 435 тонн), котлы и машины которых с высокой степенью вероятности поразились попаданием 120-мм или более крупного отечественного морского осколочно-фугасного боеприпаса. Более того, плотный огонь из 3-дюймовок вполне мог привести к выходу из строя указанные японские корабли (отметим здесь, что на знаменитом и куда более позднем «Дредноуте», конструкторы которого прямо учитывали опыт русско-японской войны, противоминная артиллерия была 3-дюймовой).

И в этом контексте, а именно – «гарантированности поражения эсминца» – следует сделать оговорку. Вероятность потопления в случае с данным классом кораблей могла варьироваться весьма значительно, и говорить о какой-либо гарантированности поражения будет, пожалуй, необоснованно. В качестве примера можно привести торпедную атаку под Порт-Артуром русского эсминца «Властный» на японский эсминец «Асасио» ночью 26 февраля 1904 года; «японец» получил попадание торпеды в середину корпуса, но в итоге остался на плаву и, более того, сумел добраться до базы. В похожей ситуации оказывались и отечественные миноносцы, причем куда меньшего размера (в частности, «Сторожевой», в 258 тонн водоизмещения, был торпедирован 3 декабря 1904 года во время защиты броненосца «Севастополь», но смог дотянуть до берега и выброситься на мелководье; миноносец

«Лейтенант Бураков» (280 тонн) и эсминец «Боевой» (412 тонн), торпедированные 23 июля 1904 года в бухте Тахэ, потеряли ход вследствие затопления кочегарных отделений, но все же смогли сохранить плавучесть. Артиллерийским огнем в русско-японской войне не был потоплен ни один японский эсминец. Маленькие 80–100-тонные миноносцы, на наш взгляд, не в счет, так как они, во-первых, были значительно меньше, во-вторых, попадали под крупные снаряды русских броненосных крейсеров – 8-дюймовые «Адмирала Нахимова», 6-дюймовые «Владимира Мономаха» (миноносцы № 34 и 35 соответственно, 89 тонн) и, вероятно, 6-дюймовые – линкора «Севастополь» (миноносец № 42, 102 тонны). Русские же миноносцы и эсминцы погибали под огнем значительно превосходящих сил противника и после множества попаданий, в том числе из 3-дюймовых орудий (в частности, гибель «Страшного» и «Стережущего»). Но опять же они, хоть и потеряли боеспособность, но сохранили плавучесть и в итоге были потоплены собственным экипажем. Поэтому говорить о какой-либо «гарантированности» поражения в данном случае, на наш взгляд, не вполне уместно.

Таким образом, артиллерийское вооружение следует признать достаточным для решения задач, возложенных на «6-тысячники» в целом, и «Варяг» в частности.

Однако в случае с «Варягом» были и более чем очевидные конструктивные просчеты. Прежде всего это касается защиты орудий и прислуги; точнее – ее полное отсутствие. Совершенно не прикрытые даже фронтальными противоосколочными щитами орудия были очень удобны в наведении (и лишь при близких дистанциях), но эффективно такое решение было лишь при отсутствии ответного огня. Как показал единственный, но очень жестокий бой, в котором участвовал «Варяг» – бой у Чемульпо 27 января 1904 года, документированные повреждения орудий и личного состава оказались таковыми, что боеспособность крейсера была утрачена условно более чем на треть, притом что корабль сохранил ход. В частности, согласно донесениям командира корабля В.Ф. Руднева, повреждены без возможности ведения продуктивного огня пять 152-мм, семь 75-мм и все 47-мм орудия; повреждены, но с ограниченной возможностью ведения огня (в рапорте обозначены как «подбиты») еще три 152-мм и одно 75-мм. Японцы после поднятия затопленного крейсера все 152-мм, шесть 75-мм и два 47-мм орудия признали годными к дальнейшему использованию, что, правда, не отвечает на вопрос о том, могли ли они быть использованы непосредственно после сражения. В любом случае, состояние артиллерии было весьма плачевным.

Значительные потери понес и личный состав корабля. В масштабах данной статьи считаем нецелесообразным приводить конкретные цифры из конкретных источников, ибо они сильно разнятся как в отечественных, так и зарубежных материалах (речь идет о раненых членах экипажа: в целом, от 60 до 200; более того, сам Руднев в своих донесениях наместнику на Дальнем Востоке и управляющему Морским министерством приводит разные данные). Тем не менее в целом они оцениваются как потеря более 1/5 личного состава. Отсутствие какого-либо противоосколочного бронирования (точнее было бы сказать – прикрытия) орудий, безусловно, сыграло в этом решающую роль.

Применительно к ходовой части значительный урон получила третья труба, остальные повреждения дымовых труб были не критичными. Вышли из строя («разбиты»), согласно донесениям Руднева, все вентиляторы. Повреждений машин и котлов не наблюдалось. Согласно отчетам японцев после поднятия и детального описания повреждений корабля, пожарами была уничтожена 1/6 часть крейсера, преимущественно в корме. Корабль имел 10 пробоин, причем от 1 (Катаев, 2003) до 3 (Полутов, 2009) из них имели небоевой характер. Пробитий броневой палубы не было.

Какие повреждения японским кораблям «Варяг» смог нанести в ответ? К боевым «достижениям» рапорта Руднева (потопление легкого крейсера и миноносца, повреждение двух броненосных крейсеров), разумеется, нельзя относиться серьезно; японские источники не подтверждают вообще никаких повреждений, что, к слову, может быть примером другой «крайности». Справедливости ради надо отметить, что констатируемая командиром японского отряда контр-адмиралом Сотокити Уриу «беспорядочная» и «крайне низкая по точности» стрельба «Варяга» была вызвана не только отвратительной подготовкой комендоров (это было отмечено в ходе учебных стрельб 16 декабря 1903 года, когда из 145 снарядов по соответствующим мишеням попали лишь 3 малокалиберных боеприпаса), но и разрушением в начале боя обоих дальнометров.

Ну и, конечно же, каждый из исследователей упоминает «легендарную» капризность котельно-машинной установки, обусловленной, во-первых, установкой котлов французской системы братьев Никлосс (которые имели большой коэффициент полезного действия и меньший удельный вес в отличие от использовавшихся повсеместно, в том числе и в русском флоте, котлов системы Бельвиля), во-вторых, отдельными конструктивными недочетами (в частности, брак опорных подшипников, выполненных из некачественной стали, что приводило к их перегреву и вынуждало снижать обороты).

Таким образом, реальная боевая ценность крейсера «Варяг» оказалась весьма сомнительной, даже применительно к тем совершенно безнадежным и противоестественным концепции его создания условиям, в которые он был поставлен.

Следующим «зарубежным» «шеститысячником» стал крейсер «Аскольд» (1900). Он оказался наиболее легким из них: во многих источниках фигурирует проектное водоизмещение в 5900 тонн (см., напр., Новиков-Прибой, 1977). Заказан был в Германии фирме «Germaniawerft», расположенной в г. Киль и входившей в концерн военно-промышленной «империи» Фридриха Круппа. Забегая вперед,

можно констатировать, что немецкие корабли отлично справились с поставленной задачей, предоставив дешевый (цена составила около 5 млн руб., что было почти на один миллион дешевле, чем стоимость «Варяга»), быстроходный, прекрасно вооруженный и очень надежный в ходовой части крейсер.

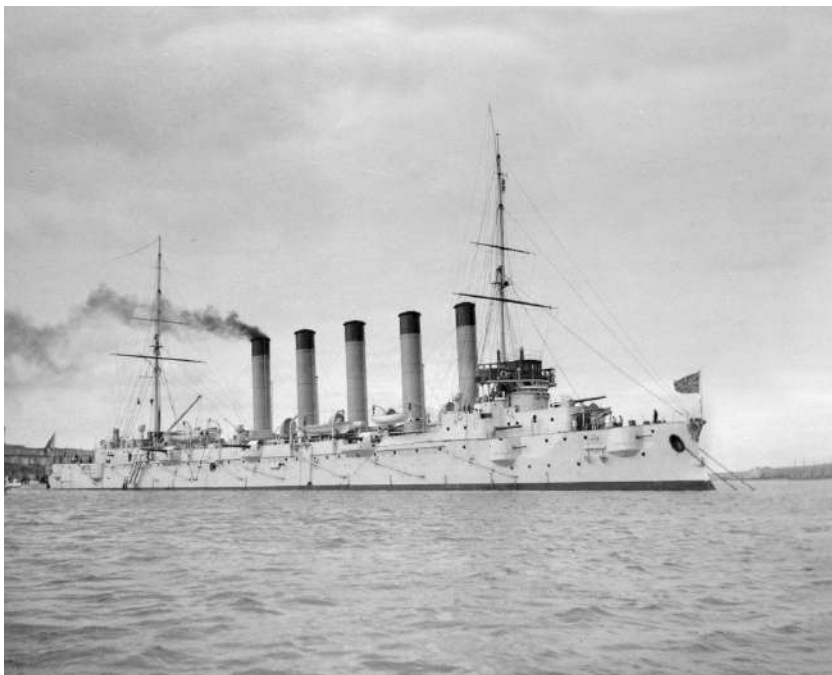

Рис. 4. Имевший множество «детских болезней» «Аскольд» (1900) тем не менее стал одним из наиболее эффективных кораблей русско-японской войны и, в отличие от большинства «артурских» военных судов, сумел избежать плена и последующей службы в японском флоте

Приведем тактико-технические данные корабля. Водоизмещение – 6000 т, длина – 132,5 м, ширина – 16,87 м, осадка – 6,3 м. Бронирование: палуба – 51–76 мм, рубка – 152 мм, щиты орудий – 25 мм; общая масса брони 705 т. Несмотря на относительную «легкость», это не помешало «Аскольду» иметь вполне адекватное бронирование. Как видим, в части бронирования «Аскольд» не только не уступал «Варягу», но и заметно превосходил его. Толщина брони в центре карапаса была «стандартной» и прямо обусловленной техзаданием, а небольшие участки скосов, а также комингс, прикрывающий румпельное отделение, имели и вовсе 100 мм толщины. Орудия главного калибра были защищены 25-мм противоосколочными щитами, которые, хотя и не прикрывали казенную часть ствола (для облегчения конструкции и, соответственно, увеличения скорости поворота станка, а также снижения метацентрической высоты), но в сравнении с «Варягом» значительно повышали «живучесть» артиллерии и лучше сохраняли орудийный расчет. Учитывая неизвестную тогда еще Адмиралтейству ставку японского флота на фугасный боеприпас, даже такую символическую защиту переоценить сложно. Рубка была защищена 152-мм броней.

Вооружение было практически идентично «Варягу». Артиллерия включала в себя двенадцать 152-мм, двенадцать 75-мм, восемь 47-мм пушек и две 37-мм пушки; две 64-мм десантные пушки Барановского и 4 пулемета стандартно должны были усиливать огневую поддержку десанта на берегу. Крейсер нес также шесть 381-мм торпедных аппаратов, однако информации о первоначальной возможности осуществлять минные постановки (и, соответственно, нести мины заграждения) не имеется.

О двигательной установке следует сказать отдельно. Крейсеру сообщали ход три гребных винта, приводимые в движение тремя вертикальными паровыми машинами. Немецкая корабельная школа, в отличие от британской, итальянской, американской и отчасти французской, делала ставку на трехвинтовую схему движителя, активно внедряя ее не только на легкие, но и капитальные корабли. Аргумент в пользу значительно более сложной и громоздкой схемы остался, в конечном счете, только один – живучесть. Гипотезы, связанные с прицелом на экономичность (когда в дальнем походе работает только средняя машина), себя не оправдали; наиболее ярким примером ошибочности такого подхода могут служить отечественные «пожиратели угля» – броненосцы-крейсеры типа «Пересвет» (1898), которые потребляли угля значительно больше своих двухвинтовых бронированных «коллег» при меньшей удельной мощности машин. Третий винт позволял не только дополнительно сохранять ход, но и, главное, значительно облегчал маневренность при повреждении одной из машин. Еще более сложной, но и значительно более эффективной, стала схема с четырьмя винтами, впервые внедренная на капитальном корабле в эпохальном «Дредноуте» (1906).

Пар обеспечивали девять двойных котлов Шульца–Торникрофта. Мощность с учетом веса и количества винтов была просто великолепной – 23 600 л.с., что обеспечило на ходовых испытаниях 3 ноября 1901 года выдающуюся скорость в 24,8 узла (новый мировой рекорд, установленный до этого «Варягом»), правда, при приличном недогрузе и в полный штиль и прочих, «заводских», условиях; «средняя» же максимальная скорость была 23,5 узла (она и фигурирует во всех справочниках). Однако и при последующих пробегах в условиях, приближенных к реальным, эксплуатационным, крейсер способен был развивать «паспортные» 23 узла, но, правда, только в очень хорошую погоду, и причина этого обстоятельства кроется вовсе не в машинной установке (об этом ниже). В целом, немецкая энергетическая установка получилась исключительно надежной, не в пример американского производства на «Варяге»: даже во время ходовых испытаний, когда машина работала на пределе, достигая 128 оборотов в минуту, не было ни утечек пара, ни перегрева. Дальность плавания была сопоставима с «американцем»; полного запаса угля в 1300 тонн хватало на 6500 миль 10-узловым экономическим ходом. Экипаж включал в себя 580 офицеров и матросов.

Однако, как известно, «бесплатного сыра» не бывает: большой вес двигательной установки и брони был скомпенсирован экономией веса корпуса, собранного по бракетной (т.е. «клетчатой», ячейковой) схеме. Вес и количество металлоконструкций набора корпуса (шпангоутов, стрингеров, флоров, бракет и пр.) были максимально уменьшены. Еще на стадии детальной проработки проекта у немецких конструкторов появились сомнения в достижении требуемой техзаданием скорости в 23 узла, поэтому при сохранении количества деталей корпусного набора было решено еще более увеличить соотношение длины к ширине, соответственно сузив и удлинив корпус. В силу этого корпус оказался достаточно «хлипким»: на это указал также начальник приемной комиссии крейсера и будущий его первый командир, энергичный и решительный капитан второго ранга Н.К. Рейценштейн. Позднее ходовые испытания полностью подтвердили опасения немецких конструкторов и русских моряков: на скоростях выше 13 узлов появлялась сильнейшая вибрация, которая полностью исчезала на скоростях выше 20 узлов. Путем доработок, настроек машин и усиления корпуса эту вибрацию практически убрали, однако опасения, что крейсер при подъеме на большую волну во время непогоды может разломиться напополам, у Рейценштейна остались. Поэтому в свежую погоду экипаж старался не развивать высоких скоростей.

В целом, «Аскольд» после потопления «Варяга» стал единственным в Порт-Артуре полноценным дальним разведчиком (номинально первоклассные, но крайне тихоходные для легкого крейсера корабли типа «Диана» (1899) в счет принимать нельзя), а также весьма активно использовался для рейдерских операций совместно с артурскими миноносцами и эсминцами. В целом, он стал одним из самых эффективных и универсальных кораблей 1-й Тихоокеанской эскадры; прекрасно показал себя в бою 28 июля 1904 г. в Желтом море, сумел прорваться в нейтральный порт Шанхая и избежал позорной участи служить в японском флоте, как многие вернувшиеся после боя в Артур корабли.

Однако, лучшим бронепалубным крейсером русско-японской войны большинством исследователей считается вовсе не «Аскольд». Через несколько месяцев после его заказа Адмиралтейство решило построить в Германии еще один крейсер у конкурирующей фирмы из г. Штетин – верфи «Вулкан». Крейсер получил название «Богатырь» (1901) и дал начало целой серии построенных уже в России по немецким чертежам кораблей.

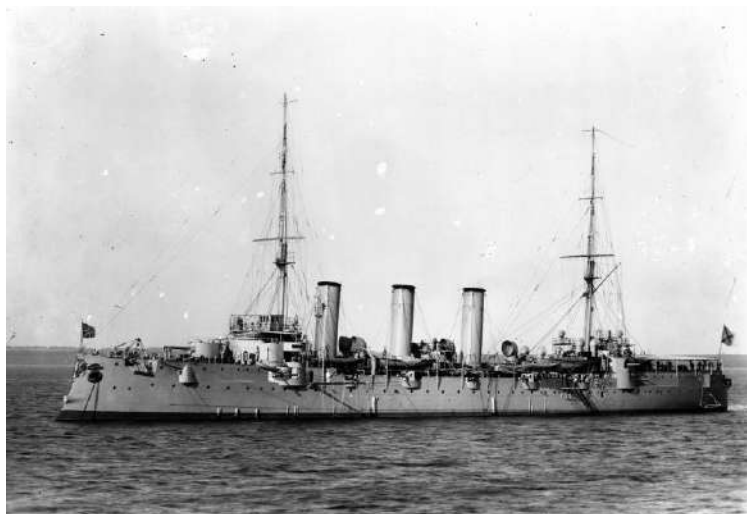

Рис. 5. Корабли типа «Богатырь» (1901) большинством исследователей справедливо считаются наиболее сильным и удачным типом первоклассного бронепалубного крейсера в русском флоте периода русско-японской войны

Конструкторы «Вулкана» учли все самые современные тенденции крейсеростроения того времени. Во внешнем виде это прежде всего касалось силуэта: «Богатырь» получился приземистым и низким, что затрудняло наводку комендорам противника. Еще больше увеличилось соотношение длины к ширине: длина судна составляла 134,1 м при ширине всего 16,61 м и осадке в 6,77 м. Однако «всемерно» экономить на корпусе в «Вулкане» не стали. Поэтому при сопоставимом с «Аскольдом» весе брони «Богатырь» стал самым «тяжелым» из всех легких крейсеров русского флота: водоизмещение его составило ни много ни мало 7428 тонн, что вплотную приближалось к показателям броненосных крейсеров. В частности, русский броненосный крейсер французской постройки «Баян» (1900) имел водоизмещение даже меньше – 7326 тонн, однако имел бортовой броневой 200-мм пояс и был вооружен двумя 8-дюймовыми и восемью 6-дюймовыми орудиями в бронированных башнях и казематах вместо двенадцати 6-дюймовых орудий, только восемь из которых были защищены броней. Поэтому вполне уместно, на наш взгляд, сравнить «Богатырь» не только с другими легкими крейсерами, но и идентичным по водоизмещению «Баяном». Однако, пожалуй, нет смысла здесь подчеркивать совершенно очевидный факт о том, что в открытом бою у первого практически не было шансов против второго...

«Богатырь» (как, собственно, и все «шеститысячники») предполагался, прежде всего, как рейдер и дальний разведчик. Однако дальность плавания по запасу угля в 4900 миль была не то, что рейдерской, но и весьма средней даже для линейного корабля (в частности, русский линкор «Ретвизан» или британский типа «Формидебл» имели дальность в 8000 миль – больше, чем «полноценные» русские рейдеры «Россия» и «Рюрик»). Следовательно, как высокоавтономный «истребитель торговли» «Богатырь» был мало пригоден. Это всецело подтверждают и его боевые выходы в русско-японскую войну: до посадки на скалу у мыса Брюса в Амурском заливе 15 мая 1904 года командующий отрядом владивостокских рейдеров контр-адмирал К.П. Иессен не ходил с ним в дальние вылазки (как, например, с троицей броненосных крейсеров) как раз по причине его посредственной автономности. Даже далеко не рейдер, а «бронированный разведчик при эскадре», т.е. «ближний разведчик», «Баян» имел дальность плавания 3400 миль.

Превосходил «Богатырь» своего бронированного визави лишь в нескольких параметрах, во-первых, скорость хода и возможность ее длительного поддержания. Максимальная скорость составляла 24,33 узла – прекрасный показатель у «Богатыря» – против не достающей нескольких сотых до 21 узла на испытаниях у «Баяна»; более того, последний не мог длительно поддерживать высокую (речь уже не идет о максимальной) скорость, что было критично важно при ретировании от броненосных крейсеров противника, в частности японских «мини-линкоров» типа «Асама». В данном случае все решала энергетическая установка и ее мощность: 20 368 л.с. у «Богатыря» против 16 500 л.с. у «Баяна». Определенную роль играло также и более высокое у первого соотношение длины к ширине.

Однако применительно к конкретному противнику – Тейкоку Кайгун – разница в длительном поддержании хода не была решающим фактором. От «асам», и уж тем более от «касут», «Баян» при желании мог уйти совершенно свободно, несмотря на «парадные» заводские скоростные характеристики «британцев». А «итальянцам» русский «француз» вполне мог навязать и победоносное сражение, пользуясь безоговорочным преимуществом в скорости и мореходности и, соответственно, возможностью выбирать выгодную для себя дистанцию (ну и, прежде всего, имея на борту способные пробивать 152-мм поясную броню «касут» два 8-дюймовых орудия, а также более толстый и прочный собственный бронепояс, который был «по зубам» фугасным 8-дм и 10-дм снарядам «японцев» лишь на значительно более близком расстоянии). «Богатырю» же при встрече с указанными противниками могла помочь только великолепная скорость хода, которая позволяла ему экстренно ретироваться с поля боя.

Во-вторых, стоимость. Однако и здесь разница отнюдь не критична. Более высокая цена «Баяна» была обусловлена, прежде всего, стоимостью дорогой гарвеевской брони; при переходе на более тонкую, качественную и дешевую крупшовскую разница вполне могла стать некритичной (в частности, у «баянов» отечественной постройки толщина пояса была уменьшена с 203 мм гарвеевской до 175 мм крупшовской брони без снижения сопротивляемости снарядам). Конечно, история не знает сослагательного наклонения, но сделай Адмиралтейство ставку на «баяны», то два таких в Артуре (и один у Рождественского вместо «Олега») «смотрелись» бы намного лучше, чем «Баян» в Артуре и «Богатырь» во Владивостоке (даже без учета досадной аварии, последующем ремонте и не участии корабля в операциях владивостокских крейсеров на протяжении всей войны).

Вместе с тем восторженные отзывы современников и хвалебные комментарии историков, сравнивающих «Богатырь» с одноклассниками – легкими крейсерами русского флота, – будут вполне справедливы.

Вес брони крейсера достигал 765 тонн, что только на 60 тонн тяжелее «Аскольда» (при водоизмещении на 1500 тонн больше), однако при значительно большей площади защиты. Корпус корабля был спроектирован и выполнен весьма скрупулезно; не исключено, что именно это обстоятельство позволило кораблю, пусть и с невероятным трудом, но сняться со скалы и дотянуть до Владивостока после того, как на большой скорости и в тумане крейсер сел на камни. Броня была чуть

тоньше 3-х дюймов (76 мм), так как германские верфи в расчетах оперировали метрической системой, но и защита в 70 мм была в целом не хуже, чем на других «шеститысячниках», заказанных за рубежом. Наибольшим прогрессом в защите корабля и одним из основных достоинств проекта в целом являлось бронирование артиллерии главного калибра. Во-первых, две носовые и кормовые башни, защищавшие «по кругу» 90–125-миллиметровой броней четыре 152-мм орудия, были куда предпочтительнее, чем открытые противоосколочные щиты; также в непогоду вести огонь из башен было значительно более комфортно. Во-вторых, 90-миллиметровая броневая защита четырех бортовых казематных 152-мм орудия, которая надежно защищала от японских среднекалиберных фугасов (к слову, на броненосном «Баяне» защита казематов была всего 60 мм). В целом, следует признать адекватным и надежным 140-миллиметровое бронирование рубки. Таким образом, если в сравнении с броненосным крейсером аналогичного водоизмещения (наш пример – «Баян»; сравнивать «Богатырь» с похожими по водоизмещению, но совершенно разными по «философии» итальянскими «Гарибальди», известными в японском флоте как тип «Касуга», совершенно бессмысленно, как сравнивать броненосцы типа «Полтава» с типом «Пересвет») бронирование «Богатыря» ожидаемо проигрывает, то в сравнении с другими «шеститысячниками» как зарубежного, так и отечественного производства оно ощутимо выигрывает. Не случайно именно «Богатырь» стал прототипом для целой серии кораблей отечественной постройки («Олег», «Кагул» и «Очаков») и в историографии был выделен в отдельный тип крейсеров – крейсера типа «Богатырь». И именно благодаря наилучшей среди всех легких крейсеров русского флота защите, он «составил компанию» владивостокским крейсерам.

Двигательную установку решено было сделать двухвальной; две паровые машины тройного расширения приводились в движение паром от 16 котлов системы Нормана. В целом энергетическая установка обладала поистине немецкой надежностью, особых проблем и хлопот не доставляла, в отличие, например, от таковых на «Варяге» и отечественных «богинях».

Артиллерия «Богатыря» представляла собой «зарубежный» стандарт программы «Для нужд Дальнего Востока» и включала по двенадцать 6-ти и 3-дюймовых орудия. О преимуществах и недостатках этой схемы было сказано выше. Восемь 47-мм пушек даже на легких крейсерах были таким же бесполезным атавизмом, как и таковые на броненосцах.

В целом, если сравнивать тип «Богатырь» с аналогичными ему судами, он однозначно является наиболее сильным и сбалансированным типом первоклассного легкого крейсера; как было указано выше, не случайно именно он был включен в состав владивостокских рейдеров наравне с броненосными крейсерами.

Разумеется, заказ «шеститысячников» за рубежом был размещен не случайно. Выработав программу «Для нужд Дальнего Востока», Адмиралтейство попыталось реализовать ее собственными силами. Лишь осознав тот факт, что сроки (да и качество исполнения) будут хуже, российское военноморское руководство разместило соответствующие заказы за рубежом. Каково же было отечественное «исполнение» «шеститысячных» рейдеров? Попробуем ответить на этот вопрос.

Рис. 6. «Богини отечественного производства» – крейсера типа «Диана» (1899) – оказались совершенно неконкурентоспособны в сравнении с зарубежными «одноклассниками» (на фото – систершип «Аврора» (1900), который стал наиболее знаменитым и «долговечным» из всей «тройки»)

Находясь под влиянием идей рейдерской войны и личного авторитета С.О. Макарова, Морское министерство в лице Морского технического комитета объявило конкурс на проектирование быстроходного бронепалубного океанского «истребителя торговли». В итоге в 1895 году, все еще считая Великобританию потенциальным противником, но уже принимая во внимание «германскую угрозу» на Балтике, на свет появился проект крейсеров типа «Диана». Изначально царившее в адмиралтейских кругах противоречие, кого считать противником – Англию, Германию или Японию, – всецело отразилось и на отечественных легких крейсерах: новые корабли должны были быть и рейдерами, и дальними разведчиками, и истребителями «истребителей торговли» (т.е. несущими какую-либо броню и способными уничтожать вражеские легкие рейдеры), и «противоминными» кораблями (суда, предназначенные для уничтожения и защиты от нового класса миноносцев – «дестроеров», или, согласно отечественной военно-морской терминологии, эсминцев), и, конечно же, артиллерийской «противокрейсерской» поддержкой главных сил. Разумеется, новый класс кораблей обязательно должен был быть недорогим (иначе какой смысл их строить?) и, соответственно, многочисленным. В конечном счете, критерий «дешевизны» в итоге определили «размером» в шесть тысяч тонн водоизмещения.

Однако меняющаяся внешнеполитическая обстановка постоянно вносила коррективы в тактику ведения морской войны: после ряда соглашений с Францией, согласившейся в итоге предоставить России свои военно-морские базы, автономность отошла на второй план. Требования «всемерной экономии» «похоронили» бортовую броню и защиту артиллерии главного калибра (к тому же уже вступил в строй броненосный рейдер «Рюрик» и начато строительство его улучшенного варианта – «России», которые, к слову, тоже не имели броневой защиты артиллерии). А относительно тихоходные современные британские аналоги (прежде всего – крейсера второго ранга типа «Эклипс», которые рассматривались как наиболее вероятные противники новых отечественных кораблей), развивавшие не более 19 узлов хода, снизили требования к мощности энергетической установки. Также бытовало мнение (не без энергичных усилий самого С.О. Макарова, считавшего скорости выше 21–22 узлов для «безбронного судна» бесполезной тратой водоизмещения и, соответственно, казенных денег), что легкому первоклассному крейсеру вполне было достаточно 20 узлов скорости, чтобы уходить от современных ему линкоров (развивавших на практике в те времена не более 16–17 узлов) и легко догонять транспорты противника. В итоге на свет появился проект крейсера типа «Диана». Несмотря на то, что первым был спущен на воду систершип «Паллада» (1899), для сохранения звучности морская традиция была нарушена, и серия из трех кораблей стала называться по имени второго корабля – «Дианы».

Тактико-технические характеристики корабля, фигурирующие в справочниках того времени, следующие: полное водоизмещение – 6731 тонна, длина – 126,8 м, ширина – 16,76 м, осадка – 6,4 м. Карапасная броневая палуба имела толщину в 63,5 мм на скосах в центральной части и 38 мм в оконечностях и горизонтальной части (Балакин, 2009). Рубка была защищена 152 мм броней. Орудия первоначально не были прикрыты ничем, за исключением 16-мм стального противоосколочного листа сзади, полезность которого весьма сомнительна (если даже вовсе не вред из-за возможных рикошетов). Можно констатировать, что бронирование отечественных «шеститысячников» было наихудшим из всех легких первоклассных крейсеров, построенных по программе «Для нужд Дальнего Востока».

Энергетическую установку было решено сделать трехвальной. Бытовало мнение, что подобная силовая установка не только обеспечит дополнительную живучесть, но и главное качество рейдера – экономичность. По этой же причине трехвальными сделали и «рейдерские» броненосцы-крейсера типа «Пересвет». Три вертикальные паровые машины тройного расширения приводились 24 водотрубными котлами системы Бельвиля, которые имели может и более низкий КПД в сравнении с другими системами, но отличались надежностью. Чего нельзя сказать о машинах. При отсутствии в целом конструктивных недостатков (речь идет только о паровой машине) попытка сэкономить на качестве стали привела к таким же результатам (пусть в несколько меньших масштабах), каковыми «прославился» «Варяг». Контактной (проектной) была мощность машин в 11 610 л.с., и вся троица ее достигла достаточно легко: «Диана» – 12 200 л.с., «Паллада» – 13 100 л.с., «Аврора» – 11 971 л.с. «Паллада» и вовсе на 10 % превысила проектную мощность, что было весьма недурным показателем.

Однако в процессе ходовых испытаний 14 августа и 10 октября 1901 года для «Паллады» и «Дианы», соответственно, выявились два удручающих обстоятельства. Во-первых, целых четыре котла (из 24) оказались «лишними» – машинам на пике нагрузки (135 об/мин) вполне достаточно было и форсированной работы 20 котлов. Лишние котлы, соответственно, занимали место и вес, требовали обслуживания и уход, отнимали часть экипажа; боевое «крещение» кораблей в боях в Желтом море и Цусиме закономерно не выявило какое-либо увеличение надежности из-за наличия «запасных» котлов. Во-вторых, недобор даже совершенно недостаточной к началу XX века проектной скорости в 20 узлов. Головная «Диана» развила 19 узлов, «Паллада» – 19,17 узлов, «Аврора» – 19,2 узла. «Виновными» были признаны конструктивные просчеты, допущенные в проектировании

обводов. Однако служба одного из кораблей этого типа в японском флоте¹ опровергла просчеты проектировщиков: после устранения дифферента на нос, настройки машин и шага гребных винтов корабль показал максимальную скорость в 21,85 узла, то есть практически на 3 узла больше, чем на заводе! Случай исключительный, и объяснений ему, по большому счету, только два: либо при испытаниях имела место дезинформация (как это, вероятно, было при испытаниях «пересветов», когда, значительно не добрав контрактную мощность без совершенно видимых на то причин, броненосцы «перебрали» проектную скорость), либо недоработки инженеров. Скорее всего, на наш взгляд, в данном случае был именно второй случай: в бою в Желтом море, после того как командир артурских крейсеров контр-адмирал Н.К. Рейценштейн приказал своим кораблям идти в прорыв, за его флагманским «Аскольдом» поспевал лишь «Новик», «Диана» с «Палладой» же безнадежно отстали и вскоре вернулись к своим броненосцам; первая сумела в темноте изменить курс и уйти незамеченной, интернировавшись аж в Сайгоне, второй была предназначена судьба быть потопленной в Порт-Артуре и впоследствии служить во флоте бывшего неприятеля. Имели бы они возможность развить ход хотя бы в 21 узел и держать его в течение получаса, то вполне смогли бы на время прорыва удержаться в кильватере «Аскольда». Дальность плавания «диан» составляла совсем не рейдерские 3300 миль на 10 узлах. Экипаж включал 570 человек, из которых 20 офицеров.

Артиллерия на момент вступления в строй составляла восемь 6-дм, двадцать четыре 3-дм орудий, а также восемь мелких 37-мм пушек. Торпедное оружие включало три «минных» аппарата. Таким образом, на момент вступления в строй вооружение сильно проигрывало крейсерам зарубежного образца. Однако масса 75-мм орудий, торчавших из орудийных портов по обеим сторонам в лучших традициях... парусного флота, имела весьма противоречивую полезность. Ее «противокрейсерская» эффективность была совершенно невелика, однако в случае с эсминцами, даже перспективными 400-тонными, дело обстояло совершенно иначе. По количеству выпускаемых снарядов в минуту, учитывая скорострельность 3-дюймовых орудий в сравнении с 6-дюймовыми, «дианы» были абсолютными рекордсменами среди других русских (да и японских) легких крейсеров. И если против крейсеров, особенно броненосных (тип «Диана»), был совершенно неконкурентоспособен, то даже против целой флотилии миноносцев теоретически был исключительно хорош даже в одиночку. В этом плане для защиты главных сил в открытом море (особенно учитывая его невысокую скорость, сопоставимую с линкорами) он вполне мог бы стать эффективным. Но, к сожалению, речевой оборот «мог бы» в случае с «дианами» так и остался в теории. Ничтожно маленький боезапас орудий, особенно «противоминных» 3-дюймовых (в том числе из-за ошибок проектирования и, соответственно, близости погребов боезапаса к котлам), поставил крест на их роли как защитнике эскадры от эсминцев: сверхинтенсивный огонь корабли могли развить лишь на несколько минут, после чего становились бесполезными огромными плавучими мишенями.

В итоге крейсера типа «Диана» оказались вошедшими в строй уже устаревшими. Показательной в этом контексте представляется характеристика А.Н. Степанова: «...Водоизмещением около семи тысяч тонн, трехпалубный, высокобортный, с массой наружных построек, крейсер «Диана» был спущен на воду в 1899 году уже устаревшим вследствие затянувшейся более пяти с лишним лет постройки. Он был слабо вооружен, имел малый ход, плохо слушался руля и рыскал на курсе. Все это вызывало презрительное отношение всей эскадры к этим «богиням отечественного производства», как «Диана» и «Паллада» величались в Артуре. Матросы же называли свой крейсер просто «Палашкой» (Степанов, 1983; 29). Безусловно, авторитетный советский историк и романист, один из виднейших специалистов по истории русско-японской войны (и, по его собственным словам, даже участник артурской блокады в детстве), вкладывал в свои слова и большую долю «идеологической ненависти» к «царскому режиму», однако с учетом вышесказанного сложно не согласиться с его мнением; более того, он сумел в нескольких словах всецело показать сущность крейсеров типа «Диана». В этой связи нельзя также не упомянуть слова наместника на Дальнем Востоке генерал-адъютанта, адмирала Е.И. Алексеева, которого уж точно никак нельзя упрекнуть в предвзятости к правящему режиму, об «отечественных богинях» после маневров артурской эскадры: «...Крейсера 1-го ранга «Диана» и «Паллада», выстроенные на казенной верфи в Санкт-Петербурге, значительно отстали от своих иностранных сотоварищей по всем частям, как в отношении хода и артиллерии, так и законченности и обдуманности проекта, а также и выполнения работ. Так, например, еще в Кронштадте комиссия указала, что контрактное число сил достигается без четырех котлов, таким образом, они являются лишним грузом. Между тем, для полного комплекта артиллерийских снарядов места не нашлось и патронные погреба расположены частью рядом с котлами. Морские качества тоже не высоки, так как крейсера зарываются носом, ход же полный не достигает 20-ти узлов» (цит. по Сковрцов, 2005: 27).

Решительно ничем не проявив себя в двух главных морских сражениях русско-японской войны, «Диана» (после сражения в Желтом море) и «Аврора» (после Цусимского сражения) смогли уйти в

¹ После затопления «Паллады» в Порт-Артуре японцы подняли ее, отремонтировали и включили в свой флот под названием «Цугару».

нейтральные порты, были разоружены, но тем не менее спасены для русского флота; «Палладе» же выпала, как уже говорилось, незавидная роль быть «плененной» и служить в японском флоте...

Говоря о крейсерах русско-японской войны, нельзя не сказать и об относительно небольших отечественных кораблях крейсерского класса, которые, впрочем, имели карапасную бронепалубу и 6–8 орудий 120-мм калибра, занимая промежуточную позицию между так называемыми «минными крейсерами» (увеличенными эсминцами) и крейсерами I ранга. В русском флоте они получили название крейсеров II ранга, имея своими главными задачами патрулирование и разведку прибрежной зоны поблизости собственных военно-морских баз, разведку при эскадре, а также сопровождение и прикрытие эсминцев при их атаке (термин «лидер эсминцев» появился чуть позже в британском флоте в годы Первой мировой войны). В рабочей документации и историографии данный тип крейсеров фигурировал как «малый», а также как корабль «корветского» ранга.

Вместе с тем круг решаемых задач был настолько широк (от самостоятельной «охоты» на транспорты в близлежащих водах до установки минных заграждений), что требования к проекту «малого» крейсера получились исключительно противоречивыми. Осознав в середине 90-х годов XIX века необходимость решения указанных задач одним типом судна, особенно после захвата Порт-Артура и утверждения Маньчжурии, русское Адмиралтейство в итоге сформулировало основные требования к тактико-техническим характеристикам: водоизмещение не более трех тысяч тонн (при запасе угля не менее 360 тонн; дальность плавания 5000 миль при 10 узлах), вооружение не менее шести 120-мм орудий, наличие торпедных аппаратов, максимальная скорость не менее 25 узлов, возможность принимать на борт мины заграждения; бронирование – по возможности. Учитывая тот факт, что создается «ближний» разведчик, требования к мореходности первоначально особо не оговаривались, однако подразумевался ее приемлемый уровень, значительно превышающий таковой у минных крейсеров; впоследствии, однако, вооружение и бронирование было принесено в жертву мореходности. Параллельно разрабатывалась программа создания крейсера скоростью в 30 узлов, так как перспективные 400-тонные японские эсминцы предположительно имели такой ход; однако исключительная дороговизна подобного судна в итоге «похоронила» этот проект. Конечным общим требованием технического задания Адмиралтейства к зарубежным верфям стали следующие тактико-технические элементы: «скорость хода, по крайней мере, 25 узлов. Вооружение и броня – по возможности наибольшие при наименьших затруднениях для хода по открытому морю во всякое время. Судно предназначалось для крейсерской службы в океане и должно было обладать всеми морскими качествами. При этом были поставлены неперенным условием большой радиус действия и хорошее помещение для экипажа...». В основу «философии» корабля легла концепция «безбронного судна» С.О. Макарова с увеличенной до 25 узлов скоростью и уменьшенным количеством и калибром орудий.

Так появился незаурядный проект крейсера «Новик», ставшего не только новым явлением для мирового кораблестроения, но и имевшего значительное количество последователей, в том числе и в русском флоте. Несмотря на отдельные критические замечания в его адрес, боевые действия показали со всей очевидностью преимущества и практическую значимость проекта.

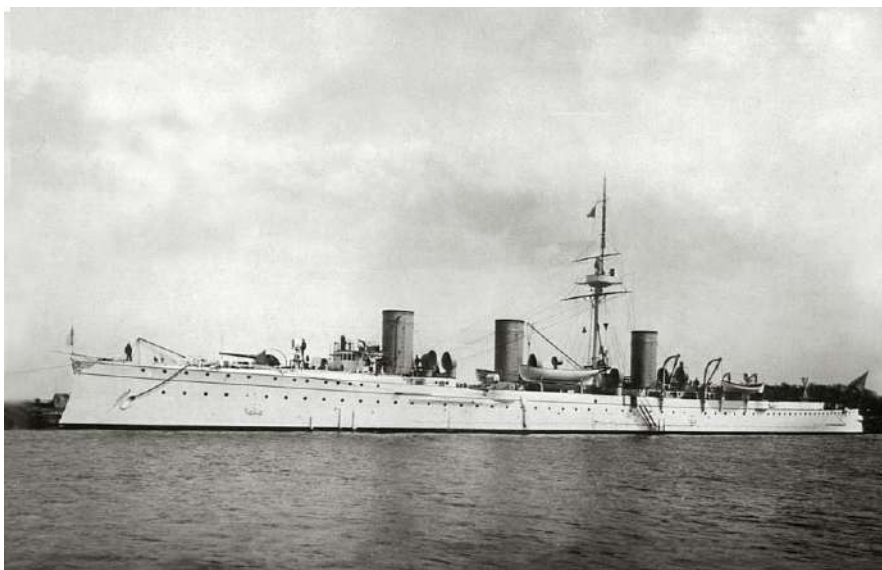

Рис. 7. Крейсер II ранга «Новик» (1900) стал наиболее эффективным кораблем русско-японской войны

Заказ был размещен в Германии на фирме «Шихау» в августе 1898 года; срок постройки должен был быть не более 25 месяцев (там же заказали и четыре крупных 350-тонных эсминца типа «Касатка»/«Кит»/«Бдительный»). Долгий процесс согласования чертежей между инженерами фирмы и МТК, а также задержки сталелитейных заводов примерно на год отложили начало работ; также внесла свою лепту и необычайно суровая зима в Данциге в 1900 году. Однако «Шихау» смогла максимально сконцентрироваться на русском заказе, и 2 мая 1901 года «Новик» вышел на испытания. Желая ускорить процесс сдачи, конструкторы фирмы сразу с первых же пробегов приступили к формировке машин, чем вызвали их повреждение и постоянные поломки, которые фирма полностью устранила за свой счет, попутно отрегулировав машины, шаг винтов и обороты средней машины к двум бортовым, результатом чего стало отсутствие вибраций на полном ходу. 23 апреля 1902 года на «окончательных» ходовых испытаниях «Новик» достиг максимальной скорости 26 узлов, побив тем самым мировой рекорд для кораблей своего водоизмещения.

Итоговые тактико-технические элементы корабля выглядели следующим образом: водоизмещение полное – 3080 тонн, длина – 109,86 м, ширина – 12,20 м, осадка – 5,03 м. Гордостью конструкторов «Шихау» по праву стала машинная установка: действующие на три винта вертикальные машины тройного расширения и 12 котлов Шульца–Торникрофта развивали мощность в 17 000 л.с., что обеспечивало проектную среднюю скорость в 25 узлов и максимальную в 26 узлов. «Легкая и необычайно мощная», она доказала свою надежность в суровой боевой обстановке осажденного Порт-Артура и постоянных экстренных выходах в море: по этому показателю «Новик» стал лидером среди всех других русских крейсеров. Прежняя капризность машин, доставивших много хлопот испытателям и заводу, осталась в прошлом: корабль мог сутки держать 25-узловую скорость и пройти на такой 660 миль; на 12 узлах 2370 миль и экономическим 10-узловым ходом – 3500 миль. Крейсер имел и бронированную карапасную палубу толщиной в 50 мм, в наиболее «ответственных» местах – до 75 мм; рубка была, по сути, номинально бронирована 28-мм противосколочной броней.

Вооружение составляли шесть 120-мм орудий Канэ длиной в 45 калибров и шесть мелких 47-мм пушек Гочкиса. Для десанта было предусмотрено два 37-мм орудия Гочкиса и одно «стандартное» 64-мм десантное орудие Барановского, а также пара пулеметов системы «максим». Торпедное оружие включало пять 381-мм минных аппаратов. Вооружение было очень сильным для корабля такого водоизмещения и хода; на это обстоятельство, собственно, и указал германский кайзер Вильгельм II во время посещения построенного крейсера, посчитав его артиллерийскую мощь «избыточной». Однако русские моряки по этому поводу явно не переживали; более того, приемники «Новика» отечественной постройки – крейсера типа «Жемчуг» (1903) – имели чуть меньший ход в 23–24 узла, однако несли на две 120-миллиметровки больше!

Экипаж насчитывал 12 офицеров, 316 кондукторов и нижних чинов.

В целом, «Новик» оказался незаурядным по своим боевым качествам кораблем и можно смело утверждать, что «Шихау» смогла реализовать на практике те крайне противоречивые требования, которые выдвинуло ей русское Адмиралтейство. Крейсер немецкой постройки стал, пожалуй, самым эффективным и наиболее полезным кораблем русско-японской войны (в том числе и благодаря экипажу и командирам крейсера, прежде всего – капитану II ранга Н.О. Эссену, в будущем – адмиралу и командующему русским флотом в Первую мировую), прекрасно справляясь с теми разнообразными и противоречивыми задачами, для решения которых и был создан. Отечественные его потомки стали менее проворными, но зато более мощно вооруженными и в целом весьма удачными для своего водоизмещения кораблями.

В 1-й Тихоокеанской эскадре присутствовал еще один крейсер II ранга и так же, как и «Новик», единичный проект. Речь идет о крейсере датской постройки «Боярин» (1901). Дания отнюдь не считалась «великой» кораблестроительной державой, однако мать императора, вдовствующая императрица Мария Федоровна, вроде как настояла на том, чтобы один из кораблей для русского флота построили на ее родине (см, напр., [Скворцов, 2003](#)).

Несмотря на то, что «Боярин» символически обошелся дороже «Новика» (на 65 тыс. рублей) и не имел его фантастической скорости и славы, тем не менее датчане смогли создать корабль, на наш взгляд, даже еще более универсальный, чем его именитый «коллега» по эскадре. Задачи на него возлагались аналогичные.

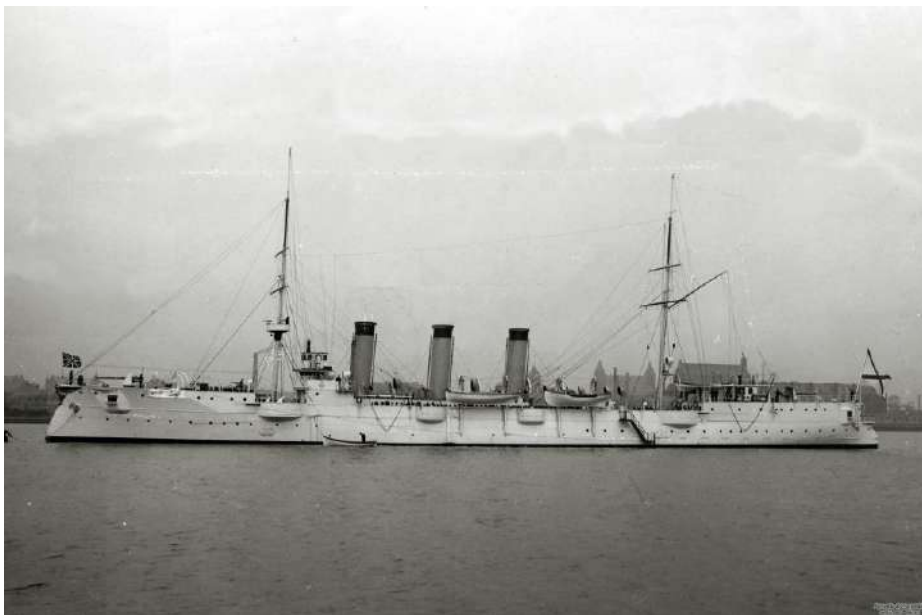

Рис. 8. Крейсер II ранга «Боярин» (1901) датской постройки имел ряд достоинств, однако проявить их в русско-японской войне ему было не суждено

Тактико-технические характеристики: полное водоизмещение – 3274 тонны (на 200 тонн больше «Новика»), длина – 105,2 м, ширина – 12,65 м, осадка – 4,88 м; бронирование: палуба – до 51 мм, боевая рубка – 76 мм, подачные трубы – 25 мм. Две четырехцилиндровых паровых машины тройного расширения питались от 16 надежных котлов системы Бельвиля, выдавая мощность 11 180 л.с. (что почти на треть меньше, чем у «Новика»); на испытаниях корабль показал максимальную скорость в 22,6 узла, ни разу не повторенную более. В целом, «средней» максимальной эксплуатационной скоростью в научно-исторической литературе принято считать – 21 узел (Сарычев, 2003), что было более чем скромным показателем, особенно для «ближнего разведчика». И особенно, если учесть, что первоклассные русские крейсеры германской и американской постройки в два раза большего водоизмещения «на гора» выдавали 23 узла (а на испытаниях и все 24,5). Безусловно, низкая скорость, вызванная проектной перегрузкой, стала самым слабым местом корабля (продольная прочность корпуса оказалась откровенно слабой, поэтому было принято решение дополнительно усилить его, в результате чего водоизмещение выросло с проектных 2600 до почти 3100 тонн), поставив, таким образом, «крест» на роли лидера эсминцев. Корпус также достаточно сильно вибрировал на скоростях в районе 14 узлов. Небольшой даже по меркам второклассных крейсеров была дальность плавания в 3000 миль.

Вооружение было практически аналогично «Новику»: шесть «стодвадцаток», восемь 47-мм пушек и несколько десантных стволов, пять надводных 381-мм торпедных аппаратов. Экипаж составлял 16 офицеров и 315 матросов.

Однако «Боярин» стал примером того, как вторичные боевые качества превалируют над первичными, превращая «невзрачного плохиша» на бумаге в «добротного бойца» на практике. Очень комплементарно отзывался о корабле как дальневосточный наместник, командующий Тихоокеанским флотом, адмирал Е.И. Алексеев (особо отмечая его экономичность и качество постройки), так и его первый и последний командир кавторанг В.Ф. Сарычев.

Прежде всего отметим неплохую для размеров корабля мореходность, не в пример лучшую, чем у «Новика»: даже в сильный шторм высокий борт теоретически позволял вести огонь из всех орудий и хорошо держаться на волне. Орудия имели великолепные углы обстрела. Вынесенные далеко в нос и корму баковое и ютовое орудия могли работать с очень острых углов, а прилично вынесенные за борт спонсоны, в том числе и четырех 47-миллиметровых пушек, давали прекрасные углы и бортовым орудиям. Даже тот факт, что после подрыва на русской же mine в бухте Талиенван 29 января, через два дня после начала войны, крейсер, брошенный экипажем по приказу рано отчаявшегося Сарычева, почти двое суток держался на плаву (пока, дрейфуя, не налетел на другие мины), говорит о великолепном уровне непотопляемости. Остается только сожалеть, что корабль был потерян совершенно бездарно. С учетом безотказности и экономичности энергетической установки можно, в целом, признать корабль удачным; однако хорошие «парадные» цифры закономерно определили «Новик» как прототип для русской серии крейсеров типа «Жемчуг».

5. Заключение

Подытоживая сказанное, отметим ключевые моменты, обозначенные выше:

1. Русские крейсера I ранга, созданные по программе «Для нужд Дальнего Востока», имели достаточно четкую задачу: осуществлять рейдерские операции против торгового флота при подавлении легких и ретировании от броненосных крейсеров противника. В качестве второстепенной задачи ставилось обеспечение дальней разведки и стационарная служба. В целях экономии водоизмещение находилось в пределах 6 тысяч тонн, из-за чего русские первоклассные крейсера стали именоваться «шеститысячниками».

2. Лучшими из первоклассных крейсеров стали образцы зарубежной постройки: «Богатырь» (ставший прототипом серии крейсеров отечественной постройки), «Аскольд», «Варяг» (названы в порядке убывания боевых качеств). Артиллерийским стандартом для них стала формула 12/12 (двенадцать 6-дюймовых и двенадцать 3-дюймовых орудий); ходовым – скорость в 23 узла при дальности плавания около 5 тысяч миль экономическим 10-узловым ходом. Важнейшим вторичным боевым качеством стала мореходность и возможность длительно поддерживать скорость. Все указанные корабли справлялись бы с поставленными перед ними рейдерскими задачами на «отлично», однако на практике вынуждены были решать совершенно другие задачи. К недостаткам проектов следует отнести следующие:

а) «Варяг» не имел даже противоосколочной защиты артиллерии, поэтому был мало пригоден для «плотного» боя, что и показало сражение при Чесмульпо;

б) «Аскольд» имел слабый корпус и относительно высокую метацентрическую высоту, что делало гипотетически низкой его остойчивость;

в) водоизмещение «Богатыря» было больше, чем у броненосного крейсера «Баян», который был несоизмеримо мощнее (следовательно, на наш взгляд, более целесообразным представлялось бы строительство «баянов»). Рейдерские качества «Богатыря» при этом (дальность и автономность плавания) были отнюдь не на высоте.

К преимуществам всей троицы следует отнести то, что они были сильнее любого японского легкого крейсера и не без шанса на успех могли бы вступать в бой даже с несколькими такими кораблями (особенно «Богатырь»). Скорость (под вопросом остается только у «Варяга») и мореходность вполне позволяли им уходить от более сильных кораблей противника.

3. Отечественные «шеститысячники» – крейсера типа «Диана» – стали худшими из первоклассных русских крейсеров 1-й Тихоокеанской эскадры. В качестве причин мы видим очень длительный этап согласования тактико-технических элементов и проектирования, в результате чего основные его боевые качества – скорость и мощность артиллерии – уже не отвечали требованиям времени. Недостатком кораблей стал огромный перечень проектных, конструктивных и строительных просчетов:

- слабое вооружение (восемь 6-дюймовых орудий против двенадцати на «одноклассниках» зарубежного производства);

- отсутствие какой-либо защиты орудий;

- катастрофически низкая скорость, которая не позволяла им уйти от превосходящих сил противника (прежде всего речь о броненосных крейсерах типа «Асама»);

- посредственная ходкость (рыскания на курсе) и мореходность (склонность зарываться носом в воду);

- капризная и часто выходящая из строя двигательная установка;

- очень небольшая для рейдера дальность плавания;

- крайне низкий боезапас артиллерии, особенно – «противоминного» калибра.

К «вынужденным» достоинствам проекта следует отнести огромное количество (двадцать четыре) 3-дюймовых орудия, которые, благодаря своей скорострельности и «подвижности», на момент русско-японской войны все еще оставались весьма эффективным средством против японских эсминцев (даже несмотря на отсутствие фугасных снарядов в номенклатуре боеприпасов к «трехдюймовкам»); «дианы» имели все шансы победоносно вступить в бой в целой флотилией эсминцев либо могли предоставить недолгую, но очень качественную защиту своим линейным силам от атаки эсминцев.

4. К крейсерам II ранга русское Адмиралтейство выдвинуло крайне противоречивые задачи, при том что водоизмещение должно было быть не более 3 тысяч тонн, вооружение в шесть 120-мм орудий, а скорость не менее 25 узлов. В задачи входила ближняя разведка при главных силах, рейдерские операции, лидирование и прикрытие эсминцев, защита главных и вспомогательных сил от миноносцев и эсминцев противника. Германская фирма «Шихау», построившая «Новик», справилась с техзаданием значительно лучше, чем датская фирма «Бурмейстер ог Вайн», создавшая «Боярин». В целом, обе фирмы справились с поставленными задачами, за исключением низкой скорости «Боярина», на практике не достигавшей даже 22 узлов. «Новик» же стал не только самым эффективным, на наш взгляд, кораблем русско-японской войны, но и прототипом для «малых» крейсеров русской постройки типа «Жемчуг», ставших еще более сильными кораблями. Оба корабля имели очень надежные и экономичные энергетические установки, а также 50-мм карапасную бронепалубу и противоосколочные щиты орудий. К особенностям проектов следует отнести:

а) «Новик» имел великолепную скорость и новомодный низкий силуэт, затруднявший прицеливание противнику; наиболее существенными недостатками проекта стала посредственная мореходность, сильно снижающая скорость хода в штормовом море, и крайне слабое бронирование рубки;

б) Несомненными преимуществами «Боярина» стала прекрасная, достойная первоклассных крейсеров мореходность, отличные углы обстрела не только главной, но и вспомогательной 47-миллиметровой артиллерии, приличное бронирование боевой рубки, высокий уровень непотопляемости и качество сборки. К недостаткам, прежде всего, следует отнести отсутствие высокозащищенного главного поста, находящегося ниже уровня ватерлинии и под броневой палубой, динамо-поста и других, весьма важных для боевого корабля отделений, вибрацию корпуса на «рабочих» скоростях и др. Главным недостатком, как уже говорилось, была катастрофическая нехватка скорости, что делало невозможным его совместные атаки с эсминцами; однако уйти от японских легких и броненосных крейсеров ему было по силам.

Таким образом, при всех преимуществах созданных за рубежом первоклассных легких крейсеров перед легкими японскими крейсерами им не удалось реализовать свой рейдерский потенциал; отечественные же «шеститысячники» такого потенциала и вовсе не имели, уступая в скорости японским броненосным крейсерам типа «Асама» и, следовательно, как высокоавтономные рейдеры использоваться не могли. Второклассные крейсера получились весьма удачными, и один из них («Новик») блестяще решал все возложенные на него задачи. В открытом бою крейсера I ранга ожидаемо были сильнее любого японского «одноклассника», крейсера II ранга (за исключением «Боярина») были быстрее любого японского легкого крейсера, следовательно, могли безопасно выполнять возложенные на них задачи. Однако следует признать ошибочной русскую концепцию рейдерской войны в целом: она разбилась об японскую концепцию «мускулистого флота», хотя и не без огромного влияния фортуны, которая в этой войне всецело была на стороне Тейкоку Кайгун.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI вв.: история, демография, антропология (проект №17-18-01411)».

Литература

- Балакин, 2004** – Балакин С.А. Морские сражения Русско-японской войны 1904–1905. М.: «Моделист-конструктор», 2004.
- Балакин, 2009** – Балакин С.А. Крейсера типа «Диана»: внешние различия и модернизации // *Морская кампания*. 2009. № 2 (23). С. 56-63.
- Бережной, 2002** – Бережной С.С. Крейсера и миноносцы: Справочник. М.: Военное издательство, 2002.
- Брокгауз, Ефрон, 1890–1907** – Японско-русская война 1904–1905 гг. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.
- Бубнов, 1907** – Бубнов М.В. Порт-Артур. Воспоминания о деятельности 1-й Тихоокеанской эскадры и морских команд на берегу во время осады Порт-Артура в 1904 г. СПб., 1907. 292 с.
- Быков, 2003** – Быков П.Д. Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия на море. 2-е изд. М.: Эксмо, 2003. 672 с.
- Врангель, 1911** – Врангель Ф.Ф. Вице-адмирал С.О. Макаров. СПб., 1911.
- Золотарев, Козлов, 2004** – Золотарев В.А., Козлов И.А. Три столетия Российского флота, XIX – начало XX веков, глава «Русско-японская война 1904–1905 г.». М.: АСТ, 2004.
- Катаев, 2003** – Катаев В.И. Крейсер «Варяг» // *Морская коллекция*. № 3. М.: Моделист-конструктор, 2003.
- Кокцинский, 2002** – Кокцинский И.М. Морские бои и сражения русско-японской войны, или причина поражения: кризис управления. 2-е изд. Фонд Андрея Первозванного, 2002. 436 с.
- Костенко, 1955** – Костенко В.П. На «Орле» в Цусиме. Л.: Судпромгиз, 1955.
- Мельников, 1983** – Мельников Р.М. Крейсер «Варяг». М.: Судостроение, 1983.
- Мельников, 1986** – Мельников Р.М. Крейсер «Очаков». Ленинград: Судостроение, 1986.
- Мультатули, Залесский, 2015** – Мультатули П.В., Залесский К.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. М.: Российский институт стратегических исследований, 2015. 816 с.
- Ненахов, 2006** – Ненахов Ю.Ю. Энциклопедия крейсеров 1860–1910. Минск: Харвест, 2006.
- Новиков, Сергеев, 2009** – Новиков В., Сергеев А. Богини Российского флота. «Аврора», «Диана», «Паллада». М.: ЭКСМО, 2009.
- Новиков-Прибой, 1977** – Новиков-Прибой А.С. Цусима. М.: «Просвещение», 1977.
- Пикуль, 1989** – Пикуль В.С. Крейсера. М.: «Просвещение», 1989.
- Полутов, 2009** – Полутов А.В. Десантная операция японской армии и флота в феврале 1904 г. в Ичхоне. Владивосток: Русский Остров, 2009.
- Семенов, 1906** – Семенов В.И. Бой при Цусиме. СПб.: Тип. Т-ва М.О. Вольф, 1906.
- Семенов, 1907** – Семенов В.И. Расплата. СПб.: Тип. Т-ва М.О. Вольф, 1907.

- Семенов, 1910 – Семенов В.И. Цена крови. СПб. и М.: Тип. Т-ва М.О. Вольф, 1910.
 Семенов, 1911 – Семенов В.И. Флот и Морское ведомство до Цусимы и после. М.-СПб., 1911. 112 с.
 Скворцов, 2003 – Скворцов А.В. Крейсер II ранга «Боярин». СПб: Гангут, 2003.
 Скворцов, 2005 – Скворцов А.В. Крейсера «Диана», «Паллада», «Аврора». СПб.: ЛеКо, 2005.
 Советская историческая энциклопедия, 1962–1976 – Советская историческая энциклопедия. В 16 т. М.: «Советская энциклопедия», 1961–1976. Т. 1. С. 379.
 Степанов, 1983 – Степанов А.Н. Порт-Артур. В 2-х томах. Книга 2. М.: «Просвещение», 1983.
 Сулига, 1993 – Сулига С.В. Корабли Русско-японской войны. М.: Аскольд, 1993.
 Худяков, 1908 – Худяков П.К. Путь к Цусиме. М., 1908.
 Campbell, 1978 – Campbell N.J.M. The Battle of Tsu-Shima // *Warship*. № 5-8 (Prt.1-4). 1978.
 Mamadaliev et al., 2018 – Mamadaliev A., Venkov V., Miku N., Médico A. On the Ratio of the Linear Forces of the Russian 1st Pacific and Japanese Squadrons during the Russian-Japanese War of 1904–1905 // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 50. Is. 4: 1734-1743.
 Mamadaliev et al., 2019a – Mamadaliev A., Venkov V., Miku N., Médico A. Tactical and Technical Characteristics of Armored Cruisers of Russian and Japanese Fleets during the War of 1904–1905 // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 51. Is. 1: 380-394.
 Mamadaliev et al., 2019b – Mamadaliev A., Venkov V., Miku N., Médico A. On the Ratio of Linear Forces of the Russian 1st Pacific and Japanese Squadrons during the Russian-Japanese War of 1904–1905. Russian Battleships // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 52. Is. 2: 848-872.
 Mamadaliev et al., 2019c – Mamadaliev A., Venkov V., Miku N., Médico A. On the Ratio of Linear Forces of the Russian 1st Pacific and Japanese Squadrons during the Russian-Japanese War of 1904–1905. Japanese Squadron Battleships // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 53. Is. 3: 1342-1364.
 Klado, 1905 – Klado N. The Russian navy in the Russo-Japanese war. London: G. Bell, 1905.

References

- Balakin, 2004 – Balakin S.A. (2004). Morskije srazheniya Russko-yaponskoi voyny 1904–1905 [Naval battles of the russian-japanese war of 1904–1905]. М.: «Modelist-konstruktor».[in Russian]
 Balakin, 2009 – Balakin S.A. (2009). Kreisera tipa «Diana»: vneshnie razlichiya i modernizatsii [Cruisers of the “Diana” type: external differences and modernization]. *Morskaya kampaniya*. № 2 (23), pp. 56-63. [in Russian]
 Bereznoi, 2002 – Bereznoi S.S. (2002). Kreisera i minonostsy: Spravochnik [Cruisers and destroyers: a handbook]. М.: Voennoe izdatel'stvo. [in Russian]
 Brokgauz, Efron, 1890–1907 – Yaponsko-russkaya voyna 1904–1905 g. [Japanese-russian war of 1904–1905]. Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t. (82 t. i 4 dop.). SPb., 1890–1907. [in Russian]
 Bubnov, 1907 – Bubnov M.V. (1907). Port-Artur. Vospominaniya o deyatel'nosti 1-i Tikhookeanskoi eskadry i morskikh komand na beregu vo vremya osady Port-Artura v 1904 g. [Port Arthur. Memories of the activities of the 1st Pacific squadron and naval teams on the shore during the siege of Port Arthur in 1904]. SPb. 292 p. [in Russian]
 Bykov, 2003 – Bykov P.D. (2003). Russko-yaponskaya voyna 1904–1905 gg. Deistviya na more [The Russo-japanese War of 1904–1905. Actions at sea]. 2-e izd. М.: Eksmo. 672 p. [in Russian]
 Campbell, 1978 – Campbell N.J.M. (1978). The Battle of Tsu-Shima. *Warship*. № 5-8 (Prt.1-4).
 Kataev, 2003 – Kataev V.I. (2003). Kreiser «Varyag» [The cruiser “Varyag”]. Morskaya kolleksiya. № 3. М.: Modelist-konstruktor.
 Khudyakov, 1908 – Khudyakov P.K. (1908). Put' k Tsusime [The path to Tsushima]. М. [in Russian]
 Klado, 1905 – Klado N. (1905). The Russian navy in the Russo-Japanese war. London: G. Bell.
 Koktsinskii, 2002 – Koktsinskii I.M. (2002). Morskije boi i srazheniya Russko-yaponskoi voyny, ili prichina porazheniya: krizis upravleniya [Sea battles and battles of the Russo-japanese War, or the cause of defeat: a crisis of control]. 2-e izd. Fond Andreya Pervozvannogo. 436 p. [in Russian]
 Kostenko, 1955 – Kostenko V.P. (1955). Na «Orle» v Tsusime [On “Orle” in Tsushima]. L.: Sudpromgiz. [in Russian]
 Mamadaliev et al., 2018 – Mamadaliev A., Venkov V., Miku N., Médico A. (2018). On the Ratio of the Linear Forces of the Russian 1st Pacific and Japanese Squadrons during the Russian-Japanese War of 1904–1905. *Bylye Gody*. Vol. 50. Is. 4: 1734-1743.
 Mamadaliev et al., 2019a – Mamadaliev A., Venkov V., Miku N., Médico A. (2019). Tactical and Technical Characteristics of Armored Cruisers of Russian and Japanese Fleets during the War of 1904–1905. *Bylye Gody*. Vol. 51. Is. 1: 380-394.
 Mamadaliev et al., 2019b – Mamadaliev A., Venkov V., Miku N., Médico A. (2019). On the Ratio of Linear Forces of the Russian 1st Pacific and Japanese Squadrons during the Russian-Japanese War of 1904–1905. Russian Battleships. *Bylye Gody*. Vol. 52. Is. 2: 848-872.
 Mamadaliev et al., 2019c – Mamadaliev A., Venkov V., Miku N., Médico A. (2019). On the Ratio of Linear Forces of the Russian 1st Pacific and Japanese Squadrons during the Russian-Japanese War of 1904–1905. Japanese Squadron Battleships. *Bylye Gody*. Vol. 53. Is. 3: 1342-1364.

- [Mel'nikov, 1983](#) – *Mel'nikov R.M.* (1983). Kreiser «Varyag» [The cruiser “Varyag”]. M.: Sudostroenie. [in Russian]
- [Mel'nikov, 1986](#) – *Mel'nikov R.M.* (1986). Kreiser «Ochakov» [The cruiser “Ochakov”]. Leningrad: Sudostroenie. [in Russian]
- [Mul'tatuli, Zalesskii, 2015](#) – *Mul'tatuli P.V., Zalesskii K.A.* (2015). Russko-yaponskaya voina 1904–1905 gg. [The Russo-japanese War of 1904–1905]. M.: Rossiiskii institut strategicheskikh issledovani. 816 p. [in Russian]
- [Nenakhov, 2006](#) – *Nenakhov Yu.Yu.* (2006). Entsiklopediya kreiserov 1860–1910 [Encyclopedia of the cruisers of 1860–1910.]. Minsk: Kharvest.
- [Novikov, Sergeev, 2009](#) – *Novikov V., Sergeev A.* (2009). Bogini Rossiiskogo flota. «Aurora», «Diana», «Pallada» [Goddess of the Russian Navy. “Aurora”, “Diana”, “Pallas”]. M.: EKSMO.
- [Novikov-Priboi, 1977](#) – *Novikov-Priboi A.S.* (1977). Tsusima [Tsushima]. M.: «Prosveshchenie». [in Russian]
- [Pikul', 1989](#) – *Pikul' V.S.* (1989). Kreisera [Cruisers]. M.: «Prosveshchenie». [in Russian]
- [Polutov, 2009](#) – *Polutov A.V.* (2009). Desantnaya operatsiya yaponskoi armii i flota v fevrale 1904 g. v Ichkhone [The landing operation of the Japanese army and navy in February 1904 in Icheon]. Vladivostok: Russkii Ostrov. [in Russian]
- [Semenov, 1906](#) – *Semenov V.I.* (1906). Boi pri Tsusime [Fight at Tsushima]. SPb.: Tip. T-va M.O. Vol'f. [in Russian]
- [Semenov, 1907](#) – *Semenov V.I.* (1907). Rasplata [Reckoning]. SPb.: Tip. T-va M.O. Vol'f. [in Russian]
- [Semenov, 1910](#) – *Semenov V.I.* (1910). Tsena krovi [The price of blood]. SPb. i M.: Tip. T-va M.O. Vol'f. [in Russian]
- [Semenov, 1911](#) – *Semenov V.I.* (1911). Flot i Morskoe vedomstvo do Tsusimy i posle [Fleet and Navy before Tsushima and after]. M.-SPb. 112 p. [in Russian]
- [Skvortsov, 2003](#) – *Skvortsov A.V.* (2003). Kreiser II ranga «Boyarin» [Cruiser of the 2nd rank “Boyar”]. SPb: Gangut. [in Russian]
- [Skvortsov, 2005](#) – *Skvortsov A.V.* (2005). Kreisery «Diana», «Pallada», «Aurora» [The cruisers “Diana”, “Pallas”, “Aurora”]. SPb.: LeKo. [in Russian]
- [Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya, 1962–1976](#) – *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya* [Soviet historical encyclopedia]. V 16 t. M.: «Sovetskaya entsiklopediya», 1961–1976. T. 1. P. 379. [in Russian]
- [Stepanov, 1983](#) – *Stepanov A.N.* (1983). Port-Artur [Port Arthur]. M.: «Prosveshchenie». [in Russian]
- [Suliga, 1993](#) – *Suliga C.V.* (1993). Korabli Russko-yaponskoi voiny [Ships of the Russian-japanese war]. M.: Askol'd". [in Russian]
- [Vrangel', 1911](#) – *Vrangel' F.F.* (1911). Vitse-admiral S.O. Makarov [Vice Admiral S.O. Makarov]. SPb.
- [Zolotarev, Kozlov, 2004](#) – *Zolotarev V.A., Kozlov I.A.* (2004). Tri stoletiya Rossiiskogo flota, XIX – nachalo XX vekov, glava Russko-yaponskaya voina 1904–1905 gg. [Three centuries of the Russian fleet, XIX – early XX centuries, the head of the Russian-japanese war of 1904–1905]. M.: AST. [in Russian]

«Легкая кавалерия» русско-японской войны: о соотношении сил и качества легких (бронепалубных) крейсеров русского и японского флотов. Русские легкие крейсера

Анвар Мирзахматович Мамадалиев ^{a, b, *},

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья является дополнением к серии статей о соотношении броненосных сил противоборствующих сторон в Русско-японской войне 1904–1905 годов и посвящена анализу качества и мощи «вспомогательных» сил флотов, а именно – бронепалубных (легких) крейсеров русского флота. Исследуются их тактико-технические элементы, а также концепции применения отечественных легких крейсеров.

В данной статье анализируются тактико-технические элементы различных крейсеров русского флота – «Диана», «Варяг», «Аскольд», «Богатырь», «Новик» и их возможности для противостояния японским кораблям аналогичного класса.

Ключевые слова: военно-морской флот, русско-японская война, Тейкоку Кайгун, русский флот, крейсер, легкий крейсер, бронепалубный крейсер, крейсер I ранга, крейсер II ранга, «Диана», «Варяг», «Аскольд», «Богатырь», «Новик».

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: anvarm@mail.ru (А.М. Мамадалиев)

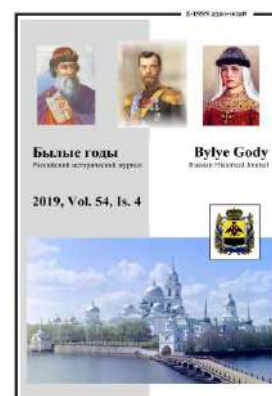
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1862-1869. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1862
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Peasantry in Vies of the Liberal Community of the Russian Province in the early XXth century (Based on Materials of the Central Black Earth Provinces)

Oksana V. Bakulina ^{a, *}, Mikhail Y. Semenov ^a, Inna V. Kuznetsova ^a

^a Belgorod National Research University, Russian Federation

Abstract

The present article is carried out within the framework of the study of such insufficiently studied aspect of pre-revolutionary liberalism as the history of liberal social thought of the Russian province. The study is based on the materials of one of the most typical provincial regions – Central black Earth provinces; the authors involved a wide range of the historical sources – journalistic, epistolary heritage of liberal figures of these provinces, materials of periodicals, etc. The article considers the views of representatives of the liberal society of the Central black Earth provinces on the peasantry at the beginning of the XX century, when the Russian society and the government faced the urgent need to solve a number of socio-economic problems, including the agrarian and peasant issue. It was analyzed the assessments and judgments of provincial liberal figures on the economic condition, the legal status of the peasantry, the level of its civil, socio-cultural and moral development, identifies the measures proposed by the liberals and describes in General their practical activities to improve the situation among peasants. It was identified that, despite the diversity of opinions, in the views of representatives of the liberal society of the Central black Earth provinces quite clearly traced two positions in relation to the peasantry: rationalist (moderate), based on the classical liberal thesis of equality of rights, and sympathetic (paternalistic) – close to the ideas of social liberalism on equality of conditions and opportunities. The authors came to the conclusion that the provincial liberals in their attitude to the peasantry acted as carriers of innovative Europeanized culture (in a broad sense), to which they sought to attach the peasantry as part of the development of modernization processes.

Keywords: Russian Empire, peasantry, Russian liberalism, provincial liberals, Central black Earth provinces, modernization, innovations.

1. Введение

Начало XX столетия знаменовало собой наступление новой исторической эпохи, когда Российская империя переживала период стремительного перехода к индустриальному обществу и при этом, по мнению исследователей, оставалась страной двух цивилизаций: «европейско-городской» и «традиционно-деревенской» (*Очерки истории русской культуры, 2011: 10*). Если носителями первой (прогрессивной) являлось в основном дворянство, интеллигенция и буржуазные круги, то носители второй (консервативной) – крестьяне, составлявшие около 80 % населения страны, что само по себе тормозило модернизационные процессы. Необходимость решения аграрно-крестьянского вопроса, остро проявившаяся во время Первой русской революции, обусловила повышенное внимание к крестьянству и его проблемам в среде образованного общества, особенно – либерально настроенной его части. Представления либералов о крестьянстве являлись основой их размышлений не только о путях решения аграрного вопроса, но и предлагаемой ими программы

* Corresponding author

E-mail addresses: shevchenko_o@bsu.edu.ru (O.V. Bakulina)

модернизации страны в целом. Данный исторический опыт актуален и сегодня, когда перед Россией вновь стоит задача осуществления модернизационного рывка.

2. Материалы и методы

2.1. Представленное исследование выполнено на основе анализа разнообразных исторических источников, характеризующих взгляды либеральной общественности на обозначенную проблему, среди них – публицистические работы, мемуары, эпистолярное наследие (в том числе неопубликованное) наиболее известных либеральных деятелей Центрального Черноземья. В общей сложности было проанализировано интеллектуальное наследие около 30 либеральных деятелей, с отбором тех из них, кто так или иначе обращался к обозначенной тематике. Помимо этого, привлекались материалы местной периодической печати, протоколов заседаний общественных собраний, выдержки из разного рода публичных выступлений и т.п.

2.2. Методологической базой исследования является теория модернизации. Несмотря на существующую в современной исторической науке критику данной теории, тем не менее, она наиболее адекватно позволяет исследовать исторический контекст формирования воззрений либеральной общественности русской провинции, а также оценить их роль в процессе модернизации Российской империи начала XX века и оказанное влияние. Авторами применялся ряд специальных методов исторического исследования, среди которых – идеографический (в ходе характеристики представлений либеральных деятелей), историко-сравнительный (в рамках сопоставления взглядов и мнений), типологический (в рамках выявления основных подходов к оценке русского крестьянства в либеральной среде), а также метод исторической биографики (в ходе анализа причин и факторов формирования тех или иных воззрений).

3. Обсуждение

Осмысление проблемы российского дореволюционного либерализма было начато еще его современниками (*Общественное движение..., 1909–1914*), продолжено в советский период, когда не только отечественными, но и т.н. «буржуазными» исследователями был накоплен богатый фактологический и теоретический материал (*Galai, 1973; Леонтович, 1995; Шаццлло, 1985; Шелохаев, 1983* и др.). Колоссальный всплеск интереса к историческому опыту российского либерализма пришелся на постсоветский период, а неудачный исход либеральных реформ еще более усилил интерес ученых. В это время не только появляется огромное количество работ, посвященных российскому либерализму (*Шелохаев, 1996; Алафаев, 2002; Гоголевский, 2002* и др.), но и издаются фундаментальные обобщающие труды и сборники конференций (*Русский либерализм..., 1999; Российский либерализм..., 2010* и др.). Отдельное направление в гуманитарном знании составляет изучение эволюции либеральных идей в России, а количество публикаций здесь также исчисляется сотнями (*Цимбаев, 1986; Общественная мысль России, 2011; Российский либерализм, 2018* и др.). Однако даже такая на первый взгляд благополучная историографическая ситуация имеет свои пробелы, к одному из которых относится история либерального движения и либеральных идей в российской провинции. В рамках данной проблематики и выполнено настоящее исследование.

4. Результаты

Представления провинциальных либералов о крестьянстве в первую очередь зависели от личного опыта, а спектр их оценок и мнений был весьма разнообразен. В рассматриваемый период, по мнению отечественных исследователей, сохранял свое значение культурный раскол российского общества, обозначившийся с начала XVIII столетия (*Очерки истории русской культуры, 2011: 529*). Именно принадлежность к социальной и интеллектуальной элите местного общества (т.н. «культурным» кругам), определила самоидентификацию либеральных деятелей в качестве выразителей интересов всего населения и преимущественно патерналистские установки по отношению к более низшим слоям, в особенности – к крестьянству.

Одна из основных проблем, в признании которой либеральные деятели Центрально-Черноземных губерний были единодушны – это «бесправное» положение российского крестьянства и, как следствие, – его правовой нигилизм и «забитость». Так, глава брянского отделения партии октябристов В.В. Тенишев акцентировал внимание на «бесправии», царящем в «крестьянском административном строе» и отсутствии «хорошо укоренившихся юридических обычаев» в «крестьянском быту» (*Тенишев, 1908: 4, 172*). Схожее мнение прозвучало и в сборнике исследований экономического положения Центрально-Черноземных губерний, составителем которого был орловский земский деятель, член либерального кружка «Беседа», брат известного художника А.Д. Поленов. Среди причин «угнетенного» экономического положения региона называлось «неустройство в крестьянских правовых отношениях», в том числе – сохранение телесных наказаний и норм обычного права, что оценивалось им как анахронизм (*Исследование экономического положения, 1901: 68*). Многие либералы резко осуждали телесные наказания, «унижавшее человеческое достоинство» (*Тенишев, 1908: 189; Бунаков, 1909: 43, 355; ГАВО. ФИ. 1. Оп. 2. Д. 112. Л. 13*). Именно приниженный правовой статус крестьянства, по мнению либерально настроенных

членов местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, являлся одной из причин отсутствия у него «духа законности», а также его «малокультурности», что в свою очередь приводило к тому, что крестьяне, получая в свои руки хоть малейшую власть, сами зачастую становились источником «вопиющего произвола и самодурства» (Прокопович, 1904: 91, 99).

Представление о крестьянах как о «некультурной массе», оторванной от так называемых «культурных классов», «образованного общества» было весьма распространено в кругах либеральной общественности Центрально-Черноземных губерний (Курская газета, 1903а; Марков, 1906: 12; Бунаков, 1906: 46-52; Шидловский, Ч. 2, 1923: 206; Дашкевич, 1912: 14). Орловский либеральный помещик А.А. Стахович-старший полагал, что страна, в которой большая часть населения, «как дикари, безграмотна», очень далека от «истинной культуры» (Стахович, 1902а: 16). По мнению его сына, одного из организаторов и председателя Елецкого уездного комитета кадетской партии А.А. Стаховича-младшего, «некультурность» крестьян заключалась в низком уровне грамотности, ограниченности общих и специальных знаний, отсутствии «энергии и самодеятельности», низкой способности усваивать новое, инертности и «темноте» (Стахович, 1902b: 1-2). На отсутствие у «русского народа» инициативы и предприимчивости указывал и стоящий на либерально-народовольческих позициях известный земский деятель Воронежской губернии Ф.А. Щербина (Щербина, 1897: 68).

Н.Ф. Бунаков – известный педагог, школьный деятель и просветитель, придерживавшийся либеральных взглядов, основавший и многие годы руководивший бесплатной школой для крестьянских детей в селе Петино Воронежской губернии – был хорошо знаком с жизнью русской деревни. С одной стороны, он отмечал необыкновенную «даровитость» и «Богом данные таланты» русского крестьянства, с другой – Н.Ф. Бунаков явно огорчал тот факт, что местные крестьяне неохотно отдавали детей в его школу даже бесплатно, так как, по его мнению, считали учебу бесполезным, «барским» занятием (Бунаков, 1906: 208; Бунаков, 1909: 189). Николай Федорович следующим образом отзывался о нравственном состоянии крестьянства: «В нравах и быту нашего крестьянина нельзя не заметить странной смеси христианской любви, христианского смирения и милосердия с языческим варварством, грубостью и жестокостью». Так, крестьяне заботятся о сиротах, калеках, но при этом проявляют «крайнюю жестокость» – «нещадно» бьют своих жен, расправляются с конокрадами и др. Он отмечал в крестьянах такие качества, как недоверие, грубость, невежество, «плутовство и бесчинство» (Бунаков, 1906: 46-52, 101, 169). Однако причины всех этих «непривлекательных сторон нашего крестьянства» Н.Ф. Бунаков видел в том, что оно «озверело» и «оскотинилось» из-за «векового рабства», а также вело «жалкую жизнь, мало похожую на человеческую..., под гнетом нужды..., глубокого, беспросветного, закоренелого невежества, в котором упорно держали и держат его правящие классы» (Бунаков, 1909: 195).

М.А. Стахович-младший – будущий организатор партии октябристов, а затем и партии мирного обновления – в силу иного жизненного опыта обладал более идеалистическими представлениями о крестьянах. Сын богатого орловского помещика А.А. Стаховича, родившийся в год отмены крепостного права и выросший «среди бывших рабовладельцев и крепостных», вспоминал: «Тот бытовой уклад, среди которого я рос, то взаимопонимание слуг и господ, которое я так любил и которое влекло меня всегда в Пальну, в деревню, к простому народу, и служить ему и жить среди него, та атмосфера мирного и здорового сожительства, конечно, не мною создавалась, а я попал в нее и воспринял ее...» (Записки М.А. Стаховича-младшего, 1996: 136). В одном из своих ранних дневников, написанных во время совершенного им небольшого пешего путешествия, Михаил Александрович восторженно писал о крестьянах как о «...бессознательно мудрых и безвольно чистых. Вечный самоотверженный труд делает их такими». Наряду с идеализацией, у М.А. Стаховича-младшего проскальзывали и сочувственные нотки: встретив крестьянку с детьми, направлявшихся наниматься на работу, он сделал следующую запись: «Все идут наниматься в пастухи. Сколько уже таких мы встретили! Весна повыгоняла их из дому, разлучила с родней и семьей целые массы людей. Взамен понаедут из деревни господа, чтобы отдохнуть летом (летом-то отдыхать!) от зимних трудов...» (ГМ им. Л.Н. Толстого. Арх. семья Стаховичей. КП-1. Инв. № 11. Папка 2. Тетрадь 2. Л. 2, 5 об.).

В целом, либеральная общественность Центрально-Черноземных губерний отзывалась о крестьянстве весьма сочувственно, исключение составляли только самые умеренно настроенные лица, твердо стоящие на рациональных позициях в духе идей классического либерализма. Например, видный октябрист, помещик Воронежской губернии С.И. Шидловский, много лет проведенный в своем имении и непосредственно столкнувшийся с аграрными беспорядками, был далек от идеалистических настроений. Он отзывался о русском крестьянине как «реалисте», который руководствуется в первую очередь своими «материальными интересами» и стремится из всего «извлечь выгоду». В этой связи С.И. Шидловский подчеркивал, что как «сентиментально-идеалистичный», так и «мрачно-отрицательный» взгляды на крестьянство ошибочны, «простой и трезвый взгляд как на равного себе, если не по степени образования, не по культуре, не по развитию, то по человеческим правам будет самым разумным...» (Шидловский, Ч. 2, 1923: 208-209).

Именно невежество и некультурность крестьянства, по мнению либералов, являлись наиболее значимыми причинами его склонности к неправовым методам отстаивания своих интересов

(поджоги, погромы и т.п.). Владелец крупных имений, в том числе в Курской губернии, известный либеральный деятель, организатор и член курского комитета партии кадетов П.Д. Долгоруков в одном из своих писем отмечал, как его не на шутку «пугает» невежество народа, которое может привести «к кровопролитиям» (НИОР РГБ Ф. 135 Разд. II. Карт. № 23. Ед. хр. 4. Л. 1 об.-2). М.А. Стахович-младший в упомянутом выше дневнике также выражал опасения, что «то бессмысленно и беспощадно мятущийся, то трагически безмолвствующий народ» может «ринуться и на бурный путь нечестия, и в пучину безбожия» (ГМ им. Л.Н. Толстого. Арх. семьи Стаховичей. П. № 2, КП 3909. Инв. № 33. Л. 3 об.). Предположения, что «кровь зальет всю страну» в случае, если идеи социалистов-революционеров проникнут в крестьянскую среду, высказывались и на собрании воронежских оппозиционных кругов в гостинице Гранд-отель 12 января 1905 г. (ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 611. Л. 22). Газета «Тамбовский голос» в мае 1906 г. во время работы Первой Государственной Думы писала: «народный гнев – святой гнев, но вместе с тем он и ужасен, когда проявляется под влиянием минутных увлечений» (Тамбовский голос, 1906). Наиболее резкие оценки аграрные беспорядки вызывали у умеренных либералов. Так, тамбовский октябрист, землевладелец Моршанского уезда Н.Л. Марков оценивал аграрное движение 1905 г., выразившееся в погромах и поджогах, именно как следствие «некультурности» крестьян (Марков, 1906: 12). С.И. Шидловский же осуждал такой «разбой» и жестко отстаивал права помещиков, осуждая тех из них, кто проявил уступчивость (Шидловский, Ч. 1, 1923: 91).

Отдельное внимание либералы обращали и на правовую и политическую неграмотность крестьян. Все тот же С.И. Шидловский полагал, что «деревня политикой интересуется весьма мало и крестьянам, в сущности, совершенно безразлично, какой режим, коммунистический или монархический, господствует в стране...» (Шидловский, Ч. 2, 1923: 160). «Суеверия, гражданская слепота, пришибленность, забитость, часто убийственная растерянность» – так характеризовалось крестьянство в либеральной «Курской газете» (Курская газета, 1912). В другой либеральной газете – «Воронежский телеграф» – отмечалась огромная разница между «горожанином» и «крестьянином», и если первый цивилизован и в целом осведомлен о своих правах, то второй находится в «бедственном» положении и не умеет «...даже как следует рассказать о своих чувствах и желаниях» (Воронежский телеграф, 1912а). Либерал, деятель тамбовского земства Л.В. Дашкевич также полагал, что крестьяне не могут участвовать в политической жизни, ибо они «слишком принижены, беспомощны и темны», а равное с другими сословиями участие крестьян в Думе могло, по его мнению, «передать государство в руки необразованной стихийной массы» (Дашкевич, 1912: 3, 14).

Привлекало внимание либералов Центрального Черноземья и удручающее материальное положение крестьянства. Например, А.И. Шингарев – один из лидеров кадетской партии, известный земский и общественный деятель Воронежской губернии – еще во время своей работы в санитарном бюро воронежского земства провел исследование санитарного состояния нескольких сел. Он писал, что ему открылась картина глубокого санитарного неблагополучия, «... физической и материальной немощи населения, к тому же стоящего очень невысоко в культурно-бытовом отношении, почти безграмотного, забитого и лишеного стойкой самодеятельности». Такое положение, по мнению А.И. Шингарева, было характерно для всего региона и страны в целом. Его глубоко тронули факты вопиющей нужды. Так, описывая случай попытки самосожжения в своей избе вместе с детьми одного сошедшего с ума от голода и лишений крестьянина, А.И. Шингарев восклицал: «Какую безмолвную, какую нечеловеческую пытку перенес этот человек, беспомощный и больной в своей конуре-избе, окруженный голодными детьми?» (Шингарев, 1907: 3, 179). Н.Ф. Бунаков, устроивший в своей петинской школе народный театр, актерами и зрителями которого были местные крестьяне, упоминая о случае самоубийства лучшего актера «труппы», пришел к выводу, что, помимо плохой наследственности (душевной болезни матери и алкоголизма отца), причиной стала неудовлетворенность этого крестьянина «серой монотонной жизнью бедного русского мужика» (Бунаков, 1909: 347). Эта же тема поднималась в прессе (Курская газета, 1903b), на местных общественных заседаниях (Байбаков, 1994: 57).

В целом, либералы Центрально-Черноземных губерний были солидарны в том, что российское крестьянство находилось в весьма бедственном положении. Причины такого состояния дел, по их мнению, носили системный характер. Среди них, помимо экономического состояния, отмечался и низкий уровень, либо полное отсутствие у крестьян грамотности и образования; негативное влияние традиций крепостного права; отсутствие в стране прав и свобод, отсутствие конституционного устройства (до 1906 г.) и т.п. (Прокопович, 1904: 91, 99; Бунаков, 1906: 50, 52; Бунаков, 1909: 157-158; Шингарев, 1907: 5; Воронежский телеграф, 1912b). Более умеренные сторонники столыпинских реформ среди первопричин отсталости, а также низкого уровня культуры крестьянского хозяйства, как правило, называли существование общины и ограничение самоуправления крестьян (Шидловский, Ч. 1, 1923: 37, Марков, 1906: 10; Родная страна, 1909).

Меры, предлагаемые либеральной общественностью, предполагали проведение широких буржуазно-демократических преобразований, включая уравнение крестьян в правах с другими сословиями, уничтожение административного контроля, широкое просвещение и введение всеобщего обучения, а также немедленное решение аграрного вопроса (Союз 17 октября..., 1906; Шидловский,

1923: 209; Дашкевич, 1906: 3; Марков, 1906: 10; Бунаков, 1909: 355; ГАВО. ФИ. 1. Оп. 2. Д. 112. Л. 10-18 об.). Все это должно было способствовать «поднятию личности» крестьянина, развитию его «самодетельности» и гражданственности, формированию у крестьян такого культурного и образовательного уровня (в широком смысле), который бы позволил преодолеть отставание России от европейских государств.

Свою роль в реализации обозначенных мер либералы Центрального Черноземья видели по-разному. Многие из них (помимо, а чаще всего до занятия политикой) были активными земскими и общественными деятелями и на деле стремились улучшить положение крестьянства: открывали школы и больницы, занимались инициативной просветительской работой и т.п. (Н.Ф. Бунаков, А.И. Шингарев, В.И. Долженков, семья Стаховичей, П.Д. Долгоруков и др.). Иной позиции придерживался С.И. Шидловский, который расценивал стремление общества и государства опекать крестьян как «привычку бесцеремонно распоряжаться их судьбой» и полагал, что равенства прав крестьянину будет вполне достаточно (Шидловский, Ч. 2, 1923: 208).

5. Заключение

Таким образом, проведенный анализ позволяет условно выделить два подхода к оценкам крестьянства, преобладавших в среде провинциальной либеральной общественности: рационально-нейтральный (в духе классического либерализма) и эмоционально-сочувственный, патерналистский (в духе социального либерализма). Если приверженность к первому подходу была в большей степени присуща представителям правого и центристского крыла провинциальных либералов – богатых землевладельцев, членов партии октябристов (С.И. Шидловский, Н.Л. Марков), то второй подход был ближе представителям более радикального направления российского либерализма – дворянской и земской интеллигенции, прогрессивным землевладельцам, часто принадлежавшим или идейно близким партии кадетов (Н.Ф. Бунаков, А.И. Шингарев, семейство Стаховичей и др.). В обобщенном виде первый подход предполагал приоритет классических либеральных индивидуалистских ценностей, это был лишенный идеализации и эмоциональных оценок «резвый» взгляд на крестьянина как на полноценную личность, для самостоятельного развития которой требуется только предоставление равных с другими слоями российского общества прав, а также уничтожение общины. Второй подход, напротив, предполагал сочувственное и потому патерналистское отношение к крестьянству (что было ближе к установкам социального либерализма) ввиду его удручающего во всех отношениях положения и в этой связи нуждающегося в помощи и опеке властей и «общества», которые посредством буржуазных реформ и просветительских мер должны были привить крестьянину элементы новой для него городской культуры, «воспитать» в нем личность и гражданина. В целом же, однако, либералы Центрально-Черноземных губерний были солидарны в своих оценках крестьянства как некоей некультурной, необразованной, инертной, но при этом склонной к стихийным девиациям массе, бесправной и забитой, находящейся в тяжелом социально-экономическом положении. Вопрос о том, насколько правомерны были такие суждения, требует отдельного изучения. Так, по мнению авторитетного специалиста в области исследования российского крестьянства Л.И. Земцова, и власть, и общество вспоминали о пользе народа чаще в собственных интересах и неточно интерпретировали мнения и действия масс (Очерки истории русской культуры, 2011: 605). Вместе с тем либеральная общественность изучаемого региона, по сути, являлась носителем новой, отвечавшей потребностям модернизации городской культуры и стремилась транслировать ее в среду крестьянства, остававшегося во власти традиционных ментальных установок и ценностей.

Литература

- Алафаев, 2001 – Алафаев А.А. Русский либерализм и самодержавие на рубеже 1870–1880-х гг. М., 2002. 364 с.
- Байбаков, 1994 – Байбаков В.Ю. Общественно-политическая деятельность либеральной буржуазии в губерниях Центрального Черноземья в начале XX века // Вопросы истории и краеведения. Курск, 1994. С. 54-59.
- Бунаков, 1909 – Бунаков Н.Ф. Моя жизнь в связи с общерусской жизнью, преимущественной провинциальной 1837–1905. СПб., 1909. 364 с.
- Бунаков, 1906 – Бунаков Н.Ф. Сельская школа и народная жизнь. Наблюдения и заметки сельского учителя. СПб., 1906. 229 с.
- Воронежский телеграф, 1912a – Воронежский телеграф. 1912. № 6.
- Воронежский телеграф, 1912b – Воронежский телеграф. 1912. № 27.
- ГАВО – Государственный архив Воронежской области (ГАВО).
- Гоголевский, 2002 – Гоголевский А.В. Русский либерализм в последнее десятилетие империи. Очерки истории 1906–1912 гг. СПб., 2002. 232 с.
- ГМ им. Л.Н. Толстого. Арх. семьи Стаховичей – Государственный музей им. Л.Н. Толстого. Архив семьи Стаховичей (ГМ им. Л.Н. Толстого. Арх. семьи Стаховичей).
- Дашкевич, 1912 – Дашкевич Л.В. Реформа волости. М., 1912. 70 с.

[Записки М.А. Стаховича-младшего, 1996](#) – Записки М.А. Стаховича-младшего // Очерки истории Елецкого уезда. Вып. 2. Семья Стаховичей. Елец, 1996. С. 135-163.

[Исследование экономического положения..., 1901](#) – Исследование экономического положения Центрально-Черноземных губерний. Труды Особого Сопоставления. 1899–1901. / Сост. А.Д. Поленов. М., 1901. 70 с.

[Курская газета, 1903а](#) – *Курская газета*. 1903. № 24.

[Курская газета, 1903б](#) – *Курская газета*. 1903. № 52.

[Курская газета, 1912](#) – *Курская газета*. 1912. № 14.

[Леонтович, 1995](#) – *Леонтович В.В.* История либерализма в России 1762–1914. М., 1995. 548 с.

[НИОР РГБ](#) – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ).

[Марков, 1906](#) – *Марков Н.Л.* Несколько слов по вопросу предлагаемого правительством изменения форм и характера выдачи расчетов за земли, покупаемые Крестьянским банком, и ссуд, выдаваемых Дворянским банком. М., 1906. 12 с.

[Общественное движение..., 1909–1914](#) – *Общественное движение в России в начале XX века*: В 4 т. СПб., 1909–1914.

[Общественная мысль России..., 2011](#) – *Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления. Материалы международной научной конференции*. М., 2011. 688 с.

[Очерки истории русской культуры, 2011](#) – Очерки истории русской культуры. Конец XIX – начало XX веков. Т. 1. Общественно-культурная среда. М. 2011. 880 с.

[Прокопович, 1904](#) – *Прокопович С.Н.* Местные люди о нуждах России. СПб., 1904. 275 с.

[Родная страна, 1909](#) – *Родная страна*. 1909. № 106.

[Российский либерализм: идеи и люди, 2018](#) – Российский либерализм: идеи и люди. В 2-х томах. М., 2018.

[Российский либерализм..., 2010](#) – Российский либерализм середины XVIII – начала XX вв.: Энциклопедия. М., 2010. 1087 с.

[Русский либерализм..., 1999](#) – *Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы: Материалы международной научной конференции*. М., 1999. 567 с.

[Союз 17 октября..., 1906](#) – Союз 17 октября, его задачи и цели, его положение среди других политических партий: речь В.М. Петрово-Солово, произнесенная 30-го декабря 1905 года на общем собрании Тамбовского отделения «Союза». М., 1906. 35 с.

[Стахович, 1902а](#) – *Стахович А.А.* Возражения против доводов сторонников тотализатора. М., 1902. 24 с.

[Стахович, 1902б](#) – *Стахович А.А.* Развитие народного образования необходимо для подъема сельскохозяйственных знаний. М., 1902. 98 с.

[Тамбовский голос, 1906](#) – *Тамбовский голос*. 1906. № 22.

[Тенишев, 1908](#) – *Тенишев В.В.* Административное положение русского крестьянства. СПб., 1908. 129 с.

[Цимбаев, 1986](#) – *Цимбаев Н.И.* Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986. 270 с.

[Шацилло, 1985](#) – *Шацилло К.Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг.: организация, программа, тактика. М., 1985. 347 с.

[Шелохаев, 1983](#) – *Шелохаев В.В.* Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией. М., 1983. 327 с.

[Шелохаев 1996](#) – *Шелохаев В.В.* Либеральная модель переустройства России. М., 1996. 277 с.

[Шидловский, 1923](#) – *Шидловский С.И.* Воспоминания: В 2-х частях. Берлин, 1923.

[Шингарев, 1907](#) – *Шингарев А.И.* Вымирающая деревня. Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежской губернии. СПб., 1907. 189 с.

[Щербина, 1897](#) – *Щербина Ф.* Семейные разделы у крестьян Воронежской губернии // Памятная книжка Воронежской губернии. 1897. Воронеж, 1897. С. 55-69.

[Galai, 1973](#) – *Galai S.* The liberation movement in Russia. 1900-1905. London, 1973. 325 p.

References

[Alafaev, 2001](#) – *Alafaev A.A.* (2002). Russkii liberalizm i samoderzhavie na rubezhe 1870–1880-kh gg. [Russian liberalism and autocracy at the turn of the 1870-1880s.]. М. 364 p. [in Russian]

[Baibakov, 1994](#) – *Baibakov V.Yu.* (1994). Obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' liberal'noi burzhuzii v guberniyakh Tsentral'nogo Chernozem'ya v nachale XX veka [Socio-political activity of the liberal bourgeoisie in the provinces of the Central Black Soil at the beginning of the XX century]. *Voprosy istorii i kraeveden'ya*. Kursk. pp. 54-59. [in Russian]

[Bunakov, 1906](#) – *Bunakov N.F.* (1906). Sel'skaya shkola i narodnaya zhizn'. Nablyudeniya i zametki sel'skogo uchitelya [Rural school and folk life. Observations and notes of a rural teacher]. SPb. 229 p. [in Russian]

- Bunakov, 1909** – *Bunakov N.F.* (1909). Moya zhizn' v svyazi s obshcherusskoi zhizn'yu, preimushchestvennoi provintsial'noi 1837-1905 [My life in relation to the general life in Russia, primarily in provinces]. SPb. 364 p. [in Russian]
- Dashkevich, 1912** – *Dashkevich L.V.* (1912). Reforma volosti. [Reform of the district]. M. 70 p. [in Russian]
- Galai, 1973** – *Galai S.* (1973). The liberation movement in Russia. 1900-1905. London. 325 p.
- GAVO** – Gosudarstvennyi arkhiv Voronezhskoi oblasti [The State Archives of Voronezh Region].
- GM im. L.N. Tolstogo, Arkh. Sem'i Stakhovichei** – Gosudarstvennyi muzei im. L.N. Tolstogo. Arkhiv Sem'i Stakhovichei [State Museum L.N. Tolstoy. Archive of the Stakhovichi Family].
- Gogolevskii, 2002** – *Gogolevskii A.V.* (2002). Russkii liberalizm v poslednee desyatiletie imperii. Ocherki istorii 1906-1912 gg. [Russian liberalism in the last decade of the empire. Essays on the History of 1906-1912]. SPb. 232 p. [in Russian]
- Issledovanie ekonomicheskogo polozheniya..., 1901** – Issledovanie ekonomicheskogo polozheniya Tsentral'no-Chernozemnykh gubernii. Trudy Osobogo Soveshchaniya. 1899-1901. (1901). [The study of the economic situation of the Central Black Earth provinces. Proceedings of the Special Meeting. 1899-1901]. sost. A.D. Polenov. M. 70 p. [in Russian]
- Kurskaya gazeta, 1903a** – *Kurskaya gazeta* (1903). [The Kursk newspaper]. Nr. 24. [in Russian]
- Kurskaya gazeta, 1903b** – *Kurskaya gazeta* (1903). [The Kursk newspaper]. Nr. 52. [in Russian]
- Kurskaya gazeta, 1912** – *Kurskaya gazeta* (1912). [The Kursk newspaper]. Nr. 14. [in Russian]
- Leontovich, 1995** – *Leontovich V.V.* (1995). Istoriya liberalizma v Rossii 1762-1914 [The history of liberalism in Russia 1762-1914]. M. 548 p. [in Russian]
- Markov, 1906** – *Markov N.L.* (1906). Neskol'ko slov po voprosu predlagaemogo pravitel'stvom izmeneniya form i kharaktera vydachi raschetov za zemli, pokupaemye Krest'yanskim bankom, i ssud, vydavaemykh Dvoryanskim Bankom [A few words on the proposed government changes in the forms and nature of the payment of land purchased by the Peasant Bank, and loans issued by the Noble Bank]. M. 12 p. [in Russian]
- NIOR RGB** – Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki [Manuscript Department of the Russian State Library].
- Obshchestvennaya mysl'..., 2011** – *Obshchestvennaya mysl' Rossii: istoki, evolyutsiya, osnovnye napravleniya. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Social thought of Russia: sources, evolution, main directions. Materials of the international scientific conference]. M., 2011, 688 p. [in Russian]
- Obshchestvennoe dvizhenie..., 1909-1914** – *Obshchestvennoe dvizhenie v Rossii v nachale XX veka: v 4 t.* (1909-1914). [Social movement in Russia at the beginning of the 20th century]. SPb. [in Russian]
- Ocherki istorii russkoi kul'tury** – Ocherki istorii russkoi kul'tury. Konets XIX – nachalo XX veka. T. 1. Obshchestvenno-kul'turnaya sreda [Essays on the history of Russian culture. Late XIX-early XX centuries]. Vol. 1. Obshchestvenno-kul'turnaya sreda (Social and cultural medium)]. M., 2011, 880 p. [in Russian]
- Prokopovich, 1904** – *Prokopovich S.N.* (1904). Mestnye lyudi o nuzhdakh Rossii [Local people about the needs of Russia]. SPb., 275 p. [in Russian]
- Rodnaya strana, 1909** – *Rodnaya strana* (1909). [Mother country]. Nr. 106. [in Russian]
- Rossiiskii liberalizm..., 2010** – *Rossiiskii liberalizm serediny XVIII – nachala XX vv.: Entsiklopediya.* (2010). [Russian liberalism of the mid-18th – early 20th centuries: Encyclopedia]. M. 1087 p. [in Russian]
- Rossiiskii liberalizm: idei i lyudi, 2018** – *Rossiiskii liberalizm: idei i lyudi.* V 2-kh tomakh (2018). [Russian liberalism: ideas and people. In 2 volumes]. M. [in Russian]
- Russkii liberalizm..., 1999** – *Russkii liberalizm: istoricheskie sud'by i perspektivy: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii.* (1999). [Russian liberalism: historical fate and prospects: proceedings of an international scientific conference]. M. 567 p. [in Russian]
- Shatsillo, 1985** – *Shatsillo K.F.* (1985). Russkii liberalizm nakanune revolyutsii 1905–1907 gg.: organizatsiya, programma, taktika [Russian liberalism on the eve of the revolution of 1905–1907: organization, program, tactics]. M. 347 p. [in Russian]
- Shcherbina, 1897** – *Shcherbina F.* (1897). Semeinye razdely u krest'yan Voronezhskoi gubernii [Family sections of the peasants of the Voronezh province]. *Pamyatnaya knizhka Voronezhskoi gubernii.* Voronezh. pp. 55-69. [in Russian]
- Shelokhaev 1996** – *Shelokhaev V.V.* (1996). Liberal'naya model' pereustroistva Rossii [Liberal model of reorganization Russia]. M. 277 p. [in Russian]
- Shelokhaev, 1983** – *Shelokhaev V.V.* (1983). Kadety – glavnaya partiya liberal'noi burzhuazii v bor'be s revolyutsiei [The Cadets – the main party of the liberal bourgeoisie in the struggle against the revolution]. M. 327 p. [in Russian]
- Shidlovskii, 1923** – *Shidlovskii S.I.* (1923). Vospominaniya: v 2-kh chastyakh. [Memories: in 2 parts]. Berlin. [in Russian]
- Shingarev, 1907** – *Shingarev A.I.* (1907). Vymirayushchaya derevnya. Opyt sanitarno-ekonomicheskogo issledovaniya dvukh selenii Voronezhskoi gubernii [An endangered village. The experience of sanitary-economic research of two villages of the Voronezh province]. SPb. 189 p. [in Russian]

Soyuz 17 oktyabrya..., 1906 – Soyuz 17 oktyabrya, ego zadachi i tseli, ego polozhenie sredi drugikh politicheskikh partii: rech' V.M. Petrovo-Solovo, proiznesennaya 30-go dekabrya 1905 goda na obshchem sobranii Tambovskogo otdeleniya «Soyuza» [The Union on October 17, its tasks and goals, its position among other political parties: a speech by V.M. Petrovo-Solovo, pronounced December 30, 1905 at the general meeting of the Tambov branch of the "Union"]. M., 1906, 35 p. [in Russian]

Stakhovich, 1902a – *Stakhovich A.A. (1902). Vozrazheniya protiv dovodov storonnikov totalizatora* [Objections to the arguments of supporters of totalizator]. M. 24 p. [in Russian]

Stakhovich, 1902b – *Stakhovich A.A. (1902). Razvitie narodnogo obrazovaniya neobkhodimo dlya pod"ema sel'skokhozyaistvennykh znaniy* [The development of public education is necessary for raising agricultural knowledge]. M. 98 p. [in Russian]

Tambovskii golos, 1906 – *Tambovskii golos* (1906). [Tambov voice]. Nr. 22. [in Russian]

Tenishev, 1908 – *Tenishev V.V. (1908). Administrativnoe polozhenie russkogo krest'yanstva* [Administrative position of the Russian peasantry]. SPb. 129 p. [in Russian]

Tsimbaev, 1986 – *Tsimbaev N.I. (1986). Slavyanofil'stvo. Iz istorii russkoi obshchestvenno-politicheskoi mysli XIX veka* [Slavophilism. From the history of Russian socio-political thought of the XIX century]. M. 270 p. [in Russian]

Voronezhskii telegraf, 1912a – *Voronezhskii telegraf* (1912). [Voronezh telegraph]. Nr. 6. [in Russian]

Voronezhskii telegraf, 1912b – *Voronezhskii telegraf* (1912). [Voronezh telegraph]. Nr. 27. [in Russian]

Zapiski M.A. Stakhovicha mladshogo, 1996 – *Zapiski M.A. Stakhovicha mladshogo* (1996). [Notes M.A. Stakhovich Jr.]. Ocherki istorii Eletskego uyezda. Vyp. 2. Sem'ya Stakhovichei. Elets: Eletskie korni. Elets. pp. 135-163. [in Russian]

Крестьянство в представлениях либеральной общественности российской провинции начала XX столетия (по материалам Центрально-Черноземных губерний)

Оксана Владимировна Бакулина ^{a, *}, Михаил Юрьевич Семенов ^a, Инна Вячеславовна Кузнецова ^a

^a Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Российская Федерация

Аннотация. Настоящая работа выполнена в рамках исследования такого недостаточно изученного аспекта дореволюционного либерализма как история либеральной общественной мысли российской провинции. Исследование осуществлено на материалах одного из наиболее типичных провинциальных регионов – Центрально-Черноземных губерний; авторами привлечен широкий круг источников – публицистическое, эпистолярное наследие либеральных деятелей указанных губерний, материалы периодики и др. В статье рассматриваются взгляды представителей либеральной общественности Центрально-Черноземных губерний на крестьянство в начале XX столетия, когда перед российским обществом и властью остро встала необходимость решения целого ряда социально-экономических проблем, в том числе и аграрно-крестьянского вопроса. В ходе исследования проведен анализ оценок и суждений провинциальных либеральных деятелей относительно экономического состояния, правового статуса крестьянства, уровня его гражданского, социокультурного и нравственного развития, выявлены предлагаемые либералами меры и в общих чертах охарактеризована их практическая деятельность по улучшению положения крестьян. Установлено, что, несмотря на разнообразие мнений, во взглядах либеральной общественности Центрально-Черноземных губерний достаточно ясно прослеживаются две позиции по отношению к крестьянству: рационалистическая (умеренная), опирающаяся на классический либеральный тезис о равенстве прав, и сочувственная (патерналистская), близкая к идеям социального либерализма о равенстве условий и возможностей. Авторы пришли к выводу, что провинциальные либералы в своем отношении к крестьянству выступали в качестве носителей инновационной европеизированной культуры (в широком смысле), к которой они в рамках развития модернизационных процессов стремились приобщить и крестьянство.

Ключевые слова: Российская империя, крестьянство, российский либерализм, провинциальные либералы, Центрально-Черноземные губернии, модернизация, инновации.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: shevchenko_o@bsu.edu.ru (О.В. Бакулина)

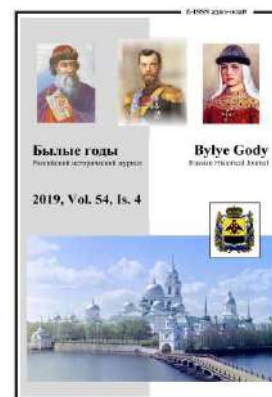
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1870-1876. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1870
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

“Our Shah is the Russian Emperor”: the Little-Known Pages of the Persian Revolution of 1905–1911. Part 2

Tianming Gao ^{a,*}, Aleksandr A. Cherkasov ^{b,c}, Sergei N. Bratanovskii ^{d,e}, Nugzar Ter-Oganov ^f

^a Harbin Engineering University, Harbin, China

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^d Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^e Institute of State and Law of RAS, Moscow, Russian Federation

^f Tel Aviv University, Israel

Abstract

The article deals with the little-known pages of the Persian revolution of 1905–1911. The authors pay attention to the process of escalation of violence in 1909, the driving forces of the revolutionary movement, as well as the activities of Russian diplomatic missions.

There were used as materials the unpublished documents from the Central State Historical Archive of Georgia (Tbilisi, Georgia). The documents from the central state institutions of the Russian Empire were used as sources, namely, the documents of the Ministry of Foreign Affairs, General Consulate in Tabriz, consulates in Ardabil and Urmia, the departmental correspondence of the Russian border units with the office of the Governor-General of the Tsar in the Caucasus and etc. The sources of personal origin were also applied as materials.

Keywords: Persian revolution, diplomatic missions, expeditionary force, Shahsevens, fidai.

1. Введение

Как известно, буржуазно-демократическая революция 1905–1911 гг. была вызвана нарастанием социально-политической напряженности между монархией Каджаров и различными слоями городского и сельского населения страны. Ситуацию усугубляло финансово-экономическое засилье иностранных государств, в первую очередь Англии и России, и их борьба за влияние в этой стране, что привело к участию в революционных событиях широких масс общественности: от национальной буржуазии и буржуазных помещиков, шиитского духовенства до ремесленников и крестьян. Центром революционного движения были северо-западные провинции империи, в том числе Ардебиль (где в это время находилось Российское консульство).

В ходе революции был создан парламент (меджлис), а также принята конституция. Однако, не смирившись с появлением законодательного органа в стране и ограничением прав монархии, в июле 1908 г. шах Мохаммад-Али начал активную борьбу против парламента и оппозиции, или конституционалистов, что завершилось бомбардировкой шахскими войсками и Персидской казачьей бригадой меджлиса и введением военного положения в Тегеране. Разгром меджлиса и усиление антиконституционных сил вызвало очередную волну антишахских выступлений в различных частях Северной Персии, кульминацией которых стало взятие революционерами Тегерана в июле 1909 г. и отречение Мохаммад-Али-шаха от трона. Данная статья является второй частью. Ранее мы рассматривали события в Персии с февраля по июль 1909 г. (Gao et al., 2019).

* Corresponding author

E-mail addresses: gtmmail@sina.cn (T. Gao), sochiao3@rambler.ru (A.A. Cherkasov)

2. Материалы и методы

Материалами для подготовки статьи стали неопубликованные документы из Центрального государственного исторического архива Грузии (Тбилиси, Грузия). В качестве источников были привлечены документы центральных государственных учреждений Российской империи, а именно – документы Министерства иностранных дел, дипломатических миссий в Ардебиле, Тавризе, Урмии, ведомственная переписка русских пограничных частей с канцелярией наместника царя на Кавказе и др. В качестве материалов использованы также источники личного происхождения, например воспоминания П.Н. Стрелянова (Калабухова) ([Стрелянов \(Калабухов\), 2007](#)).

В исследовании была применена совокупность научных методов: периодизации, типологизации, сравнения и пр., которые в единстве обеспечивают надежность результатов по изучаемой проблеме. Исследование имеет междисциплинарный характер, базирующийся на принципе компаративистики, который позволяет выявить разные уровни информативности источника, а также сопоставить сведения различных источников о той или иной исследуемой проблеме. В работе применялись междисциплинарный и комплексный подходы, что в свою очередь позволило рассмотреть действия русских дипломатических миссий в северных провинциях Персии в период персидской гражданской войны.

3. Обсуждение

Революционные события в северо-западных районах Персии в 1909 г. получили достаточно широкое освещение в советской историографии. Тем не менее идеологическая зашоренность не позволила многим исследователям дать объективный анализ событий персидской революции. Что касается постсоветского периода, то особого интереса среди исследователей не наблюдается. Данной темой занимались только в контексте геополитики. Так, например, Н. Тер-Оганов в своей статье «The Anglo-Russian Compromise of 1907 and the Downfall of Mohammad Ali Shah Qajar» ([Ter-Oganov, 2015](#)) увязал англо-русское противостояние в Персии с революционными событиями в этой стране, в частности с захватом революционерами Тегерана в июле 1909 года. А.Б. Широкоград рассматривал персидские дела в контексте российско-английских взаимоотношений 1857–1907 гг. ([Широкоград, 2003](#)). В этом же ключе работал D. Mclean в своем труде «English radicals, Russia and the fate of Persia 1907–1913» ([Mclean, 1978](#)).

В то же время на Западе в 1970–1990 гг. появилось сразу несколько работ, рассматривающих британскую политику в Персии в период до Первой мировой войны. В связи с этим необходимо назвать труды F. Stanwood ([Stanwood, 1978](#); [Stanwood, 1983](#)), W.J. Olson ([Olson, 1986](#)) и M. Bonakdarian ([Bonakdarian, 1991](#)).

Важно понимать, что события начала революции в Персии совпали с Первой русской революцией. Известно, что она более всего полыхала на окраинах империи, и в особенности на территории Кавказа и Закавказья. Специально для подавления революции в регионе была вновь учреждена должность наместника царя на Кавказе. Более того, архивные документы свидетельствуют о связях закавказских революционеров с революционерами из Персии, которая часто служила для них убежищем. В этой связи интерес представляют работы по истории Первой русской революции на территории Кавказа ([Taran, 2014](#); [Taran, 2015](#); [Taran, 2015a](#); [Taran et al., 2016](#); [Taran et al., 2017](#); [Taran, Kurbanov, 2018](#); [Taran, Vyshkov, 2019](#)).

4. Результаты

В июле 1909 г. революционные события охватили и город Маку. Там революционеры окружили город и потребовали от макинского хана выдачи из арсенала оружия и присоединения к ним. Главарь революционеров разослал по близлежащим селам воззвание с призывом присоединиться к восставшим. По данным командира Алишарского отряда 2-го отдела Эриванской бригады пограничной стражи, из приграничных населенных пунктов на сторону восставших отправились по 15–20 конных всадников ([ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 102](#)).

Однако нельзя сказать, что поддержка революционеров в Персии была повсеместной. Уже 26 июля правительственные войска (ядро которых составляли курды) под руководством макинского хана энергичными действиями заставили революционеров отступить от города Хой ([ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 104](#)). Террор порождает террор. Заняв села, находящиеся под контролем революционеров, войска дотла сожгли несколько населенных пунктов¹, чем вызвали значительное бегство населения на русскую территорию.

Это дестабилизировало обстановку на русско-персидской границе. 30 июля с русских пограничных застав начали поступать сообщения, что беженцы массово переходят пограничную реку Аракс и, несмотря на предпринятые пограничниками действия, остановить их не представляется возможным. На первом участке поста Кейгач пограничники сумели остановить толпу беженцев в 1 тыс. человек со скарбом и домашними животными только на русском берегу реки и не дали

¹ Села Диза – 150 домов, Каратапа – 200 домов, Уюла Гяльды – 200 домов и Халач – 100 домов ([ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 104](#)).

прорваться внутрь русской территории. К месту происшествия вскоре прибыл начальник 3-го отдела ротмистр Какабадзе. Несмотря на «воплъ и мольбы» о разрешении остаться на русской территории, русская администрация настояла, чтобы беженцы вернулись в Персию. Уходя, местное население поклялось, что, если их даже всех вырежут русские, все же они при первом появлении курдов перейдут на русскую сторону. Переправившись обратно, беженцы расположились вдоль персидского берега между русскими постами Кейгач и Каргалук (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 108).

Аналогичным образом складывалась ситуация и в районе Шахтагинского отряда пограничной стражи, где предпринимали усилия прорваться через русскую границу жители персидского селения Арапляр (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 108 об.).

Фиксировались и случаи налетов на пограничников. Так, 17 июля произошло нападение на пост Пир-Шах-Верды со стороны персидского селения Алайля. В ходе стычек потерь с русской стороны не было, среди находящихся на русской стороне татар один человек был ранен. Нападавшие потеряли двух человек ранеными. При этом в течение 4-часовой перестрелки было выпущено 1783 патрона (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 119-119 об.). Причинами низкой эффективности огня с обеих сторон было то, что огневой контакт происходил на дистанции в 1–1,5 км, а главной целью нападавших было приграничное персидское село Кара-Булах.

В то же время в Азербиле часть населения, находящаяся на территории русского консульства, осознав, что русские не будут вмешиваться в вооруженную борьбу в Персии, покинула территорию консульства и разошлась по домам. Революционеры в свою очередь решили захватить город, где в крепости под защитой группы казаков тегеранского отряда Персидской казачьей бригады и одного отряда шахсевенов из племени полатлу находился бездействующий губернатор. 1 июля революционеры предложили ему сдать крепость, на следующий день начался ее ружейный обстрел, защитники ответили ружейно-орудийным огнем. После этого они предприняли вылазку, захватили ближайшую к крепости часть города, после чего начали грабеж, тем же самым занялись и революционеры в другой части города (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 139).

3-го июля полатлинцы заявили губернатору, что у них нет больше патронов, и под этим предлогом приступили к разделу награбленной накануне добычи, тем же занялись шахсевены из противоположного лагеря (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 136), что несколько стабилизировало обстановку в городе. 4-го июля революционеры вновь начали угрожать крепости и практически под самыми ее стенами разгромили и подожгли дом бывшего губернатора, который давно скрывался на территории русского консульства. В тот же день губернатор попросил у русского консула половину русского гарнизона и, получив категорический отказ русской миссии, предложил перевести русское консульство в крепость. Сотрудники консульства не согласились и на это, тогда губернатор попросил убежища на территории консульства. В этом ему отказать не могли. В результате губернатор и его люди со всем имуществом обосновались на территории русского консульства. Над крепостью был спущен персидский флаг и водружен красный флаг революции (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 137). Революционеры избрали временный орган власти – энджумен – и начали праздновать победу. Празднества продолжались с 5 июля в течение двух недель. Практически сразу в стане революционеров начались разногласия: шахсевены хотели больше власти и грабежей, а фидаи их сдерживали, пытаясь благодаря энджумену укрепить свое положение. Однако в вопросе о русском консульстве между восставшими было единство: консульство, по их мнению, должно было быть свернуто, а укрывшиеся в нем персы должны были быть выданы. В середине июля персы из числа знати, укрывшейся на территории русского консульства, получили от восставших уверение о даровании им полного прощения и более того предложение принять участие в организации самоуправления городом. Благодаря этому, многие персы покинули консульство. 8 знатных горожан, которым было предложено явиться в крепость для создания самоуправления, по прибытии были убиты. Ночью трупы казненных знатных граждан были перенесены с площади в мечеть и за выдачу их с родственников убитых был потребован крупный выкуп (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 139).

Среди множества комитетов, созданных в Ардебиле революционерами, заслуживают особого внимания только два: военный комитет и Ардебильское отделение центрального революционного комитета «Саттарие». Нужно понимать, что, хотя революционерам и удалось восстановить кое-какой порядок в самом городе, тем не менее они были совершенно бессильны предпринять что-либо для умиротворения округа, находящегося в полной власти шахсевенов. Необходимо также отдать должное фидаям, которые организовали удовлетворительную сторожевую и охранную службу в городе (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 140).

1 августа 1909 г. в Ардебиле была восстановлена виселица, снесенная фидаями при захвате крепости. За первые августовские дни фидаи обложили население Ардебилля самыми разнообразными налогами. Ходили слухи, что (в том числе насильем) с населения было собрано более 100 тыс. туманов. При сдаче же новому губернатору отчета оказалось, что ими было собрано лишь 23 тыс. туманов, а израсходовано на войско, милицию и полицию – 40 тыс. туманов. Кем был покрыт этот перерасход, так и осталось невыясненным (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 156).

Рис. 1. Вид на город Ардебиль

5 августа в Ардебиле состоялось открытие нового энджумена. Проведением выборов руководили пришлые фидаи, разославшие свои избирательные списки лишь той части населения, на которую они могли положиться. Для большей уверенности в успехе подача голосов производилась открыто под наблюдением тех же фидаев. Благодаря всем этим мерам, из 40-тысячного населения города в голосовании участвовали 2,5 тыс. человек и наибольшее число голосов получил Мир Махмуд, организатор похода из Астары в Ардебиль (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 157).

Для поддержания порядка в городе из местных фидаев была сформирована городская полиция, состоящая из 160 городских, 10 офицеров и начальника (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 158). Городовые были одеты в форму и имели винтовки на вооружении.

К прибытию нового губернатора в Ардебиль вся власть в городе сосредоточилась в руках пришлых фидаев, которых в городе называли кавказскими. Однако настоящих уроженцев Кавказа из 30–40 руководителей было лишь несколько человек, помимо этого два беглых русских солдата, а остальные – коренные жители Азербайджана¹, получившие свое революционное воспитание в русских пределах. Большинство из них говорило по-русски и здоровалось с представителями русского консульства. Однажды представители консульства были сильно удивлены, услышав доносившееся из крепости довольно стройное пение русского народного гимна «Боже, Царя храни» (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 160-161).

Пришлые фидаи пользовались поддержкой местного тайного комитета. Каждый из них за счет той нации, которой они будто бы служили, обзавелись не только хорошей одеждой, но и средствами. Все это вызывало неудовольствие населения и зависть местных фидаев. Все они до того были терроризированы кавказцами, что, располагая порядочной силой в несколько сот хорошо вооруженных людей, долго не могли даже громко заявить о своем неудовольствии. Только после прибытия нового губернатора местные фидаи начали высказывать неудовольствие делами пришлых, однако в это время прибыл из Астары весьма популярный фидай – армянин Каспар – и помирил стороны. Однако перемирие оказалось недолгим. В ночь на 16 августа на базаре был ограблен и раздет один кавказский фидай, а в ночь на 20-е ограблен и ранен другой (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 161). Для предотвращения возможных столкновений все фидаи, за исключением полицейских, были разоружены, и винтовки их сложены в арсенале. Однако утром 21-го августа раненный накануне кавказец умер. Пришлые фидаи силой захватили оружие в крепости и приготовились идти на город и расправиться с виновниками смерти их товарища, по слухам местными фидаями. Только благодаря усилиям председателя комитета удалось удержать от этого кавказцев, начавших уже беспорядочную стрельбу в городе. Услышав это, местные фидаи собрались с силами, окружили крепость плотным кольцом, стали строить баррикады на выходящих из крепости улицах. И в этот раз между противоборствующими сторонами удалось достичь компромисса, в этот раз фидаев удалось объединить проведением боевых действий против шахсевенов. 25 августа отряд фидаев выступил из города, но, пройдя 5 км, вернулся обратно. 26 августа было получено известие о походе в Ардебиль

¹ Имеется в виду иранский Азербайджан.

Саттар-Хана с 3-тысячной армией (на самом деле с ним шли лишь 200 человек), и в тот же день фидаи занялись устройством за городом большого лагеря для встречи революционного героя. 27 августа торжественно выступил отряд кавказцев и местных жителей с одним из двух имевшихся в Ардебиле горных орудий (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 162).

Несколько слов необходимо сказать и о шахсевенах. Если в городе был восстановлен относительный порядок, то на территории Ардебильского округа по-прежнему ситуация была далека от стабильности. Грабежи шахсевенов не только не уменьшились, а даже усилились. В первую же ночь после приезда нового губернатора ходжабеклинцы из рода исалу осадили и разграбили селение Борух, находящееся в 10 км от Ардебиля, убив при этом 5 и ранив 2 его жителей. Разумеется, ни на какую помощь из Ардебиля сельчане рассчитывать не могли. Тем временем ходжабеклинцы-исалу обложили податями все окрестные населенные пункты (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 163). Этим нападения не ограничились. 9 августа шахсевены в 5 км от города у селения Шамаспи напали на торговый караван. С 10-го по 11-е августа были ограблены шахсевенами селения Дулясер и Кенизен, селение Умукин обложено данью в 1 тыс. туманов. 15-го августа шахсевены напали на селения Шемсабад и Агмиан, разграбили их и угнали стада. Во время перестрелки был убит один и ранено много жителей первого из этих селений. В этот же день поступили известия, что шахсевены окружили одно из богатейших селений – Мишкина-Ларуд, куда собрались со своим скарбом жители окрестных мелких селений. Осада эта продолжалась несколько дней, хорошо вооруженные жители упорно защищались, но, в конце концов, вынуждены были сдаться, потеряв убитыми около 100 человек. Со стороны шахсевенов было убито 4 человека и ранено 5. В итоге, селение было разграблено, а запас фуража сожжен (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 164).

17 августа были разграблены селения Самарин и Шейх-уль-Ислам. Это не могло не вызвать миграции населения. Так, 22-го августа было получено известие о том, что население Ларуда покидает место жительства и направляется в Ардебиль. 24 августа шахсевены разграбили селение Каладжик, при этом было убито с обеих сторон до 10 человек (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 164). Спустя два дня шахсевены напали на казачий разъезд вице-консульства, сопровождавший в Астаре раненого товарища. Нередко такие нападения приводили и к жертвам среди русских военнослужащих (Стрелянов (Калабухов), 2007: 42).

Путем мирных переговоров убедить шахсевенов прекратить грабежи не получилось. В результате губернатор запросил помощь из Тегерана, откуда ответили, что для усмирения шахсевенов двигается на помощь Саттар-Хан с армией, именно для нее и готовили фидаи большой лагерь в 5 верстах от Ардебиля, куда в течение 4 дней свозились палатки, столы, стулья, постели, лампы, посуда и другой инвентарь. С приездом Саттар-Хана закончился первый период воздействия нового правительства на шахсевенов, воздействия единственно имевшимся в его распоряжении оружием – увещанием, не давшим, однако, никаких результатов (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 165).

Что касается путей сообщения, то, как часто делалось в Персии, охрану дорог поручали разбойничьим племенам. Так, охрана Ардебиль-Тавризской дороги была поручена агрессивному племени – юрчинцам, которым было предоставлено исключительное право облагать поборами торговцев и путешественников. Ардебильское купечество поневоле согласилось на это, и 8 августа из Ардебиля выступил торговый караван из 400 верблюдов, однако на следующий день караван вернулся из-за нападения как охранителей, так и другого шахсевенского племени. После долгих переговоров караван этот вновь выступил из Ардебиля и на этот раз прошел благополучно (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 166).

15 августа в Ардебиль прибыла из Тавриза команда из 25 казаков, которой было поручено провести из Тавриза в Ардебиль большой караван, который шел под охраной тавризских казаков и такой же команды из состава конвоя вице-консульства и в числе 448 верблюдов выступил из Ардебиля 21 августа. На несколько дней ранее из Ардебиля выступил другой караван в 250 верблюдов, охраняемый исключительно известием о том, что следом за ним идут русские казаки. С этого времени движение на Тавриз можно было считать восстановленным (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 166-167).

Несколько слов необходимо сказать и о астара-ардебильской дороге. Ее охрана была необходима самим фидаям, так как она поддерживала связь с Астарой, а через нее – с Кавказом и Рештом. Поэтому фидаи сформировали особый отряд и поручили им охранять этот путь. Содержание отряда обходилось в 1 тыс. туманов в месяц, поэтому все перевозимые по этой дороге товары облагались особой пошлиной (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 167).

Таким образом к 1 сентября обстановка в регионе была следующей: центральная (губернатор) и местная (энджумен) власти никакой роли в регионе не играли и были бездейственны. Пришлые кавказские фидаи оказались в меньшинстве и прежнюю роль перестали играть; порядок в Ардебиле поддерживался по большей части самими местными жителями; шахсевены неограниченно распоряжались во всем округе. Среди населения опять начинали раздаваться голоса о необходимости в конце концов прибегнуть к помощи и покровительству великой соседки – России (ЦГИАГ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 170. Л. 168).

5. Заключение

Завершая, необходимо отметить, что в июле 1909 г. после захвата Ардебилля и ряда других городов революционерами ситуация стабилизировалась только в крупных населенных пунктах, в то же время сельская местность была всецело в распоряжении разбойничьих племен шахсевенов. Важно отметить, что шахсевены не только терроризировали сельское население, но и нередко нападали на русские пограничные заставы и казацкие разъезды. Единства также не было и в стане самих революционеров, которые делились на пришлых и местных, что часто приводило к недопониманию, а иногда к открытым столкновениям. Вся эта революционная неразбериха негативно сказывалась на социально-экономической жизни населения и, как следствие, приводило к поиску возможных защитников от революционного насилия.

6. Благодарности

Настоящее исследование осуществлялось при поддержке Научно-исследовательского фонда центральных университетов Китая. Проект 3072019CFR0902.

Литература

ЦГИАГ – Центральный государственный исторический архив Грузии.

Стрелянов (Калабухов), 2007 – Стрелянов (Калабухов) П.Н. Казаки в Персии. 1909–1918 гг. М., 2007.

Ter-Oganov, 2015 – Ter-Oganov N. The Anglo-Russian Compromise of 1907 and the Downfall of Mohammad Ali Shah Qajar // *Voennyi Sbornik*. 2015. 9(3): 158-178.

Широкорад, 2003 – Широкорад А.Б. Россия – Англия: неизвестная война, 1857–1907. М., 2003.

Bonakdarian, 1991 – Bonakdarian M. The Persia committee and the constitutional revolution in Iran // *British Society for Middle Eastern Studies. Bulletin*. 1991. 18(2): 186-207.

Gao et al., 2019 – Gao T., Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Ter-Oganov N. “Our Shah is the Russian Emperor”: the Little-Known Pages of the Persian Revolution of 1905–1911 // *Bylye Gody*. 2019. 53(3): 1365-1372.

Olson, 1986 – Olson W.J. Anglo-Iranian Relations During World War I. London, 1986.

Stanwood, 1983 – Stanwood F. War, Revolution & British Imperialism in Central Asia. London, 1983.

Mclean, 1978 – Mclean D. English radicals, Russia and the fate of Persia 1907-1913. // *English Historical Review*. 1978. 93(CCCLXVII): 338-352.

Stanwood, 1978 – Stanwood F. Revolution and the ‘Old Reactionary Policy’: Britain in Persia, 1917 // *The Journal of Imperial and Commonwealth History*. 1978. 6(2): 144-165.

Taran, 2014 – Taran K.V. The everyday life of the mounted police guard force in the territory of the Black Sea Governorate (1901-1909) // *Bylye Gody*. 2014. 34(4). pp. 582-585.

Taran, 2015 – Taran K.V. Rural communities on the outskirts of the Russian Empire amid the First Russian Revolution (through the example of villages within the Black Sea Governorate) // *Bylye Gody*. 2015. 35(1). pp. 124-132.

Taran, 2015a – Taran K.V. Propaganda Activities of Socialist Revolutionaries of the Black Sea Province in 1905 // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2015. Vol. (3). Is. 1. pp. 4-13.

Taran et al., 2016 – Taran K.V., Dyuzhov A.V., Kocherga S.A. The teaching staff of the public education system in the period of the First Russian Revolution (1905-1907 years) (on the materials of the Black Sea province) // *Bylye Gody*. 2016. 39(1), pp. 229-236.

Taran et al., 2017 – Taran K.V., Dyuzhov A.V., Rassolov, I.M. The activities of the Armenian parties dashnaksutyun and gnchak on the territory of the black sea province at the beginning of the XX century // *Bylye Gody*. 2017. 43(1). pp. 248-256.

Taran, Kurbanov, 2018 – Taran K., Kurbanov R. The armed uprising in the Sochi district of the Black Sea governorate in the Russian Empire (1905-1906) and its interpretation in the exhibition of the regional museum // *Brukenthal. Acta Musei*. 2018. 13(1), pp. 81-94.

Taran, Byshkov, 2019 – Taran K.V., Byshkov P.A. The activities of the Novorossiysk committee of the union of railwaymen during the first Russian revolution // *Bylye Gody*. 2019. 52(2): 873-879.

References

Bonakdarian, 1991 – Bonakdarian M. (1991). The Persia committee and the constitutional revolution in Iran. *British Society for Middle Eastern Studies. Bulletin*. 18(2): 186-207.

Gao et al., 2019 – Gao T., Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Ter-Oganov N. (2019). “Our Shah is the Russian Emperor”: the Little-Known Pages of the Persian Revolution of 1905–1911. *Bylye Gody*. 53(3): 1365-1372.

Mclean, 1978 – Mclean D. (1978). English radicals, Russia and the fate of Persia 1907–1913. *English Historical Review*. 93(CCCLXVII): 338-352.

Olson, 1986 – Olson W.J. (1986). Anglo-Iranian Relations During World War I. London.

Shirokorad, 2003 – Shirokorad A.B. (2003). Rossiya – Angliya: neizvestnaya voyna, 1857–1907 [Russia – England: Unknown War, 1857–1907]. M. [in Russian]

Stanwood, 1978 – Stanwood F. (1978). Revolution and the ‘Old Reactionary Policy’: Britain in Persia, 1917. *The Journal of Imperial and Commonwealth History*. 6(2): 144-165.

- Stanwood, 1983 – Stanwood F. (1983). War, Revolution & British Imperialism in Central Asia. London.
- Strelyanov (Kalabukhov), 2007 – Strelyanov (Kalabukhov) P.N. (2007). Kazaki v Persii. 1909–1918 gg. [Cossacks in Persia. 1909–1918]. M. [in Russian]
- Taran et al., 2016 – Taran K.V., Dyuzhov A.V., Kocherga S.A. (2016). The teaching staff of the public education system in the period of the First Russian Revolution (1905-1907 years) (on the materials of the Black Sea province). *Bylye Gody*. 39(1), pp. 229-236.
- Taran et al., 2017 – Taran K.V., Dyuzhov A.V., Rassolov, I.M. (2017). The Activities of the Armenian Parties Dashnaksutyun and Gnchak on the Territory of the Black Sea Province at the beginning of the XX century. *Bylye Gody*. 43(1). pp. 248-256.
- Taran, 2014 – Taran K.V. (2014). The everyday life of the mounted police guard force in the territory of the Black Sea Governorate (1901-1909). *Bylye Gody*. 34(4). pp. 582-585.
- Taran, 2015 – Taran K.V. (2015). Rural communities on the outskirts of the Russian Empire amid the First Russian Revolution (through the example of villages within the Black Sea Governorate). *Bylye Gody*. 35(1). pp. 124-132.
- Taran, 2015a – Taran K.V. (2015). Propaganda Activities of Socialist Revolutionaries of the Black Sea Province in 1905 // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 3(1): 4-13.
- Taran, Byshkov, 2019 – Taran K.V., Byshkov P.A. (2019). The activities of the Novorossiysk committee of the union of railwaymen during the first Russian revolution. *Bylye Gody*. 52(2): 873-879.
- Taran, Kurbanov, 2018 – Taran K., Kurbanov R. (2018). The armed uprising in the Sochi district of the Black Sea governorate in the Russian Empire (1905-1906) and its interpretation in the exhibition of the regional museum. *Brukenenthal. Acta Musei*. 13(1), pp. 81-94.
- Ter-Oganov, 2015 – Ter-Oganov N. The Anglo-Russian Compromise of 1907 and the Downfall of Mohammad Ali Shah Qajar. *Voennyi Sbornik*. 2015. 9(3): 158-178.
- TsGIAG – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Gruzii [Central state historical archive of Georgia].

«Наш шах – русский император»: малоизвестные страницы гражданской войны в Персии. Часть 2

Тяньмин Гао ^{a, *}, Александр Черкасов ^{b, c}, Сергей Братановский ^{d, e}, Нугзар Тер-Оганов ^f

^a Харбинский инженерный университет, Харбин, Китай

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^d Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Институт государства и права РАН РФ, Москва, Российская Федерация

^f Тель-Авивский университет, Центр иранских исследований, Израиль

Аннотация. В статье рассматриваются малоизвестные страницы из истории Персидской революции 1905–1911 гг., в частности события 1909 г. в северо-западных районах Персии. Уделено внимание процессу эскалации насилия, движущим силам революционного движения, а также деятельности русских дипломатических миссий.

Материалами для подготовки статьи стали неопубликованные документы из Центрального государственного исторического архива Грузии (Тбилиси, Грузия). В качестве источников были привлечены документы центральных государственных учреждений Российской империи, а именно – Министерства иностранных дел, дипломатических миссий в Ардебиле, Тавризе, Урмии, ведомственная переписка русских пограничных частей с канцелярией наместника царя на Кавказе и др. В качестве материалов также использованы источники личного происхождения.

В заключении авторы отмечают, что в июле 1909 г. после захвата Ардебиля и ряда других городов революционерами ситуация стабилизировалась только в крупных населенных пунктах, в то же время сельская местность была всецело в распоряжении разбойничьих племен шахсевенов. Важно отметить, что шахсевены не только терроризировали персидское сельское население, но и нередко нападали на русские пограничные заставы и казачьи разъезды. Единства также не было и в стане самих революционеров, которые делились на пришлых и местных, что часто приводило к недопониманию, а иногда к открытым столкновениям. Вся эта революционная неразбериха негативно сказывалась на социально-экономической жизни населения и, как следствие, приводила к поиску возможных защитников от революционного насилия.

Ключевые слова: Персидская революция, дипломатические миссии, экспедиционные части, шахсевены, фидаи.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: gtnmail@sina.cn (Т. Гао), sochio03@rambler.ru (А. Черкасов)

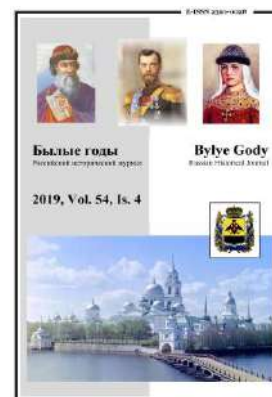
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1877-1886. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1877
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The 1911 Crisis at Provincial Universities

Evgenii A. Rostovtsev ^{a,*}, Dmitrii A. Barinov ^a, Ilya V. Sidorchuk ^a

^a St. Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The purpose of the article is to study the development of the crisis of higher education of the Russian Empire in 1911, the so-called “Kasso crisis”, on the example of five provincial universities – Novorossiysk (located in Odessa), St. Vladimir in Kiev, Yuryev, Tomsk and Kazan. Traditionally, this period in the history of higher education of the Russian Empire was investigated on the example of the St. Petersburg and Moscow universities. This work aims to find out whether the reaction in the selected universities was only an echo of the events in St. Petersburg and Moscow, or we can talk about unique scenarios of its development. The study is based on a wide range of archival and published historical sources, including those not introduced into scientific circulation. As a result of the study, the authors came to the conclusion that the course of the crisis, its main driving forces, the positions of professors and students in different universities of the Empire were very similar. Common to provincial universities and uniting them with the capital were ideas about the importance of “academic freedom”, unwillingness to perform police functions, the desire to soften the blow of repression against students. At the same time, the tactics of the universities were different and depended on the composition of the professor’s corporations and the region to which the university belonged.

Keywords: Higher school of the Russian Empire, Kasso crisis, history of universities, 1911, Novorossiysk University, Yuriev University, St. Vladimir University in Kiev, Kazan University, Tomsk University, student movement.

1. Введение

Высшая школа Российской империи в период правления министра Л.А. Кассо не являлась неким однородным телом. Как и все российское общество, она включала в свой состав представителей различных политических течений, на которые влиял целый комплекс объективных и субъективных факторов. Немногочисленные университеты, концентрировавшие ведущие научные силы, вполне можно считать лакмусовой бумажкой для интеллектуальной элиты страны, способной раскрыть ее профессиональные и идеологические установки, стратегии и цели. Кроме этого, благодаря революционной активности студенчества, университеты являлись не только центрами генерации политических лозунгов, но и реальным полем битвы за светлые идеалы будущего. Наиболее ярко эти тенденции проявились во время кризиса высшей школы конца 1910 – начала 1911 гг.

2. Материалы и методы

Источниковая база статьи включает в себя как совокупность опубликованных источников, связанных с темой исследования, так и широкий комплекс архивных материалов, в том числе хранящихся в фонде Министерства народного просвещения в Российском государственном историческом архиве и ряде фондов Национального архива Эстонии. Одной из причин

* Corresponding author

E-mail addresses: e.rostovtsev@spbu.ru (E.A. Rostovtsev), d.barinov@spbu.ru (D.A. Barinov), i.sidorchuk@spbu.ru (I.V. Sidorchuk)

формирования стереотипов в историографии, посвященной кризису 1911 г., являлось то, что исследователями в весьма незначительной степени использовалась внутривузовская документация. В настоящей статье осуществлена попытка выбраться из этого «историографического туннеля», в частности через обращение к протоколам заседаний советов высших учебных заведений, являющихся важным источником для характеристики позиции профессорских коллегий.

Для реконструкции ключевых моментов «кризиса» авторы обратились к методу насыщенного описания и сравнительно-историческому для сопоставления стратегий корпораций различных высших учебных заведений.

3. Обсуждение (историография проблемы)

История высшей школы империи в кризисный 1911 г. не раз привлекала внимание исследователей. Данный сюжет неизменно встречается в общих работах, посвященных студенческому революционному движению, политике министерства Л.А. Кассо, истории российских университетов. Этот период более всего изучен на примере Петербургского и Московского университетов (подробный анализ историографии см. [Баринов, 2017](#); [Ростовцев, 2017](#): 613-640).

4. Результаты

В данной статье предпринята попытка рассмотреть события периода конца 1910–1911 гг. на примере ряда провинциальных университетов – Новороссийского (Одесского), святого Владимира в Киеве, Юрьевского, Томского и Казанского. Был ли кризис лишь эхом, отголоском событий в столицах или в различных провинциальных вузах кризис имел собственный сценарий, связанный со спецификой конкретного университета или региона?

На пути к кризису: бурная осень 1910 г. Прежде чем говорить о событиях 1911 г. необходимо рассказать о том, что происходило в предшествующие ему месяцы. 25 сентября 1910 г. Л.А. Кассо был назначен на должность министра народного просвещения вместо А.Н. Шварца, чья личность вызывала однозначное отторжение либеральной профессуры. Тогда он еще являлся «темной лошадкой», к которой с подозрением относились как правые, так и левые ([Ростовцев, Сидорчук, 2019](#): 14-15). Должность министра была сколь престижной, столь и опасной. Речь шла не только о террористах, но и постоянном внимании прессы, которой был нужен лишь повод, чтобы ополчиться на назначенца. Во многом Л.А. Кассо не повезло: в первые месяцы его руководства министерством произошли события, имевшие достаточно отдаленное отношение к университетам, но ставшие катализатором революционных выступлений и конфликтов с частью ученого сообщества.

Поводом к началу очередной волны студенческих волнений стала смерть Л.Н. Толстого 7 ноября 1910 г. Уход из жизни известного критика власти и церкви послужил причиной массовых сходок и демонстраций. В Петербурге и Москве они переросли в серьезные беспорядки. Кончина «писателя Земли Русской» нашла отклик во всей Российской империи (см. подробнее: [Мейлах, 1960](#)).

В Казани ситуация была спокойнее, чем в столицах. Ректор дозволил собраться членам легального литературного кружка, разрешил составить и отправить телеграмму родственникам Толстого, но только при его (ректора) одобрении. В итоге собрание превратилось в сходку. На вопрос ректора, как такое возможно, один из организаторов заявил, что за один день в кружок вступило более 400 человек, всех записали в члены и выдали билеты. От Совета присутствовал профессор А.М. Миронов. Собрание закончилось без происшествий, профессор поблагодарил всех за образцовый порядок ([РГИА. Ф.733. Оп. 201. Д. 219. Л. 19](#)).

В Томске организованная студентами-технологами демонстрация также закончилась без происшествий. Полицейстер велел студентам разойтись, тогда они зашли в здание университета, где провели сходку, по итогу которой осудили отношение Синода к писателю ([Зайченко, 1960](#): 108-109). В ноябре целый ряд кружков при томских учебных заведениях провел собрания в честь писателя ([Толстовские дни...: 3](#)).

В Киеве студенты вскоре после смерти писателя в коридоре устроили собрание в знак порицания университетской администрации из-за запрета сходки против смертной казни и отказа отправки телеграммы больному Л.Н. Толстому. При этом часть лекций не состоялась ([РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 222. Л. 5](#)). После его смерти студенты принимали участие в демонстрациях, не посещали лекций ([РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 222. Л. 8](#)). С 8 по 10 ноября занятия официально были прекращены во всем Киеве. 11-го они возобновились по решению руководства университета, за что студенческая сходка высказала порицание университетской администрации ([РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 222. Л. 12 об.](#)). Следующими поводами для сходок в Университете св. Владимира стали события, произошедшие в конце 1910 г. в Вологодской и Зерентуйской тюрьмах, где заключенных наказывали плетью (в Зерентуйской бывший студент Московского университета и участник убийства В.К. Плеве Е.Д. Сазонов покончил с собой) ([Брачев, 2013](#): 73).

Так, руководство Киевского университета пыталось в этих условиях продемонстрировать свою лояльность к МНП, которого не могло не раздражать поведение киевских студентов. Совет Университета Св. Владимира по случаю высочайшего приема 21 декабря 1910 г., на котором присутствовал профессор университета П.Н. Ардашев, через посредство управляющего МНП на

заседании 1 марта сделал всеподданнейшее обращение, в котором соблюдение постановлений министерства трактовалось как выражение преданности монархии: «В высокознаменательных словах Вашего Величества Совет Императорского Университета Св. Владимира видит мощную поддержку и величайшее поощрение своей деятельности, направленной к научной работе и к упрочению порядка в переживающей трудное время нашей высшей школе. Совет выражает свою беззаветную готовность, с удвоенным рвением, продолжать свое служение науке и просвещению на радость возлюбленному Государю и на благо нашей великой родине» ([Протоколы ... 21 января: 4, 26](#)).

В Одессе в связи с кончиной Толстого также произошли демонстрации, устроенные студентами университета. Ситуация обострилась после того, как 13 ноября им запретили участвовать в заседании Совета университета, посвященном столетней годовщине со дня рождения студента университета Н.И. Пирогова, также популярного среди студенчества.

Как и в других высших учебных заведениях, в Новороссийском университете ситуация осложнялась постоянной борьбой, которая велась между «академистами» и революционно настроенным студенческим большинством. 5 декабря 1910 г. левые студенты попытались сорвать общестуденческий благотворительный бал, средства от которого, по их мнению, распределялись между студентами-черносотенцами. Была разлита «зловонная жидкость», после чего началась потасовка между левыми и правыми. Дополнительным катализатором протестной активности стало напугавшее убийство студента Новороссийского университета еврея И.М. Иглицкого 8 декабря. Оно произошло во время сходки, на которой присутствовало около 300 человек. В аудиторию пришло 15 «академистов», после чего произошел конфликт с дальнейшим вмешательством полиции. Версии о том, что произошло дальше, разнятся. По мнению одних, Иглицкий был, случайно или нет, убит «своими» выстрелом в затылок ([Брачев, 2010: 74; Рихтер, 2004](#)), по другой – открывшими стрельбу «академистами» или полицией. Конфликт, по мнению исследователя С.Л. Портного, укрепил репутацию Новороссийского университета как самого реакционного ([Портной, 1940: 116-117](#)). Эхо этого события донеслось и до столицы, где клуб «академистов» на Лесном проспекте был разгромлен и спустя несколько дней сгорел (по некоторым предположениям, в результате поджога) ([Ростовцев, 2017: 618](#)).

Активизация студенческого движения и необходимость решения «университетского вопроса» привела Л.А. Кассо к идее созыва «частного» собрания профессоров-«академистов». Основную роль в заседании играли представители Новороссийского университета, состав которого считался наиболее консервативным. На совещании говорилось о растущем влиянии академизма в высшем образовании, об актуальной роли университетского устава, дающего «академическую» автономию университетам ([Казанский, 1911: 9-10; Ковтуненко, 2014](#)).

Можно предположить, что позиция совещания консервативных профессоров, настаивавших на академической автономии университетов и видящих в ней средство дистанционирования высших учебных заведений от политики, была одним из побудительных импульсов для дальнейшей политики власти в университетском вопросе, в частности издания акта 11 января 1911 г.

Кульминация: январь–февраль 1911 г. Постановление 11 января 1911 г. обоснованно считается одной из главных отправных точек *кризиса высшей школы*, или *кризиса Кассо*. В первую очередь речь шла о запрете всех студенческих собраний в стенах университета, не носящих научного или учебного характера, и предписании профессорам осуществлять надзор за ними ([11 января 1911...: 41-43](#)). В провинциальных университетах реакция на постановление 11 января была разной.

Совет Университета св. Владимира постановил принять нововведения «к точному исполнению». Однако интерпретация как постановления, так и стоящих перед профессорами задач в изложении Совета была своеобразной. По существу, профессора отстранялись от исполнения указанных функций, перекладывая их на инспекцию университета. В частности, Совет уверял, что надзор за порядком осуществлялся должным образом и до этого: «Что же касается циркулярного распоряжения г. Управляющего Министерством народного Просвещения за № 192 о безотлагательной выработке мер для установления действительного надзора за учащимися и своевременного привлечения к ответственности всех нарушителей порядка академической жизни, то донести, что в Киевском Университете надзор, предусматриваемый г. Управляющим Министерством уже существует, ввиду чего в настоящее время может возникнуть вопрос лишь о некотором его усилении и улучшении, пояснив при том, что, хотя Совет Университета Св. Владимира, подобно советам других университетов, сделал в сентябре 1905 года постановление о прекращении функций надзора университетской инспекции, однако же в заседании 4 сентября 1906 года, после доклада Ректора, указавшего на то, что надежды, которые возлагались Советом в отношении охранения порядка на советскую комиссию и на самих студентов, не оправдались, и предложившего вновь возложить на инспекцию обязанности наблюдения за порядком и принять меры к недопущению в университете посторонних лиц, Совет поручил инспекции вновь надзор за внешним порядком в университете и постановил требовать от студентов при входе в университет предъявления билетов» ([Протоколы ... 21 января: 7-8](#)).

Студенты, разумеется, не разделяли подобную соглашательскую позицию профессуры, поэтому начали пассивную, а иногда и активную забастовку, направленную на срыв занятий. Всего с 31 января

по 12 марта, по данным университетской администрации, не состоялось 500 (17 %) лекций. Из них по причине отсутствия слушателей – 284 (10 %), а остальные 216 (7 %) по другим причинам. Наибольший процент срыва лекций был на физико-математическом факультете, где 224 лекции не состоялись по причине отсутствия слушателей (для сравнения: на историко-филологическом – 30, медицинском – 27, юридическом – 0) (РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 222. Л. 28). В стенах университета постоянно находили революционные воззвания. Восстановить порядок Совету университета помогали «академисты», что удавалось лишь отчасти. Например, профессор биологии А.Н. Северцов, вскоре переведенный Л.А. Кассо в Московский университет, 8 февраля прочитал лишь часть лекции, на которой присутствовали только «академисты», после чего продолжать занятие отказался, сославшись на то, что в аудитории недостаточно слушателей (РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 222. Л. 22-22 об.). Впрочем, в дальнейшем активность студенчества пошла на спад.

Совет Новороссийского университета в разгар студенческой активности в январе–феврале 1911 г. также демонстрировал верноподданническую фразеологию (Совет «повергает к стопам Вашим, Великий государь, свои верноподданнические чувства и выражение беззаветной преданности») (РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 140. Л. 14). Ректору было разрешено принимать решение о вводе полиции в стены университета, и в период кризиса она находилась в здании с 9 утра и до окончания занятий. В каждом здании, писала пресса, теперь стало размещаться по 15 городских (Портной, 1940: 116-117).

В Казанском университете в январе начали происходить сначала небольшие собрания студентов, потом при участии 100–300 человек – с обсуждением будущих выступлений забастовки. Ректор Г.Ф. Дормидонтов доложил губернатору, что нет возможности предупредить волнения без закрытия университета, также он предложил арестовать агитаторов и зачинщиков. М.К. Корбут считает, что таким образом профессура сама отступила от принципов автономии, за которые боролась ранее (Корбут, 1930: 267). 3 февраля было принято решение о забастовке, спусковым этого решения казанских студентов стал «разгром» Московского университета. 3 февраля было принято решение о забастовке. Тогда же по предложению ректора проведено экстренное собрание Совета: в нем голосовали за обращение к студентам: в итоге 25 из 40 собравшихся высказались против увещевания студентов. Тогда ректор выступил от своего имени. Во время шествия 3 февраля полиция начала перепись студентов-участников протеста, собравшихся по окончании процессии в вестибюле университета. Позднее Совет университета вступился за некоторых молодых людей, которые попали в список случайно. Призыв к прекращению занятий не был активно воспринят большинством студентов. Срывы были локальными: за 3–10 февраля на историко-филологическом факультете состоялось 70 из 90 занятий, на физико-математическом – 100 из 197; на юридическом – 73 из 83, на медицинском – 137 из 224 (РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 219. Л. 49). Среди лидеров движения 1910–1912 гг. были прежде всего студенты-медики (это видно и по числу сорванных занятий). Первый коалиционный орган был создан именно при медицинском факультете, и уже он впоследствии «поглотил» остальные факультеты (Гарафутдинов, 1969: 102). За февраль этот объединенный Коалиционный совет издал более 6 прокламаций политического содержания. Однако в целом авторы работ по истории студенческого движения отмечают слабую организованность студентов во время забастовки. Хотя занятия формально возобновились в 20-х числах февраля, количество студентов в аудиториях было небольшим. Для установления порядка попечитель распорядился переписать студентов, которые приходят на лекции, и тщательно проверять студенческие билеты, чтобы неблагонадежные лица не попали в аудитории (Корбут, 1930: 267-269). Совет университета (точнее – избранная им комиссия) попытался оспорить предлагаемые меры, однако его обращение было отклонено. Ректор в записке попечителю сетовал на Совет университета. Он пытался побудить его к решительным действиям, но тот был пассивен: либо отказывался голосовать за предлагаемые меры, либо не набирался кворум и собрание постоянно откладывались. Предложения, посланные МНП, таким образом месяц оставались без ответа (они касались переписи пришедших студентов). Только после специального внушения попечителя директору Высших женских курсов и ректору университета эта мера начала применяться (РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 219. Л. 50).

Усиление охранительной политики коснулось не только политически активных студентов Казани, но и профессуры, а также общего течения университетской жизни. И. Гилязов, опираясь на архивные документы, отмечает, что в 1910–1911 гг. полиция стремилась установить тотальный контроль за университетом, отслеживая участников студенческих экскурсий, посетителей лекций и т.д. Рвение жандармов дошло до того, что в феврале 1911 г. на основании агентурных сведений был сочинен заговор профессоров (Д.Н. Зейлигер, Б.К. Поленов, А.А. Пионтковский), который предполагал отправку студентов на службу в полицию, чтобы они служили осведомителями для университета (Гилязов, 2009: 520). Необходимо отметить, что лозунги, выдвигаемые студентами, не были радикальными и вполне укладывались в рамки требований академических свобод. В таком духе было выдержано перехваченное рукописное воззвание в феврале 1911 г. (хотя в нем и предлагалось вспомнить «славный 1905 г.»), а также письмо студентов из Коалиционного комитета казанской профессуре. В нем всячески подчеркивалось уважение к профессорам, содержался призыв поддержать студентов: «Избирайте же себе аудиторию – пред Вами две: одна – студенческая, другая – провокационно-полицейская» (РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 219. Л. 54).

В январе 1911 г. протесты активизировались и в Томском университете. Студентами вуза был организован Коалиционный комитет, объединявший представителей разных политических течений. Вскоре он принял решение о прекращении занятий ([Томский университет...: 85](#)). Совет университета был вынужден реагировать на подобные акции и по предложению ректора вскоре проголосовал (18 голосами против 13) за привлечение полиции в случае необходимости. Вместе с этим был запрещен вход в университет отдельным студентам, скомпрометированным участием в протесте; остальные студенты должны были в обязательном порядке предъявлять пропуск ([В университете... № 27](#)). Забастовка была продолжена, занятия срывались путем «химических обструкций» ([В университете ... № 30](#)). Беспорядки привели также к активизации академического движения: в начале февраля было проведено собрание, на котором был разработан устав общества и подан на утверждение губернатору ([В университете... № 31](#)). 9 февраля группа представителей медицинского факультета (которые, как и в Казани, являлись главными руководителями протеста) предложили ректору провести встречу по текущим проблемам университета. Предложение не было отвергнуто сразу. Как сообщала «Сибирская жизнь», было созвано специальное совещание, на котором присутствовали проректор университета, деканы юридического и медицинского факультетов и главы факультетских клиник. По итогу совещания идею референдума отклонили, не видя для него возможностей ([В университете... № 33](#)).

Активную борьбу вело и студенчество Томского технологического института. В секретной телеграмме от 24 января попечитель учебного округа охарактеризовал положение в институте как «анархия» ([РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 225. Л. 28](#)). Была достигнута с МНП договоренность о вводе полиции в случае продолжения сопротивления. Стачечный комитет продолжал регулярно выпускать листовки. Например, листовка «К позорному столбу» содержала список тех, кто вопреки проводимой забастовке сдавал экзамены (17 человек) ([РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 225. Л. 49](#)). Листовка «Все за одного. Ко всему студенчеству» содержала призыв продолжать борьбу, но не выдвигала политических требований и вообще почти ничего конкретного не говорила о целях движения ([РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 225. Л. 63](#)). Позднее был образован и «стачком» университета, который совместно со стачкомом института выпускал прокламации.

В самом начале 1911 г. эхо бурных событий донеслось и до Юрьевского университета. 14 января Лифляндский губернатор в письме сообщил Юрьевскому полицмейстеру и уездному начальнику о распоряжении Совета Министров от 7 января, запрещающем сходки и собрания в высших учебных заведениях. О них должно было немедленно уведомлять полицию. Подобная мера была «вызвана необходимостью дать возможность трудиться и заниматься наукой учащимся, ищущим знания, и оградить их от насилия лиц, преследующих в учебных заведениях другие, противогосударственные цели». Все сборища студентов должны были немедленно прекращаться полицией, а нарушители отчислены ([ЕАА. 402.7.490. Л. 308](#)).

Вследствие постановления Совета Министров ректор Юрьевского университета В.Г. Алексеев опубликовал объявление, согласно которому, так же, как и в других университетах страны, «в университетских помещениях временно воспрещаются всякие студенческие собрания ненаучного характера. Виновные в нарушении сего постановления подлежат исключению из Университета». Также строжайше воспрещалось входить в университетские помещения посторонним лицам ([ЕАА. 402.7.756. Л. 6](#)). О беспорядках, подобных петербургским или московским, применительно к Юрьеву речь не шла. При этом говорить о полном отсутствии политической активности среди студентов также не приходится. Согласно студенческой переписи, проведенной в 1907 г. М. Бенашиком, среди студентов находились лица, «разделяющие взгляды более чем 30 партий», наиболее популярной политической силой были социал-демократы. Наименьшее число левых было среди немцев (чуть больше 37 %), а наибольшее – среди евреев и кавказских народов (больше 77 % и 88 % соответственно). Среди русских, составлявших больше половины общего числа студентов, – около 70 %. Правые политические взгляды пользовались наибольшей поддержкой среди немцев – более 43 % ([Бенашик, 1909: 71-76](#)).

Организующим центром студенческой активности являлся Коалиционный комитет Юрьевского университета. Его членами в начале февраля был распространен целый ряд листовок противоположительственного содержания. Секретная полицейская переписка сообщает, что 1 февраля в университете было вывешено революционное воззвание. Также во время перерыва между лекциями группа студентов 2 курса обсуждала вопрос о забастовке, причем большинство собравшихся эту идею поддержало ([ЕАА. 325.1.1039. Л. 9-9 об.](#)). Студенты выступали за полную автономию высшей школы, соблюдение Временных правил от 27 августа 1905 г. Стремление к отмене занятий они объясняли тем, что студенчество «не может и не будет заниматься наукой при отсутствии неприкосновенности личности, свободы слова, собраний и союзов». Также они призывали профессию поддержать их: «Выступая на защиту свободы высшей школы, защищая свою и Вашу честь, студенчество ждет от Вас ответа. Оно спрашивает, окажете ли Вы теперь ему поддержку и тем укрепите то искреннее уважение и доверие к Вам, которое выросло после введения университетской автономии». Студенты выражали надежду, что у профессуры не возникнет желания читать лекции «пред переодетыми полицейскими и агентами охранного отделения под защитой винтовок стражников» ([ЕАА. 402.7.756. Л. 19; РГИА.](#)

Ф. 733. Оп. 201. Д. 214. Л. 9). Некоторые члены Коалиционного совета за попытки срыва лекций и распространение прокламаций были исключены (РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 214. Л. 8-8 об.).

Несмотря на подобную активность, действия студентов не приводили к массовому срыву занятий. Как и в столицах, распространенным способом нарушить ход обучения служили «химические атаки» – распыление в лекционных аудиториях неприятно пахнущих веществ. Например, 3 февраля на лекции психиатра В.Ф. Чижга, известного своими консервативными взглядами и называвшего всех революционеров алкоголиками и душевнобольными вырожденцами (Сироткина, 2008: 50), раздались взрывы, и кто-то отравил воздух сероводородом. Тем не менее, большинство присутствовавших студентов не поддержало начинания и осталось в аудитории – лекция была продолжена (ЕАА. 325.1.1039. Л. 30).

Свою роль в профилактике беспорядков сыграла и полиция, проводившая обыски в студенческих обществах и на квартирах студентов с сомнительной репутацией. Особое волнение вызывали члены грузинской и еврейской общин. Чаще всего полиция не обнаруживала никаких реальных доказательств их революционной деятельности, а лишь запрещенную литературу, тем не менее в целях профилактики проводила превентивные аресты. Под особый контроль брались «гастролеры» – приезжавшие в Юрьев студенты из других регионов, особенно из числа евреев.

Март–Декабрь 1911. Спад движения и последствия кризиса. К началу марта протест постепенно сошел на нет, что стало следствием как политики профессуры, так и активных репрессивных действий полиции. Тем не менее, говорить о полном затишье также нельзя, новый всплеск активности можно было ожидать в любой момент. Речь шла не только о студенчестве, но и о преподавателях. Подчас даже известные среди них своей осторожной и лояльной позицией, принимали решения, которые могли болезненно восприниматься властью. Например, в мае историко-филологический факультет Университета св. Владимира ходатайствовал об учреждении премии Л.Н. Толстого, как великого русского писателя и почетного члена университета. Премию планировалось вручать за сочинения по истории русской литературы, преимущественно самого Толстого. Совет постановил отправить проект на согласование попечителю округа, а также поставить бюст писателя в актовом зале университета (Протокол... 27 мая: 113-114), при том, что личность писателя была достаточно токсичной для власти и не раз становилась символом сопротивления ее политике. Проект не вызвал никаких сопротивлений министерства, и премия была учреждена. Среди актуальных проблем, связанных с поведением студенчества, для Киева было характерно только снижение посещаемости. На заседании Совета 18 марта 1911 г. было заслушано основанное на распоряжении министра народного просвещения замечание попечителя Киевского учебного округа о том, что отмечено снижение посещаемости. По его указанию те, кто получает стипендии, должны находиться под особым контролем деканов и преподавателей. Совет с подобным требованием полностью согласился (Протокол... 18 марта: 31).

В Одессе яркий эпизод, характеризующий недопонимание между попечителем учебного округа, университетом и министерством, случился летом 1911 г. Из Краковского университета поступил запрос на характеристику заслуженного проф. И.В. Слешинского, который преподавал в Одессе и должен был занять должность профессора в Кракове. Характеристика со стороны попечителя была дана уничижительная, говорилось, что в годы первой революции И.В. Слешинский «голосовал за все противоправительственные, противогосударственные и противоакадемические постановления совета Новороссийского университета» (РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 333. Л. 5-6 об.). И так, по мнению автора записки, происходило до тех пор, пока управление не перешло в руки правых профессоров, которые и вернули порядок. Несмотря на подобную отповедь, Л.А. Кассо на основе характеристики попечителя, отписал товарищу министра иностранных дел А.А. Нератову, что ни профессиональные, ни нравственные качества И.В. Слешинского не вызывают сомнений и нет оснований для отрицательного отзыва (РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 333. Л. 7-7 об.). Должность профессора И.В. Слешинский получил в этом же году. Противостояние «левым» (имелось в виду либеральным) профессорам очень заботило ректора Новороссийского университета. Летом в записке Л.А. Кассо он рекомендовал не убирать из университета правых профессоров до выборов на административные должности в октябре 1911 г., т.к. тогда на их место могут прийти левые. Большое возмущение в Совете университета вызвала статья в «Голосе Москвы» (1911, № 60). Ее автор писал, что историк церкви профессор А.И. Алмазов был назначен на должность проректора вопреки мнению Совета и по указанию ректора. Ректор на это отвечал, что проводившиеся весной 1910 г. выборы «были безрезультатны» (что это значит, не вполне ясно), поэтому был назначен тот, за кого отдали больше записок. В ответе ректора также назывались бездоказательными слухи о том, что А.И. Алмазов знал о намерениях группы вооруженных «академистов» разгонять демонстрации при помощи пальбы. Ректор отводил все обвинения в неэффективности предпринимаемых для восстановления порядка мер. Наоборот, отмечается в записке, студенты посещают лекции «так аккуратно, как этого до сих пор не наблюдалось» (РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 333. Л. 32). В конце 1911 г. в Совете университета разбирался случай приват-доцента физико-математического факультета В.Ф. Кагана. Согласно записке попечителя, отправленной на имя Л.А. Кассо, В.Ф. Каган, по собранным свидетельствам, помогал деятельности левого студенчества во время забастовки 1911 г., ранее участвовал в революции

1905 г., являясь представителем «противозаконного Союза младших преподавателей» (РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 333. Л. 36). Будучи студентом, в 1889 г. участвовал в беспорядках и был отчислен (за попытку организации панихиды в память о Н.Г. Чернышевском). Очевидно, никаких видимых последствий для ученого разбирательства не имели, Совет никак не отреагировал на позицию попечителя, и В.Ф. Каган проработал в университете вплоть до его закрытия в 1920 г.

Годовщина смерти Л.Н. Толстого прошла в Новороссийском университете спокойно, хотя Совет университета и попечитель ожидали новых беспорядков. Сообщалось, что слушательницы одесских ВЖК даже не вносили деньги за обучение, т.к. полагали, что занятий все равно не будет. Находили различные прокламации «К студенчеству». Но беспорядков не было, и занятия состоялись. Только на Одесских женских медицинских курсах студентки не пришли на несколько лекций. Немалая заслуга в «успокоении» обстановки принадлежала «академистам», которые разослали среди своих соратников призыв прийти на лекции 7 ноября, и все 300 человек явились, не дав их сорвать (РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 354. Л. 10, 14).

Напряженность в Томском университете в «постфевральский» период возникло не только из-за студенческих беспорядков, но и из-за обострения отношений между либеральной профессурой и попечителем западносибирского учебного округа Л.И. Лаврентьевым. Наиболее яркий случай произошел с юристом И.А. Малиновским, который служил в Томском университете в должности профессора с 1908 г. Попечитель часто проявлял недовольство содержанием его лекций, опубликованных работ. Положение ученого осложнялось еще и тем, что он являлся редактором либеральной газеты «Сибирская жизнь», а также руководителем Юридического общества при университете, которое характеризовалось попечителем как «революционный клуб». Всего за период с января 1905 г. по август 1911 г. Л.И. Лаврентьев направил в министерство 23 донесения, содержащих критическую оценку деятельности профессора (Фоминых, Некрылов, 2012: 6). В феврале 1911 г. И.А. Малиновский не был утвержден в должности декана (В университете... № 30). Большой резонанс вызвала его работа «Кровавая месть и смертные казни». Казанский губернатор усмотрел в ней критику смертной казни и защиту революционного террора в России, о чем доложил Л.А. Кассо, и предлагал даже возбудить против Малиновского уголовное преследование. Переписка и передача дела между инстанциями закончилась в сентябре 1911 г., когда по представлению начальника учебного округа в МНП профессор был уволен и приговорен в 1912 г. к 1 месяцу ареста, но был помилован в честь 300-летия Дома Романовых (Фоминых, Некрылов, 2012: 22-23). Этот инцидент, по мнению исследователей, открыл дорогу к увольнению других неугодных преподавателей, «обстановка доносов, шантажа и слежки за профессорами, созданная сторонниками попечителя, привела к тому, что университет были вынуждены покинуть единомышленники Малиновского – в 1911 г. М.Н. Соболев, в 1912 г. – М.И. Боголепов и в 1913 г. – Н.Н. Розин» (Томский университет...: 85).

В Юрьеве очередного всплеска студенческой активности после февраля полиция ожидала в мае. Так, в секретном циркуляре полицмейстерам и уездным начальникам Лифляндской губернии говорилось о том, что «революционные организации прилагают особые усилия к устройству возможно более широкого чествования дня первого мая» и организации забастовки (ЕАА. 325.1.1039. Л. 168). Однако никаких крупных событий в этот день не состоялось. В целом попытки срыва занятий в первую половину года оканчивались неудачно, хотя исключения и высылки студентов продолжались до мая. Прекрасной иллюстрацией более чем скромного масштаба революционной активности студентов служат события поздней осени 1911 г. Если для Санкт-Петербурга и Москвы они стали периодом массовых антиправительственных демонстраций, поводом для которых явилась годовщина смерти Л.Н. Толстого, то Юрьев ограничился лишь «делом Доскинского». Студента университета Василия Ивановича Доскинского обвиняли в организации несогласованной сходки, посвященной смерти Л.Н. Толстого. 7 ноября в помещении Общества русских студентов состоялось собрание, где кроме членов общества также было много курсисток. Участники внесли в помещение большой портрет Л. Толстого и венки. Об устройстве собрания не было заявлено заранее. Пришедший полицейский пристав 1-го участка указал на то, что это несогласованное публичное собрание, так как в нем принимали участие не только члены Общества. После этого студенты разошлись. На В.И. Доскинского завели уголовное дело, по итогам рассмотрения которого он был приговорен мировым судьей к штрафу в 16 рублей. После подачи апелляции Съезд мировых судей студента оправдал (ЕАА. 417.1.8224).

5. Заключение

Рассмотрев, как развивались события в нескольких провинциальных университетах, мы можем уверенно констатировать, что ход кризиса Кассо, его основные движущие силы, позиции профессуры и студенчества в разных университетах империи были весьма схожи. Иначе говоря, кризис наглядно показал значительную степень общности и корпоративного единства как университетской элиты, так и студенческой интеллигенции разных поколений, продемонстрировал глубину их неприятия ценностных оснований политики власти.

Общими для провинциальных университетов (объединяющими их со столичными) были представления о важности академической свободы, нежелание исполнять полицейские функции,

стремление смягчить удар репрессий против своих питомцев – фрондирующих студентов. Общей была и студенческая солидарность с товарищами как своего, так и других университетов и требование солидарности, направленное к «отцам» в университетской семье – профессорам. Фигурой, объединившей «отцов» и «детей» русской интеллигенции, являлся Л.Н. Толстой, олицетворявший гуманистическое начало освободительного движения.

Между тем тактика российских университетов была различной и зависела как от состава профессорских корпораций, так и от региона, к которому принадлежал университет. Для относительно консервативных коллегий (Киев, Одесса, Томск) порядок в университете, обеспечивавший правильный ход академической жизни, имел большую значимость, нежели защита студенчества. В борьбе за порядок консервативная «коллегия» готова была сотрудничать и с академистами, и даже с полицейскими силами. В других университетах ситуация была иная: в Казани ректору пришлось брать всю тяжесть сотрудничества с властями на себя. Разумеется, многое могло зависеть и от места расположения университета. В больших городах противостоять революционному студенчеству властям и корпорации было сложнее, чем, например, в Юрьеве.

6. Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ «Кризис высшей школы 1911 года», проект №17-01-00222.

Литература

- 11 января 1911 г. – 11 января 1911 г. № 765. О временном недопущении публичных и студенческих собраний в стенах высших учебных заведений // *ЖМНП*. 1911. Ч. 31. Апрель. С. 41-43.
- Баринов, 2017 – Баринов Д.А. Кризис высшей школы 1911 г. в фокусе историографии // *Клио*. 2017. № 10. С. 106-117.
- Бенасик, 1909 – Бенасик М. Студенчество в цифрах по данным переписи 1907 года в Юрьеве. СПб.: О-во юрьев. студентов, 1909. 136 с.
- Брачев, 2013 – Брачев В.С. Студенческие волнения октября–декабря 1910 г. в Санкт-Петербургском университете // *Клио*. 2013. № 10 (82). С. 68-76.
- В университете (№ 27) – В университете // *Сибирская жизнь*. 1911. № 27. 4 февраля. С. 3.
- В университете (№ 30) – В университете // *Сибирская жизнь*. 1911. № 30. 8 февраля. С. 4.
- В университете (№ 31) – В университете // *Сибирская жизнь*. 1911. № 31. 9 февраля. С. 4.
- В университете (№ 33) – В университете // *Сибирская жизнь*. 1911. № 33. 11 февраля. С. 4.
- Гарафутдинов, 1969 – Гарафутдинов Ф. Студенты Казанского университета на новом этапе борьбы за свержение царизма (1910 – февраль 1917) // *Вестник студенческого научного общества Казанского университета. Общест. и гум. науки*. Казань, 1969. Вып. 2–3. С.1 01-106.
- Гилязов, 2009 – Гилязов И. Город Казань и Казанский университет в начале XX века // *Университет и город в России (начало XX века)*. М.: РОССПЭН, 2009. С. 460-583.
- Зайченко, 1960 – Зайченко П.А. Томский государственный университет им. В.В. Куйбышева. Очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет (1880–1955 гг.). Томск: Изд-во ТГУ, 1960. 478 с.
- Казанский, 1911 – Казанский П.Е. Совещание профессоров в декабре 1910 г. (доклад в Академическом клубе в Одессе). Одесса: Тип. «Рус. речи», 1911. 53 с.
- Ковтуненко, 2014 – Ковтуненко М.К. Движение правого академизма в Императорском Новороссийском университете в начале XX в. // *Электронный журнал «Вестник Московского государственного областного университета»*. 2014. № 1.
- Корбут, 1930 – Корбут М.К. Казанский государственный университет за 125 лет. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1930. Т. 2. 211 с.
- Мейлах, 1960 – Мейлах Б.С. Уход и смерть Льва Толстого. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1960. 405 с.
- Портной, 1940 – Портной И.Л. Студенческое движение в Одесском университете в 1900–1914 гг. // *Одесский университет за 75 лет*. Одесса: Б.и., 1940. С. 69-120.
- Протокол... 27 мая – Протокол заседания Совета Императорского Университета Св. Владимира 27 мая 1911 г. // *Университетские известия*. 1912. № 3.
- Протокол... 18 марта – Протокол заседания Совета Императорского Университета Св. Владимира 18 марта 1911 г. // *Университетские известия*. 1911. № 11.
- Протокол... 21 января – Протоколы заседаний Совета Императорского Университета Св. Владимира 21 января, 18 февраля и 1 марта 1911 г. // *Университетские известия*. 1911. № 7.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Рихтер, 2004 – Рихтер З. Хочу, чтобы жили // *Лехаим*. 2004. Март. № 3 (143). [Электронный ресурс]. URL: <http://lechaim.ru/ARCHIV/143/rihter.htm> (дата обращения: 08.09.2017).
- Ростовцев, Сидорчук, 2019 – Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В. Миф о Л.А. Кассо // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2019. № 57. С. 14-22.

- [Ростовцев, 2017](#) – *Ростовцев Е.А.* Столичный университет Российской империи. М.: РОССПЭН, 2017. 903 с.
- [Сироткина, 2008](#) – *Сироткина И.* Классики и психиатры: Психиатрия в российской культуре конца XIX – начала XX веков. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 272 с.
- [Толстовские дни](#) – Толстовские дни в Томске // *Сибирская жизнь*. 1910. № 251. 11 ноября. С. 3.
- [Томский университет](#) – Томский университет. 1880–1980 / Отв. ред. М.Е. Плотникова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. 492 с.
- [Фоминых, Некрылов, 2012](#) – *Фоминых С.Ф., Некрылов С.А.* Неудобный властям профессор: как увольняли И.А. Малиновского из Императорского Томского университета // *Часопис Національного університету «Острозька академія». Серія «Право»*. 2012. № 2 (6). С. 1-31.
- [ЕАА](#) – Eesti Ajalooarhiiv (Исторический архив Эстонии).

References

- [At the university \(No. 27\)](#) – V universitete [At the university]. *Siberian Life*. 1911, no. 27. February 4th, p.3. [in Russian]
- [At the university \(No. 30\)](#) – V universitete [At the university]. *Siberian Life*. 1911, no. 30. February 8th, p.4. [in Russian]
- [At the university \(No. 31\)](#) – V universitete [At the university]. *Siberian Life*. 1911, no. 31. February 9th, p.4. [in Russian]
- [At the university \(No. 33\)](#) – V universitete [At the university]. *Siberian Life*. 1911, no. 33. February 11th, p.4. [in Russian]
- [Barinov, 2017](#) – *Barinov D.A.* (2017). Krizis vysshey shkoly 1911 g. v fokuse istoriografii [The crisis of high school in 1911 in the focus of historiography]. *Clio*, no. 10, p. 106-117. [in Russian]
- [Benasik, 1909](#) – *Benasik M.* (1909). Studenthood in numbers according to the 1907 census in Yuriev. St Petersburg, Yuriy. Students fratern., 136 p. [in Russian]
- [Brachev, 2013](#) – *Brachev V.S.* (2013). Studencheskiye volneniya oktyabrya – dekabrya 1910 g. v Sankt-Peterburgskom universitete [Student unrest in October – December 1910 at St. Petersburg University]. *Clio*, no. 10, pp. 68-76. [in Russian]
- [ЕАА](#) – Eesti Ajalooarhiiv (Historical Archive of Estonia).
- [Fominykh, Nekrylov, 2012](#) – *Fominykh S.F., Nekrylov S.A.* (2012). Neugodnyy vlastyam professor: kak uvol'nyali I.A. Malinovskogo iz Imperatorskogo Tomskogo universiteta [Professor, objectionable to the authorities: how IA was fired Malinowski from the Imperial University of Tomsk]. *Chasis of the National University "Ostrozka Academy". Seriya "Law"*, no. 2 (6), pp. 1-31.
- [Garafutdinov, 1969](#) – *Garafutdinov F.* (1969). Studenty Kazanskogo universiteta na novom etape bor'by za sverzheniye tsarizma (1910 – fevral' 1917) [Students of Kazan University at a new stage in the struggle to overthrow tsarism (1910 – February 1917)]. *Bulletin of the Student Scientific Society of Kazan University*. Kazan, Is. 2-3. pp. 101-106. [in Russian]
- [Gilyazov, 2009](#) – *Gilyazov I.* (2009). Gorod Kazan' i Kazanskiy universitet v nachale XX veka [Kazan city and Kazan University at the beginning of the 20th century]. *University and city in Russia (beginning of the 20th century)*. Moscow, ROSSPEN, pp. 460-583. [in Russian]
- [January 11, 1911](#) – 11 yanvarya 1911 g. № 765. O vremennom nedopushchenii publichnykh i studencheskikh sobraniy v stenakh vysshikh uchebnykh zavedeniy [January 11, 1911 No. 765. On the temporary prohibition of public and student meetings in the walls of higher educational institutions]. *Journal of ministry of education*. 1911. Part 31. April, pp. 41-43. [in Russian]
- [Kazanskiy, 1911](#) – *Kazanskiy P.E.* (1911). Soveshchaniye professorov v dekabre 1910 g. (doklad v Akademicheskome Klube v Odesse) [Meeting of professors in December 1910 (report at the Academic Club in Odessa)]. Odessa: type. "Rus. speech", 53 p. [in Russian]
- [Korbut, 1930](#) – *Korbut M.K.* (1930). Kazanskiy gosudarstvennyy universitet za 125 let [Kazan State University for 125 years]. Kazan: Kazan Publishing House of Univ., vol. 2, 211 p. [in Russian]
- [Kovtunen, 2014](#) – *Kovtunen M.K.* (2014). Dvizheniye pravogo akademizma v Imperatorskom Novorossiyskom universitete v nachale XX v. [The movement of right academism at the Imperial Novorossiysk University at the beginning of the twentieth century]. *Electronic journal "Bulletin of Moscow State Regional University."*, no 1. [in Russian]
- [Meilakh, 1960](#) – *Meilakh B.S.* (1960). Ukhod i smert' L'va Tolstogo. [Leaving and death of Leo Tolstoy]. Moscow, State. publishing house literature, 405 p. [in Russian]
- [Portnoy, 1940](#) – *Portnoy I.L.* (1940). Studencheskoye dvizheniye v Odesskom universitete v 1900-1914 gg. [Student movement at Odessa University in 1900-1914]. *Odessa University for 75 years*. Odessa, pp. 69-120. [in Russian]
- [Protocol... January 21](#) – Protokoly zasedaniy Soveta Imperatorskogo Universiteta Sv. Vladimira 21 yanvarya, 18 fevralya i 1 marta 1911 g. [Protocol of meetings of the Council of the Imperial University of St. Vladimir on January 21, February 18 and March 1, 1911]. *University News*. 1911, no. 7. [in Russian]

Protocol... March 18 – Protokol zasedaniya Soveta Imperatorskogo Universiteta Sv. Vladimira 18 marta 1911 g. [Protocol of the meeting of the Council of the Imperial University of St. Vladimir March 18, 1911]. *University News*. 1911, no. 11. [in Russian]

Protocol... May 27 – Protokol zasedaniya Soveta Imperatorskogo Universiteta Sv. Vladimira 27 maya 1911 g. [Protocol of the meeting of the Council of the Imperial University of St. Vladimir May 27, 1911]. *University News*. 1912, no. 3. [in Russian]

RGIA – Russian State Historical Archive.

Richter, 2004 – *Richter Z.* (2004). Khochu, chtoby zhili [I want them to live]. *Lechaim*. March. No. 3 (143). [Electronic resource]. URL: <http://lechaim.ru/ARHIV/143/rihter.htm> (accessed: 08.09.2017). [in Russian]

Rostovtsev, 2017 – *Rostovtsev E.A.* (2017). Stolichnyy universitet Rossiyskoy imperii [Capital University of the Russian Empire]. Moscow, ROSSPEN, 903 p. [in Russian]

Rostovtsev, Sidorchuk, 2019 – *Rostovtsev E.A., Sidorchuk I.V.* (2019). Mif o L.A. Kasso [The myth of L.A. Kasso]. *Bulletin of Tomsk State University. History*, no. 57, pp. 14-22. [in Russian]

Sirotkina, 2008 – *Sirotkina I.* (2008). Klassiki i psikhiatry: Psikhiatriya v rossiyskoy kul'ture kontsa XIX – nachala XX veka. [Classics and psychiatrists: Psychiatry in Russian culture of the late XIX – early XX centuries]. Moscow, New Literary Review, 272 p. [in Russian]

Tolstovskiy dni... – Tolstovskiy dni v Tomske [Tolstoy Days in Tomsk]. *Siberian Life*. 1910. No. 251. 11th of November, p. 3. [in Russian]

Tomsk University – Tomskiy universitet. 1880–1980 [Tomsk University. 1880-1980]. Ed. M.E. Plotnikova. Tomsk: Publishing House of Tom. University, 1980. 492 p. [in Russian]

Zaichenko, 1960 – *Zaichenko P.A.* (1960). Tomskiy gosudarstvennyy universitet im. V.V. Kuybysheva. Ocherki po istorii pervogo sibirskogo universiteta za 75 let. (1880–1955 gg.) [Tomsk State University V.V. Kuibyshev. Essays on the history of the first Siberian University in 75 years. (1880–1955)]. Tomsk: Publishing house of TSU, 478 p. [in Russian]

Кризис 1911 г. в провинциальных университетах

Евгений Анатольевич Ростовцев ^{a,*}, Дмитрий Андреевич Баринов ^a, Илья Викторович Сидорчук ^a

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Целью статьи является исследование событий кризиса высшей школы Российской империи в 1911 г., так называемого «кризиса Кассо», на примере пяти провинциальных университетов – Новороссийского, святого Владимира в Киеве, Юрьевского, Томского и Казанского. Традиционно данный период в истории высшей школы Российской империи рассматривался на примере столичных вузов. Данная работа призвана выяснить, была ли реакция на кризис в выбранных университетах лишь отголоском событий в Санкт-Петербурге и Москве или можно говорить об уникальных сценариях его развития. Исследование опирается на широкий круг архивных и опубликованных источников, в том числе не введенных в научный оборот. В результате проведенного исследования авторский коллектив пришел к выводу о том, что ход кризиса, его основные движущие силы, позиции профессуры и студенчества в разных университетах империи были весьма схожи. Общими для провинциальных университетов и объединяющими их со столичными были представления о важности академической свободы, нежелание исполнять полицейские функции, стремление смягчить удар репрессий против студентов. Одновременно тактика университетов была различной и зависела как от состава профессорских корпораций, так и от региона, к которому принадлежал университет.

Ключевые слова: Высшая школа Российской империи, кризис Кассо, история университетов, 1911 г., Новороссийский университет, Юрьевский университет, Университет св. Владимира в Киеве, Казанский университет, Томский университет, студенческое движение.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: e.rostovtsev@spbu.ru (Е.А. Ростовцев), d.barinov@spbu.ru (Д.А. Баринов), i.sidorchuk@spbu.ru (И.В. Сидорчук)

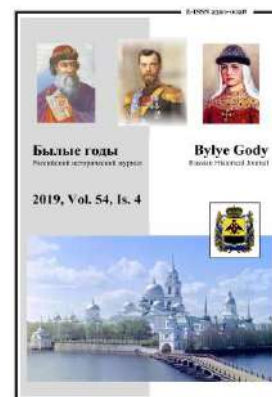
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1887-1895. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1887
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Socio-Political Situation in the Russian Empire at the beginning of the 20th century in Anonymous Reports of Citizens in the Moscow Security Department (1912–1913 years)

Aleksey V. Fedyakin ^{a,*}, Andrey S. Semchenkov ^a, Sergey V. Medvedev ^a, Pavel Ja. Feldman ^b

^a Russian university of transport, Russian Federation

^b The Academy of labour and social relations, Russian Federation

Abstract

The article investigates anonymous appeals of citizens to the Moscow security Department. The townsfolk were concerned about the safety of members of the Imperial family, offered their assistance in the detection of suspicious persons, informed the police about the upcoming secret meetings of the revolutionaries. Anonymous letters demonstrate a wide range of public fears and claims to the authorities in the years preceding the First World war. Quite often in anonymous denunciations – threats the Grand Duke Sergey Aleksandrovich killed by the terrorist in 1905 was mentioned. The revolutionary-minded authors of the letters thus tried to extrapolate the events of the First revolution in Russia for the period 1912-1913. With the same purpose in letters images of the dissatisfied public, the illegal secret organizations using in the anti-government activity aircraft were used. On the eve of the visits of Nicholas II and the Imperial family to Moscow recorded an increase in the number of anonymous letters to the police. Many of them are marked "urgent", which meant the need for more rapid investigation. The most resonant reports could be interested in the Director of the police Department, who, in turn, demanded from the head of the Moscow security Department a report on the results of the inspection.

Keywords: anonymous appeals, Moscow security Department, Nicholas II, students, revolutionaries, secret meetings, Russian empire.

1. Введение

Межреволюционный предвоенный период истории страны отличался ростом настороженности и подозрительности в общественно-политических отношениях. Террор партии эсеров, «постоянная преступность в стране, которая напряжена до крайней степени» (Розанов, 2011: 226), «миллион слухов и сплетен..., полный разлад и бестолковщина; и правительство, и Дума в глубоком упадке» (Представительные учреждения, 2014: 351), газетные статьи об «исторической необходимости общеевропейской войны» (Селезнев, 2017: 21), скандалы, сотрясавшие Департамент полиции: «полицейских чинов нередко убивали их агенты, которым, казалось, можно абсолютно доверять» (Васильев, 2004: 374) – все эти факторы подогревали общественные страхи, создавая атмосферу эсхатологических ожиданий. Несмотря на то, что «этническая дискриминация наблюдалась почти исключительно в отношении некрещеных евреев» (Миронов, 2017: 177), поляки, китайцы и немцы периодически вызывали подозрения у бдительных граждан, обращавшихся в полицию с просьбами проверить жилища иноверцев (Медведев, 2018: 324-329). Иногда этнофобии объединялись в причудливый коктейль воображаемых опасностей, в результате чего начальники местных охранных отделений направляли в Департамент полиции сообщения следующего содержания: «Ныне уже все открыто говорят о предстоящем будто бы на Пасху или в другое благоприятное время погроме евреев.

* Corresponding author

E-mail addresses: avf2010@yandex.ru (A.V. Fedyakin), andsem4@yandex.ru (A.S. Semchenkov), speransky1809@yandex.ru (S.V. Medvedev), pavelfeld@mail.ru (P.Ja. Feldman)

Причиной возбуждения служат весьма распространенные толки о том, будто бы евреи снабдили японцев деньгами для ведения войны с Россией и они же ныне с помощью захваченной в свои руки американской прессы настраивают Северные штаты против русских» (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 231. Д. 555. Л. 19). Губернаторы разделяли тревожные настроения, и, как следствие, некоторые из них могли запрещать невинные развлечения. К примеру, в 1910 году тверской губернатор Н.Г. фон-Бюнтинг на основании положения об усиленной охране запретил устраивать танцы (Менделеев, 2017: 241).

2. Материалы и методы

Источниковую базу статьи составили материалы Государственного архива Российской Федерации. В фонде Московского охранного отделения (Ф. 63) в деле № 44 за разные годы хранится большой массив анонимных донесений в полицию. В качестве вспомогательных материалов использовались архивное дело, посвященное юбилейным торжествам 1913 года в честь 300-летия дома Романовых (ГА РФ. Ф. 63. Оп. 33. Д. 91), и заявления соискателей, стремившихся устроиться на работу в Московское охранное отделение (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 106. Д. 29. Т. 2). Небольшое число доносов включали в свои воспоминания деятели политического сыска (Охранка, 2004). Чаще всего они не цитировались, авторы мемуаров сообщали общую канву дела. То же самое можно сказать о нашумевших воспоминаниях А.И. Спиридовича (Спиридович, 1991), В.Д. Новицкого (Новицкий, 2019) и Л.П. Меньщикова (Меньщиков, 2017).

Статья написана на основе принципов историзма и объективизма. В работе применен метод источниковедческого анализа с целью определения внутренней непротиворечивости документа и интерпретации его содержания. Исследование осложнялось не всегда понятным почерком авторов анонимных доносов. Использовался метод контент-анализа, предполагающий сопоставление информации, содержащейся в анонимках, с историческим контекстом. Выборка источников осуществлялась по принципу соответствия их содержания наиболее значимым общественно-политическим проблемам России начала XX века.

3. Обсуждение

Анонимные донесения в охранные отделения городов Российской империи достаточно редко выступали объектами специальных исследований. На современном этапе развития исторической науки большую часть анонимных донесений в Московское охранное отделение с 1902 по 1911 годы опубликовал один из авторов настоящей статьи (Медведев, 2018). В научной периодике обсуждается степень вовлеченности сотрудников охранных структур в работу с информацией секретных агентов или доносчиков из числа общественности. Так, Д.А. Бакшт обращает внимание на то, что после Первой революции в России оперативная работа претерпела изменения к лучшему: «Офицеры ОКЖ (Отдельный Корпус жандармов – Авт.) до Первой революции в России в массе пренебрегали подобной работой... Это было следствием как принципиального неприятия «шпионства», так и отсутствия опыта. Исключение составляли столичные охранные отделения» (Бакшт, 2014: 214). Исследователь А.Б. Гуларян на примере Орловской губернии доказывает невозможность эффективной работы полиции из-за того, что разные ведомства выполняли одни и те же функции: «Общий надзор за состоянием умов жителей губернии осуществляло Орловское ГЖУ. Кроме него, на ее территории действовали отделения Московского, Воронежского и Минского жандармских полицейских управлений железных дорог, а также Московское охранное отделение, считавшее зоной своей ответственности всю Центральную Россию» (Гуларян, 2011: 99). Не удивительно, что при такой разнонаправленной напряженной работе Московского охранного отделения информация по некоторым анонимкам не проверялась. Доносы предполагали некоторую обратную связь: чины охранки пытались понять, авторы каких сообщений представляют интерес для полиции, а каких – нет. Во многом их представления об образе жизни, круге общения потенциальных информаторов основывались на сообщениях агентов наружной службы – филеров (Лярский, 2018).

Особенности делопроизводства охранного отделения на примере Нижегородской губернии были рассмотрены исследователем Н.В. Воскобойниковой. Она отметила, что документы, поступающие в отделение, регистрировались не четко, случались частичные утраты. «Резолюции чаще всего были краткими: «исполнить», «разрешить», «к руководству», «к разработке... На отдельных документах имеются отметки об исполнении: «отослано в Департамент полиции», «в Московское охранное отделение», «исполнено», «доложено»» (Воскобойникова, 2011: 22). Подобные резолюции имеются и на анонимных донесениях.

Для исследуемой темы представляет интерес монография В.С. Измозика, анализирующего деятельность перлюстративных учреждений Российской империи (Измозик, 2015). Привлекались научные монографии и статьи по другим темам: история полицейских учреждений (Дунаева, 2012; Перегудова, 2000); юбилейные торжества, посвященные 300-летию дома Романовых в 1913 году (Алленова, 2014; Артамонова, 2015; Лиманова, 2013).

4. Результаты

В 1912–1913 годах анонимные обыватели довольно активно сообщали в полицию сведения о неблагонадежных лицах. Так, 17 января 1913 года неизвестный написал на имя начальника Московского охранного отделения А.П. Мартынова донос следующего содержания: «Как верный сын России, сообщаю Вам, что сегодня мне случайно удалось узнать в кофейне Филиппова: в квартире дворянина Фадея Осиповича Стадковского около 12 часов ночи назначено собрание студентов и рабочих, о чем сообщаю Вам для распоряжения, так как Стадковского я знаю как главного революционера» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 32. Д. 44. Л. 405). Несмотря на то, что автор называл фамилии, указывал место встречи потенциальных революционеров, чины Московского охранного отделения не заинтересовались приведенной информацией. Гораздо больше шансов привлечь внимание полицейских имели письма, в которых упоминались венценосные особы. Как показывает изучение документов, практичски по всем подобным сообщениям, даже имевшим заведомо фантастическое содержание, проводились проверки. В 1912 году обеспокоенный подданный Империи сообщил: «За рекой Москвой убивают людей частных и сыщиков, как клопов, вырывают у живых внутренности, затем сжигают и бросают в реку или превращают в золу электрическим током и прочими новейшими способами. Невинных девиц приносят в жертву по способу праотца Авраама, перерезая кривыми шехтерными ножами горло. Тут живут и убившие Великого Князя (имеется в виду великий князь Сергей Александрович, убитый эсером И.П. Каляевым 4 (17) февраля 1905 г. – Авт.) и подготовлявшие убийство 28 числа Государя. Коровий вал – место резни» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 32. Д. 44. Л. 252). Данное письмо отражает сразу несколько стереотипных страхов начала XX века: неспособность полиции защитить себя, ритуальные убийства, политический террор радикальных социалистов.

Количество анонимных сообщений в Московское охранное отделение увеличивалось в периоды масштабных событий, вызывавших интерес общественности. 30 мая 1912 года Москву посетил император Николай II с целью присутствия на торжествах, посвященных открытию памятника его отцу – Александру III. Предваряли визит анонимные доносы, сигнализировавшие об опасных для безопасности царя людях: «Ввиду приезда в Москву Государя мы обращаемся к Вам с покорнейшей просьбой, не найдется ли возможным удалить одного цыгана, проживающего в деревне Дубровка, в доме Сосина, зовут его Сергей Иванов Золотарев, который в компании и вообще отдельно старается не слишком цензурно выражаться к личностям Высочайших Особ. Если вы у него сделаете обыск, то он может быть безрезультатен – человек более чем осторожен. Всегда много у него разговора относительно того, что хорошо бы в России было народное правление, а не государство. Я как человек служил еще Александру II и меня страшно возмущают его подобные разговоры. Он меня называет черной сотней, что до глубины сердца к Царю меня огорчает» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 32. Д. 44. Л. 187). За два дня до приезда Николая II охранка получила письмо-мольбу неизвестного: «Ради Бога, не допустите Государя Императора быть в дворянском институте. Среди охраны есть личности ненадежные» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 32. Д. 44. Л. 218). Данное сообщение с пометкой «срочно» было передано начальнику дворцовой Охранной агентуры А.И. Спиридовичу. Иногда анонимы сообщали точные адреса потенциальных террористов: «В связи с готовящимся покушением на Особу Его Императорского Величества, прошу арестовать проживающего в доме № 11 кв. № 12 по Грохольскому переулку Николая Ефремовича Бителева» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 35. Д. 44. Л. 110).

Традиционно подозрение общественности вызывали студенты. В письме, по периметру которого были написаны фразы «многая лета!» и молитва «Спаси Господи люди твоя», указывалось: «Покушение на жизнь Его Императорского Величества Государя Императора Николая Александровича и его супругу Государыню Императрицу Александру Федоровну. Прошу Вас, сообщите Его Величеству. В Москве очень много злых людей, среди студентов и простонародья (мужиков)» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 32. Д. 44. Л. 244-245). Полицейские надзиратели регулярно отчитывались по итогам проверок студенческих общежитий: «Согласно анонимного заявления, мной проверено общежитие студентов имени Великого Князя Сергея Александровича, по Малой Царицынской улице, в котором никаких подозрительных лиц не установлено, а также «Фени Мордвиновой», упоминаемой в том же заявлении, не обнаружено» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 32. Д. 44. Л. 65). Нередко под подозрение попадали и преподаватели: «Благоволите немедленно сделать обыск в квартире врача Петра Александровича Павлова, Ипатьевский проезд, и наобласти за его лекциями гг. студентам» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 33. Д. 44. Л. 23).

Уже после отбытия Николая II в Петербург охранное отделение в Москве получило письмо анонима: «В Грузинах живет в былое время безызвестная личность Людмила Павловна Гунько, которую муж бросил, благодаря ее развратному поведению и умению обделывать темные дела, так что об этом никто ничего не знает. В настоящее время эта женщина задумала покушение на Его Императорское Величество Наследника-Цесаревича. План этот был задуман ею еще в последний приезд Государя Императора в Москву в мае и не приведен был в исполнение, благодаря только физиологическим причинам – ожидаемому ребенку от неизвестного лица» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 32. Д. 44. Л. 294). Следует отметить, что незадачливого доносчика не смущал тот факт, что он мог быть принят за соучастника беременной террористки.

В анонимках, помимо императора и наследника, упоминалась императрица Александра Федоровна: «Уроженец Полтавы доктор Герасимович, директор какого-то приюта нянь. Приют этот находится под покровительством Государыни Императрицы. Все родственники этого доктора революционным духом пропитаны до мозга костей; его два брата уже сидели в тюрьме. Старший редактировал и издавал в Полтаве революционную газету «Колокол», которую, слава Богу, закрыли, а самого редактора посадили в тюрьму, но приехал брат доктор и на освобождение внес залог. Он защищал всех бомбистов-анархистов и прочих жидов и жидовствующих негодяев, говоря, что эти «передовые люди» делают добро потомству» (ГА РФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 105. Д. 29. Т. 2. Л. 42-43).

Защита императорской фамилии была частой темой анонимных писем в полицию еще в период Первой революции в России. В качестве примера можно привести не совсем обычный донос, написанный в молитвенном стиле и адресованный генерал-губернатору Санкт-Петербурга Д.Ф. Трепову: «Идите с благословением Господа охраняйте Самодержавный Трон и Великого Государя Нашего Николая Александровича и матушку Святую Русь от крамолы и анархии по слову апостола Павла. Для того Войноначальник (так в тексте – Авт.) носит меч, чтобы карать зло – карайте зло без пощады с молитвою Отче Наш (3 раза)... Поищите, Дмитрий Федорович, в музее, не найдется ли там Петровской Дубинки, прочтите бы этих негодяев...» (ГАРФ. Ф. 1723. Оп. 2. Д. 53. Л. 166).

Интересно, что анонимы, пытавшиеся защитить царскую семью от лихих людей, называли себя псевдонимами, не оставлявшими сомнений в их благонадежности. Их письма пестрят подписями всевозможных «сведущих монархистов», «правых», «заезжих провинциалов», «членов Союза Русского народа», «патриотических граждан». Описывая революционеров, они с удовольствием вдавались в детали их личной жизни, не стеснялись сдабривать свои тексты превосходными степенями их злонамеренности (к примеру, иногда употреблялось выражение «самый красный», свидетельствующее об особой опасности преступного лица). Письма нередко изобиловали повторами, хвастовством и ожиданием награды, намеренным «сгущением красок». К примеру, 7 сентября 1912 года неизвестный написал донос на бахромщицу Иванову: «Прошу проследить за одной женщиной, которая глумится над нашим Великим Монархом Великим Государем, но так как я дорожу и люблю своего Государя, то я не терплю и не хочу умолчать, а хочу Вас предупредить, чтобы эта баба не наделала вреда и зла. Так как она даже выразилась, что у ней бы рука не дрогнула чем-нибудь в него запустить, то я не в силах был себя побороть и хотел ее предать суду, но я человек заезжий, мне некогда было с ней канителиться, и вот я со станции Вам пишу и прошу Вас прибрать ее и не дать ей чего-либо наделать... Она с мужем не живет 12 лет» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 32. Д. 44. Л. 338). Иногда анонимы настолько увлекались слежкой за неблагонадежными элементами, что начинали писать от лица внештатного агента полиции. Так, 21 февраля 1913 года неизвестный мужчина описывал порядки, царившие в 4-й мужской гимназии на улице Покровке: «В гимназии проживает некто Демуров, «эконом», за которым я слежу более месяца. Три дня тому назад мне чуть не удалось его арестовать и доказать его преступную деятельность, направленную против пока не скажу кого, потому что за это дают награды, каковую я и получу, то есть надеюсь на Вас, что Вы поблагодарите меня. А почему я его не арестовал – так боялся, зная его авторитетность и решительность» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 33. Д. 44. Л. 49).

Некоторые анонимы через полицию пытались улучшить свое финансовое положение, не брезгуя сочинением фантастических историй. Неизвестный, подписавшийся загадочным псевдонимом «Дрек», писал в Московское охранное отделение 17 февраля 1913 года: «Во флоте, среди некоторых команд, вновь начинается брожение... «Потемкинцы» и «Очаковцы» объединили все кружки в одну общую организацию «Мстителей». Кроме того, есть предположения вступить в союз с Кавказом и Польшей (Коммерческий и Добровольный флот уже согласны). В недалеком будущем будет съезд руководителей, на котором будет возбужден вопрос о приобретении летательного аппарата» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 33. Д. 44. Л. 33). Далее аноним требовал предоставления комнаты, пишущей машинки «Ундервуд» или «Стевер» и суммы в размере трехсот рублей. Одним из главных условий своей деятельности потенциальный агент называл невмешательство полицейских. Известно, прислушались ли чины полиции к советам «многобещающего агента».

Иногда анонимы жаловались на действия самих полицейских. Как правило, это было связано с личными конфликтами с сотрудниками полиции. Так, некий «Иван Сидоров Михайлов» сообщал начальнику Московского охранного отделения: «29 января ко мне собрались члены союза русского народа, но околоточный надзиратель (так в тексте – Авт.) не допустил нам собраться. Между тем в его околотке имеется дом в Новоандреевском участке, Старообрядческая улица, дом бывший Белякина, ежедневно по ночам собираются собрания неизвестных лиц, которых держат без прописки. Околодочного этого околотка Марцевича можно за плату 5 и 10 рублей в месяц купить, и он допустит даже устройство подпольной типографии» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 33. Д. 44. Л. 61-62). Апеллирование к Союзу русского народа служило для обращающихся в полицию своего рода «охранной грамотой», подтверждением добропорядочных политических убеждений. В Государственном архиве Российской Федерации хранится письмо одного из лидеров Союза русского народа имени Михаила Архангела, депутата Государственной думы В.М. Пуришкевича, в котором он ходатайствует о принятии на работу в полицию своего соратника путем выдачи ему удостоверения: «Выдано от Главной Палаты Русского

народного Союза имени Михаила Архангела сыну крестьянина Гродненской губернии Владимиру Антоновичу Шульжинскому в том, что он, состоя на службе в канцелярии Главной Палаты с 31 декабря 1909 года, вел себя благоправно, с усердием исполняя возложенные на него обязанности, и выказал способность к канцелярскому делу и толковому выполнению поручений, что и свидетельствуется надлежащими подписями с приложением печати Союза» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 106. Д. 29. Т. 2. Л. 304).

Целый ряд доносов посвящен проживанию подозрительных лиц без прописки. Так, в преддверии Первой мировой войны население все чаще обращало внимание на немцев, отправляя в охранку письма подобного содержания: «В доме 10, квартире 8, по 2 Ямской улице, в районе вверенного Вам участка, четыре ночи ночевал без прописки приехавший из Риги немец» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 33. Д. 44. Л. 108). Похожее сообщение описывало ситуацию, сложившуюся в доме по Мясницкой улице: «В доме № 24, Строгановское училище, в квартире № 10, парадный ход с улицы, бельэтаж, нанимаемой евреем Самуилом Ефимовичем Ратнером, находится очень много и очень часто разных подозрительных личностей, которые проживают, или вернее сказать, только спят, совершенно неприписанными. Все это происходит обделанно, сшито и крыто, совершенно незаметно для глаза постороннего и даже швейцара...» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 33. Д. 44. Л. 77).

Рабочий вопрос также представлен в анонимных сообщениях. Жительницу Москвы под псевдонимом «Фабричная» беспокоил некто Бурин, подстрекавший рабочих к устройству стачек: «Военный фельдшер из Лефортово Бурин переодевается в штатское платье, ходит на фабрики и подговаривает к восстанию, сделайте надзор и убедитесь» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 33. Д. 44. Л. 25).

В круг повышенного внимания обеспокоенных доносчиков попадали и армяне. Возможно, это было вызвано событиями, связанными с революционной армянской партией «Дашнакцутюн», поскольку в 1911 году через Москву в Петербург проследовал целый поезд с арестованными членами этой нелегальной организации (ГАРФ. Ф. 58. Оп. 8. Д. 1341). Аноним, подписавшийся «Другом русских», сообщал в полицию: «Честь имею доложить Вашему Превосходительству, что во всех городских учреждениях, в Городской управе, в благотворительном отделении городской управы, в ночлежном доме Ермакова, в городских посреднических конторах заведующими состоят армяне, заклятые враги русских и русского правительства. Они ведут усиленную пропаганду, и вообще армян допускать к бедному безработному люду – это непростительная ошибка» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 33. Д. 44. Л. 173). Похожие сообщения охранка получала и через два года, в январе 1915 г.: «Русский армянин Христофор Хаджиев, адвокат из Баку, якобы оказывает большие услуги туркам, специально занимаясь сбором сведений об офицерских войсках, отправляемых на кавказский фронт, для чего часто ездит по линии Баку-Тифлис-Москва» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 33. Д. 39. Т. 1. Л. 81).

Как уже отмечалось, 1913 год ознаменовал собой проведение многомесячных юбилейных торжеств, посвященных 300-летию правления династии Романовых в России. Несмотря на то, что существует довольно обширная литература, описывающая данное событие, исследователи практически не анализировали содержание доносов, связанных с участием Николая II и его семьи в праздновании «последнего юбилея империи» (Артамонова, 2015: 210-215; Алленова, 2014: 5-13; Романова, Романова, 2013: 193-204; Лиманова, 2013: 85-88). Официальные торжества в двух столицах начались 21 февраля 1913 года, ровно через 300 лет после избрания на царство первого царя из династии Романовых – Михаила Федоровича. Уже 1 февраля 1913 года московская политическая полиция получила письмо от начальника Тифлисского охранного отделения: «Сообщаю, что по полученным мной негласным сведениям, многие студенты выехали и уезжают из Москвы, чтобы избежать ответственности и опасности, ввиду ожидаемых в Москве беспорядков во время предстоящих юбилейных торжеств в сем феврале месяце» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 33. Д. 91. Л. 37). Так как столь нетривиальные известия направлял не аноним, а начальник полиции в довольно беспокойном в революционном отношении крае Российской империи, ими заинтересовались в Петербурге, в Департаменте полиции: «Департамент полиции просит Ваше Высокоблагородие сообщить о степени достоверности сведений, сообщенных Вам Начальником Тифлисского Охранного Отделения» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 33. Д. 91. Л. 62). Обнаружить ответ начальника Московского охранного отделения А.П. Мартынова директору Департамента полиции С.П. Белецкому не удалось. Интересно, что тревожные сообщения о ретирующихся из Москвы студентах соседствовали с фантастическими слухами городских обывателей о подземной жизни революционных деятелей: «Обращаюсь к Вашему Благородию с известием, что под землей, под городом, революционерами отливаются орудия, чтобы опять сделать восстание» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 34. Д. 44. Л. 14). Директор Департамента полиции С.П. Белецкий, не разделяя подобных панических настроений, в то же время предупреждал начальников Санкт-Петербургского и Московского охранных отделений о потенциальной опасности: «Социал-демократические организации предполагают в целях противодействия торжествам трехсотлетия дома Романовых устраивать митинги, демонстрации, преимущественно возле зданий фабрик и заводов и даже в тех случаях, если рабочим владельцами фабрик будет уплачено за дни празднеств. Примите меры к выяснению вожаков предполагаемых собраний и изъятию их по соглашению с административными властями из сферы влияния на рабочих» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 33. Д. 91. Л. 57). В феврале 1913 года переписка между полицейскими учреждениями Петербурга и

Москвы была настолько интенсивной, что министр внутренних дел Н.А. Маклаков был вынужден директивным порядком сократить ее объем: «Господин Управляющий Министерством приказал направить к 21 сего февраля на прекращение всей охранной переписки, по которой не предполагается возбуждать ходатайства о высылке привлеченных в отдаленные местности на продолжительный срок. Если по таким не вполне серьезным перепискам имеются арестованные, их надлежит освободить» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 33. Д. 91. Л. 51).

Принятые Московским охранным отделением меры позволили провести февральские торжества в Москве без серьезных инцидентов. Московский градоначальник А.А. Адрианов отчитывался в Департамент полиции: «Юбилейный день в Москве прошел без малейших попыток нарушить порядок какими-либо выступлениями. Чтение Манифеста, крестный ход перед войском на Красной площади прошли в полном порядке при большом стечении народа. Настроение в городе празднично-ликующее» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 33. Д. 91. Л. 64).

Одним из первых городов, которые посетила императорская семья в рамках весеннего путешествия, приуроченного к юбилейным торжествам, была Кострома. За несколько дней до 19 мая, дня посещения царем города, на имя губернатора П.П. Стремоухова пришло письмо, в котором извещалось о том, что ростовский комитет партии эсеров «организовывает всех своих членов во всех городах для посылки в Кострому и готовит убийство высокопоставленных лиц и министров во время майских торжеств» (Колесников, 2014: 34). Однако Московское охранное отделение получило тревожное сообщение раньше. Уже 9 мая 1913 года неизвестный писал в письмо на имя начальника Московского охранного отделения: «Имею честь предупредить Вас и просить ходатайства вашего перед новым Начальником Северных железных дорог, удостовериться и навести справки о личности П.П. Филонова, уволенного с разъездной службы за 1905 год со станции Ростов. По недоразумению вновь определен на ту же должность. Мы, как русские, подданные Его Императорского Величества, по случаю проезда Высочайших Особ между Москвою-Кострома, зная его полную неблагонадежность, просим об удалении его с Московского района» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 33. Д. 44. Л. 85).

В мае 1913 года московская полиция получила анонимку, содержащую угрозы в адрес императора Николая II. Что характерно, в письме упоминался великий князь Сергей Александрович, убийству которого в 1905 году предшествовали похожие анонимные письма с угрозами, приходившие в полицию (Медведев, 2018: 344-348). Подметное письмо было написано и отправлено за несколько дней до прибытия царской семьи в Москву: «22 мая автомобили доставили «высоких путешественников» в Ростов, из него поездом в Переяславль и 24 мая через Троице-Сергиеву Лавру в Москву» (Сазиков, 2018: 322). Неизвестный писал: «Передайте Царю, что народ им очень доволен, знает его благоденствия. Пусть ждет себе награду, как Сергей Александрович. Вы не думайте, что народ успокоился, нет, ох и будет погром, что страшно себе вообразить. Пусть каждый по делам своим. Свершилось» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 33. Д. 44. Л. 97). О письме было срочно сообщено начальнику Московского охранного отделения, началось оперативное расследование. В частности, начальник отделения А.П. Мартынов предлагал «офицерам, ведущим агентуру, сообщить, не представляется ли возможным по имеющимся в агентуре данным и по почерку наметить автора этого доноса-угрозы» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 33. Д. 44. Л. 94). В это же время начальника Московского охранного отделения заинтересовала личность дворника Егора Степанова, который служил в доме Миндовской, по Большой Спиридоновке. А.П. Мартынов предложил надзирателю I Арбатской части сообщить «о месте приписки, звании, фамилии, степени благонадежности дворника «Егора Степанова» – не ведет ли «Егор Степанов» разговоров с разными лицами: кощунственных о Боге, Церкви и святых и дерзких об Особах Царствующего Дома» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 33. Д. 44. Л. 91). Несмотря на ожидавшийся приезд Императора и связанные с этим событиями повышенные меры безопасности, Мартынов не предлагал Степанова арестовать или препроводить в охранное отделение для профилактической беседы.

5. Заключение

Анализ содержания писем анонимных авторов в Московское охранное отделение позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, письма в полицию можно считать своеобразным эпистолярным жанром: некоторые граждане писали на одну и ту же тему несколько раз. Во-вторых, большое количество писем анонимов с требованием защитить семью императора и его самого может свидетельствовать о размывании их представлений о монархе как защитнике подданных. В-третьих, судя по обращениям в полицию, обеспокоенные обыватели готовы были взять на себя функции выслеживания потенциальных революционеров, расследования преступлений и даже ареста подозреваемых, что, в свою очередь, свидетельствовало о недоверии к деятельности охранных отделений. Косвенным подтверждением правильности их восприятия работы полиции является тот факт, что «период 1914–1917 стал кризисным для провинциальных служб наружного наблюдения. Владимир Джунковский, товарищ министра внутренних дел и командующий Отдельным корпусом жандармов, запретил использовать унтер-офицеров в качестве филеров и сократил сеть районных охранных отделений» (Бакшт, 2016: 198).

Атмосфера всеобщей подозрительности, вызванная русско-японской войной, Первой революцией (1905–1907 гг.), громкими процессами разоблачения двойных агентов (к примеру, резонансное дело – разоблачение Е. Азефа, самого высокооплачиваемого агента Департамента полиции и одновременно главы боевой организации эсеров) и терактами против представителей власти, отразилась практически во всех анонимных доносах периода, непосредственно предшествовавшего Первой мировой войне. Ситуация осложнялась довольно высоким уровнем коррупции полицейских и их агентов, одной из причин которой было «небольшое жалование..., подталкивающее их к взяточничеству» (Храмцов, 2015: 26). Таким образом, анонимные письма жителей Российской империи в Московское охранное отделение 1912–1913 гг. демонстрируют репрезентативный срез общественных настроений и социально-политических страхов, которые послужили предпосылками для революционных событий 1917 г.

Литература

- Алленова, 2014 – Алленова В.А. Романовские торжества 1913 года в Воронежской губернии // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология*. 2014. № 3. С. 5-13.
- Артамонова, 2015 – Артамонова Л.М. Провинциальные особенности общероссийского торжества: Романовский юбилей 1913 года в Самаре / *Архивы и история Российской государственности. Сборник научных докладов*. Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, 2015. С. 210-215.
- Бакшт, 2014 – Бакшт Д.А. Секретный сотрудник жандармского управления между двумя революциями (на материалах Енисейской губернии, (1907–1917)) // *Вестник Красноярского педагогического государственного университета имени В.П. Астафьева*. 2014. № 1 (27). С. 213-217.
- Бакшт, 2016 – Бакшт Д.А. Органы политического сыска в Енисейской губернии в период упадка российской монархии (1880–1917). Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева. 2016. 305 с.
- Васильев, 2004 – Васильев А.Т. Охрана: русская секретная полиция // «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 345-515.
- Воскобойникова, 2011 – Воскобойникова Н.В. Делопроизводство охранного отделения Нижегородской губернии (1903–1913) // *Отечественные архивы*. 2011. № 3. С. 20-25.
- Гуларян, 2011 – Гуларян А.Б. Революционеры и жандармы в Орловской губернии в 1894–1904 годах // *Российская история*. 2011. № 6. С. 97-108.
- Дунаева, 2012 – Дунаева А.Ю. Реформы полиции в России начала XX в. и Владимир Федорович Джунковский. М.: Объединенная редакция МВД России, 2012. 319 с.
- Измозик, 2015 – Измозик В.С. «Черные кабинеты»: история российской перлюстрации. XVIII – начало XX века. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 696 с.
- Колесников, 2014 – Колесников В.А. Николай II на праздновании 300-летия дома Романовых в Костроме / *Костромская земля в жизни великой России. Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 70-й годовщине образования Костромской области*. Сост. и отв. ред. А.Р. Наумов. 2014. С. 33-35.
- Лиманова, 2013 – Лиманова С.А. Последний юбилей империи // *Родина: исторический научно-популярный журнал*. 2013. № 12. С. 85-88.
- Лярский, 2018 – Лярский А.Б. Социальные сети петербуржца начала XX века // *Вестник СПбГУ. История*. 2018. Т. 63. Вып. 2. С. 398-415.
- Медведев, 2018 – Медведев С.В. Эксперимент Зубатова. Легализация рабочего движения в первые годы XX столетия. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2018. 375 с.
- Менделеев, 2017 – Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни. Обрывки воспоминаний 1864–1933. М.: Кучково поле, 2017. 752 с.
- Меньщиков, 2017 – Меньщиков Л.П. Охрана и революция. К истории тайных политических организаций, существовавших во времена самодержавия. Часть II. Выпуск II. М.: Мосполиграф, 1929 (репринт 2017). 142 с.
- Миронов, 2017 – Миронов Б.Н. Об этнической дискриминации в поздней имперской России // *Вестник СПбГУ. История*. 2017. Т. 62. Вып. 1. С. 164-185.
- Новицкий, 2019 – Новицкий В.Д. Воспоминания тяжелых дней моих службы в корпусе жандармов. М.: Юрайт, 2019. 259 с.
- Охранка, 2004 – «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 1, 2. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 512 с.; 600 с.
- Перегудова, 2000 – Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917). М.: Российская политическая энциклопедия, 2000. 430 с.
- Представительные учреждения..., 2014 – Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. Материалы перлюстрации Департамента полиции. М.: РОССПЭН, 2014. 718 с.
- Розанов, 2011 – Розанов В.В. Террор против русского национализма. Статьи и очерки 1911 г. М.: Республика, 2011. 413 с.

Романова, Романова, 2013 – Романова Г.В., Романова А.В. Романовские торжества в Симбирской губернии в 1913 году (по документам Государственного архива Ульяновской области) // *Симбирский научный вестник*. 2013. № 1 (11). С. 193–204.

Сазиков, 2018 – Сазиков А.В. Оформление Москвы в дни празднования 300-летия дома Романовых // *Вестник славянских культур*. Т. 49. М., 2018. С. 320–326.

Селезнев, 2017 – Селезнев Ф.А. Революция 1917 г. и борьба элит вокруг вопроса о сепаратном мире с Германией. СПб.: Алетейя, 2017. 180 с.

Спиридович, 1991 – Спиридович А.И. Записки жандарма. М.: Первая образцовая типография, 1991. 268 с.

Храмцов, 2015 – Храмцов А.Б. Привлечение чинов полиции Томской губернии за противоправные действия к ответственности в 1914–1916 гг. // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2015. № 2 (34). С. 26–29.

References

Allenova, 2014 – Allenova V.A. (2014). Romanovskie torzhestva 1913 goda v Voronezhskoj gubernii [Romanov celebrations in 1913 in the Voronezh province]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija. Politologiya. Sotsiologiya*, No 3, pp. 5–13. [in Russian]

Artamonova, 2015 – Artamonova L.M. (2015). Provincial`ny`e osobennosti obshherossijskogo torzhestva: Romanovskij yubiley 1913 goda v Samare [Provincial features of the all-Russian celebration: Romanovskiy anniversary of 1913 in Samara]. *Arkhivy i istoriya Rossiiskoi gosudarstvennosti. Sbornik nauchnykh dokladov*. Institut istorii Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, Sankt-Peterburg, pp. 210–215. [in Russian]

Baksht, 2014 – Baksht D.A. (2014). Sekretnyj sotrudnik zhandarmskogo upravlenija mezhdum dvumja revoljucijami (na materialah Enisejskoj gubernii, (1907–1917) [Secret officer of the gendarmerie administration between the two revolutions (based on materials from the Yenisei province, (1907–1917)]. *Vestnik Krasnoyarskogo pedagogicheskogo gosudarstvennogo universiteta imeni V.P. Astaf'eva*, No. 1 (27). pp. 213–217. [in Russian]

Baksht, 2016 – Baksht D.A. (2016). Organy` politicheskogo sy`ska v Enisejskoj gubernii v period upadka rossijskoj monarxii (1880–1917). [The bodies of political investigation in the Yenisei province in the period of decline of the Russian monarchy (1880–1917)]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. V.P. Astaf'eva. 305 p. [in Russian]

Dunaeva, 2012 – Dunaeva A.Yu. (2012). Reformy` policii v Rossii nachala XX v. i Vladimir Fedorovich Dzhunkovskij [Police reform in Russia in the beginning of the twentieth century and Vladimir Fedorovich Dzhunkovskiy]. M.: Ob`edinennaya redaktsiya MVD Rossii. 319 p. [in Russian]

Gularjan, 2011 – Gularjan A.B. (2011). Revoljucionery i zhandarmy v Orlovskoj gubernii v 1894–1904 godah [Revolutionaries and gendarmes in the Oryol province in 1894–1904]. *Rossiiskaya istoriya*, No 6, pp. 97–108. [in Russian]

Izmozik, 2015 – Izmozik V.S. (2015). «Cherny`e kabinety`»: istoriya rossijskoj perlyustracii. XVIII – nachalo XX veka [“Black Cabinets”: the history of Russian perusal. XVIII – the beginning of the twentieth century]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 696 p. [in Russian]

Khramtsov, 2015 – Khramtsov A.B. (2015). Privlechenie chinov policii Tomskoj gubernii za protivopravny`e dejstviya k otvetstvennosti v 1914–1916 gg. [Attraction of officials of the police of the Tomsk province for unlawful actions accountable in 1914–1916]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija*, № 2 (34), pp. 26–29. [in Russian]

Kolesnikov, 2014 – Kolesnikov V.A. (2014). Nikolaj II na prazdnovanii 300-letiya doma Romanovy`x v Kostrome [Nicholas II at the celebration of the 300th anniversary of the House of Romanov in Kostroma]. *Kostromskaya zemlya v zhizni velikoi Rossii. Materialy mezhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 70-i godovshchine obrazovaniya Kostromskoi oblasti. Sost. i otv. red. A.R. Naumov*, pp. 33–35. [in Russian]

Limanova, 2013 – Limanova S.A. (2013). Poslednij yubiley imperii [The last anniversary of the empire]. *Rodina: istoricheskii nauchno-populyarnyi zhurnal*, No. 12, pp. 85–88. [in Russian]

Lyarskii, 2018 – Lyarskii A.B. (2018). Social'nye seti peterburzhca nachala XX veka [Social networks of a Petersburg at the beginning of the twentieth century]. *Vestnik SPbGU. Istorija*, Vol. 63. Is. 2, pp. 398–415. [in Russian]

Medvedev, 2018 – Medvedev S.V. (2018). E`ksperiment Zubatova. Legalizaciya rabochego dvizheniya v pervy`e gody` XX stoletiya [Zubatov's experiment. Legalization of the labor movement in the early years of the twentieth century]. M.: Universitet Dmitriya Pozharskogo. 375 p. [in Russian]

Mendelev, 2017 – Mendelev P.P. (2017). Svet i teni v moej zhizni. Obry`vki vospominanij 1864–1933 [Light and shadow in my life. Scraps of memories 1864–1933]. M.: Kuchkovo pole. 752 p. [in Russian]

Men'shchikov, 2017 – Men`shchikov L.P. (2017). Okhrana i revoljutsiya. K istorii tainnykh politicheskikh organizatsii, sushchestvovavshikh vo vremena samodержaviya [Guard and revolution. To the history of secret political organizations that existed during the autocracy]. Chast' II. Vypusk II. M.: Mospoligraf, 1929 (reprint 2017). 142 p. [in Russian]

- Mironov, 2017 – Mironov B.N. (2017). Ob etnicheskoj diskriminatsii v pozdneimperskoj Rossii [On ethnic discrimination in late imperial Russia]. *Vestnik SPbGU. Istorija*, T. 62, Vol. 1, pp. 164-185. [in Russian]
- Novitskii, 2019 – Novitskii V.D. (2019). Vospominaniya tyazhely`x dnei moix sluzhby` v korpuse zhandarmov [Memories of the hard days of my service in the gendarmes corps]. M.: Yurayt. 259 p. [in Russian]
- Okhranka, 2004 – «Okhranka» (2004). Vospominaniya rukovoditelej politicheskogo sy`ska [Memories of the leaders of political investigation]. T. 1, 2. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 512 p.; 600 p. [in Russian]
- Peregudova, 2000 – Peregudova Z.I. (2000). Politicheskij sy`sk Rossii (1880–1917) [Political investigation of Russia (1880–1917)]. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya. 430 p. [in Russian]
- Predstavitel`ny`e uchrezhdeniya, 2014 – Predstavitel`ny`e uchrezhdeniya Rossijskoj imperii v 1906-1917 gg. Materialy` perlyustracii Departamenta policii [Representative institutions of the Russian Empire in 1906-1917. Materials perusal by Department of the Police]. M.: ROSSPEN. 718 p. [in Russian]
- Romanova, Romanova, 2013 – Romanova G.V., Romanova A.V. (2013). Romanovskie torzhestva v Simbirskoj gubernii v 1913 godu (po dokumentam Gosudarstvennogo arxiva Ul`yanovskoj oblasti) [Romanov celebrations in Simbirsk province in 1913 (according to the documents of the State Archives of the Ulyanovsk region)]. *Simbirskii nauchnyi vestnik*, № 1 (11), pp. 193-204. [in Russian]
- Sazikov, 2018 – Sazikov A.V. (2018). Oformlenie Moskvy` v dni prazdnovaniya 300-letiya doma Romanovy`x [Decoration of Moscow in the days of the celebration of the 300th anniversary of the house of the Romanovs]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur*, T. 49. M. pp. 320-326. [in Russian]
- Seleznev, 2017 – Seleznev F.A. (2017). Revolyuciya 1917 g. i bor`ba e`lit vokrug voprosa o separatnom mire s Germaniej [The revolution of 1917 and the struggle of elites around the issue of a separate peace with Germany]. SPb.: Aletheia. 180 p. [in Russian]
- Spiridovich, 1991 – Spiridovich A.I. (1991). Zapiski zhandarma [Notes of gendarme]. M.: Pervaya obraztsovaya tipografiya, 268 p. [in Russian]
- Vasil`ev, 2004 – Vasil`ev A.T. (2004). Okhrana: russkaya sekretnaya politsiya [Security: russian secret police]. «Oxranka». Vospominaniya rukovoditelej politicheskogo sy`ska. T. 2. M.: New Literary Review. pp. 345-515. [in Russian]
- Voskoboynikova, 2011 – Voskoboynikova N.V. (2011). Deloproizvodstvo ohrannogo otdelenija Nizhegorodskoj gubernii (1903–1913) [Office work of the security department of the Nizhny Novgorod province (1903–1913)]. *Otechestvennye arkhivy*, No. 3. pp. 20-25. [in Russian]

Социально-политическая ситуация в Российской империи начала XX века в зеркале анонимных донесений граждан в Московское охранное отделение (1912–1914 гг.)

Алексей Владимирович Федякин ^{a,*}, Андрей Сергеевич Семченков ^a,
Сергей Владимирович Медведев ^a, Павел Яковлевич Фельдман ^b

^a Российский университет транспорта, Российская Федерация

^b Академия труда и социальных отношений, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуются анонимные обращения граждан в Московское охранное отделение. Обыватели были обеспокоены проблемой безопасности членов императорской семьи, предлагали свою помощь в обнаружении подозрительных личностей, оповещали полицейских о готовящихся тайных собраниях революционеров. Анонимки демонстрируют широкий спектр общественных страхов и претензий к представителям власти в годы, предшествовавшие Первой мировой войне. Довольно часто в анонимных доносах и угрозах упоминался великий князь Сергей Александрович, убитый террористом в 1905 году. Революционно настроенные авторы писем пытались таким образом экстраполировать события Первой революции в России на современный им период 1912–1913 годов. С той же целью в письмах использовались образы недовольной общественности, нелегальных тайных организаций, применявших в своей антиправительственной деятельности летательные аппараты. Накануне визитов Николая II и императорской семьи в Москву фиксируется увеличение количества анонимных писем в полицию. На многих из них стоит пометка «срочно», что означало необходимость проведения более оперативных следственных действий. Наиболее резонансными сообщениями мог заинтересоваться директор Департамента полиции, который, в свою очередь, требовал от начальника Московского охранного отделения отчета по результатам проверки.

Ключевые слова: анонимные обращения, Московское охранное отделение, Николай II, студенты, революционеры, тайные собрания, Российская империя.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: avf2010@yandex.ru (А.В. Федякин), andsem4@yandex.ru (А.С. Семченков), sperskiy1809@yandex.ru (С.В. Медведев), pavelfeld@mail.ru (П.Я. Фельдман)

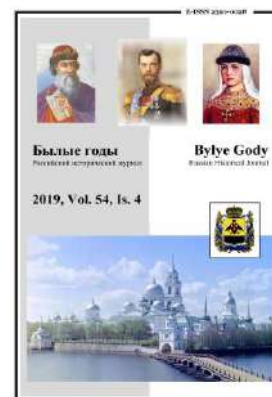
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1896-1906. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1896
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Steamers of the Izhevsk Plants during WW1

Nicholas W. Mitiukov ^{a, b, c, d, g, *}, Svetlana L. Bautina ^e, Anatoly N. Loshkarev ^c, Yurii N. Makarov ^f

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russian Federation

^c Kalashnikov's Izhevsk State Technical University, Russian Federation

^d Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russian Federation

^e Kama Institute of Humanitarian and Engineering Technologies, Izhevsk, Russian Federation

^f Sochi State University, Sochi, Russian Federation

^g Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The Izhevsk armory and steel plants played a large role in the First World War, primarily in providing the Russian army with weapons. But in their history, the role of factory's water transport has not yet been explored. Meanwhile, starting in 1912, in the wake of pre-war orders, its substantial growth began. The two steamers available at Izhevsk Pond at the beginning of the century ("Izh" and "Shrapnel") were supplemented by the "Granata" steamer and the "Izhzavod" motor boat built in Votkinsk. In 1915, the steamer "Pchelka" was purchased from the merchant Bodalev. At the same time, the ship "Shtorm" was purchased, due to technical and military problems, which did not end up in Izhevsk. After the revolution, the factories probably got the nationalized motor-boats of the manufacturers Petrov and Evdokimov. Despite their small size and low power, this was the best of what was available at the Izhevsk Pond during this period. As a result, by 1925 the factory flotilla reached its peak (four steamers and five motor-boats).

The reasons for the growing importance of factory water transport during the First World War should be sought in the remoteness of the Izhevsk Pond from Kama. The transportation of motor-boats and steamers was a rather labor-intensive operation, as a result of which the Izhevsk factories, which survived in 1918-19 four evacuations, preserved their fleet in relative order, but almost completely lost the stolen or destroyed railway transport. With its restoration, the role of water transportation, as well as water transport on the Izhevsk Pond, quite naturally fell. In the second half of the 1920-s there is a significant reduction in the number of factory flotilla, and by the beginning of the 1930-s only the "Svoboda" steamer and two motor-boats remained in operation.

Keywords: Izhevsk factories, water transport, World War I, civil war, water transportation, support for defense production.

1. Введение

Ижевские оружейный и сталелитейный заводы сыграли видную роль в Первой мировой войне, в первую очередь в деле обеспечения российской армии стрелковым оружием. Однако в истории этих заводов имеется существенная лакуна: исследователи обходят полным молчанием заводскую флотилию, создававшуюся для обеспечения заводов дровами (подвозились с верховьев Ижевского пруда) и пассажирских перевозок (в первую очередь рабочих Колтомы к заводской проходной и обратно). Созданный вакуум частично восполняют краеведческие работы со всеми

* Corresponding author

E-mail addresses: nico02@mail.ru (N.W. Mitiukov)

присущими данному виду литературы недостатками. Тем не менее устная традиция, на которой в основном и базируются работы краеведов, использует информацию, которую зачастую сложно проверить по делопроизводственной документации.

Обычная дореволюционная практика предполагала, что все суда подлежат страхованию на возможный несчастный случай, для чего они в обязательном порядке вносились в речные регистры (фактически являющиеся министерской делопроизводственной документацией). А поскольку регистры довольно часто переиздавались, по записям в них можно достаточно легко восстановить эволюцию судового состава того или иного хозяйства. Однако для замкнутых акваторий, каковым является и Ижевский пруд, страхование теряло смысл, поскольку все плавсредства в них принадлежали одному хозяину. В связи с этим в регистрах отсутствует какая-либо информация о судах замкнутых акваторий.

Заводская делопроизводственная документация также обычно не дает возможности прояснить судовой состав. В отличие, например, от железнодорожного транспорта, располагавшегося прямо на заводской территории, водный транспорт жил по своему особому распорядку, вмешательство в который сухопутных служб обычно ничего хорошего не несло. Хотя пароходы Ижевских заводов организационно входили в транспортные службы завода, по факту представляли собой обособленное подразделение, с только ему характерной особенностью работы (например, межсезонным ремонтом, обычным увольнением личного состава между навигациями и повторным его набором в апреле–мае, круглосуточной работой в период навигации и др.).

2. Материалы и методы

Основу данного исследования составили отдельные упоминания заводских плавсредств в делопроизводственной документации Ижевских заводов. К сожалению, они представляют собой эклектичный и зачастую совершенно не связанный между собой массив данных. Потому задача в подобного рода исследованиях состоит в разработке теорий, позволяющих взаимно увязать всю имеющуюся фактологию. В связи с этим основным методом исследования выступает логическая реконструкция, то есть выявление возможной логической связи между отдельными имеющимися фактами, зачастую не связанными между собой. А архивный и информационный поиск как раз и состоял в том, чтобы обнаружить максимальное количество фактов, какими бы неправдоподобными они ни казались. В связи с этим пришлось привлечь, кроме делопроизводственной документации, мемуарную литературу и фотграфические источники.

3. Обсуждение

По поводу наличия в предвоенный период двух заводских пароходов на Ижевском пруду не возникает никаких сомнений. Во-первых, это «Иж», заказанный на Воткинском заводе в 1892 г. под программу увеличения производства винтовок для перевооружения армии. Судя по имеющемуся чертежу, его длина составляла 16,8 м (55'), ширина без обшивки 2,9 м (9'6"), углубление с топливом до 0,61 м (2'4"), высота борта с ахтерштевнем 1,45 м (4'9"), с форштевнем 1,52 м (5'). Замеры на чертеже дают возможность определить, что ширина с колесами составляла 6,1 м (20'2"). На судне стояла паровая машина двойного расширения мощностью 20 л.с. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 7к. Д. 88). Реконструкция раннего периода его биографии проведена авторами на основе журналов заседаний Хозяйственного комитета Ижевских заводов (Mitiukov et al., 2019).

Второй заводской пароход, приобретенный под программу производства шрапнели к трехдюймовым пушкам, также поставил Воткинский завод. Это был пароход «Ревизор» 1902 года постройки, забракованный Управлением рыбных промыслов и потому выставленный на продажу. В соответствии с имеющимися чертежами у судна была максимальная длина 32,32 м, длина по ватерлинии 30 м, ширина корпуса 5 м, водоизмещение 162 т. (так в оригинале, вероятно ошибка – 62 т.) (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 7к. Д. 41). Мощность машины также указывалась в 20 л.с. Пароход приобрели в 1904 г. и после перестройки под требования заказчика его зимой 1905/06 г. доставили на Ижевский пруд, где он работал под наименованием «Шрапнель». Дореволюционный период его биографии также однозначно реконструируется по журналам заседаний Хозяйственного комитета Ижевских заводов (Mitiukov et al., 2018).

В краеведческой литературе имеется информация, что на Ижевском пруду имелись также пароходы «Шторм» и «Граната», не давая по ним никаких технических деталей, позволявших бы прояснить их историю до перевозки на Ижевский пруд (например, Жилин, 2012). Но известно, что 1 мая два парохода получили новые наименования: «Красная звезда» и «Свобода», только год этого события различается от 1919 до 1922 г. и непонятно, какие из четырех пароходов переименовали (см., например, Жилин, 2011). Логично было бы предположить, что эти имена получили «Иж» и «Шрапнель», о которых упоминает предвоенная делопроизводственная документация (Mitiukov et al., 2018).

Следующее расширение заводского пароходного парка произошло в 1912 г. В этот год из-за боязни пожара лесопилка и склады пиломатериалов были перенесены из заводской черты на противоположный берег пруда, в район Колтомы, в результате затруднилась доставка

пилломатериалов на завод. Поэтому в докладной начальнику завода техника при заведующем техническими артиллерийскими заведениями имелось предложение заложить в план 1913 г. приобретение моторной лодки, которая «*облегчит сообщение с противоположным берегом, так и доставку пилломатериала*» (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4512. Л. 84 об.). Документация Воткинского завода также упоминает о постройке моторной лодки для Ижевска, сообщая ее характеристики: длина по ватерлинии 8,23 м (27'), ширина 1,83 м (6'), высота борта 0,99 м (3'3"), осадка 0,53 м (1'9"). На лодке предполагалось поставить двигатель с эффективной мощностью 10 л.с., но уже силами заказчика. Год постройки – 1913-й (МИКВ. Д. 4812. Л. 22).

Однако на заседании высшего органа хозяйственного управления Ижевскими заводами Хозяйственного комитета от 9 июня 1914 г. фигурирует факт, что завод обладает на данный момент уже четырьмя пароходами (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4556. Л. 534). В этой связи интересен еще один документ. Как признавал Хозяйственный комитет, к началу 1914 г. «Иж» пришел в совершенную негодность. В результате 11 августа командированный в Нижний Новгород и Казань для закупки материалов подполковник Сорочинский получил задание подыскать подходящий пароход для замены «Ижа». Предпочтение отдавалось уже готовым пароходам, которые можно было бы в навигацию 1914 г. доставить в Гольяны и зимой по санному пути перевезти в Ижевск (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4544. Л. 102, 102 об.). В цитируемом документе наименование парохода не указывается.

24 января 1915 г. начальник Ижевских заводов в рапорте в ГАУ докладывал, что ранее «*купленные два парохода уже на пути к Ижевцу. Один подвезен к селению, а другой скоро прибудет к Гольянам*» (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4556. Л. 321). Очевидно, что подвезен к селению пароход, приобретенный подполковником Сорочинским, а «скоро будет» – построенная в Воткинске лодка для перевозки пилломатериалов.

Ранее нами было высказано предположение, что упомянутое приобретенное судно – это винтовой пароход «Шторм», но анализ имеющейся по нему информации показал, что его так никогда и не доставили на Ижевский пруд (Mitiukov et al., 2018). По крайней мере в 1917 г. он фигурирует как находящийся на Каме и прошедший в этом году капитальный ремонт, собственниками его значатся не завод, а К.В. Быховский и Л.М. Лейтес. Судно построено в 1902 г., имело номер МПС 557/1, железный корпус длиной 29,25 м (13 саж. 2 арш., 2 верш.), шириной 4,79 м (2 саж., 12 верш.), высоту борта 2,53 м (14 четв. 1 верш.), осадку порожняком 1,15 м (6 четв. 2 верш.), в полном грузе 1,42 (8 четв.). На судне стояла паровая машина 55 н.л.с. или 220 и.л.с. (Список, 1918: 8-9).

Так что очевидно: судно не могло быть приобретено в 1915 г. и получается, что в этот период, кроме «Ижа» и «Шрапнели», завод имел в своей флотилии неизвестную лодку для перевозки пилломатериалов и неизвестный пароход.

9 июня 1914 г. Хозяйственный комитет Ижевских заводов констатировал, что из практики работы на новом кирпичном заводе, построенном в Колтоме, подача воды в водонапорный бак производилась пароходными насосами. А поскольку все имевшиеся у завода **четыре парохода** использовались для других целей, баки кирпичного завода заполнялись крайне нерегулярно. Выходит, что упомянутые выше суда приняты заводами уже летом 1914 г.

Строительство насосной станции требовало времени и денег, и тогда Ижевское торгово-промышленное товарищество ввиду ликвидации пивоваренного завода предложило ставший ненужным ему пароход «Пчелка», уже имевшийся на пруду за относительно низкую цену в 1200 руб. Ранний период биографии судна нашел отражение в журналах заседаний Хозяйственного комитета (Mitiukov et al., 2019), там же и отразилась история его продажи заводам (Mitiukov et al., 2018). Согласно приемному акту, пароход имел длину 12,65 м (41'6"), ширину 2,13 м (7'), высоту борта 1,14 м (3'9"), осадку 0,64 м (2'1"). На пароходе располагался один котел и одноцилиндровая паровая машина (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4556. Л. 563), которая для возможной работы зимой была выполнена легкоосъемной.

Ранее нами была проведена критика неопубликованной рукописи ижевского краеведа Г.М. Кутузова, описывавшего жизнь в Ижевске во время Первой мировой войны (Митюков, Баутина, Лошкарев, 2018). Исходя из его воспоминаний, получается, что во время мировой войны в Ижевске имелось четыре парохода: «Иж», «Шрапнель», «Шторм» и «Граната». 13 февраля 1916 г. на железнодорожной платформе на Старую улицу из Гольян доставили винтовой пароход «Шторм». Г.М. Кутузов особо отмечает, что из всех ижевских пароходов он обладал наибольшей скоростью. В 1921 г. судно передали в Сарапул. Кроме того, по описанию выходит, что этот пароход представляет собой небольшое судно, которому сложно работать при волнении на пруду. Исходя из описания, под него практически идеально подходит лодка для перевозки пилломатериалов. Но совпадение названия с винтовым пароходом вряд ли случайно. Скорее всего, мемуарист нашел информацию о приобретении винтового парохода «Шторм» и, не разобравшись, посчитал, что винтовая лодка и есть данный пароход. Соответственно, поскольку мемуарист приводит четыре названия, а по журналам заседаний Хозяйственного комитета выходит, что на заводском пруду также имелось четыре судна, логично было бы предположить, что «Пчелка» и стала «Гранатой». Хорошо известно также, что в 1930-е гг. на Ижевском пруду имелся крупный пароход «Красный сплавщик», который не понятно когда появился на данной акватории. Анализ графической документации показал, что он однотипен

построенным в 1922 г. в Воткинске пароходам «Красная заря» и «Вперед», а поскольку в регистре 1926 г. упоминается лишь «Красная заря» (Регистр, 1926), мы пришли к выводу, что вероятно, «Вперед» и есть доставленный в Ижевск пароход (Mitiukov et al., 2018). Разумеется, исходя из даты постройки, ранее 1922 г. попасть в Ижевск он не мог.

4. Результаты

Несмотря на достаточную логичность полученной картины эволюции заводской флотилии Ижевских заводов периода Первой мировой войны, обнаруженная делопроизводственная документация советского периода требует ее серьезного пересмотра.

Так, имеются сведения о наличии оборудования на заводах – дело начато в феврале 1920 г., закончено 3 февраля 1921 г. (ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп. 15. Д. 28). Среди прочего оборудования там имеется «опись локомотивей завода», среди которых фигурируют и пароходы (Таблица 1). Дата составления документа неизвестна, но, поскольку он стоит на первых же страницах дела, можно предположить его датировку февралем 1920 г., так как листы в деле располагаются в хронологическом порядке. Графы таблицы не подписаны, но все позиции (кроме двух) достаточно очевидно реконструируются.

Таблица 1. Сведения о локомотивах завода (ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп. 15. Д. 28. Л. 3-3 об.)

Заводской номер	№ 14	№ 15	№ 16
Пароход	«Шрапнель»	«Граната»	«Иж»
Номер котла	4654	5553	5658
Тип машины	Компаунд	Компаунд	Компаунд
Место постройки	Воткинский 3-д	Воткинский 3-д	Воткинский 3-д
Расширение	2	2	2
Диам. цилиндров	432 и 882 мм	432 и 882 мм	288 и 576 мм
Ход поршня	840 мм	840 мм	576 мм
Мощность	45 л.с.	40 л.с.	12 л.с.
?	35	130	40
?	120 ф.	180 ф.	180 ф.

Следующий важный документ того же дела озаглавлен «В дополнение отношения от 15 декабря за № 2534... сообщает о площади пароходов», и далее дается список: «Свобода» 105 футов (32,02 м), «Иж» 57 футов (17,38 м), «Крас[ная] Звезда» 114 футов (34,77 м) (ЦГА УР. Ф. Р-543 Оп. 15. Д. 28. Л. 68). Судя по всему, под «площадью» в документе понимается длина пароходов. Дата документа не указана, но понятно, что он составлен как ответ на отношение 15 декабря вскоре после этой даты, т.е. в декабре 1920 г., поскольку дело было закрыто в феврале 1921 г. Как видно, в списке приведены новые названия пароходов, что доказывает факт их переименования в 1920 г. При сопоставлении данных этой и последующих таблиц не остается никаких сомнений, что «Шрапнель» стала «Свободой», а «Граната» – «Красной звездой». «Иж», поскольку его планировалось вскоре списать, остался под прежним именем.

Далее в деле в переписи оборудования снова приводятся сведения о котлах пароходов (ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп. 15. Д. 28, Л. 109-113). У «Шрапнели» указан номер по котловой книге № 4654, у «Гранаты» – № 5553, что полностью совпадает с данными таблицы 1 и нашими предположениями о переименовании. Несколько неожиданно, что котел «Ижа» не имеет номера (в графе, где должен стоять номер указано «нет»). Данный факт можно интерпретировать, как демонтаж в указанный период (середина 1920 г.) котла из-за большого износа, и пароход пока находится без него. Данное предположение подтверждается «Годовым отчетом по отделу главного механика во время с 1 октября 1922 по 1 октября 1923 г.», в котором прямо указано, что в этот период «Изготовлены вновь ... паровой котел для парохода «Иж»» (ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп. 15, Д. 60, Л. 63 об.).

Но вернемся к 1920 г.: в сведениях парового отдела о паровых машинах относительно пароходов указывается мощность машин: «Иж» – 15 л.с., «Граната» и «Шрапнель» – по 30 л.с. Режим работы по всем пароходам указан – «летом по 8 часов» (имеется в виду в сутки) (ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп. 15. Д. 28. Л. 114).

Предположение, что переименование «Гранаты» и «Шрапнели» произошло в 1920 г., подтверждается делом «Месячные сведения о наличии оборудования в разрезе мастерских», начатом 26 февраля 1921 г. На протяжении всего дела пароходы фигурируют уже под своими новыми названиями (ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп. 15. Д. 43). Среди перечня оборудования, подлежащего смазке, даются и пароходы «Свобода», «Красная звезда» и «Иж» с мощностью машин 45, 40 и 15 л.с., соответственно, что снова подтверждает высказанное выше предположение о новых и старых названиях при переименовании. Среднее число рабочих часов в сутки по всем указано 15, а рабочих дней в месяце – 30 (ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп. 15. Д. 43, Л. 65). В отчете на запрос ВСНХ № 24 в перечне оборудования заводов на 1 сентября 1921 г., кроме трех пароходов, значатся также 9 моторных лодок.

Относительно них указывается: «из них 2 железных с моторами, 2 деревянных с моторами и 5 деревянных без моторов, на которые моторы устанавливаются по надобности» (ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп. 15. Д. 43, Л. 162 об.).

Черновик того же документа дает некоторую дополнительную информацию. Во-первых, в таблице дается детализация по оборудованию, требующему ремонт. Ни один из пароходов или лодка в ремонте не нуждаются. Во-вторых, указан типаж имеющихся моторов. На пять лодок без моторов могут быть установлены имеющиеся в наличии моторы «Инвенруд», которых на заводе 8 штук. Далее дается описание моторов, написанная от руки, и потому из-за неразборчивости почерка некоторые позиции вызывают сомнения. Тем не менее, судя по ней, завод, кроме указанных выше 8 моторов «Инвенруд», имеет один мотор, марка которого написана неразборчиво, но возможно, «Орел», один «Болиндер» и один «Аванс» (он вынесен во второй столбец, так что к описи лодочных моторов может и не иметь отношения) (ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп. 15. Д. 43. Л. 170).

Наконец, имеется полная опись всего оборудования заводов, в том числе и транспортного цеха на 1 октября 1926 г. (ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп. 15. Д. 337. Л. 30 об.-32). В соответствии с ней у завода имеются следующие плавсредства:

1. Буксирный колесный пароход «Красная звезда», постройки Воткинского завода 1902 г. Длина корпуса 35 м, ширина 5,75 м, высота бортов 1,92 м. Мощность машины 30 л.с.
2. Буксирный колесный пароход «Свобода», постройки Воткинского завода 1902 г. Длина корпуса 32,35 м, ширина 4,9 м, высота бортов 2,25 м. Мощность машины 25 л.с.
3. Буксирный колесный пароход «Иж». Длина корпуса 17 м, ширина без кожухов 3,15 м, с кожухами 5,15 м, высота бортов до нижней палубы 2,5 м. Мощность машины 12 л.с. Пароход выведен в отстой.
4. Винтовой пароход «Шторм», длина 27,43 м, высота в носу 2,34 м, в корме 1,85 м, ширина 3,66 м. Корпус сильно проржавел.
5. Моторная лодка «Коммунар» длиной 4,8 м, шириной 1,25 м, высотой 1 м.
6. Моторная лодка «Задорный», корпус деревянный, длиной 5,2 м, шириной 1,3 м, высота 0,33 м.
7. Катер «Ижзавод», железный корпус длиной 8,9 м, шириной 2 м, высотой 1,1 м.
8. Катер «22», деревянный корпус, длина 10 м, ширина 1,9 м, высота 1 м.
9. Моторная лодка «Беспощадный», железный корпус, длиной 5,8 м, шириной 1,5 м, высотой 0,9 м, стоит двигатель «Болиндер».

Видно, что характеристики «Свободы» и приведенные выше «Шрапнели» практически идентичные, как и данные по «Ижу» и «Шторму», а имеющиеся различия можно объяснить разными способами замера. У «Ижа» ширина по кожухам колес различается почти на метр, но имеется информация, что он в 1910-е гг. проходил ремонт со сменой колес (Mitiukov et al., 2018). Указание, что пароход выведен в отстой, подтверждает предыдущее предположение, что на нем демонтировали котел.

В связи с этим интересен еще один документ, из которого ясно, что на ноябрь 1919 г. Цеховой комитет по части Смотрителя казенных зданий Ижевских заводов имел в своем распоряжении три парохода: «Иж», «Шрапнель» и «Гранату» (ЦГА УР. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 10. Л. 23-24). Все пароходы после «резвакуации» белых достались в исправном состоянии. В течение 1919 г. на всех пароходах производилась перевозка пассажиров, для чего Цеховой комитет выдавал капитанам пароходов билетные книжки. При этом с парохода «Шрапнель» поступило 5020 руб. от продажи билетов в четырех книжках, с «Ижа» – 4393 руб. по трем книжкам и с «Гранаты» 2154 руб. по двум книжкам. Получается, что «Шторма» в 1919 году на Ижевском пруду не было.

Характеристики парохода «Шторм» также подтверждают нашу версию, что это довольно крупное, по ижевским меркам, судно. Его невозможно, как утверждает Г.М. Кутузов, перевезти на железнодорожной платформе. Таким образом, пароход «Шторм», приобретенный Ижевскими заводами, всю свою карьеру в качестве заводского парохода пробыл на Каме. Напомним, что на это указывают следующие факты:

1. В 1917 г. пароход проходит капитальный ремонт (в Ижевске он его бы не прошел: там просто не было соответствующих мощностей).
2. Во время Ижевского восстания 1918 г. судно находилось в Гольянах, о чем упоминают в своих мемуарах участники событий.
3. В 1919 г. при отступлении белых пароход пострадал от пожара в Левшино.
4. В 1920-х гг. пароход пытались отремонтировать на Воткинском заводе, но до консервации к работам не приступали.
5. Судно имеется в списке рабочего ядра 1923 г. (пароходы замкнутых акваторий там отсутствуют).

Указанные предположения косвенно подтверждаются мемуарами того же Г.М. Кутузова, который указывает, что в 1921 г. «Шторм» передали в Сарапул. Очевидно, он имел информацию, что в этом году пароход был в Сарапуле, а поскольку ранее он ошибочно «отправил» его в Ижевск, получается, что его увезли обратно.

В регистре 1926 г. пароход «Шторм» с подобными характеристиками указывается как служебное судно в составе Волжского государственного речного пароходства (ВГРП) (Регистр, 1926: 260-261). Выходит, что если на 1.10.1926 г. судно находится еще на балансе Ижевских заводов, то в этом же году его передали в ВГРП, поскольку данные в регистре приведены на 1 марта 1926 г. Вероятно, «накладка» произошла из-за проблем с приемкой.

Как явствует из журналов заседаний Хозяйственного комитета, в 1915 г. заводы приобрели пароход «Пчелка». Его характеристики близки к катеру «22» (длина различается на 2 м, ширина на 0,2 м).

Между тем в «Нормах расхода транспортного сектора завода № 10» за 1932 г. указано, что в этом году горюче-смазочные материалы, кроме парохода «Свобода», планируются на моторные лодки «Буффало» (60 л.с.) и «22» (40 л.с.) (ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп. 14. Д. 388. Л. 8а). Примерно в это же время была сделана серия снимков, в настоящее время хранящаяся в фондах УРМ. На них четко различаются два разных катера (Рис. 1). Судя по фигурам людей, длина обоих составляет около 10 м (рост человека укладывается в длину катера чуть больше пяти раз), но зрительно видно, что один из них больше (Рис. 1, слева). Вопрос о наличии катеров завода № 10 (позднее № 180 и еще позднее № 74) уже поднимался нами (Mitiukov et al., 2019). В 1936–1937 гг. у завода имелось четыре катера, поэтому однозначно утверждать, что один из катеров, приведенных на Рисунке 1 – «Буффало», а второй – «22», невозможно. Однако при большом увеличении одного из снимков (Рис. 1, слева), становится видно, что он обладает очень коротким названием, написанным в носу. Оно напоминает две или три буквы, но такое количество имеет лишь катер «22».

На Рисунке 2 приведены имеющиеся фотографии парохода Бодалева, вероятно «Пчелки» и катера Евдокимова «Фабрикант». Зрительно видно, что бодалевский пароход все-таки значительно больше того, что изображен на снимке 1933 г. (Рис. 1, слева). И наоборот, катер «Фабрикант» и архитектурой, и размерами очень его напоминает.

На обороте фотографии имеется надпись, выполненная чернилами, гласящая, что катер «Фабрикант» построен по заказу фабриканта А.Н. Евдокимова мастером Рогозиным в 1910 г. На нем стоял двигатель 7 л.с., длина корпуса 23 фута (7 м), скорость 18 верст в час. Снимок сделан в 1910 г. у Евдокимовской дачи на Воложке. Сам фабрикант сидит в лодке, Рогозин стоит у руля. На снимке у стоящего мужчины (Рогозин) видно, что срез борта ему примерно по пояс. Катер явно беспалубный, что позволяет оценить высоту борта как около метра. Однако «укладывая» фигурку человека вдоль ватерлинии, можно увидеть, что он длиннее человека примерно в пять раз. Таким образом, если рост составляет 1,5–2 м, то длина катера получается 7,5–10 м (никак не 7 м), поэтому, возможно, разные источники могли привести разную длину (например, максимальную или длину по палубе).

Дополнительное косвенное доказательство, что «Фабрикант» вполне мог быть «22», заключается в том, что еще в 1919 г. Ревком города Ижевска постановил произвести регистрацию всех частных лодок, имевшихся на пруду. Так в августе этого года Ревком принимает решение возратить незаконно реквизированную лодку № 62 ее владельцу Е. Игнатьеву и снова напомнить всем гражданам о необходимости зарегистрировать свои лодки и получить на них номера (ЦГА УР. Ф. Р-177. Оп. 1. Д. 31. Л. 12. 12 об.).

На 1917 г. крупнейшими частными ружейными фабриками Ижевска были фабрика М.И. Березина (329 рабочих), А.Н. Евдокимова (320 рабочих) и В.И. Петрова (185 рабочих) (ЦГА УР. Ф. Р-224. Оп. 1. Д. 53, Л. 125). Но имеются сведения о наличии собственных лодок только у Евдокимова и Петрова. Если Петров сразу после революции передал все свое имущество в распоряжение новой власти, в результате чего его лодки, попавшие в новые госструктуры, вполне могли избежать регистрации, то катер Евдокимова просто обязан был получить номер и из-за явной аполитичности названия «Фабрикант» далее вполне мог фигурировать в документации только под номером.

Рис. 1. Фотографии из фондов УРМ: вид на Ижевский пруд, 1933 г. (слева) (УРМ. Фото № 8580, фрагмент); парк С.М. Кирова в Ижевске, 1930-е гг. (справа) (УРМ. Фото № 8557, фрагмент)

Рис. 2. Пивоваренный завод Бодалева (слева) (Селивановский, 2014: 38, фрагмент фото № 40), катер «Фабрикант» (ЦДНИ. Ф. 4961. Оп. 2. Д. 347)

Что касается «Пчелки», то на момент покупки ее Ижевскими заводами она уже находилась в довольно запущенном состоянии. В переписке по ее покупке прямо звучит, что в основном судно приобретают, чтобы использовать его легкокошечную машину для нужд завода. К сожалению, информации о машине в приемном акте парохода недостаточно, чтобы ее однозначно идентифицировать как какую-то паровую машину по описи 1921 г. Поэтому, скорее всего, к 1925 г. бывшая «Пчелка» либо стояла на приколе, либо уже была разобрана.

Характеристики лодки для перевозки пиломатериалов очень близки к катеру «Ижзавод». Кроме всего, «Ижзавод» значится с железным корпусом, а Воткинский завод, построивший лодку, строил исключительно железные суда. Все это однозначно показывает, что «Ижзавод» – это данная лодка.

В 2011 г. краевед С.А. Жилин опубликовал воспоминания ижевского фабриканта Петрова. В числе прочего там имеется следующая фраза: «На Воложке заготавливали дрова для фабрики и дома. Эти дрова вывозили на большой барже, которую буксировал небольшой нефтяной катер «Садик»» (Жилин, 2011). «Нефтяным» по терминологии того времени назывался дизельный двигатель. Что интересно, в списке на 1.10.1926 г. также имеется катер с двигателем «Болиндер». Указание на него, скорее всего, подчеркивает его исключительность (в описи двигателей прямо указывается, что «Болиндер» один на заводе). Поэтому возможно, что после национализации «Садик» фабриканта Петрова и стал «Беспощадным».

В этой связи интересно еще одно совпадение. Как отмечалось выше, в отличие от Евдокимова, Петров после революции сам добровольно передал свое имущество новой власти. А как указывает С.А. Жилин в цитируемых воспоминаниях, «рядом с его домом была пристань с мостиками для лодок и купания, а для моторной очень хорошей лодки «Чайка» – крытый домик на воде. Еще была лодка с подвесным мотором «Альбатрос»» (Жилин, 2011).

Имеющаяся на заводах лодка «Коммунар» явно получила свое наименование после революции. Остальные названия нейтральные и однозначно утверждать, что они также появились после революции, невозможно. К сожалению, фотографии петровских лодок авторам не известны, кроме одной – «Альбатрос» (Рис. 3). На снимке видна обычная лодка, каких в то время на пруду был не один десяток. Совмещая размеры изображенных в лодке людей с ее габаритами, можно увидеть, что высота борта лодки примерно по колено взрослому человеку, а это как раз около 0,33 м – из характеристик лодки «Задорный». Но у этой же лодки указана длина 5 м, в то время как у «Альбатроса» на снимке явно меньше. Но если присмотреться к отражению на воде, оно дает несколько иной ракурс лодки: видно, что между взрослым человеком в центре лодки и военным на корме довольно приличное расстояние. Из этого можно заключить, что собака, мужчина за ней, еще один мужчина на левом борту и военный с ребенком явно сидят на разных банках. Кроме того, на лодке не видно уключин и весел, это может свидетельствовать, что за спиной у военного находится подвесной мотор, как это указано в приведенном выше описании петровской лодки. Таким образом, можно отметить, что характеристики «Задорного» вполне могут соответствовать лодке «Альбатрос». К сожалению, провести параллель между оставшимися лодками – петровской «Чайкой» и заводским «Коммунаром» невозможно из-за недостаточности данных, но характеристики последнего в описи заводского имущества позволяют утверждать, что это действительно «хорошая лодка», явно со штатным мотором. А судя по высоте борта, возможно, имевшая и крытый верх.

То, что по крайней мере часть лодок попала на Ижевские заводы после революции, доказывает выписка из заседания Правления Ижевскими заводами от 3 августа 1920 г. В этот день слушался вопрос «О создании дежурных лодок на случай пожара и для исполнения служебных обязанностей Коменданта заводов». В результате было принято решение: «Назначить в распоряжение Коменданта заводов три лодки: «Задорная», «Ватага» и ...» (ЦГА УР. Ф. Р-1. Оп. 1.

Д. 31. Л. 220). Наименование третьей лодки в документе отсутствует, возможно, она была безымянная, а название «Задорная» и «Задорный» практически идентичны. Вполне возможно, что этим решением все три бывшие петровские лодки и были приняты в заводскую флотилию.

Рис. 3. Лодка фабриканта Петрова «Альбатрос» (слева) (колл. С.А. Жилина); помощник капитана Серебряков и капитан Байгуров на палубе парохода «Звезда» (справа) (АВЗ, папка Воротова, письмо 15.09.1968)

Из списка судов транспортного цеха непонятным остается лишь вопрос о пароходе «Красная звезда». Из более поздних заводских документов можно заключить, что в начале 1930-х гг. он находился на консервации, а в 1938 г. он как «Красный сплавщик» появляется среди судов хозяйств Наркомата лесной промышленности, действовавших на Ижевском пруду. Среди неописанных документов архива Воткинского завода есть прямое указание, что пароход «Звезда», находившийся в Ижевской эксплуатационной конторе, – это бывшая «Граната». На обороте фотографии 1945 г. (Рис. 3, слева), присланной в заводской музей 15 сентября 1968 г. помощником капитана Серебряковым, указано, что пароход построен в 1901 г. и до революции назывался «Гранат» (описка автора письма, на самом деле «Граната») (АВЗ, папка Воротова, письмо 15.09.1968).

Ранее путем сопоставления фотографии «Красного сплавщика» и чертежа пароходов «Красная заря» и «Вперед», мы сделали заключение, что они однотипные (Mitiukov et al., 2018). Однако указанные выше документы однозначно показывают, что «Граната» была на Ижевском пруду уже в 1919 г., в то время как «Красную зарю» и «Вперед» только в апреле 1921 г. спустили на воду (ЦГА УР. Ф. Р-785. Оп. 1. Д. 128. Л. 76 об.). Между тем характеристики этих пароходов и «Красной звезды» удивительно совпадают. Длина корпуса по грузовой ватерлинии 32 м, но максимальная длина, снятая с чертежа, – 34,8 м (114 ф.), ширина по мидель-шпангоуту 5,5 м, ширина по кожухам колес, снятая с чертежа, – 10,2 м, высота борта 2,28 м, осадка 0,76 м (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 7т. Д. 336). Самое удивительное в этой ситуации то, что реконструируемые нами биографии судов воткинской постройки не дали ни одного судна постройки 1901–1902 гг., чья бы биография была не определена в период после 1914 г. (Воткинский завод). Правда, есть вопросы по поводу судьбы буксира «Красноводск» (1-й) 1901 года постройки, с длиной корпуса 106 футов, но он был винтовой. Гипотеза перестройки винтового парохода в колесный выглядит очень экзотичной и непонятной.

Но может быть высказана еще одна версия по поводу появления «Гранаты». Реконструкция номеров заказов судостроительного цеха Воткинского завода показала, что отсутствует какая-либо информация о постройке судна с № 278. Номера построенных судов по соседним номерам дают возможность утверждать, что № 278 построен, скорее всего, в 1913 г. Поскольку приведенная выше заводская документация показывает, что на судне стоял котел № 5553 (Таблица 1), было бы полезным посмотреть, а имелся ли такой котел в дореволюционных регистрах. Поиск по регистрам периода 1906–1917 гг. дал отрицательный результат: пароход с котлом № 5553 в них отсутствует. Зато имелись несколько судов, имеющих номер котла 555X – все они оказались на судах 1912–1913 годов постройки. Делопроизводственная документация Воткинского завода, имеющаяся в фондах ЦГА УР имеет несколько лакун, одна из которых как раз и приходится на период реализации заказа № 278. Исходя из этого, можно заключить, что под этим номером проходил какой-то небольшой заказ, который построили очень быстро. Постройка парохода размерами «Гранаты» в него явно не укладывается, а вот «обновление» старого корпуса для выставления на продажу – вполне. Параметры паровой машины и котла выглядят также вполне обычными для Воткинского завода, который подобную продукцию производил десятками в год. Остается лишь вопрос, какой пароход 1901–1902 года постройки могли переделать в 1913 г. и выставить на продажу в 1914 г.?

Факт, что «Красной звездой» мог стать бывший «Вперед», практически исключен. Документы показывают, что переименование «Гранаты» в «Красную звезду» произошло в 1920 г. В это время по Каме ходил агитпароход «Красная звезда» с Н.К. Крупской и другим видными советскими деятелями

на борту. Есть информация, что некоторые из них могли встречать 1 мая 1920 г. в Ижевске, возможно, этим и объясняется новое наименование «Гранаты». Можно предположить, что в 1922 г. на Ижевский пруд доставили «Вперед», получивший имя какого-то списанного парохода, например «Пчелки». Но эта гипотеза опровергается тем, что на «Гранате» уже в 1920 г. стояла мощная паровая машина, по приведенным выше данным, она либо соизмерима с таковой на «Шрапнели», либо более мощная, какой на «Пчелке» быть не могло.

5. Заключение

Делопроизводственная документация Ижевских заводов периода 1920-х гг. заставляет пересмотреть и скорректировать картину эволюции заводской флотилии. По всей вероятности, два дополнительно упоминающихся на 1914 г. парохода – это «Граната» и «Ижзавод», к которым в 1915 г. добавилась «Пчелка», доведя количество судов до пяти. А вот дату приемки «Шорма», скорее всего, необходимо отодвинуть на 1918 г. или даже на более поздний период.

Таким образом, в период Первой мировой войны наблюдался резкий численный рост заводской флотилии Ижевских заводов, объясняющийся увеличением военных заказов. Поскольку перевозка пароходов с Ижевского пруда до камского села Гольяны представляла собой трудоемкую процедуру, все пароходы сохранялись в рабочем состоянии при всех четырех эвакуациях завода в период 1918–1919 гг. (в отличие от железнодорожного состава). Пароходы «Шрапнель», «Иж» и «Граната» эксплуатировались весь указанный период. Пароход «Шторм» в это время оставался на Каме из-за проблем технического (ремонт 1917 г.) и военного характера (поврежден в Левшино в 1919 г., новый ремонт сильно затянулся в условиях послевоенной разрухи).

Анализ судового состава Ижевских заводов позволяет сделать вывод, что, несмотря на значительный рост, заводы все-таки продолжали испытывать дефицит самоходных плавсредств. Это доказывается покупкой старого, уже практически негодного парохода «Пчелка» (единственное достоинство которого состояло в том, что он в 1915 г. уже находился в Ижевске), парохода «Шторм», который так и не смогли доставить в Ижевск, а также очень бережной эксплуатацией парохода «Иж». Техническое состояние «Ижа» заставило Хозяйственный комитет еще в 1914 г. подыскать ему замену, но вместо этого он эксплуатируется до 1920-х гг., и на него даже ставят новый котел.

После революции дефицит водного транспорта пытались решить за счет национализации частных плавсредств, что дало возможность преодолеть кризис лишь частично (все катера и лодки были маломощные и небольшого водоизмещения). Вероятно, к началу 1920-х гг. произошла окончательная монополизация всех крупных плавсредств, находящихся на Ижевском пруду, и в состав заводской флотилии вошли бывшие катера и моторные лодки фабрикантов Евдокимова («Фабрикант») и Петрова («Садик», «Альбатрос» и «Чайка») – лучшее из того, что имелось на Ижевском пруду.

С развитием сети железных дорог на Ижевских заводах и в округе необходимость в развитии водного транспорта отпала. В 1926 г. завод отказывается от парохода «Шторм», еще ранее пароходы «Иж» и «Красная звезда» ставятся на консервацию, в связи с чем единственным действующим пароходом остается «Свобода» («Шрапнель»). По-видимому, она вполне справлялась с объемом необходимых перевозок, поскольку остальные пароходы еще до начала 1930-х гг. так и оставались на консервации.

6. Благодарности

Статья подготовлена при поддержке Комплексной программы фундаментальных научных исследований УрО РАН, № 18-6-6-38.

Литература

АВЗ – Архив Воткинского завода.

Воткинский завод – Воткинский машиностроительный завод. Век судостроения (1847–1945) / Р.В. Лапшин, Н.В. Митюков, Д.В. Матвеев, А.В. Коробейников. Ижевск, 2018. 434 с.

Жилин, 2011 – Жилин С. На Ижевском пруду // *Автотрибуна*. 2011. 12 сентября. С. 13.

Жилин, 2012 – Жилин С. На берегах истории // *Деловой квадрат*. 2012. № 9 (84). С. 62-64.

МИКВ – Музей истории и культуры города Воткинска.

Митюков и др., 2018 – Митюков Н.В., Баутина С.Л., Лошкарев А.Н. Рукопись Г.М. Кутузова как источник по ижевским пароходам // *Восточно-Европейский научный вестник*. 2018. № 2 (14). С. 50-53.

Регистр, 1926 – Регистр Союза ССР. Список речных судов. Составлен по данным Местных Бюро Регистра Союза ССР на 1 марта 1926 г. / Под ред. инж. Н.Я. Волпянского. М.: Транспечать, 1926. 503 с.

Селивановский, 2014 – Селивановский С.Н. Старый Ижевск. События и люди в объективе фотографов. Ижевск: Киноград, 2014. 292 с.

Список, 1918 – Список судов речного флота по переписи 1916–17 гг. Бассейн реки Волги. СПб, 1918.

УРМ – Национальный музей Удмуртской Республики им. К. Герда

ЦГА УР – Центральный государственный архив Удмуртской Республики.

ЦДНИ – Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики.

Mitiukov et al., 2019 – Mitiukov N.W., Loshkarev A.N., Bautina S.L. Vessel's Composition of the Plant Number 74 ("Izhmash") in 1930–1950-ies // *Russkaya Starina*. 2019. № 10 (1), pp. 26-31. DOI: 10.13187/rs.2019.1.26

Mitiukov et al., 2018 – Mitiukov N.W., Bautina S.L., Adinyaev S.I. Steamers of the Izhevsk's plants on the 1910-s // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 49. Is. 3, pp. 1307-1320. DOI: 10.13187/bg.2018.3.1307

Mitiukov et al., 2019 – Mitiukov N.W., Bautina S.L., Loshkarev A.N., Seliverstova M.A. The Navigation's Beginning on Izhevsk Pond on the Meeting's Journals of the Economic Committee of Izhevsk Plants in 1892–1900 // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 52. Is. 2, pp. 808-820. DOI: 10.13187/bg.2019.2.808

Mitiukov et al., 2019 – Mitiukov N.W., Bautina S.L., Mitrofanov A.F., Makarov Y.N. Merchant Shipping Company I.I. Bodalev on the meeting's journals of the Economic Committee of Izhevsk plants 1895-1900 // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 52. Is. 3, pp. 1301-1309. DOI: 10.13187/bg.2019.3.1301

References

AVZ – Archive of the Votkinsk plant.

CDNI – Center for Documentation of the Recent History of the Udmurt Republic.

CGA UR – Central State Archive of the Udmurt Republic.

MIKV – Museum of History and Culture of Votkinsk.

Mitiukov et al., 2018 – Mitiukov N.W., Bautina S.L., Adinyaev S.I. (2018). Steamers of the Izhevsk's plants on the 1910-s. *Bylye Gody*. Vol. 49. Is. 3, pp. 1307-1320. DOI: 10.13187/bg.2018.3.1307

Mitiukov et al., 2019 – Mitiukov N.W., Bautina S.L., Loshkarev A.N., Seliverstova M.A. (2019). The Navigation's Beginning on Izhevsk Pond on the Meeting's Journals of the Economic Committee of Izhevsk Plants in 1892–1900. *Bylye Gody*. Vol. 52. Is. 2, pp. 808-820. DOI: 10.13187/bg.2019.2.808

Mitiukov et al., 2019 – Mitiukov N.W., Bautina S.L., Mitrofanov A.F., Makarov Y.N. (2019). Merchant Shipping Company I.I. Bodalev on the meeting's journals of the Economic Committee of Izhevsk plants 1895-1900. *Bylye Gody*. Vol. 52. Is. 3, pp. 1301-1309. DOI: 10.13187/bg.2019.3.1301

Mitiukov et al., 2019 – Mitiukov N.W., Loshkarev A.N., Bautina S.L. (2019). Vessel's Composition of the Plant Number 74 ("Izhmash") in 1930–1950-ies. *Russkaya Starina*. № 10 (1), pp. 26-31. DOI: 10.13187/rs.2019.1.26

Mitiukov i dr., 2018 – Mitiukov N.W., Bautina S.L., Loshkarev A.N. Rukopis G.M. (2018). Kutuzova kak istochnik po izhevskim paroxodam [Manuscript by G.M. Kutuzov as a source for Izhevsk steamboats]. *Vostochno-Evropejskij nauchnyj vestnik*. № 2 (14), pp. 50-53. [in Russian]

Registr, 1926 – Registr Soyuz SSR. Spisok rechnykh sudov. Sostavlen po dannym Mestnykh Byuro Registra Soyuz SSR na 1 marta 1926 g. [Register of the USSR. List of river vessels. Compiled according to the data of the Local Bureau of the Register of the USSR on March 1, 1926]. M.: Transpechat. 1926. 503 p. [in Russian]

Selivanovskij, 2014 – Selivanovskij S.N. (2014). Staryj Izhevsk. Sobytiya i lyudi v obektive fotografov [Old Izhevsk. Events and people in the lens of photographers]. Izhevsk: Kinograd, 292 p. [in Russian]

Spisok. 1918 – Spisok sudov rechnogo flota po perepisi 1916-17 gg. Basseyn reki Volgi [List of ships of the river fleet according to the census of 1916-17. Basin of the Volga River]. SPb. 1918. [in Russian]

URM – National Museum of the Udmurt Republic named after K. Gerda.

Votkinskij zavod – Votkinskij mashinostroitel'ny`x zavod. Vek sudostroeniya (1847-1945) [Votkinsk Machine-Building Plant. Age of shipbuilding (1847-1945)]. By R.V. Lapshin, N.W. Mitiukov, D.V. Matveev, A.V. Korobejnikov. Izhevsk, 2018. 434 p. [in Russian]

Zhilin, 2011 – Zhilin S. (2011). Na Izhevskom prudu [On the Izhevsk's lake]. *Autovitrina*. 12 sentyabrya. P. 13. [in Russian]

Zhilin, 2012 – Zhilin S. (2012). Na beregakh istorii [On the shores of history]. *Delovoy kvadrat*. № 9 (84), pp. 62-64. [in Russian]

Пароходы Ижевских заводов в Первой мировой и Гражданской войнах

Николай Витальевич Митюков^{a, b, c, d, g, *}, Светлана Леонидовна Баутина^e, Анатолий Николаевич Лошкарев^c, Юрий Николаевич Макаров^f

^a Международным сетевым центром фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, Ижевск, Российская Федерация

^c Ижевский государственный технический университет им. М.Т. Калашникова, Ижевск,

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nico02@mail.ru (Н.В. Митюков)

Российская Федерация

^d Московский институт психоанализа, Москва, Российская Федерация

^e Камский институт гуманитарных и инженерных технологий, Ижевск, Российская Федерация

^f Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

^g Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Ижевские оружейный и сталелитейный заводы сыграли большую роль в Первой мировой войне, в первую очередь в деле обеспечения российской армии стрелковым оружием. Но в их истории до сих пор практически не исследована роль заводского водного транспорта. Между тем, начиная с 1912 г., на волне предвоенных заказов начался его существенный рост. К двум пароходам, имевшимся на Ижевском пруду в начале века («Иж» и «Шрапнель»), добавились построенные в Воткинске пароход «Граната» и моторная лодка «Ижзавод». В 1915 г. у купца Бодалева был куплен пароход «Пчелка». В это же время приобретен пароход «Шторм», из-за проблем технического и военного характера так и не попавший в Ижевск. После революции заводам, вероятно, достались национализированные катера и лодки фабрикантов Петрова и Евдокимова. Несмотря на их небольшой размер и маломощность, это было лучшее из того, что в данный период имелось на Ижевском пруду, в результате чего к 1925 г. заводская флотилия достигла пика своей численности (четыре парохода и пять катеров).

Причины роста значимости заводского водного транспорта в период Первой мировой войны следует искать в удаленности акватории Ижевского пруда от Камы. Перевозка катеров и пароходов представляла собой довольно трудоемкую операцию, в результате чего Ижевские заводы, пережившие в 1918–1919 гг. четыре эвакуации, сохранили в относительном порядке свою флотилию, но при этом практически полностью лишились угнанного или уничтоженного железнодорожного транспорта. С его восстановлением роль водных перевозок, как и водного транспорта на Ижевском пруду, вполне закономерно упала. Во второй половине 1920-х гг. происходит существенное сокращение численности заводской флотилии, и к началу 1930-х гг. в эксплуатации остались лишь пароход «Свобода» и два катера.

Ключевые слова: Ижевские заводы, водный транспорт, Первая мировая война, Гражданская война, водные перевозки, обеспечение оборонного производства.

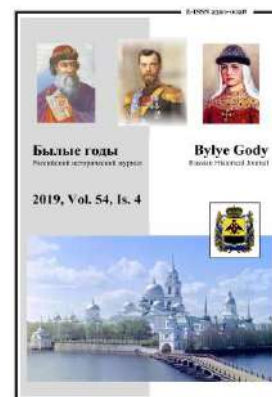
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1907-1917. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1907
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Russian-Romanian Diplomatic Negotiations between 1914 and 1916 for Romania's Entry into the First World War

Sorin Arhire^{a, *}

^a University of Alba Iulia, Romania

Abstract

Although it had adhered to the Triple Alliance since as early as 1883, when the First World War broke the Romanian Kingdom proclaimed its neutrality, a decision that was favourable to the Entente. The negotiations between France, Great Britain and Russia on the one hand and the Romanian Kingdom on the other hand were only conducted by Russian and Romanian diplomats, while the French and British representatives were merely “kept up to date” with the evolution of the discussions. On 18 September/1 October 1914, a secret Russian-Romanian convention was signed whereby Russia recognised the territorial integrity of Romania and its right to incorporate within its borders the territories inhabited by the Romanians in Austro-Hungary. For almost two years, Romania maintained a state of neutrality that was benevolent towards Russia, in spite of the commercial relations that existed between the kingdom on the Danube and the enemies of the Entente. In the summer of 1916, under the circumstances of the offensive of General Alexei Brusilov in Galicia, but also of an advance of the French-British troops in Verdun, the government in Bucharest decided to enter the war alongside Russia, France, Great Britain and Italy, with whom he signed both a political and a military convention. On 14/27 August 1916 Romania attacked Austro-Hungary, as the Romanian troops relied on their cooperation with the Russian military.

Keywords: neutrality, negotiations, secret Russian-Romanian convention, Transylvania, Bukovina, S.A. Poklevski-Koziell, I.I.C. Brătianu, political convention, military convention.

1. Introduction

The assassination on 15/28 June 1914 of Archduke Franz Ferdinand and his wife, Duchess of Hohenberg, by a 19 years old student offered Vienna the pretext to attack Serbia in order to re-build the prestige of Austro-Hungary in the Balkans but also to ensure the continued existence of the two-headed monarchy. The humiliating nature of the ultimatum given to Serbia by Austro-Hungary, considering that the Serbian state was supported by Russia, led to its non-acceptance and then to the war declaration given by Vienna as well as to the beginning of the hostilities between Austro-Hungary and Serbia. What was thought to be a mere local confrontation rapidly turned into a world war which lasted over four years because, in Europe, the two military political blocks, the Triple Alliance (Germany, Austro-Hungary, Italy) and the Entente (Great Britain, France and Russia), were already formed.

On 15/28 July 1914 Austro-Hungary declared war on Serbia, Russia and Germany, and Great Britain joined the conflict, too; all these actions ended the “Century of Peace” which had managed to astonish three generations from 1815 to 1914 (F.-G. Dreyfus et al., 2006: 293).

The outbreak of the war determined the Romanian government to define its attitude and all the previous problems moved to the background. Thus, on 21 July/3 August 1914 the Crown Council was convened to the Peleş Castle in Sinaia. The council was attended by 20 people, among them King Carol I and the Heir Prince Ferdinand. In spite of being an ad-hoc institution whose existence was not foreseen by the

* Corresponding author

E-mail addresses: sorin.arhire@uab.ro (S. Arhire)

1866 Constitution, but convened under exceptional circumstances to guide the government's policy, the above-mentioned Crown Council decided to maintain Romania's state of neutrality, which constituted an act of friendship towards Russia¹, although the Romanian Kingdom had joined the Triple Entente as early as 1883. This non-intervention was justified by the fact that the text of the 1883 Treaty had specified that Romania had the obligation to help Austro-Hungary only if the latter had been attacked, which was not the case. On the contrary, the Austro-Hungarian army was the one which entered the Serbian territory. Besides, the government in Vienna had started the war without previously asking for the opinion of the government in Bucharest. Even if Romania did not ally with Russia, France and Great Britain in 1914, the decision not to join the Triple Alliance may be seen as an action favourable to the Entente, which somehow foresaw a tighter collaboration of the kingdom at the mouths of the Danube with the three great powers. An important role in the adoption of this neutrality was certainly the visit to Constantza of Tsar Nicholas II, of the imperial family and of several high Russian officials on 1/14 June 1914 (Arhire, 2019: 1386–1390).

2. Discussion

The Sazonov-Diamandy Secret Convention (18 September/1 October 1914)

Even though it is a less known fact, between 1914 and 1916 the Russian-Romanian relations had an overwhelming importance both for the establishment of Romania's neutrality after the outbreak of the First World War and for its entry into the war two years later, since the negotiations between the government in Bucharest and the representatives of the powers of the Entente were actually held with Russia, while Great Britain and France were only "kept up to date" about their evolution. In his notes kept at the Romanian National Archives, Constantin Diamandy², the Romanian Minister Plenipotentiary to Saint Petersburg, also stressed the decisive role of the Russian-Romanian talks. "At first, the western allies would let Romania negotiate directly with Mr Sazonov while they contented themselves with supporting Russia, inviting us to be conciliatory, pressuring Romania without any direct involvement" (Guzun, 2016: 26). Ion I.C. Brătianu (Arhire), who was prime minister and who actually carried all the negotiations of accession to the Triple Entente, had a point of view that was similar to that of the chief of the Romanian diplomatic mission to Saint Petersburg and was mentioned in a telegram sent by the Minister Plenipotentiary Poklevski-Koziell. According to the mentioned facts, immediately after the outbreak of the war, I.I.C. Brătianu sought to make an agreement with Russia alone without any additional guarantees from France or Great Britain, as the head of the Romanian government was fully aware of the exceptional importance of Romania's relations with its great eastern neighbour (Ardeleanu et al., 1983: 566. Telegram sent by S.A. Poklevski-Koziell to S.D. Sazonov, 2/15 January 1915).

Being a significant wheat exporter and having an army of approximately 650,000 militaries, Romania had become important for the warring states from the very start of the war; each of the two political-military blocks was trying to draw the small kingdom on the Danube to its side. As emphasized by an article published in the "Petersburger Herald", Romania's entry into the war on the side of the Triple Alliance could have influenced Bulgaria and Turkey, and Serbia would have been attacked by the Romanian, Bulgarian and Turkish armies while Austro-Hungary could have directed itself towards Russia (FAMR. F. 71/1914 E, Petrograd. D 50. Petersburger Herald, 29 July 1914). On 16 July, only one day away from Austro-Hungary's declaration of war, King Carol of Romania received two personal telegrams. In the first one, sent by Emperor Franz Joseph, the Romanian monarch was reminded of the old friendship to encourage the approval of the decision to attack Serbia while in the second, signed by Tsar Nicholas II, there was another appeal to friendship with the purpose of maintaining peace (Marghiloman, 1993: 158). "There have been attempts from all sides to bribe us, buy us – draw us to their cause" (Marie, 2014: 101–102), wrote Queen Marie of Romania on the day when neutrality was adopted, 21 July 1914.

Since the neutrality adopted by the government in Bucharest was a positive aspect for the powers of the Entente and especially for Russia, the imperial government in Saint Petersburg sought to preserve this situation as long as they could not draw Romania into a conflict on its side. In consequence, shortly after the organization of the Crown Council at Sinaia, the Romanians and Russians started negotiations to conclude a military convention between the Russian Empire and Romania. Russia's tendency to negotiate and even make concessions was determined by its need to consolidate its strength by attracting new allies which, although they could not play a decisive role in the outcome of the war, could not be neglected either. "Russia is strong enough to trust God and its own strength, but it must not despise its small neighbours' tendencies of getting closer", as Menshikov used to say, talking especially about the Romanian Kingdom (FAMR. F. Petrograd. D. 12).

¹ Right on the eve of the Crown Council on 21 July 1914, following the instructions he had received, Russia's Minister Plenipotentiary to Romania, S. A. Poklevski-Koziell, informed the Romanian Prime Minister, Ion I.C. Brătianu, that Romania's neutrality would be seen by Saint Petersburg as an act of friendship (Oprea, 1998: 69–70).

² Constantin Diamandy entered the diplomatic service in 1892, first as a legation attaché in Berlin and as a Minister Plenipotentiary of Romania to Rome from 1912 to 1914. In February 1914 he was appointed head of the Romanian Legation to Saint Petersburg, a position that he held until December 1917 (NARDCHA, inventory 1530 Constantin Diamandy: 3).

As a result of the negotiations between Sergey Dmitriyevich Sazonov, Russia's Minister of Foreign Affairs, and Ion I.C. Brătianu, Romania's Prime Minister, the head of the Russian diplomacy submitted the draft convention from 23 July/5 August 1914 to the Minister Plenipotentiary of Romania to Saint Petersburg, Constantin Diamandy. Written under the influence of the military operations unfolding between the Russian and the Austro-Hungarian army, the project foresaw a military cooperation between Russia and Romania against the Central Powers for the maintenance of the balance of forces in the Balkans, which Austro-Hungary threatened to destroy. Accompanied by a map, the draft convention also mentioned that the Russian troops would fight until the territories of the dualist monarch, inhabited mostly by Romanians, would unite with the Romanian Kingdom, establishing the limits of these territories. At the same time, it was mentioned that Romania could conclude an eventual separate peace concomitantly only with Russia, as well as the fact that this convention was to be valid until the end of the war. Besides, S. D. Sazonov gave the Romanian government assurances that the literal enforcement of the convention would be supported by France and Great Britain, Russia's allies (Oprea, 1998: 71).

On 13/26 September 1914, S.D. Sazonov and C. Diamandy finalised a new draft convention between Russia and Romania. At the request of the Romanian Prime Minister, Ion I. C. Brătianu, its text included a provision that said that the government in Saint Petersburg recognised the territorial integrity of the Romanian Kingdom as it was in the autumn of 1914 and also mentioned the need to perform a territorial delineation between the Russian and the Romanian sides on the principle of nationality. As there was no discussion about Bessarabia, the head of the Romanian government suggested that after the defeat of Austro-Hungary, the Romanian side of Bukovina should be delineated from the Russian one by the Prut River, a solution that the Russian part could not accept. Through the same project, in exchange for a benevolent neutrality, Russia recognised Romania's right to integrate the territories inhabited by the Romanians in Austro-Hungary inside its borders "as soon as this shall be considered necessary" which gave the Romanian state a freedom to decide and to act (Scurtu, 1992: 32). Like in the text of the previous project, the Russian side undertook to get the approval of France and Great Britain for everything that had been agreed, which proved yet again Russia's prime importance in the negotiations of the Entente aimed at drawing Romania to its side.

Once completed, the draft convention was enforced through an exchange of diplomatic notes on 18 September/1 October 1914. Known as the Sazonov-Diamandy Secret Convention, as its conclusion was confidential, this understanding should have rather been called Sazonov-Brătianu, since, after the organization of the Sinaia Crown Council, the management of Romania's foreign policy was entirely taken over by the Romanian Prime Minister, who did not consult anyone on his decisions, not even Emanoil Porumbaru¹ who was the Foreign Affairs Minister. In spite of his personal ambitions, Constantin Diamandy, who had been appointed a Minister Plenipotentiary of Romania to Saint Petersburg rather recently, was nothing more than a mailman between Sazonov and Brătianu, as he carried out precisely the instructions coming from Bucharest.

Diplomatic Negotiations for Romania's Entry into the First World War

Invoking the 1877-1878 Russian-Turkish War, a conflict where the Romanian army fought alongside the Russians, and also the fact that both the Russians and the Romanians were mostly of the Orthodox Christian faith, the Russian press had asked Romania to enter the war as early as the summer of 1914. Considering that in September 1914 the Tsarist troops had already occupied a significant part of Bukovina that was mainly inhabited by Ruthenians, in an article published in "Vecherneye Vremya" Romania was insistently asked to enter the war, as the Romanian-Russian collaboration against Austro-Hungary was considered extremely timely and favourable to the interests of the Romanian people (FAMR. F. Petrograd. D 12. *Vecherneye Vremya*, 3 September 1914). Pointing out the military successes of Russia against the Austro-Hungarian army, the "Herald Petersburger" was even more categorical with regard to the attitude that the kingdom on the Danube was supposed to adopt by saying no more and no less than, "Romania must pull the sword out" (FAMR. F. Petrograd. D. 12. *Petersburger Herald*, 3 September 1914). Noting the major interest of the government in Bucharest towards the acquisition of Transylvania, a province that had never been part of the Romanian state but whose population was largely Romanian, the Russian newspapers considered that the autumn of 1914 might offer a unique opportunity for Romania to acquire this territory, to the detriment of Austro-Hungary. On the contrary, a victory of Austro-Hungary in the war would have meant "the annihilation of the Romanian ideals" because it would have eliminated any perspective of uniting

¹ "Porumbaru had been completely set aside. All he did was current bureaucracy work, business correspondence and salary payment orders. The true Ministry of Foreign Affairs was his office at home [Brătianu's home], in Lascăr Catargiu Street or better yet in his living room. Romania's narrowest Ministry of Foreign Affairs ever – 4 people, Brătianu and his three intimate secretaries [...]. That was all. Brătianu would personally receive all foreign affairs ministers and communicate with all our delegations. He would type the telegrams himself. [...] Besides the official code with the main legations, Brătianu also had personal codes. Only the telegrams that could be sent without this strictly confidential code would pass through the foreign affairs and be communicated to them" (Duca, n.y.: 32).

Transylvania with Romania, as was underlined in a Petrograd¹ newspaper (FAMR. F. Petrograd. D. 12. *Novoye Vremya*, 29 October 1914).

The Russian media, however, issued a warning for all non-Slavic peoples with populations to be freed from Austro-Hungary, which also applied to Romania: “There is no payment without a fight”. This statement from the “*Russkoye Slovo*” was bolstered by explanations that Transylvania and the Italian provinces from Austro-Hungary were not linked to Italy or Romania by history or politics as their entire previous evolution had unfolded outside the Italian or the Romanian state; this, in the vision of the author of that article, could justify a separate political evolution of such territories in the future, too (FAMR. F. Petrograd. D. 12. *Russkoye Slovo*, 27 September 1914). However, one may note that this observation referred more to Romania than to Italy since only one year before, the Romanian army had gotten involved in the end of the Balkan Wars and its advance into the Bulgarian territory did not encounter any resistance, thus leading to territorial gains.² The article published by the “*Petrograder Zeitung*” in August 1914 leaves no doubt about this:

“This concerns particularly Romania which seems to fancy another stroll like the one it took Bulgaria, this time in Transylvania, and take home a huge spoil without shedding a drop of blood. This cannot be allowed under any circumstances. Romania only has the liberty to perform its liberation with arms in hand as long as our troops have not occupied any Hungarian territory with Romanian population on it yet, i.e. as long as Transylvania is there to be conquered. But as soon as Transylvania is taken over, we can no longer talk about a transfer of this province to Romania both for reasons of justice and for political reasons. Because if Romania takes possession of Transylvania so easily, it will immediately think of acquiring Bessarabia just as easily. It is of no use to us to whet such appetite” (FAMR. F. Petrograd. D 12. *Petrograder Zeitung*, 29 August 1914).

Russia was still at war with Austro-Hungary and wanted to weaken or even eliminate the latter, but the same newspaper, the “*Petrograder Zeitung*” drew attention to the fact that the Tsarist army should pay attention to how far it wanted to go with the fulfilment of its objectives as “the desire to crush the enemy with all its powers must not go as far as doing the liberation work of other peoples, too and then giving them what we gained by shedding the precious Russian blood. [...] Russia must be careful not to play the undignified role of doing the dirty work of others. That is as far as the duties of Russia go” (FAMR. F. Petrograd. D 12. *Petrograder Zeitung*, 29 August 1914).

Right after the outbreak of the 1914 conflict, which has endured in history as the First World War or the Great War due to its size, Germany and Austro-Hungary did not abandon hope that they would draw Romania to their side. The steps taken by Berlin and Vienna continued even after the government in Bucharest adopted a strict neutrality in relation to the war that had just begun in Europe, and these attempts to draw the Romanian Kingdom to the side of the Central Powers also continued after the signing of the secret Russian-Romanian convention on 18 September/1 October 1914, as neither the Germans nor the Austro-Hungarians knew anything about the signing of this diplomatic act. In fact, since a military balance had been established between the two warring camps, the attempts to draw Romania to the German and Austro-Hungarian side did not stop until the summer of 1916 when the government in Bucharest declared war on Austro-Hungary (Nastovici, 1979).

In the summer of 1914, at war with Russia, Germany and Austro-Hungary promised that Romania would acquire Bessarabia, a territory that was part of Russia, in exchange for the cooperation of the Romanian army with the Central Powers’ camp. To make this promise even more tempting, the German Minister of Foreign Affairs insisted on explaining to Prime Minister Ion I. C. Brătianu that control over Bessarabia would have been extremely beneficial to Romania, as it was synonymous “to the unlimited control of the Danube Delta and to a very important increase in power” (Oprea, 1998: 77). Because the small kingdom on the Danube remained neutral, the German and Austro-Hungarian offers were subsequently improved; besides the promise to give away the province between the Prut and the Dniester, they also added the Negotin from Serbia and even a part of Bukovina. To avoid an intervention of the Romanian army in Transylvania, in the summer of 1914 Count István Tisza used the Hungarian press to make statements according to which Transylvania was to regain its autonomy and be managed by a provincial council, as it had been until 1849. Moreover, the Austrian diplomacy announced that it would withdraw the objections it

¹ On 1 October 1914, the name of the Russian capital was changed from Saint Petersburg [Sankt Petersburg] to Petrograd through an imperial decree as the old name sounded too German, considering that the Russian Empire was at war with the Second Reich.

² In 1912, following the First Balkan War between Serbia, Montenegro, Bulgaria and Greece, on the one hand, and the Ottoman Empire on the other hand, Bulgaria enlarged its territory. Romania perceived this enlargement and implicitly the strengthening of its southern neighbour as a threat to its own security, and so the government in Bucharest asked the government in Sophia to accept a rectification of the border from Dobruja in favour of Romania. Receiving an offer far below their expectations, the Romanian government opted for a military settlement of the dispute. The offensive of the Romanian army from the summer of 1913 into the Bulgarian territory was a “fast-forward campaign” which determined the Bulgarians to ask for peace so as to avoid the entry of the enemy troops in Sofia. The Bulgarian army did not fight back and so the Romanian army was not tested at all during this campaign. Peace was signed in Bucharest and Bulgaria gave away Southern Dobruja to Romania, which increased Romanian prestige on the international stage. However, this fast and easy victory did have some negative consequences as it hid the serious shortcomings of the Romanian army, which became apparent immediately after its entry into the First World War (Constantiniu, 2008: 253-254).

had had against the Treaty of Bucharest signed in 1913, while also stating that it no longer thought of reviewing it (FAMR. F. Petrograd. D 12. *Novoye Vremya*, 13 August 1914). The governments in Berlin and Vienna even promised Odessa the creation, after the war, of a Great Duchy of Ukraine, a vassal of Austria, which was to separate Romania from Russia (Guzun, 2016: 161–162. Telegram sent by S. A. Poklevski-Koziell to S. D. Sazonov, 9/22 September 1914). However, all these proposals and actions were left without any effect as the large majority of Romanians favoured the Triple Entente; in Bucharest and in other cities there were almost daily demonstrations of sympathy of the population towards France, Russia and Great Britain.¹ Besides, as Stephan Burián von Rajecz, the Foreign Affairs Minister of Austro-Hungary noted:

“Upon a superficial analysis it was thought that Bessarabia could be a compensation for Romania, but this is not a counter value for Transylvania and Bukovina. [...] in the soul of the Romanians, the scale of the aspirations it aims at is ranked in such a way that the first place is taken by Transylvania and Bukovina while Bessarabia comes second as its value is small considering that they must definitely keep in mind that Russia will take it back by force of arms on the first occasion” (Oprea, 1998: 77–78).

During 1914 there were two internal events which favoured the alienation of Romania from the Triple Alliance and its closeness to the Triple Entente. The first happened on 4 January 1914, when the war had not started yet and the Conservative government of Titu Maiorescu was replaced by a Liberal one led by Ion I.C. Brătianu, who, as is well known, was favourable to the camp made up of France, Russia and Great Britain. The second event was represented by the death of King Carol I. Even if the latter proved to be a good Romanian throughout his lengthy reign lasting 48 years, he could never forget his homeland, or the fact that he belonged to the Hohenzollern dynasty, which made him believe in the strength of Germany and in its capacity to impose itself in the freshly started conflict.

As was expected, during the Crown Council held in July 1914 in Sinaia, King Carol showed his desire for Romania to fight alongside Germany and against Russia. In his speech, kept at the National Archives of Romania, the Romanian monarch excluded the neutrality and the cooperation with the Triple Entente states and could only see the possibility of the Romanian Kingdom participating alongside the Triple Alliance, as shown by the following lines: “So we are only left with a third option: to join the Triple Alliance. The latter boasts military forces so huge that it is beyond any doubt that it will come out as the winner of this formidable war” (Mamina, 1997: 32).

Under these circumstances where the king was clearly for Romania joining the Central Powers’ camp², while the Liberal government formed in the early 1914 was favourable to the Triple Entente, it is no wonder that in the summer and autumn of 1914 the divergences between the Romanian monarch and Prime Minister Ion I. C. Brătianu grew wider. There were even persistent rumours, according to which in mid-August the king was preparing an order to send four army corps to the Romanian-Russian border; the head of the government in Bucharest never agreed to such proposal, as Brătianu believed that this action would do nothing but expose Romania to a great danger (FAMR. F. Petrograd. D. 12. *Peterburgskiy Kur’yer*, 12 August 1914). It is, however, to be noted that not only the government would oppose the Russophobe politics of King Carol I but also the majority of the members of Parliament, who all believed that the Romanian sovereign must be forced to reject the claims of Emperor Wilhelm II, whereby the latter had asked Romania to enter into the war immediately alongside Germany and Austro-Hungary. This is how an open conflict emerged between the king and the head of the government, and so the former threatened to abdicate as, after having reigned for almost half a century, Carol I saw himself forced to accept the fact that the government, the parliament and the majority of the population wanted something different from what he wanted. The death of the Romanian sovereign on 10 October 1914 ended this conflict as well as the idea of abdication. The arrival of Ferdinand I on the Romanian throne meant a lot for this country’s closeness to France, Russia and Great Britain, as the new sovereign was favourable to the Triple Entente and his wife, Queen Marie, was a granddaughter of the glorious Queen Victoria and also of Tsar Alexander II. In his diary, Maurice Paléologue, the Ambassador of France to Petrograd, mentioned the difference between the two Romanian sovereigns, emphasizing the positive role of the new king from the perspective of the Entente.

“The King of Romania, Carol I, died yesterday at the age of 76.

Entirely dedicated to the Germanic powers, living always with the admiration, I would say almost with the fetishism of their military, political and moral superiority, he could not have the weakest doubt about their close victory. So that for as long as he lived, we did not stand any chance to rally Romania to our cause.

Ferdinand I, the new king, will have a freer spirit and freer hands.” (Paléologue, 2017: 216)

¹ To give just two examples to this end, it is worth mentioning that in early September, in Galatz there was a “noisy demonstration” in favour of the Triple Entente, attended by people from various professions (teachers, attorneys, craftsmen, traders and secondary school pupils) who shouted on the streets “Long live France, England and Russia” (FAMR. F. Petrograd. D 12. *Vecherneye Vremya*, 2 September 1914). The return of the political leader Nicolae Filipescu from the Peleş Castle in Sinaia where he had been in an audience with the king triggered the formation of a crowd of almost 20,000 people, who waited for him for several hours at the North Station in Bucharest to ask for the immediate entry of Romania into the war on the side of the Triple Entente (FAMR. F. Petrograd. D 12. *Petrograder Zeitung*, 13 septembrie 1914).

² The Russian press was even writing about “the king’s stubbornness” (FAMR. F. Petrograd. D. 12. *Birzhevyye Vedomosti*, 21 August 1914).

While still preserving their decency towards the demise of Carol I, the Russian press also highlighted the possibility of making a major change in the Russian-Romanian relations with the disappearance of the old king. Emphasizing the fact that the former sovereign was a Catholic, as was most of the population of Austria and a good part of Germany, the articles of the Russian newspapers forecasted major changes in the foreign policy of the government in Bucharest, where all actions contrary to the interests of the Entente should no longer find echo in the monarchy, as had happened until then ([FAMR. F. Petrograd. D. 12. Birzhevyye Vedomosti, 21 August 1914](#)). In spite all that, the Russian newspapers also published some articles that did not grasp the drama of King Carol I when the war had started. Because he had proven his loyalty to his country of adoption since his arrival to Romania in 1866, but because he had never forgotten Germany,¹ his homeland, the solution was simple for Romania's first king: Romania had to join the Second Reich, and thus the two countries would have been in the same camp. As Russia was interested in making Romania's entry into the war occur as soon as possible alongside the Entente, the "Novoye Vremya" presented the former Romanian sovereign in an entirely unfavourable light whereby his feelings took priority over those of the country, which was not true.

"The personal feelings of the deceased King Carol were so much against the vital interests of the Romanian people. The welfare of the nation was sacrificed to the feelings of kinship of King Carol towards Emperor Wilhelm. The logo of the Romanian politics was the following: better let the entire Romanian people perish than disturb the family ties between the two lines of the Hohenzollern family" ([FAMR. F. Petrograd. D. 12. Novoye Vremya, 29 October 1914](#)).

According to the Russian press, but also to the politicians in Petrograd, although Ferdinand I was still a Hohenzollern, through his arrival on the Romanian throne, the politics of dynastic interests that had been promoted in the past were replaced with politics that relied on the promotion of national interests, which benefited Russia. Hence, the request for an audience made by a committee consisting of university professors with the purpose of determining the monarch to support Romania's entry into the war alongside the Entente was favourably received by King Ferdinand I, who even encouraged the intervention of professors into political life, while Carol I would have seen it as a mere offence to the institution of the monarchy ([FAMR. F. Petrograd. D. 12. Novoye Vremya, 29 October 1914](#)).

Raised in the shadow of his uncle², Heir Prince Ferdinand was proclaimed a king on 28 September/11 October 1914 when he was sworn in. At that time, little was known about him; Nicolae Iorga, Romania's greatest historian of all times described him as "an unknown and ignored individual, for some a mystery, for no one a certainty" ([Scurtu, 1992: 33](#)). In this new political context, Ion I. C. Brătianu became the central figure of political life, and his decisions had an overwhelming importance for the destiny of Romania. Across the country there were almost daily demonstrations; most people were asking for the country to join the war alongside the Entente while others, fewer in numbers, were in favour of the Central Powers. Few were for the maintenance of neutrality, but nevertheless I.I.C. Brătianu kept discretion and did not reveal any of his plans for the future. "The Sphynx," as he was named by his contemporaries, used silence as his main weapon, assimilating himself to the "engineer who works in silence on a piece of safety work" ([Iorga, 1972: 473](#)).

The signing of the convention from 18 September/1 October 1914 clearly showed a tightening of the Russian-Romanian relations, but the government in Petrograd wanted certain clarifications with regard to the attitude of the government in Bucharest. After the signing of this convention, Ion I. C. Brătianu authorised the Minister Plenipotentiary C. Diamandy to declare to the Russians that Romania would keep an attitude of "benevolent neutrality" until the moment when its army would occupy the Austro-Hungarian territories inhabited by Romanians. Only two days after the signing of the above-mentioned convention, in a telegram addressed to the Russian Minister Plenipotentiary in Bucharest, S. D. Sazonov asked for clarifications from Prime Minister Brătianu with regard to the status of "benevolent neutrality" he had proclaimed. The Foreign Affairs Minister would have wanted this wording to make clear that, on its territory, the Romanian government would forbid any transports of war materials and food supplies by states that were enemies of Russia and, at the same time, that the Romanian territory was open to the transit of Russian

¹ Even if from his very first day in Romania (back then known as the United Principalities of Moldova and Walachia) on 20 May 1866, Prince Carol declared that "upon setting foot on this holy land, I became a Romanian," he could never integrate the Byzantine-Oriental morals that were so inherent to the Romanian political class and remained loyal to Germany and to his ethnic origins. In his memories, I. G. Duca described King Carol I as having precisely the attributes that the Romanians lacked. "In a country which did not have the notion of time, King Carol brought the sense of mathematical accuracy [...]. In a country where everything was an approximation, he brought the conscientiousness imposed to the verge of German meticulousness. In a country of twitches, of violent enthusiasm and of hasty discouragement or at least rapid boredom he brought an unflinching, peaceful and steady perseverance like the ticking of the countless clocks that filled his apartments. In a country full of impatience and restlessness he brought patience which knows to get ready and the peace that knows to maintain its serenity [...], in a country with an eastern mentality, he brought a western spirit precisely at a time when that country was striving to rush itself into the great whirlpool of the western civilisation [...], in a country which, due to its historical vicissitudes, was not used to well-defined plans made in advance, he came with a precise purpose, made a programme and fulfilled it to the letter" ([Constantiniu, 2008: 234–235](#)).

² As King Carol I and Queen Elisabeth had just one girl, Mărioara, who died when she was only 4 years, Prince Ferdinand, to whom Carol I was an uncle, became the Heir Prince.

military equipment towards Serbia ([Guzun, 2016: 168. Telegram sent by S. D. Sazonov to S. A. Poklevski-Koziell, 20 September/3 October 1914](#)). Brătianu's answer was rather vague and unsatisfying for the Russian side, as the head of the Romanian government only promised that he would try to limit as much as possible the transfer of war materials to Turkey and Bulgaria but without forbidding it completely as, he would say, otherwise Romania would reveal its intentions to join the Entente too soon, and in consequence it would no longer receive projectiles and military equipment from Germany. Continuing on the same line, Brătianu argued that Romania's intensified preparation for the war would fully compensate the German transit to Bulgaria and Turkey, but Poklevski-Koziell did not agree to this statement ([Guzun, 2016: 171. Telegram sent by S. A. Poklevski-Koziell to S. D. Sazonov, 23 September/6 October 1914](#)). Rightfully considering that Romania was doing business with the Central Powers, which had a direct effect on Russia's military operations, the Foreign Affairs Minister in Petrograd requested additional clarifications from the Minister Plenipotentiary C. Diamandy through the head of the Imperial Chancellery, the baron Schilling, in a discussion that he had with him on 1 October ([Guzun, 2016: 66](#)). They did not reach any result this time either, as the problem of the transit across the Romanian territory remained a very thorny one, which was only settled when Romania entered into the war alongside the Entente, in the summer of 1916.

Although Russia's proposal for Romania to join the camp of the Entente came immediately after the outbreak of the war, the attitude of the kingdom on the Danube was rather unclear, as shown by a few telegrams sent by the Minister Plenipotentiary Poklevski-Koziell. In order not to exhaust its forces from the beginning of the conflict, the Romanian government headed by Ion I.C. Brătianu further postponed Romania's entry into the war by invoking either the Romanian army's lack of preparation¹ or the unfavourable circumstances on the Eastern Front. An important obstacle against the signing of a political treaty between the Entente and the Romanian Kingdom came from the exaggerated territorial requests formulated by the Romanian Prime Minister, which the Russian diplomats found excessive. Because France and Great Britain did not have any territorial possessions in South-Eastern Europe, all the claims of the Romanian party were to be supported by Russia. Hence, in a discussion between the head of the Russian diplomatic mission in Bucharest and I.I.C. Brătianu, the latter stated that besides Transylvania the Romanian government also wanted the entire Banat and the entire Bukovina through the establishment of the Romanian-Serbian border on the Tisza and of the Romanian-Russian border on the Prut River,² a solution which could not be accepted by the Russian side as it would have breached the principle of nationality in both cases. The Banat had an extraordinary ethnic diversity which prompted the British historian R. W. Seton-Watson to state that "there is no district in all of Europe where races are so chaotically mixed as they are in Banat" ([Seton-Watson, 1988: 752](#)); besides the four main national groups (Romanians, Germans, Serbs and Hungarians), there were also Jews, Albanese, Armenians, Czechs, Slovaks, Italians and even a small number of French and Spaniards.³ Bukovina, in its turn, also had four main ethnic groups (Ukrainians, Romanians, Jews and Germans) with the Ukrainians being the largest majority, 38.4 % and placed compactly to the north of the province ([Livezeanu, 1995: 49](#)). Under these circumstances, Russia was not at all willing to sacrifice the Ukrainians from Bukovina or its Serbian ally (considering that Serbia was very interested in the west of Banat) only to yield to Brătianu's claims. The territorial claims made by the head of the Romanian government and their excessive nature made Russia suspect that Romania did not want to enter the war, as S. D. Sazonov mentioned in a telegram. "The way in which Brătianu operates starts raising the suspicion that he intentionally claims what he knows can't be accepted to make it impossible for us to reach an agreement and to avoid entering the war while making us responsible for the failure of the negotiations" ([Guzun, 2016: 221. Telegram sent by S. D. Sazonov to S. A. Poklevski-Koziell, 1/14 May 1915](#)).

As was to be expected, this constant postponement and prevarication triggered an animosity between Petrograd and Bucharest; in the telegrams sent by the Russian diplomats, the attitude of the Romanian government was characterised as "questionable" or "very enigmatic" and the honest desire of the Romanian Kingdom to join Entente in the war was questioned. Although Russia and Romania on 18 September/1 October 1914 had signed a secret convention, in Petrograd they were considering the possibility of the Romanian Kingdom remaining neutral throughout the entire First World War or even joining the Central Powers.

¹ Although Romania spent over two years in neutrality, when it did enter into the First World War it was proven that its army was not at all ready for the conflict that had started in 1914. The drafting of the campaign plan focused more on the state of the spirit of the population than on the military needs, and so they decided on an offensive action in Transylvania and a defensive one along the Danube and in Dobruja. The logical plan would have been to do it exactly the other way around. The underestimation of the enemy and the overestimation of their own forces were other errors to which we must add, last but not least, the generalised corruption that existed during the Liberal governing, as most of the money intended for the army was embezzled. "As 1915 began, so many possibilities were indeed made available to those who had some leverage with the government to make a fortune overnight through exports and imports of favours, through the army supplies and public works that only those with a strong character or a slow mind did not make a fortune," wrote C. Argetoianu in his memoirs ([Argetoianu, 1991: 151-152](#)).

² As he believed that Romania's entry into the war deserved some special reward, Ion I. C. Brătianu asked Poklevski-Koziell to be given the following territories: Bukovina all the way to the Prut, Transylvania, Banat all the way to the Tisza as well as part of Hungary along the line from Szeged to the confluence between the Someș and the Tisza and further along the Carpathians to Bukovina ([Guzun, 2016: 204](#)).

³ For further details, see ([Moga, 2015: 106-108](#)).

In 1915, faced with German pressure on the Western Front where a balance had been established between the French-British and the German troops and where there were bloody confrontations for only a few square kilometres, France intervened in the Russian-Romanian negotiations and asked both sides to show moderation since it was interested in Romania entering into the war as soon as possible. Since the French wanted an offensive of the Eastern Front to force the Germans to transfer some divisions from the West, the Quai d'Orsay made some proposals about Romania's territorial claims. Considering that the Russian-Romanian negotiations were at a standstill and there was even a certain tension between the two sides, it was not easy for the French to come up with a compromise. Through several talks in Paris, but also in Petrograd and Bucharest, the French diplomats managed to a certain extent to mitigate the animosities between Sazonov and Brătianu which had gotten quite extreme at a certain point, as proven by the words of Russia's Minister of Foreign Affairs, noted down by Maurice Paléologue on 18 May 1915:

"Brătianu claims to dictate to us; he speaks of Russia with an air of arrogance which I shall not tolerate... I even know that he gave himself away in front of several foreign diplomats when he said that: 'Now it is not the time for Russia to raise its voice!'... Well, he is wrong! Russia is a great power and a passing failure of its armies won't make it forget what it is, what it means through its past, which is its future and its historical mission" (Paléologue, 2017: 444).

Faced with the perspective of a new winter of war, the French decided to "buy" Romania's cooperation at any cost, thus putting pressure on Russia, which public opinion in France would have blamed if the negotiations with Romania had failed (Guzun, 2016: 240–241. Telegram sent by the Russian Ambassador in France, A. Izvolsky, to S. D. Sazonov). Brătianu's point of view that Romania was to have its natural borders along the Danube, the Tisza and the Prut was replaced by the French diplomacy with a reconciliatory solution whereby the Romanian Kingdom was to receive most of the Banat, including the north-eastern side of the Torontal district and Bukovina up to the Siret, while the southern border set by the Danube was left unchanged. Against the backdrop of Russia's military defeats suffered at the hands of the German army, the pressure of France was successful and S.D. Sazonov accepted this point of view, as proven in a discussion that he had with the French Ambassador in Petrograd, Maurice Paléologue:

M. Paléologue: "Let's speak frankly, my dear minister! Think of your military situation, as well! Aren't you frightened by this hasty, unforeseen withdrawal? Can't you see that you are about to lose Przemysl; that maybe even tomorrow the Austro-Germans will mass cross the San and the Vistula? Finally, are you certain that within two or three weeks' time you won't be bitterly regretting having negotiated the Romanian participation so fiercely?"

S.D. Sazonov: "I shall look, he says, for the terms of a new concession in Bukovina and along the Danube bank of the Banat. But I shall set the immediate intervention of the Romanian army as an absolute requirement..." (Paléologue, 2017: 445).

Quai d'Orsay made huge efforts to get the Romanian government to accept Russia's proposals but, faced with "Brătianu's stubbornness", as it was often mentioned in the Russian telegrams, in June 1915 they were forced to accept all Romania's territorial claims, on the condition that the latter entered into the war. In its turn, Russia, whose army had suffered a long series of defeats in Galicia, losing Warsaw, adopted a conciliatory attitude towards the Romanian Kingdom and agreed in its turn to Romania's claims. There was even an interesting episode in Bucharest around this time, as S. A. Poklevski-Koziell even had I.I.C. Brătianu sign a written commitment that the Romanian army would join the war alongside the Entente within four weeks, by the beginning of August (Duca, n.y.: 28). As Romania's military involvement relied on the Russian front, this was a thoughtless promise of the Romanian head of government, considering that the tsar's troops were defeated and were withdrawing inside Russia, and Petrograd even considered evacuating the city. The Romanian Prime Minister had gotten himself into an overly delicate situation, as he could not engage the country into a conflict at such an unfavourable moment, but still he had signed a commitment that could not be twisted and so the only solution left was his resignation. In the end, following discussions of the Romanian politicians with the Ministers Plenipotentiary of Russia, France and Great Britain to Bucharest, the latter accepted to release Brătianu of his promise, as the setting up of a new government in Romania would have been a thing shrouded in uncertainty and the position of prime minister could have been taken by someone who was less favourable to the Entente or even had pro-German views (Duca, n.y.: 29–30). Following this event, the three great powers recognised all the territorial claims of the government in Bucharest and left it with them to decide the right time for Romania to join the war.

This extension far beyond the expectations of the negotiations between Russia and Romania had a direct impact on the situation of the Minister Plenipotentiary S. A. Poklevski-Koziell, who already was not well-regarded at the Ministry of Foreign Affairs in Petrograd since he was a Pole and a Catholic; his superiors constantly suspected him of lack of loyalty towards the interests of Russia. In their turn, the Russian militaries blamed him directly for the failure to draw Romania to the side of the Entente. In his statements, General Nikolai Yanushkevich, the chief of Staff of the Russian Army High Command, was extremely critical towards the chief of the Russian diplomatic mission to Bucharest, saying that "he is not trustworthy" and "... is dangerous", that "he didn't accomplish anything in Russia's interest", going so far as to almost use the word "treason" (Guzun, 2016: 58–59. Note 67). In his turn, General Mikhail Alexeev believed that Poklevski-Koziell's attitude was too pro-Romanian; the Russian diplomat had the habit of discussing with the generals

“military issues that he doesn’t understand and the Romanians can convince him of what they want. Then he supports their view on things!” (Guzun, 2016: 62). All these negative opinions about the Russian Minister Plenipotentiary had their consequences, as the issue of his replacement was raised in 1915 and 1916.

The landslide victories of the German and Austro-Hungarian army against Russia in the second half of 1915, when the Central Powers conquered Austrian Galicia, Warsaw, Vilnius and the fortified camps from Grodno and Brest-Litovsk, caused a certain cooling of the negotiations for Romania’s entry into the war as the times were no longer favourable to such a decision. Italy’s declaration of war against Austro-Hungary on 23 May 1915 reduced the importance of attracting the Romanian Kingdom to their side, while the Central Powers realised that they could no longer draw Romania to their side and were just content with its neutrality. For a while it was believed that the future operations of the Romanian army could be synchronised with an offensive of the British, French, Australian and Neo-Zealand troops landed on the Gallipoli Peninsula on 25 April 1915, but the resistance of the Turkish troops led to the failure of this operation in the Balkans. As S.A. Poklevski-Koziell himself mentioned in a letter sent to the Minister of Foreign Affairs in Petrograd, the Romanian government, politicians and public opinion showed no enthusiasm for their country joining the war, but, quite the opposite, their state of mind was rather depressed (Guzun, 2016: 257-258. Telegram sent by S.A. Poklevski-Koziell to S.D. Sazonov, 2/15 November 1915). Bulgaria’s participation in the First World War, decided through the declaration of war on 11 October 1915, complicated things even further as the Bulgarian army attacked Serbia, which made it even less likely for Romania to join the war on the side of the Entente.

Political Convention and Military Convention (4/17 August 1916)

Even though the offensive of General Alexei Brusilov did not benefit from the support of the artillery, it did manage to inflict a catastrophic failure upon the Austro-Hungarian troops through an attack launched on 4 June 1916. The success of the Russian troops in Galicia combined with an offensive of the French-British troops in Verdun provided favourable circumstances to Romania’s entry into the war. Within this context, General Mikhail Alexeev, the chief of Staff of the Russian Army High Command, sent a telegram to Bucharest in which he argued that it was the right time for the Romanian army to join the war, supporting his recommendation with the military situation on the two main battlefields (Ardeleanu et al., 1983: 708. Telegram sent by General M. Alexeev to Colonel A. Tatarinov, 5/18 June 1916). Addressing King Ferdinand I, Tsar Nicholas II was also in favour of Romania’s engagement in the conflict that had started in 1914, arguing that “the intervention of the Romanian army is, for the time being, very auspicious; later on, it will cease to be of interest for Russia” (Oprea, 1998: 92). Given the conviction of the French that the war could be ended within a couple of months if the Romanian army joined the conflict alongside the Entente, the government in Paris, through its Minister Plenipotentiary Jean Camille Blondel, ensured the government in Bucharest that France would provide Romania with supplies through Russia (Guzun, 2016: 287. Telegram sent by S.A. Poklevski-Koziell to S. D. Sazonov, 16/29 June 1916). Even I.I.C. Brătianu himself, who had always postponed the moment of entry into the war, realised that this time neutrality was no longer an option. On 1 July 1916, General M. Alexeev authorised Colonel A. Tatarinov, the Russian military attaché to Bucharest, to tell the Romanian Prime Minister that Romania should join forces with Russia “now or never”. General Joseph Joffre, Chief Commander of the French army, spoke in almost identical terms, arguing the very second day that “the situation is commanding the Romanian army to intervene now or never” (Oprea, 1998: 92).

Cautious as always, on 21 June/4 July 1916, I.I.C. Brătianu showed himself willing to engage Romania in the war, provided that Russia, France, Great Britain and Italy complied with certain conditions; the Romanian army was to be mobilised only if the following prerequisites were met:

- 1) A first train of ammunition had to be stationed at the border, and Russia and Italy were to guarantee the constant supply of military equipment throughout the war in an approximate amount of 300 tons per day;
- 2) The military offensive of the Allies was not to be interrupted;
- 3) The situation of the Russian army in Galicia and Bukovina should be at least what it was in June 1916;
- 4) Romania was to be secured in front of any Bulgarian attack (Ardeleanu et al., 1983: 730–731. Telegram sent by S.A. Poklevski-Koziell to S. D. Sazonov, 21 June/4 July 1916).

Moreover, the Romanian head of government wanted to sign a political treaty whereby the states of the Entente would guarantee Romania the awarding of the territories established during the 1915 conversations.

Engaged in the confrontation from Verdun, France proved to be very interested in Romania joining the war on the side of the Entente this time, too. A diversion would have been welcome on any European front, considering that “Quai d’Orsay was hypnotised by the idea of attracting Romania into the war” (Duca, n.y.: 124). The President of France himself, Raymond Poincaré, sent a telegram to the tsar, whereby the latter was summoned to accommodate the requirements of the government in Bucharest. In the opinion of the French head of state, the participation of the Romanian army could have accelerated the defeat of Austro-Hungary, which would have entailed the isolation of the Second Reich, thus making it easier to defeat (Ardeleanu et al., 1983: 758–759. Report drawn-up by Captain I. Lambert, 2/15 August 1916). All this pressure coming from France did nothing but confirm the words of the Minister Plenipotentiary S. A. Poklevski-Koziell, who had stated in a briefing sent in early June that “it will be no secret that our allies are the supporters of the

Romanian claims in Petrograd” (Guzun, 2016: 301. Telegram sent by S. A. Poklevski-Koziell to B. Stürmer, 23 July/5 August 1916).

Precisely as in 1914 and 1915, the negotiations between the Entente and Romania for the latter’s entry into the war were conducted by Russia, while France, Great Britain and Italy in the meantime did nothing but wait for the result of the discussions. Having accepted all the territorial claims of the government in Bucharest, on the morning of 4 August 1916, Romania on the one hand and Russia, France, Great Britain and Italy on the other hand signed the political and the military convention; this important event was attended by only five people, as they wanted the Central Powers to find out the decision only when the declaration of war was to be issued. Since the Ministers Plenipotentiary and the Military Attaches of France, Great Britain and Italy had signed in advance, Russia was represented by S. A. Poklevski-Koziell, the Minister Plenipotentiary to Bucharest, while Romania was represented by the Prime Minister Ion I. C. Brătianu, Vintilă Brătianu, the brother of the Romanian Prime Minister who was to become a War Minister shortly, Constantin Diamandy, the head of the Romanian diplomatic mission to the Russian capital, and I. G. Duca, the Minister of Instruction and Cults.

Within the text of the Political Convention, through its seven articles, France, Great Britain, Italy and Russia recognised Romania’s territorial integrity as it was in the summer of 1914 and the right of the Romanian Kingdom to annex territories from Austro-Hungary; the borders were set on the Danube, the Prut and the Tisza. In its turn, Romania undertook to attack Austro-Hungary on the date set in the military convention and to terminate all economic relations and commercial exchanges with the enemies of the Entente. Both parties, the four states and Romania, committed “not to sign any separate or general peace in any other way than together and at the same time” as well as to keep the convention secret until the general peace was signed. Moreover, it was said that Romania would have the same rights as the great signatory powers in all that had to do with the future peace conference, which was a significant achievement for the Romanian diplomacy.¹

The Military Convention established that Romania was to attack Austro-Hungary no later than 15/28 August 1916, while the Russian army was to launch an offensive against the Austro-Hungarian troops, especially in Bukovina. As Russia was to receive the right to use the port of Constantza, it was specified that it was the duty of the Russian war ships to secure this port and prevent any landing of the enemy on the Romanian shore. In order to prevent Bulgaria from attacking Dobruja, Russia committed to send two infantry divisions and one cavalry division to this province; these military units were to cooperate with the Romanian army. The text also spoke of an offensive of the French-British troops in Thessaloniki, and of the fact that France, Great Britain, Italy and Russia committed to supply Romania with ammunition and war equipment through a continuous flow of at least 300 tons per day.²

On the morning of 14/27 August 1916, a new Crown Council was held at the Cotroceni Palace; besides King Ferdinand I and the Heir Prince Carol, this was also attended by government members, parliament representatives, former prime ministers and party leaders. If, more than two years before, King Carol I had convened the council to decide between joining the war or staying neutral, this time the Romanian political leaders were summoned by the new sovereign to be informed of a decision that had already been made, i.e., that Romania was to enter the war alongside Russia, France, Great Britain and Italy.

3. Conclusion

The declaration of war given by Romania to Austro-Hungary on the same 14/27 August 1916 opened yet again the route of cooperation for the Romanian and Russian armies, as had occurred in 1877–1878 during the Russian-Turkish Wars, when the Romanian state had gained its independence for the first time. One year, 10 months and 17 days had passed since the signing of the secret convention between Russia and Romania on 18 September/1 October 1914, and the route had not been easy. The Romanian-Russian diplomatic negotiations for the entry of Romania into the war ended, and diplomacy made room for military cooperation.

References

- Ardeleanu et al., 1983 – Ardeleanu I., Arimia V., Gal I., Muşat M. (eds.). (1983). 1918 la români. Desăvârşirea unităţii naţional-statale a poporului român [1918 for the Romanians: Fulfilment of the National State Unity of the Romanian People]. Vol. I. Documente externe 1879–1916 [External Documents 1879–1916]. Bucharest. 780 p. [in Romanian]
- Argetoianu, 1991 – Argetoianu C. (1991). Pentru cei de mâine. Amintiri din vremea celor de ieri [For Those of Tomorrow: Memories from the Days of Yesterday]. Bucharest. 265 p. [in Romanian]
- Arhire – Arhire S. Ion I. C. Brătianu and His Statue in Alba Iulia. [Electronic resource]. URL: <http://www.imagini-istorie2.apulum.ro/en/story/84.0>

¹ For the full text of the Political Convention between the Entente and Romania from 4/17 August 1916, see (Ardeleanu et al., 1983: 763-765).

² For the full text of the Military Convention between the Entente and Romania from 4/17 August 1916, see (Ardeleanu et al., 1983: 767-771).

- Arhire, 2019** – *Arhire S.* (2019). From Hostility to Friendship: The Russian-Romanian Relations in the Years Prior to the Outbreak of the First World War. *Bylye Gody*. 53 (3): 1383-1393.
- Constantiniu, 2008** – *Constantiniu F.* (2008). O istorie sinceră a poporului român [An Honest History of the Romanian People]. Bucharest. 586 p. [in Romanian]
- Dreyfus et al., 2006** – *Dreyfus F.-G., Jourcin A., Thibault P., Milza P.* (2006). Larousse. Istoria universală [Larousse. World History]. Vol. 3. Evoluția lumii contemporane [Evolution of the Contemporary World]. Bucharest. 1023 p. [in Romanian]
- Duca, n.y.** – *Duca I.G.* (no year). Memorii [Memories]. V. II. Neutralitatea [Neutrality]. P. II. (1915–1916) [1915–1916]. Timișoara. 200 p. [in Romanian]
- FAMR** – Foreign Affairs Ministry of Romania. Bucharest.
- Guzun, 2016** – *Guzun V.* (ed.). (2016). Intrarea României în Primul Război Mondial. Negocierile diplomatice în documente din arhivele ruse, 1914–1916 [Romania's Entry into the First World War. Diplomatic Negotiations in Documents from the Russian Archives, 1914–1916]. Cluj-Napoca. 357 p. [in Romanian]
- Iorga, 1972** – *Iorga N.* (1972). O viață de om [A Lifetime]. Bucharest. 887 p. [in Romanian]
- Livezeanu, 1995** – *Livezeanu I.* (1995). Cultural Politics in Greater Romania: Regionalism, Nation Building & Ethnic Struggle, 1918–1930. Ithaca and London. 340 p.
- Mamina, 1997** – *Mamina I.* (1997). Consilii de Coroană [Crown Councils]. Bucharest. 304 p. [in Romanian]
- Marghiloman, 1993** – *Marghiloman A.* (1993). Note politice [Political Notes]. V. I. România și războaiele balcanice (1912-1913). România și Primul Război Mondial (1914–1919). Neutralitatea (1914–1916) [Romania and the Balkan Wars (1912–1913). Romania and the First World War (1914–1919). Neutrality (1914–1916)]. Bucharest. 448 p. [in Romanian]
- Marie, 2014** – *Marie, Queen of Romania* (2014). Jurnal de război, 1916–1917 (precedat de însemnări din 1910-1916) [War Diary, 1916–1917 (preceded by notes from 1910–1916)]. Vol. I. Bucharest. 502 p. [in Romanian]
- Moga, 2015** – *Moga V.* (2015). Interesele României și ale Serbiei în Banat. Dificultatea trasării unei frontiere între Aliați (1914–1920) [The Interests of Romania and Serbia in Banat: The Difficulty of Drawing a Frontier between Allies (1914–1920)]. *Annales Universitatis Apulensis. Series Historica*. 19 (1): 93-154. [in Romanian]
- NARDCHA** – National Archives of Romania. Directorate of the Central Historical Archives.
- Nastovici, 1979** – *Nastovici E.* (1979). România și Puterile Centrale în anii 1914–1916 [Romania and the Central Powers in the Years 1914–1916]. Bucharest. 242 p. [in Romanian]
- Oprea, 1998** – *Oprea I.* (1998). România și Imperiul Rus [Romania and the Russian Empire]. V.I. (1900–1924) [1900–1924]. Bucharest. 340 p. [in Romanian]
- Paléologue, 2017** – *Paléologue M.* (2017). Rusia țarilor în vremea Marelui Război 20 iulie 1914 – 2 iunie 1915 [Russia of the Tsars during the Great War 20 July 1914 – 2 June 1915]. Brăila. 480 p. [in Romanian]
- Scurtu, 1992** – *Scurtu I.* (1992). Ion I. C. Brătianu. Activitatea politică [Ion I. C. Brătianu: Political Activity]. Bucharest. 143 p. [in Romanian]
- Seton-Watson, 1988** – *Seton-Watson R.W.* (1988). The Question of the Banat. In R. W. Seton-Watson și românii (1906–1920) [Seton-Watson and Romanians (1906–1920)]. Vol. II. Cornelia Bodea, Hugh Seton-Watson (eds). Bucharest. 751-756. [in Romanian]

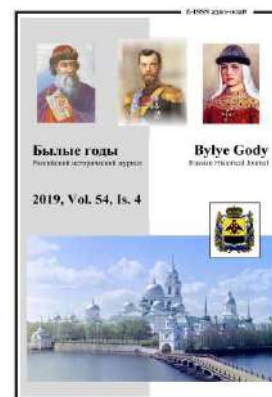
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1918-1926. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1918
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Socio-Cultural Space of the South Russian City during the beginning of the Great War (based on materials from Tsaritsyn's Newspapers)

Elena Y. Leontyeva ^{a, *}, Irina N. Bogdanova ^b, Andrey V. Bedrik ^b

^aVolgograd State Technical University, Russian Federation

^bSouthern Federal University, Russian Federation

Abstract

In the beginning of the 20th century, the city of Tsaritsyn was turning into a powerful transport hub and industrial center in southern Russia. The population was grown significantly, for which culture, music, theater, education were an important part of life. Therefore from the end of the 19th century we can talk about the formation and development of the cultural life of Tsaritsyn and the formation of a socio-cultural space in it. Analysis of the Tsaritsyn's newspapers during the period of the First World War beginning clearly demonstrates the advanced social and cultural life of the city. It has already acquiring a military connotation, which reflects the abundance of charitable events aimed at raising funds and helping the front. However, the city's authorities and population were still concerned about improvements of the territory and the construction of the ice rink and building the «House of Science and Arts», about the beginning of the school year. The layman was offered an extensive repertoire of theatrical productions, concerts, films, various entertainments and leisure forms.

Keywords: socio-cultural space, cultural life, provincial newspaper, The First World War, local history, Tsaritsyn.

1. Введение

На протяжении тысячелетий своей истории человек является главным субъектом социокультурной деятельности. Даже первые в истории человечества афиши извещали, как правило, не о принятых в государстве законах или начатой войне, а о предстоящих культурных мероприятиях – будь то выступление заезжих цирковых актеров, представление передвижного театра или балагана. Однако регулярное информирование о происходящих событиях, а также обсуждение культурной и социальной жизни стало носить массовый характер сравнительно недавно – с появлением периодической печати, которая, наряду с информацией политического, экономического и административного характера того или иного региона, города или небольшого поселения, освещала и события культуры. Цель предлагаемого исследования – показать, что социокультурная жизнь южнороссийского уездного города, а также интерес к событиям этой сферы социальности со стороны его жителей были устойчивыми даже в периоды, когда события мирового масштаба (такие как, например, Первая мировая война) уже заняли первые полосы газет и являлись главной новостью.

2. Материалы и методы

2.1. В качестве основной источниковедческой базы были использованы номера городских газет «Царицынский вестник» с июля по октябрь 1914 г., а также газеты «Волго-Донской край» (с сентября по декабрь 1914 г.). Данные периодические издания выходили в городе Царицын

* Corresponding author

E-mail addresses: prof.elena.leontyeva@gmail.com (E.Y. Leontyeva),
irina-bogdanova64@mail.ru (I.N. Bogdanova), abedrik@bk.ru (A.V. Bedrik)

Саратовской губернии (ныне Волгоград). Газета «Царицынский вестник» – с 30 ноября 1897 года, ее издателем-редактором выступил Е.Д. Жигмановский, она печаталась в типографии Е.Г. Жигмановской в городе Царицын-на-Волге, по адресу: Астраханская улица, дом 8. «Волго-Донской край» выходил с 1913 года. Редактором-издателем был В.П. Баланин, газета печаталась в его типографии по адресу: Московская улица, № 27.

2.2. Основными принципами предлагаемого исследования являются, во-первых, принципы и идеи локальной истории, в соответствии с которыми изучение локальной общности позволяет понять «таинство» исторического процесса, когда все множество объективных факторов и закономерностей реализуется как частные или субъективные желания конкретных людей и малых групп. Во-вторых, принципы конкретности и историзма, требующие определенной культуры в рассмотрении исторических событий, когда истинность выводов может быть сомнительной, если не будут доподлинно известны и достоверно изучены конкретные условия места, времени осуществления того или иного события. Указанные принципы предопределили и используемые в исследовании методы: прежде всего – идеографический, позволяющий описывать уникальные исключительные черты тех или иных исторических фактов, анализировать конкретные единичные события и сообщения о них, что дает возможность составить исторический портрет провинции исследуемой эпохи. За газетными репортажами и объявлениями часто можно увидеть проблемы и процессы, не наблюдаемые извне, в контексте глобальных исторических событий, однако влияющие на них и формирующие их. Одной из важнейших процедур в рамках данного метода используется контент-анализ, дающий возможность содержательной интерпретации текстов. Этот метод особенно эффективен при анализе газетного материала, представляющего собой источник, инвариантный по структуре и содержанию, но внешне представляющийся как не строго систематизированный текстовый материал. Отчасти использован и семиотический метод, поскольку в газетных репортажах мы имеем дело не с самими событиями прошлого, а с их интерпретациями и установлением нового значения этих событий для современных читателей.

3. Обсуждение

Предмет исследования данной статьи – формирование и развитие социокультурного пространства города Царицын Саратовской губернии периода начала Великой войны, как называли Первую мировую в то время. Генезис этого пространства – событие не одного года, хотя именно в Царицыне этот процесс шел очень интенсивно и непосредственно был связан с развитием культурной жизни города, формированием образовательной, музыкальной, театральной среды. В ноябре 2015 года в городской библиотеке им. Горького Волгограда была организована выставка документов и фотографий «Культурная жизнь Царицына–Сталинграда–Волгограда» (Открытие, 2015), и устроители отмечали скудость довоенных, а тем более дореволюционных архивных материалов в силу практически полного уничтожения города в период Великой отечественной войны. Сохранившиеся материалы становятся основанием для исследований волгоградских историков и регионоведов (Царицын, 2016; Шкода, 2014; Воробьев, 2013), а культурная жизнь провинциальных городов Российской империи начала XX века также анализируется отечественными историками, в том числе и на страницах этого журнала (Leontyeva, Leontyev, 2016; Menshikova et al., 2017; Dvoretzkaya et al., 2017). Историю Царицына периода начала Первой мировой войны изучали российские (особенно волгоградские историки и регионоведы): (Филиппова, 2014; Воробьев, 2013; Царицын, 2014). Для данного исследования интерес в целом представляют статьи, в фокусе анализа которых находятся периодические издания указанного периода (Bratolyubova, 2017; Parkhomenko, 2018), но особый интерес вызывает изучение царицынской прессы начала XX века (Ситникова, 2015; Тупканов, 2016; Головкин, 1974).

Представители современного социально-гуманитарного знания отмечают, что на рубеже XIX–XX веков направление и содержание культурного развития российских городов еще определяла сословная структура городского общества (Максимова, 2011). Однако процессы модернизации и урбанизации уже накладывали свой отпечаток на перемены в социокультурной сфере: появление и распространение электричества, новых видов транспорта, средств связи трансформировали социокультурные условия жизни городского населения. Тенденция возникновения культуры, свободной от сословных разграничений, уже наметилась, а события Великой войны, объединив народы страны, способствовали возникновению единого социокультурного пространства провинциального города.

4. Результаты

Изучение социокультурной жизни города Царицын по материалам периодической печати начала Первой мировой войны наглядно демонстрирует ряд социальных и культурных особенностей этого периода, позволяющий говорить о наличии социокультурного пространства уездного города. Во-первых, в нем существовала достаточно развитая городская инфраструктура: с апреля 1913 года ходил трамвай, что требовало соответствующего освещения, ухода за состоянием центральных улиц, площадей. Популярным местом Царицына был Городской сад, на территории которого проводились

благотворительные акции и концерты. Бурное промышленное развитие города в конце XIX – начале XX веков, проявившееся, в том числе, и в формировании новой для жителей потребительской культуры (Леонтьева и др., 2019), повлекло за собой и формирование общей культуры населения. Во-вторых, газетные публикации позволяют сделать вывод о существовании городской культурной среды, к чему следует отнести такие пространства культурного общения и развлечения, как театр, электротheater (кинематограф), общественные сады и бульвары. Развитой была и образовательная среда города: газеты сообщают о наборах в гимназии, в музыкальную школу, информируют о приезде проверяющих попечителей из губернского города Саратова. В-третьих, культурная жизнь города, отраженная на страницах газет, не носит выраженного сословного характера, нельзя сделать вывод об ориентации тех или иных анонсируемых культурных мероприятий на конкретное сословие или группу людей. Мы предполагаем, что события Великой войны предельно нивелировали эту изредка еще проявлявшуюся особенность провинциальных городов.

Начало войны как событие действительно мирового масштаба вошло в жизнь каждого отдельного гражданина не только столичных городов, но и жителей провинциальных окраин. В первую очередь, именно происходящее на фронте стало темой для обсуждения в личных беседах, в публичных выступлениях и, конечно, выплеснулось на страницы местных газет. Изучение отдельных номеров царицынских газет июля–декабря 1914 года демонстрирует, что большая часть материалов освещает непосредственно события с театра военных действий, решения, которые принимаются верховным военным командованием. Как следствие, на втором месте стоит информация, отражающая реакцию местных жителей на события далекой для них войны. Это сборы пожертвований, молебны, размещение раненых и т.д. Однако все же это была жизнь тылового города, далекого от непосредственных военных действий, поэтому по-прежнему вызывали внимание происшествия местного значения, не имеющие непосредственного отношения к большой политике, но, безусловно, интересные читателям. Люди продолжали вести свою повседневную жизнь, занимаясь планированием возможного отпуска, посещением не так давно открытого в Царицыне «Электротheater», а также решали судьбы своих детей, задумываясь об их обучении в новых классах гимназий, музыкальной школы или училище. Жители Царицына, как и прежде, радовались событиям, воплощавшим мирную и привычную культурную жизнь города.

На протяжении уже нескольких лет Россия отмечала день рождения Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича, который приходился на 30 июля. Это событие нашло отражение на страницах местных газет, оповещавших о литургии в Успенском соборе, «а по окончании оной Благодарственный Господу Богу молебен. Благовесть начнется в 9 часов утра» (ЦВ, 1914: 4651) За подписью исполняющего обязанности полицмейстера Богородицкого жителям города предлагалось в этот день «украсить дома флагами, а вечером иллюминировать» (ЦВ, 1914: 4651). На протяжении уже ряда лет день рождения царственной особы был особым культурным событием в жизни города и всегда сопровождался рядом мероприятий, предполагавших, в том числе, и украшение придомового пространства, создание атмосферы праздника. Не стал исключением и военный 1914 год.

Достаточно богатый материал для анализа социокультурной жизни города представляет рубрика «Местная жизнь», материалы которой публиковались в каждом номере газеты «Волго-Донской край». То, что в настоящее время называют «обустройством благоприятной городской среды», в начале века также волновало городские власти и его простых жителей. В разделе «Благоустройство города» дается информация о том, что в первую очередь планируется «укрепление откосов против Предтеченского бульвара, устройство мостовой на Липецком взвозе с уменьшением уклона, устройство киевского взвоза и мостовой против новых корпусов базара 4 части с замощением площади последнего в 1500 кв. саж... Что же касается предполагавшихся работ по устройству дамбы с трубой через овраг, то в последней с устройством пешеходного моста надобность пока миновала» (ВДК, 14: 264). Идет развитие и городского трамвая, который с 8 ноября 1914 года начинает ходить с прицепными вагонами, что называют «пробным движением» (ВДК, 14: 268). В номере от 11 декабря сообщается о том, что «место под устройство зимнего катка Дума постановила отвести против мещанской управы (это самый центр города – Авт.), при условии предоставления права для учащихся посещать каток один день в неделю за пониженную плату» (ВДК, 14: 293). Несмотря на активные военные действия на фронте, тыловой Царицын предоставляет своим гражданам возможность полноценного зимнего досуга, при этом вопрос решается на уровне городской думы с учетом социальных льгот для учащихся.

Вызывает интерес и сообщение о необходимости присвоения названий улицам города. Так, в разделе «Наименование улиц» читаем: «Губернская земская Управа, обращая внимание на затруднительность розысков при оценке имуществ отдельных домохозяйств в рабочем поселке при Французском заводе (сейчас завод «Красный Октябрь» – Авт.), просит городскую Управу установить определенные наименования всем улицам поселка» (ВДК, 14: 264). Привычная для современного жителя города привязка любой улицы к ее названию отсутствовала всего лишь сто лет назад, и именно фискальные и утилитарные нужды мотивировали власти принуждать «наименовывать улицы». Такая безымянность улиц, на наш взгляд, была следствием очень быстрого строительства на

окраине Царицына французским акционерным «Уральско-Волжским металлургическим обществом» крупного завода и столь же стремительным ростом жилого поселка вокруг него и в ближайших окрестностях.

Уже в начале века в Царицыне действовало Общество спасения на водах, о чем мы можем судить из заметки в этой же рубрике: «Просьба выдать округу по примеру прошлых лет субсидию в 200 рублей на устройство поста спасания на Волге зимою и охраны переправы по льду» (ВДК, 14: 294). Находившийся непосредственно на берегу Волги Царицын уже в начале века формировал как правовые, так и культурные нормы поведения на воде.

Регулярно в данной рубрике жители города информируются о различных санитарных и ветеринарных мероприятиях. Медицинская культура и культура гигиены находится в стадии активного становления: «Городской ветеринарный врач Соколов представил в Управу доклад о необходимости учреждения ветеринарно-санитарной организации для борьбы с заразными заболеваниями на скоте, с тем, чтобы означенная организация ведала наблюдением за состоянием здоровья молочного скота, наблюдала за промышленным скотом, пригоняемым на городские земли с уездных полевщин, осмотром лошадей, обывательских и извозчичьих, надзором за складами кожи, костей, рогов и шерсти и проч.» (ВДК, 14: 294).

Одна из заметок сообщает читателям о том, что местный торгово-промышленник и бывший гласный (депутат – Авт.) думы А.И. Меркурьев «пожертвовал городу капитал в 50000 – в пересчете на сегодняшний день примерно 30 миллионов рублей (Сколько, 2012) на сооружение в Царицыне детской заразной больницы» (ВДК, 1914: 264). Отмечается, что на заседании думы будет рассмотрен вопрос о выделении места на городской земле под устройство больницы, а также отмечается, что «приняв пожертвование, ...городу придется лишь ограничиться ежегодным ассигнованием в 15 тысяч рублей на содержание больницы и медицинского персонала». В этом же выпуске газеты и в некоторых последующих (ВДК, 1914: 268; ВДК, 1914: 293, ВДК, 1914: 264) специальные заметки озаглавлены как «Санитарные осмотры», извещающие о различных санитарно-гигиенических проверках торгово-промышленных заведений, бань, кинотеатров, заводов: «при осмотрах главное внимание санитарным надзором обращалось на помещение для рабочих, в смысле удовлетворительности чистоты, вентиляции и проч.» (ВДК, 1914: 268).

Большое количество информации в данной рубрике касается проблем образования, которые освещаются и специальными заметками или отражены в частных объявлениях о предоставлении/спросе на отдельные виды образовательных услуг, о чем будет сказано ниже. Можно сделать вывод, что образовательная среда в городе была и развитой, и достаточно информативно представленной на страницах газет. В рубрике «Местная жизнь» сообщается, например, что городской думой решался вопрос о помещении для 3-го высшего начального училища, под которое отдавалось помещение Азовско-Донского банка в доме Рыпниковой «сроком на три года по цене 5000 рублей в год. До 1 июля владелицей предоставляется городу право пользоваться помещением бесплатно» (ВДК, 1914: 294). Дается информация и о том, что «во 2 и 4 смешанном и 3 высшем начальном училищах на днях начнутся занятия» (ВДК, 1914: 294). Информации о том, почему занятий не было, найти не удалось. Из материалов газеты мы узнаем, что в начале ноября 1914 года в городе проходило собрание заведующих городскими начальными школами. Инспектор народных училищ г. Скворцов «выразил пожелание, чтобы учащиеся старших классов начальных школ по мере возможности были посвящены через своих учителей в переживаемые страной военные события. Отчего началась нынешняя война, что за народ германцы и каковы возможные последствия ее для русского народа и для государства – эти вопросы должны быть разъяснены ученикам, конечно, по силе их понимания» (ВДК, 1914: 268). Возникает невольная аналогия с тем, что спустя многие годы будет называться «политинформация». Учебные заведения в лице наставников и учителей должны были выполнять не только образовательную функцию, но и заниматься патриотическим воспитанием молодежи, формируя должное понимание политической ситуации в мире и знание родной истории: «главным же образом учащиеся должны обратить внимание на древнюю историю наших предков-славян» (ВДК, 1914: 268).

Рядом с «Местными новостями» во многих номерах газеты можно встретить специальные заметки под общим названием «Театр и музыка». Так, в номере от 23 ноября за подписью «Слушатель» дано детальное сообщение о патриотическом концерте в театре «Конкордия» и отмечено, что «зал был переполнен..., преобладали «демос» и солдаты-ополченцы. Гвоздем концерта был хор (около 70 человек) под управлением М.П. Денежкина, которому улыбнулся крупный и вполне залуженный успех» (ВДК, 1914: 279). Данная заметка удивляет профессионализмом автора, который детально анализирует данный концерт, демонстрируя явные наклонности музыкального критика: «хор... сретирован отлично: мощное forte, прекрасное crescendo et diminuendo, уверенность вступлений, и только желательно бы было, где нужно, больше pianissimo. Если строго отнести, то можно еще упомянуть о дискантах, которые в одном месте взяли умеренно слог «си», а потом, дружно вздохнув, дали fortissimo «рот» (сирот); они же изредка поскрипывали на высоких нотах и местами придавали исполнению церковный характер» (ВДК, 1914: 279). Автор заметки, чье имя, к сожалению, осталось нам неизвестным, подробно описывает исполнительское мастерство солистов

хора и «лучшего аккомпаниатора в Царицыне» А.А. Серебрякова. Кроме критических замечаний в отношении хорового пения, явная критика звучит в отношении организаторов мероприятия, которые вместо рояля поставили «неважное по строю и тону пианино», а также «портит настроение дважды подолгу не соглашавшийся ни опускаться, ни подниматься занавес. О нем даже присяжный романист старых времен не мог бы написать «занавес взвился» (ВДК, 1914: 279).

В предпоследнем номере года в заметке с таким же названием, но уже за подписью «Старый театрал» автор дает нам информацию о «серьезном факте в общественной жизни Царицына»: народных спектаклях любителей (народные как по общедоступности цен, там и по репертуару). И хотя сам театрал на спектакле не был, в чем честно признается, но дает информацию по общим отзывам: «исполнение было очень удовлетворительно, и спектакли эти привлекли массу такой публики, которую до этого редко приходилось встречать в театральных стенах» (ВДК, 1914: 305). Данное сообщение интересно возможностью прочитать рассуждения по поводу народных масс. «Нельзя не приветствовать отрадного начинания любителей. Народная масса в последние годы под влиянием многих причин сильно развилась и предъявляет умственные и художественные запросы, удовлетворение которых властно требуется жизнью» (ВДК, 1914: 305). «Старый театрал» высказывается очень лестно о подобных начинаниях, при этом отмечает, что такие спектакли и любители, его исполняющие, уже давно переросли «пренебрежительное отношение к себе, как к меньшему брату» (ВДК, 1914: 305).

Технический прогресс достиг и уездных городов, что проявлялось и в телефонизации, однако военное время тормозило этот процесс. На страницах этого же выпуска читаем: «На возбужденное перед Главным управлением почт и телеграфного хозяйства об установлении междугородного телефонного сообщения Ростов–Царицын вчера биржевым комитетом получено уведомление, что ввиду сокращений кредитов по условиям военного времени ходатайство удовлетворено быть не может» (ВДК, 1914: 305).

В номере от 4 ноября 1914 года за подписью «Б. Зайковский» дана пространная заметка «Научно-просветительное учреждение». Из нее мы узнаем, что «на средства видного местного деятеля А.А. Репникова при значительной денежной поддержке города и при дружном содействии культурных сил общества в недалеком будущем наш город обогатится Дворцом науки и искусства с музеем местного края...» (ВДК, 1914: 263). Добавим, что Дом науки и искусства был открыт в Царицыне в 1915 году. В настоящее время это здание Волгоградского нового экспериментального театра (НЭТ) на Площади павших борцов в центре города, а в дореволюционные годы это было самое большое общественное здание.

Историк города Роман Шкода дает подробную информацию об исторических этапах возникновения этого здания в городе: от замысла до реализации его работы. На сайте «Царицын РФ. Информационный портал» в разделе «Эволюция Площади павших борцов. Часть 3. Дом науки и искусства» (Шкода, 2016) краевед отмечает, что многие города России конца XIX – начала XX веков переживали период очень быстрого роста, а Царицын рос «темпами, беспрецедентными даже для того времени». Города, будучи фактически большими деревнями, стали быстро обретать формальные и содержательные черты больших городов – строить театры, музеи, библиотеки и прочие места культурного времяпрепровождения. Это заметно меняло социокультурный облик городов, придавая им черты, привычные для современных горожан. Однако, как отмечает Р. Шкода, «вопрос размещения таких учреждений, столь желанных для изменившейся городской публики, зачастую подолгу не находил решения. Именно тогда родилась идея создания в городах Домов науки и искусств, которые и стали бы решением проблемы» (Шкода, 2016). К сожалению, Первая мировая война и революция не позволили воплотить эту идею повсеместно, однако «к практической реализации успели приступить только два города – Царицын и Самара, причем идея родилась именно в Царицыне» (Шкода, 2016). Таким образом, приобретя в 1915 году столь долгожданное здание «Дома науки и искусств» Царицын становится флагманом культурной жизни нижнего Поволжья, что позволяет говорить о развитии социокультурного пространства именно в этом городе.

В период ведения боевых действий проведение тех или иных культурно-массовых мероприятий в городе увязывалось с актами благотворительности, в чем проявлялись не только понятное желание прийти на выручку, поддержать, оказать посильную помощь, но и высокая культура горожан. Так, ко Дню русского воина был устроен сбор пожертвований для раненых воинов, сопровождавшийся «пением национального гимна, криками «ура» и звуками музыки сопровождавшего шествие оркестра» (ЦВ, 1914: 4691). Газеты сообщали и о суммах пожертвований: так, в День русского воина, 16 сентября, было собрано 4561 руб. 63 коп.» (ЦВ, 1914: 4691). В газете от 5 ноября сообщается о том, что «8 ноября в зале общественного собрания Обществом вспомоществования бедным учащимся начальных училищ при участии учителей и учительниц начальных школ г. Царицына будет дан спектакль и дивертисмент. Представлено будет «Бедность не порок» (ком. Островского). Весь сбор поступит на пользу учащихся, детей, призванных на войну» (ВДК, 1914: 264). Указание на имущественно различный статус (бедные, несостоятельные и т.д.) регулярно встречается в различных газетных сообщениях. Однако обозначение сословного разделения – мещане, купцы, дворяне,

крестьяне, рабочие – встречается относительно редко, разве что в разделе «Происшествия» при указании на статус задержанных или потерпевших – крестьянин, торговец, служащий и т.д.

Значимую роль в развитии духовной составляющей социокультурного пространства города играли различные церкви и приходы многонационального и многоконфессионального по своему составу Царицына. Это были мероприятия как «рекомендованные сверху», так и инициированные самими приходами и горожанами. Так, например, во всех храмах Царицынского уезда регулярно проводились кружечные сборы, священнослужителями делались отчисления для нужд фронта. Регулярно газеты анонсируют молебны и службы, которые часто сопровождаются песнопениями или оркестровой музыкой. «26 июля в 6 ч. вечера на вокзале Влдк.ж.д. священниками Вознесенской и Крестовоздвиженской церковей отслужен молебен о даровании победы русскому воинству. Пел хор певчих. Молящихся было очень много. Среди них слышались рыдания... Молебен в армяно-грегорианской церкви. В воскресенье, 27 июля, в местной армяно-грегорианской церкви настоятелем Мкртичем Гаспарянцем после литургии при стечении всей армянской колонии и множества русского народа был совершен торжественный молебен о здравии Государя Императора и всего Царствующего дома и о ниспослании победы русскому Христолюбивому воинству» (ЦВ, 1914: 4651).

В историческом немецком поселении, находящемся в 30 км к югу от Царицына, 1 августа в кирхе состоялся молебен о даровании победы русскому оружию, для проведения которого был приглашен пастор лютеранской церкви в Царицыне Л. Шмидт. Он произнес речь о начале войны и призвал сарептян защитить Родину. Потом под крики «ура» на площади местный оркестр исполнил гимн России (Медведев, 1991: 103).

Изучая подборку периодической печати второй половины 1914 года, нельзя не обратить внимание на небольшие рекламные объявления, в которых анонсируются события и социально-культурные мероприятия самого различного характера. Путешествия по Волге всегда являлись любимым занятием волжан, здесь активно развивался речной транспорт, и поэтому реклама пароходств и их услуг, во-первых, была достаточно красочной – использовались изображения пароходов (что характеризовало хорошее оснащение типографий), во-вторых, содержательной и информативной. Так, Акционерное общество «Волжско-Камское коммерческое пароходство» информирует об отправлении пароходов из Царицына ежедневно (ЦВ, 1914: 4663). Акционерное пароходное общество «Русь» также отправляет из Царицына пассажирские пароходы американского типа. «Все пароходы приспособлены к удобствам г.г. пассажиров. Прекрасные буфеты» (ЦВ, 1914: 4662). Традиционно для российского общества были предложения для состоятельных пассажиров повышенной комфортности: «отдельные теплые каюты» (ЦВ, 1914: 4662). Расписание движения пароходов свидетельствует о востребованности подобных маршрутов (до Астрахани ходило 3 парохода в сутки!), что объясняется, с одной стороны, удобством и комфортностью, с другой – относительной быстротой и надежностью перемещения.

Культура досуга царицынских граждан, по крайней мере, тех, на кого ориентирована реклама, была достаточно высокой. Люди пользовались фильтрами для воды, ледниками – для охлаждения напитков, мороженицами. Для отдыха на природе, вероятно, были востребованы «кубы для воды, души, гамаки, дачные кровати, шторы тростниковые и полотняные» (ЦВ, 1914: 4715). Царицын мог уже и 100 лет назад иметь своих байкеров: население активно оповещают о том, что «к открытию сезона получены велосипеды» (ЦВ, 1914: 4650).

Август–сентябрь – время планов по поводу будущей учебы детей, выбора учебных заведений, подбора учителей. Газеты наполнены объявлениями о предстоящей работе как крупных учебных заведений, так и частных преподавателей и гувернеров. «Частная мужская гимназия Е.Д. Алексеевой с августа месяца открывает 2-й класс» (ЦВ, 1914: 4663). В этом же объявлении сообщается о подготовке детей к школе. Особо подчеркивается, что дети принимаются с 7 лет и «дети обоих полов» – подобное уточнение в наше время кажется более чем странным. «Для желающих преподаются языки, гимнастика и танцы» (ЦВ, 1914: 4663).

Кроме гимназии и школ, работала в городе и музыкальная школа, занятия в которой, как сообщает газета от 24 августа, начнутся 1 сентября (ЦВ, 1914: 4672). В новом 1914–1915 учебном году школа предлагает к освоению учениками два новых предмета: историю музыки и итальянский язык (ЦВ, 1914: 4672). Сообщается также, что свой набор школа осуществляет до конца сентября, при этом будущих учеников ждут приемные испытания. Однако, как особо подчеркивается, эти испытания «не носят характера экзамена и служат лишь для определения музыкальных познаний. Начинающие поступают без экзамена» (ЦВ, 1914: 4672). Царицынское отделение Императорского русского музыкального общества, куда и входила музыкальная школа, оповещает о начале сезона «благотворительным концертом, весь сбор от которого поступит в пользу раненых воинов» (ЦВ, 1914: 4672). Развитая музыкальная культура города требует и музыкального магазина, рекламу которого публикует «Царицынский вестник». «Музыкально-нотный магазин» Германа Гольника сообщает о наличии «громоздкого выбора роялей и пианино первоклассных фабрик, а также – граммофоны, патефоны, пластины и диски..., ноты и струны» (ЦВ, 1914: 4715). Кроме того, любители музицировать могли приобрести или взять напрокат «скрипки, виолончели, мандолины, гитары, балалайки, гармонии и все прочие музыкальные инструменты» (ЦВ, 1914: 4651).

Ожидание «ревизора» охватило учебные заведения Царицына в сентябре. На пароходе «Гончаров» прибыл попечитель Казанского учебного округа г. Баланов и из Саратова директор народных училищ г. Карпов. Как и подобает в подобных случаях, ему была организована пышная встреча, в которой принимали участие «директора местных гимназий и реального училища и инспектора высших начальных училищ» (ЦВ, 1914: 4691). В октябре в Царицынский уезд был назначен новый инспектор народных училищ, и газеты сообщали, что это «преподаватель латинского языка в Саратовском учительском институте... магистр богословия Г.К. Скворцов» (ЦВ, 1914: 4713).

Город Царицын в начале XX века – это крупный и успешно развивающийся индустриальный центр. В силу наличия высококвалифицированных кадров востребованы были объекты культуры и культурные мероприятия. Именно поэтому существовала потребность в соответствующих развлечениях, о которых дают рекламу газеты. Театр «Модерн» призывает посмотреть «замечательную картину, полную всевозможных трюков и таинственных приключений, – «Шайка черных фраков» – драму в 5 частях из жизни великосветских бандитов». Этот же театр рекламирует и «картину из современной войны – «Ужасы Калиша» (ЦВ, 1914: 4713, 4702). «Сильную драму в 3 частях «Мне отмщение и аз воздам!» призывает посмотреть электрохудожественный театр (ЦВ, 1914: 4713, 4702). В одном номере газеты «Волго-Донской край» на разных страницах размещены рекламы двух художественных театров («Паттэ» и театр общественного собрания) и двух электротеатров («Чары» и «Наука и жизнь»). Последний электротеатр рекламирует «интересную программу в 7-ми отделениях, во главе которой пойдет картина, выписанная по просьбе публики, – «Миг счастья – годы страданий», потрясающая драма в трех частях с участием любимца публики Гаррисона и много других картин» (ВДК, 1914: 226).

5. Заключение

Подводя итог всему сказанному, отметим, что, несмотря на «главенство» новостей с фронта, социокультурное пространство города было насыщено самыми различными событиями – от благоустройства территории и «устроения катка» до театральных постановок и концертов, которые находили своих критиков и рекламу на страницах газет. Культурная жизнь города была насыщенной и, хотя приобретала некоторый «военный» окрас, тем не менее, по-прежнему, отражала и организацию отдыха и досуга, и заботу об образовании детей, и проведение культурных мероприятий, целью которых в данном случае был чаще всего сбор пожертвований. Разрушающая сила Великой войны была на подступах к провинциальным городам, социокультурное пространство которых все еще напоминало о мирном времени.

Литература

- ВДК, 1914 – *Волго-Донской край*. Газета политическая, общественная и литературная / Издатель В.П. Баланин. Царицын (Саратовск. губ.). 4 полосы. Ежедневн. 1914. № 226 (19–IX), № 305 (30–XII).
- Воробьев, 2013 – Воробьев Е.П. «Победа будет на нашей стороне. Ибо армия опирается на тыл...». Царицын в годы испытаний Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // *Военно-исторический журнал*. 2013. № 4. С. 50–54.
- Головкин, 1974 – Головкин Г.М. Дореволюционная печать Царицына // *Историко-краеведческие записки*. Вып. 2. Волгоград, 1974. С. 63–76.
- Леонтьева и др., 2019 – Леонтьева Е.Ю., Леонтьев А.Н., Захаров А.В. Газетная реклама как средство формирования потребительской культуры жителей российской провинции в начале XX в. // *Маркетинг в России и за рубежом*. 2019. № 3 (131). С. 60–67.
- Максимова, 2011 – Максимова И.В. Культура российской провинции в конце XIX – начале XX вв. (по материалам уездных городов Саратовской губернии) // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2011. № 9. Т. 53. С. 73–77.
- Медведев, 1991 – Медведев В.Н. Благотворительность в Сарепте в годы Первой мировой войны // *Вопросы краеведения*. Вып. 1. Волгоград. 1991. С. 99–106.
- Открытие, 2015 – Открытие выставки документов и фотографий «Культурная жизнь Царицына–Сталинграда–Волгоград» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.culture.ru/events/56961/otkrytie-vystavki-dokumentov-i-fotografii-kulturnaya-zhizn-caricyna-staljingrada-volgograda> (дата обращения 25.10.2019).
- Ситникова, 2015 – Ситникова Т.В. Цензурой запрещено: к вопросу взаимоотношений царицынских периодических изданий рубежа XIX–XX веков с властью // В сборнике: *Жизнь провинции: история и современность*. Сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции с международным участием. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. 2015. С. 190–195.
- Сколько стоил, 2012 – Сколько стоил царский рубль? // Наша веселая наука. Опубликовано 20.12.2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://polit-ec.livejournal.com/5285.html> (дата обращения: 24.10.2019).

Тушканов, 2016 – Тушканов Д.И. Газета «Царицынское слово» и отражение в ней социокультурного облика города Царицын в начале XX века // *Исторический журнал: научные исследования*. 2016. № 2. С. 192-199.

Филиппова, 2014 – Филиппова А.П. Царицын накануне и во время Первой мировой войны // *Царицын–Сталинград–Волгоград. Вехи истории*. Альманах / Волгоград. Перемена. 2014. Вып. 1. С. 5-19.

Царицын, 2016 – Царицын в мировую войну 1914–1917. Волгоград, 2016. 360 с.

Царицын, 2014 – Царицын. На войну уходил эшелон... / Каталог выставки / Авт.-сост. Т.Г. Агеева и др. Волгоград, 2014. 86 с.

ЦВ, 1914 – Царицынский вестник. Газета политическая, экономическая и литературная / Издатель Е.Д. Жигмаловский. Царицын. 4 полосы. Ежедневн. 1914. № 4650 (27–VII), № 4715 (16–X).

Шкода, 2016 – Шкода Р. Царицын РФ. Информационный портал. История центрального района. [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--80aqrk2ad9a.xn--p1ai/baza-dannyh/centralniy-rajon/557-square3.html> (дата обращения 25.10.2019)

Шкода, 2014 – Шкода Р. Царицын РФ. Информационный портал. История. [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--80aqrk2ad9a.xn--p1ai/article/articlestarsitsyn/329-obshestsobranie.html> (дата обращения 25.10.2019).

Bratolyubova, 2017 – Bratolyubova M.V. Documentary Photography in the Don Periodical Press as an Element of Propaganda During World War I: the «Image of the Enemy» Visualization Features // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2017, 4(2): 89-95.

Dvoretzkaya et al, 2017 – Dvoretzkaya A.P., Gonina N.V., Gaydin S.T. The Place and Role of the Cathedral in the Socio-cultural life of the Provincial town of the late XIX – early XX centuries (on the example of Yeniseisk) // *Bylye Gody*. 2017, Vol. 44, Is. 2, pp. 576-585.

Leontyeva, Leontyev, 2016 – Leontyeva E.Y., Leontyev A.N. The Activities of the Local Self-Government Tsaritsyn County in the first months of the Great War. // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 40, Is. 2, pp. 525-531.

Menshikova et al., 2017 – Menshikova E.N., Semenov M.Y., Kozlov K.V., Dvoretzkiy E.V. Night as a Special Dimension of Human Life in the Cultural Life of the Russian Provincial Town in terms of the Historical end of the late 19th – early 20th century. // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 46, Is. 4. pp. 1454-1467.

Parkhomenko, 2018 – Parkhomenko V.A. The Image of the Enemy” in the Russian Empire during the Great War // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2018, 5(2): 49-54.

References

Bratolyubova, 2017 – Bratolyubova M.V. (2017). Documentary Photography in the Don Periodical Press as an Element of Propaganda During World War I: the «Image of the Enemy» Visualization Features. *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 4(2), pp. 89-95.

Dvoretzkaya et al., 2017 – Dvoretzkaya A.P., Gonina N.V., Gaydin S.T. (2017). The Place and Role of the Cathedral in the Socio-cultural life of the Provincial town of the late XIX – early XX centuries (on the example of Yeniseisk). *Bylye Gody*. 44 (2), pp. 576-58.

Filippova, 2014 – Filippova A.P. (2014). Tsaritsyn nakanune i vo vremya Pervoi mirovoi voyny [Tsaritsyn before and during First World War]. *Tsaritsyn – Stalingrad – Volgograd. Vekhi istorii. Al'manakh*. Volgograd. Peremena. № 1., pp. 5-19. [in Russian]

Golovkin, 1974 – Golovkin G.M. (1974). Dorevolutsionnaya pechat' Tsaritsyna [Pre-revolutionary press of Tsaritsyn]. *Istoriko-kraevedcheskiye zapiski*. № 2. Volgograd. Pp. 63-76. [in Russian]

Leontyeva et al., 2019 – Leontyeva E.Yu., Leontyev A.N., Zakharov A.V. (2019). Gazetnaya reklama kak sredstvo formirovaniya potrebitel'skoi kul'tury zhitelei rossiiskoi provintsii v nachale XX v. [Newspaper advertising as a means of forming a consumer culture in the Russian province at the beginning of the 20th century]. *Marketing v Rossii i za rubezhom*. № 3 (131). Pp. 60-67. [in Russian]

Leontyeva, Leontyev, 2016 – Leontyeva E.Yu., Leontyev A.N. (2016). Activities of the local self-government Tsaritsyn County in the first months of the Great War. *Bylye gody*. 40 (2), pp. 525-531.

Maksimova, 2011 – Maksimova I.V. (2011). Kul'tura rossiiskoi provintsii v kontse XIX nachale XX v. (po materialam uezdnykh gorodov Saratovskoi gubernii) [The culture of the Russian province in the late XIX – early XX century (based on materials from the district cities of the Saratov province)]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. № 9 (53). Pp. 73-77. [in Russian]

Medvedev, 1991 – Medvedev V.N. (1991). Blagotvoritel'nost' v Sarepte v gody Pervoi mirovoi voyny [Charity in Sarepta in the First World War]. *Voprosy kraevedeniya*. №. 1. Volgograd, pp. 99-106. [in Russian]

Menshikova et al., 2017 – Menshikova E.N., Semenov M.Y., Kozlov K.V., Dvoretzkiy E.V. (2017). Night as a Special Dimension of Human Life in the Cultural Life of the Russian Provincial Town in terms of the Historical end of the late 19th – early 20th century. *Bylye Gody*. 46 (4), pp. 1454-1467.

Otkrytie, 2015 – Otkrytie vystavki dokumentov i fotografii [Opening of the exhibition of documents and photographs]. 2015. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.culture.ru/events/56961/otkrytie-vystavki-dokumentov-i-fotografii-kulturnaya-zhizn-caricy-na-stalingrada-volgograda> [in Russian]

Parkhomenko, 2018 – Parkhomenko V.A. (2018). The Image of the Enemy” in the Russian Empire during the Great War. *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 5(2). pp. 49-54.

Shkoda, 2014 – *Shkoda R.* (2014). Tsaritsyn RF. Informatsionnyi portal. Istoriya [Tsaritsyn of the Russian Federation. Informational portal. History]. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://xn--80aqp2ad9a.xn--p1ai/article/articlestzaritsyn/329-obshestsobranie.html> (data obrashcheniya 25.10.2019). [in Russian]

Shkoda, 2014 – *Shkoda R.* (2014). Tsaritsyn RF. Informatsionnyi portal. Istoriya tsentral'nogo raiona. [Tsaritsyn of the Russian Federation. Informational portal. History of the Central District]. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://xn--80aqp2ad9a.xn--p1ai/baza-dannyh/centralniy-rayon/557-square3.html> (data obrashcheniya: 25.10.2019). [in Russian]

Sitnikova, 2015 – *Sitnikova T.V.* (2015). Tsenzuroy zapreshcheno: k voprosu vzaimootnosheniy Tsaritsynskikh periodicheskikh izdaniy rubezha XIX-XX vekov s vlast'yu [Censorship is forbidden: to the issue of the relationship between Tsaritsyn periodicals of the turn of the XIX–XX centuries with power]. V sbornike: Zhizn' provintsii: istoriya i sovremennost'. Sbornik statei po materialam Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet im. N.I. Lobachevskogo. Pp. 190-195 [in Russian]

Skol'ko stoil, 2012 – *Skol'ko stoil tsarskii rubl'?* [How much did the royal ruble cost?]. *Nasha veselaya nauka*. Opublikovano 20.12.2012. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://polit-ec.livejournal.com/5285.html> (data obrashcheniya: 24.10.2019). [in Russian]

Tsaritsyn, 2014 – Tsaritsyn. Na voynu ukhodil eshelon... [Tsaritsyn. The train went to war...]. Katalog vystavki. Avt.-sost. T.G. Ageeva i dr. Volgograd, 2014, 86 p. [in Russian]

Tsaritsyn, 2016 – Tsaritsyn v mirovuyu voynu 1914 – 1917 [Tsaritsyn in the World War 1914-1917]. Volgograd, 2016, 360 p. [in Russian]

TsV, 1914 – Tsaritsynskiy vestnik (1914). Gazeta politicheskaya, ekonomicheskaya i literaturnaya [Tsaritsynsky Bulletin. Political, economic and literary newspaper Izdatel' E.D. Zhigmalovskii. Tsaritsyn. 4 polosity. Ezhednev. №. 4650 (27-VII) – 4715 (16-X). (31-XII)]. [in Russian]

Tushkanov, 2016 – *Tushkanov D.I.* (2016). Gazeta "Tsaritsynskoe slovo" i otrazhenie v ney sotsiokul'turnogo oblika goroda Tsaritsyn v nachale XX veka [Newspaper "Tsaritsyn word" and reflection of the sociocultural appearance of the city of Tsaritsyn in the beginning of the XX century]. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*. № 2. Pp. 192-199. [in Russian]

VDK, 1914 – Volgo-Donskoy kray (1914). Gazeta politicheskaya, obshchestvennaya i literaturnaya [The Volga-Don region. Political, social and literary newspaper]. Izdatel' V.P. Balanin. Tsaritsyn (Saratovsk. gub.). 4 polosity. Ezhednev. 1914. № 226 (19–IX), № 305 (30–XII)]. [in Russian]

Vorobyev, 2013 – *Vorobyev E.P.* (2013). «Pobeda budet na nashey storone, ibo armiya opiraetsya na tyl...». Tsaritsyn v gody ispytaniy Pervoy mirovoy voyny (1914–1918 gg.) ["Victory will be on our side, because the army relies on the rear ..."]. Tsaritsyn during the tests of the First World War (1914-1918)]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. № 4. Pp. 50-53. [in Russian]

Социокультурное пространство южнороссийского города в период начала Великой войны (по материалам царицынских газет)

Елена Юрьевна Леонтьева ^{a, *}, Ирина Николаевна Богданова ^b, Андрей Владимирович Бедрик ^b

^aВолгоградский государственный технический университет, Российская Федерация

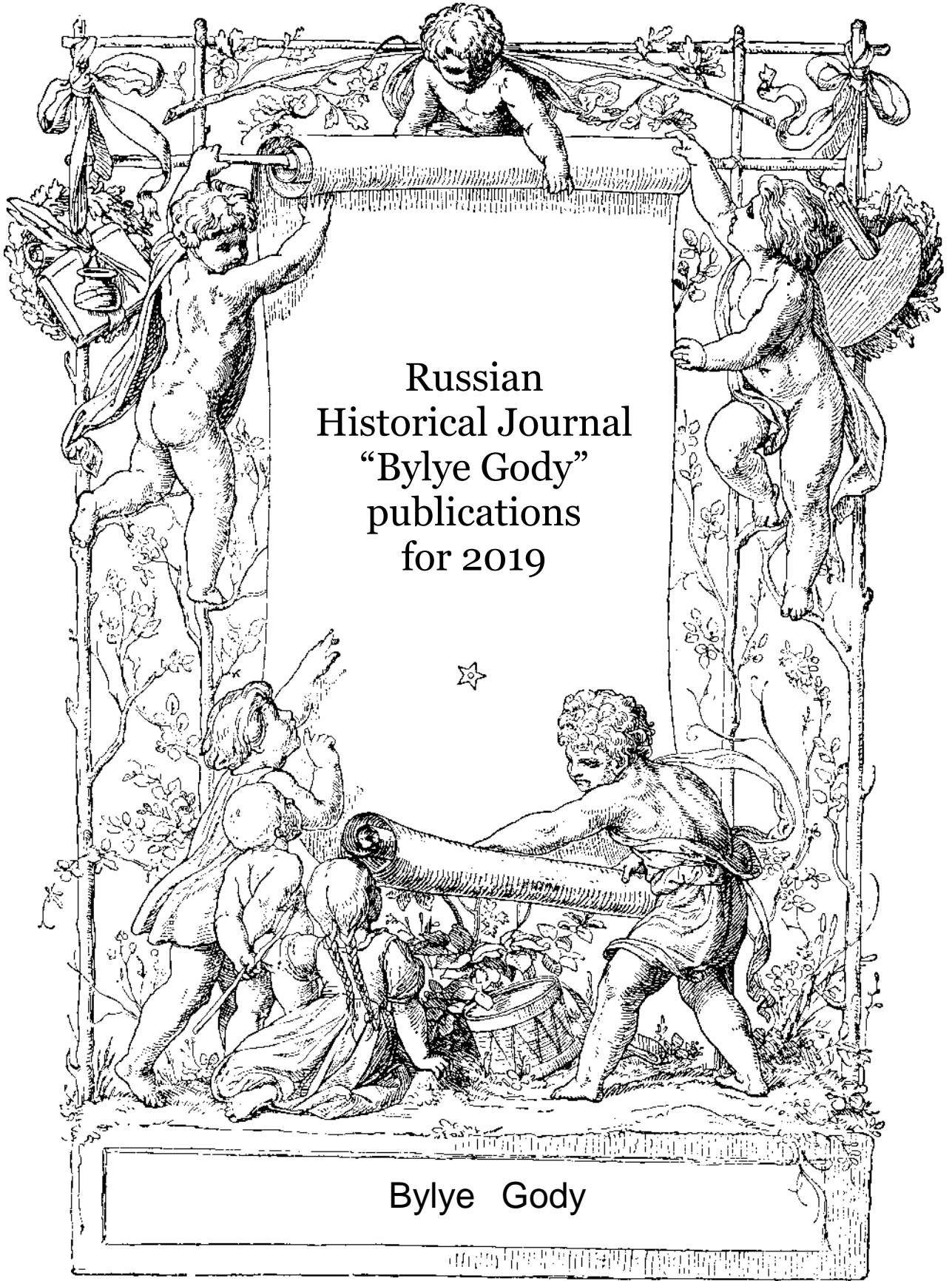
^bЮжный федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. К началу XX века город Царицын превращается в мощный транспортный узел и индустриальный центр на Юге России. Значительно выросло население, для которого культура, музыка, театр, образование были значимой частью жизни, и поэтому с конца XIX века можно говорить о становлении и развитии культурной жизни Царицына и формирования в нем социокультурного пространства. Анализ царицынских газет периода начала Первой мировой войны наглядно демонстрирует развитую и насыщенную социально-культурную жизнь города. Она уже приобретает военный оттенок, что отражает обилие мероприятий, имеющих благотворительный характер и направленных на сбор средств и помощь фронту, однако властей города и его население по-прежнему заботит и благоустройство территории, и «устройство» катка, и вопрос о строительстве Дома науки и искусств, и начавшийся учебный год. Обывателю предлагают обширный репертуар театральные постановки, концерты, кинофильмы, всевозможные формы организация отдыха и досуга.

Ключевые слова: социокультурное пространство, культурная жизнь, провинциальная газета, Первая мировая война, локальная история, Царицын.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: prof.elena.leontyeva@gmail.com (Е.Ю. Леонтьева), irina-bogdanova64@mail.ru (И.Н. Богданова), abedrik@bk.ru (А.В. Бедрик)

Russian
Historical Journal
“Bylye Gody”
publications
for 2019

Bylye Gody

Russian Historical Journal “Bylye Gody” publications for 2019

Bylye Gody. 2019. № 51 (1)

ARTICLES

Oirat Helmet of the XVII – mid-XVIII centuries from the State Hermitage Museum L.A. Bobrov, V.N. Obraztsov, A.V. Salnikov	5
"... About the Places in which before the Russian People does not Happen ...": Fate, Service, Contribution to the Science of the eighteenth century of Vasiliï Andreevich Hmetevskii S.V. Bereznitsky, I.I. Halechko, P.V. Primak	20
Ethnic and Cultural Space of the Eastern Sami (Skolts) of the Northern Frontier of Russia and Norway-Denmark in the XVIII century K.S. Zaikov, N.S. Avdonina	29
Siberian Branch of Kasimov Tartar Princes of Tonkachev: to the History of Ichkino’s Tartars A.V. Belyakov, D.N. Maslyuzhenko, G.H. Samigulov	41
I.G. Gmelin and his Role in the Second Kamchatka Expedition on the Territory of Kazan Province A.K. Salmin	55
The Formation and Development of Human Resources of Health Authorities in the Orenburg Province in the second half of the XVIII – mid XIX centuries S.V. Lyubichankovskiy, D.M. Mifteeva	64
Business Writing as a Source of Studying of the Events in Tyumen and the County Connected with People's Movement under the General Guide of Yemelyan Pugachev of 1773–1775 O.I. Golovanova	72
Orphan Courts in the System of State Institutions of the Russian Empire of the end of the XVIII – 60s of the XIX centuries: Personal Composition, Competence, Rights and Duties of Guardians S.I. Degtyarev, L.G. Polyakova	83
From the History of the Russian Soda Production in the 18th and 19th centuries (as illustrated by the Example of Siberia) V.N. Shaidurov	93
Formation and Development of Enlightenment in the North Caucasus in the late of XVIII – early XX centuries Z.Ya. Emtyl, A.S. Bochkareva	102
To the Issue of the Support by Islamic Divines of Caucasus Movement for the Gazavat Under Leadership of Sheikh Mansur D.V. Ovsjannikov	113
Russian Cartographic Materials of the XVIII–XIX centuries on the History of Kazakhstan: Classification, Overview G.N. Ksenzshik	121
«For the Fatherland the Death, Healed Wounds and Fetters are Dear»: North Caucasian Trials in the Fate of the Poles in the first half of the XIX century Yu.Yu. Grankin, Yu.Yu. Klychnikov, S.S. Lazarian	131
The Problem of Security of Trade Caravans in Russian-Kazakh Relations in the first half of the XIX century Y.A. Lysenko	138

Part of the Fleet in the Capture of Kokand Fortress of Ak-Mechet Y.F. Katorin, A.P. Nyrkov, O.V. Natolochnaya	149
Everyday Life and Traditions of the East Georgian Tribes in the XIX century (Tushins, Pshavy, Khevsurs) I.A. Ermachkov, E. Vidishcheva, N.V. Svechnikova, J. Gut	158
Expedition in Khevsureti in 1813. The "Assault" of Shatili A.A. Cherkasov, S.N. Bratanovskii, L.A. Koroleva, V.V. Tarakanov	166
Organization of Medical Service in the External Districts of the Middle Zhuz in the 20-60s of the XIX century G.A. Alpyspaeva, S.N. Sayahimova, L.T. Jumaliyeva	176
Hereditary Bureaucracy in East Siberian Government from XIX to the early XX century: Statistical Analysis on the Materials of the Yenisei Province T.G. Karchaeva, D.N. Gergilev, G.M. Luschaeva	188
"Dry Law" on the Russian Soil: the Influence of the American Experience on the Sober Movement and the Struggle for the Prohibition in the Russian Empire at the turn of XIX th and XX th centuries V.V. Prilutskiy	198
Biographical Research in the Modern Historiography of the Don Cossacks of the second half of the XIX century. Part I G. Rajović, E.F. Krinko, A.G. Vazerova, M. Trailovic	209
Marital Relationships Among Orenburg Aristocracy during the Post-Reform Period (Behavioral and Mental Components) E.V. Burlutskaya (Bannikova)	219
Administrative and Economic Structure of Muslims of Western Siberia in the Context of Agrarian Modernization in the Russian Empire in the second half of XIX-early XX century P.K. Dashkovskiy, E.A. Shershneva	231
Handicraft of the Kazakh People in the middle of XIX th – early XX th centuries A.S. Zhanbosinova, A.A. Kulshanova, M.J. Shaimerdenova	241
"Equality of Cossacks under the Law and the Wrong Distribution of Allowances and Duties in Fact": the Land-Use System of the Don and Kuban Cossack Villages in 1860–1890 A.Y. Peretyatko	252
P.A. Valuev and the Formation of Government Policy in Relation to the Western Territory (1861–1865) M.N. Krot, A.I. Narezhny	262
Leisure Societies of the Tomsk Province in 1865–1919 V.P. Zinovyev, V.I. Zinovyeva, S.S. Sulyak	272
Vladimir Nikolaevich Voyeykov is a Statesman, First «Minister of Sport», the Entrepreneur E.G. Lapshina	284
The Jewish Community Beyond the Pale of Settlement in late XIX th – the beginning of the XX th centuries: the Case of Ekaterinodar E.S. Norkina	296
Professor-Archpriest Paul Svetlov on the Problems of Development of Higher Theological Education in the Russian Empire in the late 19 th – early 20 th century G.E. Bokov, M.S. Stetckevich, E.S. Stetckevich	306

Standards of Corporate Ethics in the Russian University Environment in the late XIX – early XX century M.V. Gribovskiy, A.N. Sorokin	314
Aspects of Functioning of the Regional Level of the State Credit Organizations in the second half of the XIXth – beginning of the XXth centuries (on the Example of the Tula Province) E.A. Nazirova, N.I. Shelkopyasova	325
Kazakh Traditional Village in the Works of Russian Scientists (late XIX – early XX century) N. Alimbay, G.U. Orynbayeva	337
Retrospectives of the Formation of the Social-Economic Infrastructure of the Chinese Eastern Railway S.Yu. Tsohla, N.A. Simchenko, I.G. Pavlenko	348
Archive and Memory: The Reconstruction of the Family Memory of the Late Russian Empire Y.A. Zherdeva, E.I. Sumburova, M.V. Cherkasova	357
Siberian Students' Material Situation in the early 20 th century (based on Student Questionnaires) O.V. Ishchenko, T.A. Magsumov	366
Tactical and Technical Characteristics of Armored Cruisers of Russian and Japanese Fleets during the War of 1904–1905 A.M. Mamadaliev, A.V. Venkov, N.V. Miku, A. Médico	380
Conflict of Imperial and Regional Interests on the Introduction of Duty-free Trade Regime in the Mouths of Siberian Rivers during the First World War O.M. Dolidovich, V.I. Fedorova, A.S. Zhulaeva	395
From the History of the Dawn of Aviation: Biplanes of the early XX century V.B. Karataev, S.I. Adinyaev, S.F. Artemova, A.N. Volkov	406
The Last Rector of the Imperial St. Petersburg University: Erwin Davidovich Grimm V.S. Brachev, M.F. Polynov, V.A. Ratchkovskiy, M.V. Fedorov	413
Hurricane of 1914 and its Social Consequences in the South-East Azov Sea Region: Based on Periodicals and Archival Documents I.V. Pashchenko, E.Y. Chuklina	423
The First World War as a Factor of the Political Infantilism of the Russian Intelligentsia T.V. Gryaznukhina, A.G. Gryaznukhin, D.N. Gergilev, L.F. Malyutina	437
The Image of the "German Conqueror" in the British and Russian Propaganda of the First World War Period: A Comparative Analysis P.V. Ulyanov	447

Bylye Gody. 2019. № 52 (2)

ARTICLES

Civil Status of Members of Ethnolocal Groups in Western Siberia in the 19th and early 20th centuries V.G. Afanas'ev, I.V. Voloshinova	460
The First "Fortified Town of Narym": the Problem of Localization and Search Prospects E.V. Barsukov	470
Reproductive Calendar of Komi-Perms in the XVII century O.N. Naumenko, E.A. Naumenko, N.K. Martynenko	482

Justice System of Northeastern Ukraine and the Influence of Russian Judicial Practice (middle XVII – XVIII centuries) S.I. Degtyarev, L.G. Polyakova, L.L. Balanyuk, J. Gut	491
On the Issue of Missionary Activity of Priests of the Russian Orthodox Church Among the Native Population of North-Eastern Siberia in the XVIII – XIX centuries A.V. Alepko	502
Russian Pre-Revolutionary Historiography of Religious Policy of the Mongolian Empire G.S. Bedelova, K.T. Zhumagulov	513
Formation of Educational System in the Yenisei Siberia in XVIII century: from Latin School to Small People's School D.N. Gergilev, N.L. Khait, E.A. Akhtamov	523
The Struggle of the Russian Orthodox Church and Secular Authorities against the Pagan "Remnants" of The Peoples of the Tobolsk North in the XVIII – XIX centuries V.V. Tsys', O.P. Tsys'	533
Spearhead of the Crimean Tatar Sultan Tokhtamysh from the Collection of the State Historical Museum L.A. Bobrov, S.Y. Kainov, V.V. Veselitskaya, A.V. Salnikov	542
«The Letters of the Russian Traveler» by N.M. Karamzin about Cultural and Social Development of the Countries of Western Europe and Russia I.V. Suchkov	559
The British Russophobia in the first half of the XIX century: the Military Aspect E.V. Kryzhko, P.I. Pashkovsky, N.N. Chemodurov, T.A. Charusov	568
References of the Arabographic Manuscripts in Southern Urals in the XIX century N.R. Salikh	576
The Russian-Turkish and Russian-Persian Front Line on the Eve of and During the Patriotic War of 1812 A.A. Cherkasov, L.A. Koroleva, S. Bratanovskii, N. Ter-Oganov	585
Legal Landscape of the Russian Empire: the Experience of Interaction between the Center and the Regions (XVIII – beginning of the XX centuries) A.V. Popova, S.S. Gorokhova, M.G. Abramova	596
Don Cossack at the Turn of Eras: St. Petersburg Diary of I.I. Krasnov (1819) A.Y. Peretyatko	605
«If It Is Possible, Build into Khan's Dignity»: the Perception of the 1920s Reforms by the Ethno-Elite of the Middle Zhuz XIX century (according to Materials of Deputy Missions of Kazakh Sultans to Petersburg) Y.A. Lysenko	615
The Russian Experience Integration of Regions into the Empire: Karachay in 1821–1834 R.M. Begeulov	624
Proposals to Protect the Interests of the Indigenous Peoples of the Turukhansk District Presented in 1822–1917 S.T. Gaidin, G.A. Burmakina	634
Nikolai I and State Council: First Steps D.I. Raskin	645
Discussions on the Christianization of the Kazakhs of Turkestan Region (the second half of the XIX th – early XX th centuries) G.A. Alpyspaeva, Z. Gulmira, S.A. Bagdatova, S.N. Sayahimova	655

Turkestan and the Steppe Krai Customs System's Formation and Development in the second half of the XIX – early XX centuries: General Imperial Processes and Regional Features I.V. Anisimova	668
Bukhara Jews and Distillation in Turkestan in the late 1860s – 1890s I.B. Bochkareva, E.V. Tarasova	677
The Role of Outgoing Handicrafts in Capitalizing the Economy of the Central Chernozem Region in the second half of the XIX century N.A. Dushkova, A.V. Perepelitsyn, V.A. Grigorova	686
The Problem of Nihilism in the Conservative-Democratic Discourse of the 1860s – 1890s A.E. Kotov	695
Biographical Research in the Modern Historiography of the Don Cossacks of the second half of the XIX century. Part II G. Rajović, E.F. Krinko, A.G. Vazerova, M. Trailovic	701
Preparation of Pedagogical Staff for Steppe and Turkestan Area in Educational Region of Russian Empire A.K. Sadykova, S.S. Saifulmalikova	714
The Russian Newspapers and the Struggle for Independence of the German Population of Schleswig-Holstein 1863–1864 V.N. Baryshnikov, A.V. Smolin, N.O. Kozlov	726
Activities of the Ministry of the National Education in the Cities of Western Siberia at the end of the 19 th – the beginning of the 20 th centuries: Strengthening of Educational Potential during the Modernization A.V. Blinov, Y.M. Goncharov	736
The Russian North in Search of Change in the end of 19 th – beginning of 20 th century V.I. Goldin, F.Kh. Sokolova, V.M. Kapitsyn, A.E. Shaparov	748
The Eurasian Mission of the Imperial Russian Geographical Society, the middle of the XIXth and early XXth centuries G.K. Mukanova	757
Public Organizations of Russian Solving Socio-Economic Problems of the early of XX century M.L. Galas, P.S. Seleznev	766
Russian Resettlement Villages of the Semirechye in late 19th century – early 20th century F.N. Miymanbaeva, A.S. Abdiraïymova, N.K. Alpysbayeva, P.N. Nuskabay	779
Specifics of Popular Education in Russian Province at the turn of the 20th century (based on the Materials of Volgograd State Archive) A.V. Ryazanov, A.A. Solovyev, A.V. Zakharov, L.S. Solovyeva	792
Unpublished Diaries of Scientific Travels by N.F. Katanov to Xinjiang (1891–1892) D.E. Martynov, Yu.A. Martynova, E.K. Khabibullina	800
The Navigation's Beginning on Izhevsk Pond on the Meeting's Journals of the Economic Committee of Izhevsk Plants in 1892–1900 N.W. Mitiukov, S.L. Bautina, A.N. Loshkarev, M.A. Seliverstova	808
Notarial Institution and Notaries of the Yenisei Province from 1897 to 1917 T.G. Karchaeva, A.S. Zhulaeva, M.D. Severyanov	821
From the History of the Dawn of Aviation: Monoplanes of the early XX century V.B. Karataev, S.I. Adinyaev, S.F. Artemova, A.N. Volkov	830

Public Participation in Shaping the Tourist Attractiveness of Russian Territories at the turn of the XIX–XX centuries N.V. Medvedeva, E.V. Frolova, O.V. Rogach, T.M. Ryabova	838
On the Ratio of Linear Forces of the Russian 1st Pacific and Japanese Squadrons during the Russian-Japanese War of 1904–1905. Russian Battleships A.M. Mamadaliev, A.V. Venkov, N.V. Miku, A. Médico	848
The Activities of the Novorossiysk Committee of the Union of Railwaymen during the First Russian Revolution K.V. Taran, P.A. Byshkov	873
About Features of the Swedish Military Potential in Reports of the Russian Naval Agent A.K. Petrov in 1908–1911 S.N. Sinegubov, S.P. Shilov	880
The Problem of Organizing Care for the Wounded and Sick Soldiers During World War I G.K. Kokebayeva, R.S. Myrzabekova, A.M. Smanova, T.N. Mukhazhanova	892
Influence of the First World War on the Status of Women in the Russian Empire (on the Example of Governor-Generalship of the Steppe and Turkestan Territory) R.S. Zharkynbaeva, A. Abdiraiymova, A.M. Urazbaeva, A.T. Suinova	901

Bylye Gody. 2019. № 53 (3)

ARTICLES

Aleksandr Cherkasov: A Scholar, Publisher, and Organizer of Research Collaborations (to the 20 th Anniversary of the Scholar's Research and Pedagogical Activity) V.V. Tarakanov, S.D. Ludwig	914
Nuremberg Jetons of XVI–XIX centuries in Russia A.A. Pushkarev	921
The Phenomenon of Great Duchy of Lithuania in a Scholar Discourse on the Boundary of Millenniums A.Yu. Dvornichenko, R.-E.A. Kudrayvtseva	935
Institutional Framework of Youth Tourism in Pre-Revolutionary Russia P.P. Chuvatkin, S.A. Gorbatov	956
The Jacobite Movement in the Context of the Counter-Revolution in the British Isles after the Glorious Revolution of 1688–1689 L.V. Sidorenko	964
From the Antichrist to the Revolutionary: Peter the Great in the National Socio-Historical Discourse of the XVIII – early XX century L.V. Mininkova, T.Ju. Ajdunova	974
War Influence on Spirit Development of Russian Socium during 18 th –the first half of the 19 th centuries: Modernization or Protomodernization K.V. Samokhin	986
Female Adultery in the Russian Empire in the middle of the XVIII – XIX centuries (on materials of the Tobolsk Diocese) A.V. Spichak	998
Old Believers' Re-Emigration in early 1750-ies: the Southern Program of Russian Authorities A.S. Ryazhev	1008

Water Supply of the Kalmyk Steppe of the Astrakhan Province in the XIX – beginning of the XX century: Problems and Ways of their Solution D.V. Amaeva, A.N. Komandzhaev, N.P. Matsakova, L.V. Okonova	1017
“Trying to Be Sharp, Trying to Make Money”: American Civil War Northern Participants’ Imagination of Their Peacetime Career A.Y. Filimonov, V.N. Baryshnikov, V.N. Borisenko, E.G. Shchemeleva	1025
The Idea of the Constitution in the Projects of State Reforms of the Russian Emperor Alexander I V.A. Tomsinov	1036
The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1 V.S. Molchanova, L.L. Balanyuk, E.V. Vidishcheva, I.I. Potapova	1049
Resettlement of Trade and Craft Population to the Kalmyk Lands of Astrakhan Province in the Context of the State Trade Policy (XIX – early XX centuries) S.S. Belousov	1059
Yakov I. Kostenetsky (1811–1885): Life of a Typical Representative of the Noble Intelligentsia of the XIX century S.I. Degtyarev, L.G. Polyakova, O.I. Yehorova, J. Gut	1067
The British Russophobia in the first half of the XIX century: the Political Aspect L.A. Kryzhko, P.I. Pashkovsky, E.I. Davydova, P.I. Shipilin	1078
The Image of the "West" on the Pages of Magazines "Notes of the Fatherland" and "Son of the Fatherland" in the 20s, 30s of XIX century D.V. Bodnarchuk	1086
From History of Accession of the Senior Zhuz to the Russian Empire: Prerequisites and Reasons G.T. Mominova, G.O. Charginova, M. Giritlioglu, A.A. Kasymova	1096
The Rise of the Public Health System in Russian Empire and Great Britain in XIX – the beginning of the XX century E.K. Sklyarova, M.A. Gutieva, O.N. Kamalova, L.T. Zaseeva	1106
Mammal Hunting in the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries in the context of the All-Russian Modernization T.S. Minaeva, D.S. Zaozerskiy, M.Yu. Zadorin	1115
The Discussion on Stoicism in Russian Thought of the second half of the 19 th – early 20 th century and the History of the Study of Christianity M.M. Shakhnovich, A.Y. Tyzhov, D.S. Popov	1125
Some Aspects of Russian-Chinese Relations in the second half of the XIX century. Part 1 L.V. Shkvarya	1134
The Polish Political Exile in the Yenisei Government in the second part of XIX century L.J. Anisimova, B.E. Andusev, E.A. Akhtamov, I.S. Sheviakov	1144
Casual Clandestine. Female Sex Workers in Towns of Orenburg Governorate in the Second half of the XIX century E.V. Burlutskaya (Bannikova), Yu.O. Kurenkova	1153
Scientific School as a Form of Organization of Research Activities of Church Historians at the Moscow Theological Academy (second half of XIX – first quarter of XX century) K.A. Kuzoro	1167

Business National Circles of the Russian City in the late XIX – early XX century (on the Example of Tsaritsyn) I.N. Litvinova, O.A. Karagodina	1178
Urban Kitchen as a Social Space in the Noble-Intellectual Environment of Russia in the second part of the XIX – early XX centuries V.A. Veremenko	1187
Fair Trade of the Merchantry of the Steppe Region of the second half of the 19 th century and beginning of the 20 th century A.S. Kereibayeva, A.M. Mamyrbekov, T.P. Levchenko, M. Ziyadin	1201
The Number of the Semirechensky Cossacks and Factors of its Dynamics in XIX – the beginning of XX centuries M.G. Tarasov	1211
Economic Relations of Russia with the Anatolian Vilayets of the Ottoman Empire at the turn of XIX–XX centuries: Competition and Learning from States of Europe and the USA I.V. Kryuchkov	1221
The Legal Position of Old Believers in the Context of Legislative Initiatives of the Russian Empire in the last third of XIX – early XX century P.K. Dashkovskiy, V.N. Iljin	1232
The Idea of the Siberian University and Regionalism in the Letters of N.M. Yadrintsev to V.M. Florinsky (1876–1882) S.F. Fominykh, A.O. Stepnov, O.V. Natolochnaya	1243
The Akhal-Teke Expeditions of 1879–1881 years: Historical and Statistical Study. Part 1 T.A. Magsumov, M.S. Nizamova, S.F. Artemova, R.M. Allalyev	1256
“Burden of Professorship”: Features of the Pedagogical Activity of an University Lecturer in Pre-Revolutionary Russia M.V. Gribovskiy	1263
Public Charity of the Elderly People in Poorhouses in the late XIX – early XX centuries (on the Example of Tomsk) A.S. Kovalev, N.R. Novosel'tsev, O.I. Savin, E.V. Savina	1272
Features of the Material and Everyday Status of Students of Higher Educational Institutions of the City of Tomsk in the late XIX – early XX centuries in the Context of the Everyday Life History E.V. Vititneva, A.S. Kuzmenko, N.V. Pahomova	1281
Features of Formation and Activity of City Self-Government in Novonikolayevsk (1895–1917) A.B. Khramtsov	1292
Merchant Shipping Company I.I. Bodalev on the Meeting's Journals of the Economic Committee of Izhevsk Plants 1895–1900 N.W. Mitiukov, S.L. Bautina, A.F. Mitrofanov, Yu.N. Makarov	1301
Publicistic Disputes B.N. Chicherin and N.K. Rennenkampf in 1898–1899 on the Polish Question in Politics of Russia, Germany and Austrian-Hungary E.V. Dvoretzkiy, D.O. Timiryayev	1310
Economic Views of A.N. Kuropatkin and the Policy of the Ministry of War in the Cossack Hosts in 1898–1900 A.Y. Peretyatko	1318
The Evolution of the Socio-Political Views of the Clergy of the Yenisei Province in the period of Revolutionary Upheavals of the beginning of the XX century A.P. Dvoretzskaya, O.V. Konovalova, Aida A. Terskov	1333

On the Ratio of Linear Forces of the Russian 1st Pacific and Japanese Squadrons during the Russian-Japanese War of 1904–1905. Japanese Squadron Battleships A.M. Mamadaliev, A.V. Venkov, N.V. Miku, A. Médico	1342
“Our Shah is the Russian Emperor”: the Little-Known Pages of the Persian Revolution of 1905–1911 T. Gao, A.A. Cherkasov, S.N. Bratanovskii, N. Ter-Oganov	1365
The Activities of Turkish Agents in the Central Asian Borderlands of the Russian Empire in the early XX century according to the Materials of the Reports of the Officer on Special Assignments of the Ministry of Interior L. Naumov Y.A. Lysenko	1373
From Hostility to Friendship: the Russian-Romanian Relations in the Years Prior to the Outbreak of the First World War S. Arhire	1383
The Historical Experience of Educational Practices for Children of Refugees of the First World War (on the Example of the Yenisei Province of the Russian Empire) T.A. Kattsina, N.V. Pashina, L.E. Mezit, E.V. Potapova	1394

Bylye Gody. 2019. № 54 (4)

ARTICLES

Traces of Islam-Arab and Turkic Cultures in the History of the Perm Orthodox Diocese in the XVII century O.N. Naumenko, E.A. Naumenko	1407
Porcelain and Faience in the Cultural Layer of the Town of Tara S.F. Tataurov, F.S. Tataurov	1418
Social Thought in Russia of Its Czarist-Era about the Place of Siberia in the State Structure of the Country L.F. Malyutina, D.N. Gergilev, A.G. Gryaznukhin, L.B. Zhabaeva	1429
Kazakh Steppe as a Historical Geographic Phenomenon in the Works of Russian Scientists of the XVIII century N.U. Shayakhmetov, G.T. Mominova, J.M. Omirbekova, A.A. Maibalaeva	1439
Buddhist Communities of Transbaikalia and the Lower Volga in the Confessional Policy of the Russian Empire M.S. Ulanov, V.N. Badmaev, A.A. Andreeva	1451
Kalmyks, Kazakhs and Kuban Nogais in the Campaign of 1738: One of the Little-Known Pages of the Russian-Turkish War of 1735–1739 V.T. Tepkeev	1459
Old Believers’ Re-Emigration in 1750-ies in the South of Russia: the Struggle of Approaches in Legal Policy A.S. Ryazhev	1470
Middle Zhuz in the Period of the XVIII – beginning of the XIX century: Political Aspect of the Problem K.Zh. Nurbay, G.Zh. Zhuman	1479
The Officialdom of the Russian Empire: A Modern Historiography of the Issue. Part I A.E. Lebid, N.A. Shevchenko, O.E. Chuikov, V.A. Svechnikov	1490

Customs, Border and Quarantine Control Bodies of the Crimean Peninsula in the Late 18th – first half of the 19th century: Regulatory Framework and Personnel Structure N.D. Borshchik, E.V. Latysheva, D.A. Prohorov	1506
Components of the Intra-Noble Status (Analysis of the «Eight-Class» Nobility of the Kharkiv Governorship of 1786–1799) S.I. Degtyarev, M.A. Mikhaylichenko, L.G. Polyakova, J. Gut	1514
The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 2 V.S. Molchanova, L.L. Balanyuk, E.V. Vidishcheva, I.I. Potapova	1524
Elderly People in Siberia in the XIX – early XX centuries: Problems of Social Status and Main Directions of Public Charity in the "Open" Society A.S. Kovalev, N.R. Novosel'tsev, O.I. Savin, E.V. Savina	1537
The First Russian Mineralogist – Nikolai Ivanovich Koksharov (1818–1892) S.N. Rudnik, I.V. Voloshinova, A.B. Mokeev, A.I. Leyberov	1546
The Main Trends of Anglo-American Historiography on the Decembrist Movement M.S. Belousov, T.V. Lebenkova, D.B. Pushkina	1554
Development of the XIX century Anglican–Orthodox Dialogue in the Foreign Historiography Evaluation N.N. Poliakov, O.K. Mikhelson	1565
The Influence of the Natural Factor on the State Resettlement Policy in the Kalmyk Lands (1840s – 1870s) S.S. Belousov	1576
All-Russian Exhibition Horses in the Russian Empire (the second half of XIX – early XX centuries) D.A. Mel'nikova	1584
The French Colony and the Russian National Periphery in 1845 year: to the Issue of the Difference between the Principles of Imperial Governance D.V. Ovsjannikov	1594
Crockery of Faience and Porcelain of the Siberian Bukharans of the second half of the XIX – early XX centuries M.N. Tikhomirova, K.N. Tikhomirov	1603
Gasprinskii's Nation-Building Project through its Reflection in "The Perevodchik-Terjiman" Newspaper V.V. Tsibenko, N.Ye. Tikhonova	1613
The Evolution of Public Health during the Crimean War E.K. Sklyarova, Y.A. Sidorenko, A.V. Safronenko, E.N. Butova	1623
"Public Diplomacy" and the Construction of Foreign Stereotypes in the Russian and British Press in the second half of the XIX century E.A. Antyukhova, V.F. Blokhin, S.I. Kosarev	1632
The Church of England in the Russian Periodical Press (in the second half of the 19th – early 20th century) T.V. Chumakova, M.S. Stetkevich, E.S. Stetkevich	1639
Orenburg-Tashkent Railway and the Kazakh Society at the turn of the XIX–XX centuries (on the example of the Turgai region) G.B. Izbassarova	1647
The Last Frontier of the Empire: the Eastern Pamirs in Russian Border Culture V.A. Shorokhov, A.A. Andreev, D.G. Yanchenko	1656

Practices of Economic Modernization of Large Landowners in the Tambov Province in the late XIX – early XX century R.M. Zhitin, A. G. Topilsky	1670
Zemstvo and Court of Peace in Russia: Public Authority at Local Level L.E. Lapteva, M.V. Nemytina, T.Ts. Mikheeva	1679
Forgotten Researcher of the Don Economy: Economic and Political Motives in the Late Books of N.I. Krasnov A.Y. Peretyatko	1692
Features of the Organization and Functioning of the Court in the Russian Province in the late XIX – early XX centuries: on the Materials of the Arkhangelsk Province M.Yu. Kuprikov, N.M. Kuprikov, O.V. Minchuk	1704
Interpreter-Kalmyks in Public Service of the Russian Empire: Social Status and Limits of Career Development I.V. Lidzhieva, E.N. Badmaeva	1716
Leisure of Rostov-on-Don Citizens in the late XIX – early XX century M.V. Bratolyubova, I.G. Brizgalova, M.A. Ponomareva	1726
Historical Experience in Dealing with Epidemics in the Yenisei Province in the late XIX – early XX centuries L.E. Marinenko, T.A. Kattsina, I.S. Karabulatova, L.E. Mezit	1737
The Question of the Reliability of the Muslim Educational Institutions of the Turkestan Region in the Reports of the Official of Special Assignments of the Ministry of Internal Affairs L. Naumov Yu. A. Lysenko	1745
The Akhal-Teke Expeditions of 1879–1881 years: Historical and Statistical Study. Part 2 T.A. Magsumov, M.S. Nizamova, M.A. Ponomareva, R.M. Allalyev	1754
The Cossack Region of Russia in the Characteristics of Russian Travelers of the Modern Era N.A. Mininkov, L.V. Mininkova	1761
Development of Public Life of the West Siberian Region at the end of XIX – the beginning of the XX centuries (According to Confidential Reports of Police Officers) A.B. Khramtsov	1772
Deviant Behavior among the Peasants of the Russian Empire in the Post-reform Period Z.A. Medvedeva, O.E. Vaskina, E.A. Panasenko	1780
Formation of Theatrical Infrastructure in the Cities of the Eastern Black Sea Region in the late XIX – early XX century S.N. Ktitorov, O.V. Ktitorova, O.G. Karapkova	1789
Pilgrimage Icon of the Russian Northern Monastery as a Historical and Cultural Source N. Shamardina	1799
Traditions of Art of Old Believers of the Volga and Vyatka Region at the turn of the 19 th – 20 th centuries in the Historical and Cultural Context of Modernization E.V. Bykova, K.N. Tarasov	1811
Some Aspects of Russian-Chinese Relations in the second half of the XIX century. Part 2 V.B. Karataev, L.V. Shkvarya, M.A. Seliverstova, M.V. Melan'ina	1820
Annual Reviews of the Kutaisi Province as a Historical Source for the Study of the Pre-revolutionary Judicial System of the early XX century I.V. Zozulya, L.P. Ermolenko, M.E. Kolesnikova	1832

"Light Cavalry" of the Russian-Japanese War: on the Balance of Forces and Characteristics of Light (Armored) Cruisers of the Russian and Japanese Fleets. Russian Light Cruisers A.M. Mamadaliev, A.V. Venkov, I.A. Ermachkov, A. Médico	1842
Peasantry in Vies of the Liberal Community of the Russian Province in the early XXth century (Based on Materials of the Central Black Earth Provinces) O.V. Bakulina, M.Y. Semenov, I.V. Kuznetsova	1862
"Our Shah is the Russian Emperor": the Little-Known Pages of the Persian Revolution of 1905–1911. Part 2 T. Gao, A.A. Cherkasov, S.N. Bratanovskii, N. Ter-Oganov	1870
The 1911 Crisis at Provincial Universities E.A. Rostovtsev, D.A. Barinov, I.V. Sidorchuk	1877
Socio-Political Situation in the Russian Empire at the beginning of the 20th century in Anonymous Reports of Citizens in the Moscow Security Department (1912–1913 years) A.V. Fedyakin, A.S. Semchenkov, S.V. Medvedev, P.Ja. Feldman	1887
Steamers of the Izhevsk Plants during WW1 N.W. Mitiukov, S.L. Bautina, A.N. Loshkarev, Y.N. Makarov	1896
The Russian-Romanian Diplomatic Negotiations between 1914 and 1916 for Romania's Entry into the First World War S. Arhire	1907
Socio-Cultural Space of the South Russian City during the beginning of the Great War (based on materials from Tsaritsyn's Newspapers) E.Y. Leontyeva, I.N. Bogdanova, A.V. Bedrik	1918
Russian Historical Journal "Bylye Gody" publications for 2019	1927